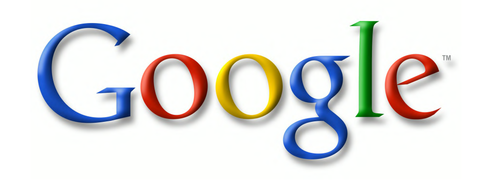

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1882

№ 5 МАЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

СТРАН.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCLXII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Бассейная, № 2).
1882.

НАБРОСКИ КАРАНДАШЕМЪ.

ПАРАСКА.

I.

Верхняя и Нижняя Малiивки съ нѣсколькими прилегающими къ нимъ волостями входили въ составъ Изюмскаго полка, которому, подобно другимъ малороссiйскимъ полкамъ, была дарована грамата царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ на безплатное пользованiе землей. За то они должны были охранять границы Московскаго царства отъ набѣговъ татаръ.

Малiивцы, сыгравъ такую важную роль въ исторiи, по волѣ нѣсколькихъ чиновниковъ, лишились всѣхъ своихъ привилегiй. Эти господа, вѣроятно, изъ желанiя подслужиться губернскому правленiю, получить крестикъ или повышенiе на службѣ, отняли у малiивцевъ свободныя земли, нарѣзали имъ надѣлы и заставили платить выкупъ наравнѣ съ освобожденными крестьянами.

Такимъ образомъ, богатая, цвѣтущая волость начала бѣднѣть, бѣднѣть и къ тому времени, къ которому относится разсказъ мой, она представляла если не совершенное раззоренiе, то полный упадокъ экономическаго благосостоянiя. Не видно было скирдъ, которыя въ былое время изъ году въ годъ тяжелыми рядами окружали усадьбы. Большинство мельницъ съ растрепанными крыльями смотрѣло уныло, имъ было нечего дѣлать, потому что въ послѣднiй годъ, и именно тысяча восемьсотъ восьмидесятый, Малiивка подверглась всѣмъ ужасамъ, какiе только могутъ постигнуть селянина. Весна была поздняя, приходилось раскрывать крыши, чтобы прокормить скотину. Вслѣдствiе ли гнилой соломы или отъ чего другого, но на скотъ напала чума, и когда пришло время оранки, то малiивцы, по ихъ собственному выраженiю, должны были «спрягаться» нѣсколькими семьями, чтобы выпахать должное количество земли; а тѣ, которымъ даже спрягаться было нечѣмъ, отправились на Донъ,

эту Колхиду Малороссіи, куда бѣгутъ всѣ обездоленные и несчастные и откуда часто возвращаются въ лохмотьяхъ, потому что на рынкахъ является больше рукъ, чѣмъ спроса на нихъ. Въ заключеніе всего, на хлѣбъ напалъ жукъ и съѣлъ у нѣкоторыхъ все до тла. Съ тысяча восемьсотъ сорокъ восьмого года старожилы не помнятъ такого народнаго бѣдствія; а если Россія не прокричала о несчастіяхъ Маліивки, такъ потому, что Россія очень мало интересуется тѣмъ, что дѣлается внутри ея, а во-вторыхъ, потому, что вездѣ, во всѣхъ губерніяхъ есть свои Маліивки въ перемежку съ богатыми селами, и всегда пріятнѣе останавливаться на послѣднихъ. А какъ жилось маліивцамъ, достаточно сказать, что когда семейство полковника, уже нѣсколько лѣтъ проживавшее въ городѣ, захотѣло посѣтить лѣтомъ свое родное помѣстье, то прикащикъ писалъ: «На счетъ вашего пріѣзду у Маліивку надоть погодить, потому куры и всякіе животы подохли. Поваръ поручицы подрался съ бабой за поросенка, и вашему высокоблагородію нечѣмъ будетъ прокормиться». Словомъ сказать, цѣлая Маліивка не могла прокормить одну дворянскую семью.

А въ прежнее время, бывало, кличъ кликни, и чего только не нанесутъ: не житье, а масляница помѣщикамъ была. Ростутъ ли яблоки въ саду, снимутъ ихъ нàдзеленъ, чтобы не покрали, и начнутъ мѣнять; бабы такъ и засыплютъ яйцами, отбою отъ нихъ нѣтъ. А наливка чтò давала! Вишни ничего не стоятъ; ихъ нальютъ скверной водкой, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ водку сольютъ, а вишни въ продажу. Тутъ даже мужики умилялись и позволяли бабамъ нести послѣднюю курицу на барскій дворъ. Кто могъ тогда предполагать, что Маліивки отощаютъ? А между тѣмъ это случилось. При большихъ платежахъ достаточно двухъ-трехъ неурожайныхъ годовъ, и все мужицкое хозяйство пойдетъ прахомъ.

Въ тотъ годъ, о которомъ я хочу разсказать, на маленькихъ дѣтей моръ напалъ, а подростки стали болѣть какой-то странной хворобой: занозитъ ли себѣ кто ногу, оцарапаетъ ли руку, прежде, бывало, присыплютъ землей, и все пройдетъ; а теперь нѣтъ: пойдутъ нарывы, гноятся, гноятся, конца имъ нѣтъ; точно мать сыра-земля на своихъ дѣтей разсердилась и не исцѣленіе, а одни страданія посылаетъ имъ. Вытребовали даже земскаго доктора; тотъ пріѣхалъ, всталъ на крыльцѣ ратуши, да и спрашиваетъ: «покажите мнѣ, чтò вы ѣдите»? И когда ему принесли хлѣбъ, онъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на него, покачалъ головой и сказалъ: «станете лучшій хлѣбъ ѣсть, всѣ болѣзни ваши пройдутъ; а лекарства вамъ не помогутъ»! Съ тѣмъ и уѣхалъ.

Маліивцы нашли, что докторъ сказалъ сущую правду: безъ хлѣба нѣтъ здоровья. «А колись було!» Ахъ, колись! Тогда маліивцы не были похожи на свой исхудалый скотъ, который покорно протягиваетъ шею въ ярмо. Они жили привольно, у многихъ были пчелы, и ни у кого не случалось воровства. Никто никогда грабежей не помнилъ: Маліивка славилась отсутствіемъ воровъ, замки и огорожи были одинаково чужды нетолько мужикамъ, но даже и двумъ помѣщикамъ, которые, какъ извѣстно, жили въ самой пасти большой деревни. Одно только береглось и запиралось, да и то не отъ своихъ, а отъ чужихъ пришельцевъ, это—лошади.

Жилось лучше, пилось меньше; одинъ кабакъ на всю деревню, да и тотъ не мужика, а помѣщика.

Въ народѣ сохранилось смутное воспоминаніе о томъ, какъ татаринъ нападалъ, какъ народъ былъ вольный. Старая Шершниха, супруга прежняго старшины, единственная женщина во всемъ селѣ, которая надѣвала въ высокоторжественные дни бѣлую намитку [1], слыла хранительницей всѣхъ преданій Маліивки. Она таинственно разсказывала о какихъ-то сокровищахъ, зарытыхъ въ сосѣднемъ лѣсу разбойникомъ Грачемъ, отчего и лѣсъ получилъ названіе «Грачинаго». Онъ принадлежалъ въ настоящее время полковнику, и въ немъ теперь нетолько разбойники, но и лисицы едва могли спрятаться: большихъ деревьевъ совсѣмъ не было, а маленькія бересты безпощадно вырубливались на колесные ободья.

Шершниха любила старыя пѣсни. Она одна пѣла эту чудную, поэтическую пѣсню гайдамаковъ:

«Изорала Марусенька
«Мысленьками поле;
«Карими очима
«Тай заволочила,
«Дрибненькими слизоньками
«Усе поле змочила!

Напѣвъ пѣсни, торжественный и грустный, вполнѣ гармонировалъ съ ея содержаніемъ. Какъ жаль, что старая Шершниха не знала происхожденія этой художественной вещи.

А происхожденіе ея было слѣдующее: гайдамаки, во время борьбы съ Польшей, убили одного польскаго пана и бросили его въ колодезь. Потомъ, они привели жену его, которая напрасно ждала мужа, и показали ей мѣсто, гдѣ онъ погибъ. Бѣдная женщина такъ убивалась, что про нее сложили пѣсню. Не отразился ли въ этомъ весь характеръ Малороссіи и вся ея

[1] Родъ урѣзанной чалмы.

исторія? Народъ великодушный, героическій и нѣжный, никогда ни на кого не нападалъ, никогда никого напрасно не убивалъ, не былъ одержимъ духомъ пріобрѣтенія и расширинія своихъ границъ: онъ дрался за душу свою, за свою національную физіономію. Онъ убилъ притѣснителя, но не издѣванью, не насилію подверглась несчастная, беззащитная жена его; нѣтъ, сложили пѣсню о ея слезахъ и горѣ. Развѣ это не трогательно, особенно для того времени, когда не было даже изобрѣтено слово «гуманность», и когда лозунгомъ побѣдителей было: «горе побѣжденнымъ»! безъ различія пола и возраста.

Старая Шершниха не любила новыхъ пѣсенъ и она была права: новыя пѣсни, по большой части, ничѣмъ не были связаны съ деревней; они говорили о чемъ-то чуждомъ мужицкому сердцу. И въ самомъ дѣлѣ, кого тронутъ, напримѣръ, подобныя слова:

«Маіоръ по комнатѣ похожа,
«Трубочку покурева
«И венгерца пужа.
«Ахъ, венгерецъ, ты бухярецъ
«Удалой ты забіяка
«Не шпиняй ты астріяка!»

Пѣсня эта была занесена солдатами, и благодаря, легкомыслію молодыхъ дѣвушекъ и ихъ желанію поддѣлаться подъ городской тонъ, нерѣдко раздавалась на улицахъ Маліивки, особенно когда «дивчата» имѣли причины досадить чѣмъ-нибудь «парубкамъ». Извѣстно, что въ деревняхъ мужчины составляютъ болѣе консервативный элементъ, особенно если, по несчастью для нихъ, въ деревнѣ эскадронъ драгунъ или гусаръ. Тутъ ужь имъ нужно держать ухо востро. Солдатъ со своими блестящими пуговицами, со своей удалой развязностью является очень опаснымъ соперникомъ мужику.

Да и то правда, для деревенской дѣвушки не особенная сладость выйти замужъ. Интересно послушать, какъ разсуждаютъ подростки женскаго пола объ этомъ предметѣ, какъ онѣ мѣтко умѣютъ очертить самыя худшія стороны жизни замужней женщины. Младшая сестра ни за что не захочетъ идти замужъ раньше старшей: она довольна, что очередь не за ней и нѣсколько свысока относится къ сестрѣ, которую уже просватали. Еще бы! Надъ той повисла неволя и тяжелый трудъ, а она вольная птичка; она можетъ пересмѣиваться на вечерницахъ то съ тѣмъ, то съ другимъ парнемъ и даже совсѣмъ отвернуться ото всѣхъ. Она сознаетъ свою власть; около нея походить нужно. Мать ее балуетъ, невѣстки не смѣютъ задѣть.

Скучна и однообразна деревенская жизнь, особенно, если на

нее смотрѣть съ высоты птичьяго полета: копошатся людишки, живутъ, множатся... И живутъ-то какъ! Вотъ хоть бы Маліивка въ послѣдніе годы. Въ ней не жили, а прозябали. «Народъ сталъ не тотъ», говорили люди, которыхъ не заѣла еще эта безъисходная копотня изъ-за куска насущнаго хлѣба. Старшина слылъ мошенникомъ, зять его былъ кабатчикъ, стало быть объ немъ говорить нечего. А сельская школа?.. Гласный, которому управа поручила надзоръ за школами, пріѣхавъ въ Маліивку, только руками развелъ. «Видалъ, разсказывалъ онъ потомъ:—видалъ разныя школы, а такой, какъ въ Маліивкѣ не видывалъ».

Она помѣщалась въ холодной половинѣ деревенской ратуши. Случалось часто, что дѣти учатся, а на дворѣ происходятъ экзекуціи надъ ихъ родителями.

«Твого батьку, мабуть, будуть сикты», говаривалъ одинъ мальчуганъ другому.

И тотъ, къ которому относились эти печальныя слова, закрывалъ уши или бѣжалъ изъ школы подъ кровъ своей родной хаты.

Но вотъ въ Маліивкѣ, подобно грозѣ въ душный іюльскій день, промчался слухъ о томъ, что тамъ гдѣ-то далеко, въ Ахтырской волости сгорѣла ратуша. Среди спасенныхъ бумагъ были найдены граматы, дарованныя царемъ на пользованіе землей; что въ граматахъ тѣхъ поименована и Маліивская волость; что адвокаты взялись хлопотать въ судѣ, и что если они успѣютъ оттягать отъ казны землю, такъ тогда и другія волости, по примѣру Ахтырской, могутъ надѣяться на полученіе своей земли обратно.

Слухъ этотъ украшался разными добавленіями, въ родѣ того, что грамата написана золотыми буквами, что ратуша и всѣ бумаги погорѣли, а когда люди пришли на другой день, то увидали на кучѣ пепла одни граматы: ихъ и огонь не тронулъ.

— Ось, мужицке добро и въ огни не горить, и въ води не тоне, сказалъ какой-то мужикъ.

— И старшина не зъивъ, добавилъ Павло Горбатенко, и всѣ расхохотались.

Дѣйствительно, старшина «не зъивъ», но за то адвокаты, явившіеся на помощь мужикамъ, открыли такія акульи пасти, которыя способны были проглотить всѣ волости со всѣми дарованными имъ землями.

Какъ бы то ни было, вѣсть эта пріободрила маліивцевъ. Всѣ стали ругать старшину, всякій зналъ за нимъ какое-нибудь неправое дѣло. Онъ забралъ все въ свои руки, его зять кабакъ держитъ и опуталъ всю Маліивку своими сѣтями.

— Не слухали мене! кричалъ Павлó Горбатенко:—я казавъ, було-бъ намъ Шершня держатися.

А кто такой Шершень?

Это былъ неизмѣнный голова впродолженіи двадцати лѣтъ, въ цвѣтущее время Маліивки. Онъ напрасно отстаивалъ свою родную деревню; онъ ѣздилъ въ Купянку, ѣздилъ въ Харьковъ, собирался ѣхать въ Петербургъ; но Шершню велѣли смириться. Онъ махнулъ рукой, притихъ и съ тѣхъ поръ считалъ свою родную Маліивку обреченною на погибель. Настоящая его фамилія была Коваленко, а по уличному онъ прозывался «Шершень»; названіе это приложилось ему вслѣдствіе его крутого, суроваго нрава, вслѣдствіе его манеры говорить какимъ-то жужжащимъ, протяжнымъ басомъ. Это былъ высокій, когда-то красивый мужикъ, съ курчавыми волосами, строгій, неумолимый ко всякой неправдѣ. Подобно древнимъ патріархамъ, онъ отличался горячей любовью къ односельчанамъ, и вообще ко всему крестьянству.

Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ у него рождались дочери. Онъ жаждалъ имѣть сына и свою неудовлетворенную любовь перенесъ на Маліивку. Дочерей у него было шесть. Онъ держалъ ихъ въ строгости; къ женѣ своей, о которой мы говорили раньше, относился съ гордымъ снисхожденіемъ, какъ къ женщинѣ, которая не дала ему ни одного работника. И Шершниха чувствовала это. Когда-то бойкая и пѣвунья, она смирилась, старалась угождать мужу, и неустанно работала.

Она была необыкновенна добра, чутка и отзывчива на всякое несчастье. Художественныя ея наклонности и любовь къ природѣ, сдавленныя суровымъ отношеніемъ мужа, нашли себѣ исходъ въ знахарствѣ. Мужъ презиралъ ея знахарство: женщина, не умѣвшая наворожить себѣ, чтобъ родить сына, какая же она знахарка? Она возбуждала въ немъ только горькія насмѣшки. А между тѣмъ, всѣ къ ней прибѣгали; она нашептывала, выливала переполохъ, заговаривала кровь, правила кости, лечила бабъ отъ женскихъ болѣзней, причемъ клала ихъ ничкомъ, давила имъ поясницу кочергой, вынимала языкомъ порошинки изъ засореннаго глаза, и никого не портила. Нравъ у нея былъ кроткій и глазъ хорошій. Но лучшимъ для нея наслажденіемъ было, если ее звали въ барскій домъ. Здѣсь развертывалось ея постоянно сдавливаемое стремленіе ко всему прекрасному. Она осматривала и обнюхивала каждую вещь, съ жадностью прислушивалась къ разговорамъ, пѣла пѣсни. разсказывала повѣрья, и потѣшала сказками. Сказочница она была замѣчательная. Когда она начинала свои безконечныя повѣствованія, ея большіе, за-

дунчивые голубые глаза выражали полное душевное удовлетвореніе, лицо оживлялось и становилось трогательнымъ.

На шестнадцатомъ году замужней жизни, Богъ благословилъ ее сыномъ. Старый Шершень увѣровалъ въ чудодѣйственную силу жены своей и задалъ такой пиръ на крестинахъ, что Маліивка ахнула. Счастливую Шершнику обливали водкой и едва не отправили на тотъ свѣтъ излишними угощеніями.

Нашъ разсказъ застаетъ Петра, сына Шершня, женатымъ на рослой, красивой женщинѣ Прасковьѣ, или Параскѣ, какъ ее обыкновенно звали всѣ. Она была бойка, говорлива, нѣсколько самовластна. Старый Шершень... А впрочемъ, лучше не забѣгать впередъ. Пусть читатель самъ увидитъ, какъ относился къ ней старый Шершень и какую роль сыграли маліивцы въ жизни этихъ людей.

II.

Наступилъ іюль, этотъ роковой мѣсяцъ для деревни, когда хозяева, что называется, ходятъ около своихъ созрѣвающихъ хлѣбовъ, смотрятъ, присматриваются, срываютъ колосья, вертятъ ихъ, чуть ли не обнюхиваютъ, очищаютъ зерна, показываютъ ихъ другъ другу, пробуютъ, взвѣшиваютъ на рукѣ, покачиваютъ головами: то плохо наливается, то дурно созрѣваетъ, то жары прихватили, то дожди повредили, то колосья совсѣмъ пусты. А этотъ проклятый жукъ, сколько крови человѣческой перепортилъ онъ!

Итакъ, наступилъ іюль мѣсяцъ. Весна, какъ я уже говорила, была поздняя; послѣ холодовъ вдругъ хватили жары, да еще какіе! Впродолженіи цѣлаго мѣсяца ни одного облака не показалось на горизонтѣ. Едва поднявшаяся трава пожелтѣла; ленъ выросъ на четверть аршина и покрылся цвѣтомъ или, лучше сказать, пустоцвѣтомъ, потому что изъ него ничего не вышло, нельзя было даже «брать». Между тѣмъ, время косовицы наступило гораздо раньше обыкновеннаго. Едва успѣли скосить траву, какъ пошли сильные дожди, и у многихъ она осталась не собранная. Поля вторично зазеленѣли; хлѣбъ вытянулся и пошелъ больше въ стволъ, чѣмъ въ зерно.

Было больно смотрѣть на эту чудную, изумрудную зелень, среди которой то тамъ, то сямъ виднѣлись темныя полоски и копны сгнившаго сѣна.

Семейство Шершня, вмѣстѣ съ семьей Павла Горбатенко и старшины, взяли у полковника тридцать десятинъ подъ пшеницу. Они лихорадочно работали и уже два дня не ѣли ничего горячаго.

Знойное августовское солнце клонилось къ западу. Небо утратило свою чудную утреннюю глубину и прозрачность: оно какъ будто подернулось серебристо-пыльной зыбью и все еще дышало зноемъ. Нескошенныя полоски проса сверкающими лентами извивались среди темной зелени гречихи, испещренной пунсовыми жилками. На убранныхъ нивахъ хлѣбъ, сложенный въ правильныя копны, отливалъ золотомъ. Кое-гдѣ между нимъ торчали большіе будяки [1] съ пожелтѣвшими колючками. Поле, засѣянное общественной пшеницей, прилегало къ верховью Грачинагó. Скаты этого маленькаго лѣса, и все пространство по ту сторону его никогда не пахались; это была та вѣчная цѣлина, которою такъ гордятся малороссійскіе помѣщики. Теперь она вторично покрылась зеленью, среди которой, подобно серебрянымъ нитямъ, вился ковыль.

Тишина была мертвая. Мужики работали молча, съ сосредоточенностью уставшихъ людей; только слышенъ былъ, точно подавленный, свистъ косы, рѣзавшей солому, да тяжелое дыханіе женщинъ. Солнце большимъ огненнымъ шаромъ стояло на горизонтѣ. Со стороны деревни потянуло прохладой. Тамъ, гдѣ-то далеко, за нескошенной полоской пшеницы, раздался рѣзкій, протяжный крикъ перепелки; черезъ нѣсколько минутъ онъ повторился опять и опять и, наконецъ, учащенной дробью разсыпался въ воздухѣ: это кто-то «баялъ», искусно подражая самкѣ. Не прошло пяти минутъ, какъ жирные самцы, издавая гортанные, хриплые звуки, перегоняя другъ друга, спѣшили на зовъ.

— Ишь, какъ ихъ разобрало! сказалъ Петръ, поднимая голову отъ работы и глядя въ ту сторону, откуда доносились звуки.

— Это поповскій сынъ баитъ, замѣтилъ молодой Горбатенко. Онъ былъ сверстникъ Шершня, сосѣдъ его и большой пріятель.

Петръ былъ высокій, широкоплечій мужикъ, съ темными, прямыми волосами и окладистой бородой. Его слегка изогнутый носъ и тонкія сухія губы напоминали отца; но онъ наслѣдовалъ отъ матери большіе задумчивые глаза, ея поэтическую, чуткую душу, ея кротость и выносливость. Онъ не могъ видѣть равнодушно женскихъ слезъ, онъ страстно любилъ жену свою, никогда ея не билъ и находился вполнѣ подъ ея вліяніемъ. Въ дѣтствѣ душа его лежала больше къ матери, чѣмъ къ отцу. Онъ былъ такъ добръ, довѣрчивъ и наивенъ, что почти не замѣчалъ той безпрерывной борьбы, которая происходила въ семьѣ между отцомъ, строгимъ, суровымъ деспотомъ, и Параской изъ-за преобладанія въ домѣ. Старикъ, прежде всецѣло поглощенный общественною дѣятельностью, обратилъ на сына всю лю-

---

[1] Колючая трава.

бовь своего горячаго, мужественнаго сердца; но онъ не баловалъ его. Онъ, неутомимый работникъ, шелъ впередъ, и сынъ долженъ былъ слѣдовать за нимъ.

Петръ превзошелъ въ работѣ самыя пылкія ожиданія отца. Семья ихъ богатѣла, и все шло хорошо, пока сынъ не полюбилъ Параску. Она и младшая сестра ея, Маруся, слыли первыми красавицами на всю Нижнюю Малiивку. Старый Шершень ничего не могъ сказать противъ этого брака. Параска была изъ хорошей, достаточной семьи; Петра нужно было женить, и дѣло сладилось.

Съ первыхъ дней вступленія Параски въ домъ, старикъ почувствовалъ ея силу. Онъ сознаъ, что она умнѣе Петра, и, зная его податливость, предвидѣлъ, что не онъ, а она будетъ первымъ лицомъ въ домѣ. Эта мысль была невыносима для старика, который всю жизнь въ семьѣ провелъ среди женщинъ, и онѣ передъ нимъ трепетали. Онъ никогда не дрался, а подавлялъ ихъ своимъ авторитетомъ, своимъ превосходствомъ. И вдругъ чужая женщина отняла у него сына, его единственное сокровище, которое осталось ему на старости лѣтъ!

Параска тоже, съ своей стороны, очень быстро поняла свое положеніе, и между нею и свекромъ завязалась война, безмолвная, ожесточенная.

Впрочемъ, первое время перевѣсъ былъ на сторонѣ свекра: она, молодая, умиленная любовью Петра, страстно искала сближенія со старикомъ; но тотъ упорно отказывалъ ей въ этомъ. Но вотъ черезъ девять мѣсяцевъ она родила сына, черезъ полтора года другого, опять черезъ полтора года — третьяго. Старикъ начиналъ смягчаться: ей бы теперь стоило небольшого труда согнуть его; но она въ свою очередь ожесточилась. Все болѣе и болѣе чувствовала она всю неправду ненависти къ себѣ. Что̀ она сдѣлала? Красавица, приведшая трехъ сыновей въ семью, гдѣ были только дочери! Пусть кто поспѣетъ за ней въ работѣ! Пусть кто посмѣетъ сказать, что дѣти ея грязны, что изба ея не вымазана и не прибрана, какъ игрушечка, что капуста ея не раньше, чѣмъ у другихъ кочанится, что куры ея не раньше всѣхъ несутся, что мужъ не любитъ ея и бѣгаетъ къ другимъ! Какже! Она можетъ обвить его вокругъ своего мизинца; она захочетъ — онъ броситъ семью и поселится съ ней отдѣльно. Но она этого не желаетъ: она — добрая мать; ее утѣшало сознаніе, что когда она уходитъ на работу, дѣти ея досмотрѣны и накормлены старой Шершнихой. Она принадлежала къ тѣмъ возвышеннымъ, благороднымъ натурамъ, которыя никогда не пользуются слабостью другого для своихъ личныхъ цѣ-

лей. Сознавая всю силу, она была нѣжна съ своимъ мужемъ и никогда передъ нимъ не забывалась. Кротка и покорна она была и со свекровью. Правда, она ненавидѣла свекра, но еслибъ тотъ примирился съ ней, она способна была простить ему. Но онъ упорно ее преслѣдовалъ, и они продолжали войну.

А между тѣмъ во всей Маліивкѣ не было двухъ людей, которые бы такъ близко подходили другъ къ другу, какъ старый Шершень и его молодая невѣстка. Если старикъ могъ жертвовать своимъ временемъ и своими интересами для блага родной Маліивки, то и невѣстка его, съ рѣдкимъ для женщины чутьемъ, понимала общественныя дѣла и хотя не смѣла въ нихъ вмѣшиваться лично, но всячески старалась поддержать своего мужа, когда тотъ возставалъ на неправду.

Энергіи ея не было предѣла. Достаточно было взглянуть на нее теперь, всю раскраснѣвшуюся, какъ она ловко нагибалась, подхватывала стебли и быстро связывала ихъ.

— Твоя жена за двумя косарями поспѣетъ, говорилъ Павло Горбатенко своему пріятелю.

Она была высока, нѣсколько ниже своего мужа, съ худощавымъ станомъ. Брови ея срослись надъ глазами, которые всегда смотрѣли бодро и весело. Два ряда жемчужныхъ зубовъ такъ и сверкали, когда она говорила и улыбалась. Улыбка составляла главную ея прелесть; она смягчала ея нѣсколько суровое и строгое лицо.

Жена Горбатенко была широкоплечая, приземистая и глуповатая баба съ вздернутымъ носомъ. Она не любила Параски и всячески старалась отдалить своего мужа отъ Шершней, но Горбатенко, умный и честный, всѣмъ сердцемъ былъ привязанъ къ своимъ сосѣдямъ. Онъ былъ живъ и подвиженъ, какъ ртуть, ненавидѣлъ старшину, волновался всякой несправедливостью и былъ несчастливъ. Жена ему попалась глупая, старшія дѣти умерли; скотъ въ прошломъ году выдохъ. Онъ долженъ былъ отправиться на Донъ и пришелъ оттуда въ лохмотьяхъ.

Несмотря, однако, на то, что старшина, Горбатенко и Шершень были антагонисты, это не мѣшало имъ работать на одной полосѣ. Ихъ работало восемь человѣкъ: два сына старшины съ женами (они взяли земли больше другихъ), Горбатенко съ женою и Шершни. Не вдалекѣ отъ нивы висѣли три колыбели, подвѣшенныя на трехъ деревянныхъ палкахъ, верхніе концы которыхъ были связаны, а нижніе воткнуты въ землю. Всѣ бабы, кромѣ Горбатенко, имѣли грудныхъ дѣтей. Эта послѣдняя была беременна; она смертельно устала, спину ей разломило, ноги распухли и ныли: она злилась на весь міръ и смотрѣла по сторонамъ, съ кѣмъ бы поссориться.

Случай не замедлилъ представиться. Старшій сынъ старшины, Кондратъ, полоса котораго приходилась какъ разъ около полосы Горбатенко, вдругъ нечаянно или нарочно толкнулъ ее.

— У тебе очи чужи? закричала Дарья.

— Ни, свои! отвѣчалъ Кондратъ невозмутимо и продолжалъ работать.

— Такъ ты гляди, чортовъ сынъ! Чего товхаешься?

— Я и то смотрю; а вотъ ты держи свои очи, не то утичутъ!

У Дарьи были выпуклые глаза: этотъ намекъ взбѣсилъ ее. Она схватила снопъ и швырнула имъ въ лицо Кондрату. Тотъ, конечно возвратилъ ей его обратно, но такъ невѣжливо, что она покачнулась и упала. Ей трудно было подняться, и она начала ревѣть.

Мужъ продолжалъ упорно работать: ему смерть надоѣли выходки жены. Онъ такъ бы и оставилъ ее выкарабкиваться изъ своего критическаго положенія, но сыновья старшины начали издѣваться надъ ея беременностью, и это его взорвало. Они сцѣпились.

Параска навострила уши. Она была совершенно равнодушна къ Дарьѣ, но Павла любила, какъ друга семьи. Павелъ лихо огрызался, и это ее много тѣшило. Но тутъ проснулся ея ребенокъ и началъ кричать. Она бѣгомъ направилась къ колыбели, наскоро покормила и успокоила мальчика и вернулась какъ разъ въ то время, когда братья стали одолѣвать Горбатенко. Одинъ изъ нихъ началъ попрекать его въ нищенствѣ и въ томъ, что онъ отправился на Донъ искать счастья, думая, что тамъ галушки сами въ ротъ посыплются. Какъ разъ въ это время другіе мужики, работавшіе на смежной полосѣ, подошли къ нимъ. Параску взорвалъ этотъ попрекъ бѣдностью человѣку, который перенесъ столько несчастій и слезы котораго она неоднократно видѣла и сама даже плакала съ нимъ.

— Такъ что-жь! закричала она:—кому треба на Донъ, а кому пидъ припичекъ пійти, щобъ гроши шукати!

— Яки гроши? спросилъ Кондратъ.

— А ти, що твій батько накравъ!

Эти слова вызвали такой неистовый взрывъ общаго смѣха, что разсвирѣпѣвшіе братья бросились на Параску, но мужики не дали ея.

Произошла общая свалка.

Пріѣхали самъ старшина и старый Шершень, и насилу освободили молодыхъ людей. Дѣло въ томъ, что старшина былъ воръ, и по Маліевкѣ ходили слухи, что у него подъ печью есть мѣсто, куда онъ зарываетъ общественныя деньги. Упрекъ

въ этомъ, смѣло брошенный женщиной въ лицо людямъ, богатѣвшимъ на чужой счетъ, привелъ всѣхъ въ восторгъ и расшевелилъ дремавшее чувство справедливости и самозащиты. Петръ, услыхавъ слова жены, сначала струсилъ, но, видя какъ отнеслось къ нимъ общество, успокоился.

Сверхъ чаянія, старшина, узнавъ въ чемъ дѣло, нетолько не разозлился, но, напротивъ, точно почувствовалъ себя пристыженнымъ и старался помирить дѣтей съ Шершнями. Дѣло въ томъ, что скоро предстояли выборы, и фактъ этотъ служилъ очень дурнымъ предзнаменованіемъ для него. Скажи что-нибудь подобное Горбатенко или кто другой, неизвѣстно, чѣмъ бы еще дѣло кончилось; но Шершень былъ единственный и очень опасный соперникъ старшинѣ. Старшина замѣтилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ по Маліивкѣ прошелъ слухъ о граматахъ на землю, которую оспариваютъ ахтырцы, мужики стали не слишкомъ съ нимъ предупредительны. Въ кабакѣ произошла ссора съ его зятемъ, и они хвалились, что изберутъ Шершня.

— Ай, да Параска! приговаривали очевидцы: — ай, да молодецъ баба! По дѣломъ ему, вору!

Это послѣднее обстоятельство не возбуждало уже сомнѣній: значитъ, правда, что старшина—воръ, если онъ старается помириться съ Шершнемъ. И долго въ этотъ вечеръ по Маліивкѣ ходили толки о томъ, какъ молодая Шершниха сыновей старшины осрамила. Горбатенко и еще нѣкоторые кричали вездѣ: «Було-бъ намъ Шершня держатися: винъ двадцать литъ насъ ратувавъ и грошей не наживъ! Молодецъ Шершниха!»

Но старый Шершень думалъ иначе. Послѣ ужина онъ позвалъ сына въ амбаръ и тамъ, въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ представлялъ ему все неприличіе поступка его бабы. Баба должна молчать; баба не смѣетъ мѣшаться въ мужицкія дѣла; куда баба вмѣшается, тамъ толку не будетъ; а онъ — кваша: баба сѣла ему на голову. Ему слѣдовало ее при всѣхъ наказать, а онъ нюни распустилъ. Старикъ приказалъ ему непремѣнно проучить свою жену, чтобъ другой разъ у нея языкъ длиннѣе косы не выросъ.

Петръ вышелъ смущенный отъ отца. Что̀ ему было дѣлать съ этой бабой, которую онъ такъ сильно любилъ? Совѣсть подсказывала ему, что Параска была права: она защищала Горбатенко. Притомъ, вся деревня ненавидѣла старшину и его затя, кабатчика.

Онъ остановился посреди двора въ раздумьѣ. Старикъ быстро прошелъ мимо него: онъ отправлялся спать на пасѣку. Петру стало легче на сердцѣ отъ сознанія, что отца нѣтъ, и что онъ

самъ можетъ расправиться съ женой безъ посторонняго вмѣшательства. Онъ медленно взошелъ на крыльцо и наткнулся на Параску. Она несла ушатъ съ помоями для свиней и закричала, чтобъ онъ посторонился. Петръ посторонился; но голосъ ея на этотъ разъ показался ему черезъ чуръ повелительнымъ, и это его взорвало.

— Ты чего лаешься? закричалъ онъ, подскакивая къ ней и хватая ее за плечо.

— Тебѣ старшину жалко или батька велѣлъ? спросила она покойно.

— Не старшину жалко; а то, что ты меня подъ бѣду подведешь—чуешь?

И онъ опять схватилъ ее за плечо.

— Геды! [1] крикнула въ свою очередь Параска и сильнымъ движеніемъ руки оттолкнула его отъ себя.—За припечкомъ сиди, коли ты всего боишься! добавила она презрительно и, взявъ лоханку, не оборачиваясь, пошла въ хату.

Петръ остался совершенно ошеломленный и растерянный. Что̀ ему дѣлать? Схватить ее за косу и оттаскать хорошенько? Но нѣтъ, его не хватитъ на это. Онъ не рѣшался. Неужели-жь молчать? Пожалуй, она въ самомъ дѣлѣ сядетъ ему на голову. Эхъ! кабы подъ пьяную руку! задалъ бы онъ ей трезвону! А такъ—ну, какъ-таки взять да и побить? Ему это было черезчуръ ново. Но все же нужно проучить бабу. Онъ твердо рѣшился и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ избѣ.

Параска стояла, нагнувшись въ самыхъ дверяхъ, и съ ожесточеніемъ катала бѣлье ему и дѣтямъ. Брови ея были сжаты, движенія порывисты и быстры. Она сняла головную повязку и прикрыла голову маленькимъ платочкомъ, изъ подъ котораго выбивались ея черные волосы и прилипали ко лбу.

Петру стало жаль ея. Уже всѣ отдыхали, она одна еще работала. Но все-таки онъ—мужикъ, а она—баба. И въ немъ опять заговорило мужское самолюбіе. Еслибъ она подняла голову, онъ навѣрное побилъ бы ее; но она упорно продолжала работать, и ему стало совѣстно подкрасться, нанести ударъ женщинѣ, которая ничего не ожидала. «Якъ ворогъ», подумалъ онъ и, отошедши въ сторону, сѣлъ на призьбу [2].

Онъ невольно прислушивался къ равномѣрному стуку катка. [Зву]къ этотъ успокоительно дѣйствовалъ на него, но онъ не же[ла]лъ успокоиться: онъ опять всталъ и направился къ двери.

---

[1] Прочь.

[2] Завалина.

Параска стояла передъ скамейкой и держала у груди ребенка. Малютка поднялъ ногу и силился поймать ее рученкой. Брови Параски расправились, она улыбалась и нѣжно гладила своей мозолистой рукой дитя по головкѣ. Петръ быстро отошелъ и опять сѣлъ на призьбу; теперь онъ не чувствовалъ уже ни малѣйшаго желанія побить жену и даже не сердился.

Пора было ложиться. На дворѣ становилось темно; легкія сумерки спорили съ луннымъ свѣтомъ. Петръ думалъ: неужели ему идти и лечь въ сѣняхъ? Онъ слышалъ голосъ Параски, она что-то говорила его матери довольно громко, потому что старуха была глуховата. Какъ ему быть? Вѣдь чѣмъ же-нибудь нужно проучить ее?

Петръ быстро всталъ, вошелъ въ сѣни, схватилъ съ палатей тулупъ и подушку, ушелъ къ амбару и легъ на маленькомъ узкомъ балкончикѣ. Но онъ не спалъ. Въ сосѣднемъ дворѣ женскій тонкій голосъ уныло выводилъ:

«Якъ пиду на зеленъ чай,
«Та якъ гляну въ свій край,
«Якъ гляну въ свій край,
«Тай зажурюся!»

Петръ приподнялся на локтяхъ и слушалъ. Это пѣла Химка, жена молодого Стрѣльца. Онъ взялъ ее осенью, а весной отправился на Донъ и оставилъ жену одну. Какъ ему должно быть тяжко тамъ, на чужой сторонѣ безъ жены молодой! А она тоскуетъ и такъ жалко поетъ. Петръ думалъ все это и невольно сталъ смотрѣть на дверь своей хаты: она большимъ темнымъ отверстіемъ зіяла на бѣломъ фонѣ. Выйдетъ ли Параска или нѣтъ? началъ онъ думать. А голосъ Химки пѣлъ:

«Винъ голубця убивъ,
«А голубку схопивъ!..»

и вдругъ, подобно протяжному стону, оборвался и замеръ.

У Петра защемило сердце.

Луна встала и освѣтила хату бѣлымъ серебрянымъ свѣтомъ. Съ того мѣста, гдѣ онъ лежалъ, можно было видѣть группу вишневыхъ деревьевъ, которыя росли у него въ саду. Нѣсколько молодыхъ осинъ тихонько покачивались и точно о чемъ-то шептались между собой. Онъ приподнялся и началъ смотрѣть на улицу. Тѣнь отъ его избы перебѣжала наискосокъ черезъ дорогу, вытянулась на подобіе тѣни какого-то гигантскаго монаха и задѣла головой другую избу, которая стояла поодаль, одинокая, и была освѣщена яркимъ свѣтомъ. Далеко, на горизонтѣ, точно въ туманѣ, вырѣзывался бѣлый остовъ церкви. И было тихо-тихо.

Душа Петра исполнилась умиленія. Онъ жадно началъ смо-

трѣть на дверь. Не выйдетъ! Неужели не выйдетъ? Но вотъ на порогѣ показалась высокая, стройная фигура. Сердце его забилось; онъ хотѣлъ позвать ее, но воздержался, и это ему стоило немалаго труда. Она вошла въ темную полосу, образуемую тѣнью амбара и легкими шагами направилась къ клунѣ. Куда она идетъ? Неужели она пройдетъ мимо него?

— Кто тамъ? спросилъ Петръ, притворяясь, что не узналъ ея.

— Это я, Петро, отвѣтила Параска.

— Что тебѣ нужно? продолжалъ онъ, все еще разыгрывая сердитаго мужа.

— Я принесла тебѣ чистую рубашку, отвѣчала Параска и подошла близко къ балкончику.

Въ голосѣ ея звучала любовь и слышалось смиреніе. Кто бы могъ устоять! Петръ схватилъ ее за шею и привлекъ къ себѣ на грудь.

— А старшина? прошептала Параска.

— Хай винъ сказитця! Ты моя старшина!

Изрекши такую необычайную для мужского самолюбія фразу, онъ расхохотался. И при свѣтѣ луны подъ досчатымъ навѣсомъ раздавались смѣхъ и поцѣлуи.

Что бы сказалъ старый Шершень, еслибъ зналъ, какъ проучилъ Петръ жену свою?

III.

Передъ Успеньемъ нѣкоторые мужики стали поговаривать о томъ, чтобы отправиться на ярмарку въ Святыя Горы. Монастырь этотъ находился въ двадцати пяти верстахъ отъ Маліивки. Утромъ тринадцатаго, старый Шершень объявилъ сыну, чтобъ ѣхалъ продавать лошадей и купить пару бычковъ.

Параска работала въ этотъ день съ удвоенной энергіей: ей ужасно хотѣлось ѣхать съ мужемъ. Притомъ же, Святыя Горы, съ своимъ чуднымъ мѣстоположеніемъ, гдѣ бѣлая мѣловая церковь вышла изъ горы и стала надъ Донцомъ, составляли предметъ пламенныхъ мечтаній всей Маліивки; да и не одна Маліивка, но всѣ окрестныя селенія не могли достаточно надивиться красотѣ этихъ святыхъ мѣстъ. Параска ѣздила туда съ родителями, когда ей было семнадцать лѣтъ. Какое это было блаженство! Безконечный сосновый лѣсъ, высокій, стройный; досталъ ли онъ небо или небо само спустилось къ нему, только ей казалось, будто между зелеными верхушками повисли голубыя клочья. И такъ чисто, такъ чисто въ этомъ лѣсу, что никто не могъ заблудиться въ немъ.

*

Она шла тогда все время пѣшкомъ съ Марусей и братомъ, чтобъ легче было лошадямъ тащить возъ по песку. А песокъ глубокій, горячій. И откуда его столько набралось? Босикомъ и не думай идти: ноги жжетъ. Съ самой Александровки, за десять верстъ отъ Святыхъ Горъ, онѣ надѣли башмаки, да такъ и не снимали ихъ, потому что песчаныя, раскаленныя равнины перемежались съ лѣсомъ, гдѣ подъ ногами хрустѣли сухія вѣтки и сосновыя шишки. Мать ихъ очень огорчало это обстоятельство, а дѣвушки блаженствовали. На Параску, жительницу степей, которой маленькое Грачиное казалось полно таинственныхъ чудесъ, лѣсъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что даже теперь, при воспоминаніи о немъ, она испытывала благоговѣйное чувство страха и радости.

Вотъ они, усталые отъ долгой ходьбы, дѣлаютъ привалъ въ лѣсу, ѣдятъ черный хлѣбъ съ солью и поочередно пьютъ изъ деревянной баклажки. Вода точно вареная. Лошади фыркаютъ и усердно отбиваются отъ мошекъ. Что-то зашумѣло вверху; это стая бѣлокъ, испуганная чѣмъ-то, скачетъ съ одного дерева на другое. Маруся такъ перепугалась, что крикнула отъ ужаса: она думала, нечистая сила. Сколько было смѣху потомъ, и какъ долго тянулось время, точно они нѣсколько дней находились въ лѣсу. Лошади стояли понуря головы и ничего не могли ѣсть, онѣ едва дышали, потому что мошки залѣзали имъ въ носъ и уши.

Наконецъ, всѣ пѣшкомъ продолжали путь; даже мать не пожелала сидѣть на возу и пошла съ ними. Косые лучи солнца проникаютъ сквозь рѣдѣющій лѣсъ и рисуютъ причудливые узоры тѣней на песчаной землѣ и на золотыхъ стволахъ вѣковыхъ сосенъ. Что-то забѣлѣло между зелеными верхушками. Они выѣхали на поляну; на нихъ пахнуло свѣжестью: широкая полоса воды сверкала залитая солнцемъ. А тамъ надъ ней словно повисла бѣлая церковь, рѣзко выдѣляясь на темнозеленомъ фонѣ высокихъ горъ.

При видѣ ея, всѣ стали на колѣни и благоговѣйно крестились. Потомъ эта первая ночь, проведенная въ лѣсу, на берегу Донца! Параска стоитъ съ сестрой на песчаной отмели; изъ монастыря каждый часъ раздается звонъ и протяжно несется вдоль рѣки. Она прислушивается къ мѣрнымъ ударамъ веселъ и въ первый разъ видитъ лодку, наполненную людьми. «Полетѣть бы намъ за ними, Маруся», говоритъ она. Въ воздухѣ гулъ стоитъ отъ множества голосовъ. Все здѣсь ново, чудно, все полно невиданной ею прелести: и Успенскій соборъ съ разрисованнымъ потолкомъ, и стройное пѣніе монаховъ, и широкая каменная

лѣстница, ведущая внизъ, и другая болѣе узкая, которая ведетъ въ мѣловую церковь; въ ней столько ступеней, что и пересчитать нельзя. Говорили тамъ, что если сложить десять такихъ лѣстницъ, можно на небо взойти; и потому набожные люди старались нѣсколько разъ подняться наверхъ, чтобы быть ближе къ Богу.

Прошло шесть лѣтъ съ того времени, и она никуда не ѣздила. Она провела эти года въ тяжеломъ трудѣ, въ чужой семьѣ, гдѣ свекоръ ее ненавидѣлъ, гдѣ она постоянно думала о томъ, какъ бы ей извернуться, чтобъ не дать повода старику упрекнуть ее въ чемъ-нибудь. Ею овладѣло страстное желаніе вырваться на нѣсколько дней изъ семьи, побыть одной на свободѣ съ мужемъ, не слышать жужжащаго голоса свекра. То-то будетъ счастье! Она, какъ змѣйка, увивалась около Петра; она обѣщала ему четвертаго, даже пятаго сына. Она совсѣмъ его растопила. Петръ, конечно, выпроситъ у старика позволеніе взять ее съ собою. Онъ скажетъ, что ей нужно отдохнуть и повеселиться, а мать присмотритъ за дѣтьми.

Четырнадцатаго они рано вернулись съ поля. Ночи были лунныя; и чтобъ не утомлять лошадей рѣшено было выѣхать на ночь. Семья сидѣла за раннимъ ужиномъ. Параска прислуживала и съ замираніемъ сердца ожидала рѣшенія своей участи. Петръ, заикаясь и не глядя на отца, объявилъ, что возьметъ жену съ собой: пускай она ярмарку посмотритъ. Старикъ, однако, воспротивился. Онъ объявилъ сыну, что съ нимъ поѣдетъ мать: можетъ быть, ей недолго жить на свѣтѣ, и потому ей нужно передъ смертью поклониться Святымъ Горамъ. Петръ заикнулся было что-то сказать, но старикъ только взглянулъ на него, и тотъ едва не подавился кускомъ. Старуха тоже не смѣла протестовать, хоть ей совсѣмъ не хотѣлось ѣхать.

Параска вышла въ сѣни. Ее душила злоба. Она сѣла на скамью и готова была закричать отъ ярости. Лучше бы онъ ее ругалъ, лучше бы билъ, чѣмъ эта неустанная скрытая ненависть, на которую даже пожаловаться никому нельзя, но которую она чувствуетъ ежеминутно надъ собой. «Проклятый! Проклятый!» шептала она и грозила кулакомъ по направленію къ двери. «Кажется, схватила бы горшокъ съ горячей водой и вылила-бъ ему на голову. Работаешь-работаешь на оранкѣ, и нѣтъ спинѣ отдыху, нѣтъ никакого удовольствія!» И зачѣмъ она пошла въ семью, гдѣ свекоръ, Шершень, извергъ. Кажется, убила-бъ она его. Это была послѣдняя капля, переполнившая чашу.

Она стиснула руки и съ глубокой ненавистью смотрѣла въ открытую дверь. Старикъ сидѣлъ спиной къ ней; ей видна была

его нѣсколько согнутая широкая спина и клочки сѣдыхъ волосъ, торчавшихъ надъ ушами. Ею овладѣло страстное желаніе вскочить въ хату и начать открытую ссору: можетъ быть, Петръ заступится за нее. Она закусила нижнюю губу и ломала свои пальцы такъ, что они трещали. Въ ней происходила страшная борьба. Еслибы кто взглянулъ на нее въ настоящую минуту, то могъ бы перепугаться ея искаженнаго лица и глазъ, сверкающихъ ненавистью. Еще минута—духъ злобы одержитъ верхъ и и совершится преступленіе. Она дрожитъ всѣмъ тѣломъ и продолжаетъ смотрѣть въ открытую дверь.

Но вотъ, мало-по-малу, она чувствуетъ, будто что-то отхлынуло отъ нея; она встала и направилась къ двери. Сѣни у нихъ были просторныя и имѣли два выхода: одинъ на дворъ, гдѣ на зеленой полянкѣ возвышалась клуня и стояли службы; этотъ выходъ былъ ближе къ дверямъ, ведущимъ въ хату; другой выходилъ на маленькій дворикъ. Она вышла въ послѣдній и прислонилась къ стѣнѣ.

Прошло нѣсколько минутъ. На плечо ея легла чья-то рука. Параска быстро обернулась: передъ ней стояла старая Шершниха.

— Не тужи, доню, сказала она нѣжно: — въ другой разъ ты поѣдешь.

Сердце у Параски дрогнуло.

— За що, за що?.. начала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—за що винъ надо мною...

Голосъ ея оборвался, и она заплакала горько, жалко.

Шершниха моргала и смотрѣла на нее съ любовью и сожалѣніемъ. Она сама слишкомъ много перенесла отъ своего суроваго мужа. За что онъ не любилъ невѣстки, она не понимала и никогда не пойметъ; она только съ своей стороны старалась быть доброй и справедливой къ ней.

— Гòди, доню, гòди, успокоивала она ее и водила своей жилистой, старческой рукой по ея плечу:—иди, сбирай Петра въ дорогу.

Параска поспѣшно вытерла рукавомъ слезы, подошла къ кадкѣ, зачерпнула изъ нея воды и плеснула ею раза два себѣ въ лицо; потомъ стала возиться около сундука.

Когда вышелъ старикъ и покосился въ ея сторону, на лицѣ ея не было и слѣда слезъ; она выдержала его взглядъ бодро и смѣло, нарочно смѣялась и говорила громко, и старый Шершень опять почувствовалъ ея непреоборимую силу. Онъ вышелъ и самъ сталъ закладывать лошадей.

Петръ вздыхалъ. Ему было совѣстно передъ Параской, и онъ

не зналъ, какъ ему быть; и хотѣлось подойти къ ней утѣшить, и онъ не рѣшался. Отецъ, ему казалось, постоянно поглядывалъ въ сѣни. Когда все было готово, Параска взяла на руки грудного ребенка и отправилась провожать мужа за деревню. Тамъ она довольно холодно простилась съ Петромъ, который совсѣмъ раскисъ отъ сознанія своей слабости. Шершиха благословляла ее и просила присмотрѣть за старикомъ.

Когда Параска возвращалась домой, навстрѣчу ей гнали скотъ. Густое облако пыли обдало ее съ ногъ до головы. Въ воздухѣ запахло теплымъ навозомъ. Кто-то изъ встрѣчныхъ женщинъ спросилъ ее, отчего она не поѣхала въ Святыя Горы. Этотъ вопросъ опять взволновалъ улегшееся-было чувство обиды. Стадо прошло, пыль разсѣялась и она издали увидала старика: онъ сидѣлъ на скамейкѣ на улицѣ и водилъ палкой по землѣ. На нее вдругъ напалъ никогда не испытанный ею страхъ. Какъ она одна вернется? Не поджидаетъ ли онъ ее? Не вздумаетъ ли бить въ отсутствіе мужа? Она остановилась на минуту въ раздумьѣ; пойти къ матери—мелькнуло у нея въ головѣ; потомъ ею овладѣла отчаянная рѣшимость: если онъ станетъ бить ее, она ему не поддастся. Пусть онъ ее убьетъ, но она не позволитъ издѣваться надъ собой. Однако, когда она проходила мимо его, ноги ея дрожали и подкашивались.

Старикъ, не поднимая головы, всталъ и пошелъ за нею. Параска слышала его тяжелые шаги за собой; она вскочила въ сѣни и, какъ запертой звѣрь, оглядѣлась по сторонамъ: противоположная выходная дверь была заперта. Такъ и есть; старикъ нарочно ее заперъ, чтобъ она не выскочила. Она боялась войти въ избу: если онъ вскочитъ за нею, тутъ ужь вѣрная смерть. Ребенокъ спалъ на ея рукахъ; она боялась положить его, боялась повернуться спиной къ двери.

— Параска! раздался со двора голосъ стараго Шершня.

Она выскочила на порогъ и имѣла такое сіяющее лицо, точно избавилась отъ вѣрной смерти.

— Я иду на пасеку, сказалъ онъ.

И тихо, не обертываясь къ ней, пошелъ. Въ голосѣ его не было ни злости, ни суровости: ей показалось, что она никогда не слышала такого добраго, такого смирнаго голоса отъ стараго, злого Шершня.

Она вся дрожала отъ волненія. Что это съ ней дѣлается? Она смотритъ на его изогнутую спину, на сѣдые волосы и нетолько не чувствуетъ злобы, какъ было недавно въ сѣняхъ, напротивъ, что-то доброе шевельнулось въ ней къ этому человѣку, точно онъ въ первый разъ показался ей и старымъ, и согнутымъ. Она

хотѣла позвать его, но слова не сходили съ ея устъ; хотѣла побѣжать за нимъ, но ноги не двигаются. Она стоитъ на порогѣ съ ребенкомъ на рукахъ; красный отблескъ потухающей зари освѣщаетъ ея лицо, полное недоумѣнія и сердечной тревоги. Господи, что̀ это съ ней дѣлается!

А старый Шершень шелъ, опираясь слегка на палку, и ему было совсѣмъ не весело. Она отравляла ему жизнь своей непреклонной гордостью. Когда онъ не позволилъ ей ѣхать, черезъ нѣсколько времени ему стало жаль ея. Онъ ждалъ, что она войдетъ и будетъ просить отпустить ее съ мужемъ. Но она не являлась. Послѣ ужина, онъ вышелъ въ сѣни все еще съ той мыслью, что увидитъ ея слезы и сжалится надъ ней. Эта возможность простить ее, сжалиться надъ ней доставляла ему въ эту минуту большое наслажденіе. Но Параска не дала его: ни тѣни печали, ни слѣда слезъ не увидалъ онъ на ея лицѣ. Онъ готовъ былъ ее ударить отъ злости и, чтобъ совладать съ собой, отправился самъ закладывать лошадей. Конечно, онъ не станетъ обижать ее въ отсутствіе мужа: теперь онъ ея защитникъ, ея покровитель. Только она этого не чувствуетъ: это звѣрь какой-то! Это сатана!

Онъ легъ на жесткую солому. Ему не спалось, и онъ думалъ о томъ, какъ печально приходится кончать свою жизнь: Маліивка бѣднѣетъ съ каждымъ годомъ, даже Стрѣльцовы сыновья должны были отправиться на Донъ въ этомъ году. Куда дѣвалось прежнее богатство? Почемъ знать, можетъ быть, и его семьѣ придется переживать тяжелые годы? Изъ куреня, въ которомъ онъ лежалъ, былъ виденъ клочокъ звѣзднаго неба. Вотъ упала одна звѣздочка. Старикъ Шершень, глядя на яркую полоску, оставленную ея паденіемъ, загадалъ: если упадетъ еще звѣзда—ахтырцы оттягаютъ землю; если не упадетъ, значитъ, не на что имъ надѣяться. И старикъ смотрѣлъ, смотрѣлъ; глаза его мигали отъ усталости; онъ приподнялся и продолжалъ напряженно смотрѣть. Вотъ вышла блѣдная, совсѣмъ умирающая луна и освѣтила его пасеку, которая въ этомъ году значительно уменьшилась. А звѣзды все неподвижно стоятъ на темномъ небѣ; и ему стало больно и тяжко. Тоска напала на него; и старъ-то онъ, и несчастливъ; и лучше-бъ ему пропасть, чѣмъ жить среди погибающей Маліивки со старшиной-воромъ, съ невѣсткой, которая его, старика, не уважаетъ.

Двѣ крупныя слезы скатились ему на сѣдую бороду; онъ сердито вытеръ ихъ рукавомъ, повернулся на другой бокъ и погрузился въ тяжелое оцѣпенѣніе.

IV.

Успеніе приходилось въ пятницу, а въ воскресенье къ обѣду стали съѣзжаться мужики съ ярмарки.

Петръ и старая Шершниха торжественно въѣхали во дворъ въ сопровожденіи двухъ молодыхъ бычковъ, привязанныхъ къ возу. Параски не было дома; она ушла внизъ за водой. Старикъ встрѣтилъ ихъ такъ радостно, точно не видалъ цѣлый мѣсяцъ.

Возвратившаяся Параска сейчасъ замѣтила, что мужъ и свекровь ея были чѣмъ-то разстроены. «Что случилось?» подумала она. Она зорко посматривала то на того, то на другого; но они видимо избѣгали ея взглядовъ. Дѣло, впрочемъ, скоро объяснилось: у Шершнихи вытащили пятнадцать рублей изъ-за пазухи. Старикъ ужасно разсердился.

— Я говорилъ, оправдывался Петръ:—что нужно было отпустить жену со мною.

Дѣло въ томъ, что его позвали въ кабакъ выпить могарычъ по случаю купленныхъ бычковъ и проданныхъ лошадей. Боясь, чтобъ денегъ у него не вытащили, онъ отдалъ ихъ матери. Шершниха завязала ихъ въ платочекъ, спрятала за пазуху и отправилась къ вечернѣ. Въ церкви народу было множество, духота страшная: съ ней сдѣлалось дурно, и когда она очнулась, лежа на церковной паперти, платочка съ деньгами не оказалось. Она чувствовала себя несчастной вслѣдствіе всего случившагося; притомъ постъ, долгое стояніе въ церкви, путешествіе по песку, безсонныя ночи, все это ее такъ измучило, что она даже не старалась оправдаться. Она сидѣла въ углу подъ образами съ осунувшимся лицомъ, охала и крестилась. Петръ волновался, ему во что бы то ни стало хотѣлось доказать, что все несчастіе произошло оттого, что старикъ не отпустилъ съ нимъ Параски.

Шершень разсердился, крикнулъ на сына такъ, что тотъ умолкъ, и весь обѣдъ они просидѣли молча, едва касаясь пищи. Невесело было всѣмъ. Шутка ли потерять мужику пятнадцать рублей, да еще въ такое время, когда вся Маліивка стонетъ отъ неурожая.

Старикъ не легъ даже спать, по своему обыкновенію, и ушелъ улицу; а Петръ сунулъ Параскѣ что-то въ руки; она тотчасъ спѣшно спрятала это что-что и убѣжала въ огородъ взглянуть подарокъ. Это былъ голубой платочекъ съ красными развоми. Еслибъ не потерянные пятнадцать рублей, какъ бы она у обрадовалась! Но теперь сожалѣніе объ деньгахъ пересили-

вало въ ней сознаніе своего торжества надъ старымъ, который былъ достойно наказанъ за то, что не пустилъ ея съ мужемъ. Одни только мальчики были въ восторгѣ: они получили по глиняной свистелкѣ и по два бублика. Старшій оглашалъ воздухъ неистовымъ свистомъ, а младшій, набивъ себѣ полонъ ротъ, утѣшался тѣмъ, что колотилъ коникомъ о деревянную притолку дверей. Между тѣмъ, на улицѣ около Шершня собирались мужики. Одни помѣстились на заваленкѣ, другіе на бревнахъ, которыя были тутъ же сложены противъ хаты.

Это было что-то въ родѣ митинга подъ открытымъ небомъ. Многіе мужики, бывшіе въ Святыхъ Горахъ, встрѣтили тамъ двухъ-трехъ ахтырцевъ, и тѣ говорили имъ объ своемъ дѣлѣ. Они были увѣрены, что успѣютъ оттягать землю отъ казны. А облакаты казали: «выиграють ахтырцы—уси выиграють»!

Вышелъ Петръ; онъ тоже кое-что слышалъ, и могъ поразсказать. Старый Шершень оживился. Народу прибывало все больше и больше; кругъ мужиковъ замыкали бабы, которыя усѣлись на землю, держа передъ собой дѣтей, и внимательно слушали. Разсказы о землѣ были всѣмъ одинаково близки и дороги.

Разговоръ, начавшійся объ ахтырцахъ, перешелъ мало-по-малу на старшину. Многіе заявили о томъ, что тяжело было жить въ настоящее время, особенно при такомъ старшинѣ, который нигдѣ никогда не держитъ руку крестьянина и только наровитъ, какъ бы стянуть что-нибудь, или запутать мужика такъ, чтобы тотъ самъ все отдалъ его зятю, кабатчику. Болѣе старые вспомнили время, когда Шершень былъ головой, и начали просить его не отказаться, если они опять его выберутъ. А что они именно его хотятъ, его, а никого другого — объ этомъ всѣ знаютъ. Особенно распинался Иванъ Долгопятый: онъ подобострастно относился къ старику и даже ко всему его семейству; но внимательный наблюдатель могъ тотчасъ замѣтить, что крестьяне, и особенно самъ Шершень, ничуть не скрывали своего пренебреженія къ этому вертлявому мужиченкѣ.

— А какъ Параску старшина лае! добавилъ онъ, глядя на нее.

Она стояла поодаль съ ребенкомъ и видимо была недовольна этими словами.

Старый Шершень сердито покосился въ ея сторону, а Горбатенко горячо заговорилъ:

— Ты-бъ самъ не лаявъ, а то ничого что старшина лае. Знаю я васъ: вамъ кто чарку поднесе, той и командуе.

Довгопьятенко заегозилъ и сталъ увѣрять, что онъ всегда за громаду; но Горбатенко не вѣрилъ.

— Не тѣ люди стали, утверждалъ онъ: — вотъ скилько насъ тутъ есть, всѣ мы за Шершня: такій сякій ридний батько; а

якъ до дила прйдется, да поднесетъ Цуренко водки, такъ и на утики видъ [1] риднаго батьки.

Шершень былъ очень тронутъ тѣмъ, что маліивцы не забыли его заслугъ и опять желаютъ избрать его. Онъ не думалъ отговариваться; онъ готовъ послужить обществу: силы у него есть, и онъ самъ видитъ, что не добро творится на селѣ. Онъ совѣтовалъ послать вѣрнаго человѣка въ Ахтырку разузнать на счетъ дѣла. Какъ будетъ у людей больше надежды на землю, такъ и народъ станетъ лучше и на водку плевать начнетъ, потому что люди больше отъ горя, чѣмъ отъ радости пьютъ.

Всѣ согласились съ справедливостью его доводовъ и послѣ долгихъ толковъ рѣшили послать Павла Горбатенко, какъ человѣка бывалаго и завѣдомо преданнаго громадѣ. Начали высчитывать, что будетъ стоить дорога. Какъ ни прикидывали, какъ ни соображали, а все же рублей пятнадцать нужно было дать ему; мало ли что съ человѣкомъ случиться можетъ.

Старый Шершень съ укоризной посмотрѣлъ на своего сына, а тотъ только почесалъ затылокъ.

Кое-какъ собрали съ міра, причемъ большая часть пришлась на долю Шершня, да богатаго зятя его, который былъ женатъ на его младшей дочери, Мароѣ.

И такъ, Горбатенко отправился въ путь, а Иванъ Довгопятенко на другой же день передалъ все слышанное за кварту водки сыновьямъ старшины, прибавивъ при этомъ, что Параска ругалась, а Шершень ей поддакивалъ. Кто-то вступился, но Довгопятенко готовъ былъ землю ѣсть въ справедливости своихъ словъ. Тогда стараго Шершня начали ругать, да такъ ругали, что, по выраженію одного мужика, присутствовавшаго въ кабакѣ, «стѣнамъ соромно стало». Досталось и Параскѣ. «Кажется, если бы можно было, разсказывалъ тотъ же мужикъ: — то они бы ее въ чаркѣ горилки утопили, на паутинѣ повисили».

Маліивка раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря: одни за Шершня, другіе за Цуренко. Маліивцы были одушевлены радостными надеждами на успѣшный ходъ дѣла, начатаго ахтырцами. Извѣстно, ничто такъ не располагаетъ къ справедливому сужденію, какъ бодрость духа и неподавленная безнадежностью энергія. Старый Шершень точно помолодѣлъ на двадцать лѣтъ. ...оло него постоянно собирались мужики, молодые и старые. ...ъ говорилъ съ ними, наставлялъ ихъ, поддерживалъ падаю...ихъ духомъ и останавливалъ черезчуръ ретивыхъ. Были та...е, что готовы были тотчасъ бѣжать и бить окна у кабатчика. Но вотъ, ровно черезъ три недѣли, въ дождливый сентябрскій

---

[1] Отъ.

день Павелъ явился въ Маліивку, и, увы! съ вѣстью, что дѣло ахтырцевъ проиграно!

Всѣ собрались къ Шершню, и при тускло горящемъ каганцѣ подъ завываніе вѣтра, Павло разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ. Какое это было печальное повѣствованіе! Онъ былъ въ судѣ, когда узнали ахатырцы, что дѣло ихъ проиграно. «Какъ за гудутъ, какъ заплачутъ: ажъ въ городи сумно стало»!

Всѣ съ поникшими головами слушали эту грустную эпопею. Это былъ точно похоронный напѣвъ, точно пѣснь о прежнихъ славныхъ дняхъ, которые никогда уже не вернутся. Печально разошлись всѣ по домамъ, и началось торжество и глумленіе старшины, его сыновей и зятьевъ.

Маліивка снова погрузилась въ копеечные счеты безъ надежды на лучшіе дни. А тутъ еще умолотъ плохой; пшеница, вслѣдствіе проливныхъ дождей, была совсѣмъ тощая. Уже въ концѣ осени приходилось нѣкоторымъ покупать хлѣбъ; а что-то будетъ послѣ! Старшина поднялъ голову. Иванъ Довгопятенко бѣгалъ и звонилъ вездѣ про Шершня, про его зубастую невѣстку. Горбатенкѣ не давали проходу, поклонники старшины насмѣшливо спрашивали его: ну, что, «много ему наклали въ шею, какъ онъ ходилъ землю маліивскую ратувати». Точно эта земля не принадлежала всѣмъ имъ, точно люди, хлопотавшіе о ней, не хлопотали о цѣлой громадѣ. Но такимъ, какъ старшина, зять его, кабатчикъ, писарь, и ихъ прихлебатели, какое дѣло до общаго благосостоянія? было бы только имъ хорошо. Они отлично понимали, что съ оголтѣлой Маліивки удобнѣе послѣднюю копейку вытянуть, чѣмъ съ людей, которые могутъ опереться на самихъ себя, которымъ не нужно обращаться къ кабатчику за помощью.

Приближалась весна; приближались выборы. Усилилась голодуха: увеличилось число поклонниковъ старшины и особенно его зятя, кабатчика. Но Шершень не унывалъ. Проснувшееся въ немъ желаніе постоять за общество нетолько не ослабѣвало, но скорѣе росло по мѣрѣ того, какъ почва ускользала изъ подъ его ногъ. Попрежнему, у него собирались пріятели; онъ чувствовалъ необъяснимую потребность слышать, что маліивцы не хотятъ старшины, что они хотятъ его, Шершня. Ему казалось, что съ выборомъ его связано благосостояніе его родного села и его собственная жизнь. Онъ, какъ утопающій, хватался за малѣйшій призракъ своего вліянія, которое, увы! становилось все призрачнѣе и призрачнѣе.

На его сторонѣ была правда и любовь, а на сторонѣ старшины почти вся Маліивка, заложившая животы свои у кабатчика.

Пришелъ слухъ въ Маліивку о томъ, что дѣло ахтырцевъ перенесли въ Петербургъ. Шершень оживился еще болѣе. Это было за нѣсколько дней до выборовъ.

Въ день же самыхъ выборовъ старый Шершень такъ волновался, что долженъ былъ выпить водки для подкрѣпленія. Онъ остался дома. Стояла весна, жаворонки чирикали, деревья покраснѣли и на лугахъ уже показались фіалки. Двери въ сѣни были настежь открыты; на дворѣ маленькіе поросята возились у корыта, а старшій мальчишка усердно стегалъ ихъ кнутомъ. Старикъ что-то строгалъ на порогѣ. Параска пряла. Вдругъ въ сѣни влетѣла Дарья Горбатенко.

— Отъ вамъ и радость! Отъ вамъ и висилье: опять старшину выбрали!

У старика дрогнули руки и ножикъ выпалъ на землю.

— Кажутъ, затараторила Дарья:—потому Шершня не выбрали, что у него невѣстка зубата! Казали люди, якъ выберутъ его, такъ вона усихъ зъисть!

Старикъ вскочилъ на ноги и выпрямился. И такъ, всѣ надежды его рухнули и рухнули черезъ невѣстку, которая отравляла и безъ того его существованіе своей гордостью и непреклоннымъ характеромъ!

Въ порывѣ необузданнаго гнѣва онъ схватилъ Параску за плечи и хлопнулъ ее о землю. Параска быстро вскочила, въ глазахъ ея помутилось отъ ушиба, она безумно смотрѣла на старика и безсознательно протянула руку, какъ бы желая защититься. Старикъ снова схватилъ ее за плечи, она рванулась со всѣхъ силъ, ударилась головой о притолку двери и, какъ снопъ, повалилась на землю. Дарья убѣжала, а Шершниха завыла.

Въ это самое время, съ противоположной стороны, входили Петръ и Горбатенко. Старикъ прислонился къ стѣнѣ и безсмысленно смотрѣлъ передъ собой. Петръ и Горбатенко подняли Параску и вынесли ее во дворъ.

У нея показалась кровь изо-рта и изъ носа. Долго обливали они ее водой, пока она очнулась. Петръ былъ блѣденъ, какъ полотно, зубы его стучали точно въ лихорадкѣ. Они подняли ее и понесли въ хату. Когда проносили ее мимо стараго Шершня, тотъ, взглянувъ на ея помертвѣвшее лицо, опомнился. Чтò почувствовалъ онъ въ эту минуту, не поддастся никакому описанію. Блѣдный, шатающійся, вошелъ онъ въ хату, подошелъ къ полатямъ и склонился надъ ней. Она лежала съ закрытыми глазами и тяжело дышала.

— Параска! позвалъ онъ ее.

Она открыла вѣки, обвела всѣхъ блуждающимъ взглядомъ и остановила глаза на старикѣ.

— Тату! тату! начала она слабымъ голосомъ: — за... за... Но упрекъ замеръ на ея устахъ.

Лицо ея перекосилось и она умолкла.

— Живи, моя доню! Живи, моя голубка! рыдалъ старикъ:— живи, моя краля!

Параска сдѣлала усиліе приподняться, но силы оставили ее и голова опять упала на изголовье.

Петръ угрюмо сидѣлъ на скамьѣ, лицо его потемнѣло и осунулось.

Параска не приходила въ сознаніе. Прошелъ день, другой, третій, цѣлая недѣля. Ужасъ царствуетъ въ домѣ у стараго Шершня; ребенокъ кричитъ; Петръ плачетъ. Старикъ сгорбился и сталъ какъ тѣнь. Шершниха испробовала всѣ свои средства, ничто не помогаетъ: лежитъ Параска, стонетъ... Неужели она не встанетъ!

Петръ вышелъ подъ вечеръ и сѣлъ на крыльцѣ своей избы. Сердце его разрывалось на части; онъ изстрадался, глядя на свою жену. Къ нему подошелъ Горбатенко.

— А що? спросилъ онъ.

Тотъ махнулъ рукой и, отвернувшись, вытеръ кулакомъ слезу.

Это было въ субботу; а въ воскресенье прискакалъ верховой съ радостной вѣстью: ахтырцы выиграли землю! Маліивка радуется, Маліивка ликуетъ, а въ семьѣ Шершня ужасъ и отчаяніе. Параска лежитъ на лавкѣ подъ образами, на лицѣ ея, желтомъ какъ воскъ, застыло страданіе. Навѣки сомкнулись уста. Теперь она никого не укоритъ въ воровствѣ, никто, вслѣдствіе душевной гнусности, не спрячется за ея спину. Шершниха, съ распухшими отъ слезъ глазами, дрожащей рукой, стоя у колыбели, совала холодную ложку въ ротъ малютки, а тотъ, закинувъ голову, кричалъ и звалъ мать. Двое старшихъ дѣтей сначала сидѣли испуганныя общимъ плачемъ, а потомъ стали раздирать другъ другу рты.

Когда хоронили Параску, за гробомъ ея шелъ сгорбленный, дряхлый старикъ: это былъ Шершень. Глядя на него, никому въ голову не приходило, что онъ можетъ быть старшиной.

Такъ погибли для Маліивки двое, можетъ быть, лучшихъ людей. А Маліивка? procвѣтетъ ли она опять! проснутся ли маліивцы?

Если это случится, я разскажу читателямъ.

А. С. Шабельская.

Кіевъ 1882 года мартъ.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА.

(Посвящается Екатеринѣ Ильиничнѣ Мамантовой).

Чудный, свѣтлый міръ... Ни вьюгъ въ немъ, ни тумановъ,
Вѣчная весна въ немъ радостно царитъ...
Розы... мраморъ статуй... серебро фонтановъ,
Зàмокъ—весь прозрачный, изъ хрустальныхъ плитъ...

У подножья скалъ — сверкающее море...
Тихо льнетъ къ утесамъ сонная волна,
И отхлынувъ, тонетъ въ голубомъ просторѣ,
И до дна прозрачна въ морѣ глубина...

А за свѣтлымъ зàмкомъ и его садами,
Отъ земли, нахмурясь, въ небосклонъ ушли
Великаны-горы снѣжными цѣпями
И по темнымъ кручамъ лѣсомъ заросли —

И лѣсная чаща, да лазурь морская
Какъ въ объятьяхъ держатъ дивную страну,
Тишиной своею чутко охраняя
И въ ея предѣлахъ—ту же тишину.

Чудный, свѣтлый міръ — но злобой чародѣя
Онъ въ глубокій сонъ отъ вѣка погруженъ
И надъ нимъ, какъ саванъ, высится, синѣя
Раскаленный зноемъ, мертвый небосклонъ;

Не мелькнетъ въ немъ чайка снѣжной бѣлизною,
Золотому солнцу подставляя грудь,
Не промчатся тучки дымчатой грядою,
Къ отдаленнымъ скаламъ ласково прильнуть:

Все оцѣпенѣло, все мертво и глухо,
Какъ въ могилѣ глухо, какъ въ могилѣ спитъ:
Ни одно дыханье не встревожитъ слуха,
Ни одинъ изъ чащи рогъ не прозвучитъ.

Въ воздухѣ, сверкая, замеръ столбъ фонтана,
Замеръ мотылекъ надъ чашечкой цвѣтка,
Пестрый попугай—въ густыхъ вѣтвяхъ каштана,
Въ чащѣ лѣса—лань, пуглива и дика,

Точно этотъ зȁмокъ—рощи и долины,
Пурпуръ этихъ розъ и бѣлизна колоннъ—
Только полотно сверкающей картины,
Воплощенный въ краскахъ, вдохновенный сонъ,

Точно тотъ, кто создалъ этотъ рай прекрасный
Жизнь и разрушенье въ немъ остановилъ,
Чтобъ на вѣкъ свой блескъ, и дѣвственный и ясный,
Онъ, какъ въ день созданья, свято-бъ сохранилъ..

Посмотри, какъ змѣйка, лѣстница витая,
Поднялась въ чертогъ — и тихо у окна
Спитъ въ чертогѣ томъ царевна молодая,
Словно ночь прекрасна, словно день ясна;

До земли упали косы золотыя,
На щекахъ—румянецъ, и порой чуть-чуть
Вздрогнувъ, шевельнутся губки молодыя,
Да тревожный вздохъ подыметъ слабо грудь.

Темный бархатъ платья рѣзко оттѣняетъ
Бѣлизну плеча и нѣжный цвѣтъ ланитъ,
Знойный день въ уста красавицу лобзаетъ,
Яркій лучъ отливомъ на кудряхъ горитъ...

Сонъ ея тревожатъ тягостныя грезы —
Посмотри: печаль и страхъ въ ея чертахъ,
Посмотри, какъ жемчугъ, тихо льются слезы,
Словно сжечь хотятъ румянецъ на щекахъ:

Снится ей, что тамъ, за этими хребтами,
Истомленъ путемъ и долгою борьбой,

Молодой красавецъ съ темными кудрями
Силится пробиться черезъ лѣсъ густой...

Плащъ его въ лохмотьяхъ и окрашенъ кровью,
А въ лѣсу—что шагъ, то смерть ему грозитъ,
Но на трудный подвигъ призванъ онъ любовью —
И его нога по кручамъ не скользитъ...

О, какъ онъ усталъ!.. Какой прошелъ далекій,
Безконечно тяжкій и суровый путь!..
Хватитъ ли отваги для борьбы жестокой,
Выдержитъ ли битву молодая грудь?

Но—побѣда!.. Въ мракѣ тягостныхъ сомнѣній
Свѣтлый лучъ блеснулъ, оконченъ долгій споръ —
И уже гремитъ по мрамору ступеней
Все слышнѣй, все ближе, звукъ шаговъ и шпоръ!..

Словно вихрь коснулся соннаго чертога,
Словно дождь весной по листьямъ пробѣжалъ—
И, свѣтлѣй и краше молодого бога,
Гость давно-желанный передъ ней предсталъ...

И предсталъ, и обнялъ, и прильнулъ устами —
Жаркими устами къ трепетнымъ устамъ,
И отвѣта молитъ страстными рѣчами,
И тяжелый мечъ сложилъ къ ея ногамъ.

«Милая! онъ шепчетъ, я разсѣялъ чары,
Я развѣялъ власть ихъ, этихъ темныхъ силъ.
Грозно и сурово сыпалъ я удары
Оттого что, много вѣрилъ и любилъ!

О, не длй-жь напрасно муки ожиданья...
Милая! проснися, смолкнула гроза!»
Долгое, любовью полное лобзанье —
И она открыла ясные глаза!..

Старое преданье... Чудное преданье...
Въ немъ надежда міра... Міръ усталъ и ждетъ,
Скоро-ль день во мглѣ зажжетъ свое сіянье,
Скоро-ли любовь къ страдающимъ сойдетъ?

И она сойдетъ, и робко разбѣгутся
Тучи съ небосклона — и въ ея лучахъ
Цѣпи сна, какъ нити, ржавѣя, порвутся,
И затихнутъ слезы и замолкнетъ страхъ!..

Свѣтелъ будетъ праздникъ—праздникъ возрожденья,
Радостно вздохнутъ усталые рабы,
И замѣнитъ гимнъ любви и примиренья
Звуки слезъ и горя, мести и борьбы!

С. Надсонъ.

1881 г.

ИЩУЩІЙ ПРАВДЫ.

I. НЕЛЮДИМЕЦЪ.

I.

Еслибы читатель, проѣзжая нѣсколько лѣтъ тому назадъ черезъ Шалашную, вздумалъ спросить, гдѣ живетъ Аѳанасій Лопухинъ, едва ли бы онъ получилъ надлежащій отвѣтъ. Дѣло въ томъ, что шалашниковцы рѣдко величаютъ другъ друга по именамъ и фамиліямъ, а больше все по прозвищамъ, «по улишному», какъ выражаются они сами. Есть здѣсь Рыло и Косоролый, Опенокъ и Налыгачъ, Отче нашъ и Прострѣли-твое-пузо, и т. д. Въ этомъ отношеніи остроуміе шалашниковцевъ не знало предѣла и всякая мало-мальски смѣшная черта давала матеріалъ для клички. Былъ, напримѣръ, мужикъ съ громадными ноздрями—его прозвали Ноздря; другой подтягивалъ постоянно порты—ему дали кличку Подтяни-штаны. Что касается Аѳанасія Лопухина, то онъ тоже былъ извѣстенъ только подъ кличками. Въ молодости его за быстроту и юркость прозвали «швыткимъ», а потомъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «нелюдимца». Послѣднюю кличку онъ раздѣлялъ съ двумя другими мужиками, отъ которыхъ его отличали добавочнымъ прозвищемъ — «закомелистый»; два же другіе «нелюдимца» назывались—одинъ «толстымъ нелюдимцемъ», а другой—«смирнымъ».

Прозвище «нелюдимцевъ» какъ нельзя встати было дано Лопухину и двумъ другимъ мужикамъ: это были «нелюдимцы» нетолько въ томъ смыслѣ, что они сторонились людей, но еще и въ томъ, что они совершенно не похожи на прочихъ обитателей Шалашной. Въ то время, какъ большинство шалашниковскаго населенія раззорялось, обременялось долгами и недоимками, и попадало въ кабалу, а меньшинство быстро богатѣло на счетъ большинства, «нелюдимцы» стояли отъ всего этого въ сторонѣ: трудолюбивые, хозяйственные и непьющіе, они не должны ни-

*

кому, но и имъ никто не долженъ; ихъ не грабятъ и они не грабятъ. Оттого, хотя дома «нелюдимцевъ» полныя чаши, но они не «богатѣи». Матеріальная самостоятельность позволяетъ «нелюдимцамъ» держать себя независимо и не бояться никого. И кулаки страшно ненавидятъ «нелюдимцевъ», какъ потому, что «ихъ не забротàешь», такъ и потому, что, глядя на нихъ, и зaурядный мужиченко начинаетъ думать: «эхъ, вѣдь и я такъ-то жилъ бы, еслибы мои денежки не шли къ Роспоясову!..»

Изъ трехъ шалашниковскихъ «нелюдимцевъ» Аѳанасій Иванычъ Лопухинъ былъ безспорно самый замѣчательный. Это былъ мужикъ лѣтъ сорока, съ широкою черною бородою, съ медленною поступью и медленною важною рѣчью. Послѣднюю Аѳанасій Иванычъ усвоилъ, странствуя по разнымъ канцеляріямъ и объясняясь съ разными начальниками: онъ былъ нѣсколько лѣтъ постояннымъ шалашниковскимъ ходокомъ.

Это былъ «мірской человѣкъ» въ лучшемъ смыслѣ этого слова, стоявшій «за міръ» всюду и всегда. Много пришлось вытерпѣть Аѳанасію Иванычу за «міръ»: не разъ онъ сиживалъ по мірскимъ дѣламъ въ пересыльныхъ и иныхъ тюрьмахъ, не разъ «препровождался» по этапу, не разъ получалъ собственноручныя начальственныя наставленія. Все переносилъ безропотно «мірской ходокъ» и всегда былъ готовъ положить душу за «міръ». Такое самопожертвованіе объяснялось какъ увѣренностью, что «міръ» не выдастъ и что̀ бы съ ходокомъ ни случилось, его семья не пропадетъ, такъ и тѣмъ представленіемъ о «мірѣ», которое сложилось въ умѣ Аѳанасія Иваныча. Онъ былъ большой идеалистъ и построилъ свое представленіе о «мірѣ» какъ изъ реальныхъ данныхъ, такъ и изъ продуктовъ своей фантазіи. Старый строй общественныхъ отношеній въ Шалашной давалъ дѣйствительно много данныхъ для идеализаціи. Плачется, напримѣръ, вдова, что посѣяла бы она, да полосу вспахать некому—глядь, а полоса невѣдомо кѣмъ вспахана, только сѣй. Горюетъ какой-нибудь слабосильный мужикъ съ большою семьею, что хлѣбъ у него вышелъ, а взять негдѣ; вышелъ на утро на улицу, а на завалинкѣ мѣшокъ муки. Была въ Шалашной нищенка; ѣздила она съ попами собирать «новь», набирала нѣсколько возовъ хлѣба всякаго рода, а потомъ раздавала всѣмъ, кто нуждался и приходилъ къ ней. «Міръ» дѣйствительно заботился о своихъ членахъ и выручалъ ихъ изъ нужды; помогалъ трудомъ, собиралъ для нихъ по раскладкѣ хлѣбъ, давалъ деньги. Умеръ въ острогѣ ходокъ—его семьѣ «міромъ» выстроили новую избу и «міромъ» обработывали нѣсколько лѣтъ землю, пока не выросли сыновья ходока. Подобныя черты стараго шалашни-

ковскаго строя Аѳанасій Иванычъ обобщилъ и, на основаніи ихъ, создалъ свое представленіе о «мірѣ». Этотъ міръ справедливости и равенства, гдѣ «каждый за всѣхъ и всѣ за одного», Аѳанасій Иванычъ полюбилъ до того страстно, что дѣйствительно могъ пожертвовать за него жизнью.

Но жизнь шла, принося съ собою все новыя и новыя явленія. Старый строй сталъ рушиться, старые обычаи стали исчезать. «Міръ» малу-по-малу превращался въ собраніе людей, ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ, людей, интересы которыхъ нетолько не солидарны, но часто прямо противоположны. Усиливались тяготы, лежащія на мужикѣ, усиливалась нужда; какъ грибы росли и множились кулаки. Нужда заставляла гнаться за копейкой, а погоня за копейкой разрывала всякія связи. Въ Шалашной начинался культъ золотому тельцу. Аѳанасій Иванычъ, въ качествѣ идеалиста, былъ слѣпъ и не замѣчалъ, что творилось вокругъ него. Ему все казалось, что онъ живетъ при прежнихъ условіяхъ жизни, когда все дѣлалось «скопомъ», «сопчà», «міромъ», когда все было по-милу, по-любу, когда совѣсти отводилось приличное мѣсто въ деревенской жизни: «совѣсть — не порогъ, черезъ нее не переступишь». Но, какъ извѣстно, заблужденіе не можетъ быть вѣчнымъ, и Аѳанасій Иванычъ долженъ былъ прозрѣть, тѣмъ болѣе, что юркіе шалашниковцы, замѣтивъ его простоту и непониманіе современныхъ порядковъ, обдирали его какъ липову корку.

У старосты былъ сынъ дурачекъ, и къ тому же хромой. Понравилась дурачку дѣвка, первая шалашниковская красавица, дочь бѣднаго мужика, по прозвищу Пустобрюхій. Староста послалъ сватовъ. Какъ ни лестно было Пустобрюхому породниться съ «богатѣемъ», да еще старостой, но когда дѣвка *завыла благимъ матомъ*, жалко стало отцу отдавать свою дочь за дурака, и онъ отказалъ сватамъ. Староста освирипѣлъ и сталъ мстить. Съ тѣхъ поръ онъ чуть не ежедневно сталъ гонять Пустобрюхова «въ подводы» и, наконецъ, такъ замучалъ его, что онъ, несмотря на всю свою смиренность, рѣшился просить защиты у «міра». «Міряне», отлично знавшіе всю суть дѣла, при первыхъ же словахъ Пустобрюхова на сходѣ, начали совѣтовать ему пок ться старостѣ.

- Ты чего ершишься-то? Чего дочери-то не отдаешь, а? Въ з ой-то дворъ?.. Да кажный мужикъ за честь почелъ бы... а т .. Эхъ, ты, пустое брюхо!..

– Господа старички! возразилъ Пустобрюхій:—оно отчего бы в отдать? Только зачѣмъ онъ Василису мою сватаетъ? Сами з же, сынъ-то у него дуракъ, а самъ онъ...

— Ну, ну, что̀ я-то самъ? разбойникъ? душегубъ, что ли? а? налетѣлъ на Пустобрюхаго староста.

— Да что? всѣмъ это извѣстно: снохачъ ты...

— Честной міръ! завопилъ староста: — что-жь это онъ поноситъ меня? За это съ него должно взять штрахъ!

— Штрахъ, штрахъ! раздались голоса:—ведро водки...

— Что̀ вы, братцы, заплакалъ Пустобрюхій: — да у меня и денегъ нѣту...

— Денегъ нѣту? ничего!.. Вали, ребята, къ нему на дворъ! волоки дроги, заложимъ въ кабакъ!

Аѳанасій Иванычъ слушалъ и ушамъ своимъ не вѣрилъ. И это его излюбленный «міръ»?!

— Стойте, стойте, братцы! закричалъ онъ какимъ-то болѣзненнымъ голосомъ:—что̀ вы это дѣлаете?

Всѣ замолчали. Мужики, собравшіеся бѣжать за дрогами, остановились. Кто-то сказалъ:

— Ну-ка, послухаемъ, что скажетъ Нелюдимецъ.

— А то и скажу, что отродясь я васъ не ругивалъ, а нонче выругаю... За что вы штрахъ-то берете? За то, что мужикъ свое дитё на му̀ку да на поруганіе не отдаетъ? Вѣдь вы-жь всѣ знаете, что староста—снохачъ...

— А ты не очень-то! закричалъ староста: — не видишь: я при медалѣ...

Какой-то оборванный мужиченко подхватилъ послѣднія слова старосты и козлинымъ голоскомъ прокричалъ:

— Иёнъ при медалѣ!

«Міряне» разсмѣялись.

— Зачѣмъ вы мирволите старостѣ? продолжалъ Аѳанасій Иванычъ:—ныньче онъ одного осѣдлалъ, завтра другого, такъ онъ васъ всѣхъ зануздаетъ...

— Да что вы его слушаете? перибилъ Аѳанасія Иваныча одинъ изъ друзей старосты: — вѣдь водки онъ вамъ не поднесетъ...

«Міряне» еще разъ разсмѣялись.

— А вѣдь это правда, заговорили они: — не угостишь вѣдь, Иванычъ?

Аѳанасій Иванычъ плюнулъ и ушелъ со схода.

— Такъ-то лучше, заговорили любители даровой выпивки: — что̀-жь, за дрогами бѣжать?

— Валяй!

«Штрахъ» былъ выпитъ. Черезъ мѣсяцъ Василиса стояла подъ вѣнцомъ съ дуракомъ, а еще черезъ мѣсяцъ убѣжала въ городъ, гдѣ, какъ говорится, пустилась во всѣ тяжкія. Пустобрюхій съ горя спился.

Для Аѳанасія Иваныча ударъ былъ слишкомъ силенъ. Всѣ его завѣтныя вѣрованія разбились въ прахъ; у него не осталось ничего, на чемъ бы могла отдохнуть душа. И какъ онъ прежде любилъ «міръ», такъ сталъ теперь ненавидѣть его, совсѣмъ не принимая во вниманіе нужду и другія уменьшающія вину «міра» обстоятельства.

И Аѳанасій Иванычъ нетолько пересталъ посѣщать сходы, нетолько удалился отъ «міра» и всѣхъ дѣлъ его, но ему просто стали противны всякія сношенія съ людьми. Если его звали въ гости, онъ отказывался идти; если у него просили какой-нибудь вещи, онъ давалъ. Онъ постоянно былъ дома, показывался на улицѣ только тогда, когда шелъ въ церковь или выѣзжалъ на поле. Шалашниковцы сначала крайне удивлялись происшедшей въ Аѳанасіѣ Иванычѣ перемѣнѣ, но потомъ мало-по-малу привыкли къ ней и только изрѣдка вспоминали «чудного мужика», котораго прозвали «нелюдимцемъ», придавая этому слову какое-то особенное, смѣшное значеніе.

Заперпшись въ своемъ дворѣ, «нелюдимецъ» не могъ не думать о поразившемъ его фактѣ. Мысль его упорно работала, причемъ работа эта направлялась исключительно на отыскиваніе фактовъ несправедливости, неправды, обмана. Онъ послѣдовательно разобралъ отношенія шалашниковскаго «міра» къ отдѣльнымъ членамъ и наоборотъ, отношенія шалашниковцевъ другъ къ другу, семейныя отношенія, отношенія попа къ «міранамъ» и наоборотъ, и всюду нашелъ утерю старыхъ патріархальныхъ порядковъ и замѣну ихъ чѣмъ-то безобразнымъ. Не такъ давно, напримѣръ, въ Шалашной попъ былъ изъ свинопасовъ. Проѣзжалъ архіерей черезъ Шалашную, а въ ней на ту пору не было дьячка; стали шалашниковцы просить у архіерея дьячка—тотъ и говоритъ: «Выберите вы граматнаго человѣка, я его и поставлю въ дьячки» [1]. А въ то время въ Шалашной было только четыре человѣка граматныхъ, и изъ нихъ только одинъ свинопасъ согласился поступить въ дьячки. Такъ свинопасъ и сталъ дьячкомъ, а потомъ дослужился до попа. Понятно, что такой попъ, какъ свой человѣкъ въ Шалашной, какъ человѣкъ, котораго потребности не превышали потребностей каждаго зауряднаго шалашниковца, наконецъ, какъ человѣкъ, работавшій въ полѣ на ряду съ прочими обитателями Шалашной, находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ своими прихожанами и бралъ за исполненіе требъ самое ничтожное вознагражденіе. Совсѣмъ другіе порядки установились со смертью

[1] Это было лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, когда въ нашемъ краѣ духовенство было выборное.

этого попа, и съ появленіемъ въ Шалашной «кончившаго богословію». Новый попъ, какъ человѣкъ съ широкими потребностями и нежелающій унижаться до труда, такъ повелъ себя по отношенію къ прихожанамъ, что они съ первыхъ же дней завыли и назвали попа «грабителемъ». Вмѣсто любви, которою пользовался прежній попъ, новый внушилъ шалашниковцамъ страшнѣйшую ненависть къ себѣ, и они старались вредить ему чѣмъ только могли: обмазывали ему ворота дегтемъ, ломали плетни, обкрадывали огородъ и т. п. А ругали такъ, какъ могутъ ругать только шалашниковцы. Въ свою очередь, попъ тѣснилъ и давилъ шалашниковцевъ тоже какъ могъ: по нѣскольку дней не хоронилъ покойниковъ, давалъ новорожденнымъ самыя невѣроятныя имена, отказывалъ подъ самыми пустыми предлогами въ вѣнчаніи и бралъ за требы изумительныя цѣны. Словомъ, между попомъ и прихожанами установились настоящія военныя отношенія,

Тѣ же военныя отношенія нашелъ Аѳанасій Иванычъ и въ семьѣ. Въ старину, въ Шалашной семьи были многочисленныя, обыкновенно въ двадцать, тридцать и болѣе душъ. Нѣсколько поколѣній мирно уживались на одномъ дворѣ. Каждой вновь образующейся семьѣ строили на дворѣ особую клѣтушку, и только эта клѣтушка была собственностью (и то не полною) малой семьи; все остальное имущество считалось принадлежащимъ большой семьѣ, какъ совокупности всѣхъ малыхъ. Всѣ члены семьи подчинялись одному старику, который распоряжался общимъ имуществомъ и судилъ, и рядилъ возникающія въ семьѣ неудовольствія, споры и ссоры. Да и ссоръ-то почти никакихъ не было: не изъ-за чего было ссориться. Работали всѣ одинаково и имуществомъ пользовались одинаково. Совсѣмъ не то теперь. У Аѳанасія Иваныча примѣръ передъ глазами—сосѣдская семья, въ которой идетъ постоянное воровство. Женатый сынъ и его жена крадутъ потому, что хотятъ уйти изъ семьи; дочь крадетъ потому, что ей надо съ чѣмъ-нибудь выйти замужъ; неженатый сынъ—потому, что ему надо жениться; старуха-мать — потому. что «кто-жь ее будетъ на старости кормить?» и т. д. Постоянно ссоры, ругня, драки.

Аѳанасій Иванычъ не былъ безусловнымъ поклонникомъ старины; онъ зналъ и въ старыхъ порядкахъ много дурного. Но тамъ дурное вознаграждалось хорошимъ. Но чтобы чѣмъ-нибудь вознаграждались нынѣшнія безобразія, этого Аѳанасій Иванычъ не видѣлъ.

Разобравши подобнымъ образомъ всѣ явленія деревенскаго обихода, Аѳанасій Иванычъ пришелъ къ тому выводу, что «вездѣ одинъ развратъ». Само собою, что его простой умъ не могъ удо-

влетвориться однимъ отрицательнымъ выводомъ и тутъ же поставилъ вопросъ: неужто все такъ и будетъ?

Рѣшить этотъ вопросъ Аѳанасій Иванычъ, однако, не успѣлъ, такъ какъ этому помѣшало одно событіе, случившееся въ Шалашной и измѣнившее всю жизнь Нелюдимца.

II.

Жена Аѳанасія Иваныча была далеко не изъ тѣхъ женскихъ натуръ, которыя во всемъ слѣдуютъ за мужьями. Когда Аѳанасій Иванычъ затворился дома отъ всѣхъ, она нетолько не прекращала сношеній съ сосѣдками, но еще усилила ихъ. Набѣгавшись по чужимъ дворамъ, она возвращалась нагруженная богатымъ запасомъ новостей, которыя и сообщала мужу и дѣтямъ. Подлаживаясь подъ настроеніе мужа, она чаще всего останавливалась на новостяхъ мрачнаго рода. Василія Чернаго сыновья за волосы изъ хаты на улицу вытащили, у Москвитиныхъ дочь-дѣвка родила, вдовѣ Прокопенчихѣ «міръ» отказалъ въ землѣ на томъ основаніи, что она бездушная, и т. д. Мужъ слушалъ и еще болѣе укрѣплялся въ своемъ отвращеніи отъ однодеревенцевъ.

Какъ-то Аѳанасій Иванычъ возвращался поздно вечеромъ съ поля, усталый и сердитый. Не успѣлъ онъ въѣхать на дворъ, какъ къ нему подскочила жена:

— Слышалъ? Антошку-то въ Сибирь сошлютъ!..

— Какъ сошлютъ? удивился Аѳанасій Иванычъ.

— А такъ и сошлютъ, міромъ...

— Да ты что, очумѣла, вѣрно? Развѣ міръ можетъ ссылать?

— Самъ ты, видно, ополоумѣлъ! Сходи завтра на сходъ, вотъ и увидишь, что я говорю правду.

— Тьфу! баба! сплюнулъ Аѳанасій Иванычъ и поѣхалъ подъ сарай.

«Сказано—сорока стрекочетъ», думалъ онъ, распрягая лошадь. Но тутъ же подумалъ: «а, може, и взаправду? Съ нихъ станется: сказано—разбойники!» Въ концѣ-концовъ, сообщенная женою новость такъ заняла его, что онъ чуть-было не забылъ положить корму своей вѣрной сивкѣ и, только ложась спать, вспомнилъ о своемъ промахѣ и поспѣшилъ загладить его. Засыпая, онъ порѣшилъ сходить завтра на сходъ.

Слѣдующій день былъ воскресный. Утро было свѣтлое, небо чистое. Черезъ нѣсколько времени послѣ обѣдни, передъ зданіемъ, на которомъ красовалась заржавѣвшая отъ времени и издававшая при каждомъ движеніи воздуха пронзительный визгъ

вывѣска, гласившая; «шалашниковское сельское правленіе», стояла громадная толпа народа. Это не былъ обыкновенный сельскій сходъ, ибо на сходъ собираются погалдѣть одни только домохозяева. Здѣсь были представители обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, или, вѣрнѣе сказать, высыпало все шалашниковское населеніе. Впереди, передъ самымъ крыльцомъ правленія стояли сѣдые, какъ лунь, старики, давно не посѣщавшіе сходовъ, и солидные большаки; прямо за ними расположились бабы въ классическихъ позахъ, т. е. подперевъ рукою щеку; по бокамъ стояла шалашниковская молодежь, на одной сторонѣ парни въ сапогахъ, щедро смазанныхъ духовитымъ дегтемъ, а на другой— дѣвки въ праздничныхъ разноцвѣтныхъ платьяхъ; и, наконецъ. по всей площади разсыпались, цѣпляясь за отцовъ и матерей, братьевъ и сестеръ, молодыя шалашниковскія поросли — ребятишки и дѣвчата.

Надъ всей толпой царило торжественное молчаніе. Шалашниковскія бабы, въ другое время пользовавшіяся языками безъ зазрѣнія совѣсти, теперь дали имъ отдыхъ. Не слышно было даже лусканья сѣмячекъ, составляющихъ необходимую принадлежность шалашниковскаго праздника. Всѣ, видимо, прониклись сознаніемъ важности минуты и постарались придать своимъ лицамъ подобающее выраженіе. Центральная группа стариковъ и средняковъ стояла, опершись на палки и опустивъ глаза внизъ. Бабы уныло глядѣли на центръ и, время отъ времени, тихонько вздыхали, а нѣкоторыя даже крестились. Парни и дѣвки только украдкой поглядывали другъ на друга. Даже мелюзга, и та затаила дыханіе.

Однимъ словомъ, при первомъ же взглядѣ на толпу, было ясно, что готовилось совершиться что-то чрезвычайно важное или, по крайней мѣрѣ, необыкновенное для шалашниковцевъ. И дѣйствительно, въ этотъ день шалашниковское общество намѣревалось въ первый разъ воспользоваться своимъ правомъ «исключать изъ своего состава порочныхъ членовъ и передавать ихъ въ распоряженіе правительства», т. е. говоря проще, правомъ ссылать своихъ членовъ въ Сибирь.

Никогда ничего подобнаго не было въ Шалашной. Шалашниковцы даже не подозрѣвали, что они обладаютъ подобнымъ *правомъ*. Ссылка въ Сибирь была для Шалашной вещью очень знакомою: не мало шалашниковцевъ ушло «по владиміркѣ». Тутъ были и преступники, и жертвы такъ называемыхъ деревенскихъ «недоразумѣній». Но шалашниковцы всегда видѣли, что ссылкой въ Сибирь занимается начальство. Подерутся, напримѣръ, двое пьяныхъ шалашниковцевъ и одинъ не «потрафитъ», «перепус-

тить», «угодить не въ то мѣсто», отправить противника на тотъ свѣтъ, пріѣдетъ слѣдователь, произведетъ дознаніе, заберетъ съ собою въ городъ «перепустившаго» мужика, а тамъ его подержатъ сперва въ острогѣ, а потомъ отправятъ въ Сибирь. Произойдетъ «недоразумѣніе» между шалашниковскимъ и обществомъ и господиномъ становымъ приставомъ—опять наѣзжаетъ начальство, забираетъ «зачинщиковъ» и «подстрекателей», подержитъ въ острогѣ и отправляетъ въ Сибирь. Роль шалашниковскаго общества во всемъ этомъ ограничивалась тѣмъ, что оно поставляло матеріалъ для ссылки, вязало этотъ матеріалъ и отвозило его на своихъ подводахъ въ городъ.

И вдругъ шалашниковцы узнаютъ, что ихъ «міръ» можетъ ссылать своихъ членовъ самъ, помимо велѣній и желаній начальства. Открытіе это сдѣлалъ кабатчикъ Хоперъ и вотъ по какому поводу.

Когда въ Шалашной водворились «новые порядки», изъ бѣднѣйшаго большинства ея населенія выдѣлилось нѣсколько человѣкъ, которые не имѣли буквально ничего, но зато и не боялись буквально ничего. Звали въ Шалашной подобныхъ людей «голопятыми» и «оголтѣлыми». Въ описываемую эпоху въ Шалашной такихъ «голопятыхъ» было сравнительно немного—всего пять человѣкъ; но, несмотря на свою малочисленность, они давали себя знать. Если въ будничный день на улицѣ раздавался дикій ревъ, то это значило, что по улицѣ шествуетъ «голопятый». Если пропадала какая-нибудь вещь, то это значило, что она украдена и снесена къ Хопру въ кабакъ «голопятымъ». Особенно доставалось отъ «голопятыхъ» такъ называемымъ «обстоятельнымъ мужикамъ». Безъ церемоніи вламывается къ нимъ въ хаты «голопятый» и оретъ: «ты отъ меня попользовался—купилъ за три рубля мою лошадь, подавай же мнѣ на водку!» или: «я тебѣ три года даромъ работалъ, давай хоть на косушку!» И обстоятельный мужичокъ лѣзетъ въ карманъ и даетъ на косушку, приговаривая: «На, на! только уйди отъ грѣха!..»

«Голопятый» — пропащій чловѣкъ; у него, какъ говорится, ни кола, ни двора. Жизнь его — или пьянство, или тоска по водкѣ; будущность—сгорѣть отъ водки или быть раздавленнымъ телегою, валяясь гдѣ-нибудь ночью на дорогѣ. Словомъ, онъ—ничтожество. Но въ то же время, онъ и сила: «голопятому» ничего не стоитъ украсть, пустить «краснаго пѣтуха» и даже убить человѣка. Въ острогѣ или въ Сибири жизнь его будетъ нисколько не хуже настоящей—чего же ему бояться? И «голопятый» нетолько не боится никого, но и самъ внушаетъ всѣмъ

страхъ: его кормятъ и поятъ, и даже сносятъ всевозможныя издѣвательства, которыя позволяетъ себѣ «голопятый».

Изъ пяти шалашниковскихъ «голопятыхъ» четверо были народъ болѣе или менѣе смирный: они добывали себѣ кормъ или просьбами «Христа ради», или подсобляли кому-нибудь по хозяйству; пьяны были не болѣе половины дней въ году, и пьяные были смирны, не лѣзли въ драку и развѣ только позволяли себѣ ругаться. Совсѣмъ иными качествами отличался пятый «голопятый». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это былъ хорошій, работящій мужикъ, если и не особенно зажиточный, то, по крайней мѣрѣ, стоявшій далеко отъ той послѣдней ступени бѣдности, на которой онъ находился теперь. Величали его тогда Антономъ Иванычемъ и считали мужикомъ добрымъ и разсудительнымъ. Разсудительность его пользовалась даже нѣкоторою извѣстностью и на сходахъ его голосъ выслушивался внимательно. Раззорилъ его «случай» (въ Шалашной все отъ «случаевъ» раззоряются): повезъ онъ въ дождливую погоду въ городъ муку; на одномъ изъ спусковъ, самомъ крутомъ, почти вертикальномъ, лошадь его оступилась, и онъ вмѣстѣ съ возомъ и лошадью полетѣлъ внизъ въ лощину. Въ результатѣ получилось: лошадь сломала переднія ноги, мука разсыпалась и смѣшалась съ грязью, а самъ Антонъ съ раздавленной грудью лежалъ на спинѣ среди лужи. Здѣсь онъ лежалъ до самаго вечера, когда его подобрали и привезли домой возвращавшіеся съ городского базара сосѣди. На утро, въ избу Антона собрались шалашниковцы, пожалѣли Антона, подивились, какъ это они, ѣздившіе тысячу разъ по опасному спуску, доселѣ не догадались привести его въ маломальски порядочный видъ, затѣмъ разошлись и забыли и про Антона, и про спускъ. Цѣлыхъ два года болѣлъ Антонъ; семья его питалась въ это время тѣмъ, что продавала различныя принадлежности хозяйства, и такъ какъ покупателей было только двое, купецъ Распоясовъ, да кабатчикъ Хоперъ, которые поэтому давали цѣны ни съ чѣмъ несообразныя, то нѣтъ ничего удивительнаго, что когда Антонъ поднялся на ноги, у него не оказалось ни движимой, ни недвижимой собственности, кромѣ жалкой хатенки, да и эта послѣдняя за какіе-то долги «подлежала» Распоясову. Нужно было заводить сначала все хозяйство; но, во-первыхъ, не было у Антона прежнихъ силъ, а, во-вторыхъ, не съ чего было начать. Бросился-было Антонъ по своимъ прежнимъ благопріятелямъ, но тѣ только ахали, да высказывали свои сожалѣнія, а помощи никакой не оказывали. Озлился Антонъ и сталъ пить: жена его сперва кое-какъ перебивалась, но потомъ, измучившись, ушла въ другое село, откуда она была

взята и гдѣ у нея оставался холостой братъ, и увела съ собой дѣтей. Антонъ спился окончательно и сталъ въ ряды «голопятыхъ». Изъ Антона Иваныча онъ обратился въ Антошку.

Отъ своихъ товарищей онъ отличался необыкновенною злостью. Ругался такъ, что даже привычному шалашниковскому уху становилось жутко. Не было такой мерзости, которой онъ не могъ бы выкинуть. Разъ къ купцу Распоясову пріѣхала городская родственница, дебелая купецкая дочь, считавшая своею обязанностью на каждомъ шагу громогласно удивляться «мужицкому невѣжеству». Антошка, услышавши объ этомъ, сказалъ: «я тебѣ покажу невѣжество!» и въ одинъ прекрасный вечеръ, когда городская барышня сидѣла на крыльцѣ Распоясовскаго дома, онъ явился откуда-то передъ нею, въ чемъ мать родила, и произнесъ: «госпожа купчиха! позвольте съ вами разговоръ имѣть». Подобныя продѣлки оставались безнаказанными, такъ какъ своимъ безумнымъ и злобнымъ взглядомъ Антошка невольно внушалъ боязнь къ себѣ и заставлялъ ожидать отъ себя всего; а безнаказанность дѣлала его еще смѣлѣе. При этомъ, во всѣхъ его поступкахъ была своего рода тенденція: жертвами антошкиныхъ мерзостей были всегда попъ, Распоясовъ, кулаки, т. е. люди, нелюбимые всѣмъ шалашниковскимъ населеніемъ. Поэтому, Антошку любили всѣ шалашниковцы, исключая, конечно, тѣхъ, на кого обрушивались его выходки; его охотно кормили, пускали ночевать и снабжали остатками одежды. Иногда шалашниковцы пользовались имъ для того, чтобы насолить какому-нибудь шалашниковскому патрицію. Распоясовъ выдавалъ замужъ свою дочь и устроилъ пирушку, шалашниковцы подбили Антошку появиться подъ окнами освѣщеннаго распоясовскаго дома и заорать: эй ты, душегубъ! ты что-жь это: на нашихъ хребтахъ выстроилъ себѣ домъ, а на свадьбу насъ не приглашаешь? Давай четверть водки, не то стекла побью»!.. Гости Распоясова переполошились, самъ онъ позеленѣлъ отъ злости, но счелъ за лучшее уступить Антошкѣ...

Съ Хопромъ Антошка сперва ладилъ, такъ какъ сбывалъ ему за водку то, что ему давали доброжелатели, и что онъ стягивалъ у недоброжелателей. Но разъ какъ-то Хоперъ посмѣялся надъ Антошкой, и тотъ въ отместку ему совершилъ что-то неслыханное. Хоперъ страшно разсердился и порѣшилъ уничтожить Антошку. Боясь, однако, дѣйствовать прямо, онъ счелъ за лучшее подыскать какой-нибудь *обходъ*. Съ этою цѣлью онъ отправился въ городъ посовѣтываться съ однимъ своимъ пріятелемъ, законникомъ.

Пріятель Хопра называлъ себя «деревенскимъ человѣкомъ» въ

томъ смыслѣ, что кормился на счетъ деревни. Онъ писалъ мужикамъ прошенія, подавалъ имъ юридическіе совѣты, расписывался за безграматныхъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и т. п. Для приданія себѣ большей важности, а также для увеличенія своего гонорара онъ носилъ всегда съ собою старенькій портфель и былъ всегда при манишкѣ, хотя, надо правду сказать, манишка эта цвѣтомъ своимъ мало чѣмъ отличалась отъ его чернаго сюртука. Ондако, несмотря на болѣе или менѣе представительную внѣшность, его крючкотворская душа сквозила въ каждомъ его движеніи, такъ что даже Хоперъ, бесѣдуя съ кѣмъ-либо о своемъ пріятелѣ, называлъ его не иначе какъ «крючкомъ». Это былъ, дѣйствительно, настоящій крючекъ, который, прицѣпившись къ кому-либо, отрывался не скоро. Во всѣхъ окружныхъ селахъ у него были пріятели въ родѣ Хопра, которые направляли къ нему мужиковъ, имѣющихъ дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ, а онъ уже «обдѣлывалъ» ихъ.

Разыскавши въ городѣ пріятеля, Хоперъ повелъ его въ трактиръ, такъ какъ «крючекъ» подавалъ свои совѣты не иначе, какъ сидя за спиртными напитками и притомъ не въ кабакѣ, а въ болѣе приличной обстановкѣ пивной или трактира. Когда Хоперъ разсказалъ объ оскорбленіи, нанесенномъ ему Антошкой, и о своемъ желаніи такъ или иначе уничтожить Антошку, крючекъ отвѣтилъ, небрежно пропустивъ въ горло рюмку очищенной:

— Ну, что-жь, сошли его въ Сибирь!

— Какъ такъ, въ Сибирь? удивился Хоперъ.

— По общественному приговору. Въ законѣ сказано, что общество можетъ ссылать порочныхъ членовъ.

— Неужто можетъ?

— Можетъ. Это очень хорошая статья. Во всякомъ какой-нибудь порокъ есть—значитъ, всякаго и можно сослать.

— Всякаго? значитъ, и меня общество можетъ сослать?

— Если захочетъ, то и тебя можетъ.

— Вотъ тебѣ и на! однако, хорошо, что у насъ объ этомъ законѣ не знаютъ, а то мнѣ бы не сдобровать.

— Вона! ты ужь и испугался. А ты вотъ что̀ скажи: у кого въ рукахъ ваше общество?

— У Ильи Иваныча, у Петра Макарыча, ну, и у другихъ богатыхъ, и я немного держу.

— Ну, а ты съ этими Сидоръ Макарычами, да Петрами Иванычами пріятель?

— Ну, еще бы!.. Тутъ ужь дружка за дружку...

— Такъ, какъ же тебя можетъ сослать общество, когда оно у тебя въ рукахъ?

— И впрямь! Вишь ты, а я сразу-то и не сообразилъ...

— То-то и есть. Тебѣ отъ этого закона вреда нѣтъ, а польза можетъ быть большая: чуть кто тебя погладитъ противъ шерсти, вообще вредный для тебя человѣкъ, ты сейчасъ сговорился съ пріятелями да на сходъ: такъ и такъ, вотъ у насъ есть порочный членъ! Да съѣзди когда-нибудь на большой трактъ, тамъ по всѣмъ селамъ то и дѣло по общественнымъ приговорамъ ссылаютъ: какъ кто противъ богатѣевъ заершился, такъ его — маршъ-маршъ!

— Ну, братъ, спасибо, что надоумилъ. Намъ это оченно сподручно будетъ. Я тебѣ за это на слѣдующій базаръ навезу цѣлые вороха деревенскаго добра!

— Ничего, привози.

Въ тотъ же вечеръ, какъ только Хоперъ пріѣхалъ въ Шалашную, онъ обѣгалъ всѣхъ кулаковъ и сообщилъ имъ привезенную новость. Кулаки быстро усвоили всѣ наставленія «крючка» и порѣшили не откладывать въ долгій ящикъ примѣненія *права* общества. Кромѣ Антошки «голопятаго», было еще нѣсколько личностей, отъ которыхъ кулаки давно желали избавиться. Это были сѣдые старики, которые умѣли иногда пристыжать сходъ и удерживать такимъ образомъ шалашниковцевъ отъ продажи своихъ кровныхъ интересовъ за водку. Нечего и говорить, что кулаки, какъ говорится, точили зубы на этихъ стариковъ и теперь увидѣли во вновь открытомъ *правѣ* общества средство избавиться отъ нихъ. Однако, кулаки знали, что если они предложатъ сходу сослать ненавистныхъ стариковъ, то какъ ни велико вліяніе кулаковъ на сходъ, сходъ на ихъ предложеніе не согласится. Низко пали шалашниковцы, а искра Божія въ нихъ еще оставалась. Составлять подложные приговоры отъ имени общества шалашниковскіе кулаки, по неопытности, еще не умѣли. И потому оставалось постепенно пріучать шалакниковцевъ къ пользованію новымъ *правомъ* и на первый разъ предложить къ ссылкѣ одного только Антошку.

Совсѣмъ иначе отнеслось къ дѣлу большинство шалашниковцевъ. Оно сразу поняло, какую роль можетъ играть въ рукахъ кулаковъ новое *право* общества. Каждый шалашниковецъ, сидя дома или бесѣдуя на завалинкѣ съ пріятелемъ, отлично понималъ, что они—«набитые дураки», такъ какъ позволяютъ кулакамъ дѣлать на сходахъ что имъ угодно. Но когда они всѣ собирались на сходъ, то словно дурѣли и забывали все, о чемъ думали въ одиночку или бесѣдовали вдвоемъ. Сначала они отчаянно кричали и протестовали противъ предложеній кулаковъ; но потомъ—особенно, если произносились магическія слова:

«ведро, два ведра»—махали руками и соглашались на все. Они предчувствовали, что тоже самое будетъ и теперь, когда кулаки предложатъ сослать кого-нибудь; и каждый невольно думалъ: «нынче Антошку сошлютъ, а завтра, можетъ, и я на его мѣстѣ буду!» Такимъ образомъ, большинство шалашниковцевъ было противъ ссылки, хотя не изъ-за какихъ-нибудь принциповъ, а просто изъ шкуробоязни.

Нашлись, однако, и принципіальные противники ссылки. Это были, во-первыхъ, старики, жившіе традиціями добраго стараго времени, когда на «кругахъ» личность цѣнилась высоко и не могло быть и рѣчи объ исключеніи кого-либо изъ общества, а тѣмъ болѣе о ссылкѣ, и, во-вторыхъ, «нелюдимцы»...

Такимъ образомъ, по вопросу о ссылкѣ Антошки образовалась сильная оппозиція, и сходъ, по поводу этого вопроса, вышелъ необыкновенно бурнымъ и шумнымъ. Торжественное молчаніе, царившее въ началѣ, было прервано прежде всѣхъ Хопромъ. Онъ принесъ сперва сходу жалобу на поступокъ Антошки, а затѣмъ разсказалъ, сколько краденыхъ вещей Антошка приносилъ къ нему въ кабакъ, да онъ не взялъ.

— Стало быть, какъ этотъ Антошка—пьяница и воръ, заключилъ онъ: — и вредъ отъ него большой, то законъ такихъ велитъ ссылать въ Сибирь на поселеніе на вѣчныя времена.

Не успѣлъ Хоперъ кончить, какъ со всѣхъ сторонъ раздались крики:

— Ишь ты, въ Сибирь! тебя бы туда, потому ты первый грабитель и житья отъ тебя нѣтъ!

— Антошка—воръ, да кто его воромъ-то сдѣлалъ? не ты ли? кабы ты краденаго не принималъ, не кралъ бы и онъ.

— Я краденаго не прималъ, огрызался Хоперъ: — а ежели онъ говоритъ: подарокъ, почемъ же мнѣ знать?..

— Туда же еще пьянствомъ коритъ, а зачѣмъ самъ кабакъ держишь?

— Отчего мужикъ и пьетъ, какъ не отъ того, что вы его грабите!..

— Ты почемъ у Антошки-то овецъ покупалъ, когда онъ больной лежалъ? по полтора? а развѣ такъ по божески можно? ты его больного грабилъ, а теперь его въ Сибирь?!

— На вѣчныя времена, а?!

Мало по малу, сходъ такъ заволновался, что нельзя было разобрать ничего, что̀ говорили деревенскіе ораторы. Когда волненіе нѣсколько утихло, то оказалось, что пренія удалились отъ первоначальнаго вопроса и теперь шли взаимные попреки между кулаками и остальными шалашниковцами.

— Ты съ меня сколько лишку-то взялъ за десять рублей?

— А сколько?

— А, ты забылъ? А есть у тебя на шеѣ крестъ?

— Ты объ крестѣ мнѣ не толкуй, а говори объ дѣлѣ...

— Я объ дѣлѣ и говорю... Забылъ? Ну, такъ я тебѣ напомню... Взялъ ты съ меня двѣ мѣрки пшеницы, да я тебѣ три дня косилъ. Сосчитай, сколько это выйдетъ?..

— Это, братъ, ты самъ считалъ бы, когда деньги занималъ. Зачѣмъ ты приходилъ за деньгами? тянулъ я тебя?

— Нужда, братанъ, нужда!

— А я виновенъ, что-ли, въ твоей нуждѣ?

— Виновенъ. Я на что деньги-то занималъ? на подати. А отчего съ податьми не управился? оттого, что ты лѣтошній годъ за долгъ въ пол-цѣны хлѣбъ у меня отобралъ.

— А ты не занималъ бы!

— Ахъ ты, идолъ! Да развѣ я у тебя занималъ? Мою-жь лошадь за недоимки продавали — ты за семь купилъ, а мнѣ сейчасъ же за двадцать въ долгъ уступилъ... безстыжіе твои глаза!

На другомъ концѣ схода одинъ кулакъ стыдилъ окружающихъ его шалашниковцевъ.

— Васъ же, чертей, выручаешь, а вы попрекаете!...

— Ишь, благодѣтель нашелся!

— Теперь-то ты огрызаешься, а какъ весною приспичитъ, прибѣжишь, въ ногахъ будешь валяться: — выручи, молъ, Мосѣичъ! А какъ тебя выручишь, такъ ты, замѣсто благодарности, міроѣдомъ величаешь!

— Да за что тебя благодарить? Вѣдь ты черезъ эти долги кровь нашу пьешь!

Попреки продолжались довольно долго. Наконецъ, всѣ уморились, у всѣхъ осипли голоса, у всѣхъ пересохло въ горлѣ. Тогда Хоперъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился къ главному вопросу.

— Такъ вотъ я жертвую на «міръ» два ведра; только чтобы, значитъ, сейчасъ приговоръ и Антошку въ холодную!

Эта рѣчь, видимо, произвела благопріятное впечатлѣніе. Наиболѣе нетерпѣливые любители выпивки тотчасъ же предложили Хопру вопросъ:

— Пить-то къ тебѣ въ кабакъ идти, али сюда принесешь?

Аѳанасій Иванычъ молчалъ во все время схода, но теперь не стерпѣлъ и закричалъ:

— Братцы! грѣхъ вамъ! развѣ Антошка не такой же человѣкъ, какъ вы, что вы его за водку губите?

— Эко ты когда схомянулся! заговорилъ одинъ изъ кулаковъ: —

чего-жъ ты давче молчалъ? а теперь лѣзешь, когда ужь пошабашили? чего онъ, братцы, лѣзетъ? вонъ малецъ ужь и за водкой побѣжалъ!

Перспектива двухъ ведеръ была крайне соблазнительна. Къ тому же Аѳанасій Иванычъ, отвернувшись отъ шалашниковцевъ и отказывая имъ въ сосѣдскихъ услугахъ, очень оскорбилъ ихъ и не пользовался теперь никакимъ авторитетомъ. Да наконецъ, Антошка, воръ, пьяница, «голопятый», развѣ онъ такой же человѣкъ, какъ и шалашниковцы, когда у каждаго изъ нихъ есть, по крайней мѣрѣ, *своя* изба? Неудивительно, поэтому, что въ отвѣтъ на слова Аѳанасія Иваныча отовсюду послышалось:

— И впрямь, чего лѣзешь? Отказался отъ міра, ну, и нелѣзь... ступай-ка лучше домой да сиди на печкѣ!

Но Аѳанасій Иванычъ не двигался. Принесли водку — онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на нее и остался на мѣстѣ. Стали граматные входить одинъ за другимъ въ правленіе для подписи заранѣе заготовленнаго писаремъ общественнаго приговора; стали затѣмъ граматные и безграматные пить пожертвованную водку, Аѳанасій Иванычъ все стоялъ неподвижно. И только когда мужикъ, разносившій водку, подошелъ къ нему и спросилъ: «выпьешь, что ли?» онъ быстро повернулся и бросился бѣжать домой.

Шалашниковцевъ это очень разсмѣшило и они начали кричать въ слѣдъ Аѳанасію Иванычу:

— Экъ ему мірская-то водочка не по вкусу!

— Лови его, ребята!

— Улю-лю!

Ребятишки, видя, что взрослые издѣваются надъ Аѳанасіемъ Иванычемъ, бросились за нимъ и съ гикомъ и свистомъ проводили до дому.

Но Аѳанасій Иванычъ едва-ли что слышалъ. Онъ бѣжалъ какъ «оглашенный» и остановился только на своемъ огородѣ у скирда сѣна. Здѣсь онъ опустился на землю и пролежалъ до вечера, безъ всякой мысли, въ какомъ-то полубезсознательномъ состояніи. Только вечеромъ онъ вспомнилъ, что нужно напоить лошадь, и отправился было подъ сарай. Но на полдорогѣ остановился, поглядѣлъ на свой дворъ, на свое хозяйство, и вдругъ ему стало все противно. «Зачѣмъ все это? подумалъ онъ.—Зачѣмъ поить лошадь, пахать, косить? случится несчастье — ногу сломишь, хлѣбъ не уродитъ, и все пропало: сопьешься какъ Антошка, да еще въ Сибирь сошлютъ. Тьфу!..» Аѳанасій Иванычъ плюнулъ и пошелъ спать, оставивъ лошадь непоенною и не исполненными разныя домашнія работы.

Съ этого дня Аѳанасій Иванычъ «задурилъ»: бросилъ работу, оставилъ неубраннымъ хлѣбъ на полѣ, пересталъ ходить въ церковь, сталъ сторониться своей семьи и, наконецъ, началъ «задумываться». Уйдетъ куда-нибудь за село и сидитъ неподвижно цѣлые дни и все что-то думаетъ, произнося иногда отрывочныя слова:

— Живорѣзы, одно слово. Съѣдятъ, поѣдомъ съѣдятъ... житья нѣтъ... Одинъ грѣхъ... Убѣжать—больше ничего...

Отъ напряженной умственной работы и отъ голода—онъ почти ничего не ѣлъ — онъ страшно исхудалъ и сталъ ужасенъ на видъ. Немытый, нечесанный, желтый, съ завострившимся носомъ и подбородкомъ, съ воспаленно-блестящими глазами, онъ наводилъ страхъ на дѣтей, которыя большими толпами бѣгали смотрѣть на него.

Въ домѣ Аѳанасія Иваныча начался плачъ и стонъ, онъ не слышалъ ничего, не обращалъ ни на что вниманія. Полуголодныя дѣти орали, прося хлѣба; обозленная жена постоянно ругала его, понуждая къ работѣ, но ничто не дѣйствовало.

— Чего ты, идолъ, сидишь? вѣдь сдохнемъ съ голоду! кричитъ жена.

— Ну, и издыхайте, апатично отвѣчаетъ онъ.

— Да, вѣдь и ты сдохнешь!..

— Ну, что-жь!

— Тьфу, идолъ! плюнетъ жена и побѣжитъ жаловаться къ сосѣдямъ.

Приходятъ сосѣди и уговариваютъ Аѳанасія Иваныча не «дурить». Онъ или молча выслушиваетъ ихъ или вдругъ огорошиваетъ совѣтчика вопросомъ:

— Вѣдь ты людоѣдъ?

— Что ты, Христосъ съ тобой? обижается сосѣдъ.

— Да вѣдь ты Антошку съѣлъ?

— Да развѣ это я? тоже міръ...

— А ты на сходѣ не былъ? водку Хопрову не пилъ?

Сосѣдъ молчитъ.

— Ну, и ступай откуда пришелъ.

Сосѣдъ уходитъ.

Пришелъ батюшка.

— Какъ же это ты, Аѳанасій? надо трудиться...

— А зачѣмъ я буду трудиться?

— Какъ зачѣмъ? чтобы ѣсть хлѣбъ насущный...

— А развѣ я его ѣмъ?

— Да какъ же не ѣшь?

— А такъ: ты частицу возьмешь, староста за подати другую, Распоясовъ третью—много ли мнѣ останется?

Батюшка помолчалъ.

— Однако, ты—христіанинъ, а потому долженъ трудиться...

— А ты, батюшка, христіанинъ?

— А то какъ же? удивился батюшка.

— Отчего-жь ты не трудишься?

Снова молчаніе.

— У меня санъ, продолжаетъ батюшка:—я пастырь, поставленъ блюсти васъ. У меня своего дѣла много. А ты—крестьянинъ, мужикъ, долженъ работать...

— А если я—мужикъ, да лучше тебя, за что-жь я цѣлый вѣкъ какъ каторжный буду работать? Это какъ по твоему?..

Батюшка обидѣлся и собрался уходить. На прощанье онъ сказалъ:

— Оставь, Аѳанасій; это гордыня въ тебѣ говоритъ, бѣсовскія мысли... Не доведутъ онѣ тебя до добра!

И съ тѣмъ ушелъ.

Кое-какъ, «съ грѣхомъ пополамъ», нанимая рабочихъ изъ части, жена Аѳанасія Иваныча убрала хлѣбъ. Измучившись на работѣ, она рѣшилась просить «міръ» «поучить» мужа, который ни въ чемъ не хотѣлъ помочь ей. «Міръ» внялъ просьбѣ жены, которую всѣ видѣли «вытягивавшею жилы» на работѣ, и «поучилъ» Аѳанасія Иваныча. Молча покорился онъ рѣшенію «міра» и только по окончаніи экзекуціи сказалъ: «подлецы вы, господа старики!» Разсерженный «міръ» не ограничился одной экзекуціей, а посадилъ его еще на три дня въ холодную и, кромѣ того, наложилъ штрафъ въ ведро. Штрафъ былъ тотчасъ же взысканъ: съ арестованнаго Афанасія Иваныча сняли сибирку, сапоги и шапку и отнесли въ залогъ Хопру, а водку роспили.

Когда черезъ три дня Аѳанасія Иваныча выпустили изъ холодной, онъ бѣжалъ изъ Шалашной и пропалъ безъ вѣсти.

II. СТРАННИКЪ.

I.

Медленно тянется группа пѣшеходовъ по песчаной степной дорогѣ. Пыль окружаетъ путниковъ и столбомъ стоитъ надъ ними. Пылью же покрыты ихъ обувь, одежда и лица.

Конецъ августа. Страдная пора кончилась; главнѣйшая часть сельскаго труда—полевыя работы—исполнена, и благочестивые

люди начинають отовсюду двигаться на «богомоленія». Идутъ люди, чающіе получить отъ угодниковъ исцѣленіе отъ своихъ недуговъ; идутъ давшіе по какому-либо поводу «обѣщаніе», идутъ, наконецъ, богомольцы и богомолки, спеціально занимающіеся странствованіемъ по святымъ мѣстамъ.

Труденъ и дологъ путь странника, идущаго иногда за тысячу и болѣе верстъ поклониться святымъ угодникамъ. Желѣзныя дороги въ настоящее время сократили и облегчили этотъ путь, но ими пользуются далеко не всѣ: у однихъ не хватаетъ средствъ, другіе признаютъ угоднымъ Богу только пѣшее странствованіе.

И вотъ они идутъ, усталые, измученные; лица истощенныя, обвѣтренныя, красныя, съ потрескавшимися губами и припекшеюся кровью; одежда порвана, рубахи до нельзя грязны. Черезъ плечи перекинуты сумки съ хлѣбомъ, солью, кружками для воды, походными ножами, смѣною бѣлья и т. п. Питаются они всю дорогу хлѣбомъ съ солью да съ водой; только изрѣдка приходится перехватить гдѣ-нибудь «горяченькаго».

Страннику приходится терпѣть и голодъ и холодъ. Объ этомъ именно и идетъ разговоръ въ группѣ странниковъ, расположившихся на отдыхъ вечеромъ, послѣ жаркаго дня, на берегу грязной, мелкой степной рѣчки.

— И, батюшки мои, говоритъ старушка-богомолка:—что̀ мнѣ только приходилось извѣдывать—уму непостижимо... Разъ шла осенью, къ домамъ поспѣшала, анъ хвать, зима-то ранняя, снѣгъ, морозъ, мятель—обѣ ноги отморозила, думала, что ужь и владать ими не буду... Кой-какъ добрые люди довезли... Ну, дала опять обѣщаніе Троицу-Сергія посѣтить. И что-жь ты думаешь, къ веснѣ ноги-то и отошли!

— Отошли? удивляются слушатели.

— Какъ началось тепло, такъ и стали отходить, а какъ стаялъ снѣгъ, я ужь и ходить стала.

— Во истинну милосердіе Божіе! сказалъ одинъ изъ богомольцевъ и перекрестился.

Перекрестились и всѣ остальные.

— Да, Онъ милосердъ, началъ пожилой странникъ, одѣтый богаче всѣхъ остальныхъ своихъ собесѣдниковъ: все на немъ было и крѣпко и ново. — Онъ милосердъ, только мы-то забываемъ это... Былъ со мной случай, истинное чудо; по тому вотъ самому я теперь и хожу каждый годъ къ угодникамъ. Былъ я больной годъ, и два, и больше: половиной тѣла не владалъ. И всѣ мои дѣла пришли въ разстройство. Са̀мъ-то я въ селѣ лавку бакалеи держу и ссыпкой хлѣба занимаюсь. Ну, какъ заболѣлъ,

не могу ничего самъ дѣлать. А наше дѣло такое, что нуженъ вездѣ хозяйскій глазъ: чуть что не доглядѣлъ, на прикащика не полагай надежды; а сыновъ у меня нѣтъ, все дѣвочки. И стало мое имѣніе истощаться. Ну, лечился, былъ у разныхъ докторовъ—нѣтъ помоги; служилъ молебны—то же никакой пользы. Хорошо. Только приходитъ разъ ко мнѣ странникъ, то же вотъ богомолецъ: проситъ на странствіе. Далъ я ему, и вдругъ мнѣ вступило: «можетъ, и мнѣ сходить бы къ угодникамъ». А какое тамъ ходить, коли у меня лѣвая сторона тѣла вся какъ деревянная—двинуть ногой-рукой не могу. Ну, только не успѣлъ я подумать насчетъ странствія, какъ чувствую, что у меня мякше въ больномъ-то боку стало. Попробовалъ я рукой лѣвой двинуть: чуть-чуть, а все-таки двигается; попробовалъ ногой — тоже, на полвершка передвинулъ. Тутъ ужь я обрадовался: заплакалъ. «Обѣщаю, говорю, къ угодникамъ, какъ только поднимусь». Сейчасъ послалъ за батюшкой: такъ и такъ, молъ, вотъ какое дѣло со мной сдѣлалось—отслужите молебенъ. Отслужили. Послѣ молебна я опять обѣщаюсь, батюшка благословилъ. Дальше-больше, черезъ мѣсяцъ выздоровѣлъ: и рукой и ногой превосходно владѣю. Божья это рука или нѣтъ?

— Она самая!

— А дальше что! Какъ только всталъ я на ноги, сейчасъ котомку на плечи—и въ Кіевъ. Ну, первый день прошелъ—ничего. На второй день начинаю чувствовать, будто нога что-то не слушается. На третій день къ вечеру свалился: ни рука, ни нога. Свалился и лежу на хуторѣ, добрые люди приняли, опять въ такой же болѣсти, какъ и дома, Лежу день, лежу другой — все хуже. «Что же это, думаю; зналъ бы, изъ дому бы не выходилъ». И возропталъ я тутъ. Только ночью во снѣ вижу, подходитъ ко мнѣ старецъ и говоритъ: «иди». «Какъ, говорю, я пойду, когда я—калѣка»? А онъ и говоритъ: «все-таки иди», и скрылся. Проснулся я и думаю: «что же это такое? вѣдь, это прямо указаніе; надо идти». На утро прощаюсь съ хозяевами: «пойду», говорю. А они всѣ въ одинъ голосъ: «куда, говорятъ, тебѣ идти»? «Какъ-нибудь, говорю, буду ползть». Ну и поползъ, прямо такъ на четвереньках и поползъ. Да еще рукой-то лѣвой хоть немного владѣлъ, а нога такъ просто тянулась, какъ будто и не моя. Ползъ я такимъ способомъ до полдня, а потомъ полегчало, сталъ немного владать и ногой; на другой день еще легче, а на третій ужь совсѣмъ пошелъ какъ слѣдуетъ. Сходилъ въ Кіевъ, и вотъ съ тѣхъ поръ пять лѣтъ ни разу не болѣлъ, и ногами владѣю: каждый годъ на богомолье хожу.

— Внялъ, значитъ, Господь!..

При этомъ восклицаніи, которымъ богомольцы и богомолки закончили разсказъ торговца, только одинъ странникъ оставался молчаливымъ и ни однимъ словомъ не выразилъ своего мнѣнія о разсказанной исторіи. Странникъ этотъ рѣзко отличался отъ своихъ товарищей какъ своимъ нищенскимъ костюмомъ, такъ и тѣмъ, что у него не было котомки. Это былъ шалашниковскій бѣглецъ, бѣжавшій отъ «мірской» неправды, Аѳанасій Иванычъ Лопухинъ.

Разсказъ торговца вызвалъ еще нѣсколько разсказовъ о подобныхъ же случаяхъ. Когда всѣ разсказы кончились и усталые богомольцы, закусивши хлѣба съ водой, собрались лечь спать, Аѳанасій Иванычъ неожиданно обратился къ торговцу съ вопросомъ:

— А у кого, почтеннѣйшій, хлѣбъ скупаешь?

Всѣ обратили вниманіе на Аѳанасія Иваныча; даже тѣ, которые начали было молиться на сонъ грядущій, остановились и повернулись въ его сторону. Самъ торговецъ былъ крайне удивленъ и какъ-то нерѣшительно отвѣчалъ:

— Извѣстно у кого... у мужиковъ.

— А отколь будешь самъ? продолжалъ спрашивать Аѳанасій Иванычъ.

— Изъ Самарской губерніи... А ты что̀, землякъ что-ль?

— Что-жь, у мужиковъ тамъ залишекъ хлѣба? не обращая вниманія на вопросъ торговца, продолжалъ допытываться Аѳанасій Иваныч.

— Какой залишекъ! отвѣчалъ торговецъ, все еще не понимая, къ чему ведетъ свой допросъ собесѣдникъ: — самимъ не хватаетъ... Извѣстно, отъ нужды продаютъ.

— Такъ это ты нуждой-то чужой пользуешься?

— Какъ пользуюсь? что̀ я, ихъ тащу къ себѣ, что-ли? сами несутъ!

— Ты думалъ, что для тебя Богъ чудо станетъ творить... за то, что ты своего брата-мужика грабишь!

— А ты не лайся, коли путемъ не знаешь! Что̀ я, одинъ, что-ли, хлѣбъ скупаю: не я, такъ другой.

— Это, братъ, и разбойники такъ говорятъ...

И съ этими словами Аѳанасій Иванычъ отошелъ отъ прочихъ богомольцевъ и легъ. Стали ложиться и остальные, молча и недоумѣвая, какъ отнестись къ происшедшему. Только старуха нѣсколько разъ сквозь зубы проговорила: «искушеніе», да какой-то мужиченко въ лаптишкахъ замѣтилъ своему сосѣду: «а вѣдь ловко онъ его обдѣлалъ... А то совсѣмъ святой!»

II.

Аѳанасію Иванычу не спалось: сильно ужь взволновалъ его разсказъ торговца. «Ишь ты, думалъ онъ:—на богомоленья каждый годъ ходитъ, видѣнья разныя бываютъ, а какимъ дѣломъ занимается, а?! своихъ же грабитъ!» И Аѳанасію Иванычу припомнились кулаки, оставленные на родинѣ, въ Шалашной. Вотъ Распоясовъ стоитъ въ церкви: съ какимъ усердіемъ бьетъ онъ земные поклоны, какъ старательно прикладывается ко всѣмъ иконамъ послѣ службы, какъ часто служитъ молебны! А съ боку Распоясова стоитъ Хоперъ и во всемъ ему подражаетъ, тотъ самый Хоперъ, который еще недавно, будучи бѣднымъ мужиченкомъ, никогда и въ церковь не заглядывалъ. А между тѣмъ, что̀ стоитъ Распоясову или Хопру погубить человѣка, раззорить его, довести до сумы или острога? Ровно ничего. И губятъ. «Притворы! думаетъ Аѳанасій Иванычъ:—Богъ-то у нихъ замѣсто покрышки»...

И вездѣ такъ. Аѳанасій Иванычъ припоминаетъ свой путь отъ Шалашной. Положительно на каждомъ шагу встрѣчалъ онъ факты, доказывающіе, что «Богъ у людей замѣсто покрышки». Принимали его дорогой разно: въ однихъ мѣстахъ ему достаточно было сказать, что онъ идетъ «къ угодникамъ», чтобы быть желаннымъ гостемъ, за то въ другихъ мѣстахъ на него смотрѣли какъ на попрошайку, какъ на человѣка, который только высматриваетъ, не лежитъ ли гдѣ плохо. При этомъ его поразили два обстоятельства. Во-первыхъ, его хорошо принимали, кормили и поили не просто какъ голоднаго человѣка, а именно какъ странника по святымъ мѣстамъ. Всякій разъ, когда ему давали кусокъ хлѣба или пятакъ, то непремѣнно добавляли: «ужь ты за насъ помолись». Одинъ разъ съ нимъ былъ такой случай: покупалъ онъ хлѣбъ и далъ хлѣбной торговкѣ гривенникъ; сдачи приходилось двѣ копейки. У торговки не оказывалось двухъ копеекъ, а были все трехъ-копеечники. Долго торговка не рѣшалась отдать лишнюю копейку, но, наконецъ, отдала, прибавивъ: «ты ужь за меня поставь угодникамъ свѣчку»! Аѳанасій Иванычъ обобщилъ эти случаи такимъ образомъ: «и Бога хотятъ подкупить!» Второе обстоятельство, поразившее Аѳанасія Иваныча, состояло въ томъ, что его стали принимать тѣмъ суровѣе и тѣмъ съ бо̀льшею непріязнью стали относиться къ нему, чѣмъ ближе подходилъ онъ «къ угодникамъ». Когда онъ теперь упоминалъ о своемъ странничествѣ, ему отвѣчали: «мало васъ, такихъ-то шарлатановъ, шляется здѣсь». Аѳанасій

Иванычъ сперва не понималъ, какъ это можно быть странникомъ и шарлатаномъ въ одно и то же время; но скоро обстоятельства разъяснили ему его недоумѣніе.

Аѳанасій Иванычъ ушелъ на богомоленье потому, что ужь больно мучила его деревенская неправда. Неправда эта была и на «міру», и въ семьѣ; проявлялась она и въ отношеніяхъ Распоясова и ему подобныхъ къ остальнымъ шалашниковцамъ, и въ отношеніяхъ заурядныхъ шалашниковцевъ другъ къ другу. Жить окруженнымъ со всѣхъ сторонъ такими явленіями неправды для Аѳанасія Иваныча стало невыносимымъ и онъ рѣшился покинуть Шалашную и искать людей, которые жили бы по правдѣ, по совѣсти, по-божески. Желаніе жить по правдѣ, мало по малу, подъ вліяніемъ созерцанія шалашниковскихъ неправдъ, сдѣлалось до такой степени сильнымъ, что Аѳанасій Иванычъ рѣшился исходить «всю землю», лишь бы найдти «праведныхъ» людей. Но гдѣ такіе люди могутъ быть? Въ городѣ, какъ это зналъ Аѳанасій Иванычъ по собственному опыту, пріобрѣтенному во время хожденія по «мірскимъ» дѣламъ, царитъ неправда еще «похлеще» шалашниковской; въ деревняхъ — порядки тѣ же, что и въ Шалашной. Оставался еще одинъ край, край таинственный, о которомъ у Аѳанасія Иваныча свѣдѣнія были крайне смутныя и крайне заманчивыя. Край этотъ были «святыя мѣста», монастыри, вообще сторона, гдѣ «лежатъ угодники Божіи». Свѣдѣнія объ этомъ краѣ слагались изъ разсказовъ странниковъ и странницъ и изъ того, что вычитывалось въ «Чети-минеяхъ». Неудивительно, что край этотъ рисовался Аѳанасію Иванычу въ самыхъ радужныхъ краскахъ: тамъ въ лицѣ почивающихъ угодниковъ постоянный примѣръ праведности; тамъ подвижники, тамъ постоянное служеніе Богу, и т. д. Неудивительно, что Аѳанасій Иванычъ двинулся за правдой именно въ этотъ край.

Побуждаемый къ странствію исканіемъ правды, Аѳанасій Иванычъ и въ своихъ товарищахъ-странникахъ видѣлъ людей, ищущихъ правды. И дѣйствительно, первое знакомство съ ними подтверждало этотъ взглядъ. Когда онъ, при первой же встрѣчѣ съ странниками, пустился съ ними въ откровенность, началъ изливать свою душу, разсказалъ о паденіи шалашниковскаго «міра», о его пьянствѣ и несправедливостяхъ, о господствѣ неправды въ жизни вообще, всѣ высказывали полное сочувствіе.

— Какая ужь тутъ правда, когда дѣти на родителевъ пошли! говорилъ одинъ странникъ.

— Нынче гривенникъ больше правды, подтверждалъ другой.

Когда Аѳанасій Иванычъ высказывалъ свое негодованіе по поводу такихъ печальныхъ явленій, странники и въ этомъ случаѣ оказывались солидарными съ нимъ.

— Что и говорить: хуже этого и не придумаешь...

Наконецъ, когда онъ высказалъ, что правду можно только въ «святыхъ мѣстахъ» найти, собесѣдники опять соглашались съ нимъ.

— Тамъ, около Бога, какъ же можно!

— Гдѣ-жь ей, матушкѣ, и быть!

— Зачѣмъ же мы туда и идемъ, какъ не за этимъ самымъ?

Словомъ, Аѳанасій Иванычъ убѣдился, что онъ попалъ въ общество людей, подобныхъ ему. Это его очень обрадовало, и онъ въ первый разъ почувствовалъ облегченіе отъ тоски, которая тяжелымъ гнетомъ давила его душу съ тѣхъ поръ, какъ онъ понялъ неправду шалашниковской жизни. Не долгà, однако, была его радость.

Группа богомольцевъ, къ которой присталъ Аѳанасій Иванычъ, сложилась совершенне случайно. Какъ-то разъ сошлись всѣ на одномъ постояломъ дворѣ, и такъ какъ путемъ взаимныхъ распросовъ узнали, что всѣ идутъ въ одно мѣсто, то на другой день пошли всѣ вмѣстѣ. Скоро оказалось, что вмѣстѣ идти и удобнѣе и выгоднѣе: покупая хлѣбъ въ большомъ количествѣ, они получали «уступочку»; останавливаясь вмѣстѣ на одномъ постояломъ дворѣ, они платили меньше обычной платы. Это обстоятельство послужило связью между странниками и обратило случайно собравшуюся толпу въ нѣкотораго рода общество. Чтобы не собирать денегъ каждый разъ, при уплатѣ за хлѣбъ, ночлегъ, переправу и т. п., тѣмъ болѣе, что часто доля каждаго выражалась въ дроби, они избрали изъ своей среды «атамана» и вручили ему на расходы по рублю съ человѣка. Въ атаманы попалъ бойкій и расторопный мужикъ, до изнеможенія торговавшійся за каждую товарищескую копейку. Странники были очень довольны имъ и не могли нахвалиться его умѣньемъ беречь «опчія» деньги. Когда собранныя деньги были израсходованы, товарищи снова сложились, уже по два рубля, и деньги вручили тому же мужику. Но, проснувшись на другой день, они уже не увидѣли своего атамана: онъ бѣжалъ и унесъ деньги.

Эта исторія сразу разрушила обаяніе, которое произвели на Аѳанасія Иваныча странники. Онъ сталъ подозрительно относиться къ нимъ и въ каждомъ словѣ, въ каждомъ поступкѣ сталъ видѣть что-нибудь скрытное. Онъ сдѣлался молчаливъ и не принималъ участія въ общихъ разговорахъ; но за то каждый благочестивый разговоръ, который вели странники, онъ заканчи-

валъ злымъ вопросомъ или угрюмымъ замѣчаніемъ, въ которомъ ясно давалъ понять, что онъ все благочестіе странниковъ ставить ни въ грошъ. Онъ не разъ высказывалъ, что мужики, обзывавшіе странниковъ шарлатанами, были вполнѣ правы. «Нагрѣшитъ, напакоститъ, думалъ онъ:—а потомъ хочетъ Бога подкупить: на богомоленье, молъ, сходилъ... А другой идетъ для почета: былъ, молъ, въ Кіевѣ, или у Сергія... Эхъ, вы сквалыжники!..» И мало-по-малу Аѳанасій Иванычъ приходилъ къ тому заключенію, что и для странниковъ «Богъ за мѣсто покрышки». И снова овладѣла имъ прежняя тоска.

III.

Мрачное воззрѣніе на людей, какъ на существа, «забывшія Бога» и упоминающія о Богѣ только для того, чтобы лучше «обдирать» и «тянуть жилы» изъ окружающихъ, еще болѣе укрѣпилось, и сдѣлалось для Аѳанасія Иваныча несомнѣнною истиною вслѣдствіе печальнаго происшествія, случившагося не задолго передъ ихъ приходомъ въ «святое мѣсто».

На одномъ изъ приваловъ къ партіи странниковъ присоединились двѣ богомолки. Одна изъ нихъ, женщина лѣтъ сорока, была очень молчалива и только постоянно вздыхала. Другая, напротивъ, была очень разговорчива и притомъ знала множество разныхъ духовныхъ исторій, легендъ, разсказовъ и т. д. Мало-по-малу она овладѣла вниманіемъ всей партіи, такъ что во время остановокъ слышался одинъ ея голосъ, повѣствовавшій изумленнымъ слушателямъ какую-нибудь интересную исторію. Интересъ ея исторій увеличивался отъ того, что въ нихъ всегда рѣчь шла о самыхъ животрепещущихъ для мужика вопросахъ. Разъ, напримѣръ, одинъ изъ странниковъ упомянулъ о жукѣ, поѣдающемъ хлѣбъ, разсказчица тотчасъ же вмѣшалась и спросила:

— А знаете, откуда взялся жукъ?

— Нѣтъ, отвѣтили всѣ и сдвинулись къ разсказчицѣ, предчувствуя, что она собирается что-то сообщить.

Разсказчица начала. Говорила она особымъ тономъ и особымъ голосомъ, усвоенными собственно для разсказовъ подобнаго рода.

— Было это, батюшки, годиковъ такъ съ пять тому назадъ. Вышли разъ богомольцы изъ Кіева. Шли они день, шли другой, шли и третій. Только остановились они, матушки мои, ночевать въ степу. Повечеряли, помолились и улеглись. Только не спится имъ, все думки про домашнихъ: какъ, молъ, тамъ безъ насъ, все ли благополучно? Ворочались, ворочались—нѣтъ,

ужь вѣрно не заснуть. И говорятъ другъ дружкѣ: «что-жь мы будемъ по пусту ворочаться? Лучше пойдемте: мѣсяцъ свѣтитъ, дорогу видно». Пошли; идутъ и молитвы читаютъ: потому артель ихняя маленькая, степь глухая — долго ли до грѣха? Только вдругъ померкаетъ мѣсяцъ—и темно, темно сдѣлалось по степу. Страшно стало богомольцамъ: ну, вдругъ волки, а не то еще хуже волковъ — злые люди? И видятъ они: огни замелькали. «Должно, чумаки», думаютъ:—пойдемъ къ нимъ». Стали подходить: видятъ — чумаковъ нѣтъ, а стоитъ церковь съ золотыми крестами и вся въ огняхъ. Изъ оконъ церкви такъ свѣтъ и валитъ, а отъ золотыхъ крестовъ еще пуще. Взошли богомольцы на паперть, глядятъ—никого въ церкви нѣтъ, а стоитъ только среди церкви гробъ. Обуялъ ихъ тутъ страхъ и ужасъ. Только думаютъ: храмъ Божій, значитъ, нечистаго нѣтъ ничего. Перекрестились и взошли во внутрь. Перво на-перво приложились ко всѣмъ ликамъ, а потомъ ударили поклоны передъ гробницей. Вдругъ изъ гроба слышится гласъ: «Братія! я не мертвъ, а живъ, хочу поучать васъ». Обомлѣли богомольцы, хотѣли бѣжать—анъ ноги не слушаются. А изъ гроба поднялся монахъ, сѣлъ въ гробу-то и говоритъ: «Гдѣ вы, люди Божіи, были?»—«У Іоны-пророка», отвѣчаютъ они; а у самихъ такъ все и трясется, насилу языкъ поворачивается: никогда они о такихъ дивныхъ дѣлахъ не слыхивали. Только монахъ спрашиваетъ дальше: «Что же, говоритъ, вамъ Іонъ-пророкъ говорилъ?»—«Мнѣ, говоритъ старушка, щепочку далъ».—«А мнѣ, говоритъ одинъ богомолецъ, писанный листочекъ: поученіе святыхъ».—«А мнѣ—отслужить двѣнадцать молебней».—«А мнѣ—семь лѣтъ на богомоленье ходить»... Ну, разсказали всѣ, что кому было. Тогда монахъ и спрашиваетъ: «а про послѣднее время говорилъ Іона-пророкъ?»—«Говорилъ».—«Ну, слушайте, что я вамъ скажу: скоро, скоро конецъ міру! Ибо, говоритъ, нечестія ваша предовлѣли и нечистая вопіютъ. Долготерпѣливъ и милостивъ Господь, но и наказуетъ. И сказано въ писаніи: будутъ предъ концомъ міра огненныя колесницы, поднимется братъ на брата, родится антихристъ, настанетъ моръ, гладъ и войны. И все это есть: антихристъ родился—папа рымскій, колесница — желѣзная дорога... И напущу, глаголетъ Саваоѳъ, на ваши поля песьихъ мухъ, и будутъ они хлѣбъ вашъ поѣдать... Идите, говоритъ, и глаголите всѣмъ: да слышитъ имѣющій уши!» Сказалъ это онъ—и вдругъ все исчезло: и монахъ, и гробъ, и церковь. Стоятъ богомольцы въ голомъ степу и дивуются, что это было... Вотъ съ этого года и пошелъ жукъ».

Странники слушали разсказъ съ величайшимъ вниманіемъ: у

нѣкоторыхъ даже мурашки ползали по спинѣ. По окончаніи разсказа, всѣ сидятъ, потупившись и о чемъ-то размышляя. Наконецъ, раздается какое-нибудь восклицаніе въ такомъ родѣ:

— Премудрость!

Словомъ, благодаря своимъ разсказамъ, странница пріобрѣла въ глазахъ своихъ случайныхъ товарищей громадный авторитетъ. И потому, когда вдругъ разсказчица и ея товарка внезапно скрылись, всѣ искренно сожалѣли объ этомъ. Каково же было общее удивленіе и негодованіе, когда на слѣдующемъ привалѣ у многихъ странниковъ оказались исчезнувшими разныя вещи, хранившіяся въ котомкахъ! Оказалось, что въ то время, когда разсказчица занимала публику своими исторіями, ея товарка обирала котомки. Больше всѣхъ негодовалъ Аѳанасій Иванычъ, хотя у него не могло пропасть ничего, такъ-какъ ничего и не было.

Этотъ случай такъ подѣйствовалъ на Аѳанасія Иваныча, что на минуту у него явилась мысль: «и въ святомъ мѣстѣ тоже, пожалуй, этакія штуки...» Но ему тотчасъ же стало стыдно и онъ началъ молиться объ «избавленіи отъ искушенія». Молитва помогла ему, и онъ вступилъ въ «святое мѣсто» съ твердой вѣрой, что въ то время, какъ во всемъ мірѣ царитъ неправда, въ «святомъ мѣстѣ» полное царство правды. Потому: «ужли-жъ и около угодниковъ такъ можно?»

IV.

Со страхомъ и благоговѣніемъ вступилъ Аѳанасій Иванычъ въ «святой градъ». Но—увы!—если еще по дорогѣ вѣра его колебалась неблагопріятными фактами, то здѣсь этихъ фактовъ было еще больше. «Святой градъ» давно сдѣлался коммерческимъ городомъ, а его знаменитый монастырь очень походилъ на торжище. Всюду кружки, тарелки для сбора, всюду слышится звукъ монеты. У самыхъ воротъ монастыря идетъ бойкая торговля образами, крестиками и пр. Всюду рядомъ съ святыми словами— «молебенъ», «акаѳистъ», «сорокоустъ»—слышатся и грѣшныя— «полтинникъ», «десять рублей», «не дорого» и т. п.

Эта коммерческая сторона «святого мѣста» страшно поразила Аѳанасія Иваныча: *этого* онъ ужь ни въ какомъ случаѣ не ожидалъ. Онъ шелъ сюда съ больною душею, съ громаднымъ запасомъ оскорбленнаго чувства правды, съ цѣлымъ рядомъ мучительныхъ вопросовъ, возбужденныхъ созерцаніемъ господства неправды, насилія, обмана, прижимки; онъ шелъ сюда въ надеждѣ найти здѣсь правду, праведныхъ людей и раскрыть передъ ними

всю свою душу, высказать всѣ свои сомнѣнія и вопросы; онъ ожидалъ найти здѣсь успокоеніе, разрѣшеніе наболѣвшихъ вопросовъ, указаніе пути среди явленій неправды—и вмѣсто того нашелъ тоже, что измучило его въ Шалашной, дома, что заставило его бѣжать съ родины!

Съ растерзаннымъ сердцемъ, уныло бродилъ онъ по монастырю, уныло и какъ-то безсознательно прикладывался къ святынямъ, отстаивалъ обѣдни, сидѣлъ въ трапезной, одиноко толкался среди группъ странниковъ. И всюду, и вездѣ онъ подмѣчалъ копеечные интересы, всюду слышалъ разговоры о деньгахъ, всюду видѣлъ проявленія жадности. Нельзя сказать, чтобы здѣсь не было явленій, которыя показывали, что здѣсь есть люди, заботящіеся и о «душѣ», люди, для которыхъ «душа» была важнѣе копейки. Но эти явленія какъ-то робко жались по уголкамъ, словно конфузясь выйти на вольный свѣтъ, словно робѣя передъ явленіями другого рода. А явленія другого рода лѣзли на проломъ, бросались какъ будто нарочно прямо въ глаза. Вотъ какой-то монахъ громогласно выразился: «ну, народъ! цѣлуютъ (угодниковъ) много, а кладутъ мало!» Вотъ за «даровымъ» обѣдомъ богомольцевъ болѣе десяти разъ обходятъ съ тарелками для сбора пожертвованій, да кромѣ того, около каждой чашки съ кушаньемъ стоитъ кружка съ надписями. Вотъ, наконецъ, случай кражи...

Особенно поразилъ Аѳанасія Иваныча послѣдній случай. Дѣло было такъ. Будучи въ пещерахъ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ монаховъ, стоявшихъ неподвижно по угламъ, невдалекѣ отъ тарелокъ, на которыя благочестивые богомольцы клали деньги. Выходя изъ пещеры, онъ съ неменьшимъ удивленіемъ замѣтилъ двухъ монаховъ, стоявшихъ у выхода изъ пещеръ и внимательно осматривавшихъ спины выходившихъ богомольцевъ. Аѳанасій Иванычъ остановился и думалъ: что̀ это значитъ? Вдругъ выходившая изъ пещеръ толпа заволновалась, зашумѣла. Стоявшіе у входа монахи тащили какую-то бабу; толпа бросилась за ними. Всѣ спрашивали другъ друга: «что такое?»

— Вездѣ брала? спрашивали бабу монахи.

— Вездѣ, родимые, покорно отвѣчала баба:—грѣхъ попуталъ.

Оказалось, что монахи, стоявшіе по угламъ пещеръ, наблюдали за тарелками и, когда замѣчали, что кто-нибудь изъ богомольцевъ, вмѣсто того, чтобы положить, тянулъ деньги съ тарелки, незамѣтно дѣлали мѣломъ знакъ на спинѣ вора. По этому-то знаку монахи, стоявшіе у входа, и узнали воровку.

Пойманная въ воровствѣ баба, въ наказаніе, была на цѣлый день привязана къ оградѣ на виду и въ поученіе прочимъ богомольцамъ.

Аѳанасія Иваныча эта исторія кольнула въ самое сердце. «Хороша воровка, думалъ онъ: — да и монахи тоже теплые ребята! Богъ-то Богъ, а мамонъ своимъ чередомъ!..»

Понятно, что такое мрачное настроеніе души должно было рано или поздно кончиться кризисомъ, рано или поздно долженъ былъ произойти переломъ, разрывъ съ прежними вѣрованіями. И кризисъ наступилъ.

Въ монастырѣ богомольцамъ даются даровые обѣды. Даровыми они, впрочемъ, названы просто по недоразумѣнію, такъ какъ въ теченіи обѣда съ богомольцевъ собирается больше, нежели стоитъ самый обѣдъ. Обѣдъ и количественно, и качественно былъ таковъ, что богомольцы вставали послѣ него съ легкими желудками, и такимъ образомъ плоть не мѣшала духу предаваться пареніямъ. Что именно эту послѣднюю цѣль преслѣдовали монастырскіе обѣды, нельзя было сомнѣваться при взглядѣ на микроскопическіе кусочки хлѣба, лежавшіе по одному передъ обѣдающими.

Аѳанасій Иванычъ былъ въ монастырской трапезѣ всего одинъ разъ, да и тотъ кончился для него несчастно. Усѣвшись за столъ, онъ счелъ нужнымъ прислушаться къ тому, что читалъ на одномъ концѣ комнаты сѣдой монахъ. Удовлетворивши въ этомъ отношеніи своей любознательности, онъ приступилъ къ ѣдѣ; но тутъ онъ замѣтилъ, что лежащій передъ нимъ кусочекъ хлѣба неизвѣстно куда исчезъ. Разсудивъ, что безъ хлѣба поданная на столѣ мутная вода едва ли окажется особенно вкусною, онъ обратился къ проходившему мимо него монаху съ просьбою на счетъ «кусочка хлѣба». Монахъ разразился цѣлою рѣчью противъ чревоугодья, поклоненія мамонѣ и т. д. Аѳанасій Иванычъ снова повторилъ свою просьбу. Монахъ опять свое. Аѳанасій Иванычъ не выдержалъ:

— Да ѣсть я хочу! закричалъ онъ.

Это было, по понятіямъ монаха, изъ рукъ вонъ. И тотчасъ же могучія руки подхватили Аѳанасія Иваныча и выбросили его изъ трапезной. Толчекъ былъ такъ силенъ, что Аѳанасій Иванычъ пришелъ въ себя не прежде, какъ выбѣжалъ изъ монастыря и добѣжалъ до рѣки.

Здѣсь, сидя на обрывѣ, онъ началъ размышлать о томъ, что̀ такое съ нимъ случилось? Боль личной обиды совершенно стушевывалась передъ жгучею болью, происходившею отъ сознанія, что «и здѣсь нѣтъ правды». «Такъ вотъ они каковы! думалъ онъ.— Гдѣ-жь правда? гдѣ праведные люди?» И онъ въ ужасѣ останавливался передъ окончательнымъ выводомъ; сдѣлать этотъ выводъ значило уничтожить въ жизни все, для чего стоило бы

жить. Сказать, что правды нѣтъ нигдѣ, значило сказать: топись, братъ, благо рѣка подъ рукой. И онъ всячески старался уклониться отъ окончательнаго вывода, утѣшалъ себя разными соображеніями, въ родѣ того, что «должно, это только тутъ такъ; а въ другихъ мѣстахъ, должно, благодать». Но онъ самъ уже чувствовалъ всю шаткость своихъ соображеній.

Въ это самое время мимо Аѳанасія Иваныча прошли два арестанта, сопровождаемые конвоемъ солдатъ. Одинъ изъ арестантовъ былъ старикъ, съ широкой сѣдой бородой, другой — еще совсѣмъ молодой мужикъ. Оба были необыкновенно блѣдны и серьёзны. Аѳанасій Иванычъ со вниманіемъ смотрѣлъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока они не скрылись, завернувъ за уголъ одного изъ прирѣчныхъ домовъ, и затѣмъ обратился къ молодому парню, по костюму мастеровому, сидѣвшему тоже на обрывѣ и бросавшему въ рѣку отъ скуки камешки.

— Паря! энто кого повели? спросилъ Аѳанасій Иванычъ.

— Штунда! отвѣчалъ тотъ и какъ-то особенно взмахнулъ головой.

— То ись, какъ это? переспросилъ Аѳанасій Иванычъ, не слыхавшій никогда такого мудренаго слова.

— Штундовые... вѣра такая, значитъ, религія, пояснялъ мастеровой.

— Нехристи?

— Хрестьяне... какъ слѣдуетъ... У нихъ, братецъ ты мой, говорилъ мастеровой, пересаживаясь поближе къ Аѳанасію Иванычу: — евангеліе, значитъ, напримѣръ, у каждаго завсегда съ собой... Народъ ничего, хорошій... Только, значитъ, поповъ нашихъ не признаютъ... А то народъ хоть куда: водки, къ примѣру, ни-ни!..

— За что-жь ихъ такъ-то... съ солдатами?

— А это, видишь ли, какое дѣло? Обращаютъ ихъ въ нашу вѣру, понимаешь?.. Сперва на-перво въ монастырь подъ началъ... ну, и наставленіе тамъ. А когда не подѣйствуетъ, тогда въ острогъ...

— Отчего-жь не дѣйствуетъ... въ монастырѣ-то?

— А оттого, что тамъ, въ монастырѣ-то, хуже! Это, братанъ, я ужь доподлинно знаю, потому самъ тамъ жилъ послушникомъ, хотѣлъ тоже въ монахи, только убѣжалъ... Человѣкъ я веселый, разгульный, а и мнѣ жутко стало... Да вотъ тебѣ: жили у насъ три мѣсяца богомолки. Ну, скажи, какъ это въ мужскомъ монастырѣ женскія персоны такъ долго пребываютъ? Фальшь, аль нѣтъ?.. А на повѣрку выходитъ: богомолки полы моютъ. И моютъ онѣ, братанъ мой, что-то слишкомъ часто... А то, замѣчаю, бо-

гомолки вишни рвутъ, а садъ на запорѣ. А потомъ дѣло пошло въ явь: вино, напримѣръ, пѣсни... Ну, я глядѣлъ-глядѣлъ и сбѣжалъ...

— Да ты не врешь?

— А врать-то мнѣ какой барышъ? Я вотъ тебя видалъ, а потомъ и нѣту; сидѣлъ съ тобой, а потомъ поднялся (мастеровой, дѣйствительно, поднялся) и ушелъ! чего-жь мнѣ врать! чудакъ!

Аѳанасій Иванычъ остался одинъ. «Стало быть, всюду тоже, а то еще хуже», думалъ онъ. Ему пришла въ голову мысль броситься въ рѣку, но онъ тотчасъ же поднялся и поспѣшилъ уйти на постоялый, гдѣ онъ остановился. На постояломъ онъ тотчасъ же легъ спать. Ему нездоровилось.

На утро оказалось, что онъ въ сильнѣйшей горячкѣ. Цѣлый рядъ душевныхъ волненій, непривычная умственная работа, почти полное воздержаніе отъ пищи, о которой онъ забывалъ за своими думами, все это сломило его сильный организмъ, и въ больницѣ, куда его доставилъ дворникъ, его причислили къ безнадежнымъ.

V.

Однако, доктора ошиблись: мужицкая натура побѣдила болѣзнь, и Аѳанасій Иванычъ, послѣ долгихъ страданій, сталъ поправляться. Удивленные мужицкою живучестью, доктора перевели его въ палату выздоравливающихъ. Выздоравливаніе тянулось долго; разслабленный организмъ требовалъ продолжительнаго ухода.

Сосѣдомъ Аѳанасія Иваныча по больничной палатѣ былъ какой-то странный старикъ. Лицо его было безъ усовъ и бороды, хотя въ тоже время на немъ не было замѣтно слѣдовъ бритвы. Щеки были жирны до отвислости; подбородокъ двойной. Вообще лицо походило болѣе на женское, чѣмъ на мужское. Голосъ былъ мягкій и тонкій, какъ у дѣтей. Старикъ большую часть дня проводилъ за чтеніемъ какой-то маленькой книги. Съ товарищами по палатѣ онъ не входилъ ни въ какія сношенія и держался отъ всѣхъ въ сторонѣ. Иногда къ нему приходили посѣтители, молодые и старые, но всѣ безъ растительности на лицѣ, всѣ съ двойными подбородками и съ мягкими голосами. Старикъ усаживалъ посѣтителей на своей койкѣ, и они медленно вели долгія бесѣды, при чемъ въ рѣчахъ ихъ то и дѣло слышались слова: «братецъ», «милъ дружокъ» и т. п. При появленіи и при уходѣ посѣтителей, старикъ обмѣнивался съ ними низкими поклонами и лобызаніями.

Странный старикъ обратилъ на себя вниманіе Аѳанасія Иваныча. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ неподвижно, обратившись въ сторону старика и наблюдая за тѣмъ, какъ старикъ медленно водилъ глазами по книгѣ и беззвучно шевелилъ губами. Въ свою очередь, старикъ скоро замѣтилъ этотъ взглядъ, постоянно устремленный на него, и сталъ присматриваться къ Аѳанасію Иванычу. Скоро между ними, какъ-то само собою, завязались сношенія, и черезъ нѣсколько дней старикъ уже разспрашивалъ Аѳанасія Иваныча о семьѣ, о его житьѣ-бытьѣ и т. п. Ласковый тонъ, предупредительность, участіе къ положенію Аѳанасія Иваныча, интересъ, обнаруженный старикомъ по отношенію къ его вопросамъ и сомнѣніямъ, все это вызвало живѣйшую симпатію къ старику и заставило раскрыть передъ новымъ знакомцемъ всю свою душу. Старикъ внимательно выслушалъ разсказъ Аѳанасія Иваныча и о безурядицѣ, разбоѣ и «денномъ» грабежѣ, которые царятъ въ Шалашной, и о тѣхъ надеждахъ, которыя онъ возлагалъ на «святое мѣсто», и о разочарованіяхъ, которыя испыталъ онъ, убѣдившись, что для людей Богъ «замѣсто покрышки» и о многомъ другомъ. Когда Аѳанасій Иванычъ излилъ всю накопившуюся въ его душѣ скорбь, когда онъ выразилъ свое отчаяніе по поводу того, что теперь ему «не во что вѣрить», когда онъ высказалъ свои недоумѣнія насчетъ того, «какъ ему теперь жить», старикъ заговорилъ въ свою очередь. Онъ заговорилъ грознымъ, пророческимъ тономъ, который страшно поразилъ Аѳанасія Иваныча. Въ голосѣ старика уже не слышалось прежней мягкости и пѣвучести; напротивъ, онъ былъ рѣзокъ и грубъ. Глаза его горѣли; выраженіе лица измѣнилось.

— Да, другъ, говорилъ старикъ: — все нынче дурно. Всюду ложь и обманъ, всюду неправда. Нѣтъ ни правды, ни дружбы, ни любви въ мірѣ. Въ судѣ богатый всегда возьметъ верхъ надъ бѣднымъ. Архіереи ѣздятъ въ колясках. Чиновные заправляютъ безъ стыда и совѣсти. Въ семьѣ всему дѣлу голова — деньги. Люди другъ къ дружкѣ идутъ, другъ съ дружкой дѣла дѣлаютъ не по вѣрѣ, а по бумажнымъ скрѣпамъ. Всѣ испортились, всѣ развратились. Деньги — все. За деньги ты купишь и тѣло, и душу. Объ деньгахъ нынче самый маленькій мальчикъ говоритъ. Изъ-за денегъ всѣ бьются. Изъ-за нихъ и вражда, и война, и погибель... Но Богъ не хочетъ, чтобы грѣхъ поборолъ благочестіе. Благодать еще не перевелась на землѣ. Есть люди, которымъ хочется жить въ любви, въ дружбѣ и согласіи. Они отрѣшились отъ міра и живутъ «кораблями». Тамъ миръ и любовь, вѣра и правда. Люди эти *избранники Божіи*, *Христовы*

люди, бѣлые голуби... Если у тебя болитъ душа, иди къ нимъ: вѣра возвратится къ тебѣ, и тамъ найдешь правду и праведниковъ.

Съ затаеннымъ дыханіемъ слушалъ Аѳанасій Иванычъ старика. Что-то сладостное испытывалъ онъ, словно цѣлебный бальзамъ проливался на его душевныя раны. Ему страстно, до боли захотѣлось попасть въ эти «корабли» «бѣлыхъ голубей», пожить этою жизнью безъ вражды, безъ ссоръ, безъ грызни. Его изстрадавшаяся душа жаждала, требовала этой жизни по дружбѣ, по любви. И онъ выразилъ старику свое искреннѣйшее желаніе присоединиться къ обществу «людей Божьихъ».

Старикъ совѣтовалъ не торопиться.

— Ты сперва обдумай хорошенько, чтобъ ужъ послѣ не каяться... Не хорошо будетъ, какъ послѣ откажешься отъ «Божьихъ людей». Испытай себя, готовъ ли? А теперь познакомься съ словомъ Божьимъ, что тамъ сказано: будешь знать, какъ надо жить съ «Божьими людьми»...

Съ этого дня старикъ каждый день читалъ Евангеліе, причемъ комментировалъ каждый стихъ. Аѳанасій Иванычъ, слышавшій прежде Евангеліе только въ церкви, гдѣ онъ ровно ничего не понималъ, былъ страшно пораженъ и удивленъ, вслушиваясь въ евангельскую проповѣдь. Боже мой! да вѣдь это именно то, что онъ чувствовалъ, но чего не могъ выразить словами! вѣдь это именно то, чего недостаетъ теперь людямъ, чего нѣтъ въ жизни! Простыя, безъискуственныя слова евангелія, въ которыхъ выражались великія міровыя истины, имѣли для Аѳанасія Иваныча громадное обаяніе, производили необыкновенно сильное впечатлѣніе. И съ какою радостью онъ слушалъ эти святыя слова, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ всякій разъ, когда начнетъ старикъ чтеніе!

Но вотъ вопросъ: Христосъ проповѣдывалъ давно—отчего же люди до сихъ поръ не вслушались въ слова его проповѣди? отчего они до сихъ поръ не примѣняютъ къ жизни его законовъ, до сихъ поръ живутъ во взаимной враждѣ? Въ отвѣтъ на это старикъ развилъ предъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ идею скораго суда Христова надъ міромъ.

— Люди презрѣли слова евангелія, говорилъ онъ:—мало того, ни стали извращать смыслъ евангельскихъ изрѣченій, чтобъ правдать свое мерзкое житіе; они такъ дурны, такъ грѣховны, акъ порабощены діаволомъ, что дерзаютъ взваливать на Бога юи богомерзкіе поступки! И за все это они погибнутъ, какъ мѣвшіе уши и не хотѣвшіе слышать, имѣвшіе зрѣніе и не хоѣвшіе видѣть. Скоро настанетъ день суда и каждому будетъ

воздано по дѣломъ его. Страшная казнь ждетъ нечестивцевъ, за то, что они отринули Христа. Но хорошо будетъ тѣмъ, кто живетъ по евангелію, по правдѣ, въ мірѣ и любви. Великая ихъ ждетъ награда!..

Слова старика не давали отвѣта на вопросъ Аѳанасія Иваныча; напротивъ, они отвлекали его вниманіе отъ этого вопроса, такъ-какъ идея о близкомъ наказаніи живущихъ не по правдѣ пришлась ему очень по сердцу и стала любимымъ предметомъ его размышленій. Да, думалъ онъ, кто издѣвается надъ добрыми людьми, кто отнимаетъ у своего ближняго кусокъ хлѣба, кто обращаетъ «святое мѣсто» въ торжище, всѣ эти люди должны погибнуть, всѣ они заслужили гибель. Они попрали правду—и за это будутъ наказаны.

Но онъ-то самъ что̀ заслужилъ? Положимъ, что онъ не грабилъ, не издѣвался надъ правдой, не торговалъ благодатью. Но за то и хорошаго онъ, не Богъ знаетъ, сколько сдѣлалъ. Правда, онъ стоялъ за свой деревенскій «міръ» и много потерпѣлъ за него. Но это ему казалось такою естественною вещью, что онъ даже не подумалъ поставить себѣ этого въ заслугу. А что хорошаго сдѣлалъ онъ, помимо этого? — Ничего. Онъ только молчалъ и терпѣлъ: молчалъ и тогда, когда у его сосѣда продавали воловъ за долги Распоясову, и тогда, когда при немъ старались подкупить Бога. Гдѣ же его заслуги? Нѣтъ, онъ долженъ сдѣлать что-нибудь такое, что выдѣлило бы его изъ массы неправедниковъ и дало бы ему право на спасеніе, право избѣгнуть всеобщей гибели. Но что же именно долженъ онъ сдѣлать, что̀?

И вотъ однажды онъ услышалъ отвѣтъ на свой вопросъ. Старикъ, читая евангеліе, упомянулъ о «положеніи души за други своя». Эти слова глубоко запали въ душу Аѳанасія Иваныча. Да, именно положить свою душу за другихъ — это такой подвигъ, который дастъ ему право на спасеніе при всеобщей гибели. Но какъ пожертвовать собою? какъ устроить это самопожертвованіе такъ, чтобы отъ него дѣйствительно была польза другимъ? Старикъ, которому Аѳанасій Иванычъ, передавалъ всѣ свои мысли, обѣщалъ указать ему то дѣло, ради котораго онъ долженъ принесть себя въ жертву. Авторитетъ старика былъ настолько великъ въ глазахъ Аѳанасія Иваныча, что онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что старикъ дѣйствительно укажетъ дѣло, совершая которое онъ, ради счастія другихъ, пожертвуетъ собою. Къ дѣлу этому Аѳанасій Иванычъ, по словамъ старика, можетъ приступить тотчасъ же по выходѣ изъ больницы.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ времени, когда его силы на-

столько оправится, что онъ будетъ въ состояніи оставить больницу. Ему страстно хотѣлось, чтобы это время наступило скорѣе: тамъ, за стѣнами больницы, онъ ожидалъ найти нѣчто такое, чего еще не видѣлъ и не испыталъ—тамъ онъ найдетъ общество праведниковъ и сдѣлается достойнымъ этого общества, принесши себя въ жертву за другихъ.

Мысль о самопожертвованіи особенно занимала его больной умъ. Въ чемъ должно было состоять это самопожертвованіе, онъ ясно не представлялъ и довольствовался въ этомъ отношеніи различными фантастическими картинами, матеріалъ для которыхъ онъ бралъ изъ разсказовъ старика о жизни и страданіяхъ разныхъ мучениковъ и подвижниковъ. То онъ видѣлъ себя стоящимъ въ пламени на кострѣ; то воображалъ себя привязаннымъ къ какому-то колесу, которое, вращаясь, ломало ему кости и отрывало куски мяса; то ему представлялось, что у него содрана со всего тѣла кожа. Больное воображеніе рисовало всѣ эти картины до такой степени живо, что онъ дѣйствительно видѣлъ ихъ, дѣйствительно чувствовалъ мучительныя страданія и боль. Словомъ, съ нимъ начались галлюцинаціи. Здоровье его нетолько перестало поправляться, но начало замѣтно ухудшаться.

Старикъ понялъ, въ какомъ состояніи находится Аѳанасій Иванычъ и предложилъ ему выйти вмѣстѣ съ нимъ изъ больницы. Аѳанасій Иванычъ согласился съ радостью, и они въ тотъ же день отправились въ глубь Малорусскихъ степей, гдѣ, по словамъ старика, жили «Христовы люди». И вотъ во время этой дороги старикъ открылъ Аѳанасію Иванычу, какъ онъ можетъ спастись, пожертвовавъ собою за другихъ.

На постоялыхъ дворахъ, гдѣ они останавливались, старикъ продолжалъ читать евангеліе и бесѣдовать по поводу прочитаннаго. Однажды, старикъ остановилъ вниманіе Аѳанасія Иваныча на слѣдующемъ мѣстѣ евангелія: «Ибо есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились такъ; и есть скопцы, которые оскоплены отъ людей; и есть *скопцы, которые сами себя сдѣлали скопцами.*

— Понимаешь ли, что это значитъ? спросилъ старикъ.

Аѳанасій Иванычъ отозвался непониманіемъ.

— А это на счетъ браку... то есть, чтобы не касаться жены, чистоту соблюдать. Потому—грѣхъ отъ женъ большой...

— Какъ же такъ? удивился Аѳанасій Иванычъ:—вѣдь этакъ и люди переведутся...

— А тутъ что сказано? «кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ». А развѣ всѣ могутъ вмѣстить? Небось, люди будутъ... Да и

Богъ всемогущъ: захочетъ — и люди будутъ размножаться безъ грѣха... Ну, а какъ ты думаешь, что это значитъ — «скопецъ»?

— Извѣстно—скопить... оскопленый...

— Значитъ: нужно скопить себя?

Аѳанасій Иванычъ молчалъ и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на евангеліе: «какъ это такъ?» думалъ онъ.

— Нѣтъ, дружокъ мой, продолжалъ старикъ:—это не значитъ, что нужно оскопить себя; это нужно понимать духовно: значитъ, нужно воздерживаться... Ну, а вотъ есть люди, которые по простотѣ своей такъ и поняли, что нужно оскопить себя, и оскопились... Теперь-то ужъ жалѣютъ, да ничего не подѣлаешь... Хорошіе они люди: не побоялись, коли думали, что дѣлаютъ хорошо... А ихъ преслѣдуютъ, гонятъ и власти, и простые люди. Они всѣмъ противны, всѣ ими гнушаются, всѣ ихъ ненавидятъ... А чѣмъ они, сиротушки, виноваты? Они и такъ несчастны, а ихъ гонятъ. Нужно имъ дать покой... Вотъ за нихъ-то, гонимыхъ, презираемыхъ, принесть себя въ жертву—вотъ это будетъ заслуга передъ Богомъ!..

И старикъ вопросительно поглядѣлъ на Аѳанасія Иваныча.

Въ какой экзальтаціи ни былъ Аѳанасій Иванычъ, но онъ очень смутился, услышавъ предложеніе старика. Скопцы вообще не пользуются расположеніемъ простого народа; отвратительная операція, губящая скопцовъ физически и нравственно, невольно заставляютъ относиться къ нимъ съ омерзеніемъ. И вотъ за этихъ-то уродовъ-скопцовъ ему предлагаютъ пожертвовать собою. Онъ не знаетъ еще, въ чемъ будетъ состоять его самопожертвованіе, но, во всякомъ случаѣ, онъ мечталъ не объ этомъ. Какъ-то жутко, непріятно чувствовалось ему. Въ душѣ шевельнулось отвращеніе, чувство брезгливости...

Старикъ замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвели его слова. «Охъ, берегись, дружокъ, бѣсъ тебя смущаетъ!» сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Крайнее мистическое настроеніе, въ которомъ находился послѣднее время Аѳанасій Иванычъ, взяло верхъ надъ проблескомъ здраваго чувства, и невольное отвращеніе къ скопчеству исчезло. «И впрямь, подумалъ онъ:—бѣсъ путаетъ... Онъ, онъ окаянный!.. Развѣ они не люди? да еще *несчастненькіе*! Вотъ за нихъ-то и постоять, за нихъ-то и сложить головушку...

И онъ выразилъ старику свое полное согласіе...

VI.

Прокуроръ N—ской судебной палаты, окончивъ свои занятія, выходитъ изъ зданія палаты, беззаботно посвистывая и размышляя о предстоящемъ обѣдѣ; какъ вдругъ у подъѣзда палаты его окружила толпа крестьянъ и, подавая ему какую-то бумагу, заговорила: «вступись, батюшка! защити насъ, горемычныхъ!» Прокуроръ взялъ бумагу и спросилъ:

— Что вамъ нужно?

— Тамъ, батюшка, все прописано: почитай... Дѣло-то спѣшное...

Какъ ни спѣшилъ прокуроръ обѣдать, но счелъ своею обязанностью прочитать тотчасъ же поданную ему бумагу. Пробѣжавъ нѣсколько строкъ, онъ какъ-будто забылъ объ обѣдѣ и повернулъ назадъ, въ зданіе палаты.

Дѣло оказывалось важнымъ. Изъ прошенія и показаній крестьянъ выяснилось слѣдующее. Просители — по профессіи чумаки. Однажды, когда они ночевали въ «степу», мирно расположившись вокругъ артельнаго котелка съ кашей, къ нимъ подошелъ какой-то прохожій и попросился переночевать вмѣстѣ. Чумаки пригласили прохожаго подсѣсть къ нимъ и принять участіе въ ужинѣ. Благодарный странникъ въ свою очередь угостилъ чумаковъ «пирожками», поѣвъ которые они заснули непробуднымъ сномъ. Когда они проснулись на другой день, то съ ужасомъ замѣтили, что оскоплены, а странника и слѣдъ простылъ.

Пострадавшіе отъ этого звѣрскаго преступленія чумаки умоляли прокурора вступиться за нихъ и по закону наказать оскопителя. Они подробно описали примѣты странника и, съ своей стороны, обѣщали употребить всѣ усилія для отысканія преступника. Прокуроръ обнадежилъ потерпѣвшихъ, что будутъ приняты подлежащія мѣры для обнаруженія злодѣя, и не прежде отправился обѣдать, какъ сдѣлавъ цѣлый рядъ распоряженій.

Не успѣлъ прокуроръ пообѣдать, какъ къ нему явился полиціймейстеръ N—ска. Оказалось, что къ нему также явилась группа крестьянъ съ заявленіемъ о насильственномъ оскопленіи. Обстоятельства дѣла были совершенно тождественны съ тѣми, при которыхъ совершилось оскопленіе жаловавшихся прокурору. азница состояла только въ томъ, что мѣстомъ дѣйствія былъ эстоялый дворъ, а роль «пирожковъ» сыгралъ чай. Дѣло ставилось «особенно важнымъ».

На другой день, едва прокуроръ вышелъ изъ своей квартиры, ікъ его снова окружила толпа крестьянъ съ тѣмъ же заявлеиъ о насильственномъ оскопленіи. На этотъ разъ дѣло про-

исходило на мельницѣ, а одуряющее вещество было дано въ «горілкѣ».

Въ слѣдующіе дни было получено еще нѣсколько аналогичныхъ заявленіи. Общее число пострадавшихъ простиралась до 80. Показанія всѣхъ оскопленныхъ относительно примѣтъ преступника были совершенно тождественны. Прокуратура поняла, что она имѣетъ дѣло съ мрачнымъ фанатикомъ скопчества. Слѣдствіе было поведено энергично. Всюду были разосланы описанія примѣтъ фанатика, поднята на ноги вся полиція N—ской губерніи и сосѣднихъ съ нею; обѣщаны награды всѣмъ, кто посодѣйствуетъ поимкѣ преступника. Наконецъ, усилія властей увѣнчались успѣхомъ, и преступникъ, благодаря помощи пострадавшихъ, былъ розысканъ.

Когда преступникъ былъ привезенъ въ N—скъ, всѣ съ удивленіемъ увидѣли, вмѣсто страшной звѣрообразной фигуры, добродушнаго русскаго мужичка, съ кроткимъ выраженіемъ лица и печатью глубокой думы. Казалось просто невѣроятнымъ, чтобы такой кроткій и тихій человѣкъ могъ быть такимъ ужаснымъ злодѣемъ. Но показанія всѣхъ потерпѣвшихъ, узнавшихъ въ немъ своего оскопителя, не оставляли никакого мѣста сомнѣнію. Самъ преступникъ долго запирался, но, наконецъ, уличенный на очныхъ ставкахъ многочисленными свидѣтелями, сознался во всемъ.

Его судили. Дѣло оказалось вполнѣ яснымъ, и уголовная палата приговорила фанатика къ ссылкѣ на каторгу. Относительно оскопленныхъ палата постановила освободить ихъ отъ всякаго преслѣдованія, какъ подвергшихся возмутительной операціи противъ воли.

Послѣдняго невольнымъ скопцамъ только и было нужно: съ копіею приговора уголовной палаты возвратились они въ мѣста своего жительства, навсегда избавленные отъ возможности подвергнуться наказанію за изуродованіе себя. А мрачный фанатикъ, который былъ никто иной, какъ Аѳанасій Иванычъ, былъ отправленъ съ кандалами на ногахъ въ Сибирь.

Скопцы, однако, не оставили его: на прощанье они ссудили его деньгами и одеждою, а ихъ единовѣрцы Пермской губерніи помогли ему бѣжать изъ одной изъ пересыльныхъ тюремъ.

Ѳедосѣевецъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ КАРЛА РОДБЕРТУСА-ЯГЕЦОВА.

Судьба Родбертуса, какъ писателя, представляетъ собою довольно поучительное и, на первый взглядъ, непонятное явленіе. Ученый, обладавшій огромной и разносторонней эрудиціей, оригинальный и глубокомысленный экономическій писатель—Родбертусъ не удостоился, однако, до самаго послѣдняго времени, не только надлежащей оцѣнки со стороны огромнаго большинства своихъ товарищей по наукѣ, но, можно сказать, совершенно игнорировался ими. «Конечно, говоритъ берлинскій профессоръ Ад. Вагнеръ:—каждому экономисту въ Германіи извѣстно имя Родбертуса и названіе главныхъ его сочиненій, о содержаніи которыхъ каждый экономистъ также имѣетъ хоть приблизительное понятіе» [1]. Но дѣло въ томъ, что Родбертусъ не принадлежалъ къ числу писателей, по отношенію къ которымъ можно было бы довольствоваться «приблизительнымъ понятіемъ о содержаніи ихъ сочиненій». Съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ въ экономической литературѣ Родбертусъ явился не популяризаторомъ ученій господствующей школы, даже не комментаторомъ того или другого новаго писателя. Онъ былъ оригинальнымъ мыслителемъ, пролагавшимъ новые пути въ области науки, одинъ изъ первыхъ серьёзныхъ критиковъ классической экономіи. Чтобы понять роль и значеніе его теорій въ исторіи политической экономіи — необходимо было ознакомиться съ ними изъ первыхъ источниковъ, т. е. изъ его сочиненій. Въ особенности слѣдовало сдѣлать это нѣмецкимъ экономистамъ, главное достоинство которыхъ заключается, какъ извѣстно, въ добросовѣстной и полной «Bücherkenntniss». Однако, они довольствовались «приблизительнымъ» понятіемъ объ ученіяхъ Родбертуса, да и этимъ, болѣе чѣмъ поверхностнымъ, знаніемъ дѣлились съ публикой весьма неохотно. Д-ръ Гумпловицъ, въ своемъ «Rechts-Staat und Sozialismus» не безъ

---

[1] См. статьи Ад. Вагнера въ «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft», 1878 года, erstes u. zweites Heft; «Einiges von und über Rodbertus-Jagetzow».

основанія, быть можетъ, упрекаетъ нѣмецкихъ ученыхъ въ томъ, что «многіе изъ нихъ умышленно обходили молчаніемъ этого выдающагося экономиста».

Такъ продолжалось долго, очень долго, едва ли не до начала семидесятыхъ годовъ, когда отношеніе къ Родбертусу, по крайней мѣрѣ, части нѣмецкихъ экономистовъ радикально измѣнилось. Съ нимъ вошли въ сношенія и старались привлечь его къ своему «соціально-политическому» союзу такъ-называемые катедеръ-соціалисты; о немъ заговорили, какъ о «самомъ оригинальномъ представителѣ экономическаго соціализма», какъ о писателѣ, «стоящемъ выше Лассаля, Маркса и Энгельса». Такъ отзывается о немъ, напримѣръ, уже цитированный нами Ад. Вагнеръ. Разумѣется, похвальные отзывы о писателѣ, подобномъ Родбертусу, не заключали бы въ себѣ ничего удивительнаго, еслибы дѣло не осложнилось нѣсколькими, довольно характерными обстоятельствами.

Во-первыхъ, странно встрѣчать горячихъ поклонниковъ Родбертуса въ средѣ молодого поколѣнія той самой школы, «отцы» которой болѣе всего заслужили упрекъ въ «умышленномъ игнорированіи» его ученій. Ад. Вагнеръ и его сотоварищи по Эйзенахскому союзу, превозносятъ того самаго экономиста, на котораго Рошеръ и Карлъ Книсъ почти не обращали вниманія. Но это было бы, какъ говорится, полбѣды, еслибы въ научномъ міросозерцаніи катедеръ-соціалистовъ теоріямъ Родбертуса дѣйствительно отводилось сколько-нибудь видное мѣсто. На дѣлѣ же оказывается, что отличительною чертою подобныхъ Ад. Вагнеру поклонниковъ «нѣмецкаго Рикардо» является полное ихъ несогласіе съ ученіями послѣдняго. Сочиняемые ими панегирики Родбертусу нисколько не мѣшаютъ имъ исповѣдывать теоріи, не имѣющія ничего общаго съ его ученіемъ. Это отлично сознавалъ и самъ Родбертусъ, рѣшительно отказавшійся пристать къ Эйзенахскому союзу катедеръ-соціалистовъ. «Я убѣжденъ, писалъ онъ къ тому же Ад. Вагнеру:—что изъ Эйзенаха ничего не выйдетъ, ромашкой нельзя даже облегчить, нетолько излечить соціальнаго вопроса»... Не смущаясь такимъ строгимъ приговоромъ «оригинальнѣйшаго представителя экономическаго соціализма», члены Эйзенахскаго союза продолжали и продолжаютъ выдавать себя за горячихъ его поклонниковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда заходитъ рѣчь о сравнительной оцѣнкѣ Родбертуса—съ одной стороны и Карла Маркса—съ другой.

Съ тѣмъ же рвеніемъ превозносятъ Родбертуса насчетъ Маркса и такъ называемые «соціальные-консерваторы» (social-conservativen), въ родѣ Рудольфа Мейера, довольно извѣстнаго въ Гер-

маніи автора книги о «Борьбѣ четвертаго сословія за свое освобожденіе».

Незнакомому съ дѣломъ могло показаться, что теоріи Родбертуса представляютъ собою послѣднее «трезвенное слово» буржуазно-юнкерской экономіи, слово, облеченное въ ярко-демократическій нарядъ и потому оцѣненное по достоинству лишь въ наше время—заигрыванія съ народомъ даже самыхъ закоснѣлыхъ консерваторовъ. Однако, такое предположеніе было бы совершенно ошибочно, такъ какъ причину странной перемѣны въ отношеніи къ Родбертусу консервативныхъ и буржуазныхъ писателей нужно искать не во внутреннемъ достоинствѣ его теорій. Она лежитъ въ исторіи борьбы различныхъ классовъ европейскаго общества, имѣвшей такое огромное вліяніе на развитіе экономическихъ ученій. Различныя перипетіи этой борьбы отразились на литературной судьбѣ Родбертуса и обусловливали то или другое отношеніе къ нему его ученыхъ современниковъ изъ среды «охранителей». Дѣло въ томъ, что Родбертусъ съ полнымъ основаніемъ можетъ быть причисленъ къ той блестящей, хотя и немногочисленной, фалангѣ экономистовъ, которая украшается именами Маркса, Энгельса и Лассаля. Почти одновременно съ двумя первыми изъ названныхъ писателей выступилъ онъ на поприще экономической литературы, и такъ же, какъ они, посвятилъ свои силы изученію вопроса о положеніи и роли труда въ современномъ обществѣ. Правда, «практическія предложенія» его далеко не были такъ радикальны, какъ стремленія Маркса и Энгельса. Но теоретическія основы этихъ «предложеній» сильно противорѣчили ученіямъ господствовавшихъ школъ и весьма близко подходили къ ученіямъ крайнихъ партій. Лѣтъ двадцать почти тому назадъ, одного этого было достаточно, чтобы вызвать негодованіе и высокомѣрное презрѣніе патентованныхъ экономистовъ. Родбертуса «замалчивали» тогда, какъ опаснаго и легкомысленнаго новатора.

Не такъ обстоитъ дѣло теперь. Уже со второй половины сороковыхъ годовъ сдѣлавшееся замѣтнымъ новое направленіе въ экономической наукѣ окончательно сложилось нынѣ въ стройную систему, самымъ полнымъ выраженіемъ которой служитъ «Капиталъ». Авторъ его оказался вооруженнымъ такимъ громаднымъ количествомъ данныхъ, обнаружилъ такую колоссальную ученость, что волей-неволей приходилось съ нимъ считаться. Но Марксъ, какъ извѣстно, не останавливался на «критикѣ политической экономіи». Послѣдовательный до конца, онъ взялся за практическую дѣятельность и обнаружилъ при томъ такія непріятныя для буржуазіи наклонности, что Родбертусъ, несмотря

на свою ученую ересь, явился просто агнцемъ въ сравненіи съ этимъ безпокойнымъ человѣкомъ. Кромѣ того, и среда, въ которой обращались Марксъ и его послѣдовали, къ концу шестидесятыхъ годовъ стала гораздо болѣе воспріимчивой къ ихъ проповѣди, чѣмъ была она до февральской революціи. Движеніе западно-европейскаго рабочаго класса принимало все болѣе и болѣе грозный характеръ. Не дождавшись отъ буржуазіи облегченія своего положенія, пролетаріи пришли къ тому убѣжденію, что «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ». Понятно, что «самопомощь», къ которой стремились теперь рабочіе, не имѣла ничего общаго съ «самопомощью», рекомендованной имъ, напримѣръ, Шульце-Деличемъ. Тогда-то вспомнили буржуазные экономисты, что гдѣ-то въ Помераніи проживаетъ, въ своемъ имѣніи, ученый, держащійся такихъ же, повидимому, какъ и Марксъ, научныхъ воззрѣній, но отличающійся гораздо болѣе смирнымъ нравомъ. Особенно привлекательнымъ казалось для почтенныхъ ученыхъ то обстоятельство, что въ политикѣ Родбертусъ нетолько не раздѣлялъ воззрѣній Маркса или Лассаля, но и прямо объявлялъ себя консерваторомъ. Понятно, что въ томъ затруднительномъ положеніи, въ которое поставилъ экономистовъ авторъ «Капитала», Родбертусъ представлялъ для нихъ настоящую находку. Онъ являлся противоядіемъ, весьма полезнымъ для рабочихъ, зараженныхъ «лжеученіями» Маркса. Окончательнаго излеченія теоріи Родбертуса, конечно, принести имъ не могли, потому что, въ сравненіи съ «любезновѣрными» бисмарковскому режиму катедеръ-соціалистами, Родбертусъ все-таки, говоря его собственными словами, являлся «черною еретическою душою». Но упомянутый выше консерватизмъ Родбертуса, считавшаго вредной всякую политическую самодѣятельность рабочаго класса, дѣлалъ его гораздо менѣе опаснымъ для буржуазіи, чѣмъ Маркса и его послѣдователей. Кромѣ того, Родбертусъ, какъ это видно изъ переписки его съ Лассалемъ, полагалъ, что окончательное осуществленіе его теорій возможно не ранѣе... пятисотъ лѣтъ. Дѣло откладывалось, слѣдовательно, въ такой долгій ящикъ, что ученая «ересь» нашего автора утрачивала не малую долю своего практическаго значенія. Оставались лишь ближайшія требованія Родбертуса, представлявшія собою самую слабую часть его воззрѣній, и тѣмъ охотнѣе выдвигавшіяся на первый планъ буржуазными экономистами, чѣмъ меньше нужно было остроумія для обнаруженія ихъ несостоятельности.

Такимъ образомъ Родбертусъ являлся меньшимъ изъ двухъ почти неизбѣжныхъ въ настоящее время на Западѣ золъ. И несомнѣнно, что именно этому стеченію обстоятельствъ обязанъ онъ

тѣмъ вниманіемъ, которое стали оказывать ему теперь катедеръ-соціалисты. Тому, кто назвалъ бы наше объясненіе невѣроятнымъ, мы напомнимъ пріемъ, оказанный книгѣ Кэри со стороны нѣмецкихъ «манчестерцевъ». Автору ея прощалось пристрастіе его къ покровительственному тарифу, пристрастіе, составляющее, какъ извѣстно, смертный грѣхъ въ глазахъ «манчестерцевъ». Его провозгласили великимъ экономистомъ, единственно во вниманіе къ заслугамъ его по измышленію новаго закона заработной платы, отличающагося весьма успокоительными свойствами.

Вообще, западно-европейскіе буржуазные экономисты находятся теперь далеко не въ такомъ положеніи, чтобы ихъ могла интересовать та или другая теорія *an und für sich*. Рѣшающее значеніе имѣютъ въ ихъ глазахъ практическія стремленія авторовъ этихъ теорій и прежде всего, разумѣется, вопросъ о политической самодѣятельности рабочихъ классовъ. Писатель, выступающій противъ организаціи рабочихъ въ особую политическую партію, навѣрное пріобрѣтетъ симпатіи буржуазныхъ экономистовъ, какими бы теоретическими соображеніями онъ при этомъ ни руководствовался.

Но если восторженные отзывы Ад. Вагнера о Родбертусѣ вызываются побужденіями, имѣющими очень мало общаго съ наукой, то это не уменьшаетъ заслугъ самого Родбертуса и не мѣшаетъ ему занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди экономическихъ писателей XIX вѣка. Ставить его «выше Маркса и Энгельса», конечно, невозможно. Ученіе его не можетъ быть поставлено даже рядомъ съ ученіемъ этихъ послѣднихъ. Невѣрно также и то, что Родбертусъ, будто бы, *раньше* Маркса и Энгельса высказалъ тѣ положенія, которыя легли потомъ въ основу «капитала». Первое сочиненіе Родбертуса, «*Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustände*», появилось въ 1842 году. Менѣе, чѣмъ черезъ два года послѣ этого, начали выходить въ Парижѣ «Deutsch-französische Jahrbücher», издававшіяся Арнольдомъ Руге и Карломъ Марксомъ. Печатавшіяся въ этомъ изданіи статьи Маркса и Энгельса вовсе не были повтореніемъ мыслей, высказанныхъ въ 1842 году Родбертусомъ. Въ нихъ выражались, напротивъ, самостоятельныя воззрѣнія ихъ авторовъ, во многихъ случаяхъ несогласныя съ ученіемъ Родбертуса. Мы не говоримъ уже о книгѣ Энгельса «Lage der arbeitenden Klassen in England» (1845), о «Misère de la philosophie» (1847) Маркса и другихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ экономическая теорія означенныхъ авторовъ является уже въ совершенно законченномъ видѣ. Факты не позволяютъ, слѣдовательно, утверждать, что авторъ «Капитала» заимствовалъ основныя свои

положенія у Родбертуса. Они показываютъ, что Родбертусъ, Марксъ и Энгельсъ одновременно выступили на литературное поприще, и что первый изъ названныхъ писателей съ одной стороны, Энгельсъ и Марксъ—съ другой, уже съ начала сороковыхъ годовъ держались самостоятельныхъ, имѣвшихъ, правда, много общаго, но во многомъ и расходившихся теорій.

Но, оставляя въ сторонѣ излишнія притязанія, къ которымъ былъ склоненъ иногда и самъ Родбертусъ, [1] за нимъ все-таки, повторяемъ, нужно признать огромныя заслуги въ экономической наукѣ. Сочиненія его должны возбуждать тѣмъ большій интересъ всякаго безпристрастнаго человѣка, чѣмъ болѣе склонности къ злоупотребленію его именемъ обнаруживаютъ люди той или другой партіи. Ученіе его сохранило весь свой интересъ до настоящаго времени, такъ какъ многія положенія, общія ему съ Марксомъ и Энгельсомъ, и понынѣ еще вызываютъ ожесточенныя нападки буржуазныхъ экономистовъ. Еще большее значеніе имѣютъ его сочиненія для тѣхъ, кто пожелалъ бы ознакомиться съ исторіей экономическихъ ученій во второй половинѣ XIX столѣтія. Сравнительная оцѣнка теорій Родбертуса съ одной стороны и ученій «историко-реалистической школы»—съ другой, какъ нельзя болѣе ясно показываетъ, кто внесъ дѣйствительно новый вкладъ въ науку и кто ограничился пережевываніемъ, перекраиваніемъ и даже порчей оставшагося отъ экономистовъ-классиковъ наслѣдства.

Въ виду этого нельзя не порадоваться предпріятію гг. Невскаго и Тарасова, взявшихъ на себя переводъ историко-экономическихъ изслѣдованій Родбертуса. Съ своей стороны, мы считаемъ не лишнимъ представить читателямъ изложеніе экономической доктрины этого замѣчательнаго писателя.

I.

Прежде чѣмъ перейти къ экономическому ученію Родбертуса, мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя на его жизни и практической дѣятельности. На это потребуется тѣмъ менѣе времени, что, во-первыхъ, сколько-нибудь полной его біографіи до сихъ поръ не существуетъ, а во-вторыхъ, бо̀льшая часть жизни Родбертуса протекла въ мирной тиши ученаго кабинета, вдали отъ политическихъ тревогъ и волненій. Естественно,

[1] «Вы увидите, говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Вагнеру:—что уже съ 1842 года я неизмѣнно держусь однихъ и тѣхъ же воззрѣній, и что другіе, какъ напримѣръ, Марксъ, натолкнулись на многое изъ того, что уже раньше было напечатано мною».

поэтому, что біографія Родбертуса и не могла бы возбуждать въ читателѣ того живого интереса, который вызывается одной какой-нибудь «Страницей изъ жизни Лассаля».

Карлъ Родбертусъ-Ягецовъ родился въ 1805 году въ Помераніи, учился сначала во Фридландѣ, потомъ въ Гётингенѣ, и въ 1827 году, окончивши университетскій курсъ, поступилъ на службу. Но уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя научнымъ занятіямъ, обращая главное вниманіе на политическую экономію и родственныя ей отрасли общественной науки. Первымъ плодомъ этихъ занятій было упомянутое уже сочиненіе Родбертуса «Zur Erkenntniss unsrer staatswirthsch. Zustände». Въ этомъ изслѣдованіи міросозерцаніе его, какъ экономиста, является уже въ совершенно законченномъ видѣ. Въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ Родбертусъ лишь дополнялъ и развивалъ тѣ положенія, которыя легли въ основу его перваго труда. Въ томъ видѣ, въ какомъ книга эта вышла въ свѣтъ, она представляетъ собою лишь первый выпускъ («erstes Heft») сочиненія, посвященнаго вопросу о «несовершенствахъ современныхъ общественно-экономическихъ отношеній» и о способахъ устраненія этихъ «несовершенствъ». «Я старался, говоритъ онъ въ предисловіи:—доказать въ этомъ первомъ выпускѣ нѣкоторыя абстрактныя положенія, стоящія въ противорѣчіи съ ходячими воззрѣніями, но представляющія собою необходимую теоретическую основу для моихъ практическихъ предложеній». Революціонная буря 1848 года помѣшала, однако, продолженію этого труда нашего автора и выдвинула его на политическую арену. Оригинальный, смѣлый и послѣдовательный мыслитель, онъ оказался, однако, плохимъ практическимъ дѣятелемъ, и нетолько не пріобрѣлъ сильнаго вліянія на политическую жизнь своей родины, но даже не выработалъ себѣ, повидимому, сколько-нибудь опредѣленной программы. Въ періодъ самой горячей борьбы партій, когда каждая изъ нихъ стремилась повернуть ходъ событій по своему, Родбертусъ находился въ какомъ-то нерѣшительномъ состояніи, не защищалъ стараго, но и не боролся за торжество новаго. Мы сказали уже выше, что Родбертусъ называлъ себя консерваторомъ, но, строго говоря, опредѣленіе это не совсѣмъ точно. Воззрѣнія его, какъ практическаго дѣятеля, представляли собою оригинальную амальгаму экономическаго радикализма и политическаго консерватизма. «Мы переживаемъ теперь такую фазу историческаго развитія, въ которой радикализмъ и консерватизмъ... нисколько не противорѣчатъ другъ другу»—писалъ онъ въ 1851 году, когда опытъ только-что пережитого Европой революціоннаго движенія оста-

вался еще совершенно свѣжимъ въ его памяти. Исходя изъ этого убѣжденія, онъ всегда смотрѣлъ на рѣшеніе соціальнаго вопроса, какъ на важнѣйшую задачу осмысленнаго консерватизма. «Если подъ консерватизмомъ понимать охраненіе совершенно уже истлѣвшаго либеральнаго или анти-либеральнаго тряпья, то нѣтъ ничего анти-консервативнѣе соціальнаго вопроса—писалъ онъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ.—Но если подъ консерватизмомъ разумѣть усиленіе монархической государственной власти, мирныя реформы, примиреніе общественныхъ классовъ подъ эгидой и на основаніи лучезарнаго «*suum cuique*», то нѣтъ ничего болѣе консервативнаго, чѣмъ соціальный вопросъ». Такой взглядъ на способы рѣшенія соціальнаго вопроса всегда отталкивалъ Родбертуса отъ крайнихъ демократическихъ партій. Но такъ какъ въ 48 году реакціонеры не додумались еще до бисмарковскаго заигрыванія съ рабочими классами, то и съ ихъ стороны онъ не могъ встрѣтить хотя бы притворно радушнаго пріема [1].

Когда учредительное собраніе въ Берлинѣ отклонило предложенный правительствомъ проэктъ конституціи, и тогдашній министръ-президентъ Кампгаузенъ принужденъ былъ подать въ отставку, Родбертусъ попалъ-было даже въ министры. Но въ этомъ званіи онъ оставался всего двѣ недѣли, убѣдившись вѣроятно, что «suum cuique» руководящихъ сферъ не совсѣмъ соотвѣтствовало его понятіямъ о справедливости. Въ слѣдующемъ году онъ снова былъ выбранъ депутатомъ въ Трирскомъ округѣ и въ Берлинѣ, одновременно. На этотъ разъ онъ примкнулъ къ оппозиціи, что и дало, вѣроятно, поводъ нѣкоторымъ историкамъ, какъ напримѣръ, Лоренцу, поставить его рядомъ съ Якоби и другими «демократическими вожаками». Впрочемъ, Родбертусъ не долго пробылъ и въ рядахъ оппозиціи. Отказавшись отъ политической дѣятельности, онъ поселился въ своемъ померанскомъ имѣніи, Ягецовъ, и сталъ дѣлить свое время лишь между сельскимъ хозяйствомъ и научными занятіями. Въ 1850 году онъ уже началъ изданіе своего новаго сочиненія, «Соціальныхъ писемъ къ Кирхману» (Sociale Briefe an von-Kirchmann). Поводомъ къ появленію этихъ писемъ послужили экономическія статьи фонъ-Кирхмана въ «Democratischen Blättern» 1849 года. Проникнутый симпатіями къ низшимъ классамъ общества, хорошо знакомый съ экономической литературой, фонъ-Кирхманъ производилъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе на своихъ чита-

[1] «Въ 1848 году—говоритъ онъ самъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Рудольфу Мейеру—меня считали то за реакціонера, то за краснаго» (einen Blutrothen).

телей, что статьи его отличались живымъ и легкимъ изложеніемъ. Но хотя онъ съумѣлъ стать въ критическое отношеніе ко многимъ догматамъ современной ему экономической науки, однако, въ воззрѣніяхъ его не было послѣдовательности и строгой систематичности, необходимыхъ для того, чтобы пролить новый свѣтъ на «несовершенства» общественно-экономическаго строя. По примѣру многихъ и многихъ писателей, міросозерцаніе которыхъ сложилось подъ вліяніемъ борьбы различныхъ привилегированныхъ слоевъ общества за свое исключительное преобладаніе, фон-Кирхманъ нападалъ на «монополію» въ нѣкоторыхъ изъ ея проявленій, беря подъ свою защиту другіе виды той же самой «монополіи». Такъ, напримѣръ, онъ становился въ очень рѣзкое отношеніе къ поземельнымъ собственникамъ и «капиталистамъ», т. е. людямъ, доходъ которыхъ образуется изъ процентовъ съ отданнаго взаймы денежнаго капитала. По его мнѣнію, эти способы полученія дохода, безъ всякаго труда, были главной причиной бо̀льшей части общественныхъ бѣдствій настоящаго времени. Фон-Кирхманъ совершенно упускалъ изъ виду, что прибыль предпринимателя представляетъ собою такой же неоплаченный трудъ работника, какъ и поземельная рента или процентъ на денежный капиталъ. Отвѣтомъ на эти статьи фон-Кирхмана и явились *«Соціальныя письма»* Родбертуса, въ которыхъ послѣдній «противопоставилъ взглядамъ Кирхмана и другихъ писателей свою собственную теорію» ренты и промышленныхъ кризисовъ. *«Sociale Briefe an von Kirchmann»*, вышедшія въ 1850—51 годахъ, содержатъ уже болѣе полное и подробное изложеніе экономическаго ученія Родбертуса, чѣмъ первый трудъ его «Zur Erkenntniss etc». Вмѣстѣ съ тѣмъ, они являются послѣднимъ сочиненіемъ нашего автора, посвященнымъ общимъ вопросамъ народнаго хозяйства. Правда, нѣмецкая литература обогатилась съ тѣхъ поръ еще не однимъ трудомъ, вышедшимъ изъ подъ пера Родбертуса. Но это были спеціальныя сочиненія, посвященныя частнымъ, практическимъ вопросамъ и лишь мимоходомъ затрогивавшія основныя теоремы экономической науки. Къ этой категоріи относятся изслѣдованія Родбертуса о поземельномъ кредитѣ, изъ которыхъ главное, *«Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Kreditnoth des Grundesitzes»*, вышло въ 1869 году, въ Іенѣ. Къ тому же періоду итературной дѣятельности нашего автора относятся двѣ неольшія брошюры его по рабочему вопросу. Когда Лассаль налъ свою агитацію въ средѣ нѣмецкихъ рабочихъ, комитетъ Рабочаго союза» обратился къ автору *«Соціальныхъ писемъ»* просьбой вступить въ возникающую организацію или, по

крайней мѣрѣ, помочь ей совѣтами и указаніями. Лассаль съ самымъ горячимъ сочувствіемъ относился къ мысли привлечь на сторону «Союза» Родбертуса, «Письма» котораго онъ—по его собственнымъ словамъ—прочелъ еще въ 1853 году «съ величайшимъ вниманіемъ». Родбертусъ уступилъ письменнымъ настояніямъ Лассаля и переслалъ ему для напечатанія свое *«Открытое письмо комитету нѣмецкаго рабочаго союза»*, которое и появилось въ 1863 году, въ Лейпцигѣ. Но желаннаго Лассалемъ полнаго соглашенія между нимъ и Родбертусомъ все-таки не произошло. Послѣдній не принялъ активнаго участія въ начинавшемся рабочемъ движеніи и, несмотря на неоднократныя просьбы Лассаля, не явился даже ни на одномъ рабочемъ собраніи. Родбертуса смущала выработанная Лассалемъ программа союза, въ которой требованіе всеобщаго избирательнаго права занимало первое мѣсто. Лассаль добивался его, какъ извѣстно, съ цѣлью образованія особой политической партіи рабочихъ, что, какъ мы уже сказали выше, казалось Родбертусу нетолько излишнимъ, но даже и вреднымъ. Это и былъ важнѣйшій пунктъ разногласія, о который разбились всѣ стремленія этихъ замѣчательныхъ людей къ взаимному сближенію.

Съ большимъ сочувствіемъ отнесся Родбертусъ къ «соціально-консервативному» изданію «Berliner Revue», издававшемуся Рудольфомъ Мейеромъ. Родбертусъ не отказался сотрудничать въ немъ и написалъ для него нѣсколько статей. Самою интересною изъ нихъ является статья «О нормальномъ рабочемъ днѣ», вышедшая въ 1871 году отдѣльной брошюрой. Родбертусъ излагаетъ въ ней, подробнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ своемъ сочиненіи, «практическія предложенія» свои, для которыхъ главные труды его являлись лишь «необходимой теоретической основой». Онъ доказываетъ въ ней необходимость такихъ законодательныхъ постановленій, которыя позволили бы рабочимъ «воспользоваться увеличеніемъ производительности національнаго труда», не нарушая въ то же время «правъ поземельныхъ собственниковъ и капиталистовъ». Для оцѣнки экономической доктрины нашего автора брошюра эта имѣетъ очень важное значеніе. Намъ придется, поэтому, еще неоднократно возвращаться къ ней въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь же мы скажемъ нѣсколько словъ о другого рода работахъ Родбертуса, тѣсно связанныхъ съ экономическими его изслѣдованіями.

Какъ увидитъ читатель изъ слѣдующихъ главъ нашей статьи, одною изъ характернѣйшихъ особенностей ученія Родбертуса было убѣжденіе его въ томъ, что существующія нынѣ формы общественно-экономическихъ отношеній нельзя разсматривать

какъ постоянныя и неизмѣнныя, возникшія съ первыхъ же шаговъ экономической дѣятельности человѣка и безусловно для нея необходимыя. Свойственный капиталистическому обществу способъ производства, обмѣна и распредѣленія представлялся ему не болѣе, какъ *«исторической категоріей»*, созданной экономической необходимостью и носящей въ самой себѣ задатки дальнѣйшаго своего развитія и преобразованія. Естественно было, поэтому, что изслѣдованія Родбертуса не ограничивались экономической жизнью современнаго общества. Ему необходимо было обратиться къ изученію исторіи, чтобы открыть въ ней законы, подъ вліяніемъ которыхъ совершаются образованіе и смѣна общественно-экономическихъ формацій. И онъ нетолько хорошо ознакомился съ экономической исторіей цивилизованныхъ народовъ, но и внесъ нѣсколько цѣнныхъ вкладовъ въ литературу этого предмета. Съ 1864 года онъ сталъ помѣщать свои изслѣдованія по политической экономіи классической древности въ «Jahrbücher für National-Oekonomie und Statistik», издававшихся Бруно Гильдебрандомъ. Первымъ изъ этихъ историко-экономическихъ трудовъ Родбертуса былъ переведенный нынѣ на русскій языкъ опытъ объ «адскрипціяхъ, инквилинахъ и колонахъ». За нимъ послѣдовали статьи «объ исторіи римскаго трибута со временъ Августа», о «стоимости денегъ въ древнемъ мірѣ» и т. д. И хотя работы этого рода далеко не составляютъ главной ученой заслуги Родбертуса, но историки оказались болѣе внимательными къ трудамъ непринадлежавшаго къ ихъ цеху писателя, чѣмъ экономисты. Историческія изслѣдованія Родбертуса еще при жизни его обратили на себя серьёзное вниманіе спеціалистовъ. По словамъ Ад. Вагнера, изслѣдованія эти «высоко цѣнятся историками спеціалистами. Хотя нѣкоторыя его заключенія, напримѣръ, по вопросу о возникновеніи колоната, до сихъ поръ еще подвергаются оспариванію, но даже тѣ, которые пришли по этому вопросу къ другимъ выводамъ, относятся къ трудамъ его съ величайшимъ уваженіемъ. Даже такой выдающійся знатокъ римскихъ древностей, какъ Л. Фридлэндеръ, сознается, что ему, въ его изслѣдованіяхъ о римскомъ народонаселеніи, оказали существенную услугу подробныя письменныя указанія Родбертуса». Ад. Вагнеръ совершенно вѣрно прибавляетъ, что Родбертусъ имѣлъ «почти передъ всѣми безъ исключенія историками и филологами огромное преимущество, заключавшееся въ основательномъ знакомствѣ съ политической экономіей и сельско-хозяйственной техникой». Благодаря своимъ обширнымъ экономическимъ познаніямъ, онъ умѣлъ поставить изучаемое имъ историческое явленіе на реальную почву разви-

тія общественнаго хозяйства. Такимъ образомъ, онъ сразу выходилъ изъ заколдованнаго круга туманныхъ гипотезъ о «народномъ духѣ» и вліяніи этого «духа» на политическую и правовую исторію общества. Для примѣра, сошлемся на вопросъ о причинахъ перехода рабства въ ту форму зависимости, которая извѣстна подъ именемъ крѣпостничества. Извѣстно, что вопросъ этотъ давно уже привлекалъ къ себѣ вниманіе историковъ, причемъ одни приписывали названный переходъ вліянію христіанства, другіе апеллировали къ особымъ свойствамъ «германскаго духа». Первымъ противорѣчили несомнѣнные историческіе факты [1], вторые ничѣмъ не могли подтвердить свою мысль. Родбертусъ взглянулъ на дѣло съ точки зрѣнія экономической, и оно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ римскимъ хозяйственнымъ условіямъ — представилось въ совершенно ясномъ свѣтѣ. Въ своемъ изслѣдованіи объ «адскрипціяхъ, инквилинахъ и колонахъ» онъ показалъ, что «для интенсивнаго, отличнаго римскаго способа обработки полей необходима была непосредственная выгода самого воздѣлывателя, а отсюда—участіе владѣльца и, вслѣдствіе этого, только мелкое хозяйство». При нашихъ теперешнихъ общественныхъ условіяхъ, это повело бы къ образованію свободнаго класса арендаторовъ мелкихъ участковъ, съ платою аренды деньгами. «Но однихъ вольно-отпущенниковъ было недостаточно для образованія такого класса, да къ тому же существовали уже кромѣ того рабы, которые приставлены были къ лавкамъ и мелочнымъ лавочкамъ на условіяхъ, аналогичныхъ съ полевыми институторами. Что же касается денежной аренды, то, повидимому, и начато было съ нея; но по тѣмъ же причинамъ, которыя лежали въ общихъ условіяхъ древняго натуральнаго ховяйства, и вслѣдствіе обезцѣненія денегъ, отъ нея должны были отказаться. Словомъ, мелкое хозяйство и мелкая аренда, вынужденныя обстоятельствами, видоизмѣнились подъ вліяніемъ существовавшихъ условій такъ, что въ арендаторы брались главнѣйшимъ образомъ рабы и аренда уплачивалась при этомъ натурой». Затѣмъ, подъ вліяніемъ государственныхъ потребностей, «законодательство прикрѣпило колоновъ къ землѣ» и рабы-арендоторы превратились въ крѣпостныхъ, платившихъ, «вмѣсто прежней произвольной аренды, только канонъ» [2].

Это изслѣдованіе Родбертуса показываетъ, что и рѣшеніе бо-

---

[1] Ср. Histoire de l'esclavage ancien et moderne par A. Tourmagne, главу III, пятой книги (Le christianisme a-t-il détruit l'esclavage?), а также F. Laurent. «La féodalité et l'eglise», главу—«Affranchissement des serfs».

[2] См. «Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности». Выпускъ первый, стр. 15, 34—35.

лѣе общаго вопроса о причинахъ исчезновенія рабства—и замѣны его крѣпостною зависимостью—въ средневѣковой Европѣ, можетъ быть найдено лишь въ хозяйственныхъ условіяхъ того времени. И въ этомъ смыслѣ «Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности» имѣютъ большое философско-историческое значеніе.

Но если до сихъ поръ рѣдки экономисты, разсматривающіе хозяйственный строй современной Европы, какъ преходящую «историческую категорію», то нужно сознаться, что еще рѣже историки, отводящіе экономическому фактору надлежащее мѣсто въ своихъ обобщеніяхъ. Неудивительно, поэтому, что интересъ, возбужденный историческими изслѣдованіями Родбертуса въ средѣ спеціалистовъ, ограничивался предѣлами того или другого изъ разработанныхъ имъ вопросовъ. Его оригинальные философско-историческіе взгляды, по свидѣтельству того же Ад. Вагнера— «обратили на себя гораздо менѣе вниманія», а *«еще того менѣе»* встрѣтили они согласія и одобренія.

Сотрудничество Родбертуса въ Гильдебрандовскихъ «Jahrbücher» продолжалось до 1874 года, къ которому относится послѣднее напечатанное историческое его изслѣдованіе «Bedenken gegen den von den Topographen Rom's angenommenen Tract der Aurelianischen Mauer». Исторія не отвлекла его, однако, отъ главнаго предмета его занятій—общихъ вопросовъ политической экономіи. Въ 1875 году вышло новое изданіе двухъ послѣднихъ *«Писемъ»* его къ Кирхману. Въ предисловіи къ этому изданію Родбертусъ говоритъ, что онъ «намѣревался прибавить къ этимъ двумъ письмамъ новый отдѣлъ, который разсматривалъ бы логическую сущность главныхъ національно-экономическихъ понятій въ различныхъ историческихъ, одна другую смѣняющихъ формахъ ихъ развитія».

Въ этомъ отдѣлѣ, онъ имѣлъ въ виду «провести рѣзкую черту различія между логическими и историческими категоріями во всѣхъ частяхъ экономической науки, главнымъ же образомъ въ ученіи о капиталѣ». Но ему не удалось исполнить это намѣреніе. «Продолжительная болѣзнь, къ которой присоединилась еще потеря глаза», помѣшала ему докончить этотъ, написанный уже на-черно, отдѣлъ ко времени печатанія второго изданія его «Соціальныхъ писемъ къ Кирхману», а черезъ пять мѣсяцевъ по выходѣ въ свѣтъ этого изданія Родбертуса уже не стало. Онъ скончался въ своемъ имѣніи—Ягецовъ, 6-го декабря 1875 года, отъ воспаленія легкихъ. Одинъ изъ друзей покойнаго, біографъ и издатель фон-Тюнена, Шумахеръ-Цархлинъ взялъ на себя приведеніе въ порядокъ и изданіе оставшагося послѣ него

«литературнаго наслѣдства». А оно оказалось очень цѣннымъ. Въ бумагахъ Родбертуса было найдено введеніе къ «Соціальнымъ письмамъ», написанное для предполагавшагося второго изданія его перваго «Письма», не вошедшаго въ изданіе 1875 года. Почти совершенно оконченнымъ и готовымъ къ печати оказалось новое, четвертое «Письмо», представляющее собою, очевидно, тотъ «новый отдѣлъ», который Родбертусъ считалъ необходимымъ для законченнаго изложенія своихъ воззрѣній. Этому отдѣлу былъ посвященъ послѣдній остатокъ силъ семидесятилѣтняго ученаго. Не далѣе, какъ за двѣ недѣли до своей смерти, Родбертусъ писалъ Ад. Вагнеру, что его «пріѣздъ въ Берлинъ замедляется все болѣе и болѣе», такъ какъ онъ «непремѣнно хочетъ окончить» свое продолженіе «Соціальныхъ писемъ къ Кирхману». Изъ другихъ рукописей заслуживаетъ особеннаго интереса не законченное еще изслѣдованіе о распредѣленіи національнаго дохода въ Англіи. Это изслѣдованіе должно было служить иллюстраціей къ ученію Родбертуса о распредѣленіи дохода между различными классами современнаго общества.

Весьма интереснымъ дополненіемъ къ литературнымъ трудамъ Родбертуса можетъ служить переписка его со многими изъ его современниковъ. По замѣчанію Ад. Вагнера, «Родбертусъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые пишутъ теперь длинныя ученыя письма». Онъ охотно вступалъ въ переписку со всѣми, обращавшими на себя его вниманіе оригинальностью своихъ воззрѣній или готовностью содѣйствовать осуществленію его «практическихъ предложеній». Мы говорили уже выше, что въ самый горячій періодъ агитаціи Лассаля Родбертусъ состоялъ съ нимъ въ перепискѣ, касавшейся, какъ практической злобы дня, такъ и общихъ вопросовъ экономіи и права. Письма Лассаля къ Родбертусу, найденныя въ бумагахъ послѣдняго, вышли потомъ отдѣльнымъ изданіемъ. Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ не найдены письма Родбертуса къ Лассалю, и, такимъ образомъ, знакомство наше съ перепиской этихъ двухъ замѣчательныхъ людей остается одностороннимъ. Но за то уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ обнародованы письма Родбертуса къ Ад. Вагнеру и архитектору Петерсу въ Шверинѣ [1]. Въ профессорѣ Вагнерѣ онъ надѣялся, повидимому, встрѣтить экономиста, способнаго

[1] Статья эта была уже окончена, когда появилась въ печати переписка Родбертуса съ Рудольфомъ Мейеромъ, въ видѣ двухъ небольшихъ томиковъ, содержащихъ въ себѣ также нѣкоторыя статьи Родбертуса изъ «Berliner Revue». Намъ придется коснуться этого изданія при оцѣнкѣ «практическихъ предложеній» автора.

усвоить болѣе широкое міросозерцаніе, чѣмъ то, на которомъ остановились молодые отпрыски «историко-реалистической школы»—катедеръ-соціалисты. Впослѣдствіи онъ убѣдился, повидимому, въ неосновательности своихъ ожиданій, какъ объ этомъ можно судить, по крайней мѣрѣ, по письму его къ тому же Ад. Вагнеру отъ 20-го іюня 1872 года. Мы приведемъ отрывокъ изъ этого письма, такъ какъ самъ Ад. Вагнеръ справедливо замѣчаетъ, что «оно характеризуетъ принципіальное отношеніе Родбертуса къ соціальному вопросу». Рѣчь идетъ въ этомъ письмѣ о задуманномъ въ 1872 году планѣ объединенія экономистовъ «антиманчестерскаго» направленія. «Я не могу выразить вамъ—писалъ по этому поводу Родбертусъ—до какой степени счастливою кажется мнѣ мысль объ объединеніи людей науки противъ этого псевдонаучнаго направленія (т. е. «манчестерства»)... Но, признаюсь вамъ, я не думаю, чтобы ваше объединеніе могло и должно было идти дальше единодушнаго протеста противъ манчестерства. Въ соціальномъ вопросѣ вы не согласитесь и не можете согласиться между собою. Въ лучшемъ случаѣ, вы должны будете выработать, чтобы не разойтись, родъ мозаичной программы (eine Art Mosaikprogramm), въ которую каждый положитъ свой камень. Но я думаю, что это имѣло бы свои большія неудобства, и скорѣе усыпило бы, чѣмъ возбудило вниманіе общества». Поэтому Родбертусъ проситъ при выработкѣ программы «обойтись безъ его участія». Онъ прибавляетъ, что участіе повело бы къ взаимнымъ неудовольствіямъ. «При вашемъ благосклонномъ мнѣніи обо мнѣ, вы совершенно упустили изъ виду, какимъ злостнымъ еретикомъ, какою черною національно-экономическою душою являюсь я въ нашей наукѣ... Поэтому многіе приняли бы меня за «Бебеля высшаго сорта», и вы сами были бы, въ концѣ-концовъ, не рады, что связались со мною по поводу соціальнаго вопроса». И дѣйствительно, членамъ Эйзенахскаго союза вообще, а профессору Ад. Вагнеру въ особенности, Родбертусъ былъ далеко не товарищъ. При всемъ своемъ «радикальномъ консерватизмѣ», онъ никогда не сталъ бы провозглашать бисмарковскій способъ рѣшенія рабочаго вопроса квинт-эссенціей соціально-реформаторской мудрости, какъ это дѣлалъ Ад. Вагнеръ во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ.

Что касается архитектора Петерса, то онъ заинтересовалъ Родбертуса составленіемъ «Вспомогательныхъ таблицъ» для опредѣленія «нормальнаго рабочаго дня». Таблицы эты имѣли огромное значеніе для «практическихъ предложеній» автора «Соціальныхъ писемъ къ Кирхману», и намъ придется еще коснуться ихъ, равно какъ и возникшей по поводу ихъ переписки, когда

мы будемъ говорить о предложенныхъ Родбертусомъ способахъ рѣшенія соціальнаго вопроса.

Переходя теперь къ изложенію его экономической теоріи, мы напомнимъ читателю, что нашему автору не удалось издать ни одного сочиненія, которое могло бы назваться полнымъ и систематическимъ изложеніемъ его ученія. Намъ придется, поэтому, пользоваться какъ различными литературными произведеніями, такъ и ученою перепиской Родбертуса. При этомъ, мы можемъ не стѣсняться, въ нашемъ изложеніи, соображеніями о времени выхода того или другого изъ его сочиненій. Онъ самъ говорилъ, что во все продолженіе своей учено-литературной дѣятельности онъ неизмѣнно держался однихъ и тѣхъ же политико-экономическихъ воззрѣній.

II.

По основнымъ положеніямъ своей доктрины, Родбертусъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ Смита и Рикардо. Во второмъ «*Письмѣ къ Кирхману*» онъ самъ говоритъ, что теорія его «есть лишь послѣдовательный выводъ изъ того—введеннаго въ науку Смитомъ и еще глубже обоснованнаго школой Рикардо—положенія, по которому всѣ *предметы потребленія, съ экономической точки зрѣнія, должны разсматриваться лишь какъ продукты труда, которые ничего, кромѣ труда, не стоютъ*». Но къ тому времени, когда нашъ авторъ выступилъ на литературное поприще, это основное положеніе классической экономіи далеко не могло назваться общепризнаннымъ въ наукѣ. Съ легкой руки Ж. Б. Сэя возникло и развилось новое ученіе о цѣнности, которое, на мѣсто вполнѣ опредѣленнаго понятія о трудѣ, старалось поставить лишенное всякаго реальнаго содержанія понятіе о «производительныхъ услугахъ», трудъ, затраченный въ производствѣ, смѣшивало съ заработной платой, и т. д., и т. д. Мало-по-малу, въ заложенное Смитомъ и Рикардо зданіе экономической науки нанесена была такая масса всякаго хлама, что невозможно было продолжать постройку этого зданія безъ предварительной, радикальной его очистки. Кромѣ того, и само ученіе школы Смита-Рикардо, въ чистомъ его видѣ, нуждалось въ пересмотрѣ и сообразныхъ съ обстоятельствами времени поправкахъ. Нужно было отдѣлить сущность ученія экономистовъ-классиковъ отъ ихъ второстепенныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, болѣе или менѣе ошибочныхъ, положеній. Нужно было сопоставить ихъ взгляды на вѣроятный исходъ общественнаго развитія съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находилась Западная Европа въ концѣ

первой половины XIX столѣтія. Чувствовалась потребность подвести итоги всему тому, что выиграло и потеряло общество съ тѣхъ поръ, какъ, освободившись отъ феодальныхъ путъ, оно пошло по пути капиталистическаго развитія. Экономическая наука пришла въ «критическій періодъ» своего развитія. Люди безпристрастные находили, что не все идетъ къ лучшему въ царствѣ «свободной конкурренціи», что невыносимое положеніе рабочихъ классовъ грозитъ цѣлымъ рядомъ революціонныхъ движеній и требуетъ безотлагательнаго принятія самыхъ серьёзныхъ мѣръ. А періодическіе промышленные кризисы, гибельно отражавшіеся на благосостояніи всѣхъ классовъ общества, заставляли задуматься даже тѣхъ, которые изъ-за благоденствія буржуазіи не замѣтили бы бѣдствій пролетаріата. «Недостатки экономическихъ отношеній нашего времени, писалъ Родбертусъ:— признаются теперь всѣми: аристократіей и народомъ, людьми, стремящимися вернуть прошлое, защитниками настоящаго и провозвѣстниками будущаго, тѣми, которые воображаютъ, что наука о народномъ хозяйствѣ достигла уже высшей точки своего развитія, равно какъ и тѣми, которые едва признаютъ ее за науку». Но когда заходила рѣчь о способахъ устраненія этихъ недостатковъ, то различіе интересовъ, положеній и направленій вступало въ свои права и подсказывало весьма различныя, часто діаметрально противоположныя мнѣнія. Между реакціонерами, которые, по словамъ Родбертуса, «искали спасенія въ возвратѣ къ средневѣковымъ отношеніямъ», и тѣми крайними партіями, которыя «хотѣли однимъ скачкомъ перенестись въ общественный строй, не имѣющій никакихъ точекъ соединенія съ настоящимъ»—располагалось множество оттѣнковъ болѣе умѣреннаго образа мыслей. Нашъ авторъ былъ однимъ изъ первыхъ экономистовъ, пришедшихъ къ тому убѣжденію, что причина этихъ «несовершенствъ» лежитъ въ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, и рѣшившихся искать способовъ къ ея устраненію или, по крайней мѣрѣ, ограниченію. Чуждый того подогрѣтаго оптимизма, который уже въ то время считался однимъ изъ несомнѣннѣйшихъ признаковъ благонамѣренности, Родбертусъ не скрывалъ отъ своихъ читателей ни размѣровъ зла, ни историческаго его значенія. Рѣзкими и смѣлыми штрихами нарисовалъ онъ безотрадную картину современныхъ общественныхъ отношеній. «Пауперизмъ и торговые кризисы, писалъ онъ въ первомъ «Письмѣ къ Кирхману»:—таковы стало-быть жертвы, которыми заплатило общество за свою свободу. Новыя правовыя учрежденія освободили его отъ прежнихъ цѣпей, оно вступило въ обладаніе всѣми своими производительными силами, механика и химія отдали въ

его распоряженіе силы природы, кредитъ подаетъ надежду на устраненіе другихъ препятствій, словомъ, матеріальныя условія, необходимыя для того, чтобы свободное общество сдѣлать также и счастливымъ, находятся на лицо, а между тѣмъ, смотрите, новое бѣдствіе заняло мѣсто стараго безправія. Рабочіе классы, которые приносились прежде въ жертву юридической привилегіи, отданы во власть привилегіи фактической, и эта послѣдняя обращается повременамъ противъ самихъ привилегированныхъ. Пять-шестыхъ націи, благодаря ничтожности своего дохода, нетолько были лишены до сихъ поръ всѣхъ благодѣяній цивилизаціи, но претерпѣвали иногда самыя страшныя бѣдствія нищеты, которая угрожаетъ имъ безпрерывно. А между тѣмъ, они творцы всего общественнаго богатства. Ихъ работа начинается съ восходомъ, кончается только съ закатомъ солнца, часто продолжается и ночью, но никакія усилія съ ихъ стороны не могутъ измѣнить ихъ положенія. Не возвышая своего заработка, они теряютъ послѣдніе остатки времени, которымъ могли бы воспользоваться для своего образованія... Вмѣстѣ съ ростомъ національнаго богатства ростетъ обѣднѣніе рабочихъ классовъ; чтобы воспрепятствовать удлинненію рабочаго дня является надобность въ спеціальныхъ законахъ, наконецъ, численный составъ рабочаго класса увеличивается въ пропорціи бо̀льшей, чѣмъ численность остальныхъ классовъ общества». Какъ человѣкъ, съумѣвшій возвыситься надъ классовыми предразсудками буржуазныхъ экономистовъ, Родбертусъ увидѣлъ, что главною задачей политической экономіи должно быть отнынѣ изысканіе средствъ для облегченія бѣдственнаго положенія пролетаріата. Онъ понялъ, что рабочіе классы, какъ «творцы общественнаго богатства», имѣютъ неоспоримое право на болѣе широкое пользованіе этимъ богатствомъ. «Я согласенъ, продолжаетъ онъ, обрисовавши бѣдственное положеніе «пяти-шестыхъ націи»:—что до настоящаго времени цивилизація нуждалась въ такомъ огромномъ количествѣ бѣдствій для своего пьедестала. Но цѣлый рядъ удивительнѣйшихъ изобрѣтеній, изобрѣтеній, увеличившихъ производительность человѣческаго труда болѣе, чѣмъ во сто разъ—далъ, наконецъ, возможность устранить эту печальную необходимость. Благодаря названнымъ изобрѣтеніямъ, національное богатство увеличивается въ возростающей прогрессіи... Я спрашиваю, можетъ ли существовать болѣе справедливое требованіе, чѣмъ требованіе того, чтобы творцы этого стараго и новаго богатства получили хоть какую-нибудь пользу отъ его увеличенія; чтобы увеличился ихъ доходъ, или сократилась продолжительность ихъ работы, или, наконецъ, чтобы все бо̀льшее число ихъ

переходило въ ряды тѣхъ счастливцевъ, которые пожинаютъ плоды ихъ труда? Но общественное хозяйство приносило до сихъ поръ прямо противоположные результаты».

Констатировавши, такимъ образомъ, что распредѣленіе продуктовъ въ буржуазномъ обществѣ противорѣчитъ «самымъ справедливымъ требованіямъ», Родбертусъ переходитъ къ другому «недостатку» современнаго экономическаго строя—періодически возвращающимся торговымъ кризисамъ.

Если современный способъ распредѣленія гибельно отзывается на благосостояніи рабочихъ, то промышленные кризисы не щадятъ и капиталистовъ. «Они представляютъ собою бичъ, терзающій повременамъ черезчуръ ожирѣвшее тѣло капитала». Но рабочимъ отъ этого, разумѣется, не легче. «Болѣзнь охватываетъ весь общественный организмъ и въ особенности поражаетъ тѣ классы общества, которые менѣе всего могутъ назваться ея виновниками. Тогда выступаетъ на сцену нелѣпое явленіе: магазины оказываются переполненными товарами въ то время, когда рабочіе терпятъ самую страшную нужду. Тогда соединяются вещи, повидимому, совершенно несоединимыя».

Торговые кризисы самымъ тѣснымъ образомъ связаны, по мнѣнію Родбертуса, съ пауперизмомъ, а этотъ послѣдній является слѣдствіемъ того закона заработной платы, который, подъ именемъ «желѣзнаго закона Лассаля», надѣлалъ столько шуму въ нѣмецкой экономической литературѣ. Въ дѣйствительности законъ этотъ такъ же мало можетъ назваться «закономъ Лассаля», какъ теорія происхожденія видовъ можетъ назваться теоріей Геккеля или теоріей кого-нибудь другого изъ ея популяризаторовъ. Даже еще менѣе, потому что «желѣзный законъ» почти такъ же старъ, какъ стара *наука* о народномъ хозяйствѣ. Законъ этотъ признавался еще Тюрго, Смитомъ и Рикардо, и Лассаль былъ совершенно правъ, говоря, что онъ можетъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, сослаться на столько великихъ и славныхъ именъ, сколько ихъ было въ исторіи экономической науки. Какъ писатель, не отказавшійся отъ научнаго наслѣдства экономистовъ-классиковъ, Родбертусъ принималъ этотъ законъ вмѣстѣ со всѣми вытекавшими изъ него выводами. Но само собою понятно, что въ половинѣ XIX столѣтія сама жизнь сдѣлала такіе выводы изъ этого закона, какихъ и не подозрѣвали Тюрго, Смитъ или Рикардо. Родбертусъ не могъ поэтому формулировать его съ олимпійскимъ спокойствіемъ экономистовъ-классиковъ. Адамъ Смитъ ограничился, по поводу этого закона, тѣмъ замѣчаніемъ, что «мало утѣшительнаго въ судьбѣ человѣка, не имѣющаго другихъ источниковъ дохода, кромѣ своего

труда». Родбертусъ сдѣлалъ его исходной точкой своихъ реформаторскихъ плановъ.

«Главною цѣлью моихъ изслѣдованій, писалъ онъ въ первомъ своемъ сочиненіи [1]:—будетъ увеличеніе доли рабочаго класса въ національномъ продуктѣ, увеличеніе, избавленное отъ измѣнчивыхъ вліяній рынка и построенное на прочномъ основаніи. Я хочу доставить этому классу возможность извлекать пользу изъ возростанія производительности труда. Я хочу устранить господство того закона, который иначе можетъ оказаться гибельнымъ для нашихъ общественныхъ отношеній, закона, по которому заработная плата, самыми условіями рынка, всегда понижается до уровня насущнѣйшихъ потребностей рабочаго, какъ бы ни возвышалась при этомъ производительность труда. Этотъ уровень платы лишаетъ рабочихъ возможности получить надлежащее образованіе и составляетъ самое вопіющее противорѣчіе съ ихъ современнымъ правовымъ положеніемъ, съ тѣмъ формальнымъ равенствомъ ихъ съ прочими сословіями, которое провозглашено нашими важнѣйшими учрежденіями». Обнаруженіе тѣсной связи между пауперизмомъ и торговыми кризисами Родбертусъ считаетъ одною изъ главныхъ заслугъ своей экономической теоріи. Онъ неоднократно повторяетъ это во второмъ «Письмѣ Кирхману». Всѣ разногласія между нимъ и Кирхманомъ авторъ «Письма» объясняетъ именно тѣмъ, что Кирхманъ, «подобно многимъ другимъ, сводитъ эти печальныя явленія *не* къ одному и тому же основанію, *не къ одному и тому же недостатку* въ современной общественно-экономической организаціи» [2]. Не удивительно поэтому, что, «обезпечивая рабочимъ бо́льшую долю въ національномъ продуктѣ», нашъ авторъ надѣялся тѣмъ самымъ «устранить періодическіе, страшные промышленные кризисы» [3]. Посмотримъ же внимательнѣе, какъ доказываетъ Родбертусъ существованіе «желѣзнаго закона» и связь его съ пауперизмомъ и кризисами, этими «бичами», изъ которыхъ послѣдній терзаетъ, безъ разбора, исхудавшія плечи труда и «ожирѣвшее тѣло капитала».

«Если экономическая жизнь общества, говоритъ нашъ авторъ:— въ отношеніи распредѣленія національнаго продукта предоставлена самой себѣ, то извѣстныя, связанныя съ развитіемъ общества условія ведутъ къ тому, *что при возрастающей производительности общественнаго труда заработная плата составляетъ*

[1] См. «Zur Erkenntniss unsrer staatswirth. Zustände», S. 28—29, въ примѣчаніи.

[2] См. Zur Beleuchtung der Socialen Frage, Zweiter Brief, S, 1.

[3] Zur Erkenntniss etc. S. 29.

все меньшую и меньшую часть національнаго продукта» (курсивъ Родбертуса). Это относительное уменьшеніе заработной платы не всегда сопровождается уменьшеніемъ количества предметовъ потребленія, поступающихъ въ распоряженіе рабочаго. Другими словами, относительное уменьшеніе заработной платы не всегда сопровождается абсолютнымъ ея уменьшеніемъ. Допустимъ, что въ настоящее время каждый земледѣльческій рабочій производитъ своимъ трудомъ вдвое больше хлѣба, чѣмъ производилъ онъ въ прошломъ столѣтіи. Предположимъ также, что заработная плата его равняется пятидесяти четвертямъ хлѣба, и что тому же равнялась она и въ прошломъ столѣтіи. Тогда окажется, что, не потерпѣвши никакого количественнаго измѣненія, заработная плата все-таки стала представлять собою вдвое меньшую *часть* земледѣльческаго продукта. Если прежде она составляла *половину* всего произведеннаго трудомъ работника хлѣба, то теперь она будетъ равняться *четвертой части* его количества. Какъ *часть* продукта, она уменьшилась бы даже въ томъ случаѣ, еслибы вмѣсто пятидесяти четвертей хлѣба, она равнялась бы теперь шестидесяти или даже восьмидесяти четвертямъ. Только поднявшись до ста четвертей, стала бы она въ прежнее отношеніе къ общей суммѣ продукта, т. е., какъ и въ прошломъ столѣтіи, составляла бы ея половину. Но Родбертусъ не допускаетъ возможности подобнаго возвышенія заработной платы въ современномъ обществѣ. Вся суть соціальнаго вопроса именно въ томъ, по его мнѣнію, и заключается, что возростаніе производительности труда не сопровождается пропорціональнымъ ему увеличеніемъ заработной платы.

«Я убѣжденъ, говоритъ нашъ авторъ: — что плата за трудъ, разсматриваемая какъ часть продукта, *падаетъ* по меньшей мѣрѣ въ той же, если еще не въ бо́льшей, пропорціи, въ какой увеличивается производательность труда» [1].

«Вы должны согласиться, продолжаетъ онъ обращаясь къ Кирхману: — что если можетъ быть доказано постоянное уменьшеніе заработной платы, какъ части продукта, то связь этого обстоятельства съ пауперизмомъ и торговыми кризисами обнаружится сама собою».

Въ самомъ дѣлѣ, благодаря относительному уменьшенію заработной платы, положеніе рабочихъ классовъ нисколько не улучшается съ возростаніемъ національнаго богатства. Въ то время, какъ высшіе классы общества достигаютъ неслыханнаго прежде благосостоянія, количество предметовъ потребле-

---

[1] «Zur Beleuchtung», S. 25.

нія, достающихся рабочимъ въ видѣ заработной платы, остается неизмѣннымъ, да и это бываетъ, по мнѣнію Родбертуса, лишь «въ лучшемъ случаѣ». Очень часто обогащеніе высшихъ классовъ сопровождается *уменьшеніемъ* дохода рабочихъ. Такое распредѣленіе продуктовъ, естественно, влечетъ за собою появленіе пауперизма, именно въ тотъ періодъ экономическаго развитія, когда улучшенные способы производства могли бы, казалось, обезпечить благосостояніе всѣхъ классовъ общества. Нужно помнить, что понятіе о богатствѣ или бѣдности даннаго лица или класса — понятіе относительное. Родбертусъ полемизируетъ противъ Адама Смита, утверждавшаго, что «человѣкъ богатъ или бѣденъ, смотря потому, въ какой мѣрѣ можетъ онъ обезпечить себѣ удовлетвореніе своихъ потребностей, наслажденія и удобства жизни». Онъ справедливо замѣчаетъ, что, держась даннаго Смитомъ опредѣленія, мы пришли бы къ весьма страннымъ выводамъ. Мы должны бы были признать, «что зажиточный нѣмецъ нашего времени богаче древнихъ королей, или даже, что въ древности совсѣмъ не было богатыхъ. Однако, богатые и бѣдные существовали и въ самыя бѣдныя времена. Поэтому, подъ богатствомъ (лица или класса) нужно понимать *относительную долю* (этого лица или класса) въ общей массѣ продуктовъ, существующей на извѣстной стадіи культурнаго развитія народа» [1], независимо отъ того, какое количество удобствъ и наслажденій можетъ доставить эта *доля* ея обладателю. Возрастающее обѣднѣніе рабочихъ классовъ можетъ, слѣдовательно, считаться доказаннымъ, если будетъ доказано, что *отноеительная доля* рабочихъ въ національномъ продуктѣ падаетъ въ той же пропорціи, въ какой увеличивается производительность ихъ труда.

Перейдемъ къ промышленнымъ кризисамъ. Если заработная плата, какъ *часть* продукта, постоянно понижается, то покупательная сила рабочихъ классовъ, т. е. четырехъ пятыхъ или пяти шестыхъ всего населенія, не можетъ оставаться въ соотвѣтствіи съ развитіемъ производительныхъ силъ общества. Она остается на прежнемъ уровнѣ, или даже уменьшается, въ то самое время, когда производство достигаетъ все болѣе и болѣе высокой степени развитія и рынки переполняются товарами. Это ведетъ къ затрудненію сбыта, застою въ дѣлахъ, а, наконецъ, и кризисамъ. «Пусть не возражаютъ мнѣ, говоритъ Родбертусъ: — что отнятая у рабочихъ покупательная сила остается въ рукахъ высшихъ классовъ, и должна, поэтому, съ прежнею интенсивностью дѣйствовать на рынкѣ. Продукты теряютъ всякую стои-

[1] Zur Erkenntniss, SS. 38—39.

мость тамъ, гдѣ не существуетъ въ нихъ надобности. Продуктъ, который могъ бы имѣть стоимость въ глазахъ рабочихъ, оказывается совершенно излишнимъ для другихъ классовъ общества и остается непроданнымъ. Въ національномъ производствѣ должна произойти временная остановка, пока скопившіяся на рынкѣ массы товаровъ не разойдутся мало по малу, и направленіе производительной дѣятельности не приспособится къ потребностямъ тѣхъ, въ чьи руки перешла отнятая у рабочихъ покупательная сила» [1].

Центромъ тяжести всей аргументаціи Родбертуса является, какъ видитъ читатель, ученіе его о заработной платѣ, какъ *части* національнаго дохода. Чтобы судить о вѣрности его выводовъ, мы должны, разумѣется, провѣрить основательность его посылокъ. Мы должны взвѣсить доказательства, приводимыя имъ, во-первыхъ, въ пользу того положенія, что производительность труда нетолько возрастала прежде, но возрастаетъ и по настоящее время. Мы должны спросить себя, во-вторыхъ, вѣрно ли, что *количество предметовъ потребленія*, поступающихъ въ распоряженіе рабочаго класса, возростало, по меньшей мѣрѣ, не въ той же пропорціи, въ какой увеличивалась производительность труда, а пожалуй и совсѣмъ осталось неизмѣннымъ, или даже упало?

Разъ будутъ доказаны эти два положенія, то ученіе Родбертуса о заработной платѣ явится вполнѣ законнымъ выводомъ изъ нихъ. Мы должны будемъ признать, что, разсматриваемая какъ *часть* національнаго дохода, заработная плата, дѣйствительно падаетъ, въ томъ или другомъ отношеніи къ возрастающей производительности труда. Посмотримъ же, на чемъ основывалъ нашъ авторъ свои «предварительныя положенія». И прежде всего постараемся отдѣлить въ нихъ несомнѣнное отъ гадательнаго, аксіомы отъ гипотезъ, данныя, твердо установленныя классической экономіей, отъ того, что нуждалось еще въ доказательствахъ, будучи впервые высказано Родбертусомъ. Припомнимъ ученіе Рикардо о томъ же предметѣ. Рикардо также признавалъ, что производительность труда не остается неизмѣнной, но онъ допускалъ возможность ея возростанія далеко не во всѣхъ отрасляхъ производства. Что касается фабричной обработки сырыхъ произведеній, то здѣсь постоянное увеличеніе производительности человѣческаго труда стоитъ, по его мнѣнію, внѣ всякаго оспариванія. Оно обусловливается «усовершенствованіемъ машинъ,

[1] См. брошюру «Der Normal-Arbeitstag», перепечатанную въ «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft» 1878 года, erstes u. zweites Heft S. 345.

лучшимъ раздѣленіемъ и распредѣленіемъ труда и постоянно возростающею ловкостью производителей». Не такъ смотрѣлъ Рикардо на земледѣліе. Въ основу его теоріи ренты легло убѣжденіе въ томъ, что производительность земледѣльческаго труда, въ цивилизованныхъ странахъ, постоянно уменьшается, такъ какъ, подъ вліяніемъ возростающаго спроса, въ обработку поступаютъ все менѣе и менѣе плодородныя земли. Вслѣдствіе этого и цѣна земледѣльческихъ продуктовъ должна, по его ученію, постоянно возростать. А такъ какъ заработная плата должна быть достаточна «для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ продолженію своего рода»; такъ какъ, кромѣ того, главнымъ предметомъ потребленія рабочихъ являются произведенія почвы, то и содержаніе ихъ должно, съ теченіемъ времени, становиться дороже. Отсюда онъ дѣлалъ тотъ выводъ, что заработная плата, какъ *часть* продукта, стремится къ повышенію, прибыль же «имѣетъ естественное стремленіе понижаться».

Это ученіе Рикардо не имѣло, однако, ничего общаго съ оптимизмомъ Кэри, полагавшаго, что буржуазныя общества съумѣютъ, подъ эгидой покровительственнаго тарифа, соединить *возрастаніе* производительности земледѣльческаго труда съ увеличеніемъ заработной платы, какъ *части* продукта. Авторъ «*Началъ политической экономіи*» стоялъ, напротивъ, гораздо ближе къ Родбертусу, хотя и пришелъ къ совершенно другому выводу, чѣмъ этотъ послѣдній. «Естественная цѣна труда возростаетъ, по мнѣнію Рикардо, въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ цѣны на пищу и на другіе необходимые предметы; она падаетъ въ соотвѣтствіи съ пониженіемъ этой цѣны» [1]. Еслибы, слѣдовательно, ему было доказано, что производительность земледѣльческаго труда возростаетъ, а не понижается, то онъ, совершенно въ духѣ Родбертуса, сказалъ бы, что заработная плата, какъ часть продукта, «имѣетъ стремленіе къ пониженію, а не къ повышенію. Но во время появленія «Началъ политической экономіи» убѣжденіе въ томъ, что съ возростаніемъ народонаселенія производительность земледѣльческаго труда постоянно уменьшается — было весьма распространеннымъ. Многіе изъ современныхъ Родбертусу экономистовъ также принимали это положеніе за безспорную истину. Милль, напримѣръ, считалъ его «важнѣйшимъ закономъ въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ». На него же опирался, въ своихъ разсужденіяхъ, и фонъ-Кирхманъ, съ которымъ вступилъ въ полемику Родбертусъ. Высказывая противоположное

[1] Сочиненія Рикардо, выпускъ I, стр. 55.

мнѣніе, нашъ авторъ расходился, слѣдовательно, со школою Рикардо. Собственно говоря, его убѣжденіе въ томъ, что производительность труда возростаетъ также и въ земледѣліи — было единственнымъ пунктомъ, въ которомъ его ученіе о заработной платѣ разошлось съ ученіемъ экономистовъ-классиковъ. На этотъ спорный пунктъ ему, казалось бы, и нужно было направить всѣ силы своей критики. Но мы сказали уже выше, что рядомъ со школой Смита-Рикардо развилась другая школа, имѣвшая своимъ родоначальникомъ Ж. Б. Сэя и распавшаяся, со временемъ, на нѣсколько различныхъ направленій. Несмотря на свои разногласія, экономисты всѣхъ этихъ направленій сходились въ томъ, что какимъ-то чутьемъ угадывали, сколько хлопотъ надѣлаетъ буржуазіи, впослѣдствіи, ученіе Рикардо о мѣновой стоимости, о заработной платѣ, о распредѣленіи національнаго дохода и т. д. Поэтому они взапуски принялись дополнять и поправлять «одностороннія» и «безсердечныя» теоріи Рикардо. Одной изъ услугъ, оказанныхъ «учеными» этого пошиба «дѣлу порядка», была, какъ замѣчаетъ Марксъ, Бастіатовская «категорія услуги». Съ своей стороны, и такъ называемая историко-реалистическая школа, эта нѣмецкая разновидность «вульгарной экономіи», не мало способствовала искаженію здравыхъ политико-экономическихъ понятій. Все это привело къ тому, что при защитѣ своихъ «предварительныхъ положеній» Родбертусъ долженъ былъ начать чуть ли не съ азбуки хозяйственной науки. «Повидимому, говоритъ онъ во второмъ «Письмѣ къ Кирхману»: — мнѣ нужно немедленно приступить къ доказательству моихъ двухъ предварительныхъ положеній, чтобы непосредственно затѣмъ показать, въ какой связи стоятъ они съ вопросомъ о пауперизмѣ и кризисахъ. Однако дѣло далеко не такъ просто! При вашемъ знакомствѣ съ современнымъ положеніемъ теоріи, вы прекрасно знаете, какое множество невыясненныхъ понятій, какое множество научныхъ предразсудковъ стоитъ въ противорѣчіи съ основнымъ пунктомъ моихъ воззрѣній. Вѣдь теперь оспаривается даже то, что заработная плата вообще должна быть разсматриваема какъ часть продукта! А до какой степени расходятся ходячія воззрѣнія на природу и происхожденіе прибыли съ основными положеніями моей теоріи! Въ какомъ противорѣчіи съ нею находится господствующее ученіе о происхожденіи и возрастаніи поземельной ренты! Безъ преувеличенія можно сказать, что весь методъ, которому слѣдовала до сихъ поръ наша наука, затрудняетъ пониманіе поло-

женія, лежащаго въ основѣ моего объясненія экономическихъ бѣдствій нашего времени» [1].

Ошибочность и смутность господствующихъ въ наукѣ понятій обусловливается, по его мнѣнію, прежде всего тѣмъ, что самая исходная точка разсужденій экономистовъ не соотвѣтствуетъ характеру изучаемыхъ ими явленій. Національное хозяйство представляется имъ простымъ собраніемъ частныхъ хозяйствъ, не имѣющихъ никакой органической связи между собою. Естественно, поэтому, что индивидуумъ становится центромъ тяжести всѣхъ ихъ разсужденій. Хозяйствомъ и потребностями индивидуума, его капиталомъ и доходомъ ограничивается все поле зрѣнія экономистовъ, и эта «атомистическая точка зрѣнія» ведетъ ихъ, по мнѣнію Родбертуса, къ цѣлому ряду противорѣчій. «Вмѣсто того, чтобы исходить изъ признанія того факта, что раздѣленіе труда связываетъ общество въ одно неразрывное хозяйственное цѣлое; вмѣсто того, чтобы объяснять отдѣльныя общественно-экономическія понятія и явленія съ точки зрѣнія этого цѣлаго; вмѣсто того, чтобы понятія о національномъ (общественномъ) имуществѣ, національномъ производствѣ, національномъ капиталѣ, о національномъ доходѣ и его раздѣленіи на поземельную ренту, прибыль и заработную плату—эти общественныя понятія поставить во главѣ своихъ изслѣдованій и съ помощью ихъ объяснить положеніе и роль индивидуумовъ, наука о народномъ хозяйствѣ поддалась вліянію индивидуалистическихъ стремленій нашего времени. Она разорвала на клочки то, что, благодаря раздѣленію труда, составляетъ одно соціальное цѣлое, что не можетъ и существовать иначе, какъ цѣлое, и отъ этихъ клочковъ, отъ экономической дѣятельности индивидуумовъ, она старалась возвыситься до понятія о цѣломъ. Такъ, напримѣръ, она положила въ основу своихъ изслѣдованій понятія объ имуществѣ отдѣльнаго лица, не подозрѣвая даже, что имущество человѣка, связаннаго съ своими ближними посредствомъ раздѣленія труда, существенно разнится отъ имущества индивидуума, ведущаго изолированное хозяйство. Точно также исходила она изъ понятія о рентѣ отдѣльнаго землевладѣльца, забывая, что понятіе о поземельной рентѣ предполагаетъ уже понятіе о прибыли и заработной платѣ, и что о всѣхъ этихъ понятіяхъ мы можемъ говорить, имѣя въ виду лишь современное общество и его доходъ, частями котораго являются поземельная рента, прибыль и т. д.». [2]

Еслибы экономическая наука не держалась этого ошибочнаго

[1] Zur Beleuchtung etc. S. 25.
[2] Zur Beleuchtung, S. 25—26.

метода, она имѣла бы теперь, по мнѣнію Родбертуса, совершенно другой видъ, и конечно гораздо дальше ушла бы впередъ въ своемъ развитіи.

Затронувъ вопросъ о методѣ, Родбертусъ разошелся уже не-только съ «вульгарными экономистами», сомнѣвавшимися даже въ томъ, что заработная плата представляетъ собою часть національнаго продукта. Онъ коснулся одного изъ слабыхъ мѣстъ самой классической экономіи.

Конечно, Рикардо въ несравненно меньшей степени заслуживалъ упрека въ излишнемъ «атомизмѣ», чѣмъ какой-нибудь правовѣрный «Freihändler vulgaris». Авторъ «Началъ политической экономіи» отлично понималъ, что, несмотря на экономическую «войну всѣхъ противъ всѣхъ», производительный механизмъ современнаго общества связанъ въ «одно неразрывное цѣлое», въ которомъ каждый работаетъ на всѣхъ и всѣ на каждаго. Онъ не сказалъ бы, какъ это и до сихъ поръ говорятъ нѣкоторые экономисты, что современное общество есть «собраніе индивидуумовъ и семействъ», обмѣнивающихъ между собою *излишекъ* своихъ продуктовъ. Выработанная же окончательно Рикардо теорія распредѣленія національнаго дохода легла потомъ въ основу ученія самого Родбертуса. Но экономисты-классики, не исключая и Рикардо, были до такой степени дѣтьми своего времени, что не допускали даже и мысли о возможности существованія экономическихъ отношеній, не похожихъ на буржуазныя. Общественное хозяйство античныхъ государствъ, организація производства и распредѣленія въ далекомъ будущемъ, даже жизнь первобытныхъ, дикихъ племенъ—представлялись имъ болѣе или менѣе блѣдными, болѣе или менѣе яркими копіями съ экономической жизни современной имъ Англіи или Франціи. Они допускали еще, что лэндлорды существовали не на всѣхъ ступеняхъ общественнаго развитія, но безъ капиталистовъ и пролетаріевъ они не могли вообразить себѣ даже охотничьяго племени. Они считали — чтобы употребить выраженіе Родбертуса — «*дѣломъ природы* то, что было лишь *дѣломъ исторіи*». Въ своихъ сочиненіяхъ они часто приглашали читателя вообразить себѣ капиталиста-охотника, рыбака-рабочаго и тому подобные, будто бы поясняющіе дѣло, примѣры. Но само собою разумѣются, что эта «Ur-Fischer-Methode», какъ называлъ ее Лангэ, только затрудняла пониманіе господствующихъ въ капиталистическомъ обществѣ отношеній. Еще болѣе затрудняла она—или, вѣрнѣе, дѣлала совершенно невозможнымъ—пониманіе историческаго значенія капитализма, какъ одного изъ фазисовъ экономическаго развитія человѣческихъ обществъ.

*

Какъ человѣкъ, задавшійся цѣлью «провести рѣзкую черту различія между логическими и историческими категоріями во всѣхъ частяхъ экономической науки», Родбертусъ не могъ не замѣтить указанной ошибки экономистовъ-классиковъ. Онъ понялъ, что хозяйственный строй буржуазнаго общества есть результатъ длиннаго процесса развитія, и, какъ всякое «дѣло исторіи», нетолько въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи. Онъ видѣлъ также, въ какомъ направленіи должны совершаться эти измѣненія. «Цѣлый міръ лежитъ между двумя понятіями: капиталъ самъ по себѣ, и капиталъ, составляющій частную собственность (Privatkapital)! восклицаетъ онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Вагнеру.—Чтобы выяснить себѣ существующее между ними различіе—нужно припомнить античное общество, въ которомъ люди (т. е. рабы) также принадлежали къ капиталу частныхъ лицъ; затѣмъ нужно представить себѣ слѣдующій всемірно-историческій періодъ, въ которомъ только земля и капиталы являются объектами частной собственности, и въ которомъ средства существованія работниковъ еще принадлежатъ къ капиталу частныхъ предпринимателей; наконецъ, нужно выяснить себѣ будущій періодъ, въ которомъ объектами частной собственности будутъ лишь предметы потребленія, почва же и продуктъ національнаго производства, пока онъ не сдѣлался еще *доходомъ*, составятъ собственность всего государства»[1]. Только уяснивши себѣ различія въ хозяйственной организаціи этихъ трехъ, «слѣдующихъ одинъ за другимъ», періодовъ, можно, по мнѣнію Родбертуса, увидѣть совершенно ясно, что такое капиталъ самъ по себѣ (или капиталъ въ логическомъ смыслѣ этого слова), и что такое капиталъ, составляющій частную собственность (или капиталъ въ *историческомъ* смыслѣ этого слова). Такъ какъ классическая экономія даже и не подозрѣвала, что эти два понятія могутъ не совпадать между собою, то всѣ ея изслѣдованія ограничивались только однимъ изъ названныхъ всемірно-историческихъ періодовъ, именно современнымъ, буржуазнымъ періодомъ. Естественно было, поэтому, что на многія явленія этого періода она смотрѣла не такъ, какъ взглянулъ на нихъ Родбертусъ, утверждавшій, что онъ «слышитъ уже приближеніе новой эры». Считая «дѣломъ природы» то, что было лишь «дѣломъ исторіи», экономисты-классики не могли воспользоваться сравнительнымъ методомъ, съ помощью котораго Родбертусъ надѣялся выяснить характеристическія особенности каждаго изъ «всемірно-истори-

[1] Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. 219—220.

ческихъ періодовъ». Поэтому, когда нашъ авторъ пришелъ къ вопросу о томъ, въ какомъ же порядкѣ должны быть расположены различныя части экономической науки, онъ не могъ признать удовлетворительнымъ планъ, принятый его предшественниками. Современная политическая экономія, казалась ему «простымъ ученіемъ о природѣ обмѣна». Это ученіе нужно было, по его мнѣнію, отнести къ *первой части* науки, выясняющей законы «производства, распредѣленія и потребленія продуктовъ» въ современномъ обществѣ. За нею логически слѣдовала бы *вторая часть*, «указывающая тѣ опасности, которыми можетъ угрожать обществу дальнѣйшее развитіе его экономическихъ отношеній, при сохраненіи нынѣшнихъ правовыхъ учрежденій». Наконецъ, предметомъ *третьей* и послѣдней *части* экономической науки долженъ былъ явиться вопросъ о мѣрахъ, съ помощью которыхъ общество могло бы избѣжать этихъ опасностей.

Всякій, знакомый съ сочиненіями буржуазныхъ экономистовъ, знаетъ, какъ мало задумывались они о мѣрахъ, могущихъ отвратить тревожившія Родбертуса «опасности». Они полагають, что мѣры эти должны находиться въ вѣдѣніи «исполнительной власти», которая, съ своей стороны, не могла предложить ничего, кромѣ осаднаго положенія и военной диктатуры. Правда, катедеръ-соціалисты не мало толкують теперь объ «обязанностяхъ государства» по отношенію къ рабочему классу, но мы знаемъ уже, что нашъ авторъ называлъ предлагаемыя ими мѣры «ромашкой, которая не можетъ нетолько исцѣлить, но даже и облегчить соціальнаго вопроса». Излишне прибавлять, поэтому, что ни «вторая», ни «третья» части науки, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ихъ Родбертусъ, не находили себѣ мѣста въ сочиненіяхъ его предшественниковъ. Самое «ученіе о природѣ обмѣна» понимали они далеко не такъ, какъ понималъ ихъ авторъ «*Соціальныхъ писемъ къ Кирхману*». Мы видѣли уже, съ какою горячностью нападалъ онъ на «атомистическую точку зрѣнія» буржуазныхъ экономистовъ. По его мнѣнію, экономическая наука «должна была бы исходить изъ понятій о національномъ трудѣ и національномъ имуществѣ, понимая подъ національнымъ или общественнымъ трудомъ кооперацію всѣхъ единичныхъ силъ, связанныхъ, путемъ раздѣленія труда, въ одно неразрывное цѣлое; подъ національнымъ имуществомъ—сумму всѣхъ единичныхъ имуществъ данной націи, также связанныхъ въ одно неразрывное цѣлое, благодаря потребленію плодовъ національнаго труда». Затѣмъ она должна была бы перейти къ оцѣнкѣ вліянія, оказываемаго раздѣленіемъ труда на организацію національнаго производства. Она должна была бы показать, какъ, при производствѣ любого

продукта, общественный трудъ подраздѣляется на добываніе сырья, фабричную его обработку и, наконецъ, перевозку, и какъ, въ свою очередь, эти большія отрасли національнаго производства дробятся на отдѣльныя предпріятія. Соотвѣтственно раздѣленію общественнаго труда на добываніе сырья и его обработку, нужно было бы установить различіе той части національнаго имущества, которая заключается въ національной почвѣ — отъ той, которая представляетъ собою національный капиталъ, т. е. продуктъ, предназначенный для дальнѣйшаго производства и распредѣленный между различными предпріятіями. Далѣе необходимо было бы сопоставить понятіе о національномъ капиталѣ съ понятіемъ о національномъ продуктѣ, какъ о результатѣ національнаго производства, полученномъ въ теченіе опредѣленнаго времени. Уяснивши себѣ понятіе о національномъ продуктѣ, нужно было бы показать, какъ одна часть его идетъ на возстановленіе потребленнаго въ производствѣ капитала, другая же—служитъ для удовлетворенія непосредственныхъ потребностей всего общества и отдѣльныхъ его членовъ, и въ этомъ видѣ представляетъ собою національный доходъ. Отъ понятія объ этомъ послѣднемъ оставался бы, затѣмъ, одинъ только шагъ до понятія о національномъ богатствѣ, величина котораго опредѣляется степенью производительности общественнаго труда. «Послѣ этого анализа общихъ политико-экономическихъ понятій и ихъ взаимной связи, нужно было бы, прибавляетъ Родбертусъ: — показать, въ какой зависимости стоятъ организація и ходъ національнаго производства, равно какъ и распредѣленіе его продуктовъ, отъ существующихъ въ обществѣ правовыхъ учрежденій».

Еще въ первомъ своемъ сочиненіи нашъ авторъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что «правовая идея и экономическая необходимость издавна шли рука объ руку» [1]. Онъ поступилъ бы, поэтому, послѣдовательнѣе, еслибы постарался обнаружить связь между современными правовыми учрежденіями, съ одной стороны, и вызвавшею ихъ къ жизни экономическою необходимостью—съ другой. Отъ такого выясненія много выигралъ бы имъ же самимъ поднятый вопросъ о мѣрахъ, способныхъ устранить «недостатки современной общественно-экономической организаціи». Тогда было бы видно, какія учрежденія уже отжили свой вѣкъ и какія, напротивъ, продолжаютъ соотвѣтствовать общественнымъ потребностямъ. Критеріемъ явилась бы, въ этомъ случаѣ, та самая

[1] Zur Erkntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustände,. 75, въ примѣчаніи.

экономическая необходимость, «рука объ руку» съ которой «издавна шло» и всегда будетъ идти развитіе правовой идеи.

Родбертусъ избралъ, къ сожалѣнію, обратный путь. Онъ рѣшился искать въ правовыхъ учрежденіяхъ объясненія общественно-экономическихъ явленій, и тѣмъ нетолько отнялъ у себя возможность найти это объясненіе, но и лишилъ себя единственнаго разумнаго критерія для оцѣнки самихъ «правовыхъ учрежденій». Вмѣсто *объясненія*, ему пришлось ограничиться простымъ *описаніемъ* экономической жизни общества на различныхъ стадіяхъ ея развитія. Впрочемъ, вредное вліяніе закравшейся въ разсужденія Родбертуса непослѣдовательности отразилось болѣе всего на его «практическихъ предложеніяхъ». Сдѣланное же имъ *описаніе* общественно-экономическихъ явленій, которое, повторяемъ, онъ принималъ за *объясненіе* этихъ явленій — имѣетъ и само по себѣ большой интересъ, и потому заслуживаетъ полнаго вниманія читателя. Интересъ этотъ обусловливается тѣмъ, что, вѣрный своему взгляду на «историческія категоріи», Родбертусъ сопоставилъ, въ своемъ описаніи, хозяйственный строй современнаго общества съ тою организаціей производства и распредѣленія, которая должна, по его мнѣнію, имѣть мѣсто въ «будущемъ всемірно-историческомъ періодѣ».

Для оцѣнки вліянія, оказываемаго правовыми учрежденіями на экономическую жизнь общества, нужно, говоритъ нашъ авторъ, прежде всего имѣть въ виду важнѣйшій правовой институтъ нашего времени—частную собственность на землю и капиталы. Въ самомъ дѣлѣ, національное производство и распредѣленіе его продуктовъ приняли бы совершенно иной видъ, еслибы земля и капиталы составляли собственность не частныхъ лицъ, а всего общества. Тогда не было бы, конечно, частной собственности на орудія труда, но что касается до распредѣленія продуктовъ, то оно не должно было бы непремѣнно происходить на коммунистическихъ основаніяхъ. Предметы потребленія продолжали бы составлять частную собственность, благодаря тому, что продукты общественнаго труда распредѣлялись бы между отдѣльными лицами, сообразно съ участіемъ этихъ лицъ въ національномъ производствѣ. При такомъ порядкѣ вещей, доходъ каждаго члена общества зависѣлъ бы лишь отъ количества затраченнаго имъ труда, и собственность нетолько не была бы уничтожена, но, напротивъ, была бы «окончательно приведена къ ея первоначальному и истинному принципу» [1]. Устроенное на такихъ основаніяхъ общество не объявило бы, по примѣру Прудона,

[1] Zur Beleuchtung, 28.

что «собственность есть кража», оно — и только оно — предохранило бы, наоборотъ, собственность отъ «кражи» [1].

Противъ вышеизложенныхъ основаній распредѣленія продуктовъ обыкновенно возражаютъ, что производительность труда различныхъ работниковъ никогда не бываетъ одинакова; одинъ работникъ можетъ въ два часа сдѣлать больше, чѣмъ другой въ четыре—утверждаютъ экономисты. Кромѣ того, иногда говорятъ, что невозможно сравнивать трудъ работниковъ, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ производства. Луи Рейбо въ своихъ «Etudes sur les réformateurs» удивляется, какимъ образомъ такой умный человѣкъ, какъ Оуэнъ, могъ придти къ «нелѣпой мысли» сравнивать трудъ сапожника съ совершенно будто бы несходнымъ съ нимъ трудомъ булочника или ткача. «Но если противники этой системы, говоритъ Родбертусъ: — не имѣютъ противъ нея другихъ аргументовъ, кромѣ того, что производительныя способности работниковъ не одинаковы, то возраженія ихъ стоятъ очень немного» [2].

Трудъ даннаго работника всегда можетъ сравниваться и соизмѣряться съ трудомъ другихъ работниковъ, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ производства. Для этого нужно при установленіи «нормальнаго рабочаго дня» опредѣлить то среднее количество продукта, которое производятъ, обыкновенно, работники данной отрасли труда. Рабочій, сдѣлавшій менѣе этого средняго количества, получалъ бы менѣе, чѣмъ за цѣлый рабочій день и, наоборотъ, сдѣлавшій болѣе получилъ бы сообразно съ этимъ право на бо́льшее вознагражденіе. Считалось бы, что одинъ трудился, напримѣръ, въ продолженіи 7/8, между тѣмъ, какъ другой въ теченіе 5/6 нормальнаго рабочаго дня.

Кромѣ того, нужно было бы принять въ соображеніе степени интенсивности и утомительности труда въ различныхъ отрасляхъ производства. Если, положимъ, трудъ углекопа утомительнѣе труда ткача, то пришлось бы постановить, что рабочій день углекопа долженъ быть на нѣсколько часовъ короче. Несмотря на свою большую продолжительность, рабочій день ткача долженъ былъ бы считаться равноцѣннымъ съ рабочимъ днемъ углекопа, такъ какъ работа послѣдняго требуетъ бо́льшаго напряженія силъ. Проработавши установленное для каждаго изъ нихъ время, углекопъ и ткачъ имѣли бы право на полученіе одинаковаго количества продуктовъ изъ общественныхъ магазиновъ. Родбертусъ не отрицаетъ, что опредѣленіе средней про-

---

[1] Ibid., 150.
[2] См. Zeitschrift fur die ges. Staatswissensch. 337.

изводительности и интенсивности труда въ каждой отрасли производства было бы дѣломъ далеко не легкимъ. Но онъ считаетъ вполнѣ устранимыми всѣ могущія встрѣтиться на этомъ пути практическія затрудненія. Вообще, онъ не сомнѣвается въ возможности осуществить такого рода организацію производства и распредѣленія, въ которой доходъ каждаго отдѣльнаго лица соотвѣтствовалъ бы участію этого лица въ общественномъ трудѣ. Важнѣе всѣхъ техническихъ затрудненій былъ бы вопросъ о нравственной подготовленности народа для такихъ общественныхъ отношеній. Все дѣло зависитъ, по мнѣнію Родбертуса, отъ того, «достаточно ли развитъ народъ, чтобы по свободному побужденію принимать участіе въ національномъ трудѣ, или, что тоже, въ національномъ прогрессѣ, не видя передъ собою того бича бѣдности, которымъ современная частная собственность на землю и капиталы выгоняетъ его на работу» [1].

Нашъ авторъ справедливо полагаетъ, что экономисты много выиграли бы въ пониманіи хозяйственной жизни современнаго общества, еслибы они постарались ясно представить себѣ всѣ тѣ измѣненія въ организаціи производства и распредѣленія, которыя явились бы слѣдствіемъ «приведенія собственности къ ея первоначальному принципу». Но предшественники Родбертуса, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, нетолько не интересовались «первоначальнымъ принципомъ собственности», но и вообще полагали, что разсуждать о подобныхъ «принципахъ» — дѣло юриста, а не политико-эконома. Какъ мы сказали уже выше, экономисты считали буржуазный строй послѣднимъ, или, вѣрнѣе, единственно возможнымъ шагомъ въ развитіи человѣчества, и не могли даже представить себѣ никакихъ серьёзныхъ измѣненій въ экономическихъ отношеніяхъ современной Европы. Родбертусъ, принадлежавшій къ числу немногихъ экономистовъ, «слышавшихъ приближеніе новой эры», долженъ былъ самъ взяться за рѣшеніе всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые относятся къ экономіи «будущаго всемірно-историческаго періода». Ему пришлось приняться за обработку почти совершенно невоздѣланнаго поля, т. е. за изображеніе экономической дѣятельности того гипотетическаго общества, которое взяло бы въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ средства производства.

Въ такомъ обществѣ всѣ экономическія явленія приняли бы характеръ совершенно отличный отъ современнаго. Организація производства измѣнилась бы, прежде всего, въ томъ отношеніи, что для завѣдыванія производительною дѣятельностью и для

[1] Zur Beleuchtung, S. 28.

приведенія ея въ соотвѣтствіе съ общественными потребностями—необходимо было было существованіе особаго учрежденія. Задачу этого учрежденія, говоритъ нашъ авторъ, составляло бы цѣлесообразное употребленіе въ дѣло національнаго имущества. Въ современномъ же обществѣ, въ которомъ національное имущество дробится между частными лицами, мѣсто такого рода учрежденія занимаетъ интересъ собственниковъ и предпринимателей. Онъ побуждаетъ ихъ производить лишь продукты, находящіе себѣ сбытъ на рынкѣ, т. е. удовлетворяющіе потребности всего общества или извѣстной его части.

Обращеніе орудій и объектовъ труда въ коллективную собственность придало бы также новый видъ тому переходу продуктовъ изъ одной отрасли производства въ другую, и тому передвиженію ихъ съ мѣста на мѣсто, которые обусловливаются раздѣленіемъ общественнаго труда. Читателю извѣстно, что самая обыкновенная вещь домашняго обихода, прежде чѣмъ быть готовой для употребленія, претерпѣваетъ цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ метаморфозъ. Она появляется на свѣтъ въ видѣ сырого матеріала и путешествуетъ, въ такомъ видѣ, въ тотъ или другой промышленный центръ, чтобы подвергнуться фабричной обработкѣ. Здѣсь она переходитъ изъ одной отрасли производства въ другую, пока не получитъ окончательной отдѣлки и не отправится, наконецъ, на мѣсто сбыта. Въ современномъ обществѣ этимъ метаморфозамъ продуктовъ соотвѣтствуетъ переходъ ихъ черезъ руки цѣлаго ряда предпринимателей, оптовыхъ и мелочныхъ торговцевъ, а слѣдовательно, и цѣлый рядъ продажъ и покупокъ. «Отъ начала до конца, говоритъ Родбертусъ: — отъ производства сырья до окончательной выдѣлки предметовъ потребленія, обмѣнъ продуктовъ представляетъ собою, въ настоящее время, длинную цѣпь передачъ и отчужденій собственности, совершаемыхъ при посредствѣ денегъ».

Не такъ происходило бы дѣло въ нашемъ гипотетическомъ обществѣ съ его центральнымъ учрежденіемъ, завѣдующимъ всѣмъ ходомъ производства. Въ такомъ обществѣ каждый продуктъ представлялъ бы собою національную собственность, вплоть до окончательной своей отдѣлки. И тогда достаточно было бы предписанія названнаго центральнаго учрежденія, чтобы передавать его изъ одной отрасли производства въ другую, и доставить, наконецъ, потребителю. То же центральное учрежденіе должно было бы озаботиться тѣмъ, чтобы изъ общей суммы національнаго продукта отдѣлить часть, необходимую для возстановленія затраченнаго въ производствѣ капитала. Только послѣ вычета этой части національный *продуктъ* сталъ бы національнымъ

доходомъ и служилъ бы для удовлетворенія потребностей, какъ общества, такъ и отдѣльныхъ его членовъ. «Въ настоящее же время, говоритъ Родбертусъ:—мѣсто этой предусмотрительности центральнаго учрежденія занимаетъ интересъ владѣльцевъ капитала или предпринимателей. Ихъ собственныя выгоды побуждаютъ ихъ браться только за такія предпріятія, которыя, по замѣщеніи капитала, даютъ имъ извѣстный излишекъ, называемый прибылью».

Если мы теперь отъ производства перейдемъ къ распредѣленію, то здѣсь наше гипотетическое общество представитъ еще болѣе своеобразныя особенности, соотвѣтственно предположеннымъ нами измѣненіямъ въ отношеніяхъ людей къ вещамъ. Разъ былъ бы установленъ тотъ правовой принципъ, по которому доходъ каждаго члена общества опредѣляется участіемъ его въ производствѣ, то національный продуктъ уже не поступалъ бы въ раздѣлъ между землевладѣльцами, капиталистами и работниками, какъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время. Онъ составлялъ бы тогда достояніе однихъ рабочихъ. Каждый членъ общества получалъ бы свидѣтельство, удостовѣряющее, что онъ затратилъ извѣстное количество труда. Предъявивши это свидѣтельство въ государственные магазины, онъ получалъ бы въ обмѣнъ необходимые для него предметы потребленія. И эти предметы потребленія составляли бы такую же неотъемлемую собственность его, какою является заработная плата по отношенію къ современнымъ рабочимъ. Но заработная плата опредѣляется теперь не количествомъ затраченнаго работникомъ труда; она испытываетъ на себѣ вліяніе рыночной кункурренціи, понижающей ее до уровня насущнѣйшихъ потребностей трудящихся. Вся же разность между заработной платой и стоимостью произведеннаго работникомъ продукта—остается въ рукахъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, и, за вычетомъ части, необходимой для возстановленія капитала, дѣлится между ними на основаніи особыхъ экономическихъ законовъ.

Выяснивши вліяніе правовыхъ учрежденій на распредѣленіе продуктовъ, слѣдовало бы, по мнѣнію Родбертуса, обратить вниманіе на то, какимъ образомъ распредѣленіе вліяетъ, въ свою очередь, на направленіе общественнаго производства. Для этого опять нужно было бы держаться сравнительнаго метода, нужно было бы посмотрѣть, какъ происходитъ дѣло въ настоящее время и какъ происходило бы оно въ обществѣ, установившемъ коллективную собственность на землю и капиталы.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ направленіе производства не можетъ не сообразоваться съ потребностями лицъ, участвую-

щихъ въ раздѣлѣ національнаго продукта. Но въ обществѣ, взявшемъ въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ средства производства, это послѣднее сообразовалось бы съ потребностями только тѣхъ лицъ, которыя получили, благодаря своему труду, право на требованіе изъ общественныхъ магазиновъ извѣстнаго количества продуктовъ. Въ настоящее же время направленіе производства опредѣляется потребностями не однихъ только трудящихся, но также и капиталистовъ и землевладѣльцевъ.

Интересъ предпринимателей заставляетъ ихъ сообразоваться съ покупательною силой всѣхъ трехъ классовъ современнаго общества. Такимъ образомъ, чѣмъ бо̀льшая часть стоимости національнаго продукта поступитъ въ распоряженіе одного изъ этихъ классовъ, тѣмъ бо̀льшая часть производительныхъ силъ страны будетъ занята приготовленіемъ необходимыхъ для него предметовъ потребленія. Этимъ и объясняется, по мнѣнію Родбертуса, то обстоятельство, что теперь часто «строятъ блестящіе пассажи въ то время, какъ рабочіе не имѣютъ здоровыхъ жилищъ... На рынокъ доставляется лишь то, за что можно получить деньги. Богатые фланёры могутъ оплачивать содержаніе роскошныхъ пассажей, рабочіе же, получающіе ничтожную плату, не могутъ заплатить за постройку здоровыхъ жилищъ» [1] и потому должны довольствоваться, нездоровыми.

На основаніи всего высказаннаго не трудно также убѣдиться въ томъ, что такъ называемое *сбереженіе*, которое, какъ извѣстно читателю, вмѣняется въ заслугу современнымъ капиталистамъ, есть особый способъ увеличенія національнаго капитала, обусловленный существованіемъ частной собственности на землю, матеріалы и орудія труда. При другихъ же обстоятельствахъ увеличеніе національнаго капитала могло бы, по мнѣнію Родбертуса, достигаться путемъ кредита [2].

Выяснивши, такимъ образомъ, значеніе общихъ экономическихъ понятій, обнаруживши вліяніе правовыхъ учрежденій на движеніе производства и распредѣленіе продуктовъ, нужно было бы, продолжаетъ нашъ авторъ, перейти къ вопросу объ измѣненіи производительныхъ силъ общества. Измѣненіе это можетъ

---

[1] Zeitschrift für die ges. Staatswiss. 345.

[2] Къ «теоретикамъ сбереженія» (Spartheoretikern) Родбертусъ обращается съ слѣдующими словами Гейне:

Ich kenne die Weise, ich kenne den Text,
Ich kenn' auch die Herrn Verfasser,
Ich weiss, sie trinken heimlich Wein
Und predigen öffentlich Wasser.

См. Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes. II, 294, въ примѣчаніи.

произойти двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, благодаря распашкѣ новыхъ земель, расширенію фабричной дѣятельности, увеличенію народонаселенія и т. д., національный продуктъ можетъ возрости въ томъ или другомъ количественномъ отношеніи. Сумма производимыхъ въ обществѣ предметовъ потребленія можетъ, напримѣръ, удвоиться, но для приготовленія каждаго изъ этихъ предметовъ можетъ требоваться не меньшая, чѣмъ прежде, затрата человѣческаго труда. Національное производство расширится, но въ способахъ его не окажется никакого улучшенія. Земледѣльческая культура, фабричная техника и пути сообщенія останутся, слѣдовательно, на той же ступени развитія, на которой находились и прежде. Такой случай Родбертусъ называетъ увеличеніемъ *суммы производительныхъ силъ*.

Но можетъ случиться, что при такомъ же, какъ и прежде, количествѣ рабочихъ силъ, при той же площади обработываемыхъ земель, словомъ, при той же *суммѣ* производительныхъ силъ, на выдѣлку каждаго предмета въ отдѣльности, потребуется меньше времени, чѣмъ нужно было прежде. Это можетъ произойти вслѣдствіе улучшеній въ способахъ производства, изобрѣтенія новыхъ машинъ и т. п. Въ результатѣ каждаго дня работы окажется бо́льшее, чѣмъ прежде, количество продуктовъ, и національный доходъ возростетъ, потому что возросла *производительность труда*.

Именно этотъ второй путь измѣненія производительныхъ силъ страны и ведетъ къ увеличенію *національнаго богатства*. Подъ національнымъ богатствомъ понимаютъ обыкновенно отношеніе національнаго имущества къ общей цифрѣ народонаселенія. А это отношеніе будетъ, разумѣется, тѣмъ благопріятнѣе для общества, чѣмъ бо́льшее количество продуктовъ произведетъ каждый работникъ въ единицу времени, т. е. чѣмъ *производительнѣе* будетъ *трудъ* этого работника. Но Родбертусъ не смѣшиваетъ—какъ это умышленно или неумышленно дѣлали буржуазные экономисты — понятія о національномъ богатствѣ съ понятіемъ о благосостояніи большей части членовъ общества. По его мнѣнію, между этими двумя понятіями существуетъ огромная разница, и чтобы лучше оттѣнить ее онъ снова беретъ въ примѣръ гипотетическое общество, обратившее землю и капиталы въ національную собственность. Въ такомъ обществѣ доходъ каждаго члена былъ бы, какъ мы знаемъ, прямо пропорціоналенъ участію его въ общественномъ трудѣ, и увеличеніе національнаго дохода, дѣйствительно, повело бы къ улучшенію положенія всѣхъ трудящихся. Въ настоящее же время, при господствѣ того экономическаго закона, который понижаетъ за-

работную плату до уровня насущнѣйшихъ потребностей рабочаго, возрастаніе производительности національнаго труда ведетъ, по мнѣнію Родбертуса, къ обогащенію однихъ только капиталистовъ и землевладѣльцевъ.

Послѣ того, какъ изучено было бы вліяніе производительности труда на благосостояніе различныхъ классовъ общества, экономисты должны были бы перейти къ вопросу о финансовомъ хозяйствѣ и о налогахъ, и показать вліяніе этихъ послѣднихъ на движеніе производства и распредѣленіе національнаго продукта. Это и составило бы предметъ послѣдняго отдѣла первой части экономической науки, «соотвѣтствующей современному ученію о природѣ обмѣна».

«Еслибы, говоритъ Родбертусъ:—въ наукѣ держались этого метода, еслибы переходили, такимъ образомъ, отъ цѣлаго къ его частямъ, то избѣжали бы очень многихъ изъ существующихъ въ ней теперь предразсудковъ. Тогда была бы подготовлена почва для пониманія тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ я вижу причину кризисовъ и пауперизма. Тогда я могъ бы, для обоснованія своихъ положеній, прямо перейти къ доказательству того, что производительность труда возросла, между тѣмъ, какъ заработная плата не увеличилась или даже упала. Послѣ этого мнѣ оставалось бы только показать, что названныя выше бѣдствія составляютъ необходимое слѣдствіе пониженія заработной платы, какъ *части* національнаго продукта. Теперь же я вынужденъ къ набросанному мною очерку лучшаго метода прибавить соотвѣтствующую ему теорію, по крайней мѣрѣ, распредѣленія національнаго продукта» [1].

Эта «изъ самой жизни заимствованная» теорія распредѣленія и представляетъ собою то, что можетъ быть названо экономической теоріей Родбертуса, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Г. Валентиновъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1] Zur Beleuchtung der socialen Frage, S. 32.

НАХОДКА

РАЗСКАЗЪ

БРЕТЪ-ГАРТА.

I.

Дождь перестал къ утру и населеніе Блестящей Звѣзды, открывъ глаза, прежде всего принялось за поиски приборовъ и жестяныхъ стакановъ, забытыхъ въ грудахъ пыли и мусора, которыя были смыты дождемъ отъ дверей хижинъ. Въ этомъ станѣ существовало преданіе, что однажды какой-то счастливчикъ, вставъ рано утромъ нашелъ на большой дорогѣ большой кусокъ золотого кварца, освобожденный дождемъ изъ подъ покрывавшаго его слоя земли. Поэтому, всѣ жители Блестящей Звѣзды на разсвѣтѣ послѣ дождя ходили не иначе, какъ съ опущенной головой и прикованными къ землѣ глазами.

Кассъ Бирдъ всталъ въ это утро очень рано, но не для поисковъ невѣдомыхъ сокровищъ. Течь въ крышѣ его хижины—что вполнѣ объяснялось его беззаботностью и непредусмотрительностью—заставила его вскочить въ 4 часа ночи. Постель его была мокрая и даже щепки, лежавшія въ углу, такъ отсырѣли, что не горѣли, когда онъ хотѣлъ развести огонь для просушки постельнаго бѣлья. Поэтому мистеръ Кассіусъ пошелъ къ сосѣду за топливомъ. Переходя черезъ дорогу, онъ вдругъ остановился. Что-то блеснуло въ ближней, красноватой лужѣ. Золото? Да, это было золото, но не грубый кусокъ руды, вышедшій изъ горнила природы, а золото, обдѣланное ювелиромъ въ

видѣ простого гладкаго кольца. Посмотрѣвъ внимательнѣе, онъ разобралъ надпись: «Майя Кассу».

Какъ большинство своихъ товарищей золото-искателей, онъ былъ суевѣренъ. «Кассъ»! Это было его имя! Онъ надѣлъ кольцо; оно едва приходилось на его мизинецъ. Очевидно, это было женское кольцо. Онъ посмотрѣлъ по дорогѣ въ обѣ стороны. Никого не было видно. Маленькія лужи на красноватой землѣ искрились подъ первыми лучами нарождавшагося дня, но не было и тѣни собственника этого кольца. Онъ зналъ, что во всемъ станѣ не находилось ни одной женщины и онъ никогда не видалъ подобнаго украшенія на грубыхъ пальцахъ своихъ немногихъ товарищей. Боясь сдѣлаться предметомъ общихъ насмѣшекъ если на его рукѣ увидятъ кольцо, да еще съ его именемъ, онъ сунулъ его въ карманъ и задумчиво вернулся въ свою хижину.

Спустя два часа, началось медленное, безпорядочное шествіе поднявшихся отъ сна рудокоповъ къ оврагу Блестящей Звѣзды, гдѣ производилась тогда раскопка и Кассъ нашелъ нужнымъ спросить у товарищей:

— Не потерялъ ли что-нибудь одинъ изъ васъ вчера вечеромъ?

— Да, я потерялъ бумажникъ съ банковыми билетами на шестьдесятъ тысячъ долларовъ, отвѣчалъ небрежно Питеръ Друммондъ:—но пусть нашедшій оставитъ ихъ себѣ, а только возвратитъ мнѣ письма иностранныхъ коронованныхъ особъ. Я ими дорожу, а деньги для меня вздоръ.

Это заявленіе, очевидно, ложное не произвело никакого впечатлѣнія и рудокопы продолжали молча свое шествіе.

— А вы? спросилъ Кассъ у другого товарища.

— Я потерялъ много денегъ на зеленомъ столѣ вчера въ Вингдамѣ, отвѣчалъ онъ задумчиво:—но врядъ ли онѣ найдутся.

Побуждаемый этими ироническими замѣчаніями, Кассъ былъ вынужденъ, наконецъ, разсказать о случившемся и показать свою находку. Тотчасъ возникло болѣе дюжины различныхъ предположеній, изъ которыхъ только одно было признано вѣроятнымъ, какъ вполнѣ соотвѣтствовавшее мрачному настроенію рудокоповъ, которое, повидимому, происходило отъ плохо разжеванной свинины за утреннимъ завтракомъ. По всей вѣроятности, это кольцо обронилъ какой-нибудь «герой большихъ дорогъ», спасаясь съ своей добычей отъ погони.

— Я на вашемъ мѣстѣ, сказалъ Друммондъ, насупивъ брови:—не носилъ бы при всѣхъ этого кольца. При мнѣ не разъ вѣшали людей на основаніи мѣньшихъ уликъ.

— А я не сталъ бы разсказывать, что такъ дьявольски рано всталъ, прибавилъ еще бо́льшій пессимистъ:—это, пожалуй, не понравится присяжнымъ.

Тутъ рудокопы разошлись каждый въ свою сторону и Кассъ остался одинъ съ кольцомъ въ рукѣ и съ непріятнымъ сознаніемъ, что онъ же возбудилъ подозрѣніе въ своихъ товарищахъ.

Несмотря на первую суевѣрную надежду, возбужденную въ сердцѣ Касса находкой кольца, она не принесла счастья ни ему, ни всему стану. Ежедневная тяжелая работа приносила попрежнему очень скудный результатъ, только увеличивая иронически-мрачное настроеніе Блестящей Звѣзды. Но если Кассъ не извлекъ никакой матеріальной пользы изъ своего сокровища, то оно развило въ значительной степени его воображеніе, которому дотолѣ не было пищи въ безпечной, неряшливой и самодовольной жизни уединеннаго стана. Внявъ благоразумному совѣту товарищей, онъ носилъ кольцо только ночью. Завернувшись въ простыню, онъ тихонько надѣвалъ на мизинецъ кольцо и, по его словамъ, «спалъ какъ никогда». Порождало ли оно болѣе нѣжные сны и болѣе привлекательныя видѣнія въ спокойныя, холодныя, осеннія ночи, когда даже луна и звѣзды какъ бы исчезали на ледяно-синемъ, стальномъ небѣ, я право, не знаю. Но во всякомъ случаѣ, онъ днемъ и ночью мечталъ о своей находкѣ и возможной разгадкѣ ея тайны, что, конечно, изолировало его отъ товарищей, лишая его благихъ совѣтовъ ихъ практической, хотя и вѣчно угрюмой мудрости.

— Лопни у меня глаза, если Кассъ не влюбленъ въ найденное имъ кольцо, говорилъ одинъ изъ рудокоповъ:—онъ носитъ его на снуркѣ вокругъ шеи.

Между тѣмъ, время шло. Красноватыя лужи на большой дорогѣ просохли подъ пекломъ іюньскаго солнца и отъ буйныхъ, ночныхъ вѣтровъ. Трава, выросшая на мѣстѣ этихъ лужъ, въ свою очередь, засохла, и смутные, неопредѣленные слѣды весны исчезли въ всепоглощающей лѣтней пыли.

Во время одного изъ своихъ длинныхъ, безцѣльныхъ странствій, Кассъ углубился въ чащу каштановыхъ деревьевъ и орѣшника. Вдругъ онъ совершенно неожиданно для себя вышелъ на большую дорогу, которая вела къ Краснокожему Перекрестку. Судя по густымъ облакамъ пыли, только-что прошелъ мимо дилижансъ. Онъ дошелъ до того въ своихъ постоянныхъ мечтаніяхъ, что всякое новое обстоятельство казалось ему путемъ къ объясненію мучившей его тайны. Его глаза машинально опустились въ землю, словно онъ ожидалъ найти реальное подтвержденіе

своихъ фантазій. Онъ былъ такъ занятъ этими воображаемыми поисками, что не замѣтилъ какъ на дорогѣ, передъ кустами, изъ-за которыхъ онъ вышелъ, показалась молодая дѣвушка верхомъ, словно выскочила изъ земли.

— Подите сюда, скорѣе!

Кассъ вытаращилъ глаза и пошелъ къ ней, но очень неохотно.

— Я слышала, что кто-то идетъ въ кустахъ и поджидала съ нетерпѣніемъ, сказала она:—идите скорѣе. Тутъ нѣчто страшное.

Несмотря на это, Кассъ замѣтилъ, что хотя она говорила торопливо, но голосъ ея не былъ ни взволнованъ, ни испуганъ, а глаза прямо смотрѣли на него.

— Вотъ здѣсь, именно здѣсь, продолжала она съ необыкновеннымъ оживленіемъ:—я вошла въ кусты, чтобъ сорвать прутъ для лошади... и вотъ... вотъ что нашла.

Они отошли отъ большой дороги на тридцать шаговъ. Единственный предметъ, на которомъ остановились глаза Касса, была высокая, мужская шляпа, лежавшая на травѣ. Она была новая, блестящая и моднаго фасона, но до того странно было видѣть ее въ подобной обстановкѣ, что Кассъ еще болѣе вытаращилъ глаза.

— Вы не туда смотрите, произнесла рѣзко молодая дѣвушка: —вотъ здѣсь!

Кассъ обратилъ свой взглядъ въ ту сторону, куда она указывала прутомъ. Прежде всего его глазамъ представился сюртукъ, небрежно брошенный на землю, а потомъ онъ замѣтилъ бѣлую, сжатую руку, торчавшую изъ рукава, панталоны, оканчивавшіяся двумя сапогами, указывавшими на небо подъ различными углами. Это было мертвое тѣло, до того мертвое, что жизнь, казалось, отлетѣла отъ самой одежды. Голова отвисла назадъ и полускрывалась въ травѣ, но бѣлое, обращенное къ небу лицо съ закрытыми глазами не такъ страшно говорило о смерти, какъ отвратительная одежда. Одна рука лежала на вздутомъ животѣ, какъ у спящаго послѣ сытаго обѣда джентльмэна.

— Не правда ли, страшно? воскликнула молодая дѣвушка:— но отчего онъ умеръ?

Колеблясь между силой хладнокровнаго любопытства молодой дѣвушки и ужасомъ, который возбуждало въ немъ мертвое тѣло, Кассъ, однако, приподнялъ бездыханную голову. Синеватая пробоина надъ правымъ вискомъ и нѣсколько коричневыхъ пятенъ на лбу, воротникѣ рубашки и волосахъ были единственными слѣдами преступленія.

— Поверните, сказала съ нетерпѣніемъ молодая дѣвушка,

видя, что Кассъ хочетъ снова положить голову на траву:—можетъ быть, найдется другая рана.

Но Кассъ смутно помнилъ, что находка мертвыхъ тѣлъ сопровождается извѣстными формальностями, и не сталъ производить дальнѣйшаго осмотра.

— Уѣзжайте лучше отсюда, миссъ, сказалъ онъ: — а то еще попадете въ свидѣтели. Я же тотчасъ дамъ знать въ Краснокожій Перекрестокъ и пришлю сюда коронера.

— Я поѣду съ вами, отвѣчала она съ жаромъ:—я не боюсь попасть въ число свидѣтелей. Или, прибавила она, не обращая вниманія на удивленіе Касса:—я подожду васъ здѣсь.

— Но вѣдь не хорошо, миссъ...

— Я его первая нашла, произнесла молодая дѣвушка, надувъ губы.

Пораженный этими словами, такъ какъ право первенства священно въ глазахъ всякаго рудокопа, Кассъ остановился.

— Какъ зовутъ коронера? спросила она.

— Джо Горнби.

— Это высокій, хромой мужчина, съ просѣдью?

— Да.

— Хорошо. Я поѣду за нимъ и привезу черезъ полчаса.

— Но, миссъ...

— Не безпокойтесь обо мнѣ. Я никогда не видывала такого зрѣлища и хочу досмотрѣть его до конца.

— Вы знаете Горнби? спросилъ Кассъ, съ какимъ-то безсознательнымъ неудовольствіемъ.

— Нѣтъ, но я его привезу.

И она повернула лошадь.

Въ виду этой живой, энергичной дѣвушки, Кассъ забылъ о мертвецѣ.

— Давно вы въ нашихъ мѣстахъ, миссъ? спросилъ онъ.

— Около двухъ недѣль, отвѣчала она коротко:—до свиданія. Поищите, нѣтъ ли гдѣ по близости пистолета, хотя я два раза внимательно осматривала все мѣсто.

Лошадь быстро выбралась на дорогу и исчезла въ облакѣ пыли.

Не прошло и пяти минутъ, какъ мистеръ Кассіусъ сталъ сожалѣть, что онъ не отправился съ нею; дожидаться въ этомъ уединенномъ мѣстѣ подлѣ мертваго тѣла было очень непріятно. Всѣ его старанія найти орудіе смерти или какое-нибудь другое вещественное доказательство не привели ни къ чему. Его стало мучить нетерпѣніе. Онъ ненавидѣлъ себя за то, что остался и съ радостью убѣжалъ бы, еслибы его не удерживало чувство

стыда. Онъ даже не просіялъ, когда черезъ полчаса на пыльномъ горизонтѣ показались двѣ скачущія фигуры — Горнби и молодой дѣвушки.

Напротивъ, онъ еще болѣе насупился. Они какъ бы не замѣчали его. Коронеръ кивнулъ ему слегка головой и, приподнявъ мертвое тѣло съ помощью молодой дѣвушки, энергія и мужество которой, повидимому, приводили его въ восторгъ, приступилъ къ подробному обыску. Въ карманахъ мертвеца найдено было нѣсколько мелкихъ монетъ, серебряный карандашъ, ножикъ и коробка съ табакомъ. Все это не обнаруживало его личности. Вдругъ молодая дѣвушка, ставшая на колѣни подлѣ мертваго тѣла и съ любопытствомъ слѣдившая за всѣми движеніями коронера, воскликнула:

— Я что-то нашла! Оно упало у него изъ-за пазухи на землю! Посмотрите.

Она держала въ рукахъ между перстомъ и указательнымъ пальцемъ что-то завернутое въ газетную бумагу. Глаза ея блестѣли отъ удовольствія.

— Открыть? спросила она.

— Да.

— Это маленькое кольцо, воскликнула молодая дѣвушка: — оно походитъ на обручальное. И на немъ написано, посмотрите— «Майя Кассу».

Кассъ бросился къ нимъ.

— Это мое кольцо, промолвилъ онъ, заикаясь: — я его уронилъ. Это ничего, прибавилъ онъ, смущаясь и краснѣя, какъ маленькая дѣвочка:—я возьму.

— Нѣтъ, погодите, отвѣчалъ коронеръ, отводя его протянутую руку.

— Но оно мое, продолжалъ Кассъ и чувство стыда замѣнилось въ немъ негодованіемъ:—я нашелъ его на большой дорогѣ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ.

— И ваше имя было уже вырѣзано на кольцѣ? ловко замѣтилъ коронеръ.

— Это старая исторія, отвѣчалъ Кассъ, снова краснѣя отъ устремленнаго на него насмѣшливаго взгляда молодой дѣвушки:—всему стану извѣстно, что я нашелъ это кольцо.

— Значитъ, вамъ не трудно будетъ доказать свои права на него, произнесъ холодно коронеръ: — а теперь мы его нашли и возьмемъ какъ вещественное доказательство.

Кассъ пожалъ плечами. Дальнѣйшее препирательство только сдѣлало бы его еще смѣшнѣе въ глазахъ молодой дѣвушки. Онъ отошелъ, оставивъ свое сокровище въ рукахъ коронера.

Слѣдствіе коронера окончилось черезъ два дня. Не было никакихъ доказательствъ, констатирующихъ личность покойнаго, и нельзя было опредѣлить, убитъ ли онъ или самъ посягнулъ на свою жизнь. Точно также ни на комъ не останавливалось подозрѣніе въ убійствѣ. Но при разбирательствѣ дѣла особый интересъ возбудила въ публикѣ главная свидѣтельница, хорошенькая молодая дѣвушка. «Присутствію духа, смѣлости и мужеству миссъ Портеръ, говорилось въ *Вѣстникѣ Краснокожаго Перекрестка:*—обязаны мы находкой мертваго тѣла. Всѣ присутствовавшіе при слѣдствіи коронера были приведены въ восторгъ наружностью и поведеніемъ этой прелестной молодой дѣвушки. Миссъ Портеръ только недавно прибыла въ нашъ околодокъ, гдѣ она, мы надѣемся, останется навсегда, служа примѣромъ для всѣхъ слабонервныхъ и сентиментальныхъ представителей такъ называемаго сильнаго пола». Эти послѣднія ироническія слова, по общему мнѣнію, относились къ Кассу Бирду, о которомъ такъ говорилось въ этой же газетѣ: «Нѣкоторый интересъ былъ возбужденъ находкой на мертвомъ тѣлѣ маленькаго обручальнаго кольца, такъ какъ надѣялись съ помощью его опредѣлить личность покойнаго. Но потомъ были представлены свидѣтели въ доказательство того, что это кольцо принадлежитъ нѣкоему мистеру Кассу Бирду изъ Блестящей Звѣзды, который явился на сцену послѣ находки мертваго тѣла прелестной миссъ Портеръ. Онъ увѣрялъ, что уронилъ кольцо, поднимая мертвое тѣло. Публика много смѣялась при видѣ смущенія мистера Бирда на судѣ и явно пристрастныхъ показаній въ его пользу товарищей рудокоповъ изъ Блестящей Звѣзды. По его словамъ, онъ нашелъ этотъ залогъ любви на большой дорогѣ шесть мѣсяцевъ тому назадъ и потому коронеръ очень благоразумно передалъ въ судъ на храненіе это спорное имущество, пока не найдется его законный собственникъ.

Такимъ образомъ, 15-го сентября 186... г., Кассъ разстался съ своей находкой.

Однако, въ эту же осень тайна объяснилась. Канака Джо былъ арестованъ по обвиненію въ угонѣ лошади, но съ благороднымъ чистосердечіемъ сознался въ болѣе благородномъ преступленіи — въ убійствѣ. Не было сомнѣнія, что Канака Джо убилъ неизвѣстнаго, мертвое тѣло котораго нашла миссъ Портеръ. Любопытство овладѣло импровизованными судьей и присяжными.

— У насъ было честное побоище, сказалъ обвиняемый съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, чувствуя, что публика съ жадностью прислушивается къ каждому его слову: — и побѣда оста-

лась за тѣмъ, кто проворнѣе и ловчѣе владѣлъ пистолетомъ. Между нами произошла непріятность въ Лагранжѣ, потому что у каждаго изъ насъ оказалось въ рукахъ по четыре туза. Мы затѣяли драку, но насъ розняли; значитъ, намъ оставалось только стрѣлять другъ въ друга при первой встрѣчѣ. На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, онъ уѣхалъ изъ Лагранжа, а я пошелъ наискосокъ черезъ лѣсъ и встрѣтилъ его случайно на большой дорогѣ въ Краснокожій Перекрестокъ. Я взвелъ курокъ и крикнулъ ему. Онъ соскочилъ съ своей кобылы и хотѣлъ, прикрывшись, выстрѣлить въ меня, но она стала пятиться и отбросила его въ траву. Тамъ я его и уложилъ.

— И вы украли его кобылу? спросилъ судья.

— Я ускакалъ на ней, отвѣчалъ просто обвиняемый.

Дальнѣйшими распросами выяснилось, что Джо было неизвѣстно ни имя, ни положеніе въ свѣтѣ его жертвы. Его никто не зналъ въ Лагранжѣ.

Всѣ въ Блестящей Звѣздѣ были недовольны этой необычайной медленностью правосудія. Многіе полагали, что слѣдовало Джо повѣсить за конокрадство, а потомъ уже судить за убійство, но большинство выражало болѣе мягкое мнѣніе, и склонялись къ тому, чтобы совершенное имъ убійство было принято за доказательство угона имъ лошади. Многіе изъ обитателей Краснокожаго Перекрестка, въ томъ числѣ и коронеръ, прибыли по этому случаю въ Блестящую Звѣзду.

Кассъ Бирдъ не пошелъ на разбирательство, которое напоминало ему о непріятномъ событіи, и съ рудокопными инструментами въ рукахъ отправился изъ стана подалѣе. Но онъ не производилъ никакихъ развѣдокъ, а просто шагалъ безцѣльно куда глаза глядѣли. Наконецъ, онъ очутился на большой дорогѣ въ Краснокожій Перекрестокъ. Эта мѣстность, полускрываемая облаками пыли, была знакома Кассу, хотя нѣсколько ямъ, вырытыхъ у самой дороги, доказывали, что тутъ недавно работалъ какой-то развѣдчикъ. Пыль мало-по-малу разсѣялась и Кассъ снова очутился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежало мертвое тѣло. Онъ вздрогнулъ. Вся обстановка была прежняя; недоставало только поразительнаго контраста между бездыханнымъ трупомъ и живой, энергичной молодой дѣвушкой. Мертвое тѣло, дѣйствительно, исчезло, но, обернувшись, онъ увидалъ передъ собою въ нѣсколькихъ шагахъ миссъ Портеръ. Она была верхомъ и смотрѣла на него своимъ обычнымъ прямымъ, зоркимъ взглядомъ. Страшная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.

— Я пріѣхала сюда, чтобы освѣжить въ моей памяти все слу-

чившееся, сказала она, слегка кивнувъ ему головой: — мистеръ Горнби полагаетъ, что мнѣ надо будетъ снова явиться свидѣтельницей въ Блестящей Звѣздѣ.

Кассъ небрежно ударилъ киркой по землѣ, но не сказалъ ни слова.

— А вы? спросила она.

— Я былъ на развѣдкѣ и случайно попалъ сюда.

— Такъ вы подѣлали эти ямы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Кассъ презрительно:—только человѣкъ, незнакомый съ этой мѣстностью, вздумалъ бы искать здѣсь золота.

Молодая дѣвушка засмѣялась, обнаруживая два ряда очень бѣлыхъ зубовъ.

— Но вѣдь каждый рудокопъ знаетъ, что пролитая кровь приноситъ счастіе и что на мѣстѣ убійства часто находится золото.

— Я никогда этого не слыхалъ.

— И вы еще называете себя калифорнійскимъ рудокопомъ?

— Да.

Миссъ Портеръ ясно видѣла по его опущеннымъ въ землю глазамъ и краткой, рѣзкой рѣчи, что онъ не былъ расположенъ къ ней. Она пристально посмотрѣла на него и вспыхнула.

— Однако, вы не походите на большинство видѣнныхъ мною рудокоповъ, сказала она, натягивая поводья.

— И вы не походите на видѣнныхъ мною молодыхъ дѣвушекъ, отвѣчалъ онъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросила она, осаживая лошадь.

— Ничего, промолвилъ онъ рѣзко.

Хотя этотъ отвѣтъ былъ вполнѣ правдивый, но черезъ мгновеніе онъ показался ему неприличнымъ и недостойнымъ. Онъ хотѣлъ взять свое слово назадъ, но миссъ Портеръ была уже далеко.

Онъ снова встрѣтился съ нею въ этотъ самый вечеръ. Импровизованный судъ былъ прерванъ неожиданнымъ появленіемъ Калавераскаго шерифа, который взялъ Джо и повезъ его на югъ, гдѣ ожидало его болѣе авторитетное и обдуманное правосудіе. Но прежде этого непредвидѣннаго событія, на судѣ былъ прочитанъ протоколъ слѣдствія коронера и снова вышло на сцену кольцо. Обвиняемый разсмѣялся и просилъ, чтобы ему показали эту таинственную находку. Ему подали кольцо. Стоя въ виду дерева, на которомъ его черезъ нѣсколько часовъ могли повѣсить, Джо расхохотался и такъ искренно, что ему завто-

рили судья и присяжные. Когда водворилась тишина, судья спросилъ у подсудимаго объясненія этого смѣха, но онъ молчалъ.

— Кольцо—ваше? спросилъ строго судья и всѣ присутствующіе ждали съ улыбкой отвѣта.

Но подсудимый не произнесъ ни слова и только саркастически обводилъ глазами всю комнату.

— Разскажите намъ эту исторію, Джо, шепнулъ ему одинъ изъ присяжныхъ:—и мы васъ помилуемъ.

— Подсудимый, сказалъ судья съ оффиціальнымъ достоинствомъ: — помните, что это для васъ вопросъ жизни и смерти. Вы не хотите отвѣчать?

Джо небрежно облокотился на спинку своего кресла и произнесъ:

— Я, кажется, не обвиняюсь здѣсь въ кражѣ кольца, которое, по увѣренію другого человѣка, найдено имъ и, насколько я понимаю, онъ не имѣетъ ничего общаго съ этимъ дѣломъ.

Въ эту минуту явился на сцену Калаверасскій шерифъ и тайна осталась неразгаданной.

Саркастическое замѣчаніе Джо поразило въ самое сердце Касса, который въ послѣднее время становился все мрачнѣе. Его юморъ и откровенность исчезли и онъ сталъ рѣзкимъ, суровымъ. Сначала онъ самъ смѣялся надъ своими разсѣявшимися мечтами, но потомъ горькое разочарованіе мало-по-малу заставило его отвернуться отъ своихъ товарищей.

Вечеромъ въ этотъ день, Кассъ Бирдъ, всѣми обвиняемый въ чрезмѣрной сентиментальности и непослѣдовательности, взялъ мѣсто въ дилижансѣ, отправлявшемся въ Краснокожій Перекрестокъ. Онъ обыкновенно предпочиталъ наружныя мѣста, но, увидавъ на козлахъ рядомъ съ возницею Горнби и миссъ Портеръ, измѣнилъ своей привычкѣ и помѣстился внутри дилижанса. Однако, къ его большому удовольствію, она его не замѣтила, и такъ какъ внутри дилижанса не было другихъ пассажировъ, то, растянувшись на задней скамейкѣ, онъ погрузился въ мрачныя думы. Онъ рѣшился покинуть Блестящую Звѣзду, серьёзно взяться за какое-нибудь выгодное дѣло, и, наживъ большое состояніе, вернуться къ товарищамъ богатымъ и гордымъ человѣкомъ. Луна поэтично освѣщала внутренность дилижанса своими серебристыми лучами, и онъ снова унесся въ безконечное пространство на крыльяхъ фантастичныхъ мечтаній. Вдругъ дилижансъ остановился. На козлахъ послышались громкія голоса. Кассъ машинально схватился за пистолетъ.

— Благодарю васъ, но я хочу сойти.

Это былъ голосъ миссъ Портеръ. Затѣмъ послѣдовалъ обмѣнъ

словъ между Горнби и возницей. Наконецъ, послѣдній рѣзко произнесъ:

— Если она желаетъ сѣсть внутрь, то не мѣшайте ей.

Миссъ Партеръ соскочила на землю. Горнби послѣдовалъ за нею.

— Подождите минутку, миссъ, произнесъ онъ полусмущеннымъ полурѣзкимъ тономъ:—вы меня не поняли, я только...

Но миссъ Портеръ уже вскочила въ дилижансъ.

Горнби схватился за ручку двери. Миссъ Портеръ крѣпко держала ее изнутри.

Кассъ очнулся отъ своихъ мечтаній и спросилъ такимъ мужественнымъ тономъ, что самъ удивился:

— Вы не желаете, чтобы онъ вошелъ?

— Нѣтъ.

Кассъ схватилъ изо всей силы руку Горнби. Но этой необдуманной выходкой только содѣйствовалъ тому, что дверь отворилась. Впрочемъ, онъ вылетѣлъ прямо на своего врага и, схвативъ его за шею, грохнулся вмѣстѣ съ нимъ на землю.

— Эй! Возьмите кто-нибудь вожжи! воскликнулъ возница и, соскочивъ съ козелъ, рознялъ бойцевъ.

— Вы сидите въ дилижансѣ? спросилъ онъ у Касса, но прежде, чѣмъ тотъ могъ отвѣтить, миссъ Портеръ крикнула, высунувшись изъ окна:

— Да.

Чарли быстро сунулъ Касса въ дверь дилижанса и захлопнулъ ее за нимъ.

— А вы? обратился онъ къ Горнби:—если вы не хотите идти пѣшкомъ, то садитесь на козлы.

По всей вѣроятности, онъ помогъ и Горнби вернуться на свое мѣсто, потому что черезъ минуту дилижансъ снова катился по дорогѣ.

Между тѣмъ, Кассъ былъ брошенъ возницей прямо въ объятія миссъ Портеръ; поспѣшно освободившись, онъ хотѣлъ проложить себѣ дорогу въ отдаленный уголъ, но въ это мгновеніе лошади двинулись и его такъ покачнуло, что онъ стукнулся о плечи молодой дѣвушки. Все это ни мало не соотвѣтствовало его рѣшимости держать себя на почтительномъ отъ нея разстояніи. Что же касается до миссъ Портеръ, то она мгновенно оправилась отъ волненія.

— Какой грубіянъ! произнесла она, завязывая шляпку и разглаживая смятое полотняное пальто.

Кассъ посмотрѣлъ на нее, словно забывъ все, что̀ произошло.

— А, да, понимаю, промолвилъ онъ разсѣянно.

— Мнѣ надо васъ поблагодарить, продолжала она съ улыбкой: —хотя, право, я не пустила бы его сюда и дверь не отворилась бы, еслибы вы не схватили его руки. Вотъ посмотрите. Просуньте руку въ окно и возьмите снаружи ручку, а я буду держать ее изнутри. Вы видите, вы не можете отворить двери.

Она дѣйствительно крѣпко держала дверь. Ея рука была сильная, хотя нѣжная и бѣлая. Онъ ничего не отвѣтилъ и молча вернулся на свое мѣсто, ощутивъ какое-то странное чувство, когда ихъ пальцы случайно встрѣтились. Онъ сидѣлъ въ тѣни, а потому могъ незамѣтно разглядѣть ее. Онъ ни разу еще не видѣлъ ее вполнѣ. Она была не такого высокого роста, какъ ему показалось сначала. Глаза ея были небольшіе, но зрачки черные, влажные, бархатные и до того выпуклые, что, казалось, выходили изъ бѣлка. Носъ ея былъ некрасивый, цвѣтъ лица блѣдный, а у рта и носа виднѣлись маленькія, какъ зерна перца, веснушки. Ротъ у нея былъ прямой, губы темно-красныя и влажныя, какъ глаза. Она сидѣла въ углу дилижанса, откинувъ голову назадъ и протянувъ красиво обутыя ноги на противоположное сидѣніе, словно въ дилижансѣ не было никого другого.

Прошло пять минутъ. Она смотрѣла на луну. Кассъ Бирдъ чувствовалъ, что его молчаніе становится неловкимъ, и что ему надо быть холоднымъ, но приличнымъ.

— Я надѣюсь, что не перепугалъ васъ, началъ онъ и остановился.

— Меня? Нисколько, отвѣчала миссъ Портеръ, выпрямившись и потомъ снова принимая свою прежнюю позу.

Опять прошло пять минутъ. Его обижала ея холодность. Она могла бы быть хоть учтивой.

Однако, при лунномъ свѣтѣ, ея лицо казалось гораздо нѣжнѣе. Даже ея рѣшительныя скулы потеряли теперь грубость своихъ очертаній и не заставляли его стыдиться за свою слабость. Ея влажные глаза ярко блестѣли. Вотъ ихъ блескъ сверкнулъ и какъ бы покатился по щекѣ. Неужели это были слезы. Да, она плакала.

Сердце Касса растаяло. Миссъ Портеръ высунула голову въ окно, и когда она, черезъ минуту, повернула къ нему лицо, глаза ея были сухи.

— Въ дорогѣ поневолѣ встрѣчаешь всякихъ людей, замѣтилъ Кассъ.

— Вѣроятно. Но я путешествовала по всей странѣ съ дѣтства и никто еще не обращался со мною грубо или неприлично. Я всегда дѣлала, что хотѣла. Быть можетъ, это другимъ не

нравится, но я люблю дѣйствовать самостоятельно. Я люблю сильныя впечатлѣнія. Я желаю все видѣть. Я не вижу причины, почему мнѣ нельзя путешествовать безъ проводника и дѣлать то, что дѣлаютъ мужчины? Можетъ быть, вы со мною не согласны и полагаете, что молодая дѣвушка должна киснуть дома, играя на фортепіано и читая романы? Можетъ быть, вы считаете меня слишкомъ смѣлой, потому что я не люблю никакихъ стѣсненій и прямо это говорю?

Она произнесла эти слова рѣзкимъ, вызывающимъ тономъ, точно отвѣчая на его безмолвное обвиненіе.

— Васъ непріятно поразило, что я поѣхала за коронеромъ послѣ нашей находки мертваго тѣла.

— А Горнби былъ очень доволенъ, замѣтилъ Кассъ иронически.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросила она рѣзко.

— Вы были съ нимъ друзья, пока...

— Пока онъ меня не оскорбилъ, не такъ ли?

— Пока онъ не вздумалъ, что можетъ вести себя съ вами свободнѣе, такъ какъ вы сами ведете себя свободнѣе другихъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Такъ потому, что я предпочла съѣздить за нимъ, посмотрѣть на факты ежедневной жизни и принести хоть какую-нибудь пользу, нежели шататься по улицамъ или магазинамъ...

— Плѣняя всѣхъ вашей красотой, прибавилъ Кассъ, стараясь быть любезнымъ.

Но его комплиментъ не удался. Миссъ Портеръ выпрямилась, гордо подняла голову и, выглянувъ въ окно, сказала:

— Вы хотите, чтобъ я дошла до дома пѣшкомъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ поспѣшно Кассъ, покраснѣвъ.

— Такъ оставьте эти разговоры.

Наступило неловкое молчаніе.

— Какъ я желала бы быть мужчиной, произнесла неожиданно миссъ Портеръ: — однако, я ходила на всѣ пожары въ Сакраменто, когда мнѣ было десять лѣтъ. И никто не находилъ это неприличнымъ.

— А ваши родители оказывали сопротивленіе вашимъ мужскимъ вкусамъ? спросилъ онъ.

— Сопротивленіе? Я бы желала это видѣть.

Между тѣмъ, дорога перемѣнила направленіе и теперь луна освѣтила Касса, играя на его шелковыстыхъ усахъ, длинныхъ бровяхъ и загорѣлыхъ щекахъ.

— Что у васъ на шеѣ? неожиданно воскликнула молодая дѣвушка.

Кассъ взглянулъ внизъ и покраснѣлъ, увидавъ, что воротникъ его рубашки былъ разорванъ и открытъ. Но этого мало, рубашка была въ крови отъ легкой раны на плечѣ. Онъ вспомнилъ, что во время борьбы съ Горнби, онъ почувствовалъ какую-то царапину.

Нѣжные глаза молодой дѣвушки засверкали.

— Позвольте, я перевяжу вамъ рану, сказала она поспѣшно:— о, я привыкла къ этому. Идите сюда, или я приду къ вамъ.

Она быстро пробралась къ нему; ея пальцы дотронулись до него; онъ чувствовалъ ея дыханіе на своей щекѣ.

— Это ничего, сказалъ онъ, болѣе взволнованный ея близостью, чѣмъ раной.

— Дайте мнѣ вашу фляжку, продолжала она, не обращая никакого вниманія на его слова и, намочивъ свой платокъ водкой, обвязала имъ рану; вотъ и готово. Теперь закутайтесь хорошенько, чтобъ не простудиться.

И она сама застегнула ему сюртукъ. Но потомъ она немного отшатнулась, покраснѣвъ, хотя сама удивлялась овладѣвшему ею смущенію, такъ какъ его кожа была нѣжнѣе, одежда чище и онъ не отличался дурнымъ запахомъ, какъ многіе мужчины и въ томъ числѣ ея отецъ.

— Что вы намѣрены дѣлать съ Горнби? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

Кассъ о немъ не думалъ. Его кратковременная, гнѣвная вспышка прошла и, хотя онъ не боялся Горнби, но не желалъ продолжать съ нимъ единоборство.

— Это будетъ зависѣть отъ него, отвѣчалъ онъ.

— Онъ оставитъ васъ въ покоѣ, произнесла молодая дѣвушка:—но право, вамъ надо бы развить мускулы. Вы слабы, какъ дѣвчонка.

Она остановилась немного смущенная.

— А что мнѣ сдѣлать съ вашимъ платкомъ? спросилъ неожиданно Кассъ, желая перемѣнить разговоръ.

— Оставьте у себя, если хотите, только не показывайте всѣмъ, какъ найденное вами кольцо. Конечно, прибавила она, увидавъ, что лицо его принимаетъ мрачное выраженіе: — это пустяки. Еслибъ вы очень цѣнили кольцо, то не стали бы его показывать всякому и болтать о немъ безъ устали, не правда ли?

Онъ не могъ не согласиться съ нею мысленно, удивляясь, что этотъ взглядъ ему прежде не приходилъ въ голову.

— Но скажите, вы дѣйствительно его нашли? спросила она серьёзнымъ тономъ.

— Да.

— И не было настоящей Майи?

— Насколько мнѣ извѣстно, отвѣчалъ со смѣхомъ Кассъ, очень довольный, хотя самъ не зналъ чѣмъ.

Но миссъ Портеръ пристально посмотрѣла на него и, вернувшись на свое прежнее мѣсто, промолвила:

— Не лучше ли вамъ отдать мнѣ платокъ?

Кассъ началъ молча растегивать сюртукъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы хотите простудиться на смерть! воскликнула она.

Кассъ поспѣшно застегнулся съ очень пріятнымъ ощущеніемъ.

Послѣ этого она мало разговаривала до конца своего путешествія.

Дилижансъ остановился на большой улицѣ Краснокожаго Перекрестка. Послышались громкіе голоса, засверкали огни въ окнахъ. Миссъ Портеръ поспѣшно вышла изъ дилижанса, не дожидаясь помощи Касса и перекинулась нѣсколькими словами съ Чарли.

— Вы можете всегда на меня надѣяться, миссъ, отвѣчалъ онъ.

Она засмѣялась, протянула руку Кассу, слегка отвѣчала на его пожатіе и быстро удалилась.

II.

Спустя нѣсколько дней послѣ поѣздки Касса въ дилижансѣ съ миссъ Портеръ, возница Чарли остановилъ Касса на большой дорогѣ въ Блестящей Звѣздѣ и передалъ ему маленькій свертокъ.

— Миссъ Портеръ вамъ прислала, сказалъ онъ: — это ваше глупое кольцо, о которомъ писали во всѣхъ газетахъ. Она выманила его у стараго судьи Бумпойнтера. Послушайтесь моего совѣта, бросьте его; пусть кто-нибудь другой найдетъ и будетъ съ нимъ возиться.

— Сказала она вамъ что-нибудь? спросилъ Кассъ съ безпокойствомъ, но взялъ потерянное сокровище.

— Да, конечно. Она просила, чтобъ я не допустилъ драки между вами и Горнби. Такъ не приставайте къ нему, а я ужь приму мѣры, чтобъ онъ васъ оставилъ въ покоѣ.

Съ этими словами Чарли знаменательно подмигнулъ, хлестнулъ по лошадямъ и скрылся въ облакѣ пыли.

Кассъ открылъ свертокъ. Въ немъ не было ничего, кромѣ кольца. Получить его такимъ образомъ, безъ записки, безъ двухъ словъ любезныхъ, сочувственныхъ или хотя бы ироническихъ, показалось Кассу оскорбительнымъ. Что она хотѣла сказать этимъ подаркомъ? Сдѣлать смѣшнымъ его безуміе въ его собственныхъ глазахъ, или отблагодарить его за оказанную ей услугу? Въ первую минуту онъ хотѣлъ было послѣдовать совѣту Чарли и бросить на дорогу этотъ символъ безумія и презрѣнія. И не оскорбила ли она его вдвойнѣ, прося Чарли быть его заступникомъ? Онъ рѣшилъ тотчасъ пойти домой и отослать ей данный ему платокъ. Но отъ исполненія этого плана мести удержала его прозаическая мысль, что хотя онъ вымылъ платокъ въ своей хижинѣ, но не могъ его выгладить, а, конечно, было немыслимо послать его неглаженнымъ.

Въ продолженіи двухъ недѣль, сердце Касса было полно горечи. Потомъ извѣстіе объ оправданіи судомъ Канака Джо, на время воскресило исторію о кольцѣ въ памяти обитателей Блестящей Звѣзды и возбудило повтореніе старыхъ шутокъ. Но вскорѣ все это было забыто; въ послѣдніе мѣсяцы, счастье отвернулось отъ стана и какъ ранніе снѣга, такъ и даромъ потраченный капиталъ на неудачныя развѣдки уничтожили всякую тѣнь юмора, которымъ отличались рудокопы въ дни своего благоденствія. Блестящая Звѣзда, по справедливому замѣчанію ея обитателей, «спѣла свою пѣсню».

Кассъ мужественно боролся съ злой судьбой и даже заслужилъ похвалу своихъ товарищей. Впрочемъ, онъ и самъ былъ доволенъ собою; онъ сознавалъ въ себѣ болѣе силы, здоровья, самодѣятельности. Онъ началъ обращать свое пламенное воображеніе и сметливость на практическія цѣли и сдѣлалъ нѣсколько открытій, которыя поразили удивленіемъ его товарищей. Однако, открытія Касса не принесли немедленно денежной прибыли и Блестящая Звѣзда, употреблявшая на свои ежедневныя нужды извѣстное число фунтовъ хлѣба и свинины, не производила ихъ эквивалента золотомъ. Блестящая Звѣзда потеряла всякій кредитъ. Блестящая Звѣзда стала голодать и приняла грязный, оборванный видъ. Блестящая Звѣзда померкла.

Неся свою долю общаго бѣдствія, посѣтившаго станъ, Кассъ имѣлъ и свои личныя злополучія. Онъ твердо рѣшился забыть миссъ Портеръ и все, что могло ему напомнить несчастное кольцо, но, какъ на зло, она вѣчно преслѣдовала его; ея граціозная фигура мерещилась ему во снѣ и на яву, ея голосъ онъ слышалъ въ плескѣ рѣки, ея блестящіе глаза, казалось, манили его изъ темноты, какъ только наступала ночь. Частью по

этой причинѣ, а частью потому, что его одежда пришла въ очень плачевный видъ, онъ избѣгалъ Краснокожаго Перекрестка и вообще тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ могъ ее встрѣтить. Однако, несмотря на всѣ предосторожности, онъ встрѣтилъ ее однажды въ кабріолетѣ, которымъ она сама правила; но она была такъ нарядна и великолѣпна, что онъ со стыдомъ спрятался за дерево. Въ эту минуту онъ просто ненавидѣлъ ее. Его товарищи рѣдко говорили о ней, инстинктивно боясь поколебать его спартанскую твердость; но онъ по временамъ слышалъ, что ее видали на балахъ и праздникахъ, и она, повидимому, находила большую прелесть въ тѣхъ самыхъ удовольствіяхъ, которыя осуждала.

Настала весна. Въ одно свѣтлое утро, Кассъ возвращался изъ сосѣдняго города, гдѣ тщетно старался побудить какого-то крупнаго капиталиста возстановить славу и благоденствіе Блестящей Звѣзды. Онъ такъ усталъ, что попросилъ проѣзжавшаго мимо возницу дать ему мѣсто въ телегѣ. Размышляя объ узкомъ умѣ капиталиста, который, очевидно, судилъ о будущности стана по настоящему положенію его ходатая, Кассъ не замѣтилъ, какъ они поровнялись съ новой церковью на окраинѣ города. Нарядная толпа выходила изъ дверей церкви. Было слишкомъ поздно соскочить съ телеги и скрыться, а Кассъ не смѣлъ попросить возницу поѣхать скорѣе. Вполнѣ сознавая, что борода у него не брита, а одежда въ лохмотьяхъ, онъ опустилъ голову и устремилъ глаза въ землю. Вдругъ онъ вздрогнулъ. Знакомый ему голосъ крикнулъ его по имени. Это была миссъ Портеръ, въ блестящемъ шелковомъ платьѣ и весеннихъ цвѣтахъ. Она бѣжала за телегой съ прежней своей живостью и презрѣніемъ къ свѣту. Изумленный возница остановился.

— Зачѣмъ вы меня заставили бѣжать такъ долго? Зачѣмъ вы не хотѣли взглянуть на меня?

Стараясь скрыть газетой заплатки на своихъ колѣняхъ, Кассъ промолвилъ, что онъ ее не видалъ.

— Такъ вы не нарочно опустили голову?

— Нѣтъ.

— Отчего вы не были ни разу въ Краснокожемъ Перекресткѣ? Отчего вы мнѣ не отвѣтили?

— Вы мнѣ ничего не прислали, кромѣ кольца, сказалъ Кассъ, покраснѣвъ и смотря искоса на возницу.

— А развѣ этого мало, глупый идіотъ?

Кассъ открылъ широко глаза, а возница улыбнулся.

— Какая у васъ славная телега, я хотѣла бы въ ней проѣхать! воскликнула миссъ Портеръ, бросая вызывающіе взгляды на проходящихъ:—позвольте мнѣ сѣсть рядомъ съ вами.

Кассъ всячески старался отговорить ее, увѣряя, что телега неудобная, грязная, быть можетъ, и нездоровая, что онъ самъ очень скоро выйдетъ изъ нея, что она испортитъ свое платье...

— Ахъ, да, отвѣчала она съ горечью:—вы правы, я должна подумать о своемъ платьѣ, и еще объ чемъ?

— Всѣ найдутъ вашъ поступокъ очень страннымъ и подумаютъ, что я васъ пригласилъ.

— Тогда какъ я сама напросилась?.. Благодарю васъ. Прощайте.

Она махнула рукой и поспѣшно удалилась. Кассъ теперь отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобъ вернуть ее, но не пошевелился. Телега покатилась далѣе. На первомъ поворотѣ дороги онъ соскочилъ на землю.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ.

— Не за что, отвѣчалъ возница, съ любопытствомъ смотря на Касса:—но если въ другой разъ такая дѣвица захочетъ проѣхаться въ этой телегѣ, то я не стану спрашивать мнѣнія тупоголоваго пассажира. Прощайте, молодой человѣкъ. Не оставайтесь поздно внѣ дома, а то, пожалуй, васъ похититъ какая-нибудь красавица. Что тогда скажетъ ваша маменька?

Молодой человѣкъ молча бросилъ на него убійственный взглядъ и быстро удалился, сознавая, однако, что величію его презрѣнія много вредила большая заплата на панталонахъ изъ мучного мѣшка, еще сохранившаго доселѣ затканную надпись «первый сортъ».

Лѣто принесло съ собою надежды для Блестящей Звѣзды. Длинные дни давали возможность болѣе работать и лучше производить развѣдки. Къ тому же, капиталистовъ теперь легче было заманить сюда, чѣмъ когда высокая вода уничтожала броды въ рѣкахъ, а снѣгъ заносилъ дороги въ горахъ. Въ одинъ изъ этихъ аркадскихъ дней, Кассъ, сидя у двери своей одинокой хижины, увидѣлъ съ изумленіемъ, что къ нему шло около двѣнадцати товарищей. Впереди всѣхъ былъ Питеръ Друммондъ, побѣдоносно махавшій газетой, словно знаменемъ.

— Вамъ счастіе, Кассъ! воскликнулъ онъ, останавливаясь и удерживая остальныхъ на почтительномъ разстояніи.

— Какое счастіе?

— Вы теперь будете богачемъ! Вы зазнаетесь. Прочтите!

Онъ развернулъ газету и медленно прочиталъ:

— «*Потери.*—Просятъ лицо, нашедшее гладкое золотое кольцо съ вырѣзанными словами «Майя Кассу» на большой дорогѣ близь Блестящей Звѣзды 4-го марта 186., явиться въ банкирскую контору Букгемъ и К°, въ Сакраменто, 2-я улица, № 1007.

Онъ получитъ приличное вознагражденіе за возвратъ кольца или за представленіе свѣдѣній о кольцѣ и той мѣстности, гдѣ оно найдено».

Кассъ всталъ и злобно взглянулъ на товарищей.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнули они всѣ въ одинъ голосъ:—это не шутка! Это правда! Клянемся небомъ!

— Вотъ газета! Вчерашній нумеръ «Вѣстника Сакраменто». Прочитайте сами, продолжалъ Друммондъ, предлагая ему измятую газету: — и замѣтьте, какъ вамъ везетъ счастіе. Вѣдь не требуютъ возврата кольца; такъ что вамъ все равно, если старый дуракъ Бумпойнтеръ и не дастъ вамъ кольца.

— Вызываютъ только лицо, нашедшее кольцо, замѣтилъ другой:—значитъ Бумпойнтеръ или Канака Джо не могутъ соваться.

— Ясно, что вызываютъ васъ и болѣе никого! воскликнулъ третій.

Ради миссъ Портеръ и ради самого себя, Кассъ никому не говорилъ о полученіи кольца обратно, и, очевидно, Чарли сохранилъ ввѣренную ему тайну. Теперь не было причины пускаться въ откровенности, тѣмъ болѣе, что кольцо перестало играть первенствующую роль въ этой таинственной исторіи. Но что это была за исторія и почему теперь придавали такое значеніе тому факту, что онъ нашелъ кольцо?

— Вѣроятно, сказалъ Друммондъ, какъ бы отвѣчая на его мысли:—это красавица—а тутъ непремѣнно замѣшана красавица—прочитала въ газетахъ разсказъ о вашей находкѣ и заглазно влюбилась въ васъ. Я не придаю никакой важности другому Кассу, она, очевидно, спустила его и....

— И подѣломъ собакѣ! воскликнулъ одинъ изъ рудокоповъ:— не теряй кольца, подареннаго красавицей, и потомъ не скрывайся.

— Ее, конечно, тронула ваша возвышенная, романтическая любовь къ кольцу, прибавилъ Друммондъ, совершенно забывъ, какъ онъ самъ прежде издѣвался надъ Кассомъ.

Весь станъ, прочитавъ объявленіе, вдругъ убѣдился, что развилъ въ своей средѣ рыцарскія, благородныя чувства, которыя, наконецъ, нашли достойную награду. По общему мнѣнію, красавица, вызывавшая Касса, была дочь упомянутаго въ объявленіи банкира, и ея счастливый отецъ былъ обязанъ по этому случаю заняться эксплуатаціей Блестящей Звѣзды. Даже еслибъ и оказалось, что между ними нѣтъ родства, то какой прекрасный случай выставить въ блестящемъ видѣ передъ капиталистомъ мѣстность, производившую вѣнчальныя кольцы и людей, «умѣвшихъ ихъ сохранить». Это послѣднее замѣчаніе принадлежало сметливому

виргинцу, Джиму Фокьеру, который, отведя въ сторону Касса, сказалъ ему:

— Если вы не сойдетесь характерами съ этой красавицей или вамъ не понравятся ея рыжіе волосы и горбъ (почему-то Блестящая Звѣзда представляла себѣ таинственную красавицу рыжей и горбатой), то передайте ее мнѣ. Скажите, что я вмѣстѣ съ вами обожалъ кольцо и всегда просилъ васъ одолжить мнѣ его на воскресенье. Понятно, что, въ случаѣ успѣха, мы подѣлимъ барыши.

Очень важный вопросъ былъ возбужденъ относительно одежды Касса, который теперь отправлялся въ Сакраменто, какъ достойный представитель всего стана. Его теперешняя одежда была немыслима для жениха.

— Конечно, онъ могъ бы явиться и въ такомъ видѣ, замѣтилъ Джимъ Фокьеръ:—и свалить все на свою любовь къ кольцу, благодаря которой ему постыло все на свѣтѣ.

Но Кассъ не соглашался съ этимъ мнѣніемъ и его поддержали другіе товарищи, особенно тѣ, которые были помоложе. Наконецъ, въ Краснокожемъ Перекресткѣ достали въ кредитъ, благодаря предъявленію газеты, бѣлые панталоны, красную рубашку, черный шелковой шарфъ и соломенную шляпу. Друммондъ одолжилъ тяжелое вѣнчальное кольцо, какъ остроумный символъ, а Фокьеръ воткнулъ въ шарфъ булавку съ большимъ образцемъ золота и кварца.

— Это будетъ доказательствомъ золотыхъ жилъ нашей мѣстности, сказалъ онъ:—а старику (т. е. главѣ фирмы Букгемъ и сыновья) не войдетъ въ голову, что я выигралъ булавку въ карты въ Сан-Франциско. Если вы передадите красавицу мнѣ, прибавилъ онъ конфиденціально Кассу:—то я возьму обратно и булавку. Можетъ, она мнѣ принесетъ счастіе.

Когда всѣ приготовленія были окончены и Кассу даны сорокъ долларовъ на необходимые расходы, то все населеніе Блестящей Звѣзды проводило его до поворота дороги, гдѣ онъ сѣлъ въ дилижансъ, шедшій въ Сакраменто, среди громкихъ восклицаній, маханій шляпами и пистолетныхъ выстрѣловъ.

Излишне говорить, что Кассъ нисколько не раздѣлялъ чрезмѣрныхъ надеждъ товарищей и совершенно отвергалъ всякую мысль о бракѣ, но добродушно со всѣми соглашался; и къ тому же, ему было пріятно, что его фантастичная мечта, отъ которой онъ давно уже отказался, все-таки могла бы осуществиться. Наконецъ, онъ съ удовольствіемъ думалъ, что миссъ Портеръ, услыхавъ объ его счастіи, пожалѣетъ, что не съумѣла оцѣнить его нѣжныя къ ней чувства. Если онъ дѣйствительно возбудилъ

къ себѣ любовь богатой наслѣдницы, то онъ докажетъ миссъ Портеръ, что готовъ пожертвовать ради ея самой блестящей партіей. Онъ уже мысленно составилъ краткую рѣчь, съ которой онъ обратится къ ней: «Милая миссъ Портеръ, если я могъ остаться вѣрнымъ фантастичной мечтѣ юности, то неужели вы думали, что я могу измѣнить ради корысти единственной страсти, которую я когда-либо ощущалъ въ жизни». Но онъ такъ часто повторялъ эту фразу, что невольно слова у него стали путаться и онъ произносилъ такъ же торжественно: «милая миссъ Портеръ, если я могъ измѣнить фантастичной мечтѣ моей юности и т. д., то неужели вы думаете, что я останусь вѣрнымъ единственной страсти» и т. д. Наконецъ, если таинственная красавица окажется бѣдной, то эта фраза потеряетъ всякое значеніе, такъ какъ миссъ Портеръ имѣла хорошія средства.

Банкирская контора Букгемъ и сыновья не имѣла ничего таинственнаго или фантастичнаго. Все въ ней было практично, прозаично, открыто, полировано. Никто бы не подумалъ оставить тайну на одной изъ ея конторокъ. Кассу показалось какъ-то неловко явиться съ своей исторіей и съ своимъ сокровищемъ въ подобный храмъ разочаровывающаго реализма. Онъ молча протянулъ къ одному изъ конторщиковъ завернутое въ бумажкѣ кольцо и газетное объявленіе.

— Не сюда—рядомъ, молодой человѣкъ, отвѣчалъ онъ, развернувъ бумажку и увидавъ кольцо.

Кассъ вышелъ изъ конторы, но, увидавъ, что рядомъ была касса ссудъ, вернулся весь красный, съ блестящими глазами.

— Я пришелъ по объявленію, началъ онъ.

— Мѣсто занято, отвѣчалъ рѣзко тотъ же конторщикъ.

— Ну, если вы его заняли, такъ, вѣрно, не надолго, отвѣчалъ выведенный изъ себя Кассъ среди общаго смѣха: — но я пришелъ не за этимъ. Если Букгема нѣтъ дома, то пришлите мнѣ одного изъ его сыновей.

Нѣсколько сконфуженный конторщикъ взялъ изъ рукъ Касса газетное объявленіе и понесъ его въ кабинетъ хозяина. Черезъ минуту, онъ вернулся и проводилъ туда Касса. Сердце Касса снова дрогнуло, когда онъ очутился передъ здоровеннымъ, хотя и сѣдымъ старикомъ, который, какъ выраженіемъ своего лица, такъ и всей своей фигурой, краснорѣчиво отвергалъ всякое соучастіе въ романтичной тайнѣ. Однако, онъ подалъ ему кольцо и разсказалъ въ двухъ словахъ свою исторію. Банкиръ нетерпѣливо его выслушалъ и, не взглянувъ даже на кольцо, спросилъ:

— Ваши бумаги?

— Какія бумаги?

— Доказательства вашей личности. Вы говорите, что вы Кассъ Бирдъ. Но это надо доказать. Почему я знаю, кто вы?

Это сомнѣніе въ его личности и недовѣріе къ его слову показались Кассу очень оскорбительными. Но чѣмъ ему было доказать, что онъ не обманщикъ?

— Впрочемъ, это не мое дѣло, прибавилъ банкиръ, пристально посмотрѣвъ на Касса: — если вы убѣдите въ своей тождественности даму, поручившую мнѣ это дѣло, то болѣе ничего не надо. Я думаю, что вамъ это будетъ не трудно. Вотъ ея карточка. Прощайте.

«Миссъ Мортимеръ». Она не была дочерью банкира. Первая иллюзія Блестящей Звѣзды разсѣялась. Но тотъ фактъ, что ея дѣлами занимался банкиръ, доказывалъ, что она была богата. Объ ея юности и красотѣ Кассъ болѣе не думалъ.

Она жила невдалекѣ. Съ тревожно бьющимся сердцемъ Кассъ позвонилъ у приличнаго на взглядъ дома и былъ проведенъ въ гостиную. Съ перваго взгляда онъ замѣтилъ, что эта комната была только временно обитаема, и когда въ дверь вошла дама высокаго роста въ глубокомъ трауръ, то Кассъ еще болѣе убѣдился въ несоотвѣтствіи этого помѣщенія съ его обитательницей.

Миссъ Мортимеръ была молода, красива и одѣта по модѣ. Съ первыхъ ея словъ видно было, что она знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Это освобождало его отъ тяжелой обязанности доказывать свою тождественность, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало въ немъ сознаніе неопытности и молодости.

— Я позволю себѣ, сказала она:—предложить вамъ нѣсколько вопросовъ для успокоенія своего сердца, а не для какой-либо иной цѣли. Иначе, продолжала она съ грустной улыбкой:—я поручила бы вести это дѣло человѣку болѣе спокойному и хладнокровному. Но я убѣждена, я знаю, что могу вамъ вѣрить. Быть можетъ, мы, женщины, слишкомъ вѣримъ въ инстинктъ и, узнавъ мою исторію, вы увидите какъ, мало можно полагаться на этотъ инстинктъ, но я, не ошибаясь, скажу, что вы сами имѣете эту слабость, неправда ли?

Она умолкла на минуту, крѣпко сжала свои руки и продолжала отрывисто:

— Вы говорите, что нашли это кольцо на большой дорогѣ за три мѣсяца передъ... тѣмъ... какъ... найдено было... тѣло?

— Да.

— Вы подумали, что его кто-нибудь потерялъ?

— Да, потому что оно не принадлежало ни одному изъ обитателей стона.

— Вы нашли его передъ своей хижиной или на большой дорогѣ?

— Передъ хижиной.

— Вы въ этомъ увѣрены?

Она снова грустно улыбнулась и эта улыбка была такая нѣжная, что Кассъ невольно покраснѣлъ.

— Моя хижина близь дороги, пояснилъ онъ.

— Понимаю. Кромѣ кольца не было ничего, ни письма, ни бумажки?

— Ничего.

— И вы его сохранили потому, что на немъ вырѣзано имя похожее на ваше.

— Да.

— Или по какой другой причинѣ?

— Ни по какой, отвѣчалъ Кассъ, вспыхнувъ.

— Извините меня, что я вамъ предложу вопросъ, на который вы уже отвѣчали. На слѣдствіи коронера старались доказать, что кольцо найдено на тѣлѣ несчастнаго. Вы это отрицаете?

— Положительно. Я приму присягу.

— Боже мой! Какой измѣнникъ! промолвила миссъ Мортимеръ и отошла къ окну, чтобы скрыть свое волненіе.

Потомъ она прибавила дрожащимъ голосомъ:—я вамъ довѣрю мою тайну. Это мое кольцо. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я дала это кольцо человѣку, который меня обманулъ, велъ жизнь самую постыдную и, будучи джентльмэномъ, дошелъ до того, что сдѣлался сообщникомъ воровъ. Онъ палъ такъ низко, что измѣнилъ даже своимъ товарищамъ и они бросили его послѣ насильственной его смерти. Вы нашли его трупъ.

Кассъ вздрогнулъ.

— А его звали?

— Генри Кассъ. Но вы спросите, почему я такъ жажду узнать, гдѣ именно найдено его кольцо, на немъ или на дорогѣ? Дѣло въ томъ, что онъ, говорятъ, показывалъ это кольцо, хвастался имъ и даже проигралъ одному изъ своихъ презрѣнныхъ товарищей.

— Канакѣ Джо, произнесъ Кассъ, вспомнивъ какъ смѣялся Джо, при видѣ кольца.

— Да. Еслибы кольцо было найдено на немъ, то я все-таки могла бы утѣшать себя мыслью, что онъ питалъ хоть какое-нибудь уваженіе къ погубленной имъ женщинѣ. Я глупая, глупая женщина... но вы убили во мнѣ послѣднюю надежду.

— Но зачѣмъ вы послали за мною? спросилъ Кассъ, тронутый ея волненіемъ.

— Чтобы знать навѣрное, воскликнула она почти гнѣвно: — развѣ вы не понимаете, что такая женщина, какъ я, должна все знать навѣрное. Вы можете оказать мнѣ большую услугу. Я вызвала васъ не для того только, чтобы разсказать вамъ о своихъ несчастіяхъ. Вы должны меня повести на тѣ мѣста, гдѣ вы нашли кольцо, гдѣ увидали его тѣло, гдѣ его похоронили. Но я не хочу, чтобы меня кто-нибудь увидѣлъ.

Кассъ задумался. Какъ могъ онъ сохранить это посѣщеніе въ тайнѣ отъ товарищей, которые будутъ и такъ разочарованы въ своихъ надеждахъ?

— Если вамъ нужны деньги, то не бойтесь. Я уплачу все, что хотите. Я знаю, что не имѣю права отнимать у васъ время безъ достойнаго вознагражденія. Я внесла въ контору Букгема 1000 долларовъ для выдачи лицу, который представитъ кольцо. Я удвою эту сумму, если вы согласитесь на мою просьбу.

Это было возможно. Онъ могъ тайно показать ей то, что она желала, разсказать товарищамъ, что выдача вознагражденія отложена подъ какимъ-нибудь предлогомъ и потомъ подѣлиться съ ними наживой. Поэтому онъ поспѣшно отвѣчалъ:

— Я согласенъ.

Она взяла его обѣ руки и поднесла ихъ къ губамъ. Въ эту минуту грусть и отчаяніе исчезли съ ея лица, и на немъ играла кокетливая, вызывающая улыбка. Кассъ смутился и, выходя изъ дома, спрашивалъ себя, что̀ бы сказала миссъ Портеръ. Но вѣдь онъ вернется къ ней счастливымъ человѣкомъ съ тысячью долларами въ карманѣ!

Мысль объ этомъ, однако, не мѣшала ему найти нѣкоторое удовольствіе въ обществѣ хорошенькой миссъ Мортимеръ во время ихъ поѣздки въ дилижансѣ въ тотъ же вечеръ до Краснокожаго Перекрестка, гдѣ она должна была переночевать, тогда, какъ онъ отправится въ Блестящую Звѣзду и пріѣдетъ за нею на слѣдующее утро, когда всѣ его товарищи будутъ за работою. Остановивъ дилижансъ передъ гостинницей и сдавъ миссъ Мортимеръ на руки хозяйки, Кассъ вернулся и теперь взлѣзъ на козлы, гдѣ очистилось одно мѣсто. Рядомъ съ нимъ помѣщалась какая-то фигура, закутанная въ платкахъ и шаляхъ.

— Здравствуйте, сказала она неожиданно очень холоднымъ тономъ.

Это была миссъ Портеръ.

— Вы давно ѣдете? спросилъ онъ, пораженный изумленіемъ.

— Весь вечеръ.

Онъ дорого бы далъ, чтобъ имѣть возможность спастись бѣгствомъ. Онъ охотно спрыгнулъ бы съ дилижанса на ходу, чтобъ только избавиться отъ объясненія съ миссъ Портеръ. И, однако, съ странной непослѣдовательностью, онъ немедленно пустился въ странное для него объясненіе, причемъ сразу открылъ ей свою тайну.

— Такъ это ваша Майя? отвѣтила хорошенькая молодая дѣвушка.

Кассъ хотѣлъ повторить свой разсказъ, но она его остановила:

— Нѣтъ, довольно. Онъ не новъ и неинтересенъ. Вы ей вѣрите?

— Да.

— Тѣмъ лучше. Не мѣшайте мнѣ спать.

Кассъ, взволнованный, разгнѣванный, безпокойный, не произнесъ болѣе ни слова.

Когда дилижансъ остановился въ Блестящей Звѣздѣ, она спросила его небрежно:

— А когда начнется сантиментальное пильгримство?

— Я поѣду за ней въ часъ, отвѣчалъ сухо Кассъ.

Онъ сдержалъ свое слово. Онъ успокоилъ товарищей надеждой на будущую наживу и въ положенный часъ привелъ ее окольной дорогой, извѣстной только ему одному, къ двери хижины.

— Здѣсь? спросила она, и слабый румянецъ заигралъ на ея блѣдныхъ щекахъ.

— Я нашелъ здѣсь кольцо.

— А тѣло?

— Далѣе, вонъ въ томъ направленіи, у поворота въ Краснокожій Перекрестокъ, за купой каштановъ.

— И всякій, кто шелъ бы съ большой дороги туда, долженъ пройти здѣсь? спросила она съ страннымъ смѣхомъ.

— Да.

— Пойдемте далѣе.

Кассъ повелъ ее лѣсомъ, чтобъ не попасться никому на глаза.

— Вы тутъ и прежде ходили? спросила миссъ Мортимеръ:—это, кажется, тропинка.

— Да, я ее проложилъ; тутъ ближе къ каштановой купѣ.

— Вы ничего не находили другого на этой тропинкѣ?

— Нѣтъ, я вамъ говорилъ, что я нашелъ только кольцо.

— Правда, я и забыла, отвѣчала она съ улыбкой.

Черезъ полчаса они дошли до каштановыхъ деревьевъ. По дорогѣ она зорко смотрѣла во всѣ стороны. Очутившись передъ мѣстомъ, гдѣ произошло убійство, она спросила:

— Вы увѣрены, что за нами не слѣдятъ?

— Вполнѣ увѣренъ.

— Вы не сочтете глупостью, если я васъ попрошу остаться здѣсь? Я пойду туда одна.

И блѣдная, какъ смерть, она указала рукою на чащу.

Сердце Касса, которое со времени свиданія съ миссъ Портеръ значительно охладѣло, снова растаяло.

— Хорошо, идите.

Онъ прождалъ пять минутъ. Она не возвращалась. Ему вдругъ вошла въ голову мысль: не наложила ли она на себя руки? Но въ тоже мгновеніе послышался за деревьями шелестъ платья.

— Я уже началъ тревожиться, сказалъ онъ громко.

— И не безъ основанія, отвѣчалъ кто-то поспѣшно.

Онъ вздрогнулъ. Это была миссъ Портеръ.

— Посмотрите на дорогу, сказала она: — вонъ тамъ стоитъ человѣкъ. Онъ слѣдовалъ за вами отъ самой вашей хижины. Вы его знаете?

— Нѣтъ.

— Это Дикъ. Одинъ изъ спасшихся бѣгствомъ разбойниковъ. Я его знаю.

— Надо ее предостеречь, сказалъ поспѣшно Кассъ.

Миссъ Портеръ положила ему руку на плечо.

— Врядъ ли она васъ поблагодаритъ за это, сказала молодая дѣвушка сухо: — лучше посмотрите прежде, что она дѣлаетъ.

Смущенный и изумленный, но чувствуя надъ собой ея власть, Кассъ послѣдовалъ за нею. Она пробиралась въ чащѣ на четвереньках, какъ кошка.

— Посмотрите, какъ плачетъ и убивается ваша бѣдная Майя, произнесла она шепотомъ.

Кассъ увидалъ передъ собою женщину, которая оставила его за минуту передъ тѣмъ; стоя на колѣнахъ, она копала землю своими длинными руками. Не успѣлъ онъ замѣтить, что глаза ея горѣли и что она поминутно смотрѣла по тому направленію, гдѣ онъ долженъ былъ находиться, какъ изъ-за дерева выскочилъ человѣкъ, который только-что стоялъ на дорогѣ.

— Бѣги! Бѣги! За тобой слѣдятъ!

— О, это Бирдъ! отвѣчала она презрительно.

— Нѣтъ, другой! въ телегѣ! Скорѣе! Дура! Ты знаешь теперь мѣсто, ты можешь прійти въ другое время. Бѣги!

И онъ насильно потащилъ ее среди кустовъ. Не успѣли они скрыться, какъ миссъ Портеръ бросилась на то мѣсто, гдѣ рыла землю незнакомка.

— Посмотрите! воскликнула она торжествующимъ тономъ:— посмотрите!

Кассъ посмотрѣлъ и бросился передъ нею на колѣни.

— Вамъ обѣщали тысячу долларовъ, не правда ли? продолжала она:—вамъ бы надо имъ это возвратить, вѣдь вы рыцарь.

— Какъ вы узнали? спросилъ онъ, едва выговаривая слова отъ волненія.

— Я подозрѣвала, что дѣло не ладно; тутъ замѣшана женщина, а вы такой дуракъ.

Кассъ всталъ, насупивъ брови.

— Ну, не будьте еще большимъ дуракомъ. Пойдемте лучше за моей телегой. Только не говорите ни слова возницѣ.

— Такъ вы явились не однѣ?

— Нѣтъ, это было бы слишкомъ смѣло и неприлично.

— Ради Бога!

— А какъ подумаешь, что все-таки кольцо привело насъ къ этому открытію.

— Кольцо, которое вы мнѣ возвратили.

— Что вы сказали?

— Ничего.

— Да, помолчите. Телега ѣдетъ.

На слѣдующій день въ «Вѣстникѣ Краснокожаго Перекрестка» появилось слѣдующее удивительное извѣстіе:

Необычайная находка.

Открытіе сокровищъ, украденныхъ у Вельсъ, Фарго и К°.

Найдено на сумму 200,000 дол.

«Наши читатели помнятъ, что ночью на 1-е сентября была совершена кража у Вельса, Фарго и К°. въ дилижансѣ, шедшемъ изъ Сакраменто въ Краснокожій Перекрестокъ. Хотя большинство разбойниковъ было арестовано, но двое скрылись и спрятали украденныя сокровища, состоявшія изъ золота, банковыхъ билетовъ и драгоцѣнныхъ камней. Вчера нашъ почтенный согражданинъ мистеръ Кассъ Бирдъ, давно извѣстный въ нашемъ околодкѣ съ самой хорошей стороны, выкопалъ эти сокровища изъ земли въ чащѣ лѣса, близь поворота большой дороги въ Краснокожій-Перекрестокъ, подлѣ того самаго мѣста, гдѣ недавно найдено было мертвое тѣло. Теперь сильно подозрѣваютъ, что это былъ трупъ одного изъ скрывшихся разбойниковъ, по имени Генри Касса. Дѣло передано судебной власти. Успѣшнымъ результатомъ продолжительныхъ поисковъ мы обязаны систематичному плану, который созрѣлъ въ геніальной головѣ мистера Бирда, посвятившаго болѣе года на это полезное

дѣло. Первая мысль была ему дана находкой кольца, которое теперь признано частью тѣхъ сокровищъ Вельса, Фарго и К°, которыя растеряли разбойники во время своего бѣгства ночью черезъ Блестящую Звѣзду».

Въ той же газетѣ черезъ нѣсколько дней явилось другое, не менѣе любопытное извѣстіе, которое поясняетъ и вполнѣ заканчиваетъ этотъ правдивый разсказъ:

«Говорятъ, что вскорѣ произойдетъ свадьба героя недавней находки 200,000 дол. и молодой дѣвушки изъ Краснокожаго-Перекрестка, которая, какъ всѣмъ извѣстно, оказала ему самое дѣятельное и преданное содѣйствіе въ этомъ подвигѣ».

ГОРСТОЧКА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.

ЭСКИЗЪ.

...Порывы вѣтра дѣлались все сильнѣе и сильнѣе, повременамъ достигая степени урагана. Дорога къ кладбищу была совершенно пустынна, и оголенныя деревья, посаженныя по краямъ канавы, шумомъ сталкивавшихся сухихъ вѣтвей одни нарушали покой унылой окрестности. За нескончаемымъ, покосившимся заборомъ тянулись огороды съ невоздѣланной землей, мѣстами покрытой талымъ снѣгомъ. По темнолиловому небу быстро проносились свинцовыя, клочковатыя тучи.

По дорогѣ показалась фигура человѣка. Онъ шелъ быстро, сопротивляясь, по возможности, дувшему навстрѣчу вѣтру, обходя грязь и перескакивая черезъ лужи, покрытыя тонкимъ слоемъ льда. Распахнувшійся на минуту воротникъ пальто обнаружилъ мужественное, безстрастное лицо, съ длинной бородой и мрачно сдвинутыми густыми бровями. Высокая фигура прохожаго была облечена въ истертое драповое пальто, таковую же круглую шапку и сапоги до колѣнъ.

Подходя къ воротамъ кладбища, прохожій замедлилъ шагъ, снялъ шапку и платкомъ вытеръ потъ со лба, съ прилипшими къ нему прядями начинавшихъ сидѣть волосъ.

У самыхъ воротъ, на широкой скамейкѣ, закутанный въ овчинный тулупъ, сидѣлъ сторожъ, низенькій, сѣденькій старичокъ, повидимому, изъ отставныхъ солдатъ, и, добродушно щурясь, съ наслажденіемъ посасывалъ носогрѣйку. Огромный, черный песъ вальяжно расположился у ногъ его, тутъ же горделиво расхаживалъ пѣтухъ, предводительствуя нѣсколькими курами.

При приближеніи прохожаго, песъ поднялся на ноги, потянулъ носомъ воздухъ и зарычалъ:

— Цыцъ, Буянъ! прикрикнулъ сторожъ.

Собака отошла въ сторону. Прохожій чуть дотронулся рукой до шапки, и сѣлъ рядомъ съ старикомъ. Тотъ искоса бросилъ на него недовѣрчивый взглядъ, и усиленно запыхтѣлъ трубкой.

— Усталъ! произнесъ прохожій, вытянувъ ноги и посматривая на кончики загрязненныхъ сапогъ.

Голосъ его былъ грубъ и отрывистъ.

— Надо быть, издалеча? пробурчалъ сторожъ, все еще недовѣрчиво косясь на собесѣдника и испуская широкую струю дыма.

— Да, порядочно.

— На могилку?

— Что?

— На могилку, говорю, пришелъ-то?

— Да, на могилку. А ты сторожъ?

— Я-то? Сторожъ.

— Мертвыхъ караулишь?

— Чего ихъ караулить! Не разбѣгутся! Насчетъ вотъ чего другого...

Пара поросятъ съ визгомъ выскочила изъ подъ воротъ. Сторожъ сорвался съ лавки, и, смѣшно переваливаясь въ своей неуклюжей шубѣ, принялся загонять ихъ во дворъ. Управившись съ поросятами, онъ довольно дружелюбно на этотъ разъ подсѣлъ къ прохожему, и даже протянулъ ему носогрѣйку.

Тотъ отказался движеніемъ руки.

— Не займуешься?

— Папиросы курю.

— Па-пи-росы. Трубка, братъ, пользительнѣй... Маркоту шибко отбиваетъ. По утрамъ, этта, лезетъ-лезетъ изъ тебя, стра-асть!

— Гм. Поросята-то твои?

— Мои. Парочка всего. Одного вотъ свѣжевать надоть.

— Къ розговѣнью?

— А то какъ же! Нельзя, братъ. Тоже говядинки захочется. Постъ-то этотъ эвона какой!

— Самъ будешь свѣжевать?

— Самъ.

Разговоръ пресѣкся. Прохожій впалъ въ раздумчивость; двѣ-три складки обозначились на лбу, глаза безцѣльно и тупо глядѣли въ пространство.

— Гм! А любопытно, какъ ты это?

— Чего?

— Да вотъ поросятъ-то?

— Очень просто. Неужто не видалъ?

— Не видалъ. А можетъ быть и видѣлъ, да давно, не помню.

Вдругъ тонкая усмѣшка искривила его губы.

— Я полагаю *такъ!*

Онъ сдѣлалъ быстрый, странный жестъ снизу вверхъ и разсмѣялся сухимъ, злобнымъ смѣхомъ.

Сторожъ пришелъ въ ужасъ и негодованіе, выхватилъ изо рта трубку и, весь обернувшись, съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на собесѣдника.

— Эхъ ты, братъ! Да эдакъ ты его всего распорешь!

— Гм.

— Всего какъ есть спортишь! Н-ну, братъ, вотъ бы тебѣ дать! Ха-ха-ха! Нужно, милый ты мой, вотъ какъ:.. Взять, значитъ, его промежъ ногъ, зажать, да ножомъ хорошенько подъ лопатку рразъ! и шабашъ, готово дѣло! А потомъ за заднія ножки повѣсь, чтобы, значитъ, черная кровь вытекла. Ну, и все!.. Ты у меня спроси, я это дѣло во какъ знаю, я, можетъ, кольки ихъ переколол, можетъ десятка два, аль три. Вотъ оно что, милый!

Сторожъ, очевидно, не прочь былъ распространиться объ интересномъ предметѣ, и чиркая спичку, уже началъ въ поучительномъ тонѣ: «А теперича ежели, примѣрно, корова, али бы»... но, занятый своими думами собесѣдникъ, не сталъ больше слушать, поднялся съ лавки и молча направился во дворъ.

Прямо высилась ветхая, деревянная церковь, окруженная густо-разросшимся кустарникомъ, среди котораго, тамъ и сямъ, выступали бѣлые кресты и памятники. Спутанная сѣть дорожекъ вела въ различныя направленія кладбища.

Онъ остановился и внимательно оглядѣлся.

— Какая перемѣна!

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, тутъ было все голо, ни крестовъ, ни деревьевъ—одинъ пустырь; только развѣ кое-гдѣ торчала рябина, осѣнявшая своими вѣтвями одинокую могилу.

— Да, жильцовъ набралось много... Еще лѣтъ пять и некуда будетъ класть... Ну, что-жь, положатъ другъ на друга!

Усмѣхаясь, онъ пошелъ по дорожкѣ, вглубь кладбища. Холодный вѣтеръ сковалъ землю и отпечатки слѣдовъ ногъ, мѣсившихъ грязь, такъ и остались, образовавъ бугристую поверхность. По краямъ дорожекъ торчали пучки сѣрой, вымороженной травы и протягивались сухіе прутья кустовъ. Кругомъ не было ни души.

Онъ обошелъ почти все кладбище, сворачивая изъ одной аллеи въ другую, кружа и напряженно отыскивая знакомое мѣсто. Съ каждой минутой шагъ его становился медленнѣе, лицо словно просвѣтлялось и складки лба постепенно разглаживались. Теперь это не было лицо того человѣка, что сидѣлъ на скамейкѣ и разговаривалъ съ сторожемъ; что-то мягкое, душевное появилось на немъ, и придало ему оттѣнокъ тихой, мечтательной грусти.

Вдругъ блѣдность покрыла его щеки, глаза зорко устремились въ пространство: онъ нашелъ искомое мѣсто.

Въ концѣ широкой аллеи, у самаго почти забора, въ ряду множества другихъ могилъ, находилась одна, огороженная ветхой деревянной рѣшеткой, съ покосившимся крестомъ, на которомъ онъ отыскалъ знакомыя полуистершіяся имена.

Вѣтеръ все шумѣлъ, качая сухими вѣтвями плакучихъ березъ, шурша травой, завывая въ щеляхъ забора.

Онъ прислонился спиной къ дереву, сложилъ руки и задумчиво смотрѣлъ на могилу.

Пятнадцать лѣтъ, какъ онъ схоронилъ ихъ! Пятнадцать лѣтъ одиночества, борьбы, скитаній, и ни въ комъ ни слова любви, участія, ободренія. Невеселая жизнь!

Онъ качнулъ головой и сердито сдвинулъ брови.

— Мечтатель!

Ну, къ чему это? Развѣ онъ самъ не бѣжалъ отъ всего, чтобы остаться одному и закалить себя? Развѣ онъ самъ нарочно не травилъ себя? Обстоятельства и люди довершили только то, чему онъ самъ положилъ начало. Онъ хотѣлъ быть «суровымъ воиномъ» и сталъ... Кто упрекнетъ его въ слабости, въ малодушіи, когда онъ такъ же холоденъ и непреклоненъ, какъ та сталь... Да, наконецъ, слишкомъ много потрачено было времени, чтобы жалѣть о чемъ-то, чего даже и не должно было быть въ его судьбѣ, что только стояло бы на дорогѣ. И совсѣмъ не затѣмъ пришелъ онъ сюда, чтобы мечтать, предаваться сентиментальностямъ.

Въ день отъѣзда навсегда, у него почему-то явилась блажная мысль поклониться *родной землѣ*, ну, и вотъ онъ здѣсь, но нѣтъ никакой надобности выкладывать передъ безмолвной кучкой земли результаты своей бурной жизни. Эка штука! Дѣло его поступковъ вовсе не дѣло суда *ихъ*, даже не его самого. Онъ не остановится, не размякнетъ, не пойдетъ на сдѣлку съ совѣстью...

— А, между тѣмъ, странно, какъ иногда... вотъ такъ, вотъ какъ теперь, наединѣ... Удивительно, какъ умѣетъ плакать вѣтеръ... плакать и стонать!..

Онъ досадливо отодвинулся отъ ствола березы, сдѣлалъ шагъ впередъ и потрясъ перекладину рѣшетки.

— Сгнило! Ну, новую-то ужь не придется дѣлать, все равно, пусть догниваетъ. Это вѣдь ея была забота... на послѣднія деньги... разыскала гдѣ-то плотника по дешевой цѣнѣ, и какъ занята была, какъ хлопотала! Покуда сама не успокоилась на вѣки. Вотъ и дернъ обвалился, расползся. Года черезъ два ничего этого не будетъ, все сравняется, послѣднюю щепку сторожъ унесетъ жарить своихъ поросятъ, а еще черезъ годъ сюда

положатъ какого-нибудь коллежскаго совѣтника и кавалера. Мѣста-то вѣдь дорожаютъ! Ну, пора идти, что ли? Побылъ, посмотрѣлъ и въ путь!

Однако, онъ не пошелъ, а, наоборотъ, сѣлъ на сосѣднюю могилу и облокотился на рѣшетку.

— Посижу еще немного и уйду, рѣшилъ онъ:—*посидѣть на кошлкѣ*, славное народное выраженіе... «Посиди, посиди, голубчикъ ты мой милый, вотъ такъ, напротивъ, чтобъ я могла наглядѣться на тебя въ послѣдній разъ. Вѣдь не увижу больше никогда!» Это она говорила въ смертельныхъ мукахъ, съ хрипотой въ горлѣ, и онъ не могъ отказать ей въ послѣдней просьбѣ, остался, сидѣлъ *до конца*, хотя его ждало большое, важное дѣло. Онъ опоздалъ и когда пришелъ, то, помнится, сообщилъ: «извините, я опоздалъ на полчаса; у меня умерла мать!» Да, это былъ страшный ударъ; съ отчаянія онъ готовъ былъ идти на что угодно! Потомъ боль притупилась и, наконецъ, забылась вовсе. Рана зажила, только онъ сдѣлался еще суровѣе.

Не отдавая себѣ отчета, онъ нагнулся, снялъ съ могилы комочекъ промерзшей земли и, завернувъ его въ платокъ, сунулъ за пазуху. Начинавшій стихать вѣтерокъ въ щеляхъ забора все еще пѣлъ свою монотонную пѣсню. Въ вышинѣ слабо шелестили сучья деревъ. Откуда-то издалека чуть доносился колокольный звонъ...

Онъ все сидѣлъ, склонившись головой на руку.

Давно неиспытанное чувство умиленія невольно овладѣвало имъ. Теперь онъ не боролся, и, самъ не сознавая, постепенно, словно въ какомъ забытьи, отдавался ему. Потокъ давнишнихъ, полуутраченныхъ воспоминаній проникъ ему въ душу, и близкіе сердцу образы предстали передъ нимъ, какъ живые.

Вотъ отецъ везетъ его въ колясксѣ по какому-то длинному мосту. Грохочутъ экипажи, снуютъ пѣшеходы и огромные фонари такъ ярко освѣщаютъ лица, лошадиныя морды и какія-то фантастическія, блестящія фигуры на перилахъ моста. А ему отлично лежать и покачиваться на мягкихъ подушкахъ; онъ смотритъ на широкую спину отца, и среди всей сутолоки и мельканія незнакомыхъ лицъ чувствуетъ себя совершенно безопаснымъ за этой спиной. Странное дѣло, почему чаще всего вспоминается мостъ? Было, вѣроятно, еще что-нибудь, что соединялось съ воспоминаніемъ о немъ, что-нибудь такое, что глубоко затронуло дѣтскую душу, утвердило въ ней горячую любовь къ отцу, но оно стерлось, затерялось, а вспоминаніе о мостѣ и везущемъ колясочку отцѣ, живо до сихъ поръ и возбуждаетъ какое-то милое, грустное чувство...

...Вотъ скромный домикъ въ концѣ города, съ покосившимся крыльцомъ и вросшими въ землю окнами. На улицѣ холодъ, вьюга, мокрый снѣгъ падаетъ хлопьями, а у нихъ тепло, уютно, топится печь, передъ ней сидитъ мать, вяжетъ чулокъ, а онъ, пятилѣтній мальчуганъ, взобрался къ отцу на плечи и гарцуетъ съ нимъ по комнатѣ.

...Пасха! «Пасха Христосъ-избавитель, Пасха непорочная, Пасха великая!..» Они идутъ отъ заутрени, по темнымъ улицамъ движется народъ; многіе съ узелками. Горятъ плошки. Знакомые останавливаются, христосуются, и у всѣхъ радостныя лица! Вотъ они пришли домой; въ комнатѣ пахнетъ окорокомъ, куличами. На матери свѣтлое платье, и такая она веселая, улыбающаяся. Садятся за столъ. Отецъ беретъ ножъ и разрѣзываетъ яйцо; и у него торжественный видъ... Еще бы! яйцо-то вѣдь освященное. «Этотъ праздникъ, говоритъ отецъ:—изъ праздниковъ праздникъ, и торжество торжествъ. Почему, папа? спрашиваетъ онъ.— А потому, что Христосъ пострадалъ за насъ, былъ распятъ на крестѣ, и въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ.

. . . .

Неужели глухая, кромѣшная тьма навсегда опустилась надъ міромъ, неужели голосъ правды, какъ тотъ «трубный звукъ», не разбудитъ спящихъ, не остановитъ ликующихъ, неужели истекающее кровью сердце обречено на вѣчную вражду?

Откуда ни взявшійся порывъ вѣтра поднялъ съ земли кучку сухихъ листьевъ и прутьевъ, закрутилъ и погналъ далѣе по дорожкѣ. Становилось темно. Свинцовыя тучи сплошь обложили небо. Въ мутномъ полусвѣтѣ бѣлая группа крестовъ походила на выходцевъ изъ могилъ, укоризненно протягивавшихъ неподвижныя, блѣдныя руки...

— Пора!

Онъ всталъ передъ могилой на колѣни, отдавая земной поклонъ. Когда онъ поднялся, по его лицу катились крупныя, безмолвныя слезы...

Тамъ въ вагонѣ, послѣ нелѣпой, утомительной возни съ билетомъ и багажемъ, обозленный, въ поту, онъ почувствовалъ что-то влажное, прилипшее къ голой груди. Засунувъ руку, онъ вынулъ завернутую въ платокъ «горсточку родной земли». Злая усмѣшка перекосила его блѣдныя губы.

Онъ вытряхнулъ землю на ладонь и, приподнявъ окно, выбросилъ на рельсы.

К. Баранцевъ.

Мартъ, 1882 г.

ЗЕМСКІЯ АРАБЕСКИ.

I. Бубенцовское созвѣздіе.

Бубенцы былъ такой городишко, что его и не разсмотришь: какъ будто болото пузыриться начало и сейчасъ же сконфузилось. Но зато уѣздъ бубенцовскій, т. е. уѣздъ въ смыслѣ общественной и земской дѣятельности—что̀ это былъ за уѣздъ! Не уѣздъ, а гармонія какая-то! Дороги гладкія, школы и того глаже; о недоимкахъ не слышно, объ абсентеизмѣ помѣщиковъ не слышно; образцовость помѣщичьихъ хозяйствъ со столбцовъ столичныхъ газетъ по всей Россіи гремѣла. А люди! Общественные дѣятели, земскіе дѣятели тоже не люди, а свѣтила. Не то чтобы они съ трескомъ фыркали ракетами и шумихами, какъ, напримѣръ, два заглохловскихъ новатора изъ Трущобска, ослѣпившихъ-было все губернское земство и затѣмъ вылетѣвшихъ изъ него одинъ въ высшія и теплыя сферы, а другой — въ трубу. Нѣтъ, каждый бубенцовскій дѣятель свѣтилъ кротко, какъ лампада, но твердо и безъ колебаній. А въ общей совокупности они составляли яркое созвѣздіе, наполнявшее своимъ сіяніемъ людьми забытую, но Богомъ спасаемую Заглохловскую губернію. Они сливались въ Бубенцахъ переливчатой радугой въ ореолѣ центральнаго свѣтила, Ардальона Кирилыча Батырина.

Ардальонъ Кирилычъ Батыринъ, прямой потомокъ Батыя (отъ котораго онъ унаслѣдовалъ фамилію и красивый кучерской богатырскій типъ, съ сѣрыми, узкими, хитрыми и нѣсколько злостными глазками), былъ бояринъ, магнатъ, грандъ, и не будь въ Трущобской губерніи князя Шуйскаго, кровнаго русскаго джентльмэна, то Батыринъ, пожалуй, могъ бы казаться лордомъ. И, несмотря на то, что онъ былъ бояринъ, магнатъ и грандъ, онъ первый же стоялъ за сліяніе сословій, и стоялъ безъ всякихъ компромиссовъ. «Мы и мужики» было его девизомъ, а буржуазіи онъ не признавалъ: буржуазія со всѣми своими аршинами и са-

моварами должна была погибнуть, стереться въ сліяніи «насъ» съ мужиками.

Попробуйте заявить въ его присутствіи сомнѣніе. Попробуйте сказать:

— Ну, сліяніе «насъ» съ мужиками не такъ-то легко...

Ардальонъ Кириличъ вынетъ изъ-за пазухи своего истинно-народнаго полушубка, подбитаго чернобурой лисицей, цѣлый пукъ какихъ-то тоненькихъ книжекъ, въ родѣ какъ за-граничные паспорты переплетаются, и помахаетъ ими у самаго носа возражателя. Это все адресы, которые крестьяне разныхъ волостей Бубенцовскаго уѣзда составили и поднесли ему, Батырину, какъ представителю дворянскаго сословія, въ знакъ признательности за благодѣянія, оказанныя дѣятелями мировыми, земскими и проч. крестьянству, мужику бубенцовскому.

Попробуйте заявить, что мужикъ неспособенъ къ образованію, пьянъ, лѣнивъ, грубъ, нищъ духомъ и матеріей, что на земскихъ собраніяхъ мужики либо безгласны, либо вовсе отсутствуютъ— немедленно бѣлые зубы Батырина стиснутъ сигару, а сѣрые татарскіе глазки обдадутъ васъ желчью.

Онъ выслѣживалъ васъ, чтобы доказать, что вы заблуждаетесь. Т. е. даже не то, что вы заблуждаетесь, а что васъ вводятъ въ заблужденіе враги народности, враги отечества, враги общественной свободы, котрые всѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, были и его врагами. Бюрократія! Боже, какъ отъ него доставалось бюрократіи, несмотря на то, что бюрократія и провинціальная, и даже петербургская, очень съ нимъ была обходительна, несмотря на то, что и въ гостинной его супруги, въ большомъ собственномъ домѣ, когда она пріѣзжала въ столицу, толпились настоящіе, будущіе и бывшіе сановники.

— Я сказалъ, говаривалъ онъ, сердито хлопая себя по ляжкамъ массивнымъ золотымъ портсигаромъ: — я сказалъ, когда меня выбрали, что если меня представятъ къ какой-нибудь наградѣ, я сейчасъ же въ отставку выйду. Я служу царю, народу, обществу; я не бюрократамъ служу, пакостникамъ...

И выкладывалъ пукъ мужицкихъ адресовъ.

— У кого они есть?—ни у кого. Они не мнѣ принадлежатъ, а всѣмъ нашимъ, бубенцовскимъ. Бубенцовцы молодцы. Это у васъ тамъ, можетъ быть, мужики лѣнивы, пьяны, грубы! Посмотрите, что «у меня» за школы, что за мальчики! Любо смотрѣть. Народъ пьянъ!—такъ заводите чайные, вмѣсто кабаковъ. Посмотрите «у меня»! сами приговоры составляютъ объ уничтоженіи кабаковъ. Заставляйте себя уважать — и не будетъ мужикъ грубъ. У меня мужикъ чутьемъ барина знаетъ—за версту

шапку долой, руки по швамъ! Да! Дѣлайте для мужиковъ, что имъ нужно—вотъ и все. Лошади отъ сибирки валятся—учите воловъ заводить! «У меня» ужъ заведены. Любо смотрѣть. Случныя конюшни завелъ—у коннозаводства такихъ жеребцовъ выхлопоталъ, что диво. Хлѣбъ плохо родится—такъ у насъ сѣмена образцовыя разводятся. Вотъ и все.

И онъ указывалъ то мѣсто въ одномъ изъ мужицкихъ адресовъ, въ которомъ упоминалось, что гряды, засѣянныя образцовыми сѣменами, покрылись самыми блестящими упованіями для крестьянъ.

— Удобренія, что ли, мало?—а искуственные туки зачѣмъ? а отбросы? а заводы костомольные? У насъ все есть; у насъ каждый годъ сельскохозяйственные съѣзды бываютъ, ученые агрономы изъ столицъ пріѣзжаютъ и съ мужиками вмѣстѣ обсуждаютъ! Мужики все понимаютъ. Конечно, надо наблюдать, поощрять, такъ на это—выставка. А гдѣ у васъ выставки? Трудъ, говорятъ, непроизводителенъ? а посмотрите-ка какія у насъ деревянныя издѣлія. Я въ послѣдній разъ, какъ былъ въ Парижѣ, привезъ эти издѣлія, такъ весь Парижъ ахнулъ. Теперь тамъ для бубенцовскаго уѣзда агентство устроилъ; и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ тоже агенты. И никакихъ глупыхъ ассоціацій не нужно. Онѣ только народъ съ толку сбиваютъ, самостоятельность мужика убиваютъ. Скоты!

Ардальонъ Кирилычъ злобно ударялъ себя по ляжкѣ золотымъ портсигаромъ.

— Недоимки, говорятъ, у васъ ростутъ, такъ вѣдь за ними надо наблюдать. Полиція не наблюдаетъ—вотъ и недоимки. А «у меня» наблюдаютъ—и недоимокъ нѣтъ.

Для того, чтобы окончательно убѣдить васъ въ несомнѣнномъ превосходствѣ бубенцовскихъ порядковъ, онъ приглашалъ васъ къ себѣ въ усадьбу. Ну, и дѣйствительно, о порядкѣ и образцовомъ веденіи, объ образцовомъ преуспѣяніи и говорить нечего. Коли начать все описывать, надо написать въ назиданіе всѣмъ русскимъ сельскимъ хозяйствамъ трактатъ объемистѣе многотомнаго труда Преображенскаго. И тутъ же прямо било въ глаза неумѣнье прочихъ, «небубенцовскихъ», дѣятелей обходиться съ мужикомъ вообще и рабочимъ въ особенности. Какое довольство обоихъ сословій! Что касается до сословія буржуазіи, то оно ниже пояса кланялось милостивцу Ардальону Кирилычу, какъ бы умоляя: помяни насъ во царствіи твоемъ.

Любилъ Ардальонъ Кирилычъ возить гостей изъ своей усадьбы въ городъ Бубенцы, когда въ этомъ городишкѣ подъ непремѣннымъ его предсѣдательствомъ происходили разныя засѣданія и

даже выставки. Свѣтомъ такъ со всѣхъ сторонъ и охватывало. Конечно, на Руси есть много свѣтилъ и созвѣздій, и лучей, проникающихъ въ темное царство, но бубенцовскій свѣтъ сравнительно съ остальными, былъ какъ свѣтъ электрическій сравнительно со свѣтомъ керосиновой лампы. Кромѣ всѣхъ остальныхъ достоинствъ, бубенцовскій свѣтъ былъ истиннымъ свѣтомъ гласности. Все дѣлалось на чистоту. Батыринъ возилъ къ себѣ въ усадьбу и въ Бубенцы не однихъ заглохловскихъ вислоухихъ дѣятелей, но и петербургскихъ экономистовъ и агрономовъ, а также поэтовъ, публицистовъ, художниковъ реалистовъ, и художниковъ идеалистовъ, сановниковъ и сосланныхъ подъ надзоръ полиціи въ Заглохлово или Бубенцы студентовъ. Онъ всѣмъ безъ разбору, лишь бы былъ умный, либо бойкій человѣкъ, и себя, и все свое показывалъ; и даже не показывалъ, а «предоставлялъ средства» все смотрѣть. И всякому у него было привольно, и ловко, и сытно.

Кто-то изъ петербургскихъ гостей Батырина на обѣдѣ заявилъ сожалѣніе, что бубенцовскому благоустройству одного недостаетъ: хорошаго отеля.

— Что̀ вы это, помилуйте! воскликнулъ одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, вліятельнѣйшій шутникъ:—да у насъ есть отель, какого другого нигдѣ не найдется!

Петербуржецъ нѣсколько изумился.

— А какъ же, продолжалъ шутникъ:—номера съ роскошнѣйшей мебелью, постели на парижскихъ пружинахъ, обѣды лукуловскіе, вино нектаръ, экипажи вѣнскіе.

— Гдѣ же это, помилуйте?

— И все даромъ...

— Ну!

— Т. е., впрочемъ, виноватъ, не совсѣмъ даромъ, а за пріятную улыбку и доброе слово хозяину. И вы не знаете этого отеля? Ха-ха. Hôtel Ardalion Batyrine...

При такихъ условіяхъ, гласность дышала всѣми своими легкими, а при гласности какое могло существовать сомнѣніе въ свидѣтельствахъ бубенцовскихъ дѣятелей о благоденствіи Бубенцовскаго уѣзда. Образцы были на лицо: усадьба Батырина, дѣятели, кишившіе въ Hôtel Batyrine и подвизавшіеся на засѣданіяхъ и выставкахъ. Все это, вмѣстѣ съ выписаннымъ прямо изъ Франціи шампанскимъ, било въ носъ самымъ заржавленнымъ скептикамъ, самымъ дошлымъ спеціалистамъ, самымъ желчнымъ петербургскимъ сановникамъ, самымъ раздраженнымъ поднадзорнымъ юношамъ.

Кромѣ гостепріимства и гражданственности pur sang, Батыринъ отличался еще щедростью и добросердечіемъ. Онъ поку-

палъ у гостей художниковъ картины, заказывалъ имъ портреты, пріобрѣталъ вновь изобрѣтенныя агрономическія орудія и полезныя изданія, доставлялъ молодежи, голодавшей въ Заглохловѣ, литературную работу, участіе въ первоклассныхъ столичныхъ изданіяхъ, доставлялъ богатые матеріалы редакторамъ крупныхъ изданій.

Гласность давала ему возможность примѣромъ Бубенцовскаго уѣзда служить на пользу всей родины. Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды всякій могъ читать о бубенцовскихъ чудесахъ. И попробуй кто усомниться въ ихъ чудодѣйственности—такъ и посыплются со всѣхъ сторонъ возраженія и отзывы спеціалистовъ. Газеты только успѣвай печатать. А не печатать онѣ не могли, потому что Бубенцовскій уѣздъ была нравственная сила.

Ардальонъ Кирилычъ представлялъ изъ себя нѣчто феноменальное. Онъ никакого образованія не получилъ, ибо, какъ говорится, нигдѣ не воспитывался и никакого экзамена, кромѣ кавалерійскаго юнкерскаго, не держалъ. Его товарищи по полковой службѣ нерѣдко восклицали про него:

— Mais grand Dieu! s'il n'affichait seulement pas sa bêtise.

А въ аристократіи, къ которой онъ принадлежалъ по происхожденію, связямъ и средствамъ, было много почтенныхъ и вліятельныхъ лицъ, которыя иронически улыбались при его имени.

А между тѣмъ, онъ являлся самымъ очевиднымъ проводителемъ въ общественную и земскую жизнь наипослѣднихъ выводовъ техническихъ и экономическихъ наукъ. Улыбающійся и подчующій въ Бубенцахъ, косноязычный въ Заглохловѣ, онъ становился краснорѣчивъ и убѣдителенъ до неотразимости въ Петербургѣ. Кабинеты всѣхъ редакторовъ, всѣхъ директоровъ, а главное ихъ уши и души, столбцы и бланки были къ его услугамъ. Ибо практичностью, вѣрой, знаніемъ и умомъ отъ него такъ на всѣхъ и напирало. Упитывая бубенцовскихъ дѣятелей и иногородныхъ гостей въ своемъ Hôtel Batyrine, Ардальонъ Кирилычъ самъ весь пропитывался чужимъ умомъ, волнами ходившимъ около него. Память была у него ни съ чѣмъ несравненная; надо только было ее прямолинейно направить въ данномъ случаѣ, чтобы она сошла за умъ и стѣну прошибла. Поэтому нетолько по бубенцовскимъ дѣламъ, но и по земскимъ, дворянскимъ дѣламъ Заглохлова онъ былъ неоцѣнимымъ подвижникомъ. Истомится, бывало, собраніе, выслушивая списки ходатайствъ, оставшихся безъ отвѣта. Руки опускаются, гласные по деревнямъ разъѣзжаются.

— Ардальонъ Кирилычъ! да вы бы съѣздили въ Петербургъ, похлопотали бы!

Онъ сейчасъ вынималъ изъ кармана свой полуфунтовой хронометръ.

— Теперь половина восьмого; поѣздъ отходитъ въ десять часовъ 5 минутъ—хорошо! Вы приготовьте что нужно, растолкуйте! говорилъ онъ, и кто-нибудь изъ его бубенцовскихъ сподвижниковъ летѣлъ въ гостинницу приказать камердинеру уложиться.

Покуда камердинеръ укладывалъ чемоданъ, тѣ, кому надлежало, вооружали барина. Это было не особенно трудно; надо было только собрать въ нѣкоторую систему все то, что онъ слышалъ ранѣе по данному предмету. Даже памятныхъ записокъ не было нужно: онъ только кивалъ головой, и въ ней образовывалось нѣчто прямолинейное, упругое, что-то такое, чего коломъ не вышибешь. Онъ даже отдѣльныя выраженія запоминалъ. Самъ онъ только заострялъ свое оружіе очень ловко имъ самимъ изобрѣтенной фразой: «вы господа здѣсь (т. е. въ столицѣ) живете и совсѣмъ не знаете, что у насъ въ провинціи дѣлается». Передъ этой фразой опѣшивали обыкновенно самые бойкіе петербургскіе люди: «можетъ, и въ самомъ дѣлѣ не знаемъ».

Вполнѣ вооруженному эссенціей коллективной премудрости Батырину поддавали жару.

— Вѣдь помните, Ардальонъ Кириллычъ, вы всегда были того же самаго мнѣнія...

И Батырину становилось ясно, что это мнѣніе его и только его.

— Вотъ спасибо, что согласились ѣхать. Значитъ устроится.

И Ардальонъ Кириллычъ величаво удалялся широкимъ брюхомъ впередъ, сопровождаемый напутствіями и лестью.

— Ну, теперь дѣло сдѣлано; стѣну лбомъ прошибетъ, а добьется!

— Таранъ! добродушно произносилъ земецъ изъ моряковъ. А старый князь Шуйскій добродушно улыбался, какъ бы говоря: право, я радъ, что этотъ таранъ на что-нибудь годенъ.

Энергія, которую развивалъ въ Петербургѣ Ардальонъ Кириллычъ, была изумительна, и результаты ея были чудодѣйственны. Не жалѣя ни себя, ни чужого времени, носился онъ по Петербургу, излавливалъ бюрократовъ, настаивалъ на разсмотрѣніи, на разрѣшеніи; врывался въ кабинеты редакторовъ и сановниковъ, и выяснялъ. Подъ его напоромъ собирались комиссіи, печатались статьи, неразрѣшимые вопросы разрѣшались и въ Заглохлово летѣли желанныя телеграммы. Больше всѣхъ такіе результаты приводили въ смятеніе начальника Заглохловской губерніи, Пуха. Пухъ сознавалъ все величіе, всю внушительность своего оффиціальнаго положенія; Пухъ основательно гордился

своей бюрократической опытностью, своей честной, неустанной энергіей, но никогда въ Петербургѣ не доводилось ему достигать и половины того, чего достигалъ Батыринъ.

Правда, Пухъ всю свою силу полагалъ въ бюрократическихъ связяхъ, а Батыринъ былъ человѣкъ общественный, окружавшій себя гласностью и настаивающій на проведеніи ввѣренныхъ ему общественныхъ интересовъ не въ однихъ департаментахъ, но и въ редакціяхъ, а если нужно, то и въ ученыхъ и экономическихъ обществахъ. Батыринъ подымалъ облака пыли гласности и пускалъ ее въ глаза всѣмъ кому было нужно: Пухъ осторожно обходилъ широкія дороги, покрытыя этой пылью и, нерѣдко пробираясь по окольнымъ бюрократическимъ дебрямъ, садился въ чернильную лужу. И только.

Но, впрочемъ, мало ли чего можно было въ то время добиться въ Петербургѣ, при помощи личнаго хожденія, связей, богатства умныхъ рѣчей. А еще болѣе, при возможности сказать самоувѣренно даже самымъ вліятельнымъ бюрократамъ или публицистамъ: вы не знаете провинціи. Самые смѣлые и сильные столичные люди пугались въ глубинѣ души такихъ словъ, сказанныхъ человѣкомъ независимымъ, пренебрегавшимъ даже наградами. «А ну, какъ мы и въ самомъ дѣлѣ провинціи не знаемъ». Вѣдь они тоже любятъ Россію, вѣдь и имъ хочется быть полезными. Содѣйствовать разлитію желчи въ собственныхъ организмахъ однимъ водотолченіемъ, хоть кому надоѣстъ: они рады свѣжему человѣку изъ провинціи.

Пухъ изумлялся результатамъ петербургскихъ странствованій Батырина; но мѣстная бубенцовская дѣятельность Батырина просто повергала его въ прахъ.

Онъ самъ былъ опытный, знающій, умѣлый начальникъ губерніи, и бразды правленія, также какъ и назначеніе правящихъ, было въ его рукахъ. Онъ могъ всякаго сковырнуть, всякаго посадить, всякаго не утвердить; онъ могъ карать и миловать. И между тѣмъ все у него какъ-то врозь лезло. И помѣщики плакались, во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ бубенцовскаго, и мужики бѣдствовали, и скандалы множились, и исправники и становые не оправдывали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ. Лѣса изводились, а количество недоимщиковъ, содѣйствовавшихъ своими спинами лѣсоистребленію, увеличивалось; запасные магазины и денежные продовольственные запасы таяли, а мужики упрямо продолжали голодать.

А у Батырина въ уѣздѣ... что такое Батыринъ сравнительно съ нимъ, съ Пухомъ! А между тѣмъ жизнь ровно, гладко катится и даже развивается въ благоденствіе въ Бубенцовскомъ

уѣздѣ! Нѣтъ лица властнаго ни въ земствѣ, ни въ волости, ни въ сельскомъ обществѣ, которое было бы избрано противъ воли Батырина, или вѣрнѣе, противъ воли дружнаго созвѣздія землевладѣльцевъ, всегда довольныхъ, всегда веселыхъ, всегда увѣренныхъ, что въ уѣздѣ все по ихъ желанію сдѣлается. И все дѣлалось по ихъ желанію; до того по ихъ желанію, что даже должности чиновниковъ, непосредственно зависѣвшихъ отъ Пуха, начиная съ исправника, онъ замѣщалъ, слѣпо руководясь указаніями Батырина, органа всевластнаго Hôtel Batyrine.

И прекрасно выходило. Несравненно лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ уѣздахъ. Бубенцовскія свѣтила, окружавшія крупную свѣтящуюся массу Батырина, давно сознали справедливость выраженія: l'union fait la force. Они никогда не ссорились между собой, никогда не интриговали на выборахъ, у нихъ все дѣлалось по согласію. Они сплотились и ихъ хозяйства процвѣтали, и въ торговлѣ они уже начинали вытѣснять буржуазію. Они сплотились, и бюрократія, какъ мы видѣли была вынуждена de facto передать имъ свои права въ Бубенцахъ. Они сплотились и мужики пошли за ними; и установился союзъ передового сословія съ рабочей силой. И рабочая сила писала интеллигенціи billets doux въ видѣ адресовъ Батырину. Вотъ что значитъ интеллигентная сила съ крупными корнями въ землѣ!

— У «меня» батюшка, хвастался въ минуту добраго расположенія духа Ардальонъ Кирилычъ:—такіе есть мужики—невиданные! Сухомятовъ, напримѣръ! самодовольно взглядывалъ онъ на своихъ бубенецкихъ сподвижниковъ.

— Да... Сухомятовъ! откликались сподвижники.

— У насъ мужики на уѣздномъ собраніи вмѣстѣ съ нами работаютъ; мужикъ у насъ и въ управѣ. Другіе уѣзды мужиковъ въ губернскіе гласные не выбираютъ, а у насъ, изъ семи губернскихъ гласныхъ, трое мужиковъ. Вотъ на собраніи увидите.

Много мы наслышались въ Заглохловѣ о бубенцовскихъ губернскихъ гласныхъ изъ крестьянъ вообще и о Модестѣ Сухомятовѣ въ особенности. Я даже познакомился съ послѣднимъ; впрочемъ, объ этомъ послѣ.

Но вотъ, у Бубенцовъ отняли Ардальона Кирилыча: дѣянія его стали слишкомъ уже гласными. Пророкъ, съумѣвшій быть пророкомъ въ своемъ отечествѣ, не могъ не сдѣлаться пророкомъ и за его предѣлами. Ему предлежало болѣе широкое поприще. Батырина призвали на высокій административный постъ въ губернію, гдѣ необходимо было ввести благоденствіе и гармонію: искоренить пьянство и насадить сытость и довольство. На-

прасно онъ негодовалъ и даже ругался, напрасно напоминалъ, что служилъ не изъ-за повышеній и наградъ—ничто не помогло! Madame Batyrnie сдалась первая, а за супругой капитулировалъ и самъ Ардальонъ Кирилычъ.

Бубенцы плакали, плакали, составляя адресы, плакали, глотая шампанское, плакали, являясь на выборы и на засѣданія. И какъ имъ было не плакать. Они остались безъ центра тяжести!

II. Представитель мужичества.

Давно хотѣлось мнѣ видѣть хваленаго Батыринымъ представителя бубенцовскаго мужичества, Сухомятова.

Наконецъ, привелъ Богъ. Я познакомился съ Модестомъ Ермилычемъ передъ земскимъ собраніемъ, когда онъ пріѣхалъ въ Заглохлово. И познакомился именно въ буфетѣ дворянскаго собранія. Представьте себѣ: крестьянинъ, положимъ, губернскій гласный, членъ уѣздной земской управы, но все-таки же мужикъ—и вдругъ въ буфетѣ дворянскаго собранія! и столбовые дворяне ему руку жмутъ, не гнушаются. Да какъ и гнушаться! на немъ нетолько надѣтъ фракъ, но фракъ этотъ даже сидитъ очень изрядно, и рубашка бѣлая, съ золотыми запонками, и даже лиловая изъ красна перчатка съ толстыми бѣлыми прошвами на лѣвой рукѣ.

Толкуй тутъ о розни сословій, о невозможности сліяній!

Буфетчикъ у насъ былъ ловкій; быстро умѣлъ опоражнивать графинчики, подливая въ рюмки, которыя мы опоражнивали на ходу, сами того словно не замѣчая. И не хочешь, бывало, да выпьешь. Бутерброды изъ черстваго хлѣба съ закоробившимися ломтиками сыру, балыка и колбасы такъ и исчезали. Но рюмка, налитая подъ самымъ носомъ Модеста Ермилыча, оставалась нетронутою. А между тѣмъ онъ, какъ и всѣ мы грѣшные, стоялъ у буфета. Полковникъ Куропаткинъ даже какъ будто обидѣлся за рюмку, за такое къ ней невниманіе.

— Вонъ тебѣ налито, напомнилъ онъ Сухомятову.

— Покорнѣйше благодаримъ-съ. Не употребляемъ-съ! отодвинувъ рюмку, поклонился Сухомятовъ и даже вспыхнулъ отъ скромности.

Лицо у него было широкое, скуластое, желтое, легонько рябоватое, съ жиденькими баками песочнаго цвѣта, русые изъ-красна волосы сверху гладко приглажены и немного кудрявились по мужицки на концахъ; сѣрые глаза глядѣли по телячьи и большею частію внизъ, рѣдко подымаясь до брюха собесѣдника.

Движенія были неловкія, но скромныя, какъ и самая рѣчь. Эта скромность весьма шла къ представителю юнаго въ общественной дѣятельности сословія. Вообще, видно было, съ одной стороны—сліяніе, съ другой: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Эту пословицу очевидно Сухомятовъ зналъ.

— Чего «не употребляемъ-съ!» мужикъ, а водки не пьешь! рявкнулъ и глупо расхохотался огромный старикъ, съ лица смахивавшій на Силена, бывшій мировой посредникъ изъ военныхъ, нѣкогда вводившій уставныя граматы съ полѣномъ въ рукахъ.

Когда Модеста Ермилыча обозвали мужикомъ, онъ не то, что обидѣлся, а какъ-то фракъ на немъ заёрзалъ. Впрочемъ, можетъ, и самъ онъ обидѣлся, только физіономія у него была больно невыразительна.

— Отъ того собственно и не употребляемъ, чуть слышно осмѣлился возразить онъ. — Пора намъ, мужикамъ, это дѣло бросить. Не мужицкое это дѣло...

Силенъ-посредникъ раскатился хохотомъ и опрокинулъ въ себя рюмку очищенной, четвертую съ утра. Остальные опрокидывали и закусывали, не обращая вниманія на Сухомятова. Только чуткій Батыринъ, курившій въ сосѣдней комнатѣ свою душистую регалію, обратился къ сидѣвшимъ около него столбовымъ земцамъ и промолвилъ:

— Какая голова—этотъ Сухомятовъ! какое нравоученіе намъ-то! Вонъ мы рюмку за рюмкой, съ утра... мерзость! а мужикъ говоритъ, что пора отстать...

И, положивъ породистую руку на ляжку ближайшаго сосѣда, дабы тотъ не обратился тоже въ бѣгство къ буфету, Батыринъ сталъ разсказывать ему зловѣщимъ полушопотомъ о томъ, какъ, по его иниціативѣ, въ Бубенцовскомъ уѣздѣ кабаки постепенно замѣняются «чайными», какъ мужики даютъ съ радостью приговоры, клонящіеся къ искорененію первыхъ и къ водворенію вторыхъ, и какъ во всемъ этомъ дѣлѣ, въ качествѣ правой руки земства и дворянства (замѣтьте, что Батыринъ не отдѣлялъ сословій: земство, дворянство, крестьянство для Батырина были только органическія части цѣлаго организма, сливавшіяся въ немъ, потомкѣ Батыя), блистательно орудуетъ Модестъ Ермилычъ.

— Онъ *у меня* и школами завѣдуетъ, продолжалъ шептать Ардальонъ Кирилычъ, причемъ шопотъ его больше и больше начиналъ походить на шипѣнье.

Собесѣдникъ, которому Батыринъ вцѣпился въ ляжку, не принадлежалъ къ Бубенцовскому уѣзду и поэтому заявилъ изумле-

ніе, какимъ образомъ, мужикъ, навѣрно, едва самъ умѣющій читать-писать, и вдругъ школами завѣдуетъ. Батыринъ подозрительно и недобро взглянулъ на иноземнаго пессимиста.

— Мужикъ! отвѣчалъ Ардальонъ Кириличъ: — хорошій мужикъ на все годенъ. Вонъ онъ не пьетъ—а посмотрите-ка на нашихъ. Срамъ! магнатъ презрительно покосился на буфетъ.— Въ школахъ—мужицкія дѣти; онъ лучше насъ понимаетъ, какъ съ ними нужно. Тонъ—отъ насъ, а онъ исполнитель. Онъ лучше насъ это понимаетъ. Въ нашихъ школахъ порядокъ—чудо. Не то что здѣсь. Мы надняхъ съ Величкинымъ и съ барономъ Бумлеромъ въ здѣшнюю хваленую учительскую семинарію заѣхали, вѣдь земство ее основало, по 25,000 въ годъ на нее тратитъ! Входимъ, хоть бы одинъ мальчишка всталъ! Вы понимаете? Губернскіе гласные входятъ, а они сидятъ.

Эпизодъ, на который намекнулъ Батыринъ, имѣлъ не малое вліяніе на судьбы находившейся тогда въ младенчествѣ учительской семинаріи. Не встали, непочтительны... семинарія разсадникъ всякой мерзости! Въ пренія собранія эпизодъ не пропускался: на доносъ было бы похоже, но въ земскихъ сферахъ, внѣ собранія, онъ подтачивалъ репутацію и бюджетъ учительской школы. Напрасно нѣкоторые доказывали, что ученики не встали только потому, что не видѣли вошедшихъ изъ задней двери посѣтителей, тотчасъ же сѣвшихъ въ уголкѣ. Бюджетъ былъ подточенъ, жалованье учителямъ уменьшено; вслѣдствіе чего, пришлось перемѣнить и начальника и учителей, да и самое непосредственное наблюденіе за семинаріей губернской управой было передано отъ графа Долбина-Изворскаго, страстнаго дилетанта-педагога, Карпу Селифонтовичу, члену управы, представлявшему въ ней аршинъ и самоваръ. Оно и лучше; ибо главное дѣло—хозяйственное, и, сверхъ того, уважительность. А Карпъ Селифонтовичъ имѣлъ много медалей и заставлялъ уважать тѣхъ, передъ которыми онъ самъ выклянчивалъ подряды и медали. А объ хозяйственности его, конечно и говорить нечего.

Впрочемъ, нынче, т. е. черезъ десять лѣтъ послѣ описаннаго нами разговора, Карпъ Селифонтовичъ покоится подъ мраморнымъ памятникомъ въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ и учительская семинарія, какъ земское учрежденіе, тоже погребена, а наблюденіемъ за земскими школами ужъ не въ одномъ Бубенцовскомъ уѣздѣ, а во всей губерніи завѣдуетъ Сухомятовъ. избранный въ члены губернской управы за свою испытанную благонадежность и практичность, взамѣнъ забалотированнаго за свою неблагонадежность графа Долбина-Изворскаго, выбывшаго за-границу. Впрочемъ, не буду забѣгать впередъ, и обращусь къ разсказу о моемъ первомъ знакомствѣ съ Сухомятовымъ.

Мы стояли въ одной съ нимъ гостинницѣ; какъ-то вечеромъ сошлись за однимъ столомъ въ уголку чай пить, никто намъ не мѣшалъ, на насъ не обращала никакого вниманія перепившаяся компанія, шумѣвшая въ другомъ концѣ зала около раззорившагося кутилы, когда-то обладателя 2,000 душъ, который выпивалъ бутылку пива за бутылкой, говорилъ сальности, безпрестанно вздымалъ свои опухшія руки съ искривленными подагрой пальцами и кричалъ:

— Видишь, искалѣчила подагра, думаетъ, боюсь ее. Какъ же не такъ! Перепью я тебя; нà, калѣчь!

И несчастный, за полной денежной невозможностью перепить подагру шампанскимъ, старался перепить ее пивомъ...

Модестъ Ермилычъ съ презрительной гримасой, которой онъ, должно быть, обучился, взирая на Батырина въ Бубенцахъ, поглядывалъ на пьяную дворянскую компанію.

Намъ никто не мѣшалъ бесѣдовать, а бесѣда вдвоемъ за чайкомъ иногда выходитъ очень задушевная; но признаюсь, увлекшись желаніемъ познакомиться съ перломъ мужицкаго представительства, я началъ бесѣду изрядно глупо.

— Вы сегодня утромъ во фракѣ были? спросилъ я, потому что фракъ Сухомятова меня дѣйствительно ужасно озадачилъ.

Сказавъ это, я сей же моментъ понялъ, какъ это глупо. Но Модестъ Ермилычъ даже виду не показалъ, что я сглупилъ. «Значитъ мужикъ-то нетолько съ фракомъ, но и съ тактомъ», мелькнуло у меня въ умѣ.

— Во фракѣ-съ; къ его превосходительству являлся.

— Къ губернатору?

— Нѣтъ-съ, до господина начальника губерніи у насъ собственно на этотъ разъ дѣла-съ не было, только расписались-съ. Къ чему же утруждать занапрасно такую особу? А въ управѣ въ губернской порученія изъ Бубенцовъ были, такъ я къ его превосходительству Петру Степанычу Калинину являлся.

— Это предсѣдатель губернской управы? Да вѣдь онъ, кажется, штабъ-ротмистръ въ отставкѣ, не генералъ? наивно замѣтилъ я...

Сухомятовъ осклабилъ зеленоватые широкіе, крѣпкіе зубы.

— Какъ можно-съ! они, предсѣдатель земства, генералы-съ.

Оно дѣйствительно. Конечно, по штату ему титула превосходительства не полагается, но какъ почтенный Петръ Степанычъ, по свойственной русскому человѣку демократичности, отъ превосходительства не отбивался, оно къ нему само собой такъ пристало (и просители, и многіе земцы, и всѣ земскіе подрядчики, и, наконецъ, даже нѣкоторыя казенныя учрежденія величали его), что онъ, наконецъ, рукой махнулъ.

Нѣкоторые, самые передовые дворяне, душой предавшіеся земству, даже негодовали, что представитель земской управы, нѣкоторымъ образомъ представитель надеждъ Россіи, не уравненъ закономъ въ рангѣ съ губернскимъ предводителемъ—представителемъ, по выраженію передовыхъ дворянъ, только обветшавшихъ иллюзій.

— Вы, кажется, гласный отъ крестьянъ въ Бубенцовскомъ уѣздѣ? спросилъ я.

— Гласный-съ отъ сельскихъ обществъ, и членомъ Бубенцовской управы состою. Нонѣ вотъ въ губернію выбрали.

— Земледѣліемъ вы занимаетесь, членомъ сельскаго общества состоите?

— Состоимъ-съ, только отъ земли поотстали. Недосугъ. Родитель нашъ, хоть и преклонныхъ лѣтъ — они изъ отставныхъ — надѣлъ держатъ съ братьями; пристрастіе имѣютъ. А мы поотстали.

— Что же такъ?

— Да спервоначала по письменной части; въ дѣтствѣ въ услуженіи у Кирила Кирилыча, у батюшки Ардальона Кирилыча состоялъ; но обучился граматѣ — супруга Ардальона Кирилыча изволила школу въ своей молодости имѣть, такъ обучаться было прислугѣ приказано. Старому барину газеты читалъ. Тамъ, по еманцыпацыи, господинъ посредникъ въ волостные писаря меня изволили приказать мужикамъ выбрать... Ну, ужь тутъ гдѣ же съ землей... И поотстали-съ.

— У васъ, значитъ, теперь, кромѣ земскаго дѣла другого занятія нѣтъ?

Сухомятовъ даже снисходительно улыбнулся на такой наивный вопросъ.

— Какъ же можно-съ, чтобы безъ занятія!

— Кромѣ земства?

— И оченно даже-съ.

Онъ отеръ потъ съ рябого лица, нацѣдилъ изъ чайника чистый, очень жиденькій стаканъ чаю, и какъ-то по купецки отвалился.

— Торговлей занимаетесь?

— Торгуемъ-съ.

— Чѣмъ же? хлѣбомъ?

Молчитъ.

— Льномъ?

Тоже молчитъ.

— Желѣзомъ?

— Нѣтъ-съ, это все товаръ хлопотный, обманчивый. Когда

на немъ наживешь, а когда и изъ сапоговъ въ лапти онъ тебя обуетъ. Страхованіе, перевозка. Нашъ товаръ всегда въ цѣнѣ. Въ верхъ завсегда поднимается. Только, извѣстно, надо умѣючи.

— Какой же это такой товаръ?

— Земля-съ.

— Земля? изумился я. А изумился я потому, что описываемый разговоръ происходилъ не вчера, а лѣтъ съ десятокъ тому назадъ, когда Колупаевы и Разуваевы изъ своихъ норъ еще едва носы начали показывать.

— Земля? какъ же это? переспросилъ я: — какъ же землей торговать?

— А очинно просто. Кому не надо землю, у того мы ее покупаемъ, кому надо, тому продаемъ. Помѣщикъ больше ее продавать сталъ, такъ задарма бросаетъ, за подати однѣ, за недоимки, чтобы, значитъ, отвязаться. А мужикъ покупаетъ. Ну, у мужика силы нѣтъ сразу внести деньги, такъ мы ему со льготой, съ разсрочкой продаемъ.

— И выгодно?

Модестъ Ермилычъ даже какъ-то глупо удивился моему глупому вопросу; вытаращилъ глаза, налилъ чай на блюдечко, поставилъ блюдечко на растопыренные пальцы и поднесъ было ко рту, но, надо полагать, сжалясь надо мной, вздумалъ повременить.

— Очинно выгодно-съ, пояснилъ онъ мнѣ:—теперь сами посудите: мы-съ самыми что ни на есть грошами начали, а нонѣ, слава тебѣ Господи!

— Что же?

— Да вотъ изволите видѣть, начали мы это дѣло всего два года съ небольшимъ, въ двухъ волостяхъ годокъ побаловались, а нонѣ въ трехъ уѣздахъ работаемъ, только бы поспѣть.

— Во вкусъ вошли?

— Теперь мнѣ ни этихъ свидѣтельствъ торговыхъ не требуется, ни тамъ пошлинъ торговыхъ. Помѣщику я пользу дѣлаю и мужику, своему брату, добро. А самъ наживаюсь...

— Ну, а какъ примѣрно?..

Но Модестъ Ермилычъ только зардѣлъ въ отвѣтъ. На другой день я узналъ, что онъ, напримѣръ, у полковника Куропаткина, который его въ клубѣ водку заставлялъ пить, скупилъ всю занадѣльную землю, за однѣ недоимки; десятина по 50 коп. обошлась на кругъ, и тутъ же мужикамъ продалъ по 5 р. десятину, разумѣется, съ разсрочкой по рублю въ годъ, причемъ первая уплата была совершена при самой продажѣ. Надо отдать спра-

ведливость Сухомятову, что онъ никогда не тѣснилъ мужиковъ; онъ умѣлъ ждать и выбирать время.

Модестъ Ермилычъ былъ человѣкъ съ разсчетомъ, но и душой онъ обладалъ добрѣйшей, по истинѣ, русскою душой. И слышно было, что мужики его любили, и что между ними онъ пользовался авторитетомъ.

— Ну, а въ земствѣ много вамъ дѣла?

— То есть, какъ вамъ сказать? дѣла точно-что много. Иной разъ и взропщешь. Да вѣдь за то и вознагражденіе для нашего брата весьма значительное. А главное, дружественно дѣло идетъ.

— Что же это дружественно?

— Да самое это земское дѣло. Въ управѣ у насъ въ Бубенцахъ все на ладу. Въ собраніяхъ никакихъ этихъ дрязговъ нѣтъ. Тоже дружество.

— У васъ, говорятъ, сильная крестьянская партія въ собраніи?

— Какъ есть въ комплектѣ. Гдѣ мужику по закону полагается сидѣть, тамъ мужикъ и сидитъ. И на собраньи завсегда въ полномъ комплектѣ. И мужикъ у насъ тоже выбирается, не то что оборышъ, какъ по другимъ мѣстамъ, гдѣ ихъ заневолю выбираютъ, а они пріѣдутъ въ городъ, да побираются, да непріятности заводятъ. У насъ въ Бубенцахъ мужикъ выбирается охочій, степенный. Оттого и наши господа ихъ къ себѣ допускаютъ хлѣбъ-соль кушать. Дружественно.

— Въ земскомъ дѣлѣ съ господами розни нѣтъ?

— Какая, помилуйте, рознь. Они намъ потрафляютъ и мы имъ. Рука руку моетъ. Хоть бы выборы, къ слову сказать. Мы вѣдь мужики глупы, думаемъ въ гласные выбираться тягость одна. Ну, а хоша и есть такіе между нами, которымъ по своимъ дѣламъ—вотъ хоть бы мнѣ—пользительно послужить, такъ мы такихъ не выбираемъ. Либо выберемъ на одно трехлѣтіе; посидитъ онъ, мы его сейчасъ долой, говоримъ: будетъ съ него, поживился. Онъ съ обидою отходитъ отъ хорошаго дѣла, къ которому только, благослови Господи, приставать сталъ. А мужикъ дуракъ: валитъ безъ разума. Вотъ тутъ намъ господа и потрафляютъ. У нихъ мужичество въ послушаніи. Они прикажутъ — кого нужно и выберутъ. Ну, а въ собраніяхъ ужь мы, выбранные, стараемся потрафлять. Коли что надо поддержать, только намъ растолкуй—поддержимъ.

— Стало быть, и господа крестьянскіе интересы поддерживаютъ?

— Уже это само собой. Коли кому изъ крестьянскихъ глас-

ныхъ какая выгода предстоитъ—извѣстно всѣ мы пробиваемся разными промыслами да дѣлишками, изъ-за того больше и въ гласные идемъ—коли кому что нужно, только попроси — горой выстоятъ. Дружественно.

— Нѣтъ, я собственно говорю объ общихъ крестьянскихъ интерссахъ.

— Ну, да и я о томъ же самомъ. Что намъ, крестьянамъ, въ земскомъ собраніи выгодно, только поклонись, да перетолкуй съ господами. Вѣрное дѣло...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, я присутствовалъ на засѣданіи губернскаго земскаго собранія. Рѣчь шла объ учрежденіи банковъ для выдачи крестьянскимъ обществамъ ссудъ при покупкѣ земли. Сухомятовъ говорилъ некраснорѣчиво, но просто, убѣдительно: ему хорошо извѣстно, какъ въ этомъ нуждаются мужики.

Всѣ бубенцовскіе гласные его поддерживали. Даже самъ Ардальонъ Кирилычъ сказалъ что-то не вполнѣ ясное, но очень вѣское.

— Вотъ изволили видѣть сегодня? говорилъ мнѣ вечеромъ Модестъ Ермилычъ, бывшій въ особенно хорошемъ расположеніи духа.—Изволили видѣть, какъ дружественно. Дѣло-то великое.

— Какое дѣло?

— А банкъ-то этотъ. Ныньче я, примѣромъ сказать, мужикамъ землю продамъ, деньги въ разсрочку предоставлю, тамъ жди, да когда еще получишь. А будетъ банкъ, разомъ я съ ними разсчитался. Ни заботъ, ни хлопотъ. И у нихъ земля и у меня на другую операцію деньги. Даже если и бумаги будутъ за мѣсто денегъ выдавать изъ банка, оно хоть со скидкою, а все ничего, барышъ будетъ.

Черезъ нѣсколько недѣль, рѣчь земскаго отъ крестьянъ Бубенцовскаго уѣзда была пропечатана съ великимъ сочувствіемъ всѣми столичными газетами.

Проэктъ кредитнаго для сельскихъ обществъ учрежденія, все еще жуется и понынѣ заглохловскимъ земствомъ, но за то оно давно учредило банкъ поземельный вообще и однимъ изъ директоровъ этого банка состоитъ нынѣ Модестъ Ермилычъ Сухомятовъ, онъ же и членъ губернской управы и вообще «человѣкъ свѣдущій».

А. Рускинъ.

УСТОИ[1].

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ.

V.

Спитъ «счастливый» Пиманъ и снится ему — какъ, чѣмъ и за что онъ сподобился этого счастія.

То было давно, лѣтъ больше полсотни назадъ. Ни мать, ни отца онъ съ сестрою не помнитъ, и первое, что прежде всего коснулось сознанья его — былъ «міръ» деревенскій. Страшное было въ немъ что-то, и вмѣстѣ въ немъ было все—и защита, и сила, и правда.

Помнитъ онъ, когда еще вокругъ Дергачей стояли глухіе лѣса и болота. Изба ихъ была вдалекѣ, на опушкѣ, у самаго лѣса. Помнитъ, какъ по ночамъ собирались тутъ какіе-то странные люди; долго сидѣли за свѣтцòмъ изъ лучины, пили вино и считали да прятали деньги. Одинъ былъ высокій здоровый съ черной, какъ смоль, бородой и остро-сердитымъ взглядомъ; ходилъ онъ всегда въ грубой синей рубахѣ и синихъ портахъ, высоко засучивъ рукава, изъ-за которыхъ глядѣла мозолистой кожи обросшая вся волосами рука. Всегда подпоясанъ онъ былъ кушакомъ, за который засунутъ топоръ. Тотъ человѣкъ, надо думать, былъ суровый отецъ ихъ, такъ какъ одинъ онъ приносилъ имъ и хлѣбъ, и похлёбку, и кашу. Откуда онъ бралъ это все, не знали они. Прежде съ сестрой кормила ихъ женщина, но давно ее они не видали. Съ тѣхъ поръ, одиноко и робко сидѣли они цѣлые зимніе дни, дожидаясь, когда завернетъ въ избу тотъ черный мужикъ съ бородой, что приносилъ имъ и воду, и хлѣбъ. Были малы они, никого изъ людей деревенскихъ не знали, только порой по-лѣтамъ заходили къ нимъ

---

[1] См. 3 № «Отеч. Зап.» настоящаго года.

изъ деревни храбрые дѣвки и парни, которые рѣшались пускаться въ лѣсную трущобу за малиной, грибами и клюквой.

По зимамъ же было имъ жутко и страшно, когда завывали мятели и волки, и выходилъ изъ берлоги медвѣдь. Но не долго такъ было. Однажды, весной, когда еще снѣгъ не сошелъ весь, слышатъ они какъ все ближе и ближе говоръ несется и шумъ; вотъ онъ раздался въ лѣсу; черный мужикъ, что принесъ имъ и яицъ, и хлѣба, вдругъ оробѣлъ, сердито брови наморщилъ и, со скамьи не вставая, угрюмо подслушивалъ говоръ, словно волкъ, что почуялъ погоню.

— Міръ! вдругъ сказалъ онъ, какъ будто невольно, и весь задрожалъ, заметался; то ребятишекъ на руки бралъ, то въ подполье совался, и страшно стало Пиману съ сестрой этого грознаго слова.

Не долго прошло, какъ густою толпой мужики окружили избу; другіе же двинулись въ лѣсъ и разсыпались тамъ, наполнивъ его шумомъ и гамомъ. Тогда старики, съ бородами въ лопату, въ лаптяхъ, съ длинными палками, ввалились въ избу и приказавши отцу явиться на сходку, вышли всѣ вмѣстѣ. Здѣсь у избы, усѣвшись рядами на бревнахъ, изъ которыхъ сочилась смола золотая на солнцѣ, стали они что-то сурово отцу говорить. Что тамъ было, объ чемъ говорили, ни Пиманъ, ни сестра не слыхали. Только скоро послышались имъ дикіе крики и вопли отца, а изъ лѣсу съ разныхъ сторонъ, какъ по командѣ раздался, гулко и звонко, стукъ топоровъ о вѣковѣчныя сосны. Дрогнулъ какъ будто лѣсъ заповѣдный и съ послѣднимъ крикомъ отца ихъ послышался хрястъ отъ паденья деревьевъ. Испугались ребята и, въ сильной тревогѣ, забились за печку; слушали день весь, какъ по лѣсу гулъ и стукъ разносился, какъ птицы кричали, будто жалобно плача, носясь тучей надъ раззоренными гнѣздами, какъ пѣсни и говоръ немолчный скоро повисли вокругъ. На царство лѣсное войной шло царство мірское.

Поздній вечеръ насталъ и солнце давно спустилось за стѣну лѣсную, сквозь стволы пробиваясь снопами желтыхъ лучей, когда, на смѣну уставшимъ, прибыли новые люди съ цѣлымъ рядомъ порожнихъ подводъ: то были бабы и дѣти; шумно скакали они прохладною просѣкой, спѣша на подмогу мужьямъ и отцамъ, которые ихъ поджидали, сидя на свѣже-обрубленныхъ пняхъ. Скоро, сложивъ на колеса сочныя бревна, а сучья и хворостъ покинувъ на поруби, весело двинулся поѣздъ къ деревнямъ; ребятишки верхами сидѣли на бревнахъ, молодыя дѣвки и парни впередъ шли, съ громкими пѣснями, а за ними отцы, тихо ступая, усталые двигались. То былъ словно поѣздъ побѣ-

дителей, возвращавшійся съ битвы, обремененный добычей. А на него, будто украдкой, въ окно долго смотрѣли Пиманъ и сестра, у которыхъ любопытство давно пересилило страхъ: никогда еще прежде они не видали столько народу... Вотъ онъ, этотъ «міръ», предъ которымъ суровый отецъ задрожалъ (они не знавали, чтобы онъ когда передъ чѣмъ волновался въ испугѣ), и застонало лѣсное, темное царство... Долго тянулся медленный поѣздъ, пока удалось ребятишкамъ выглянуть за дверь и подсмотрѣть, что совершилось. Вмѣсто зеленой стѣны, за которою страшное что-то скрывалось, передъ ними — справа и слѣва, и сзади лежала равнина, а столѣтнія сосны будто въ испугѣ далеко назадъ подались и угрюмо смотрѣли на поверженныхъ братьевъ. Долго стояли тутъ и смотрѣли Пиманъ и сестра въ нѣмомъ изумленьи вокругъ — и на равнину, зеленымъ еще и свѣжимъ покрытую хворостомъ, и на холмы съ деревнями, что вдругъ вдали открылись предъ ними, и на пернатыя стаи, что все еще съ жалобнымъ крикомъ носились надъ порубью, ища раззоренныя гнѣзда и клича побитыхъ птенцовъ. Ночь наступила, а къ нимъ все не шелъ еще черный мужикъ, съ которымъ нынѣ страшное что-то такое свершилось. Только ужъ къ раннему утру, чуть загорѣлась заря, торопливо зашелъ онъ въ избу, слазилъ въ подполье, вынулъ оттуда что-то въ мѣшкѣ, насыпалъ на столъ груду мѣдныхъ монетъ, подошелъ къ ребятишкамъ и, махнувши сердито рукою, вышелъ опять... А на утро, чуть солнце поднялось, снова съ гуломъ и гамомъ тотъ же «міръ» надвигался на лѣсъ, что вчера; только сегодня съ избой ихъ не имѣлъ ужъ онъ дѣла; толпы съ топорами, пилами валили одна за другою все дальше, мимо поруби свѣжей, къ отступившему лѣсу. Скоро опять раздались гулкіе стоны и хрястъ подрубаемыхъ сосенъ. Долго ждали Пиманъ и сестра, но ни отецъ, ни «міръ» къ ихъ избѣ не являлись. Прошли къ лѣсосѣкамъ бабы и дѣти, толпами неся уставшимъ въ кувшинахъ и кринкахъ квасъ, молоко, пироги. Голодъ сталъ мучить Пимана съ сестрой. И вышли они изъ избы и, присѣвъ на брошенный пень подъ окномъ, стали плакать. Тогда подходили къ нимъ сердобольныя бабы: «гдѣ же отецъ?» говорили и, покачавъ головами, имъ по-куску пирога оставляли, спѣшно и что-то между собою толкуя, торопясь къ ожидавшимъ ихъ мужикамъ.

А когда свечерѣло и вновь тронулся изъ лѣсу длинною цѣпью обозъ съ свѣжими бревнами, а Пиманъ и сестра все сидѣли еще у избы и плакали въ страшномъ смущеніи, что ихъ снова однихъ покидаютъ, тогда проходившій съ обозомъ народъ приставалъ возлѣ нихъ и говорилъ: «Неужели-же однихъ покинуть ихъ на

ночь? Отца, вишь ты, съ ночи они не видали... Чего бы съ собой да и съ ними онъ не надѣлалъ?»

И сказавши, входили въ избу, осмотрѣли и печь, и закуты, и нигдѣ не нашли ничего съѣстного. Когда же увидѣли кучу монетъ на столѣ, всѣмъ на умъ подозрѣніе пало, что не даромъ лѣсникъ это сдѣлалъ. И, сговорившись, рѣшили всѣ въ голосъ:

— «На міръ!.. Надо и деньги, и ребятишекъ къ міру представить».

Услышавши это страшное слово, ребята опять заревѣли: представилось имъ, что старики съ бородами и палками сдѣлаютъ съ ними тоже, что и съ отцомъ. Однако же, ихъ на воза посадили и, давъ по ломтю пирога, повезли на деревню. Тутъ подъ вязомъ стариннымъ ихъ на бревно посадили, сказавши, чтобы ждали они когда соберется народъ. Ребятишки, которые всю улицу запрудили, встрѣчая стадо, сгрудились около нихъ и съ любопытствомъ смотрѣли, какъ на волчатъ, принесенныхъ изъ лѣса.

Скоро начали къ нимъ подходить старики, и вотъ собрался снова «міръ», котораго словомъ однимъ, невольно сорвавшимся съ губъ, научилъ ихъ бояться отецъ и видѣть въ немъ высшую силу. Сначала старики стали распрашивать ихъ, но мало добились толку.

— Надо на міръ взять! сказали одни:—за отца не отвѣтчикъ ребенокъ.

— Кто же будетъ кормить ихъ, замѣтили бабы: — они еще малы, за ними уходъ да глаза, а у всѣхъ, насъ самихъ ребятъ полны руки... Сбились сами мы съ ними.

— Полно вамъ брехать!.. Оставьте! крикнули тутъ старики.

Но бабы не унимались.

— Вамъ мужикамъ хорошо, говорили они:—вы не знаете нашего дѣла: и за скотиной поспѣй, и на полѣ, и въ печь, и вамъ наготовь холста да синюхи, себя обшей и ребятъ... Ты его, малаго, вымой, обшей, накорми...

— Что-жь, ихъ въ лѣсу что ли бросить, заговорили міряне:— моли еще Бога, что у отца не остались... Вышли бы съ нимъ такіе же волки лѣсные! А у насъ все же крестьянами будутъ... Года два прокормить, а тамъ ужь, глядишь, за ними потянетесь сами: при землѣ лишній работникъ — Божія милость!.. А они при землѣ-то да на міру, погляди, мужиками выйдутъ какими. Будутъ работники міру, и насъ самихъ лучше... За мірскую ласку да хлѣбъ-соль на вѣкъ міръ попомнятъ... Мы вотъ говоримъ: что намъ міръ! Мы, молъ, сами себя откормили... Такъ-то...

— Чт̀о говорить! бываетъ и такъ, что на мірскихъ-то хлѣбахъ и змѣю вспоишь-вскормишь, замѣтили неугомонныя бабы:—отъ такого отца и щенята такіе... Не ровенъ часъ, съ ними своихъ ребятишекъ испортишь...

— Ну, молчите!.. Ждите мірского рѣшенія! крикнули тутъ старики. (А въ ту пору старики на міру были сила большая).— Пока малы они, пустимъ, міряне, ихъ въ череду на прокормъ... А ужь послѣ, коли отецъ не объявитъ себя, пристроимъ къ хозяйному дому... Вамъ же, бабёнкамъ, приказъ: буде кто изъ васъ станетъ ими гнушаться, ту, по суду стариковъ, высѣчемъ здѣсь вотъ, на сборнѣ...

— Ну, что болтать!.. И впрямь не лѣсные волчата... Къ семьямъ берутъ, не то что на міръ! сказали солидныя бабы, и всѣ расходиться стали по-избамъ.

Старики же про-межъ собой еще толковали, головами въ раздумьи качая: «Вишь ты, лютое семя, не хочетъ смириться... Ушелъ!.. Да они ужь издавна были такіе: хлѣбопашества вѣкъ не знавали. Такъ, лѣсными людьми завсегда проживали. Дикіе стали... А послѣ вотъ мастерствомъ занялись по дорогамъ. Ну, да и лучше, какъ мы изведемъ ихъ гнѣздо: а то ужь и такъ навели на насъ всякаго чину... Только и знаемъ—обыскъ, облава, опросы... Дай понюхать разокъ, а начальники и рады... А намъ эдакъ не жить!.. Мы только и живы, пока насъ не трогаютъ гости такіе... А ему все одно!.. Чт̀о ему!.. Съ насъ отвѣтъ, а онъ въ лѣсъ схоронился... Поди, ищи съ него тамъ отвѣта!..

— Ну, теперь не вернется, подтвердили другіе: — всыпали такъ, что на вѣкъ помнить будетъ... Такъ-то братъ, лучше, чѣмъ къ начальству тащить: и вживѣ пустили, и въ память пойдетъ...

— Теперь не вернутся! добавили третьи:—гнѣздо ихъ до тла раззоримъ, какъ вылущимъ лѣсъ на полверсту кругомъ, да выжжемъ огнемъ до самаго сердца, да соху запустимъ гулять. То будетъ веселье! И хлѣба и травъ соберемъ не въ проѣжу, да и волковъ съ медвѣдями двинемъ, подальше отъ насъ... И то одолѣли... Хлѣбъ-то да травка получше будетъ, чѣмъ лѣсная дичина... Да и мы, глядишь, веселѣе станемъ смотрѣть, какъ кругомъ передъ нами вскроется все: и рѣка, и холмы, и деревни...

— Гляди, и съ самихъ посойдетъ не мало лѣсного-то виду... Въ полѣ-то къ солнышку ближе, теплѣе; передъ людьми и передъ Богомъ виднѣе станетъ. Вотъ, лѣсъ уронимъ, того и смотри, надъ верхушками крестъ съ погоста увидимъ—что звѣзда заго-

рится!.. Ну, лишній разъ и Бога попомнишь, и лобъ перекрестишь...

— Что вѣрно, то вѣрно.

Тутъ, кряхтя, поднялись старики, чтобы домой разойтись, но старѣйшій изъ нихъ сказалъ:

— Что-жь ребятишекъ? Совсѣмъ и забыли... Стариковская память—короче мизинца! Они вотъ и такъ на росѣ ужь издрогли... Съ кого же чередъ начинать?

— Ну, начнемъ съ моего хоть конца, сказалъ съ большой бородой, весь сѣдой старичище изъ рода Груздей.

Такъ порѣшивъ, разошлись старики, а Груздь, журавлемъ длинноногимъ шагая, согнувшись, какъ оцѣпъ, взялъ за руки Пимана съ сестрой, и какъ бабы таскаютъ овецъ за собой, потащилъ ихъ, не говоря имъ ни слова, такъ что они въ припрыжку бѣжали и отъ страха боялись вздохнуть.

Помнитъ Пиманъ и доднесь эти дни, когда онъ впервые познакомился съ міромъ мужицкимъ и судомъ стариковъ. Крѣпко врѣзалось въ память ему все, что онъ видилъ и слышалъ тогда; ясно какъ день помнитъ все это, какъ будто впервые сознанье свѣтлымъ лучемъ озорило его и на-вѣки въ мозгу укрѣпило.

Помнитъ Пиманъ, какъ впервые ихъ посвящали ребята въ свой собственный міръ. Раннимъ утромъ, однажды, въ жаркій ведренный день, увидали они, какъ съ холмовъ, отъ деревень— ихъ сосѣдокъ, толпами шли ребятишки, дѣвки и парни-подростки и всѣ собирались на улицѣ, дожидаясь приказа отъ старшихъ.

— Пàлы! Пàлы палить! кричали они: — ваше лѣсное гнѣздо выжигать, добавляли Пиману съ сестрой.

И скоро, веселые всѣ, захвативши съ собою сиротъ, шумной гурьбой двинулись къ лѣсу. Здѣсь, разсыпавшись мигомъ по поруби, вкругъ которой, отъ лѣса, канава была ужь прорыта, чтобы прекратить морю огня доступъ къ деревьямъ, стали складывать высохшій хворостъ въ высокія кучи. Скоро трескъ начался; тамъ и здѣсь языками огонь показался и жадно лизать сталъ на солнечномъ жарѣ изсохшую зелень. Дымъ бѣловатый сперва, какъ будто колеблясь, тихо и низко поползъ по равнинѣ. Но вотъ, застоявшійся воздухъ сталъ колыхаться, и по равнинѣ сначала легкой струей пробѣжалъ вѣтерокъ; веселѣй языки заходили по сучьямъ, гуще дымъ вырывался изъ разгоравшихся кучь, и наконецъ, вспыхнуло все, какъ-то сразу, моремъ пожара; красный огонь—то длинными лентами рвался высоко на воздухъ, то какъ змѣя извивался ползкомъ, по землѣ, забираясь подъ хворостъ; скопившійся дымъ вдругъ столбомъ, словно смерчь, поднялся къ облакамъ и наполнилъ окрестность

мглой и удушливымъ смрадомъ. Тутъ какъ-то сразу все оживилось въ равнинѣ: трескъ и шипѣніе сучьевъ, крики птицъ, ошалѣло носившихся въ дымѣ, крикъ и визгъ ребятишекъ, скакавшихъ возлѣ огня въ изступленьи какомъ-то; словно дикіе здѣсь собрались и справляли священную пляску передъ вѣчнымъ огнемъ. Такъ взрывы стихій покоряютъ себя людское сознанье и волю и превращаютъ насъ въ жалкихъ дѣтей, то въ паническомъ страхѣ бѣгущихъ предъ ними, то безумно подражающихъ имъ безсознательнымъ звѣрствомъ. Замѣталось тревожно царство болотъ и лѣсовъ: тысячи ящерицъ, жабъ, лягушекъ и змѣй, зайцевъ, ёжей и кротовъ и всякой твари водяной и подземной — бросились въ необычайномъ волненьи вонъ изъ трущобы, которая безконечнымъ рядомъ вѣковъ охранялась непобѣдимымъ строемъ деревъ; все спѣшило, конвульсивно избѣгая огня, который, словно въ догонку, бѣжалъ и лизалъ языками, иныхъ пожирая на мѣстѣ, увѣча другихъ и заставляя вертѣться и прыгать въ страшныхъ мученьяхъ; все спѣшило искать спасенья въ канавѣ. Но здѣсь ихъ встрѣчали скакавшіе шумно дѣти и въ радостно-дикомъ самозабвеніи палками ихъ добивали, топтали ногами, или же, съ побѣднымъ крикомъ, снова бросали въ огонь.

Величавое было что-то и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное въ этомъ походѣ на трущобную дичь! А Пиману съ сестрой такъ сдѣлалось жутко и больно, что они вразъ заревѣли, подъ дружный хохотъ ребятъ, какъ будто имъ жалко вдругъ стало всей этой дичины.

Помнитъ Пиманъ, что долго спустя, послѣ того какъ не разъ еще міръ собирался на зеленой равнинѣ, то пни корчевать, изъ подъ неостывшей еще и покрытой золою земли, то съ сохой поднимать новину, то дѣлиться и жребій бросать межъ собой по частямъ этой новой, свѣже-распаханной нивы, подобно недавно-вѣнчанной женѣ цѣломудренно-скрывавшей въ себѣ избытокъ плодородныхъ силъ; помнитъ, какъ въ первый разъ самъ онъ вступилъ съ сохою на эту равнину и, покрестясь, въ дѣвственно-упругую грудь ея вонзилъ глубоко могучей рукой остріё сошника... И долго еще казалось ему, будто кишатъ и шипятъ вкругъ него гады лѣсныя, на огнѣ извиваясь, а лѣсовикъ шумитъ и гудитъ, угрожая изъ лѣса.

Но міръ побѣдилъ и на вѣки скрѣпилъ брачныя узы между земледѣльцемъ и дѣвственной почвой. Такъ, послѣ бурной и пламенной страсти, борьбы и страданій, бракъ налагаетъ незамѣтныя узы на примиренныхъ любовью, чтобы мирно они могли возрастить плодъ взаимной любви.

Два года прошло, какъ Пиманъ съ сестрою ведутъ череду, кормясь и ночуя въ каждой избѣ столько дней, сколько работниковъ значилось въ домѣ. Вызнали за это время они всѣхъ односельцевъ: были иные добры къ нимъ и за одно съ своими дѣтьми почитали; и пищу, и мѣсто все въ ровень дѣлили, въ ровень-же шли и наказанья, и ласки; другіе же были суровы и скупы, и часто хорошимъ кускамъ одѣляли, ревнуя къ дѣтямъ своимъ. Здѣсь научались они, день за днемъ, обиходу семейному: почитать и бояться старѣйшаго въ домѣ и во всемъ къ нему обращаться, такъ какъ всякому онъ воздавалъ равное съ каждымъ и чинилъ поравненье въ работѣ, въ одеждѣ и въ пищѣ, заботясь, чтобъ всѣ за одно ходко и дружно старались о домѣ, чтобы никто одинъ предъ другимъ не кичился, чтобы зависти и злобы другъ къ другу не знали, и чтобы оттого въ хозяйствѣ не вышло ущерба. Когда же смута случалась въ домѣ и старѣйшій не въ силахъ былъ ее прекратить собственной властью, или же самъ не соблюлъ поравненья, слабости ради людской, тогда всѣ выходили на міръ и общимъ рѣшеніемъ судили виновныхъ: старики наставленье дѣлали, а потомъ сѣкли виновныхъ у всѣхъ на глазахъ, такъ какъ въ то время много еще дикаго было въ лѣсныхъ мужикахъ. Часто въ семьяхъ ссорились жены съ мужьями, и братья, и сестры, и часто готовы бывали другъ друга до смерти забить изъ пустого; но міръ, охраняя общій спокой совмѣстной жизни, бдѣлъ надъ каждымъ и чувства любви, справедливости, равенства въ ближнихъ воспитывалъ строго, воздавая трудолюбивымъ и мирнымъ почетъ, обороняя слабыхъ и хилыхъ, а нерадивыхъ и буйныхъ строго казня. Такъ издавнà въ дикой душѣ земледѣльца развивала совмѣстная жизнь добрыя чувства; исподволь ихъ же возращала она въ юныхъ душахъ новыхъ пріемышей міра—Пимана съ сестрой, которые до того ни людей не знавали, не видали ласки, ни гнѣва.

VI.

На другой бокъ повернулся «счастливый» Пиманъ.

Вотъ ужь и дѣтство минуло. Ушли въ невозвратную даль и лѣсная дичина, и суровый мужикъ, съ черной какъ смоль бородой; порвалися связи лѣсныя: съ лицъ угрюмость лѣсная сошла, и съ души дикая робость. Ходитъ Пиманъ теперь бравымъ, степеннымъ подросткомъ; прямо и смѣло смотритъ въ лицо деревенскому міру; онъ ужь умѣетъ, какъ настоящій парень мірской, ловкимъ

взмахомъ забрасывать со-лба волосы, аккуратно подстриженные въ скобку, или, играя плечами, поправлять на нихъ казакинъ, небрежно наброшенный сзади. Вотъ онъ — то сидитъ на бревнѣ у крѣпко-скроеной избы, съ хитрой рѣзьбой по карнизу и въ полотенцахъ у оконъ, то по двору ходитъ, убирая коней, таская копнами сѣно и воду изъ мірского колодца, или же, въ растворенныя настежь ворота, видно, какъ онъ пристально смотритъ на старика, который, сидя въ прохладной сѣнницѣ, свѣжедушистыя доски стругаетъ и хитрой рѣзьбою ихъ украшаетъ. Видно, доволенъ старикъ: оживленно передаетъ онъ Пиману мудрость узора, рисунка, что самъ придумалъ, чистоту и точность пригонки, вѣрность, силу умѣнье владѣть инструментомъ, хотя весь инструментъ былъ топоръ, да стамеска. Этотъ старикъ былъ тотъ Груздь длинноногій, что первый съ себя началъ череду мірскаго кормленія Пимана съ сестрой и увелъ ихъ со сходки; онъ же былъ зодчій мірской и художникъ. Всюду на избахъ виднѣлись слѣды его творчества: гдѣ конекъ, гдѣ полотенце, карнизъ, а также ребячьи игрушки да дѣтскія люльки, въ которыхъ матери возятъ съ собою въ страду грудныхъ ребятишекъ. Избы же приглядиѣе не было, какъ изба самого Артемія Грузда: цѣлыя зимы Артемій неустанно творилъ, и готовилъ къ веснѣ застрѣхи, подзоры, балясы на кровлю, на окна, на столбы и ворота.

Было время, когда Груздь выходилъ на поля и въ луга самъ восьмой, впереди шестерыхъ дочерей, краснощекихъ, здоровыхъ и рослыхъ, да хозяйки, пожалуй породистѣй каждой изъ нихъ. На міру ихъ такъ и прозвали «дѣвичьей вытью». Вся молодая Вальковщина часто на общихъ покосахъ глазъ не сводила съ этой семьи, и дивилась счастью Артемія Груздя. Только самъ Груздь не былъ радъ счастью такому: на дѣвокъ не прочны надежды. Давно ужъ женой недоволенъ былъ деревенскій зодчій; давно между ними прошла черная кошка, и съ каждымъ новымъ рожденьемъ ребенка мрачнѣе становился Груздь. Ему иногда говорила жена: «что же ты сердишься? Развѣ домъ у тебя не полная чаша? Развѣ я съ дочерьми меньше работаемъ, чѣмъ мужики? Али мы слабже ихъ, въ работѣ уступимъ? Али дѣвки наши гуляютъ? Посмотри, всѣ завидуютъ намъ: у кого по зимàмъ столько наткàно холста и синюхи? У кого такъ скотину холятъ и нѣжатъ? У кого такъ прибрано, вымыто чисто въ избѣ, во дворѣ? У кого столько птицы домашней?» Такъ считала съ укоромъ жена, но упорно молчалъ Груздъ на эти рѣчи. «Ладно, ладно, онъ про себя повторялъ:—дѣвки — вѣтеръ!.. Только того и глядятъ, какъ бы

изъ дому вонъ: имъ не дорого то, что отцу было дороже всего: все промѣняютъ на перваго парня, на льстивую рѣчь, на красное слово... Хорошо оно—точно, покамѣстъ... А вотъ налетитъ молодая Вальковщина, что теперь стаями вкругъ дочерей моихъ ходитъ, съ разныхъ концовъ налетитъ — и прощай! Растащутъ тогда все хозяйство клочками, и памяти нѣтъ ужь объ томъ, кто его собиралъ, охранялъ и всю душу въ него полагалъ... А кто *мое* охранитъ, сбережетъ?... Кому въ этой избѣ дорога будетъ каждая малость; кто будетъ помнить, что вотъ надъ этимъ узоромъ старикъ цѣлыя ночи корпѣлъ; кто въ печку не броситъ его, кто все охранитъ отъ врага, кто за каждую малость встанетъ всей грудью и жизнью, а память о тебѣ передастъ и потомству»?...

Такъ думалъ Груздь и, случалось, въ припадкахъ тоски, подъ пьяную руку, онъ дико и звѣрски ругался и дрался, и взаимная ненависть росла между нимъ и женой съ дочерьми. Тяжко имъ стало въ родительскомъ домѣ и часто мечтали они, какъ бы скорѣе оставить его и промѣнять на любимаго мужа.

Еще мрачнѣе сталъ Груздь, когда, мало-по-малу, сиротѣть сталъ его дворъ; когда молодцы изъ деревень пріѣзжали и увозили его дочерэй вмѣстѣ съ приданымъ, уводя коровъ и овецъ, лошадей и свиней и все больше хозяйство его оголяя. Часто на свадьбахъ видѣлъ онъ тогда суровъ и угрюмъ, мрачно пилъ и мрачнѣе ночи возвращался въ свой сиротѣвшій домъ.

— Зятя во дворъ взялъ бы къ себѣ, говорили ему тутъ міряне.—Что же грустить! Противъ судьбы не пойдешь.

— Зятя!.. Что̀ зять! отвѣчалъ старый Груздь: — зять придетъ къ тебѣ ужь готовый... Зять — чужакъ. Зятю смиренный поклонъ да первое мѣсто, а самъ—по-запечку... Кто онъ такой— къ нему въ душу не влезешь... Отдайте-ка лучше мнѣ парнишку Пимана: два года за нимъ я слѣдилъ, все не рѣшался, думалъ, въ отца бы не вышелъ... Да нѣтъ, видно не той онъ породы.. Отдайте: сниму парнишку съ мірскаго хлѣба... Небось, меня знаете: не взрощу лиходѣя крестьянскому міру... Предоставлю вамъ мужика въ полномъ видѣ.

— Лучше не надо! отвѣтилъ міръ:—пора ужь къ дѣлу пристроить сиротъ... Да возьми ужь кстати дѣвчонку...

Тутъ Груздь угрюмо вскочилъ и сказалъ, уходя, рукою махнувши:

— Коли такъ—не надо!..

Но міръ, разсмѣявшись, его воротилъ:

— Испугался?.. Боишься ты бабьяго роду!.. Ладно, бери одного

ужь, другую мы къ мѣсту пристроимъ... За дѣвкой еще время терпитъ.

Года не выжилъ у Груздя Пиманъ, какъ старикъ ужь совсѣмъ морщины разгладилъ на лбу: все улыбнулось въ семьѣ; еще свѣтлѣе и чище глянула изба; любовнѣй еще за хозяйство принялись старикъ и старуха, и веселѣе теперь выдавали послѣднихъ дочерей своихъ замужъ: въ будущемъ—дому хозяинъ-опора и старцамъ защита былъ найденъ. Что ни годъ Пиманъ выправлялся и тѣломъ, и духомъ. Съ тайнымъ сердечнымъ волненьемъ слѣдилъ за нимъ Груздь, а подъ конецъ и души въ немъ не чаялъ. Выходилъ изъ Пимана мужикъ идеальный: ростомъ и силою справенъ, почтителенъ къ міру и старшимъ, ровенъ во всемъ—и въ трудѣ, и въ забавахъ; безъ пути не совался всѣмъ на глаза, въ дѣло не въ дѣло; съ одногодками друженъ всегда былъ и ссоръ изъ пустого не дѣлалъ; къ хозяйству внимателенъ былъ, скотину любилъ и ко всякой хозяйственной вещи относился съ почтеніемъ и осторожно, и всегда былъ суровъ, когда одногодки, часто въ шалостяхъ что-либо портили во дворѣ у Артемія Груздя. Крестьянская жизнь, гдѣ часто подростки за одно съ большаками всѣ выполняютъ работы, рано приучила къ степенству; а череда мірского кормленія еще больше укрѣпила въ Пиманѣ съ сестрой осторожность во всемъ, что касалось чужого добра, такъ какъ нерѣдко сурово и строго хозяева ихъ тому обучали.

Въ великомъ довольствѣ былъ старый Груздь, видя, какіе задатки ростутъ и крѣпнутъ въ душѣ пріемнаго сына, и часто, примѣромъ и словомъ, онъ еще больше старался въ немъ утвердить ихъ, передавая все, что, по долгому опыту, считалъ за устои жизни крестьянской.

И вотъ, по зимамъ, обучая его выводить узоръ по доскамъ, онъ такъ говорилъ ему:

— Вотъ такой же былъ я, какъ и ты, когда еще живъ былъ отецъ и когда впервые за Вальковщину мы воевали. Тогда жили мы вовсе въ лѣсу, отъ всѣхъ словно крѣпкой стѣной отрѣзаны были. Вальковщины только и было, что наши сосѣдки Грачи да Тычки, да два-три починка. Больше народу въ нихъ было, точно —ну, да послѣ войны разселились. А то жили во всемъ, какъ одни: расчищали лядины, болота сушили. Жили сами себѣ господа: никого не знавали, да и насъ никто не касался. Судились, рядились, женились все сообща, на міру; подъ нашимъ вотъ вязомъ, вся Вальковщина тутъ и сбиралась. Сами тутъ выбирали себѣ цѣловальниковъ, мѣрщиковъ, вытныхъ и торговыхъ людей, что отъ міра въ довѣренныхъ были и за разной

мірской потребой раза два въ годъ ѣздили въ городъ. Всѣмъ управлялись мы сами: сгоримъ ли—мигомъ всѣ соберемся Вальковщиной всей, избы нарубимъ еще того лучше. Хворь ли какая деревню охватитъ—бывало опять всю Вальковщину скличемъ: мозжевельнику кучи изъ лѣсу натащимъ, обставимъ деревню кругомъ, подожжемъ и окуримъ, а больнымъ натаскаемъ и хлѣба, и молока. Когда же настанетъ страда—всѣ поля уберемъ имъ, хлѣбъ уложимъ въ скирды, обмолотимъ. Такъ дружно мы жили, никакой, кромѣ міра, власти не зная. Справедливѣе-же міра не сыщешь, его не закупишь, не обойдешь, не обманешь, потому на міру все у каждаго всякому видно. Міръ никого не обидитъ напрасно, такъ какъ ему самому мзды не надо, строго и чинно блюдетъ онъ общее дѣло и пользу. Старшіе-жъ въ мірѣ, что опытомъ долгимъ познали, что̀ для крестьянина зло и добро, совѣты даютъ молодымъ.

— Такъ мы жили, издавна повинность одну оправляя честно и твердо: въ городъ справляли овесъ мы и сѣно для царскихъ коней, что стояли тутъ на запасѣ. Было у насъ здѣсь вдоволь всего — и земли, и лѣсу, и птицы. Случалось, заѣзжали къ намъ дальніе люди—и диву давались, глядя на наше житье, и страшнаго много намъ про себя говорили. Говорили, что міръ ихъ давно ужь порушенъ, что надъ нимъ была сила большая, что бары жили въ ихъ деревняхъ, что сѣкли кнутомъ ихъ и плетью, что хуже скотины держали, и что на базаръ, какъ коровъ, продавать выводили отцовъ, дочерей, сыновей; что съ близкими сердцу ихъ разлучали для прихоти барской; что отрывали ихъ отъ полей, которыя сами вспоили пòтомъ и кровью... Отъ этихъ рѣчей вчужѣ жутко намъ становилось, да къ тому же, порой подтверждали и наши мірскіе торговые люди, которые въ города и къ сосѣдямъ ѣхали съ хлѣбомъ мірскимъ на продажу и мѣну. Тогда-же стали все чаще, въ нашихъ лѣсахъ укрываясь, странники къ намъ приходить и страшнѣе того говорили намъ рѣчи: «Богу молитесь, говорили они: — а не попамъ!.. Заблудился человѣческій родъ... Злой народился антихристъ... Прячтесь, крестьянскіе люди... Всюду слуги антихриста ѣздятъ и клейма кладутъ на людей, и отмѣчаютъ каждаго картой съ печатью, и обращаютъ въ рабовъ подъяремныхъ». Старики стали думать: «Коли у сосѣдей все хуже да хуже, жди тутъ бѣды». Собралася Вальковщина наша и порѣшили: «крѣпиться, сколь можно, съ сосѣдями меньше дѣлъ заводить, на гульбища къ нимъ не ходить, не водить съ нимъ свадебъ; смирнѣе сидѣть за лѣсною стѣной, а въ городъ пускай будутъ ѣздить по выбору лишь старики, что всѣхъ разумнѣй и тверже. Кто

же противъ закона мірского пойдетъ, будетъ тому строгая казнь». Бывало, къ намъ только и ѣзидилъ, что попъ, да и то когда сами за нимъ пріѣзжали. Тогда церковь отъ насъ была далекò, верстъ, поди, за 30. А тутъ порѣшили: не ходить и за нимъ. Свадьбы стали водить только между своими, безъ поповъ, самокруткой, на-мірѣ; и хоронили тоже властью своей; это и прежде бывало.

— Вскорѣ же тутъ черезъ лѣсъ нашъ, случилось, бѣглый попъ проходилъ, отъ начальства скрываясь. Несъ онъ подъ мышкой старинныя книги: апостолъ да требникъ, крестъ да кадило, завернувши все въ освященный платъ. Попросили его мы тутъ міромъ на кладбищѣ общія всѣмъ нашимъ могилкамъ справить поминки, а самокруткой вѣнчанныхъ обвести вкругъ налоя. Бѣглый тотъ попъ (Варламомъ онъ звался) все намъ исполнилъ, объ чемъ мы его ни просили. Полюбился онъ намъ, да и ему показалось у насъ хорошо: остался на зиму̀. Тутъ-то бесѣды пошли съ нимъ у насъ! Читалъ онъ намъ божіе слово, ходилъ вкругъ полей, кадиломъ кадилъ, служилъ намъ молебны и много хорошаго намъ повѣдалъ о вѣрѣ Христовой, о гонимыхъ за вѣру, о томъ, какъ живутъ и чтò творится въ мірѣ. Рады мы были такому попу несказано!.. Свой былъ попъ—одно слово. Незачѣмъ было теперь намъ совсѣмъ знаться съ начальствомъ. Былъ онъ, положимъ, пàдокъ къ вину, ну, да мы это ему ужъ прощали. Для кормежки ему, какъ тебѣ же, мірскую череду заказали. Нашлось тутъ не мало изъ нашихъ, что похотѣли и сами книжному дѣлу у него поучиться. Училъ онъ охотно, хотя и дрался не мало. Ну, да и это мы тоже прощали. Вотъ и я у него перенялъ тогда къ разнымъ узорамъ охоту: ловко умѣлъ онъ узоромъ буквы украсить. Я было тоже тогда и грамоту пѐренялъ, да, признаться, опять призабылъ все... А меня онъ любилъ, и тогда еще мнѣ подарилъ списокъ, писанъ уставомъ, а заголовокъ хитро украшенъ рисункомъ. Прозывается онъ «Слово о двухъ мужикахъ». Признаться, прочесть его все не удосужилось мнѣ, хотя ужъ тому прошло лѣтъ больше полсотни. За то берегъ же я его: думаю, можетъ сынишка будетъ, коли ни то разберемъ... Да вотъ сына себѣ и по-сейчасъ не дождался... Передамъ ужъ тебѣ: береги... Коли самого Богъ непопуститъ наукой, своимъ сынамъ передашь, когда ни то и дойдутъ, чтò прописано тамъ. Читалъ намъ, признаться, тотъ попъ, да я ужъ не помню.

Тутъ изъ божницы старикъ вынулъ завернутый въ платъ свитокъ суровой синей бумаги, посмотрѣли съ Пиманомъ они на узоръ заголовка, потосковали, что граматѣ сами не знаютъ, да

и другихъ граматѣевъ на Вальковщинѣ нѣтъ, и бережно вновь завернувъ, положилъ старый Груздь списокъ на прежнее мѣсто.

— Ну, какъ же вы, дѣдушка, жили съ бѣглымъ попомъ? спросилъ Пиманъ, сильно задѣтый любопытствомъ. Вѣдь до того, кромѣ простыхъ земледѣльцевъ, онъ никого не знавалъ.

— Вышло у насъ вскорости, братецъ, съ попомъ тѣмъ Варламомъ дѣло большое... Уже два лѣта живетъ у насъ попъ; вызналъ, высмотрѣлъ за это лѣто Вальковщину всю, и разсказы его, поученья да грамата всѣмъ пришлось по душѣ. До того вѣдь мы только что сказки отъ стариковъ слыхали. Въ тѣ поры, издавна ужь, въ Тычкахъ проживалъ, около лѣсу, въ лачужкѣ старикъ; былъ нелюдимъ онъ, старъ и угрюмъ. Богъ его знаетъ, въ кои-то вѣки къ намъ также забрался, что и попикъ тотъ бѣглый. И старики ужь забыли когда онъ пришелъ. А въ свое время тоже былъ человѣкъ крестьянину нужный: былъ онъ знахарь и волхвъ; зналъ цѣлебныя травы, заговоры и нечистую силу умѣлъ отводить, по-просту, значитъ, колдунъ. Былъ у насъ онъ въ почетѣ: на свадьбы звали, къ скотинѣ, въ поля и къ больнымъ. Ну, а попикъ тотъ бѣглый только лишь осмотрѣлся у насъ, какъ сейчасъ и пошелъ противъ волхва подговаривать людъ. А колдунъ свою линію тянетъ... «Ну, говорятъ попъ съ колдуномъ: — двумъ медвѣдямъ въ берлогѣ не жить». И началась между ними ссора и брань. Народъ подѣлился: одни за попа, другіе за колдуна, и стали на сходахъ ругаться и спорить, кого изъ Вальковщины выгнать. Тычковцы кричали, что безъ колдуна мы погибнемъ совсѣмъ: кто будетъ лечить насъ и скотъ нашъ въ болѣзняхъ? Колдунъ знаетъ и травы, для чего которая служитъ, какая какому скоту и какая людямъ полезна, умѣетъ онъ кровь пускать и заговаривать въ жилахъ; знаетъ отъ домовыхъ, лѣшихъ и водяныхъ наговоры. Мы же кричали: попа не дадимъ, рады и то, что попался! За нимъ мы ровно у Бога за пазухой жили. Кто намъ божіе слово прочтетъ, кто научитъ письмо разбирать, кто разскажетъ про Господа Бога и святыхъ его страстотерпцевъ... Во тьмѣ безъ попа мы погибнемъ. А противъ болѣзней и нечистой силы въ требникѣ есть мольбы у него и указанья. Такъ долго тягались мы на міру, пока не дошло и до драки. Попъ нашъ распалился совсѣмъ. А тутъ же кстати мокреть пришла въ самое жниво почесть. Лилъ, изъ ведра словно, дождь дни и ночи. Ополоумѣли мы, а попъ сталъ потопомъ, гладомъ, и моромъ стращать и говорить, что дѣлу тому не иначе, какъ колдунъ сталъ причиной... Старики собирались, совѣщали совѣты и межъ собой говорили: «чтой-то, братцы, не живется имъ вмѣстѣ? Ума не приложимъ.

Хотя-бы изъ корысти что ли какой воевали: видное было бы дѣло... Нѣтъ, вотъ всякій за свой держится умъ и готовъ претерпѣть». Стали попа мы просить кадиломъ поля окадить. Не кадитъ. Колдуна просимъ водяного заговорить — не желаетъ. Тутъ всѣ отъ тоски, ровно звѣри, мы стали другъ на друга бросаться, да въ этой битвѣ, какъ-то невѣдомо кто (попъ, думать надо) и подожги избу колдуна: до тла вся мигомъ сгорѣла и отъ самого колдуна только одна головешка осталась. Тутъ нашъ попъ сердцемъ взыгралъ, денно и нощно со слезами молился, что Богъ прибралъ отъ народа нечистую силу. Велѣлъ онъ тутъ намъ колдуна въ яму зарыть и осиновый колъ, вмѣсто креста, въ могилу забить. Сдѣлали мы, какъ говорилъ онъ. Тогда съ кадиломъ, крестомъ и платомъ священнымъ, распѣвая молитвы и проливая умильныя слезы, попъ нашъ пошелъ съ нами поля обходить... И что же, вѣдь искреннія были тѣ слезы!.. Услышалъ Господь, къ утру очистилось небо, солнышко божье глянуло... Глядимъ, умиленно ликуетъ нашъ попикъ, ходитъ по избамъ, говоритъ и поетъ: «Радуйтесь христіане!.. Побѣдную пѣснь воспоемъ: святъ! святъ! святъ!.. Истинный свѣтъ просвѣтилъ христіанъ!.. Радуйтесь новаго винограда рожденіе!..

Послѣ того мы опять зажили мирно. Знахаря только не было долго у насъ, кто бы зналъ цѣлебныя травы, и людей и скотину могъ бы лечить... У попа только надежды и было на требникъ! Да недолго такъ было: продали міръ...

— Ну, а какъ же васъ воевали? спрашивалъ дальше Пиманъ:—и кто же Вальковщину продалъ?

VII.

И дальше говорилъ старый Груздь:

— Выдали Вальковщину нашу торговые люди, что первые въ правдѣ мірской усумнились... Измѣнникъ и сребролюбивый Іуда православному люду, кто первый на міръ съ искомъ пошелъ и людямъ нетвердымъ къ власти иной путь указалъ!.. Да будутъ онѣ анаѳемы — прокляты въ вѣки!.. Съ того — все пошло хуже; отъ того-же нестроенье въ народѣ, и скорбь, и крѣпостная работа... Выше міра нѣтъ власти! Міръ всему голова, и конецъ; міръ самъ въ себѣ правда. Міръ радѣетъ о всѣхъ; міръ худого сдѣлать не можетъ. Міръ и сила и защита во всемъ и помога... Что мы безъ міра? Люди лѣсные, звѣрскій обликъ несемъ... На людяхъ же все—и радость, и горе!.. Нынѣ

не стало ужь міра такого!.. Что ужь за міръ, когда вѣры нѣтъ міру, нѣтъ уваженья и страха предъ нимъ... Когда всякій негодникъ идетъ на міръ съ жалобой къ власти сторонней, когда можно судиться за деньги съ другимъ и неправду считать за законъ, не справляяся съ міромъ...

Такъ говорилъ старый Груздь, съ суровою скорбью, припоминая разсказы отца о временахъ отдаленныхъ, когда свободно и мирно свершалъ жизненный путь трудолюбивый крестьянинъ, ведя лишь безкровную битву съ царствомъ суровымъ трущобной дичины. Все представлялось тогда ему полнымъ взаимнаго братства, свободы и мира: такъ на закатѣ сурово-тяжелой жизни привыкъ человѣкъ вспоминать потерянный рай минувшей свободы.

— Поминалъ я тебѣ, что на общихъ Вальковщины сходахъ вмѣстѣ съ другими выбирали мы мірскою совѣстью крѣпкихъ и бойкихъ разсудкомъ торговыхъ людей, продолжалъ опять старый Груздь свою деревенскую повѣсть: — изъ этихъ людей больше всѣхъ довѣрялись мы старику Пармену, за то, что былъ онъ совѣстью крѣпче другихъ и умомъ. Каждую осень почти мы его выбирали. Въ дѣлѣ торговомъ такой человѣкъ лучше всего: въ городѣ всѣ его знали и въ окрестныхъ торговыхъ селеньяхъ, всюду ему довѣріе было. Онъ же крѣпокъ былъ духомъ мірскимъ и хитрымъ разсудкомъ, умѣя всегда охранить пользу мірсвую. Были у него два сына, въ возрастѣ полномъ, какъ отецъ, разсудкомъ богаты, бойки и ко всякому дѣлу смышлены. Давно ужь они, слушая, какъ и что отецъ ихъ разсказывалъ намъ на міру про жизнь городскую, приставали къ нему, чтобы взялъ онъ ихъ въ городъ. И признаться, старикъ боловалъ изрѣдка того, да другого, пока оба они молоды были. И вотъ, что ни годъ, стали они все чаще къ отцу приставать, чтобы пустилъ онъ ихъ въ городъ пожить хоть недолгое время. Но старикъ былъ упоренъ и строгъ. Видитъ, тоскуютъ ребята. На міру старикамъ Парменъ попечалился: — «чтой-то, братцы, съ сынами моими, не довѣдую я? Сбились ребята о городѣ думой: отсѣки хоть руки къ работѣ у нихъ, прилежанья къ хозяйству не видно, стали грубы и дерзки въ словахъ объ отцѣ и объ мірѣ крестьянскомъ. Что ихъ тянетъ туда? Легкій ли трудъ городской, али, можетъ, шумная жизнь городская, просторъ да раздолье, да новизна иноземщины всякой?» Такъ печалился старый Парменъ, когда на отвѣтъ ему попъ нашъ бѣглый сказалъ: — «бойся, Парменъ, бойтесь и вы, православные люди: и на васъ мрежи свои хочетъ раскинуть антихристъ... Много прельщеній въ рукахъ у него, чтобы не-

крѣпкія души юнцевъ совращать на погибель: сулитъ онъ и злато, безъ труда и заботы, и тщеславныхъ манитъ прелестью власти, въ рабы православныхъ къ нимъ обращая, и сатанинской наукой отъ нѣмцевъ онъ блазнитъ, и скоморошествомъ всякимъ, и заморскимъ виномъ, и женками, что продаются за деньги и кровь молодую волнуютъ... Православные! самъ я прелести тѣ отъ антихриста всѣ испыталъ, и знаю: погибель готовитъ онъ вѣрную юнымъ душамъ!.. Крѣпитесь и стойте за старую вѣру, за отцовскій обычай!.. Слушайте, что вамъ прочту я... И тутъ прочиталъ онъ намъ «слово о двухъ мужикахъ...» Говорилъ я, что забылъ ужь теперь, въ чемъ было-то слово. Выслушавъ рѣчи такія, міръ нашъ рѣшилъ:—«Что же, Парменъ, есть у насъ средство, отцами испытано было: надо женить молодцовъ; коли міръ да земля не смиряютъ, крѣпче союза не сыщешь, что жена да ребята. Пусть по-любви выбираютъ; буде же выборъ ими не будетъ сдѣланъ, пусть тогда міръ выберетъ имъ по невѣстѣ. А коли въ чемъ ослушаніе будетъ—строптивыхъ поучимъ.—Съ тѣмъ и разошлись. Услыхали сыны Пармена о рѣшеньи такомъ, и пала имъ на сердце мысль: убѣгомъ уйти изъ отцовскаго дома. Тихою, темною ночью, обратавши отцовскихъ коней, что были прытче, бойчѣе и крѣпче, лѣсомъ ударились оба. Дорога была имъ знакома. Хватился отецъ по утру и пустился въ погоню за ними, суровъ и обиженъ непослушаньемъ сыновнимъ. Долго онъ всюду скитался, всюду искалъ сыновей... Ну, наконецъ и вернулся. Глядимъ, везетъ своихъ сыновей: рядомъ въ телегѣ сидятъ, затянуты крѣпкимъ поясомъ руки и ноги (было всего имъ каждому лѣтъ по шестнадцати съ лишнимъ); самъ же Парменъ сидѣлъ впереди, строгій и сердитый, и правилъ конями. Къ сборному мѣсту подъѣхалъ, высадилъ тутъ сыновей и, старикамъ поклонившись, сказалъ: — «судите, міряне, сами, своимъ справедливымъ судомъ... Вотъ они, отдаю вамъ: власти отцовской, видимо, мало».—«Гдѣ же нашелъ ихъ?» спросили. — «Срамно сказать! говорилъ сокрушенно старикъ: — шатались по питейнымъ и гостиннымъ домамъ, съ женками пили вино, жрали всякую снѣдь безъ разбору, а табачищемъ отъ нихъ не продохнешь... Слушали тутъ, вишь, они не божіе слово, а скомороховъ и говоръ базарнаго люда, проходимцевъ всякого званья и чина, что читали богохульныя пѣсни и сказки, и противныя малеванья казали народу...

Выслушалъ попъ нашъ Варламъ все это и гнѣвно сказалъ: «братцы! дѣло большое въ этомъ я вижу, сила антихриста ихъ обуяла... Обучайте, пока еще юны, и не принесли въ міръ душевной заразы. Надо батогами высѣчь нещадно ребятъ, дабы

впредь имъ было гулять неповадно и о прелестяхъ тѣхъ разсказывать въ мірѣ... И божій законъ разрѣшаетъ отсѣщи членъ непотребный...» Тутъ старики ребятъ поучили, а о зимѣ и поженили. Сначала какъ будто ребята смирились и долго крѣпились, прижили ужъ и сами ребятъ, да вражья сила, надо думать, крѣпко ихъ обуяла. Старшій, покинувъ жену и дѣтей, опять въ бѣгство пустился, и долго объ немъ не слыхать было вѣсти. Да послѣ ужь онъ наказывалъ кое-кому, чтобъ безотмѣнно міръ и отецъ отпустили къ нему жену и дѣтей. Ну, на это міръ со стариками согласіе не далъ. «Пропадай ужь одинъ, коли такъ». А тѣмъ временемъ онъ, бойкости ради своей и ума, завелъ ужь торговое дѣло, всякую вызналъ власть городскую и на міръ нашъ власти той жалобу подалъ, что старики молъ ему самовольно жену и дѣтей не даютъ.

— Эхъ, дѣло бѣдовское стало! вздохнулъ сокрушенно старикъ.—Слушай: наѣхали въ нашу Вальковщину власти; по деревнямъ нашимъ гуляютъ, со стариками толкуютъ: «мы, говорятъ, васъ и забыли!.. Поди-жь ты!.. Вишь въ какія забрались трущобы!.. Вамъ тутъ, слышь ты, тепло и уютно... Всѣ, слышь, людишки несутъ тяготы и поборы, а вы ровно у Бога за пазухой тутъ!.. Купцы, право слово... Избы ровно хоромы! Сами — народъ хоть пускай на племя: кряжисты, красивы и сильны!.. Да у васъ тутъ золотое руно, слышь!.. Да вы и властей, видно, не знаете вовсе? У васъ и попы и законы свои: сами хороните, жените, крестите... Рай да и только!.. Какъ бы намъ съ вами сойтись!.. Есть ли у васъ паспортà? ходите-ль вы въ божій храмъ и къ причастью? Это вотъ мы сейчасъ разузнаемъ...»

Такъ власти надъ стариками, смѣясь, издѣвались. Мы же спѣшно прятали все въ подполья и клѣти; въ лѣсъ угнали и лошадей, и скотину. Попикъ же нашъ, Варлаамъ, въ великомъ волненьи, боясь на глаза показаться властямъ, бѣгалъ изъ деревни въ деревню и къ православному люду взывалъ: «Братія, стойте и въ вѣрѣ крѣпитесь! Не допускайте слугамъ антихриста поработить васъ: не принимайте печатей и клеймъ... Инако погибнете въ жизни и въ сей, и въ грядущей!..»

Ходитъ по избамъ укромно и спѣшно, плачетъ умильно и слезно всѣхъ молитъ и проситъ: «Не загубите душъ христіанскихъ! Лучше погибнуть отъ рукъ сатанинскихъ, принять лучше кончину въ мученьяхъ!.. Все ужь одно: не избыть вамъ мученій подъ игомъ, ни покорствомъ, ни слезной мольбой, ихъ сердецъ не разжалобить!..»

Слушали мы въ страхѣ и злобѣ, а временемъ тѣмъ, власти велѣли намъ міромъ собраться, чтобы всѣхъ перемѣтить печатью.

Тутъ мы взбунтовались, схватились за вилы, за колья — и старики, и младенцы, и жены... Смутились власти и спѣшно, въ боязни и страхѣ, отъ насъ убрались... Заликовала Вальковщина наша; обливаясь слезами, въ радости всѣ обнимались и стали къ попу приставать, чтобы онъ отслужилъ намъ молебенъ.

Но Варлаамъ, скорбно смотря на наше веселье, такъ говорилъ: «Неразумныя чада! Что вы ликуете? Али мните дрекольемъ побѣду взять надъ сатанинскою властью?.. Велія власть та!.. Не дрекольемъ, а духомъ крѣпитесь и стойте! Настанетъ лютое время!.. Будутъ христіане скрываться въ лѣсахъ, носить на ногахъ и рукахъ желѣзныя цѣпи!..»

И точно, заря не потухла еще, какъ услыхали мы трубные звуки, и говоръ, и топотъ солдатской ватаги... Господи Боже!.. Дѣла такого мы отродясь не видали! Многіе наши, похватавъ тутъ спѣшно, что можно, съ дѣтьми и женами въ лѣсъ убѣжали; иные молились, иные бранились, иные насъ покориться просили... Такъ, въ великой печали, и скорби, умъ потерявъ и собой не владая, толпами ходили мы отъ деревни къ деревнѣ, не зная какое рѣшенье поставить. Да вдругъ, видимъ, изъ хаты своей, съ двумя стариками, что давно съ нимъ дружили, вышелъ нашъ попикъ съ крестомъ и кадиломъ, платъ священный воздѣвши на плечи, съ твердымъ духомъ и вѣрой выступилъ передъ насъ, и собравъ всѣхъ православныхъ, сказалъ: «Братія, крѣпитесь и стойте духомъ за старую вѣру и обычай отцовскій!.. Не смущайтесь: крестъ Господень за насъ!.. Выйдемъ встрѣчу врагу, не допустимъ его до жилищъ... Лучше примемъ тѣлесныя муки, чѣмъ души загубимъ свои!..» Глядимъ на него, странное съ нимъ, ровно, что стало: выпрямилъ станъ, очи къ небу возводитъ, крестъ высоко поднялъ въ рукѣ и твердой поступью пошелъ впереди, а за нимъ старики, дружившіе съ нимъ. Всѣ мы тутъ духомъ какъ будто воспряли, и Вальковщиной всей двинулись встрѣчу врагу. Вонъ на этомъ холмѣ—видишь, кусты уцѣлѣли до днесь—и встрѣтились мы съ воинской командой. Ѣхалъ предъ нею храбрый начальникъ, верхомъ и въ медаляхъ. Кричитъ: «Покоряйтеся, лютое племя!.. Будетъ тогда вамъ прощенье, не то всѣхъ закую въ кандалы и не оставлю у васъ камня на камнѣ!.. До смерти всѣхъ кнутомъ и лозьемъ запорю!»—А попъ нашъ: «Прельщеній не примемъ! Будемъ стоять до конца за отцовъ и за вѣру! Крестъ сперва побѣдите, антихриста слуги!..» Тутъ загудѣла команда, на православный набросилась людъ... «Мертваго или вживѣ доставьте попа мнѣ!» кричитъ храбрый начальникъ. Сплотились мы грудью вкругъ нашего попика, со крестомъ и кадиломъ, и, спѣшно передъ

командой взадъ отступая, дошли до деревни. Команда въ то-жь время хватала первыхъ, кто ей попадался, и вязала имъ руки и ноги. Такъ мы до хатъ добрались. Тутъ попикъ нашъ съ стариками втроемъ заперся на-крѣпко въ избу. Всѣ мы тутъ изумились, глядимъ, а онъ показался въ чердачномъ окнѣ и оттуда, высунувъ руку съ крестомъ, кричалъ намъ: «Крѣпитеся, братія!.. Стойте твердо духомъ! Муки примите, кто сможетъ, кто-жь не вмѣститъ—бѣгите въ лѣса, кройтесь въ пещеры, а не давайтесь живыми въ рабство врагу». Подкатилъ тутъ и начальникъ съ командой. Кричитъ, сердится и надъ попомъ богохульствуетъ, не замай, что крестъ Господенъ въ рукахъ у него. Только что было приказъ далъ начальникъ команды выломать двери въ избѣ, какъ изъ окошекъ и изъ подъ крыши вырвался клубами дымъ... Мигомъ зардѣлась огнемъ солома на крышѣ... Языки поднялись къ небу... Ахнули всѣ мы, да и команду какъ-будто ужасъ объялъ... А крестъ съ рукою попа все виднѣлся въ окнѣ и блестѣлъ, ровно большая звѣзда... «Крѣпитеся, братіе!.. Стойте духомъ! слышалось попикъ кричалъ намъ: — Мы же побѣдную пѣснь воспоемъ: святъ, святъ, святъ Богъ-Саваоѳъ!..» Только что молвить успѣлъ, какъ со стропилъ сорвалася крыша, черный дымъ заклубился надъ нею, пламя змѣями сквозь него прорывалось—а крестъ святой все свѣтился... Вся Вальковщина наша ровно застыла, оторопѣла команда, начальникъ самъ смолкъ, будто колоколъ, у котораго разомъ языкъ оторвали. Тутъ, кажись, всей Вальковщиной только бы двинуть—и смяли бы всю вражью силу: у всѣхъ на душѣ накипѣло, кажись, никого не оставили-бъ вживѣ, даромъ что съ ружьями были они... Только бы крикнуть... Да мертвая тишь надъ народомъ стояла; слышалось только, какъ бревна трещали въ огнѣ...

— Крестъ упалъ! кто-то тихо промолвилъ.

Глянули вверхъ: ни руки, ни креста не видать.—Дрогнули всѣ мы, и ровно волна на вѣтру колыхнулся народъ и команда.

— Смирно! закричалъ на команду, испугавшись, начальникъ, а Вальковщина вся, какъ одинъ человѣкъ, вдругъ ему въ ноги упала, въ несказанномъ испугѣ... «Хватай ихъ! вяжи!» начальникъ кричалъ, видя безкровную побѣду... Тогда насъ стали хватать и вязать какъ барановъ, и сѣкли кнутомъ и лозой. Стонъ и слезы надъ Вальковщиной стали, начальникъ же все распалялся... Такъ насъ сѣкли отъ вечерней зари до вечерней, до того, что команда и та изустала. Тогда самъ начальникъ, что звѣрь распаленный, бросался на нашихъ отцовъ и старцевъ почтенныхъ, которые укорять его добрымъ словомъ пытались, и

билъ ихъ руками, и плетью, и саблей, приказавъ заковать ихъ въ желѣзныя цѣпи...

Тутъ замолчалъ старый Груздь, и скорбно вздыхая, продолжалъ вырѣзать на дóскахъ узоры. Пиманъ же долго смотрѣлъ въ лицо старика, изумленный, какъ будто искалъ на немъ слѣдовъ, которыя оставило «лютое время». Потомъ онъ спросилъ:

— «И долго васъ такъ воевали»?

— Не единожды послѣ того подымалась Вальковщина наша. Много народу у насъ сгибло въ лѣсахъ, отъ хозяйства отбились; много бѣжало на Волгу и въ степи; много мірскихъ стариковъ, духомъ крѣпкихъ и стойкихъ, было взято отъ насъ, бито нещадно плетьми, и въ кандалахъ на заводы въ Сибирь угнаны были, разлученные съ домомъ, съ семьей, съ міромъ своимъ, гдѣ полвѣка дѣлили съ близкими и радость, и горе, съ могилами дѣдовъ, со всѣмъ, что дорого было, что годами копилъ, охранялъ и холилъ въ домѣ своемъ нашъ крестьянинъ. Такъ много народу загибло. Иныхъ не видáли уже никогда; другіе же, что отъ страха и въ злобѣ скрылись въ лѣсахъ, не возвращались ужь къ намъ, прятались тамъ, ровно звѣри, въ шайки сбирались и разбойному дѣлу предались: грабили, били купцовъ, богатыхъ и знатныхъ людей... А мирные были запрежде: были примѣрные слуги и Богу, и міру, и пашнѣ. Прости милосердый Создатель грѣхи ихъ! Не отъ себя, отъ несчастья...

«— Чьи же теперь мы?»

— Скоро тогда сдали насъ барину важному, въ вотчину... Да Господь смилосердился: барина этого мы и деселѣ не знаемъ... Живетъ, вишь-ты, онъ въ столицѣ, при самомъ царѣ, и много такихъ вотчинъ подарено ему... Насъ на оброкѣ онъ держитъ; знаемъ одну мы контору, что верстъ за пятнадцать отсюда, гдѣ также есть вотчина наша: туда мы отвозимъ оброки... Слава Создателю! Нонче хотя и частенько начальство на насъ налетаетъ, да мы ужь вызнали, что ему по-губѣ и какъ отъ него боронѝться: собьемъ поскорѣй со двора по полтинѣ, да стариковъ, нарядивши въ кафтаны, съ хлѣбомъ и солью, да съ низкимъ поклономъ, и вышлемъ на встрѣчу ему. Сами же, все, что поцѣннѣй, подороже, да лучше — припрячемъ подальше, въ подвалы и клѣти, одѣнемъ руно на себя, что подырявѣй, да похуже; скотину оставимъ въ дворахъ пожиже, а показистѣй угонимъ всю въ лѣсъ... На ноги старые лапти обуемъ—да и ждемъ къ себѣ добрыхъ гостей... А старики да старухи молитвы читаютъ; разныя были молитвы у насъ: «противъ сердецъ злыхъ; противъ жестокихъ властей; на неправедныхъ сýдей; на алчныхъ и жадныхъ слугъ»... До чего доходило: бывало избы стали бояться хозяйственно строить,

хотя лѣсу кругомъ корабельнаго вдоволь: стачаемъ избенку почернѣй, побѣднѣй, да для себя потеплѣй, чтобы только на видъ не соваться... Узоры вотъ — и тѣ у меня мало ужь брали... Такъ было: замѣтишь, что ѣдетъ начальство, давай поскорѣе отдирать полотенца отъ оконъ, да съ крышъ узорныхъ коней... Да и нонѣ боишься!.. Тѣмъ только и живы! Пріѣдетъ начальникъ, посмотритъ: бѣдно, неуютно. «Ну, скажетъ, должно ужь наши тутъ до меня покутили!» деньги возьметъ, что старики соберутъ, да съ тѣмъ и уѣдетъ... Упаси только Богъ, ежели кто найдется изъ насъ да начальству окажетъ!.. Одного мужиченку такъ-то совсѣмъ самосудомъ забили... Тѣмъ только и крѣпки! Давно бы и міръ развалился и всѣ въ раззореніе пришли бы, коли-бъ старики строго насъ на міру не казнили, какъ вздумаетъ кто ссорой иль буйствомъ, или худымъ поведеньемъ міръ довесть до отвѣта передъ строгимъ начальствомъ!»

И передъ Пиманомъ тогда невольно въ памяти всталъ черный, суровый мужикъ съ бородой и памятный тотъ день, когда войною на царство лѣсное шло царство мірское.

Н. Златовратскій.

ПАРИЖСКІЙ ДЕНЬ.

Я проснулась. Окно мое выходитъ на востокъ и солнце сквозь красную драпировку наполняетъ комнату кровавымъ свѣтомъ. Эта комната тѣсна, негдѣ повернуться.

Не дурно бы имѣть двѣ, а, пожалуй, и четыре комнаты: зало, гостинную, кабинетъ и спальню; и потолки повыше, чтобы можно повѣсить большую картину, напримѣръ, Эндиміона, спящаго въ лѣсу, а надъ нимъ Амуръ въ видѣ Зефира раздвигаетъ вѣтви, и классически стройныя линіи юношескаго стана утопаютъ въ лунномъ свѣтѣ. Не мѣшаетъ также имѣть у себя хоть одну статую, напримѣръ, Гермеса, поднимающаго змѣю. Много, много хорошихъ вещей на свѣтѣ. Здѣсь очень легко почувствовать себя несмѣтно богатой. Я, по крайней мѣрѣ, вполнѣ увѣрена, что совершенства Севрскаго производства, chef-d'oeuvr'ы ювелирнаго искуства, перламутровая и слоновой кости мебель, трехаршинныя зеркала, ліонскіе шелки, пестрыя восточныя ткани—все это принадлежитъ мнѣ, и я только покуда держу эти чудеса роскоши въ магазинахъ и общественныхъ коллекціяхъ для сохранности, чтобы дома, помилуй Богъ, какъ-нибудь не разбилось, не попортилось и не пропало.

А я похаживаю, да посматриваю все ли въ порядкѣ. Все вычищено и прибрано, разставлено и развѣшено, чтобы я могла хорошенько видѣть; все цѣло, невредимо и нетолько ничего не пропало, а еще многое прибавилось, и это меня тѣмъ болѣе радуетъ, что за такое рачительное сбереженіе я ничего не плачу. И работается это для меня даромъ, если не считать пищи, одежды и жилища (нельзя же безъ этого), добываемыхъ мастеровыми въ видѣ заработной платы.

Надо только строго слѣдить, чтобы они на досугѣ не задавали себѣ несвоевременныхъ вопросовъ, потому что тогда пойдутъ стачки—что̀ хорошаго! Вѣдь имъ не втолкуешь, что испоконъ-вѣка такъ ведется: одинъ уменъ, а другой глупъ, а стало быть, равенства нѣтъ и въ природѣ. Дидона ухитрилась по-

строить цѣлый городъ на воловьей шкурѣ, а другому небо кажется съ овчинку...

Кто-то постучался въ мою дверь, я вскочила и отперла.

Это M-me Doublis принесла молоко. Я нарочно подрядила ее ходить каждое утро, и эта достойная женщина поднимается ко мнѣ на шестой этажъ съ заказомъ въ trois sous. Ну, сдѣлала ли бы это хоть одна русская молочница, имѣющая свою лавку?

— Лёгко ли! сказала бы она. А эта очень любезно говоритъ:

— Voilà, madame, c'est trente sous, n'est ce pas?

— Quant à l'argent... начала-было я.

Я каждое утро такъ начинаю, и она всегда благородно меня прерываетъ:

— Oh, madame, n'en parlons pas, а затѣмъ произноситъ: merci и исчезаетъ.

Меня же благодаритъ, милая! Вообще, здѣсь открытъ мнѣ кредитъ—и въ лавкахъ, и ресторанахъ, честь, которой я никогда бы не дождалась въ любезномъ отечествѣ.

Комната начинаетъ мнѣ казаться милой, уютной, веселой. Столъ и комодъ краснаго дерева съ мраморными досками, вольтеровское кресло, на каминѣ большое зеркало и часы подъ стеклянным колпакомъ. Открываю окно съ балкономъ, ставлю туда стулъ и долго нѣжусь на солнцѣ.

Напротивъ нѣтъ жилого строенія, а раскинуты сады двухъ смежныхъ женскихъ монастырей. Верба распустилась, цвѣтутъ абрикосы и вишни, деревья одѣты свѣтлой зеленью; до меня доносится запахъ весенней травы, сырой земли и клейкихъ почекъ.

Вотъ вышла молодая монашка и стала быстро ходить по дорожкамъ. Огромныя крылья нелѣпаго чепца треплются и машутъ по вѣтру, какъ бы силясь поднять ее на воздухъ. Правой рукой она перебираетъ четки, лѣвую приложила къ груди, голова опущена внизъ и губы, не переставая, шевелятся. Она неутомимо ходитъ, почти бѣгаетъ и сдѣлала уже восемь туровъ. Можетъ быть, обуреваемая страстьми, она умерщвляетъ плоть свою, силится отогнать отъ себя злого духа и не можетъ...

Въ другой садъ высыпалъ цѣлый рой маленькихъ воспитанницъ въ голубыхъ платьицахъ и бѣлыхъ капюшонахъ. Какія онѣ всѣ хорошенькія, веселыя и рѣзвыя! Но старая монахиня загоняетъ ихъ домой: пора учиться.

И мнѣ пора. Я начертала себѣ програму, отъ которой съ нынѣшняго дня не буду отступать. Сколько времени я собираюсь серьёзно приняться за дѣло, и все какъ-то не удавалось, но сегодня непремѣнно начну. Первымъ дѣломъ пойду въ Сор-

бонну, прослушаю какую-нибудь знаменитость, потомъ буду читать, потомъ писать.

Я совершила свой туалетъ и убрала комнату. На комодѣ валяется дѣтская шляпка, купленная вчера на уличной выставкѣ. Она продавалась за 10 сантимовъ—развѣ возможно за эту цѣну не купить даже самую ненужную вещь? Куда бы мнѣ ее дѣвать? брошу шляпку на улицу и посмотрю, кто ее подыметъ. Такъ и сдѣлала.

Нѣсколько прохожихъ не обратили на нее вниманія, наконецъ, показался длинный ящикъ на колесахъ, везомый двумя лошадьми цугомъ; онъ былъ нагруженъ мусоромъ, на которомъ стоялъ мусорщикъ въ синей блузѣ и фуражкѣ; другой такой же мусорщикъ сгребалъ лопатой приготовленныя кучки сора и наваливалъ въ ящикъ. Увидя шляпу, онъ подпрыгнулъ, схватилъ ее и сталъ вертѣть въ рукахъ и разглядывать — шляпа новая. Какъ онъ радъ, голубчикъ, не вѣритъ глазамъ, оглядывается кругомъ, но никто не предъявляетъ претензіи, и онъ суетъ ее подъ мышку. Нѣтъ, жалко, сомнется; снялъ фуражку, примѣрилъ: негодится, мала; положилъ сверхъ фуражки и принялся за работу—шляпа скатилась. Онъ поднялъ ее, опять повертѣлъ и уложилъ въ уголъ ящика, бережно накрывъ лоскутомъ ржаваго желѣза. Онъ отдастъ ее женѣ, та надѣнетъ на ребенка и будетъ любоваться. А если онъ холостой, то продастъ за ту же цѣну, если не дороже.

Я очень рада, что не пропали мои деньги даромъ, надѣюсь, что и день проведу съ пользою, и отправляюсь въ путь.

Встрѣтилась мнѣ французская студентка съ анатоміей подъ мышкой. Какъ смѣло она выступаетъ, какъ величаво поднятъ ея подбородокъ, съ какимъ несокрушимымъ достоинствомъ несетъ она передъ собой объемистую грудь, а сзади пышную турнюру!

Пальто стягиваетъ ея талію перехватомъ и райская птица расправляетъ радужныя крылья на ея мужской фѣтровой шляпѣ. Что-жъ такое, что мужская! захотѣла и надѣла, и никто ничего не смѣетъ ей сказать.

«Я ученая женщина», высказывается сознаніе въ каждой чертѣ ея лица; у ней черныя брови колесомъ, пронзительные глаза; усы у ней такіе, которымъ позавидуютъ двадцатилѣтніе прапорщики, а большой горбатый носъ гордо разсѣкаетъ воздухъ. Какая разница съ нашей желтолицей, тщедушной студенткой, украдкой бѣгущей на курсы, осторожно озираясь, какъ бы не попасть въ участокъ.

Подъ воротами Сорбонны стоитъ передъ вывѣшанными объ-

явленіями дама. И я подошла. Посмотрѣли другъ на друга. Дама уже не первой молодости; смуглое, худое, сдавленное въ вискахъ лицо напоминаетъ рыбью голову; носъ крючковатый, острый, и какъ уголья глаза; на плечахъ черная мантилья, обшитая смятыми блондами.

— Скажите, пожалуйста, обратилась она ко мнѣ:—въ которой залѣ курсъ французской литературы?

Я не знала, и, въ свою очередь, спросила, гдѣ читаетъ Жоли.

— А что онъ читаетъ?

— Философію.

— Это интересно?

— Очень.

— О чемъ говорится?

— Обо всемъ.

— И я пойду, сказала дама.

Мы справились по объявленіямъ, но когда розыскали залу, Жоли уже кончилъ читать. Дама приглашала меня слушать французскую литературу, потому что ей это необходимо.

— Я здѣсь даю уроки испанскаго языка, а въ отечествѣ намѣрена преподавать по-французски, объяснила она мнѣ.

— Вы испанка?

— Да, а вы?

— Я русская.

Дама улыбнулась.

— Значитъ, мы антиподы.

— Почти что.

— Ахъ, какъ это пріятно. Пойдемте слушать Гизо, онъ нынче объясняетъ Шекспира, предложила испанка.

— Нѣтъ, я ужь его слышала, онъ шамкаетъ и говоритъ несвязно, я лучше пойду слушать Лабуле въ Collège de France.

— Что онъ читаетъ? освѣдомилась она.

— Histoire de la législation comparée.

— И я пойду, сказала испанка.

Мы явились во-время, когда Лабуле, при шумныхъ аплодисментахъ, входилъ на каѳедру.

— Ни одинъ князь, ни одинъ властелинъ не имѣетъ права насиловать религіозныя убѣжденія своихъ подданныхъ, говоритъ Лабуле.

Испанка вытянула впередъ руку съ костлявыми, сухими пальцами и издали любуется на свои перстни.

— Вы встрѣчали когда-нибудь испанокъ? шопотомъ спрашиваетъ она меня.

— Нѣтъ, не встрѣчала, васъ первую вижу; впрочемъ, видѣла заѣзжую артистку на сценѣ, какъ она танцовала качучу съ кастаньетами, только та была очень красива собой.

— Утверждаютъ, что человѣкъ не свободенъ въ своихъ поступкахъ, но возьмемъ, напримѣръ, пьяницу, который борется между бутылкой и семейными обязанностями... говоритъ Лабуле.

— Я тоже еще русскихъ женщинъ не встрѣчала, говоритъ испанка:—но хорошо изучила ихъ характеръ.

— Какимъ же манеромъ?

— По книгамъ. Русская женщина проста, довѣрчива и по натурѣ раба.

— Ну, нѣтъ, послѣднее невѣрно.

Лабуле продолжаетъ:

— Людовикъ XIV объявилъ, что отъ одного прикосновенія къ его особѣ можетъ исцѣлиться золотушный. Одинъ больной дотронулся, но исцѣленія не получилъ...

Сдержанный смѣхъ слушателей.

— Я не люблю француженокъ, продолжаетъ испанка: — онѣ коварны, фальшивы, льстивы, хитры, злы.

— Монтескьё, самый остроумный человѣкъ своего вѣка, сказалъ...

Лабуле развернулъ книгу и сталъ читать слова Монтескьё.

— Но мы не коварны, могу васъ въ этомъ увѣрить, мѣшаетъ мнѣ слушать испанка: — мы мстительны, ревнивы, это правда, но не злы.

Вся зала огласилась громкимъ смѣхомъ, а мнѣ такъ и не удалось разслышать, что сказалъ самый остроумный человѣкъ своего вѣка.

Я нахмурила брови, но испанка не замѣчаетъ этого, потому что опять вытянула руку и разглядываетъ свои кольца, дрянныя, изъ стразовъ и бирюзы грубой работы.

— А русскихъ я люблю, говоритъ она: — и очень желаю съ вами познакомиться.

Лекція кончилась при единодушномъ рукоплесканіи. Мы съ испанкой отправились завтракать въ ресторанъ. Подъ именемъ бульона мнѣ подали воду съ кардамономъ, которую я, не взирая на отличнѣйшій аппетитъ, ѣсть не могла и велѣла подать себѣ andouillette grillée, кушанье, соблазнившее меня дешевизной выставленной на картѣ цѣны.

Читатель! если даже ты мнѣ врагъ, я все же тебя предостерегу: не льстись на дешевизну, не требуй andouillette grillée. Я плюнула въ сторонку и выполоскала ротъ, потомъ приступила

къ тщательному анализу этого кушанья. Я узнала, что оно состоитъ изъ кишки, начиненной сомнительной свѣжести ингредіентами, состоящими изъ толстыхъ мышечныхъ волоконъ и соединительной ткани, называемыхъ въ Россіи требухой, которая въ большомъ количествѣ разлагается на заднихъ дворахъ Охотнаго ряда, ибо не всякая русская собака соглашается употреблять ее въ пищу. Испанка избрала себѣ благую часть: она ѣла только саладъ.

Вошелъ французъ съ подбритыми баками, красной ленточкой въ петличкѣ и сѣлъ за одинъ столъ съ нами. Онъ досталъ изъ кармана щетку съ крошечнымъ зеркальцемъ и посмотрѣлся въ него прежде однимъ глазомъ, потомъ другимъ; смахнулъ платкомъ остатки пудры съ носа и спряталъ щетку въ карманъ. Все это онъ продѣлалъ, ни мало не стѣсняясь присутствіемъ дамъ. Шляпу онъ не снялъ, а сдвинулъ немного назадъ и она сидѣла на немъ, какъ на бабѣ повойникъ, отчего рельефнѣе выступала женственная дряблость его смятаго, испещреннаго преждевременными мелкими морщинками лица, выраженіе котораго было до такой степени нагло, что я взглянула только мелькомъ и ужь у меня начало рѣзать глаза.

— Ah, la belle journée, la belle journée! восклицалъ онъ, поглядывая то на меня, то на испанку.

— Magnifique! отозвалась та, и у нихъ завязался разговоръ о погодѣ, а я углубилась въ свои изслѣдованія.

— Une russe, показала ему на меня глазами испанка, и онъ тотчасъ же предложилъ мнѣ одинъ изъ тѣхъ неизбѣжныхъ вопросовъ, которые приходится выслушивать каждому русскому при встрѣчѣ съ иностранцемъ за-границей.

Я отвернулась къ окошку и сухо проговорила:

— J'ai l'habitude de n'exprimer mes opinions politiques que par le silence.

— Ça s'entend, vous êtes russe, сказалъ онъ, налилъ въ бульонъ вина и выпилъ черезъ край.

— А кто по вашему лучше, Гамбетта или Фрейсинэ? спросила въ свою очередь я.

Онъ изумленно посвисталъ сквозь зубы, какъ бы желая этимъ сказать: есть же на свѣтѣ человѣкъ, который еще спрашиваетъ такія вещи! и, видя, что я жду отвѣта, вразумительно и съ большой горячностью произнесъ:

— У Гамбетты, милостивая государыня, была программа, онъ зналъ чего хотѣлъ.

— А Фрейсинэ? подлила я въ огонь масла.

Французъ даже привскочилъ.

— Фрейсинэ только доставляетъ мѣста, и больше ничего не дѣлаетъ.

— А Гамбетта?

— Гамбетта! Гамбетта самый даровитый человѣкъ во Франціи, безъ него обойтись невозможно, ему будутъ кланяться, просить его, умолять! раздражался французъ.

Не рискуя спросить третье блюдо, я встала.

— Упрашивать будутъ, vous allez voir ça! запальчиво пустилъ мнѣ вслѣдъ французъ, какъ будто мнѣ до этого было какое-нибудь дѣло.

Испанка отъ меня не отставала ни на шагъ.

— Гдѣ вы живете? спросила она.

— Далеко, соврала я.

— А я вотъ здѣсь, войдите, я вамъ покажу свою квартиру, увидите, какъ я хорошо устроилась; плачу тысячу двѣсти франковъ за однѣ стѣны.

— Въ другое время, съ удовольствіемъ, а теперь я очень занята.

— И у меня бездна занятій: кромѣ уроковъ, я служу переводчицей и провожаю иностранцевъ по Парижу; хотите я вамъ покажу Парижъ?

Она подхватила меня подъ руку, энергично втащила на первый этажъ и отперла дверь.

— Тысячу двѣсти франковъ за однѣ стѣны, повторяла она, вводя меня въ квартиру. Мебели было такъ мало, что дѣйствительно только однѣ стѣны бросались въ глаза.

— Садитесь и дайте мнѣ вашу карточку, а я вамъ дамъ свою.

Она не безъ труда отыскала на каминѣ карточку, потому что отъ сгущенной жалузи царствовалъ въ комнатѣ полумракъ.

— Вотъ. Здѣсь написано просто: m-lle Negamedra, я проживаю подъ этимъ именемъ въ Парижѣ; на самомъ же дѣлѣ я жена сенатора дона Lepinocrimoriosas. А ваше имя?

— А я совсѣмъ наоборотъ, сказала я: — на самомъ дѣлѣ я просто mademoiselle, а здѣсь намѣрена себя выдавать по меньшей мѣрѣ за жену сенатора.

— Ah ça, vous vous moquez de moi! вдругъ разсердилась испанка.

— Mais pas du tout.

— Que voulez-vous dire? и она устремила на меня строго пытливый взоръ.

Послышался стукъ въ дверь. Entrez!

Вошелъ мужчина. Она передъ нимъ засуетилась, а я поскорѣй ушла.

— Filez, filez, filez! перегнулась черезъ перила испанка, когда я уже была внизу:—et plus vite, que ça!

На улицахъ во всякое время много народу и всѣ куда-то бѣгутъ. На самомъ бойкомъ перекресткѣ непремѣнно сидитъ на скамеечкѣ нищій и непремѣнно слѣпой; одѣтъ прилично, держитъ себя чинно; онъ не проситъ, но неустанно вращаетъ бѣлыми зрачками и ему подаютъ, только очень мало.

На мосту нищая, вся въ черномъ кашемирѣ, неподвижно уставила очи долу, изображая всей своей фигурой горемъ убитое созданіе; съ гордымъ отчаяніемъ протягиваетъ она оловянную кружку, и туда кладутъ. Одна нищая держитъ на рукѣ ребенка (chacun son genre), а другою преграждаетъ путь прохожимъ, опрокидывая вверхъ дномъ стеклянный рожокъ, дабы видѣли, что въ немъ нѣтъ молока. Жесты ея исполнены такого художественнаго трагизма, что еслибъ Ѳедотова на нее немного посмотрѣла, то навѣрное пополнила бы свою нѣсколько однообразную сценическую выправку.

Иду мимо тюрьмы и что же вижу: на стѣнѣ написано: liberté, égalité, fraternité! Дай, думаю, зайду въ Palais de Justice, взгляну, какъ у нихъ совершается правосудіе.! Подошла къ часовому и спросила:

— Можно пройти?

— Можно, сказалъ онъ.

— Но у меня нѣтъ билета, пожалуй, не пропустятъ?

— А вы скажите, que vous demandez une assistance judiciaire, посовѣтовалъ мнѣ добрый солдатъ.

Я поблагодарила и пошла.

Въ широкихъ, свѣтлыхъ галлереяхъ много представителей юстиціи и всѣ они въ черныхъ мантіяхъ и черныхъ высокихъ шапкахъ. Этому одѣянію приличествуютъ величественныя манеры, а они бѣгаютъ, размахиваютъ руками, зубоскалятъ, и выходитъ очень неказисто.

Одинъ высокій брюнетъ съ красивой наружностью стоитъ посреди небольшой группы и что-то краснорѣчиво говоритъ; рѣчь его, какъ живой потокъ, льется, журчитъ и бурлитъ; а движенія покойны, плавны и исполнены достоинства; къ нему идетъ мантія, она драпируется на немъ, какъ тога на античномъ героѣ.

Я остановилась невдалекѣ и посмотрѣла. Онъ кончилъ рѣчь, подошелъ ко мнѣ и вѣжливо приподнялъ шапку:

— Que demandez-vous, madame?

— Une assistance judiciaire, вспомнила я совѣтъ солдата.

Онъ провелъ меня на третій этажъ.

— C'ect ici, madame, сказалъ онъ, низко кланяясь и удалился.

Я поблагодарила и вошла.

Это была канцелярія, гдѣ два писца отчаянно строчили бумагу, точно на перегонки.

Одинъ изъ нихъ съ видимой неохотой оторвался отъ дѣла:

— Que demandez-vous, madame?

— Une assistance judiciaire.

— Adressez-vous au greffier.

Я отлично понимала, что дѣлаю глупость, но отступить ужь было невозможно, потому что писецъ отворилъ внутреннюю дверь и громко, нараспѣвъ возглашалъ:

— Pour une assistance judiciaire!

Грефьѐ, пожилой человѣкъ, тоже усердно писалъ въ своемъ кабинетѣ; онъ съ трудомъ оторвался отъ бумаги и пододвинулъ мнѣ кресло. Мнѣ ничего больше не оставалось, какъ поблагодарить и сѣсть. Съ минуту мы смотрѣли другъ на друга, потомъ онъ попросилъ меня изложить свое дѣло.

Я изложила: желаю посмотрѣть Palais de justice. Онъ былъ очень удивленъ, однако, не выразилъ ни малѣйшей тѣни досады:

— Circulez dans les galeries, ma chère enfant!—Такъ и сказалъ.—Personne ne vous empêche, voyez la cour d'assises, si vous voulez.

Я поблагодарила и пошла. До чего, однако, они вѣжливы и любезны, думала я и удивлялась. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли воръ и воровка, на судьяхъ что-то красное надѣто, а на стѣнѣ виситъ большое распятіе и ничего лишняго. Такъ какъ подсудимую защищалъ тотъ самый краснорѣчивый красавецъ, то всѣмъ присяжнымъ и публикѣ стало какъ нельзя болѣе ясно, что она совсѣмъ не воровка, а порядочная женщина, и что кругомъ виноватъ воръ, насильно вовлекшій ее своими гнусными ухищреніями. Другой защитникъ доказывалъ, что его кліентъ совсѣмъ не воръ, а самый обыкновенный человѣкъ, какъ и всѣ люди, только онъ не въ примѣръ другимъ попался и этимъ уже достаточно наказанъ. Но окончанія процедуры я не дождалась, потому что неловко было стоять: на меня навалились сзади и толкали съ боковъ.

Въ галлереѣ я присоединилась къ публикѣ, идущей осматривать часовню. Я очутилась въ высокомъ калейдоскопѣ изъ красныхъ, желтыхъ и синихъ стеколъ, разрисованныхъ библейскими событіями и уцѣлѣвшихъ съ XIII вѣка.

Направо отъ алтаря устроено нѣчто въ родѣ засады съ маленькимъ оконцемъ, защищеннымъ прочной желѣзной рѣшоткой. Здѣсь стоялъ служащій и объяснялъ:

— Сюда прятался во время службы Людовикъ XI, который, по своему жестокосердію, очень боялся возмездія.

И слова эти гулко отдавались подъ стрѣльчатымъ куполомъ, раскатывались эхомъ по всѣмъ угламъ вѣковой святыни.

Я поспѣшила на воздухъ, чтобъ разогнать тяжелое впечатлѣніе. Проходя мимо театра, я обратила вниманіе, что на вывѣскѣ обозначены цѣны мѣстамъ, причемъ объявлено, что при location онѣ дороже, чѣмъ въ бюро.

— По какой причинѣ? освѣдомилась я.

Кассирша очень наглядно мнѣ растолковала:

— Если вы возьмете билетъ при входѣ, напримѣръ, въ партеръ... вы предпочитаете партеръ?

— Предпочитаю.

— Тогда вы платите за послѣдніе ряды только одинъ франкъ, но вамъ придется faire la queue, а это очень скучно, и притомъ мѣсто попадется плохое. Тогда какъ, если вы купите билетъ заранѣе, то отдадите 25 сантимовъ лишнихъ, за то получите лучшее мѣсто.

Не успѣла я съ ней согласиться, какъ она вырвала изъ книги купонъ и вручила его мнѣ.

— Вотъ тебѣ разъ, стало быть надо платить! По счастью, у меня во внутреннемъ отдѣленіи портъ-монне была завѣтная золотая пятифранковая монетка; я вынула ее и подала, при этомъ отлично замѣтила, что кассирша въ своей книгѣ отмѣтила на мой номеръ два мѣста. Зачѣмъ это она сдѣлала?

— Вы однѣ? спросила она меня.

— Одна, отвѣтила я, а сама думала:—это она хочетъ посадить рядомъ со мной какого-нибудь непріятнаго сосѣда. Стараясь себя успокоить, я пошла въ Jardin des plantes, чтобы на чистомъ воздухѣ заняться чтеніемъ, ибо книга была у меня въ карманѣ. Тамъ нашла я тѣнистый уединенный дворикъ, сѣла на крыльцѣ строенія: слона не было дома, онъ гулялъ въ своемъ саду, и, развернувъ книгу на томъ мѣстѣ, гдѣ я уже давно остановилась, я принялась прилежно читать: «Слѣдя за сущностью коллективизма въ области отдѣльныхъ экономическихъ категорій, спросимъ прежде всего, придерживаясь системы, принятой въ политической экономіи»...

— Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, она отмѣтила мнѣ два мѣста, тогда какъ продала только одно? Странно!

«Слѣдя за сущностью коллективизма въ области отдѣльныхъ экономическихъ категорій»...

— Однако, я совершенно неожиданно иду сегодня въ театръ; что-то меня тамъ ожидаетъ? Еслибъ я вздумала съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться, навѣрное бы мнѣ сказали не ходить; значитъ, рѣшено, что пойду.

Когда я пріѣхала въ Парижъ, то встрѣтила много совѣтчиковъ, и всѣ они были увѣрены, что я неизбѣжно должна пропасть, какъ червь, оттого, что я одна. И всѣ усердно принялись меня муштровать и запугивать; одинъ кричалъ на меня: зачѣмъ вы носите деньги въ карманѣ—вытащутъ; другой: зачѣмъ оставляете дома—украдутъ; третій: зачѣмъ отдаете въ бюро—пропадутъ, и т. д.

Замѣчательно, что между ними были люди несомнѣнно добрые, но всѣ до одного выражали мнѣ свое участіе только крикомъ и бранью, невыносимо разстраивая мнѣ нервы. И никто не доставилъ мнѣ ни одной отрадной минуты, никто не помогъ въ моихъ затрудненіяхъ.

Когда же я переѣхала въ hôtel и, узнавъ, что прежній жилецъ еще не перебрался изъ комнаты, пошла покуда посидѣть къ знакомымъ, такъ барыня даже руками всплеснула: какъ можно оставлять вещи въ незнакомомъ домѣ, а самой уходить! Это была послѣдняя капля, переполнившая сосудъ моего терпѣнія.

— Не лучше ли мнѣ выбросить свое имущество въ окно, чтобъ разъ навсегда избавить себя отъ тревогъ? спросила я моихъ добрыхъ совѣтчиковъ.

Они очень одобрили эту мысль, и самый благоразумный изъ нихъ сказалъ:

— Лучше нельзя придумать. Совѣтую вамъ сейчасъ же исполнить это намѣреніе, пока не поздно. Идите и бросайте, а мы будемъ подбирать. Все равно вы скоро погибнете, такъ пусть же все достанется несовсѣмъ постороннимъ людямъ, а мы за это даемъ обѣщаніе навѣстить васъ въ Моргѣ.

Я согласилась, и мы всей компаніей отправились къ мѣсту моего новаго жительства. Они остались ждать на тротуарѣ, а я вошла на шестой этажъ и только-что хотѣла привести нашъ планъ въ исполненіе, какъ мнѣ пришло въ голову правило: когда благоразумный человѣкъ даетъ тебѣ совѣтъ, то выслушай внимательно, но поступи наоборотъ, и выйдетъ хорошо.

Не знаю, память ли подсказала мнѣ это правило, или оно само собой возникло у меня въ мозгу, но только съ той минуты я неуклонно слѣдую ему. А они все стояли подъ моимъ окномъ съ протянутыми вверхъ руками.

Что же я не читаю, однако?

«Слѣдя за сущностью коллективизма...»

Раздался ревъ и до нельзя громкій хохотъ толпы. Пойти взглянуть, что тамъ такое.

Раздразнили медвѣдя, онъ всталъ на заднія лапы и страшно ревѣлъ. Я воротилась на прежнее мѣсто. Служитель сада подкатилъ пустую тачку, поставилъ заступъ въ уголъ и обратился ко мнѣ.

— Посторонніе сюда входа не имѣютъ, но такъ какъ вы однѣ, и, притомъ, я вижу заняты, то съ вашего позволенія я затворю калитку, чтобы никто вамъ не мѣшалъ.

— Merci.

Теперь никакъ не отыщу страницу: вылетѣла закладка; нѣтъ, положительно читать слѣдуетъ дома, пойду смотрѣть звѣрей, я кстати еще не видала обезьянъ.

Передъ singerie густая масса ждала очереди, потому что туда впускали по счету только до трехъ часовъ, и мнѣ бы не попасть, еслибъ въ то время, какъ я подошла, не отворилась дверь; толпа заколыхалась и выдвинула меня впередъ. Но дверь закрылась передо мной, впустивъ опредѣленное число.

Я постучала кулакомъ.

— Впустите меня, мнѣ некогда.

— Вы однѣ? окликнулъ оттуда солдатъ.

— Одна.

Солдатъ меня впустилъ, а дамы, пришедшія съ провожатыми, сунулись было за мной, но были грубо столкнуты со ступеней.

Одна обезьяна кокетничала: задѣвъ будто нечаянно самца, и отбѣгая отъ него съ притворно боязливыми ужимками, обертываясь и кривляясь, она пряталась въ уголъ, куда знала, что онъ немедленно за ней послѣдуетъ. Это мнѣ напомнило человѣческіе нравы и стало противно. Я отошла къ бѣлымъ и розовымъ мышкамъ, которыя мнѣ до того понравились, что я все время передъ ними простояла.

Взглянула мимоходомъ на хищныхъ животныхъ. Здѣсь замѣчательно красивые тигры и львы. Одна львица царственно прохаживалась по своей клѣткѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на собаченку, запертую вмѣстѣ съ ней, которая бѣгала, вертѣлась и виляла хвостомъ, ежеминутно попадая ей подъ ноги. Мнѣ объяснили, что львица вскормлена этой собакой, что послѣдняя живетъ уже три года въ обществѣ львовъ и возненавидѣла свою породу. Дѣйствительно, въ это время львиная кормилица разразилась яростнымъ лаемъ на бѣгущую мимо левретку.

Опять собралась толпа; на этотъ разъ общее вниманіе при-

влекъ на себя человѣкъ. Упалъ пьяный. Его подняли и поддерживали подъ руки; сейчасъ нашелся медикъ, приложилъ ухо къ его груди, пощупалъ кулакомъ діафрагму и сказалъ, что это ничего, ему надо отдохнуть. Онъ самъ помогъ уложить его на скамейку, а чтобы кровь не приливала къ головѣ, рѣшено было снять съ него пальто и сдѣлать изголовье. Исполнивъ это, публика разошлась, а пьяный все звалъ:

— Mathilde, Mathilde!

И каждый мимоходомъ считалъ долгомъ его успокоить:

— Mathilde va venir tout à l'heure.

И онъ мирно заснулъ на чистомъ воздухѣ, а бригадье, взглянувъ на него, промолвилъ добродушно: ça y est! не возмутился и не велѣлъ тащить его въ участокъ. Очевидно, онъ еще не успѣлъ возненавидѣть свою породу.

На обратномъ пути я почувствовала усталость и рѣшилась войти въ церковь.

— Dix centimes, потребовалъ швейцаръ, когда я приблизилась къ стульямъ. Вынула—дала. Еще сдѣлала два шага и увидѣла передъ собой протянутый мѣшокъ на длинной палкѣ. Вынула—положила. Только что усѣлась, какъ по ходу службы потребовалось встать, и я встала на колѣна на передній низкій стулъ и въ ту же минуту почувствовала сильный ударъ по ногамъ. Я обернулась. Сзади меня какой-то приличный старичекъ былъ очень разсерженъ. Онъ качнулъ мой стулъ. который вторично ударилъ меня по ногамъ.

— Vous me faites mal, monsieur! сказала я, не понимая причины его злости:—c'est le diable, qui vous tente!

Онъ правой рукой перекрестился, а лѣвой двинулъ меня стуломъ. Догадавшись, что ему тѣсно или непріятно, что я передъ нимъ помѣстилась, я поискала глазами другого стула, но всѣ поблизости были заняты, а онъ все продолжалъ меня аттаковать.

Тогда я зловѣще прошептала:

— Vous n'êtes pas loin du tombeau!

Подѣйствовало—пересталъ.

Всѣ кругомъ набожно крестились, но меня смущала статуя милосердія: прекраснѣйшая женщина подаетъ нагому мальчику копеечный хлѣбецъ. Внизу подписано: la charité.

Чѣмъ руководствовался скульпторъ для изображенія подвига милосердія, выбравъ моделью именно копеечный хлѣбецъ, а не другое что-нибудь, напримѣръ, кошелекъ? размышляю я. Поняла: въ кошелькѣ могло быть много денегъ, а бѣдныхъ развращать не слѣдуетъ.

Или вотъ что̀ имѣлъ онъ въ виду: по нынѣшнимъ временамъ,

люди стали такъ разсчетливы, что даже пожертвованіе копеечнаго хлѣбца возводится въ подвигъ и можетъ вдохновить художника...

Ваяніе, живопись, пѣніе, всѣ дарованія человѣка слились здѣсь въ общую гармонію; священнослужители въ роскошныхъ кружевахъ съ разсчитанною торжественностью мѣрно ступаютъ по гобеленамъ. Высокіе своды храма сквозь цвѣтныя стекла льютъ таинственный свѣтъ на розовый мраморъ, позолоту, живые цвѣты и на каменное тѣльце голаго мальчика, на бархатный молитвенникъ разряженной дамы и на дрожащія, мозолистыя руки стараго блузника. Густыя волны органа, колебля душистый воздухъ, приводятъ нервы въ настроеніе религіознаго трепета. На лицахъ вѣрующихъ благочестіе: у всѣхъ ноздри втянуты внутрь и глаза умильно моргаютъ.

Но смертнымъ не суждено продолжительное пареніе къ небесамъ. Вдругъ все благоговѣніе разсѣвается безслѣдно, громкіе звуки духовной музыки заглушаются рѣзкимъ торгашескимъ выкрикиваніемъ: Impôt pour la paroisse, s'il vous plait! Служба окончена. Швейцаръ въ треуголкѣ стоитъ, растопыря руки поперекъ дороги къ двери, и невыносимо гвоздитъ уши его эльзасскій акцентъ. Три почтенныя дамы протягиваютъ кошельки въ родѣ корзинокъ.

Я хотѣла обойти сторонкой, но и тамъ точно такія же три дамы. «Ну, думаю, лучше бы я отдохнула въ другомъ мѣстѣ!»

Придя домой, я начала готовиться къ театру. Вначалѣ моего пріѣзда, когда у меня было много денегъ, я пріобрѣла готовое платье и теперь обновила его. Что̀ это за платье—просто прелесть! складки, сборки, оборки, банты, петли, шнурки. Я стала шевелиться очень осторожно, чтобы какъ-нибудь не зацѣпить и не помять всю эту сбрую; осторожно пододвинула къ камину кресло и встала на него, чтобъ осмотрѣть себя съ головы до ногъ. Я не повѣрила глазамъ. Въ зеркалѣ отражалась особа десятью годами меня моложе, съ тихими, робкими движеніями. Очень довольная своей метаморфозой, я надѣла на шею золотую цѣпь, а на голову шляпу съ перомъ и отправилась въ театръ.

Времени было еще довольно впереди, и я зашла въ crêmerie, чтобы закусить. Хозяйка встрѣтила меня съ почтеніемъ; она вышла изъ-за прилавка мнѣ навстрѣчу и сама подала требуемый бифштексъ. Я здѣсь нѣсколько разъ бывала и всегда получала мизерный кусокъ подгорѣлой подошвы подъ громкимъ именемъ бифштекса, а на сей разъ размѣры его были увеличены и приготовленъ онъ былъ хорошо. Уничтоживъ его, я разсуждала

такъ: великое дѣло туалетъ, и не даромъ говорится, что по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ. Впрочемъ, иногда случается, что меня провожаютъ гораздо хуже, чѣмъ встрѣчаютъ, но изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы я была ужъ черезчуръ глупа.

Подойдя къ театру, я увидѣла, что значитъ faire la queue: длинная вереница людей тянулась по тротуару, поочередно входя въ дверь по одному, и такъ какъ прорвать эту цѣпь не было возможности, то я сѣла на скамеечку возлѣ часового магазина и стала ждать.

Черезъ нѣсколько времени, вошелъ въ магазинъ покупатель, я видѣла въ стеклянную дверь, какъ онъ подержалъ часы, потолковалъ и вышелъ. Вслѣдъ за нимъ выскочилъ часовщикъ, спросилъ, въ какую сторону пошелъ тотъ господинъ, и, по моему указанію, пустился въ догонку.

Предположивъ, что тутъ что-нибудь не ладно, я благоразумно удалилась—какъ бы не притянули; пожалуй, подумаютъ: зачѣмъ это она тутъ сѣла? Это обстоятельство меня встревожило и тревога моя усиливалась по мѣрѣ того, какъ мнѣ на память приходили совѣты, предостереженія, запугиванья. Кто сейчасъ будетъ мой сосѣдъ? Не безъ трепета вошла я въ театръ. Скамья была раздѣлена на очень небольшія пространства и въ каждое было втиснуто по два человѣка, а я одна занимала двойное мѣсто, и уврёзка тонко дала мнѣ понять, что только благодаря ей я пользуюсь такимъ преимуществомъ.

Кругомъ меня сидѣли трудовые, небогатые люди, громко разговаривая; я съ интересомъ прислушивалась, но такъ какъ было очень душно и до начала оставалось еще нѣсколько минутъ, то я вышла подышать на улицу.

— Un sou, deux sous les mandarines! заунывно пѣла торговка.

— Вы однѣ? спросилъ меня контролёръ, отбирая контромарку

— Одна.

— Въ первомъ ярусѣ противъ сцены, сказалъ мнѣ вслѣдъ контролёръ.

— Нѣтъ, я въ партерѣ, отвѣчала я, и, отыскавъ свое мѣсто, сѣла и начала успокоиваться.

Вдругъ контролёръ подходитъ ко мнѣ и, вѣжливо изогнувшись, говоритъ.

— Suivez-moi, madame.

— Я англичанка, возразила я, какъ можно хладнокровнѣе, крѣпко держась рукой за край скамьи.

— Mais ce n'est pas une place pour vous, съ улыбкой настан-

ваетъ контролёръ. И мнѣ показалось, да, мнѣ это ясно показалось, что это была ехидная улыбка.

— Я сдѣлаю распоряженіе, чтобы васъ проводили, сказалъ онъ и пошелъ.

Уврёзка уже стояла передо мною.

— On vous accorde une grande faveur, говоритъ она:—suivez-moi.

Нечего было дѣлать, пошла. Она привела меня въ первый ярусъ, усадила на десятифранковое кресло и подставила подъ ноги скамеечку. Водевиль состоялъ въ томъ, что мужъ измѣнилъ женѣ, а жена мужу, и оба поймали другъ друга почти на мѣстѣ преступленія. Публика громко выражала свое удовольствіе. Оперетка выводила двухъ смѣшныхъ и глупыхъ мужей, которые искали случая учинить женамъ невѣрность, а тѣмъ временемъ жены ловкимъ манеромъ ихъ надули.

Съ спокойнымъ духомъ возвращалась я домой, вполнѣ убѣдившись, что здѣсь одинокая женщина нетолько не подвергается непріятностямъ, а напротивъ, пользуется всяческими преимуществами; храбро свернула я въ глухую улицу, и весело было мнѣ идти.

Впереди три юныя четы, держась за руки, какъ въ хороводѣ, дружно пѣли:

Voilà pourquoi la grisette
Ne quitte jamais l'étudiant.
Voilà pourquoi l'étudiant
Ne quitte jamais la grisette.

И полицейскій улыбался, на нихъ глядя. Развѣ можно чего-нибудь бояться при такихъ условіяхъ?

А вдругъ полицейскій ихъ остановитъ, испугалась я; вѣдь молодые люди несомнѣнно захотятъ выказать передъ дамами геройскій духъ; тогда полицейскій призоветъ на помощь другого, другой третьяго, явится цѣлый сонмъ полицейскихъ...

Куда я тогда дѣнусь?

Когда же я, наконецъ, избавлюсь отъ своихъ страховъ?

Но вотъ я и въ постелѣ. Пріятное утомленіе, ни одной мысли въ головѣ; и клонитъ, клонитъ ко сну.

А завтра непремѣнно примусь серьёзно за дѣло.

А.

ГЕРОИ И ТОЛПА.

VIII.

Читатель благоволитъ припомнить подражательную хорею, объ которой у насъ шла рѣчь въ прошлый разъ («Отечественныя Записки», февраль).

Не нужно обладать чрезмѣрною страстью къ обобщеніямъ, чтобы усмотрѣть ближайшее родство между состояніемъ гипноза и состояніемъ «омеряченныхъ», которыхъ наблюдалъ д-ръ Кашинъ. Самъ Ганзенъ не съумѣлъ бы дать болѣе разительное представленіе, чѣмъ это хоровое повтореніе солдатами словъ команды и ругательствъ командира. Затѣмъ омеряченіе, совершенно такъ же, какъ и гипнозъ, выражается въ двухъ формахъ: человѣкъ либо подражаетъ, повторяетъ все, сообщаемое ему зрительными и слуховыми впечатлѣніями, либо повинуется всякому приказанію, какъ бы оно ни было нелѣпо или возмутительно. Спрашивается, въ какой мѣрѣ приложимо къ омеряченью то объясненіе, которое найдено для гипнотизма? Точнѣе говоря, есть ли какое-нибудь сходство между условіями жизни омеряченныхъ и тѣми, въ которыя искуственно ставятся гипнотизируемые?

Что условія жизни въ Якутской области крайне однообразны, въ этомъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія: скудная флора и фауна, однообразная снѣжная пелена, въ теченіи слишкомъ полугода дающая глазу исключительно впечатлѣніе бѣлаго цвѣта, скудость звуковъ, красокъ, формъ, скудость промысловъ, занятій, интересовъ, скудость жизни вообще. Совокупность этой скудости, очевидно, весьма немногимъ превосходитъ ту, которая дается неустаннымъ созерцаніемъ стекляннаго шарика, постояннымъ прислушиваніемъ къ тиканію часовъ и т. п. Надо замѣтить, что на сѣверѣ европейской Россіи и Сибири нѣкоторыя формы нервныхъ страданій чрезвычайно распространены, и именно тѣ, которыя особенно способны передаваться путемъ подражанія. Объ

этомъ свидѣтельствуютъ многіе путешественники и врачи, которыхъ судьба забрасывала въ глухіе закоулки сѣвера. Такъ, напримѣръ, въ работѣ г. Држевецкаго «Медико-топографія Устьсысольскаго уѣзда» (Спб. 1872) приведена таблица о числѣ больныхъ въ устьсысольской больницѣ за семнадцать лѣтъ, съ 1853 по 1869. Въ этой таблицѣ нервныя болѣзни занимаютъ пятое мѣсто (по количеству больныхъ) изъ 20 рубрикъ, на которыя дѣлится таблица. И именно нервныя и мозговыя болѣзни составляютъ 7,1% общей цифры. Въ томъ числѣ 2,1% приходится на болѣзни головного и спинного мозга (кровоизліяніе, воспаленіе), 2,2% на умопомѣшательство и 3,8% на истерику, невральгіи и судороги. «Всѣ эти процентныя числа, говоритъ г. Држевецкій:—гораздо больше цифръ таковыхъ же болѣзней во всѣхъ русскихъ больницахъ въ сложности. При всемъ томъ нервныя болѣзни въ дѣйствительности гораздо больше распространены въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, чѣмъ сколько показываютъ цифры, потому что въ больницу поступаютъ бо́льшею частью солдаты, уроженцы другихъ мѣстъ Россіи, и мало поступаетъ женщинъ, между которыми эти болѣзни имѣютъ самое большое распространеніе. Въ частной практикѣ я встрѣчалъ очень много случаевъ различныхъ нервныхъ болѣзней, такъ что это были самыя частыя болѣзни, противъ которыхъ просили у меня пособія. Чаще прочихъ нервныхъ болѣзней встрѣчаются тамъ истерика (народное названіе «порча») и chorea magna (народное названіе больныхъ «кликуша»)». Говоря объ одной нервной болѣзни на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи, г. Максимовъ замѣчаетъ: «Икотою страдаетъ вѣрная четверть всего женскаго населенія по правую сторону отъ рѣки Сѣверной Двины. Дальше къ западу отъ Двины болѣзнь эта пропадаетъ и въ Кемскомъ поморьѣ является подъ новою формою (нѣсколько слабѣе) и подъ новымъ названіемъ (стрѣлье, щипота)» («Годъ на сѣверѣ»).

Любопытно слѣдующее общее замѣчаніе доктора Штейнберга. Перечисляя причины, обусловливающія обширное распространеніе кликушества, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Обособленное положеніе отдѣльно взятаго человѣка и даже цѣлой группы людей, общества, служитъ, въ свою очередь, немаловажною причиной, почему извѣстныя понятія, міросозерцанія, изъ которыхъ развивается болѣзнь, какъ бы они ни были нелѣпы, крѣпко и неизмѣнно держатся, сохраняются и свято передаются, безъ всякой критики, изъ устъ въ уста, отъ предковъ потомкамъ. Обособленное положеніе дѣйствуетъ еще сильнѣе, если человѣкъ или цѣлое населеніе живетъ среди дикой, пустынной, гористой природы, производящей неблагопріятное вліяніе на нервную си-

стему и психическую сторону человѣка своимъ однообразіемъ или бурными атмосферными явленіями; происхожденіе болѣзни изъ этого источника въ особенности замѣчается у насъ, на крайнемъ сѣверѣ» («Кликушество и его судебно-медицинское значеніе». Архивъ судебн. медицины, 1870, № 2).

Г. Штейнбергъ выражается очень неточно, говоря о «понятіяхъ, міросозерцаніяхъ, изъ которыхъ развивается болѣзнь». «Понятія, міросозерцанія» даютъ и могутъ давать только извѣстную окраску болѣзни. Мудрено, разумѣется, представить себѣ человѣка, не вѣрящаго въ чорта и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣсоодержимаго (то есть по его собственному мнѣнію бѣсоодержимаго). Но изъ этого не слѣдуетъ, что человѣкъ, не вѣрящій въ чорта, тѣмъ самымъ гарантированъ отъ той формы нервнаго разстройства, которую люди невѣжественные и суевѣрные называютъ бѣсноватостью. Справедливо, однако, что параллельно съ разсѣяніемъ мрака невѣжества и суевѣрія должно идти устраненіе, въ большей или меньшей степени, той «обособленности» и того «однообразія» жизни, которыя составляютъ, по нашему предположенію, коренныя условія эпидемическаго распространенія нѣкоторыхъ нервныхъ страданій. Самая даже вѣра въ чорта, напримѣръ, ослабѣваетъ, благодаря прямому вліянію увеличивающагося разнообразія *личной* жизни. По мѣрѣ того, какъ опытъ и наблюденіе расширяютъ и разнообразятъ сферу представленій и понятій человѣка, слабѣетъ суевѣріе, а вмѣстѣ съ тѣмъ (если справедливо наше основное предположеніе) должна ослабѣвать склонность къ подражанію вообще и рѣзко патологическія ея формы въ особенности.

Но я не даромъ подчеркнулъ выше слово: разнообразіе *личной* жизни. И читатель, удостоивавшій своимъ вниманіемъ мои прежнія писанія, конечно, этому не удивится. Разнообразіе общественной жизни, взятой въ цѣломъ, можетъ, какъ я много разъ это доказывалъ, находиться въ прямомъ противорѣчіи съ богатствомъ личной жизни и даже обусловливать собою ея однообразіе, скудость, односторонность. И въ такомъ случаѣ мы найдемъ, можетъ быть, чрезвычайную наклонность къ подражанію. Ниже мы увидимъ блистательные тому примѣры, а теперь оставимъ пока это обстоятельство въ сторонѣ, равно какъ и отмѣченное г. Штейнбергомъ вліяніе «бурныхъ атмосферныхъ явленій». Во всякомъ случаѣ, однообразіе и обособленность жизни въ Якутской области не подлежатъ никакому сомнѣнію. Тамъ есть мѣстности, куда почта приходитъ и которыя, слѣдовательно, сообщаются съ остальнымъ міромъ разъ въ недѣлю, разъ въ мѣсяцъ и даже разъ въ годъ. Тамъ зима тянется шесть мѣсяцевъ.

Тамъ можно проѣхать 500 верстъ, не встрѣтивъ того образа и подобія Божія, который называется человѣкомъ. Тамъ ѣдятъ рыбу, рыбу и опять рыбу, и рѣдька и капуста составляютъ мѣстами едва ли не лакомство. Тамъ человѣкъ можетъ въ теченіи цѣлаго дня не услышать, кромѣ воя вѣтра, почти никакого другого звука и не видѣть, кромѣ бѣлаго, никакого другого цвѣта. Сгустите еще немножко краски скудости и однообразія и вы получите настоящій, только чудовищно огромный залъ, приспособленный для гипнотическихъ опытовъ.

Распространяться объ этомъ, кажется, не стоитъ, но очень стоитъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что жертвами олгинджи являются въ замѣткѣ доктора Кашина солдаты и женщины. Это, конечно, не есть своего рода монополія солдатъ и женщинъ. Безъ сомнѣнія, и всякіе другіе мужчины подвергаются омеряченью. Но любопытно все-таки, что наиболѣе характерные случаи, невольно выдвинутые наблюдателемъ на первый планъ, относятся именно къ женщинамъ и солдатамъ. Возьмемъ же роту солдатъ, автоматически повторяющихъ слова команды и ругательства командира, и якутку, автоматически исполняющую постыдное приказаніе мѣстнаго Донъ-Жуана.

Мнѣ сообщали наблюденіе доктора Лихонина, такъ успѣшно повторившаго въ Петербургѣ опыты Ганзена, что гвардейскіе солдаты оказались чрезвычайно склонными къ гипнозу. Будто бы именно 60% изъ нихъ впадаютъ въ гипнотическое состояніе очень быстро. Результатъ на первый взглядъ совершенно парадоксальный или, по крайней мѣрѣ, совершенно противорѣчащій обыкновеннымъ, ходячимъ представленіямъ о гипнотическихъ явленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, гвардейскіе солдаты въ физическомъ отношеніи представляютъ цвѣтъ и красу русскаго народа, избранныхъ изъ избранныхъ по росту и здоровью, съ сильными мускулами и несокрушимыми нервами. А между тѣмъ, мы привыкли думать, что къ гипнотическому состоянію наиболѣе склонны, то есть преимущественно быстро и легко въ него впадаютъ люди слабые вообще и слабонервные въ особенности. Это ходячее мнѣніе, до извѣстной степени, вѣроятно, дѣйствительно соотвѣтствующее истинѣ, подтверждается и научными авторитетами. Такъ, Гейденгайнъ говоритъ, что гипнотизму подвергаются преимущественно блѣдные, анемичные субъекты. Далѣе, онъ полемизируетъ съ Ганзеномъ по слѣдующему поводу. Ганзенъ сообщаетъ, какъ собственное наблюденіе, что для опытовъ особенно годятся люди, дѣлающіе сильныя мышечныя движенія; «поэтому онъ предпочитаетъ англійскихъ студентовъ, которые много гребутъ плаваютъ, ѣздятъ верхомъ, нѣмецкимъ студентамъ съ ихъ на-

пряженною комнатною умственною работой». Гейденгайнъ замѣчаетъ, что, говоря это, Ганзенъ имѣетъ, вѣроятно, преимущественно въ виду одну сторону гипнотическихъ явленій, именно интенсивность мышечнаго оцѣпенѣнія, «которое несомнѣнно у его любимцевъ будетъ выражено сильнѣе, если ихъ загипнотизировать, чѣмъ у людей слабыхъ. Но чтобы процентъ лицъ, способныхъ къ гипнозу, былъ тамъ больше, чѣмъ здѣсь, въ этомъ я рѣшительно сомнѣваюсь». Можетъ быть, способность къ гипнозу русскихъ гвардейскихъ солдатъ поколебала бы скептицизмъ Гейденгайна, хотя весьма вѣроятно также, что его замѣчаніе вполнѣ справедливо; то есть, что процентъ способныхъ къ гипнозу у англійскихъ и нѣмецкихъ студентовъ приблизительно одинаковъ или даже у послѣднихъ больше, чѣмъ у первыхъ, но у англійскихъ, вслѣдствіе усиленнаго развитія мускулатуры, рѣзче бываютъ выражены явленія тетаническаго сокращенія, окоченѣнія или оцѣпенѣнія мышцъ. Извѣстно, что на этомъ окоченѣніи основываются многіе поразительные опыты Ганзена. Напримѣръ, онъ кладетъ загипнотизированнаго субъекта горизонтально, такъ, что затылкомъ тотъ упирается на одинъ стулъ, а ступнями ногъ на другой, затѣмъ становится ему на грудь или животъ, и гипнотизированный не гнется. Понятно, что сильно развитая мускулатура должна много способствовать успѣху подобныхъ опытовъ. Но весь производимый ими эффектъ еще ровно ничего не говоритъ о процентномъ отношеніи способныхъ къ гипнозу между людьми физически сильными и физически слабыми. Такъ что и ходячее мнѣніе и мнѣніе Гейденгайна о преимущественной склонности къ гипнозу «блѣдныхъ, анемичныхъ субъектовъ» нисколько не колеблется заявленіемъ Ганзена насчетъ англійскихъ и нѣмецкихъ студентовъ.

Однако, вотъ русскіе гвардейцы, люди въ цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и силы, изъ стамилліоннаго населенія имперіи избранные, оказываются конкуррентами блѣдныхъ, анемичныхъ субъектовъ. Это фактъ въ высшей степени интересный и желательно бы, конечно, было получить вполнѣ точныя на этотъ счетъ свѣдѣнія. Но, какъ ни поразителенъ этотъ фактъ на первый взглядъ, какъ ни противорѣчитъ онъ установившимся понятіямъ, а его можно бы было предвидѣть, даже на основаніи тѣхъ только фактическихъ данныхъ и соображеній, какія до сихъ поръ приведены въ предлагаемой статьѣ.

Не въ томъ, надо думать, дѣло, что къ гипнозу оказываютъ склонность *гвардейскіе* солдаты, которыхъ только и могъ д-ръ Тихонинъ имѣть подъ рукой въ Петербургѣ, а въ томъ, что и *солдаты*. И въ любомъ армейскомъ полку, и въ той забро-

шенной на край свѣта ротѣ, которую д-ръ Кашинъ видѣлъ въ омеряченномъ состояніи, процентъ способныхъ легко и быстро впадать въ гипнотическій сонъ, то есть легко и быстро отдавать свою волю въ чужія руки, оказался бы, конечно, приблизительно таковъ же, какъ и между гвардейцами. Онъ былъ бы даже, вѣроятно, скорѣе больше, чѣмъ меньше. Дѣло въ условіяхъ жизни солдата. Становясь на свое мѣсто въ строю, солдатъ видитъ около себя людей одинаковаго съ нимъ роста, въ одинаковой съ нимъ позѣ, съ однообразно опущенными руками, однообразно уставленными ногами, съ одними и тѣми же «выпушками, погончиками, петличками». Куда бы онъ ни посмотрѣлъ, онъ видитъ одни и тѣ же красные или синіе канты или воротники, однѣ и тѣ же золотыя или серебряныя пуговицы. Вся эта масса должна, какъ одинъ человѣкъ, выдѣлывать одни и тѣже артикулы ружьемъ, дѣлать одни и тѣ же движенія и «въ ногу» ходить подъ однообразно ритмическіе звуки марша, безъ конца повторяя про себя: «разъ, два, разъ два, лѣвой, правой, лѣвой, правой». Словомъ, солдатъ въ строю, какъ бѣлка въ колесѣ, вертится въ кругу крайне однообразной и несложной комбинаціи зрительныхъ, слуховыхъ и осязательныхъ впечатлѣній и насильственно, иногда прямо физическою болью возвращается въ этотъ заколдованный кругъ, если его вниманіе отвлечется на минуту чѣмъ-нибудь постороннимъ. И такъ изо дня въ день. Солдатская жизнь внѣ строя, не будучи столь выразительно скудна и однообразна, тѣмъ не менѣе вся составляетъ подготовленіе къ жизни строевой и подготовленіе въ извѣстномъ смыслѣ чрезвычайно цѣлесообразное: казарма, вся размѣренная и замкнутая, разнообразія впечатлѣній, конечно, не даетъ, а внѣ казармы солдатъ тоже не ахти-какую богатую жизнь ведетъ. Изо всего этого слагается нѣчто, очень подходящее къ Гейденгайновской физіологической формулѣ условій гипнотическаго состоянія (подавленіе дѣятельности клѣточекъ корковаго вещества, вызванное слабымъ, постояннымъ, однообразно-повторяющимся раздраженіемъ тѣхъ или другихъ нервовъ), и къ психологической формулѣ Шнейдера (ненормально односторонняя концентрація сознанія). Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что солдаты, хотя бы и сильные, здоровые гвардейцы, гипнотизируемые самою жизнью, быстро впадаютъ въ настоящее гипнотическое состояніе и подражаютъ «магнетизеру» и повинуются ему. А если такъ, то не столь уже удивительнымъ представляется и эпизодъ съ омеряченными солдатами, разсказанный д-ромъ Кашинымъ; тѣмъ болѣе, что тутъ къ спеціально-солдатской скудости примѣшивается еще скудость спеціально якутская. Конечно,

многое въ этомъ эпизодѣ остается все-таки нетолько непривычнымъ для нашей мысли, невникавшей до сихъ поръ въ подобныя вещи, а и совершенно темнымъ. Почему, напримѣръ, солдаты, всегда аккуратно исполнявшіе команду «на плечо», въ такой-то день и часъ, именно въ такой, а не въ другой, не исполнили этой команды, а сами закричали «на плечо»? Почему они, обыкновенно внимательно выслушивавшіе командирское «такъ-и-такъ», на этотъ разъ сами отвѣтили «такъ-и-такомъ»? Кто былъ «героемъ» этой омеряченной толпы и какъ, слѣдовательно, зачался процессъ подражанія: всѣ ли солдаты мгновенно были охвачены волной подражанія или между ними выискался одинъ какой-нибудь особенно болѣзненно воспріимчивый солдатикъ, который увлекъ своимъ примѣромъ остальныхъ? Чтобы дать отвѣтъ на эти вопросы, надо знать дѣло со всѣми мельчайшими подробностями, каково, напримѣръ, времяпровожденіе солдатъ въ роковой и предшествовавшіе ему дни. А такого подробнаго описанія г. Кашинъ нетолько не даетъ, а, конечно, и не могъ бы дать. Однако, въ общихъ чертахъ физіономія эпизода съ омеряченными солдатами для насъ выясняется, благодаря сопоставленію съ явленіями, хотя и недостаточно еще изученными, но все-таки извѣстными и притомъ доступными нетолько наблюденію, а и опыту.

Здѣсь можетъ быть умѣстно будетъ покончить съ одной областью явленій подражанія, которыя, несмотря на свою повторяемость, по всей вѣроятности, невсегда останутся для насъ въ подробностяхъ неизвѣстными. Я говорю о явленіяхъ покровительственной окраски и мимичности въ тѣсномъ смыслѣ слова. Я надѣюсь, что переодѣваніе песца, горностая, зайца, бѣлой куропатки на зиму въ бѣлые покровы; что и всѣ другіе случаи приспособленія цвѣта животнаго къ цвѣту его обстановки сами собой выяснились читателю, какъ результаты однообразія и постоянства зрительныхъ впечатлѣній (въ связи, разумѣется, съ наслѣдственностью и переживаніемъ приспособленнѣйшихъ индивидовъ). Но когда, напримѣръ, лепталисы подражаютъ геликонидамъ или когда бабочка подражаетъ пчелѣ или осѣ, то дѣло становится гораздо сложнѣе, и эта-то сложность, надо думать, всегда останется для насъ нераспутанною. Какъ въ самомъ дѣлѣ дознаться, почему вниманіе такой-то бабочки сосредоточилось на обликѣ такой-то пчелы, избравъ ее своимъ «героемъ», предметомъ подражанія?

Дѣлаю это замѣчаніе мимоходомъ, чтобы болѣе уже не возвращаться къ покровительственной окраскѣ и мимичности, которыя и введены-то нами въ изслѣдованіе только для полноты

фактическаго матеріала, для показанія всей обширности района подражанія.

Возвратимся къ солдатамъ.

Мы видѣли, что какъ гипнотическое состояніе, такъ и омеряченье выражаются въ двухъ формахъ: автоматическомъ подражаніи и автоматическомъ повиновеніи, разница между которыми сводится къ различію въ степени подавленности сознанія. Повинующійся автоматъ способенъ воспринимать приказаніе, которое до сознанія автомата подражающаго не доходитъ. Такъ какъ разница здѣсь только въ степени, то одна форма можетъ переходить въ другую, при благопріятныхъ для этого условіяхъ. Такъ, напримѣръ, якутка, которая сегодня безпрекословно исполняетъ позорное приказаніе, завтра, при усиленіи болѣзненнаго состоянія, можетъ оказаться глуха къ приказанію и только автоматически повторять слова и дѣйствія, доходящія до ея слуховыхъ и зрительныхъ нервовъ, но уже не переступающія за порогъ ея сознанія. Весьма можетъ быть, что солдаты, наблюдавшіеся г. Кашинымъ, страдали олгинджей и наканунѣ рокового дня. Въ этотъ день болѣзнь приняла высшую, подражательную форму: люди, вмѣсто того, чтобы *сдѣлать* «на плечо», то есть исполнить команду, *закричали* «на плечо». Но и прежде, когда они безпрекословно повиновались командѣ, они можетъ быть уже находились въ омеряченномъ состояніи, которое выразилось именно этимъ автоматическимъ повиновеніемъ. Объ этомъ трудно судить, конечно, потому что солдатъ и долженъ повиноваться, «слушать команду». Но читатель глубоко ошибается, если думаетъ, что солдатское повиновеніе, особливо въ строю, вполнѣ сознательно. Нетолько въ якутской снѣжной пустынѣ, а и гдѣ-нибудь въ центрѣ цивилизаціи, на майскомъ парадѣ, напримѣръ, огромная доля солдатскихъ движеній, криковъ и т. п. совершается помимо участія сознанія. Такъ бываетъ со всѣми людьми, занятыми дѣломъ очень привычнымъ и, слѣдовательно, не нуждающимся въ постоянномъ контролѣ высшей психической инстанціи. Но на стройное и вполнѣ автоматическое исполненіе команды несомнѣнно вліяютъ, кромѣ того, и вышеупомянутые элементы однообразія впечатлѣній, получаемыхъ солдатами изо дня въ день, а подобные элементы суть вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимыя условія обѣихъ формъ гипнотическаго состоянія. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ слышанный мною разсказъ одного молодого человѣка, отбывавшаго воинскую повинность по окончаніи курса въ высшемъ учебномъ заведеніи. Онъ говорилъ, что, вопреки рѣшительному нежеланію, ему почти никогда не удавалось воздержаться отъ возгласовъ, которые полагаются сол-

датамъ послѣ извѣстныхъ обращеній къ нимъ начальства. Какъ разъ въ надлежащую минуту изъ груди молодого человѣка неудержимо рвалось: «здравія желаемъ вашество!» «ради стараться вашество!» Нѣчто подобное каждый можетъ испытать на себѣ, если, идя по улицѣ, встрѣтитъ отрядъ солдатъ, марширующихъ подъ музыку: не идти въ тактъ этого однообразнаго ритма, подъ который ровно, стройно маршируютъ сотни людей, почти невозможно или, по крайней мѣрѣ, очень неловко и требуетъ постояннаго напряженія воли.

Такимъ образомъ, дисциплинѣ и субординаціи въ войскахъ, независимо отъ прямыхъ внушеній, одобреній, наказаній, чрезвычайно способствуетъ то однообразіе солдатской жизни, которое подавляетъ сознаніе и волю въ направленія подражанія и повиновенія. Этотъ результатъ, конечно, совпадаетъ съ самою цѣлью учрежденія войска, но не надо забывать, что наклонность къ подражанію и повиновенію есть оружіе обоюдоострое. На ней покоятся нетолько порядокъ въ войскахъ, а и тѣ чудеса храбрости, которыя совершаются иногда даже незначительною горстью солдатъ подъ вліяніемъ рѣшительнаго приказанія или энергическаго примѣра. Однако, изъ нея же выростаютъ и поразительные случаи военной паники, когда нѣсколькихъ одиночныхъ примѣровъ трусости достаточно, чтобы увлечь въ бѣгство цѣлый отрядъ; случаи солдатскихъ возмущеній и бунтовъ, когда, какъ мы видѣли на одномъ эпизодѣ изъ бунта военныхъ поселянъ 1831 года, даже глубокая личная преданность тому или другому начальнику не можетъ удержать солдата отъ увлеченія примѣромъ товарищей и отъ побіенія этого самаго любимаго начальника; случаи повальнаго грабежа и насилій въ непріятельской, а иногда въ своей собственной странѣ, когда никакія угрозы и наказанія не въ состояніи удержать расходившуюся солдатчину.

Во избѣжаніе недоразумѣній считаю нужнымъ еще разъ оговориться, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ на человѣческую душу вліяютъ очень разнообразные мотивы, но въ числѣ ихъ, притомъ заглушая иногда всѣ остальные, дѣйствуетъ и наклонность къ подражанію и повиновенію. А эта наклонность воспитывается тѣми же условіями, которыя опредѣляютъ автоматическое подражаніе и повиновеніе гипнотизированнаго субъекта: скудостью, постоянствомъ и однообразіемъ впечатлѣній. Это, значитъ, и суть необходимыя условія для образованія того, что̀ мы согласились называть «толпой».

Но прежде, чѣмъ идти дальше въ развитіи этого положенія, мы должны еще вернуться опять въ Якутскую область, гдѣ

насъ ждетъ женщина, автоматически исполняющая безстыдное приказаніе якутскаго ловеласа. Приложивъ сюда вышеизложенныя соображенія о гнетущемъ характерѣ однообразія естественныхъ и общественныхъ условій якутской жизни, перенесемся въ Англію XV вѣка, точнѣе говоря въ художественное ея изображеніе въ одной изъ драматическихъ хроникъ Шекспира. Читатель потрудится припомнить въ драматической хроникѣ «Король Ричардъ Третій» разговоръ Ричарда (тогда еще герцога Глостера) съ леди Анной у гроба короля Генриха VI. Генрихъ, тесть Анны, убитъ Ричардомъ, также какъ и мужъ ея, Эдвардъ. Анна провожаетъ гробъ Генриха, одѣтая въ глубокій трауръ и посылая страшныя проклятія убійцѣ. Вдругъ появляется самъ убійца, безобразный нравственно и физически Ричардъ. Анна осыпаетъ его бранью, проклятіями, плюетъ на него, бѣснуется, а онъ рипостируетъ все въ одномъ и томъ же родѣ: «О, праведница милая, за что же браниться такъ?»—«Позволь, моя божественная прелесть»...—«Красавица, которой красоту не въ силахъ я изобразить словами...»—«Проклятъ домъ мой одинокій, покуда въ немъ я сплю, и безъ тебя».—«Красота твоя всему виной, та красота, которой грезилъ я, та красота, изъ-за которой смѣло рѣшуся я на всѣ убійства въ мірѣ, чтобъ хоть на мигъ къ груди твоей припасть». — «Изъ милыхъ устъ идти не можетъ ядъ».—«Твой взглядъ прелестный мнѣ давно зараза».—«Я жажду прелестей твоихъ».—«Я Генриха убилъ, но вызванъ былъ на то твоей красою... Я Эдвàрда закололъ, но вызванъ былъ твоимъ лицомъ небеснымъ». И т. д. Въ концѣ-концовъ, происходитъ нѣчто, приводящее въ изумленіе самого Ричарда, который вполнѣ сознаетъ свою бездонную низость, свое физическое уродство и, повидимому, безуміе дерзости обращаться съ такими предложеніями къ женщинѣ, у которой онъ убилъ отца и мужа. Анна постепенно утихаетъ подъ давленіемъ, если можно такъ выразиться, словесныхъ «пассовъ» Ричарда, разрѣшаетъ ему «надѣяться», принимаетъ отъ него подарокъ и даже соглашается поручить ему похороны Генриха, а сама удаляется отъ гроба, возлѣ котораго только что плакала, проклинала, бѣсновалась.

Леди Анна не жалкая якутка, омеряченная однообразнымъ воемъ вѣтра, видомъ безконечной снѣжной пелены, и всею вообще страшною скудостью своей жизни. Ей нельзя просто приказать исполнить то, что требуется Ричарду. По отношенію къ ней приказаніе должно растянуться въ просьбу, мольбу, выраженную какими-нибудь дѣйствіями или словами, въ концѣ-концовъ, столь же осязательно парализующими волю, какъ при дру-

гихъ, менѣе сложныхъ условіяхъ, покоряется она простымъ, короткимъ приказаніемъ. Такъ въ Австріи, мы знаемъ, «балассируютъ» горячихъ и злыхъ лошадей: укротитель устремляетъ упорный, неподвижный взглядъ въ глаза лошади или однообразно поглаживаетъ ее по лбу и по глазамъ—и лошадь укрощена. (Болѣе простой и менѣе опасный опытъ каждый читатель можетъ сдѣлать надъ рѣчнымъ ракомъ: легкими, однообразными движеніями руки надъ ракомъ по направленію длины тѣла, самый пугливый и топорщящійся ракъ успокоивается въ нѣсколько секундъ). Если якутка омерячена, то леди Анна балассирована упорнымъ однообразіемъ отвѣтовъ Ричарда англійскаго, а якутскому Ричарду нѣтъ надобности прибѣгать къ такимъ вспомогательнымъ средствамъ, потому что предметъ его вождѣленій уже препарированъ надлежащимъ образомъ всею своею предыдущею жизнью и обстановкой. Читатель замѣтитъ можетъ быть, что поведеніе леди Анны гораздо проще объясняется женскимъ тщеславіемъ, женскою склонностью къ лести и похваламъ. Я вовсе не отрицаю наличности этого мотива, но думаю, что его слишкомъ мало для объясненія укрощенія Анны. Поэты такъ давно и много занимаются перипетіями «торжествующей любви», что было бы нетрудно набрать цѣлый ворохъ художественныхъ иллюстрацій къ процессу обольщенія, покоренія женщины. Но я довольствуюсь Шекспиромъ, потому что онъ Шекспиръ, и исторіей леди Анны, потому что въ ней роль спеціально женскихъ слабостей крайне ничтожна. Несмотря на нѣкоторую грубость красокъ и какъ бы схематичность изображенія процесса, всякій, наблюдавшій болѣе или менѣе пристально жизнь, чуетъ художественную правду въ сценѣ у гроба Генриха VI. Нельзя только приступать къ этой правдѣ съ запасомъ тѣхъ вульгарныхъ, слишкомъ уже простыхъ наблюденій, которыми довольствуются обыкновенно заурядные художники. Не красота и не какой-нибудь внѣшній блескъ Ричарда покорилъ леди Анну: онъ безобразенъ; не лесть—она на своемъ вѣку слышала ея довольно; не какія-нибудь нѣжныя струны сочувствія—Ричардъ прямо говоритъ о «спальнѣ»; не мотивы благодарности или состраданія, столь часто переходящія въ женскомъ сердцѣ въ любовь—Ричардъ убилъ ея тестя и мужа и она его ненавидитъ. Леди Анна просто балассирована. И тщеславіе представляетъ приэтомъ развѣ только маленькую щелку, сквозь которую, между прочимъ, вторглась упорная воля Ричарда и покорила ея волю. Наконецъ, что касается этого тщеславія, то оно само есть результатъ и показатель спеціально усвоенной женщинамъ функціи «нравиться», той функціи, благодаря которой жизнь женщины «однообразна и пе-

стра, и завтра та же, что вчера». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что женщина, обладающая болѣе разностороннимъ запасомъ представленій и понятій, чѣмъ какой допускается исключительною функціей «нравиться», не будетъ баласирована столь легко. Словесные «пассы», въ чемъ бы они ни состояли, встрѣтятъ въ этомъ случаѣ гораздо больше препятствій въ достиженіи своей цѣли—ненормально односторонней концентраціи сознанія и соотвѣтственнаго омраченія воли. Понятно, что этотъ результатъ можетъ облегчиться или напротивъ еще затрудниться какими-нибудь обстоятельствами, стоящими внѣ всякой связи съ непосредственнымъ предметомъ нашего изученія. Мы ихъ касаться не будемъ и, что касается любовныхъ отношеній, отмѣтимъ еще одно только соображеніе.

Ричардъ побѣдилъ Анну не какими-нибудь своими достоинствами, а единственно упорствомъ своей воли. Воля же эта не представляетъ ничего мистическаго или таинственнаго. Она выразилась въ томъ, что на всѣ взрывы негодованія и скорби Анны Ричардъ съ равномѣрностью и однообразіемъ маятника отвѣчаетъ легкими варіяціями на одну и ту же крайне скудную тему. Еслибы въ его рѣчахъ отразились какія-нибудь сомнѣнія, колебанія, уклоненія въ другія, хотя бы и гораздо высшія сферы мысли и чувства; еслибы онъ затрогивалъ въ душѣ Анны какія-нибудь другія струны, его успѣхъ не былъ бы столь рѣшителенъ. И вотъ почему происходятъ иногда такія странныя на первый взглядъ дѣла, что мозглякъ Монсъ оказывается счастливымъ соперникомъ Петра, ничтожный Раковицъ предпочитается Лассалю, Пушкинъ умираетъ на дуэли и т. п. Совсѣмъ не въ томъ тутъ дѣло, что Петръ уже не молодъ и суровъ, а Монсъ красивъ, какъ фарфоровая кукла. Петръ *въ этомъ случаѣ* просто не годился въ «герои». Онъ былъ слишкомъ широкъ, его воля, направляясь въ разныя стороны, не могла неустанно и равномѣрно ложиться на женщину. Деспотическій и жестокій, онъ въ сущности гораздо менѣе гнулъ волю женщины, чѣмъ мягкій и податливый Монсъ, который могъ добиваться своей цѣли съ постоянствомъ всегда себѣ равнаго блеска стеклянной пуговицы, созерцаніе которой доводитъ человѣка до полной утраты собственной воли.

IX.

Мы видѣли, что средніе вѣка особенно богаты нравственными эпидеміями и въ количественномъ, и въ качественномъ отноше-

нія. То есть и много ихъ было и были онѣ необыкновенно разнообразны. Всегда были и есть отдѣльныя личности, которымъ приходятъ въ голову странныя мысли и которыя совершаютъ странные поступки. Всегда были и есть авантюристы, люди психически больные, люди, желающіе такъ или иначе высунуться впередъ и т. п. Такіе люди иногда вызываютъ подражателей и поклонниковъ, иногда нѣтъ, и въ послѣднемъ случаѣ они немедленно погружаются въ море забвенія. Но въ средніе вѣка ни одна странность, какъ бы она ни была нелѣпа, ни одинъ починъ, какъ бы онъ ни былъ фантастиченъ, не оставались безъ болѣе или менѣе значительнаго числа подражателей, такъ что исторія вынуждена была занести соотвѣтственныя событія на свои страницы. Авантюристъ, чудакъ, больной, выскочка тотчасъ становился героемъ. Около него тотчасъ же группировалась толпа и, глядя на него, плясала или молилась, убивала людей или самобичевалась, предавалась посту и всяческому воздержанію или напротивъ крайней разнузданности страстей. Мы видѣли образчики этихъ странныхъ движеній въ формахъ завѣдомо патологическихъ, а равно и въ такихъ, которыя трактуются историками, какъ явленія нормальныя. Нѣкоторыя изъ нашихъ образчиковъ легко подводятся подъ то объясненіе, которое мы пытаемся дать явленіямъ автоматическаго подражанія вообще. Такъ, напримѣръ, эпидеміи кусающихся или мяукающихъ монахинь естественно вытекаютъ изъ скудости и однообразія монастырской жизни. Доведенныя этою скудостью, равномѣрностью, однообразіемъ впечатлѣній до состоянія приблизительно сходнаго съ якутской олгинджей, монахини безсознательно подражали своей случайно замяукавшей или закусавшейся больной подругѣ. Но въ этомъ явленіи нѣтъ ничего спеціально средневѣковаго: тоже самое мы можемъ и теперь наблюдать въ строго замкнутыхъ монастыряхъ или въ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Остается, слѣдовательно, во всей силѣ вопросъ, естественно каждому приходящій въ голову: почему именно на долю среднихъ вѣковъ выпало такое необыкновенное количество нравственныхъ эпидемій, какого ни до, ни послѣ этого времени исторія не представляетъ?

Историки, можно сказать, совершенно не обращали вниманія на эту неустойчивость, податливость средневѣковой толпы. Но за то нѣкоторые изъ нихъ много разсуждали о другой выдающейся чертѣ средневѣковой жизни, на первый взглядъ какъ бы противорѣчащей той неустойчивости, объ которой мы говоримъ.

Нѣкоторыя изъ средневѣковыхъ массовыхъ движеній, какъ напримѣръ крестовые походы, совпадая съ характеромъ общаго

строя тогдашней жизни, всячески покровительствовались властьимущими, тѣми, въ рукахъ у которыхъ были ключи всего зданія. Другія, какъ напримѣръ еретическія движенія или эпидемія демонолатріи, подвергались жесточайшему преслѣдованію, истреблялись огнемъ и мечемъ; хотя приэтомъ сплошь и рядомъ огонь и мечъ, создавая мучениковъ и героевъ, только вызывали новые приливы подражателей. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но у средневѣковаго строя было въ распоряженіи нѣчто болѣе дѣйствительное, чѣмъ мечъ и огонь, и это-то нѣчто составляетъ предметъ удивленія многихъ историковъ и дѣйствительно вполнѣ достойно удивленія. Никогда ничего подобнаго исторія не представляла. Пусть читатель припомнитъ, напримѣръ, такія картины. Въ самомъ началѣ XIII вѣка, папа Иннокентій III, раздраженный Филиппомъ II французскимъ за то, что тотъ упорно хотѣлъ устроить свою семейную жизнь такъ, какъ угодно ему, королю, а не такъ, какъ угодно папѣ, объявилъ всю Францію отлученною отъ церкви. Вслѣдъ затѣмъ раздраженный королемъ англійскимъ по церковнымъ дѣламъ, папа наложилъ такой же интердиктъ на всю Англію. У Иннокентія, были, повидимому, только слова отлученія и анаѳемы, а что такое слово? звукъ пустой. У королей были въ распоряженіи солдаты и оружіе, огонь и мечъ, и все это они пустили въ ходъ для борьбы съ безсильнымъ и дерзкимъ человѣкомъ, метавшимъ словесные громы изъ Рима. Но эти словесные громы оказались въ концѣ-концовъ сильнѣе солдатъ и оружія. Общественное мнѣніе обоихъ королевствъ, вся масса вѣрующихъ въ единую спасающую католическую церковь примкнула къ римскимъ громамъ. И вотъ могущественные англійскій и французскій короли, злобно пометавшись среди негодующаго общества, смирились. Іоаннъ англійскій принесъ торжественное покаяніе и объявилъ себя данникомъ и ленникомъ папы. Филиппъ французскій переустроилъ свои семейныя дѣла такъ, какъ было угодно папѣ. Около того же времени король Аррагонскій по собственному почину, самъ явился въ Римъ и вручилъ свое королевство папѣ, чтобы получить его обратно въ качествѣ вассала.

Есть величіе въ подобныхъ картинахъ торжества духа надъ мечемъ, и немудрено, что ими увлекались нетолько правовѣрные католики, а и, напримѣръ, позитивисты съ самимъ Контомъ во главѣ. Они любовались этою въ наше время почти непонятною силою авторитета, настоящаго авторитета, себѣ довлѣющаго, поддерживаемаго не штыками или пушками, а сердцами тысячъ и сотенъ тысячъ людей. Этотъ авторитетъ обнялъ собою всю Европу и окружилъ каждую отдѣльную личность своею атмо-

сферою. Онъ породилъ рыцарство, эту прирученную военную силу, вызвалъ множество подвиговъ самоотверженія, преданности нѣкоторому идеальному началу. Такъ говорятъ благорасположенные къ среднимъ вѣкамъ историки и говорятъ, разумѣется, совершенно справедливо. Но правы и историки неблагорасположенные, которые рисуютъ средніе вѣка мрачными красками насилія, притѣсненія, жестокости, постоянной драки. Все это дѣйствительно было, и никакія соображенія о стройности и гуманизирующемъ вліяніи феодально-католической организаціи, никакіе примѣры самоотверженія и преданности тому или другому идеальному началу не могутъ стереть со страницъ средневѣковой исторіи потоковъ невинной крови, инквизиціонныхъ костровъ, безправія и позора слабыхъ, дикаго разгула сильныхъ. И все это были не случайные историческіе прожилки, теряющіеся въ компактной массѣ совершенно другого вида и свойства матеріи. Нѣтъ, все это столь же неизбѣжно проистекало изъ самыхъ нѣдръ средневѣковаго строя, какъ и тѣ явленія, которыми любуются историки благорасположенные. Полная истина, какъ это часто бываетъ, находится не на той или другой сторонѣ, а въ нихъ обѣихъ, приведенныхъ къ нѣкоторому высшему единству.

Да не поскучаетъ читатель пробѣжать страницу изъ исторіи одного любопытнаго средневѣкового учрежденія.

Уже очень рано застаемъ мы во многихъ странахъ Европы вольные союзы торговцевъ, мелкихъ собственниковъ, промышленниковъ, владѣльцевъ недвижимой собственности въ городахъ, крестьянъ, подъ именемъ гильдій. Члены гильдій обязывались взаимною помощью въ случаяхъ болѣзней, несчастій, оскорбленій кого-либо изъ нихъ посторонними лицами и т. п. Для поступленія въ гильдію требовались, кромѣ, разумѣется, жительства въ извѣстномъ мѣстѣ, только незапятнанная репутація и поручительство одного изъ членовъ. Отношенія между членами были вполнѣ братскія, да и къ постороннимъ людямъ гильдіи относились весьма гуманно. По крайней мѣрѣ, въ статутахъ говорится о помощи бѣднымъ, пилигримамъ и т. п. изъ гильдейской кассы. Во главѣ гильдіи стоялъ выборный старшина съ помощниками. Смотря по комбинаціи другихъ общественныхъ единицъ, стоявшихъ рядомъ съ гильдіями и выше ихъ, гильдіи покровительствовались одними, преслѣдовались другими. Такъ въ Англіи онѣ едва ли не съ самаго своего основанія пользовались охраною закона, а капитуляріи Карла Великаго и его ближайшихъ преемниковъ грозятъ, напротивъ, членамъ гильдій плетьми, срываніемъ ноздрей, изгнаніемъ и проч. Впослѣдствіи, однако,

враждебные гильдіямъ короли, ища въ нихъ опоры для борьбы съ феодалами, измѣнили свою политику. Что же касается феодаловъ, то они естественно очень часто приходили во враждебныя столкновенія съ гильдіями, и мирные гильдейцы не разъ съ успѣхомъ мѣрялись силами съ гордыми баронами. Члены гильдіи необыкновенно высоко чтили честь своего союза (который часто ставился подъ покровительство какого-нибудь святого) и достигали часто всеобщаго уваженія. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суды довольствовались половиннымъ и даже меньшимъ числомъ присяжныхъ свидѣтелей, если они были членами гильдій. Отношенія гильдіи къ городу были разнообразны. Во многихъ мѣстахъ именно изъ гильдій выросло городское муниципальное устройство, но вообще опредѣленной связи между гильдіей и городомъ не было. Хотя первоначально личный составъ гильдіи и города часто бывалъ одинъ и тотъ же, но все-таки требовался особый актъ для вступленія въ гильдію. Иногда въ одномъ и томъ же городѣ было нѣсколько гильдій, которыя сливались впослѣдствіи въ одну или же оставались самостоятельными единицами. Въ послѣднемъ случаѣ старѣйшая, раньше другихъ основанная гильдія пользовалась нѣкоторыми преимуществами, которыя оберегала чрезвычайно ревниво. И этотъ-то моментъ ревности составляетъ главнѣйшій факторъ дальнѣйшей внутренней исторіи гильдейскихъ союзовъ. Гильдіи стали замыкаться, затрудняя доступъ въ себя постороннимъ лицамъ и обращаясь въ наслѣдственные, родовые союзы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, внутри ихъ историческій ходъ вещей проводилъ рѣзкія грани. Первоначально торговцы были вмѣстѣ съ тѣмъ и ремесленниками: они торговали сырьемъ, которое обработывали. Съ теченіемъ времени эти двѣ функціи отдѣлились и, напримѣръ, суконные торговцы перестали быть портными, торговцы кожами оставили кожевенное, дубильное, сапожное мастерства и т. д. Какъ только это общественное раздѣленіе труда достигло достаточной полноты и яркости, такъ двери гильдій заперлись для ремесленниковъ и подъ сѣнію союза оказались только торговцы и владѣльцы недвижимой собственности. Въ позднѣйшихъ нѣмецкихъ, датскихъ, бельгійскихъ статутахъ постоянно встрѣчаются запрещенія принимать въ гильдію людей «съ грязными руками», «съ траурными ногтями», людей, «выкрикивающихъ свой товаръ на улицахъ». Ремесленники постепенно стали въ глазахъ патриціевъ «безчестными, бездомными людьми, живущими работой». Городской патриціатъ сталъ въ концѣ-концовъ къ ремесленникамъ въ отношенія чисто феодальныя, усвоивъ

себѣ во времени своего собственнаго освобожденія отъ феодальнаго гнета многія существеннѣйшія права бывшихъ сюзереновъ.

Въ этотъ-то періодъ городской жизни окрѣпли и развились союзы ремесленниковъ, цехи, миссія которыхъ была совершенно параллельна миссіи гильдій. Во многихъ отношеніяхъ они были даже прямымъ сколкомъ съ гильдій. Но потребности были уже не тѣ, что во времена образованія гильдій. Товарищества взаимнаго страхованія отъ опасностей для личности и имущества перестали составлять настоятельную потребность: на то существовало городское начальство, выдвинутое старыми гильдіями. Не тотъ былъ и персоналъ нуждающихся во взаимной помощи: гильдіи сложились изъ владѣльцевъ недвижимаго имущества и купцовъ, цехи изъ ремесленниковъ. Сообразно этому основнымъ принципомъ цеховъ было огражденіе интересовъ людей мелкаго капитала и ручного труда. При этомъ и внутренняя, и внѣшняя исторія цеховъ представляетъ поразительную аналогію съ исторіей гильдій. Прежде всего и цехамъ приходилось сталкиваться съ разными рядомъ и выше ихъ стоящими единицами, причемъ происходили разнообразныя комбинаціи. Самою важною струею является здѣсь борьба съ городскими патриціями, которая тянулась почти два вѣка и кончилась побѣдою цеховъ. Затѣмъ мы видимъ внутри цеха чисто братскія отношенія, гордость честью союза, образцовый судъ и самоуправленіе.

Цехъ не замыкался, принималъ въ свою среду всякаго, удовлетворявшаго извѣстнымъ требованіямъ, и требовалъ только, чтобы всѣ, занимающіеся такимъ-то ремесломъ, подчинялись правиламъ, выработаннымъ сознаніемъ общихъ нуждъ. Что же касается до самыхъ условій пріема новыхъ членовъ, то, не будучи особенно отяготительными, они были наложены, такъ сказать, самою силою вещей. Цехъ блюлъ интересы извѣстной отрасли ремесленной промышленности. Это достигалось непосредственно—заботами о благосостояніи производителей, и посредственно—гарантіей интересовъ потребителей, то есть заботами о дешевизнѣ и доброкачественности продуктовъ. Полицейскими мѣрами въ этомъ послѣднемъ направленіи цехъ оберегалъ свою репутацію. Если сюда прибавить еще политическія условія цеха, именно его борьбу съ патриціями, то мы увидимъ, что почти всѣ требованія отъ вновь поступающихъ членовъ были необходимы. Вотъ эти требованія. Право заниматься извѣстнымъ ремесломъ и продавать продукты своего труда связывалось съ правомъ гражданства въ городѣ. Вновь поступающій членъ долженъ былъ имѣть незапятнанную нравственную репутацію. Онъ долженъ былъ пробыть извѣстное время (отъ двухъ до семи

лѣтъ) ученикомъ, чѣмъ гарантировалось качество работы. Пріемъ учениковъ совершался весьма торжественно или въ полномъ собраніи цеха, или—такъ какъ ученикъ былъ будущій гражданинъ города—въ ратушѣ, въ присутствіи городскихъ властей. Такъ же торжественно праздновалось и окончаніе курса. При зачисленіи, какъ въ ученики, такъ и въ мастера, взималась небольшая сумма въ цеховую кассу. Кромѣ личнаго искуства работника, цехъ требовалъ извѣстныхъ гарантій въ самомъ производствѣ. Именно, никто не могъ употреблять матеріалы и инструменты, неодобренные цехомъ, и въ статутахъ встрѣчаются мельчайшія подробности въ этомъ отношеніи. Особенно строго преслѣдовались подмѣси и продажа подновленныхъ товаровъ за новые. Статуты обязывали членовъ помогать другъ другу въ работѣ. Впослѣдствіи издавались тарифы цѣнъ на продукты. Въ интересѣ какъ производителей, такъ потребителей, статуты запрещали работать ночью, при свѣчкѣ. Цѣлый рядъ мѣръ принимался для парализированія невыгодныхъ сторонъ конкурренціи. Такъ назначались извѣстныя вакаціи, въ продолженіи которыхъ воспрещалось работать всѣмъ безъ исключенія. Всякій членъ цеха, закупая сырой матеріалъ, зналъ, что долженъ будетъ уступить опредѣленную часть его товарищамъ по своей цѣнѣ. Запрещалось работать на заказчика, который еще не расплатился съ другимъ членомъ цеха. И проч., и проч.

Цехи сослужили свою службу: нетолько дали опериться ремесленникамъ и ремеслу, но обезпечили первымъ политическую равноправность съ патриціями. Жестокая борьба цеховъ, болѣе свѣжихъ, болѣе проникнутыхъ принципомъ взаимности, съ одряхлѣвшими и разрозненными гильдіями, кончилась въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ побѣдой ремесленниковъ. Но ко времени этой побѣды начался уже процессъ внутренняго разложенія цеховъ — процессъ, весьма сходный съ тѣмъ путемъ, которымъ шли къ своей погибели гильдіи. Цехи не были союзами рабочихъ въ теперешнемъ смыслѣ слова. Это были общества людей, самостоятельно занимавшихся ремесломъ при помощи небольшого капитала. Такими они были при самомъ своемъ возникновеніи, такими заявили себя и во время борьбы за свою независимость: тутъ шла рѣчь о равноправности принциповъ недвижимаго имущества, землевладѣнія и капитала. Однако, этотъ характеръ цеховъ вполнѣ обособился и выяснился только съ теченіемъ времени. Первоначально же ремесленники были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и работниками, и хотя извѣстный капиталъ былъ необходимъ для самостоятельнаго веденія ремесла, но, по условіямъ тогдашняго производства, онъ не могъ быть великъ.

Правда, ремесленники имѣли при себѣ батраковъ, рабочихъ, но имъ не возбранялось вступать въ цехъ, если они отбыли срокъ ученія и удовлетворяли другимъ требованіямъ цеховой конституціи. Вообще, до средины XIV вѣка о батракахъ почти не упоминается въ статутахъ. Повидимому, до этого времени батраковъ было весьма мало, такъ что не могло быть и рѣчи о существованіи въ средѣ цеховъ особаго, чисто рабочаго сословія, имѣющаго спеціальные интересы. Исключеніе составляли только цехи фландрскихъ и брабантскихъ ткачей. И тамъ, собственно говоря, каждый ткачъ имѣлъ очень мало батраковъ, но самихъ-то ткачей было очень много, а потому въ цѣломъ число батраковъ было до такой степени значительно, что потребовались для нихъ особыя организаціи. Но при этомъ не было явной вражды между двумя фракціями ремесленниковъ. Все улаживалось пока мирно. Въ XIII вѣкѣ батраки посылали своихъ депутатовъ въ цеховыя собранія, они имѣли голосъ въ рѣшеніяхъ. Что же касается до заработной платы, то она стояла въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ доходу мастера, а въ нѣкотовыхъ мѣстахъ, какъ въ Брюгге, батраки были формально участниками дохода.

Съ половины XIV вѣка эти мирныя отношенія исчезаютъ. Чѣмъ болѣе процвѣтала извѣстная отрасль ремесленной промышленности, чѣмъ большій кругъ сбыта она пріобрѣтала, тѣмъ яснѣе становилось, что члены цеховъ не работники, а капиталисты. Цехи съ недовѣріемъ смотрѣли на массы бывшихъ или настоящихъ рабовъ, приливавшія въ города по мѣрѣ развитія промышленности. Съ одной стороны, приливъ рабочихъ рукъ былъ для нихъ выгоденъ, но съ другой—это были все-таки конкурренты, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ. Отсюда-то и возникли истинныя цеховыя монополіи. Была возвышена сумма, уплачиваемая при вступленіи въ цехъ. Явился обычай требовать дорогого Meisterstück'a, то-есть образчика работы, удостовѣряющаго, что испытуемый достоинъ, по своему искуству, быть принятымъ въ цехъ. Удлиннился, въ нѣкоторыхъ ремеслахъ до совершеннаго безсмыслія, срокъ обученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родственники старыхъ членовъ получали всяческія облегченія при зачисленіи въ цехъ. Наконецъ, принципъ наслѣдственности завоевалъ себѣ мѣсто въ цеховой системѣ или съ занесеніемъ его въ статуты, или, по крайней мѣрѣ, фактически. Цеховая система, постепенно развертывая заключенные въ ней и дотолѣ скрытые элементы, дошла до того, что во многихъ мѣстахъ для вступленія въ цехъ требовался извѣстный цензъ въ видѣ движимаго или даже недвижимаго имущества. Весьма своеобразно измѣнился и цензъ, такъ сказать, нравственный. Прежде для

вступленія въ цехъ требовалась безукоризненная репутація, тѣмъ устранялось сообщество порочныхъ людей. Въ XIV же вѣкѣ цехи преградили доступъ къ себѣ цѣлымъ категоріямъ лицъ, въ родѣ незаконныхъ дѣтей, сыновей крестьянъ, дѣтей золотарей, живодеровъ, актеровъ; въ германскихъ цехахъ не принимались славяне и т. п. Старый духъ братства исчезъ совершенно и въ средѣ самыхъ цеховъ появились различныя дифференцированія, цехи распадались на болѣе бѣдныхъ и богатыхъ. Такъ, напримѣръ, изъ одного и того же цеха обособились цехи кожевниковъ, сапожниковъ и чеботарей. Появились неслыханные дотолѣ споры и судебные процессы о предѣлахъ компетенціи разныхъ цеховъ. Тяжбы эти тянулись иногда цѣлыми столѣтіями. Сапожники тягались съ починяльщиками ношеной обуви, ременьщики съ кожевниками, продавцы стараго платья съ портными, а тѣ, въ свою очередь, съ сукноторговцами и т. д., и т. д. Женщины устранялись отъ занятій, наиболѣе имъ свойственныхъ, но за то и женщины, если имъ удавалось овладѣть правомъ на какое-нибудь производство, не допускали къ себѣ мужчинъ. Вся жизнь подѣлилась на маленькія клѣточки, ревниво оберегавшія свои узенькія рамки и усиленно враждовавшія со всѣмъ, что лежало внѣ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сама промышленность замерла для какихъ бы то ни было усовершенствованій въ качественномъ или количественномъ отношеніи: мастеръ большею частью обязывался приготовить опредѣленное число извѣстнаго продукта въ годъ, именно этого продукта, а не другого, не больше и не меньше, не хуже и не лучше.

Не менѣе важнымъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе важнымъ явленіемъ было распаденіе однороднаго или почти однороднаго цеха на мастеровъ, учениковъ, имѣвшихъ право и возможность вписаться по окончаніи курса въ цехъ и, такъ сказать, вѣчныхъ подмастерьевъ, батраковъ, рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ Англіи противоположность интересовъ мастеровъ и подмастерьевъ обнаружилась съ совершнниною ясностью послѣ чумы 1349 г. Это было страшное время. Вымирали цѣлыя села и города, страна обезлюдѣла. Цѣны поднялись на все. Священники подняли цѣну на молебны, обѣдни и т. п. Купцы, пользуясь слабымъ предложеніемъ товаровъ, подняли цѣны на товары. Вздорожали и рабочія руки. Хлѣбъ гнилъ на неубранныхъ поляхъ, цѣлыя стада пропадали, потому что жнецы и пастухи требовали огромной платы. Аналогичныя явленія имѣли мѣсто и въ городахъ: батраки, подмастерья не соглашались работать на цеховыхъ ремесленниковъ за прежнюю плату. Въ дѣло это вмѣшалось правительство, издавъ цѣлый рядъ указовъ, имѣв-

нихъ цѣлью установить какую-нибудь норму для расшатанныхъ отношеній, и такою нормою естественно представлялись отношенія, существовавшія до чумы. Между прочимъ, и батракамъ правительство предписало работать за ту плату, которую они получали до чумы, а цеховыхъ ремесленниковъ обязало не платить больше, чѣмъ они платили прежде. Однако, съ этихъ поръ борьба между мастерами и батраками стала открытой, и въ борьбѣ этой обыкновеннымъ пріемомъ подмастерьевъ былъ гуртовой отказъ отъ работы. Но самый этотъ пріемъ требовалъ извѣстнаго единенія между батраками. И дѣйствительно, въ XIV вѣкѣ появляются «братства» подмастерьевъ, совершенно аналогичныя цехамъ ремесленниковъ и древнимъ гильдіямъ въ первую пору ихъ существованія. Въ статутахъ братствъ говорится о богослуженіи сообща, объ общественныхъ обѣдахъ, о похоронахъ на общій счетъ, о взаимной помощи и т. п. Всякій подмастерье извѣстной отрасли промышленности долженъ былъ входить въ составъ братства. Всякій, имѣющій претензію на другого члена братства, долженъ былъ, прежде чѣмъ идти въ какой-нибудь судъ, сдѣлать попытку примиренія сначала передъ старшинами братства, а потомъ передъ старшинами цеха. Съ этой стороны «братство» являлось какъ бы дополненіемъ цеха, какъ бы продолженіемъ его принциповъ въ средѣ подмастерьевъ. Поэтому они вообще признавались цеховыми мастерами и учреждались съ ихъ согласія, однако, не вездѣ. Здѣсь мы опять-таки встрѣчаемъ разнообразныя столкновенія съ общественными единицами, стоявшими рядомъ съ братствами и выше ихъ. Не входя въ дальнѣйшую исторію этихъ союзовъ подмастерьевъ и рабочихъ, конецъ которой выходитъ за предѣлы среднихъ вѣковъ, отмѣтимъ только слѣдующее обстоятельство. Рабочія товарищества долго, упорно, хотя и съ перемѣннымъ счастіемъ боролись съ союзами мастеровъ. Но при этомъ, примыкая все-таки къ цеховой системы въ смыслѣ дробленія производства и враждебной замкнутости отдѣльныхъ его отраслей, они не упускали случая подраться и между собой. Такъ какъ подмастерья обязаны были извѣстный срокъ странствовать, чтобы приглядѣться къ своему мастерству, то естественно у нихъ образовались общія пристанища и новыя связи въ чужихъ мѣстахъ. Всѣ эти связи и отношенія были проникнуты наилучшими чувствами, но если подмастерье встрѣчалъ представителя другой, враждебной профессіи, то немедленно возникала ссора, драка, достигавшая иногда размѣровъ обширнаго, массоваго и кроваваго побоища.

Такова, очень, конечно, бѣглая картина возникновенія, развитія и паденія средневѣковыхъ промышленныхъ союзовъ. Она по-

учительна. Вы видите прежде всего чрезвычайно пеструю, сложную общественную жизнь. Не говоря о феодальномъ баронѣ и его крѣпостныхъ, не говоря далѣе о церковныхъ отношеніяхъ, вотъ торговецъ, далекій отъ всякаго труда и презирающій его; вотъ ремесленникъ-мастеръ сапожнаго, положимъ, цеха, производящій только новые сапоги; вотъ мастеръ близкаго, но другого все-таки цеха, только починяющій обувь; дальше идутъ мастера по другимъ отраслямъ, чрезвычайно дробнымъ и обособленнымъ; дальше—подмастерья, сами по себѣ отличные отъ мастеровъ и кромѣ того распредѣляющіеся по всему множеству раздробленныхъ профессій. Всѣ они отдѣлены другъ отъ друга рѣзкими политическими, юридическими, нравственными гранями. Всѣ крѣпко держатся за ту маленькую клѣточку жизни, которая образуется пересѣченіемъ этихъ граней. Каждая функція дробится, обособляется, выдѣляется. Ясно, однако, что, параллельно съ проистекающей отсюда сложностью общественной жизни, взятой въ цѣломъ, личная жизнь средневѣкового человѣка должна была оскудѣвать, становиться все болѣе однообразною и одностороннею. Намъ, охваченнымъ совершенно другими формами раздѣленія труда, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи улучшенные пути сообщенія, почту, телеграфъ, газеты; намъ трудно даже представить себѣ чрезвычайное однообразіе впечатлѣній средневѣкового человѣка, со всѣхъ сторонъ окруженнаго заставами и стѣнами. И такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, безъ просвѣта, безъ мысли о возможности какого-нибудь значительнаго измѣненія положенія.

Не слѣдуетъ думать, что эта узкость, односторонность, духовная скудость была спутницей именно только цеховой системы. Безъ сомнѣнія, бѣдность и однообразіе впечатлѣній должны выступать здѣсь съ особенною ясностью, благодаря строгой регламентаціи размѣровъ и способовъ производства и крайней раздробленности ея отраслей. Но та же духовная скудость была, въ формахъ менѣе яркихъ, но не менѣе дѣйствительныхъ, достояніемъ всѣхъ классовъ средневѣкового общества. Справедливо говоритъ Гизо: «Ошибочно было бы для обозначенія сельскаго населенія этой эпохи употреблять такое выраженіе, съ которымъ соединялось бы понятіе о чемъ-то цѣломъ, объ обществѣ, напримѣръ, слово «народъ». Населеніе это не составляло общества; дѣятельность его была исключительно мѣстная. Внѣ занимаемой ими территоріи колоны не имѣли дѣла ни до кого, не были связаны ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ» («Исторія цивилизаціи въ Европѣ»).

Еще ближе къ истинѣ стоитъ Мишле въ главѣ «Отчего средніе вѣка пришли въ отчаяніе», въ извѣстной книгѣ «La sorcière»: «Въ теченіи цѣлыхъ десяти столѣтій, тоска, неизвѣстная прежнимъ временамъ, держала средніе вѣка въ состояніи не то бодрствованія, не то сна, и надъ людьми господствовала конвульсія скуки, называемая зѣвотой. Пусть неустанный колоколъ звонитъ въ привычные часы—люди зѣваютъ; пусть тянется старое латинское пѣніе въ носъ—люди зѣваютъ. Все предвидѣно, надѣяться не на что, дѣла будутъ идти все такъ-же. Несомнѣнная скука завтрашняго дня заставляетъ зѣвать уже сегодня и перспектива будущихъ дней, годовъ скуки ложится тяжелымъ гнетомъ на жизнь. Автоматическая и фатальная конвульсія безъ конца и надежды раздвигаетъ челюсти. Настоящая болѣзнь, которую благочестивая Бретань приписываетъ дьяволу: онъ, говорятъ бретанскіе крестьяне, прячется въ лѣсу и поетъ прохожимъ обѣдни и другія церковныя службы до того, что они, наконецъ, умираютъ отъ зѣвоты». Конечно, средневѣковые люди не болѣли зѣвотой въ буквальномъ смыслѣ слова; они жили, любили, чувствовали, мыслили, но все это было вогнано въ непомѣрно узкія стойла, гдѣ царило томительное и дѣйствительно почти усыпляющее, почти гипнотизирующее однообразіе впечатлѣній. Сами гордые бароны, гнѣздившіеся въ замкахъ съ высокими стѣнами и глубокими рвами, выѣзжавшіе оттуда только для грабежа и турнировъ и опять прятавшіеся за свои стѣны, были обречены на туже истому однообразія, а ихъ жены и подавно. Вообще всякая личная жизнь, отлившись въ однообразныя, узкія формулы, замерла.

Но Мишле находитъ еще другую причину «отчего средніе вѣка пришли въ отчаяніе»: необезпеченность личности. Несмотря на неподвижность формъ, въ которыя отлилась средневѣковая личная жизнь, всякій свободный человѣкъ могъ оказаться вассаломъ, вассалъ—слугой, слуга—рабомъ, сервомъ. Фактически это, конечно, вѣрно, но едва ли справедливо переносить теперешнюю европейскую жажду личной свободы на средневѣковые нравы. Безъ сомнѣнія и тогда были люди, считавшіе личную свободу благомъ и гнушавшіеся всякаго рода зависимостью. Но отнюдь не таково было общее правило. Вообще говоря, средневѣковой человѣкъ нетолько не тяготился зависимостью, а даже напротивъ искалъ ея. Одною изъ наиболѣе выдающихся психологическихъ чертъ типическаго тогдашняго человѣка была какая-то странная потребность повиноваться, отдавать свою волю въ чужія руки, чему вполнѣ соотвѣтствовала средневѣковая лѣстница зависимости, необходимыя ступени которой составляли

сюзеренъ, вассалъ и рабы, колоны, крѣпостные. Каждый феодалъ, имѣя своихъ вассаловъ, самъ былъ или могъ быть вассаломъ другого сюзерена, и вся эта лѣстница упиралась въ безконечность, ибо дотягивалась до престола Всевышняго, непосредственно подъ которымъ находился намѣстникъ Божій на землѣ—папа, по мнѣнію однихъ, императоръ, по мнѣнію другихъ. Обыкновенно происхожденіе этой лѣстницы объясняется насиліемъ или голымъ расчетомъ: дескать, слабый человѣкъ либо насильственно ставился въ вассальныя или рабскія отношенія къ сильному, либо добровольно отдавался подъ его защиту и покровительство, дабы охранить себя отъ вящшаго гнета. Не отрицая того и другого источника, надо, однако, замѣтить, что средніе вѣка представляютъ множество образчиковъ добровольнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно безкорыстнаго самоподчиненія. Вышеприведенный случай съ королемъ Аррагонскимъ, добровольно и безъ всякаго давленія извнѣ объявившимъ себя ленникомъ папскаго престола, не составляетъ чего-нибудь рѣдкаго или исключительнаго. Напротивъ, множество всякаго званія людей самозакрѣпощали себя такимъ образомъ Богу, тому или другому святому, а въ сущности, конечно, папѣ или тому, или другому духовному лицу, духовной коллегіи. Затѣмъ рыцарское «служеніе дамѣ», и по внутреннему характеру, и даже по нѣкоторымъ внѣшнимъ формамъ весьма близкое къ вассальнымъ отношеніямъ, представляетъ другой любопытный примѣръ добровольнаго средневѣковаго самоподчиненія. Рыцарь весь отдавался своей дамѣ, совершалъ, по ея приказанію, въ угоду ей или въ честь ея, блистательные подвиги, возмутительныя злодѣйства и невѣроятныя глупости. Надо приэтомъ имѣть въ виду, что, налагая на себя это иногда вовсе не легкое бремя, рыцарь въ тоже время оставался подъ игомъ своего сюзерена и своей корпораціи. Наконецъ, средневѣковые люди готовы были служить и дьяволу и цѣлыми массами принимали страданіе и смерть ради этого фантастическаго объекта поклоненія. Если, такимъ образомъ, средневѣковой человѣкъ добровольно и безкорыстно служилъ, подчинялся, повиновался папѣ и женщинѣ, чорту и Богу, то можно думать, что и въ другія свои отношенія онъ вкладывалъ не малую долю дѣйствительной, безкорыстной преданности и покорности. Конечно, въ нѣкоторомъ очень общемъ смыслѣ можно пожалуй говорить, что и поклоняясь папѣ и женщинѣ, Богу и дьяволу, человѣкъ руководился простымъ разсчетомъ—на награду въ загробной жизни, на помощь чистой или нечистой силы въ текущихъ земныхъ дѣлахъ, на любовь дамы и т. д. Но какова бы ни была доля справед-

ливости въ этихъ общихъ соображеніяхъ, а нельзя же все-таки отрицать, что есть на свѣтѣ покорность, на столько отдѣлившаяся отъ своего корня—разсчета, что представляетъ уже нѣчто самостоятельное; есть же на свѣтѣ люди, искренно и даже пламенно цѣлующіе руку, которая ихъ бьетъ, и ярмо, которое ихъ давитъ. Вотъ эта-то самодовлѣющая покорность и выдавалась въ средніе вѣка, выражаясь въ разнообразнѣйшихъ формахъ, отъ высокаго самоотверженія до пассивнаго, почти животнаго терпѣнія, отъ восторженной и торжественной передачи своей воли въ чужія руки до молчаливаго признанія за этими чужими руками права бить, обирать, казнить и миловать. Я не думаю, разумѣется, утверждать, чтобы жизнь средневѣковаго человѣка исчерпывалась этимъ мотивомъ и чтобы онъ не руководился разсчетами выгоды и невыгоды. Это была бы безсмыслица, тѣмъ болѣе, что гдѣ есть битые, тамъ есть, значитъ, и бьющіе, гдѣ есть покорные, тамъ есть и покоряющіе. Я утверждаю только, что средніе вѣка были несравненно богаче всякой другой исторической эпохи готовностью людей повиноваться, служить, подчиняться. Благородными формами этой готовности и восхищаются историки благорасположенные, видя въ нихъ черты чисто нравственной дисциплины. Но, не говоря о томъ, что рядомъ съ этими благородными формами существовали формы холопскія и даже почти не человѣческія, а собачьи, эта болѣзненная потребность отдавать свою волю въ чужія руки, вытекая сама собой изъ средневѣковаго строя общественной жизни, въ немъ же встрѣчала препятствія для мирнаго и спокойнаго своего удовлетворенія. Ибо возникалъ вопросъ: кому, чему повиноваться? На первый взглядъ средневѣковыя общественныя отношенія представляютъ нѣчто стройное, правильное и именно напоминаютъ игрушку изъ коробочекъ, одна въ другую вложенныхъ: каждая коробочка заключаетъ въ себѣ другую и въ свою очередь заключается въ третьей. Такъ подмастерье или рабочій входилъ въ составъ братства, которое заключалось въ цехѣ, а цехъ входилъ въ составъ городского самоуправленія. Такъ сервъ входилъ въ составъ феода, который персонифицировался въ феодалѣ, тотъ въ свою очередь имѣлъ своего сюзерена, этотъ былъ вассаломъ другого сюзерена и т. д. Еслибы дѣло и стояло такъ просто и правильно, такъ и то коллизіи между различными ступенями общественной лѣстницы были бы неизбѣжны. Но въ дѣйствительности отношенія были безконечно сложнѣе и дробнѣе. Рабочій могъ состоять въ цехѣ только, такъ сказать, одной ногой. Въ качествѣ ткача, сапожника, онъ примыкалъ къ цеху, но въ качествѣ работника онъ туда не допускался. Городъ могъ,

дробясь на предмѣстья, участки, улицы, находиться во власти нѣскольких сеньёровъ, между которыми могли быть сеньёры свѣтскіе и духовные; тѣ и другіе входили въ составъ двухъ іерархій, свѣтской и церковной, постоянно между собой сталкивавшихся. Не было физической возможности повиноваться всѣмъ заразъ, ибо это значило бы разорваться въ буквальномъ смыслѣ слова, и средневѣковой человѣкъ, именно въ силу своей необычайной покорности, долженъ былъ сплошь и рядомъ оказываться непокорнымъ. Мы видѣли, что въ началѣ XIII вѣка французскіе и англійскіе люди оказались, правда, довольно пассивно, непокорными своимъ королямъ, но именно потому, что они были глубоко и сердечно подчинены духовной власти. Мы видѣли, что въ половинѣ того же XIII столѣтія французскіе люди отказались повиноваться королевѣ Бланкѣ, когда она приказывала имъ рубить двери тюрьмы, въ которую духовные владыки засадили своихъ крестьянъ: они боялись. Но стоило только Бланкѣ показать примѣръ собственноручнымъ ударомъ въ дверь, и плѣнники были моментально освобождены.

Русскій историкъ французскихъ крестьянъ замѣчаетъ: «Установленіе феодальнаго порядка не встрѣтило сопротивленія со стороны массы народа... Почему же не возставали низшіе классы противъ этой споліаціи, когда на ихъ сторонѣ было численное превосходство, когда дѣло происходило въ бурную, военную эпоху, въ которую люди, имѣя вѣчно дѣло съ мечомъ, могли не дорожить своею жизнью? Но въ томъ-то и дѣло, что тогдашніе люди представляли болѣе примѣровъ безсилія, нежели храбрости... Сознаніе собственнаго достоинства было развито въ самой незначительной степени и слабый безпрестанно унижался, раболѣпствовалъ передъ сильнымъ, говорилъ тономъ раба: «это были, какъ выразился одинъ писатель, рабскія души, развитыя неблагопріятной судьбой» (Карѣевъ, «Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 года». Варшава, 1881).

X.

Однако, «низшіе классы» не разъ возставали въ средніе вѣка, какъ грозная буря, когда предѣлъ упругости человѣческой души бывалъ, наконецъ, превзойденъ, когда гнетъ и насиліе поднимались свыше всякой мѣры терпѣнія. И съ теченіемъ времени вся вавилонская башня средневѣковой іерархіи была подкопана

и, наконецъ, рухнула со страшнымъ громомъ. Но на это потребовались цѣлые вѣка. Что же касается формъ и результатовъ борьбы, то и они носили на себѣ неизгладимую печать средневѣковья въ его наиболѣе типическихъ чертахъ — повиновенія и подражанія. Мы можемъ, кажется, теперь съ увѣренностью сказать, что такъ и должно было быть въ виду однообразія, скудости и постоянства впечатлѣній средневѣковаго человѣка.

Вглядываясь въ вышеприведенную исторію развитія и разложенія цеховой системы, мы видимъ постоянную, вѣковую борьбу сначала гильдій съ феодалами, потомъ мастеровъ съ городскимъ патриціатомъ, наконецъ, рабочихъ съ мастерами. Торговые и промышленные люди, ремесленники, рабочіе послѣдовательно выступаютъ на арену борьбы, но, выступая, каждая изъ этихъ группъ повторяетъ пріемы предыдущей и приходитъ къ тѣмъ же результатамъ. И мало того, что каждое вновь обнаруживающееся общественное наслоеніе копируютъ своихъ предшественниковъ; оно, кромѣ того, регламентируетъ подражаніе, дѣлаетъ его обязательнымъ и въ самой организаціи своей, и въ производствѣ, и во всемъ складѣ жизни. Ни ремесленникъ, ни рабочій не должны проявлять какую-нибудь оригинальность, какое-нибудь творчество въ своей дѣятельности: они должны слѣдовать разъ установленнымъ образцамъ въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Безъ конца повторяя другъ друга, они повторяютъ себя и въ дѣтяхъ своихъ, что̀ достигается все болѣе и болѣе прочнымъ установленіемъ принципа наслѣдственности занятій, правъ и обязанностей. Члены добровольныхъ союзовъ, они, слѣпо повинуясь выраженнымъ или невыраженнымъ повелѣніямъ этихъ союзовъ, враждуютъ нетолько съ дѣйствительными врагами, а и съ своимъ же братомъ, мастеровымъ или рабочимъ, если только онъ занимается другимъ мастерствомъ. Строгая регламентація размѣровъ и способовъ производства, равно какъ и обязательная наслѣдственность занятій сами собой вытекали изъ раздробленности, обособленности и замкнутости всѣхъ общественныхъ функцій и группъ. Если гнетущее однообразіе жизни на крайнемъ сѣверѣ вызываетъ распространеніе нервныхъ болѣзней эпидемическимъ, подражательнымъ путемъ; если, какъ рѣшительно утверждаетъ Вайцъ, въ замкнутыхъ племенахъ и обществахъ съ однообразною жизнью даже сходство чертъ лица достигается путемъ непроизвольнаго подражанія (Anthropologie der Naturvölker, I, 77—78); то можно думать, что средневѣковая регламентація отнюдь не была чѣмъ-то тяжелымъ или нестерпимо принудительнымъ. Она только, такъ сказать, кодифицировала велѣнія самой жизни, ибо и безъ нея дѣла шли бы, за ма-

лыми исключеніями, такъ же, какъ и при ней: одинъ подражалъ бы другому, другой третьему.

Но вотъ поднимается настоящее народное возстаніе, грозящее, кажется, перевернуть вверхъ дномъ все общество. Вотъ, напримѣръ, возстаютъ во Франціи XIV вѣка десятки тысячъ крестьянъ. Измученные, голодные, избитые, мужья, отцы и братья опозоренныхъ женъ, дочерей, сестеръ, они додумались, наконецъ, что они такіе же люди, какъ и бароны: nous sommes comme ils sont, tels membres avons, comme il ont, et aussi grand corps avons, et autant souffrir pouvons. Эти «жаки» грабили и раззоряли замки феодаловъ, избивали ихъ самихъ, ихъ семьи. Разгромъ былъ страшный. Но, какъ разсказываетъ лѣтописецъ (Фруассаръ), «когда ихъ спрашивали, зачѣмъ они такъ поступаютъ, они отвѣчали, что *не знаютъ, а дѣлаютъ такъ, какъ другіе* (ils répondoient quils ne savoient, mais quils faisoyent ainsi quils veoyent les autres faire); и думаютъ, что надо такимъ образомъ истребить всѣхъ дворянъ на свѣтѣ». Грозная жакерія была потушена въ нѣсколько недѣль кровью жаковъ. И затѣмъ еще горсть крестьянъ, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ жаковъ, *просила позволенія* у начальства сразиться на свой собственный страхъ съ вторгнувшимися во Францію англичанами, передъ которыми пасовали побѣдители жаковъ — пышные дворяне... Впослѣдствіи, однако, подобныя возстанія стали обходиться побѣдителямъ много дороже. Но это было уже въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда весь феодально-католическій строй былъ расшатанъ. Но собственно для средневѣковыхъ массовыхъ движеній чрезвычайно характерно то отсутствіе выдержки, плана, цѣли, направленія и то преобладаніе повиновенія и подражанія, которыя такъ ясно выразились въ жакеріи XIV столѣтія. Средневѣковая масса представляла, можно сказать, идеальную толпу. Лишенная всякой оригинальности и всякой устойчивости, до послѣдней возможной степени подавленная однообразіемъ впечатлѣній и скудостью личной жизни, она находилась какъ бы въ хроническомъ состояніи ожиданія героя. Чуть только мелькнетъ какой-нибудь особенный, выдающійся образъ на постоянно сѣромъ, томительно ровномъ фонѣ ея жизни—и это уже герой, и толпа идетъ за нимъ, готовая, однако, свернуть съ половины дороги, чтобы идти за новымъ, бросившимся въ глаза, образомъ. Но именно вслѣдствіе этой необыкновенной податливости толпы, средневѣковые герои весьма мало интересны, говоря вообще. Чтобы сдѣлаться въ ту пору героемъ, не нужно было обладать какими-нибудь специфическими чертами вожака. Не нужно было, напримѣръ, быть носителемъ той или другой идеи, которая кон-

центрировала бы бродящіе въ толпѣ инстинкты или позывы, не нужно было обладать планомъ дѣйствія, надменною дерзостью повелителя или мягкостью искуснаго ловца умовъ и сердецъ. Сталъ человѣкъ ни съ того, ни съ сего плясать на улицѣ, и онъ герой; пошелъ освобождать гробъ Господень—герой; сталъ хлестать себя публично плетью по обнаженному тѣлу—герой; пошелъ бить жидовъ—герой и т. д., и т. д. Словомъ, отношенія между толпой и героями были самыя элементарныя, а потому мало поучительныя. Поучительно здѣсь именно только то, что героемъ могъ оказаться первый встрѣчный. А изъ этого слѣдуетъ, что хотя секретъ держанія массъ въ повиновеніи очень простъ, но представляетъ собою нѣчто очень скользкое и обоюдоострое. Мы уже видѣли это на примѣрѣ солдатъ, которые, будучи, такъ сказать, гипнотизированы самою своею жизнью, даютъ образчики безусловнаго повиновенія, но при извѣстныхъ условіяхъ вся сила этого автоматизма направляется совсѣмъ не туда, куда было бы желательно ее направить власть имѣющимъ. Кто хочетъ властвовать надъ людьми, заставить ихъ подражать или повиноваться, тотъ долженъ поступать, какъ поступаетъ магнитизеръ, дѣлающій гипнотическій опытъ. Онъ долженъ произвести моментально столь сильное впечатлѣніе на людей, чтобы оно ими овладѣло всецѣло и, слѣдовательно, на время задавило всѣ остальныя ощущенія и впечатлѣнія, чѣмъ и достигается односторонняя концентрація сознанія; или же онъ долженъ поставить этихъ людей въ условія постоянныхъ однообразныхъ впечатлѣній. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ можетъ дѣлать чуть не чудеса, заставляя плясать подъ свою дудку массу народа и вовсе не прибѣгая для этого къ помощи грубой физической силы. Но бываютъ обстоятельства, когда этотъ эффектъ достигается въ извѣстной степени личными усиліями героя, и бываютъ другія обстоятельства, когда нѣтъ никакой надобности въ такихъ личныхъ усиліяхъ и соотвѣтственныхъ имъ умственныхъ, нравственныхъ или физическихъ качествахъ. Тогда героемъ можетъ быть всякій, что мы и видимъ въ средніе вѣка.

Возвращаясь къ исторіи средневѣковыхъ вольныхъ ремесленныхъ союзовъ, рекомендую читателю посмотрѣть на нее, какъ на фактическую иллюстрацію къ оцѣнкѣ теорій Адама Смита и Герберта Спенсера, сдѣланной нами въ предыдущей статьѣ. Мы видѣли, что эти мыслители отождествляютъ или, по крайней мѣрѣ, смѣшиваютъ симпатію, сочувствіе съ автоматическимъ подражаніемъ. Мы видѣли также, что мнѣніямъ ихъ рѣшительно противорѣчатъ факты подражанія поступкамъ подлымъ или жестокимъ, хотя нельзя не признать, что между симпатіей и по-

*

дражаніемъ есть нѣчто общее. Это общее можно пожалуй выразить словами г. Кандинскаго или цитируемаго имъ Люиса: «стремленіе приходить въ унисонъ съ окружающими людьми». Но придти на помощь человѣку, котораго бьютъ, и принять участіе въ его побіеніи, это двѣ вещи разныя. Въ первомъ случаѣ человѣкъ приходитъ въ унисонъ съ жертвой, во второмъ— съ палачами. Исторія развитія цеховой системы даетъ намекъ на полное объясненіе дѣла.

Въ началѣ гильдіи, какъ и цехи относятся чрезвычайно гуманно къ людямъ, даже стоящимъ внѣ этихъ союзовъ. Ихъ члены способны сочувствовать слабымъ, нуждающимъ, и «приходить съ ними въ унисонъ», переживая ихъ жизнь. Но, по мѣрѣ того, какъ раздѣленіе труда проводитъ все болѣе и болѣе глубокія демаркаціонныя черты въ обществѣ, стремленіе къ унисону, оставаясь на лицо, существенно измѣняетъ свой характеръ и направленіе: вмѣсто сочувствія получается подражаніе. Сочувствіе убываетъ, а подражаніе прибываетъ до такой степени, что становятся возможны кровавыя драки и глубокая взаимная ненависть между представителями различныхъ отраслей раздѣленнаго общественнаго труда; становятся возможными такая замкнутость и отчужденность, что ремесленникъ для купца, рабочій для мастера, кузнецъ для сапожника и т. д. есть какъ бы совсѣмъ другой породы существо, относительно котораго позволительна всякая жестокость и неправда. Такимъ образомъ, хотя симпатія и подражаніе имѣютъ въ основаніи своемъ нѣчто общее, но совершенно разнятся по своему направленію. При этомъ подражаніе, будучи результатомъ однообразія впечатлѣній, наилучше питается общественнымъ строемъ съ рѣзко раздѣленнымъ трудомъ. Въ средніе вѣка этотъ эффектъ былъ особенно силенъ, благодаря полному отсутствію въ обществѣ элементовъ, такъ или иначе уравновѣшивающихъ невыгоды раздѣленія труда.

Ник. Михайловскій.

ПИСЬМА КЪ ТЁТЕНЬКѢ.

Письмо девятое и послѣднее.

Милая тётенька.

Весь вчерашній вечеръ я провелъ съ общимъ нашимъ другомъ, Глумовымъ.

Въ послѣднее время мы видѣлись очень рѣдко. Съ нимъ сдѣлалось что-то странное: не сказывается дома и самъ никуда не выходитъ, смотритъ угрюмо, молчитъ, не то что боится, а словно мѣста себѣ не находитъ. Нынче, впрочемъ, это явленіе довольно обыкновенное. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ людей, которыхъ всегда знали разговаривающими и которые вдругъ получили «молчальный даръ». Ходятъ вялые, унылые, словно необыкновенные сны на яву видятъ. И никому этихъ сновидѣній не повѣряютъ, а молчатъ, молчатъ, молчатъ.

Признаться сказать, мнѣ и самому улыбается молчаніе, и я давненько-таки не иначе представляю себѣ блаженство, какъ въ этой формѣ. Но все какъ-то не соберусь вкусить. Сидѣть въ своемъ углу и молчать, то есть нетолько не разглагольствовать (этого-то я, пожалуй, ужь давно достигъ), а совсѣмъ всякія слова и письмена позабыть — это такое тонкое наслажденіе, которое доступно лишь тому, кого продолжительная молчальная практика исподволь сдѣлала способнымъ вмѣстить его. Особенно хорошо молчать, когда и кругомъ все молчитъ, а еще лучше, когда всѣ попрятались по угламъ, такъ что даже испуганныхъ лицъ не видишь. Благочиніе-то какое! благоустройство! Да пора, наконецъ, и честь знать! Поволновались въ свое время, посуетились около «вопросовъ», посодѣйствовали—и будетъ. А впредь будемъ жить такъ, что хоть колъ на головѣ теши. Пускай нарождаются вопросы еврейскіе, кабацкіе, вопросы объ оздоровленіяхъ, искорененіяхъ и средостѣніяхъ—какое намъ дѣло! Пусть люди стонутъ, мучатся, ропщутъ на судьбу, кля-

нуть законы божескіе и человѣческіе—я забрался въ уголъ и молчу. Не потому молчу, что умудрился, а потому, что не могу отличить, бодрствую ли я или сплю.

Глумовъ забрался ко мнѣ спозаранку и прямо объявилъ, что «вопросовъ» тревожить не станетъ, обмѣномъ мыслей заниматься не намѣренъ, а только хочетъ на нѣсколько часовъ уйти отъ одиночества.

— Одичалъ, братъ, я, сказалъ онъ:—нѣкоторое время думалъ, что лучше и не надо. Однако, должно быть, еще не созрѣлъ. Молчалъ-молчалъ, да вдругъ сегодня испугался. Давича, началъ афишку читать — не понимаю, да и конецъ! Ну, нѣтъ, думаю, пойду хоть на лицо человѣческое погляжу. Ну, а тебѣ какъ живется?

— Что̀ мнѣ дѣлается! По обыкновенію, въ надеждѣ славы и добра...

— Вотъ и прекрасно. Такъ, значитъ, ты занимайся своимъ дѣломъ, а я буду смотрѣть на тебя и молчать.

Такъ мы и поступили. Онъ сѣлъ поодаль и замолчалъ, а я примостился къ письменному столу и началъ обдумывать предстоящее письмо къ вамъ. Тэма навертывалась несомнѣнно благодарная. Весна нынче раньше обыкновеннаго порадовала насъ; такъ вотъ поздравить васъ съ дорогой гостьей, да кстати ужь и воспѣть животворное дѣйствіе ея на обывательскій духъ. Хотѣлъ писать о томъ, какъ легко ходить по улицамъ въ холодномъ пальто, и какая чувствуется отрада при видѣ распустившихся передъ Маріинской больницей тополей; о томъ, что мы ѣдимъ ужь сморчки и щи изъ свѣжей крапивы, а недавно лакомились даже ботвиньей; о томъ, что думаемъ въ скорости перебраться на дачу, а тамъ пойдутъ ягоды, щи изъ свѣжей капусты, свѣжепросольные огурцы... Словомъ сказать, обо всемъ, чего такъ страстно, въ теченіи цѣлой зимы, жаждало наболѣвшее сердце. Весна—волшебница! восклицалъ я мысленно:—ты вливаешь жизнь въ одряхлѣвшія сердца! ты подаешь старцамъ силу и бодрость молодости! ты расцвѣчаешь улыбкой лица человѣконенавистниковъ! ты пробуждаешь пѣсню въ соловьѣ, поэтѣ и кузнечикѣ! Привѣтъ тебѣ, жизнодавица! привѣтъ, волшебница, безкорыстно сыплющая чары на пути своемъ! И да будетъ благословенно...

Но только-что я обмакнулъ въ чернила перо, чтобъ изобразить на бумагѣ весеннія волшебства, какъ Глумовъ словно отгадалъ мои намѣренія.

— Берегись! сказалъ онъ угрюмо:—пиши правду, а «сочинителей» и безъ тебя довольно!

Послѣдовало короткое объясненіе, но Глумовъ нетолько не отказался отъ своего предостереженія, а, напротивъ, даже присовокупилъ:

— Вотъ сморчки, щи изъ крапивы, огурцы — объ этомъ ты можешь писать, потому что это правда; что же касается до вливанія жизни въ сердца, то этого не существуетъ въ дѣйствительности, а стало быть и «сочинять» нѣзачѣмъ. Налжешь, введешь простодушныхъ въ заблужденіе — что̀ хорошаго! А кромѣ того и самъ нечувствительно въ распутство впадешь. Сегодня ты только для краснаго словца «сочинишь», а завтра, пожалуй, скажешь: а что̀ въ самомъ дѣлѣ! — а послѣ завтра и впрямь въ тебѣ сердце начнетъ играть!

Говоря по совѣсти, Глумовъ былъ правъ. Хотя «сочинительство» имѣетъ свою привлекательность (и читательская масса къ нему пристрастіе выказываетъ), но, въ сущности, это ремесло довольно безсовѣстное. Непремѣнно требуется лгать и притомъ такъ лгать, чтобы другіе приняли ложь за правду. Ежели это дѣлается «за лакомство», то ясно, что въ такомъ дѣйствіи участвуетъ прямая подлость; если же дѣлается невѣдомо зачѣмъ, только по глупости, такъ и тутъ хорошаго мало. Въ сущности, «сочинять» — все равно, что обѣденные спичи говорить. «Пью за процвѣтаніе!» предлагаетъ одинъ; «пью за преуспѣяніе!» вторитъ другой — а между тѣмъ, всѣ отлично знаютъ, что никто и ничто не преуспѣетъ и не процвѣтетъ. Не дай Богъ къ этому привыкнуть. Опасность тутъ очень серьёзная, ибо «сочинитель» солжетъ разъ, солжетъ другой, а потомъ и самъ своему лганью повѣритъ. И дойдетъ незамѣтнымъ образомъ до «Помоевъ».

Въ виду этихъ соображеній приходилось выбрать для письма тэму, хотя и не столь благодарную, но за то болѣе обстоятельную.

Однакожъ, Глумовъ, очевидно, только похвастался, что намѣренъ молчать, потому что не успѣлъ я передумать сейчасъ изложенное, какъ онъ уже продолжалъ:

— А ты пиши такъ: никогда хуже не бывало!—вотъ это будетъ настоящая правда!

Меня даже передернуло при этихъ словахъ. Ахъ, тётенька! двадцать лѣтъ сряду только ихъ и слышишь! Только-что начнешь забываться подъ журчаніе мудрецовъ, только-что скажешь себѣ: чѣмъ же не жизнь!—и вдругъ, опять эти слова. И добро бы серьёзное содержаніе въ немъ вкладывалось: вотъ-молъ, потому-то и потому-то; съ одной стороны, съ точки зрѣнія экономической, съ другой — съ точки зрѣнія юридической; а вотъ-молъ и средства для исцѣленія отъ недуга... Такъ нѣтъ же! «не бывало хуже»—только и всего!

— А ты бы вспомнилъ, что слишкомъ двадцать лѣтъ эту фразу твердишь и все въ одной и той же редакціи! возразилъ я не безъ горечи.

— Потому и твержу, что двадцать лѣтъ сряду все «хуже никогда не бывало». Не успѣешь докончить восклицаніе — анъ опять приходится съизнова начинать. И сравнивать даже нѐзачѣмъ: не бывало хуже—вотъ и все. И прежде, и послѣ и теперь—всегда!

— Да ты хоть бы далъ себѣ трудъ объяснить, почему тебѣ такъ сдается?

— И объяснять не нужно, потому что само по себѣ ясно. И не «сдается» мнѣ совсѣмъ, а и кожей и внутренностями — всѣмъ чувствую... Понимаешь, всѣмъ естествомъ всегда на всякомъ мѣстѣ чувствую: хуже не бывало!

— И все-таки объясниться не лишнее, упорствовалъ я. — Вотъ ты говоришь: хуже не бывало!—а самъ, между тѣмъ, живешь да поживаешь! Это тебѣ замѣтить могутъ. Не даромъ съ Москвы благонамѣренные голоса несутся: зачѣмъ, молъ, цензура преграды «имъ» ставитъ! пускай на свободѣ объяснятся!

— А мы, дескать, послушаемъ, да и изловимъ... Прекрасно. Такъ что̀-жь, за объясненіемъ дѣло не станетъ. Крѣпостное право помнишь?—ну, такъ вотъ тамъ и ищи объясненія. Вѣчная барщина, вѣчная крѣпость, вѣчное ожиданіе мучительныхъ сюрпризовъ, отъ которыхъ освобождала только «красная шапка», да Сибирь. А люди все-таки жили. Въ каждомъ губернскомъ архивѣ ты найдешь безконечный мартирологъ, свидѣтельствующій о человѣческой живучести, а сколько отдѣльныхъ единицъ этого мартиролога замучено домашнимъ образомъ, сколько досталось въ жертву заплечному мастеру подъ наименованіемъ татей, душегубовъ, разбойниковъ? Ужели эти люди не имѣли права говорить: хуже не бывало? ужели они обязывались сравнивать, объяснять, почему они такъ говорятъ? Подумай! вѣдь новыя-то раны наводились по незажившимъ еще недавнимъ ранамъ — не естественно ли, при такомъ условіи, что сегодняшнія боли терзали больнѣе вчерашнихъ? Да, никогда не бывало хуже, никогда! только завтра, быть можетъ, хуже будетъ!

Глумовъ волновался и клокоталъ. Но продолжительная отвычка отъ словесныхъ упражненій уже сдѣлала свое дѣло, такъ что, произнеся свою, сравнительно короткую, тираду, онъ изнемогъ и замолчалъ. Что касается до меня, то хотя и мелькнула въ моей головѣ резонная мысль: а все-таки это только уподобленіе, а не объясненіе, тѣмъ не менѣе, я почему-то застыдился и догадки своей не высказалъ.

Я унесся воображеніемъ въ далекое прошлое и вспоминалъ. Въ самомъ дѣлѣ, голубушка, чего мы съ вами только не насмотрѣлись, чему не были свидѣтелями! Цѣлое организованное неистовство прошло передъ нами, цѣлая туча мрака, безъ просвѣта, безъ надеждъ. А мы прогуливались подъ сѣнью тѣнистыхъ древесъ, говорили о возвышающихъ душу обманахъ и и внимали пѣнію соловья! Какъ назвать насъ за это? Были ли мы развращены до мозга костей, или просто жили какъ во снѣ, ничего не понимая и ни въ чемъ не отдавая себѣ отчета? «Мы были молоды», скажете вы, но вѣдь это-то именно и страшно. Въ молодости человѣкъ болѣе чутокъ къ страданіямъ ближняго, молодое сердце легче раскрывается, молодая мысль быстрѣе усвоиваетъ внѣшнія впечатлѣнія. А насъ точно заколодило. Земля подъ нами разрывалась отъ стоновъ, а мы ходили точно по паркету; хлѣбъ, который мы ѣли, вопіялъ, а мы ѣли, да похваливали... Право, что-то проклятое было въ этой молодости; какъ будто она только затѣмъ и дана была, чтобы впослѣдствіи, черезъ десять лѣтъ, цѣлымъ порядкомъ фактовъ напомнить намъ о томъ, что̀ металось передъ нашими глазами и чего мы не видѣли, что̀ немолчно раздавалось у насъ въ ушахъ, и чего мы не слышали. Напомнить: вотъ, молъ, восчувствуйте!—и бросить намъ въ воздаяніе мучительную, наполненную фантомами прошлаго старость...

Самые лучшіе изъ насъ ограничивались тѣмъ, что умывали руки или роптали другъ другу на ухо; средніе—старались избѣгать «зрѣлищъ», чтобы не свидѣтельствовать объ нихъ; заурядные—нетолько не роптали и не избѣгали, но прямо, съ виртуозностью и злорадствомъ, окунались въ самый омутъ неистовствъ. И всѣ эти категоріи, вмѣстѣ взятыя, представляли собой такъ называемое «молодое поколѣніе». И Глумовъ былъ тутъ, и онъ, наравнѣ съ другими, ропталъ, судачилъ и разсказывалъ паскудные анекдоты. И вотъ теперь, на старости, мы вдругъ стали припоминать, изумляться, страдать: ка̀къ дескать насъ не розорвало! Теперь, когда все для насъ кончено, когда ужь попы засматриваются на насъ, а гробовщики надоѣдаютъ прислугѣ вопросомъ: скоро ли «баринъ» умретъ? Теперь, въ виду готовой могилы, намъ приходится, какъ какимъ-нибудь Прошкамъ и Аксюткамъ дореформенныхъ временъ, вопіять: хуже не бывало!

Было хуже, милая тётенька, но мы тогда пальцемъ не шевельнули, шага не сдѣлали, чтобы выйти на борьбу съ этимъ худомъ. Мы думали, что Прошки да Аксютки такъ ловко вынесутъ это худое на плечахъ своихъ, что насъ и не задѣнетъ, а на повѣрку оказалось (на старости-то!), что и у насъ спина

изсѣчена! Повторяясь и не встрѣчая отпора, худое на старыя незажившія раны наводило новыя и новыя, и, наконецъ, довело организмъ до того, что всякій новый—даже сравнительно слабый—уколъ чувствуется мучительнѣе, нежели цѣлая свита жесточайшихъ изъязвленій прошлаго. Когда мы были сильны и молоды, мы горѣли возвышенными чувствами и упивались благородными идеями; но мы дѣлали это исключительно для собственнаго употребленія, забывая, что горѣніе и упоеніе необходимо обезпечить, если хочешь, чтобъ они не изгибли въ будущемъ безъ слѣда. А теперь, когда они изгибли, мы кричимъ крикомъ: нѣтъ возвышенныхъ чувствъ! исчезла изъ обихода благородная мысль! никогда не бывало хуже, никогда!

Васъ, быть можетъ, возмутятъ эти вопли; вы скажете: да это же, наконецъ, несправедливо! мы видѣли нетолько худшія, но и несомнѣнно жестокія времена—какимъ же образомъ утверждать, что можетъ существовать что-нибудь превосходящее жестокость видѣннаго и испытаннаго нами!—Да, милая тётенька, эти вопли дѣйствительно несправедливы, но тутъ совершается одна изъ тѣхъ фатальныхъ несправедливостей, отъ которыхъ никуда неуйдешь. Это та самая несправедливость, которая не обращаетъ вниманія на смягченіе и исчезновеніе отдѣльныхъ подробностей, а имѣетъ въ виду основы. Подъ игомъ мысли о непреоборимости этихъ «основъ», человѣкъ теряетъ способность сравнивать, взвѣшивать и оцѣнивать, и весь отдается охватившему его чувству несправедливости.

Возьмите для примѣра хоть слѣдующее. Прежде говаривали: «человѣкъ смертенъ двояко; во-первыхъ, по божескому произволенію, и, во-вторыхъ, по усмотрѣнію»; а нынѣ, къ послѣдней части этого положенія прибавляютъ: «по правиламъ о Макарѣ телятъ не гоняющемъ установленнымъ». Кажется, маленькая прибавка сдѣлана (многіе даже «упорядоченіемъ» ее называютъ, или «введеніемъ произвола въ рамки законности»), а какая въ ней чувствуется обида! Начать съ того, что прежнее положеніе о порядкѣ пристиженія смертью принадлежало къ области права обычнаго, а не писаннаго. Партикулярный человѣкъ слѣдовалъ ему, какъ прирожденной идеѣ. Нося эту идею въ своемъ сердцѣ вмѣстѣ съ прочими таковыми же, и безпрекословно признавая ея авторитетъ, онъ, однакожъ, понималъ, что право быть смертнымъ «по усмотрѣнію» отнюдь не принадлежитъ къ числу такихъ, которыми можно было бы кичиться. И вдругъ ему нетолько во всеуслышаніе напоминаютъ, что онъ двояко смертенъ, но еще прибавляютъ, что по сему предмету существуютъ какія-то правила! Ужели это не обида!

Прежде хоть клейма-то на немъ не было, а отнынѣ стоитъ ему носъ показать наружу, чтобъ услышать: ахъ, да вѣдь это тотъ самый! А кромѣ того, и страхъ. Потому что, если разъ на бумажкѣ написано «смертенъ», такъ ужь прямо, значитъ, и заруби у себя на носу: теперь, братъ, ужь не пронесетъ!

Вотъ что значитъ по изъязвленному мѣсту новыя язвы наводить. Даже «упорядочить» ничего нельзя, потому что намѣренія самыя похвальныя, словно волшебствомъ, превращаются въ благосклонное ковыряніе незаживших ранъ.

— Самообольщеніе какое-то всѣхъ одолѣло, продолжалъ между тѣмъ Глумовъ:—все думается, какъ бы концы въ воду схоронить или дѣло кругомъ пальца обвести. А притомъ и распутство. Какъ змѣй проникаетъ оно въ общество и поражаетъ ядомъ неосторожныхъ. Малодушіе, предательство, хвастовство, всѣхъ сортовъ лганье... можетъ ли быть положеніе горше этого!

Онъ говорилъ съ разстановкою и притомъ такъ рѣшительно, какъ будто нетолько не ждалъ возраженій, но и не предполагалъ ихъ возможности. Эта увѣренность была до того тяжела, что я позабылъ мои недавнія размышленія и почти гнѣвно крикнулъ:

— Да не раздражай, говори, куда же дѣваться! вѣдь надо же существовать!

Но онъ, вмѣсто отвѣта, загадочно проворчалъ:

— Вотъ! оно самое и есть!

— Ну?

— Я, братъ, всю зиму, съ октября, вотъ какъ провелъ: въ оперѣ не былъ, Сару Бернаръ не видалъ, объ Сальвини только изъ афишекъ знаю. Сверхъ того: въ книжку не заглядывалъ, газетъ не читалъ... И, чтò всего важнѣе, ни разу не ощутилъ, что чего-нибудь недостаетъ.

— Чтò же ты дѣлалъ? лапу сосалъ?

— Жилъ. Вся зима, яко нощь едина, прошла. Только сегодня, ужь и самъ не знаю съ чего, опомнился. Всталъ утромъ, думаю: никакъ ужь ноябрь прикатилъ—глядь, анъ на дворѣ май. Ну, испугался.

— Да можетъ быть, ты напитки во множествѣ принималъ?

— Не особенно много. И пилъ и ѣлъ—обыкновенную пропорцію. Кажется, даже размышлялъ. А ты... размышлялъ?

— Да тоже... какой, однакожь, у насъ разговоръ нелѣпый! Представь себѣ, если всѣ-то начнутъ такъ жить, какъ ты зиму прожилъ... хороша исторія будетъ?

— Нельзя *всѣмъ* такъ жить: загвоздка есть. Мужикъ, напримѣръ. Онъ, поди, пашетъ теперь, потомъ начнетъ сѣять, навозъ

возить, косить, опять пахать, снопы убирать, молотить, вѣять. А зима наступитъ, повезетъ навѣянное въ городъ продавать, станетъ подати платить, и, въ воздаяніе, будетъ набивать себѣ мамонъ толокномъ. Толокно—это главный государственный врагъ: онъ «баланецъ» портитъ! Подумай! сколько осталось бы къ вывозу, и какъ бы поднялся нашъ рубль, еслибъ мужикъ мамона не набивалъ! Ну, да ужь съ этимъ надо примириться: вѣдь и мужичка надо пожалѣть! Бдитъ, братецъ, онъ! а покуда онъ бдитъ, мы можемъ всяко жить: и такъ, какъ я зиму прожилъ, и въ вѣчной мелькательной суетѣ, какъ живетъ, напримѣръ, нашъ общій другъ, Грызуновъ.

— Только скажу тебѣ прямо: по твоему жить—значитъ, пропасть.

— То-то что для меня не ясно, какимъ путемъ удобнѣе пропасть, или, лучше сказать, какъ это устроить приличнѣе. Это-то я понимаю, что пропасть во всякомъ случаѣ не минешь, да сдается, что, по моему-то живя, пропалъ человѣкъ — только и всего, а по Грызуновски мелькая, пропасть-то пропалъ, да сколько еще предварительно начадилъ!.. Вотъ этого-то мнѣ и не хочется.

Глумовъ помолчалъ съ минуту и продолжалъ:

— Вопросъ о томъ, что лучше и цѣлесообразнѣе, скромное ли оцѣпенѣніе, или блудливая повадливость...

— Повадливость... да еще блудливая! не удержался я:—почему-жь непремѣнно блудливая?

— Дай срокъ, все въ своемъ мѣстѣ объясню. Такъ вотъ, говорю: вопросъ, которая манера лучше, выдвинулся не со вчерашняго дня. Всегда были теоретики и практики, и всегда шелъ между ними споръ, какъ пристойнѣе жизнь прожить: ничего не совершивъ, но въ тоже время удержавъ за собой право сказать: по крайней мѣрѣ, я навозной жижи не хлебнулъ! или же, погрузившись по уши въ золото, въ видѣ награды сознавать, что вотъ-молъ и я свою капельку въ сосудъ преуспѣянья пролилъ...

— Постой! ты сразу такъ уродливо ставишь вопросъ, что даже представить себѣ нельзя, къ какимъ выводамъ, кромѣ произвольныхъ, можно прійти при подобной постановкѣ. Ну, что же можетъ быть общаго между дѣятельнымъ участіемъ въ разрѣшеніи вопросовъ преуспѣянія и погруженіемъ въ золото?

— Фатумъ такой—только и всего. Вотъ это-то я и называю блудливостью; человѣкъ говоритъ о преуспѣяніи, а самъ лѣзетъ прямой дорогой въ навозъ: что-молъ, дѣлать! безъ компромиссовъ нельзя! Я ужь не говорю о тѣхъ практикахъ, которые погружаются въ навозъ, находя, что тамъ уютно и тепло, но есть практики честные, которые дѣйствительно приходятъ съ намѣ-

реніемъ сдѣлать нѣчто доброе... знаешь ли, кàкъ они о своей дѣятельности выражаются? Они говорятъ: дѣло въ преуспѣяніи, а не въ томъ, что къ намъ пристанетъ нечисть; мы иксы и игреки, которые обязываются внести свою лепту и исчезнуть— кому же какая надобность справляться, замараны они или не замараны? Оттого-молъ и запустѣніе у насъ идетъ, что люди, которые что-нибудь могутъ, предпочитаютъ въ свѣтозарныхъ одеждахъ ходить...

— Что-жь, мнѣ кажется, это разсужденіе вполнѣ правильное и честное!

— Я и не отрицаю; я только констатирую, что честные практики сами признаютъ, что на практической почвѣ не обойдешься безъ общенія съ нѣчистью. Да и не обойдешься. Практика, любезный другъ—это неволя, и притомъ самая горькая. Это не открытая арена, на которой человѣческая мысль чувствуетъ себя свободною, а загрубѣвшее и поросшее волчцами пространство, надъ которымъ властно тяготѣетъ насиліе и невѣжественность. Не съ тѣмъ туда приходятъ, чтобъ подчинить темныя силы завѣтной идеѣ, а съ тѣмъ, чтобы подчинить идею темнымъ силамъ и потомъ исподволь вызвать у послѣднихъ благосклонное согласіе хоть на какую-нибудь крохотную сдѣлку. Оказывается, значитъ, что идею-то принесли богатую и плодущую, а въ жизнь ее провели сплющенную, искалѣченную. Выторговали на грошъ, а поступились на милліонъ. И поступились не поверхностнымъ только образомъ, а цѣною утраты человѣческаго образа. Это до такой степени правда, что тѣ, которые поумнѣе, сунутъ носъ, да и драло. Да ты, братецъ, вспомни! Небось, и у тебя бывали въ прошломъ примѣры... Припомни-ка, да тогда и скажи, уродливо или неуродливо я поставилъ вопросъ о сліяніи практики съ нѣчистью.

Я началъ припоминать и припомнилъ. Дѣйствительно, что-то такое было. Помните, милая тётенька, мы въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, зазнали въ Москвѣ одного начинающаго публициста («другомъ Грановскаго» онъ себя называлъ)—какая это казалась милая, симпатичная личность! И мыслей благородныхъ прòпасть, и возвышенныхъ чувствъ черезъ край, и все это такимъ пріятнымъ слогомъ выражалось, что мы начитаться не могли. Вотъ онъ-то именно и говорилъ: чтò мы такое? Мы безвѣстныя величины, которыя всего меньше должны думать о себѣ и всего болѣе объ общемъ благѣ. И всѣхъ призывалъ къ служенію. Да! хорошее, доброе было это время!

И что же! не успѣли мы оглянуться, какъ онъ ужь окунулся, или виноватъ—пристроился. Сначала, примостился бочкòмъ, а

потомъ сѣлъ и поѣхалъ. А теперь и совсѣмъ въ развратъ впалъ, такъ что отъ прежней елейной симпатичности ничего, кромѣ греческихъ спряженій, и не осталось. Благородныя мысли потускнѣли, возвышенныя чувства потухли, а объ общемъ благѣ и рѣчи нѣтъ. И мыслитъ, и чувствуетъ, и пишетъ, точно весь свой вѣкъ въ Охотномъ ряду патокой съ имбиремъ торговалъ!

— Ты это объ комъ вспомнилъ? обезпокоился Глумовъ, проникая въ мою мысль.

Я назвалъ. Разумѣется, обинякомъ.

— Брось! разсердился онъ:—ишь вѣдь... не можетъ забыть!

— Охотно забуду, возразилъ я:—но вѣдь если мы подобныя личности въ сторонѣ оставимъ, то вопросъ-то, пожалуй, совсѣмъ иначе поставить придется. Если рѣчь идетъ только о практикахъ убѣжденныхъ, то они не претендуютъ ни на подачки въ настоящемъ, ни на чествованія въ будущемъ. Они заранѣе обрѣкаютъ свои имена на забвеніе и, считая себя простыми иксами и игреками, освобождаютъ себя отъ всякихъ заботъ относительно «замаранности», или «незамаранности». По моему, это своего рода самоотверженіе.

— А позволь узнать, какое такое общее благо эти иксы и игреки съ помощью своего самоотверженія получили?

— Кàкъ какое? вспыхнулъ я: — а упраздненное крѣпостное право? а гласный судъ?

Глумовъ окончательно разсердился.

— Ну, давай говорить. Отвѣчай: былъ ты въ числѣ сочувствователей и распространителей идеи объ упраздненіи крѣпостного права?

— Былъ.

— И тебя не травили за это?

— Травили.

— Сочувствовалъ ты идеѣ гласнаго судопроизводства?

— Сочувствовалъ.

— Травили тебя за это?

— Травили.

— А вотъ князь Букиазбà искони былъ завѣдомымъ крѣпостникомъ, а его нетолько не травили, но преблагополучно пристроили къ крестьянской реформѣ. Графъ Твердоонтò былъ явнымъ ненавистникомъ гласнаго суда, и чуть было этотъ судъ совсѣмъ не слопалъ.

— Что-жъ изъ этого! и крестьянская реформа, и гласный судъ все-таки остались!

— Это, любезный другъ, ужъ сама жизнь оставила, а практика-то только того добилась, что ненавистниковъ пристроила,

а сочувствователей всѣхъ поголовно перетравила. Сами практиканты, которые на своихъ плечахъ эти вопросы вынесли, развѣ они не разбѣжались всѣ?

— И все-таки повторяю: не въ томъ важность, кто остался и кто исчезъ, а въ томъ, что самое дѣло осталось.

— А ты думаешь, что оно такъ-таки въ цѣлости и осталось? Въ такомъ ли видѣ, напримѣръ, ты его провидѣлъ и ожидалъ? не потщились ли Букиазба̀ и Твердоонто̀ вынуть изъ него сердцевину, или, по крайней мѣрѣ, настолько ее атрофировать, чтобы можно было орудовать на всей своей волѣ? Нѣтъ, любезный другъ, на практикантовъ надежда плоха. Родители-то наши полтораста лѣтъ сряду только и дѣлали, что узелки на память завязывали. Завязали, ничѣмъ не обезпечили да и бросили: пускай-молъ благодарные потомки какъ знаютъ, такъ и развязываютъ. А мы эти узелки бережемъ, величіе и основу въ нихъ видимъ. И никакіе самые ловкіе практики не заставятъ насъ сказать имъ: развязывайте, господа! да поможетъ вамъ Богъ! Шутите, господа! пусть лучше совсѣмъ затянется узелъ, чѣмъ какихъ-то профановъ къ нему допустить! И если въ этомъ случаѣ ты надѣешься на ловкость практиковъ, то, значитъ, ты очень наивенъ—и больше ничего.

— Ни на что я не надѣюсь, а знаю только, что такъ жить, чтобы цѣлая зима показалась яко нощь едина, совсѣмъ несвойственно.

— Это я и самъ знаю, да какъ же быть? Вотъ мужикъ—тотъ всегда рòвно живетъ, а мы...

Онъ не докончилъ, и совершенно неожиданно обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты съ тёткой-то продолжаешь переписываться?

— Продолжаю.

— А она отвѣчаетъ тебѣ когда-нибудь?

— Рѣдко и несложно. «Цѣлую тебя несчетно» — только и всего.

— Ну, такъ вотъ что̀. Напиши ты ей, что очень ужь она повадлива стала. Либеральничаетъ, а между тѣмъ съ Пафнутьевымъ шепчется, «Помои» почитываетъ. Можетъ быть, благодаря этой повадливости и развелось у насъ такое множество гаду, то шагу ступить нельзя, чтобъ онъ не облепилъ тебя со всѣхъ сторонъ.

Сказалъ и ушелъ.

Замѣчаніе Глумова на вашъ счетъ застало меня нѣсколько расплохъ.

Неужели, милая тётенька, вы и въ самомъ дѣлѣ повадливы? Право, до сихъ поръ и въ голову мнѣ этотъ вопросъ не приходилъ.

Повадливость бываетъ двоякаго рода: преднамѣренная и легкомысленная. Въ которой изъ двухъ вы оказываетесь повинною?

Преднамѣренная повадливость свойственна тѣмъ практикантамъ, которые, какъ выразился объ нихъ Глумовъ, надѣются пролить свою капельку въ сосудъ преуспѣянья. По мнѣнію Глумова, подобная повадливость нерѣдко граничитъ съ вѣроломствомъ и предательствомъ, и почти всегда оканчивается урѣзками въ первоначальныхъ убѣжденіяхъ и уступкой такихъ основныхъ пунктовъ, отсутствіе которыхъ самую благонамѣренную практику сводитъ къ нулю. Или, говоря другими словами, полнаго вѣроломства нѣтъ, но полувѣроломство ужь чувствуется.

Въ повадливости этой категоріи я, конечно, не рѣшусь васъ укорить. Вы милая—это рѣшено и подписано. Нетолько о вѣроломствѣ, но и о практикѣ вы имѣете лишь смутное понятіе. Что̀ такое «сосудъ преуспѣянья»? Зачѣмъ онъ и кому нуженъ? какіе такіе бываютъ вклады, лепты и проч.? Какимъ путемъ и что̀ ими достигается?—всё эти вопросы дошли до васъ въ видѣ отдалённаго гула, изъ третьихъ-четвертыхъ рукъ, и притомъ въ самомъ недостовѣрномъ видѣ. Да и не нужно вамъ совсѣмъ объ нихъ знать, потому что вы призваны не для того, чтобы приводить въ дѣйствіе практику, а для того, чтобы служить для нея мишенью. Ради васъ поступаются люди убѣжденіями, ради васъ вѣроломствуютъ. А вы, голубушка, только вздрагиваете и спрашиваете себя: на чемъ же, однако, они покончатъ? Къ какому придутъ относительно меня соглашенію?

Еслибы вы даже хотѣли быть вѣроломною, то васъ не допустятъ до этого. Право на практику и соединенное съ нею вѣроломство (полное или неполное) есть своего рода привилегія, къ обладанію которой допускаются лишь избранники. Ваша же привиллегія «совсѣмъ другого сорта», и заключается въ претерпѣніи. Избранники выполняютъ свое назначеніе: устраиваютъ компромиссы, входятъ въ соглашенія, заключаютъ союзы, а вы несете на себѣ послѣдствія этой дѣятельности и не возражаете. Что подобное положеніе не можетъ быть названо лестнымъ—съ этимъ я готовъ согласиться, но чтобы слѣдовало сокрушаться по этому поводу—этого не скажу. Думаю даже, что подвергаться практикѣ все-таки пристойнѣе, нежели практиковать самому.

Тѣмъ не менѣе, подобныя сокрушенія слышатся нынче довольно часто. Надоѣло сознавать себя пятымъ колесомъ въ колесницѣ. Да, пожалуй, даже не колесомъ, а вольнымъ шляхомъ,

по которому колесница катается себѣ, да катается взадъ и впередъ. Мало привлекательнаго въ этомъ сознаніи — это такъ; но все-таки на случай если васъ черезчуръ пристигнетъ чувство обиды, совѣтую вамъ спросить себя: хотѣли ли бы вы быть однимъ изъ четырехъ колесъ этой катающейся колесницы? Увѣряю васъ, что не успѣете вы формулировать вашъ вопросъ, какъ всю вашу обиду какъ рукой сниметъ.

Роль, на которую мы съ вами осуждены, совсѣмъ простая. Намъ предоставлено жить безъ заботъ о себѣ. Истуканы такъ живутъ. Ихъ украшаютъ сусальнымъ золотомъ, ихъ размалевываютъ и даже проводятъ по нимъ рѣзцомъ штрихи съ цѣлью сообщить чертамъ согласное съ обстоятельствами выраженіе, а они молчатъ да молчатъ. Бываютъ между ними такіе, которые находятъ, что все-таки лучше быть истуканомъ, нежели рѣзцомъ, но бываютъ и такіе, которые думаютъ: вотъ когда меня окончательно размалюютъ — то-то заглядываться на меня станутъ! Но, по моему мнѣнію, это ужъ гордость.

И такъ, въ преднамѣренной повадливости я обвинять васъ не имѣю основанія. Но существуетъ повадливость легкомысленная, сущность которой заключается не столько въ дѣятельномъ распутствѣ, сколько въ его укрывательствѣ и попустительствѣ. Нѣтъ явнаго сочувствія—скорѣе я допущу даже стыдливость—но есть нравственная неустойчивость, которая вноситъ въ отношенія къ жизненнымъ явленіямъ элементъ дряблости и недомыслія. Вотъ въ этой-то повадливости не повинны ли вы, милая тётенька? Сдается мнѣ, какъ-будто нѣчто въ этомъ родѣ сквозитъ...

Условій, которыя благопріятствовали и благопріятствуютъ развитію въ насъ легкомысленной повадливости, существуетъ кругомъ очень достаточно.

Припомню въ нѣсколькихъ чертахъ наше воспитаніе. Хотя въ смыслѣ буквальной правды и нельзя сказать, что мы съ вами получили образованіе на мѣдныя деньги, однако, въ смыслѣ правды внутренней, именно только такое опредѣленіе и можно назвать выражающимъ дѣйствительную суть дѣла. Денегъ на наше образованіе швырялось съ три пропасти, но знаній на эти деньги пріобрѣталось на грошъ. Люди, которые занимались швыряніемъ денегъ, не имѣли понятія ни о томъ, что̀ такое знаніе, ни о томъ, для чего оно нужно. Вся человѣческая жизнь пріурочивалась къ цѣлямъ, совершенно постороннимъ знанію, послѣднее же пристегивалось къ нимъ, какъ составная часть обязательной привилегіи. Конечно, мы уже не застали образовательной обстановки Простаковскихъ временъ и только по устнымъ разсказамъ (впрочемъ, отъ очевидцевъ) намъ сдѣлались извѣстны

такія личности, какъ г-жа Простакова, Тарасъ Скотининъ и проч., однакожь, Митрофанушку и теперь нельзя назвать анахронизмомъ. Вѣдь и на него не жалѣли денегъ, и у него цѣлыхъ три наставника было, а сверхъ того, была Еремеевна, на которой лежало общее руководительство. Точно тоже повторилось и съ нами. Для насъ нанимали цѣлую уйму Вральмановъ, Цыфиркиныхъ, Кутейкиныхъ (конечно, нѣсколько усовершенствованныхъ), а общее руководительство, вмѣсто Еремеевны, возлагали на холопа высшей школы. Вральманы пичкали насъ коротенькими знаніями (былъ одинъ годъ, напримѣръ, когда я *одновременно обучался* одиннадцати «наукамъ» и въ томъ числѣ «Пепину свинству», о которомъ недавно вамъ писалъ), а холопъ высшей школы внушалъ, что цѣль знанія есть исполненіе начальственныхъ предначертаній.

Свѣдѣнія доходили до насъ коротенькія, безсвязныя, почти безсмысленныя. Они не анализировались, а механически зазубривались, такъ что будущая ихъ судьба вполнѣ зависѣла отъ богатства или бѣдности памяти учащагося. Ни о какомъ фондѣ, могущемъ послужить отправнымъ пунктомъ для будущаго, и рѣчи быть не могло. Повторяю: это было не знаніе, а составная часть привилегіи, которая проводила въ жизни рѣзкую черту; *надъ* чертою значились мы съ вами, люди досужіе, правящіе; *подъ* чертою стояло одно только слово: мужикъ. Вотъ, чтобъ не очутиться на одномъ уровнѣ съ мужикомъ, и нужно было знать, что Парижъ стоитъ на рѣкѣ Сенѣ, и что Каллигула однажды велѣлъ привести въ сенатъ своего коня.

Мужикъ! вѣдь это что-то до того позорное, что достаточно одного сравненія съ нимъ, чтобы заставить правящаго младенца сгорѣть со стыда. Чтò локти на столъ положилъ—точно мужикъ! чтò въ носу ковыряешь — точно мужикъ! смотри, какой кусокъ въ ротъ запихалъ — точно мужикъ! Такъ и гвоздили со всѣхъ сторонъ И чтò всего замѣчательнѣе: усерднѣе всѣхъ въ этомъ смыслѣ гвоздила Еремеевна. Ахъ, эти холопы! на какой бы служебной ступени они ни были поставлены, есть что-то горькое и слѣпое въ ихъ судьбѣ! Вѣчно пресмыкаться и вѣчно же видѣть въ этомъ пресмыканіи нѣчто неизбѣжное, почти заслуженное!

Съ такимъ запасомъ знанія, школа ежегодно выбрасывала изъ своихъ нѣдръ тысячи юношей. Снабженные патентами, эти правящіе юнцы переходили изъ малой казны въ большую казну. Полученное скудное знаніе только въ рѣдкихъ случаяхъ давало позывъ къ дальнѣйшему самообразованію, въ громадномъ же большинствѣ пробуждало лишь стремленіе какъ можно скорѣе и полнѣе воспользоваться добытою привилегіей. Слава Богу,

«не мужикъ» — и будетъ съ насъ. Одной этой заслуги было вполнѣ достаточно, чтобы признать человѣка способнымъ и достойнымъ. Всѣ дороги открывались передъ нимъ, дороги, усѣянныя разнообразнѣйшими видами правъ, привилегій, лакомствъ и наградъ. Понятно, какое несмѣтное воинство шалопаевъ должно было оказаться въ результатѣ этой изумительной воспитательной муштровки, счастливо сочетавшей невѣжественность съ системой поощреній и премій за оную.

Я не говорю, чтобъ эти шалопаи были сплошь злые или порочные люди; я думаю даже, что, при легкомысліи тогдашняго воспитанія, самое шалопайство не могло получить вполнѣ злостнаго характера. И знаю многихъ, которые, съ теченіемъ времени, опомнились. Но когда опомнились?—тогда, милая тётенька, когда старые корабли уже были сожжены, когда уйти назадъ въ прошлое было нельзя, а идти впередъ значило погрузиться въ тотъ омутъ, въ которомъ кишатъ расхитители, клеветники, сыщики и тѣ неслыханные «публицисты», чудовищная помѣсь Мессалины и Марата, съумѣвшіе соединить въ своемъ ремеслѣ распутство первой и человѣконенавистничество послѣдняго. Картина этой бѣсовской вакханаліи до такой степени испугала ихъ, что они оказались болѣе чистоплотными, нежели можно было ожидать.

Но могутъ ли эти опомнившіеся предпринять какую-нибудь борьбу? да и нетолько они, но даже и тѣ «лучшіе», которые, переступивъ черезъ школьный порогъ, сразу признали шалопайство шалопайствомъ? Къ сожалѣнію, на эти вопросы приходится отвѣчать отрицательно. И у тѣхъ, и у другихъ багажъ до того легокъ, что невольно приходитъ на мысль, дѣйствительный ли это багажъ, или только примѣрный, принесенный съ цѣлью хоть что-нибудь держать въ рукахъ. Вмѣсто знанія—сѣтованія на недостаточность ихъ, вмѣсто силъ—жалобы на безсиліе. Я согласенъ, что все это очень опрятно, трогательно и даже трагично, но съ чѣмъ же тутъ орудовать?

Но этого мало. Я утверждаю, что только дѣйствительное знаніе, дѣйствительный трудъ могутъ вполнѣ истребить ту вредную закваску легкомыслія, которую привела за собой безазбучно-взлелѣянная молодость. Только они могутъ заставить забыть тѣ омерзительные вкусы, тѣ пошлыя привычки, которыя накоплены годами привилегированнаго досужества. При отсутствіи труда и знанія, никакія благородства не устоятъ, никакія раскаянія не помогутъ. Чувство самое искреннее не помѣшаетъ пробужденію повадливости, которая на всѣ намѣренія и стремленія набросить покровъ неспособности и безсилія.

Недостатокъ знанія восполнялся въ нашемъ воспитаніи эстетикой, но и эстетика эта была совершенно особенная. Безсодержательная, болтливая, съ наклонностью къ округленію періодовъ и далеко нечуждая представленія о бездѣлицѣ. Въ основѣ лежала ежели не прямо чувственность, то скоропроходящая, мало задерживающая, почти болѣзненная впечатлительность.

Эта впечатлительность надѣлала намъ пропасть вреда; она бросала насъ изъ стороны въ сторону, и, по временамъ, приводила туда, гдѣ намъ совсѣмъ не слѣдовало быть. Вспомните наши старыя «связи» — какой разнообразнѣйшій калейдоскопъ онѣ представляли! Это была какая-то неслыханная окрошка, въ которую входили обрывки и отброски всевозможныхъ міросозерцаній. И мы нетолько не формализировались уродливостью сочетаній, но были совершенно серьёзно убѣждены, что иначе и прожить нельзя. Была цѣлая самостоятельная наука «о поддерживаніи связей», наука, прямо вытекавшая изъ общаго повѣтрія повадливости, которое мѣшало намъ обособиться и сосредоточиться въ самихъ себѣ. Эта наука была въ свое время настолько же обязательна, какъ и та, которая учила, что высшій признакъ благовоспитанности заключается въ устраненіи всякаго повода для сравненія съ «мужикомъ».

«Надо поддерживать связи»! восклицали мы вмѣстѣ съ Грызуновымъ, а Грызуновъ и теперь — стоитъ только въ окно посмотрѣть—мечется, какъ угорѣлый, изъ дома въ домъ, и одну только мысль въ головѣ держитъ: надо поддерживать связи! надо!

И когда разсудокъ вступилъ, наконецъ, въ свои права, когда онъ, съ помощью цѣлаго ряда горькихъ искусовъ, доказалъ, что дружить направо и налѣво нельзя, а въ особенности, когда сдѣлалось вполнѣ яснымъ, что торжествующая дѣйствительность окончательно опаскудилась—тогда мы застыдились, и предпочли остаться въ рядахъ дѣйствительности *не*торжествующей. Но много ли можно насчитать такихъ, которые при этомъ во истину свергли съ себя ветхаго человѣка? много ли такихъ, въ которыхъ воспоминанія о «связяхъ» прошлаго не пробуждаютъ подавленнаго вздоха? Говоря по совѣсти, подобные субъекты составляютъ рѣдкое, почти незамѣтное исключеніе, и я боюсь, милая тётенька, что и ваша жизнь, наравнѣ съ жизнью опомнившагося большинства, распалась на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной предъявляютъ свои права справедливость и стыдъ, а въ другой все еще чувствуется позывъ къ шалостямъ (не рѣшаюсь употребить болѣе рѣзкое выраженіе) прошлаго.

Да, этотъ внутренній разладъ несомнѣнно существуетъ. Ша-

лости прошлаго въѣдчивы; однажды войдя въ плоть и кровь человѣка, онѣ извлекаются оттуда тѣмъ съ большимъ трудомъ, что въ общепринятой номенклатурѣ носятъ наименованіе шалостей, а не преступленій. Когда передъ глазами совершается грандіозное хищничество, предательство или вѣроломство, то весьма естественно, что такого рода картина возбуждаетъ въ насъ негодованіе; но когда передъ нами происходитъ простая «шалость»—помилуйте, стóитъ ли изъ-за пустяковъ бурю въ стаканѣ воды поднимать! Шалость, въ понятіяхъ большинства, есть нѣчто граціозное, симпатичное; шалость! — да вѣдь это почти терпимость! Вотъ угрюмость, несообщительность, изолированность — это другое дѣло. Это качества, которыя, по общепризнанному шаблону, предполагаютъ безпощадный фанатизмъ, говорятъ воображенію о гоненіяхъ, пыткахъ, кострахъ. Угрюмый человѣкъ есть бичъ, отъ котораго нечего ждать, кромѣ ранъ и скорпіоновъ, это язва, отъ которой слѣдуетъ бѣжать. Ненужно предательства, но ненужно и угрюмости. Шаловливый человѣкъ—вотъ истинный «средній человѣкъ», съ которымъ въ одну минуту на счетъ чего угодно сговориться можно!

Всѣ истинно-государственные люди были слегка шалунами. Гамбетта—шалунъ, Бисмаркъ—шалунъ. Всѣ рейхсъ и ландстаги, всѣ парламенты наполнены людьми, которые спятъ и видятъ, какъ бы пошалить. Отчего же не пошалить и намъ съ вами?

Что вы охотно шалите, голубушка—это ни для кого не тайна, хотя вы скрываете ваши шалости и упорно не сознаетесь въ нихъ. Однакожъ, обличить васъ положительно не трудно.

Пишете вы, напримѣръ, мнѣ, что совсѣмъ порвали связь съ Пафнутьевымъ, а объ Мартынѣ Задекѣ будто бы и не слыхивали, а между тѣмъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что потихоньку вы имъ обоимъ назначаете тайныя свиданія въ рощицѣ, и что при этомъ нерѣдко присутствуетъ и Иванъ Непомнящій. Съ вашей стороны, это, конечно, только шалость, а Пафнутьевъ пользуется этимъ и распускаетъ слухи, что, въ сущности, тётенька симпатизируетъ ему, и только потому облекаетъ свои симпатіи тайною, что боится, чтобъ не пронюхали о вашихъ свиданіяхъ потрясатели основъ и подрыватели авторитетовъ.

Или еще. Вы пишете: за кого ты меня принимаешь, чтобъ я стала «Помои» читать! — а между тѣмъ, мнѣ достовѣрно извѣстно, что хоть однимъ глазкомъ, а все-таки вы посматриваете въ нихъ. Ахъ, милая! видно, паскудство еще долго не перестанетъ быть соблазнительнымъ! Все думается: вотъ сейчасъ сядетъ Ноздревъ на полъ и начнетъ проходящихъ женщинъ за подолы ловить! или: выйдетъ впередъ Расплюевъ, съ распухлой

и распутной физіономіей, и начнетъ разсказывать, какая вчера «игра была». Ну, не умора ли! и кàкъ хоть глазкомъ на эту умору не посмотрѣть? А Ноздревъ съ Расплюевымъ пользуются этимъ и говорятъ: тётенька-то хоть и отрекается отъ насъ, а все-таки свои пятаки намъ отдаетъ!

Вотъ, милая, какія послѣдствія имѣетъ шаловливость. Я только два примѣра привелъ, а если захотѣть, какое множество другихъ, еще болѣе яркихъ, можно подыскать?

Хвалить васъ за эту повадливость, конечно, нельзя, но слѣдуетъ ли считать уменьшающимъ вину обстоятельствомъ ту тайну, въ которую вы облекаете ваши шалости?

Я полагаю, что слѣдуетъ. Стыдливость, хоть и колеблющаяся, все-таки представлетъ послугу, которую, по всей справедливости, необходимо зачесть. Она подаетъ надежду, что еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи, еще одно усиліе, и...

Сдѣлайте, милая тётенька, это усиліе! Не ходите въ рощу на свиданіе съ Пафнутьевымъ, не перешептывайтесь съ Мартыномъ Задекою, и не заглядывайтесь на публицистовъ, которые, только по упущенію, отвлеклись отъ прямого своего назначенія: выкрикивать въ Охотномъ ряду патоку съ имбиремъ!

Это мой послѣдній совѣтъ вамъ.

И самъ я до смерти усталъ, да и вамъ безконечно надоѣлъ. И «повтореніями», и «блудливымъ запугиваніемъ», и «отрицаніемъ принципа нравственности».

Всѣми этими замѣчаніями почтила меня «критика». А мы-то думали, что «критика» у насъ пропала, а осталось только шалопайское подлавливанье словечекъ и фразъ, съ уснащеніемъ восклицательными и вопросительными знаками.

Что-жъ! эти приговоры ни мало не удивляютъ меня. Тѣмъ, которые позабыли о существованіи благородныхъ мыслей, кажется диковиннымъ и дерзкимъ напоминаніемъ объ нихъ. Слышите! о благородныхъ мысляхъ печалится! Слышите! говоритъ, что жизнь тяжела! восклицаютъ пѣвцы патоки съ имбиремъ, и такъ какъ у нихъ нѣтъ въ запасѣ ни доказательствъ, ни опроверженій, то естественно, что критика ихъ завершается восклицаніемъ: можно ли идти дальше этихъ геркулесовыхъ столповъ кощунства и дерзости!

Само собой разумѣется, что это совсѣмъ особаго рода «критики», которые не могутъ заставить ни остановиться, ни отступить. Попрежнему, покуда хватитъ силъ, я буду повторять и напоминать, попрежнему, буду считать это дѣломъ совѣсти и

нравственнымъ обязательствомъ. Но не могу скрыть отъ васъ, что служба эта очень тяжелая.

Всего тяжелѣе дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ ваша повадливость. Тянетъ васъ, голубушка, и къ клеветѣ, и къ скандалу и къ этимъ пахучимъ издѣвкамъ, которыя у насъ носятъ названіе «критики» и «полемики». И хоть я убѣжденъ вполнѣ, что вы отлично сознаете, что тутъ, кромѣ гноя, ничего нѣтъ, но, къ сожалѣнію, существуетъ какой-то гвоздь, который мѣшаетъ вамъ преодолѣть вашу исконную шаловливость. А апологисты Охотнорядскихъ Маратовъ, благодаря вашей неосмотрительности, процвѣтаютъ себѣ, да процвѣтаютъ подъ флагомъ благонамѣренности.

Подумайте объ этомъ, благо на дворѣ лѣто, а вмѣстѣ съ тѣмъ наступаетъ и пора отдохновенія (для другихъ, лѣто—синонимъ страды, а для насъ съ вами—отдыха). Углубитесь въ себя, сберитесь съ мыслями, да и порѣшите разъ навсегда съ вопросомъ о шалостяхъ.

Скажите себѣ: попробую-ка я хоть на время позабыть о пропагандѣ сыска, клеветы и человѣконенавистничества... Да не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, и позабудьте. Увидите, что польза будетъ несомнѣнная, да и сами вы почувствуете себя лучше, спокойнѣе духомъ, здоровѣе.

Сперва, вы забудете на время, а потомъ, помаленьку да полегоньку, и совсѣмъ потеряете вкусъ къ паскудству.

Я твердо убѣжденъ, что въ дѣлахъ современности отъ васъ зависитъ многое, почти все. И даже не отъ дѣятельнаго участія вашего въ жизненномъ круговоротѣ, а просто отъ характера вашихъ отношеній къ жизненнымъ явленіямъ. Повидимому, вы даже не подозрѣваете, что вы — сила, а между тѣмъ, нѣтъ истины безспорнѣе этой. Сознайте же свою силу, но не для того, чтобъ безразлично посылать поцѣлуи правдѣ и неправдѣ, а для того, чтобъ дать нравственную поддержку добросовѣстному и честному убѣжденію. Право, безъ этой поддержки невозможно сдѣлать что-нибудь прочное.

Идея прогресса проявляется въ обществѣ въ двухъ формахъ. Одна изъ нихъ—крайняя и жестокая, другая—чуждая насильственности и глубоко преданная интересамъ общественнаго роста и общественной самодѣятельности. Тактика негодниковъ, прикрывающихъ себя именемъ консерваторовъ, въ томъ именно и состоитъ, чтобы смѣшать обѣ формы и заодно завинить ихъ. Но это безсовѣстная передержка — и ничего больше. Я знаю, впрочемъ, что вы и сами это понимаете, но именно поэтому-то и представляется страннымъ, что вы какъ-то через-

чуръ ужь робко выражаете ваше сочувствіе прогрессу. Будьте же поживѣе, милая! потормошите себя нѣсколько больше противъ обыкновеннаго! Подумайте: вѣдь тутъ идетъ дѣло по преимуществу объ васъ самихъ.

Быть можетъ, тонъ настоящаго, *послѣдняго* моего къ вамъ письма, до извѣстной степени, изумитъ васъ. Сравнивая его съ первымъ, написаннымъ почти годъ тому назадъ, вы не безъ основанія найдете, что тётинькино обличье, съ теченіемъ времени, нѣсколько видоизмѣнилось. Началъ я съ безусловныхъ любезностей, а кончилъ чуть не нравоученіемъ...

Да, это такъ: не могу я похвалиться выдержкою. По мѣрѣ того, какъ намѣченная задача развивается передо мной, она настолько проникаетъ меня, что требованія мои къ ней постоянно ростутъ и ростутъ. Но такъ какъ одновременно съ этимъ растетъ и самая задача, то я полагаю, что худого въ этомъ нѣтъ. Именно это самое случилось и по вашему поводу. Въ теченіи года, *въ моемъ мнѣніи*, вы настолько выросли, что первоначальные пріемы родственной любезности представляются мнѣ уже недостаточными. Нужно ли прибавлять, что отъ этого вы нетолько не подурнѣли на мой взглядъ, но даже похорошѣли.

Затѣмъ, передайте мой сердечной привѣтъ вашимъ домочадцамъ, и прощайте. Sapienti sat.

Не знаете ли вы, милая тётенька, что означаетъ «sapienti sat»?

Н. Щедринъ.

Май 1882 г.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

Странное время привелось переживать намъ съ нѣкоторыхъ поръ. Не то мы присутствуемъ при повтореніи древней легенды о смѣшеніи языковъ при столпотвореніи вавилонскомъ, когда люди перестали понимать другъ друга и внезапно стали употреблять слова и выраженія, взаимно непонятныя; не то однако передъ нами просто костюмированный балъ, гдѣ одни, что похитрѣе, носятъ къ тому же и маски, а другіе, что попроще, довольствуются смазными сапогами, полагая въ своей невинности, что въ этомъ «національномъ» нарядѣ они стали неузнаваемы... Но если люди остались, конечно, вполнѣ узнаваемыми, если вороны остались воронами, а павы—павами, то все же эта интеллектуальная сумятица успѣла въ значительной степени стасовать нетолько нашъ лексиконъ, но отчасти и самыя понятія. То, что было для всякаго ясно и вполнѣ опредѣленно, стало не то, чтобы совсѣмъ непонятнымъ, но понятнымъ въ столь различныхъ смыслахъ и даже безсмысліяхъ, что безъ комментарій и спеціальныхъ опредѣленій не можетъ болѣе употребляться. Народность, народъ, народная политика, національность—развѣ теперь это представляется понятіями, всѣми одинаково понимаемыми? Эксплуатація, кулачество, община и пр., тоже подверглись возможному затемненію, такъ же какъ самоуправленіе, свобода, либерализмъ и т. д. Кажется, будто бы плоды интеллектуальнаго развитія четверти столѣтія сразу потеряны и Сизифъ долженъ сначала передѣлывать свою неблагодарную и постылую работу закладомъ перваго камня. Конечно, это не вполнѣ такъ, а безотрадное впечатлѣніе вавилонскаго смѣшенія языковъ на костюмированномъ балу, «изъ патріотизма» освѣщаемомъ «народною» лучиною (не очень яркое освѣщеніе!), происходитъ отчасти потому, что вздумали заговорить тѣ, для коихъ русскій Сизифъ никогда своего краеугольнаго камня образованности и не закладывалъ. Но если полное смѣшеніе языковъ и есть миражъ, производимый мелька-

ніемъ на первомъ планѣ глашатаевъ, не вѣдающихъ, что глашаютъ, то все же несомнѣнно эти возгласы не остаются безслѣдными и вносятъ въ нашу общественную и даже интеллектуальную жизнь сумбуръ, который на легко разсѣять уже потому, что, какъ всякій сумбуръ, онъ безформенъ и въ цѣломъ критикѣ подвергнутъ быть не можетъ... Покуда же критика по частямъ и по мелочи выметаетъ этотъ соръ, его глашатаи наполняютъ своими криками отечество, а дарованное имъ право громкаго разговора даетъ имъ возможность эти вопли и возгласы выдавать за истинныя мнѣнія и пожеланія отечества. Такъ ли это? Болѣе чѣмъ сомнительно. Отечество, конечно, не переродилось съ того дня, какъ господа глашатаи пріобрѣли право громкаго разговора и воспользовались имъ для вавилонскаго смѣшенія понятій, для подмѣны идеаловъ и знаменъ, для замѣны лучиною газоваго освѣщенія... Кромѣ лучины и газа, есть надъ землею еще и солнце, а закатывается оно лишь на срокъ. Пусть нынѣ глашатаи тщатся загасить всякій источникъ свѣта, кромѣ дымной лучины, но солнца, когда наступитъ его восходъ, имъ не остановить и не загасить. Правда, «покуда солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ», говоритъ малорусская пословица, но еслибы даже и сбылось это зловѣщее народное предсказаніе, и ослѣпшее поколѣніе не узрѣло бы солнечнаго восхода, народятся новыя поколѣнія, болѣе счастливыя, а до тѣхъ поръ будемъ хоть стеариновыми свѣчами освѣщать закоулки маскараднаго зала, разрывая и, по возможности, выметая кучи сумбура, сваленнаго костюмированными глашатаями.

Одною изъ излюбленныхъ тэмъ этихъ глашеній служитъ, между прочимъ, и еврейскій вопросъ... Еврейскій вопросъ въ Россіи поставленъ на очередь не со вчерашняго дня; посильному его разрѣшенію посвящено много усилій и трудовъ въ теченіе правленія Императора Александра II. Если сравнить состояніе этого вопроса и положеніе еврейства въ началѣ царствованія Александра II и теперь, то нельзя не увидѣть громадной разницы и не признать, что сдѣлано много для разрѣшенія вопроса, для того, чтобы вычеркнуть его изъ ряда очередныхъ задачъ законодательства и управленія. Въ томъ же направленіи и духѣ разработывался еврейскій вопросъ и въ литературѣ, и въ обществѣ; все сводилось къ тому, пора ли уже или еще не пора отмѣнить послѣднія законодательныя репрессіи противъ евреевъ, завѣщанныя намъ отъ старыхъ временъ? Никто и нигдѣ не сомнѣвался, что рано или поздно эта отмѣна должно состояться и полемика шла о своевременности. Таково было положеніе вопроса еврейскаго года два-три тому назадъ... Но съ того дня, когда на арену стали выдвигаться наши глашатаи, когда раздались ихъ громкіе возгласы и заповѣди—и съ еврейскимъ вопросомъ сотворилось тоже, что и со всѣми остальными. Смѣшались языцы и понятія, членораздѣльные звуки въ значительной степени замѣнились восклицаніями и угрожающею жестикуляціею и все по-

грузилось во мракъ. Съ еврейскимъ вопросомъ это начало случаться раньше проявленія анти-еврейскаго движенія на югѣ Россіи и глашатаи этимъ движеніемъ лишь воспользовались для усиленія своихъ глашеній. Напрасно, однако, вы искали бы въ нихъ объясненія или хоть связнаго изложенія движенія, охватившаго всю Малую Русь и Польшу. А между тѣмъ, несомнѣнно движеніе это должно быть въ высшей степени поучительно, освѣщая собою соціальную сторону вопроса, прежде вполнѣ пренебреженную. Но глашатаи не озаботились дать объясненія. Ждали суда, не разъяснитъ ли онъ, но и на судѣ слѣдствіе не выяснило ничего, а пренія сторонъ были какъ бы спеціально назначены для затемненія вопроса. И нынѣ, когда печальныя событія, нарушавшія мирную жизнь малорусскаго пахаря и вызвавшія такой широкій размахъ всероссійской розги, уже отодвинулись въ область исторіи, и теперь для публики, сбитой съ толку іеремiадами глашатаевъ-юдофобовъ и юдофиловъ, эти событія не представляются болѣе ясными и понятными, нежели въ то время, когда народный гнѣвъ внезапно и въ такой ужасной формѣ разразился надъ головами и пожитками бѣдныхъ Ицекъ и Гершекъ, Хаекъ и Ривокъ, когда грозная и всесокрушающая волна народной ненависти столь неожиданно и внезапно снесла до фундамента съ такимъ адскимъ трудомъ и лишеніями созданное благосостояніе мелкихъ и бѣдныхъ Янкелей и Хаимовъ. Это проявленіе народнаго гнѣва было ужасно. Неожиданное и непредвидѣнное, оно захватило въ расплохъ и евреевъ, и юдофобовъ. Тѣ и другіе потеряли голову и, насказавши очень многое, ни мало, однако, не уяснили вопроса, способнаго разрѣшаться такими печальными взрывами, а неидущими къ дѣлу препирательствами только затемнили истинную сущность вопроса, истинную и глубоко лежащую причину народнаго гнѣва, отрицать существованіе котораго нынѣ никто не рѣшится. Что же это за причина? Что вызываетъ спеціальную ненависть населенія южной Россіи къ еврейству? Невѣжество, національная и религіозная нетерпимость—смѣло отвѣчаютъ одни; еврейская эксплуатація—говорятъ другіе. Но отчего же невѣжество и національная нетерпимость не вызываетъ столкновенія между малороссами, великороссами, поляками, нѣмцами, греками, молдаванами, караимами, татарами, цыганами, болгарами, мирно уживающимися на обширной территоріи, ставшей театромъ анти-еврейскаго движенія? Отчего религіозная нетерпимость не порождаетъ движенія анти-католическаго, анти-раскольничьяго, анти-протестантскаго, анти-магометанскаго? Но, съ другой стороны, если въ эксплуатаціи вся суть, отчего же народный гнѣвъ не обращается противъ собственныхъ Разуваевыхъ и Деруновыхъ? Отчего «чумазый» въ поддевкѣ не сдѣлался жертвою народнаго гнѣва, а единственно «чумазый» въ лапсердакѣ, да притомъ рядомъ съ нимъ этотъ гнѣвъ покаралъ и бѣдныхъ Мошекъ, только еле кормившихся подлѣ чумазаго? Этотъ вопросъ не лишенъ

глубокаго значенія и показываетъ, что простота, съ которою объясняется анти-еврейское движеніе эксплуатаціею, далеко не такъ проста и, по сложности явленій, заслуживаетъ болѣе внимательнаго и безпристрастнаго анализа.

Можно считать очевиднымъ и вполнѣ твердо установленнымъ фактъ, что анти-еврейское движеніе носитъ всеобщій (въ Россіи) характеръ и обнаруживаетъ громадный запасъ народной ненависти къ евреямъ, которая едва ли уменьшилась послѣ подавленія движенія и административной расправы надъ народною массою. Очевидно, болѣзнь серьёзная, чреватая самыми бѣдственными послѣдствіями для страны. Штыками и розгами сдерживали въ теченіи десяти лѣтъ (1871—1881 гг.) двухсотъ-тысячное одесское населеніе, но въ концѣ-концовъ все-таки не сдержали и движенія прорвалось въ 1881 г.; можно ли разсчитывать на прочный успѣхъ передъ лицомъ 10—15 милліоновъ населенія края, охваченнаго движеніемъ? Съ другой стороны, не ясно ли, къ какимъ милліоннымъ и даже миллиарднымъ убыткамъ для страны и государства могутъ вести эти періодическія конвульсіи народнаго гнѣва? Не ясно ли, что вопросъ о возможности устраненія этой ненависти массы, этой глубокой розни среди населенія обширнаго края, объ установленіи внутренняго мира въ средѣ населенія безъ содѣйствія вооруженной силы и магическаго патріархальнаго жезла, что этотъ вопросъ для южной Россіи выдвигается на передній планъ у требуетъ искренняго и нелицепріятнаго изслѣдованія sine irae et studio.

Можно все сдѣлать посредствомъ штыковъ, сказалъ Талейранъ, лишь усѣсться на нихъ невозможно, а еврейское населеніе южной Россіи въ настоящее время сидитъ на штыкахъ. Нормально ли это и насколько надежно—ясно само собою. Необходимо позаботиться о другой подпорѣ. Въ этомъ нынѣ и заключается важнѣйшая сторона еврейскаго вопроса: какимъ средствомъ достичь уничтоженія розни между еврействомъ и остальнымъ населеніемъ и устранить возможность повторенія печальныхъ волненій 1881 года? Юдофилы и юдофобы предлагаютъ свои рѣшенія. Прежде всего посмотримъ внимательнѣе на эти рѣшенія и разберемъ доводы и мнѣнія обѣихъ сторонъ.

I.

Причина анти-еврейскаго движенія, по объясненію юдофобовъ, лежитъ въ безпощадной эксплуатаціи, которою евреи раззоряютъ населеніе края. Хищники-эксплуататоры по природѣ и профессіи, высасывающіе послѣднее достояніе крестьянина, опутывающіе его мошенническими сдѣлками и закабаляющіе его въ экономическое рабство, тягчайшее, нежели недавно отмѣненное рабство легальное, евреи должны сами на себя пенять, если

вселили такую всеобщую къ себѣ ненависть южнорусскаго населенія. Виноваты въ анти-еврейскомъ движеніи сами евреи; поэтому, противъ нихъ же должны быть приняты болѣе или менѣе рѣшительныя мѣры съ цѣлью по возможности парализовать ихъ вредную и пагубную дѣятельность, охранить отъ нихъ населеніе края и тѣмъ самымъ ихъ самихъ охранить отъ населенія. Такова аргументація юдофобовъ, не лишенная своей логики. Еслибы возможно было охранить населеніе отъ раззоренія и эксплуатаціи, то этимъ самымъ евреи были бы самымъ надежнѣйшимъ способомъ охранены отъ новыхъ вспышекъ народной ненависти, край—отъ потрясеній и безпорядковъ, народъ и государство—отъ убытковъ и потерь. Я ничего не имѣю противъ такой постановки вопроса, но посмотримъ, какими мѣрами полагаютъ господа юдофобы охранить населеніе отъ «жидовской» эксплуатаціи? Наши юдофобы (какъ и нѣмецкіе) питаютъ твердую вѣру въ цѣлительность и всемогущество репрессіи и вообще разныхъ административныхъ мѣропріятій. И въ данномъ случаѣ, ими ничего другого не измышлено. Законодательныя ограниченія сферы дѣятельности евреевъ, а какъ болѣе радикальное средство ихъ выселеніе изъ Россіи (быть можетъ, водвореніе административнымъ порядкомъ?) — таково резюме программы, рекомендуемой юдофобами.

Херсонскіе юдофобы предлагаютъ воспретить евреямъ пріобрѣтать недвижимую земельную собственность, но они забываютъ (или не знаютъ), что въ Кіевской губерніи это запрещеніе существуетъ, но ни мало не ослабило ни народной ненависти противъ евреевъ, ни активнаго анти-еврейскаго движенія весною 1881 года. Это воспрещеніе, стало быть, не охранило ни населеніе отъ евреевъ, ни евреевъ отъ населенія. Другіе желаютъ воспретить евреямъ торговлю спиртными напитками и содержаніе питейныхъ заведеній, но этого рода занятія не дозволяются евреямъ внѣ района ихъ постояннаго мѣстожительства, а сцены насилія надъ евреями вышли изъ границъ этого района всюду, гдѣ еврейское населеніе было достаточно численно. Слѣдовательно, и эта мѣра (болѣе нежели на половину уже примѣненная въ видѣ запрещенія евреямъ торговать спиртными напитками не въ собственномъ домѣ) не спасла края отъ безпорядковъ, не устранила эксплуатаціи и ненависти. Эти примѣры предлагаемыхъ мѣропріятій обрисовываютъ въ достаточной степени общій характеръ программы юдофобовъ, которая вся сводится къ законодательному ограниченію мѣста жительства евреевъ и сферы ихъ дѣятельности. Не трудно сообразить, что всѣ эти ограниченія и недѣйствительны практически (такъ какъ всегда легко обходятся евреями) и нераціональны (потому, что не достигли бы цѣли и въ случаѣ ихъ строжайшаго примѣненія). Эта система законодательныхъ ограниченій сферы дѣятельности и мѣста жительства евреевъ практикуется не со вчерашняго дня, и до сихъ не могла предупредить ни «жидовской»

эксплуатаціи, ни сценъ насилія и раззоренія 1871 — 1881 годовъ. Послѣ этого вѣкового опыта какъ-то наивно ожидать манны небесной отъ его продолженія. Ничего этими репрессаліями не было предупреждено, ни ограждено; ничего и не будетъ предупреждено или охранено. Ограниченіе сферы дѣятельности евреевъ даже не влечетъ за собою устраненія евреевъ отъ отрасли національной дѣятельности, изъ которой законъ желаетъ ихъ изгнать. Являются подставные предприниматели и собственники изъ христіанъ, и больше ничего. Эти замѣстители набираются изъ всякаго отребья sans foi ni loi, да къ тому же связываются и спутываются по рукамъ и ногамъ разными обязательствами и сдѣлками, вполнѣ обезпечивающими дѣйствительному собственнику предпріятія безусловное повиновеніе фиктивныхъ, служащихъ лишь ширмою для дѣятельности евреевъ въ сферѣ, легально имъ недоступной. Создавая такимъ образомъ классъ тунеядцевъ, продающихся за кредитку на все, законодательная репрессія вдобавокъ дѣйствительно устраняетъ болѣе честныхъ евреевъ, передавая такимъ образомъ извѣстную отрасль національной дѣятельности, которую желали охранить отъ «жидовской эксплуатаціи» въ руки самаго отребья между евреями, наименѣе нравственной, наименѣе стѣсняющейся въ своихъ безчестныхъ продѣлкахъ части еврейства. Къ тому же эти легальныя ограниченія, устраняя съ одной стороны конкурренцію, а съ другой увеличивая стоимость предпріятія и внося въ него извѣстную долю риска, заставляютъ предпринимателя и дозволяютъ ему возвышать процентъ выручки въ ущербъ, конечно, остальному населенію. Игра за чужою спиною допускаетъ такъ же рисковать болѣе смѣлыми мошенничествами. Словомъ, съ какой стороны ни посмотрѣть, законодательное ограниченіе сферы дѣятельности евреевъ не можетъ достичь преслѣдуемой имъ цѣли. Оно стремится устранить евреевъ отъ нѣкоторыхъ отраслей національнаго хозяйства, почитая ихъ участіе здѣсь вреднымъ; чего же оно достигаетъ?—1) Оно евреевъ не устраняетъ; 2) создаетъ классъ изъ христіанъ, предающихся тунеядству и готовыхъ продаться за-грошъ; 3) передаетъ именно эту отрасль дѣятельности въ руки самой безчестной и безнравственной части еврейства; 4) уменьшаетъ конкурренцію въ этой отрасли со всѣми вредными послѣдствіями такого нарушенія естественнаго экономическаго равновѣсія; 5) увеличиваетъ стоимость предпріятія и вводитъ въ него элементъ риска; 6) по всѣмъ этимъ причинамъ возвышается чистый доходъ предпріятія въ ущербъ производителямъ и потребителямъ и 7) облегчаетъ всякія мошенническія продѣлки и гешефты, слѣдовательно, не достигая поставленной цѣли, приводитъ къ совершенно обратному. Таковы очевидныя послѣдствія всякихъ легальныхъ ограниченій сферы дѣятельности евреевъ. Они нетолько не устраняютъ еврейской эксплуатаціи, противъ которой призваны бороться, но усиливаютъ ее и

даже могутъ породить ее въ такой мѣрѣ и степени, въ какой безъ этого она была бы немыслима.

Нельзя не обратить также вниманія и на другую сторону этихъ ограниченій, именно на то нравственное вліяніе, которое они должны имѣть на евреевъ, питая ихъ отчужденность и замкнутость, ихъ самовыдѣленіе изъ прочаго населенія, самовыдѣленіе, выражающееся въ тѣхъ жесткихъ и антипатичныхъ формахъ, которыя такъ сильно содѣйствуютъ общей непріязни къ евреямъ. Еврейское безсердечіе по отношенію къ ближнему изъ не-евреевъ, еврейская спѣсь передъ слабѣйшимъ, еврейская безцеремонность и неделикатность въ общежитіи, особенно ярко бросающаяся въ глаза въ вагонахъ, на пароходахъ и проч., всѣ эти особенности, присущія значительному большинству южно-русскаго и западно-русскаго еврейства, постоянно питающія общую антипатію къ нимъ населенія, сами съ своей стороны до нѣкоторой степени питаются всякими легальными выдѣленіями евреевъ изъ общей массы полноправныхъ обывателей. Я не хочу сказать, чтобы въ этомъ легальномъ ограниченіи еврейскихъ правъ былъ ключъ и разгадка всѣхъ еврейскихъ недостатковъ и всѣхъ невзгодъ, которыя они сами переносятъ и другихъ заставляютъ переносить, но несомнѣнно, что отчужденность отъ прочаго населенія и замкнутость въ своей средѣ, являясь главными причинами означенныхъ явленій, до нѣкоторой степени питаются впечатлѣніями, оставляемыми въ душѣ каждаго еврея его неполноправностью сравнительно съ сосѣдомъ не-евреемъ. Эти замѣчанія равно относятся ко всякимъ ограниченіямъ еврейскихъ правъ, къ стѣсненію сферы ихъ легальной дѣятельности и къ воспрещенію жительства въ значительной части имперіи, но это послѣднее, конечно, имѣетъ и свое специфическое вліяніе. Любимѣйшее дѣтище гг. юдофобовъ, оно по своему значенію для разрѣшенія еврейскаго вопроса имѣетъ такое же обратное вліяніе на жизнь, какъ и другое ихъ изобрѣтеніе—ограниченіе сферы дѣятельности.

Цѣль этихъ ограниченій—оградить отъ «жидовской эксплуатаціи» остальныя мѣстности имперіи, еще будто бы отъ нея свободныя. Я не буду вдаваться въ разсужденія о томъ, насколько мѣстные національные «чумазые въ поддевкѣ» успѣшно замѣняютъ южныхъ «чумазыхъ въ лапсердакѣ», хотя на этомъ полѣ повидимому можно бы было собрать много цвѣтовъ и ягодъ; я ограничусь лишь вопросомъ, насколько эти мѣры препятствуютъ именно евреямъ-эксплуататорамъ проникать за предѣлы ихъ постояннаго мѣстожительства? Извѣстно, что областью ихъ постояннаго мѣстожительства состоитъ по закону западная часть имперіи, приблизительно на западъ отъ Днѣпра, такъ какъ къ В. отъ нашей великой исторической рѣки лишь губерніи Могилевская, Екатеринославская и Таврическая входятъ въ этотъ районъ. Во всей остальной части Европейской Россіи дозволено жить лишь евреямъ, которые кончили курсъ высшаго учебнаго

заведенія, платятъ купеческія гильдіи перваго разряда, и ремесленникамъ, а равно ихъ семьямъ, прислугѣ и прикащикамъ. Я не знаю, почему предполагается, что спеціально купцы 2-й гильдіи и мелочные торговцы являются представителями наиболѣе вредной эксплуатаціи? почему полагать, что купецъ 1-й гильдіи съ цѣлою ордою прикащиковъ (евреевъ или христіанъ) не можетъ стать «піявкою края», не можетъ опутать и высосать населеніе? Но двери эксплуатаціи открываются далеко не съ этой одной стороны. Подъ видомъ ремесленниковъ проникаетъ и всегда будетъ проникать масса евреевъ, предметъ занятій которыхъ вовсе не ремесло, а мелкая торговля, факторство, маклерство, ростовщичество, шинкарство, а также и разныя уже прямо противузаконныя спеціальности (конокрадство, укрывательство, сводничество и проч.) Губерніи, сосѣднія мѣсту постоянной осѣдлости евреевъ, уже заключаютъ въ себѣ весьма значительный % еврейскаго населенія, проникшаго въ качествѣ псевдо-ремесленниковъ или псевдо-прикащиковъ купцовъ 1-й гильдіи и занимающагося тѣми же профессіями, какъ и на западъ отъ Днѣпра. Наиболѣе сгустившись въ мѣстахъ, ближайшихъ къ своей постоянной осѣдлости, еврейство шагъ за шагомъ проникаетъ все дальше и дальше на В. и С. Въ Орловской, напримѣръ, губерніи такъ же, какъ и въ Курской, евреи оказываются уже довольно численны; они проникли уже за Москву и за Волгу и съ каждымъ годомъ ихъ приливъ усиливается. Ограниченія ничего и никого не сдерживаютъ, но что же они производятъ? 1) Доставляютъ богатую жатву низшей полиціи въ видѣ обложенія сборомъ не законно проживающихъ подъ фиктивными предлогами евреевъ (прочтите по этому поводу письмо изъ Смоленска г. Энгельгардта въ «Отеч. Зап.»); 2) придаютъ еврейскимъ занятіямъ, хотя бы самымъ безвреднымъ, характеръ «необезопашенной промышленности», открытой хищничеству каждаго добровольца; 3) пропускаютъ въ страну скорѣе безчестныхъ и безнравственныхъ представителей еврейства, удерживая болѣе порядочныхъ перспективою незаконныхъ сдѣлокъ и проч.; 4) уменьшаютъ конкурренцію въ данной отрасли промышленности; 5) понуждаютъ евреевъ выходить на незаконный путь, а этотъ путь, какъ извѣстно, есть очень скользкая наклонная площадь, ведущая отъ преступленія къ преступленію; вообще же не ставятъ серьёзной преграды еврейской эксплуатаціи проникать въ глубь по закону заповѣдныхъ ею земель и, даже быть можетъ, нѣсколько ослабляя ее количественно, возвышаютъ качественно. Все это уже вполнѣ обнаружилось въ ближайшихъ къ постоянной осѣдлости еврея губерніяхъ, гдѣ поэтому и антиеврейское движеніе нашло себѣ богато подготовленную почву. Въ другихъ мѣстностяхъ, куда едва успѣли проникнуть лишь еврейскіе піонеры, это не такъ замѣтно, но глазъ опытнаго и образованнаго наблюдателя уже способенъ и здѣсь различить тѣ же явленія. Прочтите въ «Недѣлѣ» письма г. Португалова о евреяхъ въ Самарѣ. «Жидъ

идетъ», кричатъ юдофобы, и бьютъ набатъ; да, господа, онъ идетъ, несмотря и вопреки всѣмъ вашимъ запретамъ и ограниченіямъ. Болѣе того, онъ идетъ такимъ, какимъ вы его изображаете, въ значительной степени именно благодаря этимъ излюбленнымъ вами запретамъ и ограниченіямъ. Жида-эксплуататора, жида-мошенника и пролаза, готоваго на все и вся, вы не удерживаете и онъ свободно проходитъ сквозь всѣ ваши заборы и баррикады; болѣе честное же еврейство дѣйствительно остается за бортомъ; но, чувствующее себя угнетеннымъ, бѣдное отъ скученности и неимѣнія поприща для дѣятельности, невѣжественное отъ бѣдности и фанатизированное угнетеніемъ, бѣдностью и скученностью, оно представляетъ лучшую опору для жида-эксплуататора, его запасную армію, резервъ. Я опять-таки не желаю преувеличить вредное вліяніе законодательныхъ ограниченій. Не они произвели фанатизмъ, замкнутость и отчужденность, эти три фуріи еврейства, но они благопріятствуютъ ихъ долголѣтію и процвѣтанію. Я не хочу сказать, чтобы съ ними исчезли эти явленія, потому что они частью быть можетъ будутъ слабѣть, частью лишь не усиливаться.

Какъ бы то ни было, но одно несомнѣнно, что законодательныя ограниченія сферы дѣятельности и мѣстожительства еврея нимало не достигаютъ преслѣдуемой цѣли. Они не устраняютъ евреевъ ни отъ единой отрасли дѣятельности, которою они пожелали бы овладѣть, ни изъ единой мѣстности, куда они пожелали бы проникнуть, но за то на самой этой дѣятельности отражаются многими вредными послѣдствіями и вообще нарушаютъ нормальное экономическое равновѣсіе хозяйства страны. И такъ, первое излюбленное дѣтище нашихъ юдофобовъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики; никакими законодательными репрессіями противъ евреевъ нельзя ослабить тѣ стороны еврейской дѣятельности, которыя, по заявленію юдофобовъ, и составляютъ истинную причину анти-еврейскаго движенія и народной ненависти. Самымъ искреннимъ образомъ становясь на точку зрѣнія юдофобовъ, оказывается невозможнымъ одобрить ихъ программу. «Жидъ виноватъ самъ, говорите вы, и его безчеловѣчная эксплуатація»; пусть такъ, но законодательная репрессія, которую вы рекомендуете, безсильна противъ него и способна лишь усугубить зло, какъ это ясно изъ предъидущаго изложенія и изъ вѣковаго опыта репрессіи.

Репрессія безполезна и даже вредна, усугубляя зло, но быть можетъ другая мечта юдофобовъ, *массовое выселеніе евреевъ*, достойна вниманія? Испанія зазываетъ евреевъ къ себѣ и испанскій посланникъ въ Константинополѣ, повидимому, серьёзно озабоченъ этимъ вопросомъ; подняты толки о выселеніи въ Америку и снова выплыли химерные планы выселенія въ Палестину. Впрочемъ, по своей сущности, эти палестинскіе прожекты вовсе не химернѣе всѣхъ остальныхъ, которые всѣ равно вздорны и несбыточны. Прошло и прошло безвозвратно время великаго пе-

реселенія народовъ и прошло оно потому, что экономическая жизнь осложнилась до послѣдней степени и нынѣ въ цивилизованныхъ странахъ, самыхъ свободныхъ политически, люди уже не господа самимъ себѣ; они только винтики, гаечки, зубцы обширно-сложной машины. Имъ нѣтъ мѣста внѣ этой машины и машинѣ нѣтъ хода безъ нихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ намѣтилось раздѣленіе труда отъ капитала и капиталъ занялъ самостоятельное мѣсто въ экономической жизни страны, отдѣльное переселеніе одного изъ факторовъ производства стало крайне затруднительнымъ, почти невозможнымъ. Когда капиталъ по своей незначительности и по другимъ причинамъ еще не выдѣлялся, то переселяющееся населеніе небходимо переносило съ собою вполнѣ соотвѣтствующія другъ другу количества труда и капитала, да и перенесеніе капитала, заключавшагося въ ручныхъ орудіяхъ, сбереженіяхъ и запасахъ, скотѣ и пр. было не затруднительно. Нынѣ самый характеръ помѣщенія капитала (фабрики, заводы, банки, факторіи и пр.), а главнымъ образомъ его обособленіе отъ труда устанавливаютъ мѣстное экономическое равновѣсіе страны, очень неустойчивое, но крайне необходимое для развитія и благосостоянія страны. Ни количество труда, ни количество капитала не могутъ быть безнаказанно значительно измѣнены; такія измѣненія вызываютъ теперь страшные и пагубные экономическіе кризисы. Отношенія эти могутъ лишь сравнительно медленно мѣняться. Я говорю, конечно, о величинѣ капитала, затраченнаго въ промышленность и торговлю, а не растрачиваемаго на удовольствія и роскошь. Сообразно быстротѣ наростанія капитала и населенія въ разныхъ странахъ происходитъ и медленное переселеніе этихъ элементовъ. Такъ въ Америкѣ капиталъ возрастаетъ быстрѣе, нежели населеніе и вотъ мы видимъ туда постоянные и правильные приливы населенія (труда), особенно изъ странъ, какъ Германія и Ирландія, гдѣ туземный капиталъ оказывается недостаточенъ для содержанія населенія. Въ Ирландіи недостаточность капитала обнаруживается преимущественно вслѣдствіе того, что громадные доходы ирландскихъ землевладѣльцевъ выносятся изъ страны и растрачиваются для нея непроизводительно, въ Германіи же, главнымъ образомъ, вслѣдствіе громадныхъ жертвъ на поддержаніе политическаго могущества. У насъ въ Россіи тоже туземный капиталъ не достаточенъ, но у насъ это вызываетъ не выселеніе населенія, а вселеніе капитала. Иностранные капиталы приливаютъ въ Россію, находя помѣщеніе въ желѣзныхъ дорогахъ и другихъ предпріятіяхъ. Можно ли при этомъ положеніи дѣлъ говорить о выселеніи еврейскихъ капиталовъ? Говоря доселѣ о переселеніи капитала и населенія въ Америкѣ, Ирландіи, Германіи и Россіи, мы имѣли въ виду *свободные* капиталы и *свободныя* руки, т. е. излишекъ капитала въ одной странѣ, излишекъ населенія въ другой. И такое передвиженіе лишь *прироста* капитала и населенія управляется довольно сложными экономиче-

скими законами, съ которыми должно считаться и нарушать которые безнаказанно не дозволяется. Тѣмъ сложнѣе случай передвиженія несвободнаго капитала, уже помѣщеннаго въ предпріятіяхъ страны. Я говорю не о частномъ перемѣщеніи, когда переселяется капиталистъ, капиталъ замѣщается другимъ, а увозимое капиталистомъ реализованное имущество и есть, быть можетъ, тотъ приростъ общаго капитала страны, который можетъ быть освобожденъ безъ ущерба для общей экономіи страны. Не объ этомъ частномъ случаѣ идетъ рѣчь, а о ликвидаціи и реализаціи значительной части капитала страны, по-просту говоря о прекращеніи и сокращеніи нѣкоторыхъ отраслей торговли и производства. Полагать, что это осуществимо, что возможно ликвидировать значительную часть капитала, затраченнаго въ торговлю и промышленность обширной страны, химера, по своей абсурдности равная лишь невѣжеству нашихъ охранителей, ее изобрѣвшихъ. Переселяться можетъ и постоянно переселяется, какъ мы видѣли, лишь свободный приростъ капитала, какъ и приростъ населенія, но перенести затраченный въ торговлю и промышленность капиталъ невозможно безъ самой ужасной торгово-промышленной катастрофы, безъ одинаково общаго банкротства переселенныхъ капиталистовъ и покидаемой ими страны. Ясно, поэтому, что переселеніе еврейскаго капитала и евреевъ, имъ пользующихся для эксплуатаціи населенія, невозможно безъ экономическаго бѣдствія, имѣющаго неизбѣжно постигнуть обѣ стороны, уходящую и остающуюся. Итакъ, вопросъ сводится къ евреямъ-пролетаріямъ, которыхъ такъ много въ западномъ краѣ, но вѣдь не эти обездоленные и отощалые пауперы эксплуатируютъ населеніе! По скольку они представляютъ изъ себя физическій трудъ, простымъ рабочимъ рукамъ ихъ и у насъ, и при томъ именно на мало населенныхъ территоріяхъ Восточной Россіи или на фабрикахъ подмосковья тоже нашлось бы дѣло; по скольку же (къ сожалѣнію, большею частью) они кормятся лишь, служа плутнямъ и затѣямъ своихъ старшихъ единоплеменниковъ, по стольку они нигдѣ себѣ не найдутъ мѣста и уже потому выселяться не могутъ.

Словомъ, экономически неосуществимо массовое переселеніе евреевъ просто уже по причинѣ сложности современной экономической жизни. Выселеніе мало что невозможно, но еслибы и стало возможнымъ, оказалось бы невыгоднымъ. Очевидно, поэтому, что никакія зазыванія Испаніи, никакіе прожекты, никакія приглашенія неспособны вызвать сколько-нибудь значительнаго массоваго переселенія евреевъ. Добровольно (въ сколько-нибудь значительномъ числѣ) они не поѣдутъ; не употребить ли насиліе? Я останавливаюсь передъ этимъ вопросомъ, хотя я не увѣренъ въ мысляхъ подобныхъ охранителей по этому поводу. Они такіе охотники до всякаго рода выдвиженій и высылокъ по усмотрѣнію администраціи. Къ сожалѣнію, господа, бываетъ предѣлъ даже административному усмо-

тренію. Я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что военный генералъ или даже простой полицейскій чинъ можетъ арестовать и выслать по этапу, пожалуй, даже цѣлое населеніе края, но ликвидировать фабрики и заводы, банки и торговые дома, занять массу рабочихъ, прокормить семьи, снабдить потребителей товарами, производителей—сбытомъ, это, увы, внѣ власти даже военнаго генерала и дерзко не подчиняется даже полицейской компетенціи. Альба въ Нидерландахъ въ XVI столѣтіи, во времена гораздо болѣе простыхъ экономическихъ отношеній, уже пытался однажды водворить полицейскую компетенцію въ экономической сферѣ и заставить экономическія явленія сообразоваться съ дневными приказами чрезвычайной военной администраціи. Ужасное fiasco (стоившее, однако, раззоренія страны) постигло непобѣдимаго и мужественнаго генерала. Непреклонный герцогъ, никогда не отступавшій съ поля сраженія, съ позоромъ ретировался передъ силою экономическаго закона. Я не ожидаю появленія новаго Альбы въ Россіи (хотя, конечно, отечество наше имѣетъ не мало не менѣе мужественныхъ и непреклонныхъ генераловъ), но еслибы даже заклинанія господъ юдофобовъ и возродили у насъ опытъ покойнаго испанскаго гранда, этого прототипа и образца всякаго ультраохранительнаго администратора, то не трудно было бы предсказать исходъ этого опыта: край понесъ бы милліарды убытковъ, а храбрый генералъ потерялъ бы мѣсто, не успѣвши довести до конца завѣтной мечты. Да, господа, на этой почвѣ законодательной репрессіи и административнаго усмотрѣнія, «жидъ» непобѣдимъ; за нимъ стоитъ сила экономическаго закона, ослушнаго военной администраціи и непобѣдимаго полицейскими мѣропріятіями. Ваша программа, господа юдофобы, никуда не годится даже съ вашей точки зрѣнія. Эта программа не годится для борьбы съ эксплуатаціею; она не оградитъ населеніе отъ евреевъ, не оградитъ и евреевъ отъ населенія, не устранитъ розни и не застрахуетъ отъ повторенія печальныхъ сценъ 1881 г. Да что толковать о томъ, что она способна сдѣлать въ будущемъ, когда прошедшее и настоящее системы репрессій—передъ нами. Въ той или другой формѣ эта система репрессалій по отношенію къ евреямъ была всегда и есть доселѣ закономъ нашего государства; въ болѣе или менѣе мягкомъ или суровомъ видѣ, она примѣнялась у насъ всегда и примѣняется теперь.

Ея результаты на лицо: она никого и ничего не ограждала, ничего и никогда не предупреждала, никогда и нигдѣ не оказалась дѣйствительною.

Таковы сущность, значеніе и цѣлесообразность программы юдофобовъ. Обратимся теперь къ ихъ противникамъ, къ юдофиламъ и ихъ мнѣніямъ.

II.

Если юдофобы удивляютъ наблюдателя лишь дерзостью, съ которою круглое невѣжество берется судить и рядить о сложныхъ экономическихъ и общественнымъ вопросахъ, то съ другой стороны воззрѣнія юдофиловъ съ перваго шага поражаютъ своею полною безпочвенностью и неискренностью, сквозящею въ большей части юдофильскихъ медитацій. Еврейство заслужило всеобщую народную ненависть; эта ненависть едва сдерживается физическою силою и порою, несмотря на всѣ препятствія и преграды, прорывается наружу бурными, безобразными по формѣ, печальными по послѣдствіямъ взрывами. Причины этой ненависти должны лежать глубоко въ душѣ народа и питаться постоянными и могущественными явленіями, а господа юдофилы закрываютъ глаза на эти явленія и, знай себѣ, ведутъ канитель лишь объ угнетеніи евреевъ! Какъ будто то обстоятельство, что евреи угнетены, можетъ вызвать противъ нихъ гнѣвъ народа, скоплять его въ такихъ размѣрахъ, питать его такъ постоянно и безпрерывно! Конечно, юдофилы должны чувствовать, что сколько ни закрывай они глаза сами, этимъ они не закроютъ глаза обществу, которое не можетъ не видѣть народной ненависти, которое, какъ кость отъ костей народа, плоть отъ плоти его, не можетъ и само не испытывать отраженнаго вліянія народныхъ чувствъ. Завязать рану мишурными тряпками поддѣльнаго либерализма еще не значитъ вылечить; а леченіе и леченіе радикальное крайне настоятельно, хотя бы не въ интересахъ народа, но ради избавленія самихъ евреевъ отъ повторенія безобразныхъ сценъ 1871 и 1881 гг. Ясно, что необходимо болѣе многостороннее разсмотрѣніе вопроса, нежели то, которому подвергаютъ его юдофилы; ясно, что угнетеніемъ евреевъ движеніе 1881 г. не объясняется. Чувствуя сами недостаточность этого объясненія вопроса, юдофилы стараются дополнить его разными второстепенными, которыя тоже тщательно и со стараніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, стремятся отыскать непремѣнно въ христіанскомъ населеніи края. Средневѣковые предразсудки противъ евреевъ, невѣжество толпы, національная и религіозная нетерпимость, нападки юдофобовъ, обманъ массы ловкими мошенниками, преимущественно конкуррентами по торговлѣ и промысламъ (въ Одессѣ — греками, въ Кіевѣ — москвичами), наконецъ, даже подстрекательства со стороны революціонеровъ, все это нагромождено юдофилами для того, чтобы объяснить антиеврейское движеніе. О подстрекательствѣ, какъ со стороны революціонеровъ, такъ и конкуррентовъ, должно сказать, что, вопервыхъ, слѣдствіе его не обнаружило, а прокуратура прямо даже отвергала его существованіе, а, во-вторыхъ, еслибы даже и было

доказано подстрекательство, то надо помнить, что само подстрекательство должно опираться на готовое настроеніе. И весь вопросъ въ этомъ настроеніи; его-то стараются юдофилы объяснить средневѣковыми традиціями и нетерпимостью невѣжества.

Въ Малороссіи несомнѣнно могли бы сохраниться въ народѣ глубокія историческія традиціи ненависти къ евреямъ. Во время оно, кагда панувала и сеймувала на Украинѣ Рѣчь Посполитая, когда шумѣли и безчинствовали конфедераціи, и польскіе паны были господами и полновластными заправителями судебъ порабощенной страны и народа, тогда евреи служили въ рукахъ господствующаго шляхетства ужаснымъ орудіемъ гнета. Сами поставленные въ совершенно нечеловѣчески уничиженныя отношенія къ вельможному и ясновельможному панству, евреи служили этому панству губкой, которая должна была высасывать соки изъ хлопства, но, напитавшись, сдавленная властною рукою пана, наполняла питательными соками дырявые карманы его милости. Народъ изнывалъ подъ тройнымъ гнетомъ ксендза, пана и жида; хотя для жида, угнетеннаго и униженнаго до послѣдней степени, не было другого выхода, но совершенно естественно, что народъ не разбиралъ этого, да и извѣстная спѣсивость этого загнаннаго лапсердака передъ угрюмою, гнѣвною, но сдержанною сѣрою свиткою, только еще болѣе питала этотъ гнѣвъ и не позволяла свиткѣ выдѣлять жида изъ рядовъ своихъ ненавистныхъ угнетателей. Сѣрая свитка угрюмо молчала, смотрѣла изъ-подлобья, накопляла въ сердцѣ гнѣвъ и ненависть и въ короткіе моменты своего торжества купалась въ крови своихъ недруговъ, грѣлась на пожарищѣ, истреблявшемъ ихъ имущество. Сдержанный гнѣвъ долгихъ періодовъ гнета и злой разгулъ ненависти короткихъ промежутковъ торжества одинаково складывали въ душѣ малорусскаго племени традиціи ненависти къ еврейству, полонизму и католичеству. «Ляхъ, жидъ, собака— віра однака» стало символомъ вѣры упрямаго и неуступчиваго хохла. Все это было такъ недавно, коррелятивныя традиціи шляхетства такъ ясно доказали свою живучесть, что было бы не удивительно, еслибы и историческія традиціи малорусскаго населенія, выразившіяся въ вѣковой враждѣ съ ляхомъ, жидомъ и католикомъ, не успѣли еще заглохнуть подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ условій. Многовѣковая неправда не такъ скоро забывается и народное сердце, израненное и изъязвленное этою неправдою, долго и свято хранитъ завѣтъ вражды, преподанный отъ предковъ. Я бы не удивился поэтому, еслибы въ движеніи 1881 года проявилась историческая традиція старой вражды хохла и жида, и я, надо сознаться, былъ крайне изумленъ, когда самое внимательное чтеніе всѣхъ извѣстій объ анти-еврейскомъ движеніи ни мало не обнаружило этой традиціи. Надо не забывать тотъ обще-историческій законъ, что традиціонное движеніе въ томъ случаѣ, когда оно питается исключительно традиціею (а не имѣетъ также корней и въ условіяхъ современной жизни),

всегда проявляется въ традиціонныхъ органическихъ формахъ и и обстановкѣ. Плодъ историческаго переживанія, питающееся исключительно преданіемъ, оторванное отъ современности, абсолютно не критическое, традиціонное движеніе всегда и всюду стереотипно. Если движеніе обязано своимъ проявленіемъ только традиціи, преданію, то оно не можетъ ни захватить группы населенія, чуждыя традиціи, ни направиться противъ не тѣхъ группъ населенія, противъ которыхъ оно въ эпоху своей жизненности всегда направлялось. Этотъ неоспоримый историческій законъ должно помнить при обсужденіи характера нынѣшняго анти-еврейскаго движенія на югѣ Россіи, при опредѣленіи роли и значенія традицій малорусскаго племени. Еслибы оно было *исключительно* традиціонное и не имѣло корней въ современныхъ условіяхъ быта, оно должно бы было 1) ограничиться малорусскимъ племенемъ и 2) направиться противъ евреевъ и поляковъ единовременно, противъ синагогъ и костеловъ съ одинаковою силою. Въ высшей степени замѣчательно, что мы не видимъ ни того, ни другого. Синагоги разбиты, костелы свято сбережены; евреи раззорены, поляки же взяты въ союзники и разбивали евреевъ вмѣстѣ съ малороссіянами; великороссіяне, нѣмцы, молдованы и греки приняли тоже одинаково дѣятельное участіе въ анти-еврейскомъ походѣ народной массы. Наконецъ, движеніе сказалось не въ одной Малороссіи, но и въ Польшѣ и частью и на Великой Руси. Все это достаточно краснорѣчиво доказываетъ, что традиція въ движеніи 1881 года играетъ ничтожную роль, если только играетъ какую-либо. Движеніе 1881 года порождено, стало-быть, не преданіемъ и традиціей староукраинской гайдамачины, а условіями современной жизни, которыя и играютъ главную роль и должны быть опредѣлены.

Если же историческія традиціи не весьма отдаленныхъ временъ Рѣчи Посполитой и украинскихъ возстаній не обнаружились сколько-нибудь замѣтно въ анти-еврейскомъ движеніи, то что сказать о попыткѣ объяснить его средневѣковыми преданіями, отъ которыхъ мы отдѣлены многими столѣтіями и которыя вдобавокъ суть болѣе преданія католической Европы и весьма мало наши? За симъ, сами собою падаютъ и побочныя объясненія нетерпимостью религіозной и національной. Русскій народъ вездѣ и всегда обнаруживалъ столько терпимости ко всякаго рода національностямъ и религіямъ, что было бы вполнѣ непонятно рѣзкое исключеніе въ его отношеніяхъ къ еврею. Тутъ же рядомъ съ нимъ онъ высказываетъ столько терпимости живущему среди него поляку и нѣмцу, молдовану и греку, татарину и болгарину, даже единовѣрцу еврея караиму. Всѣ эти народности уживаются между собою и не уживаются только съ евреемъ, но за то съ нимъ не уживаются всѣ. Ссылаются, наконецъ, юдофилы еще и на невѣжество толпы. Невѣжество, конечно, важный факторъ во всякомъ подобномъ движеніи. Но въ томъ случаѣ, когда вражда

упорно сказывается въ одномъ и томъ же направленіи, когда всѣ народности и племена, мирно уживаясь другъ съ другомъ, сходятся въ непріязни къ евреямъ, кто же повѣритъ, что всему причиною одно лишь невѣжество? Невѣжество толпы производитъ грубость инстинктовъ, а эта грубость выливаетъ непріязнь и вражду въ безобразную и нецѣлесообразную форму, которую движеніе анти-еврейское и приняло, но причины непріязни, очевидно, въ другомъ мѣстѣ. Словомъ, всѣ объясненія господъ юдофиловъ, а именно—угнетенное и неполноправное состояніе евреевъ, историческія традиціи вражды малорусскаго народа, средневѣковые предразсудки, нетерпимость національная и религіозная, невѣжество толпы, постороннее подстрекательство—всѣ они ни порознь, ни вмѣстѣ взятыя, ничего не объясняютъ или очень мало въ движеніи 1871 и 1881 годовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ пригодны для объясненія несущественныхъ деталей и аксессуаровъ движенія, способа проявленія и формы, въ которую вылилось анти-еврейское настроеніе, но причину этого настроенія, этой глубокой народной ненависти къ евреямъ, приходится искать не здѣсь. Это, кажется, очевидно послѣ всего вышеизложеннаго.

При такой ложной постановкѣ вопроса, не удивительно, что и рѣшеніе его оказывается вполнѣ неудовлетворительнымъ. Натурально, что и программа мѣръ по еврейскому вопросу, защищаемая юдофилами, опираясь на невѣрное пониманіе причинъ явленія, должна быть частью недостаточною, а частью просто недѣйствительною и къ дѣлу не идущею. Юдофилы желаютъ силою уголовной (а еще болѣе — административной) кары вывести массу изъ предполагаемаго ими обмана и заблужденія и выловить подстрекателей-конкуррентовъ; были поползновенія выставить врагами отечества и чуть ли не измѣнниками всѣхъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями.

Лучшіе изъ юдофиловъ, преимущественно образованные евреи, имѣютъ, однако, полное право требовать, чтобы ихъ не смѣшивали съ этими господами, такъ удачно мѣняющими костюмъ, смотря по сезону, взывающими то къ свободѣ, когда рѣчь идетъ о правахъ евреевъ, и къ полицейскимъ мѣропріятіямъ и всякимъ запретамъ, когда проявляется анти-еврейская критика, нетолько активная вражда. Несомнѣнно среди юдофиловъ далеко не всѣ принадлежатъ къ этому типу лицемѣровъ, а напротивъ, есть люди, вполнѣ достойные, искренно убѣжденные. Ради нихъ, отнюдь не ради хамелеоновъ-лицемѣровъ, я и вдался выше въ анализъ причинъ анти-еврейскаго движенія на югѣ и западѣ имперіи. Съ ними же я и думаю и теперь повести бесѣду. Сами принадлежа къ еврейскому племени, выйдя изъ его нѣдръ при помощи высшаго образованія и войдя въ кругъ общечеловѣческихъ идей и идеаловъ, эти искренніе и просвѣщенные юдофилы (я лично знаю нѣсколько такихъ), близко знаютъ бытъ еврейской массы, ея общественные и семейные обычаи и нравы, ея достоинства и недостатки. Они пом-

нять великія семейныя добрѣтели своихъ соплеменниковъ, ихъ высокіе подвиги самоотверженія и мужества въ охраненіи дорогой семьи, ихъ добросердечіе и пламенную вѣру, стойкость въ убѣжденіяхъ и безстрашную готовность пострадать за *своего* ближняго, за семью, за вѣру, за долгъ (сообразно, конечно, пониманію своему). Всѣ эти высокія доблести не эмансипированнаго еврея, бѣдняка жида, въ страшныхъ трудахъ и униженіяхъ снискивающаго себѣ и многочисленной семьѣ право влачить въ нищетѣ, грязи и невѣжествѣ убогую жизнь; всѣ эти картины высокихъ примѣровъ родительской и супружеской любви, самоотверженнаго исполненія долга, пламенной и непоколебимой преданности вѣрѣ и завѣтамъ предковъ, а съ другой стороны сцены нечеловѣческаго униженія, высокомѣрнаго и гнуснаго презрѣнія господъ, ненависти и зложелательства народа, угнетенія и притѣсненія начальства, всѣ эти контрасты и вопіющая неправда такого быта—вѣчно и живо стоятъ передъ очами просвѣщеннаго еврея, вышедшаго изъ нѣдръ бѣднаго и отверженнаго еврейства, которое съумѣло сквозь тысячелѣтія угнетенія пронести свято и сохранить въ сердцѣ искру божественнаго Прометеева огня; огня, къ сожалѣнію, погасшаго въ груди большинства короткополыхъ, эмансипированныхъ, отрекшихся отъ чесноку еврейчиковъ, столь размножившихся нынѣ въ большихъ городахъ нашего юга, и позаимствоваться которымъ у бѣдныхъ Ицка и Лейбы весьма не мѣшало бы и многимъ жидоѣдамъ изъ породы носящихъ фуражки съ околышками охранительныхъ цвѣтовъ. Проведя всю свою жизнь въ городахъ и селахъ южной Россіи, среди населенія, изобилующаго евреями, я самъ, несмотря на свое положеніе христіанина и дворянина, весьма мало содѣйствующее открытію души еврея-простолюдина, не однажды наталкивался на замѣчательно прекрасные типы среди этихъ простолюдиновъ-жидовъ въ долгополыхъ заплатанныхъ сюртукахъ и пейсахъ. Конечно, такіе ветхозаветные типы общечеловѣческой любви къ ближнему и правдѣ встрѣчаются среди еврейства, какъ и всюду, рѣдко, но по нимъ, мы, христіане, можемъ судить о среднемъ уровнѣ добродѣтели евреевъ-простолюдиновъ, уже недоступной нашему наблюденію, недоступной и глубоко западающей въ умъ и сердце каждому образованному еврею, вышедшему изъ этой среды. Есть въ настоящее время еще одно положеніе, гдѣ христіанинъ можетъ наблюдать сердце и душу презрѣннаго жида, обыкновенно для него наглухо закрытыя. Это положеніе присяжнаго засѣдателя. Здѣсь еврей является тоже судьей по совѣсти и долженъ обнаружить требованія и потаенные завѣты своей совѣсти передъ всѣми своими товарищами по суду. Здѣсь и мнѣ случалось наблюдать совѣсть еврея, столь мало доступную обыкновенно наблюденіямъ христіанина. Распространено мнѣніе, что евреи оправдываютъ своихъ единовѣрцевъ и склонны обвинять каждаго, обвиняемаго въ преступленіи, отъ котораго пострадалъ еврей. Къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, что это совершенно справедливо и соглас-

но съ моимъ наблюденіемъ относительно кургузаго эмансипированнаго еврейскаго пиджака, отрицающаго пейсы и чеснокъ, лепсердакъ и гнилую селедку. Эти жидки, вмѣстѣ съ пейсами, лепсердакомъ и чеснокомъ, успѣли освободиться и отъ всѣхъ традицій ветхозавѣтной совѣсти и правды, но столь же невѣжественные они не пріобрѣли взамѣнъ утраченнаго кодекса нравственнаго закона какія-либо новыя нравственныя воззрѣнія. Они являются на судъ совѣсти нагими, не прикрытыми даже фиговымъ листомъ и, въ своемъ невѣжествѣ, ни мало не стыдящимися этой нравственной и душевной наготы. Изъ еврейскихъ традицій они сохранили (потому что она выгодна и прибыльна) лишь одну: выручать каждаго еврея изъ бѣды. Они и выручаютъ, эти Моисеи Абрамовичи, Соломоны Леоновичи, Исааки Марковичи и пр. Не всегда такъ дѣйствуютъ, потому что, конечно, не такъ чувствуютъ долгополые съ пейсами Мошки, Лейбы и Срули. Относительно ихъ мои наблюденія въ качествѣ присяжнаго засѣдателя мнѣ многое уяснили. Конечно, нравственное предписаніе: «выручай своего», выработанное подъ вліяніемъ тысячелѣтняго гнета, въ нихъ тоже живо и въ ихъ отвѣтахъ не можетъ не сказываться, но для нихъ это — нравственное предписаніе, а не разсчетъ пользы, и, какъ всякое нравственное предписаніе, оно подчиняется другимъ, высшимъ нравственнымъ законамъ и входитъ въ комбинацію съ другими предписаніями. Если вы, въ качествѣ старшины присяжныхъ засѣдателей, собираете голоса, то вы не усомнитесь въ спокойной совѣсти или, вѣрнѣе, въ совершенномъ ея спокойствіи, когда короткополый еврей отвѣчаетъ «нѣтъ, не виновенъ», уличенному притонодержателю, конокраду-еврею или гнусному торговцу завлеченными обманомъ дѣвушками. Но вы остановитесь передъ молчаливымъ колебаніемъ и внутренней борьбой его долгополаго не эмансипированнаго единовѣрца. Если предварительныя пренія достаточно выяснили характеръ преступленія, то нерѣдко эта внутренняя борьба двухъ предписаній совѣсти кончается торжествомъ общечеловѣческаго элемента надъ узко-національнымъ. Эти замѣчанія относятся вообще къ не эмансипированнымъ евреямъ-присяжнымъ, но для нѣкоторыхъ изъ нихъ краски окажутся слабыми. Я особенно помню одного, истинно ветхозавѣтнаго патріарха, въ длинномъ потасканномъ сюртукѣ, съ длинною сѣдою бородою и съ строгимъ и вмѣстѣ добрымъ выраженіемъ стараго, но еще красиваго лица. Этотъ библейскій патріархъ относился къ выпавшимъ на его долю обязанностямъ судьи по совѣсти съ такою строгою добросовѣстностью, нелицепріятнымъ безпристрастіемъ и отсутствіемъ всякихъ національныхъ или религіозныхъ предпочтеній, съ такимъ благоговѣйнымъ сознаніемъ святости высокаго долга судить дѣла и совѣсть ближнихъ, что безъ всякаго сомнѣнія онъ заслуживалъ быть нашимъ безсмѣннымъ старшиною, еслибы всегда несправедливый къ евреямъ законъ дозволялъ его избраніе.

Вообще я вполнѣ соглашаюсь съ просвѣщенными юдофилами-евреями, что ихъ забитые и загнанные, униженные и оскорбленные единоплеменники хранятъ въ своихъ нѣдрахъ обильный запасъ добродѣтелей и достоинствъ, которыя при другихъ условіяхъ могли бы стать источникомъ блага для общества и страны, въ которыхъ проявились бы. Нынѣ же эти запасы лежатъ мертвымъ капиталомъ или, расходуясь исключительно въ средѣ евреевъ, благодаря ихъ отчужденности и замкнутости, только скрѣпляютъ эту замкнутость и отчужденность и только ярче, рѣзче и безпощаднѣе выдѣляютъ ихъ изъ общей массы населенія, противупоставляютъ интересы и усиливаютъ вражду и непріязнь. Сами соціальныя достоинства простого еврея обращаются ему на пагубу. Какой же выходъ изъ этого проклятаго положенія? Юдофилы отвѣчаютъ указаніемъ на необходимость отмѣны законодательныхъ ограниченій правъ евреевъ и на просвѣщеніе.

Просвѣщеніе—прекрасное средство противъ всякаго общественнаго недуга, но хорошо оно не тѣмъ, что излечиваетъ всякій недугъ, а тѣмъ, что содѣйствуетъ уясненію его причинъ и дозволяетъ при образованныхъ исполнителяхъ примѣнить болѣе разнообразный кругъ цѣлительныхъ средствъ. Мы уже знаемъ, что не въ невѣжествѣ надо искать объясненія движенія 1881 года и что, слѣдовательно, однимъ просвѣщеніемъ не предупредить его появленія. Что касается отмѣны ограниченій правъ евреевъ, ограниченій, распространяющихся на сферу ихъ дѣятельности и районъ мѣстожительства, то этому вопросу мы уже посвятили много мѣста въ прошлой главѣ и разобрали его значеніе обстоятельно и подробно. Мы пришли къ заключенію, что система ограниченій вредна и содѣйствуетъ не ослабленію, а лишь усиленію всѣхъ вредныхъ сторонъ еврейской замкнутости, отчужденности и эксплуатаціи, что она должна быть отмѣнена и что это нетолько не представляетъ никакой опасности, а отчасти способно даже умѣрить зло, противъ котораго нынѣ она призвана бороться. Все это такъ и потому нельзя не одобрить желанія юдофила отмѣнить всякія законодательныя и административныя ограниченія правъ евреевъ, но съ другой стороны нельзя же въ самомъ дѣлѣ народную ненависть противъ евреевъ объяснить ограниченіемъ еврейскихъ правъ. Ненависть къ угнетенному—явленіе ненормальное, а въ обширныхъ размѣрахъ даже невозможное. И такъ, не угнетенія евреевъ закономъ вызвали ненависть народа и съ отмѣною его эта ненависть не исчезнетъ. Нѣсколько уменьшая проявленія нѣкоторыхъ наиболѣе антипатическихъ сторонъ еврейской дѣятельности, отмѣна ограниченія можетъ, конечно, содѣйствовать нѣкоторому улучшенію этихъ злосчастныхъ отношеній. Такъ какъ еврейская дѣятельность и еврейское поведеніе, возмущающія противъ себя народное чувство, зависятъ въ сравнительно незначительной степени отъ законодательной неполноправности евреевъ, то и отм

этой неполноправности не исчерпывается наша задача. Таковы итоги нашихъ объясненій съ господами юдофилами. Оставляя въ сторонѣ непослѣдовательную, но лукавую програму юдофила-лицемѣра, мы можемъ сказать о програмиѣ искреннихъ и просвѣщенныхъ юдофиловъ, что она, исходя изъ невѣрнаго освѣщенія причинъ явленія, недостаточна и неполна, хотя, удовлетворяя чувству справедливости по отношенію къ евреямъ, и заслуживаетъ полнаго вниманія и одобренія. Ожидать же отъ нея разрѣшенія вопроса было бы напрасно.

III.

Мы разсмотрѣли, какъ рѣшаютъ злополучный вопросъ два діаметрально противоположныя направленія, и пришли къ заключенію, что ни въ томъ, ни въ другомъ рѣшеніи нѣтъ ни спасенія, ни истины. Это, впрочемъ, ни мало не означаетъ, чтобы спасеніе съ истиною обрѣтались посерединѣ, совсѣмъ нѣтъ. Посрединѣ между ними лежитъ народное достояніе, за которое, собственно говоря, и ссорятся противники, но объ этомъ ниже, а теперь кинемъ общій взглядъ на взаимоотношеніе обоихъ лагерей. Что касается програмы, то оба лагеря рекомендуютъ репрессію и вѣрятъ въ ея чудодѣйственную силу. Юдофилы полагаютъ, что репрессія исцѣляетъ отъ интеллектуальныхъ ошибокъ и заблужденій и способна убѣдить жертвъ репрессіи, что ихъ обманывали и подстрекали даже въ томъ случаѣ, если тѣ твердо знаютъ, что ихъ никто не обманывалъ и не подстрекалъ. Юдофобы, съ своей стороны, твердо уповаютъ, что репрессія можетъ нравственно исправить евреевъ, вселить имъ добрыя чувства къ христіанамъ и устранить ихъ эксплуатацію. Обѣ стороны оказываются по плечу другъ другу и, кажется, могутъ быть довольны ходомъ вещей въ любезномъ отечествѣ. Съ одной стороны, юдофилы могли всласть наслаждаться административною расправою надъ участвовавшимъ въ движеніи населеніемъ края, а съ другой стороны и юдофобы не могутъ пожаловаться: репрессаліи противъ евреевъ ни мало не ослабляются и даже усиливаются. Такимъ образомъ, репрессія призвана къ двойной роли: вселить въ христіанское населеніе чувство пріязни къ евреямъ, главнымъ образомъ, посредствомъ кутузки и розги, а затѣмъ и въ евреевъ вселить братское чувство къ христіанамъ при помощи разныхъ ограниченій ихъ дѣятельности и жительства и посредствомъ крутого и неуклоннаго примѣненія отчасти уже забытыхъ постановленій. Тѣмъ не менѣе, ни юдофилы, ни юдофобы не довольны. Послѣдніе, сознаваясь, что репрессіи противъ христіанъ составляютъ «печальную необходимость», хотѣли бы усилить репрессіи противъ евреевъ. Юдофилы же, не находя тоже достаточными репрессіи противъ христіанъ, протестуютъ противъ репрессіи, направленной на христіанъ. Таково

общее положеніе двухъ враждующихъ лагерей. Но если мы отъ этихъ общихъ положеній и программъ обратимся къ болѣе тщательной сортировкѣ матерьяла, то за возгласами обѣихъ сторонъ разберемъ и честные, нелицепріятные голоса, смѣшавшіеся и заглушаемые общимъ хоромъ рыцарей и поэтовъ того и другого лагеря.

Среди юдофиловъ нельзя не отмѣтить искреннихъ прогрессистовъ, обращающихъ, однако, вниманіе лишь на одну сторону вопроса, на неполноправность евреевъ, какъ на причину, питающую ихъ отчужденность и замкнутость и порождающую этимъ путемъ многія явленія розни и непріязни между евреями и остальнымъ населеніемъ. Соглашаясь отчасти съ этимъ мнѣніемъ, мы, однако, видѣли, какъ мало оно объясняетъ всю совокупность вопроса и потому какъ неполна и недостаточна программа, истекающая изъ такого односторонняго воззрѣнія на причины явленія.

Такимъ же образомъ и среди возгласовъ господъ глашатаевъ-юдофобовъ иной разъ выдѣляется голосъ честнаго друга народа, болящаго душою при видѣ народнаго раззоренія и оскудѣнія. Эти искренніе, но недальновидные люди легко увлекаются іереміадами глашатаевъ и, видя передъ собою повсемѣстную эксплуатацію народа, охотно вѣрятъ, когда глашатаи рекомендуютъ репрессію, какъ всеисцѣляющее средство. Мы достаточно подробно останавливались на значеніи репрессіи въ этомъ отношеніи и болѣе возвращаться къ этому не намѣрены. Но мы еще не разсмотрѣли вопроса о самой эксплуатаціи евреями населенія, какъ причинѣ народныхъ движеній 1871 и 1881 годовъ. Честные и простые люди деревни давно и настойчиво указываютъ на это зло. Юдофобы воспользовались этимъ, чтобы подкрѣпить свои репрессивныя поползновенія, но, конечно, это обстоятельство не устраняетъ самаго факта и не можетъ помѣшать разсмотрѣть его со вниманіемъ, какого онъ, конечно, заслуживаетъ.

Конечно, каждый не разъ слышалъ и читалъ толки объ еврейской эксплуатаціи и высасываніи соковъ изъ населенія, о закабаленіи его въ экономическое рабство при посредствѣ этой эксплуатаціи и проч. Многое, къ сожалѣнію, слишкомъ многое совершенно вѣрно и справедливо, но существенная ошибка всякихъ заключеній, выводимыхъ отсюда, состоитъ въ томъ, что обыкновенно вполнѣ игнорируется смыслъ слова «эксплуатація» и значеніе этого явленія въ экономической жизни народовъ, его происхожденіе, причины, развитіе и послѣдствія. Уяснивъ себѣ эту главу экономической жизни человѣчества, причинную связь экономической эксплуатаціи съ другими фактами національной исторіи, ея необходимость при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ и комбинаціяхъ, вообще ея роль въ жизни общества, мы, конечно, и къ той эксплуатаціи, въ которой виновны наши евреи, отнеслись бы иначе, а, указавъ ея причину, нашли бы и сред-

ства противъ нея, могли бы дать дѣйствительную програму охраненія населенія отъ евреевъ и евреевъ отъ населенія.

Прежде всего необходимо выяснить самое понятіе эксплуатаціи. Въ обширномъ и точномъ значеніи слова эксплуатировать значитъ извлекать пользу, выгоду. Такъ говорятъ объ эксплуатаціи земли, рудниковъ, лѣсовъ, желѣзныхъ дорогъ и проч. Во всѣхъ этихъ выраженіяхъ терминъ *эксплуатація* просто означаетъ *извлеченіе пользы* и, конечно, ничего предосудительнаго въ себѣ не заключаетъ. Не какой-либо другой смыслъ имѣетъ этотъ терминъ и въ примѣненіи къ населенію; *эксплуатировать населеніе* значитъ по просту *извлекать изъ него выгоду*, ни больше, ни меньше. Это надобно всегда помнить, когда рѣчь идетъ объ эксплуатаціи населенія, что вовсе не означаетъ непремѣнно мошенничества, плутни и обмана. Извлекать пользу, однако, можно двояко, сообразно двойственности самого процесса производства; можно затрачивать извѣстную сумму труда, равную, положимъ, цѣнности А, и извлечь въ видѣ продукта сумму цѣнности, равную А+В. Цѣнность В есть выгода, а самый обмѣнъ цѣнности труда, равной лишь А, на цѣнность продукта, равную А+В, и представляется извлеченіемъ выгоды, эксплуатаціей. Это, эксплуатація посредствомъ труда. Такъ эксплуатируетъ свою пашню крестьянинъ, моря и озера—рыболовъ, желѣзную руду—кустарь, гвоздарь и проч., но такъ эксплуатировать населеніе невозможно. Населеніе эксплуатируется лишь при помощи капитала. Внѣшняя формула эксплуатаціи капиталомъ та же самая; затрачивается капиталъ, цѣнность котораго равняется А, получается же въ обмѣнъ на это цѣнность А+В. *В* есть извлеченная выгода, а самый оборотъ обмѣна — эксплуатація. При экономическомъ строѣ, въ которомъ капиталъ выдѣлился изъ труда, эксплуатація труда составляетъ необходимую и неизбѣжную функцію капитала, эксплуатація населенія представляется нормальнымъ, постояннымъ и всеобщимъ явленіемъ экономической жизни страны. Что касается формы, въ которую облекается эксплуатація, то она крайне разнообразна, но все-таки можетъ быть сгруппирована въ два рода, имѣющихъ наружное отличіе. Первый родъ, менѣе распространенный и играющій значительную роль лишь въ періодъ переходнаго состоянія экономической жизни, въ періодъ обособленія капитала и труда, заключается въ томъ, что представитель капитала даетъ представителю труда реализованную цѣнность капитала, равную А, и получаетъ отъ насъ въ обмѣнъ за это тоже реализованную цѣнность, равную А+В, гдѣ В часто превышаетъ самое А. Это большею частью мелкія сдѣлки едва выдѣлившагося капитала съ представителемъ труда, еще не вполнѣ лишившимся капитала; это путь которымъ этотъ трудъ окончательно лишается капитала и мало-помалу становится уже вполнѣ недоступенъ такого рода эксплуатаціи, ибо не въ состояніи реализовать какую бы то ни было цѣнность. Другого рода эксплуатація, гораздо болѣе распространен-

ная, еще успѣшнѣе и быстрѣе толкающая трудъ по пути этого окончательнаго освобожденія отъ капитала и завладѣвающая затѣмъ трудомъ безраздѣльно, представляетъ нѣсколько болѣе сложныя отношенія. Здѣсь капиталъ не дается представителю труда съ тѣмъ, чтобы вернуться отъ него же въ приращенномъ видѣ, а затрачивается на производство, т. е. выплачивается тому же представителю труда, но уже за самую работу, за трудъ. Положимъ, цѣнность покупаемаго труда равняется *A*; капиталистъ, эксплуатирующій этотъ трудъ, вовсе не непремѣнно выплачиваетъ рабочему цѣну, ниже *A*. Нѣтъ, но, выплачивая *A*, онъ получаетъ въ свою пользу весь продуктъ труда, который, какъ мы выше видѣли, равняется A+B. Такимъ образомъ, B, составляющее разность между цѣнностью затраченнаго труда и его продукта, остается въ пользу капиталиста, составляетъ его выгоду, *прибыль*. Въ этомъ оборотѣ, трудъ эксплуатируетъ силы природы (земли, рудники, лѣса, продукты земли и проч.) и добываетъ добавочную цѣнность *B*., но эта добавочная цѣнность, произведенная трудомъ, его минуетъ и поступаетъ въ пользу капиталиста; трудъ эксплуатируетъ природу, капиталистъ эксплуатируетъ трудъ, вслѣдствіе чего плоды эксплуатаціи природы трудомъ, въ концѣ-концовъ, увеличиваютъ богатство и экономическую силу капиталиста, а трудъ, выходящій изъ производства лишь съ тѣмъ, съ чѣмъ пришелъ, только содержится. Таковъ неизбѣжный и необходимый законъ капиталистическаго строя, т. е. порядки экономической жизни, при которыхъ трудъ и капиталъ обособились; здѣсь эксплуатація труда капиталомъ, т. е. большинства населенія богатымъ меньшинствомъ составляетъ неотвратимое послѣдствіе условій, положенныхъ въ основу экономическаго строенія; здѣсь существуетъ для отдѣльной личности лишь выборъ между положеніемъ эксплуататора и эксплуатируемаго; здѣсь участвовать въ торговлѣ и промышленности можно лишь въ роли одного изъ этихъ общественныхъ наслоеній. Самый честный капиталистъ, какъ и самый безчестный, эксплуатируетъ населеніе, потому что пользуется (и не можетъ не пользоваться, пока остается капиталистомъ) добавочною цѣнностью, произведенною чужими трудами; капиталистъ можетъ воспользоваться этою добавочною цѣнностью лишь потому, что самъ трудъ, не имѣя капитала для собственнаго содержанія въ періодѣ добыванія продукта, принужденъ за это содержаніе уступать капиталисту весь продуктъ, превышающій на добавочную цѣнность B ту цѣнность *A*, которая необходима для содержанія труда. Результатомъ всего этого процесса является все бо́льшее и бо́льшее распаденіе націи на два рѣзко отличные и по интересамъ прямо противуположные класса имущихъ и неимущихъ, капиталистовъ и рабочихъ.

Такимъ образомъ, ясно, что эксплуатація населенія можетъ отсутствовать лишь тамъ, гдѣ капиталъ не обособился отъ труда, гдѣ представители труда обладаютъ въ тоже время и капи-

таломъ, необходимымъ для собственнаго содержанія въ періодъ производства до реализаціи цѣнности продукта, гдѣ слѣдовательно добавочная цѣнность, произведенная трудомъ, никѣмъ и ничѣмъ у него не оспаривается и идетъ на усиленіе его средствъ, его экономическаго значенія. Но гдѣ трудъ и капиталъ не обособились еще? Въ Западной Европѣ этотъ процессъ, повидимому, завершился, но у насъ въ Россіи мы стоимъ у его начала. У насъ еще большинство населенія состоитъ изъ крестьянъ-хозяевъ, т. е. представителей труда, сохранившихъ еще и капиталъ для самостоятельнаго хозяйства, т. е. для эксплуатаціи природы за свой счетъ и въ свою выгоду. Но съ другой стороны, не можетъ быть не малѣйшаго сомнѣнія, что начало обособленію капитала отъ труда уже прочно заложено и самый процессъ обогащенія меньшинства въ ущербъ бѣднѣющему большинству подвинулся довольно далеко, подвигаясь впередъ съ неимовѣрною и ужасною быстротою. Грозные призраки пролетаріата, пауперизма, соціальнаго вопроса и неразрѣшимой коллизіи обособленныхъ факторовъ производства, оспаривающихъ одинъ у другого добавочную цѣнность, всѣ эти *проклятые* вопросы западно-европейской экономической жизни стоятъ уже у порога нашихъ настежъ отворенныхъ для любезныхъ гостей воротъ. Причины этого рокового процесса выяснены въ литературѣ довольно обстоятельно. Малоземелье большинства крестьянъ въ корень подрываетъ возможность самостоятельнаго хозяйства на *собственныхъ* земляхъ; непомѣрные платежи, которыми обременены крестьянскія хозяйства, ведутъ это хозяйство къ неизбѣжному банкротству; пагубная ирландская арендная система, водворившаяся у насъ на частныхъ помѣстныхъ земляхъ, дѣлаетъ невозможнымъ развитіе хозяйства на арендованныхъ земляхъ; констатированное расхищеніе казенныхъ земель лишаетъ земледѣльца перспективы поддержки съ этой стороны; безправность крестьянина vis à vis съ урядникомъ и со всякимъ хищникомъ, заслужившимъ легко пріобрѣтаемое расположеніе послѣдняго, усугубляетъ неизбѣжность раззоренія, дѣлая хозяина жертвою всякаго мелкаго хищника, и т. д., и т. д. Съ другой стороны, возникаютъ крупныя состоянія путемъ интендантскаго, инженернаго и всякаго прочаго казнокрадства, путемъ концессій, расхищенія казенныхъ земель и проч. Съ двухъ сторонъ куется у насъ капиталистическій строй: мужикъ неизбѣжно бѣднѣетъ при данныхъ условіяхъ, хищникъ обогащается, населеніе распадается на имущихъ и неимущихъ, факторы производства (трудъ и капиталъ) обособляются. Я убѣжденъ, что вовсе не трудно остановить этотъ роковой процессъ безъ всякихъ потрясеній и не нарушая ни чьихъ законныхъ интересовъ, но покуда онъ не остановленъ, покуда онъ производитъ свои опустошенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, нельзя не считаться съ нимъ, нельзя не видѣть и не знать, что онъ не можетъ нравиться бѣднѣющему большинству, которое должно искать его объясненія и средствъ

противъ него. Читатель уже видитъ выводъ, который самъ собою напрашивается изъ всего предъидущаго изложенія. Большинство бѣднѣетъ, ищетъ объясненія этому, ищетъ средствъ; оно въ Южной Руси видитъ, что жидъ богатѣетъ; значитъ, онъ богатѣетъ на его счетъ, значитъ онъ вина и причина его обѣднѣнія. Въ сущности, это простое крестьянское разсужденіе и справедливо, и несправедливо. Крестьянинъ правъ, когда думаетъ, что жидъ богатѣетъ на его, крестьянина, счетъ, на счетъ его обѣднѣнія; но онъ не правъ, когда полагаетъ, что именно самъ жидъ и его дѣятельность и есть настоящая причина этого обѣднѣнія. Жидъ лишь воспользовался обѣднѣніемъ, составляющемъ естественное и неизбѣжное послѣдствіе обособленія факторовъ производства, процесса выдѣленія капитала, а процессъ этотъ въ свою очередь питается цѣлымъ рядомъ общественныхъ и государственныхъ условій, гдѣ жидъ не причемъ. Развѣ крестьянское малоземелье и непосильные платежи созданы евреями? Развѣ ими образованы магнатскія латифундіи и майораты? Развѣ законодательство, создавшее откупные, концессіонные, интендантскіе и проч. и проч. капиталы, выдумано евреями? Развѣ вся эта паутина неуловимаго въ его прерогативахъ и вездѣсущаго начальства, начиная съ урядника и кончая предводителемъ, которое частью поборами, а больше безтолковымъ гнетомъ обездоливаетъ крестьянъ, развѣ это измышленіе евреевъ? Не ясно ли, что не евреи положили основаніе въ Россіи тому печальному экономическому строю, гдѣ, чтобы не быть эксплуататоромъ, надо быть жертвою эксплуатаціи?

И такъ дѣло вовсе не въ спеціально-еврейской эксплуатаціи, а просто въ томъ, что указанныя причины и многія другія, согласно всѣмъ правиламъ экономической науки, обездоливаютъ большинство, обогащая меньшинство. Процессъ этотъ происходитъ во всей Россіи, но тамъ, на Великой Руси народъ теряется въ исканіи причины; здѣсь же, на Малой Руси обстоятельства такъ сложились, что причина сама собою бросается въ глаза. Обогащающееся меньшинство—евреи, бѣднѣющее большинство—христіане. Народъ это видитъ и потому, естественно, въ евреяхъ и видитъ причину своего обѣднѣнія. Не будь евреевъ, процессъ обособленія факторовъ производства при наличныхъ условіяхъ былъ бы такъ же неизбѣженъ; большинство все равно бѣднѣло бы, меньшинство—обогащалось бы. Этого народъ не знаетъ, но онъ хорошо знаетъ, ежечасно чувствуетъ свое обѣднѣніе и видитъ параллельное обогащеніе еврея. Ясно, что еврей виновенъ въ его обѣднѣніи. Въ сущности, еврей лишь воспользовался условіями, не имъ созданными и которыми, не воспользуйся онъ, воспользовался бы другой, непремѣнно воспользовался бы, не могъ бы не воспользоваться. Однако, вполнѣ естественно, что народная масса не понимаетъ и не можетъ понять этого и что она обрушиваетъ гнѣвъ свой на видимыхъ виновниковъ своего бѣдствія, на тѣхъ, кто грѣется у пожара,

истребляющаго народное благосостояніе, кто раста скиваетъ последніе достатки погорѣльцевъ. Погасите, господа, пожаръ и гнусные грабители пожарища сами исчезнутъ; остановите процессъ обособленія факторовъ производства, дайте вздохнуть народному хозяйству, и никакія піявки-эксплуататоры ему не будутъ опасны, а съ другой стороны и онъ не будетъ никому опасенъ.

О, поскорѣй на рельсы... Страшна
Сила сошедшаго съ рельсовъ вагона.

При чемъ же тутъ еврейскій вопросъ? На этотъ вопросъ отвѣчать вовсе не такъ трудно. Сущность еврейскаго вопроса—экономическая и она входитъ, какъ составная часть, въ общерусскій экономическій вопросъ. Разрѣшите этотъ общій вопросъ удовлетворительно и тѣмъ самымъ вы приведете къ рѣшенію и частный еврейскій вопросъ. Злоба дня въ Россіи въ экономической сферѣ—это властное вторженіе западно-европейскаго капитализма на мѣсто стародавнихъ экономическихъ основъ, излюбленныхъ славянскими племенами и выражающихся въ поземельной общинѣ, въ промысловой артели, въ кустарномъ производствѣ, въ народномъ хозяйствѣ вообще. Неблагопріятныя условія окрутили въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, спутали и обезсилили народное хозяйство съ его традиціонными основами; они расчистили путь капитализму, который вошелъ и сѣлъ на первое мѣсто, и началъ командовать. Въ южной Руси «жидъ» принялъ на себя роль этого піонера капитализма; народная душа не выдержала и гнѣвъ разразился столько же безобразными, сколько и безплодными конвульсіями народнаго протеста. Народъ мстилъ нетолько за свое раззореніе и обѣднѣніе, но и за поруганіе торжествующимъ капитализмомъ святыни своихъ традицій экономической правды и справедливости. Безплодное мщеніе, безплодные протесты, но вполнѣ естественные и неизбѣжные до тѣхъ поръ, пока народъ не пойметъ, что при нарождающемся и торжествующемъ экономическомъ строѣ не обижать ближняго можно лишь подъ условіемъ быть обиженнымъ, не обирать плоды чужого труда возможно лишь допуская обираніе плодовъ собственныхъ трудовъ. Народъ слишкомъ свыкся съ своими идеалами экономической правды, свято пронесъ ихъ и соблюлъ черезъ тысячелѣтія, сохранилъ подъ игомъ рабства и принужденъ видѣть ихъ поруганіе въ эпоху свободы! Новая экономическая «правда», обѣляющая всякую неправду, оправдывающая всякую обиду, провозглашающая принципъ всеобщей борьбы за существованіе, всеобщаго взаимнаго поѣданія, эта новая капиталистическая *правда* стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ народными традиціями и идеалами, кажется народу вопіющею кривдою и обидою. Не мудрено, что онъ возстаетъ противъ тѣхъ, кто живетъ по этой новой *правдѣ*, кто, опираясь на новые экономическіе факторы, широкою рукою черпаетъ изъ этого новаго источника благоустроеніе собственнаго благополучія на несчастіе око-

люда. Сегодня народъ возсталъ противъ евреевъ (почему противъ нихъ прежде всего, мы видѣли выше и еще вернемся къ этому вопросу), но чѣмъ мы гарантированы, что завтра не увидимъ тѣмъ же сценъ дикаго насилія и безплоднаго, безобразнаго мщенія, направленнаго противъ другихъ наслоеній, тоже выигравшихъ и выигрывающихъ отъ насажденія капитализма со всѣми его послѣдствіями? Къ сожалѣнію, существуютъ симптомы, что это не вполнѣ невозможно; были газетныя извѣстія, что въ самый разгаръ анти-еврейскаго движенія въ Звенигородскомъ (кажется) уѣздѣ Кіевской губерніи крестьяне силою захватили часть помѣщичьей земли. Такой же слухъ былъ сообщенъ о случаѣ въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Съ другой стороны, въ Одессѣ во время анти-еврейскаго взрыва пострадали не одни еврейскіе магазины, но и нѣкоторые христіанскіе; въ Ростовѣ на Дону тоже опасались подобнаго обобщенія движенія. Эти извѣстія въ высшей степени тревожны и печальны, и дай Богъ, чтобы они не были прелюдіей чего-нибудь бо́льшаго, чтобы анти-еврейское движеніе не выродилось въ движеніе противъ имущихъ классовъ вообще. Сердце содрогается при мысли о сложныхъ и печальныхъ послѣдствіяхъ такого движенія. Кто любитъ свое отечество, пусть поразмыслитъ объ этомъ; а кто можетъ послужить дѣлу предупрежденія, пусть не откладываетъ. Быть можетъ — и дай-то Боже—все обойдется благополучно и мимо насъ пройдетъ чаша сія; но если, какъ то показываетъ намъ и предостерегаетъ насъ анти-еврейское движеніе, если безсильному и безплодному, но тѣмъ не менѣе гибельному для всѣхъ сторонъ народному взрыву противъ капитализма суждено проявиться, то предупредить его одними полицейскими мѣропріятіями невозможно, а необходимы органическія мѣры, которыя содѣйствовали бы народу отстоять свое благосостояніе, свое хозяйство, свою старину. Литература и передовыя земства давно намѣтили программу этихъ органическихъ мѣропріятій; правительство тоже уже вступило на этотъ путь уменьшеніемъ выкупныхъ платежей, облегченіемъ переселеній. Если наша внутренняя экономическая политика не сойдетъ съ этого пути, а, напротивъ, энергически и скоро осуществитъ лежащія на пути задачи, то торжествующему нынѣ западному капитализму могутъ быть поставлены надежныя препоны, а вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть въ корнѣ заглушена зарождающаяся рознь между имущими и неимущими классами. Вмѣстѣ съ этимъ самъ собою растаетъ и еврейскій вопросъ въ ой формѣ, въ какой онъ выдвинутъ событіями 1881 года. ловомъ, revenons à nos moutons: увеличьте крестьянское земевладѣніе до размѣровъ, обезпечивающихъ самостоятельное хояйничанье; уменьшите земельные платежи до размѣровъ, соотвѣтствующихъ доходности земли; устраните быстро распростраившуюся у насъ пагубную ирландскую систему хозяйничанья на чѣстныхъ земляхъ; организуйте переселеніе свободныхъ земле-

дѣльческихъ рукъ на свободныя земли и т. д.—и вмѣстѣ съ устраненіемъ глубокаго народно-экономическаго кризиса, вмѣстѣ съ остановкою процесса обособленія факторовъ производства, вмѣстѣ съ охраненіемъ старыхъ основъ нашей экономической жизни, будетъ радикально рѣшенъ и еврейскій вопросъ, будутъ устранены всякіе шансы анти-еврейскихъ движеній, будетъ народъ огражденъ отъ еврея, а еврей отъ народа.

Въ этомъ рѣшеніи вопроса о борьбѣ съ надвигающимся на насъ съ Запада капитализмомъ, со всѣми его послѣдствіями, распаденіемъ націи на имущихъ и неимущихъ, экономическимъ антагонизмомъ классовъ, пролетаріатомъ, пауперизмомъ, соціальными конвульсіями, именно въ этомъ рѣшеніи общаго экономическаго вопроса и состоитъ главная сущность рѣшенія и по спеціально еврейскому вопросу. Но какъ самъ еврейскій вопросъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя осложняющія его особенности, то намъ необходимо остановиться нѣсколько на этихъ особенностяхъ и посмотрѣть, не требуютъ ли они дополненія нашей программы.

Почему именно евреи явились на Малой Руси піонерами капитализма и, такимъ образомъ, по необходимости, должны были стать первою жертвою народнаго гнѣва, вызваннаго вторженіемъ капитализма? Почему именно евреи воспользовались въ свою выгоду условіями, вызвавшими развитіе капитализма? Почему тамъ, гдѣ евреи проживаютъ въ большомъ числѣ, они почти не допустили другія народности къ этому роскошному пиру капитализма, торжествующаго надъ развалинами народнаго благосостоянія? Вотъ вопросы, осложняющіе нашу формулу рѣшенія еврейскаго вопроса и требующіе нашего вниманія.

IV.

Мы видѣли выше, что еврейская эксплуатація на Югѣ и Западѣ Россіи есть лишь частный случай той эксплуатаціи, которая въ настоящее время разлилась по всей Россіи и которая теперь работаетъ надъ концентрированіемъ капитала, надъ обособленіемъ факторовъ производства. Разлилась же эта эксплуатація вслѣдствіе существованія общественно-экономическихъ условій, дѣлающихъ ее неизбѣжною и необходимою. Но если поэтому и несправедливы вопли юдофобовъ противъ еврейской эксплуатаціи, то съ другой стороны необходимо признать, что евреи съумѣли неизбѣжную, исторически необходимую (при наличныхъ условіяхъ) эксплуатацію народнаго большинства меньшинствомъ довести до высшей возможной степени и придать ей особенно антипатичный, сугубо-обидный для обираемой массы видъ. Не будь евреевъ, конечно, ихъ мѣсто не осталось бы вакантнымъ; на ихъ мѣстѣ выросли бы и на Малой Руси, какъ выростаютъ на Великой, свои національные дѣятели обособленія факторовъ произ-

водства, явились бы свои Колупаевы и Разуваевы, свои кулаки и міроѣды, которые исполняли бы свою миссію концентрированія капитала съ не меньшею охотою и не меньшимъ прилежаніемъ, но это обираніе было бы непремѣнно не столь быстро и для народа не столь омерзительно. Объяснимся.

Особая успѣшность еврейской эксплуатаціи вовсе не зависитъ ни отъ особаго искуства, ни отъ большей алчности еврея; россійскіе Деруновы не уступятъ ни въ томъ ни въ другомъ жидовскому Кербельвейзеру. Средній уровень еврейскаго ума нисколько не выше, а во многихъ отношеніяхъ даже ниже средняго уровня русскаго ума; спеціально коммерческой сметки у великороссіянина тоже едва ли меньше, нежели у еврея. Что касается безпощадности и безсердечія, столь полезныхъ при эксплуатаціи, то сомнительно, чтобы еврей и въ этомъ отношеніи превзошелъ національнаго православнаго міроѣда. Значитъ, не въ личномъ коммерческомъ превосходствѣ, не въ особомъ искуствѣ эксплуатировать надо искать причину успѣха евреевъ. Залогъ этого успѣха лежитъ въ ихъ общееврейской солидарности, въ ихъ всееврейскомъ союзѣ. Много спорили въ литературѣ и обществѣ о существованіи у еврзвъ тайныхъ кагаловъ, имѣющихъ значеніе высшей и абсолютной власти для каждаго еврея. Эта власть будто бы бдитъ надъ общееврейскими интересами, караетъ виновныхъ въ отступничествѣ или не солидарности, управляетъ дѣйствіями, предпринятыми въ общихъ интересахъ. Мнѣ указывали въ Одессѣ на домъ одного лица, возбудившаго чѣмъ-то неудовольствіе евреевъ и на которое будто кагаломъ было наложено запрещеніе. Дѣйствительно, въ этомъ домѣ, стоявшемъ на бойкомъ торговомъ мѣстѣ, не было ни одного еврейскаго магазина. Тамъ же мнѣ указывали газету, которая подверглась будто бы такому же запрещенію кагала и которая не имѣла евреевъ-подписчиковъ. Защитники существованія тайной кагальной организаціи приводятъ также случаи изъ судебной практики, гдѣ будто бы обнаруживалось преступное даже дѣйствіе кагала, напримѣръ, въ извѣстномъ таинственномъ Шкловскомъ убійствѣ. Съ другой стороны, образованные евреи дружно отрицаютъ существованіе такихъ кагаловъ. Какъ ни интересно само по себѣ рѣшеніе этого вопроса о тайной еврейской организаціи, при наличныхъ данныхъ невозможно съ полною добросовѣстностью дать на него положительный отвѣтъ. Какъ бы ни было однако, существуетъ ли организація еврейскаго союза или нѣтъ, во всякомъ случаѣ можно утверждать, что еврейскій союзъ, организованный или неорганизованный, несомнѣнно существуетъ и не есть миѳъ, созданный фантазіей еврейскихъ недоброжелателей. Онъ можетъ не имѣть мѣстъ управленій, въ родѣ кагаловъ, кагальныхъ старшинъ и пр., онъ можетъ не имѣть общаго плана дѣйствій, но онъ несомнѣнно выражается въ общей поддержкѣ, которую всегда и всюду оказываетъ еврей еврею, въ ихъ союзѣ противъ нееврейскихъ конкуррентовъ, въ стачкахъ промышлен-

никовъ и торговцевъ одного рода, въ умѣніи складываться для подкупа и пр. Эти факты между-еврейской солидарности общеизвѣстны и никто ихъ отрицать не станетъ. Она-то, эта солидарность, и повела къ тому, что великимъ народнымъ кризисомъ, нынѣ переживаемымъ, воспользовались въ Малороссіи почти исключительно одни евреи.

Капиталъ началъ обособляться отъ труда; хозяинъ-работникъ началъ очищать мѣсто для хозяина-капиталиста съ одной стороны и работника-батрака съ другой; при данныхъ условіяхъ хозяинъ-работникъ фатально долженъ исчезать; мелкіе капиталы, на которые онъ велъ свое кустарное хозяйство, должны уходить изъ его рукъ и сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ счастливцевъ, родоначальниковъ буржуазіи. А этихъ хозяевъ-работниковъ—милліоны; общій капиталъ ихъ оцѣнивается сотнями милліоновъ и милліардами. Еврей такъ съумѣлъ приспособиться, его племенная солидарность сослужила ему при этомъ такую службу, что львиная доля этихъ потерь, изо дня въ день уменьшающихъ милліоны мелкихъ народныхъ капиталовъ, попала ему въ карманъ. Другіе претенденты на роль буржуазіи принуждены лишь облизываться, а жидъ не зѣваетъ и, знай себѣ, глотаетъ да глотаетъ нашихъ хлѣборобовъ-хохловъ. Наконецъ, хохолъ обозлился и помялъ бока жиду, пораскидалъ его перины и подушки, а облизывавшіеся консерваторы подняли вопль: «Вотъ дескать мы правы, еврейская эксплуатація переполнила чашу». Да, господа, эксплуатація переполнила чашу, но кто ее впустилъ въ народную хату? Не вы ли, господа, сами по мѣрѣ силъ и умѣнья послужили этому? Оглянитесь, да поразмыслите. Сообразите такъ же, еслибы не было евреевъ, не взялись ли бы вы сами исполнить его культурную миссію насажденія болѣе усовершенствованныхъ формъ производства? Конечно, тогда это не называлось бы «эксплуатаціей народа», а напротивъ, экономическимъ и культурнымъ прогрессомъ; конечно, при отсутствіи всеобщаго союза, вы не такъ скоро вводили бы усовершенствованныя формы, какъ это дѣлаютъ евреи; они сдѣлаютъ въ одно поколѣніе то, что для васъ хватило бы на три. Но, господа, развѣ жизнь народа измѣряется однимъ поколѣніемъ? Быть можетъ, вы скажете, что тогда было бы больше времени принять мѣры для спасенія народнаго хозяйства, а жидъ не даетъ передохнуть, и будете вы на этотъ разъ, въ первый и единственный разъ, правы. Принимать мѣры противъ васъ еще вполнѣ время, а противъ жида надо спѣшить. Благодаря ли своей подпольной организаціи, или благодаря просто глубоко вкоренившейся солидарности, онъ развилъ такую силу эксплуатаціи, что быстро и всецѣло сотретъ нашего хохла-хлѣбороба. Но мѣры эти, какъ вы видите, должны быть общія; должно устранить тѣ условія, которыя неотразимо ведутъ нашу экономическую жизнь къ капитализму, къ обособленію факторовъ производства, труда и капитала. Остановите этотъ процессъ вторженія къ намъ ино-

земныхъ общественно-экономическихъ порядковъ, и нашъ хохолъ не будетъ больше терять ни своей «батьківщины», ни «вольного степу», ни «воливъ круторогихъ»... А покуда процессъ обособленія капитала продолжается, еврей, при своей солидарности, при взаимной поддержкѣ, при выработанномъ вѣками искуствѣ, всегда постарается (и въ этомъ стараніи всегда успѣетъ) взять себѣ капиталъ, великодушно предоставивъ хохлу трудъ. И такъ, сплоченность и солидарность еврейства ускоряетъ процессъ обособленія капитала отъ труда и вмѣстѣ съ тѣмъ почти всецѣло устраняетъ другихъ нееврейскихъ претендентовъ на капиталъ, а съ другой стороны, отчужденность евреевъ отъ прочей среды и вытекающее отсюда безсердечное отношеніе къ горю обираемаго, дѣлаетъ самый процессъ эксплуатаціи до нельзя ненавистнымъ и невыносимымъ. Такимъ образомъ, отличительною чертою собственно еврейской эксплуатаціи является замкнутость, отчужденность, общая междуеврейская солидарность, жесткое отношеніе къ неевреямъ. Эти-то отличительныя черты, которыя всѣ могутъ быть соединены подъ общимъ наименованіемъ «союза для эксплуатаціи», и представляютъ ту особенность еврейскаго вопроса, которою онъ нѣсколько отличается отъ общаго экономическаго вопроса. Эксплуатація разлилась повсюду и повсюду дѣлаетъ свое дѣло обособленія труда и капитала, но *союзъ для эксплуатаціи* существуетъ только между евреями Южной и Западной Россіи; общая проблема остановить успѣхи эксплуатаціи, прекратить обособленіе факторовъ производства, спасти народное хозяйство, эта общая для всей Руси проблема на Малой Руси осложняется дополнительною задачею — разложить еврейскій союзъ для эксплуатаціи, уничтожить замкнутость и отчужденность.

Въ чемъ, однако, надо искать причину этой отчужденности и замкнутости? Въ силу какихъ условій возникъ и держится союзъ для эксплуатаціи? Нѣкоторые склонны будутъ объяснить дѣло традиціей, тѣмъ, что Тейлоръ назвалъ историческимъ переживаніемъ. Но сомнительно, чтобы этимъ исчерпывался вопросъ. Явленіе, завѣщанное исторіей и не находящее удобной почвы въ настоящемъ, лишено жизненности; оно постепенно вымираетъ, если не соотвѣтствуетъ условіямъ. Если же оно живетъ и даже развивается, приспособляясь къ новымъ условіямъ, захватывая новыя сферы дѣятельности, то значитъ условія ему соотвѣтствуютъ, его питаютъ и поддерживаютъ; значитъ, въ этихъ-то условіяхъ и надо искать истинную причину явленія, а не въ историческомъ преданіи. Какія же это условія? Быть можетъ, враждебность остальнаго населенія? Но откуда же сама эта враждебность? Если отчасти она завѣщана исторіей, то столько же, сколько и другіе виды національной и религіозной нетерпимости, но тѣ вымираютъ, исчезаютъ, а эта выживаетъ и даже развивается, сказываясь безобразными сценами насилія. Значитъ, не враждебность населенія—причина еврейской отчуж-

денности и солидарности. Еврейскій союзъ для эксплуатаціи, очевидно, обязанъ своимъ бытіемъ чему-то иному. Не законодательныя ли ограниченія правъ евреевъ виновны въ этомъ? Что они содѣйствуютъ укрѣпленію этого союза, составляютъ его внѣшнюю ограду, мы ужь видѣли, но было бы наивно приписывать имъ инипіативу, главную роль въ его созданіи и поддержаніи. Репрессія служитъ внѣшнею преградою распаденія союза, но, конечно, не она составляетъ его цементирующее вещество, его связующій элементъ. *Союзъ для эксплуатаціи очень выгоденъ евреямъ*—въ этомъ ключъ всего вопроса; выгода, разсчетъ пользы — вотъ истинный и главный цементъ союза. Возникли еврейская отчужденность, замкнутость и солидарность, словомъ, экономическій союзъ еврейства — въ тѣ времена, когда еврейство подвергалось гоненіямъ, представляло касту паріевъ и отверженцевъ, еле терпимыхъ въ обществѣ. Тогда союзъ былъ необходимъ для обороны; тогда онъ былъ союзомъ для взаимной и общей защиты. Многовѣковая практика выработала привычки и обычаи, почти инстинкты, приспособленные для общей союзной экономической борьбы съ остальнымъ міромъ; религія въ книгѣ Талмуда освятила эту борьбу; поколѣнія за поколѣніями рождались и умирали съ лозунгомъ солидарности со своими и безпощадной борьбой съ чужими. Но времена перемѣнились, нравы смягчились, законодательство распространило свое покровительство и на прежнихъ отверженцевъ. Повидимому, союзъ оказался не нуженъ. Но рядомъ съ этимъ наступилъ экономическій кризисъ, великій соціальный переломъ; начался процессъ обособленія труда и капитала; наступило время борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, время, когда на знамени цѣлой эпохи черными буквами начертано «Горе побѣжденнымъ». Въ эту переходную эпоху, когда выплываютъ новыя экономическія силы и выясняются новыя экономическія наслоенія среди безпощадной экономической борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, сплоченная для борьбы, солидарная группа всегда получитъ громадное преимущество, непремѣнно пріобрѣтетъ великіе шансы побѣды. Прошедшее еврея выработало въ немъ эту сплоченность въ борьбѣ, солидарность, которая даруетъ такой перевѣст, при которой такъ возрастаютъ шансы торжества и успѣха для каждой отдѣльной единицы. Странно было бы, еслибы евреи добровольно отказались отъ этихъ шансовъ. Они и не отказались отъ нихъ, и не откажутся; на это надѣяться нечего. Союзъ для эксплуатаціи, возросшій на почвѣ прежняго союза для самообороны, слишкомъ выгоденъ для его членовъ; эта выгода слишкомъ велика и очевидна, основы этого союза слишкомъ привычны, общеусвоены, почти инстинктивны, чтобы можно было ожидать его распаденія при наличныхъ условіяхъ. Организація кагальная, если она существуетъ, можетъ распасться и исчезнуть, да она уже и ненужна теперь, но солидарность, постоянная и повсемѣстная поддержка каждаго еврея каждымъ евреемъ, правильная сплоченность

противъ иноплеменной конкурренціи, вѣками выработанная способность въ нужныхъ случаяхъ дѣйствовать сообща, все это не требуетъ кагальной организаціи, но всего этого слишкомъ достаточно, чтобы сдѣлать «союзъ для эксплуатаціи» совершенно безопаснымъ отъ всякой конкурренціи другихъ эксплуататоровъ и более нежели неотразимый для подорваннаго неблагопріятными условіями крестьянскаго хозяйства. Если дѣло продолжится такъ, то дѣйствительно, наибольшая часть капиталовъ нетолько южнаго и западнаго края, но и всей Россіи сосредоточится въ рукахъ евреевъ. Другія наслоенія, трудящіяся надъ насажденіемъ у насъ капитализма, будучи разрозненны, никогда не въ состояніи выдержать борьбу съ еврейскимъ союзомъ. Евреи, не будучи въ частности ни болѣе искусны въ эксплуатаціи, ни болѣе алчны, ни болѣе беззастѣнчивы своихъ христіанскихъ конкуррентовъ, должны взять верхъ просто въ силу своей союзности, взаимной поддержки. Быть можетъ, только старообрядцы, отличающіеся тоже нѣкоторою сплоченностью и экономическою солидарностью, могли бы явиться конкуррентами евреевъ. Впрочемъ, для эксплуатируемаго большинства нѣтъ большой разницы, кто его остриж етъ; евреи только въ силу своей союзности скорѣе завершатъ неизбѣжный при наличныхъ условіяхъ процессъ обѣднѣнія большинства, которому, конечно, все равно, изъ кого будетъ состоять разбогатѣвшее на счетъ его раззоренія меньшинство. Но это совсѣмъ не все равно для тѣхъ, кто разсчитываетъ быть этимъ меньшинствомъ. Насъ, однако, это мало интересуетъ и мы совершенно равнодушны къ судьбѣ, ожидающей нашихъ національныхъ Деруновыхъ и Разуваевыхъ.

И такъ, если узелъ спеціально-еврейскаго вопроса въ «союзѣ для эксплуатаціи», то этотъ союзъ при наличныхъ условіяхъ, въ самый разгаръ процесса обособленія труда и капитала, слишкомъ выгоденъ для евреевъ и въ этой выгодѣ залогъ его процвѣтанія и прочности. Онъ самъ собою разложился бы лишь тогда, когда пересталъ бы быть выгоднымъ. Предоставивъ теченіе дѣлъ самимъ себѣ, предоставивъ наличнымъ условіямъ и далѣе направлять нашу общественно-экономическую жизнь, мы можемъ разсчитывать на значительное ослабленіе или даже полное прекращеніе этой выгодности союза лишь послѣ того, какъ процессъ обособленія капитала завершится окончательно, народъ лишится всѣхъ своихъ мелкихъ капиталовъ, а конкурренты будутъ устранены или хотя очень ослаблены, т. е. тогда, когда нація уже вполнѣ распадется на имущихъ и неимущихъ и когда имущими классами будутъ почти одни евреи (явленіе, которое нынѣ развивается въ Австріи). Но, съ другой стороны, союзъ для эксплуатаціи перестанетъ быть выгоднымъ и тогда, когда народное хозяйство, огражденное отъ вторженія капитализма, станетъ на ноги, и самый процессъ эксплуатаціи, т. е. вылавливаніе народныхъ капиталовъ прекратится. Если главное теченіе экономической жизни будетъ состоять не въ разложеніи

факторовъ производства, а, напротивъ, въ ихъ прочномъ и гармоническомъ сліяніи въ рукахъ народнаго большинства, то и главная забота каждаго индивида должна будетъ поневолѣ состоять не въ вылавливаніи изъ народнаго моря, отдѣляющагося силою экономическихъ условій капитала, не въ обираніи ближняго своего, благополучія ради и подъ страхомъ попасть самому въ разрядъ обираемыхъ, а въ коопераціи съ этимъ ближнимъ для достиженія какъ общаго, такъ и частнаго своего благосостоянія. При господствѣ процесса обособленія факторовъ производства, частное благополучіе можетъ созидаться лишь на развалинахъ общаго благосостоянія; при обратномъ процессѣ, напротивъ, частное благополучіе развивается и поднимается лишь параллельно съ общимъ и находится отъ послѣдняго въ полной зависимости. Натурально, что при такомъ порядкѣ вещей союзъ для эксплуатаціи становится нетолько безполезнымъ, но даже прямо невыгоднымъ. Еврейскій союзъ для эксплуатаціи неизбѣжно долженъ разложиться какъ только народное хозяйство будетъ поставлено на ноги и будутъ устранены условія, дѣлающія народное раззореніе неизбѣжнымъ и нормальнымъ. И такъ, всѣ дороги ведутъ въ Римъ; мы снова передъ лицомъ нашей великой экономической проблемы, передъ задачею запереть двери капитализму, охранить народное хозяйство отъ раззоренія, націю—отъ перспективы распаденія на имущихъ и неимущихъ, государство — отъ конвульсивныхъ потрясеній вслѣдствіе естественнаго антагонизма этихъ наслоеній, народную правду—отъ попранія ея властнымъ наглымъ пришельцемъ, новымъ экономическимъ строемъ. Анти-еврейское движеніе 1881 года было первымъ протестомъ народа противъ этого властнаго вторженія иноземной кривды, первою вспышкою нарождающагося антагонизма вырисовывающихся общественно-экономическихъ наслоеній. Будемъ надѣяться, что онъ будетъ и послѣднимъ.

Проблема ясна до очевидности, народное хозяйство находится еще въ состояніи поправимомъ; народная правда еще не отлетѣла изъ души народной массы; экономически и морально возрожденіе еще возможно и не затруднительно; средства для этого разработаны и выяснены и литературою, и практикою. Не слѣдуетъ лишь откладывать на завтра то, что можно сдѣлать сегодня, ибо время не ждетъ и грозный врагъ хозяйничаетъ въ нашей странѣ, у каждаго народнаго очага. Теперь возможно еще безъ всякихъ потрясеній и безъ нарушенія чьихъ бы то ни было законныхъ интересовъ и правъ, сойти съ пагубнаго пути развитія капитализма, на который вступила наша экономическая жизнь, толкаемая въ этомъ направленіи условіями и обстоятельствами, легко устранимыми. А съ разрѣшеніемъ общей проблемы самъ собою разрѣшится и спеціально-еврейскій вопросъ: населеніе будетъ ограждено отъ всякой эксплуатаціи, слѣдственно и отъ еврейской, а тѣмъ самымъ евреи будутъ ограждены отъ взрывовъ, подобныхъ 1871 г. въ Одессѣ и 1881

года во всей Малороссіи и Варшавѣ; съ другой стороны, весь еврейскій союзъ для эксплуатаціи потеряетъ подъ ногами почву, лишится внутренней цементирующей силы, состоящей въ его выгодности во время процесса обособленія капитала отъ труда, разложится самъ собою. Единственною его внѣшнею охраною могутъ тогда остаться лишь специальныя репрессіи противъ евреевъ, но съ ихъ отмѣною—о чемъ выше мы говорили подробнѣе — падетъ и этотъ послѣдній всееврейскій союзъ. Отмѣна законодательныхъ ограниченій сферы дѣятельности и мѣста жительства евреевъ и уравненіе ихъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ—составляютъ такимъ образомъ естественное дополненіе общей програмы.

Я почитаю завершеннымъ поставленную себѣ задачу: объективно и нелицепріятно оцѣнить значеніе еврейскаго вопроса въ Россіи, указать его мѣсто и намѣтить путь къ его разрѣшенію. Не мнѣ судить, насколько удалось мнѣ содѣйствовать уясненію этого едва ли не преднамѣренно затемняемаго обѣими сторонами вопроса, но да будетъ мнѣ позволено, заканчивая эти замѣтки, заявить моимъ южнорусскимъ землякамъ, къ какому бы племени ни принадлежали они, что, отрѣшившись отъ всякихъ племенныхъ предубѣжденій, я заботился объ одномъ—снять съ этого злополучнаго вопроса мощные слои посторонней грязи, густо залѣпившей его.

С. Южановъ.

ХЛУДОВЩИНА.

Удивительное зрѣлище представляетъ современное состоянiе русскаго общества. Съ одной стороны, куда ни посмотришь, кого ни послушаешь, всюду и вездѣ, у всѣхъ на языкѣ «народъ», «народная польза», «народныя нужды», всѣ просто пышатъ любовью къ народу, всѣ готовы принесть всякiя жертвы для народа; всѣ партiи желаютъ называться народниками, такъ что иной разъ даже неловко становится, когда услышишь это слово; появились даже такiе странныя слова, какъ «лженародники», «истинные народники», «послѣдовательные народники» и т. д. Словомъ, какъ будто всѣ только и живутъ для народа, только объ немъ одномъ и думаютъ, будто для всѣхъ и жизни безъ народа и внѣ народа нѣтъ и быть не можетъ. Но это только съ одной стороны. Съ другой же—всякiй разъ, когда является нужда перейти отъ словъ къ дѣлу, когда нужно оказать быструю и рѣшительную помощь столь любимому народу, когда нужно ради народа раскошеливаться или серьёзнымъ образомъ выступить на защиту народа, тогда наше общество забываетъ все свое «народничество», хранитъ глубокое молчанiе и не желаетъ пальца о палецъ ударить въ интересахъ своего кумира.

Именно такимъ лицемѣрнымъ оказалось наше общество въ исторiи, которую я намѣренъ разсказать и которая произошла очень недавно, стало быть, въ самый разгаръ «народной» политики, когда наши «самобытники» и «народники», съ гг. Аксаковымъ и Катковымъ во главѣ, въ какомъ-то экстазѣ кричатъ: «наша взяла!» Исторiя эта, оттѣняя самыми мрачными красками лицемѣрiе этихъ торжествующихъ «народниковъ», вмѣстѣ съ тѣмъ, освѣщаетъ пропасть истинныхъ народныхъ нуждъ.

Сгорѣла громадная фабрика г. Хлудова въ Ярцевѣ. Нѣсколько десятковъ человѣкъ сгорѣло живьемъ, еще болѣе осталось калѣками на всю жизнь; у тѣхъ и другихъ остались семьи, которымъ теперь нечѣмъ кормиться. Фабрика давала работу нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ и, стало быть, такъ или иначе, поддерживала существованiе нѣсколькихъ тысячъ семействъ, которыя теперь остались безъ куска хлѣба. Какое широкое поле открылось для дѣятельности всѣхъ народолюбцевъ, если только ихъ фразы о народѣ искренны! Какой удобный случай принести

пользу столь любимому народу и тѣмъ на дѣлѣ показать свое народолюбіе!..

Въ дѣйствительности же всѣ общественныя группы обнаружили самое позорное невниманіе къ пострадавшимъ рабочимъ. Газеты ограничились краткими сообщеніями о катастрофѣ, какъ будто это было такое же маловажное событіе, какъ и описываемые рядомъ съ нимъ разнаго рода скандалы и явленія театральнаго міра [1]. Никто не позаботился объ организаціи дѣла пріисканія работы нѣсколькимъ тысячамъ рабочихъ и они были предоставлены самимъ себѣ бродить и нищенствовать, пока не навернется какая-нибудь работа. Мало того, когда столь вопіющее дѣло, благодаря которому погибли десятки людей и притомъ погибли такою ужасною смертью, грозитъ быть замятымъ и виновники этого ужаснаго преступленія должны остаться безнаказанными, *только одно* общественное собраніе (собраніе духовщинскаго земства) выражаетъ по этому поводу свое негодованіе.

А между тѣмъ, хлудовская катастрофа должна бы привлечь къ себѣ вниманіе общества нетолько потому, что на обществѣ лежитъ обязанность оказать помощь пострадавшимъ, обязанность, обусловливаемая—не говоря уже о другихъ причинахъ—прямо «народничествомъ» самаго общества, такъ и потому, что эта катастрофа развернула передъ обществомъ ужаснѣйшую картину положенія нашихъ фабричныхъ рабочихъ. Пожаръ фабрики Хлудова обрисовалъ царящіе на нашихъ фабрикахъ порядки гораздо лучше, чѣмъ это могли бы сдѣлать годы кропотливыхъ изслѣдованій. Въ настоящей статьѣ мы и намѣрены представить результаты этого «самобытно-русскаго» способа изслѣдованія народныхъ нуждъ...

Первыя подробныя извѣстія о порядкахъ фабрики Хлудова относятся къ концу 1879 года, когда духовщинское земство, принимая во вниманіе, что «хлудовщина» представляетъ собою гнѣздо всякихъ эпидемій, произвело, черезъ особую земскую комиссію, осмотръ зданія фабрики и выстроенныхъ при ней помѣщеній для рабочихъ [2]. Свѣдѣнія эти въ значительной степени были пополнены на 6-мъ губернскомъ съѣздѣ врачей московскаго земства докторомъ Михайловымъ, пробывшимъ на фабрикѣ Хлудова 1879—1881 года [3]. Какъ земская комиссія, такъ и г. Михайловъ говорятъ, главнымъ образомъ, о санитарномъ состояніи фабрики и о вліяніи его на здоровье рабочихъ; экономической стороны дѣла они не касаются. Недостатокъ этотъ только отчасти пополняется свѣдѣніями, опубликованными въ га-

---

[1] Исключеніе представляютъ только газеты «Смоленскій Вѣстникъ» и «Недѣля», интересовавшіяся хлудовской катастрофой и помѣщавшія подробныя извѣстія о различныхъ перипетіяхъ этой драмы. На сообщеніяхъ этихъ газетъ, главнымъ образомъ, и построена предлагаемая статья.

[2] «Недѣля», 1880, № 39.

[3] «Врачъ», 1882, № 18.

зетахъ въ концѣ 1880 года по поводу такъ называемаго «бунта» хлудовскихъ рабочихъ, и фактами, добытыми на разбирательствѣ у мирового судьи дѣла объ этомъ «бунтѣ» [1]. Наконецъ, въ рѣчи духовщинскаго предводителя дворянства, князя Гурко, произнесенной имъ на послѣднемъ духовщинскомъ земскомъ собраніи, очерчиваются отношенія фабричной администраціи и мѣстной полиціи къ рабочимъ [2]. Къ концу-концовъ, всѣ эти свѣдѣнія рисуютъ передъ нами довольно яркую картину положенія рабочихъ на фабрикѣ купца Хлудова.

Послѣ пожара г. Хлудовъ получилъ одной страховочной суммы 1,700,000 рублей. При этомъ нужно замѣтить, что сгорѣлъ только главный фабричный корпусъ; всѣ же сосѣднія пристройки отъ казармъ для рабочихъ и до паллацо Хлудова-сына уцѣлѣли. Значитъ, стоимость фабрики значительно превышаетъ упомянутую выше сумму. Между тѣмъ, какъ удостовѣряетъ земская комиссія, г. Хлудовъ получалъ со всего своего капитала, какъ оборотнаго, такъ и основного до 45% дохода. Казалось бы, что при такихъ *милліонныхъ* барышахъ, можно бы хоть нѣсколько позаботиться и о рабочихъ. Посмотрите же, что было въ дѣйствительности.

Земская комиссія начала свой осмотръ съ селенія Ярцевъ-Перевозъ, возникшаго одновременно съ фабрикой г. Хлудова и представляющаго собою сплошную массу лавокъ, трактировъ, питейныхъ заведеній и жалкихъ лачужекъ, служащихъ жилищами рабочихъ. Что это за жилища, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: «При домѣ духовщинскаго мѣщанина Скоробогатаго, на дворѣ котораго помѣщается бойня, на этомъ дворѣ, представляющемъ одну сплошную помойную яму, помѣщаются 27 человѣкъ рабочихъ въ 9-аршинной избѣ, половину которой занимаетъ огромная русская печь, углы завалены мѣшками съ мукой, а подъ поломъ хранится запасъ картофеля. Вмѣсто столовъ—бочки изъ подъ селедокъ и грязныя скамейки изъ нестроганныхъ досокъ. Окна выходятъ на тусклый, тѣсный дворъ, т. е. вмѣсто свѣта и воздуха пропускаютъ лишь зловоніе и заразу» («Недѣля», 1880, № 39). Но еще хуже жилища рабочихъ, живущихъ при самой фабрикѣ. Они помѣщаются въ громадномъ сыромъ корпусѣ, въ три этажа, раздѣленномъ, какъ гигантскій звѣринецъ, на клѣтки или каморки, грязныя, смрадныя, пропитанныя вонью отхожихъ мѣстъ. Каморки эти набиты жильцами до того, что рабочіе, остря надъ своимъ положеніемъ, сравниваютъ себя съ сельдями въ бочкѣ. Комиссія приводитъ такой примѣръ: камора въ 13 куб. саж. служитъ помѣщеніемъ въ будни во время работъ для 17 человѣкъ, а въ праздники или во время чистки машинъ — для 35—40 чел. Вообще, по словамъ г. Михайлова, въ каморахъ приходилось по 0,6 куб. саж. заражен‑

[1] «Недѣля», 1881, № 27.
[2] Id., 1882, № 14.

наго всякими испареніями и газами воздуха на человѣка. Самая работа обставлена крайне-неблагопріятными условіями: рабочимъ приходится вдыхать хлопчато-бумажную пыль, находиться подъ дѣйствіемъ удушливой жары и переносить невыносимый запахъ, распространяющійся изъ дурно устроенныхъ ретирадъ. Относительно чрезвычайно высокой температуры мастерскихъ завѣдующіе фабрикой объяснили комиссіи, что обработка хлопка возможна только при температурѣ не ниже 25°. Въ дѣйствительности же, по свидѣтельству г. Михайлова, работы на фабрикѣ Хлудова производились при 28,2° Р. Что же касается дурного устройства ретирадъ, то фабричная администрація потому не устраиваетъ ихъ инымъ способомъ, что, *съ уничтоженіемъ міазмовъ, эти мѣста превратились бы въ мѣста отдохновенія для рабочихъ и ихъ пришлось бы выгонять оттуда силой.* Можно представить себѣ удобства работы и жизни рабочихъ г. Хлудова, если даже ретирады могутъ сдѣлаться «мѣстами отдохновенія»! Ко всему этому нужно добавить еще ночную работу и дурное устройство смѣнъ: рабочіе смѣняются черезъ каждые 6 часовъ, причемъ каждый рабочій долженъ отстоять въ сутки двѣ смѣны: такъ что, къ концу-концовъ, рабочій никогда не можетъ вполнѣ выспаться.

Нечего и говорить о томъ, какъ гибельно дѣйствуютъ на здоровье рабочихъ условія работы на фабрикѣ г. Хлудова, принимая во вниманіе въ особенности то обстоятельсто, что *до половины хлудовскихъ рабочихъ—малолѣтніе.* Изъ общаго числа рабочихъ (4,000) около 1/4 (24,6%) составляли дѣти до 14 лѣтъ; другую 1/4 (25,6%) составляли подростки до 18 лѣтъ. Болѣзненность среди хлудовскихъ рабочихъ была необыкновенно велика: несмотря на то, что, по словамъ земской комиссіи, большинство заболѣвшихъ рабочихъ получаютъ разсчетъ, не испытавъ удобствъ больницы, такъ какъ ихъ просто-на-просто увольняютъ при первыхъ признакахъ болѣзни, все-таки за три года пребыванія г. Михайлова на фабрикѣ, *въ больницѣ перебывало 700 человѣкъ, а амбулаторныхъ посѣщеній было 23817, т. е. по 2,4 посѣщенія на каждаго рабочаго въ годъ.* Еще рельефнѣе обнаруживаютъ небрежность фабриканта относительно здоровья и жизни рабочихъ цифры несчастныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто на хлудовской мануфактурѣ. Такъ, въ теченіи 1879—1880 гг. общее число поврежденій, нанесенныхъ рабочимъ дѣйствующими машинами, равнялось 633, т. е. одно поврежденіе приходилось на 6,5 рабочихъ въ годъ. Въ 1881 г. поврежденій было 360, причемъ всего болѣе страдали дѣти: въ то время, какъ одно поврежденіе приходилось на 12 взрослыхъ и подростковъ, изъ дѣтей подвергались поврежденіямъ 2 на каждые 7 человѣкъ. Нужно отмѣтить еще тотъ фактъ, что всѣ возрасты, какъ днемъ, такъ и ночью, получаютъ поврежденія значительно чаще во вторую половину работы (послѣдніе 3 часа 6-ти-часовой смѣ-

ны), когда организмъ рабочаго начинаетъ уставать («Врачъ», 1882, № 13).

Таково было положеніе хлудовскихъ рабочихъ съ санитарно-медицинской стороны. Не въ лучшемъ видѣ является и экономическая сторона ихъ положенія. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ точныхъ цифръ заработной платы, получаемой хлудовскими рабочими. Но тѣмъ не менѣе, многочисленныя данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ этомъ отношеніи положеніе рабочихъ представляетъ мало утѣшительнаго. Рабочіе нанимаются на годъ, обыкновенно отъ Пасхи до Пасхи. Существуютъ особыя рабочія книжки, которыя рабочимъ не выдаются, а хранятся въ конторѣ фабрики. Въ книжкахъ этихъ обозначается срокъ найма рабочаго, непремѣнно годовой; мѣсто же, гдѣ должна быть обозначена плата, оставляется пустымъ. Затѣмъ въ книжкѣ точно обозначается обязанность рабочаго не покидать фабрику до истеченія годичнаго срока; что же касается другой договаривающейся стороны, фабричной конторы, то она всегда можетъ прогнать съ фабрики рабочаго, коль скоро она, какъ сказано въ рабочей книжкѣ, «недовольна» рабочимъ. Вообще, рабочіе зависѣли всецѣло отъ произвола фабричной администраціи: плата удерживалась за цѣлые мѣсяцы; штрафы были такъ велики и многочисленны, что они положительно отравляли всю жизнь рабочихъ: на нѣкоторыхъ насчитывали по 10-ти и по 15-ти рублей въ мѣсяцъ штрафовъ и разныхъ вычетовъ. «Иной разъ работаешь, работаешь, анъ тебя въ одной рубашкѣ выпустятъ», жаловались рабочіе при разборѣ мировымъ судьею дѣла о хлудовскомъ «бунтѣ». Наконецъ, нерѣдко рабочихъ гнали съ фабрики безъ всякаго разсчета («Смоленскій Вѣстникъ», 1880 г. Сентябрьскіе номера. «Недѣля», 1881, № 27).

Фабрикою управлялъ англичанинъ Миленчъ. Это крайне жестокій человѣкъ, для котораго рабочіе были такими же машинами, какъ и какіе-нибудь чесальные снаряды, ватеры, мотовилы и проч. Сказанное, впрочемъ, не совсѣмъ справедливо, такъ какъ Миленчъ цѣнилъ машины несравненно выше рабочихъ и гораздо болѣе дорожилъ ими. Онъ хорошо понималъ, что машины стоятъ большихъ денегъ, тогда какъ рабочій почти ничего не стоитъ фабриканту, и потому совсѣмъ не церемонился съ рабочими. Вотъ какъ охарактеризовалъ г. Миленча рабочій Живовъ на разбирательствѣ у мирового судьи: «Директоръ нашъ не русскій, по русскому не понимаетъ; какъ кто за разсчетомъ пришелъ, онъ сейчасъ въ руки плеть или ремень, а то просто кулакомъ... Развѣ какой человѣкъ самъ посильнѣе...» Благодаря особаго рода отношеніямъ фабрики къ мѣстной полиціи, о чемъ я буду говорить ниже, Миленчъ былъ вполнѣ увѣренъ въ своей безнаказанности. Вотъ что, напримѣръ, разсказывалъ г. Гурко въ засѣданіи духовщинскаго земскаго собранія: «Года три-четыре тому назадъ, его бывшіе крѣпостные крестьяне села Горокъ явились къ нему, жалуясь, что имъ вскорѣ придется кормить сиротъ ихъ одно-

сельчанина Тараса, котораго забилъ англичанинъ Миленчъ. На вопросъ князя Гурко, какъ это произошло, крестьяне разсказали слѣдующее. Однажды, когда Тарасъ, работая на фабрикѣ, мостилъ полы, лежа на животѣ, Миленчъ принесъ дощечку съ мышьякомъ и знаками сталъ объяснять Тарасу, что съ этой дощечкой надо сдѣлать. Тарасъ, столько же понимавшій по-англійски, какъ самъ Миленчъ по-русски, ничего не понялъ и, кромѣ того, находясь въ неудобномъ лежачемъ положеніи, разсыпалъ мышьякъ. Кажется, преступленіе небольшое, но директору оно показалось ужаснымъ, и Миленчъ (здоровеннѣйшій приземистый дѣтина), освирѣпѣвъ, бросился на лежавшаго Тараса... Произошла отвратительная сцена. Тарасъ подалъ жалобу въ судъ, но еще до разбора дѣла помирился съ Миленчемъ на 25-ти рубляхъ. Удостовѣрившись лично въ тяжкомъ положеніи больного Тараса, князь Гурко сообщилъ объ этомъ фактѣ смоленскому прокурору, а прокуроръ поручилъ произвести объ этомъ дознаніе духовщинскому полицейскому управленію. Въ это время исправникомъ въ Духовщину былъ только-что назначенъ Милитинскій. На просьбу князя не передавать дознаніе ярцевскому становому Дьякову, новый исправникъ, еще не успѣвшій ничѣмъ себя прославить, хотя и обѣщалъ произвести дознаніе лично, но, тѣмъ не менѣе, оно попало къ Дьякову и въ его опытныхъ рукахъ кончилось тѣмъ, что и дощечка съ мышьякомъ, и побои, и все прочее оказалось чистѣйшимъ вздоромъ, пустяками, вымысломъ горкинскихъ крестьянъ. Но что это былъ не вымыселъ и не вздоръ, засвидѣтельствовалъ самъ Тарасъ: нѣсколько дней спустя послѣ дознанія, онъ умеръ; его сироты остались на рукахъ крестьянъ, а Миленчъ получилъ увѣренность, что съ русскими рабочими можно дѣлать все, что угодно, и ни за что не отвѣчать» («Недѣля», 1882, № 14). Многихъ ли еще Тарасовъ, Ивановъ и Петровъ отправилъ на тотъ свѣтъ г. Миленчъ, это, конечно, остается тайною прикрывавшей его полиціи; но что безчеловѣчный англичанинъ послѣ описаннаго случая сталъ цѣнить жизнь рабочаго дешевле жизни какого-нибудь цыпленка, видно изъ слѣдующихъ словъ князя Гурко, сказанныхъ имъ по поводу того обстоятельства, что сгорѣвшіе во время пожара рабочіе были *нарочно заперты* директоромъ Миленчемъ: «Уже не въ первый разъ практикуетъ, какъ слышно, англичанинъ Миленчъ подобный неслыханный способъ тушенія пожара; на фабрикѣ, гдѣ существуетъ складъ горючихъ матеріаловъ, случались пожары и прежде, и *каждый разъ директоръ запиралъ двери на ключъ*, имѣя въ виду, во-первыхъ, побудить рабочихъ, изъ чувства самосохраненія, тушить пожаръ проведенною внутри зданія водою; во-вторыхъ, чтобы предупредить расхищеніе хозяйскаго добра въ суматохѣ, неизбѣжной при каждомъ пожарѣ» (Id.). Какъ видите, разсчетъ былъ очень простой: запертые въ горящемъ зданіи, окруженные со всѣхъ сторонъ пламенемъ, рабочіе будутъ отчаянно бороться за свою

жизнь и, спасая себя, спасутъ и хозяйскія машины. Чѣмъ-то невѣроятнымъ, немыслимымъ, невозможнымъ кажется все это. Но, увы! сомнѣнія и вопросы могли имѣть мѣсто до катастрофы. Теперь же, въ виду нѣсколькихъ возовъ обгорѣвшихъ труповъ, въ виду этихъ нелицепріятныхъ свидѣтелей, никакія сомнѣнія неумѣстны и остается мѣсто одному негодованію...

А что же полиція? Или ея нѣтъ въ Духовщинскомъ уѣздѣ, въ которомъ находилась фабрика? Или она имѣетъ мѣстопребываніе такъ далеко отъ фабрики, что не могла ничего ни видѣть, ни слышать? Нѣтъ, читатель, полиція въ Духовщинскомъ уѣздѣ есть и находится на своихъ мѣстахъ: есть исправникъ Милитинскій, есть становой приставъ Дьяковъ, живущій въ Ярцевѣ, есть, наконецъ, урядникъ Юдиничъ, имѣвшій мѣстопребываніе на самой фабрикѣ. Но по отношенію къ фабрикѣ полиція нетолько оказалась слѣпа и глуха, но еще не разъ помогала фабричной администраціи заминать разныя темныя дѣлишки, какъ это мы видѣли въ дѣлѣ Тараса, убитаго Миленчемъ. Угодливость полиціи по отношенію къ фабричной администраціи доходила до того, что она, даже въ наше строгое относительно паспортовъ время, смотрѣла сквозь пальцы на присутствіе на фабрикѣ безпаспортныхъ рабочихъ и терпѣла ихъ по цѣлымъ годамъ, какъ это мы увидимъ изъ приводимаго ниже дѣла Сергѣя Лебедева. Что же заставляло полицію быть нетолько снисходительною, но прямо угодливою по отношенію къ фабрикѣ Хлудова? Очень понятно что̀: во-первыхъ, г. Хлудовъ человѣкъ богатый и сильный—лучше пользоваться его благорасположеніемъ, чѣмъ нерасположеніемъ; а во-вторыхъ... Но о второй причинѣ я прямо говорить не буду, а лучше разскажу одинъ фактъ, который и разъяснитъ все. У исправника Милитинскаго (нынѣ отставленнаго), или, по мѣстной кличкѣ, «Георгія Побѣдоносца», есть превосходная серебрянная солонка, работы Сазикова; она представляетъ крестьянскую избу съ окнами, дверями, трубой— и все изъ чистаго серебра. Величины эта солонка такой, что ее съ трудомъ можно приподнять. При солонкѣ — образъ Георгія Побѣдоносца въ честь ангела исправника: сіяніе вокругъ вѣнчика бриллiантовое. Понятное дѣло, что на исправницкое жалованье подобной вещи не пріобрѣтешь, и г. Милитинскій заработалъ ее усердіемъ: ее поднесъ исправнику г. Хлудовъ, сынъ собственника фабрики, постоянно живущій возлѣ нея въ великолѣпномъ палаццо. Такъ, по крайней мѣрѣ, писали сначала въ газетахъ; потомъ было опроверженіе, согласно съ которымъ солонку вмѣстѣ съ образомъ поднесли исправнику *рабочіе*, а г. Хлудовъ только взялся передать...

Какъ видитъ читатель, рабочіе на фабрикѣ Хлудова были окружены какимъ-то желѣзнымъ кольцомъ и ихъ положеніе было самое безнадежное. Работа—адская, не дающая возможности ни отдохнуть и выспаться, ни подышать чистымъ воздухомъ; условія работы и жизни — самыя убійственныя; уйти съ фабрики,

какъ бы ни было невыносимо оставаться на ней рабочему, невозможно въ теченія цѣлаго года, тогда какъ быть прогнаннымъ съ фабрики можно каждую минуту. Въ разсчетахъ полнѣйшій произволъ фабричной администраціи; штрафы и вычеты поглощаютъ чуть не всю заработную плату; при малѣйшемъ заявленіи неудовольствія прогоняютъ съ фабрики безъ разсчета или избиваютъ до полусмерти, а то и совсѣмъ на смерть. Жаловаться некому, такъ какъ полиція стоитъ на сторонѣ фабриканта, а мировой судья живетъ далеко, такъ что идти къ нему значитъ сдѣлать прогулъ, подвергнуться штрафу, изгнанію съ фабрики и т. п. Къ тому же, нашъ рабочій горькимъ опытомъ узналъ, что жаловаться на хозяина значитъ напрасно подвергаться непріятностямъ. И вотъ рабочіе терпятъ. Да и какъ не терпѣть: вѣдь на фабрику идутъ не съ хорошаго житья; стерпишь все, какъ ѣсть нечего...

Казалось бы, при такихъ условіяхъ, Хлудовъ могъ цѣлые вѣка не слышать ни одного выраженія неудовольствія, ни одной жалобы, ни одного стона. Но онъ съумѣлъ-таки вызвать выраженіе недовольства даже со стороны своихъ забитыхъ, голодныхъ полу-рабовъ. Выраженіе недовольства было, впрочемъ, немедленно же обращено въ «бунтъ» и «дерзкіе бунтовщики» были наказаны.

Исторія этого «бунта» очень характерна и именно тѣмъ, что онъ, какъ двѣ капли воды, сходенъ со всѣми «бунтами» нашего рабочаго люда, нерѣдко оканчивающимися очень печально для послѣдняго. Изъ послѣдующаго изложенія читатель увидитъ, кто въ этихъ «бунтахъ» является истиннымъ бунтовщикомъ—рабочіе или хозяева?

Г. Хлудовъ (отецъ), наживая милліоны, въ тоже время, по купеческому обычаю, старался кое-что дѣлать и для спасенія своей грѣшной души. Какъ извѣстно, наши купцы, дѣлая богатыя пожертвованія на колокола, соборы, разные пріюты и т. п. и, такимъ образомъ, спасая свои души, вмѣстѣ съ тѣмъ умѣютъ этими пожертвованіями пріобрѣтать расположеніе важныхъ лицъ. Дѣлалъ ли г. Хлудовъ пожертвованія на колокола—я не знаю; но зато общеизвѣстный фактъ составляетъ то обстоятельство, что не мало хлудовскихъ денегъ ушло на дѣло спасенія душъ раскольниковъ и обращенія ихъ въ лоно православной церкви. Г. Хлудовъ поддерживалъ миссіонерскія общества, былъ самъ членомъ противораскольничьяго братства св. Петра, имѣлъ чрезвычайно богатое собраніе раскольничьихъ рукописей и т. п. Когда въ Москвѣ нѣкоторые господа задумали отнять у старообрядцевъ-единовѣрцевъ типографію, печатавшую богослужебныя книги для старообрядцевъ, г. Хлудовъ явился на помощь этому предпріятію, и ассигновалъ для типографіи 120,000 рублей [1]. Сдѣлавши это пожертвованіе, онъ 8-го сентября 1880 г., явился въ Ярцево,

[1] «Русскія Вѣдомости», 1881, № 69.

сдѣлалъ распоряженіе о скидкѣ 10% съ получаемаго рабочими жалованья и на другой день уѣхалъ обратно въ Москву. Вотъ съ этого-то и начался «бунтъ» хлудовскихъ рабочихъ.

Казалось бы, что и по здравому смыслу, и по закону, рабочій имѣетъ полное право отказаться отъ работы, коль скоро ему даютъ плату, меньшую противъ той, по которой онъ договорился. Неужели онъ обязанъ работать и тогда, когда, вмѣсто договоренныхъ 15 рублей, ему предлагаютъ плату, уменьшенную на 10%? Но, какъ извѣстно, наши законы остаются иногда въ забвеніи, и вотъ изъ нежеланія рабочихъ работать по уменьшенной цѣнѣ выходитъ бунтъ.

Когда 9-го сентября на стѣнахъ внутри хлудовской фабрики появились объявленія о десятипроцентной сбавкѣ съ рабочей платы, рабочіе въ недоумѣніи столпились вокругъ нихъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы можно было, ни съ того, ни съ сего, уменьшить плату, особенно въ такую тяжелую пору, какою была осень 1880 года, когда цѣны на предметы первой необходимости страшно поднялись. Но фактъ былъ на лицо: объявленія висѣли на всѣхъ стѣнахъ. Вспомнили, вѣроятно, рабочіе всѣ обиды и всѣ притѣсненія, которыя они переносили на фабрикѣ, и порѣшили не работать больше на Хлудова. Однако, прежде чѣмъ уйти съ фабрики, рабочіе потребовали для объясненій директора Миленча. Но этотъ послѣдній неизвѣстно куда скрылся; вѣроятно, онъ вспомнилъ одну очень непріятную для него исторію: говорятъ, что, встрѣтивъ его гдѣ-то одного, рабочіе накрыли его зипуномъ и «своими средствіями» отплатили ему за всѣ штрафы и побои. Вмѣсто Миленча, явился «хозяйскій сынъ», Михаилъ Хлудовъ. Рабочіе потребовали разсчета или уничтоженія сбавки. Хлудовъ заявилъ, что разсчета не будетъ, но что и сбавка останется; вмѣстѣ съ тѣмъ, желая отвлечь толпу отъ зданій фабрики и машинъ, онъ предложилъ рабочимъ идти «погулять» въ Ярцевъ-Перевозъ, приказалъ принести два ящика орѣховъ и пряниковъ изъ своей лавки и сталъ бросать эти сладости съ балкона въ толпу. Г. Хлудовъ проявилъ столько доброты по отношенію къ рабочимъ, что громогласно приказалъ отпустить въ трактирѣ каждому рабочему по *одному* стакану чая, чѣмъ вызвалъ даже негодованіе въ толпѣ. «Я за пятачекъ сколько хочу пить буду», отвѣчали ему. Насколько добродушно была настроена толпа рабочихъ и какъ мало было въ ея поведеніи чего-либо похожаго на «бунтъ», видно изъ слѣдующаго эпизода. Когда Михаилъ Хлудовъ бросалъ въ толпу орѣхи и пряники, одинъ изъ рабочихъ, Максимъ Балакиревъ, вынулъ жилейку (родъ дудки) и началъ на ней играть (впослѣдствіи этотъ добродушный любитель музыки фигурировалъ въ качествѣ главнаго бунтовщика). Толпѣ это очень понравилось; понравилось и Хлудову, который далъ музыканту рублевую бумажку. Послѣ этого рабочіе отправились въ селеніе Ярцевъ-Перевозъ. Само собою разумѣется, что въ тысячной толпѣ дѣло не обош-

лось безъ шуму и гаму; кабаки растворили свои двери, кабатчики принялись за свое дѣло у стоекъ; рабочіе шумѣли и пили. Всѣ эти явленія были вполнѣ обычными, когда на фабрикѣ не было работы, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы ни «бунтомъ», ни «безпорядкомъ». Между тѣмъ, оказалось, что Хлудовъ, лаская рабочихъ, въ тоже время послалъ за урядникомъ. Явившійся урядникъ началъ стегать рабочихъ плетью. Само собою разумѣется, что рабочимъ не понравилось такое обращеніе урядника и они подняли противъ него крикъ; урядникъ схватился за револьверъ. Крики усилились; толпа оттѣснила урядника, и въ тоже время бывшіе въ толпѣ мальчишки осыпали его камнями. Урядникъ Юдиничъ, вообразилъ, что рабочіе «хотятъ разорвать его на части», но былъ «спасенъ» Хлудовымъ, свободно ходившимъ среди рабочихъ, и спрятанъ имъ на чердакѣ одного зданія, гдѣ онъ и пробылъ до 11 часовъ вечера. Но такъ какъ нѣтъ худа безъ добра, то оказалось, что добровольное заключеніе Юдинича не осталось безъ «пользы для службы», такъ какъ ему, какъ онъ самъ объяснялъ впослѣдствіи у мирового судьи, «съ чердака было виднѣй», кто главные бунтовщики.

Послѣ эпизода съ урядникомъ «бунтъ» перешелъ въ новый фазисъ своего развитія. Заработалъ телеграфъ; изъ Ярцева полетѣли телеграммы — сперва въ Духовщину, потомъ въ Смоленскъ, а отсюда въ столицу; потребовано войско. Между тѣмъ, рабочіе никакъ не хотѣли разыграть навязанной имъ роли «бунтовщиковъ» и продолжали вести себя самымъ мирнымъ образомъ. Были, конечно, и шалости: на нѣкоторыхъ огородахъ были повыдерганы рѣпа и картофель, въ еврейской молельнѣ были разбиты стекла. Были, наконецъ, просто глупости: навязали на палку платокъ, дали его мальчику въ руки и носили его съ криками «ура». Но сколько нужно имѣть безсовѣстности, чтобы подобные факты, совершаемые, по существу дѣла, немногими членами рабочей массы, поставить въ вину всей тысячной толпѣ рабочихъ, признать эти факты «бунтомъ» и требовать войско для усмиренія «бунтовщиковъ»? Правда, въ явившагося на бунтъ помощника исправника изъ толпы былъ пущенъ камень: но согласитесь, какъ справедливо замѣтилъ корреспондентъ «Недѣли», что «въ тысячной массѣ, возбужденной виномъ и криками, всегда найдется нѣсколько единицъ, безразсудные поступки которыхъ нельзя вмѣнить всему населенію, тѣмъ болѣе, что самые поступки были вызваны несправедливой и произвольной мѣрой фабричной администраціи».

Ночью 9-го сентября пріѣхалъ на фабрику смоленскій губернаторъ. Онъ сразу понялъ въ чемъ дѣло и убѣдилъ Хлудова отмѣнить сбавку; Хлудовъ согласился. 10-го числа губернаторъ объявилъ собраннымъ рабочимъ, что г. Хлудовъ согласился оставить прежнюю плату; Хлудовъ тутъ же это подтвердилъ. Рабочіе обрадовались, но, не довѣряя хозяину, попросили, чтобы объ

отмѣнѣ сбавки были вывѣшены на фабрикѣ объявленія; по распоряженію губернатора, было сдѣлано и это. Послѣ этого губернаторъ уѣхалъ. Часть рабочихъ направилась было къ станкамъ, но большинство желало, чтобы за прогульные дни не было вычетовъ и чтобы были уничтожены произвольные штрафы, и потому оттѣснило съ фабрики соглашавшихся начать работы. Извѣщенный объ этомъ губернаторъ снова явился на фабрику. Что онъ сдѣлалъ въ этотъ свой пріѣздъ остается неизвѣстнымъ. Извѣстно только, что вскорѣ послѣ этого явились войска, а губернаторъ возвратился въ Смоленскъ. Вотъ тутъ-то и разыгралась драма.

«Хозяйскій сынъ», Михаилъ Хлудовъ, доселѣ дрожавшій за фабричныя зданія и машины и потому старавшійся ладить съ рабочими, бросая имъ сладости и даже великодушно жертвуя по одному стакану чаю, теперь, съ прибытіемъ войска, сразу перемѣнилъ тонъ и повелъ себя совсѣмъ иначе. Лишь только губернаторъ уѣхалъ, Хлудовъ приказалъ сорвать объявленія объ отмѣнѣ сбавки и затѣмъ пригрозилъ рабочимъ, что онъ сбавитъ съ заработной платы вмѣсто десяти — 15%. Въ тоже время, какъ бы для подкрѣпленія угрозъ Хлудова, войска заняли фабрику, размѣстились у входа, на лѣстницахъ, въ конторѣ, у кассы, на телеграфной станціи и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начались аресты «главныхъ бунтовщиковъ». Съ какимъ разборомъ производились аресты, можно видѣть изъ того, что самымъ главнымъ бунтовщикомъ былъ тотъ самый Максимъ Балакиревъ, который забавлялъ рабочихъ и Хлудова игрою на жилейкѣ и за это получилъ даже рубль серебра изъ рукъ «хозяйскаго сына». Другой, «главный бунтовщикъ», Здоровенко, былъ арестованъ по слѣдующему поводу: онъ обратился къ исправнику Милитинскому съ заявленіемъ о своемъ желаніи получить разсчетъ; исправникъ велѣлъ ему идти за собою въ контору; но лишь только Здоровенко взошелъ на крыльцо конторы, онъ, ни съ того, ни съ сего, былъ арестованъ. Нѣчто подобное было и съ другими «главными бунтовщиками»...

Хлудовъ торжествовалъ, а рабочіе потеряли всякую смѣлость. Годъ трудный, заработковъ нѣтъ, надѣяться на уступки со стороны фабриканта послѣ всего происшедшаго было бы крайне наивно, и вотъ рабочіе-смольняне рѣшились смириться. 12-го сентября, въ 6 часовъ утра, машины были пущены въ ходъ, и часть рабочихъ, правда, очень небольшая, стала за станки. При слѣдующихъ смѣнахъ число рабочихъ возрастало и къ вечеру дошло до одной трети всѣхъ фабричныхъ; на другой день работало уже большинство, и только около 800 рабочихъ, подмосковныхъ крестьянъ, предпочли получить разсчетъ и были отправлены на родину. Фабрикантъ побѣдилъ: «бунтъ» былъ усмиренъ и въ газетахъ появились телеграммы о томъ, что «спокойствіе возстановлено». («Смоленскій Вѣстникъ», 1880 г., сентябрьскіе номера; «Недѣля», 1880, № 39 и 1881, № 27).

Арестованные рабочіе, всѣ молодые парни лѣтъ около 20, просидѣли въ тюрьмѣ около 5 мѣсяцевъ, пока тянулось слѣдствіе, и были выпущены на свободу въ концѣ января 1881 года, такъ какъ московская судебная палата, куда было передано прокуроромъ смоленскаго окружнаго суда слѣдственное производство по этому дѣлу, не нашла въ дѣяніи обвинявшихся признаковъ противодѣйствія властямъ, а усмотрѣла лишь нарушеніе общественной тишины, почему и опредѣлила передать настоящее дѣло мировому судьѣ Духовщинскаго уѣзда. Такимъ образомъ, страшное дѣло о «бунтѣ» кончилось скромнымъ разбирательствомъ у мирового судьи, которое и состоялось 10-го іюня 1881 года. Обстоятельства самаго разбирательства мы передадимъ словами корреспондента «Русскаго Курьера» (1881 г., № 163). Обвинителемъ со стороны полиціи явился исправникъ города Духовщины (все тотъ же г. Милитинскій), который настоятельно и поддерживалъ обвиненіе подсудимыхъ въ шумѣ и неповиновеніи полиціи. Защищать подсудимыхъ никто не нашелся. Обстановка суда выдавалась своею односторонностью. На одной сторонѣ обвинитель, исправникъ, человѣкъ знающій и хорошо приготовившійся къ обвиненію и цѣлая линія свидѣтелей, вызванныхъ имъ, начиная съ хозяина — Хлудова-сына, его управляющаго, прикащиковъ, мастеровъ, подмастерьевъ (всѣ эти лица находятся въ настоящее время на службѣ у Хлудова), и кончая урядникомъ. Обвиняемые же не выставили отъ себя ни одного свидѣтеля, и они, какъ оказалось въ послѣдствіи, когда уже приговоръ былъ постановленъ, и не знали, что можно и имъ вызвать свидѣтелей. Свидѣтели къ присягѣ не приводились, по неимѣнію священника, какъ объяснилъ мировой судья. Дѣло производилось нѣсколько домашнимъ образомъ. Такъ, свидѣтели не отводились въ отдѣльную комнату, а пребывали вмѣстѣ какъ до своихъ показаній, такъ и послѣ того, какъ нѣкоторые изъ нихъ уже дали показанія. Второй свидѣтель (управляющій фабрикою [1]), былъ на лицо и слышалъ хорошо, когда мировой судья читалъ записанное показаніе спрошеннаго передъ нимъ свидѣтеля, его хозяина—Хлудова. Всѣ свидѣтели, конечно, показывали стройно и не расходились въ своихъ показаніяхъ. Особенной стройностью отличались показанія урядника (того самаго Юдинича, который спрятался на чердакъ) и одного изъ прикащиковъ (Глинки), которые прямо указывали на нѣкоторыхъ подсудимыхъ, что они видѣли этихъ рабочихъ, какъ зачинщиковъ, предводителей безпорядковъ, тогда какъ эти же свидѣтели у судебнаго слѣдователя, 9 мѣсяцевъ тому назадъ, при свѣжести дѣла, слѣдовательно, и памяти, не указывали на этихъ рабочихъ. Когда мировой судья предложилъ, послѣ преній, слово исправнику, то этотъ сказалъ, что онъ считаетъ дѣло хо-

[1] Петръ Ивановичъ Щербаковъ. Прошу читателя запомнить имя и этого героя, такъ какъ онъ фигурируетъ въ нижеслѣдующей исторіи.

рошо выясненнымъ, и ничего не прибавилъ. Въ послѣднемъ своемъ словѣ подсудимые ничего не могли сказать. Только одинъ подсудимый громко произнесъ: «За языкъ они жалованье получаютъ», явно относя эти слова къ вызваннымъ свидѣтелямъ. Другой обвиняемый указалъ, что они, подсудимые, всѣ люди необразованные и не могутъ всего выяснить. До суда подсудимые отсидѣли по $5^1/_2$ мѣсяцевъ (это не совсѣмъ вѣрно: подсудимые сидѣли нѣсколько менѣе *5 мѣсяцевъ*) въ тюрьмѣ, а въ послѣднее время находились подъ надзоромъ полиціи. Мировой судья изъ 6-ти подсудимыхъ, находящихся на лицо, обвинилъ четырехъ. Двоихъ онъ приговорилъ къ *мѣсячному* тюремному заключенію и 2-хъ къ *2-хъ-недѣльному*...

Таковъ былъ финалъ хлудовской исторіи. Если у Хлудова, Миленча, Щербакова, Глинки и другихъ могли быть до этой исторіи сомнѣнія относительно того, могутъ ли они дѣлать безнаказанно все, что имъ угодно, то послѣ нея всякія сомнѣнія должны были исчезнуть. И эта увѣренность Хлудова и его подручныхъ довела до страшной катастрофы, стоившей жизни нѣсколькимъ десяткамъ людей.

23-го января настоящаго года въ 6 часовъ вечера, загорѣлась огромная Хлудовская мануфактура и къ полночи отъ громаднаго пяти-этажнаго корпуса остались однѣ каменныя стѣны. Обстоятельства, сопровождавшія ходъ пожара, выяснены корреспондентами «Смоленскаго Вѣстника» и «Недѣли», прибывшими на пожарище и собиравшими свѣдѣнія по горячимъ слѣдамъ отъ рабочихъ, находившихся еще подъ впечатлѣніемъ ужасовъ предшествующаго дня.

Пожаръ начался въ такъ называемомъ трепальномъ отдѣленіи, гдѣ загорѣлся хлопокъ. Началъ распространяться дымъ, по выраженію одного рабочаго, ѣдкій-преѣдкій, горькій-прегорькій, захватывающій дыханіе человѣческое. Между тѣмъ машины были въ полномъ ходу, рабочіе продолжали свое дѣло у станковъ и среди оглушительнаго грохота машинъ никто не подозрѣвалъ грозившей опасности до тѣхъ поръ, пока огонь не пробился изъ трепальнаго отдѣленія въ другія. Тогда, задыхаясь отъ дыма, спасаясь отъ огня между двигающимися колесами и рычагами, бросились рабочіе въ животномъ ужасѣ къ единственному выходу. Наконецъ, передніе ряды бѣгущихъ достигаютъ выхода, спасеніе кажется близкимъ. Но двери оказываются запертыми... Нѣтъ словъ для передачи того, что испытала эта тысячная толпа, стоявшая передъ запертыми дверями, слыша сзади себя грохотъ машинъ, не перестававшихъ дѣйствовать до одиннадцати часовъ, и задыхаясь отъ дыма и копоти. Насталъ тотъ ужасный моментъ, когда въ инстинктѣ самосохраненія люди забываютъ все, теряютъ послѣднюю искру разсудка и лишаются способности думать о чемъ-либо, кромѣ грозящей опасности. Безумные крики ужаса и отчаянія огласили фабрику съ одного конца до другого. Многіе стали бросаться въ окна, не разбирая этажей, и

разбивались на смерть. Многіе попадали въ обморокъ; иные, совершенно ошалѣвшіе, лѣзли прямо на стѣны. Одну беременную женщину совсѣмъ раздавили, причемъ она тутъ же родила. Одинъ парень бросался, какъ безумный, отъ окна къ окну и, наконецъ, крикнувъ: «прощайте, братцы! я погибаю!» пропалъ въ пламени...

Между тѣмъ *снаружи* въ запертыя двери бились и стучались тѣ, кто не былъ въ это время на фабрикѣ и прибѣжалъ на пожаръ. Это были отцы и матери, дѣти и братья несчастныхъ, сгоравшихъ въ запертой фабрикѣ. Они желали предупредить своихъ кровныхъ объ опасности, желали помочь имъ, спасти ихъ. Но стоявшіе около дверей сторожа гнали ихъ прочь, чтобы они «не сгорѣли». Долго ли продолжалось бы такое положеніе вещей, неизвѣстно. Но въ это время на помощь запертымъ явились слесаря: они бросились на сторожей и, оттѣснивъ ихъ, выбили двери. Какъ снѣжная лавина, бросилась толпа изъ внутренности фабрики и, какъ обезумѣвшая, бѣжала дальше отъ нея. Многіе до того одурѣли отъ ужаса, что не могли найдти выхода и ихъ пришлось выводить силою съ фабрики. Одинъ мальчуганъ, съ пылающими волосами и въ горящей рубашонкѣ, бѣгалъ взадъ и впередъ, не умѣя попасть въ дверь....

Но по какому же поводу двери оказались запертыми и съ какой стати сторожа снаружи не пускали желавшихъ помочь сгоравшимъ? А очень просто: двери заперъ и приказалъ сторожамъ отгонять всѣхъ прочь все тотъ же англичанинъ Миленчъ, директоръ фабрики, котораго, послѣ пожара, изъ опасенія народной расправы, отвезли подъ конвоемъ на станцію желѣзной дороги и, продержавъ цѣлую ночь въ какомъ-то чуланѣ, отправили инкогнито въ Москву, откуда онъ возвратился уже по минованіи всякой опасности. Но что же побудило Миленча отдать такое дикое приказаніе? «А думали народомъ огонь погасить!» объяснялъ корреспонденту «Недѣли» одинъ рабочій. Директоръ такъ полагалъ, что можно будетъ машины отстоять.

Корреспондентъ «Недѣли», прибывшій на пожарище, какъ я уже упоминалъ, на другой же день, говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Всѣ слышанные нами факты приводили къ такому заключенію, что единственною причиною гибели, мученій и искалѣченія стольких людей было варварское приказаніе директора Миленча. Имѣя въ виду спасти машины, дорожа хозяйскимъ добромъ, онъ обрекалъ на мучительную смерть сотни русскихъ рабочихъ, беременныхъ женщинъ, подростковъ и дѣтей. Вмѣсто того, чтобы увѣдомить о пожарѣ въ началѣ, когда онъ еще не принялъ большихъ размѣровъ, остановить машины, прекратить этотъ адскій ревъ, мѣшающій сосредоточить вниманіе на чемъ бы то ни было, директоръ, зная всѣ условія фабричной обстановки, зная, кромѣ того, что соприкосновеніе газа и паровъ съ огнемъ можетъ имѣть гибельныя послѣдствія для цѣлаго населенія, нетолько оставляетъ рабочихъ на произволъ судьбы, но, прегра ж-

дая единственный путь къ спасенію, устраиваетъ такую давку, въ которой люди идутъ по тѣламъ другихъ людей какъ по мосту и, достигнувъ наконецъ выхода, находятъ двери запертыми» («Недѣля», 1882, № 6).

Въ отвѣтъ на приведенныя слова и на аналогичныя сообщенія корреспондента «Смоленскаго Вѣстника» *служащіе* на фабрикѣ г. Хлудова напечатали письмо, въ которомъ они развязно заявляютъ, что «они вынуждены возстановить о пожарѣ истину, какъ люди, близко стоящіе къ фабричному дѣлу и очевидцы событія». Истина эта, по мнѣнію гг. служащихъ, заключается въ томъ, что *двери заперты не были*, а что рабочіе погибли просто по своей глупости; ни съ того, ни съ сего столпились на лѣстницѣ и давили другъ друга; при этомъ гг. служащіе, какъ бы мимоходомъ, сообщаютъ, что г. Миленчъ намѣренъ притянуть къ суду органы печати, сообщившіе позорящія его доброе имя свѣдѣнія. Чтобы читатель могъ оцѣнить по достоинству это заявленіе, я приведу тѣ свидѣтельства о запертыхъ дверяхъ, которыя уже успѣли проникнуть въ печать. Именно, корреспондентъ «Смоленскаго Вѣстника», прибывшій на мѣсто тотчасъ же послѣ катастрофы, слышалъ, *по крайней мѣрѣ*, *отъ 50 рабочихъ*, что двери фабрики, по приказанію директора, были заперты; тоже самое сообщали корреспонденту «Недѣли» всѣ спрошенные имъ рабочіе, какъ изъ числа бившихся внутри, за запертыми дверями, такъ и изъ числа старавшихся отворить двери снаружи. Князь Гурко въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ послѣднемъ духовщинскомъ земскомъ собраніи, сообщилъ, что, возвращаясь изъ Москвы въ Смоленскъ, онъ встрѣтился съ чинами смоленской полиціи, ѣхавшими съ мѣста пожара, и отъ одного изъ нихъ (котораго въ случаѣ надобности назоветъ) слышалъ, что двери на фабрикѣ хотя и не были *заперты*, но были *затворены*, и ихъ *держали снаружи*, заграждая выходъ толпѣ, стремящейся вонъ изъ горящаго зданія. Но особенно любопытно въ этомъ отношеніи показаніе нѣкоего Лебедева и мы остановимся на немъ поподробнѣе. «При посѣщеніи духовщинскаго острога, директоры отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ (князь Гурко, протоіерей Сеньковскій, инспекторъ городскаго училища Вахтеровъ и городской голова Горбатовъ) нашли въ одной изъ камеръ арестанта, по имени Сергѣя Лебедева. Арестантъ этотъ, сынъ дьячка Прилѣпы Краснинскаго уѣзда, на вопросъ князя Гурко о причинѣ заключенія, объяснилъ, что, не совершивъ никакого преступленія, онъ попалъ въ острогъ единственно за то, что, потерявъ безсрочное свидѣтельство смоленской консисторіи, проживалъ съ дубликатомъ, выданнымъ ему смоленскимъ полицейскимъ управленіемъ. Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ онъ работалъ поденно на фабрикѣ Хлудова и только послѣ пожара былъ арестованъ урядникомъ, который отправилъ его въ духовщинское полицейское управленіе, откуда, оставивъ его дубликатъ, его самого препроводили въ острогъ.

Этотъ Лебедевъ, упрятанный въ острогъ за безписьменность, которая, однако, не помѣшала ему работать на фабрикѣ въ теченіе двухъ лѣтъ сряду, оказался сущей находкой: онъ видѣлъ пожаръ отъ начала до конца и подтвердилъ вполнѣ *фактъ запертыхъ дверей*. По приказанію Миленча, *рабочіе были заперты въ горѣвшемъ зданіи* — чтобы не разбѣжались и лучше тушили — огромнымъ внутреннимъ замкомъ наружной массивной двери, представлявшей *единственный выходъ изъ двухъ корпусовъ*, такъ какъ другая дверь изъ новаго корпуса на дворъ была постоянно заперта. Лебедевъ видѣлъ, какъ *выломали дверь*, какъ люди бросались въ окна 3 и 4 этажей, какъ въ отворенную народомъ дверь вытаскивали задавленныхъ и увѣчныхъ; онъ слышалъ отчаянные вопли и крики обезумѣвшей массы и ко всѣмъ этимъ давно извѣстнымъ подробностямъ прибавилъ новую: приказавъ запереть наружную дверь, Миленчъ *собственноручно заперъ* желѣзную дверь въ третьемъ этажѣ, въ катушечной, гдѣ работали женщины и дѣвушки. Вотъ эту-то желѣзную дверь, которую заперъ Миленчъ, отворилъ механикъ Перловъ, отнявъ у Миленча ключи и ударивъ его въ лицо» («Недѣля», 1882, № 14). Любопытно, что имя механика Перлова стоитъ въ числѣ другихъ подписей подъ заявленіемъ гг. служащихъ, въ которомъ, какъ мы видѣли выше, такъ оригинально «возстанавливается истина». А между тѣмъ, что именно Перловъ, а не кто другой отнялъ у Миленча ключи и отперъ ими желѣзную дверь, подтверждается показаніями не одного только Лебедева; то же самое сообщилъ корреспонденту «Недѣли» крестьянинъ деревни Плѣшкова, Яковъ, у котораго погибла на пожарѣ 15-ти-лѣтняя дочь... Наконецъ, помимо всѣхъ этихъ прямыхъ показаній, нужно принять во вниманіе еще слѣдующее обстоятельство: фабрика загорѣлась въ 6 часовъ, а машины работали до 10 или 11 часовъ; казалось бы, за это время можно было безопасно увести съ фабрики цѣлую армію. А между тѣмъ, послѣ хлудовскаго пожара осталось семь возовъ труповъ.

Въ одной газетѣ было напечатано, что всего погибло на пожарѣ 18 человѣкъ. Но, судя по всему, эта цифра слишкомъ уменьшена противъ дѣйствительности. Рабочіе видѣли семь возовъ труповъ; затѣмъ, они говорятъ о множествѣ костей, найденныхъ на полу фабричнаго корпуса, подъ остатками машинъ, и до того перегорѣвшихъ, что онѣ разсыпаются отъ прикосновенія. Когда два года тому назадъ сгорѣла фабрика Гивартовскаго въ Москвѣ, число сгорѣвшихъ рабочихъ не могло быть опредѣлено, такъ какъ конторскія книги, лежавшія вмѣстѣ съ деньгами въ несгараемомъ ящикѣ, какъ-то ухитрились тоже сгорѣть, хотя деньги уцѣлѣли. На фабрикѣ г. Хлудова въ настоящее время дѣлается тоже нѣчто въ этомъ родѣ, только еще въ гораздо большихъ размѣрахъ. Такъ, подмосковные рабочіе, которые смѣлѣе мѣстныхъ смольнянъ, не такъ забиты и запуганы и, стало быть, могли оказаться опаснѣе для фабричной администраціи въ случаѣ слѣдствія, были немедленно же, съ необыкновенною по-

*

спѣшностью, отправлены на родину, для чего приготовлялись даже особые экстренные поѣзда желѣзной дороги. Всякая попытка разъяснить дѣло встрѣчаетъ самый рѣзкій отпоръ: такъ, корреспондентъ «Смоленскаго Вѣстника», при первыхъ попыткахъ узнать подробности катастрофы, былъ приглашенъ становымъ приставомъ удалиться, какъ *постороннее лицо*, хотя совершенно непонятно, почему г. становой приставъ, который, благодаря своему невниманію къ порядкамъ хлудовской фабрики, несетъ долю вины въ катастрофѣ, ближе къ погибшимъ, нежели всякій другой человѣкъ. Наконецъ, самые трупы исчезли неизвѣстно куда, такъ что даже родственники погибшихъ не могутъ ихъ отыскать. Вотъ, напримѣръ, какія мытарства перенесъ тотъ самый Яковъ изъ деревни Плѣшкова, о которомъ упоминалось выше, разыскивая трупъ своей дочери: изъ конторы его послали къ уряднику, урядникъ къ становому, становой въ становую квартиру, изъ становой квартиры отправили на кухню Хлудова, а оттуда вытолкали въ шею. Кончилось, однако, тѣмъ, что за 15 лѣтнюю убитую дѣвочку, у которой были переломаны ребра и во многихъ мѣстахъ пробитъ черепъ ногами бѣжавшихъ по ней рабочихъ, несчастному отцу дали 25 рублей и отпустили на всѣ четыре стороны...

И что всего ужаснѣе, такія исторіи стали у насъ довольно частымъ явленіемъ. Давно ли сгорѣло болѣе сорока человѣкъ на фабрикѣ Гивартовскаго? Вслѣдъ затѣмъ произошла катастрофа, стоившая многихъ жизней, на петербургской табачной фабрикѣ братьевъ Шапшалъ, на которой работницы были *тоже заперты* во время пожара, съ цѣлію предупредить расхищеніе хозяйскаго табаку...

Вся эта исторія не могла не взволновать общественное мнѣніе той мѣстности, которая имѣетъ несчастіе видѣть въ своемъ сосѣдствѣ г. Хлудова. И вотъ на послѣднемъ духовщинскомъ земскомъ собраніи мѣстное общественное мнѣніе выразило свое негодованіе. Мѣстный предводитель дворянства, князь Гурко, произнесъ прочувствованную рѣчь, изъ которой мы взяли многія свѣдѣнія о фабрикѣ г. Хлудова и которая, дѣйствительно, рисовала предъ слушателями ужасную картину порабощенія рабочихъ. Затѣмъ, согласно предложенію г. Гурко, земское собраніе постановило: 1) вторично ходатайствовать объ учрежденіи на фабрикѣ купца Хлудова должности земскихъ комисаровъ, обязанныхъ наблюдать за исполненіемъ санитарныхъ правилъ, обязательныхъ для мѣстныхъ фабрикъ [1], и 2) ходатайствовать о допущеніи къ участію одного или нѣсколькихъ уполномоченныхъ отъ земства при слѣдствіи по поводу бывшаго на фабрикѣ пожара. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе выбрало четырехъ уполномоченныхъ изъ числа гласныхъ для передачи губернатору просьбы собранія о возмож-

[1] Такое постановленіе духовщинское собраніе сдѣлало еще въ прошломъ году.

но-скорѣйшемъ съ его стороны представленіи ходатайства земства г. министру внутреннихъ дѣлъ.

Мы вполнѣ сочувствуемъ ходатайству духовщинскаго земскаго собранія и желаемъ ему полнаго успѣха. Необходимо, чтобы безобразія, освѣщенныя заревомъ страшной катастрофы, были прекращены разъ навсегда.

Я. Абрамовъ.

ПО ДЕРЕВНЯМЪ.

I.

За ночь, ясную осеннюю погоду замѣнила буря; нагнала снѣжныхъ тучъ, и посыпались густыя, большія хлопья снѣга на землю. Къ утру земля была уже покрыта тонкимъ слоемъ снѣга, затруднявшимъ ѣзду на колесахъ и въ то же время еще не дозволявшимъ ѣзду на саняхъ. Все пуще разъигрывалась буря, мятель, все сильнѣе сыпались хлопья. Плохо быть въ дорогѣ въ такую пору.

Не ожидая пассажировъ въ такую погоду, извощики не выѣхали на станцію. До деревни версты двѣ, мѣстность совершенно незнакомая; за мятелью и снѣгомъ не видно даже на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Я оказалась въ совершенно безпомощномъ положеніи.

— Погодите, барышня, сейчасъ долженъ прійти изъ волостного правленія разсыльный, онъ васъ и проводитъ въ село, утѣшалъ меня сторожъ на станціи:—до деревни не Богъ вѣсть какъ далеко, а онъ понесетъ вещи. Дойдете.

Пришелъ разсыльный, высокій, нѣсколько сгорбленный старикъ, лѣтъ 65, тотчасъ же согласился взять мои вещи и проводить до села.

Зашагали мы съ Акимомъ Васильичемъ по дорогѣ. Ходить было трудно, вѣтеръ такъ и пронизывалъ насквозь, а снѣгъ ложился густымъ слоемъ на шапку, шубку...

— Чтò это вы, Акимъ Висильичъ, какую службу себѣ выбрали? спросила я старика.—Вотъ въ какую погоду вамъ ходить приходится!

— Не въ такую хаживали, сударыня, и не по стольку! Я два раза въ недѣлю въ городъ хожу, а городъ-то 17 верстъ, да городомъ пройдешь верстъ пять, да назадъ.

— То-то я и говорю, что службу вы трудную выбрали?

— А эта служба полегче, чѣмъ другая. Только ногамъ трудно, а самому ничего.

— Да если ногамъ трудно, такъ вѣдь и самому трудно.

— Нѣтъ, сударыня, это дѣло особливое. Я вотъ сорокъ лѣтъ по разнымъ мѣстамъ живу, а теперь супротивъ прежняго куда службу легче нашелъ. Двѣнадцать лѣтъ жилъ въ больницѣ чернорабочихъ, въ Москвѣ, въ дворникахъ — тамъ дядьками называютъ—такъ куда какъ было трудно.

— Работа, что ли, тяжелая была?

— Не работа тяжела, сударыня, а жить трудно. Чего, чего не насмотришься тамъ, сколько горя и сказать нельзя. Знамо все съ хворью что ни на есть тяжкой туда идутъ. Мужику, да на чужой сторонкѣ, и хворать-то бы некогда. Нужда изъ дому гонитъ, пойдетъ работу искать, а тутъ хворь настигнетъ. Чѣмъ работать, хлѣбъ добывать, въ больницѣ приходится лежать. А пока ляжетъ, сколь ему мыкаться приходится! Другого только умирать привезутъ, а пока на улицѣ валялся. Какъ пойдешь топить печи въ палатахъ, или кушанья обносить, чего ни наслышишься, чего ни насмотришься! Пришелъ со стороны, иной изъ далека, а въ деревнѣ семья, ждетъ хлѣба. Онъ за хлѣбомъ пришелъ, а его хворь захватила, а то и смерть. Эхъ, сударыня, что̀ ужь и поминать?

— А я вотъ слышала, Акимъ Васильичъ, что въ больницѣ служители все больше народъ грубый, выпить любитъ. У кухарки моей двоюродной сестры мужъ служилъ въ часовнѣ, такъ про него говорили, что онъ покойниковъ просто тискаетъ въ гробъ, а коли не укладываются, такъ ноги начнетъ ломать. И съ родственниковъ подачекъ требовалъ, и вообще много безобразій творилъ.

— Конечно, сударыня, и такой народъ бываетъ. Иной по природѣ такой, а другой и тамъ такимъ сдѣлается. Тяжко ему, онъ и начнетъ пить, а выпивши и не разбираетъ. Только такихъ не много. Я вотъ жилъ-жилъ, да сюда и ушелъ. Тутъ хотя ходьбы и много—на станцію ходи, да въ Москву, да за старостой или де́сятскимъ—а все же легче.

— Ну, а какъ ноги у тебя ходить не станутъ?

Акимъ Васильичъ, шедшій нѣсколько шаговъ впереди, даже пріостановился.

— Ка̀къ ходить не станутъ? Это на счетъ того, какъ совсѣмъ годиться не буду?

— Да вѣдь тебѣ 65 лѣтъ, Акимъ Васильичъ! долго ли въ моготу будетъ такіе концы задавать.

— И придетъ же тебѣ, сударыня, что въ голову? У насъ народъ и въ 75 лѣтъ дѣло справляетъ. А на все воля Божія.

— Да развѣ у тебя своей избы нѣтъ?

— У меня-то? нѣтъ, сударыня. Лѣтъ сорокъ пять уже на волю отпущенъ. Тогда, знамо, безъ земли пустили. Шелъ я зимой какъ-то (я вѣдь самъ-то изъ Костромской губерніи) лѣ-

сомъ, а дорогой попался мнѣ баринъ нашъ, а за нимъ гнался медвѣдь. А у насъ тамъ всѣ по лѣсу съ ружьемъ ходятъ. Я и убилъ медвѣдя. Меня и отпустилъ тогда баринъ на волю. Сначала-то я обрадовался барской милости, да на линію не попалъ, Богъ счастья не послалъ. Я крѣпко любилъ землей заниматься, а купить землю было не на что. Былъ я и въ работникахъ, мыкался, мыкался, да такъ ничего и не вышло.

— А у тебя есть кто изъ родныхъ?

— Никого у меня нѣтъ. Старуха была, померла въ больницѣ. Послѣ нея больше и не стало мочи жить въ больницѣ.

Только благодаря разговорамъ съ Акимомъ Васильичемъ, я не особенно чувствовала трудности, которыя приходилось преодолѣвать, пробираясь въ село. Дорога шла все въ гору; вѣтеръ, снѣгъ такъ и хлестали по лицу. Наконецъ, дошли до того мѣста, гдѣ возвышался дворецъ не отстроенный, но уже разрушающійся. Цѣлыми рядами желѣзо свалилось съ крыши, стѣны и оконныя отверстія смотрѣли черныя, мрачныя, а внизу, подъ горой, живописно расположился прудъ, окруженный деревьями, купальня, и оригинальной постройки мостъ.

— Недостроенъ, а валится, кивнулъ на дворецъ Акимъ Васильичъ.—Сколько народу, поди, трудилось надъ нимъ! А все понапрасну. Слышь, мѣсто понравилось, ну, и начали строить, а потомъ не нуженъ сталъ. Сколько трудовъ на него положено! Со всѣхъ мѣстъ, чай, рабочихъ нагоняли!

Въ волостномъ правленіи мнѣ прямо объявили, что ѣхать дальше сегодня нельзя. Рыночный день, большая часть обывателей уѣхала въ Москву и еще не возвращалась; на телегѣ нельзя, а сани не справлены. Нужно было переночевать въ селѣ. Я вспомнила, что осенью здѣсь открыто женское училище и что сюда назначили въ учительницы молодую дѣвушку, которую я немного знала. Акимъ Васильичъ опять понесъ мои вещи.

— А у насъ учительница-то недавно поселилась, разсказывалъ онъ дорогой. — Прежде одно только училище было. Вотъ мы шли мимо дворца, такъ я тебѣ показывалъ: одинъ уголъ у него отдѣланный—тамъ и училище. Учитель тамъ же живетъ. У него прежде и дѣвочки учились. А тутъ тѣсно стало, многимъ отказывали. Вдругъ прослышали, что дѣвочекъ отдѣльно учить станутъ. Слухъ-то прошелъ, а училища нѣтъ для нихъ. Пріѣхала учительница, молоденькая, прямо къ учителю. «Гдѣ, спрашиваетъ, тутъ училище, въ которое я назначена?» А онъ ей и сказать ничего не можетъ, не знаетъ. Мыкалась, сердечная, знать, долго. То въ Москву съѣздитъ, то къ попечителю сунется. Никто ничего не знаетъ. Ну, ей Богъ за терпѣніе и послалъ. Живетъ здѣсь нѣмецъ, Артуръ Александровичъ. У него тутъ домъ свой, да дачи. Онъ и вздумалъ пожертвовать, что ни на есть лучшую свою дачу на училище и пристроилъ барышню. Вотъ сама увидишь, какое помѣщеніе—куда суразнѣе того самаго дворца.

На окраинѣ деревни стоялъ хорошенькій домъ съ мезониномъ, верандой и небольшимъ садомъ. Новое строеніе, съ большими, свѣтлыми окнами, смотрѣло весело, уютно.

Пріятно было смотрѣть на веселое, оживленное личико молоденькой учительницы-хозяйки. Все ее занимало въ новой обстановкѣ, и послѣ первыхъ же привѣтствій она усадила меня за чайнымъ столомъ и стала подробно разсказывать о всѣхъ перенесенныхъ ею мытарствахъ. Всѣ разсказы Акима Васильича вполнѣ подтвердились. Въ управѣ Антонинѣ Васильевнѣ сказали, что она назначена учительницей въ Н... женское училище; но, пріѣхавъ туда, она узнала, что женскаго училища въ Н... нѣтъ. Она отправляется къ учителю мужского училища. Тотъ говоритъ, что и онъ слыхалъ, что здѣсь откроютъ женское училище, но пока распоряженій никакихъ нѣтъ. Антонина Васильевна опять ѣдетъ въ Москву, идетъ въ управу; ее посылаютъ обратно въ Н... Наконецъ, попечитель мужского училища въ Н... предлагаетъ ей вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ Артуру Александровичу, который будто заявилъ желаніе принять попечительство надъ несуществующимъ еще женскимъ училищемъ. Обѣщаніе свое Артуръ Александровичъ исполнилъ блестящимъ образомъ. Закипѣла работа въ одной изъ дачъ; печники переложили печи, столяры сдѣлали двойныя рамы, плотники ломали ненужныя перегородки, дѣлали новыя. Явилась хорошенкая мебель въ уютной квартирѣ учительницы, явилась классная мебель въ училищѣ, книги, учебныя пособія, картинки для нагляднаго обученія, не жалѣлись средства и соображалось только съ тѣмъ, насколько вещи полезнѣе дешевыхъ изданій. Устроена особая раздѣвальня съ нѣсколькими рядами вѣшалокъ, заказаны для всѣхъ ученицъ, которыхъ сразу набрали 38, валеные ботики, чтобы, пришедши изъ дому, онѣ могли свою грязную, сырую обувь замѣнить сухой, теплой. Для уроковъ рукодѣлія отведена особая, большая, свѣтлая комната. Накупилъ попечитель иголокъ, наперстковъ, ножницъ, нитокъ, бумаги, спицъ, цѣлый кусокъ чернаго люстрину на фартуки, коленкору и т. п. «А съ будущей недѣли, закончила свой разсказъ Антонина Васильевна:—Марьюшка (такъ звали прислугу, которую попечитель нанялъ на свой счетъ для школы) начнетъ готовить для бѣдныхъ дѣвочекъ горячій завтракъ».

— Еслибъ вы только знали, продолжала молодая дѣвушка съ раскраснѣвшимся личикомъ и съ блестящими отъ внутренняго волненія глазами:—еслибъ вы только знали, какъ я счастлива! Я только думаю объ одномъ: какъ бы мнѣ поставить дѣло такъ, чтобы оно пошло хорошо! Сколько ужь потрачено денегъ, и вдругъ я не слажу! Вѣдь было бы жаль, еслибы отъ моего неумѣнія дѣло не пошло! Я каждый вечеръ занимаюсь, готовлюсь къ уроку, и, право, очень-очень стараюсь. Если же я замѣчу, что у меня дѣло не идетъ, то откажусь, какъ мнѣ ни будетъ жалко уѣхать отсюда.

И ей можно было повѣрить, что она говоритъ искренно, что если она увидитъ, что не пойдетъ дѣло какъ слѣдуетъ, то оставитъ мѣсто, а не останется въ этомъ уютномъ уголкѣ, съ своими дѣвочками, которыхъ успѣла уже полюбить. Стала она разсказывать о своихъ ученицахъ, кто изъ нихъ какъ учится, у кого какія способности, какія наклонности она успѣла подмѣтить. Напились мы чаю, и она нѣсколько застѣнчиво объяснила, что ей нужно поправлять ученическія тетради, что я бы ее извинила, если она займется этимъ дѣломъ. Было отрадно смотрѣть на это юное, славное существо, въ которомъ было еще столько дѣтскаго и которое въ тоже время выказывало такое серьёзное отношеніе къ своему дѣлу. Она училась прежде въ одномъ изъ казенныхъ институтовъ, отлично кончила курсъ, была одной изъ кандидатокъ на полученіе серебряной медали, и, несмотря на это, отказалась отъ представившихся ей мѣстъ въ гувернантки и предпочла идти въ сельскія учительницы на 200 руб. жалованья.

— Учитель, который здѣсь живетъ, говорила она мнѣ:—ужь десятый годъ учительствуетъ, а все еще готовится къ урокамъ. И какъ у него хорошо идутъ занятія! Я часто съ нимъ совѣтуюсь. Онъ каждый разъ, какъ въ Москву ѣздитъ, оттуда какія-нибудь новыя руководства привозитъ; мы читаемъ ихъ, разбираемъ. А какой у него мальчишка славный! вдругъ совершенно по институтски вскрикивала молодая дѣвушка:—какой бѣленькій, пухленькій, кудрявенькій ребенокъ! какая у учителя славная жена!..

Я легла пораньше, а въ гостинной молодой дѣвушки долго еще горѣла лампа, долго она еще сидѣла за тетрадями и книгами. Нужно было наверстать время, проведенное со мной въ разсказахъ объ ея мечтаніяхъ. А мечтала она о многомъ, многомъ... между прочимъ, и о томъ, чтобы накопить изъ своего 18-ти-рублеваго жалованья столько, чтобы купить піанино, хоть старенькое, плохонькое, рублей въ сорокъ.

На другое утро повезъ меня крестьянинъ Павелъ Кузьмичъ. На видъ ему казалось не болѣе 25-ти лѣтъ, а на самомъ дѣлѣ уже подъ сорокъ. Средняго роста, юркій, съ волосами рыжеватаго оттѣнка, онъ производилъ впечатлѣніе плутоватаго мужика. Отъ него пахло виномъ, хотя онъ и не былъ пьянъ. Говорилъ Павелъ Кузьмичъ связно и много; видно было, что онъ любилъ говорить, но любилъ и слушать; обращалъ вниманіе, какія слова употреблялись другими и запоминалъ ихъ. Любилъ онъ приводить пословицы, поговорки и самъ же разъяснялъ, развивалъ, приводилъ примѣры. Не любилъ онъ смотрѣть собесѣднику прямо въ глаза, отчего и получалось впечатлѣніе, что онъ мужикъ нѣсколько плутоватый, себѣ на умѣ. Любилъ онъ разсуждать, и разсуждалъ обо всемъ. Постояно просвѣчивало горделивое чувство, что онъ и его семья, т. е. отецъ, братья, были люди куда лучше другихъ. Когда мы выѣхали, намъ стали попадаться дѣ-

вочки, отправляющіяся въ школу. Шли дѣвочки нетолько изъ своего села, по которому мы ѣхали, но и изъ другихъ близь лежащихъ деревень, отстоящихъ въ 1/2 верстѣ и нѣсколько далѣе отъ училища.

— Въ училище идутъ, объяснялъ Павелъ Кузьмичъ. — Вотъ мода пошла дѣвочекъ граматѣ обучать. Сначала, какъ первое училище у насъ открыли, никого изъ дѣвочекъ не было, а тамъ стали насылать богачи, мѣщане, купцы, которые тутъ торгуютъ, или у кого здѣсь заведеніе, а на нихъ глядя и мода пошла эта самая. Все съ каждымъ годомъ больше и больше посылаютъ дѣвочекъ. А теперь даже для нихъ и особливое училище пристроили.

— Да развѣ прежде нехорошо учили мальчиковъ съ дѣвочками вмѣстѣ?

— Какъ нехорошо! все одно, что мальчиковъ учили, и свидѣтельства давали, да не въ томъ дѣло. Учитель, извѣстно, мужчина, онъ бабьихъ дѣловъ не знаетъ.

— Да какимъ же бабьимъ дѣломъ, по твоему, въ школѣ обучать надо?

— Извѣстно какимъ, шитью обучать надо.

— Да вѣдь не въ портнихи вамъ дѣвочекъ готовить, а что нужно по дому, тому и мать обучитъ.

Павелъ Кузьмичъ встрепенулся до того, что даже взглянулъ мнѣ прямо въ глаза, но тотчасъ же отвернулся.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что у насъ на этотъ счетъ вовсе плохо. Совсѣмъ у насъ бабы выродились. Ужъ не говоря о томъ, что ни прядутъ, ни ткутъ—этого давно нѣтъ, вѣдь у насъ земля либо подъ дачами, либо подъ огородами, ленъ лѣтъ тридцать не сѣемъ—да и своего коренного дѣла, и того совсѣмъ не справляютъ. Пошли это онѣ бумагу мотать или папиросы вертѣть, да и свертѣлись совсѣмъ. Иглы въ руки взять не умѣютъ, мужу рубашки не сошьютъ, ребятъ не обошьютъ. Все покупное, на все деньги; чулки покупаютъ, рубашку отдаютъ шить въ люди, платье въ люди, шубку въ люди. Да все не простое, а чтобы вывели на всемъ узоры, вышивка чтобы была. А сами заплату поставить не умѣютъ. А теперь цѣны-то какія! За шубку съ фанбарой (оборкой) 2 рубля отдай. Шить бы умѣла, посидѣла бы вечера три-четыре и сшила бы сама шубку, а то въ люди, да въ люди. Не крестьянка, а чистое раззоренье! Вотъ теперь, слышно, въ школѣ учить будутъ работать, такъ сами мужики дѣвокъ въ школу гонятъ, потому что плоха баба, коли своего дѣла не знаетъ.

— Да вѣдь самъ же ты, Павелъ Кузьмичъ, говоришь, что въ люди отдаютъ шить — значитъ, вотъ эти люди и умѣютъ шить. Вы бы и сватали себѣ невѣстъ изъ этихъ самыхъ, которыя на людей-то работаютъ. Давно бы ваши дѣвки смекнули, что пора имъ за разумъ взяться, и пріучались бы работать.

— А кто же напередъ знаетъ, что̀ дѣвка умѣетъ? Мы вѣдь

беремъ все больше не изъ своего села. Оваха сосватаетъ—и ладно. Чего-чего ни наговоритъ, а посмотришь, дѣло совсѣмъ дрянь, хуже своихъ дѣвокъ окажется баба.

— Такъ вы брали бы знакомую, изъ своего села, чѣмъ свахъ посылать.

— Чудныя вы! сказываю вамъ, что не въ заводѣ у насъ. Своихъ дѣвокъ видишь, за всякой все знаешь. А тутъ—*чего не видишь, того не бредишь*, значитъ, напередъ не знаешь. Пріѣдешь къ невѣстѣ, а она принаряжена, платье надѣнетъ, набѣлится, нарумянится. Ну, извѣстно, парень молодой, ему того только и нужно. Своихъ дѣвокъ и въ худой одежѣ видишь, за всякимъ дѣломъ, ну, и нечего ихъ смотрѣть.

— А свахѣ платите что-нибудь?

— Что слѣдуетъ по уговору; кто ситцу дастъ аршинъ пятнадцать, кто полсапожки, кто платокъ. Когда мнѣ сосватали невѣсту, свахѣ дали полсапожки, да пять аршинъ миткалю, да невѣста ее подарила.

— Кто же даетъ, отецъ или мать?

— Это завсегда ужь мать даетъ. А у меня матери не было, сгорѣла она у насъ. Насъ девять человѣкъ дѣтей было; пожаръ случился ночью. Насъ всѣхъ вытаскали, а мать вспомнила, что ребенокъ въ зыбкѣ остался, и бросилась за нимъ; огонь ее захватилъ. Съ недѣлю похворала и померла; вмѣстѣ съ груднымъ и похоронили ее. Двухъ сестеръ взяла тетка-купчиха въ Москву, онѣ тамъ и умерли отъ скарлатины. Сестра старшая была лѣтъ семнадцати, ей бы въ ту пору замужъ пора, собирать бы надо, а тутъ какъ случился пожаръ, она и стала намъ замѣсто матери. Какъ принялась у печи стоять, такъ и теперь все за пей стоитъ. Она въ ту пору, какъ меня женить, замѣсто матери все дѣло сладила. Какъ мнѣ семнадцать лѣтъ минуло, она пошла по церквамъ ходить въ праздникъ въ разныя деревни, ну, въ Канознѣ и высмотрѣла дѣвушку. Когда время пришло, послала сестра къ ней сваху, скоро и порѣшили. Пришелъ я потомъ къ теткѣ въ Москву, а она и говоритъ: «Ну, что, Павлуша, сосватали тебѣ невѣсту—говорятъ, ростомъ-то съ версту!» Ничего, говорю, тетушка, тѣмъ и хороша. Грязно будетъ, она меня черезъ лужи носить будетъ, сапоги цѣлы будутъ. Такъ вотъ все и смѣялись. Баба—ничего, хорошая.

— Деньги, что ли, взялъ ты за ней?

— Какія деньги! Отецъ въ ту пору еще имъ на свадьбу далъ тридцать рублей. Прежде водилось, что женихи давали невѣстамъ на вино, на постель. Прежде было за что и давать. Бабы заправскія были; на себя, на мужа, на дѣтей, все дѣлали, нарядами не баловались, а теперь во многихъ деревняхъ даже хлѣба сами не пекутъ. Вѣришь ли, есть деревни, гдѣ хлѣба не сѣютъ, а огородами занимаются, овесъ развѣ высѣютъ. И муки не покупаютъ, а все покупаютъ печенымъ хлѣбомъ. Домахъ въ трехъ только и пекутъ на все село. За это самое безъ приданаго, да

безъ денегъ и не берутъ. Моихъ двухъ сестеръ отдавали, такъ за одной отецъ 75 рублей далъ, а за другой 100 рублей.

— Что̀ же, сестры хорошо живутъ?

— Какое хорошо! Деньги прожили, теперь и маются.

— А у тебя дѣвочки подростутъ, и ты за ними денегъ дашь?

— Да что подѣлаешь! извѣстно, дамъ.

— А ты бы не отдавалъ за тѣхъ, которые денегъ просятъ.

— А что съ дѣвками сдѣлаешь? Заладятъ одно: отдавай, да отдавай замужъ — ну, и отдашь, хоть корову продашь, чтобы деньги добыть.

Павелъ Кузьмичъ остановилъ лошадь. Нужно было спускаться съ крутой горы прямо на мостъ, перекинутый черезъ рѣку. На горкѣ стоялъ трактиръ.

— Сударыня, есть, что ли, съ тобой деньги? вдругъ спросилъ Павелъ Кузьмичъ.

— А тебѣ на что?

— Да ноги больно озябли, погрѣться надо.

Дала я ему пятачекъ. Повеселѣвшій Павелъ черезъ нѣсколько минутъ выбѣжалъ изъ трактира.

— Вотъ теперь тепло, оживленно произнесъ онъ. — Давеча жена говоритъ: надѣнь валенки, а я не надѣлъ; говорю: въ сапогахъ поѣду. А теперь и озябъ.

— А ты вѣрно водку любишь?

— Да кто же ея не любитъ? Только я въ мѣру.

— А про васъ говоратъ, что шибко вы выпиваете, Павелъ Кузьмичъ.

— Мы пьемъ много водки, потому что работа наша трудная. А пьянствуютъ у насъ только пропащіе.

— Такъ ли, Павелъ Кузьмичъ? А не такъ ли выйдетъ: пьете вы шибко, а потому и пропадаете?

— Нѣтъ, сударыня, не такъ. Ежели я мужикъ исправный, у меня постоянно въ умѣ, что нужно, чтобы я въ исправности былъ. И подати внести, и дровъ купить, и одежу справить. Иной разъ мимо кабака пойдешь, и тянетъ тебя, а тутъ сейчасъ въ умѣ представится, что всего нужно, ну, и не пойдешь. А кто знаетъ, что какъ онъ ни бейся, а все ему не быть исправнымъ, тотъ и не тужитъ. Одинъ конецъ—все равно раззоренье. Какъ ни вертись, всего не сдѣлать. Ну, бросить, все въ кабакъ несетъ, лишь бы въ умѣ не держать своего горя. И пойдетъ знакомую дорожку торить до тѣхъ поръ, пока есть что нести. А нечего нести, такъ и еще хуже пойдетъ, у кого какой характеръ. Кто въ чужой карманъ залѣзать станетъ, а кто и подъ окошки пойдетъ съ сумой...

Доѣхали мы до деревни, и отыскала я тамъ крестьянина Захара Захарыча. Захаръ Захарычъ былъ человѣкъ старый, лѣтъ шестидесяти, сѣдой. Черные глаза смотрѣли умно и добродушно. Жилъ онъ съ своей старухой и дѣвочкой лѣтъ тринадцати. Сынъ его учился хорошо, поступилъ въ учительскую семина-

рію, а потомъ и самъ сдѣлался сельскимъ учителемъ. Только мѣсто получилъ онъ гдѣ-то далеко отъ своей деревни и стариковъ навѣщалъ только во время лѣтнихъ ваканцій. Какъ только рѣчь зайдетъ о сынѣ, у Захара Захарыча глаза начинаютъ блестѣть, а у старухи-матери навертываются мелкія, блестящія слезинки на глазахъ. Лучше сына они и не знаютъ человѣка. Долго я бесѣдовала съ Захаромъ Захарычемъ насчетъ его мастерства, уговаривала его выставить свои издѣлія. Отговаривался онъ тѣмъ, что старъ, что занимается одинъ, работаетъ уже тридцать лѣтъ все на одного купца и не изъ своего матеріала.

— Вотъ то-то и горе, Захаръ Захарычъ, что всѣ вы работаете не изъ своего матеріала. Сами не выставляете, образцовъ не продаете; ѣздишь, ѣздишь, а съ пустыми руками пріѣдешь въ Москву.

Захаръ Захарычъ разсмѣялся.

— Точно, сударыня, плохое твое дѣло. А вотъ что, старуха, дай-ка тамъ у насъ гдѣ-то прежніе остатки. Фасонистыя ленты въ прежніе года ткали, такъ остались концы. Вѣдь основу не всегда въ аккуратъ угодишь, а куски мѣрой вяжешь, вотъ и остались. Теперь лѣтъ пять такихъ не дѣлаемъ. Вотъ эти тебѣ, пожалуй, и даромъ отдадимъ.

Я обрадовалась. Старуха вытащила три конца лентъ, какихъ я еще не видала. На бумажной основѣ затыкались цвѣты шелкомъ; ленты толстыя, жесткія, оригинальныя. Очевидно, онѣ гдѣ-нибудь употреблялись на крестьянскіе наряды. И тѣ ленты, которыя ткалъ Захаръ Захарычъ въ настоящее время, не принадлежали къ тѣмъ сортамъ, которые употребляются на отдѣлку, на платья и т. д. Концы были небольшіе, аршина въ два. Пока Захаръ Захарычъ, мнѣ объяснялъ, какъ ткутся эти ленты, какая разница въ станкахъ при томъ и другомъ производствѣ, пока мы толковали объ основѣ и утокѣ, о сыромъ и вареномъ шелкѣ, вошла въ избу другая крестьянка, родственница хозяевъ. Услыхавъ наши толки, и пошептавшись съ хозяйкой, она стала внимательно наблюдать за мной.

— Ну, вотъ теперь и научили вы меня всему, Захаръ Захарычъ; теперь пора мнѣ и дальше. Говорите, чтò мнѣ дать вамъ за ленты?

— Нѣтъ, ты, сударыня, постой! вмѣшалась вновь вошедшая женщина:—ты скажи, зачѣмъ тебѣ ленты-то.

— Да вотъ сказывала я имъ, что на выставку. Надо, значитъ, всякаго крестьянскаго производства на выставку.

— Нѣтъ, ты, Захарычъ, лентъ не давай, опять вмѣшалась женщина.—Мало ли кто съ хорошимъ лицомъ ѣздитъ, да на душѣ у него что, неизвѣстно. Теперь время не такое. Вы меня извините, сударыня, а право такъ. Его, пожалуй, подъ бѣду подведете. Тоже лѣтошный годъ была я на дачѣ, въ Перовѣ, на гулянье ходила. А тамъ жила на дачѣ ...ская. Вѣдь какая хорошая лицомъ-то! И глаза у ней свѣтлые, вѣрные, а что сдѣ-

лалось! Видѣла я ее тамъ, пріѣзжала она къ знакомымъ, а тѣ ее подъ ручку водили по гулянью-то! Нѣтъ, Захарычъ, не поддавайся.

Захарычъ нерѣшительно переминался съ ноги на ногу.

— Да вѣдь она съ бумагой, вмѣшался Павелъ Кузьмичъ.— У насъ въ волостномъ читали бумагу-то.

— Да что бумага-то, развѣ отъ нея прокъ? бумага бумагой и останется, опять вмѣшалась женщина — Мы не граматные, а были бы и граматны, такъ бумага, по нашему, ничего не значитъ. Что съ нея взять-то! Нѣтъ, Захарычъ, не путайся ты на старости лѣтъ.

— Полноте, голубушка! Какое тутъ путанье можетъ быть. Видите, за дѣломъ пріѣхала, а подводить подъ бѣду Захарыча мнѣ не зачѣмъ. Ну, сами посудите, какая бѣда, что куплю у него концы, которые ему не нужны? Товаръ онъ купцу лѣтъ пять этотъ сдалъ, вычетовъ не было, да и концы пустяшные. Ну, сказывайте, какая бѣда, по вашему, можетъ выйти?

Женщина замялась.

— Мы, конечно, народъ темный, глупый, разсудить всего не можемъ. А все чудно, концы на выставку... За ними человѣка посылать... ну, хоть бы мужчину послали, а то женщину! Вѣдь это не спроста, тутъ можетъ что и кроется. Извѣстно, женщина ловчѣе будетъ. Нѣтъ, лучше не давай, Захарычъ!

— Кабы сынъ здѣсь былъ! вздохнулъ Захаръ Захарычъ.

— Да, кабы сынъ вашъ былъ здѣсь, мнѣ бы съ пустыми руками отъ васъ не уѣхать, Захаръ Захарычъ.

— Вотъ онъ бабій разумъ-то! ворчалъ Павелъ Кузьмичъ, раздосадованный, кажется, болѣе меня, когда мы, побывавши еще въ нѣсколькихъ избахъ, отправились въ другую деревню.—Заладила одно и слушать ничего не хочетъ. Дѣло чистое, а она мужика смутила. Трещитъ, трещитъ, да за своей трескотней людскихъ рѣчей не слышитъ, чужого разума не набирается. А если и слушаетъ, такъ только такую же трескотню, какъ свою. Вотъ сказываютъ, соловей, какъ заливается, такъ закрымши глаза, самъ себя слушаетъ, а другого ужь не слышитъ и не видитъ. Тутъ-то, говорятъ, его и ловятъ. Вотъ и баба иная совсѣмъ своими рѣчами другого смутитъ, а рѣчи-то ея только трескъ, да звонъ.

— Какая баба выищется, Павелъ Кузьмичъ! Иная лучше всякаго мужика дѣло пойметъ.

— Гдѣ ихъ искать, такихъ бабъ-то! Конечно, можетъ, и бываетъ хорошая, только вѣдь это такая ужь, которая на мужика смахиваетъ. Вонъ, которая баба мужицкое дѣло справляетъ, та и поумнѣе будетъ. А прочія и въ городѣ бываютъ, а уму разуму мало набираются. Все по своему перевираютъ.

Павелъ Кузьмичъ замолчалъ, сколько я ни старалась опять навести его на туже тему.

— А не слыхала ли ты, сударыня, когда коронація будетъ? спросилъ онъ меня чрезъ нѣсколько времени.

— Въ газетахъ пишутъ, будто лѣтомъ будетъ.

— Вотъ когда царь покойный короновался, такъ царскій обѣдъ былъ. Было мнѣ лѣтъ пятнадцать тогда или поболѣ, а въ волость къ намъ и прислали бумагу, приказъ, чтобы пять мужиковъ, старыхъ, почтенныхъ прислали въ Москву. Отецъ и попалъ въ то число. Дорогой все разсуждали, по какой причинѣ вызываютъ? не пришлось бы въ отвѣтѣ быть.—Купцы навстрѣчу попались—ихъ спрашивать стали, а они смѣются. Заставятъ, говорятъ, васъ тамъ качели качать. Старики опечалилися, обидно стало. Пріѣхали въ Москву, явились, и билетъ имъ дали. Ступайте-молъ, на Ходынку, тамъ и ждите. Какъ флагъ опустятъ, вы и садитесь за столъ и кушайте царское угощеніе. Подъѣхали мы, видимъ: столовъ наставили страсть сколько, и убрали бѣлымъ миткалемъ, а тамъ краснымъ сукномъ! А царское мѣсто, чтобъ ему видать было всѣхъ, все обито краснымъ сукномъ, да цвѣтами. А на столахъ-то угощеніе, колбасы, хлѣбъ, пироги, бараны съ золотыми рогами, вина. Замѣсто блюдъ окаренки глиняные. Сталъ это я съ лошадьми поближе, да все и высматривалъ. Вотъ, думаю, какъ флагъ опустятъ, я этого самаго барана схвачу подъ полу, да въ телегу. Больно хорошъ онъ мнѣ показался. Вдругъ флагъ зашатался. Что̀ тутъ только было, и—и! Кинулся народъ на столы, пошла драка... Я было къ столу, а барана ужь кто-то стащилъ! Схватилъ я колбасу, а лошади и побѣжали... Я колбасу за пазуху, да за ними, а колбаса и выпала. Такъ ни съ чѣмъ и остался. А народъ въ ту пору расходился. Тащатъ, отнимаютъ другъ у друга, ломаютъ столы, оборвали миткаль, сукно все оборвали. Тащитъ это кто окаренокъ — артель на встрѣчу ему, отнимаетъ; онъ его хлопъ на земь, черепки такъ и летятъ на всѣ стороны. Сколь черепковъ однихъ было! Царь-то пріѣхалъ, а ужь ничего нѣтъ. Потомъ вино изъ бассейна стали пить. Фонтаны устроены были. Давятъ другъ друга. Кто добился до бассейна—пьетъ, другимъ подаетъ, а кто подальше стоитъ, тому завидно, возьметъ что попало, камень али черепокъ, да въ него... А тотъ и свалится. Говорятъ человѣкъ двадцать убили, перекалѣчили. Страсть что было!

Было уже совсѣмъ темно, когда я пріѣхала въ деревню, откуда хотѣла прямо отправиться въ Москву. Когда зашла къ старостѣ, тотъ оказался сильно выпивши, жена его также была совсѣмъ пьяная. Изба грязная, вся перекосившаяся, печь сильно подалась въ полъ; было даже страшно оставаться въ избѣ. До Москвы всего верстъ десять. Потребовала я себѣ подводу прямо въ Москву. Староста было не соглашался, но я знала, что въ эту позднюю пору настоящей работы у крестьянъ нѣтъ, и настояла, чтобы дали подводу вплоть до Москвы. Чрезъ нѣсколько времени вошелъ мужикъ средняго роста, суетливый, черные волосы съ сильной просѣдью. Пробовалъ онъ уговорить меня взять

подводу только до ближайшаго села, но, не добившись своей цѣли, наконецъ, объявилъ мнѣ, что сани стоятъ у крыльца. Алексѣй Тимоѳеевъ былъ сильно недоволенъ. Изъ прогонныхъ денегъ, которые я вручила при немъ старостѣ, онъ тотчасъ взялъ гривенникъ, чтобы выпить.

— Не пей, Алексѣй Тимоѳеичъ, уговаривала я его:—я лучше тебѣ на чай дамъ, если довезешь хорошо.

Но онъ не обращалъ никакого вниманія на мои слова и все-таки заѣхалъ въ кабакъ, гдѣ хватилъ стаканчика два водки.

— Это я для смѣлости, объявилъ онъ мнѣ, когда опять сѣлъ въ сани и мы поѣхали далѣе.—И охота тебѣ, сударыня, ѣхать въ ночную пору; лучше бы переночевала у меня.

— Да я и такъ четвертые сутки изъ дому уѣхала. Тоже устала, все на морозѣ, да и погода скверная. Соскучилась я по дому.

— Ну, ладно, и поѣзжай домой, да меня-то отпусти. Видишь, тутъ будетъ деревня скоро, до нея въ полчаса доѣдемъ, а отъ нея всего три версты до Москвы будетъ. Ты въ ней, въ деревнѣ-то и возьми другую подводу,

— Не дѣло ты говоришь, Алексѣй Тимоѳеичъ. Во-первыхъ, прогоны взялъ ты до самой Москвы. Потомъ ты самъ сказывалъ мнѣ, что деревни останутся въ сторонѣ, значитъ, чтобы въ деревню заѣхать надо своротить въ сторону. А потомъ ты говоришь, что 7 верстъ въ полчаса проѣдемъ, а на три версты смѣны просишь? Три версты, выходитъ по твоему, можно меньше чѣмъ въ четверть часа проѣхать. Нѣтъ ты ужь вези, вези, нечего тебѣ лошадь жалѣть.

— Да я не лошадь жалѣю, а самого себя. Какъ я одинъ домой поѣду ночью?

— Теперь всего восьмой часъ, и вернешься ты домой въ десятомъ часу, тутъ постоянно народу много ѣздитъ. Я другой годъ ѣзжу, иной разъ часу въ двѣнадцатомъ ѣдешь, и то ничего, а ты боишься. Все это ты такъ, зря говоришь.

Старикъ все еще не терялъ надежды уговорить меня переночевать въ какой-нибудь деревнѣ. Онъ сталъ громко говорить со мной, увѣрялъ, что это онъ дѣлаетъ для того, чтобы «дурные люди» думали, что ѣдетъ много народу, началъ кричать, разсказывать, что ночью ѣздить опасно. Убѣдившись, наконецъ, что ему не напугать меня, онъ началъ ворчать и явно высказывать свое неудовольствіе.

— И на кой это выставку затѣяли, прахъ ее побери! Вамъ все забава, а намъ безпокойствіе.

— Вотъ придешь на выставку и увидишь, что тутъ не одна забава.

— Ничего я не увижу, и не пойду я на нее. Чего я не видалъ тамъ? Землю я работаю и надо мнѣ соху да борону. Я самъ соху и сдѣлаю. Я свою соху самъ дѣлалъ и служитъ она мнѣ лѣтъ десять, да еще десять лѣтъ прослужитъ. Чего добраго и тамъ сохи

наставлены будутъ, на видъ точно игрушка! Баринъ взглянетъ, купитъ, отдастъ рублей 10, или 15, а то и дороже, а привезетъ домой—она ничего не стоитъ, пахать ею нельзя. Такъ-то вотъ и все у васъ, только однѣ затѣи для баръ.

Стала я ему говорить, для чего и какъ устраивается выставка, почему желаютъ узнать, при какихъ условіяхъ занимаются промыслами и что изъ этого выйдетъ. Алексѣй Тимоѳеичъ разсмѣялся.

— Эхъ ты, барыня, много ты, поди, узнала о нашемъ дѣлѣ! Ты почемъ купила мотокъ снурковъ изъ кислой шерсти?

— Дала за кусокъ 10 копеекъ, а прежде онъ стоилъ 17. Теперь промыселъ этотъ совсѣмъ кончается, такъ что, пожалуй, вы и дешевле его отдаете, да я тѣснить не хотѣла.

— То-то тѣснить не хотѣла, передразнивалъ старикъ: — а снурокъ-то стоитъ 5 коп. Я вотъ выросъ на этихъ снуркахъ, самъ ихъ выгонялъ мотковъ по десяти, такъ знаю.

— А много ли тебѣ изъ пяти копеекъ за работу остается?

— За работу? протяжно проговорилъ онъ:—да работу-то мы не считаемъ.

— Какъ не считаете, вѣдь работаете вы изъ-за того, чтобы деньгу добыть, а не для удовольствія.

— Видишь ты, мы снурки купцу по разной цѣнѣ сдаемъ, и за 7, и за 8 коп., иногда если спросъ есть и за 10 коп. отдадимъ.

— Вотъ то-то, коли спросъ есть! Пріѣхала я къ вамъ за этимъ снуркомъ, значитъ и спросъ на него, и взяли вы съ меня 10 коп. А это мы знаемъ, что иногда вы, при нуждѣ, и деньги за матеріалъ не выручаете, себѣ въ убытокъ отдаете. Вы и то дешево работаете, потому что у васъ хлѣбъ свой, а безъ своего хлѣба вамъ на вашей работѣ не прожить. А чрезъ это самое, что вы свою работу за ничто считаете, вы вредъ приносите другимъ, у которыхъ своего хлѣба нѣтъ.

Старикъ призадумался.

— Да мы бы и рады цѣну взять, да не даютъ. Что̀ будешь дѣлать? И такъ приходится на хитрости пускаться.

— Знаю я и ваши хитрости, знаю, какъ вы катушки, на которыя наматываете бумагу варите въ соленой водѣ, какъ оставляете по нѣскольку пасемъ съ мотка, и много еще чего знаю про васъ, и все это очень скверно. Все у васъ такъ поставлено, кто кого половчѣе обманетъ. Вовсе это не хорошо.

— Конечно, не хорошо, сказалъ старикъ. — Совсѣмъ жить не хорошо стало. Совѣсть затерялась. Вотъ тоже я въ старостахъ былъ, пришлось мнѣ поплатится за то, что у другихъ совѣсти нѣтъ. Чисто адъ—это въ старостахъ быть, все равно, что дьяволу душу продать. Насильно меня посадили. У меня сынъ старшій въ Москвѣ живетъ на хорошемъ мѣстѣ, вотъ уже шестой годъ. Его выбрать хотѣли, такъ я за него и сѣлъ. Вотъ и сидѣлъ два года, да полтораста рублей и насидѣлъ себѣ на

шею! Народъ у насъ распущенный, неисправный, все взаймы на подати проситъ, ну, я изъ этихъ самыхъ денегъ и давалъ, и запутался. Учли меня и смѣнили. А я ужь какъ радъ-то былъ! И дьяволъ съ ними, съ деньгами-то! Кандидату сдалъ должность—теперь кандидатъ въ старостахъ. Видѣла его, какой пьяный, а жена пуще его самого пьетъ. Дѣти разуты - раздѣты, голодно, да холодно у нихъ. Не столько еще насидитъ. Какъ учли меня, и началъ галдѣть народъ, кричитъ: пристава пришлютъ, скотину продавать станутъ. А я молчу; шлите, молъ, кричите, очумѣлые! не придетъ ко мнѣ приставъ. Отдалъ сто рублей, а остальные на Рождество внесу. Мнѣ что! у меня семья большая, на шесть душъ землю беру. Вотъ нынѣшнюю осень двадцать четвертей ржи собралъ, хватитъ. Я съ роду хлѣба не покупаю. Овса на сто рублей продалъ, солому продаю. Два сына въ Москвѣ на хорошихъ мѣстахъ. Избу лѣтось поставилъ—600 рублей стала. Все у меня въ исправности. Только вотъ дьяволы безпутные въ изъянъ меня ввели, какъ въ старосты насильно посадили. Чисто въ петлю лѣзть на эту службу идти. Ну, да что говорить, за сына отсидѣлъ!

— Вотъ что, сударыня, сказалъ онъ, немного помолчавъ:—собираешь ты разное рукодѣліе, такъ неужто ты всякое рукомесло знаешь?

— Нѣтъ, Алексѣй Тимоѳеичъ, не знаю. Бабы все хоронятся, неправду говорятъ. Начнешь по ихъ показаніямъ разсчеты выводить, и не выходитъ. Опять начнешь спрашивать, считать — ну, понемногу и выйдетъ правда наружу. Одна скажетъ одно, другая проговорится о другомъ. Въ одной деревнѣ, напримѣръ, и бумагу мотаютъ, и патроны вертятъ. У тѣхъ, которыя бумагу мотаютъ, спросишь и про патроны, онѣ кое-что скажутъ, что другія не скажутъ, а патронщицы про размотчицъ скажутъ, такъ понемногу и разузнаешь.

— Да, вишь оно что! Только вотъ что, сударыня, хоть и много тебѣ безпокойства, а пользы много ли будетъ? Вонъ я, хлѣбъ сѣю — хлѣбъ и соберу. А кому въ пользу твоя наука?

— Понятно, Алексѣй Тимоѳеичъ, мое дѣло не такое, что всякому изъ него сейчасъ и польза. Человѣкъ я служащій, дѣлаю только одно дѣло. А другіе, тоже служащіе, изъ этого дѣла, что я дѣлаю, придумаютъ такое, что пользу многимъ доставитъ. Вотъ хоть бы выставку возьмемъ. Тебѣ смѣшно показалось, что я въ деревнѣ купила прялку, веретено. Въ другомъ мѣстѣ прядутъ шерсть на колесѣ, а на выставкѣ будетъ и то и, другое. Придетъ баба, и посмотритъ и на то, и на другое. Она, положимъ, на прялкѣ привыкла прясть и на ней выпрядетъ 2 ф. въ день, а на колесѣ можно спрясть 3 фунта. Она это смекнетъ, на прялкѣ больше прясть не станетъ, а купитъ колесо. А тамъ еще другой инструментъ выставятъ, на которомъ прядутъ еще скорѣе. Вотъ и польза. Ты говорилъ, что въ своей деревнѣ всякаго человѣка знаешь, а какъ въ старостахъ былъ, насидѣлъ-

таки 150 руб.; стало быть, все-таки ты хорошенько не зналъ своего народа. Такъ-то и во всемъ. Надо знать *гдѣ*, *что* дѣлается, *какъ* дѣлается, чтобы смекнуть кому какъ помочь. Вотъ, думаютъ, выставка и поможетъ разузнать доподлинно, гдѣ чѣмъ занимаются. У насъ зима долгая, одной землей не проживешь, поневолѣ крестьяне занимаются промыслами.

Старикъ все время внимательно слушалъ.

— Темный мы народъ, сказалъ онъ, наконецъ. — Извѣстно, наше мужицкое дѣло только и кажется намъ пользительнымъ, потому что другого не понимаемъ. А выходитъ, что и барское дѣло къ мужицкому дѣлу причастно. Только ты вотъ что еще мнѣ скажи: *зачѣмъ* вамъ, господамъ, такъ о нашемъ мужицкомъ дѣлѣ стараться вздумалось?

— Я-то человѣкъ подневольный, служащій, а есть люди, которымъ надо знать, которые управляютъ всѣми дѣлами — правительство, земство. Имъ нельзя не приняться за это дѣло, потому что если раззорится народъ, такъ и платить некому будетъ подати.

Алексѣй Тимоѳеичъ встрепенулся.

— Ну, вотъ теперь, я понимаю: значитъ, нужда пришла. Да неужто думаютъ, что выставка всему горю конецъ положитъ?

— Не одна выставка. Выставка сама по себѣ, а другія изслѣдованія своимъ чередомъ. Разныя комиссіи собрали, разсуждаютъ о томъ, какъ пьянству конецъ положить, какъ переселенія устроить для тѣхъ крестьянъ, у которыхъ земли мало. Значитъ, по каждому дѣлу особливо хлопочутъ.

— А кто же, сударыня, въ комиссіяхъ судить взялся?

— Да разныхъ людей туда пригласили...

— А не то, значитъ, что назначаютъ такъ, кто по каждому дѣлу ходокъ?

Видя, что я замѣшкалась отвѣтомъ, старикъ энергично мотнулъ головой.

— Ну, знать долго этихъ дѣловъ не порѣшить! Сама говорила, сударыня, Россія велика, всякаго народу много и разныя земли бываютъ. Гдѣ же однимъ и тѣмъ же людямъ разсуждать обо всемъ! Трудное это дѣло, мірское дѣло — только міру его и разсудить!

И Алексѣй Тимоѳеичъ крѣпко задумался.

М. Горбунова.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Внутренняя политика: Протестъ депутатовъ противъ свѣтскаго образованія.— Воззваніе и записка общеобразовательнаго (католическаго) общества. — Генрихъ V и 10-й крестовый походъ. – Шалонская прокламація.—Анжуйскіе роялисты. — Хитрость вмѣсто открытаго возмущенія. — Монсеньёръ Фреппель въ роли успокоителя.—Письмо Бодри д'Ассона. — Совѣщаніе съ епископомъ парижскимъ.—Расколъ въ средѣ монархистовъ. — Письмо принца Виктора Наполеона.—Рѣчь Ферри въ Сорбоннѣ.—Конгрессъ образовательной лиги.—Конгрессъ по поводу вопроса объ отдѣленіи церкви отъ государства.—Анти-клерикальный оппортунизмъ. — Объясненіе депутатовъ въ провинціи, по поводу 26-го января.—Равнодушіе страны.—Гамбетта и неудавшаяся покупка газетъ.— Весенняя сессія департаментскихъ совѣтовъ.—Дополнительные муниципальные выборы въ большихъ центрахъ.

Прежде чѣмъ разъѣхаться на каникулы, 50 роялистовъ, успѣвшихъ сохранить за собою мѣста въ палатѣ депутатовъ, подписали, вмѣстѣ съ пятью-шестью бонапартистами, противниками принца Наполеона, продиктованное имъ финистерскимъ депутатомъ, епископомъ Фреппелемъ, заявленіе сочувствія шумной оппозиціи сенатской правой, направленное противъ новаго закона о первоначальномъ обязательномъ и свѣтскомъ образованіи, обнародованнаго 28-го марта. Этотъ законъ, по ихъ мнѣнію, «противорѣчитъ религіозной свободѣ и правамъ отцовъ-семействъ, оскорбителенъ для достоинства французскихъ гражданъ» и сверхъ того, можетъ навлечь пагубныя для будущности страны послѣдствія. Они совѣтуютъ семьямъ, посылающимъ дѣтей въ общественныя учебныя заведенія, требовать, чтобы дѣти получали въ нихъ религіозное воспитаніе и образованіе, а общинамъ—«энергическимъ образомъ настаивать на сохраненіи въ школахъ религіозныхъ символовъ». «Мы питаемъ слишкомъ сильное довѣріе къ законной гордости и чувству чести нашихъ согражданъ, пишутъ они далѣе:— чтобы сомнѣваться въ томъ, что никакія угрозы и непріятности не въ силахъ заставить ихъ отступить предъ выполненіемъ долга, въ томъ случаѣ, если преподаваніе, получаемое ихъ дѣтьми, окажется оскорбительнымъ для ихъ вѣры, и обязуемся поддержи-

вать всякій законный отпоръ произволу и притѣсненію». Подъ покровительствомъ сенаторовъ Шенелона, Люсьена Брёна, Кольбъ-Бернара и другихъ, и депутатовъ: Альбера Мёна, де-Лабассетьера и ихъ единомышленниковъ, составилось общество, назвавшее себя «Société générale d'éducation et d'enseignement». Въ воззваніи къ христіанскимъ преподавателямъ и воспитателямъ, изданномъ этимъ обществомъ, оно ввѣряетъ «духовной власти, т. е. епископамъ, заботу о начертаніи инструкцій этимъ наставникамъ; епископы-же должны рѣшать, по своему усмотрѣнію, вопросъ о достаточномъ благочестіи школы; если же учебное заведеніе будетъ представлять опасность для вѣры и нравственности питомцевъ, то духовная власть будетъ запрещать отцамъ-христіанамъ посылать въ такую школу своихъ дѣтей». Общество приглашаетъ своихъ членовъ наблюдать за преподаваніемъ, за уроками, задаваемыми въ школѣ, за учебниками и т. д. Оно приглашаетъ также и родителей принять участіе въ этомъ контролѣ. Оно открываетъ «постоянное слѣдствіе» и, говоря яснѣе, стремится устроить на всей поверхности французской территоріи «священную полицію» противъ преподавателей свѣтскихъ школъ и кассу сопротивленія для поддержки стачекъ въ средѣ крестьянскаго населенія, которое, какъ надѣются, охотно будетъ составлять союзы съ цѣлью не посылать дѣтей въ свѣтскія школы

Генрихъ V не могъ, разумѣется, упустить такого удобнаго случая, и изъ глубины своего *добровольнаго* изгнанія (потому что никто не мѣшаетъ ему мирно проживать въ своемъ château Chambord, подобно тому, какъ герцогъ Омальскій живетъ въ замкѣ Шантильи) онъ напомнилъ о себѣ безпечному народу, который такъ медлитъ возвращеніемъ ему трона. Онъ поручилъ своему секретарю передать «доблестному Карайонъ-Латуру» одобреніе, по случаю «вызова, брошеннаго угнетателямъ съ высоты сенатской трибуны». Малоизвѣстному же автору апологіи папскихъ зуавовъ, озаглавленной «Девятый крестовый походъ», король велѣлъ написать: «Ваша книга является въ благопріятный часъ, чтобы еще ярче освѣтить подготовляемыя гнусности. Будьте увѣрены, что не далеко то время, когда вы будете призваны къ начертанію исторіи «Десятаго крестоваго похода», на что имѣете безспорное право. Господь не попуститъ легальному безбожію овладѣть школой смиреннѣйшихъ селеній, не вдохнувъ въ сердце честнаго рабочаго, ремесленника, хлѣбопашца, справедливаго ужаса къ закону, предназначенному къ тому, чтобы вырвать у него душу его дитяти, и не побудивъ къ возстанію противъ дерзости тѣхъ, кто его задумалъ и противъ сообщничества тѣхъ, кто подалъ за него голоса!»

Оба королевскія посланія не замедлили возбудить раздоръ въ средѣ противниковъ закона 28-го марта. Чистые роялисты изъявили намѣреніе немедленно открыть кампанію и, не ожидая епископскихъ указаній, поднять сельское населеніе отсталыхъ мѣстностей, господами которыхъ они продолжаютъ себя считать.

Олеакскій мэръ, [1] графъ Сегюръ д'Агессо (бывшій сенаторъ второй имперіи, вернувшійся на лоно легитимизма), подалъ примѣръ отказа наклеить на зданіе мэріи нумеръ «Bulletin officiel des Communes», заключающій въ себѣ «злодѣйскій законъ». Депутатъ Бодри д'Ассонъ, прославившійся тѣмъ, что подалъ поводъ устроить депутатскій карцеръ, созвалъ съ высоты своего вандейскаго замка все шуанское ополченіе въ мѣстечко Шаллонъ, въ Вандеѣ. Онъ заставилъ своихъ вѣрныхъ подписать воззванія: къ святымъ отцамъ, въ которомъ ихъ просятъ озаботиться тѣмъ, чтобы общественныя учебныя заведенія оставались пустыми; къ муниципальнымъ совѣтамъ, еще обладающимъ клерикальнымъ большинствомъ, а потому имѣющимъ возможность отказывать въ матеріальныхъ средствахъ свѣтскимъ первоначальнымъ школамъ; наконецъ, къ департаментскимъ совѣтамъ, которые приглашаются къ энергическому протесту повсюду, гдѣ республиканцы еще не успѣли утвердиться. «Вандейцы, читаемъ мы въ этомъ курьёзномъ документѣ:—внуки героевъ, со славою бившихся противъ святотатственной революціи, при первой республикѣ! во имя сохраненія драгоцѣннаго наслѣдія вѣры христіанской, съ Божіей помощью мы съумѣемъ отстоять вѣру отцовъ. Да... мы громко объявляемъ, что не станемъ повиноваться... И вмѣстѣ съ почтеннымъ сенаторомъ Карайонъ-Латуромъ восклицаемъ: «Душу дѣтей нашихъ можно вырвать у насъ лишь съ сердцемъ нашимъ...»

Въ Анжу роялистскій комитетъ роздалъ для распространенія циркуляръ, приглашающій къ приходскому и общинному сопротивленію. Нижеподписавшіеся и т. д. «протестуютъ всею силой своей воли противъ приведенія въ исполненіе пагубнаго закона и выражаютъ готовность подвергнуть себя всѣмъ послѣдствіямъ своего отпора, какъ-то: порицанію, денежнымъ пенямъ и тюремному заключенію. Нуждаясь въ поддержкѣ, при столь законномъ сопротивленіи, они умоляютъ муниципальный совѣтъ придти къ нимъ на помощь посредствомъ энергическаго отказа въ содѣйствіи какъ назначенію учебной комиссіи, такъ и ассигнованію фондовъ для приведенія въ исполненіе пагубнаго закона».

Однако, епископъ анжерскій поспѣшилъ задержать распространеніе этого циркуляра, написавъ къ предсѣдателю роялистскаго комитета, виконту де-Маколье, письмо, въ которомъ извѣщалъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе инструкцій со стороны папы Льва XIII благоразумнаго, что походъ противъ закона 28-го марта будетъ веденъ инымъ способомъ. Всѣ были изумлены такою рѣчью въ устахъ воинственнаго монсеньёра Фреппеля, который, очевидно, высказывался противъ безусловнаго отрицанія закона и даже, въ противность вандейцамъ и королю, предлагалъ воспользоваться нѣкоторыми изъ постановленій новаго закона, съ цѣлью помѣшать его дѣйствію. «Я полагаю, писалъ

[1] Олеакъ—городъ въ департаментѣ Верхнихъ Пиренеевъ.

онъ: — что католики не должны устраняться отъ учебныхъ комиссій въ тѣхъ случаяхъ, когда такія комиссіи могутъ предотвратить вредъ или принести какую-нибудь пользу... Муниципальные совѣты поступили бы вполнѣ разумно, справедливо и прилично, *призвавъ кюрэ* въ среду означенныхъ комиссій, какъ то разрѣшено закономъ». Въ «пастырской инструкціи отцамъ и матерямъ семействъ» прелатъ не забылъ напомнить апостольское правило, по которому лучше повиноваться Богу, чѣмъ людямъ. Онъ возводитъ въ догматъ, что родители-христіане подвергли бы опасности спасеніе своей души, оставляя дѣтей въ безбожной школѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ совѣтуетъ имъ не удалять немедленно дѣтей своихъ изъ общинныхъ школъ, даже свѣтскихъ, до той поры, пока въ нихъ не будетъ произведено никакихъ измѣненій, и ожидать результатовъ дѣйствія учебныхъ комиссій въ тѣхъ селахъ, гдѣ населеніе не заражено свободною мыслью, т. е. въ громадномъ большинствѣ анжуйскихъ, вандейскихъ и бретанскихъ мѣстностей. Впрочемъ, замѣчаетъ епископъ, духовныя училища, содержимыя на муниципальный счетъ, будутъ закрыты лишь въ томъ случаѣ, если ихъ принудятъ, въ силу новаго закона, «нейтрализоваться», вопреки желанію «братьевъ» и «сестеръ», а это, принимая въ соображеніе процессы, которые возникнутъ, потребуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ подписка въ пользу «свободной ортодоксальной школы, уже предпринятая въ настоящую минуту, будетъ идти своимъ чередомъ и поможетъ учредить эту школу вездѣ, гдѣ не удастся сохранить прежній характеръ за общественной школой». Эта подписка заставляетъ вздыхать, однако же, многихъ, кому приходится развязывать кошельки.

Общество, назвавшее себя «Société générale d'éducation et d'enseignement», поручило комитету юрисконсультовъ (къ содѣйствію котораго католики прибѣгли и на этотъ разъ, какъ во времена борьбы противъ мартовскихъ декретовъ) составить «записку», которая должна доказать, что законъ «не воспрещаетъ» священникамъ засѣдать въ учебныхъ комиссіяхъ, а слѣдовательно «дозволяетъ»; что муниципальные совѣтники въ клерикальныхъ общинахъ, могутъ добиться большинства; что мэры-католики не должны подавать въ отставку, но, напротивъ, стараться удержаться на своихъ мѣстахъ, такъ какъ имъ, по праву, принадлежитъ предсѣдательство въ учебныхъ комиссіяхъ; обязанность же этихъ послѣднихъ заключается въ наблюденіи за школами, за преподаваніемъ, за посѣщеніемъ школы и, главнымъ образомъ, въ наложеніи взысканій на родителей, которые не посылаютъ дѣтей въ школу и не даютъ имъ даже домашняго образованія.

При помощи подобныхъ уловокъ, болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ «мѣстные мятежи», которые не замедлили бы быть подавленными, надѣются отдалить лаицизацію школъ. Тоже общество образованія и воспитанія собираетъ по подпискѣ средства для доставленія

каждому крестьянину, который откажется посылать дѣтей въ свѣтскую школу, необходимыя для уплаты пени деньги. «Gazette de France» напечатала приблизительное вычисленіе суммы штрафовъ. Изъ этого вычисленія видно, что, считая штрафъ отъ 1 до 15 франковъ и полагая по 5 франковъ за каждый день тюремнаго заключенія, необходимо имѣть 20,000 фр. для покрытія 1,000 взысканій. Но развѣ дворянство не довольно богато для того, чтобы внести нѣсколько милліоновъ, требуемыхъ приведеніемъ въ исполненіе плана возстанія пастуховъ и пастушекъ въ бóльшей части французскихъ общинъ противъ свѣтскаго и обязательнаго обученія? Этотъ вопросъ задаютъ себѣ въ Фрошдорфѣ. Что касается французской демократіи, то эти замыслы не внушаютъ ей опасеній. Катастрофа съ «Union générale», за которой послѣдовала въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ другая, постигшая такъ-называемый «Anglo-Universel-Bank», въ значительной степени развѣяла фонды пресловутой «черной кассы», учрежденной въ видахъ поддержанія борьбы конгрегацій противъ республики. Президентомъ административнаго совѣта этого банка былъ сенаторъ Бараньонъ, а членами—бывшіе министры нравственнаго порядка, какъ Депейръ (юстиціи), графъ Роганъ-Шабо, князь Люсенжъ-Фосиньи и глава монархическо-клерикальной партіи въ Авиньонѣ, графъ Демэнъ. Богатыя семейства, помѣстившія туда свои сбереженія, въ надеждѣ на спасеніе души и желая выполнить обязанности по отношенію къ церкви и трону, удвоивая въ тоже время свое состояніе игрой на биржѣ, сильно пострадали и охладѣли. Мелкіе люди стали недовѣрчивѣе, и можно сказать напередъ, что кассу сопротивленія свѣтскому и обязательному обученію трудно будетъ наполнить, такъ же трудно, вѣроятно, какъ и собрать крестоносцевъ для «десятаго крестоваго похода». Это не мѣшаетъ, однако же, устроивать благочестивые митинги, наперекоръ епископскимъ внушеніямъ, и проповѣдывать на нихъ немедленную борьбу противъ новаго закона и учрежденіе кассъ взаимнаго страхованія, капиталъ которыхъ доженъ быть собранъ путемъ милостыни, по пяти сантимовъ въ день съ каждаго вѣрующаго. Депутатъ Бодри д'Ассонъ намѣревается, повидимому, сорвать первую пальмовую вѣтвь мученичества посредствомъ письма, написаннаго министру Ферри, въ которомъ онъ заявляетъ, что не станетъ объявлять мэрамъ многочисленныхъ общинъ, гдѣ находятся его замки, о томъ, есть ли у него дѣти и средства давать имъ образованіе, нанимая для нихъ учителей, что онъ не побоится мирового суда, уплатитъ 5-ти-франковый штрафъ, выдержитъ тюремное заключеніе, одинъ, двадцать, сто разъ... до тѣхъ поръ, пока вернется законный наслѣдникъ его королей!!!»

Быстрое и полное приведеніе въ исполненіе закона 28-го марта встрѣчаетъ только одно, но довольно серьёзное препятствіе, которое не ускользнуло отъ вниманія министерства, а также было очень хорошо понято епископатомъ. Четвертая часть пер-

воначальныхъ общинныхъ школъ имѣютъ преподавателями монаховъ—въ школахъ для мальчиковъ, и монахинь—въ школахъ для дѣвочекъ.

Конечно, увеличеніе числа нормальныхъ школъ за послѣдніе три года и улучшеніе положенія преподавателей дозволяютъ надѣяться, что образованіе дѣтей мужскаго пола можетъ быть сдѣлано свѣтскимъ повсюду и въ скоромъ времени. Но не такъ стоитъ это дѣло въ учебныхъ заведеніяхъ для дѣвочекъ. Изъ этого слѣдуетъ, что преподавательскія конгрегаціи ничего здѣсь не потеряютъ, а напротивъ, еще выиграютъ, и ужь, конечно, не устранятся.

Спрошенный конгрегаціями о томъ, какого образа дѣйствій надлежитъ имъ держаться, епископъ парижскій отвѣчалъ «любезнымъ братьямъ» и «сестрамъ» парижской епархіи, что конгрегаціонные преподаватели обязаны, въ силу даннаго ими обѣта, преподавать въ духѣ католицизма, охранять религіозные символы, признаваемые католичествомъ; въ случаѣ же запрещенія исполнять все это, въ силу строгаго примѣненія принципа «нейтральности первоначальной школы», они не должны оставаться на муниципальной службѣ. Но, слѣдуя примѣру Льва XIII, парижскій прелатъ предполагаетъ, что правительство не посмѣетъ такъ далеко зайти въ дѣлѣ легальной послѣдовательности и, что въ концѣ-концовъ, выборъ между обоими родами образованія: свѣтскимъ и конгреганистскимъ переживетъ отмѣну закона 1850 г., который, какъ извѣстно, дозволялъ его. Онъ полагаетъ, что если законъ 1882 г. прекратилъ обязательность религіознаго образованія, то онъ, однакоже, не запрещалъ это послѣднее безусловно въ школахъ, находящихся въ завѣдываніи духовныхъ. «Иначе, восклицаетъ онъ:—это было бы дѣйствительнымъ противорѣчіемъ, которое я не рѣшаюсь предположить у законодателей».

Итакъ, парижскій архіепископъ предписываетъ монахамъ и монахинямъ не оставлять мѣстъ, занимаемыхъ ими въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ предвидитъ, однакоже, что оставаться въ нихъ, въ случаѣ точнаго примѣненія закона 29-го марта было бы невозможно. «Тогда, говоритъ онъ въ заключеніе:—вы съ новымъ мужествомъ принялись бы за выполненіе своей задачи въ свободныхъ школахъ, существующихъ пожертвованіями вѣрныхъ». Оппортюнистскій методъ, предлагаемый монсеньёромъ, имѣетъ два преимущества: первое заключается въ созданіи столкновеній, которыми можетъ воспользоваться клерикальная партія; второе въ возможности выиграть время для благочестивыхъ подписокъ.

Архіепископъ руанскій даетъ инструкціи совершенно тождественныя съ только-что приведенными указаніями своего парижскаго коллеги. Онъ, сверхъ того, пытается доказать свѣтскимъ учителямъ и учительницамъ, что законъ не запрещаетъ имъ безусловно соглашеній съ кюрэ, относительно религіознаго обученія.

Сопротивленіе закону, по преимуществу республиканскому — такъ какъ дѣло идетъ о воспитаніи будущихъ поколѣній въ полной свободѣ мысли — потребовало бы общаго союза всѣхъ клерикальныхъ и монархическихъ оппозицій. А между тѣмъ, мы уже съ самаго начала видимъ возникновеніе соперничества между свѣтскимъ роялизмомъ и епископатомъ, изъ коихъ первый желаетъ прямо прибѣгнуть къ насилію, а второй проповѣдуетъ путь терпѣливыхъ ухищреній.

Присоединеніе нѣсколькихъ бонапартистовъ къ сторонникамъ Фреппеля нетолько не послужило дѣлу коалиціи всѣхъ монархическихъ элементовъ на почвѣ практической борьбы противъ республиканскихъ учрежденій, но, напротивъ, вызвало выдѣленіе изъ среды бонапартизма значительнаго числа имперіалистовъ, не раздѣляющихъ мнѣній весьма свѣтскаго и атеистическаго принца Наполеона.

Ухватившись за ложный слухъ о своей смерти, принцъ Викторъ (которому Кассаньякъ и компанія намѣрены служить, противопоставляя его отцу), написалъ изъ Гейдельберга, гдѣ оканчиваетъ свое образованіе, письмо пріятелю, положившее предѣлъ полемикѣ между «Pays» и «Napoléon», существовавшей со времени смерти отъ руки зулусовъ прямого наслѣдника Наполеона III. Молодой принцъ Викторъ заявляетъ, что находится въ полномъ здравіи, что питаетъ къ отцу своему уваженіе, которое обязанъ къ нему питать, и привязанность, которая всегда между ними существовала, что полемика, предметомъ которой служитъ отецъ его и онъ самъ, для него тягостна и, что «единственная забота его заключается въ томъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ носимаго имъ имени и подготовить себя къ служенію странѣ въ тотъ день, когда долгъ призоветъ его на это служеніе». Этотъ первый выходъ юнаго принца въ политическую сферу, конечно, не имѣетъ никакого значенія, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ; но, разрушая иллюзіи Кассаньяка и его товарищей, препятствуя сліянію шарантскихъ и жерскихъ бонапартистовъ съ вандейскими и бретанскими роялистами для борьбы противъ лаицизаціи первоначальнаго образованія, вмѣшательство принца помѣшаетъ клерикальной оппозиціи принять серьёзные размѣры; *синіе*, составляющіе вмѣстѣ съ бонапартистами четыре пятыхъ сельскаго населенія, задушатъ и мятежъ *бѣлыхъ*, и хитрости *черныхъ*.

Предсѣдательствуя на засѣданіи, происходившемъ по случаю торжественнаго закрытія сессіи департаментскихъ ученыхъ обществъ и обществъ изящныхъ искуствъ, въ Сорбоннѣ, министръ народнаго просвѣщенія Ферри не преминулъ воспользоваться случаемъ для возраженія клерикальнымъ преувеличеніямъ, по которымъ «нейтральность школы» превращалась въ какой-то чудовищный государственный атеизмъ.

«Если вѣрить недоброжелательнымъ рѣчамъ, сказалъ онъ:— министерство народнаго просвѣщенія составило двойной заговоръ противъ французскаго юношества, съ цѣлью изгнать ста-

рую изъ его памяти Францію и Бога изъ его души! Насъ представляютъ въ одно и то же время какими-то иконоборцами, по отношенію къ прошлому, и какими-то палачами идеала!.. Нѣтъ, французскій университетъ, на которомъ лежитъ обязанность и отвѣтственность примѣненія новаго закона, не заключаетъ въ себѣ элементовъ этого фанатизма съ другого конца, который, какъ увѣряютъ, объявилъ войну Богу. Если такой вызывающій и насильственный атеизмъ и существуетъ гдѣ-нибудь, то никакъ не въ нашихъ программахъ, не въ нашихъ школахъ, или возрѣніяхъ. Университетъ откроетъ для всякаго рода философскихъ ученій, но онъ закрытъ для какого бы то ни было фанатизма. Его составляютъ умы свободные, различныхъ темпераментовъ и различной степени смѣлости, но которые всѣ, безъ исключенія, считаютъ отсталыми и отжившими ископаемыя системы временъ минувшихъ, которыя имѣютъ претензію вести къ будущему, а на самомъ дѣлѣ представляютъ возвращеніе назадъ. Истинные ученые думаютъ иначе; истинно-свободные умы слѣдуютъ иному пути. Свободное образованіе указало имъ, что духъ нетерпимости и сектантства, откуда бы онъ ни исходилъ—безплоденъ и опасенъ. Настоящее же спокойствіе и безопасность даются терпимостью, по отношенію къ идеямъ, уваженіемъ къ свободѣ совѣсти и въ особенности дѣтской, этой наиболѣе хрупкой и наиболѣе достойной вниманія совѣсти!»

Я уже имѣлъ случай упоминать весною прошедшаго года, о преобразованіи обществъ, извѣстныхъ подъ именемъ образовательныхъ лигъ и о сліяніи ихъ въ одно цѣлое, подъ именемъ «Французской образовательной лиги». Этому сліянію предшествовало петиціонное движеніе, начавшееся вскорѣ послѣ того, какъ «побѣдилъ прусскій школьный учитель». Петиціи требовали возможно скораго осуществленія 1-й статьи республиканской программы, т. е. дароваго, обязательнаго и свѣтскаго образованія. Листки петицій были такъ многочисленны, что ихъ буквально можно было видѣть цѣлые возы въ Версалѣ. Но національное собраніе оставалось глухо къ этимъ требованіямъ. Тѣмъ не менѣе, если милліонъ подписей, полученныхъ «лигой», остались безъ вліянія на избранниковъ 1871 г., то на избранниковъ 1876 и 1877 г. ими было оказано должное дѣйствіе и, побѣдивъ ультрамонтанскій заговоръ 16-го мая, они вотировали въ видѣ трехъ законопроэктовъ, три основные принципа народнаго образованія при системѣ правленія, обусловленной всеобщей подачей голосовъ. На второй недѣлѣ послѣ Пасхи происходилъ конгрессъ лиги въ бывшемъ помѣщеніи массонской ложи Великаго Востока. Наиболѣе характеристичной резолюціей этого съѣзда была та, въ силу которой «лига» беретъ на себя устройство въ каждомъ кантонѣ, и при помощи еженедѣльныхъ ученій и періодическихъ собраній, *гражданственно военнаго* образованія до 21 лѣтняго возраста. Въ заключительномъ засѣданіи съѣзда, Жанъ Масѐ (одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ этого

рода обществъ и учредитель многихъ лигъ) произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой отстаивалъ «злодѣйскій законъ» противъ союза почитателей Варѳоломеевской ночи и междоусобной войны въ Вандеѣ и Бретани, которая велась въ сообщничествѣ съ монархической Европой, сплотившейся противъ французской революціи. Съ замѣчательнымъ здравомысліемъ указалъ Масѐ на опасности, по крайней мѣрѣ, нравственныя, подготовляемыя клерикалами, и на обязанность республиканцевъ сплотиться противъ еще могучаго врага. «Кто держитъ въ рукахъ своихъ французскую школу, тотъ держитъ въ рукахъ Францію», заключилъ ораторъ.—Другіе держали эту школу достаточно долгое время; наступилъ и нашъ чередъ!»

Эти слова съ бѣшенствомъ повторяли клерикальные ȯрганы.

Возвративъ себѣ завѣдываніе народнымъ образованіемъ уже со временъ первой имперіи, поглотивъ его на три четверти, благодаря закону 1850 г., клерикализмъ, потерпѣвшій жестокое пораженіе, нанесенное ему духомъ XVIII столѣтія отъ 1789 до 1801 года, оправился и едва не успѣлъ завоевать родину Вольтера и Дидро и оглушить ее при помощи іезуитизма. Законъ 28-го марта знаменуетъ разрывъ между прошлымъ и будущимъ. Неудивительно поэтому, что сторонники прошлаго оказываютъ лихорадочное сопротивленіе, сознавая, что ихъ ждетъ пропасть. Но республиканцамъ все-таки предстоитъ не мало работы, чтобы расчистить среди топей настоящаго прочный путь для всякаго рода совершенствованія.

Національный конгрессъ по вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства былъ предложенъ въ концѣ января депутатами Вокье, Лэзаномъ, Жюлемъ Рошемъ, публицистомъ Мореномъ (бывшимъ парижскимъ муниципальнымъ совѣтникомъ), лекторшей Маріей Дерэмъ и въ особенности старымъ агитаторомъ 1848 г. 1870 г. и ревностнымъ послѣдователемъ знаменитой антиклерикальной троицы въ Collège de France: Мишлэ, Кине и Адама Мицкевича—Арманомъ Леви. По предложенію Леви, при открытіи конгресса 30-го марта, почетными президентами были выбраны: Викторъ Гюго, Луи Бланъ и Гарибальди. Итальянскому герою была послана телеграмма въ Палермо, гдѣ онъ присутствовалъ на празднествахъ, устроенныхъ въ воспоминаніе о Сициліанской вечернѣ. Въ телеграммѣ говорилось о прискорбной старинной враждѣ, раздутой папствомъ, и о необходимости дружескаго сближенія между Италіей и Франціей, на почвѣ полнаго равенства, чтȯ не мало содѣйствовало парализированію ядовитой манифестаціи, которой радовалась Германія. Конгрессисты принадлежали бȯльшею частью къ радикальному, антиоппортюнистскому оттѣнку, но, несмотря на это, вели себя сдержанно и не предавались никакимъ эксцентричностямъ. Они спокойно и терпѣливо выслушали либеральнаго пастора Гирша, требовавшаго равенства вѣроисповѣданій, и мѣръ предосторожности противъ католицизма, который можетъ воспользоваться полной свободой и злоупотребить своею

многовѣковою организаціей. Послѣ трехъ продолжительныхъ засѣданій, конгрессъ пришелъ къ слѣдующему: онъ приглашаетъ сенатъ и въ особенности палату депутатовъ, въ возможно-скоромъ времени исполнить данное народу обѣщаніе относительно отмѣны конкордата, полной и немедленной отмѣны духовнаго бюджета и примѣненія общаго гражданскаго права къ духовенству; въ дѣлѣ собраній и ассоціацій конгрессъ требуетъ уваженія и примѣненія общаго права, т. е. одинаковой для всѣхъ свободы, при немедленной отмѣнѣ декретовъ и законовъ, несовмѣстныхъ съ такою свободой; возвращенія націи конгрегаціонныхъ имѣній, а также и принадлежащихъ духовенству фабрикъ и прочихъ заведеній и строгаго примѣненія закона, не признающаго духовныхъ обѣтовъ. На заключительномъ собраніи, происходившемъ въ cirque Fernando, г-жа Марія Дерэмъ произнесла рѣчь, въ которой напомнила о значеніи женскаго вопроса въ дѣлѣ уравненія вѣроисповѣданій: «Если вы хотите вырвать съ корнемъ суевѣріе, воскликнула ораторша:—то призовите содѣйствіе женщинъ, возвратите имъ ихъ права, сдѣлайте изъ нихъ себѣ равныхъ!» Депутатъ Гатино, предсѣдательствовавшій на конгрессѣ, нападалъ на предложенныя министерствомъ Гамбетты репрессивныя мѣры противъ духовныхъ, назвавъ эти мѣры «нелѣпыми и тупоумными». Однако, ораторъ, въ свою очередь, высказался противъ предоставленія полной свободы клерикальнымъ организаціямъ, настаивая, подобно бывшему министру Вальдекъ-Руссо, на различеніи конгрегаціи отъ ассоціаціи. Либеральное меньшинство возроптало, но большинство и значительное выразило одобреніе.

Нѣкоторые изъ депутатовъ воспользовались пасхальными каникулами, чтобы собрать своихъ избирателей и объяснить имъ причины враждебнаго образа дѣйствій своего противъ «великаго министерства». Къ числу этихъ депутатовъ принадлежали: Саллисъ въ Жерскомъ департаментѣ, Ратье — въ Іоннскомъ, Бовье Лапьеръ—въ Изерскомъ, Перенъ—въ Лиможѣ, Шарль Буассе—въ Шалонѣ-на-Сонѣ, гг. Лагранжъ и Баллю — въ Ліонѣ. Всѣ они нападали на «авторитарную и личную политику» и были выслушаны съ сочувствіемъ. Вообще, за послѣднее время страна выказала значительное равнодушіе къ вопросу о лицахъ; авторитетъ Гамбетты сильно упалъ, но и кабинетъ Фрейсине нигдѣ не возбуждаетъ энтузіазма. Перемѣна состава министерства считается дѣломъ второстепеннымъ.

Эта холодность приводитъ въ отчаяніе клерикаловъ, но внушаетъ нѣкоторыя опасенія и серьёзнымъ демократамъ-патріотамъ. Что касается Гамбетты, то даже бывшіе приверженцы и поклонники, восхищавшіеся имъ въ роли руководителя республиканскихъ группъ въ палатѣ депутатовъ, вынуждены сознаться, что въ качествѣ главы кабинета онъ выказалъ себя плохимъ государственнымъ человѣкомъ, а главное отрекся отъ собственной оппортунистской системы, приводившей многихъ въ та-

кой восторгъ, предпринявъ именно *несвоевременныя* преобразованія. Къ этому слѣдуетъ прибавить обвиненія въ биржевой игрѣ, при помощи которой «онъ пополнялъ нажитыя имъ во время «національной защиты» 7 милліоновъ», а также и въ намѣреніи купить цѣлый рядъ ежедневныхъ изданій: «Petit Journal», «La France», «National», «Télégraphe» и другія. Попытка не удалась, а потому, какъ и всегда, газетныя обвиненія посыпались съ новою силой. Впрочемъ, преданные Гамбеттѣ люди утверждаютъ, что весь этотъ шумъ надѣлали его юные и неосторожные приверженцы въ родѣ Лорана, Рейнаха, Арѐна, которые, быть можетъ, слишкомъ усердно старались объ усиленіи гамбеттистскаго вліянія. «Гамбетта никогда не былъ дѣльцомъ, говорятъ эти преданные люди:—если же онъ вздумалъ бы держать себя спартанцемъ въ Аѳинской республикѣ, то неминуемо утратилъ бы всякое вліяніе. Какой-нибудь Цинцинатъ, конечно, нашелъ бы не мало поводовъ къ справедливому порицанію Гамбетты, но едва ли имѣютъ на это право дѣльцы, превратившіе большую часть французской печати въ отдѣленіе биржи, поддерживая въ интересахъ однѣхъ и тѣхъ же денежныхъ лавочекъ и роялизмъ, и непримиримыхъ, и бонапартизмъ, и республиканскій модерантизмъ».

Повидимому, можно было опасаться, что въ теченіе весенней сессіи департаментскихъ совѣтовъ (начинающейся обыкновенно на второй недѣлѣ послѣ Пасхи), вспыхнетъ съ новой силой соперничество между гамбеттистами и тѣми, кто отстранилъ ихъ отъ власти, а также и успѣетъ организоваться клерикально-монархическое сопротивленіе противъ закона объ обязательности и свѣтскости образованія. Министры, предсѣдательствующіе въ нѣкоторыхъ изъ совѣтовъ, сочли за лучшее воздержаться отъ излишнихъ рѣчей; бывшіе министры также вели себя крайне сдержанно и все обошлось благополучно: ни одинъ инцидентъ не обострилъ раздора, существующаго въ средѣ республиканцевъ. Съ полнымъ единодушіемъ отражали они ультрамонтанскую оппозицію, которой удалось высказаться въ пользу скораго уничтоженія закона 28-го марта только въ департаментскихъ совѣтахъ департамента Нижнихъ Пиренеевъ, гдѣ царитъ Шенелонъ, въ Вандеѣ, гдѣ господствуютъ Бодри д'Ассонъ и де-ла-Басcетьеръ, въ департаментѣ Мэна-и-Луары, Нижней Луары, въ Морбиганѣ, въ Сѣверномъ, Тарнскомъ, Жерскомъ, Дордонскомъ и Шарантскомъ. Даже въ Бретани, въ департ. Финистерскомъ, Обѣихъ Севръ, Жирондскомъ, Нижне-Шарантскомъ, Лотскомъ и Гаронскомъ и Верхне-Гаронскомъ, Майенскомъ, Авейронскомъ протесты противъ новаго закона со стороны реакціонеровъ были подавлены по почину префектовъ, которымъ удалось это сдѣлать посредствомъ такъ называемаго вотированія предварительнаго вопроса. Въ департаментѣ Сены-и-Марны генеральный совѣтъ вотировалъ благодарственный адресъ парламенту по случаю изданія закона, «наиболѣе полезнаго и плодотворнаго изъ

всѣхъ», такъ какъ онъ развиваетъ въ демократіи необходимыя для нея нравственныя свойства.

16-го и 23-го числа, около тысячи общинъ кантональныхъ, окружныхъ и департаментскихъ центровъ, должны были пополнить свои муниципальные совѣты, прежде чѣмъ выбрать мэровъ и ихъ помощниковъ, назначеніе которыхъ уже не зависитъ болѣе отъ правительства.

На этотъ разъ замѣчалось значительное воздержаніе отъ подачи голоса; въ крупныхъ центрахъ оно приняло громадные размѣры, такъ, напримѣръ, въ Тулузѣ, въ одномъ изъ округовъ, не нашлось ни одного кандидата и ни одного избирателя. На нѣсколькихъ пунктахъ реакція одержала верхъ, пользуясь всеобщимъ равнодушіемъ и раздорами въ средѣ республиканцевъ.

Въ пяти-шести рабочихъ центрахъ, въ Алэ, въ Бессежѣ были выбраны муниципальными совѣтниками члены комитетовъ недавнихъ стачекъ. Напротивъ, въ Вандеѣ и Бретани муниципалитеты пополнились реакціонерами. Впрочемъ, бояться возвращенія къ временамъ старыхъ шуановъ все-таки нѣчего.

II.

Театры, литература, академія. — Новая опера Амбруаза Тома. — Драма Луизы Мишель «Nadine», въ «Bouffes du Nord».—Новый французскій переводъ шекспировскаго «Отелло» и представленіе «Отелло» въ Одеонѣ.—«Торквемада» драма Виктора Гюго.—Два слова о Pot-Bouille Зола.—Пріемъ Пастёра во французскую академію.—Открытіе выставки.

Чтобы поставить на сценѣ великолѣпнаго театра нашего, на бульварѣ Капуцинокъ, оперу, начинающуюся въ 7½ часовъ и кончающуюся въ 12, съ десяткомъ декорацій, выполненныхъ художниками, и машинами, сдѣланными первыми мастерами этого дѣла, съ оркестромъ въ сто человѣкъ, съ такимъ же количествомъ хористовъ и почти такимъ же кордебалетомъ—для всего этого необходимо затратить отъ 4 до 500,000 франковъ. А чтобы подобныя предпріятія давали барышъ, требуются таможенныя льготы, громадная недвижимость, значительная правительственная субсидія и, наконецъ, успѣхъ, который привлекъ бы, по крайней мѣрѣ, сотню разъ столько публики, сколько нужно для достиженія максимума сбора. Съ такой почти промышленной точки зрѣнія, «Франческа Римини» Амбруаза Тома будетъ операціей менѣе убыточной, чѣмъ два послѣднія произведенія Гуно, но можно опасаться, что для новой оперы потребуется столько же представленій, сколько и для «Лагорскаго Короля» Массенэ, чтобы установить равновѣсіе между расходомъ и приходомъ.

«Франческа Римини» не производитъ того захватывающаго впечатлѣнія, какое испытываешь, напримѣръ, при представленіи

«Гугенотовъ», не привлекаетъ, какъ «Фенелла». Къ тому же ей недостаетъ Патти и Фора, которыхъ бѣгутъ слушать, что бы они ни пѣли. Декораціи роскошны, но послѣ чудесъ театра Porte Saint-Martin и Шателэ, онѣ не представляютъ ничего изумляющаго, наконецъ, и это главное, либретто скучновато, а музыка, хотя и безукоризненна съ точки зрѣнія музыкальной грамматики и синтаксиса, но лишена рельефности, огня.

Фантастическая сторона оперы отчасти заимствована у Данта; тутъ есть прогулка по аду, апоѳеозъ на небѣ. Остальное взято изъ старинной легенды, съ неизбѣжными искаженіями. Но то, что прекрасно въ поэмѣ вообще, и въ дантовской въ особенности, то лишено движенія на сценѣ. Либреттисты присочинили взятіе Римини кондотьеромъ Малатестой, котораго, по этому случаю, превратили въ какого-то Гарибальди, завоевывающаго мелкіе итальянскіе города, во имя объединенія Италіи, что и исторически невѣрно, и драматически несостоятельно, такъ какъ вся политическая дѣятельность Малатесты ограничивается тѣмъ, что онъ вызываетъ одинъ патріотическій хоръ; великій разбойникъ разстраиваетъ свадьбу и мститъ какъ самый обыкновенный изъ мужей, такъ что не возбуждаетъ ни сочувствія, ни негодованія.

Что касается Франчески, то это слабая женщина, какихъ можно встрѣтить повсюду. Паоло изображаетъ изъ себя сперва робкаго, а затѣмъ дерзкаго любовника и также не возвышается надъ пошлою обыденностью.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на свои несообразности (въ родѣ напрасно переодѣтаго неизвѣстно для чего въ женское платье Виргилія, гуляющаго по аду съ Дантомъ и необъясненнаго перенесенія злополучныхъ любовниковъ изъ преисподней, куда нагрузилъ ихъ мрачный флорентинецъ, на небо, гдѣ даровали имъ блаженство французскіе либреттисты), это ребяческое либретто могло бы въ рукахъ болѣе мощнаго опернаго композитора дать иные, болѣе богатые результаты, но Амбруазу Тома̀, при всей его эрудиціи, далеко до Мейербера и Верди даже послѣднихъ твореній. Еслибы не нѣкоторыя нововведенія въ оркестровкѣ, заимствованныя у нѣмецкой школы, можно бы сказать, что новая опера не возвышается надъ среднимъ уровнемъ французской музыки, достигнутымъ, напримѣръ, Галеви въ «Жидовкѣ».

Не дуренъ прологъ (адъ) и дуэтъ блуждающихъ душъ, за нимъ слѣдующій. Дуэтъ перваго дѣйствія (duo du livre) нѣсколько туманенъ, но ему придаетъ рельефность страстный трепетъ скрипокъ. Бравурное тріо «Italie! Italie!» весьма ординаренъ по своему ритму.

Онъ нравился, однако, бо̀льшей части публики, которая остается довольной и трескучимъ финаломъ того же дѣйствія (взятіе Римини), гдѣ гремятъ два оркестра, три хора и всѣ солисты. Этотъ morceau d'ensemble написанъ безъ малѣйшей музыкальной орѳографической ошибки, гармонизованъ мастерски, но

все-таки не могу сказать, чтобы морозъ пробѣгалъ по кожѣ, и съ напряженіемъ все ждешь черты отсутствующаго генія. Оглушительно, искусно и только. Во второмъ дѣйствіи въ сценахъ, гдѣ мнимая смерть Паоло заставляетъ Франческу принять руку и сердце Малатесты, чтобы избавить Римини отъ раззоренія и пожара, есть прекрасные речитативы, изъ которыхъ выдѣляется довольно красивый романсъ для баритона. Граціозному свадебному маршу служитъ pendant'омъ хоръ пажей. Вообще же это дѣйствіе страдаетъ длиннотами.

Третій актъ заключаетъ въ себѣ балетъ. Музыка его изящна. Повторенная въ 4-мъ дѣйствіи пѣсня съ книгой, очевидно, всего тщательнѣе была обработана композиторомъ. Любовный дуэтъ между Франческой и Паоло, стремился пріобщиться къ безсмертнымъ дуэтамъ, но и здѣсь не хватило огня, того огня, котораго присутствіе такъ несомнѣнно у Россини, Беллини, Доницетти, Верди, Мейербера, Берліоза, Вагнера.

Исполненіе новой оперы не представляетъ ничего выдающагося.

Театральныхъ новинокъ, какъ и всегда у насъ въ Парижѣ, не мало, но ни одна изъ нихъ не представляетъ ничего дѣйствительно замѣчательнаго, а потому упомяну только о *событіи 29-го апрѣля*, т. е. о первомъ представленіи въ «Bouffes du Nord» драмы знаменитой Луизы Мишель, названной ею «Nadine». Сюжетъ заимствованъ изъ новеллы одного малоизвѣстнаго молодого писателя Гриппа̀ (псевдонимъ его Жанъ Винтеръ), озаглавленной «Le Bâtard impérial». Весь Парижъ» собрался на эту *prémière*. Платили по 25 франковъ за убогую деревянную скамеечку. Директоръ театра и авторша выказали большую любезность къ представителямъ печати, безъ различія оттѣнковъ. Одинъ редакторъ легитимистской газеты, который оказался сидящимъ въ одной ложѣ съ Рошфоромъ, получилъ билетъ, редактированный слѣдующимъ образомъ: «Пропустить г. Мермекса, приверженца короля. Петролейщица Луиза Мишель». Такое галантерейное обращеніе обезурожило свистки.

«Les Boufles du Nord» театръ въ предмѣстьѣ Сенъ-Дени, вмѣщающій до 1500 зрителей. Директоромъ его съ недавнихъ поръ состоитъ г. Лисбонъ, бывшій провинціальный актёръ, затѣмъ полковникъ и генералъ парижской каммуны 1871 г., тяжело раненый въ майской битвѣ 1871, сосланный въ Нумею и возвращенный амнистіей. Публика этого театра весьма демократическая и недолюбливающая «аристократовъ», aristos, какъ она выражается, обозначая этимъ все, что не принадлежитъ къ міру блузъ. Поэтому, отправляясь на первое представленіе «Надины», многіе не безъ страха вспомнили подушки и даже скамеечки, летѣвшія еще недавно съ верховъ театра Château d'Eau. Страхъ оказался, однакоже, напраснымъ, такъ какъ изъ райка ничего не сыпалось, кромѣ апельсинныхъ корокъ, съ успѣхомъ отражае-

мыхъ дождевыми зонтиками, которые были развернуты, въ видахъ предосторожности, публикою партера.

Мнѣ трудно передать сюжетъ пьесы, такъ какъ я плохо слышалъ ее. Дѣйствіе происходитъ въ Польшѣ около 1845—1846 г., но его легко можно перенести въ Парижъ. Имена русскія; предатели и предательницы такъ и кишатъ, а любовь и битвы группируются вокругъ апостола, который хотя и полякъ, но носитъ имя Михаила Бакунина. Это обстоятельство вызвало нѣкоторую веселость въ партерѣ, вслѣдствіе чего сверху раздались восклицанія: «Вонъ литераторовъ! Долой Льва XIII»!

Бодри д'Ассона не было въ театрѣ, а потому все обошлось благополучно. По окончаніи пьесы вызвали авторшу, но Луиза Мишель не вышла.

Заключая театральный отчетъ, упомяну о новомъ переводѣ шекспировскаго «Отелло», герцогомъ Луи де-Граммономъ. Переводчикъ въ значительной степени офранцузилъ твореніе безсмертнаго Вилльяма и вылощилъ его, быть можетъ, слишкомъ хорошо. Граммона-Шекспира даютъ въ «Одеонѣ». Роль Оттело играетъ Тальядъ; Шелль исполняетъ роль Яго. Самыя незначительныя роли играются хорошими артистами. Постановка прекрасная и нечего говорить, что старая шекспировская драма затмѣваетъ собою жалкія новинки нашихъ театровъ.

Викторъ Гюго выпуститъ въ свѣтъ свою новую трехактную драму «Торквемада», въ теченіи мая мѣсяца. «Comédie française» съ радостью взяла бы ее, но послѣ неудачи съ «Burgraves», Гюго поклялся ничего не давать при жизни своей для сцены. Это будетъ очень выгодно, между прочимъ, для его внуковъ, такъ какъ немедленно послѣ смерти маститаго поэта, накинутся на его напечатанныя, но не игранныя на театрѣ произведенія и откопаютъ въ его рукописяхъ самые планы ненаписанныхъ вещей. Горячіе поклонники-писатели, въ родѣ Вакери и Мёриса, найдутъ все превосходнымъ. Впрочемъ, Гюго принялъ нѣкоторыя мѣры противъ излишняго усердія друзей. Онъ, какъ увѣряютъ, наклеилъ ярлычки и пронумеровалъ рукописи, которыя должны печататься въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ послѣ его смерти.

Зола̀ издалъ уже отдѣльной книгой свой «Pot-Bouille», и ее быстро раскупаютъ, преимущественно въ средѣ буржуазіи, несмотря на то, что содержаніе ея далеко не лестно для тѣхъ, кого группируетъ романистъ подъ фирму «Cochon et compagnie». Впрочемъ, да проститъ мнѣ нашъ великій романистъ-естественникъ: я нахожу многое въ его послѣднемъ романѣ положительно сверхъестественнымъ и взятымъ не изъ жизни, а изъ собственнаго воображенія.

Оставя въ сторонѣ излишнюю pruderie, замѣчу также, что cochonneries, описываемыя Зола̀, если порой и соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то во всякомъ случаѣ, не въ такомъ нагроможденномъ на одно злосчастное семейство видѣ. Не спорю,

много грязи таитъ въ своихъ нѣдрахъ буржуазная жизнь, но еще болѣе значительное мѣсто принадлежитъ труду и спекуляціи. Это вполнѣ оцѣнилъ бы Бальзакъ, но этого не понять Эмилю Золà.

Во французской академіи происходилъ 27-го торжественный пріемъ въ члены Пастёра, занявшаго мѣсто Литтрè. Принималъ Ренанъ. Публики собралось болѣе, чѣмъ когда либо и притомъ самой разнообразной: католическіе патеры, крестившіе Литтрè на смертномъ одрѣ его, сидѣли рядомъ съ извѣстнѣйшими атеистами, а среди цѣлаго роя кокетливыхъ свѣтскихъ женщинъ обращала на себя вниманіе вдова позитивиста въ глубокомъ траурѣ.

Какъ-то странно звучала въ устахъ новопринимаемаго академика profession de foi, въ которой онъ явился спиритуалистомъ, возставая противъ матеріалистическихъ выводовъ позитивной философіи. Пастёръ съ большимъ сочувствіемъ говорилъ о терпимости Литтрè. Что касается мнимаго обращенія его къ вѣрѣ отцовъ передъ смертью, то объяснилъ это полнымъ упадкомъ силъ трудолюбиваго старца. Затѣмъ Пастёръ предался чисто литературнымъ варіаціямъ на тэму «безконечнаго», какимъ бы именемъ его ни обозначали. Онъ заключилъ свою рѣчь сравненіемъ г-жи Литтрè, «этой святой, въ каноническомъ смыслѣ слова», съ самимъ Литтрè, котораго назвалъ «лаицизированнымъ святымъ».

Ренанъ превзошелъ себя въ отвѣтной рѣчи. Умѣнье его выражать презрительное сомнѣніе, не смущая благочестивыхъ душъ, дошло на этотъ разъ до своего кульминаціоннаго пункта. Онъ объявилъ, что не считаетъ себя компетентнымъ въ дѣлѣ открытій Пастёра, но вполнѣ можетъ оцѣнить его научный геній. Съ чисто французскимъ умомъ и терпимостью Ренанъ объявилъ, что самъ не знаетъ, «кто онъ, спиритуалистъ или матеріалистъ», что онъ желалъ бы вѣрить основнымъ догматамъ, если только они будутъ выражены иначе, чѣмъ въ прекрасныхъ стихахъ, но «не довѣряетъ мистицизму, который, изъ любви къ Богу, хотѣлъ бы сжечь самый рай», и вѣритъ исключительно въ инстинктивную склонность міра къ добру и истинѣ. Превосходно очертилъ этотъ поэтъ-скептикъ конецъ жизни Литтрè...

30-го апрѣля открылась въ школѣ изящныхъ искуствъ выставка лучшихъ произведеній Курбэ, а во дворцѣ промышленности—ежегодная художественная выставка 1882 г. О ней въ слѣдующемъ письмѣ.

Людовикъ.

Парижъ, 30-го апрѣля 1882 года.

НОВЫЯ КНИГИ.

Н. М. Ядринцевъ. **Сибирь, какъ колонія.** Къ юбилею трехсотлѣтія. Спб., 1882 г.

Несмотря на то, что книга г. Ядринцева издана «въ юбилею», у читателя, послѣ ея прочтенія, является настроеніе совсѣмъ не праздничнаго характера и возбуждаются далеко не юбилейныя чувства и мысли...

Исторія Сибири, по существу, очень сходна съ исторіей большинства колоній всѣхъ европейскихъ странъ. Тоже неразумное расхищеніе естественныхъ богатствъ, приводящее, въ концѣ-концовъ, къ полному истощенію страны; тѣже насилія и притѣсненія, совершаемыя надъ туземцами и доводящія ихъ до полнаго исчезновенія съ лица земли; тѣже произволъ и самоуправство мѣстныхъ властей, доходящіе до ужасовъ, которые не способна, казалось бы, выдумать самая пылкая фантазія. «Самобытно-русскаго» въ судьбахъ Сибири только то, что въ то время, когда въ колоніяхъ другихъ странъ давно царствуютъ законность и гражданскій порядокъ и всѣ вышепоименованныя печальныя явленія отошли въ область преданія, въ Сибири эксплуатація теперь только вполнѣ расправила свои крылья. «Америка въ теченіе одного столѣтія достигла такихъ успѣховъ и развитія, о которыхъ мы не смѣемъ и помыслить еще, плачется одинъ сибирякъ въ статьѣ, написанной тоже по поводу 300-лѣтія Сибири:—даже краснокожіе индѣйцы перестали скальпировать своихъ собратьевъ, и между ними уже есть лица, съ высоты каѳедръ проповѣдующія научныя истины; недавніе рабы-негры также цивилизовались и немного времени имъ нужно будетъ, чтобы сдѣлаться культурнымъ народомъ. Австралія и та въ текущемъ вѣкѣ далеко шагнула впередъ, развивая у себя такую высокую культуру, о которой сибиряки, вѣроятно, ничего не знаютъ даже по слухамъ. Таитяне, еще недавно отрицавшіе необходимость листка стыдливости, засѣдаютъ уже въ парламентѣ и рѣшаютъ весьма при-

личио и благоразумно свои дѣла; даже смертную казнь отвергли, какъ неотвѣчающую понятію о человѣческомъ достоинствѣ. А Сибирь?» (стр. 442)...

А Сибирь представляетъ собою нѣчто такое, чему и названія трудно подъискать. Нельзя безъ чувства ужаса читать тѣ главы книги г. Ядринцева, которыя посвящены описанію современнаго состоянія Сибири. Это какая-то вакханалія самыхъ низкихъ инстинктовъ человѣческой натуры, разошедшихся на полной свободѣ и не знающихъ себѣ ни удержа, ни преграды, съ одной стороны, а съ другой — совершенно невыносимо тяжелое положеніе массы населенія.

Что мы принесли въ Сибирь въ теченіе 300-лѣтняго владѣнія ею?.. Прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что въ культурномъ отношеніи мы не сдѣлали въ Сибири почти ничего. Какой первобытный образъ жизни вела масса инородцевъ до прихода русскихъ, такой ведетъ она и теперь; какъ дики, нелѣпы и суевѣрны были понятія инородцевъ, такими остались и теперь. Пріученіе инородцевъ къ осѣдлой жизни является просто комедіею и доселѣ не имѣло никакого серьёзнаго значенія; христіанство распространяется между инородцами весьма туго, да къ тому же «обращенные» остаются христіанами только по названію, продолжаютъ вѣрить въ своихъ идоловъ, шаманятъ и т. д.; о воздѣйствіи на инородцевъ путемъ школьнаго образованія нечего и говорить, такъ какъ въ Сибири нѣтъ школъ даже для русскаго населенія: одинъ *граматный* въ Сибири приходится на 664 человѣка (стр. 384). Но если русскіе не имѣли никакого *культурнаго* вліянія на инородцевъ, послѣдніе оказали на пришельцевъ громадное и притомъ крайне печальное воздѣйствіе. Подъ вліяніемъ смѣшенія съ инородцами, сибиряки уменьшились ростомъ; физическая сила ихъ значительно ослабѣла; плодовитость женщинъ уменьшилась. Вмѣстѣ съ типомъ русскіе здѣсь часто теряли свои нравы, обычаи, вѣру, даже языкъ, словомъ, утрачивали свою національность, объякучивались, отунгузивались, обурятивались, окиргизивались и т. д. Живя около остяковъ, самоѣдовъ, киргизовъ и т. п., русскіе усвоиваютъ ихъ образъ жизни, переходятъ отъ высшей культуры къ болѣе низкой, отъ земледѣлія къ скотоводству и звѣроловству, строятъ вмѣсто избъ «чумы» и т. д. Даже въ способѣ питанія русскіе подражаютъ инородцамъ: ѣдятъ, напримѣръ, сырую рыбу, сырое мясо, причемъ по туземному обычаю отрѣзаютъ куски у самаго рта. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе заимствуютъ черты характера инородцевъ и ихъ умственнаго склада, усвоиваютъ инородческія суевѣрія, держатъ въ своихъ домахъ туземныхъ идоловъ, вѣрятъ въ шаманство и сами шаманятъ. Въ самый языкъ сибиряковъ вошло множество туземныхъ словъ; многіе русскіе говорятъ по-русски съ бурятскимъ, остяцкимъ или тунгузскимъ акцентомъ; наконецъ, многіе чистокровные русскіе не знаютъ по-русски, но прекрасно говорятъ по-бурятски или по-якутски. Сибиряки

забыли свое прошлое, забыли русскія преданія, русскую исторію. Себя они считаютъ коренными жителями Сибири, *которыхъ покорилъ Россіи Ермакъ*. Родственной связи съ жителями Европейской Россіи не признаютъ и даже противопоставляютъ сибиряка «россійскому» (стр. 32—49).

Подчиняясь въ культурномъ отношеніи инородческому вліянію, русскіе и въ экономическомъ отношеніи остановились на той же ступени, на какой стоятъ инородцы. Сибирь до сихъ поръ остается исключительно страною сырья; обработывающая промышленность представляетъ въ ней лишь жалкіе зачатки. Въ то время, какъ въ Сибири несчетныя массы желѣзныхъ рудъ, она получаетъ уральское желѣзо и притомъ не прямо съ Урала, а привезенное предварительно на нижегородскую ярмарку; во многихъ мѣстностяхъ сибирскій крестьянинъ употребляетъ деревянные замки и гвозди, хотя желѣзо чуть не подъ ногами валяется. Сибирякъ не умѣетъ обработывать сала, жжетъ лучину, употребляетъ вмѣсто мыла квашенныя кишки, а сало отправляетъ на казанскіе свѣчные и мыловаренные заводы. Онъ сѣетъ ленъ, но не умѣетъ имъ пользоваться и носитъ рубашку изъ *лубочнаго* холста (стр. 237—241)...

Но если русскіе не внесли въ Сибирь никакой культуры, то за то они примѣнили здѣсь въ широкихъ размѣрахъ принципы хищничества. Хищничество это одинаково направляется, какъ на природу, такъ и на людей. Естественныя богатства Сибири, по отзывамъ путешественниковъ прошлаго столѣтія, казались неисчерпаемыми, а между тѣмъ, сибиряки ухитрились исчерпать ихъ. Они преслѣдовали съ дрекольями и дубинами соболя, истребляли его тысячами и милліонами и, наконецъ, истребили его совершенно. Такая же участь постигла марала. Сжигая лѣса, сибиряки лишили средствъ питанія бѣлку, и она теперь исчезаетъ. Взамѣнъ того, расплодились хищные звѣри — медвѣди, росомахи и волки (стр. 227—235)...

Подобно звѣрямъ истребляются и инородцы. Въ прежніе годы на нихъ просто *охотились*. Теперь тоже идетъ охота, но въ экономической сферѣ. Результаты, впрочемъ, въ обоихъ случаяхъ получаются одни и тѣ же: истребленіе инородцевъ. Многіе туземные народы исчезли уже совершенно, другіе постоянно уменьшаются въ численности, вырождаются и стоятъ наканунѣ полной гибели. Причина этого ужаснаго явленія—печальное экономическое положеніе инородцевъ: всѣ они находятся въ полной кабальной зависимости отъ русскихъ эксплуататоровъ. Кабала, большею частью, вѣчная, идущая еще отъ отцовъ и дѣдовъ. Беззащитное положеніе инородцевъ дѣлаетъ то, что кабала возникаетъ, обыкновенно, изъ какого-нибудь грошеваго долга за пудъ муки, фунтъ чая и т. п. Вотъ примѣры. На Алтаѣ богатство многихъ инородцевъ составляютъ кедровые орѣхи. Кедръ даетъ хорошій урожай разъ въ три, четыре года, и это обстоятельство даетъ возможность купцу закабалить инородца. Онъ

даетъ въ плохой годъ инородцу деньги весною съ тѣмъ, чтобы тотъ поставилъ ему осенью орѣхи по рублю за пудъ, а за каждый недоданный пудъ обязанъ въ слѣдующемъ году представить два пуда. И такъ, дѣло идетъ далѣе, долгъ все увеличивается и, наконецъ, дѣлается неоплатнымъ, и инородецъ попадаетъ навсегда въ кабалу: никакое стараніе, никакой урожай не могутъ освободить его. И такая система практикуется по отношенію ко всѣмъ инородцамъ и всѣмъ добываемымъ ими продуктамъ. До какой степени безцеремоненъ грабежъ инородцевъ въ Сибири, показываетъ слѣдующій случай: въ 1860 г. одному торговцу за нѣсколько бѣличьихъ шкурокъ и за два шила, въ общей сложности—28 коп., присуждено было получить отъ инородца *81 быка*!.. Въ результатѣ: полное обнищаніе инородцевъ, голодовки, тифъ и другія болѣзни, страшная смертность и полное вымираніе...

Но хищническіе таланты, развившіеся на такой удобной почвѣ, не могли остановиться на обдираніи однихъ инородцевъ и направили свою дѣятельность также и на массу русскаго населенія. Кулачество и міроѣдство развиты въ Сибири въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ нигдѣ. «Земледѣльческая кабала существуетъ во многихъ мѣстахъ Сибири; ближе сказать, трудно найдти мѣсто, гдѣ бы это явленіе не существовало» (стр. 270). Кабала возникаетъ изъ долга въ какіе-нибудь десять рублей и переходитъ съ отца на дѣтей. Торговая и промышленная кабала распространена не менѣе земледѣльческой. Въ результатѣ получается то, что, при огромномъ земельномъ просторѣ, въ Сибири встрѣчается фактически обезземеленное населеніе, что масса крестьянства находится въ полурабской зависимости отъ разнаго рода благодѣтелей, между которыми не послѣднее мѣсто занимаютъ духовныя лица, и что, наконецъ, вся страна существуетъ для обогащенія немногихъ эксплуататоровъ, съ гордостью повторяющихъ старинную пословицу: «Сибирь — золотое дно» (стр. 264—296).

Если къ сказанному присоединить еще нѣсколько замѣчаній о томъ, что Сибирь есть царство административнаго произвола, о которомъ счастливымъ жителямъ Европейской Россіи трудно составить даже приблизительное понятіе, что сибирскіе чиновники, пользуясь своимъ положеніемъ, конкуррируютъ съ міроѣдами въ дѣлѣ обездоленія инородческаго и русскаго населенія, и что сибирское «общество», по дикости своихъ привычекъ и понятій, мало чѣмъ отличается отъ самыхъ первобытныхъ народовъ, такъ что все, мало-мальски свѣжее, честное, умное бѣжитъ изъ Сибири или гибнетъ отъ тоски и пьянства, то картина современнаго состоянія будетъ закончена. Картина эта такого сорта, что послѣ нея становятся очень странными надежды Ядринцева на лучшую будущность для Сибири. На чемъ основаны эти надежды? «Наши первыя и настоятельныя нужды—) введеніе земства, гласнаго суда, свободы печати и слова,

свободы личности и имущественной неприкосновенности, свободы переселенія и прекращенія ссылки въ Сибирь». Слова эти принадлежатъ гласному енисейской думы Скорнякову. Г. Ядринцевъ подчеркиваетъ ихъ и тѣмъ какъ бы указываетъ основанія своихъ надеждъ. Но вѣдь многое изъ указаннаго г. Скорняковымъ является «утопіей» даже для Европейской Россіи и когда обратится въ дѣйствительность, трудно даже гадать. А до тѣхъ поръ не ухитрятся ли сибирскіе хищники съѣсть всю Сибирь безъ остатка? Судя по размѣрамъ ихъ аппетита и по способу и средствамъ ихъ дѣятельности, ожидать можно всего. Возлагаютъ надежды на сибирскій университетъ; но развѣ люди съ университетскимъ образованіемъ меньше грабятъ, чѣмъ малограматные Колупаевы?..

О самой разбираемой книгѣ говорить особенно не приходится. Имя г. Ядринцева на столько извѣстно въ нашей литературѣ, что оно въ рекомендаціяхъ не нуждается. Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Г. Ядринцевъ нѣсколько разъ упоминаетъ о существованіи въ Сибири особыхъ «благословенныхъ райскихъ уголковъ». Уголки эти—мѣстности поселенія «семейскихъ», «каменьщиковъ» и другихъ раскольничьихъ общинъ. Находясь въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ которыя поставлены и остальные сибиряки, будучи также окружены со всѣхъ сторонъ инородцами, также подвергаясь чиновничьему и не чиновничьему грабежу и насиліямъ, они съумѣли нетолько сохранить въ неприкосновенности русскій типъ, русскіе обычаи, вѣрованія, преданія и языкъ, но еще оказали сильное воздѣйствіе въ смыслѣ руссификаціи на окружающихъ инородцевъ; нетолько не обѣднѣли и не обнищали, какъ остальное населеніе, нетолько не попали въ кабалу, но достигли такого высокаго экономическаго благосостоянія, которое вызываетъ крайнее удивленіе всѣхъ путешественниковъ; нетолько не утратили типичныхъ чертъ общины, какъ остальные сибирскіе крестьяне, но развили общинную жизнь до такой степени, что ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ даже въ Европейской Россіи. Намъ кажется, что изученіе причинъ, благодаря которымъ «семейскіе», «каменьщики» и др., представляютъ такое отрадное явленіе, было бы нетолько интересно вообще, но указало бы также на тѣ практическія мѣры, которыми Сибирь можетъ быть исторгнута изъ своего настоящаго отчаяннаго положенія. А между тѣмъ, г. Ядринцевъ совсѣмъ не остановилъ своего вниманія на этомъ интересномъ явленіи и упоминаетъ о немъ только въ двухъ-трехъ словахъ.

Статистическія свѣдѣнія Якутской области за 1879 годъ. Составлены Якутскимъ Областнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Якутскъ. 1879.

Новая ли это книга, мы хорошенько не знаемъ, потому что доставлена она намъ только теперь, а помѣчена 1879 годомъ. Мудренаго, впрочемъ, тутъ ничего нѣтъ, такъ какъ городъ Якутскъ отстоитъ отъ насъ на восемь слишкомъ тысячъ верстъ,

версты эти должно быть не само удобныя, да и почта отходитъ изъ Якутска на иркутскій трактъ «еженедѣльно по субботамъ въ 8 часовъ вечера».

Это послѣднее свѣдѣніе мы заимствуемъ изъ труда якутскаго областного статистическаго комитета. Тамъ есть, впрочемъ, свѣдѣнія еще болѣе точныя. Такъ, напримѣръ, почта въ Якутскъ по иркутскому тракту приходитъ «лѣтомъ и зимою по вторникамъ въ 6 часовъ пополудни, а весною и осенью по субботамъ въ 5 ч. 10 м. пополудни еженедѣльно». Въ Олекминскъ изъ Якутска почта приходитъ «зимою по средамъ въ 3 ч. 35 м. пополудни, лѣтомъ, весною и осенью по четвергамъ въ 7 ч. 5 м. пополудни еженедѣльно». Обратите вниманіе па эту точность. Еслибы якутскіе статистики сказали вамъ, что почта *отходитъ въ 7 ч. 5 м.*, такъ и то было бы удивительно, потому что можетъ же постромка, напримѣръ, оборваться, ямщикъ рукавицу потерять и т. п., вслѣдствіе чего почта отойдетъ не въ 7 ч. 5 м., а, скажемъ, въ 7 ч. 8½ м. Но гораздо еще удивительнѣе, что почта *приходитъ* въ 7 ч. 5 м. Счастливая страна, въ которой почта возится на лошадяхъ и ѣздовыхъ собакахъ съ аккуратностью, способною пристыдить желѣзныя дороги! Вы понимаете, однако, что это только распоряженіе почтоваго вѣдомства, а отнюдь не статистика, и что трудъ якутскихъ статистиковъ, будучи приложенъ ко времени прихода и отхода почтъ, могъ бы развѣ въ томъ состоять, чтобы сосчитать сколько разъ въ годъ распоряженіе почтоваго вѣдомства исполняется.

Надо, впрочемъ, отдать справедливость якутскимъ статистикамъ: росписаніе времени отхода и прихода почтъ представляетъ единственную не статистическую таблицу въ сборникѣ. Да и то эта таблица для познанія нашего обширнаго отечества очень полезна. Всѣ мы знаемъ, что Якутская область не розами усыпана, но это все-таки очень неопредѣленное представленіе. Не безполезно поэтому свѣдѣніе, что почта изъ Якутска въ города Верхоянскъ и Средне-Колымскъ отходитъ «въ неопредѣленные мѣсяцы отъ 4 — 6 разъ въ годъ», а въ Петропавловскій портъ «разъ въ годъ, 15-го декабря». Всѣ остальныя, уже настоящія статистическія свѣдѣнія, заключающіяся въ лежащемъ передъ нами фоліантѣ, точно также очень способствуютъ уясненію вопроса: что такое Якутская область? Есть, напримѣръ, тамъ округъ Верхоянскій, въ которомъ въ 1879 г. родились 265 человѣкъ, а умерло 402 и, слѣдовательно, «естественное приращеніе народонаселенія» выразилось въ отчетномъ году *убылью* въ 137 человѣкъ. Что касается приращенія неестественнаго, то есть прибыли и убыли ссыльныхъ, то на этотъ счетъ якутскіе статистики ничего не говорятъ. Они сообщаютъ только цифры ссыльныхъ за отчетный годъ. Такъ, въ Якутскомъ округѣ ихъ было 2,849. (Можетъ быть и странно, но все-таки любопытно замѣтить при этомъ, что овецъ въ Якутскомъ округѣ было 258, свиней — 30, козъ — 3). Въ Олекминскомъ округѣ число ссыль-

ныхъ равнялось 1,456 (овецъ 47, свиней 10 и 4 козы). Въ Вилюйскомъ—397 ссыльныхъ (7 овецъ, ни одной свиньи и ни одной козы). Въ Верхоянскомъ 71 ссыльный (ни одной овцы, ни одной свиньи и ни одной козы). Въ Колымскомъ 45 ссыльныхъ (ни овцы, ни свиньи, ни козы).

Очевидно, Якутская область не та страна, гдѣ «зрѣетъ апельсинъ». Странно только, что объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, то есть объ отсутствіи апельсиновъ, якутскіе статистики ничего не говорятъ. А ожидать этого не безумно. По крайней мѣрѣ, изъ таблицы 11, о числѣ зданій въ городахъ Якутской области, мы узнаемъ, что казенныхъ жилыхъ домовъ столько-то (1 каменный и 47 деревянныхъ), частныхъ столько-то (4 каменныхъ и 717 деревянныхъ) и проч., а театровъ и полицейскихъ будокъ нѣтъ совсѣмъ, хотя они почему-то и значатся въ числѣ рубрикъ. точно также въ таблицѣ 12 находимъ данныя о числѣ заводовъ, причемъ маслобойные, винокуренные и папиросные заводы (?) фигурируютъ въ графѣ «названіе заводовъ», а на дѣлѣ ихъ нѣтъ. Да сверхъ того къ таблицѣ сдѣлано примѣчаніе: «фабрикъ въ области нѣтъ». Но если якутскіе статистики вздумаютъ поименовывать всѣ предметы, которыхъ въ Якутской области нѣтъ, то они не скоро кончатъ свою задачу. Помните, у Лермонтова: «сталъ считать Казбекъ угрюмый и—не счелъ враговъ»...

Мѣстное управленіе, судъ и государственное устрійство Бельгіи. М. 1882.

Эта брошюра въ два печатныхъ листа представляетъ переводъ одной главы изъ недавно вышедшей книги Демомбина «Constitutions européennes». Редакторъ перевода, г. Гольцевъ, въ коротенькомъ предисловіи ссылается на тѣ самыя слова Либера, которыя приводились еще въ 1859 году редакціей «Русскаго Инвалида» въ предисловіи къ извѣстнымъ очеркамъ г. Лохвицкаго, вышедшимъ потомъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Обзоръ современныхъ конституцій»: «Мы живемъ въ такое время, когда на обязанности каждаго человѣка лежитъ добросовѣстный отвѣтъ на слѣдующіе важные вопросы: въ чемъ состоитъ гражданская свобода? какъ получить ее? какъ сохранить ее? какія средства служатъ къ ея распространенію и какимъ образомъ можно утратить ее?» «Естественно, прибавляетъ отъ себя г. Гольцевъ:— что обязанность эта могла только усилиться для каждаго мыслящаго русскаго человѣка послѣ тѣхъ великихъ преобразованій, которыя составляютъ славу прошлаго царствованія».

Замѣчаніе совершенно справедливое; но справедливо также и то, что голое изложеніе, напримѣръ, дѣйствующей бельгійской конституціи еще отнюдь не даетъ отвѣтовъ на упомянутые Либеромъ вопросы: для этого нуженъ бы былъ хотя бы бѣглый очеркъ, по крайней мѣрѣ, выдающихся моментовъ исторіи бельгійскихъ государственныхъ порядковъ. Спасибо, однако, и за то, что намъ даютъ издатели. Мы можемъ только пожелать, чтобы дальнѣйшіе очерки государственнаго устройства европейскихъ

странъ (Бельгія выбрана «для начала») не заставили себя долго ждать. Въ успѣхѣ предпріятія сомнѣваться, кажется, нельзя. Во-первыхъ, публика наша обладаетъ очень скромными свѣдѣніями по части политическаго устройства Европы. Во-вторыхъ, издатели очень остроумно распорядились самою формою изданія: судя по первому очерку, это будетъ рядъ отдѣльныхъ, законченныхъ брошюръ, небольшихъ и слѣдовательно не дорогихъ. Очеркъ государственнаго устройства Бельгіи стоитъ всего 20 копеекъ.

Н. Дебольскій. **Философія будущаго.** Соображенія о ея началѣ, предметѣ, методѣ и системѣ. Спб. 1882.

Говорятъ, Талейранъ какъ-то выразился, что даръ слова данъ человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли. Должно полагать, онъ мало имѣлъ дѣла съ метафизикой, потому что иначе выразился бы, по всей вѣроятности, гораздо рѣзче.

Еслибы человѣкъ былъ лишенъ зрѣнія, онъ бы не зналъ и не понималъ всей области свѣтовыхъ явленій; и наоборотъ, еслибы онъ обладалъ еще одной лишней способностью, ему была бы доступна цѣлая новая область явленій. Ограниченность человѣческаго знанія и пониманія, обнаруживаемая этими соображеніями, заставила трезвую философскую мысль признать это обстоятельство столь же неустранимымъ, какъ и самую природу человѣка. Но метафизики, даже признавая этотъ фактъ, все-таки никогда не покидали надежды, такъ сказать, выскочить изъ природы человѣка и завладѣть заманчивой безусловной истиной. На какія же они могли разсчитывать средства для осуществленія этой задачи? Самое удобное и при томъ единственно возможное средство для этого—игра словами. Тщетно и философія и наука доказываютъ свое, метафизика, даже не давая себѣ труда опровергнуть положенія науки и философіи, имѣетъ полную возможность преслѣдовать свои цѣли, тѣшась хитросплетеніями словъ и туманомъ понятій.—Лишнюю попытку въ этомъ направленіи представляетъ небольшая книжка г. Дебольскаго, подъ громкимъ заглавіемъ «Философія будущаго». Авторъ пожелалъ «выяснить основныя черты и методъ той истинной метафизики, которой, по его мнѣнію, рано или поздно должно будетъ принадлежать торжество въ человѣческомъ сознаніи». Притомъ онъ «проситъ читателя смотрѣть на свой трудъ не какъ на изложеніе нѣкотораго вновь *придуманнаго* ученія, а какъ на простой призывъ воспользоваться результатами вѣковой работы дѣйствительно великихъ и творческихъ умовъ» (154). Однако, несмотря на все это, авторъ, повидимому, не особенно разсчитываетъ на успѣхъ своихъ идей, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время; онъ предвидитъ возможность рѣзкихъ нападокъ на нихъ. Но «до достиженія ихъ торжества и ради него онъ охотно принялъ бы на себя даже рѣзкіе удары той философской критики, суда которой онъ такъ долго и тщетно ожидалъ». Мы совершенно согласны съ г. Дебольскимъ въ томъ отношеніи, что его

воззрѣнія способны вызвать рѣзкую критику, но вмѣстѣ съ тѣмъ, считаемъ его дѣло еще того безнадежнѣе. Мы именно полагаемъ, что задача, которую онъ преслѣдуетъ, и пріемы, которыхъ онъ придерживается, нетолько никогда не достигнутъ торжества, но даже не могутъ разсчитывать на мало-мальски внимательное отношеніе къ себѣ. Игнорированіе—вотъ та сила, которая должна сокрушить всѣ подобнаго рода попытки, и, надо сказать, сила эта далеко не лишена внушительности въ смыслѣ убѣдительности. Не потому, конечно, что въ союзѣ съ ней «модная» доктрина эмпиризма, а потому, что на самомъ дѣлѣ у нея есть союзники поразумнѣе, за нею стоитъ вся исторія мысли, въ конецъ порѣшившая съ метафизикой, ея задачами и пріемами. Правда, вопросы метафизики и въ настоящее время не перестаютъ интересовать даже мыслителей научнаго направленія. Но кто изъ мыслителей дѣйствительно сколько-нибудь уважительно относится къ даннымъ науки (особенно поучительна въ этомъ отношеніи современная психофизика), тотъ при обсужденіи подобныхъ вопросовъ непремѣнно соблюдаетъ основное условіе научности—не претендовать на «безусловное» знаніе или «сверхчувственное» пониманіе. А для г. Дебольскаго это условіе точно не существуетъ. То-есть онъ его знаетъ, ничѣмъ не опровергаетъ, не не желаетъ имъ руководствоваться въ метафизикѣ. Желая выяснить основаніе истинной метафизики, онъ прямо начинаетъ съ заявленія, что «съ метафизической точки зрѣнія кромѣ явленій познаваемы *вещи въ себѣ*» (XVII). При чемъ «явленіе есть нѣчто данное лишь подъ условіемъ воспріятія и независимо отъ воспріятія существовать не могущее» (XVII). А «вещь въ себѣ должна мыслиться нами нетолько какъ независимая отъ условій нашего воспріятія, но и какъ независимая или безусловная вообще» (XVIII).

Мы здѣсь, разумѣется, не станемъ вдаваться въ подробный разборъ системы воззрѣній, изложенныхъ въ «Философіи будущаго». Не говоря уже о томъ, что это заняло бы очень много мѣста и было бы очень утомительно, оно къ тому же представило бы очень мало интереса для читателя. Мы полагаемъ, что весь интересъ разбираемаго нами произведенія будетъ исчерпанъ, если мы остановимся на двухъ только пунктахъ. Во-первыхъ, на томъ, какими доводами авторъ думаетъ отстоять свою точку зрѣнія, и, во-вторыхъ, что̀ влечетъ за собой эта точка зрѣнія.

Чтобы доказать возможность и цѣлесообразность метафизики, какъ ученія о «вещи въ себѣ», авторъ старается доказать несостоятельность тѣхъ философскихъ направленій, которыя отрицаютъ всякую возможность познать «вещь въ себѣ». Для этого онъ сводитъ всѣ подобныя ученія въ двѣ группы—системы умѣреннаго эмпиризма и крайняго. Не будемъ уже говорить о томъ, что изъ всѣхъ системъ, относящихся отрицательно къ метафизикѣ, система эмпиризма далеко не самая сильная и глубокая

въ теоретическомъ отношеніи; даже совсѣмъ напротивъ, въ этомъ очень мало вѣроятнаго, такъ какъ самая слабая сторона эмпиризма—его теорія. Но, оставляя это въ сторонѣ, посмотримъ хоть на то, какъ нашъ авторъ справляется съ эмпиризмомъ. Оказывается, что ученіе эмпириковъ страдаетъ глубокимъ противорѣчіемъ. По ихъ понятіямъ, «*условіемъ* явленій служитъ субъектъ, которому они даны, такъ какъ явленія существуютъ *только* для субъекта, для того *я*, которому они являются» (19.(Между тѣмъ, «будучи *условіемъ* явленій, говоритъ нашъ авторъ, субъектъ не есть *причина* явленій (!), ибо онъ не производитъ ихъ, а только созерцаетъ». (20) А отсюда ужъ недалеко и до противорѣчія. «Выходитъ, говоритъ нашъ авторъ, что явленія существуютъ не дѣйствіемъ субъекта, но и не сами собою, потому что они не могутъ существовать безъ субъекта». Другими словами, оказывается, говоритъ онъ, что «существованіе міра явленій есть вмѣстѣ и зависимое и независимое», а вслѣдствіе этого противорѣчія, по его мнѣнію, «существованіе явленій оказывается невозможнымъ». (21) Къ чести эмпириковъ это противорѣчіе всецѣло принадлежитъ г. Дебольскому и возникло только благодаря его упорному нежеланію понять смыслъ того, что говорятъ эмпирики. Взять хоть бы Джона Стюарта Милля. Этотъ, по словамъ г. Дебольскаго, непослѣдовательный приверженецъ эмпиризма, можетъ, въ какомъ другомъ случаѣ и страдаетъ противорѣчіями, но въ данномъ случаѣ было бы грѣхъ обвинять его въ этомъ. Онъ прямо и ясно заявляетъ, что причина есть «совокупность условій, наступленіе которыхъ неизмѣнно сопровождается слѣдствіемъ» (Сист. лог. I, 364); а разумѣется, въ числѣ условій каждаго явленія есть одно общее для всѣхъ ихъ, и такое, безъ котораго ни одно явленіе не существуетъ для человѣка. Это условіе есть то, что мы называемъ субъектомъ, воспринимающимъ явленіе. Такъ вотъ исходя изъ подобныхъ опредѣленій, развѣ можетъ быть даже рѣчь о томъ, что субъектъ есть условіе явленія, но не его причина. Если судить по тому, что говорятъ сами эмпирики, а не по тому, что говоритъ г. Дебольскій, то окажется, что по ихъ понятіямъ, разъ субъектъ есть условіе явленія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и одна изъ его причинъ. А производитъ ли субъектъ или только созерцаетъ явленіе, это ровно ничего не измѣняетъ въ ходѣ разсужденій эмпирика: и въ томъ и въ другомъ случаѣ субъектъ есть условіе явленія и значитъ его причина. Г. Дебольскій же навязываетъ понятію причинности совершенно иной, а именно метафизическій смыслъ, чуждый эмпирикамъ, и ничего нѣтъ мудренаго, что, подступая съ подобнымъ мѣриломъ къ воззрѣніямъ эмпириковъ, онъ находитъ въ нихъ противорѣчія. Но при чемъ же тутъ несостоятельность эмпиризма? Только благодаря этому пріему и удается автору уличить эмпиризмъ въ цѣломъ рядѣ противорѣчій. Понятіямъ эмпириковъ приписывается совершенно несвойственный имъ метафизическій смыслъ, и, разумѣется, противорѣчіе готово,

противорѣчіе эмпиризма, какъ съ собственными положеніями, такъ и съ наукой. Такимъ образомъ оказывается, что «если нѣтъ ничего, кромѣ явленій (какъ то полагаютъ эмпирики), то нѣтъ и связи между явленіями; а если нѣтъ этой связи, то непонятно, откуда берется несомнѣнно существующій закономѣрный порядокъ вещей» (23). Такимъ образомъ оказывается, что эмпирики совершенно напрасно считаютъ, будто ихъ воззрѣнія «представляютъ наиболѣе полное согласіе съ естествознаніемъ и наукой». Такъ какъ эмпиризмъ признаетъ только то, что доступно нашему сознанію, то ему противорѣчитъ допущеніе атомовъ, частицъ, свѣтовыхъ колебаній, однимъ словомъ, всѣхъ этихъ «неявляющихся явленій», недоступныхъ «непосредственному сознанію» (24). Этого мало. Авторъ полагаетъ, что по той же причинѣ эмпирикъ не имѣетъ права заключать вообще обо всемъ, что было *до* насъ и *до* нашего наблюденія, напримѣръ, объ историческихъ фактахъ по документамъ, не имѣетъ также права говорить о томъ, что будетъ послѣ насъ (26). Всѣ эти, по истинѣ, поразительныя заключенія выведены только благодаря предположенію, будто, когда мы говоримъ о закономѣрной связи между явленіями, объ историческихъ фактахъ или объ атомахъ, то предполагаемъ все это независимымъ отъ нашего воспріятія или сознанія, а существующимъ какъ-то «безусловно (т. е. независимо отъ чего-либо другого)», по выраженію автора. На самомъ дѣлѣ подобныя понятія присущи не тому научному эмпиризму, который отрицаетъ метафизику, а тому грубому эмпиризму, который самъ повиненъ въ ней. Если представители науки и говорятъ объ атомахъ, то разумѣютъ подъ этимъ извѣстную комбинацію обстоятельствъ и условій, называемыхъ то силами, то движеніями, и которыя *по ихъ человѣческому* представленію тѣсно и закономѣрно связаны съ тѣмъ, какъ *человѣкъ воспринимаетъ* эту комбинацію и ея результаты. По этимъ результатамъ мы судимъ объ атомахъ точно такъ же, какъ по крику ребенка заключаемъ о его волненіи, по дыму—объ огнѣ, по письму — о томъ, что желаютъ намъ сообщить. Во всѣхъ этихъ житейскихъ случаяхъ мы не дѣлаемъ никакихъ заключеній о «вещахъ въ себѣ», о ребенкѣ «въ себѣ», объ огнѣ «въ себѣ» и т. д.; и то же самое относится и къ атомамъ. Притомъ наука не даетъ рѣшительно ничего объ этой таинственной вещи въ себѣ. Если люди науки и говорятъ объ атомѣ или о тѣлахъ, къ которымъ приложены силы и которыя обладаютъ различными свойствами, то это не больше, какъ способъ выраженія. Правда, наука нетолько терпитъ эту метафизическую манеру выраженій, но даже обязана ей весьма многими успѣхами. Но вся роль этихъ выраженій и понятій ограничивается тѣмъ, что они представляютъ собой наглядный образъ, выразительное пособіе, точно такъ, какъ линіи, изображающія силы въ механикѣ. Но одно дѣло—выраженія и образы, терпимые въ наукѣ въ качествѣ пособія, а совсѣмъ другое—ихъ верховное гос-

подство въ качествѣ исходныхъ положеній, даже больше—въ качествѣ чего-то высшаго, что нетолько не зависитъ отъ даннаго міра, но напротивъ, само «творятъ» этотъ міръ. Дойти до положеній въ послѣднемъ родѣ можно только путемъ крайне неосторожнаго обращенія со словами и понятіями. А нельзя сказать, чтобы г. Дебольскій строго различалъ слова и понятія, и это обстоятельство кладетъ печать на весь строй его воззрѣній. Только крайняя неосторожность могла увлечь автора въ такія дебри, какъ его разсужденія о томъ, что «вещь въ себѣ» есть верховный и безконечный разумъ (142), или иначе, верховное разумное существо. Только ею можетъ быть объяснена возможность возникновенія такихъ вещей, какъ его соображенія о томъ, что согласно и что не согласно съ достоинствомъ этого существа (88), или о томъ, обладаетъ ли оно сознательностью (88). По нашему мнѣнію, это совершенно непозволительная игра словами, которая при всей безплодности своей была бы, пожалуй, совершенно невинна, еслибы ограничивалась областью вещи въ себѣ, ни для кого не интересной и никого не касающейся. Но въ томъ-то и дѣло, что эти метафизическія существа, по мысли г. Дебольскаго, играютъ роль основанія для реальнаго міра, доступнаго человѣку, и должны служить исходной точкой для пониманія этого міра. «Построеніе системы философіи, говоритъ онъ, начинается съ *безсодержательнаго* для нашего представленія разума въ себѣ» (135). «Философскій синтезъ указываетъ, какъ *непознаваемый* для насъ по своему содержанію міръ разума даетъ, однако, основаніе и міру явленій» (134). И какъ при этомъ философія все-таки даетъ «систему разумно-обоснованныхъ вещей», мы не понимаемъ. Объясненіе познаваемаго при помощи непознаваемаго, доступнаго при помощи недоступнаго представляетъ мало шансовъ къ тому. Эти пріемы представляютъ очень скользкій путь, по которому ничего не стоитъ дойти до утвержденія, что «попытка вывести всю науку изъ *человѣческаго* разума (курсивъ подлин.) есть ученіе невозможное» и что философъ, «относясь къ религіи, собственности, государству, какъ къ созданіямъ своего разума, софистически подкрѣпляетъ своимъ авторитетомъ тѣ демагогическіе планы и затѣи, которые довершаютъ собою разложеніе нравственныхъ началъ современной жизни» (146). Очень опасное это дѣло, когда даже плодотворная мысль облекается въ туманъ мистицизма и миѳологіи, или въ форму изрѣченій пиѳіи. Результатомъ этого можетъ быть только спутанность мысли и у читателя, и у писателя.

Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. *А. А. Головачова.* Спб. 1881.

Книга эта является отдѣльной перепечаткой статей, помѣщавшихся за послѣдніе года въ «Сборникѣ государственныхъ знаній». Г. Головачовъ въ небольшомъ предисловіи указываетъ на то обстоятельство, что издать эти статьи книгой его понудило «неоднократно выраженное желаніе лицъ, интересующихся

у насъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ». Охотно вѣримъ. Особенно въ виду того, что факты и выводы, заключенные въ этой книгѣ, способны интересовать нетолько лицъ, спеціально занимающихся желѣзнодорожными вопросами, но и вообще всякаго простого обывателя, который пожелалъ бы остановиться нѣсколько на итогахъ русскаго государственнаго и общественнаго хозяйства за послѣднее двадцатипятилѣтіе. А однимъ изъ крупныхъ итоговъ этого хозяйства является у насъ сооруженіе за это время болѣе чѣмъ 20,000-верстной сѣти желѣзныхъ дорогъ. Поглядывать по временамъ на значеніе и жизненную обстановку такихъ итоговъ даже очень не мѣшаетъ. Не мѣшаетъ нетолько для болѣе цѣлесообразнаго направленія нашей дѣятельности въ будущемъ, но и просто съ точки зрѣнія исторической, для характеристики пережитого.

Съ этой точки зрѣнія смотритъ на занимающій его вопросъ и г. Головачовъ. Самъ онъ хорошо понимаетъ, что его статьи (и книга) запоздали, ибо онѣ были написаны въ то время, когда уже всѣ главныя линіи окончены и остались лишь второстепенныя; онъ даже прямо называетъ свою книгу въ нѣкоторомъ родѣ «горчицей послѣ ужина» (стр. 76). Но что касается до ея значенія въ смыслѣ исторіи вопроса и надлежащей оцѣнки прошлаго, то она несомнѣнно имѣетъ таковое. Иногда и послѣ черезчуръ сытнаго и роскошнаго ужина не мѣшаетъ принять если не горчицы, то какой-нибудь вообще горькой микстуры. Такой пользительной микстурой является трудъ г. Головачова. Дѣйствительно, наши оптимисты неистово кричали о всероссійскомъ прогрессѣ: мы, молъ, сдѣлали то-то и вотъ то-то, и даже вотъ что, и промышленность-то далеко двинули впередъ, и банковъ-то сколько создали, и дорогъ-то сколько настроили! Но тутъ являются люди, заручившіеся фактами, и обливаютъ изъ ушата холодной водой не въ мѣру разгорячившихся оптимистовъ. Насчетъ желѣзныхъ дорогъ г. Головачовъ, напримѣръ, неоднократно сообщаетъ намъ слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, дорогъ мы, правда, настроили много, но это скорѣе дурно, чѣмъ хорошо. Дороги существуютъ не an und fur sich, а для перевозки продуктовъ и сообщенія. Но, позаботившись о сооруженіи 20-ти тысячъ съ хвостикомъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, мы не позаботились вмѣстѣ съ тѣмъ создать соотвѣтствующее производство. Нѣтъ продуктовъ, нѣтъ ихъ передвиженія, незачѣмъ и желѣзныя дороги. Послѣднія, вмѣсто того, чтобъ усилить производительность страны, наоборотъ, уменьшили ея вѣроятное расширеніе, ибо притянули массу капиталовъ отъ болѣе производительныхъ сферъ къ сферѣ желѣзнодорожной спекуляціи, концессіонной горячки и игры акціями и облигаціями. Во-вторыхъ, и въ связи съ предыдущимъ, самый характеръ постройки дорогъ былъ таковъ, что при этомъ давалась возможность играть главную роль интересамъ финансовыхъ тузовъ и капиталистовъ, образовывавшихъ фиктивныя общества, а не дѣйствительнымъ потребностямъ стра-

ны и ея производителямъ. Иногда линіи проводились не потому, что онѣ дѣйствительно были нужны, а потому, что находились дѣльцы, желавшіе получить отъ правительства концессію съ неизбѣжными ея аттрибутами: гарантіями, субсидіями, приплатою по процентамъ. Затѣмъ, правительство слишкомъ урѣзывало долю своего участія и вмѣшательства въ такую необходимую область общественнаго хозяйства, какъ желѣзнодорожные пути сообщенія. Вмѣсто того, чтобъ безповоротно признать эти пути какъ со всѣмъ ихъ подвижнымъ составомъ, такъ и съ прилегающими участками и зданіями и т. п. за неотчуждаемую собственность государства, правительство передало ихъ на чрезвычайно большіе сроки отъ 70 до 99 лѣтъ частнымъ обществамъ и компаніямъ. Эта передача, какъ показываетъ, напримѣръ, «исторія» съ Главнымъ обществомъ желѣзныхъ дорогъ (см. стр. 101—169 и во мн. др. мѣстахъ) была совершена на крайне невыгодныхъ условіяхъ. Обществу предоставлялось слишкомъ много льготъ. Оно пользуется слишкомъ большими послабленіями, неоднократно обращая, напримѣръ, своевольно суммы, слѣдовавшія на уплату долга правительству, на свои дѣла, взносы по акціямъ или на эксплуатацію пути. Въ будущемъ все увеличеніе дохода, проистекающее ужь, конечно, не отъ «благоразумнаго управленія», какъ говоритъ Главное общество, а отъ увеличенія народонаселенія и усиленія промышленности, должно пойти въ руки праздныхъ владѣльцевъ акцій, а не въ государственную казну, которая, замѣтимъ мы отъ себя, могла бы значительно въ такомъ случаѣ понизить тарифъ.

Вообще, читатель изъ массы фактическихъ данныхъ, сообщаемыхъ г. Головачовымъ относительно каждой изъ желѣнодорожныхъ линій, начиная съ Николаевской и кончая сооруженными въ 1873 г., извлечетъ ясное указаніе на то, какъ нераціонально велось у насъ желѣзнодорожное дѣло. Резюме финансоваго положенія этого дѣла можно найти въ «Заключеніи» книги г. Головачова. Частныя общества, которымъ была уступлена эксплуатація желѣзныхъ дорогъ, состоятъ въ неоплатномъ долгу у государства, что̀, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Головачовъ, естественно должно бы было привести къ требованію скорѣйшаго выкупа этой уступки въ пользу государства и вмѣстѣ съ тѣмъ дать вполнѣ законный поводъ для совершенія этой операціи. На стр. 383 авторъ приводитъ интересную табличку, въ которой содержатся данныя относительно основныхъ капиталовъ обществъ и участія въ нихъ правительства, равно какъ долговъ обществъ правительству по выдачѣ гарантіи, по недоимкамъ въ платежѣ процентовъ по облигаціямъ и по различнымъ ссудамъ на первое января 1879. Изъ таблички этой оказывается, напримѣръ, что въ то время, какъ акціонерный капиталъ обществъ простирается до 637.895,988 (въ томъ числѣ правительству 83.065,366 и частнымъ лицамъ 554.830,622), облигаціонный достигаетъ громадной суммы 1.475.559,435, изъ

которой правительству принадлежитъ болѣе, чѣмъ двѣ трети — 1.065.379,470. Долги же обществъ (по гарантіи, по платежу на облигаціи и по разнымъ ссудамъ) равняются 530.050,008. На основаніи кой-какихъ соображеній и расчисленій, авторъ дѣлаетъ выводъ, что «у гг. акціонеровъ не имѣется обезпеченія и на ²⁄₃ рубля правительственнаго долга, не говоря уже о суммѣ облигаціоннаго капитала» (стр. 384). Разумѣется, отсюда естественно вытекаетъ вопросъ, почему бы правительству не принудить своего неоплатнаго должника ликвидировать дѣла и, взявъ въ свои руки желѣзныя дороги, не свести тарифъ до минимума, который будетъ стоять ниже настоящаго тарифа на всю сумму доходовъ гг. желѣзнодорожныхъ пайщиковъ? Если этого вопроса о тарифѣ самъ г. Головачовъ прямо и не дѣлаетъ, то онъ все-таки неизбѣжно напрашивается на мысль любому незаинтересованному читателю книги.

Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкурренціи и началъ государственнаго вмѣшательства. *И. Янжулъ*. Выпускъ второй. Періодъ свободной торговли. М. 1882.

Г. Янжулъ принадлежитъ къ числу очень и очень немногихъ русскихъ ученыхъ, дѣйствительно работающихъ. Большинство, какъ извѣстно, пережевываетъ научную жвачку, съ прилежаніемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, или же съ лѣностью, научнаго дѣятеля совершенно недостойною. Есть, разумѣется, и другіе типы русскихъ ученыхъ. Такъ, нѣкоторые зарываются въ парижскіе или иные архивы, открываютъ тамъ любопытные матеріалы по исторіи альбигойцевъ, напримѣръ, или кальвинизма и затѣмъ сообщаютъ намъ результаты своихъ изслѣдованій. Но сообщаютъ ихъ они намъ, а не соотечественникамъ альбигойцевъ и кальвинистовъ, которые (соотечественники), вѣроятно, оцѣнили бы труды русскихъ ученыхъ по достоинству и воспользовались бы ими какъ слѣдуетъ. Мы же естественно можемъ только любоваться детальною роскошью разсказа объ альбигойцахъ и думать про себя: это, конечно, трудъ, работа, но какая-то никчемная—французы не прочтутъ, а намъ, пожалуй, можно бы было обойтись и безъ такой роскоши подробностей. Есть и такіе русскіе ученые, которые, можетъ быть, и двигаютъ науку про себя, въ тиши своихъ кабинетовъ, но никто ихъ работы не видитъ. Есть, наконецъ, и исключенія, къ числу которыхъ принадлежитъ г. Янжулъ. Говоря объ русскихъ ученыхъ, зарывающихся въ иностранныхъ архивахъ, мы отнюдь не думаемъ, что европейская исторія не должна или не можетъ насъ интересовать. Совершенно напротивъ. Европа представляетъ такую обширную сокровищницу опыта, изъ которой намъ еще неопредѣленно долго придется черпать указанія и поученія. Но намъ нужны именно указанія и поученія, хотя бы самаго общаго теоретическаго свойства, а потому желательны или соотвѣтственный выборъ моментовъ европейской исторіи, или сотвѣтственная ихъ обработка, если

ужъ нельзя совмѣстить то и другое. Работы г. Янжула до сихъ поръ относятся исключительно къ Англіи, но мы рѣшительно ничего противъ этого не имѣемъ, потому что г. Янжулъ умѣетъ и выбирать, и обобщать. Лежащая передъ нами книга свидѣтельствуетъ объ этомъ съ особливою ясностью.

Въ свое время мы говорили о первомъ выпускѣ труда г. Янжула (вышедшемъ еще въ 1876 году), и теперь хотимъ только рекомендовать второй выпускъ особенному вниманію читателя, въ разсчетѣ вернуться къ нему впослѣдствіи еще разъ.

Г. Янжулъ признаетъ, что политическая экономія переживаетъ глубокій кризисъ, что ея такъ называемые законы и истины теряютъ кредитъ и въ теоретической сферѣ научной мысли, и въ практической области. По мнѣнію г. Янжула, этому повороту способствовали четыре фактора: «альтруизмъ, соціализмъ, индуктивизмъ, протекціонизмъ», разлагающему вліянію которыхъ и посвящена часть книги. Не касаясь общаго плана работы г. Янжула, мы скажемъ только, что читатель найдетъ въ этой части множество интересныхъ и, по всей вѣроятности, новыхъ для него свѣдѣній. Особенно любопытна глава о чартизмѣ и христіанскихъ соціалистахъ. Другая цѣль, преслѣдуемая книгой г. Янжула, состоитъ въ опредѣленіи причинъ, условій и результатовъ политики свободной торговли въ Англіи. Замѣчательное научное безпристрастіе автора и свобода его мысли отъ quasi-научныхъ предразсудковъ наилучше характеризуются слѣдующими заключительными словами книги: «Покровительственная система есть лишь одна изъ двухъ (другая—свободная торговля) формъ международныхъ торговыхъ сношеній *существующаго экономическаго строя* (курсивъ автора). Пока же держится въ полной силѣ современный строй и организація производства и распредѣленія матеріальныхъ цѣнностей въ его настоящемъ видѣ, до тѣхъ поръ нѣтъ никакого логическаго основанія допустить, чтобы послѣдствія возвращенія Великобританіи къ покровительственной системѣ могли привести ее въ отношеніи обезпеченія благосостоянія цѣлой массы народа (а не малой сравнительно лишь части его, какъ нынѣ), къ инымъ, лучшимъ результатамъ, нежели какіе получались, мы видѣли, для того же англійскаго народа отъ политики свободной торговли. Борьба интересовъ всегда приведетъ къ тому, что въ проигрышѣ окажется слабѣйшая въ политическомъ, экономическомъ и интеллектуальномъ отношеніи партія. Лишь въ томъ случаѣ, если когда-нибудь *существенно* измѣнится ея современная экономическая и политическая организація, можно будетъ ожидать и *существеннаго* измѣненія въ означенномъ выше смыслѣ значенія и вліянія той или иной формы международныхъ сношеній. До тѣхъ же поръ всякая подобная реформа, все равно въ ту или другую сторону, будетъ имѣть значеніе лишь палліатива».

Тѣмъ прискорбнѣе встрѣчать въ столь почтенномъ трудѣ нѣкоторыя странности, несостоятельныя даже въ азбучно-логиче-

скомъ смыслѣ. Такъ, взвѣшивая выгодныя и невыгодныя стороны англійской фритредерской политики и связаннаго съ ней колоссальнаго роста богатствъ, г. Янжулъ говоритъ, между прочимъ: «Мы смѣло утверждаемъ, что даже тѣ лица, которыя нынѣ наиболѣе враждебно относятся къ капиталу—соціалисты, нетолько въ отрицательномъ, но и въ положительномъ смыслѣ обязаны тому же самому капиталу за свои теоріи и ихъ обработку, свои опыты и возможность практической дѣятельности! Нѣтъ сомнѣнія, напримѣръ, что многочисленныя попытки устройства коммунъ и сама агитація Роб. Оуэна не были бы возможны безъ крупнаго состоянія, нажитого имъ и его предками хлопчато-бумажною прамышленностью; а наиболѣе солидный трудъ по научному соціализму Карла Маркса не былъ бы мыслимъ безъ существованія такого подспорья, какъ Британскій музей, созданный тѣмъ же колоссальнымъ англійскимъ богатствомъ» (стр. 466). Чтобы читатель по достоинству оцѣнилъ это разсужденіе, надо его приложить къ чему-нибудь болѣе конкретному и обыденному. Представьте себѣ, напримѣръ, что историку нищенства на Руси и филантропу предлагаютъ радоваться: какъ, дескать, хорошо, что на Руси было и есть нищенство—иначе вѣдь вамъ, историку и филантропу, не пришлось бы дѣлать то, что вы теперь дѣлаете!

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКА.

7-го апрѣля умеръ Дарвинъ.

Біографія этого человѣка не богата событіями. Говорятъ, что когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ издателей его сочиненій обратился къ нему за автобіографическими свѣдѣніями, то Дарвинъ отвѣтилъ слѣдующее: «Меня зовутъ Чарльсъ Дарвинъ. Я родился въ 1809 году. Я учился, потомъ совершилъ путешествіе вокругъ свѣта. Съ тѣхъ поръ я не перестаю заниматься. Вотъ вся моя жизнь». И въ самомъ дѣлѣ, къ этимъ строкамъ остается прибавить лишь очень немногое, чтобы внѣшняя сторона жизни знаменитаго покойника была исчерпана вполнѣ. Учился Дарвинъ сначала въ эдинбургскомъ, потомъ въ кембриджскомъ университетѣ; учился отнюдь не блистательно и даже не старательно. Въ кругосвѣтномъ путешествіи пробылъ съ 1831 по 1835 годъ; въ 1839 году женился на своей двоюродной сестрѣ, отъ которой прижилъ семь человѣкъ дѣтей. Въ 1842 году поселился въ деревушкѣ Даунъ, гдѣ и прожилъ безвыѣздно въ теченіи сорока лѣтъ, до самой своей смерти. Похороненъ 26-го апрѣля 1882 г. въ Вестминстерскомъ аббатствѣ рядомъ съ Ньютономъ. Вотъ и все. Но изъ скромной деревушки Даунъ въ теченіи безъ малаго четверти вѣка распространялось по всему научному міру волненіе, центромъ котораго были идеи этого человѣка; и нетолько по научному міру, потому что едва ли найдется въ исторіи науки много имянъ, которыя пользовались бы такою обширною популярностью, какъ имя Чарльса Дарвина. Положимъ, что такъ называемая «большая публика» многое понимала вкривь и вкось и черезъ два въ третій. Но во всякомъ случаѣ даже легкомысленнѣйшіе изъ современниковъ должны были говорить, писать и можетъ быть даже немножко думать о сѣдобородомъ даунскомъ отшельникѣ съ крутымъ лбомъ и густыми нависшими бровями. Одинъ его портретъ видѣлъ въ альбомѣ и услышалъ по этому поводу нѣчто о происхожденіи человѣка отъ обезьяны; другой наткнулся на газетную болтовню о тѣсной связи русскаго «динамита» съ идеями Дарвина; третій чрезвычайно заинтересовался «половымъ подборомъ», полагая, что это нѣчто въ родѣ новѣйшихъ произведеній Эмиля Зола, и т. д., и т. д. Это—легкомысленнѣйшіе, тѣ мужескаго и женскаго

пола бабочки, которыя порхаютъ по жизненному полю, «не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій», да ни въ какихъ послѣдствіяхъ и не нуждаясь. Что же касается людей, мало-мальски серьёзно интересующихся теченіемъ научной мысли, то они тѣмъ паче не могли и не могутъ обойти идеи Дарвина, что не найдется, кажется, ни одной отрасли знанія, куда такъ называемый дарвинизмъ не вторгся бы болѣе или менѣе властно. Астрономія и филологія, химія и исторія, не говоря, разумѣется, обо всѣхъ отрасляхъ біологіи, испытали на себѣ толчки изъ деревушки Даунъ, что въ графствѣ Кентъ. Мы знаемъ размышленія о борьбѣ за существованіе и естественномъ подборѣ между языками и ихъ элементами (Фарраръ, Максъ Мюллеръ), между планетами (Дю-Прель), между химическими элементами (Пфаундлеръ), между составными частями организма (Ру) и проч., и проч. Наконецъ, дарвинизмъ очень быстро проникъ и въ область житейскихъ вопросовъ, гдѣ породилъ громадную литературу отъ толстѣйшихъ томовъ до летучихъ брошюръ и газетныхъ статей.

Удобнымъ переходомъ отъ скудости внѣшней судьбы ученаго къ этой небывалой популярности его идей, можетъ служить исторія сочиненій Дарвина.

Какъ видно изъ разныхъ отрывочныхъ свѣдѣній о его жизни, Дарвинъ былъ до своего путешествія на кораблѣ «Бигль» страстнымъ коллекціонеромъ: онъ собиралъ минералы, бабочекъ, жуковъ, чучела животныхъ и т. п., и именно въ качествѣ опытнаго коллекціонера и поступилъ на «Бигль». Собственно же научными знаніями обладалъ крайне скудными, въ чемъ самъ признавался. Знаній онъ сталъ впервые набираться во время путешествія, все продолжая удовлетворять своей коллекторской страсти, и затѣмъ уже не уставалъ набираться ихъ до конца дней своихъ. Занятія на кораблѣ «Бигль» шли сначала безъ всякаго плана. Отнюдь не помышляя о предстоящей ему роли реформатора науки, Дарвинъ наблюдалъ, записывалъ, рисовалъ, собиралъ, сопоставлялъ, сравнивалъ все мелкое и крупное, что ему попадалось на глаза. Когда собственно сложилось то, что мы теперь называемъ дарвинизмомъ, сказать невозможно; вѣрно только, что гораздо раньше появленія въ свѣтъ знаменитой книги «О происхожденіи видовъ», съ которой дарвинизмъ ведетъ свое оффиціальное лѣтосчисленіе. Само появленіе книги въ 1859 году произошло, какъ извѣстно, совершенно случайно. Будучи со времени путешествія человѣкомъ нетолько болѣзненнымъ, а и прямо больнымъ, Дарвинъ тѣмъ не менѣе не торопился дѣлиться съ публикой своими наблюденіями и выводами. Его теорія рисковала такимъ образомъ остаться подъ спудомъ, но тутъ подоспѣла знаменитая статья Альфреда Уоллеса «О стремленіи разновидностей безгранично уклоняться отъ первоначальнаго типа». Тогда только Дарвинъ рѣшилъ напечатать сначала отрывокъ изъ книги «О происхожденіи видовъ», а въ слѣдующемъ году и самую книгу. Съ тѣхъ поръ шли одинъ за другимъ цѣлый рядъ из-

слѣдованій объ опыленіи цвѣтовъ при посредствѣ насѣкомыхъ, о половыхъ отношеніяхъ въ растительномъ мірѣ, книги «О прирученныхъ животныхъ и воздѣланныхъ растеніяхъ», «О происхожденіи человѣческаго рода и половомъ подборѣ», «О выраженіи ощущеній» и, наконецъ, въ самое послѣднее время о насѣкомоядныхъ растеніяхъ, о движеніи растеній, объ образованіи чернозема. Всѣ эти послѣдующія произведенія Дарвина не могли уже, разумѣется, производить такого шума, какъ книга о происхожденіи видовъ, потому что только дополняли, разработывали, прилагали къ различнымъ частностямъ то общее ученіе, которое было уже тамъ изложено. Однако нѣкоторыя, какъ напримѣръ теорія пангенезиса, теорія полового подбора вызвали не мало волненій, ожесточенныхъ споровъ между приверженцами и противниками. Притомъ же всѣ они, касаясь иногда совершенно неинтересныхъ для «большой публики», да и учеными людьми дотолѣ незамѣченныхъ частностей, обращались подъ перомъ Дарвина въ чрезвычайно поучительные и общеинтересные трактаты, благодаря двумъ его рѣзко выдающимся способностямъ: наблюдательности, не брезгающей никакой мелочью, на которую никто не обращаетъ вниманія, и воображенію, не останавливающемуся передъ изображеніемъ самыхъ детальныхъ картинъ фактически неизвѣстнаго прошедшаго и будущаго. Эти драгоцѣнныя умственныя качества вообще встрѣчаются не часто, а тѣмъ паче въ одномъ лицѣ и въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Дарвинѣ. Чаще другихъ ими въ совокупности обладаютъ поэты. Но значительная часть работы поэта происходитъ въ той психической кладовой, которая называется областью безсознательнаго: заложенные тамъ элементы картинъ и образовъ творческій процессъ вызываетъ наружу вдругъ, нѣкоторымъ образомъ по щучьему велѣнію. Поэты и беллетристы, мѣряющіе сколько аршинъ въ комнатѣ, которую они хотятъ изобразить, запоминающіе цвѣтъ обоевъ и т. п. большею частью очень посредственные художники. Настоящіе же поэты хватаютъ подобныя мелочи на лету или, лучше сказать, даже не хватаютъ, а совершенно безсознательно воспринимаютъ. Не такова творческая работа ученаго такого типа, какъ Дарвинъ. Весьма вѣроятно, что грандіознѣйшія изъ нарисованныхъ имъ картинъ прошедшаго и будущаго мелькали передъ нимъ очень давно, но для окончательнаго ихъ воспроизведенія понадобилось въ теченіи десятковъ лѣтъ мѣрять, взвѣшивать, считать. Тѣмъ не менѣе, при суммированіи этихъ мелкихъ отмѣтокъ и наблюденій обнаруживается такая сила творчества, какая даже у первоклассныхъ поэтовъ встрѣчается рѣдко.

Такъ работалъ Дарвинъ и достойно величайшаго вниманія, что такъ же работаетъ, съ точки зрѣнія дарвинизма, вся природа. Я не буду, разумѣется, утомлять читателя изложеніемъ теорій Дарвина, тысячу разъ изложенныхъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Но собственно для подтвержденія сходства между творческимъ процессомъ природы, какъ его понималъ Дарвинъ,

и процессомъ его собственной умственной работы, остановимся на одну минуту на любомъ изъ произведеній Дарвина; напримѣръ, на послѣднемъ его изслѣдованіи, оконченномъ всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти и все-таки, значитъ, представляющемъ нѣкоторую новизну.

Дѣло идетъ объ земляномъ червѣ, объ этомъ несчастномъ, безпомощномъ существѣ, названіе котораго стало метафорой для выраженія презрѣнія. Дарвинъ облюбовалъ его; облюбовалъ сначала, конечно, также случайно, также безъ заглядыванія въ будущее, какъ въ молодости случайно собиралъ всякаго рода коллекціи. Но, разъ остановивъ свое вниманіе на земляномъ червѣ, Дарвинъ принялся за него вплотную: подвергъ червя цѣлому ряду опытовъ и наблюденій, изслѣдовалъ его привычки, склонности, его «умъ». О мелочности и подробности всѣхъ этихъ изслѣдованій можетъ дать понятіе слѣдующій примѣръ. Земляные черви таскаютъ въ свои норы разные мелкіе предметы и таскаютъ съ большою ловкостью и расчетомъ. Такъ напримѣръ, листья растенія они схватываютъ всегда за острый конецъ, чтобы легче было протащить въ нору. И вотъ Дарвинъ приводитъ таблицу своихъ наблюденій, въ которой резюмировапа нѣкоторымъ образомъ статистика поведенія червей: изъ такого-то числа случаевъ столько-то разъ червь тащилъ въ нору листья такого-то растенія вершиною впередъ и столько-то разъ основаніемъ. Одинъ изъ главныхъ результатовъ этого копотливаго изслѣдованія состоитъ въ слѣдующемъ. Земляные черви всеядны и при случаѣ питаются даже просто землей, если она содержитъ органическіе остатки. Но кромѣ того червь ѣстъ землю еще съ одною совершенно спеціальною цѣлью. Если ему приходится дѣлать себѣ нору въ почвѣ, настолько твердой, что у него не хватаетъ силы для проложенія себѣ пути, то онъ глотаетъ землю, пропускаетъ ее сквозь весь свой кишечный каналъ и выпускаетъ изъ другого конца въ видѣ тонкихъ нитей. Такимъ образомъ, подвигаясь въ глубь почвы, червь, именно своимъ оригинальнымъ способомъ передвиженія, образуетъ разрыхленную, какъ бы удобренную землю, черноземъ. Вотъ тщательное, основательное, любопытное наблюденіе, которое, однако, не будучи оплодотворено другими силами человѣческаго ума и главнымъ образомъ, воображеніемъ, можетъ показаться практически совершенно неважнымъ. Червь такъ ничтоженъ; что же можетъ выйти крупнаго, замѣчательнаго изъ курьёзной работы, которую онъ задаетъ своему кишечнику въ видахъ улучшенія своихъ путей сообщенія? Но тутъ передъ мыслью великаго натуралиста начинаетъ мелькать картина милліоновъ земляныхъ червей, постоянно занятыхъ выработкою чернозема. Онъ вновь принимается за наблюденія и вычисленія и приходитъ, наконецъ, къ тому результату, что во многихъ мѣстностяхъ Англіи на каждомъ акрѣ земли слишкомъ десять тоннъ или болѣе шестисотъ пудовъ пропускается ежегодно сквозь тѣло земляныхъ червей; вся эта масса вы-

брасывается на поверхность и такимъ образомъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ весь верхній слой земли оказывается продуктомъ мелкой, невидной работы червей. Понятны тѣ важные выводы, которые проистекаютъ отсюда по отношенію къ растительному міру и къ хозяйственной дѣятельности человѣка. Въ концѣ-концовъ, Дарвинъ выражаетъ сомнѣніе, чтобы какія-нибудь другія животныя играли такую важную роль въ исторіи земли, какъ эти презрѣнные черви.

Вы видите, что между работой презрѣннаго червя и работой великаго Дарвина существуетъ полная аналогія. Человѣкъ, лишенный научнаго упорства и блестящихъ умственныхъ способностей Дарвина, будучи даже спеціалистомъ, также пройдетъ мимо работы червя, какъ и мимо мелочныхъ наблюденій натуралиста. А между тѣмъ и тамъ и тутъ мы имѣемъ длинный рядъ мелочей, незамѣтныхъ и неважныхъ въ отдѣльности, но въ суммѣ дающихъ результаты огромной и совершенно неожиданной важности. И такъ во всѣхъ теоріяхъ и изслѣдованіяхъ Дарвина. Если Дарвинъ правъ въ своемъ міроразумѣніи, то можно сказать, что онъ работалъ въ унисонъ съ природой; если не правъ, то онъ рисовалъ процессъ природы съ процесса своей собственной мысли. Въ самомъ дѣлѣ главная и наиболѣе общая мысль всѣхъ безъ исключенія работъ Дарвина состояла въ томъ, что результаты, поражающіе своею грандіозностью, достигаются безконечною цѣпью безконечно малыхъ измѣненій или переходовъ. Такъ человѣкъ со всею мощью своего разума, со всею страстною жаждой идеала, со всей упорной волей, противопоставляемой имъ цѣлому міру, произошелъ отъ нѣкотораго низменнаго существа путемъ многовѣковаго процесса измѣненій, въ отдѣльности совершенно ничтожныхъ. При этомъ природа отнюдь не преслѣдовала какого-нибудь плана, какой-нибудь опредѣленной цѣли. Нѣтъ, изъ всего громаднаго количества измѣненій, случайно прокидывающихся испоконъ вѣка, одни сохраняются, другія исчезаютъ, смотря по тому, какія изъ нихъ при данныхъ условіяхъ могутъ выжить и какія не могутъ. Не такова ли же работа самого Дарвина? Какъ природа творитъ безконечно разнообразныя явленія, не помышляя объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ и предоставляя ихъ взаимному тренію, такъ и Дарвинъ съ ранней молодости сдѣлалъ множество наблюденій, проглотилъ множество фактовъ безъ всякаго предварительнаго плана. Медленно, шагъ за шагомъ, въ теченіи десятковъ лѣтъ складывались эти наблюденія, прилегая одно къ другому, и въ результатѣ дали то грандіозное явленіе, которое называется теоріей Дарвина. Въ довершеніе сходства, толчкомъ, побудившимъ Дарвина, наконецъ, издать свой трудъ, было соперничество, конкурренція съ Альфредомъ Уоллесомъ, то есть то самое начало борьбы за существованіе, которое, по теоріи Дарвина, составляетъ творческій элементъ жизни; творческій и прогрессирующій, ибо въ борьбѣ за существованіе побѣждаютъ лучшіе,

наилучше вооруженные. Такъ и оказалось на судьбѣ Дарвина: онъ побѣдилъ Уоллеса, потому что былъ лучше вооруженъ огромнымъ запасомъ фактовъ и необыкновенною силою воображенія; не того скачущаго, неровнаго воображенія, которое, забѣгая впередъ фактовъ, даритъ иногда людямъ счастіе, но иногда и несчастіе, а того, которое является какъ разъ во-время, чтобы вытянуть линію фактовъ въ непрерывную перспективу впередъ и назадъ, въ прошедшее и будущее...

Нельзя, конечно, утверждать, что Дарвинъ былъ совершенно чуждъ скачковъ воображенія. Онъ, напримѣръ, серьёзно говоритъ: «Въ Сѣверной Америкѣ, по наблюденіямъ Гирна, черный медвѣдь иногда цѣлыми часами плаваетъ съ широко раскрытою пастью, ловя насѣкомыхъ, какъ китъ. Даже въ такомъ исключительномъ случаѣ я не вижу ничего невозможнаго въ томъ, что еслибы насѣкомыхъ было постоянно вдоволь и еслибы въ той же странѣ не находилось уже лучше приспособленныхъ соискателей, отдѣльная порода медвѣдей могла бы сдѣлаться, черезъ естественный подборъ, все болѣе и болѣе водною, ихъ пасть все болѣе и болѣе увеличиваться, пока не сложилось бы существо, такое же уродливое, какъ китъ». Это мѣсто, сохранившееся въ русскомъ переводѣ книги «О происхожденіи видовъ», было выпущено въ послѣдующихъ изданіяхъ оригинала самимъ Дарвиномъ. Можно бы было, пожалуй, найти еще нѣсколько такихъ курьёзныхъ скачковъ фантазіи, но не имъ надо удивляться, а напротивъ тому, что ихъ такъ мало (у самого Дарвина, разумѣется, а не у его послѣдователей), когда поле фантазіи было такъ безгранично раздвинуто самою идеею измѣнчивости видовъ. И вотъ почему объ Дарвинѣ едва ли можно сказать, что онъ будилъ мысль современниковъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ ее не будилъ, а придавливалъ. Староверы завопили на свою вѣчную тэму о ниспроверженіи авторитетовъ и кумировъ, французская академія наукъ забаллотировала Дарвина большинствомъ голосовъ, но не здѣсь, конечно, надо искать разбуженной мысли. Многочисленные же сторонники, которыхъ Дарвинъ моментально пріобрѣлъ между учеными людьми и профанами, въ большинствѣ случаевъ или были совершенно ослѣплены колоссальною эрудиціей, сопровождавшей теорію, и и тою крупною, но солидною ролью, которую играло въ ней воображеніе; или же принялись развивать и дополнять теорію въ частностяхъ и прилагать ее къ такимъ фактамъ и отраслямъ знанія, которыхъ учитель не имѣлъ въ виду. Возбужденіе было велико, но оно было, такъ сказать, прямолинейное, хотя никто не станетъ отрицать, что возбужденіе это дало много въ высшей степени важныхъ плодовъ. Были, конечно, и исключенія, то-есть люди, дѣйствительнно разбуженные, способные отнестись съ благодарностью, но и съ критикой къ разбудившему ихъ толчку. Эти люди, безъ сомнѣнія, имѣли значительное обратное вліяніе на самого Дарвина.

Человѣкъ, совершенно незнакомый съ дарвинизмомъ, случайно узнавъ о той роли, которую въ немъ играетъ борьба за существованіе, пришелъ бы, конечно, къ заключенію, что это ученіе чрезвычайно мрачное, пессимистическое. На дѣлѣ же, какъ читателю извѣстно, дарвинизмъ насквозь проникнутъ оптимизмомъ, ибо предполагаетъ, что изъ тяжелой, гнетущей борьбы, вездѣ кругомъ насъ происходящей, изъ тысячъ смертей, ежеминутно косящихъ жизнь на землѣ, возникаютъ все высшія и высшія формы жизни. Нѣкоторые дарвинисты стоятъ за этотъ догматъ съ необыкновеннымъ упорствомъ; нѣкоторые, и въ томъ числѣ самъ Дарвинъ, нѣсколько посбавили, съ теченіемъ времени, свой радостный тонъ; нѣкоторые, наконецъ, находятъ бѣду только въ томъ, что въ человѣческомъ обществѣ устроены разныя препятствія, состоящія въ учрежденіяхъ, идеяхъ, чувствахъ, мѣшающихъ погибели слабыхъ, худшихъ и торжеству сильныхъ, лучшихъ. Это, безъ сомнѣнія, самый интересный моментъ дарвинизма, какъ для всей массы профановъ, такъ и для кучки людей, желающихъ обнять теоретическую и практическую области единымъ принципомъ. Безспорны заслуги дарвинизма въ дѣлѣ разрушенія старыхъ убѣжденій о мѣстѣ человѣка въ природѣ. Но, во-первыхъ, эти убѣжденія были и безъ того расшатаны разнообразнѣйшими путями, а, во-вторыхъ, для окончательнаго ихъ разрушенія нѣтъ надобности въ специфическихъ чертахъ дарвинизма. Другое дѣло творческая сила борьбы за существованіе. Люди давно уже задумывались о значеніи успѣха въ жизни. Одни находили, что успѣхъ этотъ самъ по себѣ ровно ничего не говоритъ о какихъ бы то ни было достоинствахъ успѣвшаго; говоритъ, можетъ быть, даже напротивъ объ его низости, подлости, безсовѣстности. Другіе, напротивъ, полагали, что успѣхъ самъ несетъ себѣ оправданіе и что побѣдитель всегда правъ, всегда выше побѣжденнаго. И вотъ является роскошно обставленная теорія, черезъ весь органическій міръ, черезъ всю исторію жизни на землѣ проводящая принципъ самодовлѣющаго успѣха. Первоначально и рѣчи не было о приложеніи этого принципа къ нашимъ житейскимъ дѣламъ, къ человѣческому обществу. Дѣло шло о природѣ, внѣ насъ лежащей: худшіе, наименѣе приспособленные вымираютъ, лучшіе выживаютъ, изъ нихъ опять подбираются лучшіе и т. д., и т. д. Но такъ какъ рѣчь все-таки шла о смертяхъ и страданіяхъ, хотя и сопутствующихъ жизни и наслажденію, то выдавались нѣкоторые щекотливые пункты. И вотъ, напримѣръ, какъ отнесся къ одному изъ нихъ Дарвинъ. Извѣстно, что двѣ пчелиныя матки въ одномъ ульѣ не уживаются и вопросъ о престолонаслѣдіи разрѣшается единоборствомъ. По этому поводу Дарвинъ говоритъ: «Хотя это намъ и трудно, но намъ слѣдуетъ восхищаться дикой, инстинктивной злобой пчелы-матки, уничтожающей молодыхъ матокъ, своихъ дочерей, тотчасъ по ихъ рожденіи, или погибающей въ борьбѣ съ ними, ибо это несомнѣнно полезно

обществу: и материнская любовь, и материнская ненависть, хотя послѣдняя, къ счастію, большая рѣдкость — все едино передъ неумолимыми законами естественнаго подбора». Здѣсь сказалась уже совершенно спеціальная, особенная слабость воображенія Дарвина. Онъ, свободно обнимавшій пареніемъ своей мысли всю безконечную цѣпь измѣненій отъ асцидіи до человѣка и предвидѣвшій дальнѣйшія измѣненія въ этомъ направленіи; онъ не могъ напрячь воображеніе настолько, чтобы допустить возможность такой пустяковой реформы пчелинаго общества, какъ устраненіе періодическихъ убійствъ! Онъ, такъ много и ловко орудовавшій принципомъ пользы, не замѣтилъ, что злоба пчелыматки полезна совсѣмъ не пчеламъ и даже не пчелиному обществу, а только нынѣшней формѣ этого общества, ибо ея-то неизмѣнности она, конечно, способствуетъ! Что касается суроваго тона, съ которымъ Дарвинъ говоритъ вышеприведенныя слова, то и онъ зависѣлъ отъ той же спеціально дарвиновской слабости воображенія: онъ говорилъ такъ жостко, холодно и сурово только потому, что не предвидѣлъ тѣхъ жестокихъ выводовъ, которые сдѣлаютъ изъ его основныхъ положеній ученики. Все его богатое воображеніе ушло въ погоню за творчествомъ природы и отъ него ничего не осталось на творчество соціальное, если позволено будетъ такъ выразиться. Но вотъ начали появляться enfants terribles новаго ученія. Едва ли не первою выступила г-жа Клемансъ Ройе, пламенный французскій синій чулокъ. Въ предисловіи къ сдѣланному ею французскому переводу книги «О происхожденіи видовъ», она не задумалась произнести суровѣйшій приговоръ всѣмъ слабымъ въ человѣческомъ обществѣ, ибо ихъ гибель кому-то или чему-то полезна. Дарвинъ, будучи человѣкомъ мирнымъ и, судя по всѣмъ извѣстіямъ, крайне добродушнымъ, испугался. Онъ не выступилъ противъ своей пылкой послѣдовательницы печатно, но очень хлопоталъ объ изданіи другого французскаго перевода, дабы не обязательно ему было являться передъ Европой подъ ручку съ грознымъ синимъ чулкомъ. Синій чулокъ не унимался. Онъ издалъ свою собственную книгу, въ которой требовалъ, напримѣръ, отнятія у народа евангелія, ибо, дескать, книга эта пропитана идеей равенства, а идея равенства есть вредная химера, мѣшающая гибели и правомѣрной униженности слабыхъ. Нищій можетъ быть и не виноватъ въ томъ, что онъ нищій, но, разъ онъ нищій, разъ онъ оказался внизу—пусть выбирается какъ знаетъ; если выберется, такъ тѣмъ самымъ покажетъ, что онъ изъ лучшихъ, а если погибнетъ, такъ туда ему и дорога; помогать же ему значитъ идти противъ верховныхъ законовъ естественнаго подбора и останавливать прогрессивный ходъ исторіи, который непремѣнно долженъ покупаться цѣною страданій низшихъ, худшихъ, слабыхъ. Такъ разсуждала суровая г-жа Ройе. А, впрочемъ, должно быть увеселенія ради, она прибавила къ этимъ суровостямъ нѣкоторую утопію. А именно набросала планъ бу-

дущаго царства амазонокъ, устроеннаго на манеръ пчелинаго общества, гдѣ женщины, какъ извѣстно, все, а мужчины (трутни), совершивъ свою дѣтородную обязанность, избиваются.

Много было произнесено подобныхъ суровыхъ приговоровъ и много было развернуто подобныхъ смѣлыхъ перспективъ. Но всѣхъ превзошелъ, кажется, Ренанъ. Характеристика этого человѣка, сдѣланная Брандесомъ, съ которою читатель «Отечественныхъ Записокъ» имѣлъ случай недавно познакомиться, очень вѣрна, но грѣшитъ излишнею мягкостью и тонкостью. То презрѣніе Ренана къ людямъ, о которомъ говоритъ Брандесъ, имѣетъ въ немъ совершенно спеціальное направленіе и въ этомъ направленіи достигаетъ, можно сказать, колоссальныхъ размѣровъ, поражая своею грубостью и откровенностью. Онъ давно уже говорилъ (и приводилъ этимъ въ восторгъ одного изъ нашихъ «самобытниковъ», г. Страхова), что «грубость многихъ есть условіе одного, что потъ многихъ позволяетъ немногимъ вести благородную жизнь» и т. п. Наконецъ, въ «Dialogues et fragments philosophiques» онъ предположилъ въ будущемъ образованіе, путемъ подбора, особенной, высшей породы людей, которые собственно даже не люди будутъ, а въ родѣ какъ боги. Эти боги, обладая высшими тайнами науки и огромными, чисто органическими, физіологическими преимуществами, будутъ держать «грубую» и «потную» толпу въ черномъ тѣлѣ, постоянномъ страхѣ и повиновеніи...

Что же въ это время дѣлалъ учитель? Учитель... мямлилъ. Онъ говорилъ, напримѣръ: «Нельзя не пожалѣть, хотя, быть можетъ, это не совсѣмъ разумно, о быстротѣ, съ какою размножается человѣчество». Или: «Мы должны безропотно примириться съ несомнѣнно пагубными послѣдствіями сохраненія жизни и размноженія слабыхъ людей». Или еще: «Преступниковъ казнятъ или подвергаютъ долгосрочному тюремному заключенію, такъ что они не могутъ свободно передавать потомству свои дурныя качества. Меланхоликовъ и сумасшедшихъ запираютъ или они кончаютъ самоубійствомъ. Люди задорные и запальчивые часто погибаютъ насильственною смертью». Такимъ образомъ, значитъ, и въ обществѣ происходитъ процессъ естественнаго подбора лучшихъ и погибели худшихъ. Но кто же эти лучшіе и эти худшіе? Обратите вниманіе на колеблющійся, нерѣшительный тонъ Дарвина, какъ только рѣчь заходитъ о человѣческихъ житейскихъ дѣлахъ, а также опять-таки на спеціальный недостатокъ его, вообще столь богатаго воображенія. Онъ не можетъ себѣ представить общества, въ которомъ преступниками считались бы и, слѣдовательно, подвергались бы казни и долгосрочному тюремному заключенію не худшіе, а, напротивъ, лучшіе. А, кажется, такое общество представить себѣ не трудно. Взять хоть бы, напримѣръ, римское общество, казнившее христіанъ цѣлыми массами. Вѣдь не худшіе же это были? Я ужь не говорю о томъ, что и самый обыкновенный преступникъ мо-

жетъ обладать всякаго рода достоинствами и быть подвинутымъ на преступленіе неблагопріятными условіями той общественной формы, которой Дарвинъ предоставляетъ рѣшающій голосъ: если она, эта форма рѣшила, что такой-то есть преступникъ, такъ и кончено — онъ худшій, онъ долженъ погибнуть. Ясно, что для сортировки лучшихъ и худшихъ, сильныхъ и слабыхъ критерій успѣха недостаточенъ, и что ходъ вещей на землѣ далеко не столь безостановочно радостенъ, какъ его рисуютъ дарвинисты.

Это не замедлило обнаружиться и въ области природы, внѣ человѣка лежащей. Самъ Дарвинъ обратилъ вниманіе, что бываютъ несомнѣнные изъяны въ организаціи, которые, однако, при извѣстныхъ условіяхъ полезны. Такъ, напримѣръ, пещернымъ животнымъ глаза не нужны и только даромъ поглощаютъ извѣстную часть пластическаго матеріала и жизненной силы. Поэтому побѣда останется здѣсь за слѣпыми. Нѣкоторые спеціальныя изслѣдованія, особенно о жизни и строеніи паразитовъ, показали, что происходящее при подобныхъ условіяхъ пониженіе организаціи, регрессъ достигаетъ иногда чудовищныхъ размѣровъ. А разъ въ розовую, оптимистическую картину безостановочно прогрессирующей, путемъ борьбы и подбора, жизни вошла возможность регресса и побѣды худшихъ, поколебались и самые принципы борьбы и подбора, какъ творческія начала. Одинъ безъимянный нѣмецъ (Ungenannter) издалъ остроумную пародію на теорію Дарвина, въ которой аргументами, подчасъ весьма благовидными, доказывалъ, что жизнь вообще регрессируетъ и что въ частности обезьяна произошла отъ человѣка, и именно путемъ борьбы и подбора. Это была, конечно, шутка, но остроумная, умѣстная и, если можно такъ выразиться, отрезвляющаго характера. Затѣмъ одинъ нѣмецкій ученый (Дорнъ) издалъ уже серьёзное сочиненіе, въ которомъ развивалъ мысль, что асцидіи, признаваемыя нѣкоторыми дарвинистами за родоначальниковъ человѣка, сами произошли отъ позвоночныхъ путемъ постепеннаго и продолжительнаго регрессированія. Сколько мнѣ извѣстно, если не вся работа Дорна, то нѣкоторыя ея частности были встрѣчены спеціалистами благопріятно.

Надо замѣтить, что самые непреклонные изъ дарвинистовъ, встрѣчаясь съ нѣкоторыми фактами несомнѣннаго, ничѣмъ не замаскированнаго регресса организаціи и торжества худшихъ, такъ и должны были отзываться, что вотъ это, дескать, регрессъ и торжество худшихъ. Это само собой наводило на мысль, что должно же существовать какое-нибудь мѣрило для худшихъ и лучшихъ, независимое отъ успѣха или не успѣха, торжества или гибели. Дарвинисты и искали этого мѣрила въ такъ называемомъ законѣ Бэра, который, однако, никогда не былъ ими проводимъ вполнѣ послѣдовательно.

Обсужденіе этого пункта завело бы, однако, насъ слишкомъ далеко, да и уже много разъ мы объ этомъ толковали. Мы хотѣли только помянуть «великаго буржуа-натуралиста», такъ

сильно занимавшаго современниковъ и нынѣ мирно покоющагося въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Впрочемъ, собственно въ нашей жизни Дарвинъ и его ученіе не играли большой роли. Если не считать ничтожной горсти спеціалистовъ, на работахъ которыхъ дарвинизмъ, такъ или иначе, отозвался, то окажется лишь масса людей, праздно-болтающихъ и мало-понимающихъ, что доказывается, напримѣръ, газетными сближеніями дарвинизма съ съ «динамитомъ». На дѣлѣ между этими вещами нѣтъ ровно никакой связи, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть даже связь противоположности. Но у насъ, какъ и вездѣ, есть поприще для практическаго приложенія и теоретической провѣрки теоріи Дарвина. Законы измѣнчивости, наслѣдственности, приспособленія, борьбы за существованіе, подбора писаны и для насъ. А потому, оглядываясь на свое тысячелѣтнее прошлое, мы можемъ задаться не безъинтереснымъ вопросомъ: всегда ли у насъ торжествовали лучшіе и погибали худшіе? Всякій, я думаю, согласится, что отнюдь не всегда, хотя въ разборкѣ лучшихъ и худшихъ произойдутъ, разумѣется, разногласія. Не будемъ входить въ эти подробности и разнообразіе точекъ зрѣнія на достоинство и низость, добро и зло, истинную силу и истинное ничтожество. Скажемъ вообще: пусть покроются позоромъ тѣ страницы русской исторіи, на которыхъ записано торжество мерзости и гибель достоинства! пусть въ будущемъ празднуетъ побѣду лишь то, что сильно внутренней, собственной силой, а не заемной, не той, которая почерпается въ уродливыхъ обстоятельствахъ времени и мѣста, какъ почерпаютъ свою силу слѣпыя животныя въ условіяхъ пещерной жизни.

А въ заключеніе позвольте повторить вопросъ, которымъ я закончилъ прошлую бесѣду: пить или не пить? вотъ въ чемъ вопросъ; что благороднѣе? Въ Кадниковѣ говорятъ, что благороднѣе не пить. Въ Петроковѣ говорятъ, что благороднѣе пить, потому что этимъ способомъ успѣшно пополняются государственные доходы. Пародируя и даже не пародируя, а просто перелагая вышеприведенныя слова Дарвина о злобѣ пчелы-матки, можно рѣшить вопросъ такъ: «Хотя это намъ и трудно, но намъ слѣдуетъ восхищаться дикимъ пьянствомъ русскаго мужика, ибо это несомнѣнно полезно обществу». Но возможно, конечно, и совершенно противоположное рѣшеніе. Но для этого другого рѣшенія, и особенно для его осуществленія, надо помнить, что нетолько свѣту, что въ окошкѣ, и что общественныя формы преходящи.

Н. М.

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

18-го апрѣля было опубликовано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» новое Положеніе о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей. Слухъ объ этомъ положеніи проникъ въ печать задолго до его распубликованія и интересовалъ, разумѣется, весьма многихъ, такъ какъ касался кого-нибудь близкихъ, родныхъ или знакомыхъ. Газеты сообщали, что въ основаніе проэкта новаго положенія будетъ положено, съ одной стороны, желаніе установить предѣлъ стѣсненіямъ, которымъ могутъ быть подвергнуты поднадзорные, а, съ другой, положить конецъ «нерѣдко господствующему въ этой сферѣ административному произволу» («Совр. Изв.», «Нов. Вр.» и др.). Задача составителей проэкта, говорили газеты, регулировать положеніе поднадзорныхъ и установить *незыблемыя границы*, за которыя не могло бы заходить личное усмотрѣніе, такъ что новое положеніе должно было явиться нетолько замѣною и систематизаціею разныхъ временныхъ правилъ, инструкцій и предписаній, часто противорѣчившихъ другъ другу и вызванныхъ минутой или какимъ-нибудь частнымъ случаемъ, но и «поступательнымъ шагомъ въ отношеніи существующаго порядка вещей». Въ связи съ этимъ въ печать проникали слухи и о томъ, что особое совѣщаніе, состоящее при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра Готовцева, изъ оберъ-прокуроровъ Евреинова, Перфильева, генерала Зурова и директора департамента государственной полиціи Плеве, еженедѣльно разсматриваетъ по 50 прежнихъ дѣлъ («Рус. Вѣд.», № 22) и торопится ихъ окончаніемъ. По словамъ «Правит. Вѣстн.», всѣ такія дѣла предполагалось окончить разсмотрѣніемъ въ теченіи нынѣшняго лѣта [1], причемъ многіе изъ поднадзорныхъ должны были быть освобождены отъ надзора, за недостаточностью поводовъ, а остальные подведены подъ дѣйствіе новыхъ правилъ. Познакомимся, въ наиболѣе существенныхъ чертахъ, съ этими новыми правилами, какъ они опредѣляются Положеніемъ 12-го марта 1882 г., опубликованнымъ 18-го апрѣля.

---

[1] Къ половинѣ апрѣля уже было разсмотрѣно 1509 дѣлъ.

Полицейскій надзоръ учреждается надъ лицами, вредными для общественнаго спокойствія, порядкомъ, указаннымъ въ ст. 32—36 Положенія 14-го августа 1881 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и ст. 1045, ч. 2, т. XV уст. уг. суд., изд. 1876 г. Къ лицамъ, отданнымъ подъ надзоръ полиціи въ силу судебныхъ приговоровъ, а равно находящимся: а) подъ надзоромъ негласнымъ, и б) подъ надзоромъ, учрежденнымъ на основаніи существующихъ узаконеній внѣ порядка, опредѣленнаго вышеприведенною статьею, новое положеніе не примѣняется. Полицейскій надзоръ учреждается въ силу самаго водворенія лица въ опредѣленную мѣстность и на срокъ для него опредѣленный; но можетъ быть учрежденъ и на мѣстѣ жительства лица, «и въ семъ послѣднемъ случаѣ, при учрежденіи надзора, должна быть опредѣлена и продолжительность онаго, но на срокъ не свыше пяти лѣтъ» (статьи 2 и 3). Отъ лица, отданнаго подъ надзоръ полиціи, отбираются документы о его званіи и видъ на жительство, взамѣнъ которыхъ ему выдается особое свидѣтельство на проживаніе въ назначенной мѣстности, безъ означенія въ немъ того, что лицо находится подъ надзоромъ полиціи; а отобранные документы хранятся въ томъ полицейскомъ учрежденіи, подъ надзоромъ котораго лицо должно находиться. Поднадзорный не имѣетъ права отлучки изъ опредѣленнаго ему мѣста безъ разрѣшенія надлежащей власти; а въ городахъ, при перемѣнѣ квартиры, обязанъ доносить объ этомъ въ теченіи сутокъ мѣстной полиціи. Временныя отлучки разрѣшаются поднадзорнымъ только по особо уважительнымъ причинамъ и при одобрительномъ ихъ поведеніи, въ предѣлахъ уѣзда — мѣстнымъ начальникомъ полиціи, въ предѣлахъ губерніи — губернаторомъ и въ другія губерніи—министромъ внутреннихъ дѣлъ. Получающему разрѣшеніе на отлучку выдается проходное свидѣтельство и маршрутъ. Въ проходномъ свидѣтельствѣ обозначается: а) имя, отчество, фамилія и особыя примѣты поднадзорнаго; б) мѣсто, въ которое разрѣшена ему отлучка; в) срокъ, на который она разрѣшена, и г) обязанность явиться по прибытіи не позже сутокъ къ мѣстной полицейской власти. Въ маршрутѣ описывается точно и подробно тотъ путь, по которому обязанъ слѣдовать поднадзорный отъ мѣста своего жительства до мѣста отлучки. Останавливаться на пути, за исключеніемъ случаевъ болѣзни или другихъ непреодолимыхъ причинъ, о чемъ немедленно должно быть заявлено мѣстной полиціи и сдѣлана ею отмѣтка на проходномъ свидѣтельствѣ, воспрещается. Мѣстность, куда отлучается поднадзорный, опредѣляется точно (городъ, село, посадъ и т. п.); передъ отправленіемъ въ путь, какъ изъ мѣстожительства, такъ и временнаго пребыванія, онъ обязанъ явиться къ мѣстной полицейской власти, которая отмѣчаетъ на проходномъ свидѣтельствѣ время, когда онъ отправляется въ путь. Поднадзорный можетъ быть возвращенъ изъ разрѣшенной ему отлучки и ранѣе опре-

дѣленнаго срока, если это будетъ признано нужнымъ лицами, разрѣшившими отлучку, или если власти въ мѣстѣ временнаго его пребыванія найдутъ поведеніе его предосудительнымъ. Поднадзорный обязывается вездѣ являться въ полицію по первому ея требованію; мѣстная полиція имѣетъ право входа въ его квартиру во всякое время и имѣетъ право производить у него обыски и выемки, составляя объ этомъ протоколъ. Губернаторъ можетъ воспретить поднадзорному хранить у себя оружіе. Занятія поднадзорныхъ опредѣляются новымъ Положеніемъ слѣдующимъ образомъ: поднадзорные не могутъ состоять ни на государственной, ни на общественной службѣ, но могутъ быть допускаемы въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ къ письменнымъ занятіямъ по найму, для чего, однако, требуется всякій разъ испрашивать на то разрѣшеніе у министра внутренних дѣлъ. Затѣмъ, поднадзорные не могутъ быть: учредителями, предсѣдателями и членами въ частныхъ обществахъ и компаніяхъ, предсѣдателями и членами конкурсныхъ управленій, опекунами и попечителями. Имъ воспрещаются: 1) всякая педагогическая дѣятельность, 2) принятіе къ себѣ учениковъ для обученія ремесламъ и искуствамъ, 3) чтеніе публичныхъ лекцій, 4) участіе въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, 5) въ сценическихъ представленіяхъ, 6) вообще всякаго рода публичная дѣятельность, 7) содержаніе типографій, литографій, фотографій, библіотекъ и служба при нихъ, въ качествѣ приказчиковъ, конторщиковъ, смотрителей и рабочихъ, 8) торговля книгами и всѣми принадлежностями и произведеніями тисненій и 9) содержаніе трактирныхъ и питейныхъ заведеній, а равно и торговля питіями (ст. 21—24). Лица поднадзорныя не могутъ быть принимаемы въ правительственныя, общественныя и частныя учебныя заведенія иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, даваемаго по соглашенію съ учебнымъ начальствомъ. Они не могутъ ходатайствовать по судебнымъ дѣламъ, за исключеніемъ только дѣлъ, относящихся до нихъ самихъ, ихъ родителей, женъ и дѣтей. Они не могутъ заниматься врачебной, акушерской или фармацевтической практикою, если на это не послѣдуетъ спеціальнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ (25—27). «Всѣ остальныя занятія, дозволенныя закономъ, разрѣшаются поднадзорнымъ, но съ тѣмъ, что отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе, если оно сему послѣднему служитъ средствомъ осуществленія его предосудительныхъ замысловъ, или по мѣстнымъ условіямъ представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія» (ст. 28). О всякомъ такомъ воспрещеніи и объ основаніяхъ къ оному губернаторъ доводитъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго, если онъ то признаетъ нужнымъ, зависитъ отмѣнить сіе воспрещеніе. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется воспрещать поднадзорнымъ непосредственное полученіе

нии ихъ частной почтовой и телеграфной корреспонденціи. Тогда всѣ письма и депеши поднадзорнаго препровождаются почтовымъ и телеграфнымъ вѣдомствами на просмотръ въ губернскихъ городахъ—начальнику жандарискаго управленія, а въ уѣздныхъ къ исправнику, которые либо задерживаютъ корресподенцію, либо передаютъ адресату. Точно также и вся предполагаемая поднадзорнымъ къ отправкѣ корреспонденція подлежитъ просмотру въ томъ же порядкѣ (ст. 29). За неисполненіе правилъ и неявку изъ разрѣшенной отлучки къ сроку, поднадзорные подвергаются аресту при полиціи: 1) начальникомъ мѣстной уѣздной или городской полиціи — до трехъ сутокъ; 2) по распоряженію губернатора — до семи дней, и 3) по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ— до одного мѣсяца; въ послѣднемъ случаѣ арестъ можетъ быть назначенъ при тюрьмѣ, хотя бы поднадзорный, по правамъ состоянія, и подлежалъ аресту при полиціи. За самовольную же отлучку поднадзорные подвергаются суду и наказанію по ст. 63 уст. о нак. налаг. мир. суд. (ст. 32). Лица, высланныя подъ надзоръ полиціи и не имѣющія собственныхъ средствъ существованія, а равно и послѣдовавшія за ними ихъ семейства, получаютъ отъ казны пособіе на основаніи существующихъ узаконеній (ст. 34—6). Но поднадзорные, «уклоняющіеся отъ занятій по лѣности, дурному поведенію или привычкѣ къ праздности—лишаются права на пособіе отъ казны.» (ст. 37). Поднадзорные, заслуживающіе своимъ поведеніемъ и образомъ жизни облегченія своего положенія, могутъ быть, по представленіямъ мѣстныхъ губернаторовъ и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, освобождаемы отъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ для нихъ мѣръ надзора, а равно и отъ нѣкоторыхъ ограниченій ихъ правъ по отношенію къ выбору ими занятій, но «въ чемъ должно заключаться сіе облегченіе и отъ какихъ стѣснительныхъ мѣръ и ограниченій правъ на занятіе могутъ быть освобождены сіи лица—зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ.» (ст. 30). По истеченіи срока надзора или по отмѣнѣ его, въ силу особаго ходатайства губернаторовъ, убѣдившихся, что поднадзорный «представляетъ достаточное ручательсcво въ исправленіи» (ст. 31), мѣстная полиція объявляетъ объ этомъ поднадзорному и возвращаетъ обратно отобранные у него документы (39). Въ случаѣ неимѣнія у такихъ освобожденныхъ отъ надзора и ихъ семей средствъ для отъѣзда изъ мѣста водворенія, имъ предоставляется право на пособіе отъ казны, согласно Высочайшему повелѣнію 10-го января 1881 года, но и это въ томъ только случаѣ, если «о способѣ препровожденія ихъ на родину не послѣдуетъ особаго распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ» (40).

Таковы новыя правила, изъ которыхъ состоитъ новое Положеніе о поднадзорныхъ. Правила эти, собственно говоря, не представляютъ собою ничего новаго, такъ какъ всѣ они у насъ практиковались. Но они не были до сего времени облечены въ форму закона, и потому на нихъ можно было смотрѣть лишь какъ на

чрезвычайныя мѣры, вызванныя обстоятельствами минуты, мѣры во всякомъ случаѣ временныя. Положимъ, что и законъ не составляетъ вѣчнаго акта, котораго законодатель не могъ бы измѣнить, замѣняя его новымъ закономъ или отмѣняя совершенно; но всякій, конечно, согласится, что это не особенно удобно: на законъ всѣ смотрятъ какъ на нѣчто болѣе или менѣе незыблемое и гораздо болѣе прочное, чѣмъ временныя правила, циркуляры и инструкціи административныхъ лицъ, которыя мѣняются вмѣстѣ со смѣною этихъ лицъ. Новый же законъ несомнѣнно возводитъ полицейскій надзоръ въ порядокъ, въ систему, и создаетъ цѣлый особый разрядъ людей, которые признаются только «вредными для общественнаго спокойствія», которые не представляютъ собою осужденныхъ закономъ преступниковъ, но самая преступность которыхъ и вредъ для общественнаго спокойствія опредѣляются не судебнымъ порядкомъ, а административнымъ, и которые, между тѣмъ, становятся въ совершенно особое положеніе и несутъ наказаніе. Полицейскій надзоръ, какъ онъ опредѣленъ новыми правилами, не представляетъ собою одного только предохраненія и огражденія установленныхъ основъ общежитія отъ опаснаго человѣка, не лишаетъ послѣдняго только возможности такъ или иначе вредить обществу, но и является для него несомнѣннымъ наказаніемъ, которое сопряжено для него съ пріостановкою его гражданскихъ правъ, матеріальнымъ ущербомъ и ограниченіемъ свободы, и можетъ быть приравненъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи (въ особенности при высылкѣ поднадзорнаго въ другое мѣсто жительства) къ ссылкѣ на житье, которая, какъ извѣстно, по нашему уложенію о наказаніяхъ, причисляется къ разряду тяжелыхъ наказаній, прямыхъ или дополнительныхъ. Положимъ, что это наказаніе исправительное, но, тѣмъ не менѣе, настоящее наказаніе. И тюрьма есть наказаніе исправительное, и конечная цѣль всякаго наказанія есть, сверхъ огражденія общества отъ вреда, исправленіе преступника, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія современнаго уголовнаго права. Разъ полицейскій надзоръ является наказаніемъ, мы вправѣ взглянуть на него съ точки зрѣнія науки уголовнаго права. Съ этой безстрастной точки зрѣнія новое Положеніе остается все-таки закономъ исключительнымъ, потому что не удовлетворяетъ весьма важнымъ условіямъ права: индивидуальности наказанія, его вознаградимости, вліятельности и обезпечительности для общества и въ особенности условію опредѣленія виновности человѣка путемъ судебнаго процесса и назначенія ему наказанія по суду, а не по личному административному усмотрѣнію. Это — вопросы не формы только и процедуры судопроизводства, а самой сущности права. Признаки — совершилъ человѣкъ извѣстное дѣяніе или нѣтъ, участвовалъ какимъ нибудь образомъ въ совершеніи противузаконнаго поступка или нѣтъ, опредѣляются на судѣ съ гораздо большею достовѣрностью, чѣмъ въ самой совершенной префектурѣ, хотя бы въ ней и участвовали юристъ-

Police surveillance is punishment

консульты; а это въ данномъ случаѣ въ особенности важно потому, что вопросъ идетъ не о такихъ дѣяніяхъ, за которыя человѣкъ подлежитъ преданію суду и соотвѣтственной карѣ, а о такихъ случаяхъ, когда въ дѣяніи его не заключается ясно выраженнаго проступка, а имѣется только указаніе на возможность преступленія въ будущемъ. Что опредѣленіе какъ виновности, такъ и вредности извѣстнаго лица для общественнаго спокойствія имѣетъ въ общемъ порядкѣ судебнаго производства гораздо больше гарантій отъ ошибокъ и пристрастія, чѣмъ во всякомъ другомъ порядкѣ, объ этомъ могли спорить только нѣмецкіе криминалисты конца XVIII вѣка, но и въ то время, рядомъ съ Фейербахомъ и Бейзеромъ, стояли уже такіе люди, какъ Беммеръ и Эйзенгардъ, которые доказывали, что примѣненіе наказаній по подозрѣнію принадлежитъ только суду, а не полиціи, и такіе люди, какъ Клейншродъ, которые убѣждали, что даже въ случаѣ сильнаго подозрѣнія не можетъ быть и рѣчи о наказаніи. Въ началѣ XIX ст. о превосходствѣ суда никто уже не спорилъ даже въ Германіи и криминалисты почти единодушно склонились въ пользу суда, придерживаясь еще, впрочемъ, того мнѣнія, что судъ, произнеся absolutio ad instantia, имѣетъ право указать полиціи на мѣры, которыя она должна принять для безопасности общества отъ подозрѣваемаго; но не долго держался и этотъ взглядъ, уступивъ другому, давно уже принятому въ Англіи и Франціи взгляду, въ которомъ нѣтъ уже и помину о правѣ и власти полиціи подвергать гражданъ наказаніямъ подъ именемъ принятія мѣръ безопасности. Наказаніе по подозрѣнію, игравшее когда-то огромную роль въ уголовной практикѣ и имѣвшее въ виду не удостовѣреніе точно опредѣленнаго факта виновности человѣка, а опредѣленіе общаго настроенія его ума и воли, совершенно и давно уже оставлено въ Европѣ. Во всякомъ курсѣ уголовнаго права есть непремѣнно главы или параграфы, трактующіе о значеніи подозрѣнія въ уголовной системѣ. Возьмемъ только что вышедшій «Элементарный учебникъ уголовнаго права» кіевскаго профессора Кистяковскаго и посмотримъ, что говорится тамъ по этому поводу. Оставимъ въ сторонѣ тѣ темныя страницы исторіи, когда преслѣдованіе дурныхъ помысловъ составляло главный характеръ системы уголовнаго права, когда для доказательства дурныхъ помышленій принимались за достовѣрныя показанія дѣтей, доносчиковъ и клеветниковъ, когда самые сомнительные факты объяснялись въ пользу обвиненія, а не оправданія. Времена эти прошли. Изъ всѣхъ исключительныхъ преступленій остались одни только политическія преступленія и изъ всѣхъ экстраординарныхъ наказаній только наказанія за эти преступленія. Вопросъ объ экстраординарныхъ наказаніяхъ по подозрѣнію, профессоръ Кистяковскій называетъ послѣднимъ средствомъ, къ которому прибѣгла старая наука уголовнаго права.

«Положеніе вопроса о подозрѣніи въ системѣ уголовнаго права,

говоритъ онъ:—измѣнилось существеннымъ образомъ съ отмѣною тѣхъ институтовъ, съ которыми онъ былъ тѣсно связанъ — съ отмѣной пытки, произвола судей, съ уничтоженіемъ понятія объ исключительныхъ преступленіяхъ, частію вслѣдствіе полнаго исчезновенія нѣкоторыхъ изъ этихъ преступленій изъ сознанія, частію вслѣдствіе уравненія ихъ со всѣми прочими» (106). Общественная совѣсть до того была проникнута сознаніемъ несправедливости этихъ учрежденій, что въ слагавшейся въ половинѣ и концѣ XVIII в. новой наукѣ уголовнаго права въ защиту ихъ не было ни слова; а теперь эта наука «стала лицомъ къ лицу съ необходимостью произнести свое рѣшеніе касательно вопроса о подозрѣніи, оставшемся одинокимъ послѣ отмѣны столь глубоко родственныхъ ему учрежденій» (107). Рѣшеніе это уже и произнесено, хотя не вездѣ, такъ какъ, къ сожалѣнію, и наука не всегда руководится однимъ только безпристрастіемъ и истиною, а платитъ нерѣдко дань общественному устройству страны и несетъ на себѣ печать зависимости и субъективности. Англія въ этомъ случаѣ первая приняла формулу, что «безъ суда ни противъ кого не можетъ быть, хотя бы изъ видовъ общественной безопасности, принята какая-нибудь мѣра, имѣющая равносильное значеніе наказанію». «Тотъ же принципъ признанъ былъ въ концѣ XVIII в. основнымъ для уголовнаго права Франціи, хотя въ практикѣ его очень часто оспаривали и нагло нарушали» (ibid.). Въ Германіи же, напротивъ, до конца XVIII в. держалось мнѣніе, что въ случаѣ недостаточности доказательствъ вины извѣстнаго лица, когда существуетъ противъ него подозрѣніе, къ нему можетъ быть примѣнено «не наказаніе, какъ выражались изворотливые нѣмецкіе криминалисты, *а мѣра безопасности*, состоящая въ лишеніи свободы, въ запрещеніи выѣзда изъ одного мѣста въ другое, въ ссылкѣ въ болѣе или менѣе отдаленную мѣстность и, наконецъ, во взятіи залога». Одни, какъ Захаріэ, мѣры безопасности прямо называли наказаніями и открыто стояли за экстраординарныя наказанія, другіе, какъ Клейнъ, силились убѣдить, что «мѣры безопасности существеннымъ образомъ отличаются отъ наказаній, что онѣ не обидны тому, къ кому примѣняются, и не могутъ считаться зломъ» (108). Въ этомъ пунктѣ нѣмецкая наука уголовнаго права, говоритъ проф. Кистяковскій: — сдѣлала шагъ назадъ, въ сравненіи съ наукою предшествовавшихъ вѣковъ; та «откровенно, прямо и послѣдовательно защищала свои нелѣпыя учрежденія, тогда какъ первая принуждена была прибѣгать къ противному здравому смыслу доктринаризму и фарисейскимъ изворотамъ, чтобы отстоять остатки тиранической юстиціи прежнихъ вѣковъ и выдавать его за нѣчто новое. Геневе тогда же замѣтилъ, что для гражданина нѣтъ никакого различія между тою ссылкою и заключеніемъ, которыя будутъ опредѣлены судьей въ видѣ наказанія, и таковыми же, если онѣ будутъ опредѣлены судьей или полиціей въ видѣ мѣръ безопасности государ-

ства. Ссылка и наказаніе останутся тѣмъ же зломъ и тою же обидою для гражданина», съ тѣмъ только великимъ различіемъ, что ссылка и лишеніе свободы въ видѣ наказанія за доказанное преступленіе не могутъ быть такъ обидны для лица, заслужившаго ихъ, какъ ссылка и наказаніе для лица ихъ не заслужившаго, къ которому онѣ примѣняются въ видѣ мѣръ безопасности, являясь *ничѣмъ инымъ*, *какъ произвольнымъ лишеніемъ гражданина его правъ* за то, что не доказано и что поэтому не можетъ считаться существующимъ. Въ этомъ случаѣ онѣ, какъ причиненіе всякаго незаслуженнаго зла, должны считаться «высшей степени обидою и несправедливостью для гражданина». Нѣмецкая наука начала XIX ст., по вопросу о подозрѣніи, говоритъ пр. Кистяковскій, «въ сущности оставалась на точкѣ зрѣнія отошедшихъ вѣковъ; ей оставалось чуждымъ выработанное реформаторскою литературою новое ученіе о томъ, что помимо точнаго опредѣленія закона, помимо судьи, дѣйствующаго на основаніи положительнаго закона, помимо вины, вполнѣ и при томъ путемъ уголовнаго процесса доказанной, никто, ни подъ какимъ предлогомъ, не можетъ быть лишенъ ни свободы, ни права мѣстопребыванія въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ считаетъ выгоднымъ для себя оставаться» (108). Все это, впрочемъ, какъ мы уже сказали выше, измѣнилось къ лучшему, въ смыслѣ торжества приведенныхъ истинъ; но «чтобы юридическое сознаніе нѣмецкаго народа проникло этими истинами, требовалось, чтобы произошла перемѣна въ распредѣленіи власти между различными органами въ государствѣ» (ibid.). Вообще, исключительное положеніе и исключительныя правила, какъ въ процессуальномъ, такъ и въ уголовномъ отношеніи, не одобряются наукою XIX вѣка и для единственнаго оставшагося вида исключительныхъ преступленій—преступленій государственныхъ. Ясное дѣло, что мы дѣйствуемъ въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ и платимъ дань старинѣ. «Эти исключительныя правила, говоритъ цитируемый мною «Элементарный учебникъ»: — прямо клонились во вредъ невинности». Въ процессуальномъ отношеніи законныя гарантіи для личности обвиняемаго, состоящія въ правомѣрномъ примѣненіи способовъ явки въ судъ, были попираемы; наконецъ, самый судъ производился не въ разъ установленныхъ навсегда судахъ, а въ коммисіяхъ, составленныхъ на данный случай» (114). Въ отношеніи наказаній, вовсе не примѣнялось правило объ опредѣленіи различныхъ видовъ и формъ преступности: «Умыселъ, приготовленіе, покушеніе и совершеніе, разные виды и степени участія, даже простая прикосновенность въ видѣ недонесенія, были подведены подъ одинъ уровень виновности и наказуемости». Наука XIX вѣка примѣнила и къ этимъ преступленіямъ общія правила новаго уголовнаго права, а потому «она требуетъ примѣненія къ нимъ общихъ началъ судоустройства и судопроизводства, внесенія постепенности въ виновность по ея дѣйствительной

важности, общихъ началъ ученія о покушеніи, объ участіи въ преступленіи» (115). Кромѣ того, совершенно въ противоположность старымъ теоріямъ, новая наука «подмѣтила въ этихъ преступленіяхъ одну черту, которую *можно, пожалуй, назвать исключительною*, только не въ смыслѣ отягченія вины, какъ смотрѣли въ прошедшіе вѣка, а въ смыслѣ смягченія»: выходя изъ положенія и глубоко проникшись ученіемъ, что причиненіе какого бы то ни было вреда, «хотя бы самаго тяжкаго», не можетъ составить наказуемаго преступленія, если въ причиненіи его не участвовала злая и развращенная воля, криминалисты замѣтили, что «между волею, совершающею такія преступленія, какъ убійство, поджогъ, воровство, и волею, совершающею политическія преступленія, есть существенная разница. Первая содержитъ въ себѣ болѣе зла, болѣе распущенности, разврата и субъективности, чѣмъ вторая, которая въ большинствѣ случаевъ есть только воля заблуждающаяся, есть увлеченная ложно понятымъ общественнымъ благомъ, и нерѣдко только рвущаяся рано къ совершенію того, что позднѣе принимается и усвояется всѣми». Отсюда въ наукѣ нашего столѣтія постоянно обнаруживалось стремленіе смягчить наказанія за эти преступленія, что «главнымъ образомъ выразилось въ требованіи отмѣны смертной казни за политическія преступленія» (ibid.).

Такъ говоритъ «Элементарный учебникъ», и тѣмъ болѣе все это можетъ относиться къ наказанію по подозрѣнію, о которомъ мы собственно и говоримъ. Чрезвычайно легко, конечно, закричать, что это неблагонамѣренно, но чрезвычайно также не трудно доказать, что всякое наказаніе, превышающее мѣру необходимости сохраненія общественнаго благосостоянія, приводило къ совершенно обратнымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которые имѣлось въ виду получить. Я думаю, что я избавленъ отъ необходимости доказывать это, такъ какъ это уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ было высказано и доказано гг. Монтескье и Беккаріа, въ авторитетѣ которыхъ, вѣроятно, никто не сомнѣвается. Я говорю только одно, что въ области уголовной политики нельзя игнорировать уголовную науку, нельзя не принимать въ соображеніе ея нетолько крѣпко обоснованныхъ теорій и положеній, но и зачатковъ новыхъ ученій. Безполезность ссылки (какъ ссылки) и лишенія свободы для огражденія общественной безопасности и исправленія преступника неоднократно доказывалась нетолько въ наше время, но даже въ началѣ XVIII вѣка (J. Ficher). Она не удовлетворяетъ и одному изъ первыхъ требованій уголовнаго права, чтобы наказаніе непремѣнно было индивидуальнымъ, ибо «заключеніемъ въ тюрьму, а еще больше ссылкою нерѣдко наносится самый разрушительный ударъ экономической жизни цѣлой семьи, которая тѣмъ болѣе можетъ потерпѣть отъ неблагопріятныхъ послѣдствій наказанія своего главы или своего кормильца, чѣмъ болѣе она сама по себѣ не обезпечена» (ibid. 770). Она не удовлетворяетъ и дру-

гимъ условіямъ наказанія: отмѣнимости и вознаградимости, въ случаѣ ошибки, такъ какъ «нельзя отмѣнить и возвратить часть проведеннаго времени въ ссылкѣ, въ каторжныхъ работахъ и тюрьмѣ» (772); обезпечительности, которая тождественна, по взгляду современныхъ криминалистовъ, съ исправительностью, а ссылка далеко не всегда исправляетъ и очень часто только еще болѣе ожесточаетъ человѣка и т. д. Она, наконецъ, не гарантируетъ общества и въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ уменьшенія преступленій вообще: очищеніе метрополіи отъ преступныхъ элементовъ совершается въ счетъ наполненія ими колоній и отдаленныхъ провинцій. «Это, говоритъ профессоръ Кистяковскій:—есть только перемѣщеніе вредныхъ для общественной безопасности субъектовъ», перемѣщеніе, не гарантирующее страну ни отъ совершенія новыхъ преступленій, ни отъ побѣговъ старыхъ преступниковъ изъ мѣстъ ссылки и даже изъ тюремъ. Для самихъ же преступниковъ даже «простая ссылка является гибельною: переселенные въ отдаленную территорію, свойства и бытъ которой имъ неизвѣстны, лишенные прочныхъ средствъ къ жизни, они должны погибнуть среди неблагопріятныхъ условій» (816). Если мы обратимъ вниманіе на одни только условія передвиженія людей въ мѣста ссылки, которыя существовали у насъ до постройки желѣзныхъ дорогъ, то поймемъ, что одно уже это обстоятельство могло значительно подрывать человѣческое здоровье: ссыльные шли по этапу и зиму, и лѣто, голодали, мокли отъ осеннихъ дождей, холодали, ознабливали руки и ноги (о чемъ говорилось даже въ указахъ), съѣдались паразитами и проводили въ дорогѣ только до Тобольска отъ 15 до 18 мѣсяцевъ (831). Но затѣмъ имъ оставалось еще много испытаній: приспособиться къ условіямъ новаго климата, новой обстановки и труда, залечить душевныя муки и тоску по родинѣ и близкимъ людямъ. Смерть отъ тоски по родинѣ, столь извѣстная въ уголовныхъ лѣтописяхъ Сибири, вовсе не пустой звукъ и не пустая уголовная метафора. Отрицать въ преступникѣ присутствіе сердца и того, что мы называемъ душою, никто, конечно, не станетъ, за исключеніемъ развѣ какого-нибудь безсердечнаго тюремщика; а часто среди преступниковъ есть и люди наиболѣе склонные къ тонкимъ душевнымъ движеніямъ. Недавно, 15-го апрѣля, въ нижегородскомъ окружномъ судѣ, безъ присяжныхъ, судился, напримѣръ, за побѣгъ съ острова Сахалина осужденный за убійство ссыльно-каторжный крестьянинъ Камоловъ, обратившій на себя вниманіе разсказомъ о своемъ побѣгѣ и мотивахъ къ нему. Бѣжалъ онъ изъ Дуэ, гдѣ разгружалъ и нагружалъ суда съ хлѣбомъ и углемъ, и бѣжалъ не на большую дорогу, а домой и къ любимой женщинѣ, которую оставилъ въ Балахнинскомъ уѣздѣ; руководимый любовью, на плоту переплылъ онъ къ восточному берегу Азіи, неподалеку отъ устьевъ Амура, и оттуда шелъ два года пѣшкомъ, поддерживаемый тою же любовью и испытывая, конечно, гораздо больше затрудненій, чѣмъ разныя

ученыя экспедиціи и Ж. Вернъ въ своихъ путешествіяхъ. «Шелъ я, заключилъ онъ свою рѣчь:—два года, переплылъ рѣки и море, прошелъ сибирскіе лѣса, горы и степи, никто не тронулъ меня—ни звѣрь, ни человѣкъ, а тутъ вотъ, въ своей деревнѣ, схватили и заковали» («Русскій Курьеръ», № 115). Судъ приговорилъ его къ 20 годамъ каторжной работы въ рудникахъ и 60 ударамъ плетьми, по прибытіи на мѣсто. Но человѣкъ этотъ убійца, и убійца, приговоренный къ наказанію судомъ, а не подозрѣваемый только въ злыхъ умыслахъ и зловредномъ направленіи воли. Когда судъ вторично приговорилъ его къ одному изъ самыхъ тяжкихъ наказаній, то мы жалѣемъ его, конечно, гораздо больше, чѣмъ послѣ приговора за убійство; но и тутъ все-таки есть несомнѣнная, предусмотрѣнная и точно формулированная закономъ вина, такъ что мы, съ формальной, по крайней мѣрѣ, стороны, не можемъ отрицать его виновности и можемъ только говорить о суровости закона, о несовершенствѣ юстиціи, о томъ, что судъ былъ безъ присяжныхъ, которые, вѣроятно, взглянули бы на дѣло снисходительнѣе и т. п. Конечно, это—только формальное утѣшеніе, которое никогда не уничтожитъ сожалѣнія о человѣкѣ по человѣчеству, но въ положеніи о поднадзорныхъ нѣтъ и такого утѣшенія.

Бóльшая часть нашей печати отнеслась къ новымъ правиламъ о поднадзорныхъ довольно скептически, какъ въ отношеніи юридической ихъ сущности, такъ и въ отношеніи ихъ практической цѣлесообразности и примѣнимости вообще. Одни óрганы указывали, что прекращеніе доступа ко всѣмъ видамъ возможнаго въ провинціи умственнаго труда, затрудняя поднадзорнымъ возможность заработка, ставитъ ихъ въ тяжелое положеніе относительно средствъ къ жизни («Недѣля»). Предположить, что все сводится къ казенному пособію нельзя, потому что одна изъ статей новыхъ правилъ устраняетъ такое предположеніе: казенное пособіе прекращается, если поднадзорные будутъ признаны уклоняющимися по *лѣности*, дурному поведенію и *привычкѣ къ праздности*. Стало быть, говоритъ «Недѣля», поднадзорный все-таки долженъ трудиться и долженъ обязательно принимать всякую работу, какую бы ни указали мѣстныя власти. Если, напримѣръ, мѣстная власть предложитъ «чистку конюшенъ или услуженіе по найму, то поднадзорный долженъ имѣть въ виду, что отказъ отъ этого труда можетъ быть приравненъ къ лѣности и, слѣдовательно, повести за собою лишеніе казеннаго хлѣба». Тоже самое говорили: «Голосъ», «Земство» «Современныя Извѣстія» и другія газеты. Ограничивая свободный выборъ труда, говорятъ «Современныя Извѣстія», «Положеніе не оставляетъ поднадзорному даже вовсе выбора—развѣ идти въ лакеи или въ дровоколы, а не то открыть лавочку. Но на лавочку, хотя бы мелочную, нуженъ капиталъ, который у поднадзорнаго не всегда есть: быть дровоколомъ или носильщикомъ нужна сила, а въ лакеи не возьмутъ. Нельзя не согласиться съ «Голосомъ», что отстраненіе поднад-

зорнаго отъ профессій, требующихъ умственнаго труда, лишаетъ его единственной дѣятельности, которою онъ способенъ добывать хлѣбъ, а вмѣстѣ толкаетъ его въ народъ, слѣдовательно туда, гдѣ онъ можетъ вредить своею пропагандою» (№ 110). Дѣло, конечно, не въ унизительности извѣстныхъ работъ, хотя бы это была даже чистка конюшень (чистимъ же мы человѣческія конюшни и даже живемъ въ нихъ, несмотря на то, что онѣ гораздо неопрятнѣе настоящихъ конюшень), а въ обязательности этихъ работъ, трудности къ нимъ приспособиться и невозможности, пока не приспособишься, заработывать ими кусокъ насущнаго хлѣба. До извѣстнаго возраста приспособленіе дается легко, въ извѣстномъ возрастѣ—съ трудомъ, а послѣ извѣстнаго возраста становится даже невозможнымъ. Это — не какая-нибудь непривычка пустая и фантастическая, а біологическій законъ, о которомъ можно прочитать въ біологическихъ сочиненіяхъ. Переприспособленіе въ извѣстномъ возрастѣ нетолько невозможно, но и въ высшей степени мучительно для человѣка. Объ этомъ также говорится въ біологическихъ и физіологическихъ книгахъ. Не мы будемъ, конечно, говорить противъ полезности и даже обязательности мускульнаго труда для каждаго человѣка, но не мы будемъ также и доказывать, что чрезмѣрный физическій трудъ не мучитъ, не разрушаетъ и не отупляетъ человѣка. Внезапное и совершенное прекращеніе умственной дѣятельности, которою человѣкъ усиленно жилъ и которою его съ самаго малаго возраста принуждали усиленно заниматься, также не легко достается. Объ этомъ также можно узнать изъ книжекъ по физіологіи мозга, по психологіи и въ особенности по психіатріи. Все это не должны были бы игнорировать наши криминалисты, все это въ особенности они должны были бы помнить, когда рѣчь идетъ вовсе даже не о наказаніи, а о воспрепятствованіи только подозрѣваемому причинить какой-нибудь вредъ согражданамъ. Между тѣмъ, все это создаетъ крайне тяжелую альтернативу для поднадзорнаго. Конечно, эта альтернатива все-таки лучше, чѣмъ еслибы осуществилась мысль «Современныхъ Извѣстій» и поднадзорные были бы взяты гг. исправниками и становыми къ себѣ въ лакеи, взяты подъ давленіемъ голода, этого могущественнаго инстинкта, какъ его называли нѣкоторые экономисты. Тутъ собственно, дѣйствительно, можетъ начаться безпримѣрное униженіе человѣка... И почему «Современныя Извѣстія» думаютъ, что никто изъ гг. исправниковъ и становыхъ не воспользуется этою мыслью и не станетъ и въ самомъ дѣлѣ брать поднадзорныхъ къ себѣ въ лакеи?! Становые и исправники бываютъ всякіе, а голодъ дѣйствительно ужасный инстинктъ. Могутъ найтись изъ гг. исправниковъ и становыхъ и такіе, которые подумаютъ, что такимъ образомъ лучше всего усмирять своенравныхъ и исправлять ихъ злую волю, а могутъ найтись и такіе, которые будутъ вести съ ними личные счеты. Какъ бы въ опроверженіе этой мысли, «Голосъ» въ особенности останавливается на томъ, что опытъ

многихъ лѣтъ показываетъ, что административная высылка, сопряженная съ разными ограниченіями гражданскихъ правъ и съ поставленіемъ поднадзорнаго во внѣзаконное, такъ сказать, положеніе, является орудіемъ обоюдоострымъ: удаляя изъ извѣстной мѣстности лицо, признанное вреднымъ, она нерѣдко воспитывала въ поднадзорномъ такія противучеловѣческія чувства, что изъ *возможнаго* преступника дѣлался нетолько настоящій преступникъ, но *звѣрь*, готовый на все. Фактъ на лицо, говоритъ «Голосъ»: почти всѣ извѣстнѣйшие государственные преступники, особенно изъ коноводовъ, прошли черезъ эту школу, и, среди другихъ причинъ этого, одною изъ главныхъ должно быть названо то состояніе внѣзаконности, въ которомъ они чувствовали всю свою безпомощность, тягость которой усугублялась еще тѣмъ, что мѣстныя власти, по грубости нравовъ или по ложному пониманію своихъ обязанностей, дозволяли себѣ многое, что вовсе не входило и не могло входить въ виды высшаго правительства. «Русскія Вѣдомости» указываютъ преимущественно на неопредѣленность правилъ для опредѣленія вредности человѣка и настроенія его ума, неопредѣленность, которую и нельзя, при данныхъ условіяхъ, сдѣлать болѣе опредѣленною: настроеніе ума, пока оно не перешло въ дѣло, опредѣлить очень трудно; не даромъ есть пословица, что чужая душа потемки. Одно и тоже дѣйствіе можно толковать на тысячу ладовъ. При обыкновенномъ порядкѣ, когда признается, что дѣйствіе опасно для общественнаго спокойствія, оно, хотя бы и было само по себѣ безразличнымъ дѣйствіемъ, подводится подъ понятіе проступка и карается судомъ, причемъ, однако, за нимъ остается опредѣленное значеніе и оно не разсматривается какъ «колебаніе основъ» вообще. Тутъ же, при исключительномъ порядкѣ, открывается обширное поле для произвольныхъ толкованій. «Стоитъ припомнить, что только не считалось у насъ потрясеніемъ основъ и не приводилось въ связь съ крамолою. Критика господствующей системы образованія, защита свободы печати, огражденіе интересовъ крестьянъ, отвращеніе отъ ложныхъ доносовъ—все это подводилось подъ одно съ крамолою». Вообще, усмотрѣнію предстоитъ играть огромную роль, говоритъ газета, и естественно желаетъ, чтобы примѣнялось оно съ крайнею осторожностью, дабы новыя правила не сдѣлать *игралищемъ интригъ* и *орудіемъ личной вражды*.

«Если возбужденіе дѣлъ объ установленія полицейскаго надзора будетъ сосредоточено въ рукахъ низшихъ агентовъ полиціи, приходящихъ въ постоянное соприкосновеніе съ массою обывателей, то разсчитывать на ихъ безпристрастіе довольно трудно, а контролировать ихъ въ дѣлѣ такого рода почти невозможно. Гарантію противъ злоупотребленій можно видѣть лишь въ подчиненіи дѣлъ особому совѣщанію, въ составъ котораго входятъ члены судебныхъ учрежденій. Такой порядокъ, дѣйствительно, гарантируетъ отъ произвола больше, чѣмъ тотъ, который ему предшествовалъ, тѣмъ болѣе, что совѣщаніе можетъ требовать разъясненія, даже личной явки заподозрѣннаго. Но разъясненія требуются только въ случаѣ надобности. «Положеніе», хотя и не

запрещаетъ входить въ разсмотрѣніе объясненій, представленныхъ самими заподозрѣнными, но о порядкѣ принесенія просьбъ послѣдними не говоритъ. А такъ какъ заподозрѣнные до рѣшенія ихъ дѣлъ, подвергаются полицейскому аресту, то и просьбы ихъ не всегда легко могутъ пролагать себѣ дорогу до комиссіи» (№ 113).

Тоже самое говоритъ и харьковская газета «Южный Край». И, дѣйствительно, нельзя съ этими газетами не согласиться, что, при отсутствіи и даже невозможности преподать какія-нибудь твердыя основанія для рѣшенія дѣлъ по существу, и особое совѣщаніе должно будетъ руководствоваться только собственнымъ усмотрѣніемъ, что хотя назначаемый имъ надзоръ, можетъ быть, и будетъ назначаться осмотрительнѣе, чѣмъ назначался до сихъ поръ, но что и въ настоящее время нѣтъ гарантій, чтобы подъ него нельзя было подпасть людямъ, ни въ чемъ неповиннымъ и вполнѣ благонамѣреннымъ. Копія съ представленія, замѣняющаго обвинительный актъ, не сообщается заподозрѣнному, и онъ не имѣетъ права требовать, чтобы оправдательные доводы его были выслушаны. Особое совѣщаніе можетъ его вызвать для личныхъ объясненій, но можетъ и не вызвать, что вполнѣ зависитъ отъ его усмотрѣнія, такъ какъ оно къ этому вовсе не обязано. При помѣщеніи особаго совѣщанія въ Петербургѣ, вызывать туда людей для личныхъ объясненій изъ провинціи и неудобно. Поэтому вполнѣ вѣроятно предположеніе «Южнаго Края», что «едва ли особое совѣщаніе всегда будетъ пользоваться правомъ давать заподозрѣннымъ средства къ оправданію» и что «не одинъ изъ нихъ очутится подъ надзоромъ, не зная точно, въ чемъ его обвиняютъ и какія противъ него существуютъ улики».

Такимъ образомъ, теоретическое несовершенство новыхъ правилъ, о которомъ мы говорили выше, подтверждается и чисто практическими соображеніями газетъ о неудобствахъ этихъ правилъ, которыя должны возникнуть при ихъ примѣненіи. Можетъ быть, данный личный составъ особаго совѣщанія и присутствіе въ немъ лицъ судебнаго персонала, какъ опытныхъ юристовъ, и гарантируетъ извѣстную справедливость и правильность примѣненія новаго положенія, но дѣло въ томъ, что когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь узаконеніи, то личный составъ приниматься въ соображеніе не можетъ. Завтра будетъ другой личный составъ, и дѣло пойдетъ совсѣмъ иначе. Весь вопросъ въ возможности неправильности и несправедливости, въ возможности дѣйствовать не по закону, а по личному усмотрѣнію, причемъ легко и злоупотреблять, и ошибаться. Полагаться на юристовъ, какъ на каменную стѣну, нельзя, въ особенности, если они служатъ практикѣ и опутаны интересами минуты. «Доктора правъ и профессора, говоритъ профессоръ Кистяковскій:—не мало приложили своего старанія къ возведенію въ теорію многихъ нелѣпостей своего времени, они не мало подали мнѣній за сожженіе вѣдьмъ и еретиковъ. Подъ приговоромъ, осудившимъ Галилея и проиэ-

несшимъ смертную казнь Гусу и Іерониму Пражскому, стояли имена итальянскихъ и нѣмецкихъ профессоровъ» (112). Судить Гуса и Іеронима Пражскаго призваны были, какъ извѣстно, первые спеціалисты своего времени по праву. Мы знаемъ, наконецъ, что, благодаря обычаю отсылать судебныя дѣла въ юридическіе факультеты, были изгнаны изъ процесса остатки устности и гласности и окончательно водворились письменность и тайное производство въ уголовномъ процессѣ. А полагаться на полицію и администрацію можно еще того меньше: развѣ при Людовикѣ XVI министры не имѣли обычая разсылать своимъ друзьямъ, въ видѣ подарка, по нѣскольку королевскихъ бланковъ объ арестѣ, въ которые тѣ вписывали своихъ враговъ? Давно уже извѣстно, что «страхъ закона спасителенъ, а страхъ человѣка пагубенъ и чреватъ преступленіями», что люди съ лучшими намѣреніями неоднократно «причиняли великое зло обществу», а люди съ дурною волею «не разъ приносили ему великое добро» (ibid. 91). Вотъ почему противъ всякихъ экстраординарныхъ комиссій для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ возставалъ еще Монтескье.

Есть еще одна чрезвычайно важная сторона новаго положенія о поднадзорныхъ, на которую газеты не обратили должнаго вниманія, отозвавшись о ней какъ-то только вскользь и между прочимъ, это—приведеніе въ исполненіе положенія, самая процедура надзора. Высшій мѣстный надзоръ сосредоточивается, разумѣется, въ лицѣ губернаторовъ и начальниковъ мѣстныхъ жандармскихъ управленій (должность которыхъ, предполагается, говорятъ, скоро передать въ непосредственное вѣдѣніе губернаторовъ); но, такъ какъ они физически не могутъ усмотрѣть и услѣдить за всѣми поднадзорными, то надзоръ непосредственно перейдетъ къ исправникамъ, становымъ, уѣзднымъ начальникамъ, полицейскимъ приставамъ, околоточнымъ, урядникамъ и прочей низшей полиціи, которой у насъ такъ много и которая, какъ извѣстно, находится на весьма не высокой степени умственнаго и нравственнаго развитія и отличается въ тоже время удивительною притязательностью. Если доселѣ практиковались у насъ одни только правила, приведенныя нынѣ въ систему, то и это одно можетъ служить уже достаточнымъ памятникомъ пережитаго нами чрезвычайнаго времени, но правила эти теперь, вѣроятно, будутъ еще усугублены усердіемъ и произволомъ низшихъ полицейскихъ агентовъ. То, что прежде можетъ быть смущало ихъ и ставило передъ ними вопросъ: «а будетъ ли это законно» или: «какъ посмотрятъ на это въ Петербургѣ», теперь смущать ихъ уже, конечно, не будетъ. Нѣкоторыя газеты, какъ, напримѣръ, «Современныя Извѣстія» полагаютъ, что *непомѣрное ограниченіе личной свободы* (которое они сначала въ той же статьѣ назвали только *нѣкоторымъ* ограниченіемъ) и *многія строгости*, вводимыя положеніемъ, останутся на практикѣ мертвою буквою, потому, молъ, что у губернаторовъ

и исправниковъ и безъ того много дѣла, а число лицъ надзирающихъ не увеличивается, какъ бы слѣдовало по мнѣнію газеты [1]. Для извѣстныхъ занятій, говорятъ «Современныя Извѣстія», поднадзорный долженъ испросить разрѣшеніе губернатора. Не мертвая ли это формальность?» Да, это формальность, только далеко не мертвая, потому что по этому поводу можетъ возникать предлинная и преутомительная переписка, въ теченіи которой поднадзорный можетъ находиться въ самомъ невозможномъ положеніи. Губернаторы будутъ дѣйствовать, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, конечно, по представленіямъ мѣстной полиціи, а сами, какъ это можно видѣть изъ положенія, по многимъ вопросамъ должны будутъ входить съ представленіями къ министру внутреннихъ дѣлъ. Одно уже это восхожденіе и нисхожденіе бумагъ и разъясненіе недоразумѣній и неправильнаго пониманія статей положенія можетъ занять сколько времени. Для низшей полиціи, въ ея настоящемъ состояніи, нужны, какъ для Санчо-Пансо, когда онъ сдѣлался губернаторомъ острова, самыя точныя правила, которыя не оставляли бы никакихъ недоразумѣній и устраняли бы всякую возможность злоупотребленій; а положеніе о поднадзорныхъ, между тѣмъ, открываетъ, къ сожалѣнію, широкое поле и даетъ ей много поводовъ какъ для недоразумѣній, такъ и для превратныхъ его толкованій. Статья 28-я, напримѣръ, говоритъ: что, за исключеніемъ вышеперечисленныхъ недозволенныхъ занятій, «всѣ остальныя занятія, дозволенныя закономъ, разрѣшаются поднадзорнымъ, но съ тѣмъ, что отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе, если оно сему послѣднему служитъ средствомъ осуществленія его предосудительныхъ замысловъ или по мѣстнымъ условіямъ представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія». Какъ могутъ истолковывать эту статью гг. исправники и становые наши? Чего только не могутъ подвести они подъ разрядъ занятій, которыя служатъ поднадзорному средствомъ осуществленія его предосудительныхъ замысловъ или по мѣстнымъ условіямъ опа-

[1] У этой газеты въ одно и тоже время много разныхъ мнѣній бываетъ, такъ, напримѣръ, она въ той же статьѣ (№ 110) высказываетъ, что было бы не дурно также, еслибы «администрація облегчила свою отвѣтственность за высылку поднадзорныхъ», поставивъ назначеніе имъ мѣстожительства въ зависимость «отъ двухъ условій: 1) собственнаго ихъ выбора; 2) согласія тѣхъ обществъ, сельскихъ или городскихъ, среди которыхъ они желаютъ поселиться». Конечно, это въ тѣхъ видахъ, что «много ли нашлось бы обществъ, которыя въ былое время согласились бы принять къ себѣ Желябова, когда администрація, разумѣется, объяснила бы имъ причины, почему она его остерегается?» Но все-таки, по мнѣнію газеты, это было бы лучше, потому что: «А теперь видимъ что же? Поднадзорный препровождается туда, гдѣ ему, разумѣется, совсѣмъ быть нежелательно; да и сами общества вопіютъ противъ такихъ гостей. Да и администрація подвергается непріятности слышать противъ себя мнѣнія нареканія». Да и произойдетъ одно только «напрасное раздраженіе».

сны для порядка и спокойствія? Подъ эту рубрику можетъ быть подведено рѣшительно все—даже чистка конюшенъ, гдѣ можно разговаривать съ рабочими или солдатами, и все можетъ быть воспрещено, пока представленіе объ этомъ не съѣздитъ къ губернатору и тотъ на него не отвѣтитъ. Мы почти увѣрены, что необозначеніе во 2 ст. II. срока надзора для высылаемыхъ поднадзорныхъ (опредѣленнаго въ 3 ст. для поднадзорныхъ, остающихся на мѣстѣ), въ связи со статьею 4-ю, гдѣ говорится, что срокъ надзора считается со времени объявленія подлежащему лицу объ учрежденіи надъ нимъ надзора, «если по сему предмету не послѣдуетъ особаго распоряженія», можетъ дать поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ. — Право, предоставленное статьями 18 и 19, мѣстной полиціи во всякое время входить къ поднадзорнымъ и производить у нихъ обыски и выемки можетъ также повести къ злоупотребленіямъ, въ особенности со стороны низшихъ полицейскихъ агентовъ. Тутъ возможны и издѣвательство, и вымогательство, и посѣщенія подъ пьяную руку, и ловеласничество и т. д. «Земство» указываетъ еще на ст. 32, по которой исправникъ можетъ за подачу поднадзорнымъ врачемъ или акушеркой какой-нибудь экстренной помощи, напримѣръ, умирающему, усадить ихъ на три дня подъ арестъ. И тутъ могутъ быть недоразумѣнія: врачъ и акушерка могутъ не практиковать совсѣмъ и могутъ пойдти дѣйствительно только къ умирающему, склонившись на просьбу его родныхъ или по собственному человѣчсскому чувству и помня, что общій законъ повелѣваетъ имъ дѣлать это, а г. исправникъ можетъ ихъ усадить подъ арестъ. Вѣроятно, не мало будетъ недоразумѣній и изъ-за казенныхъ пособій и вопросовъ объ *уклоненіи отъ занятій по лѣности, дурному поведенію и привычкѣ къ праздности*, такъ какъ понятія объ этомъ чрезвычайно относительны. Очень возможно, что найдутся даже такіе гг. исправники, которые «проходное свидѣтельство» будутъ истолковывать въ смыслѣ пѣшеходнаго свидѣтельства. Развѣ не было примѣровъ возвращенія ссыльныхъ изъ Сибири пѣшкомъ, когда они имѣли право на пособіе.

Чтобы хоть приблизительно видѣть чего можно ждать отъ нашей низшей полиціи, достаточно посмотрѣть что пишется и еще больше разсказывается повсюду объ ея обращеніи съ гражданами, гражданами не поднадзорными, а вполнѣ полноправными. Со всѣхъ сторонъ только и слышатся однѣ жалобы и жалобы, жалобы на произволъ и насиліе, на взяточничество и кулачную и оружейную расправу, на буйство, на утѣсненія всевозможныхъ родовъ и видовъ, непониманіе своихъ прямыхъ обязанностей и т. д., и т. д. Вотъ «Голосу» сообщаютъ изъ Кронштадта, что туда нарочно присланъ изъ Петербурга слѣдо-

ватель для производства слѣдствія по жалобамъ на полицію и что полицеймейстеръ, капитанъ 2 ранга Головачовъ, отстраненъ отъ должности («Р. Вѣд.» 56). Вотъ изъ Харькова пишутъ «Русскимъ Вѣдомостямъ», что въ скоромъ времени въ мѣстномъ окружномъ судѣ будетъ слушаться дѣло о многочисленной шайкѣ воровъ, совершавшей кражи на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, и атаманомъ которой состоялъ мѣстный участковый приставъ. (№ 69). Вотъ изъ Бѣлаго, Смоленской губ., сообщаютъ въ «Рус. Кур.», что сессіи окружного суда изобилуютъ дѣлами о полицейскихъ, обвиняемыхъ въ разныхъ преступленіяхъ. Изъ дѣлъ, разбиравшихся, напр., въ декабрьскую сессію, говоритъ корреспондентъ, «выяснилось, что арестантскія камеры при нашемъ полицейскомъ управленіи служатъ мѣстомъ для совершенія возмутительнѣйшихъ преступленій. Мы вынесли изъ суда горькое убѣжденіе, что на большой дорогѣ, въ темную ночь, можно считать себя гораздо болѣе безопаснымъ, чѣмъ подъ охраною нашей полиціи». Слова корреспондента не преувеличены. Слушайте:

приходитъ вечеромъ въ февралѣ 1881 г. въ полицейское управленіе крестьянка Левченкова, чтобы справиться—нѣтъ ли на ея имя писемъ. Вступившій по этому поводу въ разговоръ съ Левченковою секретарь полиціи Сиволаповъ, нашелъ поведеніе своей собесѣдницы настолько предосудительнымъ, что счелъ долгомъ выругать ее «сволочью» и «паскудою» и приказалъ полицейскому служителю Парфенову арестовать ее, сказавъ при этомъ послѣднему, чтобы тотъ «выбралъ для нея хорошаго арестанта». Левченкова была посажена въ «кутузку», а чрезъ нѣсколько минутъ Парфеновъ втолкнулъ къ ней арестанта Григорьева. Угадывая, что затѣвается что-то недоброе, Левченкова обратилась къ Парфенову съ просьбою освободить ее и отправить къ становому Любимскому, у котораго она была въ услуженіи, но напрасно! дверь захлопнулась и беззаконно арестованная осталась въ мѣстѣ заключенія. Спустя нѣсколько времени, въ камерѣ, гдѣ были помѣщены Левченкова и Григорьевъ, раздался продолжительный женскій крикъ. На шумъ, послѣ значительнаго промежутка времени, въ камеру вошелъ Парфеновъ, и Левченкова молила его объ освобожденіи. Парфеновъ согласился дать ей свободу неиначе, какъ подъ условіемъ вознагражденія. Левченкова отдала ему 35 коп.—всѣ свои наличныя деньги. Выходя изъ камеры, она залилась слезами, жалуясь, что арестантъ Григорьевъ изнасиловалъ ее. Обстоятельства эти подтвердились на предварительномъ слѣдствіи. Григорьевъ, смѣясь, сознавался полицейскимъ чиновникамъ Звѣреву и Чаусову, что «былъ тотъ грѣхъ».

Полицейскій служитель Богдановъ обвинялся въ возмутительномъ вымогательствѣ и обираніи арестованнаго по приговору мирового судьи крестьянина Максимова, съ котораго онъ бралъ, путемъ разныхъ притѣсненій, и деньги, и платье и принесенный ему картофель (2 мѣры), а когда уже взять было болѣе нечего, то прибѣгъ къ насилію, думая, что Максимовъ скрываетъ отъ него деньги. «Пригласивъ другихъ арестантовъ, онъ сталъ душить Максимова... Максимову наносили удары по всему тѣлу, колѣнами давили на грудь и т. п., однимъ словомъ—избили его до полусмерти». Казанская судебная палата, разсматривавшая въ мартѣ настоящаго года дѣло о сопротивленіи властямъ крестьянъ Кайгородовской волости, Слободскаго

уѣзда, избившихъ станового и изорвавшихъ на немъ мундиръ и все платье до нижняго бѣлья включительно, открыла чрезвычайно любопытныя подробности такъ называемаго выколачиванія недоимокъ и вообще отношеній провинціальной полиціи къ крестьянству, отношеній, которыя нарочно направляются къ тому, чтобы вызывать въ населеніи раздраженіе. Дѣло это очень характерно. Прежде всего нужно замѣтить, что 7-го сентября прошлаго года по всѣмъ сельскимъ обществамъ Слободскаго уѣзда, было объявлено Высочайшее повеленіе, касающееся исключительно Слободскаго уѣзда, полученное губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, о сложеніи нѣкоторыхъ давнихъ недоимокъ, о чемъ ходатайствовали земство и губернская администрація, въ виду облегченія населенія, «буквально обнищавшаго» и живущаго не землею, а только бурлачествомъ и сплавомъ лѣса. Объявленная высочайшая милость состояла въ слѣдующемъ: «1) сложить оброчную подать, числящуюся съ 1789 г. на умершихъ, сосланныхъ въ Сибирь, безъ вѣсти пропавшихъ и проч., въ размѣрѣ 11,370 р. 61½ к.; 2) освободить общество отъ платежей за эти души; 3) за смертью 21 т. крестьянъ сложить недоимокъ 306,695 руб.; 4) разсрочить недоимки и оброчную подать съ 1878 г. по 1881 г. на 3—5 лѣтъ» («Рус. Вѣд.», № 76). Между тѣмъ, 21-го октября въ Кайгородовскую волость, въ села Татаринское и Кичановское, пріѣхалъ становой приставъ 5 участка для сбора, какъ онъ говорилъ, недоимки, а по свидѣтельскимъ показаніямъ (волостной писарь) и распоряженіямъ исправника, и для сбора самого оклада. Крестьяне пришли въ недоумѣніе. Вышеуказанное объявленіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія было написано «такимъ канцелярски-туманнымъ языкомъ, что понять его было довольно трудно даже для человѣка образованнаго», и крестьяне истолковали его въ смыслѣ совершеннаго избавленія отъ податей и недоимокъ. Если вышло *избавленіе*, то зачѣмъ же пріѣхалъ становой? спрашивали они. Услышавъ этотъ вопросъ, становой грозно крикнулъ: «Нѣтъ вамъ убавки, а будетъ прибавка!» и сталъ требовать платежа оклада и недоимокъ. «Прочитай царскую грамату»—просили крестьяне. «Вотъ я вамъ роспишу грамату!» стращалъ становой и ругалъ въ это же время сельскія власти, говоря, что погодить бы объявлять Высочайшую волю. Угроза сейчасъ же стала приводиться въ исполненіе. Тутъ же, въ сборной избѣ, засѣдалъ волостной судъ, который становой постоянно возилъ съ собою, и приговаривалъ: «пороть», а становой записывалъ своею рукою (по показанію судей, свидѣтелей до 30 человѣкъ и подсудимыхъ, сколько кому дастъ ударовъ и обѣщалъ жаловаться на судей «за послабленіе» уѣздному присутствію, если они къ кому-нибудь мягко относились. Нѣсколько крестьянъ внесли оброкъ и недоимку, остальные, до 140 человѣкъ, мялись въ недоумѣніи въ сборной избѣ.

Становой выгналъ ихъ изъ избы. Сельскій староста Татариновъ (подсуди-

мый) вышелъ къ толпѣ, внеся недоимки 84 к., и сказалъ: «платили, платили, а все не выплатимъ, когда же конецъ-то будетъ? Что же обчество молчитъ»? «Общество» начинаетъ шумѣть, слышится брань по адресу станового или «скверно-матерное отношеніе», какъ выразился урядникъ. Судили, рядили мужики и рѣшили: если и есть за кѣмъ недоимки, то вышло «величайшее избавленіе», а за многими ихъ и совсѣмъ не было, между тѣмъ, приставъ требуетъ; стало быть—это ужь не въ казну, а «на табакъ, въ кабакъ, на мѣдныя пуговицы и медвѣжьи шубы», т. е. на полицію. Весьма характерно послѣднее выраженіе въ устахъ подсудимыхъ и свидѣтелей. Они, какъ выяснилось на судѣ, имѣли право и данныя такъ отзываться о полицейскихъ чинахъ. Въ Слободскомъ и двухъ сосѣднихъ уѣздахъ становые пристава организовали правильно ежегодную сдачу самихъ мужиковъ въ арендное содержаніе. Особенно интересно въ этомъ отношеніи показаніе свидѣтеля Бѣлыхъ, бывшаго волостного судьи, вызваннаго по желанію пострадавшаго, станового пристава Митяшева, и, слѣдовательно, не возбуждающее сомнѣнія. Этотъ свидѣтель подробно разсказалъ на судѣ, по удаленіи изъ залы засѣданія станового пристава, котораго онъ сначала очень стѣснялся, какъ мужики закабалялись къ какому-нибудь лѣсному торговцу, получая обѣщаніе отъ станового, что заработки пойдутъ въ счетъ уплаты недоимокъ; возвращались мужики послѣ навигаціи и съ нихъ все-таки собирали вновь недоимки. Что эти сборы шли туго, нѣтъ сомнѣнія, но не потому, чтобы крестьяне не хотѣли платить, нѣтъ, но потому, что у нихъ все отбиралось: заработки, скотъ; даже по приказанію начальства, т. е. станового, взламывали сборщики сундуки и отбирали все, что находилось цѣннаго. Изъ чего же было платить? «По 2 пудика на душу сѣемъ... бабы работаютъ... земля не родитъ»... говорили подсудимые. Чтобы обезпечить успѣхъ сборовъ становой Митяшевъ выѣзжалъ всегда, сопровождаемый полнымъ составомъ волостного суда.—«Такъ у васъ всегда дѣлается?» спрашивали его прокуроръ и защитникъ—«Всегда-съ! это и по закону требуется», развязно отвѣчалъ становой. Когда же ему объяснили, что властямъ предоставляется только указывать волостному суду на нерадивыхъ, пьяницъ и пр., онъ не менѣе развязно доказывалъ, что таковые обнаруживаются при сборѣ податей, потому онъ и вывозитъ съ собой волостной судъ—«на случай»! Трое волостныхъ судей, бывшихъ свидѣтелей по дѣлу, говорили: «Мы люди подначальные... становой приказывалъ, стращалъ насъ, «разы вписывалъ», а мы приговаривали». Въ одной Кайгородской волости было высѣчено съ 1878 по 1881 г.—797 домохозяевъ (по этому поводу засвидѣтельствованная копія съ приговоровъ волостного суда была прочитана въ судѣ), что составляетъ почти $^1{}_3$ всего числа ревизскихъ душъ въ волости; не поротыхъ домохозяевъ, по показанію писаря, осталось менѣе 400.

«Общество», выгнанное становымъ изъ сборной избы, шумѣло до самаго вечера и требовало царской грамоты. Вмѣсто того, чтобы успокоить толпу, удовлетворить законнымъ ея требованіямъ, разъяснить смыслъ высочайшей милости, въ силу которой становой не имѣлъ даже права взыскивать недоимокъ, онъ высылаетъ урядника и писаря, которые грозятъ толпѣ, что «мы будемъ стрѣлять; потому это намъ по закону полагается!..» Тутъ та же возбужденная толпа окончательно рѣшаетъ, что сборъ дѣлается «на мѣдныя пуговицы» и вся вваливается въ избу, требуя отъ станового «регистру», т. е. списокъ недоимщиковъ. Становой стрѣляетъ. На печкѣ раздается ужасный, дикій, раздирающій крикъ раненаго (одинъ изъ подсудимыхъ). Народъ въ испугѣ бросается—кто изъ избы, кто на печку, на полати; давка ужасная, ибо въ обыкновенной крестьянской избѣ было болѣе 100 человѣкъ; свѣчка гаснетъ, раздается второй выстрѣлъ. Урядника выбрасываютъ изъ избы и онъ благоразумно скрывается въ хлѣвѣ. Писарь забирается подъ лавку, становой оказы-

вается на саняхъ передъ избой, весь израненный, избитый и окровавленный. («Русскія Вѣдом.», № 76, 1882 г.).

Съ такими господами, какъ г. Митяшевъ, мы, конечно, не далеко уѣдемъ, а ихъ между тѣмъ у насъ весьма много. И въ Вологодской губ. недавно разбиралось дѣло о вельскомъ становомъ, Шульгинѣ, обвинявшемся въ укрывательствѣ убійства, лихоимствѣ и покупкѣ имущества черезъ подставное лицо съ производившихся имъ же торговъ (Р. Кур. № 49). И изъ Енисейска пишутъ, что окружной исправникъ К—бергъ хвалится, что поборы, взимаемые имъ съ крестьянъ, достигаютъ въ годъ до 20,000 р. (ibid. № 75). Такіе господа умѣютъ только взимать и сѣчь, а больше, кажется, ничего не умѣютъ. Но мы, конечно, не знаемъ и сотой доли того, что̀ творится подъ темнымъ пологомъ полицейской ночи, въ глухихъ и далекихъ провинціальныхъ закоулкахъ, откуда зачастую нельзя подать даже голоса. Развѣ кадниковскій исправникъ не имѣлъ, напримѣръ, обычая распечатывать всѣ письма, идущія по земской почтѣ («Порядокъ», 22-го апрѣля 1880 г.), и развѣ мало у насъ другихъ подобныхъ же исправниковъ. Образчиковъ самодурства и крайне низкой степени умственнаго развитія, также великое множество: томскій исправникъ, напримѣръ, воспрещаетъ пѣть въ частномъ домѣ «дубинушку», считая ее почему-то *запрещенной* пѣсней, и требуетъ, чтобы вмѣсто нея пѣли: «выйду-ль я на рѣченьку», а когда пѣвшіе не соглашаются на это, то пускаетъ въ ходъ кулаки (ibid 24 апрѣля). Грязовецкій исправникъ, имѣя у себя каталогъ запрещенныхъ и дозволенныхъ сочиненій только до 1873 г., объявляетъ любителямъ драматическаго искуства, что долженъ считать всѣ драматическія сочиненія, вышедшія послѣ 1873 г., «запрещенными, хотя бы ихъ и играли на всѣхъ сценахъ» («Рус. Кур.» № 97, 1882 г.). Но лучше всѣхъ, кажется, ставропольской исправникъ, Самарской губ., доносившій губернатору о рожденіи менѣе чѣмъ двухлѣтнимъ мальчикомъ котятъ, о чемъ было разсказано не такъ давно въ «Саратовскомъ Дневникѣ», на основаніи подлиннаго дѣла, хранящагося въ ставропольскомъ полицейскомъ управленіи. Вотъ это историческое дѣло:

«23-го іюля 1881 г., полицейскій урядникъ 11-го участка Ставропольскаго уѣзда, Мельниковъ, донесъ приставу 3-го стана, г. К—ву, что утромъ того числа въ с. Старой-Майнѣ крестьянскій мальчикъ Григорій Обжерновъ, менѣе 2-хъ лѣтъ отъ роду, разрѣшился отъ бремени двумя котятами. Получивъ донесеніе, г. К—въ съ быстротой молніи прискакалъ въ Старую-Майну и приступилъ къ дознанію. Оказалось, какъ видно изъ составленнаго имъ акта, слѣдующее. Сынъ означенной крестьянки, мальчикъ Григорій, имѣющій 1 съ половиной годъ отъ роду, 23-го іюня, въ 11 ч. утра, былъ принесенъ своей нянькой изъ дома родительницы въ домъ матери послѣдней, Матрены Уваровой, и посаженъ на скамью. Спустя нѣкоторое время, нянька замѣтила подъ сидѣньемъ ребенка кровь, о чемъ сказала своей матери, а та, приподнявъ ребенка съ мѣста, увидала, какъ изъ него выпали два котенка съ послѣдомъ. Новорожденныхъ котятъ Матрена Уварова вынесла на дворъ и положила на

солому; котята были живы, дышали и открывали рты, но вскорѣ умерли. Показаніе это отбиралось отъ Уваровыхъ при матери «обвиняемаго» ребенка, Еленѣ Обжерновой, и понятыхъ людяхъ. Послѣдніе высказали подозрѣніе, что котята рождены не мальчикомъ мужского пола, а которою либо изъ Уваровыхъ. На основаніи такого заключенія понятыхъ, для освидѣтельствованія Уваровыхъ была приглашена акушерка Калистратова; но ни у матери, ни у дочери, Уваровыхъ, признаковъ недавняго разрѣшенія отъ бремени не оказалось. Тогда г. приставъ предложилъ вольнопрактикующему въ с. Майнѣ врачу, г. Перимову, произвести освидѣтельствованіе мальчика Григорія, а самъ занялся тщательнымъ осмотромъ новорожденныхъ животныхъ. Г. Перимовъ нашелъ мальчика вполнѣ здоровымъ, а результатомъ изслѣдованія самого пристава было слѣдующее описаніе новорожденныхъ: «Оба животныя длиной каждое въ полтора вершка, оба съ хвостами, только у одного хвостъ короткій, а у другого длинный; каждое животное съ четырьмя лапами, о пяти пальцахъ, съ обыкновенными острыми когтями, переднія ноги и груди животныхъ похожи на человѣческія; головы круглой формы; вообще новорожденныя животныя похожи на котятъ». Дознаніе свое г. К—въ передалъ судебному слѣдователю 3-го участка Ставропольскаго уѣзда, при отношеніи отъ 24-го іюля, за № 1804, о чемъ, «съ прописаніемъ всего вышеозначеннаго», рапортомъ отъ того же 24 іюля, за № 1805, донесъ ставропольскому полицейскому управленію; новорожденныхъ же котятъ отдалъ на сохраненіе мѣстной сельской власти, впредь до прибытія слѣдователя. Послѣдній, получивъ дознаніе, передалъ его почему-то мировому судьѣ, судья—исправнику, а послѣдній все производство, вмѣстѣ съ заспиртованными котятами, представилъ самарскому губернатору.

Тутъ только и кончилось дѣло, произведенное, конечно, кошкою, которая воспользовалась отсутствіемъ взрослыхъ изъ избы и разрѣшилась на колѣняхъ у мальчика отъ бремени, послѣ чего скрылась. Недоставало только суда съ вещественными доказательствами, въ видѣ двухъ животныхъ съ хвостами (оба съ хвостами), очень похожихъ на котятъ, и тѣлесныхъ наказаній для мальчика. Сѣкла у насъ недавно полиція вмѣстѣ съ жандармами и мальчиковъ, и гдѣ еще сѣкла—въ Варшавѣ, въ городской ратушѣ. Высѣчено было 142 человѣка, изъ которыхъ старшимъ не было 14 лѣтъ («Страна»). Въ чемъ состояла виновность каждаго изъ нихъ неизвѣстно. Тутъ ужь объ индивидуальности, вознаградимости и тому подобныхъ тонкостяхъ наказанія, конечно, не могло быть и рѣчи. Если у насъ взрослому человѣку не трудно пострадать ни за что, ни про что, то мальчику тѣмъ и подавно. Симферопольское отдѣленіе окружного суда разсматривало, напримѣръ, недавно въ Ялтѣ дѣло объ аптекарѣ Левентонѣ, котораго прямо съ улицы арестовали и, не давая проститься съ семьей, подвергли одиночному заключенію. Всѣ думали, что подсудимый обвиняется Богъ вѣсть въ чемъ. Но «каково же было всеобщее удивленіе, когда обвинительный актъ упоминалъ только, что Левентонъ обвиняется въ такихъ преступленіяхъ, изъ которыхъ тягчайшимъ было то, что изъ его аптеки были отпущены генеральшѣ Щ. фіалковые цвѣты, показавшіеся этой генеральшѣ недостаточно пахнувшими» («Голосъ»). Въ особенности много жалобъ на полицію идетъ изъ Сибири, изъ этой классической страны полицейскаго произвола. Жалуют-

ся и изъ Енисейска, что полиція, безъ хозяевъ и понятыхъ, производитъ въ лавкахъ обыски, отбирая безъ всякихъ актовъ разные невинные медикаменты, въ родѣ зубныхъ капель, а иногда и свѣжую рыбу («Рус. Кур.» 75); жалуются и изъ Красноярска на поборы и хищеніе исправника Васильева («Совр. Изв.» № 76); жалуются и изъ Тобольска, гдѣ въ губернскомъ судѣ дѣло о растратѣ суммъ О—й городской полиціи производилось ровно 20 лѣтъ, пока всѣ виновные не померли, за исключеніемъ одного только приходорасходчика, не записавшаго, по забывчивости, куда-то 20 коп. и гдѣ теперь на ревизіи находится такое характерное дѣло: бывшій полицеймейстеръ В., вступившій въ эту должность прямо съ подмостокъ какого-то провинціальнаго театра, питалъ чувство ревности къ гимназисту Г. и чтобы отмстить ему подговорилъ проститутокъ показать, что онъ произносилъ въ домѣ терпимости оскорбительныя слова противъ священной особы Государя Императора. Г. былъ усаженъ въ тюремный замокъ («Рус. Вѣд.» № 71). Изъ Енисейской губ. пишутъ, что одинъ засѣдатель назвалъ свой участокъ С... Б... герцогствомъ, себя генералъ-губернаторомъ и хозяйничаетъ въ своемъ участкѣ, какъ настоящій баши-бузукъ. «Въ базарные дни онъ расхаживаетъ по базару въ красной рубахѣ, и горе тому, кто, не узнавъ его, не сниметъ шапки, тотъ избивается за это преступленіе до крови; горе тому изъ торговцевъ, кто явится на базаръ или въ лавку въ халатѣ, такъ какъ онъ этимъ нарушаетъ циркуляръ «барина», по которому всякій изъ торговцевъ долженъ носить нѣмецкое платье. Дѣлъ, разумѣется, онъ никакихъ не дѣлаетъ, и за три года накопилъ ихъ столько, что для окончанія ихъ пришлось командировать особаго чиновника. Обычное время препровожденіе «барина» — веселое времяпрепровожденіе и изысканіе средствъ для этого. Время проводится обыкновенно за картами или въ участкѣ, или въ Красноярскѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ. При недостаткѣ денегъ, при проигрышѣ, засѣдатель прибѣгаетъ къ волостнымъ шкатулкамъ, какъ къ собственному карману, а то требуетъ просто денегъ у обывателей, подъ угрозой переломать мебель» («Совр. Изв.» № 68). Источниками его доходовъ служатъ: сборы съ волостныхъ писарей, ежемѣсячно по 50 р., которые, конечно, перекладываются на обывателей, увеличеніе натуральныхъ повинностей, налогъ на промысловыхъ рабочихъ и бѣглыхъ и т. д. Порядки эти заведены, впрочемъ, въ Сибири очень давно. Въ отношеніи поднадзорныхъ сибирскіе порядки, какъ понятно, имѣютъ особенно близкое отношеніе. Въ то время какъ сосланные за крупное мошенничество (Богдановы, Беклемишевы, Юханцевы, Гулакъ-Артемовскія, Блювштейнъ и т. д.) выхлопатываютъ себѣ разрѣшеніе остаться въ большихъ городахъ и устраиваются превосходно, этимъ послѣднимъ приходится испивать горькую чашу сибирскихъ порядковъ до дна. Но если не хороши полицейскіе порядки въ дальней Сибири, то не можетъ ими похвалиться и

близкая къ намъ Москва. Московскія газеты почти каждый день приносятъ какія-нибудь открывающіеся безобразія, искорененіемъ которыхъ, повидимому, такъ озабоченъ теперь новый московскій оберъ - полицеймейстеръ. Городовые на Рождественкѣ ругаютъ скверными словами и бьютъ прохожихъ («Рус. Вѣд.» № 16). «Нѣкоторые служащіе», какъ говорится въ приказѣ по полиціи, занимаются *лично* и *черезъ подчиненныхъ* вымогательствомъ («Р. Кур.» № 88); въ Мясницкой части оставляется всякая сдача отъ денегъ, уплачиваемыхъ за гербовый сборъ, за прописку паспортовъ, отсрочки, т. п. («Рус. Вѣд.» № 99); въ другихъ частяхъ продаютъ по увеличенной цѣнѣ гербовыя марки, такъ что г. оберъ-полицеймейстеръ, счелъ за лучшее совсѣмъ воспретить продажу гербовыхъ марокъ въ участковыхъ управленіяхъ («Русскій Курьеръ», № 99); близь Петровско-Разумовскаго оказался введеннымъ особый налогъ на гусей («Рус. Вѣд.», № 91), и т. д. Дѣла оказываются почти вездѣ запущенными, дѣлопроизводство въ крайнемъ безпорядкѣ, предписанія начальства невыполненными, и т. д.

Если все это можетъ происходить въ Москвѣ, то пускай читатель самъ себѣ представитъ, что можетъ происходить въ провинціи, гдѣ у низшей полиціи еще болѣе развязаны руки. Неужели недовольство почти всѣхъ нашихъ земствъ и многочисленныя ходатайства объ упраздненіи института урядниковъ ни на чемъ не основаны? Въ Поневѣжѣ урядникъ, ни съ того ни съ сего, стрѣляетъ ночью на улицѣ и рубитъ шашкой солдатъ уральскаго полка («Голосъ»); въ Ахтырскомъ уѣздѣ урядники собираютъ поборы съ кабаковъ, опредѣляя глазомѣромъ неустановленную крѣпость водки («Одес. Вѣст.»); въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, урядникъ обвиняется ни много ни мало, какъ—въ лихоимствѣ, вымогательствѣ, произвольномъ лишеніи людей свободы и въ нанесеніи разнымъ лицамъ тяжкихъ увѣчій, причемъ одинъ сотскій былъ избитъ имъ за то, что не напоилъ его лошади, до того, что лишился слуха («Рус. Вѣд.». 71, 1882). Въ самарскомъ окружномъ судѣ урядникъ Шардинъ обвинялся въ укрывательствѣ воровства со взломомъ и конокрадства, а также въ нанесеніи побоевъ крестьянамъ («Рус. Кур.», 27-го февраля). Когда обсуждалось хадатайство тверского земства объ уничтоженіи урядниковъ, на которыхъ въ одной только Тверской губерніи расходуется 50,000 рублей, то гласными было заявлено со всѣхъ сторонъ такое множество фактовъ урядническихъ безчинствъ, что нельзя было не согласиться съ тѣми изъ гласныхъ, которые находили, что гораздо было бы лучше, еслибы на расходуемые 50,000 рублей было устроено 50 «александровскихъ» школъ. Не понимая строительнаго устава, говорили гласные, урядники требуютъ иногда переноса риги или избы въ другое мѣсто; на праздникахъ, свадьбахъ и посидѣлкахъ они вламываются среди пирующихъ, стѣсняютъ и зачастую даже разгоняютъ ихъ;

сами надѣлавъ безпорядковъ, составляютъ акты и препровождаютъ ихъ къ мировымъ судьямъ; вмѣшиваются въ дѣла школы и семьи, производятъ поборы; воровство же, грабежи и конокрадство не уменьшаются («Новости»). Объ урядническихъ безчинствахъ говорили у насъ не одни земства, а и нѣкоторые губернаторы, какъ напримѣръ, ковенскій («Новое Время»), мировые судьи, которымъ урядники иногда такъ же грозятъ «дознаніемъ», какъ это было, напримѣръ, въ м. Бѣлоцерковкѣ, Полтавской губ. («Рус. Кур.», № 89), и исправники, которые часто съ урядниками ничего не могутъ подѣлать.

Не отстаютъ отъ своихъ сельскихъ собратьевъ и городскіе полицейскіе: въ Вологдѣ, напримѣръ, недавно городовой ограбилъ барыню («Р. Вѣд.», № 113); въ Умани городовые также занимаются грабежомъ («Р. В.», № 43); въ Моршанскѣ также («Р. Вѣд.», № 93); въ Винницѣ 8 полицейскихъ пришли къ еврею Спивану и потребовали паспорты; затѣмъ, повели его сына въ участокъ (хотя у него паспортъ былъ въ полной исправности) и стали на дорогѣ требовать выкупъ, а когда таковаго у него не оказалось, то вернулись съ нимъ домой, выбили окна въ домѣ и избили хозяевъ до крови («Русскій Курьеръ», № 14). Все это маленькія комедіи, а больше маленькія глухія драмы, которыя непремѣнно, какъ снѣгъ зимою и дождикъ осенью, будутъ выпадать на долю поднадзорныхъ, о которыхъ прежде всего слѣдуетъ помнить, что они только подозрѣваются полиціей въ присутствіи у нихъ злой воли и намѣреній, которыхъ может быть и не имѣютъ. Кадниковскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», вспоминая недавнее время владычества въ Кадниковѣ исправника Иванова, говоритъ: «не проходило, кажется, ни одного дня, когда бы ссыльныхъ не оскорбляли, не задѣвали, не затрогивали ихъ самолюбія, не попирали ихъ человѣческаго достоинства. У одного обыскъ; другого тянутъ къ допросу; третьему грозятъ тюремнымъ заключеніемъ за то, что онъ не снялъ шапки передъ полицейскимъ надзирателемъ; четвертому—тоже тюремнымъ заключеніемъ и высылкой въ Якутскую область за то, что осмѣлился на улицѣ разговаривать съ играющими дѣтьми; пятаго тащатъ за шиворотъ въ полицейское управленіе за то, что шелъ по улицѣ въ 9 часовъ вечера, и т. д., и т. д.».

Литературѣ нашей за послѣднее время очень часто приходится слышать отъ общества упрекъ въ томъ, что она повторяется, не даетъ ничего капитальнаго—ни романовъ, ни драмъ, ни повѣстей, а довольствуется какими-то отрывками и мелочами. Упрекъ этотъ столько же справедливъ, въ фактическомъ отношеніи, сколько и неоснователенъ: лучшая наша литература съ болѣе чѣмъ нужною ясностью разъяснила наиболѣе насущные во-

просы жизни, которымъ недостаетъ только практическаго разрѣшенія, и въ этомъ заключается все дѣло. Она не можетъ оставить эти вопросы и идти впередъ, удаляясь отъ дѣйствительности. Она не можетъ думать объ услажденіи себя и публики пріятными развлеченіями, когда нѣтъ хлѣба. Поэтому-то она и повторяется, и впредь будетъ повторяться, пока не будетъ сдѣлано въ жизни того, о чемъ она говоритъ. Для романа и драмы также нужны не урядники, а люди живые, которыхъ касаться одни не умѣютъ, а другіе не могутъ. Отдаться же на волю фантазіи — однимъ рисковано, другимъ — некогда и невозможно. Да и кто, наконецъ, станетъ читать литературные вымыслы, когда въ жизни на каждомъ шагу можетъ видѣть живыя драмы, когда первымъ драматургомъ сталъ урядникъ, могущій произвести въ день сколько угодно драмъ.—До драматическихъ ли тутъ произведеній и романовъ!

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ (по 1882 г.) въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» накопилась масса рукописей, признанныхъ редакціею неудобными для напечатанія и до сихъ поръ не взятыхъ авторами обратно. Печатая здѣсь списокъ означенныхъ рукописей, редакція «Отечественныхъ Записокъ» проситъ гг. авторовъ обратиться за ними въ контору въ теченіи шести мѣсяцевъ; послѣ же этого срока неразобранныя рукописи будутъ уничтожены:

1869 года. Путевыя замѣтки.

1870 года. Нѣсколько словъ о клубныхъ вечерахъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ.

Изъ путевыхъ записокъ по Якутской области.

1871 года. Очерки Бѣлоруссіи.

1873 года. Письма изъ кругосвѣтнаго плаванія.

1874 года. Рабочее движеніе въ Германіи.

Купеческая дочка, ком. въ 4 д.

1875 года. Изъ полы въ полу, комедія.

1876 года. По части стратегіи и фортификаціи (№ 1 [1]).

Изъ воспоминанія о бунтѣ поселянъ въ новгородскомъ военномъ поселеніи 1831 г. (3).

Богоявленская свѣча (9).

Нѣсколько словъ по поводу статьи М. Ѳ. Громницкаго (11).

Кое о чемъ (съ натуры) (12).

Хоть не любо да слушай (13).

Переписка университетскихъ товарищей (14).

Годуновы, траг. въ 5 д. (16).

Деревенскіе разсказы (17).

Картинки изъ жизни Сѣверо-Западнаго края (22).

Мои воспоминанія о передвиженіяхъ съ отрядами въ Средней Азіи (23).

Ученіе о цѣнности К. Маркса (25).

Обезпеченіе нашихъ хозяйствъ рабочими силами (26).

---

[1] Для скорѣйшаго отысканія рукописей въ конторѣ, гг. авторы соблаговолятъ предъявлять въ контору нумера, подъ которыми значатся ихъ рукописи.

Откуда происходитъ моя скука, разсказъ (28).
Сочиненія Бобынина, 7 тетрадей (30).
Единица, біографическій очеркъ (34).
Записки приходскаго учителя (35 a).
Заднѣпровскіе гайдамаки (35 b).
Святое Благовѣствованіе, духовная поэма (40).
Загубленная жизнь (42).
Обрубленныя крылья, ком. въ 4. (44).
Разсказы таежнаго охотника (46).
Обзоръ россійской литературы за 1874—75 гг. (48).
Леченіе тифа холодной водой (49).
Роль индивидуализма и ассоціаціи (50).
Нѣсколько словъ о методѣ рѣшенія главныхъ вопросовъ современности (51).
Инструкціи для руководства волостнымъ и сельскимъ обществамъ (58).
Изъ записокъ учителя (61).
Русская община и пролетаріатъ (65).
Вниманіе, какъ основа педагогики (68 a).
Путешествіе моего героя съ первымъ произведеніемъ (68 b).
Изъ провинціальной жизни, комедія (69).
Очерки Бѣлоруссіи, К. Р. (71).
Записки учителя, воспоминанія Ex.-Педагога (74).
Обзоръ движенія акцизнаго дохода (79).
Мой родной городъ и его обитатели (83).
Въ двухъ окраинахъ, этнограф. очеркъ (84).
X. 1000, повѣсть (85).
Исторія Сербіи и Черногоріи Рейнака (89).
Женитьба студента, др. въ 4 д. (93).
1877 года. Ну, комедія! ком. въ 3 д. (95).
Тепличныя растенія, повѣсть (99).
Двѣ героини, ром. въ 2 ч. (100).
Людскіе предразсудки, ком. въ 2 д. (101).
Власть родительская, драма въ 5 д. (102).
Неисправимый шагъ, разсказъ (105).
Шумскій, романъ (108).
По поводу лѣсовъ (112).
Второй съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ, замѣтка (117).
Корреспонденція, сцены провинціальной жизни (120).
Скоропостижные, повѣсть (121).
Разсказы про старое время, съ картинами крѣпостного права (122).
Послѣдняя элегія, разсказъ изъ жизни русскихъ въ Сербіи (127).
Городъ Рылопуховъ (128).
Сельцо Каменево, повѣсть (134).
Журналистика въ Соединенныхъ Штатахъ (137).
Новый судъ (138).

Статьи А. Я. (367).
Юридическіе младенцы (270).
Агрикультурная живопись древнихъ египтянъ (272).
Старый другъ, разсказъ моего спутника (273).
Дневникъ свѣтской дѣвушки (275).
Пески, повѣсть (278).
Изъ записокъ больного (294).
«Дама», ком. въ 3 д. (295).
Гимназія, ком. въ 5 д. (297).
1879 года. Поспѣшилъ да людей насмѣшилъ, комедія-водевиль (301).
Плутократы, ком. въ 4 д. (303).
Письмо къ Г. Иванову (304).
Путевыя замѣтки. К. Д-дъ (305).
Двѣ жертвы войны, поэма (308).
На взятіе Плевны, поэма (309).
Святотатство, разсказъ изъ малороссійской жизни (311).
На аренѣ общественной дѣятельности, картинки съ натуры (312).
Баронъ Тринкенъ, очеркъ (313).
Въ новомъ домѣ, очерки (315 а).
Изъ прошлаго, А. Г. (315 b).
Жизнь лишняго человѣка (316 а).
Долой Англію (316 b).
Между страждущими (320).
Размышленія объ отличіи мужскихъ и женскихъ типовъ въ высшемъ образованіи женщинъ (323).
О студентѣ П..., корреспонденція (324).
На побывкѣ, піэса въ 5 д. (325).
Отчего не утвердилась на Руси аристократія (329).
За послѣднее время, повѣсть (330).
Одинъ день владычества, др. въ 5 д. (335).
Евгеній Свѣтловъ, романъ въ стихахъ (341).
Многоводскіе обѣды и рѣчи (342).
Шагъ впередъ и два назадъ, ком. въ 3 д. (343).
Журнально-политическая дѣятельность Крылова (348).
Наши взгляды на общее дѣло (349).
Община, какъ основа государственнаго строя (350).
Разрушитель, картины прошлаго (351).
Не боги горшки обжигаютъ, пословица въ лицахъ (352).
Плательщики подоходнаго налога (353).
О мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія (356).
Сочиненія Н. Д. Ив. (362).
Горемычные, очеркъ съ натуры (364).
Этнографическій очеркъ южнаго прибережья Ильменя (366).
Подвохи міроѣда (369).
Денежный вопросъ (370).
Бѣглецъ (272 а).

Очерки военнаго быта (372 b).
Камень преткновенія, очерки семинарской жизни (376).
Современныя грезы на яву и во снѣ (378).
Тифлисъ, его обыватели и пр. (382).
Эскизъ (384).
Актриса, др. въ 4 д. (386).
Страничка изъ жизни духовной школы (388).
Бабушкины хлопоты, Болеслава Пруса, переводъ съ польскаго (391).
Картинки съ натуры (393).
Къ чему ей оправданіе? разсказъ (395).
Судебно-мировой институтъ и его задачи (597).
Къ исторіи земской медицины (399).
Трупъ (400).
Туманъ (автобіографія) (402).
За здравіе началъ, а свелъ за упокой, др. въ 3 д. (404).
1880 года. Очеркъ изъ сельско-фабричной жизни (406).
Эгоизмъ и альтруизмъ (407).
Священникъ, разсказъ (409).
Изъ поисковъ за работой (414).
Матеріалы о семейномъ бытѣ (418).
Очеркъ современнаго положенія труда и его послѣдствій (419).
Изъ міра скорбей и печалей (422).
Жертва не по силамъ, др. въ 3 д. (423).
Банкротъ, А. Ш. (425).
Лѣто въ батракахъ (430).
А вѣдь можно быть иначе, др. въ 5 д. (432).
Къ вопросу о незаконнорожденныхъ (435).
Изъ записной книжки земскаго дѣятеля (439).
О вечерницахъ (441).
Главы изъ романа (443).
За границей (445).
Урядъ духовенства, поэма въ 2 ч. (446).
Старая пѣсня на новый мотивъ, ком. въ 3 д. (448).
Базарный день (450).
Къ вопросу, нужно ли побольше врачей (455).
За предѣлами исторіи (456).
Осорье (460).
Къ слову о духовномъ образованіи (466).
Соляной налогъ съ финансовой точки зрѣнія (467).
Легенды Крыма (468).
Деревенскія картинки (469).
Антошка, этюдъ съ натуры (470).
Народное значеніе Пушкина (471).
Затишье, очеркъ семинарскаго быта (472).
Картинки и думы, разсказъ (473).
Объ отхожихъ промыслахъ крестьянъ Вятской губерніи (477).
По поводу введенія у насъ страхованія скота отъ чумы (484).

Два мужа (486).
Не суйся въ сусло, драм. сцены въ 3 д. (490).
Сочиненія Л—нова (491).
Арендаторъ, сцены съ натуры (492).
Устарѣлые, N. (493).
Пять очерковъ Б—цева (494).
О самоубійствахъ въ Одессѣ (496).
Волостной хищникъ (502 а).
Заштатный и Настасья (502 b).
Подъ мракомъ ночи, фантазія (508).
Сергѣй Плетенниковъ, др. въ 4 д. (513).
Дарья Ивановна, Б. (514).
Больше некуда, разсказъ (516).
Наброски по свѣжимъ матеріаламъ мирнаго обывателя (575).
«Въ другой средѣ», повѣсть (583).
Кому на Руси жить хорошо (585).
Мало извѣстный бытъ и три знакомыхъ (594).
Полтора мѣсяца отдыха, Z*** (597).
Пустяшное дѣло (598).
Тяжелыя минуты (600).
Небылицы въ лицахъ (603).
1881 года. Кто лучше? (609).
Одинъ изъ многихъ, романъ (610).
Въ защиту управляющихъ (611).
Колесница счастья, сказка (613).
Опекуны и опекаемые, очеркъ (616).
Юридическія мелодіи (620).
Рукопись и эскизы (625).
Очерки сибирскихъ нравовъ (627).
У каждаго свои интересы (630).
Дѣти времени, наброски (631).
Гдѣ, что и какъ дѣлается (632).
Злоба дня, др. въ 3 д. (634).
Цвѣтко-доброволецъ, разсказъ (675).
Вороньё (типы) (636).
На вольной каторгѣ (637).
Легко нажито, легко и прожито (640).
Пиратъ Гаральдъ, др. въ 7 д. (642).
На новыхъ правахъ, бытовой очеркъ (644).
Наша земледѣльческая обстановка (653).
Бурлаки (былое) (657).
Тихій Донъ (661).
Его помощница, американскій романъ (663).
Юбилей (664).
Странные курьеры, юморист. очерки Яна Ляха, пер. съ польскаго (665).
Положеніе учителей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (666).
Наши общественныя дѣла (667).

Грустная исторія, быль (669).
Исходъ, повѣсть (671).
Неудача (672).
Наше захолустье (675).
Русскіе студенты въ нѣмецкой кутузкѣ (676).
Не по долгу расплата, др. въ 7 карт. (681).
Мое литературное прошедшее (682).
Изъ жизни на селѣ (684).
Администраторъ (685).
Люди нашего времени (688).
Не въ деньгахъ счастье, ком. въ 5 д. (689).
Богъ наказалъ, С. Андреева (694).
Монастырская жизнь, отрывки изъ дневника (698).
Еще къ вопросу о медицинѣ (699).
Во время имперіи, романъ (702).
Романъ у господина исправника (705).
Милліонъ, современная быль (715).
Виноватъ ли онъ? очеркъ (723).
Изъ баръ, очеркъ (724).
Нѣсколько словъ о пріемной инспектора народныхъ училищъ (727).
Деревенскіе очерки (730).
Въ рядахъ (сатира) (732).
Рабочіе города X... (734).
Задачи государства (735).
Графъ Иванъ Безобразовъ, романъ (742).
Семейство купца Вережкина, ком. въ 5 д. (745).
Въ домѣ судебнаго пристава, комедія (746).
Минута жизни, др. въ 5 д. (747).
Искупленіе, др. въ 3 д. (750).
Искорки, романъ (751).
На закатѣ дней (752).
Въ чемъ искать средствъ отъ болѣзней по деревнямъ (753).
Задачи правительства (754).

ЛѢСЪ.

(РАЗСКАЗЪ).

А тамъ, по берегу рѣки,
Гдѣ цвѣлъ тогда шиповникъ алый,
Одни простые рыбаки
Ходили въ лодкѣ обветшалой,
И пѣли пѣсни—и темно
Осталось для людей закрыто,
Что было тамъ говорено,
И сколько было позабыто.

Огаревъ.

I.

Песчанскіе лѣса, покрывавшіе собою тысячъ пять, шесть десятинъ земли и сливавшіеся затѣмъ съ удѣльными и казенными, считаются въ нашей мѣстности самыми привольными мѣстами для ружейной охоты. Въ старину въ лѣсахъ этихъ укрывались, говорятъ, разбойничьи шайки Бакуты и Зеленцова, водились медвѣди, но теперь, когда исправники и становые перестали взяточничать, а штуцера усовершенствованы до nec plus ultra, о разбойникахъ и медвѣдяхъ остались только одни страшные разсказы. По самой срединѣ лѣса протекала довольно большая рѣка Песчанка, весьма глубокая, водная и рыбная. Въ ней водились: судаки, задумчивые сазаны, лещи, окуни, щуки и даже «бирючки», такъ рѣдко встрѣчающіеся въ другихъ рѣкахъ. Рѣка эта, во время весеннихъ разливовъ, потопляла большое пространство лѣса, образуя множество болотъ, озеръ и ериковъ, по-

росшихъ густымъ лознякомъ. Эти-то болота и были удобнѣйшими притонами всевозможной дичи. Весною и осенью лѣсъ наполнялся вальдшнепами, а лѣтомъ: утками, гусями. Стоило только подойти къ болоту, гаркнуть хорошенько, и утки цѣлыми стаями поднимались изъ камышей и крикомъ оглашали лѣсъ. Здѣсь же выводились тетерева, куропатки, а изъ звѣрей: лисы и волки... про зайцевъ я ужь и не говорю! Поэтому, не было въ году такого времени, когда бы охотникъ въ лѣсахъ этихъ не нашелъ себѣ добычи. Тутъ весной пѣлъ соловей, свистѣла иволга, замирала малиновка, куковала кукушка. Тутъ зрѣла малина, самородина, ежевика и здѣсь же, въ зелено-изумрудной лѣсной травѣ таились грибы всевозможныхъ породъ. Тутъ царила вѣчная прохлада, вѣчная тишина... Зайдешь, бывало, въ этотъ лѣсъ, оглянешься, да такъ и вскрикнешь: ахъ, благодать!

Любилъ я этотъ лѣсъ, во-первыхъ, потому, что настрѣляешься и намаешься какъ нельзя лучше, а во-вторыхъ, и потому, что въ немъ проживалъ рыбакъ Дронычъ, у котораго можно было отдохнуть отъ устали.

Чудное онъ выбралъ себѣ мѣстечко.

Представьте себѣ небольшую площадку на самомъ берегу рѣки, окруженную съ трехъ сторонъ сплошною стѣною лѣса; маленькую избушку изъ дикаго камня, тщательно выбѣленную мѣломъ, опрятную, чистенькую; два, три развѣсистыхъ могучихъ вяза, словно нарочно, для красоты посаженныхъ среди площадки; растянутые по кольямъ невода и сѣти; выкопанныя въ берегу ступеньки къ рѣкѣ; выжженное, вѣчно покрытое пепломъ и углями, круглое мѣстечко, на которомъ Дронычъ варилъ себѣ въ котелкѣ обѣдъ, и вы составите себѣ нѣкоторое понятіе объ этомъ уголкѣ. Гдѣ-то, на какой-то выставкѣ, мнѣ случилось встрѣтить ландшафтъ въ этомъ родѣ. Картинка была небольшая, масляная, висѣла она скромнехонько, не на видномъ мѣстѣ (всѣ видныя мѣста занимались большими картинами), а гдѣ-то въ уголочкѣ... Но передъ картинкой этой стояли всегда толпы зрителей и каждый, смотря на нее, словно просвѣтлялся и добрѣлъ. Засмотрѣлся и я на нее. Точь въ точь Дронычева полянка! Тотъ же дубовый лѣсъ, тѣ же два-три куста клена на опушкѣ, красные, съ лапчатыми листьями, словно кровью обагренные; тѣ же кудрявые вязы на площадкѣ, та же бѣлая избушка, крытая соломой. Недоставало только рѣки, крутого берега, да растянутыхъ сѣтей съ неводами. Лучъ солнца, мягкій, теплый, освѣщалъ эту картинку какимъ-то зеленоватымъ свѣтомъ, и теплота освѣщенія такъ сообщалась зрителю, что ему самому становилось тепло, словно и его тоже припекало... Даже пахло какъ-то лѣсомъ.

Дронычъ былъ старикъ лѣтъ восьмидесяти, высокій, костлявый, съ длинной, пожелтѣвшей отъ старости бородой, густыми сѣдыми волосами, которымъ позавидовалъ бы любой протодьяконъ, и орлинымъ носомъ. Ни дать, ни взять Сатурнъ, какимъ изображаютъ его на картинахъ. Жилъ Дронычъ въ лѣсу одинъ одинешенекъ (если не считать шустрой и вертлявой собаченки Жучки, ужасно боявшейся зайцевъ), снималъ въ аренду рыбныя ловли по рѣкѣ Песчанкѣ, имѣлъ небольшой пчельникъ, тутъ же не подалеку отъ избушки; а зимой нанимался въ полѣсовые и сторожилъ часть окружавшаго его лѣса. Дронычъ самъ себѣ стряпалъ, самъ воздѣлывалъ свой крохотный огородецъ, притаившійся возлѣ самой воды, подъ кручей (капуста у него всегда была—заглядѣнье: бѣлая, большущая, съ туго-завитыми вилка̀ми); самъ ухаживалъ за своимъ пчельникомъ, самъ вязалъ сѣти, и къ посторонней помощи прибѣгалъ только тогда, когда не было уже никакой возможности одному справиться съ дѣломъ. Жилъ онъ пустынникомъ и только раза два, три въ недѣлю прибѣгала къ нему изъ села Песчанки внучка Груня, то съ какимъ-нибудь скромнымъ гостинцемъ, а то и съ пустыми руками, но за то съ богатымъ запасомъ добрыхъ, ласковыхъ словъ и веселыхъ пѣсенъ.

Съ Дронычемъ я былъ въ большой дружбѣ и какъ только пріѣзжалъ въ деревню, такъ немедленно же отправлялся къ нему.

— А! закричитъ онъ бывало при видѣ меня:—пріѣхалъ!

— Пріѣхалъ.

— Давно-ли?

— Тогда-то.

— Что-жь, долго не приходилъ?

— Недосугъ было.

— Въ городѣ-то душно, поди?

— Есть тотъ грѣхъ.

— А здѣсь-то, начиналъ восхищаться Дронычъ. — Здѣсь-то благодать какая... рай земной! Воздухъ легкій, цвѣточки распустились, пташки поютъ... Чу! соловей заливается! Житье, братецъ, здѣсь! Бросай-ка городъ, да уходи въ лѣсъ! Только въ лѣсу никто не обидитъ—завсегда здѣсь хорошо! И лѣтомъ и зимой! Лѣтомъ: цвѣты, зелень, птички, а зимой снѣгъ... Занесетъ лѣсъ, избушку; снѣгъ бѣлый, пушистый, намететъ его цѣлыя горы, гребешки-то, словно, дымятся. Вездѣ снѣгъ; не проѣдетъ, не пройдетъ никто... только заяцъ одинъ слѣды печатаетъ. Больную душу хорошо въ лѣсу лечить...

Къ этому-то Дронычу отправился я прошлымъ лѣтомъ.

*

II.

Былъ теплый, душистый майскій день. Солнце грѣло, но не пекло; одинъ изъ тѣхъ дней, когда вами овладѣваетъ какая-то опьяняющая истома и когда васъ такъ и тянетъ на воздухъ. Пахло сыростью и грибами. Въ тепломъ воздухѣ носились пчелы; желтыя, канареечнаго цвѣта бабочки пархали съ цвѣтка на цвѣтокъ; въ травѣ стрекотали кузнечики. Я шелъ по лѣсной дорожкѣ, снявъ съ себя шляпу и даже пиджакъ: благодушествовать хотѣлось. Сталъ я подходить къ полянкѣ и чѣмъ-то роднымъ повѣяло на меня. Вотъ и избушка бѣлая, какъ снѣгъ. Вся облитая солнцемъ, какъ на той картинкѣ, о которой я говорилъ, она, казалось мнѣ, еще болѣе и еще рѣзче отдѣлялась отъ темнаго фона дубоваго лѣса. Стекла крохотныхъ оконцевъ горѣли дрожащимъ огнемъ; даже больно смотрѣть было на нихъ. Отъ вязовъ ложилась на площадку кудрявая тѣнь; рѣка, словно зеркало, отражала прибрежныя деревья. Я миновалъ площадку и, не встрѣчая никого, вошелъ въ избу, но и тамъ не было Дроныча. «Куда же это онъ пропалъ»? подумалъ я и, снова выйдя на площадку, направился было къ рѣкѣ, какъ вдругъ чей-то хриплый голосъ остановилъ меня.

— Вамъ кого надо? послышалось откуда-то.

Я оглянулъ площадку, обвелъ глазами опушку лѣса, но, не встрѣтя никого, пришелъ въ недоумѣніе. «Кто же это спрашивалъ меня?» Раздался хриплый хохотъ, а вслѣдъ за хохотомъ тотъ же голосъ заговорилъ гдѣ-то:

— Что̀, удивительно? кто-то, гдѣ-то говоритъ, а кто именно, и, главное, гдѣ—неизвѣстно! Ха, ха, ха!

Я поднялъ голову и мнѣ представилась престранная картина: на толстомъ сучкѣ одного изъ тѣхъ вязовъ, которые росли на площадкѣ, сидѣлъ какой-то кругленькій, толстенькій господинъ въ чиновничьемъ форменномъ сюртукѣ со свѣтлыми пуговицами, въ парусинныхъ коротенькихъ панталонахъ и въ фуражкѣ съ кокардой. Въ одной рукѣ господинъ этотъ держалъ полштофъ съ водкой, а въ другой—стаканчикъ.

— Что̀ вы тамъ дѣлаете? спросилъ я.

— Водку пью... хотите?

— Нѣтъ, не хочу.

— Напрасно! А вотъ я такъ выпью...

И, выпивъ водки, онъ продолжалъ:

— Отъ преслѣдованій господина урядника укрываюсь; поэтому, и залегъ на дерево!..

— Зачѣмъ же васъ урядникъ преслѣдуетъ?

— По приказанію господина станового, у котораго я письмоводителемъ состою. Приказано связать меня по рукамъ и ногамъ и немедленно къ мѣсту служенія доставить.

— Почему же вы сами не идете?

— Не могу, потому что запилъ.

— Странный способъ укрываться!

— Ничего нѣтъ страннаго, ибо, когда я былъ на землѣ и укрывался въ хижинѣ рыбака, то чуть-было не попалъ въ лапы урядника. Спасибо, что не догадался заглянуть подъ печку, куда я только-что успѣлъ шмыгнуть.

— А Дронычъ знаетъ, что вы здѣсь?

— Нѣтъ, не знаетъ. Но это все равно. Это единственный человѣкъ, не отказывающій мнѣ въ убѣжищѣ. Какъ только *это* время подходитъ, такъ я немедленно къ нему...

— Всегда?

— Всегда, потому въ селѣ невозможно. Мѣшаютъ и насмѣшекъ много!

— А вы гдѣ живете?

— Въ селѣ Песчанкѣ, въ становой квартирѣ. Село большое, въ родѣ города-съ. Дворянства, купечества много, такъ смѣются очень. А подлецы лавочники даже до оскорбленій доходятъ. Однажды, въ прошломъ году, сонному все лицо мнѣ фуксиномъ вымазали. Тоже самое и мальчишки. Идешь по улицѣ, а они за тобой табуномъ цѣлымъ; кто грязью, кто камнемъ... Конечно, когда я трезвый, такъ ко мнѣ всѣ съ решпектомъ, ну, а когда эта самая статья подойдетъ, тогда невозможно жить... Вотъ по этой-то самой причинѣ я и уединяюсь въ лѣсъ...

— Однако, и здѣсь вамъ не даютъ покоя?

— Да вѣдь это господинъ становой одинъ, и то на первыхъ порахъ только, а пройдетъ дня два, три, убѣдится, что всѣ усилія тщетны, и махнетъ рукой. Только вотъ въ первоначальные дни остерегаться надо, а дальше пойдетъ свободно, какъ заведенная машина. Тогда ужъ и прятаться излишне...

— И все это время вы здѣсь пробудете?

— Всенепремѣнно-съ, потому здѣсь тишина! Извольте взглянуть: спокойно, тихо-съ. Вѣдь сюда никто не заходитъ, только Груня одна. Вы изволите знать Груню, внучку Дроныча?

— Знаю.

— Не отъ міра сего...

— Почему?

— Доброта. Душу ангельскую имѣетъ и сверхъ того красоты неописанной.

И вдругъ перемѣнивъ тонъ, добавилъ:

— Однако, позвольте представиться: письмоводитель станового, коллежскій ассесоръ Авдій Ивановъ Бобковъ. Называютъ тоже Авдотьей Ивановной. Не прикажете ли стаканчикъ для перваго знакомства?

— Нѣтъ, не хочу.

— А то вонзимте!

— Нѣтъ, не стану.

— Ну, такъ я одинъ.

И г. Бобковъ, выпивъ водки снова, хотѣлъ было вступить со мною въ бесѣду, но вдругъ испуганно засуетился, торопливо замахалъ руками, сталъ къ чему-то прислушиваться, насторожилъ уши и, шепнувъ мнѣ: «тише! идутъ!» задрапировался съ ногъ до головы зелеными вѣтками и пропалъ! Такъ въ балетахъ исчезаютъ волшебныя феи, вдругъ превращаясь въ кустъ розана. Я сталъ прислушиваться и, дѣйствительно, вскорѣ до слуха моего долетѣлъ какой-то разговоръ въ лѣсу, хлопанье лошадиной подковы, а немного погодя, на полянку вылетѣла Жучка, а слѣдомъ за нею показались Дронычъ и урядникъ. Дронычъ шелъ пѣшкомъ съ цѣлой вязанкой удочекъ на плечѣ, а урядникъ слѣдовалъ за нимъ верхомъ на кругленькой рыженькой лошадкѣ, замѣтно уставшей.

III.

— А! живая душа на костыляхъ! сбалагурилъ Дронычъ, увидавъ меня:—здоровъ ли?

— Здоровъ. Ты какъ поживаешь?

— Что намъ дѣлается!

— А внучка здорова?

— Какъ цвѣтокъ распускается; не узнаешь пожалуй! Такая-то красавица стала, что заглядишься. А я, братецъ, для твоего прихода какихъ окуньковъ важныхъ наловилъ! Хочешь, ушицей угощу?

— Съ удовольствіемъ.

— Ты давно что ли здѣсь?

— Нѣтъ, только-что пришелъ.

Урядникъ тѣмъ временемъ привязалъ къ дереву лошадь и пошелъ по направленію къ избѣ.

— Да говорятъ тебѣ, что нѣтъ его здѣсь, крикнулъ Дронычъ вслѣдъ ему:—экой ты, братецъ, невѣрующій! Былъ, да ушелъ! Говорятъ тебѣ, съ утра ушелъ.

— Будешь невѣрующимъ, проворчалъ тотъ:—коли велѣно изъ земли выкопать, да представить. Я и такъ лошадь замучалъ. Третьи сутки только и дѣла, что его розыскиваю. И самъ замотался и лошадь загонялъ!

Проговоривъ это, онъ скрылся въ избѣ.

— А вѣдь онъ здѣсь! шепнулъ я Дронычу.

— Ну? видѣлъ нѣшто?

— Сейчасъ разговаривалъ.

— Какъ такъ! Да вѣдь онъ при мнѣ еще ушелъ.

— А теперь опять здѣсь. Вонъ, на томъ деревѣ сидитъ.

— Вернулся стало быть! Ахъ, головушка горькая! Что же мнѣ дѣлать-то съ нимъ?

— Ужъ ты не выдавай его...

— Боюсь, какъ бы съ нимъ бѣды не хватить какой.

Показался урядникъ.

— Ну, что, пріятель, нашелъ? крикнулъ Дронычъ.

— Найдешь его, дьявола! ворчалъ урядникъ, отвязывая лошадь:—хоть бы сдохъ что ли поскорѣе, проклятый...

И, вскочивъ на лошадь, прибавилъ:

— Теперь поѣду по кабакамъ разыскивать. Ну, попадись онъ мнѣ только, не посмотрю, что чиновникъ! такую-то выволочку задамъ, что долго не забудетъ! Чортъ, право, чортъ!

И, ткнувъ лошадь подъ бока, урядникъ крупной рысью помчался по лѣсной дорожкѣ. Долго раздавался топотъ, наконецъ, мало по малу затихъ, а взамѣнъ его снова захрипѣлъ голосъ Авдотьи Ивановны.

— Ура! спасенъ!

Дронычъ подскочилъ къ дереву.

— Ты что̀-жь это со мной дѣлаешь! горячился онъ, запрокинувъ голову и смотря на Бобкова:—хочешь, чтобы я изъ-за тебя подъ отвѣтъ попалъ! Слѣзай сейчасъ же и чтобы духу твоего здѣсь не пахло! Слышишь ты... безстыжіе твои глаза!

— Дронычъ! Прокопій Дронычъ! взывалъ между тѣмъ Бобковъ, все еще продолжая сидѣть на деревѣ:—куда же я пойду? куда?

— Куда хочешь, туда и иди!..

— Дронычъ! Прокопій Дронычъ! Вспомни! Ты самъ бѣжалъ отъ людей! Ты знаешь ихъ... Каково же мнѣ-то, въ такія минуты, къ людямъ идти! Голову проломятъ, насмѣшками всю душу истерзаютъ... Сжалься!

— Я утромъ еще приказывалъ, чтобы тебя здѣсь не было. Ты обѣщалъ, при мнѣ ушелъ даже, а теперь опять явился... Куда же ты ходилъ, песъ ты этакій? Ну, сказывай, за водкой что ли? Тàкъ и есть, ужь я по глазамъ вижу... Сказывай, куда запряталъ водку?

— Дронычъ, Прокопій Дронычъ! не терзай ты мою душу!

— Говори, гдѣ водка?..

— Дронычъ! Уста мои нѣмѣютъ...

— Такъ и есть! такъ и есть, горячился Дронычъ, отчаянно размахивая руками: — я думалъ, что онъ домой ушелъ, а онъ, подлецъ, только за водкой сбѣгалъ...

— Домой, говоришь ты! кричалъ между тѣмъ Бобковъ: — домой—ни за чтò!

Нѣтъ, я скорѣе откажусь отъ крова,
Пойду встрѣчать ночную непогоду
И спать въ лѣсу между совой и волкомъ...

А ужь домой—ни за чтò!

И затѣмъ, спустившись съ дерева и ставъ передъ Дронычемъ на колѣна, Бобковъ прибавилъ.

Я старъ, я безполезенъ, на колѣнахъ
Тебя прошу я, сжалься надо мною,
Корми меня, дай мнѣ постель и платье...

Вся эта сцена кончилась тѣмъ, что Дронычъ не выдержалъ, обругалъ Бобкова и, махнувъ рукой, отправился прилаживать котелокъ для предстоящей ухи. И, дѣйствительно, нельзя было не расхохотаться, глядя на Авдѣя Иваныча. Пьяный, въ форменный фуражкѣ на затылкѣ, съ кругленькимъ отвислымъ брюшкомъ, съ разстегнутымъ форменнымъ сюртукомъ, съ галстукомъ, съѣхавшимъ на сторону, съ полштофомъ въ одной рукѣ и стаканчикомъ въ другой, онъ представлялъ изъ себя нѣчто весьма комичное. Лицо у него было опухшее, красное, носъ толстый, сизый и луковицей, зеленоватые рачьи глаза, которыми онъ двигалъ изъ стороны въ сторону. Изъ подъ фуражки выглядывали сѣдые височки и соединялись на щекахъ съ такими же сѣдыми узенькими бакенбардами, въ видѣ скобки, какими щеголяли въ старину такъ называемые подъячіе. Замѣтивъ, что гнѣвъ Дроныча остылъ, Авдѣй Иванычъ успокоился и даже принялся собирать сухія вѣтки и подкладывать ихъ подъ котелъ. Видно было по всему, что пребываніе свое въ лѣсу онъ считалъ уже обезпеченнымъ.

— А знаешь ли ты, проговорилъ онъ вдругъ, обратясь къ Дронычу: — кто меня на эту линію навелъ? По чьей милости я духомъ воспріялъ?...

— Взятку съ кого-нибудь содралъ, вотъ и запилъ! проворчалъ Дронычъ.

— Нѣтъ, не отгадалъ.

— Ну, такъ лавочникъ какой-нибудь напоилъ насмѣхъ!

— Нѣтъ, не лавочникъ, а баринъ, да какой еще баринъ-то... изъ Питера!..

— Ну? спросилъ Дронычъ.

— Вѣрно говорю...

— Ужь не барыкинскій ли?

— Онъ самый. Пріѣхалъ я, братецъ, къ нему повинности государственные взыскивать, а онъ меня замѣсто того подъ ручку, да въ кабинетъ: — «Пожалуйте, говоритъ, прошу покорно садиться, чѣмъ просить прикажете?» А я словно чувствовалъ... «Ничѣмъ, говорю, ничего не хочу!» Не тутъ-то было! Подали водки, баринъ все пристаетъ. «Вы, говоритъ, меня обижаете... Я здѣсь, говоритъ, человѣкъ новый, только что пріѣхалъ, ищу поддержки, а вы не хотите водки выпить!» Совѣстно мнѣ стало: выпилъ я рюмку и за шапку, потому чувствую, чувствую, братецъ ты мой, что часъ мой подходитъ. А баринъ-то, какъ только увидалъ, что я за шапку, такъ эту шапку у меня выхватилъ и спряталъ.—«Нѣтъ, говоритъ, я васъ не отпущу!» Я даже задрожалъ отъ страху. «Ну, думаю себѣ, пропало мое дѣло, соскочу, непремѣнно соскочу!» И точно... Соскочилъ! Рюмочка за рюмочкой, потомъ въ садъ пошли; въ саду коньячку выпилъ, пуншику, и кончилось тѣмъ, что въ Песчанку на тройкѣ поѣхали. Ужь что тамъ было... я и не помню! Помню только, что мы въ хороводъ попали, и что я въ хороводѣ этомъ выпляску задавалъ съ какой-то дѣвкой. Проснулся на другой день, а голова-то словно свинцомъ налита, ничѣмъ отъ подушки не отдеру. Какъ быть? Что дѣлать? Извѣстно опохмѣлиться надо! Умылся кое-какъ, натянулъ вицъ-мундиришко и маршъ въ трактиръ. А трактирщикъ смотритъ на меня, да посмѣивается. — «Однако, Авдій Иванычъ, вы вчера, говоритъ, ловкій карамболь устроили!»—«Какой, спрашиваю, карамболь?»—«Не помните нѣшто?»—«Хошь зарѣжь, не помню!»—«А посуду-то, а зеркало-то у меня разбили!» Я такъ и ахнулъ! Даже рюмка изъ рукъ вывалилась... Посмотрѣлъ на зеркало, а на зеркалѣ-то звѣзда, словно кто камнемъ хватилъ, а это я кулакомъ вишь! — «Что же, спрашиваю, мнѣ послѣдуетъ?» а трактирщикъ, подлецъ, ухмыляется.— «Вамъ, говоритъ, это лучше извѣстно, потому какъ вы завсегда при законахъ находитесь, сами за буйство людей наказываете, буянамъ потачки не даете!» У меня даже душа въ пятки ушла; началъ припоминать, нѣтъ ли у насъ въ производствѣ дѣльца

какого-нибудь у этого трактирщика, а дѣльца-то не было. Вскочилъ я изъ-за стола, бѣжать было собрался, а трактирщикъ за руку и смѣется:—«Сидите, говоритъ, Авдій Иванычъ, кушайте себѣ на доброе здоровье; я, говоритъ, съ васъ ничего искать не буду, потому мнѣ за все заплачено!» Я опять глаза вытаращилъ.— «Кто же заплатилъ?» спрашиваю.— «Да баринъ, говоритъ, барыкинскій, полтораста рублей отдалъ!» Я, братецъ ты мой, выпилъ графинъ водки; взялъ еще съ собой два полштофа, да прямо изъ трактира-то къ тебѣ въ лѣсъ.

— Неужто полтораста отдалъ? удивился Дронычъ.

— Полтораста вишь.

Дронычъ даже головой покачалъ.

— Ну, пріятель, проговорилъ онъ:—началъ ты ловко, какъ-то кончишь?

— Кончу, братъ, я нынче скоро кончу.

— Не вѣрится что-то.

— Вѣрно тебѣ говорю.

— Прошлый-то годъ никакъ цѣлый мѣсяцъ каталъ. Все пропилъ, остался въ чемъ мать родила.

— Ни, ни, ни! Теперь не то. Я вотъ поѣмъ съ тобой ушицы и опять завалюсь. Можно мнѣ у тебя въ избѣ выспаться?

— Спи, кто-жь тебѣ мѣшаетъ...

Дѣйствительно, Авдій Иванычъ выпилъ нѣсколько стаканчиковъ водки, поѣлъ ухи, и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, побрелъ въ избу, а, немного погодя, раздался его храпъ.

IV.

Я закурилъ сигару и прилегъ на траву. Но не прошло и десяти минутъ, какъ Жучка, лежавшая до сей поры свернувшись въ клубокъ, вдругъ вскочила, словно ее кольнули, сѣла на заднія лапы и, устремившись глазами въ лѣсъ, начала чутко прислушиваться. Стали прислушиваться и мы съ Дронычемъ. Гдѣ-то, далеко въ лѣсу, происходило что-то необыкновенное: не то крикъ, не то трескъ, не то шумъ. Точно дикій звѣрь скакалъ. Шумъ этотъ то приближался, то отдалялся; иногда раздавался смѣхъ, иногда визгъ. Внезапно визгъ и смѣхъ утихали и снова начинался трескъ и шумъ. Эхо повторяло эти звуки и разносило по лѣсу. Вдругъ послышался топотъ, словно весь лѣсъ затопалъ; раскатился звонкій хохотъ, Жучка вздрогнула и съ заливистымъ лаемъ покатила въ лѣсъ.

— Вѣдь это Груня! вскрикнулъ Дронычъ.

И дѣйствительно, погодя немного, на поляну вылетѣла Груня, а за нею, въ нѣкоторомъ разстояніи, парень въ красной рубахѣ и какой-то молодой человѣкъ въ парусинной новенькой парѣ и низенькой войлочной шляпѣ, надѣтой на бекрень. Промчавшись по площадкѣ, вся эта компанія, съ крикомъ и хохотомъ, завернула за избу, обѣжала ее кругомъ раза два, и снова умчалась въ лѣсъ, а вскорѣ въ кустахъ послышался визгъ и чей-то голосъ закричалъ: «Стой, поймалъ! нѣтъ, шалишь... моя!»

— Ахъ, озорница! говорилъ между тѣмъ Дронычъ:—ахъ, разбойникъ дѣвка! Вѣдь это они въ горѣлки играютъ... Ты что думаешь! Ахъ, проказница!..

И точно, Груня играла въ горѣлки, ибо, немного погодя, мы увидали молодого человѣка въ шляпѣ, державшаго Груню за рукавъ. Оба выходили изъ лѣса, а за ними слѣдовалъ парень въ красной рубахѣ. Вся компанія, съ разгорѣвшимися лицами, насилу дышала отъ устали.

— Чортъ! дьяволъ! кричала Груня, и, рванувшись, освободилась изъ рукъ молодого человѣка. — Здравствуй, дѣдъ, здоровъ ли? А, баринъ! крикнула она, увидавъ меня: — и ты здѣсь! И, наскоро поздоровавшись съ нами, снова обратилась къ молодому человѣку и снова обругала его «дьяволомъ».

— За что же ругаетесь-то! спросилъ тотъ, подходя къ намъ и играя стальной цѣпочкой часовъ: — это даже не деликатно!..

— Какъ не ругать-то тебя! Всю землянику разсыпалъ! Я было дѣдушкѣ земляники набрала, въ гостинецъ несла, а онъ всю разсыпалъ!

— Не правда-съ. Вы сами споткнулись и сами разсыпали.

— А тебѣ кто велѣлъ бѣжать за мной?

— Мы въ горѣлки играли-съ...

— Въ горѣлки! передразнила его Груня: — а тебя кто просилъ?

— Иначе было бы идти скучно! проговорилъ молодой человѣкъ, посматривая на Груню узенькими, маленькими глазками: — не такъ ли, барышня?

— Барышня! барышня! снова передразнила его Груня.

Парень въ красной рубахѣ захохоталъ.

— Какая я барышня! И ты не баринъ, и я не барышня! Смотри-ка, господа собрались какіе!

— А вы чѣмъ лаяться-то, проговорилъ молодой человѣкъ обиженнымъ тономъ:—лучше бы представили меня дѣдушкѣ. И онъ повелъ глазами на Дроныча.

Груня не поняла этой фразы.

— Какъ это представить? спросила она:—передразнить что-ли? Такъ я не умѣю передразнивать.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Не передразнивать, а познакомить я прошу васъ...

— Кто-жь тебѣ не велитъ. Коли за дѣломъ присланъ сюда, значитъ и знакомься.

Парень опять захохоталъ. Онъ видимо насмѣхался надъ молодымъ человѣкомъ.

— А ты чего ржешь, жеребецъ! замѣтилъ тотъ.

— На тебя глядя! вскрикнулъ парень.

— Что̀ же во мнѣ смѣшного?

— Да весь ты смѣшной!

— Мужикъ, право, мужикъ! проговорилъ молодой человѣкъ, и потомъ, подойдя къ Дронычу, приподнялъ лѣвой рукой шляпу и, протянувъ правую руку, прибавилъ:—Честь имѣю представиться: Филиппъ Яковлевичъ Хрусталевъ...

— Лакей барыкинскаго барина, подхватилъ парень въ рубахѣ:—къ тебѣ за рыбой присланъ...

И опять захохоталъ.

— Врешь, не лакей, а камердинеръ! замѣтилъ Хрусталевъ, повернувшись къ парню.

— Все одно; одна должность! подать, принять, облизать, разбить и закинуть.

На этотъ разъ захохотала уже вся компанія, кромѣ, конечно, Хрусталева, который, показавъ видъ, что ничего не слышитъ, вынулъ изъ бокового кармана мѣдный портъ-сигаръ, такую же спичечницу и принялся закуривать папиросу.

Вся эта сцена произошла такъ быстро и неожиданно, что Дронычъ не успѣлъ вставить ни единаго слова. Онъ только переводилъ глаза то на Груню, успѣвшую уже опуститься на землю рядомъ со мной, то на Хрусталева, то на парня. (Парень этотъ, какъ узналъ я потомъ, былъ женихъ Груни).

— Да откуда вы всѣ взялись-то? спросилъ онъ, наконецъ, внучку.

— Съ покоса. Мы тутъ возлѣ лѣса на покосѣ были. Только что пообѣдали, а этотъ вотъ «баринъ-то» и подходитъ.—«Какъ бы, говоритъ, мнѣ рыбака Дроныча разыскать; дѣло у меня до него есть!» Отецъ и говоритъ мнѣ:—«Груня! покамѣстъ мы отдыхать-то будемъ, ты бы сбѣгала, проводила бы его къ дѣдушкѣ-то».—«Что же, можно, говорю; только одна съ незнакомымъ человѣкомъ я не пойду». Взяли съ собой Григорія и пошли всѣ.

— Вотъ вамъ и всѣ подробности, подхватилъ Хрусталевъ.— Баринъ прислалъ меня къ вамъ за рыбой.

— А какой требуется?

— Извѣстно, самой лучшей, потому плохой мы не употребляемъ. Судаковъ, сазановъ...

— Это ничего, можно.

— Въ особенности баринъ судаковъ уважаетъ. Нашъ поваръ приготовляетъ ихъ отмѣнно хорошо.

— Рыба—ничего, вкусная, замѣтилъ Дронычъ.—Только сейчасъ, ни судаковъ, ни сазановъ у меня нѣтъ. Надо наловить сперва.

— Конечно, я это очень хорошо понимаю. Я вамъ только задатокъ принесъ. А за рыбой пришлемъ когда назначите.

И, вынувъ изъ кармана небольшой портъ-моне, туго набитый мелкими бумажками, Хрусталевъ съ шикомъ вытащилъ пять рублей.

— Этого достаточно-съ? спросилъ онъ, живописно поднявъ руку и потряхивая въ воздухѣ бумажками.

— Извѣстно, довольно.

— Если мало, скажите; я могу дать и еще.

— А я барина-то твоего знаю! вдругъ крикнула Груня и весело захохотала.

— Какъ его не знать! подхватилъ парень:—пріѣхалъ не больно давно, и уже вся округа узнала его... прославился!

— Насъ давно всѣ знаютъ, замѣтилъ Хрусталевъ:—весь Питеръ знаетъ.

— Гдѣ же это ты видала его? спросилъ Дронычъ, обращаясь къ Грунѣ.

— У насъ въ селѣ, въ лавкѣ.

— Баринъ разсказывалъ мнѣ, перебилъ ее Хрусталевъ:—онъ васъ очень хорошо замѣтилъ. Онъ мнѣ говорилъ про васъ.

Но Груня словно не слушала его.

— Чего-то покупалъ онъ, продолжала она:—а потомъ увидалъ меня, подошелъ, пошутилъ, спросилъ: зовутъ какъ, откуда я, чья дочь? и орѣховъ подарилъ. А вчерась, опять на базарѣ встрѣтились... узналъ! «А, говоритъ, Груня! Здравствуй, здорова ли?»—«Слава Богу», говорю.—«А что̀, говоритъ, дѣдушка твой торгуетъ рыбой?»—«Торгуетъ».—«Я, говоритъ, къ нему въ гости собираюсь.» —«Что̀ же, съѣздите, говорю, онъ радъ будетъ».—«Непремѣнно, говоритъ, пріѣду. Ты часто у него бываешь?»—«Бываю». А послѣ того крикнулъ лавочника и приказалъ мнѣ фунтъ конфетъ дать. А я и говорю ему: «Коли угощать хотите, такъ ужь вы и подругъ моихъ угостите».

— Ахъ, озорная! ахъ, озорная! вскрикнулъ Дронычъ: — ну, что же онъ?

— «Отлично, говоритъ; сколько васъ тутъ?» — «Считайте, говорю».

Онъ началъ считать, насчиталъ пятнадцать штукъ и всѣмъ по фунту отвѣсить велѣлъ.

— Ну, я бы тебѣ отвѣсилъ! вскрикнулъ Дронычъ.—Спасибо, баринъ-то ласковый...

— Еще бы! подхватилъ Филиппъ Яковлевичъ:—петербургскій человѣкъ!

— Конфетъ этихъ и я, дѣдушка, погрызъ не мало! крикнулъ Григорій, ухмыляясь:—Груня и меня угостила...

— Охъ ужь, ври больше! крикнула она.

— Неправда, нѣшто?

— Угостила! держи карманъ шире! Силой изъ рукъ одну вырвалъ!

— Анъ врешь, сама цѣлую пригоршню дала.

— Те, те, те! вонъ оно куда поѣхало! закричалъ вдругъ Дронычъ.—Ай да Гриша! молодецъ! И тебя, стало, дѣвки полюбили, коли конфетками угощаютъ!

— Мнѣ, дѣдушка, отъ дѣвокъ отбою нѣтъ.

— А ты слушай его...

— Вѣрно говорю, дѣдушка. Въ сторонку отозвала, чтобы, значитъ, не видалъ никто...

— Будетъ тебѣ брехать-то!

И лицо Груни все вспыхнуло яркимъ румянцемъ. Заглядѣться можно было на нее въ эту минуту.

— Такъ вотъ какъ! подхватилъ Филиппъ Яковлевичъ:—а мы этого и не знали. Теперь я безпремѣнно передамъ барину, что дѣвушки нашими конфектами деревенскихъ вахлаковъ угощаютъ... За это онъ и не похвалитъ пожалуй!

— А ему-то какое дѣло! вдругъ вскрикнула Груня, метнувъ на лакея большущими черными глазами: — кому хочу, тому и даю! хочу Григорію дамъ, хочу собакѣ брошу...

— Такъ, значитъ, это правда?

— Что̀ такое?

— Что вы Григорія-то конфектами угощали?

— Угощала.

— Не стану же я хвастать! замѣтилъ Григорій.

— Почему же не угостить? продолжала Груня: — ничего въ этомъ дурного нѣтъ; въ одномъ домѣ живемъ... взяла, да и угостила! А твоему барину все-таки до этого дѣла нѣтъ! На то онъ и баринъ, чтобъ дѣвкамъ гостинцы покупать!

На этомъ разговоръ и оборвался.

Немного погодя, Филиппъ Яковлевичъ сталъ прощаться.

— Однако, мнѣ пора, проговорилъ онъ, взглянувъ на часы и подходя къ Дронычу:—баринъ, поди, заждался меня... Когда же къ вамъ за рыбой-то присылать?

— Денька черезъ два. Придется народу кликнуть, да сѣтями половить. Хоша и дорогъ теперь народъ, потому мужикъ въ луга уткнулся, а дѣлать нѣчего, услужить надо.

— Хочешь, дѣдушка, я помогать приду? крикнула Груня.

— И я тоже, отозвался Григорій.

— Ты думаешь, я не съумѣю, что-ли? продолжала Груня, вскочивъ на ноги:—еще какъ съумѣю-то!

— Что-жь ничего, приходите!

— Еслибы вы назначили время, вставилъ Филиппъ Яковлевичъ:—то, можетъ быть, и я пришелъ бы помочь вамъ.

— Жилетку намочишь! крикнулъ Григорій.

Всѣ захохотали.

— А ужь это не ваше дѣло, молодой человѣкъ, подхватилъ Хрусталевъ: — объ моихъ жилеткахъ не безпокойтесь, потому у меня ихъ не одна, а вотъ какъ вы свою-то красную рубаху замочите, такъ, пожалуй, полиняетъ...

— Другую надѣнемъ, вѣдь намъ за рубахами-то не въ барскій шкапъ лазить!

Но Филиппъ Яковлевичъ не слушалъ Григорія, и, обратясь къ Грунѣ, говорилъ какимъ-то особенно слащавымъ тономъ:

— А вы дозволите мнѣ когда-нибудь навѣстить васъ? Теперь ваше мѣстожительство мнѣ извѣстно...

— Что же, приходите, ничего...

— Я весьма буду счастливъ еще разъ побесѣдовать съ вами.

— Можно и побесѣдовать.

— Можетъ быть, прикажете гитару захватить... споемъ что-нибудь.

— Можно и это.

— Ты вотъ завтра къ намъ въ луга приходи, сѣно метать! крикнулъ Григорій.

Филиппъ Яковлевичъ словно обрадовался этому предложенію.

— Что-жь, можно, приду безпремѣнно. Ты думаешь, я работы гнушаюсь... ничуть не бывало!

— Такъ вотъ и приходи, я тебѣ вилы приготовлю.

— Непремѣнно приду.

И затѣмъ, обратясь къ Грунѣ, онъ спросилъ:

— А барину прикажете поклонъ передать?

Груня захохотала даже.

— Ахъ, ты шутъ гороховый! крикнула она.

Захохоталъ и Григорій.

— Почему же шутъ? обидѣлся Филиппъ Яковлевичъ.

— Ужъ очень глаза у тебя смѣшные!

— Чѣмъ же смѣшные?

Но Груня не отвѣчала на этотъ вопросъ, и, закрывъ лицо фартукомъ, принялась весело хохотать.

Филиппъ Яковлевичъ посмотрѣлъ на нее, пожалъ плечами и, еще разъ раскланявшись съ нами, кромѣ Григорія, на котораго онъ только метнулъ злобнымъ взглядомъ, пошелъ по дорожкѣ въ село Барыкино.

— Ахъ, озорная! ахъ, озорная! говорилъ Дронычъ, поматывая головой, и тоже принялся хохотать, глядя на хохотавшую внучку.

— Вотъ это такъ франтъ! зубоскалилъ Григорій:—видно, что изъ Питера... Такихъ у насъ еще не бывало! какъ есть во всей формѣ!

А «франтъ», между тѣмъ, шелъ лѣсомъ и распѣвалъ во все горло на мотивъ изъ «Марты».

Какъ я радъ, капитанъ,
Что васъ здѣсь увидѣлъ;
Вашей роты подпоручикъ
Дочь мою обидѣлъ...

— Дро-онычъ! Проко-опій Дронычъ! взывалъ между тѣмъ Бобковъ изъ избушки:—нѣтъ ли кваску... дай, Бога ради!

— Нѣшто здѣсь? спросила Груня.

— А то гдѣ же! проговорилъ Дронычъ: — куда же ему дѣваться-то?

— А квасъ-то есть у тебя, дѣдушка?

— Немножко есть, тамъ въ боченкѣ подъ поломъ.

— Такъ я побѣгу напою его.

И Груня бросилась въ избу.

— Грунюшка, милая моя Грунюшка! раздался затѣмъ голосъ Бобкова:—ласковая ты моя... спасибо, голубушка!

Когда жаръ схлынулъ, я пошелъ домой. Подходя къ концу лѣса, я услыхалъ быстрый конскій топотъ, замѣтно приближавшійся, а немного погодя, на противоположной сторонѣ болота, которое мнѣ приходилось огибать, сквозь густую зелень лозняка мелькнула сначала красная фуражка, а потомъ голубая венгерка. Топотъ замѣтно приближался, кто-то раза два щелкнулъ языкомъ, потрепалъ лошадь по шеѣ, раздалось фырканье коня, а вслѣдъ за тѣмъ, изъ-за кудряваго темно-зеленаго куста черемухи, вылетѣлъ молодой человѣкъ верхомъ на рыжемъ конѣ. На молодомъ человѣкѣ была голубая гусарская венгерка съ золотыми шнурками на груди, и красная фуражка, немного надѣтая на бекрень. Поровнявшись со мною, онъ быстро осадилъ

коня, приложилъ къ козырьку стянутую бѣлой перчаткой руку, и спросилъ звучнымъ и симпатичнымъ голосомъ:

— Позвольте узнать, эта ли дорожка ведетъ къ рыбаку Дронычу?

— Эта самая.

Молодой человѣкъ поблагодарилъ меня, снова приложилъ руку къ козырьку и, тронувъ слегка шпорами лошадь, помчался дальше.

«Ужь не барыкинскій ли это баринъ!» подумалъ я.

V.

Дронычъ не всегда жилъ такимъ отшельникомъ. Напротивъ, лѣтъ шесть, семь тому назадъ, онъ былъ первымъ человѣкомъ въ селѣ Песчанкѣ, въ которомъ родился и провелъ всю свою долголѣтнюю жизнь. Въ то время, когда Дронычъ порѣшилъ оставить село и поселиться въ лѣсу, семья его состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. У Дроныча было восемь человѣкъ сыновей, шесть дочерей, нѣсколько человѣкъ внучатъ и даже два правнука. Эта многочисленная семья, хотя и жила въ нѣсколькихъ хорошо срубленныхъ и опрятныхъ избахъ, но тѣмъ не менѣе составляла одно нераздѣльное цѣлое, главою котораго былъ Дронычъ. Цѣлый переулокъ занимала эта семья и Дронычъ распоряжался переулкомъ этимъ, какъ хотѣлъ. Все хозяйство было въ его рукахъ: онъ завѣдывалъ доходами и въ доходы эти не дозволялъ вмѣшиваться никому. «Помру, все ваше будетъ, говорилъ онъ: — съ собой ничего не возьму, а покуда живъ — слушать команду, баловаться не смѣть!» И слово свое соблюдалъ крѣпко. Семья имѣла значительныя стада овецъ, нѣсколько десятковъ коровъ и лошадей, производила большіе посѣвы, а въ зимнее время промышляла извозомъ. Самъ Дронычъ, хотя и не занимался полевыми работами, но все-таки сложа руки не сидѣлъ. Онъ запродавалъ хлѣбъ и шерсть, получалъ и выдавалъ деньги, нанималъ и разсчитывалъ рабочихъ и, хотя грамотѣ не зналъ, но ни разу въ разсчетахъ не ошибался. Каждый грошъ былъ у него на счету; никого ни разу не обсчиталъ и никому никогда не передалъ лишняго. Онъ распоряжался всѣми работами, наблюдалъ за ихъ исправностью и, сверхъ того, самъ работалъ на вѣтрянкѣ и на пчельникѣ. Надо было удивляться энергіи и силѣ этого восьмидесятилѣтняго старца. Честности Дронычъ былъ патріархальной—именно патріархальной—и на

возродившихся въ послѣднее время кулаковъ и міроѣдовъ смотрѣлъ нетолько съ негодованіемъ, но даже съ какимъ-то ожесточеніемъ. Еслибы онъ имѣлъ власть, онъ проклялъ бы ихъ съ церковнаго амвона, забросалъ бы каменьями, а дома предалъ бы сожженію. Старые порядки стушевались, деревня измѣнилась, а Дронычъ все жилъ по старому, жилъ патріархомъ и на все новое ворчалъ.

Но какъ хорошо ни жилось семьѣ Дроныча, какъ ни благоденствовала она, а время, разбиваясь объ убѣжденія Дроныча, какъ волна о каменную скалу, все-таки охватывало остальныхъ членовъ его семейства. Власть главы семьи начала мало-по-малу тяготить ея членовъ. Первыми заговорили объ этомъ сыновья Дроныча, затѣмъ и жены, а подъ конецъ и молодежь. Сыновья начали просить Дроныча о раздѣлѣ сначала несмѣло, робко, а потомъ и настойчивѣе, но Дронычъ былъ упрямъ и ни на какія уступки не шелъ. «Умру, все ваше будетъ!» утѣшалъ онъ ихъ и сыновья молча негодовали. Тѣмъ не менѣе, старикъ замѣчалъ, что недовольство все росло и росло, и стало распространяться уже по всему переулку. Его приказанія сплошь да рядомъ не исполнялись; дѣти все чаще и чаще стали посѣщать кабаки; бабы не подчинялись его суду; поля воздѣлывались небрежно; изъ сусѣковъ сталъ пропадать хлѣбъ; у сундуковъ начали ломать замки. Раза два Дронычъ собиралъ семью и съ пѣной у рта укорялъ домочадцевъ за предосудительность поступковъ, за неповиновеніе и непочтеніе къ главѣ семейства, грозилъ гнѣвомъ Божіимъ, но толку изъ этого вышло мало и семья упорно продолжала требовать раздѣла. Прежде, когда была жива жена Дроныча (глупая, слезливая старушенка Агаѳья Тихоновна), семейные раздоры повторялись какъ-то рѣже; бабушка Агаѳья Тихоновна какъ-то умѣла глупыми словами умиротворять недовольныхъ, а теперь, когда уста, произносившія эти глупыя слова, сомкнулись, и взамѣнъ ихъ загремѣли умныя рѣчи Дроныча, семейные раздоры повторялись безпрестанно.

Такъ прошло года два. Старикъ стоялъ на своемъ, а семья на своемъ. Наконецъ, смуты кончились катастрофой. Какъ-то однажды, рано утромъ, одинъ изъ сыновей Дроныча, а именно Климъ (отецъ Груни), подкарауливъ отца на гумнѣ, накинулся на него съ желѣзными вилами, разсѣкъ ему голову и размахнулся, чтобы всадить ихъ въ животъ повалившагося наземь старика, но подвернулась Груня (тогда ей было лѣтъ десять) и, повиснувъ на рукѣ отца, спасла дѣда. Долго пролежалъ Дронычъ безъ памяти на гумнѣ, наконецъ, очнулся, всталъ, подошелъ къ рѣкѣ, обмылъ кровь съ головы и цѣлыхъ трое сутокъ, какъ ра-

ненный звѣрь, блуждалъ по лѣсу. Всѣ эти дни онъ не пилъ и не ѣлъ ничего. На четвертый день, съ повязанной головой, блѣдный, исхудалый, мрачный, вернулся домой, собралъ всю семью и отдалъ ей все, что̀ имѣлъ. Затѣмъ, онъ обулся въ лапти, надѣлъ на себя старую сермягу, изорванную шапку, отрѣзалъ ломоть хлѣба, помолился на образа и, молча поклонившись въ поясъ семьѣ, а Климу въ ноги, ушелъ вонъ изъ дома, не взявъ съ собой ни копейки. У воротъ онъ встрѣтилъ внучку Груню, погладилъ ее по головѣ, перекрестилъ и молча пошелъ. Говорятъ, это была страшная сцена! Старикъ съ тѣхъ поръ домой не возвращался.

VI.

Долго тосковалъ Дронычъ. Именемъ Христовымъ обошелъ онъ всѣ русскія святыни, побывалъ въ Кіевѣ, Москвѣ, лаврѣ Сергіевской, Воронежѣ, Задонскѣ, но родина тянула его и онъ возвратился, только не въ село Песчанку, не въ семью, а въ сосѣдній лѣсъ. Все это произошло лѣтъ семь тому назадъ. Дронычъ построилъ себѣ избушку, снялъ въ аренду рыбныя ловли, завелъ пчельникъ (онъ началъ съ одного роя, который случайно былъ пойманъ имъ въ лѣсу) и, промышляя рыбой, началъ свою жизнь снова, совершенно удалившись отъ людей. Онъ словно сталъ бояться людей, да и нечего ему было дѣлать съ ними, ибо люди точно переродились, точно и не были тѣми, какими видѣлъ онъ ихъ когда-то. И онъ былъ чужимъ для нихъ, и они для него. Ему не нравились и новые порядки: крестьянское самоуправленіе, волостные и сельскіе сходы, кабаки, трактиры, лавочки, базары. Словомъ, все то, чего не было въ его время. О чемъ бы ни заговорилъ онъ, а въ концѣ-концовъ все-таки сводилъ рѣчь на власть родительскую, на семью и на прежніе порядки. «Ты посмотри-ка, говаривалъ онъ:—хоть бы на пчелъ! Есть въ рою матка и все идетъ ладно: ульи полны сотами, соты медомъ. А нѣтъ матки—все врозь! Тоже самое и муравьи!» Свою избенку и свой лѣсъ онъ покидалъ рѣдко. Только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, онъ надѣвалъ новыя лапти (сапогъ Дронычъ не носилъ), желтый, верблюжій кафтанъ, шляпу, подпоясывался кушакомъ и съ подожкомъ въ рукѣ шелъ въ село Песчанку къ заутрени и къ обѣдни. Но и въ церкви Дронычъ держалъ себя какъ-то особнякомъ: ни съ кѣмъ не разговаривалъ, забивался въ задній уголъ, гдѣ потемнѣе. Даже тутъ онъ на-

ходилъ безпорядки. Не нравилось ему, что дьячки стали называться псаломщиками, ходили не въ кафтанахъ, а въ какихъ-то куцыхъ пальтишкахъ; что они не заплетали косичекъ, какъ это дѣлали въ старину, а причесывались съ «лемотомъ» (à la mode). Ему не нравилось, что попъ выставлялъ воротнички и рукавчики съ запонками и носилъ часы съ цѣпочкой. («И чего только архіереи смотрятъ!» ворчалъ онъ). Даже не нравилось новое служеніе. «Нѣтъ, не то, братецъ, говаривалъ онъ, все по иному пошло, даже Богу молиться стали «съ лемотомъ». Прежде попъ-атъ обѣдню просто служилъ, задушевно. Начнетъ кадить, бывало, такъ эти старухи полно кадило ладану накладутъ; дыму полну церковь напуститъ, словно на облакахъ къ небесамъ-то возносишься; свѣчи къ святымъ иконамъ всякъ самъ затепливалъ, самъ у себя дома по усердію сучилъ изъ собственнаго своего домашняго воска; дьячки пѣли зычно! А теперь ничего этого нѣтъ и на все запретъ пошелъ. Ни ладану въ святое кадило подбросить нельзя; ни трудовой свѣчки ставить не смѣй, а покупай ее у старосты въ тридорога... А ужь про этихъ псаломщиковъ хоть и не говори: стриженые, бритые, тòли лавочникъ стоитъ, тòли дьячекъ — не разберешь! И народъ не тотъ сталъ. Прежде, бывало, въ великіе-то праздники не токма что церковь биткомъ набита, и кругомъ-то народъ тѣснится, словно дѣти вокругъ матери, по головамъ хошь ходи! а теперь въ храмѣ божіемъ только одни старики да старухи. Вотъ кабакъ, базаръ, да лавочка—это дѣло иное. Тамъ завсегда народъ! Намѣсто молитвы—сквернословіе; на мѣсто свѣчи—шкаликъ; на мѣсто знаменія крестнаго—кулакъ въ зубы! Вотъ это по нашему. Въ старину бабы и проходить-то стыдились мимо кабака, а теперь не токмо, что бабы, а дѣвки—и тѣ въ кабакѣ. Надрызгается и дѣлай съ ней что хочешь... Да чего тамъ! сама лезетъ!

Нечего говорить, что при такомъ воззрѣніи на новую жизнь, Дронычъ только и успокоивался у себя въ лѣсу, среди сѣтей и неводовъ. Тамъ ничто не раздражало его противорѣчіемъ. Тамъ онъ былъ дома и въ его духовный міръ не врывался: ни псаломщикъ въ манишкѣ, ни лавочникъ съ аршиномъ, ни пьяная дѣвка съ манящими объятіями. Тамъ, среди мощно успокоивающей природы, окруженный ею, какъ дымнымъ облакомъ того ладана, которое возносило его когда-то подъ небеса, онъ отдыхалъ и тѣломъ, и душой. Тамъ все было по старому: по старому задорился въ тѣни громадный лопухъ, по старому работали муравьи и пчелы, по старому соловей заливался, кукушка куковала. Тамъ измѣненій не было. Лѣтомъ шумѣлъ лѣсъ листвой, а зимой вьюга напѣвала ему старыя пѣсни. И пѣснямъ этимъ

не было ни начала, ни конца. Зашумитъ, загудитъ, понесется эта пѣснь и, прислушиваясь къ ней, Дронычъ забылъ и Клима съ желѣзными вилами, и кровь, обагрившую его сѣдины. Онъ вмѣстѣ съ курами ложился, вмѣстѣ съ курами вставалъ. Пѣтухъ выкрикивалъ ему часы ночью, а солнце указывало часы дня. Онъ жилъ такъ, какъ все живое жило въ лѣсу. И, глядя на муравья, на пчелку, на птичку, свивавшую гнѣздо, копошился и Дронычъ; ковырялъ все собственными своими костлявыми крючковатыми руками, а рядомъ съ нимъ, съ этимъ бородатымъ Сатурномъ, жила его неизмѣнная Жучка. И все было кругомъ тихо, спокойно, безмолвно, какъ и подобаетъ въ лѣсу. За то, когда являлась внучка, эта прежде крохотная, а теперь шестнадцатилѣтняя спасительница Дроныча, все словно пробуждалось. Еще издали доносилась ея приближавшаяся веселая пѣсня, скорая, торопливая походка, трескъ ломавшихся подъ ногами сучьевъ и Дронычъ съ Жучкой навостряли уши. «Никакъ идетъ?» словно спрашивалъ онъ собаченку, и вмѣстѣ съ нею спѣшилъ на встрѣчу доносившемуся шуму.

— А-у! крикнетъ бывало Дронычъ.

— А-у! повторитъ Груня.

И оба счастливы.

VII.

— А вѣдь я внучку-то пропилъ! объявилъ мнѣ какъ-то Дронычъ.

Если не ошибаюсь, это было на третій или на четвертый день послѣ описаннаго мною посѣщенія Дроныча.

— Какъ пропилъ?

— Просваталъ...

— То-то у тебя видъ веселый...

— Веселый, братецъ, веселый... Словно праздникъ на душѣ!..

— За кого же? спросилъ я.

— А помнишь парня-то энтого, въ красной-то рубахѣ, который намедни все надъ лакеемъ зубоскалилъ.

— За Григорія?

— Ну, вотъ, вотъ за него, за самаго за этого за Григорія...

— Кто же сватомъ былъ?

— Они сами! Пришли какъ-то оба ко мнѣ и Григорій, и Груня. «Такъ и такъ дѣдушка, не сдѣлай несчастными, благослови!» А я и говорю своей-то: «У тебя мать, отецъ есть, прежде

ихъ спроси, безъ родительскаго согласія никакого дѣла начинать нельзя. Къ нимъ ступай прежде, къ нимъ!»—«Мы ужь были, говорятъ».—«Что же? спрашиваю».—«И батюшка, и матушка согласны, только велѣли тебя спросить. Какъ ты прикажешь, такъ пущай и будетъ!»

— А парень-то онъ хорошій? спросилъ я.

— Парень за первый сортъ.

— Что-то онъ мнѣ дерзкимъ показался.

— Ни, ни, ни... Ничуть, ничуть! рубаха-парень...

— Какъ-то онъ тогда надъ лакеемъ не хорошо смѣялся.

— Ну, это точно... посмѣяться онъ любитъ, а душа у него добрая...

— Тебѣ лучше знать.

— Извѣстно... Вѣдь ужь я, признаться, давно метилъ на него, давно высматриваю. Онъ еще мальчишкой бѣгалъ ко мнѣ. На глазахъ выросъ.

— А богатый? спросилъ я.

Дронычъ даже руками отмахиваться началъ...

— Чтò ты, чтò ты, Господь съ тобой! На кой это мнѣ богатство-то! Мнѣ, братецъ, не богатаго, а работящаго, да смышленаго надо. Чтобы въ себѣ страхъ Божій имѣлъ, чтобы родителевъ почиталъ, жену любилъ, да по кабакамъ не шатался. И богатство не въ радость, коли семейнаго согласія не будетъ. Семейное-то согласіе лучше всякаго богатства. Нѣтъ, у Григорія ничего нѣтъ. Онъ сирота круглый. И мать, и отецъ у него холерой померли, никого нѣтъ, какъ есть одинъ. Осталась послѣ родителевъ избенка, да скотинишка кое-какая, только избенка сгорѣла, а скотинишку-то старики пропили, благо за сироту вступиться не кому! Онъ теперь у Грунинова отца въ работникахъ живетъ (Дронычъ никогда не произносилъ имени Клима).

— Вотъ что! проговорилъ я:—такъ вотъ они гдѣ сошлись!

— Еще бы, въ одной избѣ сколько времени жили. Ну, да вѣдь и парень-то красивый, высокій, статный. А пѣсню заиграетъ, такъ заслушаться можно. Лучше его во всемъ селѣ нѣтъ; дѣвки прохода не даютъ!

— А Груня любитъ его?

— Кабы не любила, не шла бы за него. Сама выбрала, никто, поди, не неволилъ. Я, братецъ, такъ хочу сдѣлать: поженю ихъ, выстрою имъ избу и пойду жить къ нимъ. Пока силы есть, работать буду, а когда немощь овладѣетъ, когда руки и ноги служить откажутся, да разумъ помутится, что ни руками, ни разумомъ владѣть не стану—ну, тогда пущай дѣлаютъ со мной что хотятъ! А худого Груня со мной не сдѣлаетъ... Пу-

щай же, когда придетъ мой смертный часъ, она мнѣ глаза закроетъ и до могилы проводитъ. Мнѣ, другъ любезный, большихъ проводовъ не надо.

И потомъ, перемѣнивъ тонъ, онъ прибавилъ весело:

— Только бы дожить до всего этого, чтобы своими глазами видѣть, что Грунюшка счастлива и что ей, родимой, и хорошо и тепло въ моемъ гнѣздышкѣ.

— Вѣроятно, и отецъ ей дастъ что-нибудь? спросилъ я.

Дронычъ нахмурился.

— Дать-то нечего! проворчалъ онъ.

— Неужели у нихъ нѣтъ ничего?

— Было, да быльемъ поросло.

И потомъ вдругъ прибавилъ:

— Бога-то забудешь, такъ вѣдь толку мало... Всѣ какъ есть раззорились, избы продавать стали... Вотъ оно куда пошло! Богъ-атъ даромъ что высоко живетъ, да зато по облачкамъ по небеснымъ ходитъ и все на землю, на свое созданье смотритъ. Кого солнышкомъ пригрѣетъ, кого росой благодатной окропитъ, а на кого и молнію броситъ.

— Когда же свадьба?

— А вотъ съ хлѣбомъ уберемся и за свадьбу. Пріѣзжай-ка; ужь такъ и быть, по стаканчику выпьемъ тогда...

Услыхавъ про стаканчикъ, я вспомнилъ и Бобкова.

— А гдѣ пріятель-то твой? спросилъ я.

— Какой такой пріятель?

— Авдій Иванычъ?

— О! Авдотья-то Ивановна! вскрикнулъ Дронычъ, добродушно заливаясь смѣхомъ:—чего, братецъ! вѣдь увезли его отъ меня...

— Кто, становой?

— Нѣтъ, баринъ барыкинскій.

— Какъ такъ?

— Такъ и увезъ. Вѣдь онъ въ тотъ день, какъ ты здѣсь у меня-то былъ, пріѣзжалъ ко мнѣ.

— Знаю, онъ встрѣтился мнѣ; верхомъ ѣхалъ.

— Ну, вотъ. Пріѣхалъ и какъ только увидалъ Авдѣя Иваныча, такъ сейчасъ же и вцѣпился въ него. Вѣдь баринъ-то его прежде видѣлъ... помнишь, зеркало-то еще въ трактирѣ разбилъ! Ну, и вцѣпился.—«Нѣтъ, говоритъ, ты мнѣ его отдай, дѣдушка; я съ нимъ не разстанусь. Я, говоритъ, такихъ чудаковъ сроду еще не видывалъ. Отдай, говоритъ!» А я и радъ, признаться, потому надоѣлъ очень.—«Берите, говорю, съ руками, съ ногами отдаю». А на утро чуть свѣтъ, прислалъ за нимъ тарантасъ тройкой и лакея. Только мы его и видѣли!

— А баринъ-то, хорошій человѣкъ?

— Ужь такой-то, братецъ, хорошій, что я даже и не видалъ такихъ.

— Вотъ какъ!

— Молоденькій, совсѣмъ еще робенокъ. Онъ тутъ у меня цѣлый вечеръ пробылъ. Разсказывалъ, какъ въ Питерѣ, на взморьѣ ѣздилъ тони покупать, рыбу со мной удить ходилъ, поужиналъ съ нами, Груню на своей лошади каталъ.

— Какъ такъ?

— Посадилъ на лошадь бокомъ, самъ сѣлъ сзади и давай ее катать, а потомъ Авдѣя Иваныча посадилъ, сказалъ что-то лошади (а лошадь-то у него ученая), та и давай носить его кругомъ площадки, то задомъ вскинетъ, то передомъ. Оретъ мой Авдѣй Иванычъ, а лошадь все носитъ его, все носитъ. Наконецъ, остановилась, стала на колѣнки, да какъ вдругъ задними-то ногами шибнетъ! Авдѣй Иванычъ и брыкъ!.. Ужь такой-то баринъ веселый, да ласковый!

— А зачѣмъ онъ пріѣзжалъ къ тебѣ?

— За рыбой. Вчера отослалъ ему съ лакеемъ, нарочно лакея присылалъ...

Въ это самое время на площадкѣ показался Григорій, незамѣтно подкрался къ Дронычу и, ухвативъ его за плечи, крикнулъ:

— Здравствуй, дѣдушка!

Дронычъ вскочилъ даже.

— Фу! лѣшій бы тебя взялъ! Что̀ ты, съ ума, что ли, сошелъ... Испугалъ индо..

Григорій захохоталъ.

— Вишь робкій какой! вскрикнулъ онъ.

— Откуда это тебя нелегкая принесла?

— Извѣстно откуда, изъ дому...

— Покосъ-атъ покончили?

— Покончили вчера...

— А Груня гдѣ?

— Нѐшто ее нѣтъ здѣсь? спросилъ, въ свою очередь, Григорій.

— Нѣтъ, не приходила... развѣ собиралась?

— Давнымъ-давно ушла; прежде меня.

— Сюда, ко мнѣ?

— Да, къ тебѣ...

— Стало, зашла куда-нибудь...

— Куда же ей заходить! Да ты, можетъ, шутишь, дѣдушка! вскрикнулъ Григорій, осматривая полянку.

— Зачѣмъ шутить!

— Куда же она дѣвалась? Прежде меня ушла, а нѣтъ!

— Сквозь землю провалилась! подшутилъ Дронычъ.

Но Григорію, какъ видно, было не до шутокъ. Красивое лицо его поблѣднѣло, губы какъ-то перекосились, каріе большіе глаза загорѣлись какимъ-то нехорошимъ, сердитымъ огонькомъ. Онъ сѣлъ на завалинку, неподалеку отъ насъ и замолчалъ.

— Чтò, видно, не весело безъ невѣсты-то!..

Подошла къ Григорію Жучка, положила ему на колѣни мордочку, но онъ такъ толкнулъ ее ногой, что собака завизжала.

— У тебя, дѣдушка, былъ здѣсь кто-нибудь?

— Когда?

— Сегодня...

— Вотъ видишь, проговорилъ Дронычъ, указывая на меня:— пришелъ одинъ гость.

— Барыкинскій баринъ не былъ?

— Не былъ, а что?

— Да такъ, онъ у насъ сегодня по селу все раскатывалъ на дрожкахъ. Я и думалъ, что не у тебя ли онъ былъ.

Григорій опять замолчалъ. Я взглянулъ на него и снова нехорошій огонекъ блеснулъ въ его глазахъ. Сидѣлъ онъ насупившись, опустивъ голову, какъ будто что-то соображая, и изъподлобья посматривалъ на опушку лѣса, точно выглядывалъ кого-то и прислушивался. Но лѣсъ стоялъ неподвижно, тихо, тоже словно къ чему-то прислушиваясь...

Вдругъ Жучка вскочила, навострила уши, замахала хвостомъ и понеслась въ лѣсъ. Глядя на нее, вскочилъ и Григорій.

— Должно быть, Груня! чуть не вскрикнулъ онъ.

И дѣйствительно, немного погодя, въ кустахъ раздался визгъ Жучки, чьи-то торопливые шаги, а немного погодя, показалась Груня.

— Вотъ она, вотъ она, бѣглянка! кричалъ Дронычъ.—Сказывай, гдѣ пропадала!

— Здравствуй, дѣдушка! крикнула Груня.

— Мы ужь тутъ заждались тебя! Глазынки всѣ проглядѣли...

Груня быстро взглянула на Григорія и сдвинула брови.

— Онъ небось? спросила она, кивнувъ на парня.

— Онъ.

— Ужь я по лицу вижу. Ну, да ладно, прибавила она:—мы тоже учить-то умѣемъ...

Григорій повеселѣлъ и расхохотался.

— Нечего хохотать-то! Я вѣдь насквозь вижу! Меня не проведешь! Хохочи не хохочи, а я вижу, все вижу...

— Ну! вскрикнулъ Дронычъ:—никакъ поссориться успѣли!..

— Нѣтъ, не поссорились еще, а безъ этого не обойдется...

И затѣмъ, вдругъ обернувшись къ Дронычу и подавая ему кузовокъ съ грибами, она проговорила:

— На-ка вотъ тебѣ грибковъ, дѣдушка. Сама набрала.

— Спасибо, внучка, спасибо...

— Такъ это ты грибы собирала? спросилъ Григорій и подошелъ къ Грунѣ.

— Ты лучше и не приставай ко мнѣ! крикнула она.

— Что же будетъ-то?

— А то, что я съ тобой говорить не хочу.

— Поди, и простить можно!

— Аль провинился? вскрикнулъ Дронычъ.

— Провинился.

— Такъ хорошенько его! Вишь у него волосы кудрявые какіе... Ты ему въ кудри-то и вцѣпись!

— Ну, вцѣпляйся! крикнулъ Григорій и, снявъ шапку, пригнулъ передъ Груней голову:—вцѣпляйся!

— Отстань!..

— Такъ не отстану же! кричалъ онъ. И вдругъ, кинувшись на Груню, обхватилъ ее мощными руками и принялся осыпать страстными поцѣлуями.

Груня принялась кричать, отбиваться, раза два ударила Григорія по спинѣ, силилась вырваться изъ объятій, но кончила тѣмъ, что расхохоталась, вырвалась и обругала Григорія «шутомъ!»

— Шутъ, право, шутъ! кричала она.

А Григорій стоялъ передъ нею, счастливый, довольный, съ улыбающимся лицомъ и глазъ не сводилъ съ ея разгорѣвшагося личика.

Возвращаясь домой, я опять увидалъ гусара. На этотъ разъ онъ ѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ вмѣстѣ съ Филиппомъ Яковлевичемъ, по какому-то межнику, полемъ и видимо пробирался на большую дорогу.

VIII.

Гусаръ этотъ произвелъ, между тѣмъ, въ околоткѣ такой эффектъ, что всѣ только и говорили о немъ. Разсказы о его похожденіяхъ переходили изъ устъ въ уста и всѣхъ заинтересовали. Всему околодку было уже извѣстно, что гусаръ привелъ съ собою изъ Питера цѣлый табунъ кровныхъ лошадей, привезъ нѣсколько щегольскихъ экипажей, пропасть разной мебели. Что

подвалъ его заставленъ винами, что поваръ у него французъ съ эспаньолкой и куритъ только сигары, что, наконецъ, денегъ у гусара такъ много, что онъ имъ цѣны не знаетъ. Говорили о какомъ-то аѳинскомъ вечерѣ въ садовой бесѣдкѣ, о томъ, какъ гусаръ, пріѣхавъ въ село Тарханы на ярмарку, скупилъ на цѣлый день балаганъ какого-то фокусника, пускалъ въ этотъ балаганъ даромъ бабъ и дѣвокъ (мужики въ балаганъ не допускались), угощалъ ихъ пряниками и орѣхами, поилъ пивомъ и, въ концѣ-концовъ, поколотилъ фокусника за то будто, что тотъ отказался проглотить какую-то шпагу. Говорили, что обиженный фокусникъ подалъ на гусара жалобу къ мировому, но, получивъ за «безчестіе» радужный билетъ, смирился и взялъ жалобу обратно. Песчанскія барышни, которыхъ въ селѣ этомъ насчитывалось болѣе двадцати, сходили по немъ съ ума и никакъ не могли простить ему, что онъ ни съ одной изъ нихъ не познакомился и ни у кого не былъ съ визитомъ. Думая встрѣтиться съ нимъ какъ-нибудь хоть въ церкви, онѣ раза два ѣздили къ обѣдни въ село Барыкино, но, увы! гусаръ въ церкви не былъ и поѣздка ихъ пропала даромъ. Одинъ изъ песчанскихъ помѣщиковъ, у котораго особенно много было дочерей, вздумалъ-было познакомиться съ нимъ, сдѣлалъ ему визитъ, но гусаръ, весьма вѣжливо принявъ гостя, даже пригласивъ его отобѣдать, визита такъ-таки и не отдалъ. Поступокъ этотъ возмутилъ барышенъ, тѣмъ не менѣе, чуть ли не каждый вечеръ онѣ зазывали къ себѣ мѣстныхъ кавалеровъ, устраивали вмѣстѣ съ ними кавалькады и непремѣнно направлялись въ село Барыкино. При видѣ ихъ, гусаръ выходилъ на крыльцо съ душистой регаліей въ зубахъ и сквозь монокль любовался амазонками. Однажды съ этой кавалькадой случилось небольшое происшествіе какъ разъ въ усадьбѣ гусара. У него по двору ходилъ волкъ на привязи. Одна изъ лошадей испугалась волка и понесла амазонку. Испуганная лошадь закусила удила и помчалась вихремъ, но въ мгновеніе ока гусаръ очутился впереди лошади, вцѣпился въ повода и сразу остановилъ ее. Но каковъ же былъ восторгъ амазонокъ, когда на другой же день, проѣзжая мимо усадьбы гусара, онѣ увидали волка повѣшеннымъ на деревѣ. Насколько барышни восторгались гусаромъ (нѣкоторыя прямо сознавались, что онѣ «обожаютъ» его), настолько кавалеры возненавидѣли его. Одинъ кавалеръ, а именно судебный слѣдователь, проживавшій въ селѣ Песчанкѣ, совсѣмъ-было добился руки одной барышни, за которой ухаживалъ ровно два года съ терпѣніемъ слѣдователя, какъ вдругъ пріѣхалъ гусаръ и все дѣло разстро-

илось. Барышня охладѣла къ слѣдователю и принялась «обожать» гусара.

Что касается до меня лично, то съ гусаромъ я встрѣчался чуть не каждый день. То мчался онъ куда-нибудь въ тарантасѣ на лихой тройкѣ съ бляхами и бубенчиками, мчался что было мочи, съ шумомъ, съ громомъ, вздымая облака пыли; то ѣхалъ въ щегольскомъ шарабанѣ съ длиннымъ бичемъ въ рукахъ и съ грумомъ позади, то верхомъ, то на бѣговыхъ дрожкахъ. Встрѣчался съ нимъ на сельскихъ базарахъ, въ лавкахъ, въ полѣ, въ лѣсу. Эти-то постоянныя встрѣчи и послужили, вѣроятно, поводомъ нашему знакомству.

Гусаръ пріѣхалъ ко мнѣ.

Это былъ еще очень юный молодой человѣкъ. Въ средѣ юнкеровъ часто попадаются такіе. Съ чуть пробивавшимися темными усиками, свѣжимъ румянцемъ на щекахъ, онъ скорѣе походилъ на дѣвушку, нарядившуюся гусаромъ, чѣмъ на настоящаго гусара. Онъ даже говорилъ и глазами вскидывалъ какъ-то по-женски, словно кокетничалъ. Даже тонкія брови его и длинныя, пушистыя рѣсницы могли бы скорѣе составить красоту женщины, чѣмъ мужчины. Звали его Ардаліономъ Васильичемъ, а фамилія его была Лошкаревъ. Онъ только-что кончилъ курсъ въ какой-то военной школѣ, только-что произведенъ въ офицеры и прямо со школьной скамьи перескочилъ на коня. На службу поступилъ онъ ради только мундира; нашилъ ихъ нѣсколько и самыхъ дорогихъ, купилъ превосходнаго коня (коню этому завидовалъ весь полкъ), раза два выѣзжалъ на немъ ординарцемъ, взялъ первый призъ на скачкахъ и, совершенно довольный и счастливый, выхлопоталъ себѣ, по разстроенному здоровью, отпускъ и поѣхалъ на лѣто въ Барыкино. Я никогда еще не видалъ такихъ гусаровъ. Красивый, стройный, симпатичный и застѣнчивый, какъ институтка, онъ просто плѣнилъ меня. Вскочилъ у него угорекъ на лбу, увидалъ онъ его и сейчасъ же присыпалъ пудрой, но, немного погодя, пудру стеръ, залѣпилъ угорь крошечнымъ кусочкомъ англійскаго пластыря и все сокрушался: «Ужасно непріятно съ такой заплатой ходить!» Ардаліонъ Васильичъ очень порядочно игралъ на фортепіанахъ, но cornet à pistons любилъ больше фортепіанъ. Особенно эффектно и увлекательно выходилъ у него романсъ: «Ночи безумныя, ночи безсонныя» — такъ за сердце и схватитъ. Онъ бойко говорилъ по-французски, бѣгло читалъ по-англійски; но нѣмецкій языкъ не любилъ, потому что не любилъ нѣмцевъ. Словомъ, это былъ премилый молодой человѣкъ, съ добрымъ сердцемъ и безъ малѣйшей хитрости. (Въ послѣднее время такихъ юношей опыт-

ные господа дворяне принялись излавливать на должности предводителей).

Съ старикомъ отцомъ его я когда-то водилъ знакомство. Это былъ громадный и неуклюжій человѣкъ, точно медвѣдь на заднихъ лапахъ. Съ крупными чертами лица, съ большущими мохнатыми руками, такими же лапами (ногами нельзя было назвать такія лапы) и настолько большущей башкой, плотно сидѣвшей на плечахъ, что ни въ одномъ магазинѣ онъ не могъ подобрать по своей головѣ готовой шляпы. И шляпы и перчатки ему приходилось дѣлать на заказъ. Отворитъ, бывало, этотъ человѣкъ дверь и все дверное пространство заслонится его фигурой, словно онъ не входилъ, а протискивался въ дверь; и непремѣнно бывало зацѣпитъ цѣпочкой за дверную ручку. Какъ-то разъ случилось мнѣ видѣть готовившійся къ открытію монументъ, не на площади, для украшенія которой онъ предназначался, а въ мастерской, и помнится мнѣ, что какъ только взглянулъ я на эту громаду, такъ въ ту же секунду мнѣ представился Лошкаревъ; такая же голова, тѣ же губы какъ у сома, такія же руки и ноги, даже складки платья как у старика Лошкарева. Василій Петровичъ (такъ звали его) когда-то былъ откупщикомъ, нажилъ откупами большое состояніе, жилъ постоянно въ Т—ой губерніи, а по осенямъ пріѣзжалъ въ село Барыкино. Сюда приводилъ онъ громадную псовую охоту, сзывалъ къ себѣ охотниковъ со всей губерніи, поилъ, кормилъ ихъ, обыгрывалъ въ карты и охотился мѣсяца полтора. Нрава былъ Василій Петровичъ крутого, мужиковъ поролъ, отдавалъ ихъ въ солдаты (тогда называлось это: «подъ красную шапку»), водилъ къ себѣ бабъ и дѣвокъ и никакихъ законовъ и властей надъ собой не признавалъ. Съ уничтоженіемъ откуповъ и крѣпостного права Василій Петровичъ обозлился, купилъ себѣ въ Петербургѣ роскошный домъ (называлъ онъ его не домомъ, а палаццо), бросилъ деревню и переселился въ столицу. Съ тѣхъ поръ прекратились охоты, барыкинская усадьба опустѣла, развалилась, а хозяйство шло до того плохо, что имѣніе, кромѣ убытковъ, не приносило ничего.

Оказалось, что для исправленія этихъ-то безпорядковъ старикъ Лошкаревъ и командировалъ въ Барыкино своего сына.

Глядя на молодого Лошкарева, мнѣ какъ-то не вѣрилось, что этотъ стройный, средняго роста юноша могъ происходить отъ такого допотопнаго великана. Насколько тотъ былъ неуклюжъ и мѣшковатъ, на столько этотъ ловокъ и граціозенъ; насколько тотъ глядѣлъ медвѣдемъ, на столько этотъ былъ добродушенъ и любезенъ. Я, право, заглядѣлся на него.

— Не даромъ, замѣтилъ я:—вы всѣхъ нашихъ барышенъ съума свели.

Онъ даже вспыхнулъ весь и до того сконфузился, что не зналъ куда глаза дѣвать.

Гусаръ пробылъ у меня не долго, но наговорилъ много. Говорилъ онъ какъ-то торопливо, слегка покачиваясь, часто смотрѣлъ на изящно вычищенные ногти, кокетливо пощипывая усики и не менѣе кокетливо опуская и вскидывая глазами. Онъ былъ большой охотникъ до лошадей, собакъ, а увидавъ на стѣнѣ коллекцію ружей и начавъ ее разсматривать, оказался знатокомъ и по этой части. Каждое ружье онъ прикладывалъ къ плечу, взводилъ курки, прицѣливался и дѣлалъ такую вѣрную оцѣнку, что я даже изумился его познаніямъ. Выйдя на балконъ онъ полюбовался видомъ, раскидывавшимися внизу подъ горой лугами, живописно извивавшейся рѣкой и пожалѣлъ, что его барыкинская усадьба не на горѣ, а въ лощинѣ. На мой вопросъ: что̀ подѣлываетъ Василій Петровичъ? онъ сообщилъ, что дѣлаетъ онъ немного, нигдѣ почти не бываетъ, кромѣ клуба, что за послѣднее время сильно постарѣлъ, сдѣлался совершенно сѣдымъ и страдаетъ подагрой. Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько смѣшныхъ анекдотовъ про отца, немного подшутилъ надъ нимъ, но кончилъ увѣреніемъ, что отца своего онъ очень любитъ, что старикъ этотъ, хотя и не безъ странностей, но тѣмъ не менѣе заслуживающій полнѣйшаго уваженія, умный, добрый, ласковый и ни въ чемъ ему не отказывающій.

Я не замѣтилъ какъ прошло время въ бесѣдѣ съ нимъ и на другой же день поѣхалъ отдать ему визитъ.

IX.

Барыкино было отъ меня верстахъ въ пяти не болѣе. Село это было куплено старикомъ Лошкаревымъ у какого-то промотавшагося, но родовитаго помѣщика, пустившаго по міру семью свою ради чести нѣсколько лѣтъ сряду предводительствовать дворянами уѣзда. Имѣніе было не особенно большое; оно заключалось тысячахъ въ пяти десятинъ земли, или, какъ говорилось прежде, изъ четырехъ сотъ съ чѣмъ-то душъ. Лошкаревъ покупалъ не землю, а души. Въ Барыкинѣ я бывалъ очень часто, тамъ были прелестныя мѣста для охоты и, кромѣ того, и самое село приходилось мнѣ по душѣ. Стариной вѣяло отъ него. Нравилась мнѣ и каменная желтая церковь, густо обсаженная ака-

ціями, и старинная господская усадьба, и рѣка Песчанка, широкой лентой извивавшаяся по низменнымъ заливнымъ лугамъ, та самая Песчанка, которая потомъ протекала и мимо избушки Дроныча. Усадьба была въ особенности хороша: старая, заброшенная, съ большимъ липовымъ садомъ на самомъ берегу проточнаго пруда. И что это былъ за прудъ! Тихій, по берегамъ камышъ, колыхаемый серебристой, тонкою какъ слюда, струйкою воды; круглые листья водяныхъ лилій съ бѣлыми, словно восковыми цвѣтами; далѣе—плотина, а возлѣ плотины мельница съ воркующими голубями на крышѣ и жирными толстыми крысами, нахально перебегавшими подъ амбары. Черезъ каузъ перебросился трепещущій мостикъ, затрушенный навозцемъ, а возлѣ мостика непремѣнно баба, съ подоткнутымъ подоломъ, красными икрами, по колѣно въ водѣ, выбивающая валькомъ мокрыя, грязныя тряпки. Налетитъ на нее шумно стайка воробьевъ, испугается и шарахнется въ сторону. А вотъ и садъ. Старинный, темный, съ прямыми липовыми аллеями, съ полусгнившими бесѣдками, съ прудочками, наполненными бурой, слизистой водой. Темно, сыро. Мелкій подсѣдъ задорится въ тѣни деревъ и сушитъ стариковъ, за то какое вальдшнепамъ приволье! Здѣсь во время пролета, бываютъ такія высыпки, что мнѣ самому доводилось выпускать зарядовъ по семидесяти въ одно поле. На противуположномъ концѣ сада сѣрый деревянный домъ, обшитый тесомъ, на кирпичномъ фундаментѣ, съ мезониномъ, четырьмя колонами, балконами и заглохшими клумбами розановъ. Точеныя балясинки балконовъ подгнили и повыпали; оконныя стекла перебиты, съ заплатами, и подернулись какими-то радужными налетами; а розаны, когда-то знаменитые, проливавшіе потоки благоуханія и служившіе лучшимъ украшеніемъ дамскихъ туалетовъ, переродились въ простѣйшій и вульгарнѣйшій шиповникъ.

Неподалеку отъ дома и церковь (старинные дворяне любили щегольнуть религіозностью). Среди густыхъ акацій, наполненныхъ жужжаніемъ пчелъ, здѣсь и тамъ виднѣются затонувшія въ землю чугунныя надгробныя плиты. Бѣлоглазыя галки, царапая когтями по желѣзнымъ карнизамъ, и перелетая съ мѣста на мѣсто, рѣзкимъ крикомъ нарушаютъ царящую тишину. На одной плитѣ была слѣдующая надпись: «Здѣсь покоится прахъ моего крѣпостного человѣка Ксенофонта Куроѣдова. Спасибо, старикъ! миръ праху твоему! Будь также преданъ небесному владыкѣ, какъ преданъ былъ земному!» А затѣмъ пониже: — «Сія плита сооружена иждивеніемъ владѣльца, бригадира и разныхъ орденовъ кавалера Илларіона Володиміровича Калантарова

въ прославленіе крѣпостного человѣка Ксенофонта, спасшаго мнѣ жизнь при штурмѣ Праги въ 1794 году. Спи мирнымъ сномъ, старикъ!.. До радостнаго утра!»

Противъ задняго фасада дома—огромный дворъ, съ покосившимся колодцемъ, а кругомъ двора службы: флигеля, каретники, конюшни, ледники, вышки. Окна во флигеляхъ перебиты, заколочены досками; тесовыя крыши покрылись мохомъ; дворъ заросъ лопухами. Стаи голубей, хлопая крыльями, наполняютъ шумомъ воздухъ; но показался ястребъ и голуби разсыпались и попрятались по пустымъ чердакамъ и вышкамъ. Только одинъ флигель, въ которомъ помѣщался управляющій, торчалъ среди этой умершей усадьбы, словно живой человѣкъ среди жилища мертвыхъ.

Подъѣхавъ къ крыльцу, я встрѣтилъ вылетѣвшаго изъ дома Филиппа Яковлевича.

— Ахъ! вскрикнулъ онъ, разведя руками:—вотъ не ожидалъ-то! Милости просимъ, очень радъ васъ видѣть. Ну, что, какъ нашъ Дронычъ? Пожалуйте!

Филиппъ Яковлевичъ былъ гораздо бойчѣе своего барина.

— Здоровы ли, какъ поживаете? Осторожнѣе-съ! прибавилъ онъ, входя со мной на крыльцо и подхвативъ меня подъ локоть:—тутъ у насъ всѣ ступеньки ходенемъ ходятъ.

И даже удачно сравнилъ ступени съ фортепіанными клавишами.

Чтобы добраться до кабинета, въ которомъ поселился Ардаліонъ Васильичъ, намъ пришлось пройти нѣсколько пустыхъ громадныхъ комнатъ, съ перебитыми окнами. Въ одной изъ комнатъ, кажется въ залѣ, отъ вчерашняго дождя даже лужа стояла на полу. Въ гостинной, съ стеклянной дверью на балконъ, помѣщалась какая-то досчатая кровать, накрытая пестрымъ ситцевымъ одѣяломъ и тутъ же, на полу, двое портныхъ въ грязныхъ рубахахъ, сшивали какія-то разноцвѣтныя ситцевыя полосы.

— Это что такое? спросилъ я.

— Флаги готовимъ-съ, поспѣшилъ отвѣтить Филиппъ Яковлевичъ.—Сегодня мы изъ Питера гостей къ себѣ ждемъ, такъ вотъ баринъ надѣлали лодокъ и теперича желаютъ эти самыя лодки флагами и разноцвѣтными фонариками убрать-съ.

Ардаліонъ Васильичъ лежалъ на кушеткѣ въ шолковомъ щегольскомъ халатѣ и читалъ романъ. Увидавъ меня, онъ швырнулъ книгу на полъ, вскочилъ съ кушетки и принялся извиняться.

— Виноватъ, виноватъ... какъ я радъ!.. говорилъ онъ, краснѣя.—И вамъ это не совѣстно, не грѣхъ...

— Что такое?

— Считаться со мною церемонными визитами. Прошу покорно садиться, а меня вы извините... я въ такомъ костюмѣ... Но я сію же минуту.

И, усадивъ меня въ покойное кресло, онъ предложилъ мнѣ превосходную регалію, и еще разъ извинившись, что оставляетъ меня на нѣсколько секундъ одного, скрылся въ сосѣднюю комнату.

Насколько комнаты, которыми пришлось мнѣ пройти, были грязны и мрачны, настолько кабинетъ Ардаліона Васильича отличался роскошью и комфортомъ. Это была большая угловая комната съ тремя окнами, выходившими въ садъ (прелестный кустъ черемухи росъ передъ однимъ окномъ) и съ двумя обращенными къ церкви. Тутъ, въ этой комнатѣ, былъ и огромный письменный столъ, уставленный изящными письменными принадлежностями, и мягкая мебель и картины, и ковры, и шкафы съ книгами, и коллекція ружей. Углы комнатъ были уставлены декоративными растеніями; противъ одного окна, средняго, выходящаго въ садъ, помѣщался акварій съ золотыми рыбками и тритонами, убранный водяными растеніями, папортниками, раковинами; съ таинственными гротами и тихо-журчавшимъ фонтанчикомъ, а возлѣ акваріума, подъ тѣнью громадной латаніи, два кресла и столъ, заваленный журналами и газетами; между газетъ я замѣтилъ «Фигаро». Тутъ же не подалеку піанино, раскрытое и съ какимъ-то романсомъ на пюпитрѣ. Нѣсколько изящныхъ полочекъ съ фотографіями, двѣ три китайскія вазы съ букетами, мягкій турецкій диванъ и бронзовые часы на каминѣ довершали убранство. Массивныя драпировки оконъ и спущенныя маркизы сообщали комнатѣ какой-то таинственный полумракъ.

Вошелъ Ардаліонъ Васильичъ (онъ былъ уже въ свѣтломъ шолковомъ пиджакѣ и дышалъ свѣжестью и здоровьемъ), усѣлся рядомъ со мной и мы начали бесѣдовать.

— Ну что, какъ живется вамъ въ деревнѣ? спросилъ я.

Ардаліонъ Васильичъ сдѣлалъ недовольную гримаску, точь въ точь такую, какую дѣлаютъ обыкновенно хорошенькія избалованныя женщины, и проговорилъ со вздохомъ.

— Скучища!

— А хозяйство?

— Хорошо еще, что хозяйство, что дѣла много, работы. А не будь этого, я бы умеръ съ тоски...

— А какъ идетъ ваша ревизія?

— Ахъ, и не спрашивайте!

— Что же, плохо?

— Ревизія-то собственно идетъ успѣшно, но результаты плачевные. Ужасно! невѣроятно! Нерадѣніе, халатное отношеніе къ дѣлу... все бы это ничего еще. Я простилъ бы. Но вѣдь здѣсь все время шло расхищеніе! Вы видѣли домъ, видѣли мельницу—вѣдь вы мимо ея проѣзжали—вѣроятно, видѣли и садъ. Но, если бы вы заглянули въ поля, въ лѣса, то ужаснулись бы! Контора... Это только одна мечта, потому что въ конторѣ этой нѣтъ ни книгъ конторскихъ, ни отчетовъ, ни инвентарей, а только какіе-то клочки бумаги, какіе-то кусочки, по которымъ добраться до сути дѣла, конечно, нѣтъ никакой возможности! Управляющаго нѣмца я смѣнилъ. Право, эти нѣмцы просто дурачатъ насъ, я ихъ терпѣть не могу, и взялъ на время простого русскаго мужичка. Онъ не агрономъ, ходитъ въ полушубкѣ даже въ лѣтніе жары, грязный, косматый... Чешетъ постоянно въ затылкѣ, говоритъ «надысь», траву въ лугахъ называетъ «ѣдовитой», потому что ее охотно ѣстъ скотина... Но пока я все-таки имъ доволенъ. По крайней мѣрѣ, торчитъ вездѣ. Но мнѣ хотѣлось бы имѣть управляющаго, знаете, съ научнымъ образованіемъ, спеціалиста. Я уже писалъ отцу въ Петербургъ и онъ тамъ хлопочетъ. Откровенно вамъ сказать, у меня душа болитъ, глядя на наши деревни. Я не говорю про свою... эта ужь какая-то особенно несчастная! а вообще, про всѣ. Развѣ это то, что видимъ мы въ западной Европѣ? Вѣдь у насъ, смѣшно сказать, нѣтъ ничего! Ни лошадей порядочныхъ, ни орудій земледѣльческихъ, даже жилищъ нѣтъ. А школы! а больницы! Вѣдь мы, помѣщики, должны служить примѣромъ, не такъ ли? Оригиналомъ, съ котораго мужикъ имѣлъ бы возможность списывать копіи, а позвольте васъ спросить: какой представляемъ мы оригиналъ? Ради какихъ-нибудь эполетъ, мишуры, золотыхъ шнуровъ мы бросаемъ наши имѣнія, разстраиваемъ ихъ и доводимъ до того, что у насъ ихъ продаютъ съ молотка. Мы пріѣзжаемъ въ деревню подышать чистымъ воздухомъ, а у насъ даже и его нѣтъ... А почему? потому что сады наши запущены, въ прудахъ, вмѣсто воды, какая-то ботвинья, а наши развалившіяся усадьбы чуть не по самыя крыши завалены навозомъ. Гдѣ же мужику искать примѣра? Понятно, негдѣ. И вотъ, мужикъ идетъ въ кабакъ...

Все это онъ проговорилъ безостановочно, съ увлеченіемъ, торопливо, такъ же, какъ барышни передаютъ свои бальныя

впечатлѣнія, нервно сопровождая рѣчь поясняющими жестами; и кончилъ тѣмъ, что самъ же сталъ подшучивать надъ комичностью своего положенія.

Вошелъ Филиппъ Яковлевичъ и принесъ на большомъ серебряномъ подносѣ завтракъ, состоявшій изъ сыра, страсбургскаго пирога, сливочнаго масла и яицъ.

— Ставь, ставь сюда! крикнулъ Ардаліонъ Васильичъ и указалъ на небольшой столикъ.—Не хотите ли водки, закусить чего-нибудь?

И Ардаліонъ Васильичъ налилъ мнѣ рюмку водки.

— Пожалуйста! проговорилъ онъ.

— А вы что-жъ? замѣтилъ я.

— Я водки не пью.

— Какъ! Гусаръ и не пьетъ водки!

Ардаліонъ Васильичъ даже застыдился.

— Сколько разъ пробовалъ, проговорилъ онъ:—товарищи насильно даже въ ротъ вливали, но никакъ не могу привыкнуть. Вотъ шампанское я очень люблю.

И, повернувшись на каблукѣ, прибавилъ:

— Филь! (такъ называлъ онъ Филиппа Яковлевича) чтобы намъ къ обѣду шампанское было, англійскаго погреба, слышишь?

— Слушаю-съ.

— Я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи пообѣдать вмѣстѣ? обратился онъ ко мнѣ.

— А если откажу? спросилъ я.

— Тогда я не пущу васъ!

Но тутъ же, подумавъ, добавилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, я этого не сдѣлаю. Я лучше упрошу васъ; вы не захотите меня огорчить отказомъ.

«Почему же онъ думалъ, что я не огорчу его отказомъ?» мелькнуло у меня въ головѣ и я собрался было отказать, но, взглянувъ на его юное, симпатичное личико, остался.

— Ну, вотъ и отлично, очень радъ! А пока до обѣда прошу закусить... А послѣ завтрака мы пойдемъ въ садъ и я вамъ одно чудо покажу...

— Какое это?

— Одного замѣчательнаго субъекта...

— Ужъ не Авдія ли Иваныча? спросилъ я, вспомнивъ, что Ардаліонъ Васильичъ увезъ его къ себѣ въ Барыкино.

— Именно его... Онъ у меня тамъ, въ бесѣдкѣ живетъ.

*

X.

Послѣ завтрака мы отправились въ садъ. (Ардаліонъ Васильичъ надѣлъ не форменную фуражку, а соломенную шляпу съ большими полями). Немного погодя, мы подходили къ небольшой бесѣдкѣ. Ардаліонъ Васильичъ вынулъ ключъ изъ кармана, отперъ дверь и намъ представилась слѣдующая картина. Въ круглой бесѣдкѣ, стѣны которой были покрыты облупившимися фресками, изображавшими какихъ-то полногрудыхъ миѳологическихъ богинь, и готическія окна которой сильно затѣнялись кустами сирени, на мягкомъ турецкомъ диванѣ, растянувшись во весь ростъ, спалъ Авдій Иванычъ. Подъ головой у него была сафьянная подушка, а вмѣсто форменнаго сюртука, въ которомъ мы его видѣли, дворянскій мундиръ съ высокимъ, до ушей, краснымъ воротникомъ съ золотою вышивкой и съ продранными локтями. (На дворянскихъ выборахъ часто встрѣчаются такіе мундиры). Руки были сложены на груди, сѣдые волосы растрепаны, ротъ полуоткрытъ, глаза покрыты посинѣвшими вѣками. Я пришелъ въ ужасъ, взглянувъ на него: точно покойникъ передо мною лежалъ! Недоставало только покрова, да свѣчей. Ардаліонъ Васильичъ стоялъ, между тѣмъ, посрединѣ бесѣдки и, глядя на спавшаго, хохоталъ какъ ребенокъ.

— Каковъ? спросилъ онъ.

— Зачѣмъ вы на него мундиръ надѣли?

— Это не я, не я! поспѣшилъ оправдаться Ардаліонъ Васильичъ.—Онъ самъ, право, самъ... Какъ-то онъ убѣжалъ у меня, пропадалъ цѣлый день, а въ одинъ прекрасный вечеръ возвратился ко мнѣ въ этой формѣ. Надо полагать, что сюртукъ онъ пропилъ или заложилъ и кто-нибудь насмѣхъ нарядилъ его въ этотъ мундиръ. Вы видите, мундиръ никуда не годный, разорванный, безъ пуговицъ. Я полагаю, что насмѣхъ. Теперь я его вытрезвляю, не даю водки и запираю на ключъ, чтобы не бѣгалъ. Да вотъ бѣда; представьте себѣ, даже съ воды пьянѣетъ...

— Неужели?

— Право. Вчера, кажется, онъ у меня все водки просилъ, я и далъ ему рюмку воды... и что же? безъ заднихъ ногъ! Вотъ какъ наспиртовался!

И Ардаліонъ Васильичъ принялся будить Бобкова.

— Авдотья Ивановна, Авдотья Ивановна! кричалъ онъ, расталкивая спавшаго:—Авдотья Ивановна, вставайте!

Минутъ десять промучался съ нимъ Ардаліонъ Васильичъ, наконецъ, Бобковъ потянулся, открылъ мутные глаза и сѣлъ на диванъ. Можно было догадаться, что онъ ничего не сознавалъ и ничего не видѣлъ. Онъ сидѣлъ, тяжело опустивъ голову и какъ-то изъ-подлобья и безсмысленно поводилъ на насъ глазами.

— Дронычъ! Прокопій Дронычъ! крикнулъ онъ, наконецъ, тяжело вдохнувъ въ себя струю воздуха, пахнувшую въ дверь.— Про-о-копій!.. дай рюмочку!..

— Нѣтъ, ужъ этого не будетъ!.. проговорилъ Ардаліонъ Васильичъ.

— Цыцъ! Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить!

— Такъ и говорю. Водки не дамъ, а зельтерскую воду тяни сколько угодно.

— Кто ты? и кто я? Мужикъ и чиновникъ.

— Онъ воображаетъ, что онъ у Дроныча! замѣтилъ Ардаліонъ Васильичъ.

Но Бобковъ перебилъ его и, взглянувъ въ пустой уголъ, вдругъ заоралъ благимъ матомъ:

— Грунюшка! дорогая моя! ласковая, добрая ты моя! дай страдальцу рюмочку...

И онъ даже простеръ руки, какъ бы моля о пощадѣ.

— Нѣтъ, проговорилъ Ардаліонъ Васильичъ:—теперь онъ не занимателенъ... Пойдемте лучше обѣдать.

И, снова заперевъ бесѣдку на ключъ, мы отправились къ дому.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы бы его зельтерской водой попоили, замѣтилъ я.

— Сейчасъ же прикажу.

И, войдя въ домъ, онъ похлопалъ въ ладоши и крикнулъ:

— Филь! (Точно «пиль!» выходило у него это слово).

Явился Филиппъ Яковлевичъ.

— Слушай-ка, Филь... Достань изъ подвала нѣсколько бутылокъ зельтерской воды и скажи наѣзднику Якову, чтобы онъ отправился въ бесѣдку и отпаивалъ бы этой водой Авдотью Ивановну... Понимаешь?

И, передавъ ключъ отъ бесѣдки, Ардаліонъ Васильичъ пригласилъ меня въ столовую, помѣщавшуюся въ комнатѣ, рядомъ съ кабинетомъ.

XI.

Столъ былъ накрытъ. Но каково было мое изумленіе, когда я увидалъ столовую, буквально заставленную желѣзными кроватями. Цѣлыхъ десять кроватей, совсѣмъ приготовленныхъ и накрытыхъ одѣялами, стояло вдоль стѣнъ и возлѣ каждой кровати по столику, по коврику и даже по свѣчкѣ на каждомъ столикѣ.

— Что это? спросилъ я:—больница?

Ардаліонъ Васильичъ расхохотался.

— Нѣтъ, проговорилъ онъ: — больница — это въ будущемъ, когда я осмотрюсь и приведу въ порядокъ имѣніе, а пока это просто офицерская казарма. Сегодня вечеромъ я жду къ себѣ изъ Питера товарищей, гусаровъ. Они ко мнѣ гостить ѣдутъ. Цѣлыхъ десять человѣкъ! Такъ вотъ кровати эти для нихъ... Размѣстить ихъ по отдѣльнымъ комнатамъ я, къ сожалѣнію, не могу, такъ вотъ и придумалъ устроить имъ казарму.

Послѣ обѣда, гастрономическаго и съ тонкими винами, мы снова перебрались въ кабинетъ и усѣлись возлѣ раствореннаго окна, выходившаго въ садъ. Оттуда такъ и вѣяло прохладой. Возлѣ моего кресла стоялъ столъ, тотъ самый, который былъ заваленъ газетами и журналами. Пахнулъ какъ-то изъ окна вѣтерокъ, сдулъ одну газету на полъ и моимъ глазамъ представился акварельный рисунокъ, изображавшій крестьянскую дѣвушку, отдыхавшую въ лѣсу. Дѣвушка лежала на спинѣ, съ закинутыми подъ голову руками, съ обнажившимся плечомъ и словно млѣла подъ обаяніемъ тепла и лѣса. Сквозь зеленую, какъ бы трепещущую листву падалъ лучъ солнца и ярко освѣщалъ кустъ орѣшника и сѣдой, какъ пухъ страусовыхъ перьевъ, папоротникъ. Фигура дѣвушки такъ рельефно выдавалась изъ этого яркаго солнечнаго фона, что казалась положительно внѣ картины, не на бумагѣ, а какъ-то отдѣльно. Опрокинутый кузовокъ съ разсыпавшимися грибками, лежалъ возлѣ нея, и грибы эти такъ были натуральны, что хотѣлось смахнуть даже чуть-чуть покрывавшую ихъ пыль.

— Этюдъ съ натуры, проговорилъ Ардаліонъ Васильичъ, замѣтивъ, что я разсматриваю рисунокъ.

— Вашей работы?

— Да, это я рисовалъ.

— Можно посмотрѣть?

— О, конечно! Только вѣдь я плохой рисовальщикъ...

Я взялъ рисунокъ и сейчасъ же въ отдыхавшей дѣвушкѣ узналъ красавицу Груню. Это былъ ея портретъ. Это лежала она, именно она, разметавшись, усталая, жадно вдыхавшая полуоткрытымъ ртомъ прохладу лѣса. Она словно грезамъ предавалась, и чтобы отстранить все, могущее разсѣять эти грезы, можетъ быть, милыя, полузакрыла глаза. Даже опрокинутый кузовокъ съ разсыпавшимися грибами какъ будто говорилъ, что красавицѣ не до кузовка и не до грибовъ.

Засмотрѣлся я на этотъ рисунокъ.

— Прелестно! проговорилъ я:—это портретъ?

— Да, отвѣчалъ Ардаліонъ Васильичъ и весь вспыхнулъ.

— Это вѣдь Груня, внучка Дроныча?

— Да, это она... Не правда ли, какая она красивая?

— Она красавица...

— Боже мой! продолжалъ, между тѣмъ, Ардаліонъ Васильичъ, не слушая меня. — Еслибы можно было одѣть ее въ костюмъ итальянки... или одалиски!

— Почему же нельзя? спросилъ я.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ. Она никогда не согласится... Она такая упорная, такая несговорчивая!

И онъ опять весь вспыхнулъ, даже уши покраснѣли.

Немного погодя, я сталъ собираться домой. Ардаліонъ Васильичъ пошелъ провожать меня. Возлѣ каретнаго сарая стояли двѣ коляски; нѣсколько кучеровъ въ красныхъ рубахахъ суетились, закладывая лошадей.

— На желѣзную дорогу, замѣтилъ Ардаліонъ Васильичъ.

— За товарищами? спросилъ я.

— Да.

Наконецъ, подали и мнѣ тарантасъ. Я хотѣлъ уже садиться, какъ вдругъ мы увидали выбѣгавшаго изъ садовой калитки Филиппа Яковлевича.

— Баринъ! кричалъ онъ: — вѣдь Авдотья-то Ивановна убѣжала!

— Какъ такъ? куда?

— Неизвѣстно! Его тамъ въ бесѣдкѣ нѣтъ...

— Да вѣдь я же заперъ его на ключъ!

— А онъ въ окно вылѣзъ! Высадилъ раму и поминай какъ звали! Яковъ понесъ было зельтерскую воду, отперъ дверь-то, а ужь его и слѣдъ простылъ!

— Надо поскорѣе на село бѣжать, въ кабакъ. Онъ непремѣнно въ кабакѣ. Пошли-ка поскорѣе, а лучше всего самъ сбѣгай.

Филиппъ Яковличъ бросился на село, а я, еще разъ пожавъ Ардаліону Васильичу руку, сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ домой.

Миновавъ шажкомъ садъ и мельницу и выбравшись въ поле, мы пустили тройку крупной рысью. Отъѣхавъ съ версту, кучеръ обернулся ко мнѣ.

— Однако, проговорилъ онъ:—баринъ-то сильно пріударилъ за Дронычевой внучкой!

— Ты почему знаешь?

— Кучера болтали. Лакей-то, Филиппъ Яковличъ, вишь каждый день шатается туда, за барина, значитъ, хлопочетъ...

— Вздоръ какой!

— Болтаютъ, а можетъ и вздоръ! Вишь въ Питеръ приглашалъ... двѣсти рублей въ мѣсяцъ предлагалъ...

— Ну?

— Вѣрно говорю.

— И что же?

— Ну... не соглашается вишь!

Минутъ черезъ пятнадцать мы были уже дома.

Но каково же было мое изумленіе, когда, выйдя на крыльцо, я увидалъ Авдія Иваныча прилѣпившагося позади тарантаса. Бѣглецъ сидѣлъ скукожившись, пригнувъ голову, притаившись какъ мальчишка, даже защуривъ глаза и судорожно обѣими руками вцѣпившись за дрожины. Онъ былъ безъ шапки, весь въ пыли и въ дворянскомъ мундирѣ.

Я приказалъ его обмыть, далъ ему парусинное пальто и въ тотъ же день препроводилъ къ Дронычу въ лѣсъ.

XII.

Былъ какой-то праздничный день, когда я, недѣли двѣ спустя послѣ описаннаго, снова отправился къ Дронычу. Праздничный день я выбралъ именно потому, что Груня преимущественно по праздничнымъ днямъ навѣщала дѣда; мнѣ хотѣлось повидать ее. Ардаліона Васильича за эти дни я не встрѣчалъ, но слышалъ, что гусары дѣйствительно пріѣхали къ нему въ назначенный день, что вмѣстѣ съ ними онъ былъ въ селѣ Песчанкѣ, обходилъ всѣ лавки и произвелъ въ селѣ такой эффектъ, что народъ ходилъ за нимъ цѣлыми толпами. Говорили, что каждый вечеръ Ардаліонъ Васильичъ устраиваетъ для своихъ гостей фейерверки, освѣщаетъ садъ бенгальскими огнями и даже выписалъ изъ города оркестръ жидовъ. Дѣйствительно, разъ какъ-то, выйдя на балконъ вечеромъ, я увидалъ лопнувшую на темномъ небѣ ракету, но только одну эту ракету и видѣлъ. Песчанскія

барышни выходили изъ себя; онѣ чуть не каждый день устраивали кавалькады, летали по всѣмъ направленіямъ, но только всего одинъ разъ встрѣтили гусаровъ. Завидѣвъ ихъ, барышни пришли въ восторгъ (онѣ такъ и думали, что гусары непремѣнно присоединятся къ нимъ), но гусары сдѣлали подъ козырекъ и крупной рысью, словно на разводѣ, промчались мимо.

Было часовъ шесть вечера, когда я подходилъ къ избѣ Дрокыча. Груня была тамъ; она сидѣла на заваленкѣ и что-то шила.

— Здравствуй, Груня! крикнулъ я.

Она даже вздрогнула и испуганно посмотрѣла на меня черными глазами.

— Что̀, или не узнала?

— Узнать-то узнала; только напугалъ ты меня очень.

— Неужели ты такая пугливая!

— Задумалась я—вотъ и испугалась.

— О чемъ же это ты думала?

— Мало ли о чемъ...

— А дѣдъ дома?

— Дома. Только сейчасъ онъ рыбу удить... тутъ недалечко, съ пріятелемъ со своимъ.

— Съ какимъ это?

— Точно не знаешь! Одинъ у него пріятель-то... Окромѣ нѣтъ никого...

— Авдотья Ивановна, что-ли?

— Извѣстно.

— Неужто онъ здѣсь еще?

— Здѣсь.

— И все пьетъ?

— Выпилъ бы, да дѣдушка не даетъ. Только три рюмочки въ день позволяетъ; утромъ одну, въ полдень, да вечеромъ.

— И онъ слушается?

— Еще бы! Дѣдушка шутить не любитъ.

Я разсказалъ Грунѣ, какъ Авдій Иванычъ доѣхалъ со мной изъ Барыкина.

— Слышала я это, проговорила она весело:—ужь мы съ дѣдушкой не мало смѣялись.

— Кто-же тебѣ разсказалъ?

— Да самъ Авдій Иванычъ.

— Будто онъ помнитъ?

— Еще-бы! Онъ все помнитъ. Какъ ты съ Ардальономъ Василичемъ въ бесѣдку приходилъ, какой-то водой поить собирались... все, все какъ есть помнитъ. «Я, говоритъ, нарочно пьянымъ притворился; больно ужь мнѣ надоѣло въ будкѣ сидѣть.

Водки, говоритъ, давать перестали, тоска взяла! а когда я, говоритъ, увидалъ барина (это тебя то есть! вставила Груня) мнѣ и пришло въ голову бѣжать. Такъ я и сдѣлалъ. Высадилъ, говоритъ, раму и возлѣ садоваго плетня въ лопухахъ спрятался и сталъ поджидать, когда баринъ домой поѣдетъ. Долго, говоритъ, сидѣлъ, соскучился даже; наконецъ, вижу ѣдетъ, подъ горку шажкомъ спускается. Ладно! думаю; далъ тарантасу поровняться, выпрыгнулъ изъ лопуховъ, да и вскочилъ на задокъ...»

И Груня залилась веселымъ смѣхомъ; лицо ея разгорѣлось, глаза заискрились. Я даже залюбовался на нее.

— Экая ты красивая! вскрикнулъ я.

— Вотъ тѣ на! перебила она:—я про Авдотью Ивановну разсказываю, а онъ вонъ куда повернулъ!

— Пѣсенка одна есть, «Тройкой» называется... Такъ вотъ въ этой пѣсенкѣ про такую-же красавицу говорится. Знаешь ты эту пѣсенку?

— «Вотъ мчится тройка удалая», что-ли? спросила она.

— Нѣтъ, другая.

— Ну, другой не знаю.

Я прочелъ ей некрасовскую тройку.

Груня слушала, слушала и, когда я кончилъ, вздохнула.

— Хорошо! проговорила она:—ты выучи меня.

— Изволь.

— Только... Что это значитъ «корнетъ»?

Я объяснилъ.

— Та-акъ! протянула она въ раздумьѣ.

— Кажется, я на тебя тоску нагналъ? спросилъ я.

Груня продолжала молчать.

— А знаешь-ли, Груня, проговорилъ я, взявъ ее за руку:— недавно я твой портретъ видѣлъ.

Она вздрогнула, словно пчела ужалила ее.

— Гдѣ? спросила она.

— У барыкинскаго барина.

Груня засмѣялась и закрыла лицо руками. Раздумье какъ крыломъ смахнуло.

— И чудакъ только! вскрикнула она.

— Кто?

— Самый этотъ Ардальонъ Васильичъ.

— Чѣмъ-же онъ чудакъ?

— Да какъ-же! Пришелъ сюда какъ-то... и я была здѣсь. Сталъ съ дѣдушкой про своего управляющаго говорить; какъ онъ, значитъ, обкрадываетъ его; какъ весь лѣсъ вырубилъ; какъ домъ сгноилъ. Много, много говорилъ, я ужь половину и пере-

забыла! — «Не знаю, говоритъ, что мнѣ и дѣлать! Самъ въ хозяйствѣ ничего не смыслю; не умѣю ржи отъ овса отличить, только, говоритъ, гречиху одну запримѣтилъ, а вѣрнаго человѣка подыскать не могу.» Я тутъ же рядомъ съ нимъ сидѣла и смѣхъ меня разбиралъ, что человѣкъ разнымъ наукамъ обучался, а ржи отъ овса отличить не умѣетъ! Терпѣла, терпѣла, да какъ фыркну! А Ардальонъ Васильичъ и спрашиваетъ: — «Ты, говоритъ, что-же смѣешься, Груня?» — А я и говорю: — «Возьмите меня въ управляющіе; я умѣю рожь отъ овса отличить! Не спутаю!»

— Что-же онъ?

— «Нѣтъ, говоритъ, Груня, тебя мнѣ не надо, а вотъ, говоритъ, дѣдушку твоего я съ удовольствіемъ бы взялъ, и жалованье большое далъ-бы! И жилъ бы, говоритъ, твой дѣдушка не въ лѣсу, не въ землянкѣ, а въ хорошемъ флигелѣ на моей усадьбѣ, въ холѣ, въ теплѣ; и распоряжался-бы имѣніемъ моимъ, какъ своимъ собственнымъ. Вотъ, говоритъ, про дѣдушку про твоего я много слышалъ хорошаго. Слышалъ, что у него и собственное свое большое хозяйство было, и что дѣло хозяйское онъ знаетъ до тонкости. Вотъ его-бы взялъ, говоритъ!»

— Что-же дѣдушка?

— Извѣстно что! не пошелъ... «Мнѣ, говоритъ, въ лѣсу спокойнѣе!»

— А можно тебѣ еще одинъ вопросъ сдѣлать?

— Ну, спрашивай.

— Скажешь правду?

— Извѣстно, скажу.

— Въ Питеръ звалъ онъ тебя?

Багровый румянецъ вспыхнулъ на лицѣ Груни.

— Тебѣ кто говорилъ про это?

— Люди говорили.

— А не онъ самъ?

— Нѣтъ, не онъ.

— То-то! А ужь я думала, онъ.

— Что-же, правда?

— Правда. Только про это дѣло говорилъ мнѣ не самъ онъ, а лакей его.

— Что-же ты?

— Обругала я его, вотъ и все. А потомъ и барину досталось.

— Какъ такъ?

— Очень просто! Пріѣхалъ онъ какъ-то опосля сюда, и я была здѣсь. При дѣдушкѣ говорить мнѣ про это дѣло не хотѣлось; вотъ я и пошла съ нимъ въ лѣсъ, какъ-будто за гри-

бами. Завела его въ лѣсъ-то и говорю:—«Послушай-ка, баринъ! Ты съ чего это взялъ ко мнѣ своего лакея подсылать?» Онъ даже загорѣлся весь, застыдился, слезы на глазахъ навернулись... «Прости, говоритъ, меня; полюбилась ты мнѣ очень! съума, говоритъ, схожу по тебѣ!» — «А коли, говорю, любишь меня, впередъ такъ не дѣлай. Ты знаешь, говорю, что хоша я и крестьянка, а въ полюбовницы никогда ни къ кому не пойду!» Хотѣла я его тутъ разжечь хорошенько, да жалко стало! Ужь очень онъ смирный, тихій, да добрый такой... Словно дѣвушка красная!

— Ну, а когда же онъ съ тебя портретъ-то рисовалъ? спросилъ я.

— Тоже приходилъ какъ-то... ужь я забыла когда.

И, немного помолчавъ и подумавъ, она проговорила:

— Да нѣшто это патретъ?!

— Чтò же?

— Извѣстно такъ, картинка. Кабы эта картинка походила на меня, такъ я бы красавица была...

— Нѣтъ, Груня, это ты.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Развѣ ты никогда въ зеркало не смотрѣлась?

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжала она отрекаться: — я не такая... Тамъ красавица, какихъ и на свѣтѣ нѣтъ.

— А вотъ я какъ только взглянулъ на картинку, такъ сейчасъ же узналъ тебя.—«Это Груня!» говорю.

— Что же онъ-то?

— Вспыхнулъ весь, покраснѣлъ...

Вспыхнула и Груня, и глаза у нея словно угольки загорѣлись.

— Будетъ тебѣ смѣяться-то! проговорила она, стыдливо закрывъ лицо фартукомъ: — у меня и бусъ-то такихъ нѣтъ, и платочка на головѣ не было.

— А кузовокъ съ грибами былъ?

— Ну, кузовокъ точно что былъ, проговорила она, быстро откинувъ фартукъ и скрестивъ на колѣнахъ руки: — что было, то было. Онъ даже самъ и грибочки разсыпалъ, самъ и уложилъ меня. Только ты не подумай... нѣтъ, нѣтъ! Тутъ и дѣдушка въ тѣ поры былъ; все еще приставалъ, чтобы и его со мной рядомъ посадилъ...

— Почему же онъ не посадилъ его?

— «Нѣтъ, говоритъ, не надо. Я, говоритъ, дѣдушка, послѣ тебя срисую, надъ рѣкой, съ удочками, рядомъ съ Авдотьей

Ивановной. Ты, говоритъ, будешь удочкой рыбу удить, а онъ носомъ...

— Ну, а мнѣ показалось, что портретъ былъ срисованъ въ другое время...

— Когда же?

— А помнишь, какъ-то ты запоздала сюда... пришла съ кузовкомъ, да съ грибочками... Еще Григорій разсердился тогда на тебя. Вотъ когда я думалъ...

— О! помню, помню!

И, замахавъ руками, она добавила:

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ здѣсь, на полянкѣ писалъ, вонъ возлѣ того куста... И Груня указала кустъ.

— А все-таки въ тотъ вечеръ-то, когда ты запоздала-то, вѣдь ты видѣлась съ нимъ?

— Съ кѣмъ?

— Съ Арадальономъ Васильичемъ?

Груня опять вспыхнула.

— Ты почемъ знаешь?

— А потому, что я видѣлъ его. Онъ на дрожкахъ съ лакеемъ ѣхалъ.

— Да. Я сюда шла, а онъ встрѣтился и остановилъ меня.

Груня задумалась, но, немного погодя, вдругъ обернулась ко мнѣ и, какъ бы вспомнивъ что-то, спросила:

— Ты когда же меня той пѣсенкѣ-то научишь?

— А вотъ, приду когда-нибудь на цѣлый день и научу.

— Ты поскорѣй.

И, сдвинувъ брови, она прибавила:

— Какъ, бишь, въ концѣ-то: «не гляди же»... какъ это тамъ?

— А вотъ какъ. И я прочиталъ:

Не гляди же съ тоской на дорогу
И за тройкой во слѣдъ не спѣши,
И тоскливую въ сердцѣ тревогу
Поскорѣй навсегда заглуши...

— Хорошо! прошептала Груня вздохнувъ и снова задумалась. Послышалась чья-то звонкая пѣсня въ лѣсу и Груня вскочила.

— Пойдемъ къ дѣдушкѣ! проговорила она торопливо.

— А онъ гдѣ? далеко?

— Ну, зачѣмъ далеко! Вотъ тутъ, сейчасъ за ерикомъ... пойдемъ! И Груня протянула мнѣ руку.

Мы пошли, а пѣсня продолжала гремѣть въ противуположной сторонѣ лѣса и слышно было, что быстро приближалась она къ лѣсной полянкѣ.

XIII.

Солнце между тѣмъ сѣло; жаръ схлынулъ; пахнуло вечеромъ. Лѣсъ стоялъ неподвижно, не колыхаясь ни единомъ листкомъ; только сѣроватые листья осинника дрожали лихорадочною дрожью. Кругомъ тихо, покойно, даже на душѣ становилось какъ-то тихо. Статныя деревья одно за другимъ проходили мимо насъ. То мелькнетъ корявый стволъ исполина дуба, то бѣлый какъ снѣгъ стволъ березы, хлеснетъ вѣтка по лицу, раздастся шорохъ, и опять тихо. Не даромъ молитвенники ищутъ спасенія въ лѣсу. Гдѣ-то какая-то птичка зудѣла, да такъ сиротливо, что даже скуку нагоняла. А вотъ и соловей пробѣжалъ по землѣ, пробѣжалъ молча, быстро какъ мышенокъ, ткнулся въ кустъ и исчезъ. Мы шли узкой тропинкой, все дальше и дальше углубляясь въ лѣсъ. Даже пѣсня, приближавшаяся къ полянкѣ, далеко-далеко оставалась за нами. Она замерла вскорѣ. Видно пѣвецъ достигъ цѣли и замолкъ. Вечерѣло замѣтно. Приходилось то и дѣло отстранять вѣтви, нагибаться. Идти рядомъ рука съ рукой было невозможно. Груня пошла впередъ, шла быстро, словно порхала, срывая на ходу попадавшіеся цвѣты. Цѣлый вѣнокъ сплела она изъ этихъ цвѣтовъ, обвила его павиликой и надѣла на голову. Вдругъ раздался голосъ Авдія Иваныча.

— Дронычъ! кричалъ онъ какимъ-то хриплымъ, соннымъ голосомъ:—на дворѣ вечеръ, пора! Освѣжи ты мнѣ душу!

— Сказано: передъ ужиномъ! раздался голосъ Дроныча.

— Варваръ!

Мы обогнули кустъ орѣшника и увидали рыболововъ. Дронычъ въ холщевой рубахѣ, въ синихъ, съ бѣлыми полосками, штанахъ, босой и въ старенькой шляпѣ сидѣлъ надъ рѣкой и глазъ не сводилъ съ поплавковъ. Возлѣ него кувшинчикъ съ червями, коврига чернаго хлѣба (отъ ковриги этой онъ отщипывалъ маленькіе кусочки и бросалъ ихъ въ воду) и тутъ же, рядомъ Жучка. Авдій Иванычъ рыбы не ловилъ. Онъ сидѣлъ поодаль прислонясь къ дереву и только поводилъ мутными, опухшими глазами. Моего парусиннаго пиджака на немъ ужь не было. Онъ былъ просто въ ситцевой грязной рубахѣ и парусинныхъ панталонахъ съ перекинутыми на крестъ, черезъ плеча, помочами; изъ прежняго костюма уцѣлѣли только рыжіе стоптанные сапоги... Лицо Авдія Иваныча трудно было бы узнать: оно обросло сѣдой щетиной, ясно говорившей, что тутъ ужь не до бритья.

— Чортъ знаетъ! бормоталъ онъ: — знаю, какъ добывается золото, какъ добывается серебро, а вотъ какъ двугривенный добыть — не могу придумать!.. Дронычъ! какъ добыть двугривенный?

— Отстань! крикнулъ Дронычъ.

И, увидивъ меня съ Груней, прибавилъ обрадованный:

— А! гости дорогіе! Милости просимъ!

— Мы, дѣдушка, соскучились, проговорила Груня:—тебѣ мѣшать пришли. Бросай-ка удочки, пойдемъ домой.

— Я и такъ ужь сбирался!

— А коли сбирался, такъ и того лучше, значитъ, не помѣшали. Ну, что, много наловилъ? Уха будетъ что ли?

— Нѣшто съ такимъ товарищемъ наловишь! вскрикнулъ Дронычъ, сердито кивнувъ головой на Бабкова: — чу! сопитъ какъ! Рыба-то слышитъ, поди... На уху все-таки наловилъ, прибавилъ онъ:—поужинать будетъ чѣмъ.

— Онъ только объ жраньѣ и думаетъ! промычалъ Бобковъ.

— А по твоему объ водкѣ бы! перебилъ его Дронычъ, вытаскивая изъ воды удочки и заматывая ихъ. — Эхъ ты, совѣсть! Пора бы и перестать! Шутка ли, скоро мѣсяцъ будетъ, какъ запилъ!

— Врешь! Со вчерашняго числа другой пошелъ...

— Чего добраго подохнешь, пожалуй!

— Небось, не подохну! до этого никогда еще не доходилъ. Не такъ воспитанъ.

И вдругъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Торжественныя, сударь мой, минуты!..

— Какія это? спросилъ я.

— Въ которыхъ я теперь нахожусь... Торжественныя! ибо душа человѣческая отрекается въ это время отъ суеты міра и стремится къ своему первобытному началу: смиренію и любви!

— Оно и видно! крикнулъ Дронычъ.

— Ты не видишь, извѣстно, потому ты мужикъ!.. Попробуй-ка подойти ко мнѣ къ трезвому, когда я въ канцеляріи сижу, такъ я тебя такъ огорошу, что ты ногъ не унесешь. «Да воскреснетъ Богъ!» зачитаешь! Пріятель ты мнѣ, а я все-таки огорошу! А теперь подходи сколько хочешь, бери съ руками и съ ногами! Теперь душа у меня человѣческая. Я человѣкъ, а тогда я чиновникъ! Теперь я людей боюсь, я отъ нихъ въ лѣсъ убѣжалъ, а тогда—наоборотъ: отъ меня люди въ лѣсъ побѣгутъ!

— Извѣстно—взяточникъ! замѣтилъ Дронычъ, продолжая заматывать удочки.

— Я могу брать взятки сколько угодно! подхватилъ Авдій

Иванычъ:—сколько угодно... Въ дѣтствѣ я былъ раненъ въ голову и взяточничаю въ помраченіи ума!

— А ну тебя! перебилъ его Дронычъ:—замололъ! Чѣмъ молоть-то, помогъ бы лучше удочки убрать. Сидитъ, какъ колода...

— И самъ соберешь! Не велика птица-перепелица!

И, пригнувшись ко мнѣ, онъ шепнулъ:

— Нѣтъ ли двугривенничка... одолжите!

— Эй ты! крикнулъ Дронычъ, замѣтивъ его движеніе: — ты чего тамъ пригибаешься-то!.. Ты ему не давай, ради Господа не давай... Теперь онъ маленько на поправку пошелъ, а дашь— опять закрыжитъ...

— «Человѣкъ ты или звѣрь!» крикнулъ Бобковъ, но на слова его никто не обратилъ вниманія.

Немного погодя, мы снова были на площадкѣ. Насъ встрѣтилъ Григорій, веселый и счастливый. Я вспомнилъ пѣсню въ лѣсу и догадался, что пѣсню эту пѣлъ именно онъ, спѣша на свиданіе съ милой. Григорій успѣлъ уже развести костеръ и приладить котелокъ; онъ зналъ, что безъ ужина дѣло не обойдется. Мы усѣлись вокругъ костра. Только одинъ Бобковъ помѣстился какъ-то поодаль и все что-то ворчалъ. Чудная ночь спустилась на землю, теплая, пахучая, съ мягкими тонами. Небо было усыпано большими лучистыми звѣздами, проливавшими мягкій, трепетный свѣтъ на притаившуюся землю. Изрѣдка наплывало облачко, бѣлое, тонкое, какъ тюль. Воздухъ теплый, пахучій. Отъ кудрявыхъ вязовъ на посеребренную полянку ложилась пестрая тѣнь, точно кружево. Костеръ потрескивалъ; попахивало дымкомъ и ухой. Вся рѣка искрилась отражавшимися звѣздами. Гдѣ-то шлепнула рыба и серебристые круги расплылись по зеркальной рѣкѣ. Куликъ встрепенулся и съ пискомъ перемѣстился съ одной песчаной отмели на другую. Жукъ пролетѣлъ; загудѣлъ какъ пущенный волчокъ, но стукнулся обо что-то, упалъ и затрещалъ жесткими крылышками. Потянулъ теплый вѣтерокъ и зарябилась гладь рѣки, но на площадкѣ, защищенной лѣсомъ, было такъ тихо, что даже огонь подъ котломъ горѣлъ не колыхаясь, обливая багровымъ свѣтомъ и высокую костлявую фигуру Дроныча, и Авдѣя Иваныча, и всю остальную компанію.

Вдругъ, гдѣ-то вдали, едва слышно раздалось тихое, стройное пѣніе. Не то хоръ, не то органъ словно. Мы встрепенулись и стали прислушиваться. Груня сбросила платокъ съ головы и, повернувшись ухомъ къ той сторонѣ, откуда доносились звуки, замерла на мѣстѣ. Дронычъ привсталъ на колѣна, и тоже сталъ слушать. Вскочилъ и Григорій, какъ ужаленный звѣрь, вскочилъ

и глазъ не сводилъ съ Груни. Не хорошіе это были глаза́! Даже Бобковъ принялся обводить всѣхъ глазами и, не понимая, въ чемъ дѣло, вдругъ крикнулъ:

— Чего уши-то навострили!

Но на него накинулись всѣ, и заставили замолчать.

А звуки между тѣмъ все лились... чуть слышные, стройные, хватающіе за сердце, полные могучихъ аккордовъ. То они, словно сверху спускались, то словно изъ лѣса наплывали. Нѣтъ, это не органъ, это хоръ какой-то. Гдѣ-то вода плеснула, разъ, другой, третій; голоса становились слышнѣе; что-то стукнуло на рѣкѣ глухо, словно весло объ лодку. Рѣка подхватила хоръ, понесла его съ собою и весь лѣсъ наполнился звуками. Все слышнѣе и слышнѣе становились они, усиливались, приближались. Было ясно, что это люди пѣли и что людей было не мало. Мы бросились къ рѣкѣ; Груня прежде всѣхъ. А тамъ на изгибѣ, вдругъ изъ-за лѣса мелькнулъ огонекъ, другой, третій. Зеленый, красный, бѣлый, и нѣсколько освѣщенныхъ фонариками лодокъ, выплывая одна за другой, заскользили по рѣкѣ, направляясь къ намъ. Хоръ загремѣлъ, хлынулъ прямо на насъ, лѣсъ подхватилъ звуки и разнесъ ихъ въ разныя стороны. Такъ изъ запертого храма вдругъ вырываются звуки, когда двери его распахнутся. Прошло пять минутъ и вся эта флотилія плыла мимо насъ.

Груня рванулась, подскочила къ обрыву, простерла руки и крикнула громко, что было силъ:

— Ардальонъ Васильичъ!

— Груня! ты? раздался чей-то голосъ и голосъ этотъ такъ и вылетѣлъ изъ хора пѣвцовъ.

— Я, я, заѣзжайте!

— Примешь?

— Приму.

— Не прогонишь?

— Нѣтъ, нѣтъ...

А хоръ все не умолкалъ, и весла продолжали вздымать волны. Что-то сказочное, волшебное происходило передъ нами. Я глазъ не сводилъ съ Груни. Освѣщенная багровымъ свѣтомъ костра, она, словно въ живой картинѣ, стояла передо мною. Какъ блеснули ея темные большіе глаза! Простертыя руки, страстный взглядъ, полуоткрытый ротъ, рядъ бѣлыхъ какъ снѣгъ зубовъ, волнующаяся грудь, а внизу у ея ногъ: темная рѣка, скользящія ладьи съ флагами, фонарями, опьяняющіе аккорды хора... И гребцы и хоръ сидѣли въ лодкахъ. Только *онъ* одинъ стоялъ въ блестящей венгеркѣ, красной фуражкѣ, и глазъ не сводилъ

съ Груни. Не сводилъ съ нея глазъ и Григорій, молча нахмурившій брови.

— Не прогонишь? повторилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Причаливай! раздалась команда.

Рули повернули, вода запѣнилась, закрутилась воронкой, раскатилась волной, ударила о берегъ разъ, другой, третій, разлилась по песку, брызнула пѣной, лодки причалили и хоръ замолкъ.

— Здравствуйте! крикнулъ весело Ардальонъ Васильичъ, и выскочилъ на берегъ, а вслѣдъ за нимъ и остальные. Словно штурмомъ взяли они крутой обрывъ и вскочили на него!

То были гусары—гости Лошкарева.

XIV.

На слѣдующій день мнѣ пришлось отправиться въ Москву. Тамъ, я какъ-то позадержался (изъ этой бѣлокаменной никогда не выберешься во-время) и только черезъ недѣлю, когда въ карманѣ у меня осталась именно та сумма, которая требовалась на пріобрѣтеніе билета и на оплату гербоваго сбора, я отправился къ роднымъ пенатамъ. Ѣхать по желѣзной дорогѣ мнѣ приходилось до станціи С—ки, т. е. сутки слишкомъ. На станцію эту поѣздъ приходитъ ночью и скрещивается съ поѣздомъ, отходящимъ въ Москву. Вагоны были переполнены пассажирами, тѣснота доходила до давки, и потому спать не пришлось. Измученный и усталый (я впрочемъ успѣлъ устать еще въ Москвѣ), я съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца моего путешествія. Наконецъ, вотъ и станція. Поѣздъ, отходившій въ Москву, успѣлъ уже прибыть и ожидалъ нашего прихода, чтобы отправиться въ путь. Когда я вышелъ на платформу (только мнѣ одному разрѣшилъ это по знакомству оберъ-кондукторъ), то отходившему поѣзду былъ данъ третій звонокъ. Всѣ пассажиры сидѣли въ вагонахъ, одни кондуктора бѣгали по пустынной платформѣ, захлопывая дверки. Оберъ-кондукторъ собирался уже дать свистокъ, какъ вдругъ стеклянныя двери вокзала шумно распахнулись, раздалось дребежжаніе нѣсколькихъ разбитыхъ стеколъ и цѣлая толпа гусаръ, одѣтыхъ по дорожному, въ красныхъ фуражкахъ и шинеляхъ, гремя саблями и шпорами, выбѣжала на платформу, пріостановилась, оглядѣлась и бросилась со всѣхъ ногъ на вагонъ перваго класса. «Нельзя-съ!» раздался было

голосъ кондуктора, оберегавшаго дверку, но кондукторъ полетѣлъ на полъ, голосъ его умолкъ, дверка распахнулась и гусары одинъ по одному поспѣшно скрылись въ вагонѣ. Словно отъ какого-то преслѣдованія бѣжали они, бѣжали безъ оглядки, куда попало, молча, торопливо, безпорядочно, объятые паникой, блѣдные, испуганные. Все это было дѣломъ одной секунды; я даже опомниться не успѣлъ. Кто-то еще пробѣжалъ по платформѣ, тоже испуганно, торопливо, съ нѣсколькими сакъ-вояжами въ рукѣ, вскочилъ на балкончикъ вагона третьяго класса и, увидавъ меня, крикнулъ какимъ-то страннымъ голосомъ:

— Прощайте, бѣжимъ!

Это былъ Филиппъ Яковличъ.

— Что случилось? спросилъ я, подбѣгая къ нему.

— Бѣда! скандалъ! шепталъ онъ торопливо и трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Ну!

— Григорій Груню зарѣзалъ, а барину оскорбленіе сдѣлалъ.

Дрожь пробѣжала по мнѣ.

— Когда? спросилъ я.

Но въ это время раздался свистокъ, кто-то крикнулъ: «Господинъ! пожалуйте въ вагонъ!» и поѣздъ тронулся.

— Когда, когда? кричалъ я, увидавъ высунувшуюся въ окно голову Филиппа Яковлевича:—когда?

— Сегодня, вечеромъ, въ девять часовъ...

Я не вѣрилъ ни ушамъ, ни глазамъ своимъ. Точно громъ... треснулъ, оглушилъ и затихъ.

Пріѣхавшія за мною лошади стояли у подъѣзда. Я вскочилъ въ тарантасъ и, несмотря на темноту ночи, отправился домой. Я тоже заторопился, нервно, болѣзненно, какъ тѣ гусары, которыхъ только-что видѣлъ.

— Что тамъ случилось? спросилъ я кучера.

— Несчастіе.

— Григорій?

— Ништо онъ...

— До смерти?

— Нѣтъ, жила вишь сколько-то, а потомъ померла.

— Въ лѣсу?

— Въ лѣсу.

— За что же?

— Да все, вишь, изъ-за того барина...

— А онъ-то былъ тамъ?

— Баринъ-то?

— Ну, да, баринъ, конечно.

*

— Извѣстно былъ. И гости всѣ тамъ были... въ трехъ колясках пріѣзжали, съ музыкой. Фиверки собирались пускать, а замѣсто того, вонъ что вышло! Такъ въ лѣвый бокъ и пырнулъ ножемъ. По самый черенокъ засадилъ...

— При всѣхъ?

— Нѣтъ, отозвалъ въ кусты вишь, да въ кустахъ и зарѣрѣзалъ. А потомъ на барина накинулся, да, вишь, не дали, оттащили.

И, помолчивъ немного, спросилъ:

— Господъ-то видѣли?

— Видѣлъ.

— Только прискакали сейчасъ, третій звонокъ ужь былъ. И билетовъ не брали, такъ безъ билетовъ и бросились. Всѣ верхами были, во всѣ лопатки вплоть отъ дому скакали, подъ однимъ даже лошадь пала... пришлось на одной лошади двоимъ сидѣть! Какъ есть бѣгство!

— Кто же тебѣ говорилъ про это?

— Какъ кто? а кучера-то! съ ними трое кучеровъ пріѣхало! сейчасъ они разсказывали. И кучера-то всѣ перепуганные...

Проѣхавъ верстъ пять, кучеръ снова повернулся ко мнѣ и, показывая на какую-то темную массу, лежавшую возлѣ дороги, вскрикнулъ:

— А вотъ и лошадь!

Я взглянулъ на трупъ и узналъ въ немъ ту самую рыжую прелестную лошадь, на которой въ первый разъ въ лѣсу встрѣтилъ Лошкарева. Да, это было положительное бѣгство!

XV.

На слѣдующій же день, часовъ въ семь утра, я входилъ уже въ избу Дроныча. Груня, покрытая бѣлымъ коленкоромъ (только одно лицо ея было наружи), лежала на скамьѣ подъ образами. Дронычъ былъ возлѣ нея. Онъ стоялъ на колѣняхъ, на полу, припавъ лицомъ на грудь покойницы. Правая рука его обнимала трупъ, а лѣвая была подсунута подъ голову Груни; кромѣ ихъ, въ избѣ не было никого, даже Жучка скрылась куда-то. Лампадка теплилась передъ иконами и ни единый звукъ не нарушалъ этой торжественной тишины, этой послѣдней нѣмой бесѣды живого съ мертвымъ. Распростершись надъ трупомъ, старикъ даже не замѣтилъ моего прихода, да я и не старался быть замѣченнымъ. Есть минуты въ жизни, когда даже самое теплое

участіе леденитъ душу. Точно король Лиръ надъ трупомъ Корделіи, лежалъ этотъ могучій сѣдовласый старецъ надъ трупомъ только-что начавшей-было жить внучки своей. Высокій, сухой, съ львинообразной сѣдой головой, онъ словно самъ умеръ, оплакивая смерть единственнаго дорогого ему существа. Я такъ и не тронулъ его. Только выйдя на площадку, я услыхалъ его голосъ, полный отчаянія и муки. Но голосъ этотъ не произносилъ ни слова. Это былъ вопль, но вопль до того потрясающій, что нервы мои не выдержали его, и я поспѣшилъ домой.

Когда я проѣзжалъ лѣсной дорогой, до меня долетѣлъ вдругъ какой-то странный шумъ, происходившій въ лѣсу. Какой-то гулъ, трескъ, какое-то буханье; словно кто-то тяжелыми камнями швырялъ въ воду; бухнетъ камень, гулко плеснетъ водой, откликнется эхомъ и опять трескъ и шумъ. Я привернулъ лошадь и пошелъ по направленію шума. Немного погодя, я былъ на берегу рѣки и увидѣлъ Авдія Иваныча. Онъ стоялъ по щиколодку въ водѣ, въ одной рубашкѣ, безъ панталонъ, съ обнаженной головой, весь выпачканный грязью и глиной, подъ крутымъ обрывомъ, и въ обрывѣ этомъ торопливо выкапывалъ руками какое-то углубленіе, словно пещеру. Работалъ онъ судорожно, испуганно, поминутно озираясь, молча, и не копалъ, а какъ-то царапалъ пальцами песокъ, непрерывно, безостановочно сыпавшійся ему на ноги. Засыплетъ ему песокъ ноги и онъ торопливо вытаскивалъ ихъ и снова принимался царапать, а попадавшіеся камни раскачивалъ и бросалъ въ воду. Точно дикій звѣрь, спѣшившій выкопать себѣ берлогу, копался Бобковъ въ обрывѣ.

— Авдій Иванычъ! крикнулъ я и хотѣлъ-было спросить: что съ нимъ? Но Авдій Иванычъ вздрогнулъ, вскинулъ на меня глазами, метнулся въ одну сторону, метнулся въ другую, вдругъ шмыгнулъ въ выкопанное имъ углубленіе, укрылся сѣткою спускавшихся кореньевъ и какимъ-то дикимъ, испуганнымъ голосомъ забормоталъ торопливо:

— Чуръ меня! чуръ меня!.. мое мѣсто свято... чуръ меня!

«Ну, подумалъ я:—допился!» И оставилъ его въ покоѣ.

Когда происходило отпѣваніе Груни, въ церковь собрались всѣ песчанскія барышни. Это была съ ихъ стороны демонстрація, въ основѣ которой, какъ онѣ объясняли сами, «лежала цѣль отомстить гусару». Онѣ были вполнѣ убѣждены, что демонстрація эта дойдетъ до него. Онѣ убрали гробъ цвѣтами, на голову Грунѣ положили вѣнокъ изъ розъ, накрыли прозрачнымъ флеромъ, проводили ее до самой могилы, много плакали и еще болѣе осуждали поступокъ Лошкарева.

Послѣ, спустя нѣкоторое время, разсказывали мнѣ, что Груня, умирая, взглянула на Григорія и горько заплакала.

«Ахъ, проговорила она: — за что ты меня зарѣзалъ! Ни въ чемъ я передъ тобой не виновата... ни я, ни онъ!..»

Такъ съ глазами, полными слезъ, она и умерла.

Спустя недѣлю, Авдій Иванычъ отрезвился, хватилъ съ кого-то лихую взятку, экипировался и, снова занявъ свое мѣсто въ канцеляріи станового, принялъ обычный видъ. «Торжественныя минуты» кончились...—«Ну-ка, попробуй-ка... подойди-ка теперь!» выражало его лицо.

И. Саловъ.

Саратовъ, 1882 г.

ЗЕМЛЯ.

Родила ты меня, мать-сырая земля,
И поглотишь—въ мой часъ неизбѣжный...
Воротился я снова въ родныя поля,
Духомъ скорбный и сердцемъ мятежный.
Какъ взглянулъ я на эту широкую гладь,
Какъ объялъ меня воздухъ пахучій,
Легче стало: раздвинулись тучи,
Въ сердцѣ мирно, въ душѣ—благодать.

Неприглядна землица! иною
Отродясь я ея не видалъ...
Долго жилъ я съ ней жизнью одною
И страданьемъ родимой страдалъ
Положивъ въ нее трудъ и здоровыя силы,
Я сквозь слезы глядѣлъ, какъ, бывало, весной
Озимь—сѣрой лежитъ пеленой,
Какъ деревня и пахарь унылы.

Благодатную, въ грезахъ, искалъ я весну
Счастье грезилось въ морѣ далекомъ
И бросалъ меня случай съ волны на волну,
Увлеченнаго жизни потокомъ...
Но блуждавшаго долго во свѣтѣ и мглѣ
Безпощадная жизнь отрезвила!
Вѣрнымъ сердцемъ остался я крѣпокъ землѣ,
Тянетъ къ ней непонятная сила.

Какъ и встарь, отъ земли я какого-то жду
Освѣжительно-мощнаго слова...
Отчего-жь, словно чуя бѣду,
Такъ скорблю и мятуся я снова?
Отчего же мнѣ снится порой,
Будто стонетъ земля подъ ногами,
Будто, къ ней припадая, родной,
Я горючими плачу слезами?

А. Яхонтовъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ КАРЛА РОДБЕРТУСА-ЯГЕЦОВА.

III.

Ученіе Родбертуса о причинѣ кризисовъ и пауперизма такъ и осталось незаконченнымъ. Ни въ одномъ изъ своихъ явившихся въ печати сочиненій Родбертусъ не перешелъ еще къ доказательству того «предварительнаго положенія», что «заработная плата не увеличилась или даже упала», несмотря на колоссальное возростаніе производительности труда. Правда, положеніе это составляло вполнѣ логичный выводъ изъ того закона заработной платы Тюрго-Рикардо, который, по справедливому замѣчанію Брентано, «признается всѣми серьёзными экономистами», а оспаривается, замѣтимъ мы мимоходомъ, только нѣкоторыми представителями «историко-реалистической школы». Но въ экономической наукѣ такъ же, какъ и въ наукахъ естественныхъ, дедукція должна и можетъ стоять въ тѣсной связи съ индукціей, и добытыя путемъ вывода положенія должны быть провѣрены на фактахъ. Разумѣется, въ соціальной наукѣ невозможенъ *опытъ*, составляющій такой могучій рычагъ въ развитіи нѣкоторыхъ отраслей естествознанія, но исторія и статистика представляютъ собою обширное поле для *наблюденія*, играющаго не менѣе важную роль въ точныхъ наукахъ. Чтобы поставить внѣ всякаго сомнѣнія свое ученіе о заработной платѣ, Родбертусъ долженъ былъ провѣрить, на основаніи данныхъ статистики и исторіи, выводъ, сдѣланный имъ изъ закона Тюрго-Рикардо. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что Рикардо зналъ, какъ извѣстно, только «цвѣточки» капитализма, «ягодки» же его начали поспѣвать въ половинѣ нашего вѣка. Передъ глазами современниковъ Родбертуса развертывалась гораздо болѣе яркая картина положенія рабочихъ классовъ въ капиталистическомъ обществѣ, и они должны были пополнить, такъ или иначе, теоріи Рикардо. Родбертусъ хорошо сознавалъ эту необходимость и, какъ видно изъ писемъ его къ архитектору Петерсу, его уче-

ніе о заработной платѣ опиралось не на одну только дедукцію. «Сила машинъ въ современной Англіи, говоритъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ:—равняется, по крайней мѣрѣ, силѣ 600 милліоновъ работниковъ. Въ 1800 году она не превышала силы 50 милліоновъ рабочихъ. На основаніи исторіи распредѣленія національнаго дохода Англіи съ 1800 года и раздѣленія его на заработную плату, поземельную ренту и прибыль, мнѣ удастся, какъ я надѣюсь, доказать, что продуктъ труда 550 милліоновъ неутомимыхъ, день и ночь трудящихся, деревянныхъ и желѣзныхъ работниковъ ни на іоту не увеличилъ собою общей суммы заработка живыхъ работниковъ, но цѣликомъ былъ поглощенъ поземельной рентой и прибылью». Къ сожалѣнію, занятый борьбой противъ укоренившихся въ наукѣ «предразсудковъ», Родбертусъ не успѣлъ окончить своего опыта о распредѣленіи дохода въ Англіи, этой классической странѣ капитализма. Съ этого опыта только и началось бы, строго говоря, доказательство ученія его о заработной платѣ, которому онъ считалъ нужнымъ предпослать изложеніе правильной теоріи распредѣленія.

И пока не вышло въ свѣтъ обѣщанное Ад. Вагнеромъ изданіе посмертныхъ сочиненій Родбертуса, нельзя даже приблизительно сказать, насколько подвинулось у него впередъ обоснованіе одной изъ важнѣйшихъ посылокъ его теоріи кризисовъ и пауперизма. Поэтому въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется имѣть дѣло лишь съ ученіемъ нашего автора о распредѣленіи и съ доказательствами, приводимыми имъ въ пользу того положенія, что производительность труда возросла и продолжаетъ возростать также и въ земледѣліи.

Что касается до ученія Родбертуса о распредѣленіи продуктовъ въ современномъ обществѣ, то оно, дѣйствительно, явилось лишь «послѣдовательнымъ выводомъ» изъ основныхъ положеній школы Рикардо во всѣхъ своихъ частяхъ, кромѣ теоріи поземельной ренты. Мы сказали уже выше, что изъ всѣхъ воззрѣній Рикардо только ученіе его о производительности земледѣльческаго труда противорѣчило теоріи кризисовъ и пауперизма Родбертуса. Такъ понималъ, повидимому, свое отношеніе къ Рикардо и самъ Родбертусъ. Въ письмѣ къ Ад. Вагнеру, отъ 20-го іюня 1872 года, онъ говоритъ, что теорія поземельной ренты Рикардо несогласима съ его ученіемъ о пауперизмѣ и кризисахъ только въ одной (и даже не существенной) своей части; въ той части именно, гдѣ высказывается убѣжденіе, что земледѣльческій трудъ становится все менѣе и менѣе производительнымъ, и пища становится поэтому все дороже. «Мое же ученіе, продолжаетъ онъ:—

основывается на совершенно обратномъ положеніи; я утверждаю, что земледѣльческій трудъ становится все болѣе и болѣе производительнымъ, и что цѣна пищи, измѣряемая *трудомъ*, постоянно падаетъ» [1]. Но въ своихъ ученіяхъ Родбертусъ не ограничился, къ сожалѣнію, опроверженіемъ этой «несущественной части» ученія Рикардо о рентѣ. Онъ отнесъ къ числу научныхъ «предразсудковъ» все это ученіе, и рѣшился противопоставить ему свою собственную теорію поземельной ренты, которая вообще составляетъ самую слабую сторону всего ученія его о распредѣленіи. Этой теоріи онъ придавалъ огромное значеніе и, весьма невыгоднымъ для себя образомъ, связывалъ съ нею всѣ остальныя свои «теоретическія положенія» и всѣ свои «практическіе» планы. Каковы именно были взгляды Родбертуса на природу и происхожденіе поземельной ренты, объ этомъ намъ придется говорить въ слѣдующей статьѣ, теперь же мы должны познакомить читателя съ основными «теоремами» его ученія о распредѣленіи. Первое, по важности, мѣсто занимаетъ между ними «теорема», гласящая, что «*всѣ предметы потребленія — съ экономической точки зрѣнія—должны быть разсматриваемы какъ продукты труда, и только труда*». Теорема эта «пріобрѣла уже, по словамъ нашего автора, полное право гражданства въ ученіяхъ англійскихъ экономистовъ, нашла своего защитника даже въ лицѣ Бастіа, хотя и получила въ его «экономическихъ гармоніяхъ» совершенно невѣрное приложеніе, но что всего важнѣе— она глубоко вкоренилась въ народномъ сознаніи, несмотря на софизмы нѣкоторыхъ таящихъ заднюю мысль ученій» [2]. Посмотримъ же, какъ поясняетъ и доказываетъ ее Родбертусъ.

Еслибы, говоритъ онъ, предметы потребленія существовали въ неограниченномъ количествѣ, и притомъ, какъ воздухъ или солнечный свѣтъ, непосредственно могли бы служить для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, то люди не имѣли бы никакихъ побужденій къ труду и веденію хозяйства. Но въ томъ-то и дѣло, что предметовъ—самой природой приспособленныхъ къ нуждамъ человѣка — очень немного. Большинство же существующихъ въ природѣ предметовъ должно быть подвергнуто извѣстной предварительной обработкѣ, чтобы служить для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. «Щедрость природы должна быть дополнена дѣятельностью человѣка». Само собою разумѣется, что дѣятельность его можетъ быть весьма неодинаковой по своему характеру и интенсивности. Между собираніемъ

---

[1] Zeitschrift für die Gesam. Staatswissen. S. 234.
[2] Zur Beleuchtung der socialen Frage, SS. 70—71.

дико-растущихъ плодовъ и тою въ высшей степени сложной работой, которая необходима для постройки паровой машины—лежитъ цѣлая бездна. Но, несмотря на все разнообразіе проявленій человѣческой дѣятельности, *природа* ея всегда остается неизмѣнной. «Во всѣхъ различныхъ случаяхъ она есть ничто иное, какъ затрата силъ и времени человѣка, съ цѣлью пріобрѣтенія извѣстнаго предмета, во всѣхъ этихъ случаяхъ она остается *трудомъ*» [1].

Теперь понятно, какой смыслъ имѣетъ *хозяйство*. Человѣческія потребности очень разнообразны и многочисленны. Пріобрѣсти необходимые для ихъ удовлетворенія предметы человѣкъ можетъ лишь цѣною затраты своего времени и своихъ усилій. Какъ находящееся въ его распоряженіи время, такъ и способность его къ труду, разумѣется, не безграничны. Онъ долженъ поэтому стараться расходовать свой трудъ и свое время, равно какъ и пріобрѣтенные цѣною ихъ затраты продукты, съ возможно бо́льшею осмотрительностью: онъ долженъ вести *хозяйство*. Въ область этого хозяйства будутъ, очевидно, входить лишь тѣ предметы, пріобрѣтеніе которыхъ стоило человѣку извѣстнаго труда, или, какъ выражется Родбертусъ, «причины, сдѣлавшія необходимымъ веденіе хозяйства, опредѣляютъ и границы его области». Всѣ предметы, обладателемъ которыхъ человѣкъ становится безъ всякихъ усилій съ своей стороны, будутъ *естественными благами*, не представляющими собою объектовъ его хозяйственной дѣятельности.

Вмѣстѣ съ этимъ «опредѣленіемъ границъ хозяйственной области» человѣка, становится яснымъ и то положеніе, что *предметы потребленія стоятъ труда, и только труда*, другими словами, что «въ исторіи возникновенія предметовъ потребленія нѣтъ, помимо труда, другихъ элементовъ, которые можно было бы разсматривать съ точки зрѣнія *стоимости* этихъ предметовъ». Никто, конечно, не станетъ отрицать, что для производства извѣстнаго продукта нуженъ еще и матеріалъ, къ которому могъ бы быть приложенъ трудъ человѣка. Но этотъ матеріалъ даетъ ему природа. И нужно было бы, замѣчаетъ нашъ авторъ, олицетворять природу, чтобы говорить о томъ, чего *стоитъ для нея* матеріалъ или, такъ-называемыя, силы ея, утилизируемыя человѣкомъ для облегченія своего труда. А если нельзя говорить о томъ, чего *стоитъ* первоначальный матеріалъ *природѣ*, то нельзя, стало быть, и вообще говорить о его стоимости. Онъ существуетъ помимо труда человѣка, а кромѣ человѣка нѣтъ другого

[1] Zur Erkenntniss unsrer staatswirth. Zustände. S. 5.

субъекта, которому могъ бы *стоить* чего либо тотъ или другой предметъ: природа безлична. Поэтому человѣкъ можетъ быть очень благодаренъ природѣ за то, что силы ея облегчаютъ ему трудъ производства необходимыхъ для него продуктовъ; но въ хозяйствѣ его эти продукты будутъ имѣть значеніе лишь постольку, поскольку придется дополнять своимъ трудомъ дѣло природы. «Кто смотритъ на предметы потребленія иначе, тотъ разсматриваетъ ихъ съ естественно-исторической точки зрѣнія», замѣчаетъ Родбертусъ [1].

При этомъ нужно помнить, что экономическая наука имѣетъ дѣло только съ матеріальными продуктами, и только съ тѣмъ трудомъ, который имѣетъ цѣлью производство этихъ продуктовъ. Съ легкой руки Ж. Б. Сэя, французскіе экономисты особенно склонны были умалять различіе между всѣми видами «производительной дѣятельности» человѣка. Они утверждали, что трудъ юристовъ, писателей и чиновниковъ также входитъ въ область національно-экономическихъ изслѣдованій, какъ и трудъ машиниста или земледѣльца. Впрочемъ, на дѣлѣ и они не оставались, по словамъ Родбертуса, вѣрными этому взгляду. «Заявивши на первыхъ страницахъ своихъ сочиненій, что нематеріальные продукты также подлежатъ вѣдѣнію хозяйственной науки, они ни единымъ словомъ не упоминали объ этихъ продуктахъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ своихъ изслѣдованій», и разсуждали лишь о матеріальныхъ предметахъ потребленія. Еслибы они захотѣли быть послѣдовательными, то должны были бы «писать не о политической экономіи, а о политикѣ, въ обширномъ смыслѣ этого слова; тогда можно было бы говорить о теологіи или юриспруденціи рядомъ съ технологіей или сельскимъ хозяйствомъ». Но дѣятельность, направленная на добываніе матеріальныхъ продуктовъ, во всякомъ случаѣ, настолько важна и обширна, что можетъ и должна составить предметъ особой науки, область которой была бы разграничена съ областью другихъ общественныхъ наукъ. Съ точки же зрѣнія этой науки производительнымъ можетъ назваться только тотъ трудъ, который непосредственно направленъ на производство матеріальныхъ предметовъ потребленія. Судья, занимающійся охраненіемъ существующаго въ обществѣ правоваго порядка, косвеннымъ образомъ способствуетъ, конечно, производству матеріальныхъ продуктовъ. За эту дѣятельность онъ имѣетъ, разумѣется, полное право требовать извѣстнаго вознагражденія. Но предметомъ непосредственныхъ его занятій является право, а не фабричный или земледѣльческій

[1] Zur Beleuchtung der socialen Frage, S. 69.

трудъ. И если нельзя сказать, что рабочіе принимаютъ участіе въ дѣятельности судьи, обезпечивая ему матеріальныя средства существованія, то и наоборотъ, нельзя утверждать, что судья участвуетъ въ производствѣ матеріальныхъ предметовъ, занимаясь охранененіемъ правоваго порядка. «Необходимая взаимная связь различныхъ общественныхъ функцій составляетъ, говоритъ Родбертусъ: — гораздо болѣе широкое понятіе, чѣмъ понятіе о раздѣленіи труда, направленнаго на добываніе матеріальныхъ предметовъ».

Но если всѣ «хозяйственныя блага» стоятъ труда, то подъ этимъ послѣднимъ нужно понимать нетолько ту непосредственную работу, которая дѣлаетъ матеріалъ годнымъ для потребленія. Съ тѣми *орудіями* труда, которыми снабдила его природа, то есть съ органами своего тѣла, человѣкъ ушелъ бы очень недалеко, такъ какъ органы эти слишкомъ слабы для успѣшной борьбы за существованіе. Поэтому, съ самыхъ первыхъ шаговъ своего культурнаго развитія, онъ вооружается искуственными орудіями, для приготовленія которыхъ онъ долженъ, разумѣется, затратить извѣстное количество силъ и времени: они также *стоятъ ему труда*. Каждый приготовленный не голыми руками продуктъ будетъ стоить, слѣдовательно, во-первыхъ, того труда, съ помощью котораго орудія производства были употреблены въ дѣло, а во-вторыхъ, той работы — или вѣрнѣе извѣстной части той работы — которая нужна была для выдѣлки самихъ орудій производства. Если данное орудіе могло служить для выдѣлки одного только предмета, который мы назовемъ X, то стоимость его цѣликомъ перенесется на этотъ предметъ. Если же съ помощью нашего орудія можно произвести не одинъ, а нѣсколько, напримѣръ, хоть десять такихъ предметовъ, то на каждый изъ нихъ въ отдѣльности перенесется только одна десятая часть стоимости орудія. Такимъ образомъ, стоимость каждаго изъ нихъ будетъ равняться, во-первыхъ, десятой части стоимости орудія, къ которой нужно прибавить, во-вторыхъ, трудъ, затраченный на приведеніе въ дѣйствіе орудія во время производства. Если мы этотъ трудъ обозначимъ черезъ m, а трудъ, необходимый для приготовленія орудія, черезъ n, то у насъ получится слѣдующая формула стоимости нашего предмета:

$$x = m + \frac{n}{10}$$

До сихъ поръ мы предполагали, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, ведущимъ совершенно изолированное хозяйство. Для простоты примѣра было допущено, что трудящійся самъ выдѣлываетъ необходимыя для него орудія, и самъ же подвергаетъ су-

ществующій въ природѣ матеріалъ всѣмъ послѣдовательнымъ видамъ обработки. Но извѣстно, что такихъ Робинзоновъ въ дѣйствительности не существуетъ. Уже на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія человѣческихъ обществъ въ ихъ средѣ замѣчается извѣстное раздѣленіе труда, дѣлающее возможной кооперацію нѣсколькихъ производителей. Затѣмъ появляется частная собственность, обнаруживаются имущественныя неравенства, земля и орудія производства скопляются въ рукахъ высшихъ сословій. Спрашивается, не вноситъ ли этотъ ходъ развитія человѣческихъ обществъ какихъ либо ограниченій въ то положеніе, что «всѣ продукты стоятъ труда и только труда»? Если это положеніе вѣрно для человѣка, ведущаго изолированное хозяйство, то не возникаютъ ли, съ теченіемъ времени, какіе-нибудь другіе элементы, которые, рядомъ съ трудомъ, входили бы составною частью въ стоимость продуктовъ? Извѣстно, что этотъ вопросъ былъ поводомъ ожесточенныхъ споровъ между различными школами экономистовъ. Каждая изъ нихъ отвѣчала на него по своему, и каждая утверждала, что она развиваетъ лишь ученіе Ад. Смита объ этомъ предметѣ. И нужно сознаться, что Смитъ выражался по этому поводу такъ сбивчиво и неопредѣленно, что, дѣйствительно, могъ поддерживать своимъ авторитетомъ самыя противоположныя мнѣнія.

По словамъ Родбертуса, вышеприведенная «истина не измѣняется ни вслѣдствіе раздѣленія труда, ни вслѣдствіе того, что людямъ удается, съ теченіемъ времени, съ мѣньшимъ количествомъ усилій производить бо́льшее количество продуктовъ» [1].

Раздѣленіемъ труда обусловливается лишь то обстоятельство, что надъ производствомъ каждаго даннаго продукта трудится уже не одно, а нѣсколько лицъ. Продуктъ стоитъ, въ такомъ случаѣ, труда всѣхъ тѣхъ рабочихъ, черезъ руки которыхъ онъ проходилъ на различныхъ стадіяхъ его приготовленія. Если къ труду этихъ работниковъ прибавить ту часть стоимости, которую утратили употреблявшіяся ими орудія, то мы получимъ полную стоимость даннаго продукта. А такъ какъ орудія производства, въ свою очередь, «стоятъ труда и только труда», то мы должны признать, что теперь — какъ и въ изолированномъ хозяйствѣ — въ стоимость продуктовъ не входитъ никакихъ элементовъ, кромѣ человѣческой работы.

Точно также не измѣняется сущность дѣла и съ возникновеніемъ частной собственности на землю и капиталы. Оно ведетъ лишь къ тому, что производители не трудятся болѣе для себя,

---

[1] Zur Beleuchtung etc. S. 71.

но работаютъ на землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Поэтому и продуктъ труда принадлежитъ уже этимъ послѣднимъ, между тѣмъ, какъ рабочіе получаютъ — если они пользуются личной свободой—извѣстное вознагражденіе, въ видѣ заработной платы. Но продукты не перестанутъ быть результатомъ ихъ труда, и только ихъ труда. Конечно, землевладѣльцы и капиталисты могутъ и сами принимать участіе въ трудѣ ихъ работниковъ, и тогда продукты будутъ результатомъ, между прочимъ, и ихъ труда. Но они выступятъ, въ такомъ случаѣ, уже въ качествѣ работниковъ, а не въ качествѣ капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Продукты будутъ результатомъ «ихъ *труда*, а не *почвы* ихъ или *капиталовъ*» [1]. Словомъ, все что составляетъ доходъ собственниковъ, поземельная рента и прибыль на капиталъ, представляетъ собою такой же продуктъ труда, какъ и заработная плата.

«Всѣ передовые экономисты согласны между собою, въ этомъ отношеніи, говоритъ Родбертусъ:—хотя они и держатся различныхъ взглядовъ на правомѣрность существованія ренты и прибыли». Даже Бастіà и Тьеръ признаютъ, что рента и прибыль составляютъ продуктъ труда. Но по мнѣнію этихъ послѣднихъ, каждый поземельный собственникъ представляетъ собою именно то лицо—или наслѣдника того лица—которое впервые расчистило данный участокъ земли, и сдѣлало его годнымъ для обработки. Точно также и въ капиталистахъ видятъ они лицъ, собственнымъ трудомъ приготовившихъ тѣ средства производства, которыя употребляются нынѣ въ дѣло рабочими. Въ этомъ пунктѣ, равно какъ и въ вопросѣ о томъ, не являются ли рента и прибыль нѣсколько преувеличеннымъ вознагражденіемъ за когда-то сдѣланную работу — и лежитъ, по мнѣнію Родбертуса, начало всѣхъ споровъ и несогласій между «передовыми экономистами».

Если раздѣленіе труда и переходъ его орудій и объектовъ въ руки высшихъ сословій не могли поколебать вышеприведенной «теоремы», то возрастаніе производительности труда еще менѣе способно принести съ собою какіе-нибудь новые элементы стоимости. Единственнымъ результатомъ увеличенія плодородности почвы или прогресса промышленной техники можетъ быть лишь уменьшеніе затраты труда, необходимой для производства земледѣльческихъ или фабричныхъ продуктовъ.

«Но никогда, говоритъ Родбертусъ: — хлѣбъ, выросшій на болѣе плодородной почвѣ, не будетъ продуктомъ чего либо другого, кромѣ труда; никогда не можетъ онъ быть названъ — съ

---

[1] Zur Beleuchtung, S. 71.

экономической точки зрѣнія — продуктомъ самой почвы, или землевладѣльца, какъ таковаго». То же нужно помнить и относительно фабричныхъ продуктовъ. Съ экономической точки зрѣнія было бы невозможно сказать, что производимые нынѣ съ меньшими, чѣмъ прежде, затратами труда, фабрикаты являются отчасти продуктомъ дѣйствующей въ машинахъ естественной силы, или продуктомъ предпринимателя, какъ таковаго. И до и послѣ введенія машинъ, фабричныя издѣлія являются продуктами труда: въ первомъ случаѣ бо́льшого, во второмъ—меньшаго его количества.

Связанное съ употребленіемъ машинъ возрастаніе количества продуктовъ, производимыхъ работникомъ въ единицу времени, даетъ намъ только понятіе о роли и значеніи производительности труда въ экономической исторіи общества, но ни на іоту не ограничиваетъ правила, по которому *«всѣ предметы потребленія стоятъ труда и только труда»*.

Если «въ исторіи возникновенія предметовъ потребленія нѣтъ, кромѣ труда, другихъ элементовъ, которые можно было бы разсматривать съ точки зрѣнія *стоимости* этихъ предметовъ», то мы имѣемъ право предположить, что трудъ является единственной нормой, регулирующей обмѣнъ продуктовъ на рынкѣ. Иначе сказать, мы имѣемъ всѣ основанія согласиться съ Рикардо, утверждавшимъ, что мѣновая стоимость предмета «или количество всякаго другого предмета, за которое онъ обмѣнивается, зависитъ отъ сравнительнаго количества труда, необходимаго на его производство» [1]. Правда, такъ называемая, рыночная цѣна предметовъ постоянно колеблется подъ вліяніемъ измѣненій въ спросѣ и предложеніи. Но она стремится, по крайней мѣрѣ, совпасть съ «естественной цѣною» предметовъ, которая опредѣляется количествомъ труда, необходимаго на ихъ производство. Совершенно въ духѣ Рикардо, Родбертусъ замѣчаетъ, что это тяготѣніе рыночной цѣны обусловливается конкурренціей предпринимателей. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы въ какой-нибудь отрасли производства предпринимателямъ удалось получить, въ обмѣнъ за свои продукты, количество предметовъ, стоившее бо́льшаго труда, чѣмъ стоили ихъ собственныя издѣлія, то это было бы равносильно увеличенію ихъ прибыли. Каждый, располагающій свободнымъ капиталомъ, поспѣшилъ бы употребить его въ «дѣло» именно въ этой, болѣе выгодной отрасли производства. Тогда предложеніе ея продуктовъ превысило бы спросъ ихъ на рынкѣ; упала бы ихъ рыночная цѣна, а вмѣстѣ съ нею и прибыль

---

[1] Сочиненія Давида Рикардо, выпускъ I, стр. [1].

предпринимателей, и мѣновая стоимость предметовъ снова стала бы въ зависимость единственно «отъ количества труда, необходимаго на ихъ производство». Въ томъ случаѣ, когда рыночная цѣна предметовъ упала бы слишкомъ низко, то есть, еслибы въ обмѣнъ за нихъ стали давать количество другихъ продуктовъ, стоившее меньшаго труда, чѣмъ стоили они сами, произошло бы явленіе обратное вышеописанному. Производство этихъ продуктовъ сдѣлалось бы, сравнительно, невыгоднымъ, предприниматели стали бы переводить свои капиталы въ другія болѣе прибыльныя отрасли промышленности, и рыночная цѣна этихъ продуктовъ, вслѣдствіе уменьшенія предложенія, снова поднялась бы до надлежащаго уровня. Такъ, подобно маятнику, вѣчно колеблется рыночная цѣна продуктовъ то въ ту, то въ другую сторону, никогда, быть можетъ, не совпадая, но всегда стремясь совпасть съ точкой покоя, т. е. съ «естественной» ихъ цѣною.

Таково общее правило. Но извѣстно, что на всякое правило есть исключенія. «Въ частностяхъ, т. е. въ каждомъ данномъ ремеслѣ и на каждой данной ступени раздѣленія труда, продукты не всегда могутъ обмѣниваться, говоритъ Родбертусъ: — на точномъ основаніи заключающагося въ нихъ количества труда» [1]. Эти отклоненія отъ нормы вызываются, по его мнѣнію, двумя причинами:

1) Тѣмъ, что прибыль капиталистовъ «имѣетъ, по крайней мѣрѣ, тенденцію сдѣлаться равной во всѣхъ предпріятіяхъ».

2) Тѣмъ, что мѣновая стоимость продуктовъ даннаго рода опредѣляется количествомъ труда, необходимаго на ихъ производство въ тѣхъ именно предпріятіяхъ, которыя вынуждены работать при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Остановимся, сначала, на первой изъ этихъ причинъ. Читателю извѣстно, какъ опредѣляется уровень прибыли промышленнихъ предпріятій: сумма такъ называемаго чистаго дохода дѣлится на общую сумму предпринимательскаго фонда. Если фабрикантъ затратилъ на свое предпріятіе 100,000 рублей, и получилъ 20,000 р. чистаго дохода, то прибыль будетъ равняться пятой части его капитала, или, иначе сказать, онъ получитъ 20% прибыли на свой капиталъ. Предположимъ теперь, что два предпринимателя «работаютъ» въ двухъ различныхъ отрасляхъ промышленности. Допустимъ также, что каждый изъ нихъ «даетъ работу» одинаковому числу «рукъ», и что «руки» эти затрачиваютъ, въ теченіе рабочаго дня, одинаковое количество труда въ каждой изъ этихъ отраслей промышленности. Тогда одинъ

[1] Zur Erkenntniss etc. S. 130.

изъ элементовъ общей стоимости продуктовъ — трудъ непосредственно занятыхъ въ производствѣ работниковъ — будетъ также одинаковъ въ обоихъ предпріятіяхъ. Если мы предположимъ, кромѣ того, что каждый изъ нашихъ предпринимателей употребляетъ машины одинаковой стоимости и одинаковой прочности, то въ обоихъ предпріятіяхъ на продуктъ перенесется одинаковая стоимость съ орудій труда. Но въ обществахъ, основанныхъ на раздѣленіи труда, существуетъ еще третій элементъ мѣновой стоимости продуктовъ: стоимость матеріала, изъ котораго они приготовляются. Мы говорили выше, что *первоначальный матеріалъ* дается человѣку самой природой и потому не можетъ быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія стоимости. Поэтому мы просимъ читателя обратить вниманіе на то, что теперь рѣчь идетъ уже не о *первоначальномъ* матеріалѣ. Извѣстно, что, при раздѣленіи общественнаго труда, одинъ и тотъ же предметъ является *продуктомъ* по отношенію къ одной отрасли производства, и *матеріаломъ* по отношенію къ другой. Каменный уголь, напримѣръ, можетъ назваться *продуктомъ труда* рабочихъ, добывающихъ его въ шахтахъ, и *матеріаломъ* по отношенію къ рабочимъ газовыхъ заводовъ. Полотно есть продуктъ труда ткача, а матеріалъ для труда швеи и т. д., и т. д. Мы знаемъ также, что, при современныхъ общественныхъ отношеніяхъ, переходъ продуктовъ изъ одной отрасли производства въ другую, т. е. съ одной ступени обработки на другую, болѣе высокую, «представляетъ собою длинную цѣпь передачъ и отчужденій собственности, совершаемыхъ при посредствѣ денегъ». Чѣмъ больше ступеней обработки прошелъ извѣстный продуктъ, тѣмъ онъ дороже, потому что тѣмъ бо́льшее количество труда онъ — по выраженію Родбертуса — «въ себѣ заключаетъ». Если взятые нами для примѣра два предпринимателя нуждаются въ матеріалѣ различной степени обработки, то и стоимость этого матеріала будетъ неодинакова: одному изъ нихъ придется заплатить за него, положимъ, 50,000 р., другому—100,000 или болѣе. Разумѣется, стоимость матеріала перенесется на продуктъ и составитъ, рядомъ съ двумя указанными выше, третій элементъ его мѣновой стоимости. Благодаря неодинаковымъ затратамъ на матеріалъ, *валовой доходъ* нашихъ предпринимателей будетъ, слѣдовательно, неодинаковъ. Первый выручитъ мѐньшую, второй бо́льшую сумму за свой продуктъ. Что же касается *чистаго дохода*, то на него стоимость матеріала не можетъ оказать вліянія, если только продукты обмѣниваются сообразно «количествамъ труда, необходимаго на ихъ производство». Въ самомъ дѣлѣ, ни матеріалъ, ни орудія труда не создаютъ новой стоимости. Ее соз-

*

даетъ только живой человѣческій трудъ. Стало быть секрета *чистаго дохода* мы должны искать въ трудѣ занятыхъ производствомъ продуктовъ рабочихъ. И дѣйствительно, ларчикъ открывается именно съ этой стороны. *Чистый доходъ* предпринимателей обязанъ своимъ существованіемъ единственно тому, что рабочіе получаютъ, въ видѣ заработной платы, стоимость значительно мѣньшую, чѣмъ та, которую они создаютъ своимъ трудомъ и прибавляютъ, такимъ образомъ, къ стоимости матеріала. Ниже мы еще вернемся къ этому предмету, а теперь обратимъ вниманіе на «барыши» нашихъ предпринимателей. Каждый изъ нихъ «даетъ работу» одинаковому числу «рукъ». Каждый удерживаетъ, при равной продолжительности и интенсивности работы, и равной заработной платѣ въ обоихъ предпріятіяхъ, одинаковую часть стоимости произведенныхъ этими «руками» продуктовъ. Чистый доходъ ихъ будетъ, очевидно, одинаковъ. Но одинъ изъ нихъ долженъ былъ сдѣлать бóльшія затраты на матеріалъ, чѣмъ другой. Поэтому, равный въ обоихъ предпріятіяхъ чистый доходъ не будетъ стоять въ одинаковомъ отношеніи къ общей суммѣ издержекъ каждаго изъ нашихъ предпринимателей. Онъ будетъ составлять, положимъ, четвертую часть издержекъ одного, и только пятую часть издержекъ другого предпринимателя, которому пришлось употреблять въ дѣло болѣе дорогой матеріалъ. Первый получитъ 25% прибыли на затраченный имъ капиталъ, между тѣмъ, какъ второму удастся «заработать» только 20%. Но какой же предприниматель согласится затрачивать свой капиталъ въ менѣе выгодной отрасли промышленности? Разумѣется, никакой, если только не существуетъ законныхъ постановленій, стѣсняющихъ переходъ отъ одного занятія къ другому. Поэтому Родбертусъ и полагаетъ, что мѣновая стоимость продуктовъ не всегда «зависитъ отъ сравнительнаго количества труда, необходимаго на ихъ производство». Продукты тѣхъ отраслей производства, которыя обработываютъ болѣе дорогой матеріалъ, *всегда* должны, по его мнѣнію, продаваться по цѣнѣ нѣсколько превышающей эту норму. И это отклоненіе отъ общаго правила должно быть достаточно для того, чтобы во всѣхъ отрасляхъ промышленности отношеніе чистаго дохода къ общей суммѣ издержекъ предпріятія было одинаково, или, другими словами, чтобы уровень прибыли стоялъ на одной высотѣ.

Перейдемъ теперь ко второму изъ указанныхъ Родбертусомъ ограниченій общаго закона мѣновой стоимости.

Увеличеніе спроса на продукты извѣстнаго рода вынуждаетъ, конечно, къ расширенію производства этихъ продуктовъ. При

этомъ можетъ случиться, что добавочное ихъ количество потребуетъ большей затраты труда, чѣмъ нужно было прежде для производства равнаго ему количества этихъ продуктовъ.

По мнѣнію Родбертуса, стоимость всѣхъ находящихся на рынкѣ продуктовъ этого рода должна возрасти пропорціонально увеличенію трудности производства добавочнаго ихъ количества. Такъ, напримѣръ, Рикардо утверждалъ, что съ развитіемъ общества производство земледѣльческихъ продуктовъ можетъ расширяться только насчетъ худшихъ участковъ земли. Еслибы онъ былъ правъ, то мѣновая стоимость хлѣба постоянно возростала бы, въ зависимости отъ большей трудности производства его на менѣе плодородныхъ участкахъ. Вслѣдствіе этого, хлѣбъ, снятый *съ лучшихъ участковъ*, пріобрѣлъ бы стоимость нѣсколько превышающую количество труда, затраченнаго на его производство. Другими словами, при обмѣнѣ этого хлѣба, напримѣръ, на фабричные продукты, за него давали бы количество этихъ продуктовъ, стоившее бо́льшаго труда, чѣмъ стоитъ онъ обладателю плодороднаго участка. Но если за продуктъ трехъ дней труда на *лучшемъ* участкѣ даютъ продуктъ четырехъ дней фабричнаго труда, то одинъ день фабричнаго труда создаетъ стоимость равную только тремъ четвертямъ дня работы на названномъ участкѣ. Такимъ образомъ, «нарушеніе общаго закона мѣновой стоимости, по отношенію къ какому-нибудь продукту, оказываетъ обратное дѣйствіе на стоимость тѣхъ продуктовъ, на которые онъ обмѣнивается».

Но этимъ исключеніямъ не нужно придавать преувеличеннаго значенія. «Они доказываютъ только, что общій законъ мѣновой стоимости примѣнимъ не во всѣхъ частныхъ случаяхъ, но не опровергаютъ его вѣрности въ общемъ» [1].

Частныя отступленія уравновѣшиваютъ другъ друга, и мѣновая стоимость предметовъ не перестаетъ «зависѣть отъ сравнительнаго количества труда, необходимаго на ихъ производство». Нельзя, напримѣръ, утверждать—какъ это, не безъ задней мысли, дѣлали нѣкоторые экономисты—что мѣновая стоимость *всякаго* продукта нѣсколько превышаетъ количество затраченнаго на его производство труда. Такого рода превышеніе возможно, по мнѣнію Родбертуса, только въ частныхъ случаяхъ. «Дѣлаясь общимъ правиломъ, говоритъ онъ:—оно тѣмъ самымъ потеряло бы всякое реальное значеніе». На кого падало бы это повышеніе мѣновой стоимости предметовъ? Въ обществѣ, основанномъ на раздѣленіи труда, потребители однихъ продуктовъ являются,

---

[1] Zur Erkenntniss. S. 132.

въ то же время, производителями другихъ. Въ случаѣ предположеннаго общаго возвышенія мѣновой стоимости предметовъ, производители продавали бы свои продукты по такой же возвышенной цѣнѣ, по какой покупали бы продукты всѣхъ другихъ отраслей производства. Положенное въ одинъ карманъ, они вынимали бы изъ другого, и само собою разумѣется, что такого рода упражненія также не увеличили бы стоимость всѣхъ продуктовъ, какъ не увеличиваетъ разности прибавка одного и того же числа къ уменьшаемому и вычитаемому.

Но все это до такой степени просто и ясно, скажетъ читатель, что едва ли стоило останавливаться на этомъ; еще болѣе странно считать такое простое и очевидное для всѣхъ положеніе краеугольнымъ камнемъ какой-то новой теоріи, которая должна будто бы исправить ошибки прежнихъ экономистовъ. Все это, дѣйствительно, очень просто и очень ясно, отвѣтимъ мы, съ своей стороны. Но такъ уже изстари ведется, что всѣ какъ нельзя болѣе ясныя научныя истины подвергаются оспариванію, какъ только онѣ становятся въ противорѣчіе съ интересами сколько-нибудь вліятельныхъ классовъ общества. Не даромъ же говорятъ, что математическія аксіомы обязаны своею общепризнанностью единственно тому обстоятельству, что онѣ не затрогиваютъ ничьихъ интересовъ. А такъ какъ вопросъ о мѣновой стоимости очень недвусмысленнымъ образомъ касается интересовъ предпринимателей, то, разумѣется, не могло быть недостатка въ ученыхъ, готовыхъ оспаривать самыя неоспоримыя истины экономической науки. За примѣромъ, какъ говорится, ходить недалеко. Тотъ самый Германнъ, котораго профессоръ Адольфъ Вагнеръ относитъ къ числу самыхъ выдающихся нѣмецкихъ экономистовъ [1], утверждалъ, что «обыкновенно продукты обмѣниваются на продукты бо̀льшаго количества труда, чѣмъ то, которое нужно было на ихъ производство». (!) И такія «теоріи» стоимости нетолько не вызывали гомерическаго хохота, но выдавались за послѣднее слово экономической науки, а авторы ихъ и до сихъ поръ, какъ читатель видитъ на примѣрѣ Германна, пользуются почетомъ со стороны «благодарнаго потомства». Родбертусъ взялъ на себя трудъ напомнить экономистамъ ученіе Рикардо о мѣновой стоимости. Онъ понялъ, что пока этотъ вопросъ не будетъ выясненъ окончательно, невозможно будетъ сколько-нибудь научное обоснованіе ученія о распредѣленіи. Поэтому онъ и направилъ свои усилія прежде всего на доказательство того положенія, что *«всѣ предметы потребле-*

---

[1] См. Zeitschrift fur die gesam. Staatswissen. S. 203.

нія стоятъ труда и только труда». Этою «теоремой» начинается первое, вышедшее еще въ 1842 году, его сочиненіе—«Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustaende». И эта «теорема» одна уже показываетъ въ немъ истиннаго ученика и последователя Смита и Рикардо.

IV.

Если «всѣ предметы потребленія стоятъ труда и только труда», то весь національный доходъ обязанъ своимъ существованіемъ труду работниковъ. Какъ же объяснить, спрашиваетъ Родбертусъ, то обстоятельство, что въ современномъ обществѣ часть національнаго дохода достается лицамъ, пальцемъ не пошевельнувшимъ для его производства? Извѣстно, что есть много, даже цѣлые классы лицъ, не принимающихъ участія въ производствѣ матеріальныхъ продуктовъ. Судьи, врачи, писатели, учителя и т. д., и т. д. получаютъ извѣстное количество предметовъ потребленія, произведенныхъ безъ всякаго съ ихъ стороны участія, и составляющихъ, слѣдовательно, продуктъ труда другихъ членовъ общества. Правда, доходъ этихъ лицъ является результатомъ того, что называется «производнымъ распредѣленіемъ продуктовъ». Они получаютъ его, въ видѣ вознагражденія за свои услуги, отъ другихъ лицъ, принимающихъ участіе въ «первоначальномъ распредѣленіи продуктовъ». Но какъ происходитъ это послѣднее? Не видимъ ли мы, что лица, не принимавшія никакого участія въ производствѣ и не оказавшія никакихъ услугъ ни цѣлому обществу, ни отдѣльнымъ его членамъ, получаютъ, тѣмъ не менѣе, часть національнаго дохода? Здѣсь предъявляетъ на нее свои права землевладѣлецъ, весь трудъ котораго состоялъ въ томъ, что онъ подписалъ контрактъ, заключенный имъ со своимъ арендаторомъ. Тамъ капиталистъ—не менѣе легкимъ путемъ—получаетъ проценты на деньги, положенныя имъ въ банкъ, или отданныя взаймы частнымъ лицамъ. Предприниматель можетъ поручить веденіе всего своего дѣла управляющему, и, тѣмъ не менѣе, онъ будетъ получать доходъ, въ видѣ прибыли на затраченный въ производство капиталъ, даже въ томъ случаѣ, если капиталъ этотъ не составляетъ его собственности. Онъ можетъ занять его у другого лица и получать прибыль, отдавая капиталисту часть ея, въ видѣ процента. Конечно, лица эти могутъ заниматься весьма полезными для общества дѣлами, могутъ облагодѣтельствовать своихъ согражданъ тѣмъ или другимъ научнымъ открытіемъ или изобрѣтеніемъ. Но доходъ свой они получаютъ вовсе не въ видѣ вознагражденія за эти возможныя услуги. Они не потеряли бы

своихъ правъ на него даже въ томъ случаѣ, еслибы стали вести совершенно праздный образъ жизни.

Что же даетъ этимъ лицамъ право на ихъ доходъ, который — называется ли онъ поземельною рентою, прибылью или процентами на капиталъ—всегда представляетъ собою продуктъ труда другихъ членовъ общества? И что заставляетъ трудящихся членовъ общества передавать продукты ихъ работы своимъ празднымъ согражданамъ, не получая отъ нихъ никакой полезной услуги? «Отвѣтъ на эти вопросы есть теорія ренты вообще, т. е. прибыли на капиталъ и поземельной ренты» [1], говоритъ Родбертусъ.

Разумѣется, предшественники Родбертуса въ экономической наукѣ, равно какъ и современныя ему школы также должны были столкнуться съ этими вопросами, и искать того или другого ихъ рѣшенія. Но каждая изъ школъ отвѣчала на нихъ различнымъ образомъ, и каждая ошибалась, по мнѣнію нашего автора, въ томъ или другомъ отношеніи. Англійская школа осталась болѣе всѣхъ другихъ вѣрною «тому великому положенію Смита, что всѣ предметы потребленія являются результатомъ труда». Рикардо цѣликомъ принимаетъ это положеніе и признаетъ, что поземельная рента и прибыль представляютъ собою продуктъ труда, и при томъ труда не тѣхъ лицъ, которыя пользуются ими, какъ доходомъ. Но обстоятельно трактуя вопросъ о поземельной рентѣ, онъ «слишкомъ поверхностно касается принципа прибыли». Она существуетъ, по его мнѣнію, уже въ самыя раннія эпохи общественнаго развитія. «Первоначально, говоритъ онъ:—когда приступаютъ къ земледѣлію, почва приноситъ только заработную плату и прибыль». Онъ пытается объяснить происхожденіе прибыли, называя ее «вознагражденіемъ за сбереженіе капитала». Но, по справедливому замѣчанію Родбертуса, это можетъ назваться лишь болѣе или менѣе удачнымъ сравненіемъ, но никакъ не объясненіемъ. Нѣкоторые же изъ послѣдователей Рикардо смѣшали прибыль съ процентомъ на отданный въ заемъ капиталъ, между тѣмъ какъ, въ сущности, это два совершенно различныхъ понятія.

Процентомъ называется та часть прибыли, которую предприниматель отдаетъ лицу, ссудившему ему необходимый для веденія дѣла денежный капиталъ. Но откуда же берется самая прибыль, откуда получаетъ предприниматель возможность уплачивать проценты своему заимодавцу? Вопросъ остается открытымъ, и если Рикардо давалъ на него весьма неясный отвѣтъ, то школа Сэя совершенно запутала дѣло. Она отрицала, что до-

[1] Zur Beleuchtung, S. 75.

ходъ поземельныхъ собственниковъ и капиталистовъ представляетъ собою продуктъ труда. По ея мнѣнію, доходъ этотъ обязанъ своимъ существованіемъ «производительнымъ услугамъ» заключающихся въ почвѣ и капиталѣ естественныхъ силъ. Но, совершенно неожиданно для нея самой, школа Сэя дала своей теоріей новое оружіе въ руки французскихъ соціалистовъ. «Если поземельная рента и прибыль являются результатомъ дѣйствія естественныхъ силъ—говорили соціалисты—то справедливо ли обращать эти силы въ собственность частныхъ лицъ? Не разумнѣе ли было бы передать ихъ въ обладаніе всего общества?» Доводъ ихъ былъ неотразимъ, и чтобы поправить дѣло, принимавшее непріятный для экономистовъ оборотъ, Бастіа далъ, въ своихъ «Гармоніяхъ», новые отвѣты на постановленные выше «проклятые вопросы». Онъ соглашается, что поземельная рента и прибыль составляютъ продуктъ труда, но старается увѣрить своихъ читателей, что каждый изъ этихъ видовъ дохода создается трудомъ именно тѣхъ лицъ, которыя его получаютъ, или ихъ предковъ. Ту же карту передергиваетъ и Тьеръ, въ своей книгѣ «О собственности». «Мой отвѣтъ на вышепоставленные вопросы, говоритъ Родбертусъ:—заключаетъ въ себѣ новую, отличную отъ трехъ предшествующихъ теорію».

«Во всѣ времена, съ тѣхъ поръ, какъ появилось раздѣленіе труда, съ нимъ было связано два явленія, которыми объясняется возникновеніе поземельной ренты и прибыли на капиталъ, или ренты вообще», продолжаетъ онъ, переходя къ изложенію этой теоріи. Первое изъ нихъ было экономическаго характера и относилось къ производству продуктовъ, второе—стояло въ связи съ ихъ распредѣленіемъ и носило поэтому правовой характеръ. Остановимся сначала на первомъ.

На самыхъ низкихъ ступеняхъ общественнаго развитія производительность труда такъ незначительна, что продуктовъ его едва хватаетъ на поддержаніе жизни самихъ трудящихся. Тогда продуктъ, по необходимости, долженъ всецѣло принадлежать самимъ трудящимся. Ни одинъ членъ общества не можетъ жить въ праздности или взяться за какое-нибудь занятіе, не имѣющее въ виду удовлетворенія самыхъ первыхъ, самыхъ насущныхъ потребностей человѣка. Такъ, напримѣръ, каждый членъ охотничьяго племени добываетъ своимъ трудомъ не болѣе того, что необходимо для поддержанія его собственнаго существованія и, разумѣется, его семьи. Поэтому въ охотничьемъ племени немыслимо появленіе людей, незанимающихся матеріальнымъ трудомъ. Такіе люди умерли бы съ голоду, и, при всемъ желаніи, общество не могло бы обезпечить имъ сколько-нибудь сносное существованіе. Но предположимъ, что производительность охот-

ничьяго труда вдругъ возросла въ два или три раза. Тогда каждый охотникъ могъ бы добывать средства существованія не только для одного себя, но и еще для одного или двухъ членовъ племени. Этимъ была бы создана *экономическая возможность* существованія ренты, которая, по терминологіи Родбертуса, есть ничто иное, какъ «доходъ, получаемый кѣмъ-либо въ качествѣ собственника, безъ всякаго труда съ своей стороны». Увеличеніе производительности труда представляетъ собою необходимое условіе возникновенія ренты. Послѣдняя «*возможна только тогда, когда занятые въ производствѣ работники создаютъ своимъ трудомъ болѣе того, что нужно для поддержанія ихъ существованія*». [1] Но охотничій трудъ никогда не можетъ достигнуть такой степени производительности. Только переходъ къ земледѣлію избавляетъ людей отъ необходимости тратить все свое время и всѣ свои силы на удовлетвореніе насущнѣйшихъ своихъ потребностей. Конечно, земледѣліе, въ собственномъ смыслѣ этого слова, доставляетъ только сырой матеріалъ. Его продукты должны подвергнуться дальнѣйшей обработкѣ, чтобы годиться для потребленія. И чтобы возможно было возникновеніе ренты, производительность труда должна возрости также и въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя занимаются обработкой доставляемаго земледѣліемъ сырья. Что же касается предметовъ не первой необходимости, то возростаніе производительности труда изготовляющихъ ихъ лицъ не составляетъ необходимаго условія существованія ренты. Если каждый занятый производствомъ предметовъ первой необходимости работникъ можетъ обезпечить средства существованія нетолько самому себѣ, но и еще двумъ лицамъ, то ничто не мѣшаетъ этимъ послѣднимъ посвятить себя изготовленію предметовъ роскоши. Обладатели предметовъ первой необходимости отдадутъ имъ излишекъ своихъ продуктовъ въ обмѣнъ за издѣлія роскоши, и такой обмѣнъ можетъ состояться даже въ томъ случаѣ, если количество этихъ издѣлій будетъ весьма ограничено. Если же излишекъ продуктовъ первой необходимости скопится въ рукахъ немногихъ собственниковъ, то они получатъ полную возможность содержать цѣлыя полчища совершенно непроизводительной челяди.

Чѣмъ болѣе возростаетъ производительность труда, тѣмъ большее число членовъ общества можетъ быть избавлено отъ необходимости матеріальнаго труда, тѣмъ бо̀льшее число ихъ можетъ посвятить себя другимъ родамъ дѣятельности. Отсюда видно, какъ тѣсно связаны всѣ сферы общественной жизни съ

[1] Zur Erkenntniss. S. 67.

экономическимъ прогрессомъ. «Чѣмъ выше производительность труда, тѣмъ пышнѣе можетъ развиться умственная и художественная дѣятельность націи, чѣмъ ниже первая, тѣмъ беднѣе вторая».

Но возростаніе производительности труда, въ свою очередь, обусловливается его раздѣленіемъ. До раздѣленія труда человѣческая дѣятельность ограничивается захватомъ тѣхъ предметовъ потребленія, которые предлагаетъ сама природа: собираніемъ дико-растущихъ плодовъ или охотой. Производство, въ истинномъ смыслѣ этого слова, земледѣліе и скотоводство, становится возможнымъ лишь со времени раздѣленія труда, съ которымъ тѣсно связанъ весь экономическій прогрессъ общества. Въ самомъ дѣлѣ, человѣческій трудъ можетъ сдѣлаться производительнѣе только путемъ улучшенія способовъ производства и усовершенствованія его орудій. Но никакое серьёзное усовершенствованіе способовъ и орудій производства немыслимо безъ раздѣленія труда. «Именно это послѣднее было тою дверью, черезъ которую человѣчество вышло на безконечную дорогу своего экономическаго развитія».

Казалось бы, что возростаніе производительности труда должно прежде всего послужить на пользу самимъ трудящимся. Если въ результатѣ извѣстнаго количества труда является бо̀льшее, чѣмъ прежде, количество продуктовъ, то естественнѣе всего было бы ожидать, что производители воспользуются этимъ для улучшенія своего матеріальнаго благосостоянія, для сокращенія своего рабочаго дня и т. д., и т. д. Такъ оно, по мнѣнію Родбертуса, и было бы, еслибы экономическіе успѣхи человѣчества не сопровождались возникновеніемъ нѣкоторыхъ правовыхъ институтовъ, обусловливающихъ нѣкоторыя особенности въ распредѣленіи продуктовъ.

Сущность этихъ институтовъ сводится къ слѣдующему. Какъ только производительность труда поднимется на такую высокую степень, что трудящійся оказывается въ состояніи производить болѣе, чѣмъ нужно для поддержанія его существованія, то почва и капиталы переходятъ въ собственность лицъ, не принимающихъ непосредственнаго участія въ производствѣ. Поэтому и продукты труда достаются уже не рабочимъ, а обладателямъ средствъ производства. Изъ общей суммы этихъ продуктовъ рабочіе получаютъ только часть, не превышающую того, что̀ необходимо для поддержанія ихъ жизни. Остальная часть продукта поступаетъ въ полное распоряженіе собственниковъ и составляетъ ихъ *ренту*.

«Положеніе это кажется, съ перваго взгляда, до такой степени невѣроятнымъ, замѣчаетъ Родбертусъ:—что можетъ возбу-

дить недоумѣніе въ читателяхъ... Вѣдь написалъ же Тьеръ цѣлую книгу въ 400 страницъ, чтобы доказать, что собственность основывается только на трудѣ, что она настолько же законна, насколько законно присвоеніе трудящимся продуктовъ своего труда. И вдругъ оказывается, что знаменитый писатель старался обосновать право собственности, ссылаясь на несуществующій фактъ! Въ концѣ-концовъ выходитъ, что въ своей книгѣ Тьеръ только и дѣлалъ, что побивалъ самого себя! Какъ несомнѣнно то, что трудъ есть единственное разумное основаніе права собственности, что трудъ, говоря словами Тьера, нетолько долженъ лежать въ основѣ собственности, но также опредѣлять ея мѣру и границы, также неопровержимо и то обстоятельство, что всюду, гдѣ существуетъ раздѣленіе труда, почва, орудія и продукты труда не принадлежатъ рабочимъ. Они составляютъ собственность послѣднихъ только до раздѣленія труда, то есть до начала цивилизаціи. Земля, на которой снискиваетъ свое пропитаніе первобытный охотникъ, составляетъ его собственность, такъ же, какъ его лукъ, стрѣлы или убитое имъ животное. Съ появленіемъ раздѣленія труда такое правовое отношеніе трудящагося къ средствамъ и продуктамъ производства немедленно прекращается. Оглянитесь вокругъ себя! Гдѣ земля принадлежитъ работнику? Она принадлежитъ тому, который нетолько не обработывалъ, но, пожалуй, никогда ея и не видалъ. Гдѣ принадлежитъ работнику капиталъ, т. е. матеріалъ и орудія его труда? Онъ получаетъ ихъ отъ другого лица, отъ собственника, и работаетъ, такимъ образомъ, съ помощью чужого капитала. Гдѣ, наконецъ, принадлежатъ рабочему продукты его труда? Никогда, во все продолженіе процесса производства, начиная отъ обработки пашни, на которой онъ сѣетъ клеверъ для корма овецъ, и кончая доставкой сукна потребителямъ, на всѣхъ ступеняхъ производства, во время стрижки, пряденья шерсти, тканья и окрашиванія сукна, продуктъ не принадлежитъ работнику. Онъ составляетъ собственность сначала землевладѣльца, а затѣмъ цѣлаго ряда предпринимателей, подвергающихъ его дальнѣйшей обработкѣ. Трудящіеся надъ приготовленіемъ продуктовъ рабочіе получаютъ заработную плату, которая есть нѣчто иное, чѣмъ продуктъ ихъ труда. Только эта заработная плата и принадлежитъ имъ въ собственность, если они могутъ, по своему правовому положенію, имѣть собственность. Въ такомъ отношеніи къ почвѣ, капиталу и продуктамъ своего труда повсюду стоитъ современный работникъ, и это отношеніе становится тѣмъ болѣе замѣтнымъ, чѣмъ болѣе развивается раздѣленіе труда и возростаетъ его производительность»[1].

[1] Zur Beleuchtung, SS. 79—80.

Мы знаемъ уже, что Бастіà и Тьеръ не смущались современнымъ положеніемъ работника. Они утверждали, что если земля и не принадлежитъ работнику въ настоящее время, то она, во всякомъ случаѣ, составляетъ собственность тѣхъ лицъ или наслѣдниковъ тѣхъ лицъ, которые впервые сдѣлали ее доступной для обработки. Также разсуждали они и о капиталѣ. По ихъ мнѣнію, онъ перешелъ въ обладаніе нынѣшнихъ капиталистовъ, въ качествѣ наслѣдства отъ тѣхъ лицъ, труду которыхъ онъ обязанъ своимъ существованіемъ. Но Родбертусъ не придаетъ никакой цѣны подобнаго рода положеніямъ. «Я думаю, пишетъ онъ во второмъ *Письмѣ къ Кирхману*:—что въ васъ, мой дорогой другъ, эти безсмысленныя увѣренія всегда вызывали такое же отвращеніе, какъ и во мнѣ. Какъ? Развѣ не происходитъ почти ежедневно обработка новой, дѣвственной почвы, ея осушеніе и т. п.? Этотъ трудъ совершается не землевладѣльцемъ, а нанятыми рабочими, которые не получаютъ, однако, ни малѣйшаго права собственности на воздѣланную ими землю. Не возникаютъ ли ежедневно новые капиталы, которые менѣе всего составляютъ продуктъ труда лицъ, получающихъ на нихъ право собственности? И какъ это могло случиться, что фактъ присвоенія самими трудящимися первыхъ обработанныхъ участковъ земли и первыхъ возникшихъ по раздѣленіи труда капиталовъ, что этотъ предполагаемый фактъ навсегда сдѣлалъ невозможнымъ свое повтореніе? Неужели разумный правовой принципъ присвоенія трудящимися продуктовъ своего труда, неужели этотъ принципъ только для того и явился нормой взаимныхъ отношеній первобытныхъ производителей, чтобы затѣмъ уничтожить себя навсегда? Нѣтъ, мнѣніе, по которому первоначально дѣло происходило не такъ, какъ теперь—*исторически невѣрно и экономически невозможно*. И прежде, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ появилось раздѣленіе труда, землевладѣльцами и капиталистами были не тѣ лица, которыя расчистили почву и создали своимъ трудомъ капиталы. Землевладѣльцы и капиталисты никогда не были бы въ состояніи однѣми только собственными силами расчистить почву и произвести капиталы» [1].

Съ самыхъ первыхъ шаговъ культурнаго развитія человѣчества дѣйствительность представляла, по мнѣнію Родбертуса, далеко не тѣ мирныя картины, малеванію которыхъ такъ охотно предаются многіе экономисты. Всегда и вездѣ, вслѣдъ за раздѣленіемъ труда появляется и эксплуатація человѣка человѣкомъ. «Одни повинуются и служатъ, другіе повелѣваютъ и наслаждаются; одни работаютъ, другіе присвоиваютъ себѣ расчищенную

[1] Ibid., 81.

землю, капиталы и продукты труда». Такой порядокъ вещей такъ же старъ, какъ и «право, безъ котораго немыслимъ былъ бы» экономическій прогрессъ человѣчества. Только въ средѣ незнающихъ раздѣленія труда дикарей наталкиваемся мы на другія отношенія между людьми. Въ охотничьемъ племени всѣ свободны; лукъ, стрѣлы, всѣ необходимые для охоты снаряды, равно какъ и убитая дичь принадлежатъ еще самому охотнику. На этой ступени развитія человѣческихъ обществъ еще невозможно сколько-нибудь продолжительное подчиненіе человѣка человѣку. Связь родителей съ дѣтьми прекращается, какъ и въ животныхъ семьяхъ, немедленно по достиженіи дѣтьми физической зрѣлости. Побѣжденныхъ непріятелей убиваютъ, приносятъ въ жертву или съѣдаютъ. И весь этотъ порядокъ вещей обусловливается экономическою необходимостью. Когда производительность труда стоитъ на такой низкой ступени, что каждый трудящійся не можетъ произвести болѣе того, что̀ необходимо ему для поддержанія его существованія, тогда эксплуатація человѣка человѣкомъ экономически невозможна. Обращеніе побѣжденнаго врага въ раба не приноситъ еще никакой выгоды побѣдителю, поэтому послѣдній долженъ или убить, или совершенно освободить своего непріятеля. Освобожденіе его было бы, однако, не въ интересахъ побѣдителя, такъ какъ борьба могла бы возгорѣться снова. Поэтому «охотничьи племена должны убивать своихъ побѣжденныхъ непріятелей». Но вотъ общество подвигается нѣсколько далѣе по пути своего культурнаго развитія. Появляются земледѣліе и раздѣленіе труда, производительность его возростаетъ, и каждый трудящійся получаетъ возможность производить, сверхъ необходимаго для него самого, еще извѣстный излишекъ. Тогда побѣдителю уже невыгодно убивать своего врага. Онъ предпочтетъ обратить его въ рабство, чтобы пользоваться излишкомъ созданныхъ его трудомъ продуктовъ. Успѣхи общества на поприщѣ экономическихъ усовершенствованій влекутъ за собою прогрессъ въ правовыхъ отношеніяхъ, потому что порабощеніе все-таки должно быть признано смягченіемъ нравовъ, въ сравненіи съ убійствомъ или антропофагіей. «Развитіе правовой идеи всегда шло рука объ руку съ экономической необходимостью».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что «рабство возможно только у земледѣльческихъ народовъ». Но за то въ средѣ этихъ народовъ оно находитъ себѣ самое обширное примѣненіе. По словамъ Родбертуса, исторія не можетъ указать ни одного народа, у котораго самые первые слѣды земледѣлія не были бы связаны съ эксплуатаціей слабыхъ сильными, у котораго «на долю однихъ не выпадалъ бы трудъ, на долю другихъ—пользованіе его

продуктами». Насиліе является необходимымъ и потому неизбѣжнымъ спутникомъ экономическаго развитія общества, однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ его хозяйственнаго уклада. Экономическій строй всѣхъ сколько-нибудь культурныхъ народовъ есть продуктъ насилія, господства съ одной стороны и подчиненія— съ другой. Древнѣйшіе историческіе памятники изображаютъ дѣло именно такимъ образомъ, и даже въ греческой философіи замѣтно еще, по словамъ Родбертуса, вліяніе этого повсемѣстнаго явленія. Нашъ авторъ цитируетъ то мѣсто изъ «Политики» Аристотеля, въ которомъ послѣдній говоритъ, что изъ «отношеній мужчины къ женщинѣ и *господина къ рабу* возникаетъ первое хозяйство». У нашихъ предковъ дѣло происходило совершенно подобнымъ же образомъ. Оно не измѣнилось и въ то время, «въ которомъ можно уже исторически прослѣдить зачатки современнаго національнаго богатства Германіи». Въ доказательство Родбертусъ ссылается на знаменитые капитуляріи Карла Великаго de villis, то есть на тѣ распоряженія послѣдняго объ устройствѣ и организаціи императорскихъ виллъ или хуторовъ, которыя открываютъ собою, по словамъ Маурера, «новую эпоху» въ исторіи крупнаго землевладѣнія въ Германіи [1].

Такимъ образомъ, оказывается, что и «первоначально» почва, капиталы и продукты труда не принадлежали самимъ рабочимъ. По мнѣнію нашего автора, гораздо болѣе согласно съ исторической истиной обратное положеніе, то есть вѣрнѣе было бы сказать, что первоначально нетолько почва, капиталы и продукты труда, но и самые работники составляли собственность другихъ, нетрудящихся лицъ. «Первоначальный видъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ настолько же суровѣе современнаго, насколько рабство тяжелѣе для работника, чѣмъ договорныя отношенія его къ предпринимателю» въ современномъ обществѣ.

Но предполагаемый школой Бастіа первоначальный видъ отношеній производителя къ продуктамъ его труда, то есть присвоеніе имъ этихъ продуктовъ—невозможно и съ экономической точки зрѣнія. Какимъ образомъ могло произойти расчищеніе почвы, осушеніе ея, распашка, словомъ, всѣ необходимыя при переходѣ къ земледѣлію работы? Разумѣется, ихъ не могъ предпринять и исполнить изолированный работникъ. Послѣдній едва можетъ поддержать свою жизнь, влача жалкое существованіе дикаря-охотника. Его единичныхъ усилій было бы недостаточно для расчистки и обработки почвы. Только основанное на раздѣленіи труда общество, «только соціальный человѣкъ» можетъ

[1] См. Einleitung zur Geschichte der Hof-Mark-Dorf-und Stadtverfassung. S. 225.

совершать чудеса экономическаго прогресса. Поэтому и обработка почвы и изготовленіе орудій труда могло быть предпринято лишь цѣлыми группами людей, въ средѣ которыхъ существовало раздѣленіе труда. Но какъ возникали такія группы, спрашиваетъ Родбертусъ, какъ происходило распредѣленіе занятій, раздѣленіе труда въ ихъ средѣ? Было ли оно слѣдствіемъ свободнаго договора, которымъ опредѣлялись бы способъ коллективнаго производства, участіе въ немъ каждаго изъ членовъ общества, и, наконецъ, справедливое по понятіямъ того времени распредѣленіе? Утверждать это, говоритъ Родбертусъ, было бы еще ошибочнѣе, чѣмъ считать поземельную собственность и капиталы продуктомъ труда ихъ обладателей. «Какъ образованію государствъ не могъ предшествовать общественный договоръ, такъ и экономическая организація народовъ не могла быть результатомъ свободнаго соглашенія». Мы уже говорили выше, что весь культурный прогрессъ человѣчества стоитъ въ тѣсной связи съ возростаніемъ производительности труда. Мы говорили также, что достигнуть сколько-нибудь высокой степени можетъ лишь раздѣленный трудъ. И раздѣленіе труда должно, въ отличіе отъ случайныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ первобытныхъ дикарей, найти себѣ мѣсто въ самомъ прогрессѣ производства. Продуктъ долженъ составлять результатъ коопераціи нѣсколькихъ производителей, приготовляющихъ его по частямъ. Необходимымъ слѣдствіемъ такой организаціи производства является правильный обмѣнъ продуктовъ между производителями, которые не могутъ уже удовлетворять своихъ потребностей продуктами своего индивидуальнаго труда.

Но это-то раздѣленіе труда—необходимая основа всего общественно-экономическаго прогресса—«первоначально основывалось только на принужденіи и насиліи». Впервые, оно нашло себѣ мѣсто въ той семьѣ, въ которой женщины и дѣти находились, въ сущности, въ рабскомъ состояніи, не говоря уже о томъ, что рабы, въ собственномъ смыслѣ этого слова, являлись ея необходимою составною частью. Затѣмъ рабство, а съ нимъ и насиліе, развивалось далѣе, легло въ основу всего античнаго хозяйства и, пройдя нѣсколько переходныхъ ступеней, смягчилось въ средневѣковое крѣпостничество, доставившее необходимый контингентъ для образованія класса современныхъ рабочихъ. Во всѣ эти эпохи продукты раздѣленнаго труда и коопераціи производителей не могли принадлежать самимъ трудящимся, потому что принадлежали господину. Съ мыслью о томъ, что единственнымъ основаніемъ собственности долженъ служить трудъ, случилось, по мнѣнію Родбертуса, тоже самое, что про-

изошло со всѣми соціальными идеями. «Какъ только додумывается до нихъ человѣчество, сейчасъ же находятся люди, которые, въ благородномъ или корыстолюбивомъ рвеніи, стремятся доказать, что эти идеи лежатъ въ основѣ всей исторіи общества. А между тѣмъ, эти идеи только еще идутъ къ своему осуществленію въ будущемъ» [1].

Но Родбертусъ идетъ еще далѣе. Онъ утверждаетъ, что средства производства и *не должны были* принадлежать рабочему. Они «и не будутъ никогда принадлежать ему въ собственность; по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока раздѣленіе труда будетъ существовать, развиваться, расширяться и опрокидывать надъ обществомъ рогъ изобилія своихъ чудесныхъ сокровищъ» [2]. Осуществленіе такого порядка имущественныхъ отношеній, въ которомъ каждый рабочій являлся бы собственникомъ орудій и непосредственнаго продукта своего труда, встрѣтило бы, по мнѣнію нашего автора, непреодолимыя техническія препятствія. «Припомните, говоритъ онъ:—знаменитый примѣръ булавочнаго производства. Здѣсь, между добываніемъ и обработкой металла—съ одной стороны, и доставкой булавокъ потребителю—съ другой, продуктъ проходитъ черезъ руки цѣлаго ряда производителей. Каждый изъ нихъ нуждается въ особыхъ орудіяхъ, которыя, въ свою очередь, изготовляются особыми производителями. Если признать, что непосредственный продуктъ труда долженъ принадлежать рабочему, то каждая булавка окажется собственностью всѣхъ тѣхъ рабочихъ, которые трудились надъ ея приготовленіемъ. Какимъ же образомъ могъ бы вступить въ свои права каждый изъ этихъ собственниковъ? Какъ пришлось бы дѣлить между ними продуктъ ихъ совокупныхъ усилій? И что дѣлалъ бы каждый рабочій, получивши въ булавкахъ свою долю общаго продукта? Право собственности рабочихъ на орудія и непосредственные продукты ихъ труда создало бы такую массу трудностей и замѣшательствъ, что оно было бы равносильно уничтоженію раздѣленія труда, «а съ нимъ и всего пышнаго зданія современной цивилизаціи». «Нѣтъ, повторяетъ Родбертусъ:—почва, капиталы и непосредственные продукты не должны принадлежать рабочимъ, какъ не принадлежали они имъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ раздѣленіе труда. Въ слѣдующемъ *Письмѣ* [3], въ которомъ я буду говорить о собственности, я укажу на глубокое, провиденціальное значеніе, на телеологію

---

[1] Zur Beleuchtung, S. 85.

[2] Zur Beleuchtung, S. 85; см. также «Zur Erklärung und Abhülfe der Creditnoth des Grundbesitzes» Th. II S. 295.

[3] Письмо это не появилось до сихъ поръ въ печати.

этого явленія. Мнѣ удастся, я надѣюсь, доказать, что если общество захочетъ установить справедливыя имущественныя отношенія, оно все-таки не должно отдавать землю, орудія и продукты труда въ собственность отдѣльныхъ работниковъ... Экономическое развитіе націи не можетъ стремиться къ замѣнѣ нынѣшнихъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ—собственниками изъ рабочихъ; оно вообще не можетъ выразиться въ какихъ-либо законахъ о *раздѣленіи* національнаго имущества». Съ другой стороны, нашъ авторъ убѣжденъ въ томъ, что экономическое развитіе необходимо должно привести къ устраненію несправедливыхъ сторонъ современныхъ имущественныхъ отношеній; оно должно, по его мнѣнію, возвратить труду то, что принадлежитъ ему по праву. «Если я назвалъ, оговаривается онъ:—глубоко справедливымъ то обстоятельство, что почва, орудія и продукты труда *не* принадлежатъ рабочимъ, то этотъ справедливый фактъ сопровождается не менѣе крупною несправедливостью. Эта послѣдняя состоитъ въ томъ, что средства и продукты производства составляютъ *частную собственность* другихъ лицъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ раздѣленіе труда, орудія и продукты его *никогда* не составляли собственности рабочихъ, но *всегда* принадлежали другимъ частнымъ лицамъ. Первая, *отрицательная* сторона этого явленія нетолько останется необходимой до тѣхъ поръ, пока счастье общества будетъ опираться на раздѣленіе труда, но именно на ней-то и могутъ быть построены болѣе справедливыя отношенія въ будущемъ. Вторая, *положительная* сторона указаннаго явленія должна быть устранена, потому что въ ней именно заключается несправедливость современныхъ имущественныхъ отношеній. Ничѣмъ другимъ, какъ принадлежностью орудій и продуктовъ труда частнымъ лицамъ, обусловливается то обстоятельство, что *доходъ* рабочихъ никогда не бываетъ равнымъ стоимости продуктовъ ихъ труда».

V.

Теперь мы имѣемъ ясный и полный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ о происхожденіи ренты. Мы знаемъ, благодаря чему, лица, не принимавшія никакого участія въ производствѣ, получаютъ свою, иногда львиную долю въ распредѣленіи. Мы видѣли, что право на эту долю не имѣетъ никакой причинной связи съ тѣми или другими полезными занятіями, которымъ предаются иногда собственники. *Экономическая возможность* такихъ общественныхъ отношеній создается возростаніемъ про-

изводительности труда. Чтобы дать возможность существовать лицамъ нетрудящимся, рабочіе должны производить болѣе, чѣмъ нужно для поддержанія ихъ жизни и продолженія ихъ рода. Но одного этого условія недостаточно. Нужны еще такія учрежденія, которыя вынуждали бы рабочихъ передавать оставшійся—за удовлетвореніемъ ихъ насущнѣйшихъ потребностей — излишекъ въ руки нетрудящихся членовъ общества. Нужны такія правовыя нормы, при которыхъ рабочіе должны были бы

Предоставить почтительно намъ
Погружаться въ искуства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ.

И такія правовыя учрежденія не замедлили явиться тотчасъ же, какъ люди ознакомились съ выгодами раздѣленія труда. Сущность ихъ сохранилась и до настоящаго времени, несмотря не всевозможныя формальныя ихъ измѣненія. «Какъ первоначально положительное право опиралось на силу, говоритъ Родбертусъ:—такъ и теперь передача упомянутаго излишка основывается на постоянномъ принужденіи». Первоначально это принужденіе достигалось путемъ рабства. Работники, создававшіе своимъ трудомъ средства, сами представляли собою движимую собственность, «говорящіе инструменты», какъ называетъ ихъ Варронъ. Господинъ ихъ отдавалъ имъ то, что необходимо было для поддержанія ихъ жизни, все же, что оставалось затѣмъ изъ произведеннаго ихъ трудомъ продукта, составляло его неотъемлемую собственность. Въ настоящее время цивилизованныя націи не знаютъ, конечно, нетолько рабскаго труда, но и крѣпостной зависимости. Но это не измѣняетъ, по мнѣнію Родбертуса, сущности дѣла. Современные землевладѣльцы и капиталисты имѣютъ въ своемъ распоряженіи прекрасное средство для отстаиванія своихъ экономическихъ интересовъ. Средство это очень простое и обыкновенное: оно носитъ громкое названіе свободнаго договора. Не имѣя ни земли, ни капитала, современный пролетарій можетъ трудиться только по найму у предпринимателя. Продукты производства составляютъ, поэтому, собственность предпринимателя, между тѣмъ, какъ рабочій получаетъ условную плату. При опредѣленіи высоты этой платы и обнаруживаются всѣ благодѣтельныя свойства свободнаго договора. Побуждаемый голодомъ, рабочій «радъ получить хоть часть стоимости своего собственнаго продукта, чтобы поддержать свое существованіе, то есть чтобы имѣть возможность снова взяться за работу» [1]. Эти реальныя отношенія нашли свое выраженіе въ ученіи о необходимой заработной платѣ, высота которой

[1] Zur Beleuchtung, S. 31.

*

должна опредѣляться, по мнѣнію экономистовъ, уровнемъ насущнѣйшихъ потребностей рабочаго. Такимъ-то образомъ, «мѣсто приказанія рабовладѣльца заступаетъ, въ настоящее время, договоръ рабочаго съ предпринимателемъ». Но договоръ этотъ «свободенъ только съ формальной точки зрѣнія, потому что голодъ вполнѣ замѣняетъ бичъ рабовладѣльца. То, что называлось прежде *кормомъ* раба, называется нынѣ *заработной платой* свободнаго рабочаго» [1]. Соотвѣтственно этому, и экономическая наука, со своимъ ученіемъ о «необходимой» заработной платѣ — какъ о послѣднемъ предѣлѣ законныхъ требованій рабочаго—не перестаетъ смотрѣть на пролетарія, «какъ на раба, который нуждается въ кормѣ столько же, сколько машина въ починкѣ».

Но если доходъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ такъ же, какъ и доходъ рабовладѣльцевъ, представляетъ собою продуктъ труда работниковъ, то нужно сознаться, что въ современномъ обществѣ существуетъ цѣлая масса условій, затрудняющихъ пониманіе сущности дѣла. Чрезвычайно сложный характеръ современныхъ экономическихъ отношеній скрываетъ эту сущность отъ глазъ поверхностнаго наблюдателя. Доходъ фабриканта принимаетъ видъ какого-то независимаго отъ труда рабочихъ «дохода отъ имущества», какъ будто составляющіе этотъ доходъ продукты стоятъ чего-либо, кромѣ труда. Но представимъ себѣ рабовладѣльческое хозяйство и соотвѣтствующую ему организацію производства и распредѣленія. Въ такомъ хозяйствѣ часть рабовъ обработываетъ поле и добываетъ сырой продуктъ. Другая часть ихъ подвергаетъ сырье дальнѣйшей обработкѣ, пока, наконецъ, продуктъ не сдѣлается годнымъ для потребленія. Такимъ образомъ, тѣ отрасли труда, которымъ соотвѣтствуетъ нынѣшнее фабричное производство, не отдѣлились еще отъ земледѣлія и соединяются съ нимъ въ одномъ и томъ же рабовладѣльческомъ хозяйствѣ. Всѣ, оставшіеся за прокормленіемъ рабовъ продукты этого хозяйства, естественно, принадлежатъ «господину» и составляютъ его доходъ. Рабовладѣлецъ не станетъ вывозить эти продукты на рынокъ, чтобы, путемъ обмѣна, получить необходимые для него предметы потребленія. На той ступени экономическаго развитія, о которой здѣсь идетъ рѣчь, хозяйство считается хорошимъ лишь тогда, когда рабовладѣлецъ не нуждается въ покупкахъ на сторонѣ, когда всѣ нужные ему предметы производятся его рабами. Именно такой идеалъ хозяйства рисуютъ своимъ согражданамъ Ксенофонтъ и Аристотель. Легко понять, говоритъ Родбертусъ, что всѣ продукты такого

[1] Ibid.

хозяйства будутъ обязаны своимъ существованіемъ труду рабовъ. Доходъ господина будетъ равенъ разности между произведенными и потребленными его рабами продуктами. И рабовладѣлецъ безъ всякаго смущенія согласился бы съ этимъ; онъ считалъ бы вполнѣ естественнымъ то обстоятельство, что продукты труда его рабовъ составляютъ его собственность. Экономическая сторона дѣла была бы ясна, какъ день.

Но когда, съ дальнѣйшимъ развитіемъ общественно-экономическимъ отношеній, натуральное хозяйство переходитъ въ денежное; когда появляются отдѣльные классы землевладѣльцевъ и предпринимателей; когда, вслѣдствіе этого, взятый у рабочихъ излишекъ ихъ продукта подраздѣляется, какъ мы увидимъ ниже, на поземельную ренту и прибыль — тогда дѣло оказывается гораздо болѣе сложнымъ и запутаннымъ. Имущимъ классамъ не хочется сознаться въ томъ, что доходъ ихъ обязанъ своимъ существованіемъ труду свободныхъ рабочихъ, у которыхъ, какъ у рабовъ, отнимается часть ихъ продукта. Если естественнымъ слѣдствіемъ рабства было право собственности господина на все произведенное трудомъ *рабовъ*, то не менѣе естественнымъ кажется право собственности *свободныхъ рабочихъ* на полную стоимость ихъ продуктовъ. И когда личная свобода рабочаго уживается рядомъ съ эксплуатаціей его въ пользу землевладѣльцевъ и предпринимателей, то у послѣднихъ невольно является опасеніе за прочность своихъ привилегій. «Они боятся, говоритъ Родбертусъ:—чтобы исторія не сдѣлала послѣдняго вывода изъ своихъ посылокъ и не освободила рабочаго и въ экономическомъ отношеніи. Подъ вліяніемъ этого опасенія, представители высшихъ классовъ охотно соглашаются съ тѣмъ ученіемъ, по которому рента представляетъ собою продуктъ *не труда*, а особыхъ «производительныхъ услугъ» почвы и капитала. Они обнаруживаютъ, такимъ образомъ, особенную склонность къ экономическимъ теоріямъ Сэя. Раздѣленіе же ренты на поземельную ренту и прибыль, въ связи съ обмѣномъ продуктовъ на рынкѣ, при посредствѣ денегъ, затрудняютъ пониманіе дѣла даже для тѣхъ, кто нашелъ бы въ себѣ достаточно мужества и безпристрастія, чтобы любить истину, какова бы она ни была». Въ современномъ обществѣ взятый у рабочихъ излишекъ ихъ продукта, въ свою очередь, распредѣляется между различными слоями общества. Классъ лицъ, которыя, говоря словами Ад. Смита, жнутъ тамъ, гдѣ не сѣяли, подраздѣляется на землевладѣльцевъ, предпринимателей и «капиталистовъ», то есть лицъ, ссужающихъ свои деньги другимъ для промышленныхъ предпріятій и получающихъ за это извѣстный процентъ. «Деньги родятъ

деньги», и это явленіе, такъ ужасавшее когда-то Аристотеля и отцовъ церкви, сдѣлалось теперь до такой степени обыкновеннымъ, что легло въ основу всѣхъ ходячихъ воззрѣній на природу и происхожденіе ренты. Всякое имущество имѣетъ извѣстную мѣновую стоимость, выражающуюся въ той или другой суммѣ денегъ. Поверхностный наблюдатель объясняетъ себѣ происхожденіе дохода, приносимаго этимъ имуществомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что на покупку его была затрачена извѣстная сумма денегъ, которая должна давать процентъ. Что такими поверхностными наблюдателями оказывались, по временамъ, даже патентованные экономисты, читатель можетъ видѣть изъ слѣдующаго поразительнаго примѣра. «Въ политической экономіи, говоритъ одинъ буржуазный «ученый»:—рабочій является ни чѣмъ другимъ, какъ постояннымъ капиталомъ, накопленнымъ страной (читай буржуазіей), которая дала средства для обученія и полнаго развитія силъ работника. По отношенію къ производству богатствъ, рабочаго нужно разсматривать какъ машину, на постройку которой былъ затраченъ извѣстный капиталъ, начинающій приносить проценты съ того времени, какъ онъ становится полезнымъ факторомъ въ промышленности» (sic!). Именно этимъ и объясняетъ почтенный экономистъ то обстоятельство, что «трудъ рабочаго приноситъ менѣе выгодъ ему самому, чѣмъ предпринимателю» [1]. Но если въ обыденной жизни такія воззрѣнія являются естественнымъ слѣдствіемъ сложности и запутанности современныхъ экономическихъ отношеній, то въ наукѣ они не перестаютъ быть самымъ грубымъ логическимъ промахомъ, самымъ непозволительнымъ смѣшеніемъ причины со слѣдствіемъ. Не потому землевладѣлецъ и предприниматель получаютъ ренту, что денежный капиталъ приноситъ теперь извѣстный процентъ. Наоборотъ, деньги потому и «родятъ деньги», что исключительное обладаніе средствами производства даетъ имущимъ классамъ возможность присвоивать себѣ часть произведеннаго рабочими продукта. Часть эта удерживается у *свободныхъ* рабочихъ и вывозится на рынокъ *для обмѣна*. Но могла ли произвести какія-нибудь существенныя измѣненія, въ отношеніяхъ имущихъ и неимущихъ, замѣна рабовъ свободными рабочими и натуральнаго хозяйства — денежнымъ? Весь доходъ рабовладѣльческаго хозяйства былъ продуктомъ труда рабовъ. Какимъ же образомъ доходъ собственниковъ пересталъ бы быть продуктомъ труда рабочихъ, благодаря лишь тому обстоятельству, что рабы получили

---

[1] См. Cours éclectique d'économie politique par Florès Estrada, t. I, pp. 363—364.

свободу, а имущій классъ подраздѣлился на нѣсколько различныхъ слоевъ? Вѣдь измѣнились только правовое положеніе рабочихъ, да распредѣленіе отнятаго у рабочихъ продукта. Происхожденіе же этого продукта, «естественное отношеніе производителя къ продукту его труда», какъ выражается Родбертусъ, осталось неизмѣннымъ. Вся разница лишь въ томъ, что присвоеніе рабовладѣльцемъ продуктовъ рабскаго труда было непосредственнымъ слѣдствіемъ рабства; современный же рабочій отдаетъ предпринимателю продукты своего труда, въ силу «свободнаго договора». И если стоимость заработной платы всегда составляетъ *только часть* стоимости произведеннаго рабочимъ продукта, то не ясно ли, спрашиваетъ Родбертусъ:—что другая часть этой стоимости составляетъ доходъ собственниковъ? А если это такъ, то частная собственность на землю и средства производства вполнѣ замѣняетъ собою то давленіе, которое оказывала когда-то на трудящихся рабская и крѣпостная зависимость. Она заставляетъ рабочихъ довольствоваться скуднымъ заработкомъ и предоставлять въ распоряженіе собственника все то, что остается за удовлетвореніемъ ихъ самыхъ насущныхъ потребностей. Только тысячелѣтняя привычка, въ связи съ упомянутою сложностью современнаго хозяйства, могла затемнить, по мнѣнію Родбертуса, ту простую истину, что доходъ собственниковъ есть ничто иное, какъ продуктъ труда рабочихъ. «Простѣйшія и ближайшія истины всегда оказывались наименѣе понятными для людей. Это случалось особенно часто съ истинами, заключавшими въ себѣ общественный, моральный элементъ, указывавшими людямъ на несправедливость того, что составляло правовую норму общественныхъ отношеній въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій» [1].

Къ числу удивительнѣйшихъ возраженій противъ изложеннаго выше ученія о рентѣ нужно, безъ сомнѣнія, отнести слѣдующее разсужденіе Германа. Глупо было бы, говоритъ этотъ остроумный человѣкъ:—со стороны рабочихъ мѣнять извѣстное количество, положимъ, десять часовъ своего труда на плату, эквивалентную только 8 или 6 часамъ труда. «Однако, отвѣчаетъ Родбертусъ:—рабочихъ не особенно благодарятъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они начинаютъ находить такой обмѣнъ глупымъ. Тогда ихъ всѣми силами стараются убѣдить въ противномъ, и если этой цѣли не достигаютъ разсказы миссъ Мартино, то помогаетъ ultima ratio regis. Независимо отъ взглядовъ рабочихъ на разумность такой сдѣлки, они *должны* согласиться на нее, если не хотятъ умереть голодной смертью!» Какъ могли

[1] Zur Beleucht., S. 89.

они отказаться отъ предлагаемой имъ предпринимателемъ «глупой сдѣлки?» Оборванными или совсѣмъ нагими были отпущены они на свободу, не имѣя ничего, кромѣ своей рабочей силы... обязанность прежняго владѣльца заботиться объ ихъ пропитаніи устранялась вмѣстѣ съ упраздненіемъ ихъ зависимости, между тѣмъ, какъ потребности ихъ оставались въ прежней силѣ. Имъ нужно было чѣмъ-нибудь жить. Что же оставалось имъ дѣлать? Имъ предстояла одна альтернатива: или разрушить существующій общественный строй, или вернуться къ прежнимъ своимъ господамъ, и получить въ видѣ платы то, что получали они прежде въ видѣ корма. Другими словами, несмотря на новое *правовое* положеніе, они должны были работать при прежнихъ *экономическихъ* условіяхъ. И рабочіе были настолько благоразумны, что предпочли совершить *глупость*, въ которой упрекаетъ ихъ Германъ, и своимъ уваженіемъ къ существующимъ правовымъ учрежденіемъ обезпечить развитіе цивилизаціи».

Эта-то «глупость» рабочихъ и обусловливаетъ существованіе ренты, то есть всякаго дохода, получаемаго извѣстнымъ лицомъ, безъ труда съ его стороны, единственно по праву собственника. Въ настоящее время такой доходъ получаетъ различныя названія, смотря по тому, достается ли онъ землевладѣльцамъ, предпринимателямъ или, наконецъ, обладателямъ денежнаго капитала. Какъ подраздѣляется взятая у рабочихъ часть ихъ продуктовъ между перечисленными категоріями нетрудящихся—объ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ, гдѣ мы закончимъ изложеніе экономической теоріи Родбертуса. Мы увидимъ тамъ, какія соображенія заставили Родбертуса отрицать правильность теоріи поземельной ренты Рикардо, и постараемся обнаружить ошибки нашего автора, по отношенію къ этому вопросу. Наконецъ, указавши всѣ тѣ пункты, въ которыхъ разошелся Родбертусъ съ экономистами-классиками, мы сравнимъ его теорію съ ученіемъ Маркса. Теперь же мы закончимъ нашу статью, обращая вниманіе читателя на то, что изложенная уже выше часть теоріи Родбертуса содержитъ въ себѣ вполнѣ выработанное ученіе о «прибавочной стоимости», этомъ фокусѣ всѣхъ «проклятыхъ вопросовъ» XIX вѣка. Именно это ученіе о «прибавочной стоимости» и заставило, какъ намъ кажется, автора «*Капитала*» признать, что, несмотря на ошибочную теорію поземельной ренты, «Sociale Briefe an von Kirchmann» ясно изображаютъ сущность капиталистическаго производства.

Г. Валентиновъ.

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

(«Les quatre vents de l'esprit», le livre satirique).

I.

Общій знакомый.

Вотъ онъ—могучій столпъ желаннаго порядка!
Недавній выходецъ изъ мелкихъ торгашей,
Теперь—онъ собственникъ покосовъ и полей,
Вкушаетъ и покой, и сладости достатка.
Съ презрѣньемъ выскочки онъ смотритъ на народъ
И, въ тайныхъ помыслахъ, какъ истый сынъ мѣщанства,
Глубоко убѣжденъ, что благородный родъ,
Гербы и титулы — одно пустое чванство.
Онъ добродѣтеленъ и свято чтитъ законъ:
Тепломъ и нѣгою, предъ тлѣющимъ каминомъ,
Объятый въ зимній день—себя считаетъ онъ
Благонамѣреннымъ и честнымъ гражданиномъ.
Питая ненависть къ восторженнымъ сердцамъ
И къ просвѣщающимъ невѣжество умамъ,
Онъ смѣло говоритъ, что чистая свобода,
Спасительный прогрессъ, народныя права,
Все это—праздныя и вредныя слова,
Мечты негоднаго, отринутаго сброда.
Нуждающихся онъ не гонитъ и готовъ
Имъ помощь оказать и скромнымъ подаяньемъ,
И ссудой—подъ залогъ, съ умѣреннымъ стяжаньемъ;
Смазливыхъ горничныхъ лаская, онъ суровъ
Къ игривымъ вольностямъ газетнаго романа
И комкаетъ его озлобленно и рьяно.
Въ воскресный день идетъ онъ чинно въ божій храмъ
И кротко молится по книжкѣ неизмѣнной:

—«Коль правду говорить», признается онъ вамъ
За сытнымъ завтракомъ, съ усмѣшкой дерзновенной—
«Все это—пустяки; но глупый нашъ народъ,
«Не видя добраго примѣра, погрузится
«Въ такой разнузданныхъ страстей водоворотъ,
«Что станетъ и совсѣмъ безъ Бога обходиться!»
И онъ даетъ просторъ возвышеннымъ мечтамъ,
Тщеславно-радостнымъ сознаньемъ обольщенный,
Что руководитъ онъ толпой непросвѣщенной
И покровительство даруетъ небесамъ.

II.

Прекрасный полъ.

Альбомный сонетъ.

Въ честь ихъ старательно слагаемъ мы сонеты,
Ретиво слѣдуемъ за ними по церквамъ,
Заглядываемъ къ нимъ въ коляски и кареты
И припадаемъ къ ихъ протянутымъ рукамъ.

Но балъ—вотъ ихъ тріумфъ! въ борьбѣ неутомимой
Мы жадно ловимъ ихъ улыбку или взглядъ,
И, нѣжной музыкой, сквозь шумъ невыносимый,
Какъ шопотъ ручейка, ихъ голоса журчатъ:

— «Война... возмездіе... И кровь, и смерть, и слава...
«Довольно громкихъ словъ... Гдѣ сила—тамъ и право...
«Не въ школахъ—истина, а въ тюрьмахъ и въ бичахъ...»

О кроткія уста! изъ васъ порою льется
Такихъ рѣчей потокъ, что и могильный прахъ,
Объятый ужасомъ, невольно содрогнется.

В. С. Лихачевъ.

БАРТЕКЪ-ПОБѢДИТЕЛЬ.

РАЗСКАЗЪ.

Генриха Сенкевича.

I.

Герой мой назывался Бартекъ Слôвикъ (Соловей), но такъ какъ онъ имѣлъ обыкновеніе таращить глаза, когда съ нимъ говорили, то сосѣди называли его Бартекомъ пучеглазымъ. Съ соловьемъ онъ, дѣйствительно, не имѣлъ ничего общаго, но слабыя его умственныя способности и по истинѣ эпическая наивность доставили ему прозвище: Бартекъ-дуракъ. Прозвище это было самымъ популярнымъ, и навѣрно оно одно будетъ занесено на страницы исторіи, хотя Бартекъ имѣлъ еще четвертое, оффиціальное названіе. Такъ какъ слова: czlowiek (человѣкъ) и slowik (соловей) не представляютъ никакого различія для нѣмецкаго уха, а нѣмцы любятъ, во имя цивилизаціи, переводить варварскія славянскія названія на свой культурный языкъ, то при составленіи военныхъ списковъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Какъ тебя звать? спросилъ офицеръ Бартка.

— Слôвикъ.

— Чловикъ?.. Ach ja! Gut.

И офицеръ написалъ: Mensch.

Бартекъ былъ крестьяниномъ деревни Ярмо. Деревень этого названія, какъ извѣстно, очень много въ великомъ княжествѣ

Познанскомъ и въ другихъ земляхъ бывшей Рѣчи Посполитой. Не считая надѣла, хаты и двухъ коровъ, онъ былъ владѣльцемъ пѣгой кобылы и жены Магды. Благодаря такому стеченію обстоятельствъ, онъ могъ жить спокойно, какъ Богъ дастъ, и только когда Богъ далъ войну, Бартекъ сильно встревожился. Получено было извѣщеніе; надо было явиться въ сборный пунктъ. Пришлось бросить хату, надѣлъ и оставить все на попеченіе бабы. Народъ въ Ярмѣ былъ довольно бѣденъ. Зимою Бартекъ ходилъ на фабрику и, такимъ образомъ, поддерживалъ хозяйство; а теперь какъ? Богъ знаетъ, когда война съ французами кончится! Какъ только получено было извѣщеніе, Магда начала ругаться: «Чтобы имъ сдохнуть, окаяннымъ! Чтобъ имъ ослѣпнуть!—дуракъ ты, правда... но все-таки мнѣ тебя жаль. Французы пощады не дадутъ: голову тебѣ отрубятъ, али что!..

Бартекъ чувствовалъ, что баба говоритъ правду. Онъ боялся французовъ, какъ огня; къ тому же и тоска его одолѣла. Что ему сдѣлали французы? Зачѣмъ ему идти въ чужую страну, гдѣ нѣтъ родного человѣка. Когда сидишь въ Ярмѣ, хоть и не особенно тебѣ хорошо, но когда велятъ идти—вотъ тутъ-то чувствуешь, что дома все-таки лучше. Но что дѣлать? Такая, видно, ужь судьба, надо идти. Бартекъ обнялъ жену, поцѣловалъ десятилѣтняго Франка, потомъ сплюнулъ, перекрестился и вышелъ изъ хаты, а Магда за нимъ. Простились они не особенно нѣжно. Магда и мальчишка всхлипывали, а онъ повторялъ: «Ну, тише, ну, ну!» Такъ они вышли на большую дорогу. Тутъ онъ только замѣтилъ, что во всемъ Ярмѣ происходитъ тоже, что у нихъ. Вся деревня на ногахъ; куда ни взглянешь, вездѣ призывные. Идутъ они къ желѣзнодорожной станціи, а бабы, дѣти, старики и собаки провожаютъ ихъ. Призывнымъ тяжело на душѣ; только нѣкоторые парни курятъ трубку: есть и нѣсколько пьяныхъ; колонистъ какой-то со страху поетъ: «Wacht am Rhein». Весь этотъ пестрый людъ, среди котораго то здѣсь, то тамъ блеснетъ штыкъ, движется къ концу деревни съ гамомъ, крикомъ, шумомъ. Бабы держатъ своихъ солдатиковъ за руку и воютъ; какая-то старуха гнѣвно потрясаетъ кулакомъ въ воздухѣ. Другая завываетъ: «Да накажетъ васъ Богъ за нашу бѣду!» То и дѣло раздается: «Франекъ! Каська! Юзекъ! Будьте здоровы!» Собаки лаютъ. Въ костёлѣ благовѣстятъ. Самъ настоятель читаетъ отходную: вѣдь многіе изъ тѣхъ, которые идутъ теперь на станцію, ужь болѣе не вернутся. Война беретъ всѣхъ, но не многихъ отдастъ. Плуги заржавѣютъ въ поляхъ, потому что Ярмо объявило войну Франціи. Ярмо не стерпѣло преобладанія Наполеона III и приняло къ сердцу дѣло о кандидатурѣ на

испанскій престолъ. Колокольный звонъ провожаетъ толпу, которая уже вышла изъ деревни. Вотъ и статуя Богородицы: всѣ набожно снимаютъ фуражки и каски. Поднимаются столбы золотой пыли, потому что день стоитъ сухой и ясный. По обѣ стороны дороги дозрѣвающая рожь шумитъ тяжелымъ колосомъ. На голубомъ небѣ неподвижно дрожатъ жаворонки и поютъ что есть мочи.

Станція. Толпа увеличивается. Прибываютъ призывные изъ Большой Кривды, Малой Кривды, Недоли и села Несчастнаго. Шумъ, гамъ, смятеніе. Стѣны на станціи покрыты манифестами. Объявлена война «во имя Бога и отечества». Ландверъ идетъ защищать свои хаты, поля, женъ и дѣтей. Французы особенно ожесточены противъ Ярма, Большой и Малой Кривды, Недоли и села Несчастнаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется тѣмъ, которые читаютъ манифесты. Толпа передъ станціею все ростетъ. Въ комнатѣ табачный дымъ наполняетъ воздухъ и застилаетъ манифесты. Шумъ такъ силенъ, что нельзя ничего разслышать: всѣ ходятъ, зовутъ другъ друга, кричатъ. На платформѣ энергически, рѣзко, кратко раздается нѣмецкая команда.

Звонокъ; затѣмъ протяжный свистъ. Вдали слышится порывистый шумъ паровоза. Шумъ становится все явственнѣе. Кажется, будто приближается война.

Второй звонокъ. Всѣми овладѣваетъ тревога. Какой-то солдатикъ кричитъ: «Ева!» Онъ, очевидно, зоветъ свою жену; но другія бабы подхватываютъ: «ѣдутъ!» крикливый голосъ прибавляетъ: «французы ѣдутъ!»—и въ одинъ мигъ нетолько между бабами, но и между будущими героями Седана распространяется паника. Толпа заколыхалась. Между тѣмъ, поѣздъ останавливается у платформы. Во всѣхъ окнахъ виднѣются фуражки съ красными околышами и мундиры. Солдатъ видимо-невидимо. На открытыхъ платформахъ чернѣютъ мрачныя, продолговатыя пушки, блеститъ цѣлый лѣсъ штыковъ. Солдатамъ, очевидно, велѣно пѣть; поѣздъ дрожитъ отъ могучихъ мужскихъ голосовъ, и весь дышетъ самоувѣренностью и силою.

На платформѣ рекруты начинаютъ строиться; кто можетъ, еще прощается. Бартекъ махнулъ руками, точно крыльями вѣтряной мельницы, и вытаращилъ глаза.

— Ну, Магда, будь здорова!

— Ой, бѣдный муженекъ!

— Ужь больше меня не увидишь!

— Ужь больше тебя не увижу!

— Ничего не подѣлаешь!

— Да защититъ тебя Богородица!

— Будь здорова, смотри за хатой.

Баба, рыдая, обвила руками его шею.

— Да поможетъ тебѣ Богъ!

Настаетъ послѣдняя минута. Все заглушается визгомъ, плачемъ и рыданіями бабъ. «Будьте здоровы, будьте здоровы!» Но вотъ солдаты уже отдѣлены отъ бозпорядочной толпы; вотъ они скучились уже въ черную массу, которая образовываетъ квадраты, прямоугольники и приходитъ въ движеніе съ точностью машины. Раздается команда: садиться! Квадраты и прямоугольники раздѣляются по серединѣ, тянуться узкими полосами къ вагонамъ и исчезаютъ внутри ихъ. Вдали паровозъ свиститъ и извергаетъ клубы темно-сѣраго дыма. Вотъ онъ началъ дышать, какъ чудовище, и выпускать съ боку струи пара. Вой бабъ достигаетъ апогея. Однѣ закрываютъ глаза передниками, другія протягиваютъ руки къ вагонамъ.

— Будь здоровъ, Бартекъ! кричитъ снизу Магда.—И не суйся, куда тебя не посылаютъ. Богородица защититъ тебя... Будь здоровъ! О, Господи!

— Смотри за хатой! отвѣчаетъ Бартекъ.

Паровозъ дернулъ; вагоны ударились другъ объ друга, и поѣздъ тронулся.

— Помни, что у тебя жена и сынъ, кричитъ Магда и бѣжитъ за поѣздомъ.—Будь здоровъ! Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Будь здоровъ!

Поѣздъ идетъ все быстрѣе, увозя съ собою воиновъ изъ Ярма, обѣихъ Кривдъ, Недоли и села Несчастнаго.

II.

Рыдая возвращалась Магда съ толпою бабъ въ Ярмо, а въ противоположномъ направленіи рвался въ туманную даль поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ Бартекъ. Туманная даль тянется безконечно. Ярмо ужь еле можно различить. Только липа виднѣется, да крестъ блеститъ на костелѣ, освѣщенный лучами заходящаго солнца. Вскорѣ и липа исчезаетъ, а золотой крестъ кажется блестящею точкою. Пока эта блестящая точка видна, Бартекъ смотритъ на нее; но когда и она исчезаетъ, имъ овладѣваетъ страшная тревога. Онъ точно обезсилѣлъ и чувствуетъ, что пропалъ. Онъ смотритъ на унтеръ-офицера, сознавая, что послѣ Бога онъ всецѣло надъ нимъ властенъ. Что съ нимъ будетъ, это знаетъ унтеръ-офицеръ, самъ же Бартекъ ничего не знаетъ

и ничего не понимаетъ. Унтеръ-офицеръ сидитъ на скамьѣ, держитъ ружье между ногъ и куритъ трубку. Дымъ то и дѣло застилаетъ его серьёзное и недовольное лицо. Не одинъ Бартекъ смотритъ на это лицо; смотрятъ на него всѣ солдатики. Въ Ярмѣ или Кривдѣ всякій Бартекъ или Войтекъ самъ себѣ баринъ, всякій самъ долженъ думать за себя, а тутъ за всѣхъ думаетъ унтеръ-офицеръ. Велитъ онъ имъ смотрѣть направо—будутъ смотрѣть направо; велитъ смотрѣть налѣво, будутъ смотрѣть налѣво. Всякій спрашиваетъ глазами: «что съ нами будетъ?» А онъ самъ столько же знаетъ, сколько и они, и былъ бы радъ, еслибъ начальство выяснило ему этотъ мучительный вопросъ. Впрочемъ, мужики боятся спросить, потому что теперь военное время, значитъ, строго. Что дозволяется и чего не дозволяется—неизвѣстно. По крайней мѣрѣ, мужики объ этомъ ничего не знаютъ; ихъ только страшитъ слово «Kriegsgericht», котораго они, въ сущности, не понимаютъ.

Въ тоже время они чувствуютъ, что этотъ унтеръ-офицеръ имъ теперь нужнѣе, чѣмъ на манёврахъ подъ Познанью, потому что онъ за нихъ думаетъ, и безъ него не сдѣлаешь ни шага. Унтеръ-офицеру надоѣло держать ружье и онъ передалъ его Бартеку. Бартекъ беретъ ружье, не смѣетъ перевести духъ, и таращитъ глаза.

Ой, плохи дѣла! даже унтеръ-офицеръ точно самъ не свой. На станціяхъ раздаются пѣсни и крики; унтеръ-офицеръ командуетъ и ругается, чтобы угодить начальству, но какъ только поѣздъ тронется, все смолкаетъ.

Между тѣмъ, поѣздъ пыхтитъ, шумитъ и рвется вдаль. На каждой станціи прицѣпляютъ новые вагоны и локомотивы. Вездѣ видны только каски, пушки, лошади, штыки пѣхотинцевъ и значки улановъ. Наступаетъ тихій и ясный вечеръ. На западѣ все небо покрылось красною зарею; высоко на небѣ медленно движутся легкія облака съ розовою каймою. Поѣздъ, наконецъ, пересталъ захватывать новыхъ солдатъ на станціяхъ; но продолжаетъ летѣть впередъ, туда, въ красную даль, какъ бы въ море крови. Изъ открытаго окна, у котораго сидитъ Бартекъ съ другими солдатами-поляками, видны деревни, села и мѣстечки, башни церквей, аисты, согнувшіеся на подобіе крючка, стоя одной ногой въ гнѣздѣ, одинокія хаты, вишневые сады. Все это быстро мелькаетъ, обданное краснымъ цвѣтомъ. Солдаты начинаютъ шептаться, потому что унтеръ-офицеръ, подложивъ подъ голову мѣшокъ, заснулъ съ фарфоровою трубкою въ зубахъ. Войтекъ Гвиздàза, землякъ Бартека, сидящій около него, толкаетъ его локтемъ.

— Бартекъ, слушай!

Бартекъ повертываетъ къ нему лицо съ вытаращенными глазами.

— Чего смотришь, какъ теленокъ, котораго ведутъ на убой! шепчетъ Войтекъ. — Впрочемъ, что правда, то правда! Ведутъ тебя, бѣднягу, на убой, и навѣрно...

— Ой, ой! стонетъ Бартекъ.

— Боишься?

— Какъ же не бояться...

Заря все разгорается. Войтекъ указываетъ на нее рукою.

— Видишь, какъ тамъ красно? Знаешь, дуракъ, что это? Это — кровь. Здѣсь Польша, примѣрно сказать, нашъ край — понимаешь? А вонъ тамъ, далеко, гдѣ горитъ заря, тамъ и есть Францiя...

— А скоро доѣдемъ?

— Чего спѣшить? Говорятъ, далеко. Но не бойся: французы выйдутъ намъ навстрѣчу...

— Войтекъ!

— Чего тебѣ?

— А что это за народъ—французы?

Тутъ кончалась премудрость Войтека. Онъ зналъ только, что французы — французы. Слышалъ онъ отъ стариковъ, что французы на войнѣ всѣхъ бьютъ; зналъ онъ, что это народъ совершенно чужой, но какъ было объяснить это Бартеку? Поэтому, онъ прежде всего повторилъ вопросъ:

— Что это за народъ?

— Ну, да.

Войтекъ зналъ три народа: въ серединѣ «поляки», съ одной стороны «москали», съ другой — «нѣмцы». Но нѣмцы бываютъ разныхъ сортовъ. Поэтому, онъ сказалъ:

— Что за народъ—французы? Какъ тебѣ сказать: должно полагать, тотъ же нѣмецъ, только похуже...

Тутъ Бартекъ воскликнулъ:

— О, стерва?

До сихъ поръ французы внушали ему только страхъ. Теперь этотъ прусскiй ландверманъ почувствовалъ къ нимъ нѣчто въ родѣ патрiотическаго озлобленiя. Но онъ еще не все понялъ, какъ слѣдуетъ, и поэтому снова спросилъ:

— Такъ нѣмцы будутъ воевать съ нѣмцами же?

Тутъ Войтекъ прибѣгъ къ сравненiю и отвѣтилъ:

— А развѣ твоя Арапка не грызется съ моимъ Мальчикомъ?

Бартекъ разинулъ ротъ и съ минуту смотрѣлъ молча на своего учителя.

— Да, правда.

— Вѣдь и австріяки—нѣмцы, продолжалъ Войтекъ:—а развѣ наши не дрались съ ними? Старикъ Матвѣй намъ разсказывалъ, что, когда онъ былъ на войнѣ, то Штейнмецъ кричалъ имъ: «Ну, братцы, валяйте нѣмца!» Только съ французами потруднѣе будетъ!

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Французъ всегда побѣждалъ. Когда онъ вцѣпится въ тебя, такъ ужь не выпуститъ, будь покоенъ! Каждый изъ нихъ въ два или три раза сильнѣе нашего мужика, а бороды у нихъ, какъ у жидовъ. Иной черный, какъ чортъ. Когда увидишь такого, прямо простись съ жизнью.

— Такъ зачѣмъ намъ къ нимъ идти? воскликнулъ Бартекъ въ отчаяніи:

На этотъ философскій вопросъ Войтекъ отвѣтилъ:

— И мнѣ не хотѣлось бы идти! Но если мы не пойдемъ, то они придутъ къ намъ. Ничего не подѣлаешь. Читалъ, что напечатано? Ожесточеніе у нихъ страшное противъ насъ, мужиковъ. Говорятъ, что они хотѣли захватить наши земли, чтобы привозить контрабандою водку изъ Царства. Но правительство не допустило, вотъ они и объявили войну... Понимаешь?

— Отчего не понять? отвѣтилъ смиренно Бартекъ.

Войтекъ продолжалъ:

— На бабъ они такъ охочи, какъ собака на сало...

— Такъ они, примѣрно сказать, приставали бы и къ Магдѣ?

— Они и старухами не брезгаютъ!

— О! воскликнулъ Бартекъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: ежели такъ, то задамъ же я имъ!

Это вывело его изъ себя. Водку пусть французы возятъ, но Магду не тронь. Теперь Бартекъ взглянулъ на войну съ точки зрѣнія личнаго интереса, и точно пріободрился при мысли, что столько войска и пушекъ будутъ защищать Магду, которой угрожаетъ французское распутство. Онъ невольно сжалъ кулаки и къ страху передъ французами примѣшалось чувство ненависти къ нимъ. Онъ теперь вполнѣ увѣрился, что надо идти. Между тѣмъ, заря погасла. Стемнѣло. Вагонъ сталъ сильно покачиваться на неровныхъ рельсахъ, а въ тактъ съ этимъ покачиваніемъ кивали направо и налѣво каски и штыки.

Прошелъ часъ, другой. Изъ локомотива вырывались искры цѣлыми снопами. Въ темнотѣ онѣ перекрещивались огненными полосками и змѣйками. Бартекъ долго не могъ заснуть. Въ его головѣ, точно искры въ воздухѣ, носились мысли о Магдѣ, войнѣ, Ярмѣ, французахъ и нѣмцахъ. Наконецъ, онъ заснулъ, но

какимъ-то тревожнымъ сномъ. И тотчасъ ему приснилось, что Арапка грызется съ Мальчикомъ, такъ что только клочки шерсти летятъ. Онъ хвать палку, чтобы ихъ помирить, но вдругъ видитъ, что около Магды сидитъ французъ, черный, какъ чортъ, а Магда довольна и скалитъ зубы. Другіе французы издѣваются надъ Бартекомъ и показываютъ на него пальцами... Шумитъ паровозъ, а ему кажется, что это французы кричатъ: Магда, Магда, Магда, Магда! Бартекъ вопитъ: чтобы васъ, окаянные! Пустите бабу! А они продолжаютъ: Магда, Магда, Магда! Арапка и Мальчикъ лаютъ; все Ярмо кричитъ: не давай бабы! А онъ точно связанъ. Но нѣтъ же! Рванулся, веревки лопнули, Бартекъ хватаетъ француза за волосы и вдругъ...

Вдругъ онъ чувствуетъ сильную боль, точно отъ могучаго удара. Онъ просыпается и вскакиваетъ. Весь вагонъ проснулся, и всѣ съ недоумѣніемъ спрашиваютъ другъ друга, что случилось? Это бѣдный Бартекъ схватилъ во снѣ унтеръ-офицера за бороду. Теперь онъ стоитъ, вытянувшись въ струнку, и держитъ два пальца у виска, а унтеръ-офицеръ махаетъ руками и въ бѣшенствѣ кричитъ. Онъ даже охрипъ отъ злости, а Бартекъ все стоитъ съ двумя пальцами у виска. Остальные солдаты кусаютъ губы, чтобы не расхохотаться, но боятся, потому что унтеръ-офицеръ продолжаетъ ругаться: Ein polnischer Ochse! Verfluchtes Vieh aus Podolien! Въ концѣ-концовъ, все стихаетъ. Бартекъ садится на прежнее мѣсто, и чувствуетъ только, что щека у него пухнетъ, а локомотивъ, какъ бы издѣваясь, повторяетъ попрежнему:

— Магда! Магда! Магда!

Имъ овладѣваетъ страшная тоска...

III.

Раннее утро. Блѣдный дневной свѣтъ освѣщаетъ утомленныя отъ безсонницы лица. На скамьяхъ въ безпорядкѣ спятъ солдаты: одни опустили головы на грудь, другіе опрокинули ихъ назадъ. Утренняя заря покрыла все розовымъ свѣтомъ. Въ воздухѣ чувствуется ободряющая свѣжесть. Солдаты просыпаются и осматриваютъ незнакомыя мѣста. Эхъ! гдѣ-то теперь Ярмо, Большая и Малая Кривда, гдѣ село Несчастное? Пошла чужая сторона. Вокругъ возвышенности поросли молодыми дубками: въ долинахъ дома покрыты черепицею, съ черными поперечинами на бѣлыхъ стѣнахъ. Всѣ дома точно усадьбы и обросли вино-

градомъ. Мѣстами виднѣются храмы съ остроконечными башнями или высокія фабричныя трубы. Только шири нѣтъ и недостаетъ луговъ и полей. Зато людей сколько! То и дѣло промелькнетъ деревня или городъ. Поѣздъ нигдѣ не останавливается, минуя второстепенныя станціи. Что-то случилось, потому что вездѣ много народа. Солнце медленно выступаетъ изъ-за горъ; одинъ солдатъ за другимъ начинаетъ читать молитву.

Наконецъ, поѣздъ остановился на главной станціи. Тотчасъ же его окружаетъ толпа людей; получены извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. Побѣда! Побѣда! Телеграмма получена нѣсколько часовъ тому назадъ. Всѣ ожидали пораженія, и поэтому неистово радуются побѣдѣ. Полуодѣтые люди выскочили изъ домовъ и поспѣшили на станцію. На нѣкоторыхъ крышахъ развѣваются уже флаги; всѣ машутъ платками. Къ вагонамъ подносятъ пиво, табакъ и сигары. Восторгъ неописанный, лица сіяютъ. Вездѣ раздаются оглушительно звуки Wacht am Rhein. Одни плачутъ, другіе кидаются въ объятія другъ другу. «Unser Fritz» разбилъ врага на голову; захватилъ пушки, знамена. Въ благородномъ порывѣ толпа отдаетъ солдатамъ все, что имѣетъ при себѣ. Солдаты, въ свою очередь, пріободрились и начинаютъ распѣвать пѣсни. Вагоны дрожатъ отъ могучихъ голосовъ, а толпа съ удивленіемъ слушаетъ пѣсни на незнакомомъ ей языкѣ. «Die Polen, Die Polen!» повторяетъ толпа въ видѣ поясненія и тѣснѣе окружаетъ вагоны, разсказывая чудеса о несокрушимомъ мужествѣ этихъ польскихъ полковъ.

У Бартека распухла щека, что въ связи съ его желтыми усами, вытаращенными глазами и мощной фигурой придаетъ ему страшный видъ. На него смотрѣли, какъ на диковиннаго звѣря. Какіе у нѣмцевъ защитники! Вотъ кто задастъ французамъ! Бартекъ самодовольно улыбается: онъ тоже доволенъ, что французовъ побили. Не придутъ они теперь въ Ярмо, не будутъ ухаживать за Магдой и не возьмутъ земли. Ѣстъ онъ съ аппетитомъ эпическаго героя. Гороховая колбаса и кружки пива поглощаются имъ, точно пропастью. Ему даютъ сигары, деньги—онъ все беретъ.

— Добрый народъ, эта нѣмчура! говоритъ онъ Войтеку и потомъ прибавляетъ:—а видишь, побили же они французовъ!

Но Войтекъ—скептикъ. Онъ разочаровываетъ земляка.

— Французы завсегда сперва уступаютъ, чтобы обмануть, а потомъ какъ примутся, такъ только щепки летятъ.

Войтекъ не знаетъ, что мнѣніе его раздѣляетъ почти вся Европа, а еще менѣе, что вся Европа, вмѣстѣ съ нимъ, жестоко ошибается.

*

Ѣдутъ дальше. Вездѣ, насколько хватаетъ глазъ, дома покрыты флагами. На нѣкоторыхъ станціяхъ поѣзду приходится ждать, потому что поѣздовъ пропасть. Со всѣхъ сторонъ стекаются войска, чтобы поддержать своихъ братьевъ-побѣдителей. Поѣзды убраны зеленью. У уланъ на пикахъ красуются букеты. Большая часть этихъ уланъ—также поляки. Нерѣдко солдаты переговариваются изъ вагоновъ:

— Какъ поживаете, братцы? Куда ѣдете?

По временамъ раздается знакомая пѣсня, которую Бартекъ съ земляками подхватываютъ съ увлеченіемъ.

Тоска, овладѣвшая солдатами при отъѣздѣ изъ Ярма, теперь смѣняется бодростію и веселіемъ. Однако, это хорошее настроеніе духа портитъ первый встрѣчный поѣздъ съ ранеными. Поѣзду этому приходится долго стоять на станціи, чтобы пропустить войска, спѣшащіе на поле битвы. Бартекъ отправляется съ земляками поглазѣть на больныхъ и раненыхъ. Нѣкоторые лежатъ въ закрытыхъ вагонахъ, другіе, по недостатку мѣста, въ открытыхъ; послѣднихъ можно хорошо разглядѣть. При первомъ взглядѣ на нихъ, Бартека покидаетъ геройское настроеніе. «Ступай сюда, Войтекъ! кричитъ онъ въ ужасѣ.—Гляди, сколько народу испортили французы!»—Да, есть на что посмотрѣть! Лица блѣдныя, утомленныя; нѣкоторыя изъ нихъ совершенно почернѣли отъ порохового дыма и выпачканы кровью. На радостные крики раненые отвѣчаютъ только стонами. Иные проклинаютъ войну, французовъ и нѣмцевъ. Изъ засохшихъ устъ то и дѣло вырывается крикъ: воды! глаза блуждаютъ. Тамъ и сямъ между ранеными виднѣется застывающее лицо умирающаго, иногда спокойное, съ синими кругами вокругъ глазъ, иногда обезображенное предсмертными судорогами, съ ужасомъ во взорѣ и съ оскаленными зубами. Бартекъ впервые видитъ кровавыя послѣдствія войны. Въ головѣ у него хаосъ; онъ глядитъ, точно пьяный, съ разинутымъ ртомъ. Его толкаютъ со всѣхъ сторонъ, а жандармъ бьетъ его прикладомъ въ спину. Бартекъ ищетъ глазами Войтека, находитъ его и говоритъ:

— Господи Іисусе! Вотъ страсть-то!

— Будетъ такъ и съ тобой!

— И люди другъ друга такъ убиваютъ! Да вѣдь когда мужикъ поколотитъ мужика, то жандармы сажаютъ его въ тюрьму и наказываютъ!

— А теперь хвалятъ того, кто испортитъ побольше народу. Ты, дуракъ, пожалуй, думалъ, что будешь стрѣлять холостыми зарядами, какъ на маневрахъ, въ мишень, а не въ людей?

Хотя нашъ Бартекъ участвовалъ въ манёврахъ и парадахъ,

стрѣлялъ и зналъ, что на войнѣ люди убиваютъ другъ друга, но теперь, когда онъ увидѣлъ раненыхъ, ему сдѣлалось такъ дурно, что онъ еле удерживался на ногахъ. Онъ сталъ снова относиться съ почтеніемъ къ французамъ, и это почтеніе уменьшилось, только когда они пріѣхали въ Кёльнъ. Тутъ онъ впервые увидѣлъ плѣнныхъ, окруженныхъ солдатами и толпою, которая смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ, но еще безъ ненависти. Бартекъ протолкался черезъ толпу, раздвигая ее локтями, взглянулъ въ вагонъ и удивился.

Французскіе пѣхотинцы, въ разорванныхъ плащахъ, маленькіе, грязные, истощенные, наполнили вагонъ, какъ сельди въ бочкѣ. Многіе изъ нихъ протягивали руки за подачками. Бартекъ, на основаніи словъ Войтека, составилъ себѣ совершенно другое представленіе о французахъ. Онъ опять пріободрился и оглянулся, нѣтъ ли Войтека по близости. Тотъ стоялъ около него.

— Что же ты вралъ? спросилъ Бартекъ. — Мокрыя курицы! Хвачу одного, такъ четверо повалятся.

— И то словно позачахли! отвѣтилъ Войтекъ, тоже сильно разочарованный.

— Не важный народецъ! замѣтилъ Бартекъ, окончивъ осмотръ линейныхъ солдатъ.

Въ слѣдующихъ вагонахъ сидѣли зуавы. Тѣ сильнѣе заинтересовали Бартека. Такъ какъ они помѣщались въ закрытыхъ вагонахъ, то нельзя было удостовѣриться, дѣйствительно ли каждый изъ нихъ въ два или три раза больше обыкновеннаго человѣка; но въ окна видны были длинныя бороды и воинственныя, серьёзныя лица старыхъ солдатъ. Бартекъ опять пріунылъ.

— Эти пострашнѣе! шепнулъ онъ, точно опасаясь, чтобы его не услышали.

— Ты еще тѣхъ не видѣлъ, которые не попали въ плѣнъ, отвѣтилъ Войтекъ.

— Страшны, должно быть!

— Увидишь!

Насмотрѣвшись на зуавовъ, они пошли дальше. Но, приблизившись къ слѣдующему вагону, Бартекъ отпрянулъ, точно ошпаренный.

— Караулъ! Войтекъ, помоги!

Въ открытомъ окнѣ виднѣлось темное, почти черное лицо туркоса съ сверкавшими бѣлками. Онъ, вѣроятно, былъ раненъ, потому что лицо у него было искажено страданіями.

— Ну, что? спросилъ Войтекъ.

— Это чортъ, а не солдатъ. Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!

— Посмотри, какіе у него зубы!

— А чтобъ его! Я не стану смотрѣть.

Бартекъ замолчалъ, но потомъ спросилъ:

— Войтекъ?

— Чего тебѣ?

— А если его перекрестишь, не поможетъ?

— Что имъ наша вѣра!

Велѣно было садиться. Вслѣдъ затѣмъ, поѣздъ тронулся. Когда стемнѣло, Бартекъ постоянно видѣлъ передъ собою черное лицо туркоса и страшные его бѣлки. Чувства, которыя волновали его въ эту ночь, подавали мало надежды на будущіе подвиги.

IV.

Достопамятное сраженіе при Гравелоттѣ, въ которомъ участвовалъ и Бартекъ, убѣдило его, что на войнѣ есть на что смотрѣть, но нечего дѣлать. Первоначально ему съ полкомъ велѣно было неподвижно стоять у подошвы горы, покрытой виноградниками. Вдали гремѣла пушечная пальба, ближе проносились кавалерійскіе полки съ топотомъ, отъ котораго дрожала земля; мелькали то значки, то кирасирскія сабли. Надъ горою, по голубому небу, пролетали со свистомъ гранаты, на подобіе бѣлыхъ облачковъ. Потомъ воздухъ наполнился дымомъ. Казалось, что сраженіе, точно буря, проносится стороною; но это продолжалось недолго.

По прошествіи нѣкотораго времени, началось какое-то странное движеніе. Стали появляться новые полки, а въ промежуткахъ между ними поспѣшно въѣзжали орудія; лошадей выпрягали съ быстротою молніи; вся долина наполнилась войсками; вездѣ раздается команда, а адъютанты несутся по всѣмъ направленіямъ. Рядовые шепчутъ другъ другу на ухо: «Будетъ намъ, будетъ!» или тревожно спрашиваютъ: «Начнется ли, наконецъ?» Конечно, начнется. Вотъ приближается что-то невѣдомое, какая-то загадка, можетъ быть, смерть... Въ дыму, который застилаетъ гору, неистово что-то копошится. Все ближе раздается глухой гулъ орудій и трескъ ружейнаго огня. Издали доносится какая-то неявственная трескотня—это дѣйствуютъ уже картечницы. Вдругъ, изъ только-что установленныхъ орудій грохнули такъ, что задрожали разомъ и земля, и воздухъ. Передъ полкомъ

Бартека страшно зашипѣло. Онъ взглянулъ: летитъ какъ бы лучезарная роза, какъ бы тучка, а въ этой тучкѣ что-то шипитъ, смѣется, скрежещетъ, ржетъ и воетъ. Мужики кричатъ: «Граната! граната!» Между тѣмъ, она несется, какъ вихрь, приближается, падаетъ, лопается! Раздается страшный гулъ, какъ будто весь міръ рухнулъ. Ряды солдатъ, стоящихъ поблизости пушекъ, приходятъ въ замѣшательство, слышится крикъ, потомъ команда: «Сомкнись!» Бартекъ стоитъ въ перомъ ряду, держитъ ружье на плечо, голову вверхъ, съ подстегнутымъ подбородкомъ; поэтому, ему не приходится щелкать зубами. Нельзя шевельнуться, нельзя стрѣлять. Стой и жди! А между тѣмъ, летитъ вторая граната, третья, четвертая, десятая. Вѣтеръ разсѣваетъ дымъ, покрывающій гору. Французы уже согнали съ нея прусскую батарею, уже установили свою и страшно обстрѣливаютъ долину. Ежеминутно изъ густого винограда вылетаетъ длинная бѣлая полоса дыма. Пѣхота, подъ защитою пушекъ, спускается все ниже, чтобы открыть ружейный огонь. Теперь французовъ отлично видно. Покрылся ли виноградъ маковымъ цвѣтомъ? Нѣтъ! это красныя кепи пѣхотинцевъ. Затѣмъ, они скрылись въ виноградѣ—никого не видно; мѣстами только развѣвается трехцвѣтное знамя. Начинается ружейный огонь, быстрый, неправильный, лихорадочный, вспыхивающій все въ новыхъ пунктахъ. Надъ этою ружейною пальбою воютъ гранаты и перекрещиваются въ воздухѣ. На горѣ по временамъ раздаются крики, которымъ снизу вторитъ нѣмецкое «hurrah!» Орудія въ долинѣ гудятъ безпрерывно. Полкъ стоитъ, не дрогнувъ. Вотъ и его охватываетъ ружейный огонь. Пули жужжатъ вдали, какъ жуки, или пролетаютъ близехонько съ сильнымъ свистомъ. Ихъ становится все больше: свистятъ онѣ около головы, носа, глазъ, плечь—ихъ тысячи, милліоны. За спиною Бартека вдругъ кто-то простоналъ: «Господи Іисусе!», потомъ раздается: «сомкнись!», опять: «Господи Іисусе!» и опять: «сомкнись!» Наконецъ, стоитъ уже безпрерывный стонъ, команда все учащается, ряды скучиваются, свистъ усиливается до оглушительнаго шума. Убитыхъ вытаскиваютъ за ноги. Настоящій судъ Божій!

— Боишься? спрашиваетъ Войтекъ.

— Отчего же не бояться! отвѣчаетъ нашъ герой, щелкая зубами.

Однако, Бартекъ и Войтекъ стоятъ себѣ, и имъ въ голову не приходитъ, что можно удрать. Приказано стоять. Впрочемъ, Бартекъ вретъ. Онъ не такъ трусятъ, какъ трусили бы многіе другіе на его мѣстѣ. Дисциплина подавляетъ его воображеніе, и послѣднее не рисуетъ ему положеніе въ такихъ страшныхъ

красках, каким оно на самом дѣлѣ. Бартек, однако, думает, что его убьют и передает эту мысль Войтеку.

— Міръ не провалится, если одним болваном будет меньше! отвѣчает Войтек сердито.

Слова эти совсѣм успокоивают Бартека. Кажется, что и дѣйствительно весь вопрос заключается в том, провалится ли міръ или нѣт. Успокоившись в этом отношеніи, он вооружается терпѣніем, но чувствует, что ему страшно жарко и что пот так и льет с него. Между тѣм, ружейный огонь становится все сильнѣе и ряды так и тают. Хрипѣніе умирающих сливается со свистом пуль и гулом орудій. Убитых и раненых уж никто не уносит. По движенію трехцвѣтных знамен видно, что скрытые в виноградниках пѣхотинцы приближаются. Рядами начинает овладѣвать отчаяніе.

Но в возгласах отчаянія слышится ропот нетерпѣнія и бѣшенства. Еслибы разрѣшили тронуться с мѣста, солдаты кинулись бы вперед, как дикіе звѣри. Но ждать нестерпимо. Какой-то солдат срывает с головы фуражку, бросает ее изо всей силы на землю и говорит:

— Раз собакѣ околѣть!

Эти слова так успокоивают Бартека, что он совершенно перестает трусить. В самом дѣлѣ, если собакѣ раз только приходится околѣть, то, собственно, важнаго ничего нѣт. Эта мужицкая философія лучше всякой другой, потому что придает человѣку бодрость. Бартек, впрочем уже раньше знал, что собакѣ приходится раз только околѣть, но ему пріятно слышать это и вполнѣ в этом увѣриться, тѣм болѣе, что сраженіе принимало характер настоящей бойни. Вот полк, не сдѣлав ни одного выстрѣла, наполовину уже не существует. Кучки солдат из других полков в безпорядкѣ бѣгут с поля битвы, но мужики из Ярма, Большой и Малой Кривды, Недоли и села Несчастнаго, порабощенные желѣзною прусскою дисциплиною, стоят, точно вкопанные. Но и их ряды начинают уже колебаться. Еще секунда—и цѣпи дисциплины разлетятся в дребезги. Земля под ногами становится рыхлою и скользкою от крови, рѣзкій запах которой смѣшивается с запахом порохового дыма. В нѣкоторых мѣстах ряды не могут сомкнуться, потому что трупы мѣшают. У ног тѣх солдат, которые стоят неподвижно на мѣстѣ, другіе лежат в лужах крови, стонут, корчатся в судорогах, умирают или не подают уж признаков жизни. Захватывает дух. В рядах слышится ропот.

— Нас привели на бойню.

— Никто не вернется домой.

— Still, polnisches Vieh! слышится голосъ офицера.

— Хорошо тебѣ за моею спиною!

— Wo ist der freche Kerl...

Вдругъ чей-то голосъ произноситъ:

— Къ твоей защитѣ...

Бартекъ тотчасъ же подхватываетъ:

— Мы прибѣгаемъ, Богородица!

И вслѣдъ затѣмъ хоръ польскихъ голосовъ взываетъ на этомъ полѣ смерти къ Ченстоховской Божіей Матери: «Не отвергни моленій нашихъ!» А изъ подъ ногъ слышатся стоны: «О Марія, Марія!»

Богородица, очевидно, услышала горячія мольбы, потому что въ этотъ самый моментъ подскакиваетъ адъютантъ и раздается команда: «На штыки, ура, впередъ!» Штыки въ одинъ мигъ опускаются, ряды образуютъ длинную линію и кидаются къ горѣ, чтобы отъискать врага, который скрывается въ виноградѣ. Однако, до нея остается еще шаговъ двѣсти, и разстояніе это солдаты должны пробѣжать подъ убійственнымъ огнемъ... Не погибнутъ ли они всѣ до послѣдняго человѣка? Не обратятся ли въ бѣгство? Погибнуть они могутъ, но они не обратятся въ бѣгство, потому что пруссаки знаютъ, какой мотивъ наигрывать этимъ польскимъ мужикамъ въ время штурма. Среди грохота орудій, ружейной пальбы, дыма, смятенія и стоновъ громко раздаются звуки рожка:

Jeszcze Polska nii zginela...

— Ура! отвѣчаютъ мужики и подхватываютъ:

Pòki my zyjeme!

Они себя не помнятъ, лица ихъ въ огнѣ, несутся они, какъ буря, по трупамъ человѣческимъ и лошадинымъ. Многіе падаютъ, умираютъ, но остальные продолжаютъ идти. Вотъ они уже добѣжали до края виноградниковъ и исчезаютъ въ нихъ. Слышится только пѣсня и по временамъ блеснетъ штыкъ. На верху огонь становится все сильнѣе; внизу рожки не перестаютъ играть. Залпы французовъ все учащаются, становятся лихорадочными, бѣшеными...

Но вдругъ они прекращаются.

Тамъ внизу старикъ Штейнмецъ закуриваетъ фарфоровую трубку и, улыбаясь, говоритъ:

— Имъ только это съиграть! Молодцы ужь наверху!

Вслѣдъ затѣмъ одно изъ гордо развѣвавшихся трехцвѣтныхъ знаменъ подскакиваетъ, наклоняется и исчезаетъ...

— Не любятъ шутить! замѣчаетъ Штейнмецъ.

Рожки наигрывають прежній мотивъ. Второй познанскій полкъ спѣшитъ на помощь первому.

Въ густыхъ виноградникахъ кипитъ штыковая работа.

Теперь, Муза, воспой подвиги моего героя, чтобы они дошли до отдаленнаго потомства. И въ его душѣ страхъ, нетерпѣніе, отчаяніе слились въ одно чувство бѣшенства. Онъ забылъ о томъ, что «разъ собакѣ околѣть», забылъ о себѣ и обо всемъ на свѣтѣ. Схвативъ могучими руками ружье, онъ кинулся вмѣстѣ съ другими впередъ. Добравшись до подошвы горы, онъ по дорогѣ нѣсколько разъ падалъ, расшибъ себѣ лицо, выпачкался въ землѣ и крови, которая пошла у него изъ носу, но бѣжалъ все впередъ, запыхавшись, съ разинутымъ ртомъ. Онъ вытаращилъ глаза, чтобы въ густомъ виноградѣ отыскать французовъ и наткнулся сразу на трехъ, стоявшихъ при знамени. Это были туркосы. Но Бартекъ на этотъ разъ не испугался. Нѣтъ! онъ теперь самого чорта схватилъ бы за рога. Они, съ своей стороны, бросились съ воемъ на него. Два штыка уже касаются его груди, но нашъ Бартекъ успѣлъ схватить свое ружье за дуло и какъ махнетъ разъ, другой...

Въ отвѣтъ послышался душу раздирающій крикъ, и два черныхъ тѣла въ судорогахъ корчились на землѣ.

Въ эту минуту къ третьему туркосу подоспѣли на помощь человѣкъ десять его товарищей. Бартекъ, какъ бѣшеный, накинулся на нихъ всѣхъ. Раздался залпъ и въ ту же секунду въ клубахъ дыма послышался хриплый ревъ Бартека:

— Промахнулись!

И снова ружье его описало смертоносный полукругъ, и снова послышались стоны въ отвѣтъ на ударъ. Туркосы съ ужасомъ отступили при видѣ этого обезумѣвшаго отъ бѣшенства великана, и, ослышался ли Бартекъ или они произнесли какое-то арабское слово, но ему показалось, что съ ихъ толстыхъ губъ сорвалось:

— Магда! Магда!

— А! Магды вамъ захотѣлось! гаркнулъ Бартекъ и въ мигъ очутился среди враговъ.

На его счастіе въ эту минуту подбѣжали другіе Бартеки и Войтеки и стали его выручать. Завязалась упорная борьба; всѣ молчали, слышались только хрипъ и учащенное дыханіе. Бартекъ дѣйствовалъ за десятерыхъ. Весь черный отъ дыма, обрызганный кровью, болѣе похожій на дикаго звѣря, чѣмъ на человѣка, онъ съ каждымъ ударомъ опрокидывалъ людей, ломалъ ружья, разбивалъ головы. Руки его приходили въ движеніе съ страшною быстротою машины, сѣющей разрушеніе. Добравшись

до знаменосца, онъ желѣзною рукою схватилъ его за горло. Глаза у того выкатились, лицо налилось кровью, онъ захрипѣлъ и выпустилъ древко изъ рукъ.

— Ура! крикнулъ Бартекъ и, поднявъ высоко знамя, сталъ махать имъ по воздуху.

Вотъ это-то опускавшееся и поднимавшееся знамя и увидѣлъ снизу Штейнмецъ.

Но видѣлъ онъ его только одну секунду, потому что почти въ тотъ же мигъ Бартекъ раскроилъ имъ кепи съ золотымъ галуномъ.

Между тѣмъ, земляки его уже бросились впередъ: Бартекъ остался на секунду одинъ. Онъ сорвалъ знамя, спряталъ его за пазуху и, схвативъ въ обѣ руки древко, побѣжалъ за товарищами.

Кучки туркосовъ, воя, точно звѣри, бѣжали наверхъ, къ пушкамъ, а за ними слѣдовали съ громкимъ крикомъ Войтеки и Бартеки, нанося удары прикладами и штыками. Зуавы, находившіеся при орудіяхъ, встрѣтили и тѣхъ, и другихъ ружейнымъ огнемъ.

— Ура! снова крикнулъ Бартекъ.

Солдаты добѣжали до пушекъ. Тутъ началась новая свалка. Дѣйствовали холоднымъ оружіемъ. Въ эту минуту на помощь подоспѣлъ второй познанскій полкъ. Древко въ рукахъ Бартека превратилось въ какой-то адскій цѣпъ. Каждый ударъ его открывалъ пробѣлъ въ сомкнутыхъ рядахъ французовъ. Зуавами и туркосами начала овладѣвать паника. Въ томъ пунктѣ, гдѣ дѣйствовалъ Бартекъ, они стали отступать. Вслѣдъ затѣмъ, Бартекъ уже сидѣлъ верхомъ на пушкѣ, точно въ Ярмѣ на своей пѣгой кобылѣ.

Но не успѣли его товарищи подбѣжать, какъ онъ уже сидѣлъ на второй пушкѣ, убивъ по дорогѣ второго хорунжаго.

— Ура, Бартекъ! повторили солдаты.

Побѣда была полная. Пруссаки завладѣли всѣми картечницами, а отступавшая французская пѣхота наткнулась на другіе прусскіе полки и сдалась въ плѣнъ.

Нашъ Бартекъ, съ своей стороны, захватилъ три знамени. Нужно было видѣть его, когда онъ, утомленный, облитый потомъ и кровью, сопя, спускался теперь, вмѣстѣ съ другими, съ горы, держа въ рукахъ захваченныя имъ военныя трофеи. Что мнѣ французы! говорило его лицо. Около него шелъ исцарапанный и исполосованный Войтекъ, къ которому и обратился Бартекъ съ слѣдующими словами:

— Чего же ты вралъ? Никакой у этихъ паршивцевъ силы

нѣтъ. Поцарапали они насъ съ тобою, какъ котята, вотъ и все. А я какъ хвачу кого-нибудь, такъ и валится...

— Кто зналъ, что ты такой бѣшенный! отвѣтилъ Войтекъ, который видѣлъ подвиги своего товарища и смотрѣлъ на него совсѣмъ другими глазами.

Кто не видѣлъ этихъ подвиговъ? Всѣ видѣли: весь полкъ, большая часть офицеровъ и даже исторія. Всѣ смотрѣли съ удивленіемъ на этого дюжаго мужика съ рѣдкими бѣлесоватыми усами и вытаращенными глазами. «Ach, sie verfluchter Polake! сказалъ ему самъ маіоръ и дернулъ его за ухо, а Бартекъ въ отвѣтъ улыбнулся ему доброю, широкою улыбкою. Когда полкъ опять выстроился у подошвы горы, маіоръ показалъ его полковнику, а полковникъ самому Штейнмецу.

Полководецъ осмотрѣлъ знамена, велѣлъ ихъ унести, а затѣмъ сталъ присматриваться въ Бартеку. Нашъ Бартекъ стоитъ вытянувшись въ струнку, и держитъ ружье на караулъ. Старый воинъ смотритъ на него и киваетъ головою отъ удовольствія. Явственно слышится слово: «Unteroffizier».

— Zu dumm, Excellenz! отвѣчаетъ маіоръ.

— Посмотримъ! говоритъ его превосходительство и приближается на конѣ къ Бартеку.

Тотъ ужь самъ не знаетъ, что съ нимъ творится. Дѣйствительно, неслыханная вещь въ прусской арміи: генералъ будетъ разговаривать съ простымъ рядовымъ! Его превосходительству не трудно, впрочемъ, объясниться съ Бартекомъ, такъ какъ онъ говоритъ по-польски. Къ тому же, данный рядовой взялъ у непріятеля три знамени и двѣ пушки.

— Ты откуда? спрашиваетъ генералъ.

— Изъ Ярма, отвѣчаетъ Бартекъ.

— А какъ тебя зовутъ?

— Бартекъ Слõвикъ.

— Mensch, поясняетъ маіоръ.

— Mens, повторяетъ Бартекъ.

— Знаешь, за что дерешься съ французомъ?

— Знаю, ваше—ство.

— Ну, скажи!

Бартекъ начинаетъ бармотать: «потому что... потому что ..» Вдругъ онъ, къ счастію, вспоминаетъ слова Войтка и выпаливаетъ скорѣе, чтобы не забыть:

— Потому что это тотъ же нѣмецъ, только стерва, еще хуже.

Губы его превосходительства начинаютъ дрожать, какъ будто онъ готовъ разразиться смѣхомъ. Вслѣдъ затѣмъ, его превосходительство обращается къ маіору и говоритъ:

— Вы были правы.

Нашъ Бартекъ, довольный собою, продолжаетъ стоять, вытянувшись въ струнку.

— Кто выигралъ сегодня сраженіе? спрашиваетъ опять генералъ.

— Я, ваше—ство, отвѣчаетъ безъ всякаго колебанія Бартекъ.

Губы его превосходительства снова начинаютъ дрожать.

— Да, да, конечно, ты. А вотъ тебѣ и награда.

И старый воинъ снимаетъ съ собственной груди желѣзный крестъ, наклоняется и пришпиливаетъ его къ груди Бартека. Хорошее расположеніе духа его превосходительства естественно отражается на лицахъ полковниковъ, маіоровъ, капитановъ и даже унтеръ-офицеровъ. Когда его превосходительство уѣзжаетъ, полковникъ, съ своей стороны, даетъ Бартеку десять таллеровъ, маіоръ пять и такъ далѣе. Всѣ повторяютъ ему, улыбаясь, что онъ выигралъ сраженіе, вслѣдствіе чего Бартекъ находится на седьмомъ небѣ.

Странная вещь: одинъ только Войтекъ не совсѣмъ доволенъ нашимъ героемъ.

Вечеромъ, когда оба сидѣли у костра и щеки Бартека были такъ набиты гороховою колбасою, какъ сама колбаса горохомъ, Войтекъ замѣтилъ смиренно:

— Ой, Бартекъ, дуракъ же ты!

— А что? спрашиваетъ, давясь колбасою, нашъ герой.

— Какъ же ты сказалъ генералу, что французы тѣ же нѣмцы?

— Да вѣдь самъ же ты это мнѣ сказалъ!

— Да, но генералъ и офицеръ то же нѣмцы.

— Ну, такъ что же?

Войтекъ замялся.

Вотъ видишь: хоть они и нѣмцы, но не надо имъ это говорить—не хорошо...

— Да вѣдь я о французахъ говорилъ, а не о нихъ...

Войтекъ вдругъ замолчалъ. Онъ, очевидно, хотѣлъ объяснить Бартеку, что въ присутствіи нѣмцевъ не слѣдутетъ ихъ же ругать, но никакъ не могъ выразить своей мысли.

V.

Вскорѣ затѣмъ королевско-прусская почта привезла въ Ярмо письмо слѣдующаго содержанія:

«Да будетъ благословенъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Его Пресвятая Мать! Дражайшая Магда. Что у васъ слышно? Хорошо тебѣ въ хатѣ подъ периною, а здѣсь, на войнѣ, страшно. Были мы подъ большою крѣпостью Мецомъ, произошло сраженіе, и я такъ французовъ билъ, что вся пѣхота и артиллерія удивлялись. И самъ генералъ меня благодарилъ, сказалъ, что я выигралъ сраженіе, и далъ мнѣ крестъ. А теперь офицеры и унтеръ-офицеры меня очень почитаютъ и въ морду мало заѣзжаютъ. Потомъ мы пошли дальше, и было новое сраженіе — запамятовалъ я только, какъ звать этотъ городъ — и я также билъ французовъ и взялъ четвертое знамя, а одного набольшаго кирассирскаго полковника взялъ въ плѣнъ. Когда будутъ отсылать наши полки домой, то унтеръ-офицеръ мнѣ совѣтовалъ, чтобы я написалъ «рекламацію» и остался, потому что на войнѣ только спать негдѣ, а жрать иногда можно, сколько влѣзетъ, и вина вездѣ много, потому что народъ богатый. Когда мы жгли одну деревню, то женщинъ и дѣтей не щадили, и я тоже. Костелъ тоже весь сгорѣлъ, потому что они—католики и людей изжарилось не мало. Мы идемъ теперь на самого императора, и будетъ конецъ войнѣ, а ты смотри за хатой и за Франкомъ, потому что не будешь смотрѣть, такъ я тебѣ бока намну. Не знаешь ты еще, каковъ я. Прощай!

Варѳоломей Словикъ».

Бартекъ, очевидно, вошелъ во вкусъ войны и началъ смотрѣть на нее, какъ на ремесло. Онъ пріобрѣлъ много самоувѣренности и шелъ на сраженіе, какъ бы собираясь поле пахать въ Ярмѣ. На груди его, послѣ всякаго сраженія, появлялись все новые медали и ордена, и хотя его и не произвели въ унтеръ-офицеры, но всѣ смотрѣли на него, какъ на лучшаго рядового въ полку. Онъ, какъ и прежде, строго подчинялся дисциплинѣ и обладалъ слѣпымъ мужествомъ человѣка, который не даетъ себѣ отчета въ опасности. Это мужество теперь уже не вызывалось, какъ въ первомъ сраженіи, остервененіемъ, а обусловливалось солдатскимъ навыкомъ и увѣренностью въ себѣ. Къ тому же, несокрушимая его физическая сила выдерживала всякаго рода лишенія, сопряженныя съ походною жизнью. Люди истощались вокругъ него, а онъ оставался все прежнимъ, только огрубѣлъ окончательно и становился съ каждымъ днемъ все лучшимъ прусскимъ солдатомъ. Онъ теперь нетолько билъ французовъ, но и ненавидѣлъ ихъ. Измѣнились и другія его понятія. Онъ сталъ солдатомъ-патріотомъ и обоготворялъ своихъ начальниковъ. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ писалъ Магдѣ:

«Войтека разорвало на части, но для этого и существуетъ

война, понимаешь? Онъ былъ глупъ, потому что говорилъ, что французы тѣ же нѣмцы, а въ самомъ дѣлѣ они—французы, а нѣмцы—свои».

Въ отвѣтъ на эти два письма Магда отправила своему мужу слѣдующее посланіе:

«Дрожайшій Бартекъ! обвѣнчаны мы съ тобою въ храмѣ Божіемъ. Да накажетъ Онъ тебя за твои грѣхи. Самъ ты нехристь и дуракъ, если, вмѣстѣ съ нѣмцами, убиваешь народъ христіанскій. Не понимаешь ты, что нѣмцы лютеране, а ты, католикъ, имъ помогаешь! Хочется тебѣ войны, бродяга, потому что можешь лѣниться, пьянствовать, людей обижать, не поститься и костелы жечь. Чтобы тебѣ въ аду за это жариться! А ты еще похваляешься и не спускаешь ни старикамъ, ни дѣтямъ. Помни, баранъ, что̀ велѣно польскому народу въ священномъ писаніи и написано золотыми буквами отъ начала міра до страшнаго суда? Воздержись, проклятый басурманинъ, а то я тебѣ морду раскрою. Посылаю тебѣ пять талеровъ, хотя мнѣ очень трудно и хозяйство идетъ плохо. Обнимаю тебя, дрожайшій Бартекъ.

Магда».

Мораль, заключающаяся въ этомъ письмѣ, не произвела особеннаго впечатлѣнія на Бартека, который, прочитавъ письмо, только проворчалъ: «Баба службы не понимаетъ, а вмѣшивается». И сражался онъ съ французами попрежнему. Отличался въ каждомъ сраженіи, такъ что обратилъ на себя вниманіе даже лицъ, болѣе высокопоставленныхъ, чѣмъ Штейнмецъ. Наконецъ, когда полууничтоженные полки были отправлены обратно на родину, онъ подалъ, по совѣту унтеръ-офицера, «рекламацію» и остался во Франціи. Такимъ образомъ, онъ очутился подъ Парижемъ.

Письма его теперь дышали пренебреженіемъ къ французамъ. «Въ каждомъ сраженіи они улепетываютъ, какъ зайцы», писалъ онъ Магдѣ. И писалъ онъ правду. Но подъ Парижемъ ему не особенно понравилось. Приходилось цѣлые дни лежать въ траншеяхъ, слушать гулъ орудій и мокнуть. Къ тому же, онъ тосковалъ по своимъ полковымъ товарищамъ. Въ полку, къ которому онъ теперь былъ причисленъ, въ качествѣ охотника, его окружали почти исключительно нѣмцы. Онъ, правда, говорилъ уже по-нѣмецки, но не важно. Тѣмъ не менѣе, его называли «polnischer Ochse», и только ордена и медали спасали его отъ болѣе чувствительныхъ преслѣдованій. Послѣ нѣскольких стычекъ съ французами онъ, однако, и тутъ пріобрѣлъ уваженіе товарищей и сроднился съ ними. Въ концѣ-концовъ, его начали признавать своимъ, такъ какъ онъ покрывалъ весь полкъ славою. Бартекъ счелъ бы для себя оскорбленіемъ, еслибъ кто-ни-

будь назвалъ его нѣмцемъ, но, противопоставляя себя французамъ, онъ самъ называлъ себя: «ein Deutscher». Ему казалось, что это совершенно другое дѣло, и, притомъ, онъ не хотѣлъ быть хуже другихъ. Однако, встрѣтился случай, который навелъ бы его на размышленіе, еслибъ, вообще, размышленіе было доступно его богатырскому уму. Однажды нѣсколько ротъ его полка были высланы противъ вольныхъ стрѣлковъ. Устроена была засада, и вольные стрѣлки, дѣйствительно, попались въ нее. Но на этотъ разъ Бартеку не привелось видѣть красныхъ кепи, удирающихъ при первомъ выстрѣлѣ, такъ какъ непріятельскій отрядъ состоялъ изъ остатковъ какого-то иностраннаго легіона. Окруженные со всѣхъ сторонъ, вольные стрѣлки защищались съ такимъ мужествомъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ удалось пробиться; остальные же были, по большей части, перебиты, такъ какъ они не сдавались въ плѣнъ, зная, какая участь ихъ ожидаетъ. Рота, въ рядахъ которой числился Бартекъ, захватила всего двухъ въ плѣнъ. Вечеромъ ихъ заперли въ избѣ лѣсничаго. На другой день ихъ должны были разстрѣлять. Къ дверямъ былъ приставленъ караулъ въ нѣсколько человѣкъ. Бартеку же пришлось караулить ихъ въ самой избѣ.

Одинъ изъ плѣнныхъ былъ человѣкъ уже не молодой, съ сѣдыми усами и равнодушнымъ лицомъ; другому было лѣтъ двадцать; у него еле пробивались маленькіе усики, и походилъ онъ скорѣе на барышню, чѣмъ на воина.

— Вотъ и конецъ! сказалъ послѣдній: — ружейный залпъ и капутъ!

Бартекъ вздрогнулъ, такъ что ружье брыкнуло у него въ рукѣ: юноша говорилъ по-польски...

— Мнѣ все равно, отвѣтилъ неохотно другой: — ей-Богу, все равно. Намаялся, пора и отдохнуть...

У Бартека сердце билось все сильнѣе.

— Слушай! отозвался опять старикъ: — помочь дѣлу нельзя. Если тебѣ страшно, то думай о другомъ или постарайся заснуть. Чортъ съ нею, съ жизнію. Ей-Богу, все равно!

— Матери жаль! глухо отвѣтилъ юноша.

И, желая подавить волненіе или обмануть самого себя, онъ началъ посвистывать. Вдругъ онъ воскликнулъ:

— Чортъ возьми! я даже не простился!

— Бѣжалъ изъ дому?

— Да, я думалъ, что нѣмцевъ побьютъ и что нашимъ въ Познани будетъ легче.

— И я это думалъ. А теперь...

Старикъ махнулъ рукой и окончилъ свою мысль вполголоса,

такъ что его слова заглушалъ вѣтеръ. Ночь стояла холодная. Волны мелкаго дождя хлестали въ окно; сосѣдній лѣсъ чернѣлъ, какъ траурная завѣса. Въ комнатѣ вѣтеръ свисталъ по угламъ и вылъ въ печкѣ, какъ собака. Лампа, повѣшанная высоко надъ окномъ, чтобы вѣтеръ ея не задулъ, мерцала, тускло освѣщая комнату; но Бартекъ, стоявшій у самаго окна, находился въ тѣни.

Оно было и лучше, что плѣнные не видѣли его лица. Странныя чувства волновали мужика. Сперва онъ только удивлялся, таращилъ глаза и старался дать себѣ отчетъ въ словахъ плѣнныхъ. Они пришли бить нѣмцевъ, чтобы землякамъ его въ Познани было лучше, а онъ билъ французовъ, чтобы тѣмъ же землякамъ было лучше. Плѣнныхъ завтра разстрѣляютъ. Ему-то что? Не заговорить ли съ ними? Не сказать ли, что онъ землякъ и жалѣетъ ихъ. Вдругъ ему сдавило горло. Помочь имъ нельзя. Вѣдь и его тогда разстрѣляютъ. Боже мой, что̀ съ нимъ творится? Онъ съ трудомъ можетъ устоять на мѣстѣ. Небывалый гость, состраданіе, заглянуло въ солдатское сердце. Внутренній голосъ кричалъ: «Бартекъ, спаси земляковъ, вѣдь это свои!»—а сердце рвется домой, въ Ярмо, такъ рвется, какъ никогда прежде. Претитъ ему отъ этой Франціи, отъ войны и сраженій. Все явственнѣе слышится голосъ: «Бартекъ, спаси земляковъ!» Ахъ, чтобы этой войнѣ провалиться! Чернѣетъ лѣсъ и шумитъ, какъ на родинѣ сосны, и въ этомъ шумѣ слышится голосъ:

— Бартекъ, спаси земляковъ!

Какъ ему быть? Убѣжать съ ними въ лѣсъ, что ли? Душа его, порабощенная прусскою дисциплиною, возмущается при этой мысли... Прости, Господи! Ему солдату, бѣжать, нѣтъ, никогда!

Между тѣмъ, лѣсъ шумитъ все сильнѣе, а вѣтеръ завываетъ все жалостнѣе.

Старшій плѣнный опять заговорилъ:

— Вѣтеръ воетъ, точно у насъ осенью.

— Оставь меня, отвѣчаетъ мрачно другой.

Но потомъ онъ нѣсколько разъ къ ряду повторяетъ:

— У насъ, у насъ, у насъ! О, Боже...

Глубокій вздохъ сливается съ завываніемъ вѣтра, и плѣнные снова молчатъ.

Бартекъ трясется, точно въ лихорадкѣ.

Хуже всего, когда человѣкъ не можетъ дать себѣ отчета въ томъ, что̀ съ нимъ происходитъ. Бартекъ ни въ чемъ не провинился, а у него на душѣ, какъ будто онъ что-то укралъ и боится, чтобы его не поймали. Ему ничего не угрожаетъ, а онъ

чего-то страшится. Ноги ему не повинуются, ружье стало такое тяжелое и къ горлу подступаютъ рыданія. По комъ онъ собирается плакать? По Магдѣ или по Ярмѣ? Онъ самъ не знаетъ, но чувствуетъ, что ему невыразимо жаль молодого плѣннаго и что онъ не можетъ справиться съ этимъ чувствомъ.

По временамъ Бартеку кажется, что онъ спитъ. Между тѣмъ, вѣтеръ все усиливается, и въ завываніи его Бартеку чудятся какіе-то странные голоса и крики.

Вдругъ у него подъ каскою каждый волосъ встаетъ дыбомъ...

Ему кажется, что тамъ гдѣ-то, въ мокрой глубинѣ лѣса, кто-то стонетъ и повторяетъ: «у насъ, у насъ, у насъ!»

Бартекъ вздрагиваетъ и ударяетъ прикладомъ въ полъ, чтобы проснуться.

Онъ, дѣйствительно, отрезвляется... Плѣнные лежатъ въ углу, освѣщенные тусклымъ свѣтомъ лампы, вѣтеръ воетъ; словомъ, все въ порядкѣ.

Теперь лучше видно лицо молодого плѣннаго. Настоящее лицо ребенка или дѣвочки! Но глаза у него закрыты, голова покоится на соломѣ, какъ будто онъ уже умеръ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Бартекъ себя помнитъ, онъ никогда еще не тосковалъ такъ сильно. Онъ ясно чувствуетъ, какъ сдавливаетъ ему горло, какъ поднимаются слезы.

Между тѣмъ, старшій плѣнный съ трудомъ поворачивается и произноситъ:

— Спокойной ночи, Володя.

Наступаетъ полная тишина. Проходитъ часъ; съ Бартекомъ творится, въ самомъ дѣлѣ, что-то неладное. Вѣтеръ играетъ, точно органъ въ Ярмѣ. Плѣнные лежатъ себѣ тихо; вдругъ младшій медленно приподнимается и зоветъ:

— Кароль!

— Что?

— Спишь?

— Нѣтъ...

— Слушай! Мнѣ страшно... Говори что хочешь, а я буду молиться...

— Ну, что же, молись!

— Отче нашъ, Иже еси на небеси, да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое...

Вдругъ рыданія прерываютъ его слова; но онъ, рыдая, продолжаетъ:

— Да... будетъ... воля Твоя!

— О, Іисусе! воетъ что-то въ груди у Бартека. — О, Іисусе!.. Нѣтъ, онъ не выдержитъ этой пытки! Еще мгновеніе, и онъ

крикнетъ: «Баринъ, это я — мужикъ!..» Потомъ въ окно... въ лѣсъ... Пусть будетъ, что угодно!

Но въ сѣняхъ раздаются мѣрные шаги. Это — патруль съ унтеръ-офицеромъ. Происходитъ смѣна караульныхъ.

На другой день Бартекъ съ утра былъ пьянъ. На слѣдующій день тоже.

Но затѣмъ настали новыя стычки, въ походъ... и мой герой снова отыскалъ душевное равновѣсіе. Послѣ этой ночи онъ только нѣсколько болѣе полюбилъ бутылку. Впрочемъ, въ сраженіяхъ онъ былъ еще ожесточеннѣе, чѣмъ до сихъ поръ, а побѣда ему никогда не измѣняла.

VI.

Снова прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Приближалось лѣто. Въ Ярмѣ вишневыя деревья стояли въ цвѣту, а на поляхъ зеленѣла уже густая рожь. Однажды Магда сидѣла у своей избы и чистила къ обѣду картофель. До жатвы было еще далеко, и въ Ярмѣ жилось плохо. Это видно и по истощенному, безпокойному лицу Магды. Вѣроятно, чтобы разогнать тоску, баба, зажмуривъ слегка глаза, пѣла тоненькимъ голоскомъ пѣсню о томъ, «какъ ея Ясекъ сражается на войнѣ и пишетъ ей письма и какъ она ему отвѣчаетъ, потому что она его жена». Воробьи неистово чирикали, какъ бы желая заглушить ея пѣсню, а она, продолжая пѣть, поглядывала то на собаку, грѣвшуюся на солнцѣ, то на большую дорогу и на тропинку, которая вела къ ней черезъ огородъ и поля. Можетъ быть, она смотрѣла на тропинку и потому, что та вела на станцію.

Богъ далъ, что Магда въ этотъ день глядѣла на тропинку не напрасно. Въ дали показалась какая-то фигура; баба заслонила глаза рукою, но все-таки не могла различить, кто это, потому что блескъ солнечныхъ лучей ее ослѣплялъ. Арапка, однако, проснулась, подняла голову, зѣвнула и, настороживъ уши, стала крутить головою. Въ то же время до Магды стали не ясно доноситься звуки пѣсни. Арапка вдругъ вскочила и во весь опоръ понеслась навстрѣчу приближавшемуся. Тутъ Магда слегка поблѣднѣла.

— Не Бартекъ ли?

Она встала такъ поспѣшно, что опрокинула лоханку съ картофелемъ. Теперь не могло быть сомнѣнія. Арапка скакала подходившему человѣку на грудь. Баба кинулась навстрѣчу, крикнувъ что было мочи отъ радости:

— Бартекъ! Бартекъ!

— Магда, это я! отвѣтилъ тотъ и прибавилъ шагу.

Онъ отворилъ ворота, задѣлъ рукою за засовъ, чуть не упалъ— и они были въ объятіяхъ другъ у друга.

Баба быстро заговорила:

— А я уже думала, что ты не вернешься... Думала: убили его!.. Ну, покажись! Дай поглядѣть на себя! О, Господи, какъ ты похудѣлъ! Дурень ты мой! Голубчикъ! Вернулся, вернулся!

По временамъ она выпускала его шею, приглядывалась къ нему и опять его обнимала.

— Вернулся! Слава Тебѣ, Господи! Соколикъ! Что же ты? Пойдемъ въ избу. Франекъ учится въ школѣ! Нѣмчура мучитъ дѣтей, но мальчишка здоровъ, только такой же пучеглазый, какъ и ты. Ой, пора тебѣ было вернуться! Не знала, какъ себѣ помочь! Бѣда, просто бѣда! Изба разваливается, въ хлѣву крыша течетъ. Что же ты? Ой, Бартекъ, Бартекъ! Опять я тебя вижу! Сколько хлопотъ было съ сѣномъ! Сосѣди, спасибо имъ, помогали. Что же? Здоровъ ли ты? Вотъ такъ радость! Богъ тебя спасъ. Пойдемъ въ избу. Господи! и Бартекъ, и какъ будто не Бартекъ! Что съ тобою! Святая заступница!

Магда теперь только замѣтила на лицѣ Бартка большой шрамъ. тянувшійся черезъ лѣвый високъ и щеку до самаго подбородка.

— Пустяки... Кирасиръ хватилъ меня, но и я ему задалъ. Былъ въ лазаретѣ.

— Боже, Боже!

— Эхъ, вздоръ!

— И какой же ты худой!

— Ruhig! отвѣтилъ Бартекъ.

Онъ, дѣйствительно, былъ худъ, оборванъ и весь почернѣлъ. Настоящій побѣдитель! Притомъ, онъ шатался.

— Ты никакъ пьянъ!

— Вздоръ мелешь... слабъ еще.

Онъ, правда, еще не совсѣмъ оправился, но и въ головѣ у него шумѣло, потому что, послѣ болѣзни, онъ пьянѣлъ отъ одной чарки, а выпилъ онъ ихъ на станціи четыре. Но за то онъ былъ въ ударѣ и имѣлъ видъ настоящаго побѣдителя. Такого вида у него прежде не бывало.

— Ruhig! повторилъ онъ.—Krieg кончился. Теперь я — баринъ. Понимаешь? Смотри! тутъ онъ указалъ рукою на кресты

и медали. Знай меня теперь! Что? Links, rechts! Heu, Stroh! Сѣно, солома—солома, сѣно! Halt!

Послѣднее слово онъ крикнулъ такъ громко, что баба отскочила на нѣсколько шаговъ.

— Никакъ онъ съума сошелъ!

— Какъ поживаешь, Магда? А умѣешь по-французски, дура?.. Мусью, мусью! Я—мусью! Понимаешь?

— Человѣкъ божій, что съ тобою?

— А тебѣ что! Was? Donnerwetter! Понимаешь!

По лицу Магды видно было, что собирается гроза.

— По-каковски это ты болтаешь? Разучился, что ли, по-польски? Нѣмецъ паршивый! Вѣрно говорю. Что съ тобою люди сдѣлали!

— Дай ѣсть!

— Ну, пошелъ въ избу.

Всякая команда производила на Бартка неотразимое дѣйствіе. Услыхавъ слова: «пошелъ!» онъ выпрямился и, держа руки по швамъ, сдѣлалъ полуоборотъ и зашагалъ въ указанномъ направленіи. Только на порогѣ онъ опомнился и сталъ смотрѣть удивленно на Магду.

— Что это ты, Магда? Что ты?

— Пошелъ! Маршъ!

Бартекъ повиновился, но споткнулся на порогѣ и упалъ. Онъ окончательно опьянѣлъ, началъ пѣть и высматривать Франка. Онъ даже произнесъ: «Morgen, Kerl!» хотя въ избѣ не было и слѣда Франка. Затѣмъ онъ расхохотался, сдѣлалъ одинъ большой шагъ, два маленькихъ, крикнулъ: ура! и растянулся на нарахъ. Вечеромъ онъ проснулся трезвый и бодрый, поздоровался съ Франкомъ и, выпросивъ у Магды нѣсколько пфенниговъ, совершилъ торжественное шествіе въ корчму. Слава о его подвигахъ распространилась въ деревнѣ еще до его пріѣзда. Поэтому, когда жители деревни узнали, что онъ въ корчмѣ, то поспѣшили туда, чтобы поглядѣть на него.

Сидитъ нашъ Бартекъ за столомъ, и никто теперь не узналъ бы его. Прежде онъ былъ такой тихій, а теперь поминутно ударяетъ кулакомъ объ столъ, пѣтушится и гогочетъ, какъ индѣйскій пѣтухъ.

— А помните, братцы, какъ я тогда валялъ французовъ? Что сказалъ Штейнмецъ?

— Отчего не помнить?

— Говорили о французахъ, стращали, а народъ это дрянящій—was? Они ѣдятъ траву, какъ зайцы, и улепетываютъ, какъ зайцы. Пива они не пьютъ—дудятъ вино.

— Какже, какже!

— Когда мы жгли деревню, они кричали: питьѐ, питьѐ! Это значитъ, что устроятъ намъ выпивку, если мы дадимъ пощаду. Но мы дѣлали свое дѣло.

— А можно ли понять, чтò они говорятъ? спросилъ какой-то парень.

— Ты не поймешь, потому что глупъ, а мнѣ какъ не понять. Доне дипенъ—понимаешь? А Парижъ видѣли? Вотъ гдѣ были сраженія. Но мы всегда побѣждали. У нихъ команды настоящей нѣтъ. Говорили, что у нихъ и офицеры, и генералы плохіе. А у насъ хорошіе!

Матвѣй, умный старикъ, сталъ покачивать головой.

— Ой, выиграли нѣмцы страшную войну, выиграли, а мы имъ помогли. Будетъ ли намъ отъ этого прокъ — Богъ одинъ знаетъ.

Бартекъ вытаращилъ на него глаза.

— Что брешешь?

— Нѣмцы ужь и такъ насъ презирали, а теперь поднимутъ носы, какъ будто надъ ними Бога нѣтъ, и будутъ насъ еще хуже преслѣдовать.

— А вотъ и врешь! крикнулъ Бартекъ.

Матвѣй пользовался въ Ярмѣ такимъ авторитетомъ, что вся деревня жила только его умомъ и никто не смѣлъ ему противорѣчить; но Бартекъ былъ теперь побѣдителемъ и самъ сдѣлался авторитетомъ.

Тѣмъ не менѣе, всѣ взглянули на него съ удивленіемъ и даже съ неудовольствіемъ.

— Съ Матвѣемъ, что ли, хочешь спорить?..

— А чтò мнѣ Матвѣй! Я не съ такими еще разговаривалъ, понимаете? Не говорилъ я, что ли, съ Штейнмецемъ, was? Вретъ Матвѣй. Теперь намъ будетъ лучше.

— Ой ты, дуракъ! сказалъ онъ.

Бартекъ ударилъ кулакомъ въ столъ такъ сильно, что всѣ рюмки и кружки зазвенѣли.

— Still, Kerl! Heu, Stroh!..

— Тише, не кричи! Спроси ксендза или барина.

— Развѣ ксендзъ былъ на войнѣ? И баринъ не былъ, а я былъ. Не вѣрьте ему, братцы! Теперь намъ лучше будетъ. Кто выигралъ сраженіе? Мы выиграли; я выигралъ. О чемъ теперь попрошу, то и дадутъ. Если захочу быть помѣщикомъ во Франціи, буду. Правительство знаетъ, кто побѣдилъ французовъ. Наши полки были самые лучшіе. Такъ значится и въ приказахъ. Теперь полякамъ лафа, понимаете?

Матвѣй махнулъ рукой, всталъ и ушелъ. Бартекъ одержалъ побѣду и въ политикѣ. Парни, которые остались въ корчмѣ, окончательно признали его авторитетомъ, а онъ продолжалъ:

— Чего ни захочу, все дадутъ. Еслибы меня не было, то чѣмъ кончилась бы война? Старикъ—болванъ, понимаете? Правительство велитъ бить французовъ, буду бить! Кто смѣетъ не оказывать мнѣ почтенія? Нѣмецъ? А это что? Онъ указалъ на кресты и медали. А для кого я билъ французовъ? Не для нѣмцевъ, а? Я теперь лучше всякаго нѣмца, потому что ни у кого нѣтъ столько орденовъ, сколько у меня. Дайте пива! я разговаривалъ съ Штейнмецемъ, и съ Подбѣльскимъ разговаривалъ. Дайте пива!

Подготовлялась попойка. Бартекъ началъ пѣть:

Trinkt, trinkt, trinkt!
Wenn in meiner Tasche
Noch ein Thaler klingt!

Вдругъ онъ вынулъ изъ кармана горсть пфенниговъ.

— Берите! я теперь баринъ... Не хотите? Ой, не такія у меня были деньги во Франціи, да всѣ вышли. Мало мы деревень сожгли, людей убили... Кого только ни валяли... франтирёровъ...

Но тутъ Бартекъ неожиданно сгребъ деньги со стола и жалобно воскликнулъ:

— Боже, милостиве буди мнѣ, грѣшному!

Затѣмъ онъ закрылъ обѣими руками лицо и замолчалъ.

— Что̀ съ тобою? спросилъ одинъ изъ пьяныхъ парней.

— Я не виноватъ, мрачно бормоталъ Бартекъ.—Сами лѣзли. Жаль мнѣ ихъ было, потому, земляки. Боже, Боже! Одинъ былъ, что твоя зорюшка. На другой день онъ сталъ блѣденъ, какъ полотно. А потомъ ихъ зарыли еще живыми... Водки!

Настала тишина. Мужики удивленно поглядывали другъ на друга.

— Что онъ такое говоритъ? спросилъ кто-то.

— Самъ съ собою разговариваетъ.

— Проклятая война пьяницей сдѣлала, пробормоталъ Бартекъ.

Выпилъ рюмку, выпилъ другую. Съ минуту просидѣлъ молча, потомъ сплюнулъ и вдругъ сталъ опять веселъ.

— А вы говорили съ Штейнмецемъ? Не правда, не говорили. Ура! Пейте! Кто заплатитъ? Я заплачу̀.

— Ты заплатишь, пьяница, ты! послышался голосъ Магды.— Но и я тебѣ заплачу—подожди ты у меня!

Бартекъ уставился стеклянными глазами на бабу.

— А съ Штейнмецемъ говорили? Откуда ты взялась?

Не отвѣчая ему, Магда, обратившись къ остальной компаніи, заголосила:

— Ой, люди, люди, видите вы мой срамъ, несчастную мою долю! Вернулся, я обрадовалась ему, какъ хорошему человѣку, а онъ былъ уже пьянъ. И Бога забылъ и по-польски разучился. Легъ спать, вытрезвился, а теперь опять пьянствуетъ и пропиваетъ мои трудовыя деньги. Откуда ты взялъ деньги? Я ихъ заработала кровавымъ пòтомъ моимъ. Ой, люди, люди, онъ не католикъ, не человѣкъ, а подлый нѣмецъ, болтаетъ по-нѣмецки. Онъ богоотступникъ, нечестивецъ!..

Тутъ Магда залилась горючими слезами, а потомъ повысила голосъ на цѣлую октаву:

— Былъ глупъ, но добръ; а теперь что сдѣлали съ нимъ люди? Поджидала я его вечеромъ, поджидала утромъ, и дождалась. Нѣтъ мнѣ утѣшенія, нѣтъ радости... Боже Всемогущій, Боже терпѣливый!.. Чтобъ тебѣ въ конецъ поглупѣть и сдѣлаться нѣмцемъ!

Послѣднія слова она произнесла на-распѣвъ, чрезвычайно жалобно. Бартекъ ей отвѣтилъ:

— Тише, а не то хвачу!

— Хвати, оторви голову, убей! кричала вызывающимъ голосомъ баба и, подставивъ шею, обратилась опять къ мужикамъ:

— А вы, люди, смотрите!

Но мужики стали уходить одинъ за другимъ. Вскорѣ корчма опустѣла; остался только Бартекъ и жена его съ вытянутою шеею.

— Что ты вытягиваешь шею, точно гусь? пробормоталъ Бартекъ.—Пойдемъ домой.

— Хвати, повторяла баба.

— А вотъ и не хвачу, отвѣтилъ Бартекъ и всунулъ руки въ карманъ.

Тутъ кабатчикъ, желая прекратить ссору, потушилъ свѣчу. Стало совсѣмъ темно. Минуту спустя, въ темнотѣ раздался пискливый голосъ Магды:

— Хвати!

— Вотъ и не хвачу! торжествующимъ тономъ повторилъ Бартекъ.

При лунномъ свѣтѣ виднѣлись двѣ фигуры, шедшія изъ корчмы въ деревню. Одна изъ нихъ голосила: это была Магда. За ней съ опущенною головою покорно шелъ побѣдитель при Гравелоттѣ и Седанѣ.

VII.

Война такъ истощила Бартека, что онъ нѣкоторое время не могъ совсѣмъ работать. Это было большимъ несчастіемъ для хозяйства, которое сильно нуждалось въ помощи мужчины. Магда помогала себѣ, какъ могла. Работала она съ ранняго утра до поздняго вечера; сосѣди ей также немного помогали, но, тѣмъ не менѣе, хозяйство постепенно разстраивалось. Пришлось сдѣлать долгъ у колониста Юста, нѣмца, который въ свое время купилъ въ Ярмѣ нѣсколько десятинъ неудобной земли, а теперь имѣлъ лучшее хозяйство во всей деревнѣ и скопилъ капиталецъ, который давалъ въ ростъ за очень высокіе проценты. Снабжалъ онъ деньгами преимущественно помѣщика, г. Яржинскаго, имя котораго было занесено въ «золотую книгу», но который, именно поэтому долженъ былъ поддерживать домъ свой на надлежащей высотѣ; снабжалъ онъ деньгами и крестьянъ. Магда уже съ полгода была ему должна нѣсколько десятковъ талеровъ, которые она частію вложила въ хозяйство, частію послала Бартеку во время войны. Это, впрочемъ, было бы ничего; Богъ дастъ хорошій урожай и можно будетъ уплатить долгъ, если поработать, какъ слѣдуетъ. Но, къ несчастію, Бартекъ работать не могъ. Магда этому не совсѣмъ вѣрила и ходила къ ксендзу совѣтоваться, какъ бы урезонить мужика; но онъ, дѣйствительно, работать не могъ. Когда онъ работалъ, у него начиналась боль въ поясницѣ, и дышать ему было трудно. Поэтому онъ сидѣлъ цѣлый день передъ избою, покуривалъ фарфоровую трубку съ изображеніемъ Бисмарка въ кирасирской формѣ, съ каскою на головѣ, и смотрѣлъ на божій міръ съ видомъ человѣка, который нуждается въ отдыхѣ. Размышлялъ онъ при этомъ немного о войнѣ, немного о побѣдахъ, о Магдѣ, словомъ, обо всемъ, а, въ сущности, ни о чемъ.

Когда онъ однажды такъ себѣ сидѣлъ, онъ вдругъ услыхалъ издали плачъ Франка.

Франкъ возвращался изъ школы и ревѣлъ, что есть мочи.

Бартекъ вынулъ трубку изо рта.

— Ну, Франкъ, что̀ съ тобой?

— Да, что̀ съ тобой? повторилъ, рыдая, Франкъ.

— Чего ревешь?

— Да, чего ревешь, когда мнѣ заѣхали въ морду...

— Кто тебѣ заѣхалъ въ морду?

— Кто другой, какъ не г. Бёге!

Г. Бёге исполнялъ функціи школьнаго учителя въ Ярмѣ.

— А какое право онъ имѣетъ заѣзжать тебѣ въ морду?

— Конечно, имѣетъ, коли заѣхалъ.

Магда, которая копала картофель въ огородѣ, перелѣзла черезъ заборъ и съ мотыкой въ рукѣ приблизилась къ мальчугану.

— Что же ты сдѣлалъ? спросила она.

— Что я сдѣлалъ? Г. Бёге выругалъ меня польскою свиньею и заѣхалъ мнѣ въ морду, и сказалъ, что они теперь французовъ побили и могутъ дѣлать съ нами что хотятъ, потому что они сильнѣе. А я ему ничего не сдѣлалъ. Онъ только спросилъ, кто самый большой человѣкъ въ мірѣ, а я сказалъ, что св. отецъ, а онъ мнѣ заѣхалъ въ морду. Я началъ кричать, а онъ выругалъ меня польскою свиньею и сказалъ, что они теперь французовъ побили...

Франкъ никакъ не могъ выпутаться и все повторялъ: «а онъ мнѣ сказалъ, а я ему сказалъ», пока, наконецъ, Магда закрыла ему лицо рукою и, повернувшись къ мужу, закричала:

— Слышишь, слышишь! ступай, сражайся съ французами, а нѣмецъ будетъ бить нашего ребенка, какъ собаку, и ругать его.. Ступай на войну! Пусть швабъ убьетъ твоего ребенка... Вотъ тебѣ награда!

Тутъ Магда сама начала заливаться горькими слезами, а Бартекъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ и такъ недоумѣвалъ, что не могъ произнести ни слова. Онъ ничего не понималъ. Какъ же это? А его побѣды? Онъ просидѣлъ еще нѣсколько минутъ молча, но потомъ у него сверкнули глаза, кровь бросилась въ лицо, и онъ, вскочивъ, прошипѣлъ:

— Я съ нимъ потолкую!

Онъ ушелъ. Было недалеко. Школа находилась тутъ же за костёломъ. Г. Бёге стоялъ какъ разъ у крылечка, окруженный поросятами, которымъ онъ кидалъ корки. Онъ былъ рослый мужчина лѣтъ пятидесяти, коренастый, какъ дубъ. Лицо у него заплыло жиромъ, но глаза на выкатъ выражали рѣшительность и энергію.

Бартекъ подошелъ къ нему очень близко.

— Зачѣмъ ты, нѣмчура, бьешь моего ребенка? Was? спросилъ онъ.

Г. Бёге отступилъ на нѣсколько шаговъ, смѣрилъ Бартека глазами и флегматично произнесъ:

— Вонъ, польская мразь!

— Зачѣмъ бьешь ребенка? повторилъ Бартекъ.

— Я и тебя, хама, буду бить. Мы вамъ покажемъ, кто те-

перь тутъ распоряжается. Ступай къ чорту, ступай жаловаться въ судъ... вонъ!

Бартекъ схватилъ учителя за руку и крикнулъ хриплымъ голосомъ:

— Знаешь ты, кто я такой? Знаешь, кто французовъ побилъ? Знаешь, кто съ Штейнмецемъ разговаривалъ? Зачѣмъ ребенка бьешь, нѣмецъ паршивый?

Глаза у г. Бёге совсѣмъ выкатились, не хуже, чѣмъ у Бартека. Г. Бёге былъ силенъ и рѣшилъ однимъ ударомъ отдѣлаться отъ врага.

Въ ту же секунду побѣдитель при Гравелоттѣ и Седанѣ получилъ увѣсистую оплеуху. Мужикъ пересталъ владѣть собою. Голова г. Бёге зашаталась въ обѣ стороны, точно маятникъ, но съ неимовѣрною быстротою. Въ Бартекѣ проснулся страшный громитель туркосовъ и зуавовъ. Тщетно 20-ти-лѣтній Оскаръ, сынъ г. Бёге, поспѣшилъ отцу на помощь. Произошла непродолжительная свалка, во время которой сынъ растянулся во всю длину на землѣ, а отецъ почувствовалъ, что онъ куда-то летитъ. Къ его несчастію, у избы стояла бочка, въ которую г-жа Бёге аккуратно сливала помои для свиней, и вотъ раздался плескъ, а вслѣдъ затѣмъ надъ бочкою задрыгали ноги г. Бёге, которыми онъ неистово отбивался. Г-жа Бёге выбѣжала изъ дому и, крикнувъ: «караулъ, спасите!», находчиво опрокинула бочку.

На крикъ изъ сосѣднихъ домовъ выбѣжали колонисты, спѣша на помощь своему соотечественнику. Человѣкъ десять набросилось на Бартека и начали его бить кто кулакомъ, кто палкою. Произошла общая свалка, въ которой трудно было отличить Бартека отъ его враговъ: человѣческія тѣла образовали одну судорожно двигавшуюся массу.

Вдругъ, однако, изъ этой массы вырвался Бартекъ и, какъ безумный, кинулся къ забору. Нѣмцы послѣдовали за нимъ, но въ ту же минуту раздался трескъ сломаннаго забора и въ могучихъ рукахъ Бартека засвистѣлъ длинный шестъ. Колонисты отшатнулись. Бартекъ кинулся за ними. Къ счастію, онъ никого не догналъ, и, опомнившись, сталъ отступать къ своей избѣ. Ахъ, еслибъ онъ имѣлъ передъ собою французовъ! Тогда его геройскую защиту обезсмертила бы исторія!

Дѣло происходило такъ: наступающіе, въ числѣ двадцати человѣкъ, снова тѣснили Бартека. Онъ отступалъ медленно, какъ кабанъ, преслѣдуемый сворою собакъ. Повременамъ онъ останавливался; тогда останавливались и аттакующіе. Шестъ внушалъ имъ большое почтеніе. Они, однако, бросали въ Бартека камнями, изъ которыхъ одинъ попалъ ему прямо въ лобъ. Кровь полилась

изъ раны и мѣшала Бартеку видѣть. Онъ чувствовалъ, что слабѣетъ, зашатался, выпустилъ шесть и упалъ.

— Ура! крикнули колонисты.

Но не успѣли они добѣжать до него, какъ онъ опять вскочилъ. Это ихъ смутило. Раненый левъ могъ оказаться еще опаснѣе. Къ тому же, было уже недалеко до первыхъ избъ и вдали показались парни, бѣжавшіе что было силъ на выручку своему односельчанину. Колонисты вернулись домой.

— Что случилось? спросили подбѣжавшіе парни.

— Нѣмцамъ чуточку бока помялъ, отвѣтилъ Бартекъ и лишился чувствъ.

VIII.

Дѣло это приняло грозный оборотъ. Нѣмецкія газеты помѣстили молніеносныя статьи о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергается спокойное нѣмецкое населеніе со стороны варварской и темной массы, подстрекаемой анти-правительственною агитаціею и религіознымъ фанатизмомъ. Бёге сталъ героемъ дня. Онъ, скромный и тихій учитель, распространяющій просвѣщеніе на дальнихъ окраинахъ государства, онъ, миссіонеръ, внѣдряющій культуру среди варваровъ—первый палъ жертвою преступной агитаціи. Къ счастію еще, за нимъ стоятъ милліоны нѣмцевъ, которые не допустятъ и т. д.

Бартекъ не зналъ, какая гроза собирается надъ его головою. Напротивъ, онъ былъ увѣренъ, что выиграетъ дѣло въ судѣ. Вѣдь Бёге поколотилъ его ребенка и первый ударилъ его, а потомъ колонисты сами напали на него. Надо же было защищаться. Къ тому же, его ранили камнемъ въ голову—его, имя котораго красовалось въ дневныхъ приказахъ, который выигралъ сраженіе подъ Гравелоттомъ, который разговаривалъ съ Штейнмецомъ и у котораго грудь была покрыта орденами. Ему, правда, казалось страннымъ, что нѣмцы обо всемъ этомъ забыли и обидѣли его; равнымъ образомъ, онъ не понималъ, почему Бёге при всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ, что нѣмцы, побѣдивъ французовъ, могутъ теперь дѣлать съ польскими мужиками, что хотятъ. Но лично относительно себя онъ былъ увѣренъ, что судъ и правительство примутъ его сторону. Они не могутъ не знать о его подвигахъ. Если другіе забыли о немъ, то Штейнмецъ его защититъ. Вѣдь изъ-за этой войны Бартекъ обѣднѣлъ и надѣлалъ долговъ: нѣтъ, нѣмцы не могутъ его обидѣть!

Между тѣмъ, за Бартекомъ пріѣхали жандармы. Опасались сопротивленія; пріѣхали пять жандармовъ съ заряженными ружьями. Они, однако, ошибались: Бартекъ и не думалъ сопротивляться. Велѣли ему сѣсть въ телегу—онъ и сѣлъ. Магда только отчаявалась и безпрестанно повторяла:

— Къ чему билъ французовъ! Вотъ тебѣ теперь и зададутъ.

— Тише, глупая! отвѣтилъ Бартекъ и весело улыбался прохожимъ.

— Я имъ покажу, кого они смѣли обидѣть! кричалъ онъ съ телеги, когда ѣхалъ въ судъ, съ орденами на груди, какъ настоящій тріумфаторъ.

Судъ, дѣйствительно, былъ къ нему милостивъ. Существованіе смягчающихъ обстоятельствъ было признано. Бартека приговорили всего къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Кромѣ того, его присудили къ уплатѣ 150 марокъ въ пользу Бёге и другихъ колонистовъ, «подвергшихся оскорбленію дѣйствіемъ».

«Преступникъ, однако, писала «Posener Zeitung» въ отчетѣ по этому дѣлу:—нетолько не проявилъ никакого раскаянія при объявленіи ему приговора, но разразился такими ругательствами и такъ нахально сталъ выставлять свои мнимыя заслуги передъ государствомъ, что нельзя не удивиться, какъ прокуроръ не счелъ нужнымъ вчинить противъ него новый «искъ за оскорбленіе суда и нѣмецкой націи».

Тѣмъ временемъ, Бартекъ имѣлъ полный досугъ вспоминать въ тюрьмѣ о своихъ подвигахъ подъ Гравелоттомъ, Седаномъ и Парижемъ.

Мы совершили бы, однако, несправедливость, не упомянувъ о томъ, что поступокъ г. Бёге также подвергся публичному порицанію. Въ одно дождливое утро, кто-то изъ польскихъ депутатовъ въ ландтагѣ очень краснорѣчиво доказывалъ, что обращеніе съ поляками въ предѣлахъ Германской имперіи значительно измѣнилось къ худшему, что въ вознагражденіе за мужество и жертвы познанскихъ поляковъ во время войны слѣдовало бы побольше заботиться о сохраненіи общечеловѣческихъ правъ познанскаго населенія, что, наконецъ, г. Бёге, очевидно, злоупотребляетъ своимъ положеніемъ школьнаго учителя, подвергая дѣтей истязаніямъ, называя ихъ свиньями и грозя тѣмъ, что послѣ такой войны нѣмцы будутъ топтать коренное населеніе ногами.

Когда депутатъ говорилъ все это, шелъ дождь, а такъ какъ въ дождливую погоду люди бываютъ обыкновенно сонны, то зѣвали консерваторы, зѣвали націоналъ-либералы и соціалисты, зѣвалъ и центръ, который не успѣлъ еще вдохновиться культурною борьбою. Палата перешла къ очередному порядку.

Бартекъ, между тѣмъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ или, точнѣе говоря, лежалъ въ тюремной больницѣ, потому что у него открылась рана, полученная во время войны. Когда бредъ проходилъ, онъ все думалъ, все думалъ, какъ тотъ индѣйскій пѣтухъ, который околѣлъ отъ усиленнаго размышленія. Но Бартекъ не умеръ; онъ только ничего не придумалъ. Повременамъ, однако, ему приходило въ голову, что онъ, можетъ быть, напрасно такъ жестоко избивалъ французовъ.

Для Магды же настали очень трудные дни. Надо было заплатить штрафъ, а денегъ не откуда было взять. Правда, ксендзъ хотѣлъ помочь, но оказалось, что у него самого въ кассѣ нѣтъ и 40 марокъ. Ярмо—деревушка бѣдная; къ тому же, старичекъ никогда не зналъ, куда у него деньги уходятъ. Пана Яржинскаго не было въ усадьбѣ. Разсказывали, что онъ уѣхалъ въ Царство свататься къ какой-то богатой барышнѣ. Объ отсрочкѣ платежа нечего было и думать. Что же дѣлать? Продать лошадей, коровъ? И такъ уже время было трудное. Предстояла уборка полей, деньги были до зарѣзу нужны, а въ домѣ не было ни гроша. Баба ломала руки отъ отчаянія. Она подала нѣсколько прошеній въ судъ, вычисляя въ нихъ заслуги Бартека. Ей даже не отвѣтили. Срокъ приближался, а вмѣстѣ съ нимъ и продажа всего имущества. Молилась она усердно, вспоминая съ горечью о прежнемъ времени, когда они еще жили въ довольствѣ и Бартекъ зимою работалъ на фабрикѣ. Пошла она къ куму занять денегъ, но и у него ничего не оказалось. Война всѣмъ дала себя почувствовать. Къ Юсту она не смѣла идти, потому что и такъ была ему должна и не платила даже процентовъ. Но Юстъ совершенно неожиданно самъ пришелъ къ ней.

Однажды утромъ она сидѣла на порогѣ своей хаты и ничего не дѣлала, потому что обезсилѣла отъ горя. Смотрѣла она себѣ на жучковъ, игравшихъ въ воздухѣ и думала: какіе они счастливые! играютъ себѣ и платить имъ не нужно. Повременамъ она тяжело вздыхала или же съ поблекшихъ устъ ея срывались слова: «О Боже, Боже!» Вдругъ у воротъ показался длинный носъ Юста, а надъ нимъ фарфоровая трубка. Баба замерла. Юстъ произнесъ:

— Morgen.

— Какъ поживаете, г. Юстъ?

— А мои деньги?

— О, золотой г. Юстъ, потерпите немного. Я, несчастная, не знаю, какъ себѣ помочь. Мужика у меня взяли; приходится платить за него штрафъ. Лучше умереть, чѣмъ маяться такъ, какъ мы. Потерпите еще чуточку, дорогой г. Юстъ!

Она зарыдала и покорно поцѣловала толстую, красную руку Юста.

— Пріѣдетъ баринъ: я у него займу и вамъ отдамъ.

— Ну, а штрафъ изъ чего заплатите?

— Не знаю, развѣ что корову продамъ.

— Ну, такъ я вамъ дамъ еще денегъ.

— Да благословитъ васъ Богъ, милый мой. Вы хотя лютеранинъ, но хорошій человѣкъ. Вѣрно говорю. Еслибы другіе нѣмцы были такіе, какъ вы, то можно было бы жить.

— Но я безъ процента не дамъ.

— Знаю, знаю.

— Дадите одну росписку на все.

— Да благословитъ васъ Богъ!

— Буду въ городѣ, зайдемъ къ нотаріусу.

Были они въ городѣ и подписали у нотаріуса заемное письмо. Но предварительно Магда зашла къ ксендзу и посовѣтовалась съ нимъ. Ксендзъ говорилъ, что срокъ слишкомъ коротокъ, что процентъ большой, и горько сѣтовалъ на судьбу за то, что пана Яржинскскаго дома нѣтъ: онъ навѣрно бы помогъ. Но Магдѣ ждать было нельзя: предстояла продажа ея имущества, и ей пришлось принять условія Юста. Она заняла у него 300 марокъ, т. е. вдвое больше, чѣмъ составлялъ штрафъ; но вѣдь нужно было имѣть въ домѣ нѣсколько денегъ, чтобы вести хозяйство. Бартекъ, которому для бóльшей вѣрности пришлось собственноручно подписать заемное письмо, подписалъ его. Магда съ этою цѣлью спеціально отправилась къ нему въ тюрьму. Побѣдитель былъ боленъ и убитъ. Онъ подалъ-было еще жалобу, но ея не приняли.

— Ужъ мы теперь раззоримся въ конецъ! сказалъ онъ женѣ.

— Въ конецъ, жалобно повторила Магда.

Бартекъ сталъ о чемъ-то усиленно размышлять.

— Ужасно меня обидѣли! сказалъ онъ.

— Бёге преслѣдуетъ нашего мальчугана, говорила Магда. — Я ходила просить его, а онъ меня выругалъ. Ой, теперь въ Ярмѣ нѣмцы торжествуютъ! Они никого теперь не боятся.

— Видно, что они въ силѣ, печально произнесъ Бартекъ.

— Глупая я баба, но скажу тебѣ, что силенъ одинъ Богъ.

— Онъ наше утѣшеніе, прибавилъ Бартекъ.

Съ минуту оба молчали, затѣмъ онъ спросилъ:

— Ну, а что Юстъ?

— Еслибы Господь Богъ послалъ урожай, то можно было бы ему уплатить. Можетъ быть, и баринъ намъ поможетъ, хотя

онъ самъ долженъ нѣмцамъ. Еще до войны говорили, что ему придется продать Ярмо. Развѣ что женится на богатой!

— А скоро онъ вернется?

— Богъ его знаетъ! Въ усадьбѣ говорятъ, что онъ скоро пріѣдетъ съ женою. Нѣмцы будутъ его притѣснять, когда онъ пріѣдетъ. Все эти нѣмцы! Всюду залѣзаютъ, какъ тараканы или клопы. Куда ни посмотришь, въ деревнѣ или въ городѣ—вездѣ они. За грѣхи намъ Богъ ихъ послалъ. А помощи ни откуда!

— А можетъ быть и надумала что-нибудь: ты у меня умная баба.

— Что мнѣ придумать? Развѣ я по доброй волѣ взяла деньги у Юста? Правду говоря, и изба, и земля уже его. Юстъ-нѣмецъ получше другихъ, но онъ также бережетъ свое, а не чужое добро. Не даетъ онъ намъ спуску, какъ не давалъ другимъ. Я не такъ глупа: я знаю, зачѣмъ онъ мнѣ суетъ деньги. Но что дѣлать, что дѣлать? продолжала она, ломая руки. — Скажи ты, если есть у тебя умъ. Французовъ ты билъ, а что будешь дѣлать, когда ни избы, ни хлѣба у тебя не будетъ?

Побѣдитель схватился обѣими руками за голову и простоналъ:

— О Іисусе!

У Магды было доброе сердце. Ее разжалобилъ этотъ стонъ Бартека и она сказала:

— Тише, дурень, тише! Не хватайся за голову: она у тебя еще не зажила. Еслибы Богъ послалъ только урожай! Рожь такъ хороша, что хочется землю цѣловать; пшеница тоже. Земля не нѣмецъ, не обидитъ. Хотя пахала я плохо, когда ты былъ на войнѣ, но хлѣба такъ ростутъ, что просто любо!

Магда улыбнулась сквозь слезы.

— Земля не нѣмецъ! повторила она еще разъ.

— Магда! произнесъ Бартекъ, глядя на нее своими выпученными глазами:—Магда...

— Ну что?

— Ты у меня... то есть...

Бартекъ чувствовалъ къ ней глубокую благодарность, но не зналъ, какъ выразить ее.

IX.

Магда, дѣйствительно, была славная баба. Она держала своего Бартека строго, но глубоко была ему предана. Въ минуты

сильнаго раздраженія, какъ тогда въ корчмѣ, она говорила ему прямо въ глаза, что онъ дуракъ, но обыкновенно предпочитала, чтобы другіе не раздѣляли этого мнѣнія. «Мой Бартекъ притворяется дуракомъ, но онъ хитрый!» говаривала она часто. На самомъ же дѣлѣ, Бартекъ былъ такъ же хитеръ, какъ его пѣгая кобыла, и безъ Магды не съумѣлъ бы себѣ помочь ни въ хозяйствѣ, ни въ чемъ другомъ. Теперь все спасеніе было въ ней, и когда она начала суетиться, бѣгать, ходить, просить, умолять, то добилась-таки своего. По прошествіи недѣли она опять навѣстила мужа въ тюрьмѣ. На этотъ разъ она прибѣжала, вся запыхавшись, сіяющая, счастливая.

— Какъ поживаешь, Бартекъ, нѣмецъ ты мой! закричала она радостно.—Знаешь: баринъ пріѣхалъ. Онъ женился въ Царствѣ; женушка у него, что̀ твоя вишенька. И навезъ же онъ всякаго добра, ого!

Владѣлецъ Ярма, дѣйствительно, женился, пріѣхалъ съ женою въ свое помѣстье и, дѣйствительно, привезъ съ собою много «всякаго добра».

— Ну, а намъ что до этого? спросилъ Бартекъ.

— Тише, дурень! отвѣтила Магда.—Вотъ такъ запыхалась! О Боже!.. Пошла я на поклонъ къ молодой барынѣ: вышла она ко мнѣ, какъ королева какая-нибудь, какъ цвѣточекъ, прекрасная, какъ заря... Вотъ такъ жара! Ужь запыхалась же я!

Магда вытерла передникомъ потное свое лицо. Потомъ продолжала прерывающимся голосомъ:

— Платьице на ней было голубенькое, какъ василекъ... Припала я къ ея ногамъ, а она подала мнѣ руку... Я поцѣловала, а рука у нея маленькая, какъ у ребенка, и духъ отъ нея такой прекрасный... Настоящая святая, прямо съ иконы, и понимаетъ наше мужицкое горе... Дай Богъ ей здоровья!.. Я стала просить ее спасти насъ... А голосокъ у нея такой, что какъ начнетъ говорить, такъ на душѣ станетъ у тебя сладко-пресладко... Вотъ я ей разсказала, какой въ Ярмѣ народъ несчастный, а она отвѣчаетъ: Эй, нетолько въ Ярмѣ! Я и расплакалась, и она тоже заплакала. Тутъ подошелъ баринъ, увидалъ, что она плачетъ—и давай ее цѣловать... Настоящіе голубки!.. Господа не такъ цѣлуются, какъ вы, мужики!.. Вотъ она ему и говоритъ: «Сдѣлай что можно для этой женщины!» А онъ отвѣчаетъ: «Все, что только пожелаешь!..» Да пошлетъ ей Богородица счастья и здоровья, ей и ея дѣтямъ! И баринъ говоритъ: «Грѣхъ вамъ даваться нѣмцу въ кабалу, но, говоритъ, я васъ спасу и Юсту заплачу!»

Бартекъ почесалъ затылокъ.

— Да вѣдь и баринъ закабалилъ себя нѣмцамъ.

— Ну, такъ что! Барыня вѣдь богата. Они могутъ теперь купить всѣхъ нѣмцевъ въ Ярмѣ! Скоро, говоритъ, выборы будутъ: пусть мужики не подаютъ голосовъ за нѣмцевъ, а съ Юстомъ и учителемъ я справлюсь. А барыня его за это какъ обниметъ! Онъ вспомнилъ и о тебѣ и сказалъ: если онъ боленъ, то я поговорю съ докторомъ, онъ дастъ ему свидѣтельство и мужика отпустятъ. Если нельзя будетъ уволить его совсѣмъ, то досидитъ зимою, а теперь онъ нуженъ въ хозяйствѣ. Слышишь! Вчера баринъ былъ въ городѣ, а сегодня докторъ будетъ въ усадьбѣ, потому что баринъ его пригласилъ. Онъ не нѣмецъ и напишетъ свидѣтельство. Зимою отсидишь въ тюрьмѣ: будетъ тебѣ тепло и жрать тебѣ дадутъ, а теперь пойдемъ домой работать, и Юсту уплатимъ. Баринъ, можетъ быть, не возьметъ процента, а если осенью всѣхъ денегъ не отдадимъ, то я выпрошу у барыни отсрочку. Да благословитъ ее Богородица. Слышишь!

— Хорошая барыня! бодро произнесъ Бартекъ.

— Поклонись же ей въ ноги, поклонись! а не захочешь, то я тебѣ задамъ, подлый! Далъ бы Богъ только урожай! А видишь! Откуда помощь пришла? Отъ нѣмцевъ? Дали они тебѣ хоть грошъ за эти глупыя твои медали? А? Хватили они тебя по головѣ—вотъ и все! Поклонись же барынѣ въ ноги, слышишь?

— Отчего мнѣ не поклониться! энергически отвѣтилъ Бартекъ.

Судьба опять улыбнулась побѣдителю. Нѣсколько дней спустя, ему заявили, что по причинѣ болѣзни его отпускаютъ изъ тюрьмы впредь до зимы. Но предварительно ландратъ велѣлъ ему явиться въ присутствіе. Бартекъ явился къ нему самъ не свой. Этотъ мужикъ, который бралъ орудія и знамена, боялся теперь всякаго мундира, точно смерти; у него въ душѣ зародилось смутное, но мучительное чувство, что его преслѣдуютъ, что съ нимъ могутъ сдѣлать что хотятъ, что надъ нимъ есть какая-то чудовищная сила, непріязненная и злая, которая, если захочетъ. сотретъ его въ порошокъ. Стоялъ онъ теперь передъ ландратомъ, какъ въ свое время передъ Штейнмецомъ, руки по швамъ, грудь впередъ, не смѣя перевести дыханіе. Въ комнатѣ были и офицеры. Война и дисциплина предстали передъ Бартекомъ точно живыя. Офицеры смотрѣли на него въ пенсне съ гордостью и презрѣніемъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на простого мужика, отставного солдата. Онъ стоялъ, не смѣя шевельнуться,

а ландратъ говорилъ что-то повелительнымъ тономъ. Онъ не просилъ, не уговаривалъ, а приказывалъ, угрожалъ. Въ Берлинѣ умеръ депутатъ, назначены новые выборы.

— Попробуй только, ты, polnisches Vieh, подать голосъ въ пользу г. Яржинскаго, попробуй!

Офицеры грозно насупили брови. Одинъ изъ нихъ, покуривая сигару, повторялъ: «попробуй!» а Бартекъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Когда, наконецъ, раздалось желанное: «пошелъ вонъ!» онъ сдѣлалъ полуоборотъ налѣво, вышелъ и вздохнулъ свободно. Ему приказали подать голосъ въ пользу г. Шульберга изъ Большой Кривды. Онъ объ этомъ приказаніи не думалъ, но вздохнулъ свободно, потому что шелъ теперь въ Ярмо, потому что могъ помочь при уборкѣ полей, потому что баринъ обѣщалъ заплатить Юсту. Вышелъ онъ изъ города. Вокругъ него разстилалась зрѣющая рожь. Тяжелый колосъ ударялъ объ колосъ, и всѣ они шумѣли столь любезнымъ мужицкому уху шумомъ. Бартекъ былъ еще слабъ, но солнышко его грѣло. Эхъ, какъ хорошо жить на свѣтѣ! думалось мужику. И до Ярма уже не далеко!

X.

Выборы. Пани Яржинская ни о чемъ другомъ не думаетъ, не говоритъ и не мечтаетъ.

— Вы, сударыня, великій политикъ! говоритъ ей сосѣдъ-помѣщикъ, цѣлуя ея маленькую ручку. А великій политикъ краснѣетъ и отвѣчаетъ съ очаровательною улыбкою:

— О, мы агитируемъ, какъ можемъ!

— Вашего супруга выберутъ! убѣжденно произноситъ шляхтичъ, а великій политикъ отвѣчаетъ:

— Очень бы я этого желала, хотя рѣчь вовсе не идетъ о моемъ мужѣ (тутъ великій политикъ опять совершенно неполитично краснѣетъ), а объ общемъ благѣ...

— Настоящій Бисмаркъ! Ей-Богу, настоящій Бисмаркъ! восклицаетъ шляхтичъ, опять цѣлуетъ маленькую ручку, и начинается обсужденіе избирательной компаніи.

Шляхтичъ взялся дѣйствовать въ Малой Кривдѣ и Недолѣ (Большая Кривда потеряна, потому что она принадлежитъ г. Шульбергу), а пани Яржинская займется, главнымъ образомъ, Ярмомъ. Роль, выпавшая на ея долю, кружитъ ей голову. Еже-

*

дневно она появляется на большой дорогѣ между избами: платьице она приподнимаетъ одною рукою, въ другой держитъ зонтикъ, а изъ подъ платьица выглядываютъ маленькія ножки, служащія той же важной политической цѣли. Она входитъ въ избы и по дорогѣ привѣтствуетъ трудащійся людъ словами: «Богъ въ помощь!» Навѣщаетъ больныхъ, задабриваетъ населеніе, помогая, гдѣ только можетъ. Не было бы политики, она дѣлала бы тоже, потому что сердце у нея доброе, но теперь она тѣмъ болѣе усердствуетъ. Что бы она не сдѣлала для этой политики? Она не смѣетъ признаться мужу, что ей страшно хочется съѣздить на крестьянскій сходъ; она даже уже приготовила рѣчь. Какая рѣчь, какая рѣчь! Правда, ее нельзя произнести, но она произвела бы неотразимое дѣйствіе! Когда въ Ярмѣ получено было извѣстіе, что полиція воспретила крестьянскій сходъ, великій политикъ расплакался отъ злости и цѣлый день ходилъ съ красными отъ слезъ глазами. Напрасно мужъ ее умолялъ не отчаяваться. На другой день великій политикъ принялся за агитацію съ новою энергіею. Пани Яржинская не знала ни покоя, ни отдыха; въ теченіи одного дня она перебывала въ двадцати избахъ и такъ ругала нѣмцевъ, что мужу приходилось сдерживать ее. Впрочемъ, опасности не было. Крестьяне принимали ее съ распростертыми объятіями, цѣловали ей руки и улыбались ей; она вѣдь была такъ хороша собою, что какъ войдетъ въ избу, такъ сразу у всѣхъ становилось весело на душѣ. Очередь дошла и до избы Бартека. Арапка залаяла, но Магда отъ усердія хватила собаку полѣномъ по головѣ.

— О, милая барыня, золотая моя ягодка! восклицаетъ Магда и цѣлуетъ руки пани Яржинской. Бартекъ, согласно уговору, кидается ей въ ноги; Франкъ тоже цѣлуетъ ей руку и затѣмъ, держа палецъ во рту, превращается весь въ зрѣніе.

— Надѣюсь, говоритъ, поздоровавшись, молодая барыня: — что вы, дорогой Бартекъ, подадите голосъ за моего мужа, а не за г. Шульберга.

— О, зорюшка моя ясная! восклицаетъ Магда. — Кто сталъ бы подавать голосъ за Шульберга! (Тутъ она опять цѣлуетъ руку). — Бартекъ, когда говоритъ о нѣмцахъ, то самъ себя не помнитъ отъ злости.

— Мужъ мнѣ только что сказалъ, что онъ уплатитъ Юсту.

— Да благословитъ его Богъ! — Тутъ Магда обращается къ Бартеку: — чего стоишь, какъ пень! Онъ у меня страшно неразговорчивъ.

— Подадите голосъ за моего мужа? спрашиваетъ барыня. — Вы—поляки и мы—поляки: будемъ держаться другъ друга.

— Задала бы я ему, еслибы онъ меня не послушался! говорить Магда. — Что стоишь, какъ пень! Онъ очень не разговорчивъ. Ну, пошевеливайся!

Бартекъ снова цѣлуетъ руку панѣ Яржинской, но продолжаетъ молчать. Онъ мраченъ; онъ, какъ ночь, потому что не можетъ забыть ландрата.

Настаіъ день выборовъ. Панъ Яржинскій увѣренъ въ побѣдѣ. Въ Ярмо-усадьбу наѣхали сосѣди-помѣщики. Они всѣ уже перебывали въ городѣ, гдѣ подали голоса, и будутъ ждать извѣстій о результатѣ представленныхъ выборовъ. Затѣмъ назначенъ обѣдъ, а вечеромъ панъ и пани Яржинскіе уѣзжаютъ въ Познань, а оттуда въ Берлинъ. Нѣкоторыя деревни подали уже вчера голосъ. Сегодня результатъ будетъ всѣмъ извѣстенъ. Собравшіеся гости преисполнены лучшихъ надеждъ. Молодая пани Яржинская безпокоится немного, но она также надѣется и такъ мила и любезна, что общій голосъ признаетъ пана Яржинскаго, нашедшаго такой кладъ въ Царствѣ, счастливцемъ, какихъ мало. Но этому кладу не сидится на мѣстѣ, бѣгаетъ онъ отъ одного гостя къ другому, увѣряя всѣхъ, что Іосифъ навѣрно будетъ избранъ. Пани Яржинская по природѣ вовсе не честолюбива и не изъ тщеславія хочетъ быть депутатшей, нѣтъ, они оба съ мужемъ, другъ друга увѣрили себя, что исполняютъ важную миссію. Поэтому сердце у нея бьется усиленно такъ, какъ во время свадьбы, и радость озаряетъ ея красивое личико. Лавируя искусно между гостями, она приближается къ мужу, дергаетъ его за рукавъ и шепчетъ ему на ухо, какъ шаловливое дитя: «г. депутатъ!» Онъ улыбается, и оба они невыразимо счастливы. Страшно имъ хочется поцѣловаться, но при гостяхъ это неприлично. Впрочемъ, гости заняты другимъ: они ежеминутно выглядываютъ въ окошко, потому что выборы на этотъ разъ имѣютъ особенно важное значеніе. Умершій депутатъ былъ полякъ, и нѣмцы впервые выставляютъ въ этомъ округѣ своего кандидата. Очевидно, война пріободрила нѣмцевъ, и вотъ именно почему всѣ въ усадьбѣ такъ дорожатъ тѣмъ, чтобы побѣда осталась за поляками. Нѣкоторые изъ гостей считаютъ нужнымъ произнести еще до обѣда патріотическіе спичи, которые, какъ новинка, производятъ особенно сильное впечатлѣніе на молодую хозяйку. По временамъ на нее находитъ страхъ. А что если произойдутъ злоупотребленія при счетѣ голосовъ?

Вѣдь въ комитетѣ засѣдаютъ одни нѣмцы. Нѣкоторые изъ гостей объясняютъ ей, какъ производится счетъ голосовъ. Слышала она объ этомъ уже сто разъ, но все еще желаетъ слышать. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вопросъ въ томъ, будетъ ли населеніе имѣть въ парламентѣ представителемъ защитника или врага. Еще нѣсколько секундъ, и вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ, да всего нѣсколько секундъ, потому что на дорогѣ вдругъ поднимается облако пыли. Ксендзъ ѣдетъ, ксендзъ ѣдетъ! повторяютъ присутствующіе. Хозяйка блѣднѣетъ. Всѣ увѣрены въ побѣдѣ, но въ рѣшительный моментъ у всѣхъ бьются усиленно сердца. Однако, это не ксендзъ, это приказчикъ возвращается верхòмъ изъ города. Можетъ быть, онъ знаетъ? Онъ привязываетъ лошадь къ забору и спѣшитъ въ усадьбу. Гости съ хозяйкою во главѣ выбѣгаютъ на крыльцо.

— Есть извѣстія? Хозяинъ выбранъ? А? Пойди сюда! Навѣрное знаешь? Результатъ обнародованъ?

Вопросы такъ и сыплятся. Приказчикъ кидаетъ шапку на воздухъ и кричитъ:

— Нашъ хозяинъ избранъ! Ура!

Молодая хозяйка присѣдаетъ и прижимаетъ руку къ груди. Ура, ура! кричатъ сосѣди. — Дворня выбѣгаетъ изъ кухни. — «Ура! Нѣмцы разбиты! Да здравствуетъ г. депутатъ и его супруга!»

— А ксендзъ? спрашиваетъ кто-то.

— Онъ сейчасъ пріѣдетъ, отвѣчаетъ приказчикъ.—Счетъ голосовъ еще не совсѣмъ оконченъ...

— Подавать обѣдъ! распоряжается г. депутатъ.

— Ура!

Всѣ опять возвращаются въ гостинную. Поздравленія произносятся уже спокойнѣе. Одна только хозяюшка не въ состояніи справиться съ собою и при всѣхъ обнимаетъ мужа. Но никто ея за это не осуждаетъ. Наоборотъ, всѣ взволнованы. Ну, слава Богу, мы еще существуемъ, говоритъ владѣлецъ села Несчастнаго. Между тѣмъ, у крыльца раздается стукъ экипажа, и въ залу входитъ ксендзъ, а за нимъ старикъ Матвѣй изъ Ярма.

— Добро пожаловать! привѣтствуютъ его всѣ. — Значительно ли большинство?

Ксендзъ нѣкоторое время молчитъ; затѣмъ мрачно произноситъ слѣдующія два слова:

— Шульбергъ... избранъ!..

Общее недоумѣніе. Ксендза осыпаютъ цѣлымъ градомъ вопросовъ.

— Какъ это могло случиться? Приказчикъ сказалъ другое. Вы говорите, что Шульбергъ избранъ? Не можетъ быть!

Тутъ панъ Яржинскій выводитъ изъ комнаты бѣдную свою жену, которая кусаетъ платокъ, чтобы не разрыдаться или не лишиться чувствъ.

— Какое несчастіе, какое несчастіе! восклицаютъ присутствующіе съ отчаяніемъ въ голосѣ.

Изъ деревни доносятся радостно крики; это нѣмцы-колонисты празднуютъ побѣду въ Ярмѣ.

Хозяинъ съ хозяйкой возвращаются въ гостинную. Гости слышатъ, какъ панъ Яржинскій въ дверяхъ говоритъ женѣ: «il faut faire bonne mine». Хозяйка уже не плачетъ, только щечки у нея пылаютъ.

— Разскажите теперь, какъ это случилось! произноситъ хозяинъ спокойно.

— Какъ это случилось, баринъ? отвѣчаетъ старикъ Матвѣй.— Да вѣдь и здѣшніе мужики подавали голосъ за Шульберга!

— Какъ здѣшніе?

— Да вотъ, къ примѣру сказать, я самъ видѣлъ, какъ Бартекъ Слдвикъ подалъ голосъ за Шульберга...

— Бартекъ Слдвикъ? переспрашиваетъ хозяйка.

— Да, да. Теперь другіе мужики его ругаютъ. Мужикъ плачетъ, баба поноситъ его на чемъ свѣтъ стоитъ. Но я самъ видѣлъ, какъ онъ подалъ голосъ...

— Его надо выжить изъ деревни! произноситъ владѣлецъ села Несчастнаго.

— Да вотъ, баринъ, продолжалъ Матвѣй:—и другіе, что были на войнѣ, подали голосъ за Шульберга. Говорятъ, имъ велѣно...

— Злоупотребленіе, явное злоупотребленіе! Выборы подлежатъ кассаціи! Насиліе, подкупъ! восклицаютъ разные голоса.

Обѣдъ въ усадьбѣ прошелъ далеко не весело.

Вечеромъ супруги уѣхали — но не въ Берлинъ, а въ Дрезденъ.

Всѣми отверженный Бартекъ сидѣлъ, между тѣмъ, въ своей избѣ, и даже Магда во весь день не проговорила съ нимъ ни слова.

Осенью Богъ далъ урожай, и г. Юстъ, который вступилъ во владѣніе избою и надѣломъ Бартека, окончательно убѣдился, что онъ далъ деньги въ займы не даромъ.

Однажды изъ Ярма шли въ городъ трое людей: мужикъ, баба и мальчишка. Мужикъ шелъ сгорбившись и походилъ скорѣе на старика-нищаго, чѣмъ на здорового человѣка. Шли они въ городъ, потому что въ Ярмѣ не нашлось работы. Моросить дождичекъ; баба громко рыдала съ горя, что лишилась земли и хаты. Мужикъ молчалъ. На дорогѣ никого не было. Дождикъ усиливался; становилось темно.

Побѣдителю при Гравелоттѣ и Седанѣ предстояло еще отсидѣть назначенный ему срокъ въ тюрьмѣ.

Панъ Яржинскій съ молодой женою все еще гостили въ Дрезденѣ.

ПРИКАЩИЧЬЯ ВЫУЧКА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Домъ и отъѣздъ изъ дому.

Всего ближе было бы, пожалуй, повести рѣчь съ того, какъ мы раззорились. Но я этого настоящимъ образомъ не знаю. Ни самому не пришлось видѣть, какъ мы изъ богатыхъ сдѣлались бѣдными, и не разсказывалъ мнѣ объ этомъ никто. Засталъ я еще то время, когда весь нашъ домъ считался занятымъ нами, хотя мы жили только въ трехъ-четырехъ комнатахъ нижняго этажа. Наверху полы были выкрашены узоромъ, зеркала были, парадная мебель; на окнахъ драпировки съ большими кистями. Всей этой роскошью мы мало воспользовались. Домъ достроился какъ-разъ къ тому времени, когда дѣла быстро пошли подъ гору. Новоселье въ парадныхъ комнатахъ справлялось не веселое. Вскорѣ потомъ ихъ заперли; и только изрѣдка протапливали, для сохраненія мебели и обоевъ. Домъ былъ деревянный, но крытъ желѣзомъ и обшитъ тесомъ. Не знаю, какъ лѣсъ называется, который въ Сибири идетъ на постройки — красная сосна, что ли — но онъ очень красивъ, долго не ветшаетъ, а только темнѣетъ искрасна-бурымъ оттѣнкомъ. Вокругъ двора шли амбары, даже два было каменныхъ; но всѣ они большею частью стояли пустые, хотя и подъ замками. Изъ каретнаго сарая выкатывали только старыя, желтыя сани съ высокой спинкой, да плачевные, расхлябанные дрожки. Вскорѣ весь верхній

этажъ, часть нижняго и оба каменные амбара отдали подъ телеграфное управленіе. Поставили противъ дома высокій столбъ съ крючками и фарфоровыми стаканчиками; прибили по карнизу голубую вывѣску съ золотыми буквами; и пошло безпрестанное шмыганье постороннихъ людей съ телеграммами, и гостей въ верхній этажъ, въ квартиры двухъ начальствующихъ лицъ. Плата за это помѣщеніе составляла самую вѣрную часть нашего дохода. Но, разумѣется, отдача дома въ чужія руки чувствовалась, какъ обида.

Отецъ до конца платилъ гильдію; но настоящее торговое дѣло оставилъ. Нетолько конторы, но и книгъ никакихъ не было. На листкѣ что нужно запишетъ. Промышлялъ помаленьку, чѣмъ случится: хлѣбомъ, овсомъ; скота отощалаго нѣсколько штукъ купитъ, дастъ поправиться, и перепродастъ. Изъ пушнины кое-что по мелочамъ сбиралъ, ежели что дешево попадалось. И всего болѣе эти дѣла велись съ давними пріятелями изъ подгородныхъ крестьянъ и якутовъ. Бесѣдовали когда въ кухнѣ, а когда и въ кабинетѣ. «Садись-ка, братъ, да хвастай». И ежели хвасталъ человѣкъ бойко, значитъ о чемъ-нибудь постороннемъ, а ежели объ дѣлѣ, такъ слова выходили короткія, а молчанія долгія. Отца прозвали калмыкомъ; въ самомъ же дѣлѣ, ни одной черты калмыцкой не было. Напримѣръ, носъ большой и голова европейской формы; волосъ прямой, черный, какъ смоль, и даже въ семьдесятъ лѣтъ никакой сѣдины. Борода и усы рѣдкіе, которые онъ брилъ. Это ужь у всѣхъ въ нашихъ мѣстахъ. Ежели въ Восточной Сибири встрѣтишь окладистую кудреватую бороду, значитъ пришлый человѣкъ, издалека. Когда я сталъ подростать, отецъ ужь былъ какой-то приниженный, пришибленный. Почти всегда молчалъ. Начнетъ говорить, нѣсколько словъ скажетъ, запнется и замолчитъ. Въ купечествѣ разсказы про его вспыльчивость сохранились; но тогда и слѣдовъ не было примѣтно. Старъ ужь онъ былъ; глубокія морщины и что-то какъ бы старушечье или скопческое въ лицѣ. Глаза слезились. Ходилъ всегда въ черномъ, засаленномъ сюртукѣ; только къ заутрени на Пасху надѣвалъ платье получше, бѣлый гастухъ съ большимъ бантомъ и золотую медаль на красной лентѣ.

Всѣмъ хозяйствомъ въ домѣ, а въ сущности и плохонькими нашими дѣлами, заправляла сестра; женщина уже не молодая— лѣтъ на двадцать или пятнадцать старше меня—тоже смуглая, черноволосая, только глаза на выкатѣ, и волоса взбивала, и причесывалась со щегольствомъ. Была она замужемъ за инспекторомъ нашей гимназіи, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ овдовѣла

и возвратилась въ домъ. Безъ нея мы вовсе бы погибли. Интересно было на нее смотрѣть, когда у насъ бывали гости, какъ она старалась, чтобы все было хорошо, *какъ прежде*. Глаза такъ и бѣгаютъ; за всѣмъ слѣдитъ, вмѣшивается во всякій разговоръ, каждому найдетъ сказать что-нибудь пріятное, веселое. Два-три раза въ годъ непремѣнно парадныя собранія бывали; и, между прочимъ, пасхальный столъ накрывался отличный. Вообще, угощеніе было всегда превкусное, а о пирогахъ и теперь вспомнить не могу равнодушно. Немногихъ личныхъ пріятельницъ и старушекъ сестра принимала попроще, у себя въ комнатѣ. Меня она держала очень строго, и въ гости не пускала рѣшительно никуда. «Нечего, говоритъ, въ оборванномъ сюртучишкѣ показываться и насмѣшки слушать. Пора бы, кажется, и стыдъ понимать».

Изъ гимназіи меня взяли на семнадцатомъ году изъ четвертаго класса. Всего вѣрнѣе, что и при средствахъ платить за выучку, я бы не доучился. У насъ въ Сибири, купеческіе сынки и сыновья мѣщанъ состоятельныхъ рѣдко кончаютъ курсъ. Денежному пареньку ученіе противно; хочется поскорѣй бросить и начать пользоваться удовольствіями. Да и родителямъ неловко долго держать мальчика въ школѣ. Отобьется отъ дѣла, потеряетъ сметку, никуда не будетъ годенъ. Ежели семейство настоящее, коммерческое, ему и подумать зазорно сына въ чиновники пустить. А какъ начальство у насъ проѣзжее, отпѣтое, изъ-за подъемныхъ, да прогоновъ налетающее для одного грабительства, такъ и изъ чиновничьихъ дѣтей самыя только немногія успѣвали полный курсъ пройти. Нѣкоторые мечтаютъ объ сибирскомъ университетѣ. Но ежели судить попрежнему, не много бы въ немъ студентовъ оказалось—развѣ изъ семинаристовъ, которымъ запрещено. Когда меня изъ гимназіи взяли, тоска въ домѣ отъ бездѣлья началась смертная. Только и свѣту видѣлъ, когда пошлютъ въ ближайшія деревни съ какимъ-нибудь порученіемъ: поразспросить о чемъ-нибудь, деньги получить или заплатить, покупку немудренную сдѣлать. Въ экстренныхъ случаяхъ давали свою лошадь; но бо̀льшею частью направляли съ попутными крестьянами. Случалось заглядывать въ деревни верстъ за сто и больше, и быть въ отлучкѣ по нѣскольку дней.

Такимъ образомъ, билъ я баклуши года полтора; и, наконецъ, рѣшили отправить меня въ —скъ, служить у кого-нибудь изъ тамошнихъ богачей. Перешили на меня отцовскій сюртукъ, отличнаго сукна, но очень ужь старомодный; подарили тоже отцовскую довольно хорошую шубу на ильковыхъ лапкахъ съ бобровымъ

воротникомъ и лацканами; часы отцовскіе золотые, старенькіе, съ шейной цѣпочкой; и снабдили письмомъ и домашними гостинцами для тетушки Марьи Васильевны, у которой назначено было остановиться. Я понималъ, и даже довольно живо чувствовалъ, что для меня обидно идти служить въ чужіе люди, а все-таки собирался въ путь и уѣхалъ изъ дому съ радостью. Очень ужь скучалъ и слишкомъ меня пилили. Послѣдніе дни сестра меня поѣдомъ ѣла наставленіями, чтобы я не баловался, сторонился дурной компаніи, не кутилъ, не игралъ въ карты, держалъ себя такъ, чтобы меня уважали. Я злился, что она меня считаетъ способнымъ на все самое скверное; но все-таки въ душѣ рѣшился стараться. Прощаніе было тяжелое.

Послѣднія слова отца были: все хорошо будетъ! Пожалуй, и вышло хорошо, но только совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ отецъ думалъ, или какъ я въ то время слова его понималъ.

Ленскій край.

Выше я признался, что не знаю, какимъ именно образомъ насъ постигло раззореніе. За то года черезъ два или черезъ три, когда я присмотрѣлся къ дѣламъ большой торговой конторы и понаслушался разныхъ разговоровъ, я очень хорошо понялъ, почему мы всѣ, торгующіе на Ленѣ и въ Якутскѣ, должны раззоряться; почему весь край нашъ обреченъ на погибель. Во-первыхъ, ужь по природѣ тутъ людямъ можно существовать въ достаткѣ не иначе, какъ чтобы жизнь была самая простая: въ верху подъ Верхоленскомъ и Киренскомъ около хлѣба; а ниже, по лугамъ, преимущественно около скотины, которой прежде у якутовъ было довольно много. Лѣсъ, рыба, все это годится только для себя: сбыту быть не можетъ. Затѣмъ пушнина. Разговору объ ней много и суеты, потому что звѣрь по лѣсу рыщетъ, и далеко за нимъ надо ходить. А ежели всю годовую добычу собрать, такъ одинъ обозъ выйдетъ, да и не черезчуръ длинный, и соболи всѣ на первый возъ укладутся. Ежели сосчитать, сколько весь этотъ товаръ стоитъ, даже по хорошимъ цѣнамъ, да разложить по числу головъ населенія, которое пушниной промышляетъ, чистые пустяки причтутся, гроши. А на самомъ-то дѣлѣ развѣ правильно разверстываютъ? Про мамонтовую кость, которая снизу вывозится, и говорить не стоитъ. Ничего она для края не составляетъ.

А при такомъ убожествѣ, сколько пришлаго населенія прихо-

дится кормить. И какого населенія? самаго злодѣйскаго, которое нетолько грабитъ, но и прямо мѣшаетъ работать; отбиваетъ отъ работы. Во-первыхъ, чиновничество. Теперь довольно извѣстно, каковы тамошніе чиновники, какіе доходы каждый по чину и мѣсту извлекаетъ, и какія дѣла сходятъ имъ съ рукъ. Кто къ золотопромышленности отношеніе имѣетъ, прямо на жалованьи состоитъ. Всѣ эти горные исправники, жандармскіе полковники и прочая тля помельче, получаетъ по числу рабочихъ положенное: полтину, рубль, два. (Жандармскій полковникъ два рубля). Одному—не знаю, за какія заслуги, платили 4 р. И натурой всякія услуги и подачки, по мѣрѣ силъ и воображенія. У иного во всемъ домѣ ни одной вещи нѣтъ, ни одной тряпки на женѣ и дѣтяхъ съ кого-нибудь не содранной. За то ужь кто заплатилъ, что хочешь твори, все останется шито и крыто. Одному господину золотопромышленникъ, онъ и частный торговецъ, послалъ два мѣста чаю. Выходитъ и говоритъ: «Кланяйтесь, скажите, что мнѣ чаю не нужно (однакожь, не возвратилъ), а не выпишетъ ли онъ мнѣ изъ Москвы шубу ильковую». И выписали. Я этотъ примѣръ потому привожу, что эти два мѣста чаю я своимъ перомъ изъ фактуры вычеркивалъ; и когда шуба пришла, своими руками ее перекупорилъ.

Послѣ чиновничества долженъ край кормить пришлое кабацкое населеніе, со всѣмъ его безпутствомъ и мерзостями. Часть кабацкаго сбора, конечно, идетъ тѣмъ же чиновникамъ, и за то же сокрытіе всѣхъ гадостей. Хлѣбъ на базарѣ до бѣшенныхъ цѣнъ доходитъ; а —скій исправникъ силкомъ заворачиваетъ мужицкіе воза и гонитъ на винокуренные заводы, гдѣ обвѣсъ по малой мѣрѣ на четвертую часть, и за остальное платили вдвое и втрое дешевле базарной цѣны. А ранѣе того, подобнымъ же образомъ отнимали хлѣбъ для отправки на Амуръ, куда онъ, разумѣется, не дошелъ; и загнанные туда люди все-таки гибли и поѣдали другъ друга, а начальникъ, отстаивая достоинство власти, кричалъ: «Камни ѣшьте!» Ну, и начали крестьяне бросать землю, уменьшать запашку. Не отъ неурожаевъ сталъ хлѣбъ такъ дорогъ въ нашихъ мѣстахъ, а именно отъ уменьшенія запашки, и отъ того, что, при помощи кабаковъ, все больше и больше рукъ на пріиски уходитъ.

Вотъ это третья язва нашего края, горшая изъ всѣхъ. Каждая крупица золота, вывозимая съ Лены и Витима, выражаетъ крупную долю обнищанія, огрубѣнія, разврата, тяжкихъ болѣзней, смертности. Доля эта такъ велика, что еслибы Витимскіе пріиски работались силами одного мѣстнаго населенія, давно бы

ни души живой въ краѣ не осталось; и зимнія вьюги прахомъ бы разметали и снѣгомъ занесли опустѣлыя деревушки. Да и гдѣ имъ однимъ работать! Малосильные они, испитые, сѣрые, землистые, вовсе ужь близкіе къ землѣ. Нуженъ народъ поцвѣтнѣе, поядренѣе, пожалуй, и потолковѣе. И для привлеченія такихъ рабочихъ силъ пріисковымъ вербовщикамъ приходится все шире и дальше раскидывать сѣти и распространять заразу.

И вотъ среди такого-то раззоренія мы, купечество ленское, якутское и пріѣзжее, орудуемъ и прибавляемъ къ сплошной бѣдѣ свои торговые грѣхи. Такъ эти грѣхи велики, что и сожалѣть объ нашей погибели какъ будто неловко. Только развѣ что вѣдь и мы жертвы, тоже безъ вины гибнемъ, вмѣстѣ съ прочими. На всей Ленѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы достатокъ свой отъ отца унаслѣдовалъ, или нажитое съ молоду до старости сохранилъ. Мы въ два-три года разживаемся. А черезъ малое время смотришь—и нѣту насъ. Грабятъ, да раззоряются ужь другіе. Гдѣ постоянно живемъ, тамъ, разумѣется, кулачествуемъ, кабаки заводимъ, держимъ народъ въ кабалѣ. Все отпускаемъ въ долгъ, за все платимъ товаромъ. Съ мѣстъ поднимемся, прямо какъ на разбойничій промыселъ выѣзжаемъ. Начать съ покупки товаровъ. Говорятъ, московское купечество для Сибири особый товаръ заготовляетъ да подбираетъ, да особенныя цѣны строитъ, потому что вся сибирская торговля русскими и въ особенности бумажными товарами на долгосрочномъ кредитѣ основана, и въ платежахъ большая бываетъ неустойка. А мы тоже свою линію ведемъ, какіе угодно векселя подписываемъ. Знаемъ, что черезъ 12 мѣсяцевъ перепишутъ. Не захотятъ переписать, ни причемъ останутся.

Сплавляемъ мы наши товары въ такъ называемыхъ па̀узкахъ и па̀возкахъ. Эти суденышки — фасонъ въ родѣ утюга — бросаются въ Якутскѣ, и потому сколачиваются на живую нитку. Между тѣмъ, Лена рѣка быстрая, могучая; въ непогоду страшная. Трудно наверстать убытокъ отъ большой подмочки; а тѣмъ болѣе, ежели па̀возокъ вовсе прижметъ къ берегу и затопитъ. Съ нами вмѣстѣ всегда гонятъ па̀возки — скіе купцы. Товаръ стоитъ имъ гораздо дешевле, а на пристаняхъ мы продаемъ по одной цѣнѣ. На что мы надѣемся? Конечно, на то, что большая часть нашихъ товаровъ сложится въ наши лавки, откуда и пойдетъ, какъ только па̀возки отвалятъ, продажа въ розницу крестьянамъ, инородцамъ, да пріисковому народу. Затѣмъ, продажа продажей, кабакъ кабакомъ, а не обходятся наши дѣла и безъ покупки краденаго золота. У иного и клочёкъ фальшивыхъ

ассигнацій проскочитъ. Вотъ какъ умѣючи купишь, да благополучно провезешь, да продашь безъ приключеній, смотришь, и разбогатѣлъ человѣкъ. А разбогатѣлъ, такъ ему съ поличнымъ попадаться ужь не охота; приходится черную-то работу препоручить другому. А другой, разумѣется, сейчасъ же начинаетъ орудовать въ свою пользу. Мудрено съ человѣка взыскивать, ежели самъ его разнымъ мошенничествамъ обучалъ, и стало быть, по одному его слову въ каторгу угодить можешь. И выходитъ такъ: разбогатѣть-разбогатѣлъ, да тутъ же сряду и раззорился. И противъ искушенія искать золота мы, разумѣется, устоять не можемъ. А на этомъ дѣлѣ изо ста богатѣетъ одинъ, а прочіе, кто скоро не отсталъ, раззоряются. Наконецъ, ко всему этому, кутежи, игра и пьянство. Посмотришь на наше возвращеніе изъ Якутска! Дѣла прикончены; плывемъ три недѣли на дрянномъ пароходишкѣ, который весь загруженъ пушниной. Вонь отвратительная. Никто не моется и бѣлья не мѣняетъ. Сплошная ругань, кабакъ, картежь. Все тутъ считается дозволеннымъ. Тарелки и бутылки объ головы бьются.

Ко всѣмъ этимъ постыднымъ причинамъ раззоренія нужно еще одну прибавить, непостыдную. Это, ежели человѣкъ возмечтаетъ взяться за какое нибудь промышленное предпріятіе, самый хоть немудрый заводикъ, кирпичный что ли, или стеклянный, или просто домъ захочетъ выстроить пообширнѣе. Какъ за что подобное взялся, такъ и пошелъ къ раззоренію. Въ нашихъ мѣстахъ, да и во всей восточной Сибири, выработался около казенныхъ заводовъ типъ рабочаго, съ которымъ связаться — вѣрная погибель. Станешь прежде дѣла съ нимъ говорить—нѣтъ подходящѣе человѣка. Все-то онъ знаетъ, все понимаетъ; каждое затрудненіе самъ заранѣе укажетъ, и какъ его обойти. И насчетъ чувствъ все въ лучшемъ видѣ. А къ дѣлу приставилъ— ничего не умѣетъ сдѣлать: одна наглость, прогулы, и въ результатѣ ни одной вещи годной. Желѣза пудъ могъ бы стоить одинъ рубль и дешевле, а мы изъ Екатеринбурга *должны* выписывать и платить провозу три рубля. Вещи помельче, желѣзныя, мѣдныя изъ Москвы веземъ—4, 6 рублей провоза. Изъ вещей, которыя служатъ, а не бросаются сейчасъ же по негодности, сибирскіе казенные заводы выдѣлываютъ въ годъ десятокъ другой утюговъ и щипцовъ завивальныхъ для женъ управляющихъ и исправниковъ; да рѣшетки къ памятникамъ начальниковъ или къ балконамъ генералъ-губернаторскихъ домовъ. Великія тысячи каждый такой управительшинъ утюгъ стоитъ...

Великъ нашъ край; по Ленѣ тысячи верстъ и въ стороны сколько! Но весь онъ сплошь погибаетъ.

Тетушка и поступленіе въ контору.

Марья Васильевна приходилась мнѣ родной теткой по матери. Мы долго не хотѣли ее знать, за то, что во времена нашей славы, она до замужества осрамилась прижитіемъ ребенка, который, впрочемъ, пожилъ недолго. Скандалъ вышелъ тѣмъ обиднѣе, что тетушка слыла красавицей; однакожъ, ее выдали, съ кое-какимъ приданымъ, за чиновника, въ отъѣздъ, въ городишко подальше. Но она скоро овдовѣла и перебралась съ своими пожитками въ — скъ, гдѣ и купила въ отдаленной части города домикъ съ флигелькомъ. Въ этомъ домикѣ мнѣ и суждено было найти пристанище. Тетушка была высокая, худая женщина, лѣтъ пятидесяти, черноволосая и чахоточная. Когда мнѣ случилось увидать ее безъ кофты, я удивился, какъ у нея одинъ бокъ вдавленъ. Бѣдная тетушка! Плетется бывало изъ церкви, или съ базара, съ узелками, или туязками въ рукахъ, держится прямо; а лицо блѣдное; глаза большіе, несчастные. Она, впрочемъ, не любила упоминать о своей болѣзни, ни вообще жаловаться. Шутливаго разговора тоже не было, а какое-то молчаливое, грустное настроеніе. Всю работу по дому, со стряпней, топкой печей и мытьемъ половъ, исполняла сама. Только передъ праздниками, или когда нездоровилось, приглашалась глухая нищая старуха, Петровна. Для огорода, весной и осенью, тетушка приводила изъ монастыря, гдѣ жила ея знакомая старушка, здоровенную работницу, которая копала гряды не хуже мужика. Тетушка была мастерица вышивать. Отъ прежнихъ временъ она сохранила три картины въ рамкахъ, подъ стекломъ, вышитыя по хорошимъ узорамъ. И теперь она вышивала туфли для чиновниковъ, или поповскіе пояса и нарукавники; но охотнѣе брала шитье рубахъ, портовъ и даже мѣшковъ на пріиски. Главную статью дохода составляла плата за наемъ флигелька и одной комнаты въ домѣ, всего до двадцати рублей въ мѣсяцъ. Денегъ у тетушки не было; но оставались еще кое-какія вещи. Въ самые большіе праздники и въ день ангела, она надѣвала брильянтовыя серьги, доставала серебряные ножи и вилки и готовила обѣдъ изъ четырехъ блюдъ. Одинъ изъ своихъ салоповъ она называла чернобурымъ, хотя онъ совсѣмъ порыжѣлъ; но дѣйствительно былъ легкій и теплый; такъ что, при ея слабости, понятно, что она его любила. Расположеніе дома было такое: изъ сѣней и прихожей двери въ гостиную съ перегородкой и въ

небольшую проходную комнату, гдѣ тетушка спала на своихъ сундукахъ; кухня съ русской печью; другія сѣни съ чуланомъ и черный ходъ. Все очень маленькое: окна четвертей въ пять, или въ крайности полтора аршина. Гостиная отдавалась въ наемъ, но когда я пріѣхалъ, квартиранта не было, такъ что мѣсто для меня нашлось безъ затрудненія. Впослѣдствіи я, разумѣется, сталъ отдавать тетушкѣ большую часть жалованья и денежнаго убытка ей не было.

Явился я безъ предупрежденія. Сестра очень хорошо понимала, что я рисковалъ быть безъ церемоніи выпровоженнымъ на всѣ четыре стороны; но все-таки сочла болѣе политичнымъ, не писать, и предоставить мнѣ, при поднесеніи гостинцевъ, объясняться, извиняться и просить на словахъ. Не знаю, правильно или нѣтъ она разсудила, но вышло очень удачно. Тетушка мнѣ обрадовалась и полюбила меня. И я ее искреннѣйше люблю и уважаю. Она меня помѣстила за перегородку, и тотчасъ же воспользовалась возможностью перенести въ гостиную къ свѣту, свои пяльцы и кое-какую мебель, отъ которой проходу не было въ ея комнаткѣ.

Поговорили о разныхъ домашнихъ вещахъ — неоднократно и всплакнула тетушка—а потомъ начались безъ конца разговоры, какъ меня пристроить. Пошли хлопоты, справки и разспросы черезъ разныхъ смиренныхъ старушекъ, попросту салопницъ. Самоваровъ было по этому поводу поставленно нескончаемое количество, тѣмъ болѣе, что дѣло случилось постомъ. И, по бывшимъ связямъ и сношеніямъ, все больше къ тому направляли, чтобы поступить мнѣ въ золотопромышленную контору. Я ни о чемъ въ то время понятія не имѣлъ, и мнѣ самому этого же хотѣлось. Но, къ великому моему счастію, отвѣтъ съ этой стороны получился неблагопріятный, и миновала меня эта доля, которую теперь почитаю горькой и презрѣнной. Въ золотопромышленной конторѣ не бываетъ никакихъ перемѣнъ, нѣтъ ничего живого, и все постыдное. Все сводится къ составленію воровскихъ матеріальныхъ вѣдомостей, обсчитыванію рабочихъ и ежедневной расправѣ. При хорошей системѣ обсчитыванія и разсчетѣ товаромъ, можно удешевить производство вдвое. Для каждаго рабочаго въ отдѣльности это, говорятъ, ничего не значитъ, а для управленія составляетъ десятки и сотни тысячъ. Вслѣдствіе постояннаго упражненія въ такихъ занятіяхъ, служащіе на пріискахъ вообще смахиваютъ на приказныхъ. Войдешь въ пріисковую контору или въ полицейское управленіе, сразу не различишь. И другія прикосновенныя заведенія подоб-

ныя же: конюшни, пожарные сараи, каланчи. Такіе же и полушубки на нарядчикахъ и конюхахъ, такъ сказать, мундирные, темногрязные, лоснящіеся, ремнемъ перехваченные; и палочка въ рукахъ такая же аккуратная, гладенькая, какъ на заводахъ или въ рудникахъ. Разумѣется, и казаки также близко. Положимъ, плюгавые, изъ инородцевъ, пѣшіе, безъ пикъ, безъ револьверовъ, въ лохмотьяхъ, оставшихся отъ начальственной хозяйственности, и при одной шашкѣ. Но для внушительности и расправы и этого достаточно.

Спасъ меня Господь отъ этой дороги: порѣшили идти мнѣ къ богатому купцу, Ильѣ Егоровичу Шарапову. Вызнано было, что слѣдуетъ явиться очень рано, часу въ седьмомъ, съ задняго крыльца. Обновилъ я свой новый сюртукъ, облекся въ парадную шубку, и вотъ, съ широкаго двора, вхожу по крылечку въ ту прихожую, которая впослѣдствіи стала мнѣ такъ знакома. Пять человѣкъ прислуги, трое мужескаго пола — все молодежь. Старшій развѣ моихъ лѣтъ, а то мальчики. Двѣ горничныя въ затрапезѣ и въ немытомъ видѣ. У одной богатые русые волосы, надо лбомъ волна не улеглась, сзади косы на шею свѣсились. Чаепитіе и уборка посуды. Старшій слуга подходитъ и спрашиваетъ неохотно:

— Что угодно? Говорю:—-Купеческій сынъ такой-то, пріѣхалъ изъ — ска, на службу проситься. Пошелъ докладывать; и, разумѣется, горничныя на меня смотрятъ, переглядываются и говорятъ съ улыбочкой. Слышу голосъ довольно серьёзный говоритъ: — Позови въ столовую. — Пройдите, говоритъ, въ ту комнату. Бросаю шубу на клеенчатый диванъ, иду. Комната безъ всякой роскоши, сквозь драпировку видна другая, попараднѣе. Входитъ мужчина въ черномъ штофномъ халатѣ съ малиновой отдѣлкой, сѣденькій, плотный. Подходитъ съ любезнымъ видомъ и подаетъ руку.

— Василія Петровича Бредихина сынъ?

— Да.

— Зачѣмъ пожаловали?

Объяснилъ.

— Я съ батюшкой вашимъ въ послѣдній разъ тогда-то и тогда-то встрѣчался. Здоровъ ли? Чѣмъ до сихъ поръ занимались?

На все это отвѣчаю. Послѣ я узналъ, что ему было обо мнѣ сказано. Вообще, онъ не очень довѣрялъ купеческимъ сынкамъ, которые были въ гимназіи; но меня рѣшилъ принять, ежели не покажусь негоденъ.

Наконецъ, послѣ разныхъ распросовъ, говоритъ:

— Мѣста никакого особеннаго я вамъ предложить не могу; а такъ, чѣмъ придется, ежели угодно заняться, извольте.

Я кланяюсь. Изъ прихожей все время слышенъ былъ разговоръ и смѣшки. Тутъ слышу женскій голосъ говоритъ:

— Поступилъ.

— Какое же вознагражденіе вы желаете получать?

— Какое угодно—ну, хоть пятнадцать, десять рублей...

— Хорошо, я могу вамъ назначить и пятнадцать рублей (такое въ голосѣ удареніе, что это дескать, очень много). Ну, а тамъ посмотримъ. Пройдите въ контору, спросите канторщика, Ивана Григорьевича Жабрина; скажите, что я васъ принялъ на службу, и чтобы вы покуда были при конторѣ, по письменной части. А тамъ вамъ укажутъ койку, гдѣ помѣститься.

— У меня есть помѣщаніе, Илья Егорычъ; я здѣсь у тетки остановился.

— Кто такая?

Я разсказалъ.

— Ну, какъ знаете. А службу можете съ сегодняшняго же дня начать. Съ Богомъ, желаю счастливо.

Опять подалъ руку и пошелъ. Выхожу въ радости, шубу надѣлъ и поклонился всѣмъ вообще. Всѣ головой кивнули, а дѣвушка съ косами проговорила, не глядя и перебирая пальцами по столу:—мое вамъ почтеніе.

Идти въ контору отъ задняго крыльца дома приходилось черезъ весь дворъ. Изъ прихожей въ обѣ двери видно много народу; разговоръ идетъ громкій. Сидитъ у печки старикъ сторожъ, въ родѣ нищаго. Спрашиваю, можно ли увидать конторщика Ивана Григорьича.—А вонъ, и ткнулъ въ дверь.—А шубу куда повѣсить?—На кровать положьте. Въ комнатѣ, гдѣ стояли кровати, иные еще одѣвались, въ халатахъ были, чай пили. Наконецъ, розыскалъ конторщика и объяснилъ о своемъ поступленіи. Тотъ принялъ какъ будто любезно, а между тѣмъ, шпильку подпустилъ насчетъ того, какъ непріятно, должно быть, идти на службу, когда прежде, можетъ быть, разсчитывалъ собственную контору имѣть. Другіе прикащики подходятъ, этотъ разговоръ слушаютъ. Наконецъ, предложили мнѣ чаю. Передвинули столъ, чтобы очистить для меня мѣсто, и потомъ сталъ я что-то переписывать, не помню что: въ какомъ-то туманѣ былъ. На третій день возвратился изъ —ской ярмарки самый старшій приказчикъ, Терентій Алексѣичъ Богатовъ, съ двумя подручными. Ярмарка вышла удачная. Вообще, онъ былъ человѣкъ бойкій, а тутъ того бойчѣе. Нужно было заканчивать множество

ярмарочныхъ бумагъ. Сейчасъ же, валенокъ еще не снималъ, ко мнѣ подходитъ, не здоровается, прямо списокъ товарный даетъ:—Вотъ, говоритъ, которыя тутъ мѣста красныиъ карандашемъ закружены, фактуру составьте на имя такого-то, и потомъ счетъ по фактурѣ ему же. Цѣны вотъ тутъ карандашемъ проставлены. Мѣста одного товара соедините въ одну строку. Другому все это понятно, а я никогда торговыхъ бумагъ не видалъ. Слышалъ я, между тѣмъ, что Терентій Алексѣичъ человѣкъ важный, сказать или спросить ничего не смѣю. Слава Богу, товарищи, которые въ нашей комнатѣ сидѣли, помогли: разграфили мнѣ бумагу, объяснили какъ заголовокъ составить, какія сокращенія что значатъ, образецъ дали, какъ все расположить. На слѣдующій день позвали меня къ хозяину. Сидитъ въ кабинетѣ. Немножко ко мнѣ голову повернулъ и говоритъ ласково:

— Что, Бредихинъ, каково привыкаешь?

— Слава Богу, говорю.

— Вотъ возьми письмо, перепиши, принеси сюда.

Такъ и пошла изо дня въ день писарская работа.

Обстановка и служебный порядокъ.

Тутъ я сдѣлаю одну общую оговорку. У меня одна цѣль — разсказать все, какъ въ самомъ дѣлѣ было. Скажу и хорошее, и дурное. Но, для ясности, долженъ предупредить, что у насъ все было лучше, пожалуй, и гораздо лучше, чѣмъ у многихъ другихъ. И дѣло было чище, ужь потому, во-первыхъ, что мы не знали всѣхъ тѣхъ штукъ, которыя по нуждѣ бываютъ. И обстановка была лучше, и люди вообще лучше, начиная съ хозяина. Не безгрѣшный онъ былъ человѣкъ, но прочимъ, какіе въ городѣ въ мое время были купцы, было до него очень далеко.

Домъ Ильи Егорыча былъ деревянный, но оштукатуренъ въ бѣлый цвѣтъ, крыша зеленая, въ большія стекла оконъ видны были цвѣты и драпировка. Такіе я послѣ въ Москвѣ видалъ особнячки барскіе. Садъ довольно большой, тутъ же вдоль улицы тянется. Помѣщеніе больше, чѣмъ съ виду казалось, потому что со стороны двора шла пристройка, гдѣ, въ верхнемъ этажѣ, были комнаты хозяйки, Дарьи Прокофьевны. Но, насколько домъ имѣлъ видъ пріятный, веселый, настолько контора выглядѣла уныло и непривѣтливо. Строеніе было ничего себѣ; и крыша та-

кая же желѣзная, зеленая. Но стѣны, дешевизны ради, были выпачканы сѣрой краской. И цвѣтъ унылый, и составъ краски самый дрянной. Удивительно, какъ могутъ богатые люди изъ-за гроша свое жилье въ противный видъ приводить. Двѣ комнаты изъ сѣней налѣво назывались дворянской половиной; должно быть потому, что какъ онѣ были непроходныя, и мало кому была надобность туда заглядывать, такъ вольности дворянской тамъ могло быть больше: спать можно было свободнѣе, въ халатъ раньше облечься, пулечку составить. Бѣлили у насъ ежегодно. Два раза въ годъ мыли шторы и окна. А однажды, въ пустое лѣтнее время, когда можно было немногихъ остающихся прикащиковъ переселить въ амбаръ, произведена была даже окраска дверей, подоконниковъ и половъ. Причемъ, вслѣдствіе экономическаго состава краски на вонючемъ рыбьемъ жирѣ, мы живо эту новую краску разнесли на подошвахъ, чего экономъ не предусмотрѣлъ, и чѣмъ былъ сконфуженъ.

Дѣло дѣлалось, по мѣрѣ надобности, во всѣхъ комнатахъ. И письменныхъ столовъ вездѣ было по нѣскольку; и шла ряда или переговоры съ разнаго рода людьми, русскими и бурятами, по доставкѣ товаровъ или по домашнему хозяйству, или по мелочнымъ продажамъ чайковъ и покупкамъ пушнины. Шла также довольно постоянная возня съ пострадавшими или сомнительными товарными мѣстами: а иногда производилась и вязка бѣлки, операція копотная, неопрятная и зловонная. По утрамъ въ зимнее время очень людно бывало; тѣмъ болѣе, что многіе приходили съ морозу погрѣться стаканомъ чаю или хоть постоять въ теплѣ. Собственно подъ контору было удѣлено двѣ комнаты: одна такая, что нашему крупному конторщику (онъ же бухгалтеръ) только стоять гдѣ было между конторкой, полками и боковымъ столомъ, заваленнымъ текущими и прошлогодними книгами. Другая комната, гдѣ насъ сидѣло четверо, была немножко побольше, но за то проходная; и дверь въ двухъ шагахъ отъ входной, которая, бывало, минуты не постоитъ затворенной. Паръ такъ и стелется. А печь, конечно, закрывается сколько можно жарче, и потому угаръ. Во всѣхъ остальныхъ комнатахъ стояли вдоль стѣнъ кровати, больше или меньше, смотря потому, какъ наѣзжали приказчики, слѣдовавшіе при товарахъ, возвращавшіеся съ ярмарокъ или вызванные по дѣламъ. Дѣло было большое, раскинутое; пріѣзды и отъѣзды частые. Комнаты, менѣе проходныя, считались почетными. Кто постарше, тамъ и помѣщался. Но совершенно обезпеченныя мѣста были только у двоихъ или троихъ, прочіе же, по мѣрѣ надобности, перекочевы-

вали. Даже въ общей комнатѣ, которая и столовой служила, мѣста перемѣнялись. А главное, кровати, которыя ближе къ дверямъ, невозможно было соблюсти въ опрятности. Какъ кто вошелъ съ морозу или изъ подъ дождя, или грязью забрызганъ, русскій или бурятъ, такъ прямо на кровать и садится. Въ прихожей стоялъ у насъ столъ съ самоваромъ, посудный шкапъ и угловой шкапъ, въ которомъ помѣщался умывальникъ. Подъ праздникъ во всѣхъ комнатахъ зажигались лампадки. Кромѣ солидныхъ книгъ въ конторѣ, роскоши вообще ни малѣйшей. Столы, стулья и кровати крашеные, самые дешевые, базарные. Молодцовской наше помѣщеніе не называлось и слово «молодцы» у насъ не было въ употребленіи. Говорилось контора и флигель, и приказчики. Прежній бухгалтеръ называлъ контору штабомъ, и это слово удержалось. Онъ же хозяйскихъ племянниковъ называлъ принцами крови. Для женатыхъ былъ особый флигель.

Порядокъ жизни былъ вообще такой: хозяинъ вставалъ рано и сейчасъ же принимался за дѣла. Съ семи часовъ каждаго могли къ нему потребовать. Стало быть, и всѣмъ приходилось рано подниматься. Рѣшится человѣкъ вставать, ноги съ постели спуститъ, обуется, надѣнетъ, по сибирскому обычаю, легкій халатъ изъ рубашечнаго ситцу, постель оправитъ и идетъ умываться. Причесавшись, большею частью въ этомъ же халатѣ, на образъ перекрестится. Одѣлся человѣкъ, пьетъ чай, некрѣпкій, въ накладку или прикуску. Понимаютъ толкъ и въ чаѣ вовсе безъ сахару. Кто изъ непьющихъ, да не съ похмѣлья, ѣстъ булки, а кто пустой чай пьетъ. Чай хорошій, не такой, какъ въ гостиномъ дворѣ за прилавкомъ пьютъ. Свой вѣдь былъ товаръ; знатоки выбирали, изъ недорогихъ фамилій, да хорошій. Или шелъ чай сборный, называемый мѣшечный, изъ фунтовъ, въ томъ числѣ и высокаго сорта, которые остаются въ Кяхтѣ при перекупоркѣ мѣстъ. Насчетъ сахару стѣсненія никакого, сколько хочешь. Печеніе изъ второго сорта, но всегда прибавляли часть хозяйскихъ булочекъ и пирожковъ съ вареньемъ. Всего этого пеклось много, на случай всякихъ гостей, и, разумѣется, оставалось.

Съ семи часовъ дѣло въ ходу. Одного за другимъ къ хозяину таскаютъ. Являются возчики; приходятъ люди по разнымъ дѣламъ. Прислуга, работники, кучера, горничныя, поваръ тормошатъ эконома. Онъ суетится, на рысяхъ вылетаетъ со двора въ разгонной тележкѣ или санкахъ, возвращается и опять уѣзжаетъ. Кто пишетъ, кто щелкаетъ на счетахъ; кого турятъ по разнымъ порученіямъ. И чѣмъ дальше подвигается утро, тѣмъ горячѣе

идетъ дѣло. Въ одиннадцатомъ часу пьютъ второй чай. Кромѣ печенья, тутъ часто бываютъ и пироги: съ мясомъ, съ капустой, съ морковью. Приказщики постарше пропускаютъ и по рюмочкѣ водки, съ какой-нибудь закуской отъ щедротъ эконома. И сейчасъ же въ голосахъ перемѣна: изъ третьей комнаты слышно. Работа сама собой, и, между прочимъ, въ это время являются приказщики изъ другихъ заведеній съ выручкой или бумагами. Такъ дѣло идетъ до обѣда.

Домъ тетушки былъ отъ конторы въ двадцати минутахъ скорой ходьбы. Стало быть, приходилось вставать въ самомъ началѣ седьмого, одѣваться и убѣгать, пока тетушка еще спала. Въ теплое время, когда сухо, да не суетишься что опоздалъ, хорошо такъ пройтись. Но въ слякоть или въ морозъ трескучій, когда и не видать разсвѣта, не очень весело бывало. Особенно жутко стало приходиться впослѣдствіи когда пошли кутежи, да выпивки до позднихъ часовъ. Вообще я не опаздывалъ; но чаемъ попускался часто. Я собственно торопился записывать въ книгу вчерашнюю почту. У насъ письма не копировались; были въ конторѣ всѣ копировальныя принадлежности и опыты дѣлались этотъ порядокъ завести; но ничего путнаго не вышло. Хозяинъ новыхъ выдумокъ вообще не одобрялъ, да это дѣло намъ дѣйствительно не подходило. Онъ почти всѣ письма писалъ самъ, а писать перомъ не любилъ; писалъ карандашемъ по сѣрой бумагѣ очень быстро, почти безъ помарокъ, а мы переписывали. При письмахъ сплошь и рядомъ деньги и документы. Деньги большія; приготовить ихъ нужно, забандеролить аккуратно, да укладисто. Пріемъ только до двѣнадцати, да и простыхъ писемъ только до двухъ. Тогда же утромъ и полученіе почты, денегъ большихъ, бѣготня въ банкъ, бѣготня со справками къ хозяину, торчаніе у него за стуломъ, пока онъ пишетъ—однимъ словомъ, бѣда. На все это трое-четверо и изъ нихъ который-нибудь или другимъ дѣломъ занятъ, или угнанъ, или капризится. И все написанное еще считывай, чтобы вѣрно было. А какъ этакими чудесами почту сумасшедшую обработаешь, да отправишь, хозяинъ все самонадѣяннѣе становится.

Вотъ за этимъ-то снаряженіемъ почты я въ первый разъ почувствовалъ, что у меня сердце ретивое—пожалуй, что неменьше, чѣмъ у сестры. А то я въ самомъ дѣлѣ думалъ, что мнѣ свойственно только слоняться и скучать, да чтобы меня безпрестанно бранили.

За столъ къ обѣду садилось то много, то мало, смотря по

времени, когда въ сборѣ были или въ разъѣздѣ. При многолюдствѣ, молодежи приходилось плохо. Готовилось вдоволь, и такого кушанья, что можно было ѣсть. Подавали щи съ мясомъ или уху. Очень часто пирогъ пополамъ съ свѣжей рыбой и съ нашимъ сибирскимъ омулемъ. Потомъ подавали жаркое. Не въ рѣдкость было и какое-нибудь хорошее блюдо съ хозяйскаго стола, послѣ большихъ обѣдовъ. Всего чаще рыба холодная и мороженое или кремъ. А то и къ жаркому птицъ или какія-нибудь котлетки. Такія крупныя рыбы бывали, что и намъ доставалось вволю; тѣмъ болѣе, что подобная благостыня чаще появлялась за ужиномъ, когда народу поменьше. Къ водкѣ прикладывались и передъ обѣдомъ, и передъ ужиномъ, а иногда, шутя-шутя, и выпивочка вечерняя устраивалась. Я, разумѣется, не ужиналъ; торопился домой пораньше, и тетушка всегда припасала для меня что-нибудь. Ѣмъ и разсказываю ей про наши дѣла; и, конечно, эти ужины были для нея самымъ пріятнымъ временемъ. Послѣ обѣда, отъ трехъ до пяти, было свободное время. Кто спалъ, кто отправлялся по дѣламъ своимъ. Для меня эти два часа сдѣлались потомъ самыми важными. Тогда я и обѣдать пересталъ въ конторѣ, чтобы непримѣтно было, когда я ухожу, когда нѣтъ. Въ шестомъ часу былъ чай, которымъ и я всегда безмятежно пользовался. Потомъ опять занятія или разговоръ до ужина.

И свое-то дѣло торговое было огромное и до крайности разнообразное, а, кромѣ того, велось также громадное чужое, доставочное, т. е. транспортное дѣло какъ изъ Москвы черезъ всю Сибирь, такъ и обратно. Самую большую часть всѣхъ кяхтинскихъ чаевъ перевозили мы. Не говорю также еще объ одномъ крупномъ дѣлѣ, потому что ни одинъ изъ насъ ничѣмъ, кромѣ переписки, къ нему не прикасался. Его устройство и веденіе были поручены умному и ловкому человѣку, съ которымъ и большіе разговоры и большая переписка велась; и свѣдѣнія подробныя отъ него поступали; а, главное, много ему шло денегъ, въ ожиданіи будущихъ барышей. Не знаю, получились ли барыши, и считаю болѣе вѣроятнымъ, что деньги пропали. Вообще, изъ всѣхъ дѣлъ, гдѣ Илья Егорычъ являлся компаньономъ, гдѣ онъ не одинъ распоряжался и не вникалъ во всѣ подробности, ничего хорошаго не выходило. Люди пользовались его именемъ, наживались или жили въ свое удовольствіе, а дѣло не шло. Но Илья Егорычъ умѣлъ отстать съ достоинствомъ, не горячась попусту и не ссорясь. Не прочь онъ былъ попечаловаться, но только для разговора, и всегда по поводу такихъ дѣлъ, гдѣ

вовсе убытка не было. А если на десятки тысячъ накажется, онъ и виду не подастъ.

Чайная торговля.

Чтобы читателю наше дѣло знакомѣе стало, разскажу немножко подробнѣе объ чайной торговлѣ и о перевозкѣ товаровъ или, по нашему, о доставкѣ. Скажу еще о пушнинѣ и о торговлѣ винами изъ погребовъ. Но это послѣ, когда стану разсказыват про тѣхъ изъ моихъ друзей, черезъ которыхъ я съ этими статьями познакомился.

Не знаю я, въ чемъ заключается разница между чаемъ, который отправляется изъ Ханькоу моремъ, и тѣмъ, который идетъ черезъ Кяхту. Говорятъ, будто по случаю сырости отъ воды—и тѣмъ болѣе при непрочной укупоркѣ, какая тутъ установилась—тотъ чай больше просушиваютъ, и будто бы поэтому онъ хуже. А кто стоитъ за этотъ чай, доказываетъ, что онъ попадаетъ въ Москву черезъ три мѣсяца послѣ сбора, а кяхтинскій годомъ позже. Однакожъ, кяхтинская укупорка такова, что для нея этотъ срокъ ничего не значитъ. По торговымъ бюллетенямъ, никакой разницы нельзя замѣтить. А для публики это тѣмъ болѣе все равно, что она вообще пьетъ чай составной, перемѣшанный, приспособленный къ ея вкусу. Вѣрно то, что по торговымъ бюллетенямъ въ Россію вообще идетъ ничтожное количество сравнительно съ Англіей и Америкой. Извѣстно, однакожъ, что Лондонъ складочное мѣсто для прочей Европы, а въ томъ числѣ и для насъ. Для нашихъ торговцевъ выгоднѣе пользоваться, по мѣрѣ надобности, огромными лондонскими складами, при тамошнемъ точномъ и надежномъ кредитѣ, нежели рисковать прямой выпиской въ Россію всей годовой пропорціи. Между тѣмъ, несомнѣнно, что китайцы прилаживаются ко вкусу покупателей, подкрашиваютъ чаи и пускаютъ въ ходъ разныя другія средства. Громада чаевъ, направляемая къ морю, должна быть прилажена къ англійскому вкусу. А англичане требуютъ чай съ густымъ наваромъ, довольно грубый и пригодный только для питья съ большимъ количествомъ молока и сливокъ, при жирномъ хлѣбѣ. Сибирскіе торговцы и сами китайцы цѣнятъ подобный чай очень низко. Имъ требуется чай, который, при свѣтломъ цвѣтѣ настоя, имѣлъ бы вкусъ не рѣзкій и, однакожъ, очень опредѣленный, тончайшій, грубому или вообще непривычному вкусу непостижимый, легко пьющійся и хорошо сохраня-

ющійся при нѣсколькихъ стаканахъ. Вѣникомъ чтобы не отзывалъ ни въ какомъ случаѣ, хоть три часа пей. Такіе чаи и направляются въ Кяхту. Мало того, и въ этихъ чаяхъ есть очень большая разница, которую я объяснить не умѣю, но которая доказывается разницей въ цѣнѣ. Я не о томъ говорю, что чаи бываютъ перваго, второго и третьяго сбора, выше или ниже сортомъ; а вотъ объ чемъ: въ послѣдніе пятнадцать-двадцать лѣтъ (можетъ быть, и больше, не знаю) въ Китаѣ и преимущественно въ Ханькоу, основались и утвердились довольно крѣпко нѣсколько нашихъ русскихъ фирмъ, частью комиссіонныхъ, а частью и производительныхъ, и именно по изготовленію кирпичнаго чая. Нѣкоторыхъ изъ этихъ торговцевъ я видѣлъ, и вообще, по отзывамъ, они люди представительные, способные и достойные полнаго уваженія. Этимъ фирмамъ наши московскіе и кяхтинскіе купцы даютъ заказы: купите, дескать, столько-то мѣстъ чаевъ перваго сбора, высокаго сорта, по возможности такихъ-то знаменитыхъ фамилій, положимъ, Син-шен-ху, Сю-шен-гой или Поудзю-конъ. Мы такіе заказы посылали въ концѣ февраля или началѣ марта. Вотъ и покупаются именно эти фамиліи. Въ печатныхъ бюллетеняхъ, на всѣхъ языкахъ это показано. А затѣмъ получаются и жестяночки образцовъ съ надписями: столько-то мѣстъ, такой-то фамиліи, такая-то марка хозяина. Жестяночки аккуратныя, легкія, рукъ не царапаютъ, легко открываются и плотно запираются. И цвѣтъ пріятный, и не тускнѣетъ. Однимъ словомъ, приходится сказать — не русскаго дѣла вещи. И всѣ документы, счета, фактуры, все по англійскимъ образцамъ, красиво, чисто. Мы хорошо счета писали; а тамъ и хуже напишутъ, да все вмѣстѣ какъ-то щеголеватѣе и внушительнѣе. Современемъ и самые чайки подходятъ. Въ Тяньцзинѣ (кажется, въ Тяньцзинѣ, навѣрное не припомню) агенты тѣхъ же фирмъ перекупориваютъ ихъ въ ящики поменьше, около трехъ пудовъ вѣсомъ, потому что отъ Урги придется идти на верблюдахъ. Наконецъ, въ Кяэти ихъ обшиваютъ сырыми кожами шерстью внутрь, и приводятъ въ тотъ самый цыбиковый видъ, который намъ такъ извѣстенъ.

Кажется бы, и дѣлу конецъ. И, однакожъ, вовсе не конецъ. Въ одно время съ этими чаями привозятъ чаи китайскія лавки, существующія въ Маймачинѣ. Фамиліи чаевъ тѣ же, по крайней мѣрѣ, знаменитѣйшія фамиліи; но чаи должны быть другіе, потому что именно къ этимъ, *кяхтинскимъ* чаямъ, въ отличіе отъ тѣхъ, *ханьковскихъ*, устремлены всѣ помыслы торгующаго на Кяхтѣ купечества. Къ приходу *этихъ* чаевъ каждый ста-

рается запастись подходящимъ товаромъ, угадать, что будетъ въ спросѣ. Изъ-за нихъ идетъ борьба и набиваются бѣшеныя цѣны. Такъ что когда получитъ человѣкъ, не участвовавшій въ горячкѣ, телеграмму, какіе для него и почемъ чаи вымѣнены, такъ ошалѣть долженъ.—Семнадцать полуимперіаловъ! Это въ Кяхтѣ, безъ провоза, безъ таможни! Да почемъ же ихъ продавать? То ли плантаціи какія-нибудь отборныя, заповѣдныя; то ли приготовленіе другое; то ли покупка на мѣстѣ умѣючи сдѣлана—но только чаи другіе. Отъ ихъ-то присутствія образуются такъ называемыя красавицы-фактуры, за которыми въ ярмаркѣ ходить будутъ или сразу, безъ торгу (по китайски—безъ перебивай) возьмутъ. Такую фактуру и переписываешь-то съ особеннымъ чувствомъ, уваженіемъ къ ней проникаешься. И вотъ, для вымѣна этихъ-то чаевъ важно чутье имѣть насчетъ товара, который у китайцевъ въ спросѣ будетъ. Кяхта не такое мѣсто, чтобы туда вдругъ что-нибудь доставили. Нужно заранѣе запастись и угадать. Вообще, къ тому идетъ, что товары наши въ цѣнѣ падаютъ, и ежели остается спросъ, такъ все на товаръ лучшаго сорта. Сукно въ особенности упало; хотя Илья Егорычъ все еще находилъ возможнымъ выписывать до тысячи пятисотъ кипъ. Еще больше упалъ моржанъ (коралы), который прежде хорошо шелъ. Плисъ пошелъ исключительно самаго высокаго сорта № 13 и 14, причемъ мы (т. е. Илья Егорычъ) неоднократно забирали въ однѣ свои руки всю годовую выдѣлку плису, какой изготовляется въ Москвѣ для Кяхты. Мы забирали также всю лапу лисью, которая одно время очень бойко пошла. Она покупается на нижегородской ярмаркѣ и бываетъ передняя и задняя, жесткая и мягкая, красная, сиводушка и чернобурая. Счета на нее самые безграматные изъ всѣхъ, какіе въ торговлѣ существуютъ, а товаръ тысячный. Ее гонятъ изъ ярмарки часть пути на возкахъ, т. е. на перемѣнныхъ тройкахъ, рысью, чтобы она могла поспѣть въ Кяхту къ ноябрю. Всего вѣрнѣе, однакожь, припасать золото и серебро — что именно? угадать надо. Золото идетъ наше, полуимперіальное, а серебро преимущественно пятифранки и мексиканскіе доллары. Рубли меньше требуются, и китайцы серебру нашихъ новыхъ рублей не совсѣмъ вѣрятъ; старые предпочитаютъ.

Какъ я не съумѣлъ объяснить, въ чемъ именно заключается разница чаевъ такъ называемыхъ кяхтинскихъ и ханьковскихъ, такъ я не знаю, что собственно обозначаютъ фамиліи. То ли это платанціи, то ли это торговыя фирмы? Въ Кяхтѣ есть нѣсколько лавокъ тѣхъ самыхъ фамилій, какъ и чаи. Но фа-

милій гораздо больше, и изъ году въ годъ однѣ исчезаютъ, а другія появляются. Очень немногія держатся долго. Въ массу наиболѣе расхожаго чая, который московскіе торговцы производятъ (продаютъ) подъ общимъ названіемъ полуторнаго или фамильнаго, входятъ чаи многихъ фамилій, не говоря объ огромной примѣси морского чая, о коемъ умалчиваютъ. Зато въ высокихъ сортахъ много фамилій сочиненныхъ, не существовавшихъ никогда или не сущетсвующихъ теперь. Знаменитыя фамиліи Сам-пью-чай и Чин-чина-почитай доказываютъ, что намъ сочинять китайскія слова не такъ трудно. А настоящія слова иногда нельзя прописывать, потому что по-русски выходитъ очень нехорошо. Такія фамиліи попадаются, что ежели считываешь фактуру съ старшимъ приказчикомъ, такъ непремѣнно покраснѣешь. Изъ году въ годъ чаи одной фамиліи бываютъ очень неодинаковы, какъ высокіе сорта винъ. Вдругъ прославится какой-нибудь чай, въ ярмаркѣ и въ Москвѣ въ гору пойдетъ, а на будущій годъ, кто за него дорого дастъ, накажется. А новые, отличные чаи удается иногда купить дешево. Еще нужно сказать, что въ сибирской, оптовой, настоящей торговлѣ никакіе, ни зеленые, ни цвѣточные, ни штучные чаи въ разсчетъ не принимаются. Существуетъ только черный чай, называемый байховый, торговый, неквадратный (по формѣ цыбика). Сортамъ нѣсколько повыше присвоено названіе хунмы или красненькаго. Весьма многимъ чернымъ чаямъ присвоено названіе: лянсинъ. Цвѣточнаго чая, называемаго квадратнымъ (по формѣ цыбика), идетъ самое пустое количество и ни одинъ цыбикъ этого чая въ Сибири не раскупоривается. Я и не знаю, какой это собственно чай и почему онъ цвѣточнымъ называется. Въ лавкахъ, подъ названіемъ цвѣточнаго чая, продаютъ, конечно, не этотъ чай. Зеленаго чая одному проѣжему сановнику вздумалось отвѣдать, такъ по всему городу бѣгали, едва въ одной лавкѣ нашли. (NB. Не заплатилъ; не заплатилъ также за сюртукъ на лисьемъ мѣху). Плетушки желтаго чая есть въ каждомъ магазинѣ, но пьютъ его мало. Затхлый сянь-пхянь чаще подается. Въ чистомъ видѣ, я полагаю, настоящіе кяхтинсіе чаи въ массу публики не идутъ. Это вовсе не значитъ, чтобы публика отъ дѣлаемыхъ московскими торговцами смѣшеній проигрывала. Напротивъ, я полагаю, что она выигрываетъ и что смѣсь дѣлается именно такъ, чтобы и вкусу угодить, и чтобы по возможности недорого было. Только что въ прейсъ-курантахъ слова правды нѣтъ—это вѣрно. Для небогатыхъ семействъ чистый кяхтинскій чай высокаго сорта не годится. Пьютъ его не такъ, чтобы онъ служилъ

нищей: безъ хлѣба, безъ молока, на самоваръ никогда не ставятъ, засыпаютъ въ чайникъ много. И самоваръ нужно имѣть чистый, и вода чтобы была хорошая. Это чаи для сытыхъ и набалованныхъ.

Движеніе байховыхъ чаевъ черезъ Кяхту идетъ на убыль, и при рѣзкихъ колебаніяхъ цѣнъ въ нижегородской ярмаркѣ увлекаться въ покупку большихъ фактуръ становится дѣломъ все болѣе и болѣе рискованнымъ. Зато годъ отъ году ростетъ сбытъ чая кирпичнаго. Въ его приготовленіи наши русскія фирмы не уступаютъ китайскимъ, а, пожалуй, и превосходятъ ихъ, изготовляя плитки болѣе тяжеловѣсныя, что̀ вообще удобнѣе. Кирпичный чай бываетъ трехъ сортовъ: зеленый, обыкновенный и черный. Зеленый идетъ въ большомъ количествѣ за Байкалъ. Обыкновенный—крупныя плитки, 36 на цыбикъ, и видать крупный свѣтлый листъ, въ родѣ пресованной зелени—идетъ также за Байкалъ и небольшими партіями въ ярмарку для низовьевъ Волги. Но для всей Сибири къ западу отъ Кяхты и далѣе на ярмарку вымѣнивается только черный кирпичный чай, 72, 64 и 60 плитокъ на цыбикъ. Цѣна вообще идетъ въ гору и, смотря потому, гдѣ купить, т. е. сколько набѣжало провозу, составитъ отъ 45 до 65 р., т. е. не дороже рубля за двухъ-фунтовую плитку, которая даетъ гораздо больше настоя, нежели два фунта байховаго чая. Обращеніе, храненіе самое удобное для небогатой обстановки. Ножемъ наскоблилъ сколько нужно и засыпалъ. Пить можно съ сахаромъ и безъ сахару, и вкусъ, особенно съ молокомъ, ничуть не хуже байховаго чая, какой попадаетъ бѣднымъ людямъ, при всякой водѣ и кипяченіи чайника на загаженномъ самоварѣ. Даже онъ можетъ быть лучше, потому что лавочники не могутъ примѣшивать всякой дряни. Кирпичный чай—вещь полезнѣйшая для народа. Предпріимчивость и энергія, выказанная русскими торговцами для овладѣнія этимъ дѣломъ въ самомъ Китаѣ—и даже для его улучшенія—составляетъ съ ихъ стороны заслугу.

«Чай», «чайки», «ящики» или, шутливо, «коробу̀шки» идутъ изъ Кяхты до Томска преимущественно зимнимъ путемъ, хотя весна всегда захватываетъ послѣднія партіи и заставляетъ перекладывать на колеса. Кладутъ на возъ по десяти мѣстъ. Первыя ноябрскія отправки изъ Кяхты идутъ кругоморскимъ путемъ, т. е. кругомъ Байкала или, какъ у насъ говорятъ, горой. Это, конечно, дороже и путь трудный. Но неудобства наверстываются дешевымъ провозомъ на слѣдующей дистанціи, до Томска, по неиспорченному первому пути. Все-таки главная масса чаевъ

ждетъ замерзанія Байкала, которое бываетъ около Рождества или въ началѣ января. И вотъ какъ они разомъ тронутся, пойдетъ на таможенномъ дворѣ свѣтопреставленіе. Случается оно и позже, когда начнетъ солнышко припекать, да путь портить; да пойдетъ между возчиками разговоръ, что по тракту къ овсу приступу нѣтъ, что за обманную пудовку въ 25 фунтовъ дворники (содержатели постоялыхъ дворовъ) дерутъ по рублю и болѣе. Тутъ, что ни день, полтинникъ или рубль на мѣсто наскочить можетъ. Прокопался въ таможнѣ—тысячи изъ кармана вонъ. Но въ январѣ все-таки хуже. Чаевъ больше, и дольше это подъ рядъ продолжается. И морозъ допекаетъ; двадцать, двадцать-пять градусовъ. А ты по нѣскольку часовъ стой у перевѣски (изъ каждой фамиліи въ каждой фактурѣ вспарываютъ и высыпаютъ на рогожи по три мѣста), кричи, распинайся при накладкѣ, лазай черезъ возы, потому что на всемъ дворѣ ступить некуда. И не ошибись, не просчитайся, съ бумагами, да залогами управься. Просто чудомъ какимъ-то партія въ иной день со двора вывозится. Есть подручные, и тоже бьются и изъ кожи лѣзутъ, но все-таки главный довѣренный долженъ быть вездѣ, все долженъ самъ дѣлать: и лошадь поставить, какъ слѣдуетъ, и всякаго пентюха оттолкнуть, самому мѣсто перевернуть, марку и нумеръ повѣрить. Да, это выучка хорошая, и настоящій человѣкъ тутъ дорого стоитъ. Бывало Илья Егорычъ подъѣдетъ, въ черной ильковой шубѣ, шапка соболя лучшаго... Ахъ, пріятны мѣха высокіе, когда при солнышкѣ морозная мгла въ воздухѣ держится. Вступитъ во дворъ, видитъ, нельзя пройти. Ну, его какъ-нибудь, въ родѣ архіерея проведутъ. Постоитъ около таможенныхъ, поговоритъ съ ними немножко, когда съ важностью, а больше съ улыбочкой... Простится, своему довѣренному руку подастъ: «Ну, братъ, Андрей Иванычъ, нечего дѣлать, поправляйся», и такимъ же архіерейскимъ порядкомъ къ своимъ саночкамъ проберется. Кого на пути изъ своихъ увидитъ, спроситъ что-нибудь, а ежели благоволитъ, то и шуточку скажетъ...

Можно бы и еще порядочно про чайки разсказать, да и такъ ужь много вышло. То развѣ прибавить, что ежели нашихъ купцовъ гдѣ въ азіатской сторонѣ поприжмутъ, такъ мы, по совѣсти, роптать бы не должны. Попробовалъ одинъ китаецъ обойти кяхтинское купечество и самъ провезъ въ Ирбить тысячу мѣстъ чая. Большихъ непріятностей и прижимокъ натерпѣлся; бросилъ товаръ съ огромнымъ убыткомъ. Потомъ ужь никто не пробовалъ—сразу отвадили. А ужь китайцы ли не бойки, да не выносливы?

Доставочное дѣло.

Перевозка или доставка чаевъ изъ Кяхты и обратное движеніе русскихъ товаровъ въ восточную Сибирь производится частью по контрактамъ съ крупными транспортными фирмами, сразу на все разстояніе, а частью по дистанціямъ, которыя установлены обычаемъ, мѣстными условіями и требованіями дѣла. Мы, напримѣръ, возили изъ Кяхты чаи большей части тамошнихъ фирмъ, какъ въ Москву, такъ и на Ярмарку. Свои, такъ называемые московскіе товары, отправляемые оттуда въ маѣ, когда у насъ все вообще движеніе шло въ Россію, мы обыкновенно сдавали въ однѣ руки до мѣста; а иногда только до Перми, откуда переотправляли ужь сами, по новымъ условіямъ. Изъ Ярмарки мы всегда везли все свое и очень много чужого. Но само собой разумѣется, что на самомъ-то дѣлѣ товары всегда идутъ по дистанціямъ, и вопросъ только въ томъ, кто передъ владѣльцемъ за товаръ отвѣчаетъ и какъ барыши или убытки распредѣлять. Самыя большія двѣ дистанціи: отъ Тюмени до Томска и отъ Томска до Иркутска—обѣ по 1500 верстъ. Но послѣдняя дистанція во всѣхъ отношеніяхъ гораздо важнѣе, т. е. бойчѣе, дороже и рискованнѣе. Дѣло въ томъ, что между Тюменью и Томскомъ, въ оба конца самая большая часть товаровъ идетъ водой, гораздо скорѣе и дешевле. Затѣмъ дорога тамъ ровная, корма дешевы и меньше подвержены колебаніямъ. Между Томскомъ и Иркутскомъ товарамъ приходится идти горой во всякое время года; и въ самую глубокую осень, и въ весеннюю распутицу. Трудныхъ подъемовъ и спусковъ не перечесть; а иные есть просто страшные, убійственные. Корма вообще дороги, а иногда къ нимъ приступу нѣтъ. Къ тому же, при всѣхъ трудностяхъ, тутъ и соблюденіе срока до такой степени важно, что ежели опоздаешь, такъ товаръ пропадетъ или огромные убытки выйдутъ. Напримѣръ, московскіе товары, которые идутъ въ сентябрѣ. Можетъ быть погода теплая, сухая, путь укатанный; и можетъ быть распутица и мерзлыя кочки. А какъ задержишься по этакой дорогѣ, да какъ на послѣдяхъ морозы нешуточные прихватятъ, вина-то дорогія, бутылочныя замерзнутъ, грибы, сои, да трюфли перелопаются и пропадутъ. Или, такъ называемые, декабрскіе товары, которымъ въ первыхъ числахъ декабря на мѣстѣ надо быть. Встанетъ путь въ Томскѣ въ первыхъ числахъ ноября—прелесть дойдешь, а какъ нѣту пути

числа до 20-го, какъ тогда? Къ тому же попозже въ декабрѣ исторія съ переправой можетъ выйти подъ —скомъ. Самолетъ снимутъ. На лодкѣ маята, мука мученская; и подмочки не оберешься. Ну, и другіе разные примѣры. Такъ вотъ одна эта дистанція иной разъ больше заботитъ, чѣмъ весь остальной путь; даромъ что дистанція интересная, села богатыя и народу хорошаго много.

На всемъ пути отъ Перми до Иркутска орудуютъ одни возчики; а дальше ужъ другіе, народъ вообще подешевле, большею частью буряты. Отправки тутъ у насъ были вообще на пустое разстояніе, цѣна тверже и потому интересъ небольшой. И по сорту людей обращеніе съ ними было другое. Одного только кяхтинскаго возчика, русскаго мы за такого же человѣка считали, какъ томскихъ и тюменскихъ ребятъ.

Доѣзжало до насъ этихъ крупныхъ возчиковъ человѣкъ десять, вообще за все время одни и тѣже. То слышишь, что дѣлишки одного плохи; то опять, смотришь, поправился. Про одного говорили, будто бы онъ фальшивыми ассигнаціями капиталъ составилъ. Конечно, убытки возчиковъ большею частью на крестьянахъ вымѣщаются; а то бы и удивляться надо, какъ они держатся. Потому что убытки бываютъ большіе, и отъ дурного пути и просрочекъ, и отъ дорогихъ кормовъ, и отъ подмочекъ и поврежденій, и отъ потери мѣстъ, и отъ ошибокъ въ мѣстахъ (дешевое вмѣсто дорогимъ скажется). Проѣзжающихъ на почтовыхъ не трогаютъ; а мѣста съ возовъ срѣзываютъ частенько. Попадется воръ—бьютъ смертнымъ боемъ: колья при обозѣ всегда имѣются; но потери мѣстъ все-таки не въ рѣдкость. Насчетъ просрочки поступаютъ вообще по божески. Ежели нѣтъ убытка, или видимо, что человѣкъ не могъ поспѣть, прощаютъ. Конечно не сразу: заставятъ походить, да почувствовать. Опять же въ этихъ дѣлахъ обоимъ и прошлое помнить слѣдуетъ, да и о будущемъ не забывать. Воспользовался ты своимъ случаемъ не въ мѣру, содралъ—ну, и тебя прижмутъ, какъ другой случай подойдетъ.

Возчики съ томской стороны были всѣ русскіе—одинъ только татаринъ, старикъ, ширины непомѣрной. Тѣмъ еще онъ примѣчателенъ былъ, что вѣки надъ глазами у него плохо держались, такъ что онъ ихъ пальцами приподнималъ, чтобы посмотрѣть. Отличный, честный былъ старикъ, котораго плоховатые сыновья раззорили. Этого почтеннаго человѣка, патріарха вполнѣ, исправникъ высѣкъ въ придорожномъ селѣ, за то, что обозъ не довольно проворно своротилъ передъ его тройкой. Онъ былъ давній

нашъ знакомый; и хозяинъ всегда дружески съ нимъ обходился. Прочіе возчики были среднихъ лѣтъ, частью даже вовсе молодые. Вообще народъ видный, сытый, кто въ полушубкѣ добротномъ; а больше въ такъ называемой татаркѣ. Татарка—длинный кафтанъ на лисьемъ мѣху съ широкой юпкой безъ складокъ и бобровой оторочкой. При хорошемъ покроѣ, да кто ловко носитъ, штука изъ самыхъ красивыхъ. Наши обозные приказчики, для работы всегда такъ одѣваются, и кушакъ черный китайскій креповый—цѣна, лучшій сортъ, пять рублей — безъ износу. Лошадей своихъ было у возчиковъ штукъ по сту и больше. Кромѣ того, они брали товары для отправки на крестьянскихъ лошадяхъ, по малымъ дистанціямъ, или, какъ у насъ говорится, на безконныхъ. Какъ обозъ подходитъ, они его обгоняютъ и являются. Пока идетъ пріемка товаровъ, да разсчетъ, да ряда объ отправкѣ въ обратный путь, они ходятъ каждый день утромъ и вечеромъ, даже безъ особаго дѣла, и сидятъ иногда по долгу. Отношенія со всѣми хорошія; но, разумѣется, съ кѣмъ больше дружбы, съ кѣмъ меньше. Изрѣдка, попозже вечеркомъ, стуколка устроится, а не то мы, въ-троемъ, въ-четверомъ, соберемся къ которому-нибудь изъ нихъ. Угощеніе тоже что и у насъ: чай, водка, икра, сыръ; въ выпивку дѣло никогда не переходило; да оно должно быть и не бываетъ при игрѣ. Мы любили съ ними играть; потому что между собой частенько доигривались до того, что послѣдній рубль у друга изъ кармана вытащишь. А тутъ, ежели выиграешь, такъ дѣло чистое. Только мы чаще проигрывали. Во-первыхъ, мошна у нихъ толще; а во-вторыхъ, ежели правду сказать, они лучше насъ играли, даже честнѣе. Можетъ быть, они съ нами церемонились; потому что мы все-таки считались какъ бы народъ сортомъ выше».

Одного я терпѣть не могъ: пермскій человѣкъ, лысый съ огромной бородищей, лохматой, грубаго волоса; въ полушубкѣ. Не любилъ я его за разговоръ. Какъ начнетъ говорить, рѣчь скорая и непріятная, рубленая, и ровный, ровный голосъ.—И конца этой рѣчи нѣтъ. Бывало, какъ его къ хозяину позовутъ, а я у двери со справочными бумагами стою, такъ просто коробитъ. Звали его Крупенниковымъ; мужчина онъ лѣтъ подъ пятдесятъ, высокій, статный, носъ орлиный, волосы и бороду чуть сѣдина тронула. Войдетъ, шапку не вдругъ скинетъ, а нашему брату, съ кѣмъ по дѣлу незнакомъ, руки не подастъ. Держалъ онъ большое крестьянское хозяйство подъ Томскомъ и самъ рѣдко показывался, а больше посылалъ сыновей. Прекрасные парни—ростъ и статность въ отца, а лица попроще, и волосы

русые, въ мать должно быть. И еще были мы пріятели съ Константиномъ Алексѣичемъ Рамкинымъ. Тоже совсѣмъ молодой парень, тюменскій человѣкъ и изо всѣхъ плутъ. Онъ и передъ хозяиномъ меньше конфузился, не поддавался. Говорятъ ему:— Ну, ну, братъ, нечего; иди къ Шарапову. Онъ тебѣ задастъ!

— Что-жь? я и Шарапову тоже скажу. Ничего онъ со мной не сдѣлаетъ. Тряхнетъ головой и пойдетъ. Разъ при мнѣ хозяинъ поговорилъ съ нимъ въ столовой, а потомъ рукой его по полушубку за талью взялъ, другую руку на рукавъ положилъ, да такъ и повелъ въ кабинетъ. Ведетъ и улыбается:—Ахъ Константинъ Алексѣичъ, Константинъ Алексѣичъ! Въ кабинетѣ посадилъ его на диванъ:—Присядь-ка, да очувствуйся.

Вообще предварительные переговоры съ возчиками бывали у насъ поручены одному; но хозяинъ заранѣе приказывалъ, какъ вести дѣло и окончательную цѣну рѣшалъ самъ; причемъ подробно выспрашивалъ обо всѣхъ обстоятельствахъ пути.

Съ крестьянами, которые шли въ обозѣ у нашихъ пріятелей, мы мало имѣли отношеній. Когда пріемка товаровъ бывала во дворѣ, ввалится гурьба въ прихожую погрѣться; посмотримъ мы на ихъ помороженные носы и щеки, и только. Впрочемъ, когда приходилось, мы ихъ учили, какъ поступать въ разныхъ непріятныхъ случаяхъ, и помогали разобраться съ хозяевами; вообще, держали ихъ руку, потому что притѣсненіе всегда было слишкомъ явно.

Проѣзжающіе вслѣдъ за товарами обозные приказчики имѣютъ общій надзоръ за доставкой; а впослѣдствіи производятъ пріемку. Когда ломятъ несообразныя цѣны, или когда возчиковъ меньше, чѣмъ требуется, товары отправляются особыми партіями на перемѣнныхъ лошадяхъ, которыя нанимаются на небольшія дистанціи. Это называется отправка на безконныхъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что это дѣло слишкомъ рискованное; такъ какъ привезенные въ деревню товары должны же быть отправлены дальше во что бы то ни стало. Сколько бы крестьяне ни запросили, а приказчикъ, волей-неволей, долженъ уступить. Но на практикѣ и при давнихъ знакомствахъ, доставка этимъ путемъ всегда обходится дешевле. Да и приказчикъ не въ обидѣ. Иногда и порядочную деньгу зашибетъ.

Обозные приказчики вообще считаются сортомъ ниже торгующихъ и конторскихъ. Они могутъ быть довольно малограматными, и дѣло отъ этого идетъ не хуже. Вообще, ежели они долго держатся на этой линіи, такъ имъ трудно за другое взяться: тупѣютъ къ прочему. А держать нужно, чтобы зналъ въ точно-

сти и дорогу, и обстоятельства въ каждомъ селѣ, и народъ вообще трактовый, проживающій и проѣзжающій. Отличные изъ нихъ есть ребята, ко всякой компаніи подойдутъ. Да и состоятельные. Къ сорока, сорока пяти годамъ у многихъ нѣсколько тысченокъ—и десятокъ и два—въ оборотѣ имѣется. Обзаводятся домишкомъ и на свое какое-нибудь немудрое дѣло переходятъ. Жалованье имъ полагается ничтожное, и безъ прибавки, какъ въ первый, такъ и въ послѣдній годъ—200—250 рублей. Но живутъ они дѣйствительно на хозяйскомъ содержаніи (контрактъ: кромѣ одежды, бѣлья и обуви), и затѣмъ пользуются. Бываетъ, конечно, пользованіе не совсѣмъ хорошее, а бываетъ и вполнѣ законное, необходимое. При двухъ-сотъ рублевомъ жалованіи, прикасчикъ отвѣчаетъ, по контракту собственностью своей, рубль за рубль, за весь транспортъ теваровъ, который можетъ стоить сотни тысячъ. Разумѣется, въ случаѣ какого-нибудь большого несчастія, отвѣтитъ хозяинъ, но ежели, вмѣсто короба бурнусовъ дамскихъ, который стоитъ 800 р., окажется, при стертомъ номерѣ или маркѣ, коробъ галантерейнаго товара стоимостью въ 30 рублей—770 р. заплатитъ приказчикъ. Ежели въ доставочныхъ товарахъ подмочка или поврежденіе окажется, или просрочка случится—и это отнесется на счетъ приказчика. Такъ какъ же тутъ не имѣть запаса? Такіе сотенные убытки обыкновенно и не доводятся до хозяина, а порѣшаются домашнимъ образомъ, съ кѣмъ слѣдуетъ, во избѣжаніе разговора. Съ возчиками у обозныхъ большею частью счета имѣются; иногда и порядочные. Обыкновенно они возникаютъ для взаимнаго прикрытія грѣховъ. Въ тоже время прикасчикъ всегда имѣетъ возможность перехватить хозяйскихъ денегъ для маленькихъ своихъ оборотовъ съ кое-какимъ товаромъ, изъ котораго малую толику пудиковъ онъ непремѣнно провезетъ даромъ. Съ сахаромъ, напримѣръ, такія операціи бываютъ, или съ тюменскимъ товаромъ: свѣчи, мыло, бродни, рукавицы, варежки, ковры, пеньковыя издѣлія. Изъ Томска везутъ рыбу, масло, птицу. За это, ежели умѣючи, да въ порядкѣ сдѣлано, не взыскивается. А ежели приказчикъ служитъ хорошо, и хозяинъ къ нему расположенъ, такъ и порядочную партію разрѣшено будетъ купить. Илья Егорычъ любилъ, чтобы приказчики наживались; но только чтобы въ порядкѣ и умѣючи.

Жизнь обознаго прикащика, какъ и жизнь прочихъ, бываетъ разная, смотря по времени. Когда живутъ по городамъ въ ожиданіи товаровъ, или когда отправка кончилась и они вслѣдъ за товарами ѣдутъ, конечно, жизнь роскошная. Начальства ника-

кого; всегда въ подходящей компаніи, да при хорошихъ деньгахъ; ѣда вкусная и сытная; водку пей безъ стѣсненія; какая въ своемъ кругу поинтереснѣе считается дѣвушка, всегда залучить можно. По тракту, у дворниковъ, тоже пріемъ и почетъ, и дѣвушки знакомыя. А не то, и супруга чья-нибудь привѣтливая. Ну, а въ страду круто приходится, и страднаго времени въ году много. Извольте-ка, напримѣръ, въ Томскѣ, отправлять декабрскіе товары. Пристань подъ Черемошникомъ, въ пяти верстахъ. Тамъ и товары складываются съ пароходовъ и баржъ въ ожиданіи пути. Вставай до свѣту, глотку стаканомъ чая въ попыхахъ обвари, гони. Морозъ настоящій, и въ ноябрѣ, пока человѣкъ не обтерпѣлся, хуже пронимаетъ. И на этомъ морозѣ, на вѣтру съ рѣки, до сумерекъ позднихъ клади товары, ругайся, распинайся, прописывай въ накладной каждый возъ по фамиліи мужика, марку, номеръ, вѣсъ, какое мѣсто, кипа, тюкъ, коробъ или ящикъ. Ворочай мѣста, справляйся по фактурамъ, которыя у тебя вѣтеръ передъ глазами разметываетъ. Не ошибись, потому что отъ ошибки годовой заработокъ ухнетъ. Объ ѣдѣ забудь думать. Развѣ стаканъ водки хватишь, да калача разъ укусишь и то сейчасъ бросишь, чтобы другимъ про ѣду не поминать. Къ вечеру глаза кровью налились; лицо багровое; глотку накричалъ до сипоты. Ночь застигла, гони домой. Ну, дома поѣшь; взыграетъ душа маленько; всхрапнешь полчасика или часъ; садись пиши. Переписывай карандашную накладную въ двухъ экземплярахъ, провѣряй, составляй фактуры, пиши церемонное письмо хозяину, расчитывайся и рядись съ возчиками. Къ полуночи развѣ управишься, да поужинаешь. А на завтра опять тоже. И такъ, изо дня въ день три недѣли, мѣсяцъ. Или переправляй воза черезъ Ангару въ лодкѣ (съ настилкой лодка, большая). Паръ надъ рѣкой непроглядный; рѣшительно ничего въ двухъ шагахъ не видать; быстрина неимовѣрная. Морозъ 20—25°. Незвѣстно, сколько на водѣ пробудешь. Пихаются подъ берегомъ, будто на мѣстѣ стоятъ, а подняться высоко нужно. И все-таки неизвѣстно куда снесетъ; такъ что подъ тѣмъ берегомъ опять пихаться нужно до такого мѣста, гдѣ съѣхать можно. Или, когда рѣка начнетъ становится и въ разливъ пойдетъ, дорогу затопитъ и льдины по лугу носятся, выѣзжай навстрѣчу возамъ, да любуйся, какъ они въ ямы попадаютъ. Объ зимней возкѣ съ ярмарочными товарами, да объ Мамаевомъ побоищѣ въ таможнѣ я ужь говорилъ. Въ лѣтнюю пору, въ Нижнемъ, на солнопекѣ, тоже не сладко бываетъ. Опять же болѣзнь всякая, и тѣмъ болѣе нѣкоторая. Ежели

правду сказать, такъ вѣдь не въ рѣдкость она, особенно съ молоду.

Возможность барыша въ доставочномъ дѣлѣ происходитъ отъ обвѣса крестьянъ и отъ производства товаровъ въ провозъ, т. е. отъ разсчета товаромъ вмѣсто денегъ. Положимъ я взялъ товары изъ Москвы по пяти рублей. А ежели подсчитать, что̀ я по дистанціямъ переплатилъ, такъ можетъ быть больше выйдетъ. И все-таки я въ барышѣ. Дѣло въ томъ, что самый оптовой, настоящій товаръ никогда не перевѣшивается при накладкѣ на воза, а сдается по разъ навсегда принятому вѣсу—и этотъ вѣсъ меньше настоящаго. Чаи, и въ особенности кипы сукна и короба плису, значительно тяжелѣе, чѣмъ какъ принято ихъ считать. Да и на всѣхъ прочихъ товарахъ ужь конечно привѣсъ не въ пользу мелкоты окажется. Я-то получу пятирублевый разсчетъ по настоящему фактурному вѣсу; а самъ по дистанціямъ разсчитаюсь, хотя и дороже маленько, но за гораздо меньшее количество пудовъ. На кипахъ сукна и коробахъ плису до двухъ пудовъ привѣса бываетъ и болѣе, а этотъ товаръ идетъ тысячами мѣстъ. На чаяхъ, ежели положить десять фунтовъ на ящикъ — а это, пожалуй, мало — такъ при десяткахъ тысячъ мѣстъ, это много денегъ составитъ. Разумѣется, для мелкихъ возчиковъ-крестьянъ было бы лучше, еслибы имъ по точному вѣсу платили. Да *нельзя* этого сдѣлать. Потому что, ежели каждое мѣсто на всѣхъ дистанціяхъ не то что перевѣшивать (и вѣсовъ нѣтъ, да вообще и помыслить о подобномъ нельзя), а только по фактурамъ вѣсъ проставлять, такъ все дѣло станетъ. Никто никуда ко времени не попадетъ.

Тоже и насчетъ разсчета товаромъ. Покупается для такого разсчета извѣстное количество товаровъ, которые крестьянамъ требуются. Разцѣняютъ ихъ, и затѣмъ прикащикъ обязанъ стараться какъ можно больше этихъ товаровъ продать крестьянамъ по назначенной цѣнѣ, съ наложеніемъ провоза до того мѣста, гдѣ продастъ. Цѣна, конечно, назначена для хозяина безобидная. Кромѣ того, эти товары куплены въ кредитъ, на годъ, на два, даже на три, а идутъ за наличныя деньги. Это барышъ хозяина. Затѣмъ, обозный прикащикъ, конечно, еще надбавляетъ цѣну, и надбавку прямо кладетъ въ карманъ. Кромѣ того, онъ при случаѣ можетъ продать за хорошую цѣну мѣстечко, другое товара и неназначеннаго въ провозъ; и это мѣсто покажетъ потеряннымъ. Съ него вычтутъ по настоящей, правильной торговой цѣнѣ; а онъ нѣсколькими мѣсяцами раньше денежки получилъ по цѣнѣ гораздо повыгоднѣе. Такимъ же порядкомъ можно къ своей выгодѣ воспользоваться и поврежде-

ніемъ мѣста. Чѣмъ везти его, да за поврежденіе приплачиваться, лучше спустить такимъ людямъ, для которыхъ это поврежденіе ничего не значитъ, и которые хорошую цѣну дадутъ. Разумѣется, осторожность, да снаровка нужна, а то на худое замѣчаніе попадешь, довѣрія лишишься. Но всѣ эти штуки продѣлываются и отъ нихъ хорошій барышъ бываетъ.

А какъ насчетъ совѣсти? Разумѣется, барыши эти идутъ изъ крестьянскаго кармана; но сдиранія шкуры при этомъ не происходитъ. Крестьянинъ оттого и беретъ товаръ охотно, что онъ ему дешевле обходится, чѣмъ въ сельской лавочкѣ или въ трактовомъ городѣ. Принужденія нѣтъ. Безъ барыша, который покрывалъ бы рискъ множества случайностей, никто не сталъ бы доставкой заниматься. А край ею живетъ. Грѣшатъ обозные—что говорить. Но крестьяне отъ этихъ грѣховъ не раззоряются, а около полезнаго дѣла богатѣютъ. Богаты трактовыя села; хорошо живутъ мужики. Всѣ потребности извознаго промысла таковы, что онѣ хозяйству въ пользу. Сѣно, овесъ надо, хлѣбъ надо, пеньку, полушубокъ, армячину, кожи для отличнаго бродня сибирскаго, да для рукавицъ, да для снасти конской. Лошади нужны, по возможности сильныя, выносливыя; скотъ требуется, а отъ скота идетъ масло, сало, свѣчи, мыло. Помѣщеніе не худо имѣть просторное; запасы разные, чтобы случая не упустить. Мужикъ въ извозѣ ходитъ, отъ дома не отбивается, даже если въ работники нанялся, а всего насмотрится съ разнымъ народомъ потолкуетъ, поумнѣетъ. Какія есть въ извозѣ главныя обиды, все-таки онѣ не отъ доставщиковъ и не отъ ихъ приказщиковъ, а отъ своего брата мужика, отъ дворниковъ, которые дерутъ за овесъ безъ всякой совѣсти и обмѣриваютъ такъ, что 25 ф. за пудъ идетъ. И опять же вздорожаніе кормовъ крѣпче бьетъ крупнаго возчика, который при рядѣ не знаетъ, какія будутъ цѣны. А мѣстный крестьянинъ, который обращается на небольшой дистанціи, знаетъ это, да примѣняясь къ цѣнамъ и рядится. И своего овсеца прихватываетъ, и у пріятеля безобидно пользуется. Конечно, и со стороны доставщика бываетъ прижимка, и вымогательство, и прямой обманъ. И у насъ выдавались въ провозъ мѣста чаю поплоше, такъ называемыя, исправленныя, а цѣну хозяинъ своей рукой проставлялъ выше, чѣмъ бы можно было купить тутъ же въ городѣ, въ любой лавкѣ, хорошій чай. Разъ даже такой случай былъ. Валялся, валялся въ амбарѣ сборный кирпичный чай изъ разбитыхъ мѣстъ, углы отбиты, и половинки кирпичей; тутъ же и деревянное масло стояло, и керосинъ, и попало всего этого на кирпичи. Вспомнилъ Илья Егорычъ объ этомъ чаѣ, приказалъ выдать въ про-

возъ. Принесли въ контору, видимъ, нѣтъ никакой возможности. Пятна масляныя такъ и расплылись. Ну, совѣстливый довѣренный взялъ одинъ кирпичикъ, пошелъ объяснять. Возвращается, пыхтитъ отъ злости: велитъ отправлять! Ну, и скрутилъ эту мерзость другъ мой Захаръ Захарычъ могучими своими руками въ подобіе двухъ мѣстъ, и повезъ на безконныхъ производить ихъ мужичкамъ. Однакожъ, подобныхъ мѣстъ я въ пять лѣтъ только два и видѣлъ.

Жизнь прикащичья.

Неохотно возвращаются обозные прикащики въ контору; неохотно въ обратный путь пускаются и тѣ, которые выѣзжають торговать на ярмарки. Пріятно жить на своей волѣ, не знать надъ собой начальства. Однакожъ, какъ съѣдутся, въ конторѣ жизнь начинается бойкая. Не мало, конечно, такихъ дней, когда всѣ съ ногъ сбиваются; слова сказать некогда, а не то что о пустякахъ думать. Но ежели къ вечеру съ дѣломъ управятся, такъ ужь что-нибудь непремѣнно устроится. Какъ время къ ужину подходитъ, смотришь, закусочка и водочка появилась. Закуска всегда хозяйская, хоть не положенная, но хорошо хозяину извѣстная: омулекъ, селедка, семга. Насчетъ водки такъ бывало: въ амбарѣ стоялъ двадцативедерный боченокъ съ краномъ; изъ него нацѣдить графинъ довольно солидный полагалось, а иногда и сверхъ пропорціи экономъ другой графинчикъ подъ полой пронесетъ. Когда боченокъ въ ущербѣ, экономъ скупъ становится; потому что ежели не было какихъ-нибудь экстренныхъ народныхъ угощеній, такъ раньше срока купить новыя двадцать ведеръ нельзя. Намъ экономскаго графина, разумѣется, не хватало; да мы насчетъ водки и разборчивы были. Иногда и за хорошимъ виномъ вздумаемъ послать, и ужь тогда на этомъ винѣ выпивка и идетъ. Какъ маленько вступитъ, поразвяжутся языки, пойдутъ разсказы про разные случаи въ дѣлахъ, съ хозяиномъ какія исторіи или столкновенія бывали, шутки другъ надъ другомъ и т. п. Все въ томъ же духѣ, какъ бы и въ трезвомъ видѣ, только голоса громче, да хохоту больше. Но замѣчательно, какъ конторская обстановка дѣйствуетъ! Въ конторѣ гораздо рѣже разговоръ на скоромное сбивался, чѣмъ при кутежахъ по другимъ мѣстамъ. Иногда, въ непроходной комнатѣ, часовъ съ восьми, съ десяти, зеленый столъ раскидывался, стуколка устроивалась, потомъ штосъ, и ужь всегда до-

послѣднихъ пѣтуховъ. И кутежъ, и игра всегда шли между своими, только возчики иногда въ игру приглашались. Съ посторонними мы вообще мало водили компанію, а въ конторѣ почти никогда. Да и не тотъ разговоръ у насъ въ конторѣ былъ принятъ, чтобы можно было постороннихъ допускать. Въ трактиры мы не заглядывали.

Но въ седьмомъ часу, какъ знаешь, вставай и будь при дѣлѣ. Иные, какъ къ хозяину являться, синія очки надѣвали, хотя онъ очень хорошо понималъ отчего такая слабость глазъ напала. Если на извощикѣ катишь, сходи на углу и добѣгай пѣшкомъ. Хозяинъ вообще терпѣть не могъ ѣзды на извощикѣ; и у насъ никто къ воротамъ не подъѣзжалъ.

Амурныя дѣла у насъ въ аккуратности содержались. Тогда только стоющій молодой человѣкъ объ женитьбѣ задумаетъ, ежели за невѣстой есть деньги, или обстановка: родство полезное, и вообще средства, чтобы зажить получше. Ежели особа и не очень изъ себя пріятная, разницы большой не составитъ. И ежели подобная невѣста согласна идти за молодого человѣка, и родственники не препятствуютъ, значитъ женихъ дѣйствительно стоющій. Стало быть, ежели случится ему вскорѣ овдовѣть, онъ вполнѣ можетъ эту самую штуку и въ другой разъ продѣлать. И терять ему время, да слезы проливать нѣтъ резону. Вдовый женскій полъ, изъ купечества денежнаго, до преклонныхъ лѣтъ къ молодымъ и среднихъ лѣтъ прикащикамъ склоненъ бываетъ. А тѣ, съ своей стороны, къ нему. И бракосочетаніе, иногда довольно удивительное, изъ этого произойти можетъ. Одну вдову-опекуншу, семейство громадное; чуть ли не пятнадцать человѣкъ дѣтей, всѣ именитые люди въ городѣ старались удержать отъ замужества съ не очень казистымъ прикащикомъ. Одинъ примѣръ знаю, что совсѣмъ молодой человѣкъ, безъ гроша, «не стоющій», благополучія своего достигъ. Лѣтъ двадцать ему было, видный, лицо пріятное, румяное, только оспой порядочно тронуто. Объ себѣ думалъ много; шапку по дурацки надѣнетъ на затылокъ, и волосы изъ подъ козырька на лобъ свѣсились. Идетъ грузно, переваливается. Все изъ себя сироту казанскую строилъ, но въ самомъ же дѣлѣ былъ довольно наглый. Одна особа средняго поведенія разсказывала мнѣ, какъ онъ къ ней приставалъ.—Ахъ, говоритъ, Елена Аркадіевна, самый я несчастный человѣкъ! Все у меня большое, руки большія, ноги большія, а счастія мнѣ нѣтъ—такъ, безъ пользы. Знаете, говоритъ, объ чемъ я мечтаю? Еслибы мнѣ пришлось куда ѣхать, или бы вы вдругъ уѣхали; я бы къ вамъ пришелъ

проститься, сталъ бы васъ цѣловать... — Я ему говорю: что вы, что вы? А онъ говоритъ: — ей-Богу! И такіе у него глаза... Глаза у него были дѣйствительно что ни на есть наглые. И вотъ такими, или ужъ не знаю какими, штуками онъ подстроился къ одной барынѣ, и какъ есть мальчишкой, безъ гроша, и когда его самого-то никто въ грошъ не цѣнилъ, въ купцы вышелъ.

Мы жили согласно. Ссоръ мало бывало; ежели, конечно, не считать нашего брата помоложе, потому что между молодыми парнями безъ этого нельзя. Но зубоскальствовать насчетъ другъ друга любили; надъ кѣмъ больше, надъ кѣмъ меньше, кто какъ переноситъ. Но вообще дружески. Надъ троими только смѣялись безъ дружбы, не любя, и прямо скажу, по дѣломъ смѣялись, Ну, и еще одна порядочная гадина была. А чтобы другъ подъ друга подкапываться, или другихъ вклепывать, когда самъ попался; или не помочь, въ чемъ можешь—этого совсѣмъ не водилось. Помню я на этотъ счетъ заключеніе одного поляка, изъ сосланныхъ, которыхъ въ—скѣ проживало много. Былъ онъ старикъ, музыкантъ. Вмѣсто одного пальца на правой рукѣ, онъ себѣ придѣлалъ какой-то гнутый наперстокъ и работалъ имъ преисправно. Къ намъ онъ приходилъ сбирать новый органъ и поэтому случаю обѣдалъ съ нами. Вотъ во время обѣда онъ разъ и сказалъ:—«Меня то удивляетъ, какъ вы не ссоритесь. Еслибы насъ столько человѣкъ вмѣстѣ жило, непремѣнно бы перессорились». Былъ онъ добрый, честный старикъ, вѣжливый. Держался очень бодро и весело. Всегда какую-нибудь шутку придумаетъ, съостритъ, но такъ незлобливо, что просто жалко станетъ. Кстати ужъ еще про одного поляка вспомню, съ которымъ познакомился не въ конторѣ, а въ винномъ погребѣ, когда сталъ покучивать. Молодой, красавецъ, кровь съ молокомъ, шея какъ у быка; голова аккуратная, и темные волосы короткіе всѣ въ завиткахъ. Бороду брилъ, усы маленькіе; глаза каріе, ясные, веселые. Ужъ за что такого человѣка могли сослать, я и представить себѣ не могу. Пилъ онъ лучше всѣхъ насъ, и еще фокусы представлялъ. Пьетъ залпомъ, не торопясь, стаканъ рому, и представляетъ, будто онъ содовые порошки принимаетъ, и они у него въ глоткѣ шипятъ. Или возьметъ стулъ, и дѣлаетъ видъ, будто онъ ему ножки подпиливаетъ; и будто дерево въ концѣ маленько затрещитъ, надломится и отрѣзокъ упалъ, покатился. Жидовъ представлялъ, игроковъ на билліардѣ; карамболи умственные дѣлалъ и т. п. Не то что поссориться, а слова досаднаго ни одному человѣку во время попоекъ не сказалъ. И какой же конецъ? Пистолетъ.

О смерти упомянулъ, за одно ужъ скажу, что видно не легка доля прикащика, ежели изъ насъ такъ много умираетъ. Значитъ, такъ или иначе, надрывается человѣкъ, ежели онъ гибнетъ. И въ какомъ возрастѣ? Въ такомъ, когда всего меньше умирать полагается. Значитъ нездоровая жизнь, тагостная, ежели не могутъ люди ее выносить. Вотъ я сосчитаю, сколько могу припомнить, нашихъ прикащиковъ (кромѣ дальнихъ и закрытыхъ предпріятій)... ну, положимъ, 47 человѣкъ. Изъ нихъ въ пять лѣтъ сколько же умерло? 12. Развѣ это не ужасно!? Бываетъ, что и отъ запоя, да вѣдь и запой при здоровой жизни минуетъ людей. А изъ рабочихъ при нашемъ дѣлѣ четверо умерло — всѣ отъ простуды, отъ горячки, да отъ воспаленія въ легкихъ. И поваръ еще померъ съ перепоя. Какъ стану вспоминать, съ кѣмъ да съ кѣмъ въ одной комнатѣ сидѣлъ, и ни одного изъ нихъ теперь въ живыхъ нѣтъ, такъ просто странно. Старикомъ быть прикащику нельзя — не выдюжитъ. Онъ долженъ померетъ, либо на свое дѣло перейти.

Ежели прикащикъ способенъ, онъ рано на хорошую линію попадетъ. А кто съ молоду изъ грубости не выбьется, такъ потомъ рѣдко-рѣдко до чего-нибудь значительнаго дойдетъ. На это много причинъ. Все не все, а очень многое, что для нашего дѣла требуется, молодой способный парень можетъ очень рано понять. Пишутъ подростки отлично, считаютъ на счетахъ тоже. Все примѣчаютъ и помнятъ. А пороку въ нихъ меньше: не пьютъ, не играютъ. При поѣздкахъ, хозяину или большому прикащику пріятнѣе имѣть съ собой молодого пареньки. Отъ него, по обычаю, и услуги принимать удобнѣе, и объ немъ когда по человѣчеству и позаботишься. Жалованья не полагается или самое пустяшное. Ежели что дашь или одѣнешь, обуешь его для представительности, выходитъ, что все подарилъ. А ежели за поѣздку хозяинъ къ нему привыкъ, съумѣлъ парень своимъ случаемъ воспользоваться, примѣнился, хозяинъ его и послѣ въ гору тянетъ, и вѣритъ ему, и случаи даетъ. Но кто въ третьихъ подручныхъ, на черной работѣ нѣсколько лѣтъ просуществовалъ, трудно ему не огрубѣть, не отупѣть, да не заразиться многимъ нехорошимъ. Особенную способность нужно, чтобы лѣтъ послѣ двадцати-пяти изъ темной колеи выбиться. У насъ въ эти годы человѣкъ ужъ весь показалъ себя, въ сѣмена пошелъ. Ежели съ мальчишескаго возраста до этихъ лѣтъ ничего хорошаго не объявилось, такъ и не объявится.

Кромѣ того, что у насъ была хорошая выучка, самое дѣло наше такое было, чтобы могли изъ насъ путные торговые люди выходить. Во-первыхъ, дѣло большое, бойкое, ко всему приспо-

собленное отъ Москвы до Забайкальской и Якутской стороны. Что въ краѣ есть, все захватывали. Во-вторыхъ, торговали мы товаромъ настоящимъ, полезнымъ; глупаго товара у насъ не было. Оптовую торговлю мануфактурными и въ особенности бумажными товарами мы вели большую; но галантерейнаго ничего не держали. На галантерейной розничной торговлѣ ничему путному не научишься. Столько, что ни на есть послѣднихъ, глупостей нужно понять, столько дурацкихъ словъ затвердить. Только про это и разговору, а примѣнить послѣ ни къ чему житейскому нельзя. Гораздо лучше молодому человѣку пріучаться къ розничной торговлѣ, да къ обращенію съ публикой, въ бакалейномъ магазинѣ или въ винномъ погребѣ, какъ у насъ было. Тутъ товаръ почти сплошь настоящій, всегда требующійся, да и къ оптовому дѣлу прикасается. Тутъ и руками нужно умѣть работать и въ затрапезномъ видѣ орудовать. Конечно, молодымъ прикащикамъ только розничная торговля и подъ силу. Оптовая торговля дѣло трудное, до котораго только помаленьку дойти можно, и то ежели способенъ. Тутъ молодежь только по писарской части отличаться можетъ, или ежели парень пріятнымъ видомъ, да вѣжливостью располагаетъ человѣка, товарное мѣсто ловко откупорить, умѣючи стулъ подастъ, при угощеніи живо да чисто стаканы перетретъ, привѣтливо на столъ поставитъ.

Въ оптовой торговлѣ дѣло начинается съ выписки товаровъ. Понять нужно что требуется, сколько, гдѣ и когда купить, какъ провезти. Всѣ такъ называемые манеры ситцевъ да платковъ, да гарусныхъ матерій и прочаго въ разныхъ мѣстностяхъ разныя требуются. И сортъ не одинъ идетъ, гдѣ подобротнѣе любятъ, гдѣ подешевле. Ежели новинка появилась, угадать нужно, будетъ ей ходъ или нѣтъ. Ежели товаръ бойко пошелъ, догадаться нужно, отчего вдругъ спросъ? случай ли особенный вышелъ или можно и на будущее время надѣяться? Тоже и конкуррентовъ имѣть въ виду нужно, и принимать во вниманіе, кто изъ нихъ какъ дѣйствуетъ и что замышляетъ. Видимое дѣло, что все это штука не простая. А это еще полъ-дѣла. Другая половина продать. Въ дальнихъ мѣстахъ торговля не то что въ столицѣ. Въ столицѣ можно сейчасъ по прочимъ сообразиться, да всякую ошибку поправить. А ежели за тридевять земель товары завезъ, да ошибся, не скоро поправишь, а поплатишься дорого. Дешево цѣны назначишь, разбросаешь товары, ни при чемъ останешься. Пожалуй, молва пойдетъ, что нехорошее задумалъ, къ банкротству дѣло ведешь. А иногда необходимо сразу рѣшиться спустить цѣны: и умный человѣкъ такъ это

сдѣлаетъ, что уступка въ одолженіе съ его стороны зачтется, будто онъ услугу оказалъ. Не понялъ этого, подорожился, товары на рукахъ останутся, потомъ за безцѣнокъ бросишь. Еще самому хозяину легче рѣшаться, все-таки онъ самъ себѣ голова. Затѣмъ кредитъ. Безъ кредита нельзя. А кому вѣришь, на какую сумму?

Въ мое время Илья Егорычъ былъ, конечно, ужь не тотъ, что въ былые годы. Остороженъ сталъ, отъ всякаго риска сторонился; да и то въ умѣ держалъ, что при толстомъ карманѣ, да большихъ связяхъ убытку все равно не будетъ. При такой осторожности, да, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, упрямствѣ вновь бы не разбогатѣлъ. Но торговецъ онъ былъ превосходный: соображеніе, выдержка, разговоръ съ людьми — во всемъ этомъ мало кто съ нимъ могъ сравняться. И изъ прикащиковъ у насъ были отличные торговцы.

Для богатыхъ, солидныхъ фирмъ торговля въ Сибири облегчается тѣмъ, что товары покупаются въ дальніе сроки; дабы, напримѣръ, до трехъ лѣтъ, а продаются частью на наличныя деньги, частью въ сроки короткіе на шесть, восемь, двѣнадцать мѣсяцевъ. Расцѣнка подобныхъ товаровъ, дѣйствительно, дѣлается съ ничтожнымъ наложеніемъ. Можно даже, не розсоряясь, продавать въ убытокъ, то есть былъ бы убытокъ, еслибы покупка и продажа были на одинаковыхъ условіяхъ. Когда Илья Егорычъ самолично съѣздилъ въ Ярмарку, онъ такіе счетики привезъ, что цѣна тамъ поставлена общая, ярмарочная, такъ что можно показать счетъ и конкурренту на ярмаркѣ, и покупателю дома; прокладка была сдѣлана по цѣнѣ невидимой, съ уступкой, которую ему лично изъ уваженія сдѣлали.

На розничную торговлю старшему прикащику нѣтъ надобности тратиться. Тутъ онъ нуженъ только для надзора; да уваженіе иногда кому слѣдуетъ оказать; претензію или споръ разрѣшить. При большомъ дѣлѣ ему и некогда торчать въ магазинѣ. А молодежь тутъ какъ разъ у мѣста, чтобы привѣтливо обходиться съ хорошимъ покупателемъ и воевать съ надоѣдливымъ. Потому что покупатель бываетъ суетливъ, безтолковъ, а иногда и противенъ до невѣроятности. Особливо изъ женскаго пола. Совѣсти или приличія ни на волосъ. По магазину ходитъ, на все бросается, все переворочаетъ, торгуется, отступается, обидныя замѣчанія насчетъ товара дѣлаетъ. И всей-то покупки окажется на грошъ. Трудно это переносить, а разсердиться нельзя. Ну, молодой парень въ этомъ случаѣ тѣмъ хорошъ, что онъ себѣ изъ этого забаву устраиваетъ. Товаръ показываетъ да убираетъ съ любезностью, а самъ замышляетъ, какъ бы этакую

покупательницу наказать. Буквально война ведется. Ушла — у нихъ хохотъ. И къ слѣдующему разу разныя штуки заранѣе придумываютъ, что предложить, да что при этомъ сказать.

У насъ къ торговлѣ пріучались всѣ молодые парни, даже тѣ, которые въ конторѣ по счетной или письменной части отлично шли и были очень нужны. Бухгалтеру, разумѣется, это бывало обидно: пріучалъ-пріучалъ человѣка, а какъ сталъ онъ ему настоящимъ помощникомъ, глядь его и убрали. Возись съ другимъ. Онъ и жаловаться пробовалъ, но хозяинъ на это не поддавался. «Ежели, говоритъ, онъ парень хорошій, тѣмъ болѣе нужно. его къ дѣлу приставить. Хорошаго парня жалко навѣки при бумагѣ держать, пописухина изъ него дѣлать. Какая это дорога?»

Отношенія въ прикащичьемъ мірѣ такого рода, что, съ одной стороны, послушаніе должно быть безъ разсужденій, а въ другое время бываетъ и очень большая короткость. И пьютъ вмѣстѣ, и въ увеселительное заведеніе закатятся; и всякая при этомъ возня можетъ выйти. Но дисциплинѣ это все-таки не мѣшаетъ. И услуги, какія по порядку установлены, мы умѣемъ оказывать безъ униженія. Лакеевъ не полагается, а жить и дѣло дѣлать нужно. Каждый понимаетъ, что̀ ему въ какихъ случаяхъ дѣлать слѣдуетъ и прислуживаетъ безъ униженія, а какъ бы, напримѣръ, хозяинъ гостямъ. Самоваръ поставилъ и подалъ: за то къ тому же столу садись чай пить. А главное, на все это заведенъ крѣпкій порядокъ, которому каждый въ свое время подчиняется.

Между собою вообще больше на вы говорятъ. Отъ младшихъ къ старшимъ всегда. Послушаніе, о которомъ я упомянулъ, не то значитъ, что всякое приказаніе непремѣнно во всей точности исполняется. И лѣность, и безпечность, и интересъ свой, все это, конечно, бываетъ. Сказано: не укради! А человѣкъ пользуется. Какое же это послушаніе? Но приказаніе личное: ступай, сдѣлай, исполняется безъ разсужденій. Гдѣ бы ни стоялъ или сидѣлъ, въ тоже мгновеніе ступай. Положимъ, молодой парень пьетъ чай. Входитъ старшій прикащикъ (большею частью влетаетъ) и говоритъ: Бѣлкинъ! возьми ключи, принеси изъ амбара то-то, или ступай туда-то. Такъ ежели онъ свой стаканъ попробуетъ допить, хотя бы залпомъ, его могутъ обругать въ лучшемъ видѣ. Человѣку некогда стоять надъ нимъ, чтобы знать навѣрное, что приказаніе исполнено. И нечего ему смотрѣть, какъ парень чай пьетъ. Ежели время терпитъ, онъ скажетъ: чай-то допей! Поспѣешь. Но, разумѣется, главный смыслъ такой внезапности заключается въ томъ, что при гоньбѣ по дѣ-

ламъ нечего, да и нельзя объяснять разсыльному по важному или по пустому дѣлу онъ идетъ. Разъ навсегда, это не его забота. Иногда нарочно видъ дѣлается, что дѣло не стоющее вниманія, когда оно, напротивъ, очень интересное. Чтобы человѣка не застать дома или дать другому впередъ попасть, секунды достаточно. А изъ-за подобнаго большое дѣло можетъ лопнуть. И прикащикъ зрѣлыхъ лѣтъ исполняетъ подобнаго рода приказанія безпрекословно и сейчасъ же.

Вообще прикащикъ своей воли не имѣетъ. Ни семейныхъ обстоятельствъ, ни болѣзни, ни даже дѣлъ своихъ, хотя бы довольно порядочныхъ, ему имѣть не полагается. Живетъ, ничего не ожидая — и вдругъ приказаніе: поѣзжай! сегодня вечеромъ, черезъ два часа, черезъ часъ, за тысячи верстъ, на два, на три мѣсяца. Никогда никакихъ разсужденій. Иногда даже самое дѣло не позволяетъ предупредить объ отъѣздѣ. Поѣздка *должна быть* именно внезапная, или совершается по какому-нибудь внезапному случаю, по неожиданной телеграммѣ.

Илья Егорычъ самъ велъ дѣло до послѣднихъ мелочей и всѣмъ прикащикамъ отдавалъ приказанія лично, а не черезъ старшихъ. Тѣ сами распоряжались, какъ по дѣлу требовалось, и ихъ приказанія исполнялись такъ же безпрекословно, какъ и хозяйскія. Но Илья Егорычъ вообще не поручалъ имъ его приказанія передавать, а звалъ къ себѣ лично каждаго, кто ему требовался, до послѣдняго мальчика. Когда получалась возможность телеграфировать отсутствующимъ, Ильѣ Егорычу было непріятно, что станція отказываетъ въ пріемѣ депешъ съ ругательными словами. Успокоился тѣмъ, что, вмѣсто дурака, сталъ писать «безразсудный». «Зачѣмъ задержалъ товары, безразсудный?!» стало у насъ довольно заурядной рѣчью, которую Илья Егорычъ разъяснялъ уже не по телеграфному, по возвращеніи виновнаго.

Являться послѣ пріѣзда полагалось въ ту же минуту, въ чемъ пріѣхалъ, не причесываясь и не умываясь. Пріемъ былъ разный: съ одними лобызался трижды, весело, другимъ подавалъ руку, а въ иныхъ случаяхъ прямо приступалъ къ восклицаніямъ. Отпустивъ подручныхъ, уходилъ съ старшимъ въ кабинетъ и тамъ бесѣдовалъ долго. Отъѣздъ также происходилъ по церемоніалу. Длинныя наставленія, кому слѣдовало, онъ давалъ раньше. А когда все готово, позоветъ отъѣзжающихъ уже въ дорожномъ платьѣ, помолится съ ними передъ иконой съ минуточку, поцѣлуется, напутственное что-нибудь скажетъ и отпуститъ. Ежели хотѣлъ показать особенное расположеніе, выходилъ проводить къ повозкѣ. Когда усядутся, да застегнутъ повозку, скажетъ: «Ну, прощайте, Геннадій Иванычъ; съ Богомъ, счастливо. Тро-

гай!» И терпѣть не могъ, ежели ямщикъ въ это время закопается. Изъ-за этихъ проводовъ напутственная бутылочка иногда распивалась не въ конторѣ, а ужь по дорогѣ, въ винномъ погребѣ.

Но веселѣе проводовъ и встрѣчъ при отъѣздахъ и возвращеніяхъ старшихъ прикащиковъ изъ Москвы и нижегородской ярмарки у насъ была торговля вещами, т. е. ношенымъ платьемъ. Свои обновы мы всегда предъявляли на общій судъ. Рады бывали, ежели нравилось и цѣну признавали выгодной. Конфузились, огорчались, ежели поднимутъ на смѣхъ. Ну, а московскіе обновы тѣмъ болѣе интересны, да и выгодно было ихъ покупать: видъ совсѣмъ другой и служатъ долго. А здѣшнія въ двѣ недѣли протирались. Лѣтомъ мы ходимъ въ фуражкахъ, а зимой, какъ въ мѣховое нарядимся, насъ и отъ купца не отличишь. Поэтому зимній видъ намъ былъ любезнѣе; и первое, на что человѣкъ тратился для щегольства и солидности, это шубка хорьковая съ бобрами, да шапка соболья или бобровая. Мы и фотографіи съ себя въ шубѣ, да шапкѣ любили снимать. Въ цѣнахъ, при такомъ домашнемъ аукціонѣ, допускался большой капризъ. Уступка значительная дѣлалась и по дружбѣ, и въ видѣ одолженія. Своимъ постояннымъ подручнымъ или кто въ послѣднее время помогалъ, тому дешевле отдавали. И просто дарили.—Годится?—Какъ не годиться!—Ну, и тащи. Принимать такіе подарки вполнѣ прилично; а кто на нихъ щедръ, въ общемъ мнѣніе возвышается. А иногда и запрашиваніе жесточайшее бывало. Вообще, аукціонъ происходилъ вечеромъ, но вещи всѣ знакомыя, такъ что вникать нѣтъ надобности. Время къ ужину близится, закуска на столѣ, такъ что очень весело бывало. Иной разъ и лотерею въ моментъ разыграемъ. Лотереи и продажа вещей бывали у насъ, впрочемъ, и при другихъ обстоятельствахъ. Продулся человѣкъ—смотришь, и пошелъ съ подписнымъ листомъ.

Укладываться вообще полагается самому. Но ежели старшаго затормошатъ съ бумагами, да хозяйственными разговорами, то уложитъ ему чемоданъ и подручный. Остающееся имущество въ чемоданахъ или комодѣ считается на храненіи у эконома. Копотную зашивку чемодана и затягиваніе ремнями всегда исполняетъ подручный или кто-нибудь изъ молодыхъ ребятъ. По сибирской ѣздѣ, сундуковъ, разумѣется, не можетъ быть, а существуютъ мягкіе чемоданы черной юфти, которые набиваются вплотную (и много можно туда набить) и аккуратно зашиваются, т. е. застегиваются пропускными сыромятными петлями, изъ которыхъ въ послѣднюю продѣваютъ замокъ. Въ обхватъ черезъ

крышу два ремня. Деньги возить въ чемоданѣ не считается благоразумнымъ. Ихъ возятъ на себѣ, потому что съ чемоданомъ больше можетъ быть случаевъ, чѣмъ съ человѣкомъ. Разно ухитряются. Ноги бинтуютъ подъ штанами, особенные надежные карманы съ завязками подъ жилеткой дѣлаютъ: два вдоль спины и по одному съ каждой стороны. Сотенныхъ бумажекъ въ растяжку тысячъ двадцать свободно уложится. Съ тѣхъ поръ, какъ банки завелись, нѣтъ, конечно, такой крайности возить большія суммы, но у насъ капиталъ требовался и въ мелкихъ трактовыхъ городахъ, и въ селеніяхъ. Кромѣ вещей и денегъ, везутся при себѣ товары дорогіе: моржанъ, соболи высокіе. Для надежности и удобнаго обращенія, соболи не тючатъ, какъ товаръ, а кладутъ въ такіе же чемоданы, какъ вещи. И всегда еще навяжутъ отъѣзжающему то, другое изъ товаровъ, что не попало въ обозъ. Хитро приспособлена настоящая казанская повозка. Маленькая, бѣжитъ низко, отъ земли не отдѣляется; а крутые, да глубокіе у нея бока. Какъ начнутъ ее потрошить, выносить чемоданы, да тюки, да коробки, да ковры и подушки, такъ просто удивительно. Гору натаскаютъ, комнату всю завалятъ. Купечество ѣздитъ лежа: оттого, конечно, и можно помѣстить столько. Ѣдутъ лежа, и лихая ѣзда купеческая. Курьеровъ обгоняемъ, кромѣ развѣ самыхъ ужь бойкихъ. И не то, чтобы какіе-нибудь наводки бѣшеныя платили; четвертакъ, полтинникъ, но нѣтъ того, чтобы горстями деньги бросать. Въ томъ тутъ дѣло, что человѣкъ отъ повозки не отходитъ, а въ случаѣ чего и постромку пристегнетъ, и возжу продернетъ. Чай пьетъ, перехватываетъ что случится, горячее или холодное, гдѣ готово, такъ чтобы и минутки на это лишней не ушло. Опять же и дороги не разбираемъ; хоть духъ вытряси, пощады не запросимъ. И ямщику веселѣе: чувствуетъ, что свои, по дѣлу настоящему ѣдутъ, и никакой обиды выйти не можетъ. Хочется мнѣ, по поводу купеческой ѣзды, сказать про разбои по сибирскимъ дорогамъ. Опасно, говорятъ: варнаки. Мѣста срѣзываютъ съ возовъ, это точно. Такъ вѣдь это коммерція уже образовалась, въ родѣ конокрадства, и полицейскіе аккуратно около пристаносодержателей кормятся. А чтобы проѣзжающаго тронуть, такъ вѣдь, кромѣ того, сколько я самъ ѣздилъ, сколько я зналъ людей, постоянно проѣзжающихъ, сколько разсказовъ дорожныхъ слышалъ, и ни единаго-то разу не пришлось мнѣ услышать ни про одинъ случай грабежа. Между тѣмъ, купеческія повозки катятъ по заведенному порядку въ одни и тѣ же числа; извѣстно вполнѣ, что везутся въ нихъ большія деньги; на каждомъ перегонѣ есть такіе подъемы, что хоть зарѣжь лошадей, не ускочишь. По получасу шагомъ въ гору та-

нутся. И не трогают. Револьверъ мало кто при себѣ возитъ. Непривычны къ обращенію и слышали, что больше себѣ увѣчья бываетъ. Илья Егорычъ смѣялся надъ тѣми, кто бралъ оружіе: «По моему, лучше всего табакъ нюхательный: въ глаза бросилъ, и готово». Однакожъ, онъ и табакерокъ при себѣ не возилъ.

Потому ли, что Илья Егорычъ самъ не былъ кровный сибирякъ, или по какой-нибудь другой причинѣ, но настоящихъ сибиряковъ у насъ при всемъ дѣлѣ было мало, а особливо изъ Восточной Сибири. Я былъ, еще, можетъ быть, человѣка два якутовъ, одинъ томскій парень, тюменскихъ нѣсколько, одинъ пермякъ, да елабужецъ—и только. А то все «россійскіе», владимірцы и особенно вологожане. Въ самомъ большомъ сборѣ мы бывали на Пасху. Тутъ, послѣ заутрени, для поздравленія хозяевъ, насъ сходилось человѣкъ до сорока. Я всегда раньше приходилъ, въ двѣнадцатомъ часу, чтобы вмѣстѣ идти въ нашу приходскую церковь Петра и Павла, въ двухъ шагахъ отъ конторы. Не забуду я этихъ сборовъ. Очень строгаго благочестія у насъ не было. Я считаю, что изъ всѣхъ насъ двое только душевно были привержены къ церкви, да и то не такъ, чтобы выставляться или съ другихъ взыскивать. А нашъ братъ, помоложе, ничего серьёзнаго на этотъ счетъ въ головѣ не держалъ. А тутъ такъ хорошо на душѣ, дружба ко всѣмъ, торжество. Не думаешь, что завтра гулять пойдешь или кутнешь, а именно только праздникъ свѣтлый чувствуешь, радость всеобщую. Разъ я съ однимъ человѣкомъ посчитался крупно передъ праздникомъ, вспылилъ, и даже за мной послѣднее слово осталось. Послѣ заутрени, онъ ко мнѣ подходитъ—и я съ нимъ не помирился. До сихъ поръ не могу себѣ этого простить, и теперь прошу прощенія. Хозяинъ заутреню стоялъ въ соборѣ. Съ властями похристосуется и пріѣдетъ въ началѣ обѣдни къ Петру и Павлу. Становился сзади—всегда въ церкви стоялъ сзади, въ толпѣ—къ хозяйкѣ впередъ не протискивался и безпокойства не дѣлалъ. Даже нашему брату за нимъ наблюдать слѣдовало, чтобы какъ-нибудь слишкомъ близко къ нему не очутиться. Потому онъ тогда похристосуется, а этого онъ не любилъ. Послѣ обѣдни, въ конторѣ насъ, какъ сельдей. Другъ на друга оглянемся, и такъ толпой и идемъ поздравлять въ столовую. Чайный столъ стоитъ; экономка чай разливаетъ; хозяинъ въ регаліяхъ, только вмѣсто мундира пиджачекъ легонькій надѣлъ; хозяйка въ свѣтломъ платьѣ, въ бѣлой шали, на головѣ кружево бѣлое, въ ушахъ брильянтовыя серьги надѣты. Встаютъ и христосуются со всѣми. Лицо у Ильи Егорыча важное, спокойное, и ужь для всѣхъ одно—не перемѣнитъ. А Дарья Прокофьевна тому, другому, кого

любитъ, словечко скажетъ, улыбается. Послѣ этого мы должны по стакану чаю выпить. Не взыскивалось, ежели кто улизнетъ, а только чтобы всѣ стулья были заняты. Иные у двери стоя пьютъ. И Илья Егорычъ сидитъ.—Что же сливокъ не наливаете? Что безъ хлѣба пьешь? Очень горячій чай мы не глотаемъ; въ жаръ бросить. Допилъ, стаканъ на тотъ или другой столъ поставилъ, поклонился и убѣжалъ. Ну, а въ прихожей, разумѣется, Настасья Никитишна, та съ большими косами дѣвушка, объ которой я въ началѣ сказалъ. Кто не очень важенъ, да помоложе, тотъ и въ прихожей, времени не теряя, на ходу со всѣми перехристосуется—и ужь тутъ, можетъ быть, не безъ грѣха.

Ив. Бредихинъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

17-го сентября 18.. года.

Вотъ уже больше недѣли, какъ я въ деревнѣ. Право здѣсь хорошо. Положимъ усадьба, гдѣ я поселился, усадьба дворянская, а слѣдовательно, представляетъ только остатки прежняго величія. Передъ моими глазами торчитъ полуразвалившійся домъ съ половиною наглухо забитыхъ оконъ, повалившіеся заборы, почти совсѣмъ раскрытыя службы... Но что изъ этого? За то на душѣ тихо, спокойно.

Никто изъ моихъ пріятелей не могъ понять, какъ это вдругъ осенью я собрался въ деревню. Дожди, холодъ, слякоть. Въ городѣ, по крайней мѣрѣ, можно идти въ театръ. Тамъ сотни другихъ удовольствій.

Удовольствія — нечего сказать! Сиди въ театрѣ, смотри на Сарру Бернаръ, а въ то же время думай, чѣмъ бы понравиться неукоснительно сидящему у воротъ на дежурствѣ Михею. Разгуливай по выставкѣ, а самъ разрѣшай вопросъ, отъ чего это, недѣлю тому назадъ, околодочный такъ пристально посмотрѣлъ на тебя...

Да! Лечь спать, а вмѣсто того всю ночь изображать изъ себя мудрую дѣву, трепетно ожидающую жениха—это чего-нибудь да стоитъ! И то ужъ я до того изощрилъ слухъ, что, кажется, на самомъ дѣлѣ способенъ слышать «травъ прозябанье»...

Скажутъ: плоды разстроеннаго воображенія! Кто говоритъ, можетъ быть, и такъ. Но отчего же этихъ «плодовъ» раньше не было?

Можетъ быть, я робкій и мнительный человѣкъ, но все-таки Иванъ Константинычъ (пріятель, у котораго я гощу въ настоящее время) врядъ ли имѣетъ право смѣяться надо мною.

— Помилуй, да какъ же не смѣяться, говоритъ онъ, съ недоумѣніемъ пожимая плечами. — Чистъ ты, какъ хрусталь, и вдругъ... Или можетъ быть, лукаво прищуривается онъ: — ну, хоть про себя... мудрствуешь?

— Разумѣется, нѣтъ. Ничего я за собой не знаю, только вотъ дворникъ Михей...

— Двугривенный ему въ зубы, настаиваетъ Иванъ Константинычъ.

— Двугривенный!

— Ну, рубль что ли...

Рубль, двугривенный! А что, если онъ проявитъ такую гражданскую доблесть, что съ этимъ самымъ рублемъ... куда слѣдуетъ? Развѣ это не будетъ самымъ неопровержимымъ и притомъ еще вещественнымъ доказательствомъ того, что чистоты-то въ тебѣ, можетъ быть, нѣтъ и на полушку!

Да что̀ спорить съ Иваномъ Константинычемъ! что̀ онъ понимаетъ! Живетъ безвыѣздно въ деревнѣ, весь ушелъ въ посѣвы, да запашки, никого не трогаетъ, только съ мужиками и возится. Нѣтъ, выѣзжай-ка онъ поближе къ «центрамъ просвѣщенія!»

А все-таки здѣсь хорошо. Иди въ лѣсъ, сиди на берегу рѣки, любуйся хоть цѣлый день разными видами—никто тебя ни въ чемъ не заподозритъ. Да и можно ли въ чемъ-нибудь заподозрить меня здѣсь, въ N—ской губерніи, когда меня тутъ знаетъ чуть не каждая собака. Мало ли народа облагодѣтельствовалъ я, подвизаясь въ N въ теченіи четырехъ-пяти лѣтъ на адвокатскомъ поприщѣ? Куда ни повернись—вездѣ кліенты. Вотъ и вчера увидалъ у амбара телегу. Подошелъ. Въ телегѣ сидитъ маленькій-маленькій ребенокъ въ шапочкѣ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутьевъ, на шапочкѣ болтается кисточка; сидитъ съ засунутыми въ ротъ пальцами и пугливо пучитъ на меня свои глазенки. Около вѣсовъ, тутъ у амбара, хлопочетъ баба: вѣшаетъ вмѣстѣ съ работникомъ Ивана Константиныча муку.

Увидавши меня, баба начинаетъ разсыпаться въ похвалахъ и благодарности моему пріятелю.

— Помогъ, такъ помогъ онъ намъ этой мукой, говоритъ она, и, немного погодя, подперевъ щеку рукою, переходитъ на другую тэму:

— Прошлый годъ вотъ тоже у Семена Кирилова занимали четверть. Нечего ѣсть, займешь. Что же мучку-то ему отдали мучкой да еще вотъ своего сѣнца четыре воза свезли. Сами безо всего остались. Скотинку продали. А какъ не отдать? Въ случаѣ чего... такой человѣкъ, такой человѣкъ (баба крутитъ головой!) Еще старовѣромъ называется. Обобралъ всю нашу деревню, до̀чиста обобралъ... Судился, да не осудили. Что̀ ему — богачъ!

Кому же, какъ не мнѣ, знать всѣ подробности процесса Семена Кирилова. Вѣдь я, а никто другой защитилъ его.

Зашелъ вчера же въ сосѣднюю деревню. Мужики волкомъ воютъ отъ какого-то Карпа Сидорова. Этотъ нетолько обобралъ, но притомъ еще споилъ всю округу.

— Сильный человѣкъ, хоромъ восклицаютъ мужики, и едва я успѣваю приблизиться къ торчащему на краю деревни трактиру, какъ сидѣвшій на крылечкѣ Карпъ Сидоровъ, юркій, поджарый, съ однимъ пронизывающимъ глазомъ мужиченка, вскакиваетъ и радостно кидается мнѣ на встрѣчу.

— Помилуйте! Какъ не помнить! ;Много, много благодарны! Тогда помогли мнѣ! Ахъ, какъ они меня тогда обидѣли! Я ли, кажется, не стараюсь! Гдѣ же вамъ всѣхъ припомнить! Вѣдь у васъ дѣловъ...

Тоже, оказывается, облагодѣтельствованный мною человѣкъ. Зоветъ въ гости.

А сколько такихъ по всей губерніи, если тутъ подъ бокомъ оказалось съ перваго раза ужъ двое. Ну, въ чемъ же могутъ заподозрить меня въ N—ской губерніи. Кабатчику помогъ, кулака изъ бѣды вызволилъ... Это ли не доблесть?

20-го числа того же мѣсяца.

Да я теперь совершенно доволенъ. Одно скверно. Проснешься утромъ и даже придумать не можешь, чѣмъ наполнить громадное число совершенно свободныхъ часовъ, которое ежедневно раскрывается передъ тобою. Настоящая tabula rasa. Пиши на ней что угодно.

Хотѣлъ подбить Ивана Константиныча, чтобы онъ познакомилъ меня съ сосѣдями. Оказалось, что нечего и думать. Прежде всего, какіе теперь по деревнямъ сосѣди. Живутъ по близости два человѣка дворянъ, но, какъ оказывается, дворяне новѣйшаго пошиба. Одинъ, въ Крючковѣ, даже своего «дворянскаго гнѣзда» не имѣетъ; пріютился гдѣ-то у мужика и пьянствуетъ на пропалую. Около него, конечно, бьется безчисленное множество ловкихъ людей. Одинъ вспомнилъ, что отъ промотаннаго въ конецъ наслѣдственнаго имѣнія какимъ-то чудомъ уцѣлѣла еще десятинка и силится за полштофъ завладѣть ею. Другой зарится на часы спившагося съ кругу барина. И такъ далѣе. Съ этимъ сосѣдомъ, конечно, нечего знакомиться.

— Около него и сѣсть-то близко нельзя, говоритъ Иванъ Константинычъ.—Животныхъ этихъ въ немъ...

— Какъ это онъ такъ?

— Пьетъ... Вотъ около него и постарались... Особенно нашъ «батюшка».

Второй дворянинъ-сосѣдъ, Пухляковъ, совсѣмъ въ другомъ родѣ. Это достойный конкуррентъ того самаго Карпа Сидорова, который недавно приглашалъ меня въ гости и о которомъ мужики говорятъ, что онъ споилъ и ограбилъ всю округу. У Пухлякова за полштофъ десятинки не купишь.

— Не приведи Богъ, единогласно утверждаютъ о немъ мужики.—Займешь на рубль, отдай три. На что, въ ребятъ изъ ружья палитъ.

— Изъ ружья... въ ребятъ?

— За ягодами или за грибами въ лѣсъ къ нему зайдутъ— прямо изъ ружья по ногамъ дробью!

— Кабакъ у насъ хочетъ другой открывать, смѣется кто-нибудь изъ мужиковъ.—Завидно ему смотрѣть, какъ Карпъ Сидоровъ торгуетъ; самъ хочетъ.

Какіе это сосѣди. Знакомство съ Карпомъ Сидоровымъ и прочими современными помѣщиками не можетъ доставить удовольствія ужь по одному тому, что хочешь-не хочешь, а онъ заставитъ тебя помочь ему въ душегубствахъ. Ты еще и первой чашки чаю у него не выпьешь, а онъ ужь непремѣнно разскажетъ о какомъ-нибудь «дѣльцѣ» и, конечно, попроситъ совѣта, и потомъ при помощи этого совѣта кого-нибудь и загнетъ.

Впрочемъ, мы отлично обходимся и безъ знакомствъ. Каждое утро, чуть пробьетъ десять часовъ, Иванъ Константинычъ выноситъ графинчикъ, потребуетъ какую-нибудь закуску и мы бесѣдуемъ какъ нельзя лучше.

Расчувствовавшись послѣ трехъ-четырехъ рюмокъ, вспоминаемъ старину, но больше интересуетъ злоба дня. Да и какъ не интересовать. Вотъ сегодня, едва усѣлись за графинъ, привозятъ съ почты письмо. Одинъ изъ моихъ пріятелей извѣщаетъ, что ему житья нѣтъ. Чуть только сядетъ за книгу, какъ хозяйка является на порогѣ и то любопытствуетъ на счетъ того, какое сегодня число, то объявляетъ, что у нея остановились часы, а сама глазами туда-сюда... Въ самомъ дѣлѣ непріятное положеніе. Точно посаженъ подъ стеклянный колпакъ.

— Да онъ бы съѣхалъ, говоритъ Иванъ Константинычъ.

Съѣхалъ! Легко сказать, съѣхалъ. А развѣ можно поручиться за то, что въ такомъ случаѣ скорпіона на василиска не промѣняешь. Да можетъ быть на другой-то квартирѣ хозяйка просто-напросто придетъ и сядетъ на цѣлый день въ его комнатѣ. Скажетъ, что порученіе имѣетъ и баста... Ничего не подѣлаешь.

Иванъ Константинычъ говоритъ, что все это выдумки.

— Мой домъ—моя крѣпость, припоминаетъ онъ изъ нашихъ студенческихъ записокъ.

А вотъ это какая крѣпость: одинъ мой пріятель (также обидѣвшійся за что-то на хозяйку) переѣхалъ на другую квартиру и расположился было на навоселье за самоваръ. Но не успѣлъ еще перваго стакана выпить, какъ вдругъ отворяется дверь. Господинъ въ пальто сѣро-нѣмецкаго сукна.

— Г. Карандашевъ? вѣжливо и развязно освѣдомляется господинъ и послѣ утвердительнаго отвѣта, любезно подаетъ руку.

— Въ нашемъ городѣ, умиляется гость:—чиновникъ Карандашевъ былъ со мною большой пріятель. Вотъ тоже сынокъ у него былъ... На васъ изъ лица какъ двѣ капли воды... Такъ вотъ я и думаю, не вы ли?

Знакомый мой туда-сюда. Чуть не открещивается, а гость все на своемъ:

— Да вы, можетъ быть, забыли? А я... старое знакомство... Изъ одного города.

А тотъ и въ городѣ этомъ не бывалъ отъ роду. Да развѣ что подѣлаешь? Пришлось чаемъ поить и не въ этотъ только день. Чуть смеркнется, а гость тутъ какъ тутъ.

— Я опять къ вамъ, посидѣть, поговорить. Такъ не припоминаете? Я было... вѣдь пріятно... Книжку читаете? Я самъ люблю иногда отъ скуки.

И книжку посмотритъ, и въ спальную подъ какимъ-нибудь предлогомъ заглянетъ. Да такъ въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ.

Право, отлично я сдѣлалъ, перебравшись въ Погорѣловку. Одно непріятно: продолжительныя и ежедневныя засѣданія за графинчикомъ. Подъ конецъ дня ходишь совсѣмъ какъ въ туманѣ, а нѣсколько разъ случалось и такъ, просто ничего не помня, сваливаешься въ постель.

21-го числа.

Сегодня пошелъ гулять. У избы зажиточнаго мужика стоятъ бѣговые дрожки, а около нихъ что-то хлопочетъ низенькій, плотный, ужъ совсѣмъ сѣдой «батюшка» съ маленькой клинушкомъ бородкой и до крайности бойкими глазами. Увидавши меня, батюшка такъ и заметался. Наклонившись къ стоявшимъ около него мужикамъ, онъ оживленно сталъ ихъ разспрашивать о чемъ-то, и между тѣмъ, пристально посматривалъ на меня. Сначала я подумалъ, не знакомый ли, да нѣтъ. Что ему надо?

Стою послѣ обѣда у окна, слышу кучеръ разговариваетъ съ кухаркой. При разговорѣ присутствуетъ какая-то баба.

— Остановилъ меня, къ себѣ подозвалъ и все пытаетъ: кто это у васъ, давно ли, откуда? сообщаетъ кучеръ:—не могу, говорю, знать, батюшка; знакомые барина. Не отстаетъ. Какъ не знать; ты долженъ все знать, отвѣчать будешь...

— Они, попы, любопытные, замѣчаетъ кухарка.

— Онъ и у насъ на деревнѣ, говоритъ баба:—пыталъ, пыталъ. Тоже все: кто, да зачѣмъ? Вы, говоритъ мужикамъ, должны смотрѣть...

— И что ему надо!

— Велѣно, говоритъ, смотрѣть, продолжаетъ баба. — Теперь всякіе люди!

Да; видно, и въ деревнѣ. Иванъ Константинычъ, однако, продолжаетъ смѣяться. По его словамъ, если около самаго «батюшки» покопаться, такъ можно такія штуки открыть, что любо. Вотъ хоть бы относительно того самаго Крючковскаго барина, у котораго отъ всего наслѣдственнаго имѣнія осталась одна несчастная десятинка. Но развѣ мнѣ отъ этого легче, да развѣ я и стану копаться. По нынѣшнему времени, только бы самому сносить голову, а то копаться! На это и безъ меня охотниковъ много. Кромѣ того, изъ словъ того же Ивана Константиныча видно, что всѣ батюшкины штуки—пустяки.

— Ну, нѣтъ, тридцать рублей пьяному дать, а отъ него взять вексель на триста — это не пустяки, волнуется мой пріятель, когда я указываю ему на пустяшность батюшкиныхъ штукъ.

— Ничего ты не понимаешь!

— Пьянаго заставить Богъ вѣсть что подписать, а потомъ оттягать у него всю землю. Гдѣ теперь Крючковская земля?

— Ахъ, Иванъ Константинычъ, Иванъ Константинычъ! Да противъ основъ-то онъ не грѣшенъ—и кончено.

Скверно даже писать. И для чего, въ самомъ дѣлѣ, пишу я все это? Еще попадетъ мой дневникъ въ хорошія руки. Бѣда.

22-го числа.

Кухня какъ разъ черезъ стѣну съ моей комнатой. Все, что тамъ говорится, слышно.

Сегодня просыпаюсь, въ кухнѣ разговоръ. Кучеръ только вернулся съ деревни и принесъ новости. Батюшка, оказывается, опять рано утромъ былъ въ Погорѣловкѣ и собиралъ обо мнѣ свѣдѣнія.

— Урядника хочетъ прислать, говоритъ кучеръ.—Все насчетъ Павла Васильича. И что̀ надо?

— Ну, и попъ! удивляется кто-то.—На дняхъ, къ Никитѣ зашелъ за сборомъ. У того послѣдняя каврига на столѣ лежитъ. Взялъ да въ телегу, а Никита безъ всего и остался. Ѣсть нѣчего. Ничего, говоритъ, разживешься.

— У насъ тоже, смѣется баба.—Картофелю дай, а много ли его у насъ. Самимъ бы только. Темно, говорю, батюшка, въ погребѣ-то, а онъ мнѣ: свѣчку засвѣти, вотъ и найдешь.

— При старомъ баринѣ, бывало—слышу голосъ сторожа, ви-

дѣвшаго процвѣтаніе Погорѣловки — ну, тотъ и дѣлалъ надъ этимъ попомъ штуки. Разъ, помню, позвалъ онъ его молебенъ что ли служить, а попъ возьми да и опоздай маленько. Баринъ выходитъ. Зачѣмъ? Такъ и такъ, звали. Когда звали? Нѣтъ, теперь давай-ка я тебѣ собакъ покажу. Псарня у него была такая, страсть. Котлы нарочно были для собакъ понадѣланы. Въ нихъ, бывало, имъ и варятъ. Велѣлъ баринъ привести всѣхъ собакъ въ домъ. Смотри, попъ, эта такая, эта за волками, эта на медвѣдя ходитъ. Собачищи страсть, такъ на попа и лѣзутъ, ходятъ вокругъ, а онъ ни живъ, ни мертвъ. Часа два онъ его такъ морилъ, а потомъ и велѣлъ служить что надо...

— Ну, и баринъ былъ!

— Такъ строгъ, такъ строгъ. Пріѣдетъ къ нему становой или другой кто, непремѣнно какую-нибудь издѣвку сдѣлаетъ, а потомъ, бывало, и наградитъ. — Одному разъ голову обрилъ. Но больше надъ попомъ. Все тотъ терпѣлъ.

— Сила была.

— Такая сила, что страсть. Братъ у него въ Питерѣ служилъ. Тому банки два раза въ годъ открывались; бери денегъ сколько хочешь.

— Теперь батюшку и рукой не достанешь Теперь онъ и съ господами... Да что нынче господа, разсуждаетъ чей-то незнакомый голосъ. — У него денегъ больше, чѣмъ у господина, а земли...

Но я ужъ не слушалъ. Они, всѣ эти бесѣдующіе въ кухнѣ, даже и понять не въ состояніи, на сколько, дѣйствительно, силенъ теперь батюшка, и не потому только, что ему удалось «поживиться» около крючковскаго барина. Правда, крючковская земля дастъ ему возможность «благодѣтельствовать» мужикамъ, но главное, батюшка—патріотъ своего отечества. Въ силу этого качества, онъ можетъ «показать себя» и намъ, потомкамъ тѣхъ, которые прежде дѣлали надъ нимъ всякія издѣвки. И сколько этихъ патріотовъ развелось, даже въ такихъ захолустныхъ мѣстахъ, какъ Погорѣловка! Вчера узнаю, что и Пухляковъ, тотъ самый сосѣдъ, который стрѣляетъ дробью по ребятамъ, при каждомъ удобномъ случаѣ останавливаетъ погорѣловскихъ бабъ и мужиковъ и распрашиваетъ обо мнѣ. Должно быть, хочетъ состязаться съ батюшкой по части патріотизма.

Интересно узнать, каково здѣсь начальство. Надо разспросить Ивана Константиныча.

Того же числа, вечеръ.

Бесѣдовалъ съ Иваномъ Константинычемъ о начальствѣ: какъ, каково, внемлетъ или не внемлетъ и т. д. Посмѣивается.

Давно ли я тоже смѣялся. Прихожу разъ къ одному знакомому. У него сидитъ пріятель. Видимо донѣльзя увлечены разговоромъ; едва меня замѣтили. Непремѣнно, думаю, или о Контѣ или о философіи безсознательнаго...

— А слышалъ, обращаются ко мнѣ въ одинъ голосъ: — околодочный-то у насъ новый. И престрогій!

— Да вамъ-то что, изумился я.—Вотъ купцамъ, дворникамъ.

— Какъ что, помилуй! Околодочный, да вѣдь это... теперь!!

И пошло, конечно, о «временахъ».

23-го числа.

Все было тихо, смирно, а батюшка замутилъ. Изъ кухни то и дѣло раздается: «не пріѣзжалъ урядникъ?» «Батюшка еще когда наказалъ ему съ нашимъ мужикомъ скорѣе пріѣхать?»

Больше всего эти разговоры поддерживаетъ дочь кухарки, Маша, грузная, взрослая, но удивительно легкомысленная дѣвица. Она, несмотря на свои лѣта, только тѣмъ и занимается, что играетъ съ маленькими ребятами «въ шляки», въ горѣлки или присутствуетъ при разговорахъ на кухнѣ, причемъ вретъ безпощаднымъ образомъ. Какъ на грѣхъ, сестра этой Маши жила гдѣ-то въ большомъ городѣ въ горничныхъ. Надъ господами ея стряслась бѣда. Ночью пожаловали гости. Сестру Маши долго таскали по мытарствамъ. Маша вообразила, что непремѣнно тоже самое должно случиться съ нею, какъ только пожалуетъ урядникъ.

— Я непремѣнно спрячусь, пусть только онъ пріѣдетъ, объявляетъ она.

Кучеръ смѣется.

— Тебѣ ладно! кричитъ на него Маша.—Нѣтъ, вонъ что съ моей сестрой...

Вчера вечеромъ она является, должно быть, внѣ себя. Даже мнѣ слышно, какъ шлепнуло объ лавку ея грузное тѣло и какъ она порывисто дышетъ.

— Только я зашла въ лѣсъ, совсѣмъ прерывающимъ голосомъ разсказываетъ она:—вдругъ тамъ двое какихъ-то. Стоятъ и на нашъ домъ смотрятъ.

— Поди, изъ Кулакова баринъ.

— Не знаю я кулаковскаго барина! Не онъ.—Стоятъ, смотрятъ... Непремѣнно это на счетъ Павла Васильича, отъ батюшки.

Потомъ ужь ночью, лежу, читаю, вдругъ Маша ворвется въ кухню.

— Данило, Данило! что собака лаетъ?

— А кто ее знаетъ.

Но послѣ долгихъ переговоровъ, кучеръ все-таки идетъ посмотрѣть.

— Не насчетъ ли Павла Васильича? безпокоится Маша.

Конечно, это глупо, но Маша, и вообще разговоры на кухнѣ, много способствуютъ тому, что отравляютъ мое пребываніе въ Погорѣловкѣ, особенно Маша. Стоитъ ей сходить въ лѣсъ, чтобы непремѣнно натолкнуться на какія-нибудь, по ея мнѣнію, таинственныя личности. Стоятъ, смотрятъ на домъ, разговариваютъ.

Непремѣнно уѣду изъ деревни. Ахъ, еслибы поскорѣе разрѣшили мою просьбу объ опредѣленіи на службу. Пишутъ, что дѣло это непремѣнно выгоритъ. Обѣщали, положительно обѣщали, даже куда назначатъ, сказано. Это будетъ отлично. Ужъ нѣчего говорить о всѣхъ прелестяхъ 20-го числа. Мнѣ кажется, одно то, что на тебѣ будутъ свѣтлыя пуговицы—это одно ужъ охранитъ отъ напастей.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего начались и косые взгляды околодочнаго и выслѣживанія Михея, какъ не изъ-за того, что я, оставивъ адвокатскую практику, представляю человѣка не у дѣлъ.

Все меня въ конторѣ спрашиваютъ, не разъ слышалъ я разсужденія Михея, который любилъ попить чайку съ нашей кухаркой, а потому часто доставлялъ мнѣ возможность насладиться его разговорами.—Хоть бы служилъ, гдѣ или что, а то такъ живетъ... неизвѣстно какъ!

Разговаривалъ сегодня съ Иваномъ Константинычемъ насчетъ его отношеній къ батюшкѣ. Все думаю, нѣтъ ли между ними чего-нибудь, не изъ-за него ли батюшка на меня напустился. Оказывается, ничего нѣтъ. Положенное мой пріятель платитъ исправно.

Значитъ, время такое. Всякому патріоту своего отечества хочется заявить о себѣ.

25-го числа.

Какъ на грѣхъ, сегодня, я остался одинъ. Иванъ Константинычъ куда-то уѣхалъ.

Часовъ въ семь утра тревожный стукъ въ дверь разбудилъ меня. Стучалъ кучеръ. Я подумалъ, что случилось что-либо необыкновенное, пожаръ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ этомъ убѣждало меня и то, что мимо оконъ моей комнаты со всѣхъ ногъ мчалась Маша и отчаянно отмахивалась отъ бѣжавшей слѣдомъ за нею матери.

— Урядникъ! пожалуйте! объявилъ мнѣ кучеръ.—Васъ спрашиваетъ.

На сердцѣ у меня заскребли кошки, хотя я ужъ давно ждалъ этого визита. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ, что-то скажетъ?

Въ то время подъ окнами раздались отчаянные возгласы кухарки. Она тщетно пыталась вернуть, должно быть, ужь далеко убѣжавшую Машу. Кучеръ улыбался.

— Испугалась! кивнулъ онъ на окно.—Прячется.

— Чего-жь она боится?

Кучеръ только тряхнулъ волосами и улыбнулся, какъ бы говоря: «глупы!», но прямого отвѣта не далъ.

Въ залѣ стоялъ высокій, рыжій мужчина въ полномъ вооруженіи. Въ одной рукѣ онъ держалъ кепку, а въ другой здоровую, толстую нагайку и свободно, пожалуй даже съ видомъ побѣдителя, вошедшаго въ непріятельскій городъ, озираясь по сторонамъ, поколачивалъ нагайкой по запыленнымъ ботфортамъ.

Толстая, красная физіономія гостя, его рыжіе, безобразно, какъ щетина торчащіе во всѣ стороны усы и совсѣмъ бѣлые, на выкатѣ, глаза показались мнѣ до крайности знакомыми, но я никакъ не могъ припомнить, гдѣ и когда я ихъ видѣлъ.

Гость съ большимъ достоинствомъ привѣтствовалъ меня и что-то ужь слишкомъ началъ сокрушаться о томъ, что Ивана Константиныча нѣтъ дома. Онъ хотѣлъ должно быть показать, что имѣетъ до него дѣло.

— Ну, побываю еще! обрадовалъ онъ меня. — Знаете, наша должность, все въ разъѣздахъ. А вы здѣсь гостите?

Начались распросы, откуда, какъ, долго ли думаю пробыть здѣсь. Потомъ отъ меня былъ спрошенъ видъ:

— У насъ ныньче нельзя... велѣно. Я бы и ничего, да приставъ...

Между тѣмъ подали самоваръ. У меня явилась мысль, нельзя ли какъ нибудь за чаемъ вывѣдать что-нибудь. Угощеніе было принято, но вывѣдать ничего не удалось. Гость даже отъ водки отказался, но продолжалъ задавать разные вопросы. Онъ интересовался, служу ли я гдѣ либо, что слышно новенькаго, нѣтъ ли чего либо въ столицѣ и главное оглядывалъ, всматривался.

Впрочемъ, я не жалѣлъ о томъ, что предложилъ угощеніе. За чаемъ меня осѣнило. Я вдругъ припомнилъ, гдѣ я видалъ раньше моего собесѣдника.

Это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я еще жилъ въ N... Какъ разъ около моей квартиры стояла полицейская будка. Какія особенныя дѣла могли занимать будочника въ губернскомъ городѣ въ прежнее время? (Теперь, можетъ быть, дѣло другое). Но, бывало какъ ни посмотрю въ окно, а рыжій, расторопный блюститель порядка то и дѣло гоняется за свиньями, которыя желаютъ пробраться на бульваръ.

— Воюешь? скажешь ему, бывало.

— Помилуйте, ваше вскородіе! Никакого способа съ ними нѣтъ.

Будочникъ былъ очень полезенъ намъ. У жившаго со мной товарища часто собиралась веселая компанія. «Кавалеръ» въ полночь бѣгалъ за водкой, вызывался исполнять и другія болѣе деликатныя порученія и, когда сомнѣвались въ его способности относительно этихъ норученій, многозначительно ухмылялся.

— Помилуйте, ваше благородіе, мнѣ-ль не знать, объяснялъ онъ. — Кого угодно, хоть Настасью, хоть Аннушку. Извольте приказать.

Да это онъ! Только совсѣмъ не такъ глядитъ, какъ глядѣлъ въ оны дни, когда за большую честь считалъ для себя, если ему поднесутъ рюмку водки или дадутъ гривенникъ. Тогда онъ ничего не имѣлъ и противъ зуботычины, которая тоже доставалась ему. «Наше дѣло такое», объяснялъ онъ свою голубиную незлобивость. А теперь!.. сознаніе собственнаго достоинства и что-то побѣдоносное отражалось на его лицѣ и какъ ни въ чемъ не бывало, онъ разваливался на стулѣ, прямо посматривалъ въ мои глаза или, нисколько не стѣсняясь, кидалъ во всѣ стороны любопытные взгляды.

Узналъ ли онъ меня или нѣтъ? Думаю, да. По крайней мѣрѣ, когда я къ чему-то сказалъ, что мнѣ долго пришлось прожить въ N, онъ значительно произнесъ:

— Городъ хорошій! и вскорѣ совершенно свободно протянулъ мнѣ руку, протянулъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ нисходилъ до меня съ высоты своего величія.

Изъ нашихъ оконъ было видно далеко, и я могъ долго наблюдать, съ какимъ величавымъ видомъ мой старый знакомый ѣхалъ по деревнѣ. Раза два-три онъ останавливался и разговаривалъ съ мужиками, причемъ неоднократно показывалъ нагайкой на усадьбу. Какъ потомъ я узналъ, разговоръ шелъ обо мнѣ. Узнавалось какъ я живу и нѣтъ ли съ моей стороны какихъ либо «поступковъ».

Маша только по отъѣздѣ гостя выбралась изъ засады и даже не стала оправдываться, когда ее подняли въ кухнѣ на смѣхъ.

— Кто-жь его знаетъ, зачѣмъ онъ? сказала она.

— Дура, да тебѣ-то что! смѣялся кучеръ.

— Сама не знаю, что со мной сдѣлалось, объясняла потомъ Маша.—Только вижу слѣзаетъ онъ съ лошади, а у меня сердце такъ и закатилось, такъ и закатилось.

— На деревнѣ разсказывалъ, что попъ его прислалъ, сообщаетъ кучеръ.—Еще, говоритъ, скоро пріѣду.

Немного погодя.

— Что, Прокопій, поздно? Сколько я тебя жду, кричитъ кухарка на одного изъ Погорѣловскихъ мужиковъ, который помогаетъ иногда по хозяйству.—Теперь, гляди, солнце-то гдѣ!

— Да что, отвѣчаетъ Прокопій: — сходку урядникъ собиралъ на счетъ вотъ того барина, что у васъ. Какъ и что, не внушаетъ ли вамъ. Ничего, молъ, не знаемъ. Насъ же ругалъ, чуть по зубамъ не наклалъ. Велѣлъ примѣчать.

— А слѣдовало бы Ивану Константинычу за безпокойство хоть полведерка, разсуждаетъ Прокопій.—Потому, какъ есть, все утро... безпокойство одно.

30-го числа.

Третьяго дня поѣхалъ въ городъ. Захотѣлось посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ я процвѣталъ когда-то и, думая водворить правду на землѣ, расплодилъ по мѣрѣ возможности кабатчиковъ и разныхъ проходимцевъ.

Городъ оказался все тотъ же, что былъ и при мнѣ. Таже грязь, зловоніе. Тѣже, и въ мое время неблиставшіе своимъ наружнымъ видомъ, а теперь и совсѣмъ одряхлѣвшіе, полинявшіе, окончательно лишившіеся штукатурки дома. Прибавилось нѣсколько кабаковъ, появились новые трактиры—и только.

Въ былыя времена въ N меня знала чуть не каждая собака. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что на первой же улицѣ я встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ.

— Какъ! Откуда?

Но странное дѣло. Тѣ люди, которые въ прежнія времена не могли наговориться со мною въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, теперь ограничивались только восклицаніями и, окинувъ меня продолжительнымъ взглядомъ, уходили прочь.

Подъѣзжаю къ квартирѣ самаго закадычнаго друга и вижу, что онъ стремглавъ выскакиваетъ изъ воротъ. Видимо, онъ до того занятъ, что едва ли замѣчаетъ даже мою телегу; во всякомъ случаѣ вовсе не обращаетъ на меня вниманія.

— Петръ Иванычъ, Петръ Иванычъ!

Пріятель даже не вдругъ разслышалъ мои отчаянные возгласы. За то, услыхавши, такъ и кидается на меня. Я думалъ онъ разорветъ меня на части. Что это такое?

— Къ намъ, въ городъ?! Сейчасъ... или ужъ давно тутъ? кричитъ онъ внѣ себя, и даже забываетъ протянуть мнѣ руку. А вѣдь сколько времени мы не видались.

Я удивленно гляжу на него, а онъ вдругъ схватываетъ меня за руку и увлекаетъ въ калитку, потомъ на крыльцо.

— Только сейчасъ пріѣхалъ, сейчасъ, а? восклицаетъ онъ ежесекундно —Правду говори, правду.

— Да что же такое?

— Не слыхалъ? ничего не знаешь? начинаетъ было онъ, но потомъ вдругъ, спохватившись дѣлаетъ мнѣ таинственные знаки и указываетъ на кабинетъ. — Тамъ, тамъ. Здѣсь нельзя! едва могу понять я изъ его шопота.

Но и тамъ, въ кабинетѣ, за плотно припертыми дверьми я не вдругъ узнаю то, что такъ волнуетъ Петра Иваныча.

— Ты гдѣ живешь теперь? спрашиваетъ онъ, останавливаясь и вперяя въ меня испытующіе взгляды.

Отвѣчаю.

— Что дѣлаешь? говори правду!

Тоже не скрываюсь.

— И никуда не выѣзжалъ оттуда? никуда? слѣдуетъ новый вопросъ.

— Да нѣтъ же. Что съ тобой?

— Ты долженъ сейчасъ же, немедля ни минуты, ни секунды, идти къ Перфильеву, къ Самсонову, напирая на каждое слово и энергически махая головой, говоритъ Петръ Иванычъ и продолжаетъ называть по фамиліямъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находятся судьбы N—ской губерніи.

Безотчетная тоска закрадывается въ мою душу.

— Я вотъ сейчасъ именно къ нимъ бѣжалъ, продолжалъ между тѣмъ, не слушая меня Петръ Иванычъ.—Я бы ужъ теперь объяснился съ Перфильевымъ... это возмутительно, гадко!

Онъ замолкъ и, чуть не бѣгая по кабинету, предоставилъ мнѣ полную свободу предаваться всевозможнымъ предположеніямъ.

Наконецъ, я узналъ подробности. Моему удивленію и ужасу нѣтъ границъ. Оказывается, что вотъ уже чуть не цѣлый мѣсяцъ я во всевозможныхъ костюмахъ разгуливаю по всѣмъ городскихъ и подгороднымъ кабакамъ, и произношу самыя загадочныя рѣчи.

— Вотъ и вчера, продолжаетъ радовать меня Петръ Иванычъ: — сижу я у Сергѣя Александрыча, приходитъ Недошивкинъ и сообщаетъ о томъ, что его поваръ только что видѣлъ тебя въ кабакѣ. Въ красной рубахѣ, въ поддевкѣ. Недошивкинъ не можетъ надивиться, чего смотрятъ наши власти.

— Но подумай! взываю я.—Могу ли я, какъ ни переодѣвайся, прожить здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Вѣдь меня чуть не каждая собака знаетъ.

— Я тоже говорю, да развѣ они...

Онъ отчаянно махнулъ рукой и продолжалъ, застучавъ рукою по столу.

— Вѣдь у тебя здѣсь благопріятелей... Все это твои статьи, корреспонденціи. Дописался!

Такъ вотъ что. Неужели изъ-за этого загорѣлся весь сыръ-боръ. И зачѣмъ это меня тогда дернуло написать кое-что.

— Пріѣхалъ сюда изъ уѣзда какой-то попъ. Говоритъ: какой-то неизвѣстный человѣкъ, съ сосѣдями не знакомится, съ мужиками чай пьетъ, разговариваетъ. Кто? кто? Узнали, вцѣпились. Онъ и здѣсь такъ жилъ. Что самъ ѣстъ, то и прислуга. Съ кѣмъ знакомства водилъ, знаемъ. Деньги могъ нажить и вдругъ: адвокатская профессія не нравится. Ну и проч. проч. Говорилъ я тебѣ тогда...

Пришла его сестра, молоденькая, веселенькая дѣвушка, у которой на умѣ, кажется, только и было: танцы, концерты. Но и она нашла, чѣмъ меня порадовать.

— Танцуемъ недавно въ собраніи, знакомятъ меня съ однимъ офицеромъ; сейчасъ же онъ приглашаетъ меня на кадриль и все время только о васъ и разговаривалъ. Гдѣ вы? отчего вы ни съ кѣмъ не знакомитесь, бываете ли въ городѣ? Ну, и еще кое-что...

— Вотъ видишь, видишь! заволновался Петръ Иванычъ. — Ныньче и въ танцахъ, вмѣсто того, чтобы любезничать съ барышнями, дѣломъ занимаются. Вѣдь самъ и попросилъ, чтобы познакомили...

— Да, да, подтверждаетъ Анна Ивановна. — Ну, я ему, конечно, ничего не сказала. Впрочемъ, онъ объявилъ, что имъ и такъ все извѣстно.

Петръ Иванычъ опять перешелъ къ моему путешествію по властямъ.

— Сейчасъ же, сейчасъ одѣвайся и иди! настаивалъ онъ.

Но я не зналъ, зачѣмъ идти и тѣмъ привелъ пріятеля почти въ бѣшенство.

— А я зачѣмъ хотѣлъ идти? наступалъ онъ на меня.

— Не знаю.

— Не знаешь? Онъ этого не знаетъ! А за тѣмъ, чтобы объяснить имъ, что всѣ эти распускаемыя противъ тебя сплетни — самая наглая, самая безсовѣстная ложь.

— Да вѣдь они засмѣются надо мною.

— Нечего тутъ разговаривать. Иди!

— Ну, заявлю я имъ: такъ и такъ, а они вѣдь скажутъ, что...

Петръ Иванычъ не далъ даже договорить.

— Нетолько заяви, а проси обыскъ у тебя сдѣлать, слѣдить за тобой, дознаніе, слѣдствіе произвести!

Я робкій, мнительный человѣкъ, я знаю, что у страха глаза велики, но все-таки... Говори мнѣ кто-нибудь другой, я бы подумалъ, что онъ смѣется, шутитъ, но Петръ Иванычъ не шутилъ. Онъ говорилъ съ фанатизмомъ безповоротно убѣжденнаго человѣка и чуть не толкалъ меня въ переднюю.

Я до сихъ поръ ничего не понимаю, и еслибъ кто-нибудь разсказалъ мнѣ все это, я бы не повѣрилъ. Не знать за собой никакой вины и вдругъ явиться къ властямъ, просить, чтобы надъ тобой произвели слѣдствіе, засадили куда слѣдуетъ, водили какъ арестанта къ допросамъ, однимъ словомъ, продѣлывали бы надъ тобой все, что продѣлывать въ такихъ случаяхъ полагается. И все это такъ, даже «не здорово живешь», а изъ милости.

Спорить съ Петромъ Иванычемъ не полагается, и я не спорилъ. Едва-едва мнѣ удалось отдѣлаться отъ немедленнаго путешествія къ властямъ обѣщаніемъ непремѣнно завтра же какъ-нибудь случайно увидѣться и съ Перфильевымъ, и съ Самсоновымъ, и стороной намекнуть имъ.

Видя, что со мной ничего не подѣлаешь, пріятель помирился на этомъ компромиссѣ, хотя доволенъ не былъ. Онъ уже началъ жалѣть о томъ, что я пріѣхалъ. Въ самомъ дѣлѣ, безъ меня ему, можетъ быть, и удалось бы предать меня въ руки правосудія.

— Еще благо твое, что Перфильевъ и Самсоновъ ничего... За то на нихъ и злятся: бездѣйствуютъ, дескать. А вотъ тутъ (онъ указалъ на возвышавшуюся вдали каланчу) новый...

Побывалъ у другихъ знакомыхъ. Вездѣ однѣ и тѣ же вѣсти. Впрочемъ, нѣкоторые изъ старыхъ пріятелей ничего не говорятъ, а жмутся и видимо про себя молятся, чтобы меня поскорѣе унесло отъ нихъ.

— Да, да! о васъ тутъ такой трезвонъ, говорятъ одни.

— Чтò это въ самомъ дѣлѣ такое! Вы все это время у Ивана Константиныча прожили, здѣсь не бывали, освѣдомляются другіе и присматриваются. Должно быть, надѣются подмѣтить что-нибудь на моемъ лицѣ.

Нѣкоторые даже удивились, увидавши меня здравымъ и невредимымъ. Оказывается, вотъ уже нѣсколько дней упорно держится слухъ, что я теперь далеко, далеко, «на берегу пустынныхъ волнъ».

— Какъ же намъ вчера за вѣрное передавали? объясняетъ одна барыня.

— Помилуйте!

Приходитъ мужъ барыни и тоже первымъ дѣломъ:

— Живы, невредимы? Ну, слава Богу!

Потомъ отводитъ меня въ сторону и начинаетъ таинственно:

— Вамъ, Павелъ Васильичъ, непремѣнно надо что-нибудь предпринять.

— Да что же предпринять?

— Что-нибудь надо. Оградить себя надо.

Я смѣюсь и сообщаю о томъ, что Петръ Иванычъ предлагаетъ мнѣ добровольно отдаться въ руки правосудія.

— Смѣшного тутъ ничего нѣтъ, говоритъ Михаилъ Никандрычъ и дѣйствительно какъ нельзя болѣе серьёзно смотритъ на меня.

— О чемъ тутъ разсуждать, продолжалъ онъ. — Придите, разъясните; такъ, молъ, и такъ, Богъ вѣсть, что про меня сочиняютъ, просите слѣдствія, дознанія.

И такъ далѣе, и такъ далѣе, однимъ словомъ, точь въ точь, какъ Петръ Иванычъ.

— Такіе примѣры ужь были, заканчиваетъ Михаила Никандрычъ свой совѣтъ.—Не вы первый!

— Да развѣ меня здѣсь не знаютъ? Неужели могутъ повѣрить?

— Времъ, батюшка мой, времъ. Да еслибы кто-нибудь сказалъ, что я соборную колокольню обокралъ, я и тутъ бы сталъ вопить о своей невинности на всѣхъ перекресткахъ.

— Вы не знаете, видно, до чего дошли относительно васъ, начинаетъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія и тоже тычетъ рукою по направленію къ каланчѣ. — Вотъ уже который день не отстаетъ отъ меня... Узналъ, что я съ вами друженъ. Христомъ-Богомъ проситъ, чтобы я извѣстилъ его, какъ только вы сюда покажетесь.

— На что ему?

— Дѣло, говоритъ, какое-то у его родственниковъ завязалось, а у него и родственниковъ, я думаю, никакихъ нѣтъ. Такъ вотъ видите, никому, кромѣ васъ, поручить этого дѣла не желаетъ. Такой, говоритъ, адвокатъ, такой адвокатъ! Я хоть и не видалъ его, а слышалъ, говоритъ, о немъ много.

— Да вы бы ему объяснили, что я и практикой ужь не занимаюсь.

— Объяснялъ.

— Ну, такъ что же?

— Мнѣ, говоритъ, хоть только совѣтъ отъ него получить. Я только, дескать, одному ему и вѣрю. Просто даже въ умиленіе приходитъ, когда заговоритъ о васъ.

— Удивительно.

— Удивительнаго ничего нѣтъ. Услыхали, что вы въ деревнѣ, ни съ кѣмъ не знакомитесь, чай съ мужиками пьете.

— Да это было всего одинъ разъ. Вѣдь изъ этого...

— Благопріятелей здѣсь у васъ много. Тогда въ своихъ статьяхъ вы ихъ задѣли, а теперь на ихъ улицѣ праздникъ. Вчера одинъ изъ нихъ со мной на улицѣ встрѣтился. Что же, говоритъ, съ нимъ? по кабакамъ въ поддевкѣ его сколько времени ловятъ и не могутъ поймать!

— И неужели все это серьёзно?

— Да еще какъ серьёзно-то. Нѣкоторые какъ будто жалѣютъ, а сами, видимо, облизываются.

Михаилъ Никандрычъ даже рукой махнулъ.

— Идите, заявите, чтобы оградили васъ, опять посовѣтовалъ онъ.—Ну, пусть даже возьмутъ васъ, потомъ выпустятъ,

И онъ долго еще утѣшалъ меня въ этомъ родѣ, а потомъ вызвался проводить, вѣроятно, съ цѣлью дорогою еще лучше доказать необходимость явки съ повинной.

На одной улицѣ намъ встрѣтился одинъ изъ моихъ благопріятелей. Сначала очень спокойно, безъ особенной радости онъ привѣтствовалъ Михаила Никандрыча, но едва увидавъ меня, весь расцвѣлъ. На лицѣ явилось такое блаженное выраженіе, какъ будто бы онъ послѣ долгой, горестной разлуки увидѣлъ, наконецъ, самаго задушевнаго друга, родного отца. Кивая головой и махая шляпой, благопріятель хотѣлъ даже выскочить изъ пролетки и, конечно, вступить въ разговоръ, но Михаилъ Никандрычъ съ сердцемъ взглянулъ на меня и, не останавливаясь, шелъ впередъ.

— Больше всѣхъ трезвонитъ, объявилъ онъ мнѣ. — Головой ручаюсь, что сообщитъ куда слѣдуетъ.

И дѣйствительно, мы увидали, что благопріятель что-то энергически приказывалъ кучеру. Экипажъ повернулъ въ переулокъ, который они уже проѣхали, и быстро помчался.

— Ну, вотъ, вотъ! злобствовалъ Михаилъ Никандрычъ. — Въ этомъ самомъ переулкѣ и живетъ.

— Кто?

— Да тотъ, кто такъ жаждетъ поручить вамъ дѣло своихъ родственниковъ.

Мнѣ оставалось только молчать и ждать.

Конечно, зачѣмъ мнѣ было оставаться въ городѣ? Пріѣхалъ человѣкъ, чтобы отдохнуть отъ визитовъ урядника, отъ ежедневнаго шпіонства батюшки, а вмѣсто того... Пожалуй, этакъ и

въ деревнѣ лучше. Тамъ, по крайней мѣрѣ, никто не дастъ такихъ совѣтовъ, какіе давали мнѣ Петръ Иванычъ и Михаилъ Никандрычъ. Тамъ пока еще соберется урядникъ, а тутъ на каждомъ шагу лицо, готовое, по требованію перваго встрѣчнаго, скрутить тебѣ назадъ руки.

Я рѣшилъ уѣхать. На утро едва Петръ Иванычъ ушелъ, я бросился на почтовую станцію. Узнавши мою фамилію, расторопный староста какъ-то особенно выразительно переглянулся съ писаремъ и стремительно кинулся въ сосѣднюю комнату. Тамъ нѣсколько времени шелъ таинственный шопотъ, кого-то куда-то посылали и велѣли бѣжать какъ можно скорѣе.

Вмѣстѣ съ старостой въ контору пришли какія-то бабы, толстый не то мужикъ, не то купецъ. Этотъ сладко зѣвалъ и ежеминутно крестилъ ротъ. Всѣ они съ любопытствомъ осматривали меня и переглядывались такъ, какъ будто обмѣнивались между собою какими-то мыслями.

Лошадей обѣщали прислать, однако, скоро и, вернувшись домой, я немедленно принялся за сборы.

Сестра Петра Иваныча тоже суетилась. Она ѣхала вмѣстѣ со мною къ кому-то изъ своихъ знакомыхъ, жившихъ не далеко отъ города, и радовалась предстоящей поѣздкѣ.

— Такая погода! Прелесть! И съ колокольчикомъ!

Меня тоже какъ нельзя больше обрадовалъ раздавшійся на дворѣ звонъ колокольцовъ. Наконецъ-то я выбираюсь изъ города и притомъ выбираюсь благополучно. Но, увы! я радовался слишкомъ рано.

Выглянувъ въ окно, я съ величайшимъ ужасомъ увидалъ у воротъ двухъ будочниковъ. Еще двое подходили съ улицы, а за ними въ припрыжку бѣжали два-три мальчишка. Отъ находящейся на противоположной сторонѣ лавки шелъ сидѣлецъ. Однимъ словомъ, собиралась публика.

Можетъ быть, все это не касается меня, но прежде чѣмъ я подыскалъ какое-нибудь утѣшеніе, вошла кухарка и объявила, что меня спрашиваетъ квартальный.

Анна Ивановна была блѣдна, какъ смерть, и глядѣла на меня остолбенѣлыми глазами. Вѣроятно, ей представилось, что меня посадятъ на ту самую тройку, на которой мы думали было съ такимъ удовольствіемъ прокатиться.

Но до этого дѣло не дошло. Полицейскій офицеръ ограничился только вопросами: откуда я, зачѣмъ, давно ли здѣсь и, узнавши, что я, пріѣхавши вчера утромъ, до сихъ не прописалъ своего вида, сокрушенно потрясъ головой. Я представилъ, что въ N, кажется, такихъ строгостей не полагается, но, какъ оказалось, ошибался.

Строгости были. Офицеръ задалъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ: куда ѣду, долго ли тамъ пробуду, вернусь ли сюда и такъ далѣе.

Дѣло тѣмъ и кончилось. Полицейскій офицеръ ушелъ, но будочники остались; любопытные тоже не расходились. Ихъ даже прибавилось. Въ домѣ, напротивъ квартиры Петра Иваныча, раскрылись окна и въ нихъ выставились барышни.

Анна Ивановна наотрѣзъ отказалась ѣхать со мною. Въ самомъ дѣлѣ, какое удовольствіе, садясь въ телегу, чувствовать, что на тебя глядятъ и оттуда и отсюда, и слышать разнаго рода замѣчанія. Но Анна Ивановна осталась дома главнымъ образомъ потому, что, по ея мнѣнію, мои злоключенія, съ уходомъ полицейскаго офицера, еще далеко не кончились.

Она была твердо убѣждена, что мнѣ дадутъ выѣхать со двора, можетъ быть, прослѣдовать двѣ-три улицы, но потомъ заворотятъ.

— Пошлите за братомъ, непремѣнно пошлите! упрашивала она.—Онъ, можетъ быть, что-нибудь сдѣлаетъ.

Но я не могъ желать этого. Петръ Иванычъ, въ виду случившагося, можетъ быть, насильно потащилъ бы меня къ властямъ.

И я съ тріумфомъ выѣхалъ со двора. Будочники сурово глядѣли мнѣ въ слѣдъ. Красная, толстая кухарка съ высоко подобраннымъ подоломъ что-то разсказывала стоявшей рядомъ съ нею чуйкѣ, должно быть, о моей зловредности. Изъ оконъ противоположнаго дома продолжали смотрѣть барышни. Однако, на всѣхъ лицахъ было написано разочарованіе. Надо полагать, зрители ожидали чего-нибудь бо̀льшаго.

— О, черти! насказали! ругалъ кого-то лавочникъ.

Пророчество Анны Ивановны не сбылось; до деревни я доѣхалъ благополучно. Мнѣ хотѣлось знать, что̀ думаетъ о моей особѣ ямщикъ и я заговаривалъ съ нимъ, конечно, о постороннихъ предметахъ. Я надѣялся, что авось онъ спроситъ о причинѣ моихъ напастей. Но ямщикъ не особенно былъ расположенъ бесѣдовать со мною.

Когда я разсказалъ Ивану Константинычу о своихъ приключеніяхъ въ городѣ, онъ почти потребовалъ, чтобъ я «тиснулъ» гдѣ-нибудь въ газетахъ.

— Какъ же это ни у меня, ни у кого другого они никакого вида не спрашиваютъ, а тебя вдругъ... съ такой церемоніей.

«Тиснуть». Но о чемъ тиснуть? кого и въ чемъ обвинять? Въ томъ, что у меня потребовали видъ... Законно! Жаловаться на то, что публика зубоскалила и меня провожали будочники. По-

слѣдніе были въ своемъ правѣ, а за публику никто не отвѣчаетъ... Кромѣ того, я знаю теперь, что значитъ или чѣмъ отзывается это «тиснуть».

Лаетъ собака... Кто бы это? Господи! опять урядникъ. Говорятъ только третьяго дня безъ меня пріѣзжалъ. И опять.

Урядникъ очень хорошо видѣлъ, что я сижу у окна, но не подошелъ ко мнѣ. Онъ ограничился тѣмъ, что издали нетолько фамильярно, а какъ-то свысока кивнулъ мнѣ и вступилъ въ разговоръ съ кучеромъ. Я не слышалъ, о чемъ они говорили, но ужъ по одному тому, что урядникъ нѣсколько разъ взглянулъ на меня, могъ догадаться, что и обо мнѣ шла рѣчь.

Поговоривъ съ Даниломъ, онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ руку.

— Все еще гостите?

— Да.

— Въ городѣ были?

— Да.

— А я въ Крючковѣ былъ, да сюда заѣхалъ.

Опять мнѣ протягивается рука и урядникъ уходитъ къ своей лошади.

Иванъ Константинычъ въ это время спалъ. Разсказываю ему о посѣщеніи, призываетъ кучера.

— Зачѣмъ пріѣзжалъ урядникъ?

— Сказываетъ, какого-то мужика надо, къ слѣдователю будто розыскиваютъ. Спрашивалъ, не у насъ ли живетъ.

— Да вѣдь онъ знаетъ, что никакого у насъ мужика нѣтъ.

— Какъ не знать! Надо бы знать...

— Ну, еще что?

Данило усиленно чешетъ въ затылкѣ и не то ухмыляется, не то жмется.

— О баринѣ еще спрашивалъ, о Павлѣ Васильичѣ. Куда ѣздили, какъ, что?

Немного спустя, узнаемъ, что на деревнѣ сходка. Распрашивается обо мнѣ и внушается смотрѣть въ оба.

Что это такое? Во всякомъ случаѣ, это не надзоръ. Чуть прямо не подъ носомъ распрашивать кучера, потомъ собирать въ десяти шагахъ сходку.

Я замѣчаю, что, встрѣчаясь со мною, нѣкоторые мужики какъ-то особенно смотрятъ на меня. Какъ именно — сказать не могу, по той простой причинѣ, что стараюсь не сталкиваться съ ними, а тѣмъ паче не разговаривать. А то опять: «съ мужиками

бесѣдуетъ! и т. д. Но вотъ случай, который, какъ мнѣ кажется, можетъ характеризовать то, какъ относятся ко мнѣ мужики.

Въ сосѣдней съ Погорѣловкой деревнѣ есть одинъ мужикъ-пропойца. За землею онъ не ходитъ, а занимается другими болѣе легкими дѣлами: стрѣляетъ дичь, когда она есть, ловитъ рыбу, а не то и просто прохаживается насчетъ чужой собственности. Недавно этотъ мужикъ, послѣ долгаго сидѣнія въ кабакѣ, вдругъ возымѣлъ желаніе отправиться къ намъ въ Погорѣловку, чтобы посмотрѣть, что я дѣлаю.

— Сказано: смотрѣть.

— Да тебя оттуда въ шею, представляли ему болѣе обстоятельные мужики. Но пропойца не унимался.

— Въ шею! Велѣно смотрѣть! Еще водки поднесутъ. Должны поднести, а не то... Погляжу какъ меня въ шею.

Визитъ, однако, почему-то не состоялся. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, что онъ не можетъ послѣдовать черезъ нѣсколько времени.

2-го октября.

Отъ нечего дѣлать, поѣхалъ сегодня на станцію за газетами. Надо было что-то купить. Захожу въ селѣ въ трактиръ, подлѣ котораго лавка. За столами нѣсколько пьяныхъ мужиковъ сидятъ и бесѣдуютъ. Кто-то напился въ лоскъ и спитъ на лавкѣ.

За стойкой какъ будто знакомая физіономія. Красная, какъ огонь, узенькая бороденка, бѣгающіе во всѣ стороны глаза, плутовское выраженіе лица, но степенность въ движеніяхъ.

Сидѣлецъ внимательно вглядывается въ меня и вдругъ расцвѣтаетъ.

— Кажется, господинъ Поповъ? наклоняется онъ надъ стойкой и послѣ утвердительнаго съ моей стороны отвѣта, забывая солидность, суется, въ разныя стороны отъ чрезмѣрной радости, подставляетъ стулъ, вытираетъ стойку.

— То-то смотрю. Вѣдь мы, сударь, знакомы! Въ присяжныхъ засѣдателяхъ сколько разъ бывалъ.

Начинаются распросы о томъ, какъ я попалъ сюда, зачѣмъ и когда: я объясняю, что гощу въ Погорѣловкѣ; на лицѣ сидѣльца мелькаетъ что-то особенное. Точно онъ обрадовался чему-то.

— Рюмочку водочки, хорошенькой, а то чайку. Сдѣлайте одолженіе! Помилуйте, какъ же знакомы вѣдь, упрашиваетъ онъ меня.—Будьте добры, не откажитесь.

Мои настойчивыя отнѣкиванія повергаютъ сидѣльца все въ большее и большее огорченіе.

— Ну, красненькаго. У меня не какое нибудь.

Стою на своемъ. Онъ задумывается на секунду, и вдругъ на лицѣ его является опять оживленіе.

— Нельзя ли хоть на минутку? почти шепчетъ онъ мнѣ какъ-то особенно таинственно.—Только на два слова. Сюда, сюда пожалуйте! Очень нужно!

Мы оказываемся въ маленькой, совершенно отдѣльной комнатѣ. Хозяинъ плотно притворяетъ дверь и, усѣвшись противъ меня у столика, устремляетъ на меня глаза.

— Такъ въ Погорѣловкѣ гостите?

— Да.

— Можно съ вами по всей откровенности? спрашиваетъ онъ меня послѣ нѣкотораго молчанія.

Я приготовляюсь выслушать одну изъ тѣхъ «кляузъ», которыя такъ надоѣли мнѣ во время адвокатской практики.

— Я не изъ чего-нибудь, приступаетъ сидѣлецъ:—а такъ изъ расположенія. Помилуйте! прежде, бывало, къ вамъ придешь, всякій совѣтъ. Теперь въ N нѣтъ такихъ адвокатовъ.

Нѣкоторое молчаніе, кашель, потомъ опять вопросъ.

— Давно гостите?

Говорю.

— Да, да, порядочно. Съ Иваномъ Константинычемъ пріятели. Такъ, такъ. Ахъ какъ бы это вамъ. Ужь вы меня пожалуйста отъ безпокойства избавьте. Вы можетъ мнѣ не повѣрите... Право я все это время...

Произнеся эти слова, собесѣдникъ мой начинаетъ помахивать головой. На лицѣ его изображается скорбь, но глаза нѣтъ-нѣтъ да остановятся на мнѣ, точно силятся проникнуть въ глубину моей души.

Конечно, я ничего не понимаю.

— Да водочки-то позвольте, чайку, красненькаго! Ну, наливочки какой-нибудь.

Рѣшительно объявляю, что спѣшу домой.

— У меня бы живо. Ну, какъ угодно, какъ угодно. Такъ ужь пожалуйста не взыщите. Я только изъ расположенія.

Сидѣлецъ принимаетъ таинственный видъ и дальше ужь совсѣмъ шепчетъ:

— Говоритъ мнѣ недавно одинъ человѣкъ; такъ... одинъ знакомый... что будто въ Погорѣловкѣ вотъ изъ этихъ самыхъ, знаете... самый главный... Называетъ по фамиліи, говоритъ въ нашемъ городѣ прежде жилъ. Думаю, какой такой. На васъ и не подумалъ!

Я почувствовалъ себя нехорошо, но мой собесѣдникъ, продолжая пристально смотрѣть на меня, не унимался.

— Нѣтъ вы передо мною по всей откровенности. Вѣдь я не то, что... Я вамъ скажу (рыжая бороденка совсѣмъ почти припадаетъ къ моему лицу и еще таинственнѣе прежняго шепчетъ). Я самъ этихъ книжекъ сколько прочиталъ! Могу понимать. Конечно, у меня учености... не могу хвастать, но медаль за содѣйствіе просвѣщенію имѣю. Вотъ здѣсь школа... я хлопоталъ...

Хочу свернуть разговоръ хоть бы на эту школу, но нѣтъ.

— Вотъ эта у нихъ книжка, начинаетъ опять сидѣлецъ.— Знаете? конечно, читали? Какъ тамъ...

Подъ конецъ бесѣды, дѣло дошло до того, что сидѣлецъ ужь поучалъ меня, но какъ-то лѣниво, притомъ то и дѣло выглядывалъ въ кабакъ. Лицо его приняло другое выраженіе. Нетолько не было прежняго одушевленія, но читалось что-то въ родѣ разочарованія.

— Вѣдь, право, я собирался было въ Погорѣловку, говорилъ онъ, протягивая мнѣ на прощаніе руку.—Какъ же, помилуйте! Такое время. Теперь всякій долженъ.

Возвращаясь домой и припоминая свое поведеніе въ трактирѣ, я... Но лучше не говорить объ этомъ. Я до того былъ возмущенъ, на самого себя главнымъ образомъ, что не вдругъ разсказалъ о случившемся Ивану Константинычу. Впрочемъ, и, разсказавъ, кое о чемъ умолчалъ.

Иванъ Константинычъ пожималъ плечами и волновался.

— Это Калистратка-то! кричалъ онъ, ходя по комнатѣ.— Ахъ, подлецъ, ахъ, дубина! И ты не наплевалъ ему въ харю.

Я молчалъ.

— Ахъ, подлецъ! Такъ прямо и приступилъ: откройтесь. Дубина! А знаешь, впрочемъ, вѣдь одного учителя такъ подвели; онъ, Калистратка, да еще тутъ помѣщикъ у насъ есть. Познакомились съ нимъ. Пошли чаи, водка, потомъ разговоры. Какъ, дескать, это міръ, человѣкъ... Тотъ возьми да съ простоты-то и хвати имъ объ обезьянѣ. Они, конечно, куда слѣдуетъ...

— Уволили?

— Само собой. Еще ладно, что этимъ отдѣлался.

4-го октября.

Зато, сегодня утѣшеніе. Сейчасъ получилъ письмо. Мѣсто, котораго я добивался, положительно за мной. На дняхъ даже состоится назначеніе. Поскорѣе бы. Очень ужь непріятно подвергаться изслѣдованіямъ со стороны разныхъ Калистратокъ.

8-го числа.

Сегодня Иванъ Константинычъ вернулся изъ N и долго разсказывалъ мнѣ о томъ, что̀ тамъ теперь происходитъ. Только и

толковъ, что обо мнѣ. Ивана Константиныча чуть не поминутно останавливали на улицахъ.

— Чтò это такое съ Павломъ Васильичемъ? Такой скандалъ, такой скандалъ! говорили тѣ, которымъ было извѣстно о томъ, что я живу въ Погорѣловкѣ, значитъ было неудобно предаться ликованію.

— Слышали? слышали? съ какимъ тріумфомъ выпроводили! восклицали другіе.—Еще лучше будетъ потомъ.

Многіе съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ справлялись о томъ, правда ли, что я хочу поступить на службу.

— Юношество обучать. Онъ давно объ этомъ мечталъ. Чтò-жъ, дѣло хорошее.

Однимъ словомъ ликованію въ N нѣтъ конца. Ходятъ слухи что игра еще не кончена.

Петръ Иванычъ положительно бѣснуется. Хозяина того дома, гдѣ онъ живетъ, говорятъ, оштрафавали за то, что онъ не сообщилъ о моемъ пріѣздѣ. А хозяинъ почтенный, заслуженный человѣкъ. Сестра Петра Иваныча не найдетъ мѣста. Ей представляется, что и братъ пожалуй пострадаетъ...

— Теперь тебѣ въ городъ и показываться нечего, говоритъ мнѣ Иванъ Константинычъ.

Пожалуй, что и такъ. Легко можетъ случиться, что не пустятъ ни въ одну гостинницу. Кому захочется изъ-за двухъ трехъ рублей принимать на себя хлопоты?

Нѣтъ, надо поскорѣе изъ этихъ мѣстъ.

— *Вечеромъ того же числа.*

Вотъ и надежды на мѣсто! Сейчасъ получилъ письмо. Сказано тѣмъ, кто хлопоталъ обо мнѣ, что *такого* человѣка принять нельзя. Пріятель, писавшій объ этомъ, удивляется, какъ это... Раньше: съ удовольствіемъ, очень радъ, а теперь... Но удивительнаго ничего нѣтъ. Изъ этого же письма усматриваю, что тамъ, гдѣ должно было состояться мое опредѣленіе на службу, былъ одинъ изъ моихъ «благопріятелей».

Завтра уѣзжаю. Нечего здѣсь оставаться. Пожалуй, и въ Погорѣловкѣ что-нибудь устроятъ. Впрочемъ, если захотятъ благопріятели, вездѣ достанутъ меня.

Н. Яковлевъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

XIV.

Разгаръ всѣхъ реакцій сопровождается странною иллюзіею, заключающеюся въ томъ, что при каждой новой реакціонной мѣрѣ людямъ кажется, что реакція дошла, наконецъ, до своихъ геркулесовыхъ столповъ и дальше идти ей некуда, но реакція не замедляетъ удивлять публику новыми шагами, которые, въ свою очередь, принимаются за геркулесовые столпы. Нѣтъ сомнѣнія, что тоже самое испытывали русскіе люди въ концѣ прошлаго столѣтія. Послѣ ужасовъ Шешковскаго, заточенія Новикова, ссылки Радищева, инквизиціонныхъ костровъ, въ огнѣ которыхъ сожигались десятки тысячъ экземпляровъ, оставался, повидимому, возможнымъ лишь одинъ послѣдній шагъ: запретить всѣ частныя типографіи. И разъ реакція не остановилась и передъ этою крайнею мѣрою, то естественно могло казаться, что она дошла до своихъ геркулесовыхъ столповъ и дальше ей только и оставалось почивать на лаврахъ. Но современникамъ, въ свою очередь, пришлось убѣдиться, что все это были одни цвѣточки, а ягодки предстояли еще впереди, и реакція не замедлила приподнести имъ эти ягодки, дѣйствительно, далеко оставившія за собою мрачный указъ 1796 года.

Мы приступаемъ теперь къ роковому въ исторіи прессы моменту обособленія цензуры, въ видѣ отдѣльнаго вѣдомства, спеціально предназначеннаго для наблюденія надъ прессою, и надо отдать справедливость историческому року, онъ не могъ избрать момента наиболѣе соотвѣтствующаго этому факту. Этотъ моментъ мглы, бури и всеобщаго ужаса былъ въ тоже время моментомъ небывалаго ни до того времени, ни послѣ него у насъ въ Россіи цензурнаго потопа. Цензура въ это время выходитъ изъ всѣхъ своихъ береговъ: она перестаетъ ограничиваться одною прессою, а вторгается во всѣ предѣлы жизни, начинаетъ наблюдать надъ каждымъ словомъ и шагомъ людей, стремится проникнуть въ

самыя сокровенныя ихъ мысли, налагаетъ свои veto даже на такія мелочи частной жизни, какъ покрой и цвѣтъ носимаго платья. Такъ въ это время во избѣжаніе всего, что хоть чѣмъ бы то ни было напоминало собою нравы ненавистной революціи, было запрещено носить круглыя шляпы, фраки, жилеты, панталоны, ботинки и сапоги съ отворотами, вмѣстѣ съ тѣмъ, и черныя шапки съ ушами; всѣ привилегированные классы страны обязаны были облечься въ однобортные кафтаны со стоячимъ воротникомъ, трехъугольныя шляпы, камзолы, короткое нижнее платье и ботфорты. Женщины, въ свою очередь, должны были соблюдать установленную форму въ покроѣ какъ платьевъ, такъ и головныхъ уборовъ.

Результатомъ подобнаго цензурнаго потопа былъ всеобщій терроръ, нависшій надъ всею русскою землею, и надо ли прибавлять, что особенно чувствителенъ былъ этотъ терроръ для людей мало-мальски интеллигентныхъ. Люди, имѣвшіе дѣло съ книгами, особенно же производившіе ихъ, сдѣлались, мало того, что подозрительны, но положительно ненавистны. Участь каждаго изъ нихъ ежеминутно висѣла на волоскѣ. Что чувствовалъ въ это время литераторъ, живущій въ Петербургѣ и подвизающійся на литературномъ поприщѣ, объ этомъ краснорѣчиво повѣствуетъ намъ Августъ Кацебу въ своей книжкѣ «Достопамятный годъ моей жизни»:

«Злодѣи, говоритъ онъ: — злоупотребляя довѣріемъ монарха, по природѣ расположеннаго къ добру, представляли ему во всемъ какіе-то небывалые призраки, въ существованіе которыхъ они сами не вѣрили, и достигли того, что въ странѣ водворился терроръ. Каждый вечеръ я ложился съ мрачными предчувствіями; ночью внезапно просыпался и вскакивалъ въ смертельномъ ужасѣ при малѣйшемъ шумѣ, при стукѣ всякой проѣзжавшей по улицѣ кареты. Каждое утро первою заботою было избѣгнуть возможныхъ бѣдствій въ теченіи дня. Выходя изъ дому, я еще издали искалъ глазами государя, чтобъ во-время выйти изъ экипажа; я наблюдалъ съ большимъ безпокойствомъ за цвѣтомъ моей одежды, ея покроемъ и отдѣлкою; я былъ принужденъ оказывать вниманіе женщинамъ сомнительной репутаціи и мужчинамъ ограниченнаго ума; я сносилъ дерзости мужа госпожи Шевалье, невѣжественнаго балетъ-мейстера; при каждомъ представленіи моей пьесы, дрожа всѣмъ тѣломъ, я ожидалъ, что постоянно зоркая и бдительная полиція или тайная экспедиція откроютъ въ ней что-либо подозрительное или оскорбительное. Каждый разъ, когда жена моя отправлялась съ дѣтьми гулять и не возвращалась долѣе обыкновеннаго, я дрожалъ, опасаясь, что она

слишкомъ поздно вышла изъ экипажа при встрѣчѣ съ государемъ и была отправлена за это въ общую тюрьму, какъ это сдѣлали съ женою содержателя гостинницы г. Демута. Я рѣдко сталъ повѣрять мои горести какому-нибудь другу, потому что стѣны слушали и братъ не могъ положиться на брата. Я не имѣлъ возможности достать себѣ книгъ, чтобы чтеніемъ развлечься въ такое смутное и бѣдственное время—почти всѣ книги были запрещены. Я долженъ былъ отказаться отъ употребленія пера, потому что возможно ли было что-либо довѣрить бумагѣ, которую во всякій часъ могли у меня отобрать. Я подвергалъ опасности свое здоровье всякій разъ, когда долженъ былъ по дѣламъ своимъ проѣзжать мимо дворца, такъ какъ во всякое время года, несмотря ни на какую погоду, всѣ обязаны были снимать шляпу, приближаясь къ этой грудѣ камней и удаляясь отъ нея. Самая невинная прогулка обращалась въ мученіе, потому что почти всегда можно было встрѣтить несчастныхъ, которыхъ вели или въ тюрьму, или для наказанія кнутомъ. Ссылаюсь на всѣхъ жителей Петербурга, если изображенная мною картина покажется слишкомъ мрачною. О! еслибы государь, искренно желавшій счастія своихъ подданныхъ, зналъ бы все это!»

Не надо забывать, что это свидѣтельствуетъ лицо оффиціальное, директоръ нѣмецкой труппы придворнаго театра, лично извѣстный Павлу и обласканный имъ послѣ ссылки. Каково же должны были чувствовать себя литераторы, не имѣвшіе ни протекціи, ни связей при дворѣ. Очень понятно, что они, если не были заточаемы и ссылаемы, то сами добровольно спасались бѣгствомъ изъ Петербурга, спѣша укрыться куда-нибудь въ провинціальную глушь, подобно птицамъ во время грозы. Такъ намъ извѣстно, что баснописецъ Крыловъ, въ продолженіи всего этого времени скрывался на Украйнѣ въ усадьбѣ князя Голицына, который, въ свою очередь, находился въ своемъ имѣніи въ качествѣ ссыльнаго.

До какой степени въ это время было опасно слыть интеллигентнымъ человѣкомъ, и въ особенности писателемъ, не беря въ расчетъ ни направленія мыслей, ни какихъ-либо предосудительныхъ поступковъ, объ этомъ намъ свидѣтельствуетъ печальная участь того самаго Коцебу, о которомъ мы сейчасъ говорили. Мы остановимся на этомъ фактѣ, тѣмъ болѣе для насъ замѣчательномъ, что здѣсь выступаетъ передъ нами въ качествѣ цензора самъ императоръ.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло вовсе не съ какимъ-нибудь революціонеромъ и радикаломъ, а съ тѣмъ самымъ извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ

Августомъ Фридрихомъ-Фердинандомъ Коцебу, который впослѣдствіи палъ подъ ударами кинжала Карла Занда. Онъ пріѣхалъ въ Россію еще въ 1783 году, служилъ въ Ревелѣ въ должности ассесора апелляціоннаго суда, а потомъ президента магистрата, женился на русской, и затѣмъ въ 1797 г. пріѣхалъ въ Вѣну, оставивъ Россію съ разрѣшенія императора. Въ Вѣнѣ онъ былъ сдѣланъ режиссеромъ придворнаго театра, съ титуломъ «придворнаго драматическаго писателя». Въ 1880 году ему захотѣлось вновь посѣтить Россію для свиданія съ родственниками жены и двумя старшими сыновьями, воспитывавшимися въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ. Но въѣздъ въ Россію былъ запрещенъ кому бы то ни было безъ высочайшаго разрѣшенія. Чтобы получить это разрѣшеніе, Коцебу обратился къ русскому посланнику въ Берлинѣ, барону Крюднеру. Ему посовѣтывали, не ограничиваясь формальною просьбою, написать императору личное письмо, въ которомъ указать на цѣль путешествія и просить въ видѣ милости разрѣшенія пробыть въ предѣлахъ Россіи четыре мѣсяца. Прошеніе Коцебу было еще въ дорогѣ, какъ онъ получилъ уже отъ барона Крюднера письмо слѣдующаго содержанія:

«Съ великимъ, милостивый Государь, удовольствіемъ спѣшу сообщить вамъ *о благосклонномъ разрѣшеніи* государя императора на выдачу вамъ паспорта. Я получилъ приказаніе доставить вамъ его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ возможно скорѣйшемъ времени донести о томъ, по какому направленію предполагаете вы отправиться въ Россію (*чтобы устранить всѣ препятствія, могущія вамъ, безъ этой мѣры предосторожности, встрѣтиться*). Поэтому, М. Г., прошу васъ сообщить мнѣ въ возможной скорости: 1) маршрутъ вашего путешествія, 2) списокъ лицъ, васъ сопровождающихъ и 3) мѣсто, въ которое я долженъ доставить вашъ паспортъ, если вы не предполагаете заѣхать въ Берлинъ по дорогѣ?»

При всей любезности этого письма, оно, однако же, возбудило въ Коцебу нѣкоторыя подозрѣнія. «Я, говоритъ онъ:—оставилъ Россію съ разрѣшенія императора и до изданія указа, по которому лицо, покидавшее Россію, обязывалось не въѣзжать болѣе въ ея предѣлы; но я зналъ, что Павелъ I не жаловалъ писателей. Какъ согласить извѣстное мнѣ нерасположеніе его къ моей личности съ тѣмъ скорымъ, благосклоннымъ и, повидимому, преисполненнымъ милости отвѣтомъ, который послѣдовалъ на мою просьбу? Я не могъ себѣ представить, какого рода затрудненія могутъ встрѣтиться мнѣ на дорогѣ, коль скоро я имѣю паспортъ; а если затрудненія эти представлялись всѣмъ путешественникамъ по Россіи, то на какомъ основаніи дѣлаютъ исклю-

ченіе для меня? Какое имѣлъ я право на такое отличіе? Зачѣмъ государю необходимо было знать въ подробности направленіе моего пути?»

Опасенія эти еще болѣе увеличились, когда, получивъ паспортъ, Коцебу не нашелъ въ немъ означенія, что паспортъ выданъ на четыре мѣсяца. «Опущеніе это было крайне непріятно, говоритъ онъ: — оно могло затруднить мое возвращеніе; я старался поправить это слѣдующимъ образомъ: въ то время я имѣлъ честь носить званіе драматическаго писателя его императорскаго величества австрійскаго императора, и на этомъ основаніи испросилъ себѣ у министерства двора четырех-мѣсячный отпускъ, который долженъ былъ предъявить австрійскому посланнику, еслибы встрѣтилось препятствіе къ моему возвращенію въ Германію».

По пріѣздѣ въ Берлинъ, Коцебу получилъ нѣсколько писемъ отъ друзей изъ Россіи и всѣ они, словно сговорились, писали одно и тоже, чтобы Коцебу «обратилъ вниманіе на свое здоровье и не подвергалъ его суровости здѣшняго климата». Но, несмотря на подобныя предостереженія, Коцебу отправился далѣе. Въ одномъ маленькомъ городкѣ въ Помераніи, Коцебу разговорился съ однимъ старикомъ прохожимъ, повидимому, привратникомъ, который долго увѣщевалъ его не ѣздить далѣе и, видя тщету своихъ совѣтовъ, окончилъ ихъ, сказавъ:

— Да благословитъ и поможетъ Богъ отправляющемуся въ Россію!..

Всѣ эти увѣщанія и предостереженія до такой степени, наконецъ, смутили Коцебу, что по мѣрѣ приближенія къ границамъ Россіи, онъ началъ колебаться, ѣхать ли ему туда и не предоставить ли женѣ одной дальнѣйшее путешествіе, а самому остаться въ Мемелѣ ожидать ея возвращенія, но жена ни за что не согласилась на это, и участь его была рѣшена. Благосклонное и безпрепятственное быстрое разрѣшеніе въѣзда въ Россію, съ устраненіемъ всѣхъ препятствій на пути, оказалось лишь западнею, и одновременно съ нимъ были приняты всѣ мѣры къ немедленному задержанію Коцебу. Едва успѣли въѣхать наши путешественники въ предѣлы Россіи, какъ Коцебу тотчасъ же былъ арестованъ въ Палангенской таможнѣ. Поводовъ къ этому аресту не было буквально никакихъ, кромѣ лично извѣстнаго Павлу литературнаго имени Коцебу. А потому не было ни суда, ни слѣдствія, ни одного допроса, хотя бы ради соблюденія формальности, а такъ-таки прямо изъ Палангена и отвезли злополучнаго драматурга прямо въ Тобольскъ, разлучивъ его съ семействомъ и предоставивъ послѣднее на произволъ судьбы.

Два мѣсяца уже томился несчастный драматургъ въ снѣгахъ Сибири, ничего не зная, не вѣдая объ участи своего семейства, рисковалъ быть и совсѣмъ забытымъ въ своемъ безпричинномъ изгнаніи, какъ вдругъ его выручилъ тотъ слѣпой, капризный случай, который въ эту пору вертѣлъ въ Россіи всѣми людьми безъ различія половъ, возрастовъ и состояній. Вотъ какъ разсказываетъ Коцебу о своемъ чудесномъ избавленіи:

«Года четыре тому назадъ я написалъ небольшую драму, подъ заглавіемъ «Старый кучеръ Петра III», внушенную мнѣ увлеченіемъ однимъ великодушнымъ поступкомъ императора и я, конечно, не воображалъ тогда, чтобы она могла когда-либо такъ сильно повліять на мою судьбу. Эта драма была переведена на русскій языкъ молодымъ человѣкомъ, по фамиліи Краснопольскій. Желая посвятить свой переводъ императору, онъ обращался съ просьбою объ этомъ ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ, которыя совѣтовали ему не дѣлать этого или, по крайней мѣрѣ, умолчать въ переводѣ, что это мое произведеніе, такъ какъ достаточно было моего ненавистнаго имени, чтобы испортить все дѣло, тѣмъ болѣе, что русскіе и нѣмецкіе актеры, давая мои пьесы, не отваживались обозначать на афишахъ мою фамилію. Благородный молодой человѣкъ не рѣшился, однако, на такое литературное похищеніе.

— Пьеса написана Коцебу, говорилъ онъ: — я только переводчикъ; я не хочу быть вороною въ павлиньихъ перьяхъ; я долженъ оставить его фамилію въ заглавіи пьесы.

«Встрѣтивъ затрудненія лично поднести государю свой переводъ, онъ послалъ его по почтѣ. Эта посылка произвела необычайное впечатлѣніе на государя. Онъ прочелъ пьесу; она его тронула и ему понравилась. Онъ приказалъ наградить переводчика богатымъ перстнемъ и запретилъ въ тоже время напечатать эту рукопись. Спустя нѣсколько часовъ, онъ опять потребовалъ рукопись къ себѣ, прочелъ ее снова и дозволилъ печатать, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ выраженій, какъ напримѣръ, (кто бы могъ это подумать), *«императоръ поклонился мнѣ; онъ кланяется всѣмъ порядочнымъ людямъ»*. Въ продолженіи дня онъ пожелалъ просмотрѣть рукопись въ третій разъ, снова прочелъ ее и разрѣшилъ печатать безъ всякихъ пропусковъ. Въ тоже время онъ объявилъ, что поступилъ со мною нехорошо, долженъ поправить свою ошибку и считаетъ своею обязанностью сдѣлать мнѣ подарокъ, равный полученному кучеромъ отъ его отца (т. е. въ двадцать тысячъ рублей). Въ ту же минуту отправленъ былъ за мною курьеръ въ Тобольскъ.

«Вскорѣ была получена моя докладная записка. Императоръ

прочелъ ее два раза, несмотря на то, что она была очень длинна. Тронутый ея содержаніемъ, онъ приказалъ эстляндскому губернатору выбрать для меня отличное казенное имѣніе, вблизи Фриденталя. Такое приказаніе одинаково дѣлаетъ честь уму и сердцу. Онъ не довольствовался сдѣлать мнѣ подарокъ, онъ хотѣлъ сдѣлать его пріятнымъ для меня образомъ. Нельзя отрицать, что въ подобномъ приказаніи обнаружилась большая деликатность и благородство. Впрочемъ, въ окрестностяхъ Фриденталя не оказалось такого имѣнія, какое государь желалъ мнѣ подарить»... За то 13-го августа Коцебу получилъ копію съ указа, которымъ государь жаловалъ ему казенное имѣніе Воррокуль въ Лифляндіи, освободивъ его отъ всякихъ повинностей. «Это имѣніе, говоритъ Коцебу:—очень обширное, заключавшее болѣе 400 душъ, приносило мнѣ до 4,000 рублей арендпаго дохода; кромѣ того, здѣсь находился хорошій домъ со всѣми хозяйственными принадлежностями. Это былъ истинно царскій подарокъ и самое краснорѣчивое доказательство моей невинности». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Коцебу былъ назначенъ директоромъ труппы нѣмецкихъ актеровъ съ производствомъ въ чинъ надворнаго совѣтника и съ содержаніемъ по 1,200 р. въ годъ.

Вскорѣ затѣмъ изъ тайной экспедиціи возвратили ему всѣ бумаги, отобранныя на границѣ. Все было въ цѣлости до малѣйшаго листочка; только драма «Густавъ Ваза», завернута была въ особый пакетъ съ надписью «не дѣлать никакого изъ нея употребленія». Одно выраженіе навлекло на эту піесу, по словамъ Коцебу, такое рѣшительное осужденіе, именно то, въ которомъ говорилось, что *если монархъ повелѣваетъ совершить преступленіе, то всегда находитъ тысячи рукъ, готовыхъ поразить жертву*.

Ниже мы возвратимся къ дѣятельности Коцебу въ качествѣ директора нѣмецкаго театра; теперь же мы займемся цензурными преобразованіями, послѣдовавшими въ царствованіе Павла.

XV.

Первая цензурная мѣра заключалась въ указѣ 4-го іюля 1797 г., которымъ Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: книги, цензурою признаваемыя недозволенными, и даже тѣ, кои кажутся сомнительными, представлять на разсмотрѣніе Совѣта (Его Величества).

Этотъ указъ при всей своей краткости, тѣмъ не менѣе, по всей вѣроятности, привелъ литературу въ немалый трепетъ, такъ

какъ онъ подвергалъ ее непосредственному надзору высшаго правительства, относившагося, какъ мы видѣли, къ писателямъ крайне сурово и подозрительно.

Затѣмъ 17-го мая 1798 былъ изданъ указъ слѣдующаго содержанія: «Правительство, нынѣ во Франціи существующее, желая распространять безбожныя свои правила во всѣ устроенныя государства, ищетъ развращать спокойныхъ обитателей оныхъ сочиненіями, наполненными зловредными умствованіями, стараясь тѣ сочиненія разными образами разсѣевать въ общество, наполняя даже оными и газеты свои. Подтверждая нынѣ прежде сего состоявшіеся указы о сочиненіяхъ французскихъ, подъ именемъ Монитера извѣстныхъ, да и другихъ такого рода, издаваемыхъ вообще въ областяхъ подъ обладаніемъ французскимъ состоящихъ, видя также, что многіе газетчики отступаютъ отъ прямой цѣли должности своей и ищутъ, по подущенію ли французовъ, или же по собственнымъ своимъ дурнымъ расположеніямъ, подражать имъ, и что, къ сожалѣнію, власти нѣкоторыя взираютъ на сіе спокойнымъ духомъ, за нужное признаемъ повелѣть сенату нашему: 1) устроить во всѣхъ портахъ цензуру, составленную изъ одного или двухъ членовъ, которые бы имѣли наблюденіе, чтобы на корабляхъ отвозимыя сочиненія, какъ газеты, такъ и другія, не были пропускаемы безъ прочтенія тѣми цензорами и согласія оныхъ; а таможенные начальники, при входѣ въ портъ всякаго судна, имѣютъ объявлять, какъ капитану онаго, такъ и пассажирамъ сіе повелѣніе... 2) Сенатъ нашъ имѣетъ обнародовать по всей имперіи, что кто получитъ газету, какую бы то ни было, или иное періодическое сочиненіе посредствомъ вояжировъ, курьеровъ, или же почты, и оное передастъ изъ рукъ своихъ въ другія, не представя предварительно оныя цензорамъ, то подвергаетъ себя неминуемо суду, какъ ослушникъ законовъ».

Указъ этотъ былъ лишь подтвержденіемъ и развитіемъ екатерининскаго указа 1796 года. Уже тогда при портахъ была устроена особая цензура и она открыла свою дѣятельность въ 1797 году. Теперь это новое учрежденіе было окончательно организовано и приведено въ порядокъ. — Первыми членами его были назначены: *ученые* цензора въ Петербургѣ—Котельниковъ, въ Ригѣ—Иноходцевъ, въ Одессѣ—профессоръ Захаровъ (отъ Академіи), въ Москвѣ—профессоръ Антонъ Прокоповичъ—Антонскій, въ Радзивиловѣ—философіи магистръ Александръ Барсовъ (отъ университета); *гражданскіе*, въ Петербургѣ — костромской вице-губернаторъ Михаилъ Туманскій; въ Москвѣ — совѣтникъ мануфактуръ-коллегіи Стратиловичъ; въ Ригѣ состоящій при на-

родныхъ училищахъ Θедоръ Туманскій; *духовные,* ректоръ кіевской семинаріи Антоній, проповѣдникъ московской академіи от. Владиміръ и рижскій протопопъ от. Спиридонъ Тихонравовъ. Въ тоже время предположено было сенатомъ назначить особые домы, необходимо потребные для производства цензуры книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены были и штаты: свѣтскимъ цензорамъ было положено отъ 1800 до 800 рублей, смотря по важности того города, въ которомъ занимали они мѣсто, а духовнымъ положено по 500 рублей. При управленіяхъ назначено по секретарю, библіотекарю, по три чтеца, знающихъ иностранные языки; сверхъ того, положено выписывать энциклопедическіе и критическіе журналы о вновь выходящихъ книгахъ. Всего по штатамъ назначено на цензуру свыше 20,000 рублей.

Всѣ эти цензора на основаніи вышеозначенныхъ указовъ, 16-го сентября 1796 г. и 4-го іюля 1797 г., въ сомнительныхъ случаяхъ обязаны были представлять свои заключенія о книгахъ на разсмотрѣніе Совѣта Его Величества, предсѣдателемъ котораго былъ генералъ-прокуроръ князь Куракинъ, а впослѣдствіи князь Лопухинъ. Журналы же Совѣта докладывались самому императору Павлу Петровичу. Не ограничиваясь этими указами, 17-го апрѣля 1800 года правительство сочло нужнымъ издать новый подтвердительный указъ, повелѣвающій, чтобы ни одна изъ цензуръ безъ одобренія с.-петербургской цензуры печатать книги не дозволяла, и всѣмъ имъ по сему предмету быть подчиненными означенной цензурѣ. На слѣдующій же день, т. е. 18-го апрѣля 1800 г. былъ изданъ указъ, который дѣлалъ совершенно излишнимъ существованіе портовыхъ цензуръ, такъ какъ парализовалъ окончательно ихъ дѣятельность: «Такъ какъ, гласилъ этотъ знаменитый указъ:—черезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить выпускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку».

Подобное окончательное огражденіе отъ Европы китайскою стѣною въ видѣ запрещенія, какъ свободнаго проѣзда черезъ границу безъ высочайшаго соизволенія, такъ и впуска какихъ бы то ни было иностранныхъ книгъ, и даже нотъ, это рѣшительное возвращеніе ко временамъ допетровской замкнутости, представляло собою, наконецъ, дѣйствительно геркулесовы столпы, дальше которыхъ реакція уже не пошла.

*

XVI.

Теперь отъ общихъ узаконеній, мы перейдемъ къ частнымъ фактамъ, характеризующимъ собою духъ, направленіе и практику цензурной дѣятельности эпохи Павла.—Здѣсь мы считаемъ кстати замѣтить, что каждая эпоха выдвинула своего цензурнаго представителя, героя, въ которомъ наиболѣе олицетворился идеалъ цензуры своего времени. Въ царствованіе Павла подобнымъ воплощеннымъ идеаломъ былъ гражданскій цензоръ Риги—Ѳедоръ Осиповичъ Туманскій.

Туманскій происходилъ изъ хорошей малороссійской фамиліи [1], и слѣды его украинскаго происхожденія проявлялись нерѣдко въ его литературныхъ трудахъ. Онъ учился въ геттингенскомъ университетѣ и во второй половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія выступилъ на литературное поприще, но не обнаружилъ никакого таланта. Въ 1791 г., когда Карамзинъ началъ издавать свой «Московскій журналъ», Туманскій сталъ присылать ему во множествѣ свои стихотворенія; но они были такъ плохи, что Карамзинъ ихъ не печаталъ. Кромѣ того, Карамзинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ рѣзкій разборъ, написанный Подшиваловымъ, переведенной Туманскимъ Полефитовой книги «О невѣроятныхъ сказаніяхъ». Все это озлобило Туманскаго, и онъ выступилъ въ числѣ противниковъ Карамзина вмѣстѣ съ Клушинымъ, Эминымъ-сыномъ и прочими сотрудниками петербургскаго журнала «Зритель». Самъ же Туманскій въ томъ же 1792 г. издавалъ журналъ «Россійскій Магазинъ», гдѣ въ свою очередь порицалъ Карамзина. Но месть Туманскаго не ограничилась этимъ. Въ 1800 году, когда онъ былъ уже рижскимъ цензоромъ, вышелъ въ Лейпцигѣ сдѣланный Рихтеромъ нѣмецкій переводъ «Писемъ русскаго путешественника Карамзина». Туманскій задержалъ эту книжку и представилъ ее въ Совѣтъ, но Совѣтъ допустилъ ее къ ввозу въ Россію.

Въ 14-мъ томѣ «Русской Старины», въ статьѣ «Цензура въ Россіи при императорѣ Павлѣ» (стр. 445) приведенъ длинный списокъ иностранныхъ книгъ, задержанныхъ Туманскимъ и представленныхъ имъ въ Совѣтъ съ донесеніями о ихъ зловредности. Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько наиболѣе характеристическихъ и курьёзныхъ изъ этихъ донесеній.

Экономическо-технологическая энциклопедія доктора Крюница.

---

[1] «Р. Стар.», 1873 г., т. 8, стр. 334—335.

«На страницахъ такихъ-то, опорочивая, что крестьяне въ Россіи крѣпостные, порочитъ законы блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго о распоряженіи подушныхъ денегъ и набора рекрутъ, а на страницѣ 520-й утверждаетъ, что въ государствѣ крѣпостныхъ быть не должно».

Странные разговоры между нѣкіимъ путешественникомъ и разнаго рода другими лицами о религіозныхъ истинахъ. «Сіе сочиненіе подозрительнымъ дѣлаютъ, что путешественникъ о важныхъ матеріяхъ и большею частію къ христіанству относящихся разговариваетъ низкимъ образомъ, какъ бы согласуясь съ простолюдинами, входящими въ разговоръ съ нимъ».

Журналъ для фабрикъ, мануфактуръ, торговли и моды. «На первой строкѣ 306-й стр., постановленіемъ вопросительнаго знака хитро критикуетъ священное изрѣченіе» (Совѣтъ эту книгу пропустилъ).

Робертъ и Элиза или радости возвышенной любви. «На стр. 310-й, считаетъ ненужною тайну брака благословеніемъ священно-іереевъ, да и на стр. 314-й совѣтуетъ дочери не присутствовать при погребеніи родителя, и безъ того уже въ жизни довольно черными красками описаннаго, что̀ есть противно нравственности, обязывающей дѣтей къ почтенію родителямъ».

Дома проституціи или лучшій міръ въ теплыхъ странахъ. «Довлѣетъ одного воззрѣнія къ презрѣнію».

Франція въ 1797 г. (на нѣмецкомъ языкѣ). «Кромѣ того, что всѣ страницы наполнены разсужденіями о французской революціи, на стр. 189 помѣщена пѣснь своевольства, да еще и съ нотами».

Лѣтописи британской исторіи. «Повсюду силится дать французской революціи видъ пріятный и восхитительный; напротивъ того, мараетъ черными красками Англію и прочія державы въ желаніи, чтобы вразумить Францію».

Мои странствованія по юдоли несчастій и по долинѣ бѣдствій. «На стр. такихъ-то, чтобъ быть министромъ, надобно пить; проспавшись собрать налоги, опять пить, и такъ продолжать до конца жизни; умереть въ пьянствѣ—блаженство; на стр, 145-й: я король и останусь королемъ, доколѣ пьянъ. Таковыя нелѣпыя выраженія по нынѣшнимъ временамъ и въ шуткахъ опасны».

Du contrat social ou principes du droit politique par J. J. Rousseau. «Извѣстно, что мнимое равенство во французской революціи большею частію изъ сей книги заимствовано». Но Совѣтъ нашелъ, что книга эта можетъ быть пропущена, «яко принадлежащая къ сочиненіямъ Руссовымъ, которыхъ привозъ и про-

даже были равномѣрно свободны, а потому, конечно, и есть уже онѣ здѣсь во многихъ собраніяхъ книжныхъ».

Журналъ фабрикъ, мануфактуръ, торговли и моды. «Въ сочиненіи лифляндца или рижанина, на стр. 434-й, говоритъ о помазанникѣ Божіемъ безъ всякаго отличія отъ простаго купца; на стр. 435-й, бредитъ о благополучныхъ россіянахъ, яко бы они подъ желѣзнымъ игомъ рабства стонутъ! Россіяне, бывъ своимъ состояніемъ совершенно довольны, не просятъ рижскихъ купцовъ ни писать, ни сожалѣть о ихъ состояніи...» Надо полагать, что стонущіе подъ игомъ рабства россіяне были плодомъ фантазіи рижскаго цензора, желавшаго отличиться своею благонамѣренностью въ глазахъ начальства, и что ничего подобнаго не заключалось въ вышеприведенномъ журналѣ, такъ какъ Совѣтъ разрѣшилъ выпускъ его.

Англійскіе листки (на нѣмецкомъ языкѣ). «На стр. 140-й крайне обижаетъ женщинъ, называя знатную даму кокеткою, подобно дѣвкѣ въ кухнѣ, а хозяйку дома—инвалиднымъ мясомъ и т. д. Стр. 142, сатира на императоровъ; на стр. 148 не находитъ у большихъ господъ вкуса къ книгамъ, ибо де голова ихъ безъ разума, пуста. Стр. 172 совѣтуетъ презирать супружество; стр. 207 и 208, будто пороки уже такъ вкоренились, что супружества добраго и нѣтъ; стр. 227, отъ царя Давида и далѣе ругаетъ всѣхъ государей и пр.

Молитвенникъ императора Павла (переводъ съ русскаго на нѣмецкій). «Изъ предисловія явствуетъ, что сія книга не есть то, что на титулѣ изображено; а какъ мыслей монаршихъ, безъ монаршаго позволенія, печатать нельзя, то цензоры и пропустить не смѣли».

По поводу этого молитвенника состоялся слѣдующій журналъ Совѣта: 1797 года, ноября 23-го дня, въ совѣтѣ вице-канцлеръ объявилъ, что имѣлъ онъ счастіе представлять государю императору принадлежащую къ рапорту рижской цензуры, отъ 30-го октября, книжку подъ титломъ: «Kaisers Paul Gebethbuch», которую его величество указалъ запретить, какъ содержащую въ себѣ, подъ видомъ похвалы, многія вольнодумныя и неприличныя мысли и выраженія.

Приготовительныя познанія для правильнаго разумѣнія Бога, природы и человѣка. Для юношества. «Цѣль и намѣреніе книжки, до предпослѣднихъ страницъ, похвальны; но какъ сочинитель оной подъ дедикаціею подписался воспитателемъ юношества въ Россіи, въ Бѣлорусской губерніи, то кажется, что на стр. 389-й названіе государя *первымъ гражданиномъ*, а на стр. 390, *первымъ гражданиномъ и большимъ слугою* есть ученіе слишкомъ

новое, и для юношества таковыхъ лѣтъ, для каковыхъ назначено, оное вверять опасно, не предпославъ другихъ важнѣйшихъ правилъ къ повиновенію и непреложному почитанію».

Человѣкъ въ оковахъ. «Начиная отъ стр. такихъ-то, введенъ республиканецъ, разсуждающій съ монархистомъ, по имени Фалкономъ, объ образѣ правленія, что первый, усиливаясь во всемъ давать преимущество правленію республиканскому и унижая монархическое приведеніемъ разныхъ несчастій для подданныхъ, отъ сего рода правленія для подданныхъ проистекающихъ, наконецъ, склонилъ, яко-бы, на свою сторону и монархиста, а тѣмъ самымъ наводитъ *сумнѣніе* въ слабоумныхъ о изрядствѣ правленія монархическаго».

Эти двѣ книги, вмѣстѣ съ «Путешествіемъ изъ Пресбурга» и «Обличеніемъ людей мрака» были представлены изъ рижской цензуры въ числѣ 25; Совѣтъ призналъ всѣ 25 книгъ неудобными къ выпуску; на поляхъ же противъ этого мѣста помѣчена слѣдующая резолюція императора Павла:

«Книги сжечь, а хозяевъ, отыскавъ, поступить съ ними по законамъ, за выписку оныхъ».

Рижская типографія представила въ таможную цензуру книгу, подъ названіемъ: «*Регламентъ для общества вспомоществованія больнымъ, вдовамъ и сиротамъ.* Но цензура задержала эту книгу и представила въ Совѣтъ при слѣдующемъ донесеніи Туманскаго: «Никакіе законы не могутъ быть въ публику выпускаемы безъ утвержденія монаршія воли, сія же книга названа Reglement, а регламенты суть законы; на стр. 9 въ § 12, предполагается принимать въ общество разныя состоянія, но о дворянахъ и военныхъ выпущено; на стр. 13, § 18 ограничиваетъ пребываніе своихъ членовъ, не позволяя выѣзда изъ границъ Лифляндской, Эстляндской и Курлянской губерній; а какъ въ члены пріемлются и служащіе по гражданской части, то симъ сіе состояніе, долженствующее служить тамъ, гдѣ повелѣно будетъ стѣсняется; на стр. 19, въ § 29 предполагается старшинамъ воля созывать все, изо ста одного человѣка состоящее общество по надобности; по законамъ же таковое многолюдное общество, кажется, не можетъ быть созываемо инако, какъ съ позволенія и подъ призоромъ губернскаго начальства, ибо сіе наблюдается и при собраніяхъ дворянства; на стр. 21, въ § 32, предоставляется ежегодно, въ день установленія, имѣть обѣденный столъ, которыя лучше бы употребить на помощь бѣднымъ», и т. д.

Но Совѣтъ не согласился на этотъ разъ съ донесеніемъ Туманскаго и замѣтилъ рижской цензурѣ, что ея сужденія «тѣмъ

болѣе странны, что оная книжка не содержитъ ничего соблазнительнаго или развратнаго, а есть токмо собраніе правилъ, кои общество, предположившее себѣ предметомъ вспоможеніе больнымъ и бѣднымъ согражданамъ, составило для себя къ удобнѣйшему произведенію въ дѣйство сего благотворительнаго и похвальнаго намѣренія».

«Бѣдность и великодушіе», *комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Августа Коцебу*. «Стр. 8 и 9, съ насмѣшкою о письмѣ короля полученномъ; на стр. 39 при словѣ умиленіе, кажется, некстати. Но важнѣйшее всего сумлѣніе на стр. 118, гдѣ церковную каѳедру поставляетъ въ одной степени съ театромъ и тѣмъ отъемлетъ почтеніе къ храмамъ и ослабляетъ благочестіе, а особливо въ сердцахъ юныхъ, прелестьми театра и выраженіями на ономъ плѣняющихся».

Дитя любви, его же. «Что токмо дѣти незаконнорожденныя суть дѣти любви несправедливо, и неблагопристойно, а потому и самый титулъ соблазнителенъ»...

Часы досуга. «Стр. 60 кажется сумнительна; также, кажется, не весьма прилично, что писатель, предпославъ увѣдомленіе, что король гишпанскій и фамилія королевская и вельможи назначили игрище битвы быковъ, на стр. 123, называетъ сіе игрище подлымъ и безчеловѣчнымъ, что неинако, какъ до двора королевскаго относится». (Книга Совѣтомъ разрѣшена).

Національная галерея, Штутгардтъ, 1794 г. «На стр. 4 Россію, которая есть монархія, купно съ Турціею поставляетъ въ число государствъ деспотическихъ; на стр. 15, описываетъ россійское дворянство свирѣпымъ и жестокимъ, а крестьянъ несчастными».

Книга эта была представлена рижской цензурой въ Совѣтъ вмѣстѣ съ 24-го другими книгами, и только одна одобрена журналомъ Совѣта отъ 7-го марта 1799 г., всѣ же прочія найдены неудобными къ выпуску. Но императоръ Павелъ, утвердивъ журналъ Совѣта, замѣтилъ, что національная галерея также должна быть запрещена, и *«чтобы впредь всѣ книги, коихъ время изданія помѣчено какимъ-нибудь годомъ французской республики, были запрещаемы»*.

Въ силу этого новаго закона, петербургскій цензоръ представилъ въ Совѣтъ списокъ книгъ, числомъ 13, бо̀льшею частію научнаго содержанія, помѣченныхъ годомъ французской республики и испрашивалъ разрѣшенія, какъ поступить съ ними. Въ отвѣтъ на это получено увѣдомленіе, что на выпускъ означенныхъ книгъ не послѣдовало высочайшаго соизволенія.

Въ заключеніи всѣхъ этихъ донесеній Туманскаго считаю не

лишнимъ, ради курьёза, представить самую форму донесеній, какъ образецъ дѣлового слога этой замѣчательной эпохи. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ относился Туманскій къ предсѣдателю Совѣта:

«Донеся о семъ, за совершеннѣйшее счастіе почитаю, что получилъ случай повергши себя въ высокое вашего сіятельства покровительство, яко вѣчно сущій со благоговѣніемъ, истинною преданностію и глубочайшимъ высокопочитаніемъ, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепреданнѣйшій и всенижайшій слуга». Или: «за верхъ счастія почитаю, что смѣю съ благоговѣніемъ, всесовершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію называться» и проч. [1].

Но Туманскій отличался не однѣми строгостами, лишенными подъ часъ всякаго здраваго смысла, по отношенію къ иностраннымъ книгамъ, ввозимымъ въ Россію; сверхъ того еще онъ мучилъ книгопродавцевъ и дѣлалъ совершенно невозможною книжную торговлю томительною медленностью, съ которою исполнялъ свои обязанности. Ко всему этому онъ былъ человѣкъ крайне мстительный, и въ своемъ стремленіи кому-нибудь навредить не разбиралъ средствъ.

Такъ рижскій книгопродавецъ Гарткнохъ 12-го сентября 1797 года обратился въ Совѣтъ съ жалобою [2], изъ которой видно, что съ начала судоходства до послѣднихъ чиселъ іюня 1797 г. Гарткноху было выслано изъ-за границы 34 кипы съ книгами, цѣною болѣе чѣмъ на 25 тысячъ рублей; цензура же вскрыла по день подачи прошенія (12 сент.), только шесть кипъ; изъ нихъ три съ книгами научнаго содержанія выданы книгопродавцу, остальныя три все еще находились въ разсмотрѣніи цензуры, а прочіе 28 кипъ продолжали лежать въ таможнѣ.

Подавши жалобу, Гарткнохъ, имѣвшій въ Петербургѣ большія и высокія связи, началъ ходить по вельможамъ и хлопотать по своему дѣлу, но повсюду его встрѣчали одни неодобренія за подачу жалобы, какъ за шагъ крайне рискованный и неосторожный и не обѣщавшій никакихъ благопріятныхъ послѣдствій [1]. Нѣкій же сенаторъ и предсѣдатель юстицъ-коллегіи, имени котораго Гарткнохъ не называетъ (по всей вѣроятности Фриціусъ) встрѣтилъ его очень сухо и надменно, при чемъ пародировалъ извѣстное изрѣченіе Екатерины фразою, достойною быть записаной въ лѣтописяхъ исторіи цензуры.

---

[1] «Цензура въ Рос. при Павлѣ», «Р. Стар.» т. 14, стр. 455.
[2] Ibid.
[1] Hartknoch, Gechichte der Gefangenschaft des Buchhändlers Hartknoch unter der Regierung Kayser Pauls I Von ihm selbst erzählt. Leipzig 1803 г.

— Пусть лучше сотня хороших книгъ будетъ сожжена, сказалъ онъ Гарткноху:—чѣмъ проскользнетъ одна, въ которой найдется хоть одно выраженіе, имѣющее мало-мальски революціонный намекъ.

Четыре дня спустя послѣ подачи просьбы, къ Гарткноху, остановившемуся въ Петербургѣ у одного своего друга, нагрянула въ 4 часа дня полиція и препроводила его къ оберъ-полицеймейстеру, объявившему ему, что его требуетъ къ себѣ генералъ-прокуроръ князь Куракинъ. Кн. Куракинъ проживалъ въ это время въ Гатчинѣ. Когда Гарткнохъ просилъ позволить ему нанять экипажъ, чтобы отправиться туда, ему отвѣчали съ внушительною рѣзкостью:

— Для такихъ господъ, какъ вы, у насъ есть свои экипажи.

И вотъ несчастнаго Гарткноха, неуспѣвшаго въ тотъ день еще и пообѣдать, голоднаго и къ тому же больного, сажаютъ въ простую тряскую телегу и отправляютъ съ фельдъегеремъ въ Гатчину.—Проскакавши 45 верстъ со скоростью фельдъегерской ѣзды, Гарткнохъ предсталъ передъ Куракина въ полубезчувственномъ состояніи. Кн. Куракинъ объявилъ ему, что его пригласили ни для чего иного, какъ для выслушанія Высочайшей резолюціи на его просьбу. Резолюція эта заключалась въ томъ, что закону слѣдуетъ повиноваться, а не разсуждать, и что онъ, Гарткнохъ, весь свой вѣкъ долженъ питать глубокую признательность къ милосердію Его Величества за то, что его не привлекли къ отвѣту за выписываніе изъ-за границы до введенія цензуры книгъ, печатавшихся во время французской революціи.

Какъ ни былъ утомленъ и обезкураженъ Гарткнохъ, однако-жь, у него хватило духу и храбрости замѣтить князю.

— Неужели же меня изъ Петербурга съ фельдъегеремъ препроводили въ Гатчину, и такъ поспѣшно, единственно для того, чтобы выслушать этотъ отвѣтъ?

Князь былъ очень удивленъ. Оказалось, что съ своей стороны онъ не отдавалъ никакихъ приказаній объ арестѣ и препровожденіи Гарткноха съ фельдъегеремъ. Онъ обратился въ полицію лишь потому, что не зналъ адреса Гарткноха и просилъ ее розыскать его и пригласить для выслушанія отвѣта. Полиція же сама отъ себя выказала такое необузданное усердіе.

Но этимъ не кончились непріятности, претерпѣнныя Гартквохомъ вслѣдствіе жалобы на цензуру. Далѣе началась месть со стороны Туманскаго. Прежде всего послѣдовалъ со стороны Туманскаго въ Петербургъ доносъ на крайнюю неблагонадежность Гартквоха. Вслѣдствіе этого доноса, кн. Репнинъ писалъ къ риж-

скому военному губернатору гр. Бенкендорфу, чтобы он слѣдилъ за Гартнохомъ, такъ какъ онъ съ нѣкоторыми своими сообщниками въ Ригѣ принадлежитъ къ зловредной сектѣ иллюминатовъ, и они намѣреваются низвергнуть всѣ власти. Гр. Бенкендорфъ лично зналъ Гартноха, питалъ къ нему уваженіе и потому не далъ никакого хода этому доносу. Но Туманскій не ограничился однимъ этимъ.

Незадолго передъ тѣмъ издатель «Революціоннаго альманаха» написалъ Гартноху письмо, прося его извѣстить, можно ли ему, послѣ введенія цензуры, продолжать высылать Гартноху это изданіе, и если можно, то во сколькихъ экземплярахъ. Гартнохъ, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, обратился въ цензуру, прося позволить ему выписать одинъ экземпляръ этого альманаха на 1797 годъ по почтѣ, обязуясь, немедленно по полученіи, представить этотъ экземпляръ цензору, чтобы тотъ рѣшилъ, допустима ли эта книга въ публику и можно ли ее выписать въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Туманскій согласился на просьбу Гартноха, и послѣдній, получа по почтѣ одинъ экземпляръ альманаха, сейчасъ же представилъ его въ цензуру. Просмотрѣвъ книгу, Туманскій сдѣлалъ объ ней такое заключеніе, что она не содержитъ въ своемъ текстѣ ничего противуправительственнаго и вреднаго для публики, но допустима въ продажу можетъ быть лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы вынуть изъ нея гравюры, изображающія различныя уличныя сцены французской революціи, и потому въ россійской имперіи нетерпимыя. Тогда Гартнохъ такъ и написалъ издателю «Революціоннаго альманаха», прося его выслать ему потребное количество экземпляровъ, вынувъ изъ нихъ гравюры.

Между тѣмъ Туманскій, несмотря на то, что все это дѣлалось съ его же согласія, немедленно же донесъ въ Петербургъ, что Гартнохъ, минуя цензуру, выписалъ по почтѣ одинъ экземпляръ «Революціоннаго альманаха», значащагося подъ № 130 въ цензурномъ спискѣ запрещенныхъ книгъ, и такимъ образомъ открылъ въ страну путь сей зловредной книгѣ.

И вотъ 5-го ноября 1797 года, 10 дней спустя по возвращеніи изъ Петербурга, въ лавку къ Гартноху является плацъ-маіоръ и препровождаетъ его къ военному губернатору. Тотъ ему предъявляетъ полученный изъ Петербурга приказъ изъ тайной канцеляріи немедленно же арестовать Гартноха и предоставить его въ Петербургъ съ фельдъегеремъ. И опять поскакалъ злосчастный Гортнохъ на расправу, и на этотъ разъ пришлось ему проскакать безъ передышки уже не 45, а 568 верстъ, да къ тому же еще его обязали совершить это путеше-

ствіе на свой счетъ и путевыя издержки выдать фельдъегерю впередъ.

Но и на этотъ разъ гроза обошлась ему сравнительно легко. Сильныя связи и теперь выручили: все дѣло ограничилось тѣмъ, что онъ просидѣлъ дней 14 подъ арестомъ при полиціи и петербургскія власти, удовлетворившись тѣмъ объясненіемъ, которое далъ имъ Гартнохъ, отпустили его на свободу. Но замѣчательнѣе всего то, что черезъ нѣсколько дней по возвращеніи въ Ригу ему передана была черезъ рижскую цензуру изъ тайной канцеляріи бумага, которая содержала въ себѣ запрещеніе ему выписывать «Революціонный альманахъ», и бумага эта, къ довершенію удивленія Гартноха, была помѣчена 4-мъ ноябремъ и подписана княземъ Куракинымъ, слѣдовательно, выходило такъ что за день еще до ареста Гартноха состоялось рѣшеніе въ Тайной канцеляріи, при которомъ арестъ его, препровожденіе въ Петербургъ и 14 дней заключенія не имѣли никакого смысла. Или же остается предположить, что бумага эта была составлена послѣ уже освобожденія Гартноха и помѣчена заднимъ числомъ ради очистки совѣсти. Въ брошюрѣ своей Гартнохъ между прочимъ сообщаетъ такой фактъ, что когда онъ уѣзжалъ въ Ригу. кн. Куракинъ поручилъ ему отвезти туда нѣсколько казенныхъ бумагъ. Очень возможно, что въ числѣ ихъ былъ и этотъ курьёзный актъ.

XVII.

Теперь мы приступаемъ къ самому важному подвигу Туманскаго, которымъ онъ наиболѣе прославился и оставилъ по себѣ неизгладимую память въ потомствѣ, именно къ доносу на ранденскаго пастора Зейдера, имѣвшему очень печальныя послѣдствія для послѣдняго.

Вотъ какъ описываетъ самъ Зейдеръ въ своихъ запискахъ [1] обстоятельства и поводъ къ этому знаменитому въ лѣтописяхъ исторіи доносу:

«Вскорѣ по полученіи мною мѣста священнослужителя въ Ранденѣ (близь Дерпта), въ началѣ 1792 г., я принялъ къ себѣ въ домъ пансіонерами нѣсколько мальчиковъ. Преподавая имъ нѣмецкій языкъ, я при каждомъ урокѣ прочитывалъ нѣкоторые отрывки изъ сочиненій нашихъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей, и съ этою цѣлію выписалъ нѣсколько извѣстнѣйшихъ сочиненій

[1] «Р. Стар. 1878 г., т. 22, стр. 119.

и въ томъ числѣ нѣкоторые популярные романы. Въ короткое время у меня составилась маленькая библiотека, обратившая вскорѣ вниманiе сосѣдей, которые просили одолжить то ту, то другую книгу. Мало по малу все было перечитано и многiе изъ знакомыхъ приступили ко мнѣ съ просьбою — устроить болѣе полную библiотеку, предлагая свое участiе въ издержкахъ и увѣряя меня, что сосѣднiе помѣщики не преминутъ присоединиться къ нашему кружку. Дѣло это устроилось весьма успѣшно; купивъ за деньги, собравшiяся отъ членскихъ взносовъ, новѣйшiя сочиненiя по всѣмъ отраслямъ литературы, я имѣлъ удовольствiе содѣйствовать такимъ путемъ развитiю вкуса и познанiй моихъ подписчиковъ. Нѣсколько лѣтъ завѣдывалъ я этой библiотекой; но всему бываетъ конецъ; уже въ послѣднiе два года все труднѣе становилось пополнять ее новыми произведенiями. Введенiе въ Россiи при императорѣ Павлѣ цензуры, стѣснившей значительно литературу, было могильнымъ звономъ для сѣверной музы. Особенно враждебно относился къ литературѣ рижскiй цензоръ Туманскiй; онъ старался подавить всякое проявленiе человѣческаго ума и ревностно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ни одна свѣтлая мысль не проникла въ массу публики. При подобныхъ обстоятельствахъ всякiй держалъ себя какъ можно осторожнѣе и я, съ своей стороны, пересталъ принимать новыхъ подписчиковъ и не возобновлялъ прежнихъ абонементовъ. Поэтому съ каждою почтою я получалъ посылки съ книгами, которыя возвращались мнѣ подписчиками. Одна изъ подобныхъ посылокъ была доставлена мнѣ въ довольно растрепанномъ видѣ и, по осмотрѣ, оказалось, что въ ней недоставало первой части «Вѣстника любви» Лафонтена, которая, судя по описи, должна была находиться тутъ же. Я обратился къ подписчику, приславшему мнѣ эти книги, письменно съ вопросамъ, не задержалъ ли онъ первой части этого сочиненiя по ошибкѣ, и получилъ отъ него торжественное увѣренiе въ томъ, что онъ возвратилъ мнѣ это сочиненiе въ цѣлости. Поэтому, не оставалось сомнѣнiя, что посылка была дорогою вскрыта и что, такимъ образомъ, исчезла вышеупомянутая книга. Надобно сказать, что въ то время всякiй любитель чтенiя дорожилъ тѣми произведенiями, какiя ему удалось прiобрѣсти, и мнѣ было чрезвычайно обидно имѣть не полное сочиненiе Лафонтена, тѣмъ болѣе, что я не могъ достать его вновь въ книжныхъ магазинахъ, такъ какъ цензоръ Туманскiй именно около этого времени объявилъ многiя изъ лучшихъ произведенiй запрещенными. Вслѣдствiе этого, я прибѣгнулъ къ наилучшему средству возвратить утраченную вещь—къ гласности, и напечаталъ въ «Дерптскихъ Вѣдомостяхъ» объявленiе о

томъ, «что изъ посылки съ книгами, высланной мнѣ изъ имѣнія А. въ Ранденскій пасторатъ, дорогою затерялась первая часть «Вѣстника любви» Лафонтена, и такъ какъ я имѣю всѣ слѣдующія части, то прошу того, кому въ руки попадется эта книга, возвратить мнѣ ее». Вскорѣ книга была прислана, но объявленіе, напечатанное мною въ газетѣ, было источникомъ моего несчастія. Газета попалась въ руки Туманскому; онъ объявилъ это сочиненіе Лафонтена запрещеннымъ и рѣшилъ принять относительно меня тѣ мѣры, которыя читателямъ моимъ я вслѣдъ за симъ сообщу».

Гнуснѣе всего было то, что здѣсь со стороны Туманскаго было не одно только цензурное усердіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интрига весьма неблаговиднаго свойства. По крайней мѣрѣ, Коцебу въ своемъ «Досвопамятномъ годѣ» вотъ что говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ (стр. 142): «Увѣряютъ, что это чудовище желало не столько повредить пастору Зейдеру, сколько навлечь замѣчаніе превосходному лифляндскому губернатору Нагелю, къ которому онъ питалъ тайную злобу вслѣдствіе какой-то обиды. Онъ донесъ объ этомъ своему покровителю и начальнику Обольянинову (оберъ-прокурору тайной канцеляріи), присоединивъ еще разныя неблагопріятныя для пастора навѣты; Обольяниновъ же донесъ объ этомъ государю, также съ добавленіями со своей стороны. Короче сказать, пасторъ Зейдеръ былъ обвиненъ въ томъ, что продолжалъ держать библіотеку для чтенія, несмотря на воспрещеніе цензора, и старался распространять въ кругу своихъ читателей вредныя начала, давая читать запрещенныя книги революціоннаго содержанія. Надо замѣтить, что списка запрещенныхъ книгъ не было. Все это было представлено государю въ такомъ ложномъ и гнусномъ видѣ, что онъ немедленно приказалъ арестовать пастора Зейдера, посадить его въ Петропавловскую крѣпость, и поручить Туманскому всенародно сжечь всѣ его книги».

Послѣдній фактъ о сожженіи книгъ былъ очевидно или присочиненъ Коцебу, или переданъ имъ по невѣрнымъ слухамъ. Изъ записокъ же Зейдера видно, что библіотека его была опечатана (20-го мая 1800 г.) и вмѣстѣ съ нимъ препровождена въ Петербургъ къ генералъ-прокурору. Зейдеръ былъ немедленно же послѣ первыхъ допросовъ заключенъ въ крѣпость. Дѣло его было препровождено въ юстицъ-коллегію съ предрѣшеніемъ по Высочайшему повелѣнію назначить пастору тѣлесное наказаніе и сослать въ рудники въ Сибирь. Такимъ образомъ юстицъ-коллегія приняла въ этомъ дѣлѣ видъ не столько судебной, сколько

исполнительной власти. Вотъ какъ описываетъ самъ пасторъ Зейдеръ судъ надъ нимъ:

«Двери растворились и тотчасъ я вошелъ въ залу. За столомъ, покрытомъ краснымъ сукномъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ; двое изъ нихъ, занимая первыя мѣста, имѣли орденскія ленты, а напротивъ нихъ сидѣли два священника. Глаза мои подернулись влажнымъ туманомъ, скрывшимъ отъ меня всѣ прочіе предметы; въ комнатѣ царствовала страшная тишина. Сдѣлавъ еще два шага, я остановился у одной колонны, недалеко отъ дверей. Наконецъ, на середину комнаты выступилъ секретарь и развернулъ какую-то бумагу. Его порывистыя движенія обличали происходившую въ немъ внутреннюю борьбу. Онъ началъ читать, а я со вниманіемъ слѣдилъ за его словами, напрягая всѣ свои усилія къ тому, чтобы услышать свой оправдательный приговоръ. Но Боже! что я услышалъ? Изрѣченіе!.. Прочтите слѣдующія слова, и не забывайте, читатель, что всѣ мы одинаково люди:

— «Такъ какъ до свѣдѣнія его императорскаго величества дошло, гласилъ ужасный приговоръ, «что пасторъ Зейдеръ отъ Рандена въ Лифляндіи имѣетъ и раздаетъ для чтенія запрещенныя книги, то онъ высочайше повелѣть соизволилъ опечатать книги пастора Зейдера и препроводить ихъ вмѣстѣ съ нимъ въ С.-Петербургъ къ генералъ-прокурору; когда это было исполнено и пасторъ Зейдеръ далъ письменное объясненіе дѣла, то его императорское величество повелѣлъ юстицъ-коллегіи: такъ какъ пасторъ Зейдеръ поступалъ противъ высочайшаго распоряженія, то судить его какъ преступника и нарушителя закона, приговорить къ тѣлесному наказанію, и сослать въ Нерчинскъ на каторжную работу. Согласно съ этимъ, юстицъ-коллегія постановила: по повелѣнію его императорскаго величества, приговорить пастора Зейдера къ тѣлесному наказанію 20-ью ударами кнута и сослать въ каторжную работу въ Нерчинскъ, предварительно лишивъ его духовнаго сана присутствующимъ здѣсь пробстомъ Рейнботомъ».

«Секретарь еще не докончелъ чтенія, какъ сильныя судороги заставали меня прислониться ко стѣнѣ; но я еще не потерялъ сознанія, когда священники встали, и пробстъ Рейнботъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— «Симъ лишаю васъ вашей должности и духовнаго сана, и разрѣшаю васъ отъ данной вами присяги и связанныхъ съ нею обязанностей священнослужителей».

«При такихъ словахъ я окончательно лишился сознанія и безъ чувствъ грохнулся на полъ. Это безсознательное состояніе продолжалось, вѣроятно, недолго, ибо когда меня подняли, то я былъ уже въ совершенной памяти.

«Боже мой, воскликнулъ я, какая несправедливость! я невиненъ! я не преступникъ, я не нарушилъ закона. Богъ да будетъ мнѣ судья. Какія у меня были запрещенныя книги? Неужели я не имѣю права ничего сказать въ свою защиту»?

— «Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ прокуроръ, дрожа и поблѣднѣвъ, какъ полотно:—ваши слова напрасны: это воля императора, это воля императора».

— Какой жестокій приговоръ, воскликнулъ я, поднявъ руки къ небу:—какая вопіющая несправедливость! Ты отомстишь за меня, всевышній Судья!

«Произнося эти полубезсознательныя слова, я отступилъ на нѣсколько шаговъ и мнѣ снова сдѣлалось дурно. По знаку прокурора одинъ изъ служителей сорвалъ съ меня мантію и воротникъ—отличительные знаки духовнаго сана. Меня вывели изъ залы засѣданія въ нижній этажъ; я надѣялся, что тутъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ дадутъ отдохнуть и хотѣлъ присѣсть на стулъ, но мнѣ велѣли идти дальше и въ сѣняхъ, гдѣ я былъ переданъ въ руки сыщиковъ, меня повалили на каменную плиту, позади которой возвышался столбъ. Заложивъ руки за спину, меня привязали къ нему веревками такъ крѣпко, что кровь застыла у меня въ жилахъ и я громко вскрикнулъ отъ боли, и снова началъ жаловаться; но страданія, вынесенныя мною въ тѣ минуты, совершенно изгладили изъ памяти всѣ мои слова, которыя, какъ видно, были способны тронуть самыя закоренѣлыя сердца. Тюремщикъ, простой солдатъ, профессія котораго убиваетъ въ немъ всякое чувство состраданія, и который считалъ меня, вѣроятно, за преступника, подошелъ ко мнѣ съ цѣпами и остановился передо мною, какъ вкопанный. Несмотря на мое нервное состояніе, я замѣтилъ, что онъ отиралъ слезы и такъ долго медлилъ своимъ дѣломъ, что прокуроръ долженъ былъ напомнить ему исполнить свою обязанность. Вздохнувъ, онъ наложилъ на меня цѣпи. Когда я былъ окованъ, меня отвязали отъ столба; я не могъ двинуться съ мѣста, мнѣ помогли встать. При первыхъ шагахъ, сдѣланныхъ мною въ оковахъ, во мнѣ снова проснулось со всею силою чувство оскорбленнаго человѣческаго достоинства. Проникнутый сознаніемъ своей невинности, я смѣло возвысилъ голосъ, такъ что стѣны задрожали отъ моихъ возгласовъ, и, собравъ послѣднія силы, упорно боролся съ сыщиками, которые заставляли меня молчать. Слова: *несправедливость*, *жестокость*, *уголовный судъ*, *невинность*, *месть*, *жена и ребенокъ*, которыя я произносилъ чаще всего, переполошили всѣхъ судей. Прокуроръ выбѣжалъ изъ залы засѣданія.

— Бога ради не кричите, несчастный, сказалъ онъ: — васъ

поведутъ теперь къ военному губернатору; можетъ быть, вы будете еще помилованы.

Судьба Зейдера произвела глубокое впечатлѣніе на весь Петербургъ. Во многихъ домахъ проливали слезы о несчастномъ пасторѣ. Всѣ просили и хлопотали о смягченіи его участи, даже русское духовенство принимало участіе въ этихъ хлопотахъ, забывъ, на этотъ разъ, о своей непріязни къ лютерской вѣрѣ. Наиболѣе усилій спасти Зейдера употребилъ генералъ-губернаторъ графъ Паленъ, заслуживъ этимъ общее одобреніе. Но все было тщетно. 3-го іюля 1800 года Зейдеръ былъ отвезенъ на лобное мѣсто. На половинѣ дороги его вернули назадъ, чтобы напутствовать таинствомъ причащенія, которое онъ и получилъ изъ рукъ пастора Рейнбота; затѣмъ процессія снова двинулась въ путь. Его руки были уже прикручены къ столбу, его уже раздѣли, чтобы приступить къ экзекуціи, какъ вдругъ прибылъ курьеръ и сообщилъ что то на ухо палачу. Послѣдній почтительно отвѣчалъ: «слушаю-съ», и затѣмъ двадцать разъ, не прикасаясь, подымалъ и опускалъ надъ несчастнымъ кнутъ, ловко скользя имъ по платью осужденнаго, не причиняя ему боли. Ясно, что какая то добрая душа, не имѣя возможности избавить этого невиннаго отъ безчестія, оградила его, по крайней мѣрѣ, отъ физическихъ истязаній.

По совершеніи казни, Зейдеръ былъ обратно отведенъ въ тюрьму. Все испытанное имъ такъ потрясло его, что онъ захворалъ чѣмъ-то въ родѣ нервной горячки и былъ переведенъ въ полицейскій лазаретъ. Здѣсь его навѣщали люди всѣхъ сословій. Графъ Паленъ, подъ разными предлогами, отдалялъ его отправленіе въ рудники и имѣлъ даже по этому поводу нѣсколько размолвокъ съ генералъ-прокуроромъ; но императоръ такъ настойчиво потребовалъ окончательнаго приведенія въ исполненіи приговора, что, наконецъ,надо было уступить. Черезъ 11 дней послѣ казни, не успѣвшаго еще оправиться отъ болѣзни Зейдера снесли и положили на простую телѣгу, запряженную въ одну лошадь. «Дворъ полиціи былъ биткомъ набитъ народомъ, говоритъ Зейдеръ въ своихъ запискахъ: — я видѣлъ, какъ многіе плакали, ломали руки и вздыхали. Когда я выѣхалъ изъ воротъ, масса народа двинулась за мною и проводила меня вдоль нѣсколькихъ улицъ. Я лежалъ, окутанный въ плащъ, и плакалъ навзрыдъ. Телѣга проѣхала еще нѣсколько пустынныхъ улицъ, миновала городскія ворота и — Петербургъ остался позади меня. Я приподнялся:

«— Прощай, дорогая жена, прощай милое мое дитя! воскликнулъ я, удрученный горемъ, и въ отчаяніи упалъ на сидѣнье».

Несмотря на всѣ хлопоты и ходатайства, жена его, хотѣвшая сопровождать мужа, не могла выхлопотать на это соизволенія.

Болѣе года провелъ Зейдеръ въ нерчинскихъ рудникахъ, но память о немъ въ Петербургѣ не иссякла. «Нѣсколько дней спустя послѣ восшествія на престолъ Александра I, говоритъ Коцебу:—князь Зубовъ у одного изъ ресторaторовъ далъ большой обѣдъ на сто персонъ, по двадцати пяти рублей съ каждой особы, безъ вина; на этомъ обѣдѣ, между прочимъ, выпито четыреста бутылокъ шампанскаго, по пяти рублей за каждую. Чокаясь бокалами, кто-то вспомнилъ о несчастномъ пасторѣ Зейдерѣ, и немедленно составленная подписка въ его пользу принесла, какъ говорятъ, десять тысячъ рублей!»

Въ концѣ 1801 года Зейдеръ былъ освобожденъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими несчастными, раздѣлявшими съ нимъ общую участь. Александръ, убѣжденный въ невинности Зейдера, далъ слѣдующій указъ, возстановлявшій его честь и достоинство:

«Бывшаго Ранденскаго пастора Зейдера, Дерптскаго округа, который несчастнымъ образомъ былъ лишенъ сана и невинный подвергся наказанію, освобождая отъ всякаго упрека за понесенное имъ обвиненіе, всемилостивѣйше повелѣваемъ, согласно постановленіямъ протестантскаго церковнаго устава, глава XIX, § 21, посвятить снова въ прежній духовный санъ и, по протестантскому уставу о приходахъ, дать ему таковой, когда подходящее мѣсто окажется вакантнымъ. Сверхъ того, мы повелѣли государственному казначею выдавать ему, Зейдеру, до полученія имъ мѣста, половину доходовъ, какими онъ пользовался въ Ранденскомъ пасторатѣ, именно 715 рублей въ годъ.

Александръ».

И вотъ 2-го января 1802 года въ Анненской церкви, въ Петербургѣ, тотъ же самый священникъ пробстъ Рейнботъ, который, по повелѣнію императора Павла, лишилъ Зейдера сана, теперь, при многочисленномъ стеченіи народа, вторично посвятилъ его въ духовный санъ.

Что касается до Туманскаго, то, несмотря на то, что, съ воцареніемъ Александра, вѣтеръ подулъ совсѣмъ съ другой стороны, и всѣ тотчасъ же преисполнились гуманности и либерализма, онъ, повидимому, ничего этого не замѣчалъ, и мало того, что остался до конца вѣренъ самому себѣ, но пошелъ еще далѣе. «Туманскій, говоритъ Коцебу: — столько времени бывшій страшилищемъ города Риги, окончилъ самымъ печальнымъ образомъ свою роль. Съ бѣшенствомъ относясь къ презрѣнію, ему повсюду выражаемому, онъ вознамѣрился погубить всѣхъ жителей этого добраго города, и съ этою цѣлью сдѣлалъ на нихъ

доносъ императору, какъ на якобинцевъ, препроводивъ ко двору длинный листъ, на которомъ находились имена главныхъ гражданъ и должностныхъ, оффиціальныхъ лицъ города, а во главѣ всѣхъ имя достойнаго, стараго генералъ-губернатора Нагеля. Прямой и прозорливый Александръ I, прочитавъ этотъ пасквиль, объявилъ, можетъ быть, съ нѣкоторой и излишней добротой, что Туманскій сошелъ съума и смѣстилъ его съ занимаемой имъ должности».

Выйдя въ отставку, Туманскій отправился на родину въ свой хуторъ Родіоновку и, проживъ тамъ, всѣми забытый, еще десять лѣтъ, скончался въ декабрѣ 1810 года.

XVIII.

Что касается до дѣятельности прочихъ цензоровъ, подвизавшихся въ эпоху Павла, то до насъ дошло мало извѣстій объ этомъ предметѣ, и намъ приходится отмѣтить лишь нѣсколько наиболѣе выдающихся фактовъ.

Такъ въ концѣ 1797 года петербургская цензура [1] вошла съ представленіемъ въ Совѣтъ, спрашивая, какъ ей поступать съ сочиненіями Вольтера. Въ журналѣ Совѣта отъ 3-го декабря 1797 г. вопросъ этотъ разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ: «такъ какъ до сего времени сочиненія Вольтера были ввозимы въ Россію въ великомъ множествѣ экземпляровъ и находятся во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и библіотекахъ, то преграждевіемъ дальнѣйшаго ввоза ихъ не будетъ достигнута цѣль, а потому Совѣтъ и постановилъ поступать съ ними, какъ съ сочиненіями дозволенными». Но вслѣдъ затѣмъ появился новый журналъ, въ которомъ значится, что государю угодно было указать не впускать изъ-за границы сочиненія Вольтера, а поступать съ ними, какъ съ запрещенными книгами.

Въ томъ же году отъ князя Куракина поступило въ петербургскую цензуру слѣдующее предложеніе: «Его императорское величество повелѣть соизволилъ: нѣмецкую книгу, изданную въ Берлинѣ, подъ названіемъ «Историко-родословный календарь на 1798 годъ», препроводить на разсмотрѣніе въ цензуру, и буде въ ней найдено будетъ что-либо непозволенное, выпускъ ея повсемѣстно запретить». Вслѣдствіе этого цензура представила довольно пространный докладъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, что означенный календарь содержитъ въ себѣ, между прочимъ,

[1] «Рус. Стар.», т. 14, стр. 457.

взглядъ на причины, вызвавшія низверженіе Петра III. Несмотря на то, что это историческое изслѣдованіе написано вполнѣ безпристрастно и что авторъ его относится сочувственно къ Петру, императоръ Павелъ приказалъ запретить книгу [1].

Далѣе затѣмъ мы видимъ, что петербургская цензура запретила «Всеобщій учебникъ для бюргерскихъ школъ»: «Въ сей книгѣ, доноситъ цензоръ Совѣту: — весьма, впрочемъ, для наставленія юношества полезной, одно только мѣсто замѣчается сомнительнымъ, гдѣ авторъ, говоря о всеобщихъ правахъ человѣчества и поставляя въ числѣ оныхъ главнѣйшимъ право личности, утверждаетъ, что рабство противно разуму и что вслѣдствіе сего никакой человѣкъ не долженъ быть собственностью другого, и проч.»

Журналъ «Le Nord littéraire» былъ запрещенъ петербургской цензурой на томъ основаніи, что «на стр. 253 находится критика на учрежденіе цензуръ, причемъ наипаче рижская цензура съ насмѣшкою опорочивается»...

Въ 1797 г. въ московскую цензуру поступилъ въ рукописи романъ въ письмахъ на французскомъ языкѣ, сочиненный дѣвицею Демидовой въ Калугѣ. Цензура представила эту рукопись, какъ сомнительную, на усмотрѣніе предсѣдателя Совѣта, князя Куракина, причемъ выразилась такъ: «Сочиненіе сіе, впрочемъ, кажется, не заслуживало бы особеннаго вниманія, еслибы въ немъ не былъ примѣтенъ духъ нѣкоей философіи, несообразной съ государственными правилами, добрыми нравами и любовью къ отечеству». По поводу этого сочиненія въ выпискѣ изъ журнала Совѣта отъ 22-го октября 1797 г. сказано: «Совѣтъ, находя въ сихъ письмахъ разныя неприличныя о послѣдней нашей войнѣ съ турками разсужденія, полагалъ, что сего романа въ печать издавать не слѣдуетъ, а надлежитъ препроводить его въ цензуру обратно, для возвращенія тому, отъ кого онъ полученъ и для изъясненія притомъ, что если онъ подлинно сочиненъ дѣвицею, то занималась она дѣлами, совсѣмъ до нея не касающимися». На поляхъ противъ этого мѣста написано: «На подлинномъ протоколѣ Совѣта, при докладѣ его императорскому величеству княземъ Александромъ Борисовичемъ, отмѣчено: не въ цензуру возвратить, а съ симъ манускриптомъ поступить, какъ съ прочими запрещенными книгами» (т. е. сжечь).

Князь Энгалычевъ перевелъ съ нѣмецкаго книгу: «Опытъ, какимъ образомъ возстановить пришедшее въ упадокъ состояніе», представилъ ее въ московскую цензуру и, прождавъ цѣлый годъ

[1] Ibid., стр. 460.

напрасно отвѣта, обратился съ письмомъ къ предсѣдателю цензурнаго Совѣта. Въ письмѣ онъ объясняетъ, между прочимъ, что авторъ этой книги, напечатанной 30 лѣтъ тому назадъ, предвидя неизбѣжное банкротство и паденіе Франціи, издалъ свое сочиненіе съ человѣколюбивою цѣлью—спасти прочія государства отъ подобнаго же несчастія. Однако, не взирая на такую благонамѣреннѣйшую цѣль, московская цензура, разсмотрѣвъ книгу, нашла, что «самое заглавіе показываетъ, что въ ней должно быть нѣчто странное, новое, необыкновенное», и въ подтвержденіе этого представила 42 замѣчанія. Изъ нихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія:

«Едва ли справедливо судитъ авторъ, отчего умаляются доходы государствъ.—Охуждается вообще запрещеніе лѣсной торговли.—Не велитъ законами ограничивать издержекъ.—Похваляется роскошь.—Не запрещать, а вывозить лѣсъ совѣтуетъ.—Отвергается всякое преимущество въ торговлѣ.—Считаетъ большою погрѣшностью, что крестьяне ходятъ въ города торговать.—Утверждаетъ, что должно учить и наставлять народъ безъ различія состояній.—Желая доказать, сколько убытковъ терпятъ города отъ деревяннаго строенія, приводитъ въ примѣръ Петербургъ.—Авторъ, желая уменьшить разныя вѣсти, совѣтуетъ, чтобы въ каждомъ городѣ печатались газеты».

На этомъ основаніи Совѣтъ запретилъ эту книгу.

Но въ практикѣ московской цензуры встрѣчается одинъ примѣръ и разрѣшенія бывшей прежде запрещенной книги. Въ 1799 году, въ московскую цензуру поступила книга «Объ истинномъ христіанствѣ, Арнда». Это была та самая книга, переводъ которой Симона Тодорскаго былъ запрещенъ въ 1743 г. указомъ императрицы Елизаветы, «яко напечатанный въ Галлѣ и безъ свидѣтельства Святѣйшаго Синода». Въ 1784 г., по порученію Синода, о ней было доложено императрицѣ Екатеринѣ, отъ которой послѣдовало такого рода повелѣніе: «что когда помянутая книга отъ покойной государыни императрицы запрещена, то ей такъ и остаться». Въ виду этихъ обстоятельствъ, московская цензура вошла съ рапортомъ къ предсѣдателю Совѣта, объяснивъ, между прочимъ, что цензура не находитъ въ книгѣ Арндта ничего противнаго вѣрѣ и благочестію. Императоръ Павелъ разрѣшилъ выпускъ этой книги.

Но наибольшей строгостью, поражающей своею щепетильностью, доходящею порою до невѣроятныхъ абсурдовъ, отличалась цензура по отношенію къ піесамъ, являющимся на сценѣ. Замѣчательные курьёзы въ этомъ отношеніи сообщаетъ Коцебу въ своемъ «Достопамятномъ годѣ». Мы видѣли уже выше, что, по воз-

вращеніи изъ ссылки, онъ былъ назначенъ директоромъ нѣмецкаго театра.

«9-го октября, говоритъ онъ (ч. 2, стр. 83):—я получилъ въ первый разъ приказаніе немедленно прибыть въ Гатчину. Я отправился на разсвѣтѣ. Курьеръ пріѣхалъ за мною ночью, и я, дрожа всѣмъ тѣломъ, пошелъ прощаться съ женою. Судя по быстротѣ, съ которою сообщили мнѣ это приказаніе, я полагалъ, что дѣло касается чего-нибудь чрезвычайно важнаго. Ничуть не бывало. Государь приказалъ мнѣ имѣть самый строгій надзоръ за выборомъ пьесъ и исключать всѣ подозрительныя мѣста. Онъ говорилъ еще наканунѣ съ приближенными о необходимости цензуры и хотѣлъ возложить ее на меня. Я хорошо понималъ, что рано или поздно эта обязанность сдѣлается для меня камнемъ претткновенія, скалою гибели, о которую мой, только-что спасшійся отъ бури, утлый челнъ можетъ разбиться снова. Я вошелъ съ представленіемъ о назначеніи для меня особаго цензора, указывая на то, что авторъ не можетъ быть въ тоже время и цензоромъ, что, ослѣпленный самолюбіемъ, онъ невольно можетъ совершить что-нибудь противное волѣ государя. Мнѣ стоило много труда добиться осуществленія моей просьбы. Наконецъ, мнѣ это удалось; моя добросовѣстность даже понравилась государю, и онъ назначилъ моимъ цензоромъ Аделунга, человѣка очень ученаго, соединявшаго съ ученостью много хорошаго вкуса, очень извѣстнаго въ Германіи изданіемъ сборника памятниковъ древней германской литературы, найденными имъ послѣ большихъ трудовъ и тщательныхъ изысканій въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ.

«Невозможно составить себѣ понятія о той невѣроятной строгости, съ которою этотъ достойный человѣкъ и я самъ должны были цензуровать пьесы. Довольно привести нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, какое сильное отвращеніе я долженъ былъ испытывать къ возложенной на меня обязанности.

«Слово *республика* не должно было встрѣчаться въ моей драмѣ «Октавія». Антоній не смѣлъ говорить—*умираю свободнымъ римляниномъ*. Въ комедіи «Эпиграмма» должно было изъ *императора* Японіи сдѣлать простого владѣльца этого острова. Равнымъ образомъ, необходимо было исключить вредную мысль, что *икра получается изъ Россіи* и что *Россія страна отдаленная*. Не позволялось камергеру полагать, что онъ *хорошій патріотъ*, потому что не соглашался вступить въ бракъ съ иностранкою. Равнымъ образомъ не допускалось говорить, что камерлакей *дерзокъ*. Надо было исключить фразу, въ которой говорилось, что его величество *не боленъ и не слѣпъ*. Не позволялось, чтобы

князь имѣлъ борзую собаку, чтобы совѣтникъ чесалъ ей за ухомъ и чтобы пажи надѣвали на голову совѣтника бумажный колпакъ. Въ пьесѣ «Два Клингсберга» *русскій князь*, о которомъ мимоходомъ упоминаетъ госпожа Вунчель, былъ обращенъ въ *иностранного вельможу* и вмѣсто *польской шапки* таже Вунчель должна была надѣть *венгерскую*. Слово *крѣпость* замѣнялось словомъ тюрьма, слово *царедворецъ*—словомъ льстецъ (что, конечно, не очень лестно для царедворцевъ), выраженіе *мой дядя министръ* замѣнили мой *всемогущій дядя*. Восклицаніе молодого Клингсберга о теткѣ и Амаліи: *пожалуй, онѣ сдѣлаются принцессами*, показалось слишкомъ оскорбительнымъ и было исключено.

Въ пьесѣ «*Аббатъ Эпэ*» не позволено было, чтобы въ Тулузѣ обитали *граждане*. Франваль не смѣлъ говорить *горе моей родинѣ;* онъ долженъ былъ сказать *горе моей странѣ*, потому что особымъ указомъ воспрещалось русскимъ имѣть *родину*. Аббатъ Эпэ, который, какъ извѣстно, пріѣзжаетъ изъ Парижа, не смѣлъ прибывать оттуда и не смѣлъ упоминать ни *о лицеѣ* этого города, ни даже о Франціи. «*Познанія въ естественныхъ наукахъ* Бюффона, *наука* д'Аламбера, *чувствительность* Руссо, умъ Вольтера, все это было безжалостно исключено однимъ почеркомъ пера. «Въ пьесѣ подъ названіемъ «*Секретарь*», необходимо было совершенно исключить всю роль заговорщика.

«Хотя я привелъ только отдѣльные примѣры, взятые наудачу, чтобы не входить въ слишкомъ большія подробности, но они даютъ достаточное понятіе о крайней строгости, которую цензоръ вопреки своему желанію долженъ былъ соблюдать при исполненіи своей обязанности. Сколько разъ прежде я потѣшался глупостью цензора въ Ригѣ (Туманскаго), совершенно тупого человѣка, который, напримѣръ, въ моей пьесѣ «*Примиреніе*» вычеркнулъ слѣдующія слова сапожника: *Я отправляюсь въ Россію; говорятъ, тамъ холоднѣе здѣшняго* (онъ сгоралъ безнадежною любовью) и замѣнилъ ихъ слѣдующими: *Я уѣзжаю въ Россію, тамъ только одни честные люди!* Я не предполагалъ тогда, что въ Петербургѣ будутъ когда-либо изъ страха дѣлать тоже самое, что Туманскій по глупости дѣлалъ въ Ригѣ.

«Мы были бы поставлены въ немалое затрудненіе, еслибы государь, по какому-нибудь случаю обративъ вниманіе на подобныя исключенія и передѣлки, спросилъ бы насъ, на какомъ основаніи это сдѣлано? Напримѣръ, изъ «Октавіи» были исключены, между прочимъ, два мѣста. Въ одномъ изъ нихъ говорилось, что властелинъ награждаетъ повара за отмѣнно вкусное блюдо домомъ, который ему даже не принадлежитъ.—Развѣ я когда-либо сдѣлалъ что-нибудь подобное? могъ спросить императоръ, а если

не дѣлалъ, то почему же сочли вы это мѣсто для меня оскорбительнымъ!.. Въ другомъ мѣстѣ Цезарь говоритъ, что Антоній, какъ всѣмъ извѣстно, находился подъ вліяніемъ собственныхъ рабовъ. Императоръ могъ также спросить, развѣ вы полагаете, что я нахожусь подъ вліяніемъ и господствомъ разныхъ любимцевъ и камеръ-юнгферъ? а если вы этого не предполагаете, то зачѣмъ же вычеркнули эти слова?

«Эти два примѣра—а я могъ привести ихъ тысячу—показываютъ, до чего должность цензора была опасна для лица, исполнявшаго эту обязанность, и до чего цензура была стѣснительна для меня, подвергавшагося ей постоянно. Аделунгъ, при самомъ лучшемъ желаніи, не могъ облегчить бремя этой должности ни для меня, ни для себя».

И дѣйствительно, цензура была доведена до такой степени щепетильности, что ей было вмѣнено въ обязанность нетолько вникать въ смыслъ сочиненій или вымарывать неловкія въ какомъ бы то ни было отношеніи выраженія, но и слѣдить, чтобы авторы не употребляли нѣкоторыхъ словъ, которыя были запрещены именнымъ указомъ [1]. Этотъ знаменитый указъ былъ данъ въ 1797 году и строжайше повелѣвалъ вмѣсто *обозрѣніе* употреблять *осмотрѣніе*, вмѣсто *врачъ—лекарь*, вмѣсто *выполненіе—исполненіе*, вмѣсто *пособіе—помощь*, вмѣсто *преслѣдованіе — посланный въ погоню*, вмѣсто *сержантъ—унтеръ-офицеръ, хотя и прежде отставленъ*, вмѣсто *граждане—жители* или *обыватели*, вмѣсто *отечество—государство*, вмѣсто *приверженность—привязанность* или *усердіе*, вмѣсто *стража — караулъ*, вмѣсто *степень—классъ*, вмѣсто *отрядъ—департаментъ* или *команда*. Слово же *общество* было запрещено совсѣмъ употреблять безъ замѣны его какимъ-либо синонимомъ. Въ подобномъ отрицаніи самаго понятія *общество* какъ нельзя болѣе характеристично выразился духъ реакціи того времени. Это былъ крайній и вполнѣ послѣдовательный логическій выводъ изо всей той упорной, пятнадцатилѣтней борьбы, которая была воздвигнута противъ интеллигенціи, и реакція, какъ мы видимъ, не остановилась и передъ этимъ выводомъ.

И при всемъ томъ нашелся смѣлый человѣкъ, который въ эти грозные годы рѣшился выступить съ гражданскою сатирою. Это былъ Капнистъ со своею «Ябедою». Конечно, въ наше время комедія эта, написанная хотя и бойкимъ языкомъ и не лишенная остроумія, должна казаться сатирою въ цензурномъ отношеніи вполнѣ невинною и благонамѣренною, но нужно взять въ

[1] «Р. Стар.» 1871 г., т. 3, стр. 531.

разсчетъ время, въ которое выступилъ Капнистъ съ своимъ обличеніемъ взяточничества и въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ заслуживаетъ названія безстрашнаго героя. «Ябеда» была издана въ 1798 г. отдѣльнымъ изданіемъ въ 1,200 экземпляровъ и въ то же время поставлена на сцену [1]. Зрители, при первомъ представленіи пьесы, торжествовали отъ всей души и шумно привѣтствовали комедію, обличавшую вѣковую язву общества. Но чиновный людъ всѣхъ ранговъ, пристыженный такой картиной, и видя въ ней, какъ въ зеркалѣ, изображеніе своихъ пороковъ, разрывался съ досады. Составленъ былъ докладъ. Представлено императору, что Капнистъ далъ ужасный поводъ къ соблазну, что его наглость преувеличила дѣйствительность; найдено даже явное попраніе монаршей власти въ ея ближайшихъ органахъ: въ подобныхъ выраженіяхъ обрушена была на писателя цѣлая гора лживыхъ обвиненій. Все это завершалось униженнымъ челобитьемъ объ охранѣ власти, запрещеніи пьесы и о примѣрномъ, для будущаго времени, наказаніи злостнаго, неотчизнолюбиваго автора. Императоръ Павелъ, довѣрившись донесенію, приказалъ немедленно отправить Капниста въ Сибирь, и въ то же время книгу его тотчасъ же конфисковать. Это было утромъ (27-го октября 1798). Приказъ былъ немедленно выполненъ. Послѣ обѣда гнѣвъ императора остылъ, онъ задумался и усомнился въ справедливости своего приказанія. Не повѣряя, однако, никому своего плана, онъ велѣлъ въ тотъ же вечеръ представить «Ябеду» въ его присутствіи на эрмитажномъ театрѣ. Государь показался въ театрѣ только съ великимъ княземъ Александромъ. Больше никого въ театрѣ не было. Послѣ перваго же акта императоръ, безпрестанно аплодировавшій пьесѣ, послалъ перваго попавшагося ему фельдъегеря, чтобы тотчасъ же возвратить Капниста; пожаловалъ возвращенному писателю чинъ статскаго совѣтника, минуя низшіе чины въ порядкѣ чинопроизводства (Капнистъ былъ въ то время только коллежскимъ ассесоромъ), щедро наградилъ его и до самой кончины удостоивалъ своихъ милостей.

Въ заключеніе характеристики цензуры въ эпоху императора Павла, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что было бы ошибочно думать, будто цензурныя строгости этого времени возбуждали всеобщее и поголовное неудовольствіе. Встрѣчались въ это время люди мало того, что интеллигентные, но, къ тому же, и столпы науки, и, слѣдовательно, лично заинтересованные въ вопросѣ о свободѣ слова, которые публично одобряли цензурные порядки своего времени. Такъ въ 1798 году, при торжествѣ тезоименит-

[1] «Рус. Стар.», 1873 г., № 5, стр. 714.

ства императора, профессоръ московскаго университета, Геймъ, говорилъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ, въ которой, между прочимъ, выразилъ вотъ какія мысли по поводу цензурныхъ реформъ своего времени: «Мудрую прозорливость свою императоръ Павелъ доказалъ въ споспѣшествованіи истинному преуспѣванію наукъ черезъ учрежденіе строгой и бдящей цензуры книжной. Познаніе и такъ-называемое просвѣщеніе часто употреблено во зло черезъ обольстительные нынѣшнихъ сиренъ напѣвы вольности и чрезъ обманчивые призраки мнимаго счастія. Европейскія правительства, спокойно взиравшія на сей развратъ, возымѣли, наконецъ, правильную причину сожалѣть о своемъ равнодушіи: возвратились въ Европу мрачныя времена лютѣйшаго варварства. Сколь счастливою почитать себя должна Россія, потому что ученость въ ней благоразумными ограниченіями охраняется отъ всегубительной язвы возникающаго всюду лжеученія».

Такимъ образомъ, вы видите, что профессоръ Геймъ чувствовалъ себя счастливымъ, что ученость его охранялась благоразумными ограниченіями отъ всегубительной язвы лжеученій и публично заявлялъ о своемъ счастіи, и ему безъ всякихъ сомнѣній апплодировали такіе же счастливые люди. Имя профессора Гейма безспорно должно быть записаннымъ исторіею, какъ образецъ истинной благонамѣренности, простирающейся до своего рода самоотверженія.

А. Скабичевскій.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ.

Настоящую статью мы намѣрены посвятить изложенію характеристики поземельныхъ порядковъ Бельгіи, на основаніи новыхъ фактовъ, собранныхъ уже извѣстнымъ читателю членомъ англійской парламентской комиссіи Дженкинсомъ [1] и опровергающихъ многія установившіяся на этотъ счетъ мнѣнія.

Отношенія между фермеромъ и земледѣльцемъ при бельгійской поземельной системѣ служили источникомъ многочисленныхъ недоразумѣній, такъ какъ бо̀льшая часть авторовъ довольствовалась въ своихъ обозрѣніяхъ землевладѣнія въ Бельгіи и въ нѣкоторыхъ другихъ континентальныхъ странахъ, разсмотрѣніемъ дѣйствія законовъ о наслѣдствѣ, содержащихся въ Code Napoléon. Мысль, что въ Бельгіи господствуетъ «крестьянская собственность», по всей вѣроятности, является причиною того, что бельгійскій и иной континентальный фермеръ обыкновенно обходился молчаніемъ, причемъ его только подводили подъ замѣчаніе, взятое у Лавелѐ, что бельгійскій фермеръ платитъ «мучительную ренту». Еслибы было справедливо, что почва Бельгіи и другихъ странъ почти исключительно обработывается ея собственниками, то это упущеніе было бы сравнительно маловажно; но автору удалось показать, что фермеръ въ Бельгіи представляетъ болѣе важный факторъ земледѣльческой системы, чѣмъ отдѣльный собственникъ, а также, что онъ болѣе отягощенъ податями и платами, болѣе стѣсненъ необезпеченностью аренды и чрезмѣрностью ренты, чѣмъ фермеръ въ Соединенномъ Королевствѣ. Мелкія фермы преобладаютъ, напримѣръ, во Фландріи, но крестьянинъ-собственникъ не играетъ въ этомъ округѣ важной роли. Въ другихъ мѣстностяхъ господствуютъ большія фермы, но существующія въ нихъ мелкія фермы суть вообще

[1] Agricultural Interest Commission. Lond. 1881. M-r Jenkins, Report on Belgium.

собственность самихъ хозяевъ. Между тѣмъ, именно во Фландріи многіе авторы указывали на успѣхъ, достигнутый обработкою земли мелкими собственниками. На основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній 1876 года, въ королевствѣ Бельгіи было около $6^1/_2$ милліоновъ отдѣльныхъ участковъ, а слѣдовательно средній размѣръ каждаго имѣнія не превышаетъ 1 акра. Что же касается до обработки, то въ 1866 году — послѣдняя полная земледѣльческая перепись—въ Бельгіи было только 744,007 держащихъ землю земледѣльцевъ, изъ которыхъ только 246,301 были показаны какъ собственники своихъ участковъ. Справедливо, что 74,670 земледѣльцевъ оказались обладающими болѣе чѣмъ половиною земли, находящейся въ ихъ пользованіи, а 143,603 — владѣющими въ видѣ собственности менѣе, чѣмъ половиною. тогда какъ чистыхъ фермеровъ было 279,433. Указанное такимъ образомъ настоящее значеніе мелкой собственности уменьшается еще болѣе анализомъ дальнѣйшихъ цифръ, которыя показываютъ. что значительно болѣе, чѣмъ половина такъ называемыхъ земледѣльцевъ собственниковъ, именно 138,110 держатъ менѣе $1^1/_4$ акра, въ дѣйствительности одни только сады, которые могутъ быть занимаемы-лицами, слѣдующими какому-либо иному призванію. Если же мы возьмемъ 10 акровъ (4 гектара), какъ пограничный минимумъ размѣровъ собственности такъ называемой фермы, а на слѣдующихъ страницахъ будетъ показано, что даже такія фермы слишкомъ малы для поддержанія семейства безъ какого-либо иного источника дохода, то во всей Бельгіи въ 1866 году было менѣе, нежели *30,000* собственниковъ, занимающихъ принадлежащія имъ фермы. Кромѣ того, слѣдуетъ вспомнить, что даже это уменьшенное число включаетъ въ себя всѣхъ землевладѣльцевъ, которые достаточно интересуются земледѣліемъ, чтобы держать въ своихъ рукахъ около 10 акровъ земли, въ видѣ ли фермы, парка или хозяйства. Слѣдуетъ также принять въ соображеніе, что въ оффиціальныхъ и цитированныхъ суммахъ этой статистики всѣ владѣльцы считаются собственниками, о которыхъ показано, что они имѣютъ въ собственность *болѣе половины* состоящей въ ихъ пользованіи земли, между тѣмъ, какъ тѣ, о которыхъ сказано, что они имѣютъ въ собственность *менѣе половины* такой земли, считаются за фермеровъ.

Этихъ цифръ достаточно, чтобы показать, что размѣръ и значеніе крестьянской собственности въ Бельгіи были въ громадной степени преувеличены. Трудность полученія точныхъ свѣдѣній относительно поземельной собственности была недавно иллюстрирована въ Англіи результатами изслѣдованій и критикъ новой Domesday Book (Дизраэли), которыя появились вскорѣ по ея опубликованіи, и есть вполнѣ разумныя основанія думать, что подобныя же изслѣдованія, особенно по отношенію къ двойнымъ показаніямъ въ различныхъ провинціяхъ и даже въ различныхъ «округахъ» и общинахъ, могутъ быть столь же полезны въ примѣненіи къ земледѣльческой статистикѣ Бельгіи. Бродрикъ въ

своей недавней книгѣ «English Land and English Landlords» отказывается смотрѣть на владѣльца земля отъ 1 акра до 10, какъ на землевладѣльца въ собственномъ смыслѣ слова. Выше уже показано пропорціонально высокое число участковъ земли въ Бельгіи, содержимыхъ собственниками, которые входятъ въ эти границы; но, къ сожалѣнію, нельзя показать числа собственниковъ соотвѣтственно всему пространству земли, находящейся подъ ихъ владѣніями. Послѣдующія цифры, однако, квалифицируютъ собственниковъ сообразно ихъ кадастральному доходу; но такъ какъ они относятся ко времени, отошедшему за 30 лѣтъ назадъ, то нельзя на нихъ слишкомъ полагаться. Помня, что рента мелкихъ участковъ Бельгіи вообще равняется 2—3 ф. ст. съ акра и часто даже бо́льшему числу фунтовъ, и допуская достаточную разницу между кадастральной и дѣйствительной рентой и возрастаніемъ цѣнности собственности въ послѣднее тридцатилѣтіе, можно принять, что кадастральная рента, не превосходящая 8 ф. ст. въ годъ, не есть слишкомъ высокая для имѣній, не превосходящихъ 10 акровъ. Но въ 1850 г. изъ 738,512 собственниковъ (со включеніемъ двойныхъ показаній собственниковъ, имѣющихъ земли въ различныхъ провинціяхъ) не менѣе 607,266 обладало собственностью, оцѣненною не менѣе 8 ф. ст. въ годъ, оставля только 131,256 собственностей, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, сверхъ этой цѣнности. Въ 1876 году число собственниковъ возросло до 1.132,112, болѣе, чѣмъ на 50%, но такъ какъ достовѣрно, что, благодаря дѣйствію Code Napoléon, это возростаніе сопровождалось дальнѣйшимъ подраздѣленіемъ собственности, и, какъ замѣчаетъ Лавелѐ, произошло, главнымъ образомъ, въ участкахъ для построекъ, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что пропорція землевладѣльцевъ *ниже* 10 акровъ въ настоящее время гораздо больше, нежели 30 лѣтъ тому назадъ.

Довѣріе, которое можетъ быть разумно оказано оффиціальнымъ отчетамъ, относящимся къ собственникамъ и фермерамъ въ Бельгіи, вообще невелико. Эти отчеты доставляются для каждой общины ея мейеромъ или бургомистромъ. Что касается до числа собственниковъ земли въ каждой общинѣ, то оно не представляетъ затрудненія, такъ какъ можетъ быть аккуратно удостовѣрено оффиціальнымъ реэстромъ о собственности каждаго клочка земли, перечисленнаго на кадастральной картѣ, безъ котораго титулъ собственности не имѣетъ значенія (какъ уже замѣчено, число это не равнозначительно съ числомъ *собственниковъ* въ королевствѣ). Но насколько регистрація наймовъ и соглашеній не обязательна (соглашенія часто бываютъ словесныя), и потому часто избѣгается, чтобы сберечь за нее пошлину, не легко получить точныя данныя о фермерахъ, занимающихъ землю. Въ восточной Фландріи земли обыкновенно нанимаются изъ года въ годъ безъ письменнаго соглашенія лицами, которыя обыкновенно сами имѣютъ домъ и маленькій клочекъ земли, напримѣръ,

садикъ или огородъ, и тоже самое, бо̀льшею частью, господствуетъ во всей Бельгіи; такимъ образомъ, очевидно, что точность свѣдѣній относительно, частью, собственности, частью, найма, спеціально подвержена сомнѣнію. Въ Бельгіи всѣ взысканія и налоги падаютъ на фермера, со включеніемъ даже тѣхъ, которые въ Англіи вообще зовутся «Landlord's-taxes», такъ что бельгійскій фермеръ не имѣетъ никакихъ поводовъ давать показаніе, доказывающее, что онъ *менье* собственникъ, чѣмъ свидѣтельствуютъ документы. Наоборотъ, его стремленіе лежитъ именно въ противоположномъ направленіи, потому что являться собственникомъ по возможности въ бо̀льшемъ размѣрѣ возвышаетъ его значеніе. Относительно этого пункта самъ Лавелѐ замѣчаетъ: «но цифры, указывающія число собственниковъ, должны быть преувеличены, потому что было бы 1.131,122 собственника на 1.038,898 хозяйствъ. Слѣдовательно, каждое хозяйство было бы собственникомъ. Есть даже двѣ провинціи, гдѣ было бы болѣе двухъ собственниковъ на хозяйство» [1]. Опять-таки бѣда въ томъ, что послѣднія публикованныя земледѣльческія статистическія свѣдѣнія о Бельгіи относятся къ такому давнему времени, какъ 1866 годъ, и что недавній ценсъ, произведенный въ концѣ 1880 года, еще не былъ публикованъ, почему каждое утвержденіе, сдѣланное на основаніи недавнихъ частныхъ изслѣдованій, представляетъ вопросъ. Однако, авторъ рѣшается присовокупить слѣдующія подробности, содержащіяся въ оффиціальномъ «Récensement» 1866 года и относящіяся къ одной общинѣ въ Восточной Фландріи, и сравнить ихъ съ краткимъ показаніемъ, отобраннымъ въ 1880 году у бургомистра, крупнаго собственника въ различныхъ округахъ, президента большого земледѣльческаго общества и члена палаты представителей. Собственниковъ въ первой общинѣ, держащихъ свою землю, было 233, держащихъ болѣе половины своей земли—54, менѣе половины своей земли—486, фермеровъ всей земли—199. Это составляетъ всего 972 земледѣльца, изъ которыхъ не менѣе 645 держитъ не болѣе 5 акровъ. Утвержденіе бургомистра было въ существенномъ слѣдующее: «каждый человѣкъ, обладающій домомъ, включенъ въ категорію собственниковъ. Въ моей общинѣ есть 300 мелкихъ владѣльцевъ, большая часть которыхъ обладаетъ своими домами, но только 5% ихъ обработываютъ свою землю; большинство же имѣетъ всего только одну или двѣ коровы, и лишь двое имѣютъ болѣе 6». Принимая нашу прежнюю границу въ 10 акровъ, приведенныя цифры даютъ *36* полныхъ собственниковъ всего пространства, 25 имѣющихъ болѣе, чѣмъ

---

[1] Въ примѣчаніи къ p. LXIX своего выставочнаго Raport 1878 г. Лавелѐ замѣчаетъ: «На основаніи примѣчанія въ Annuaire Statistique de la Belgique pour 1878, который только что появился, слово «собственники» должно быть принято въ томъ смыслѣ, что они представляютъ параграфы списковъ поземельнаго обложенія».

половину и 34, имѣющихъ менѣе, чѣмъ половину въ своемъ пользованіи, между тѣмъ, какъ *81* суть простые фермеры.

Любимое сравненіе бельгійскаго земледѣлія съ англійскимъ (мелкаго съ крупнымъ), постоянно приводимое адвокатами «petite culture», основано на числѣ животныхъ на каждую ферму, содержимыхъ во Фландріи сравнительно съ числомъ животныхъ, содержимыхъ въ Великобританіи; иными словами, это значитъ дѣлать сравненіе между земледѣліемъ легкой песчаной равнины съ равномѣрнымъ климатомъ и земледѣліемъ цѣлой страны, включающей въ себя всевозможныя разновидности почвы и климата, встрѣчаемыя въ путешествіи отъ болотъ Шотландіи до коммерческихъ садовъ Корнваллиса. Но пусть лучше Лавелѐ говоритъ самъ за себя: «благодаря интенсивной культурѣ, Фландрія содержитъ больше скота, чѣмъ всякая иная страна, даже Англія. А именно, главныхъ домашнихъ животныхъ приходится сравнительно на 100 гектаровъ во Фландріи и въ Англіи: лошадей 9,0 и 9,1, быковъ 62,2 и 23,7, овецъ 14,7 и 125,5, свиней 38,0 и 10,8 (V. Statistique Internationale de l'Agriculture. Nancy 1876). Если свести эти числа на число головъ крупнаго скота (принимая за одну голову 8 барановъ или 4 свиньи), то придешь къ результату, что *во Фландріи* существуетъ *89 головъ* на 100 гектаровъ, а *въ Англіи* только *42*». «Англія» не упоминается въ Statistique Internationale, но статистика, цитируемая Лавелѐ, дается подъ заголовкомъ «Великобританіи», слѣдовательно, включаетъ и Шотландію съ Валлисомъ. Болѣе правильное сравненіе даютъ слѣдующія цифры, также извлеченныя изъ отчета Лавелѐ:

Процентное отношеніе животныхъ на фермахъ на 100 гектаровъ въ различныхъ странахъ.

	Нидерланды.	Виртембергъ.	Бельгія.	Великобританія.	Пруссія.	Франція.
Лошадей и ословъ	7,7	4,9	9,8	9,1	6,5	5,6
Рогатаго скота. . .	44,7	48,7	42,2	25,7	24,5	22,1
Свиней	31,0	2,2	3,5	1,7	2,0	1,7
Овецъ и козъ . . .	4,5	3,1	2,6	12,5	6,0	5,0
Итого	60,1	58,9	58,1	49,0	39,0	32,4

При этомъ Лавелѐ объясняетъ, что для того, чтобы придти къ правильной оцѣнкѣ этихъ различныхъ животныхъ, необходимо разсматривать лошадей и рогатый скотъ, какъ эквиваленты, въ то время, какъ 6 свиней или 10 овецъ должны считаться равными одной лошади или одному быку; но онъ прибавляетъ, что слѣдуетъ помнить, что англійская овца тяжелѣе, чѣмъ иностранная.

Таковы статистическіе элементы задачи, остается разсмотрѣть ея рѣшеніе. Прежде всего можно спросить, почему число головъ живого скота должно быть избрано, какъ критерій заслугъ

земледѣльческой системы страны? Одно объясненіе есть, безъ сомнѣнія, то, что животныя производятъ удобреніе, и слѣдовательно, если удобреніе не можетъ быть получено другимъ способомъ, одного этого объясненія было бы вполнѣ достаточно для рѣшенія вопроса. Но удобреніе можно получать, и оно дѣйствительно получается другими путями въ большихъ размѣрахъ, и фермеры все болѣе и болѣе приходятъ къ убѣжденію, что гораздо экономичнѣе покупать количество удобренія, требуемое различными сортами растеній, чѣмъ пытаться производить его въ полномъ размѣрѣ при помощи животныхъ. Сверхъ того, цѣнность удобренія зависитъ въ высокой степени отъ количества и качества пищи, которая дается животнымъ, и съ этой точки зрѣнія исключительно, англійскій быкъ, благодаря потребленію кэка и другой покупной пищи, долженъ считаться, по всей вѣроятности, за цѣлую пару фламандскихъ коровъ. Но какимъ способомъ ни изготовлялось и ни покупалось удобреніе, дѣйствительнымъ критеріемъ его должно быть *не число животныхъ*, содержимыхъ для производства таковаго, а *результаты* примѣненія его къ землѣ, что и составляетъ единственный поводъ къ его производству; иными словами, какова средняя жатва страны? Если взять снова цифры того же Лавелѐ, то онѣ показываютъ превосходство великобританскаго земледѣлія, несмотря на туземныя мѣстныя и климатическія невзгоды по бо̀льшей части королевства. Въ то время, какъ Бельгія производитъ пшеницы по 21,98 гектолитровъ на гектаръ, Англія производитъ ея 26 гектолитровъ; отношенія производства другихъ сортовъ хлѣба суть слѣдующія: ржи 22 и 30, ячменя 30—34, овса 33—40. Другая причина, которая можетъ быть приводима въ пользу числа живого скота, какъ критерія высоты земледѣлія, есть та, что животныя на фермахъ производятъ значительное количество пищи народа въ формѣ мяса и молока. Такая точка зрѣнія, естественно, наиболѣе законна по отношенію ко всѣмъ животнымъ, кромѣ лошадей или ихъ эквивалентовъ, которыхъ должно помѣстить въ категорію двигательной силы, гдѣ паровая машина фигурируетъ въ Англіи широко, тогда какъ рабочіе и скотъ имѣютъ бо̀льшее преобладаніе въ Бельгіи. Но по отношенію къ животнымъ, производящимъ пищу, можно спросить, почему первобытный процессъ счета головъ можетъ считаться достаточнымъ въ земледѣліи, когда въ торговлѣ тщательно вычисляется относительная цѣнность товаровъ, путемъ сравненія ихъ между собою? Лавелѐ, повидимому, говоритъ: «у насъ есть рогатый скотъ, овцы и свиньи и у васъ также, и мы можемъ сосчитать ихъ подъ такими заголовками». Это все равно, что сказать: «у насъ есть франки и полу-франки, двухъ-франковыя и полу-франковыя серебряныя монеты и золотыя монеты въ 20, 10 и 5 франковъ; у васъ есть серебряные шиллинги и сиксъ-пенсы, кроны (5 ш.) и полу-кроны ($2^1/_2$ ш.), и золотые соверены и полу-соверены, но это все равно, наши 20 фр. и ваши 20 шил. суть прекрасные

эквиваленты, а что касается до числа меньшихъ монетъ среди нихъ, то всѣ онѣ изъ золота и серебра; справедливо, что у васъ приходится только 8 полукронъ на соверенъ, тогда какъ у насъ считается на луидоръ 10 двухъ-франковыхъ монетъ, но мы все же можемъ поладить такъ, потому что я принимаю, что ваши полукроны немножко толще нашихъ двухъ-франковиковъ». Подобное предложеніе было бы принято съ большою радостью какимъ-нибудь agent de change во Франціи или въ Бельгіи, но англійскій мѣняльщикъ денегъ взглянулъ бы на него приблизительно въ томъ же свѣтѣ, какъ авторъ смотритъ на сравненіе, приводимое Лавеле между полезными бельгійскими животными на фермахъ и англійскими. Способность, извѣстная подъ именемъ ранняго созрѣванія, которая даетъ англичанамъ возможность прокармливать рогатый скотъ и овецъ, и особенно свиней менѣе, чѣмъ половину того времени, какое вообще требуется на это въ Бельгіи, также совершенно игнорируется въ этой системѣ счета заголовковъ, такъ что сдѣланное сравненіе весьма похоже на то, какъ еслибы лавочникъ пришелъ къ заключенію, что онъ въ теченіи года имѣлъ хорошія дѣла, потому что по окончаніи таковаго у него оставалось очень много непроданнаго товара.

Количество мяса, доставляемое живыми животными обѣихъ странъ, есть первое свидѣтельство ихъ цѣнности, какъ факторовъ снабженія страны пищею. Нѣтъ надобности снова доказывать то, что было уже доказано въ 1868 году Мейсей-Томпсономъ почти демонстративно, а именно, что къ оффиціальнымъ отчетамъ о британскомъ скотѣ слѣдуетъ прибавить 2% на битыхъ телятъ, не включенныхъ туда, и изъ полученной, такимъ образомъ, цифры убивается ежегодно 25%, тогда какъ свиней идетъ ежегодно на бойню 42%, а овецъ 116%. Нѣкоторые авторы, особенно Кайрдъ и Альгернонъ Кларке сдѣлали вычисленіе съ различныхъ точекъ зрѣнія, но чистый выводъ приходитъ почти къ одному результату, а именно, что среднее потребленіе мяса на голову равняется около 100 ф. въ годъ, изъ которыхъ 80 ф. производятся дома. Но что же можетъ противоноставить этому Бельгія съ своими 738,732 коровами, 214,574 яловками, 51,502 быками и волами, и 207,457 молодого скота (въ Великобританіи коровъ и яловокъ 2,253,800, рогатаго и молодого рогатаго скота 3,748,300)? Зная, сколько коровъ и быковъ употребляется здѣсь для цѣлей извоза, и какъ долго держатся молочныя коровы, пока ихъ не продаютъ мясникамъ, ясно, что убивается послѣднихъ ежегодно весьма малая пропорція, не полная одна пятая, и если къ нимъ прибавить половину быковъ и воловъ, одну шестую молодого скота и значительное число телятъ, положимъ, 2/3 ежегодно рождающихся, то мы получимъ нѣчто въ родѣ снабженія Бельгіи мясомъ дома кормленнаго скота.—Бельгія обладаетъ всего 2,6 овцами на гектаръ, сравнительно съ 12,5 въ Великобританіи, и насъ просятъ повѣрить, что и эти послѣднія также могутъ быть поста-

влены на одну и туже ногу, и считаться въ цифрѣ 8 (или 10) равными одной головѣ рогатаго скота. Съ точки зрѣнія факта было бы весьма близко къ истинѣ считать *двѣ* головы скота въ Англіи равными *тремъ* въ Бельгіи, и среднюю англійскую овцу, равною *двумъ* бельгійскимъ. Къ чему это ведетъ относительно вѣса, можно видѣть, сдѣлавъ скучный расчетъ, который составленъ авторомъ въ 1872 году, и приводитъ къ заключенію, что среднее потребленіе мяса въ Бельгіи достигало около 43 ф. въ годъ на человѣка, изъ которыхъ ввозится ничтожная пропорція, а около 40 ф. производится дома. И еще это количество на 50% выше вычисленнаго Лавелѐ въ упомянутомъ отчетѣ, что доказываетъ, что авторъ, быть можетъ, даже преувеличилъ годность бельгійскаго скота къ доставленію пищи.

Внутреннее предложеніе пищи для удовлетворенія потребностей населенія не есть критерій значенія земледѣльческихъ системъ различныхъ странъ, если только ихъ физическія условія и густота народонаселенія не совершенно равны между собою. Но фермеры Великобританіи, конечно, не побоятся сравненія. Принимая во вниманіе большій вѣсъ и болѣе раннее созрѣваніе британскаго скота, при чемъ послѣднее условіе даетъ возможность убивать ежегодно бо̀льшее количество скота, тогда какъ первое даетъ бо̀льшее количество мяса на голову убитаго скота, внутреннее предложеніе мяса въ Великобританіи на голову населенія можетъ быть принято съ полнымъ основаніемъ *вдвое* болѣе бельгійскаго.

Второй факторъ снабженія пищею при помощи живого скота фермы—это произведенія молочнаго и сырнаго хозяйства; въ этомъ отношеніи Бельгія находится далеко въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Англія. Около 3/5 бельгійскаго скота—молочныя коровы, тогда какъ въ Великобританіи пропорція эта не превосходитъ 2/5. Принимая среднее производство молока за практически равное, съ соединенной точки зрѣнія количества и качества, слѣдуетъ сдѣлать большой вычетъ, чтобы придти къ количеству, располагаемому для человѣческаго потребленія въ Великобританіи, чѣмъ сколько необходимо въ Бельгіи, такъ какъ въ послѣдней странѣ убивается очень много телятъ въ ранней молодости, въ то время, какъ телята не убиваемые рѣдко получаютъ все молоко дольше одной или двухъ недѣль. Въ цѣломъ можно думать, что располагаемое на человѣка населенія количество молока и его продуктовъ въ Бельгіи почти вдвое больше, нежели въ Великобританіи.

Ближайшій пунктъ состоитъ въ томъ утвержденіи, что легкія земли во Фландріи прокармливаютъ по одному человѣку съ акра. Вотъ что говоритъ Лавелѐ, указавши, что кормовыя травы занимаютъ отъ трети до половины земли послѣ жатвы въ двухъ провинціяхъ Восточной и Западной Фландріи: «такимъ образомъ объясняется, почему земли, отъ природы самыя худшія въ Европѣ, могутъ достигать средней продажной цѣны въ 5087 фр. и

наемной цѣны въ 112 фр., какъ указываетъ оффиціальная статистика (въ дѣйствительности онѣ еще гораздо выше) и какимъ образомъ эта столь бѣдная почва прокармливаетъ населеніе самое густое въ цѣломъ мірѣ: 211 жителей приходится на квадр. километръ въ Западной Фландріи и 295 жит. въ Восточной. Вмѣсто того, чтобы получать продуктъ съ 1 гектара, онъ получается съ 130—150 аръ (гектаръ=100 аръ). Это чудесное завоеваніе достигнуто силою заботъ, труда и затратъ».—Важность кормовыхъ травъ обязана тому факту, что большая часть почвы въ этихъ двухъ провинціяхъ, неблагодарно называемая «бѣдною», есть такого свойства, что приводитъ къ ранней жатвѣ, давая возможность взять жатву рѣпы послѣ хлѣбной, или посѣять морковь во льну и т. п., словомъ, получить хорошій урожай послѣ того, какъ уже собрана главная жатва. Этой системѣ слѣдуютъ также на небольшомъ пространствѣ въ Англіи, во Франціи и въ другихъ странахъ, гдѣ почва и климатъ благопріятны для нея, и, естественно, ея непосредственное послѣдствіе дать возможность фермеру содержать гораздо бо̀льшее количество скота, чѣмъ онъ сталъ бы держать въ иномъ случаѣ. Чтобы сравнивать совершенно правильно число скота, содержимаго на фламандскихъ и на англійскихъ фермахъ, необходимо было бы прибавить отъ 30 до 50% пространства къ песчанымъ мѣстностямъ Бельгіи. И этотъ прибавочный скотъ, содержимый такимъ образомъ, не идетъ на пропитаніе населенія фермъ. Онъ идетъ, убиваемый въ небольшихъ пропорціяхъ къ содержимому, которыя указаны выше, въ большіе города, подобные Антверпену, Генту, Брюге и др. Но, отдавая должное этому прибавочному продукту почвы, утвержденіе, что почва Западной Фландріи прокармливаетъ (nourrit) 211 жителей на одномъ кв. километрѣ, а Восточной Фландріи 295, врядъ ли болѣе вѣрно, чѣмъ то, что почва метрополіи въ Англіи прокармливаетъ жителей Лондона. Что населеніе столь густо, какъ то было показано, это представляетъ несомнѣнный фактъ; но другія провинціи Бельгіи, гдѣ населеніе болѣе рѣдко, посылаютъ свой излишій скотъ и мясо въ большіе города, гдѣ они въ спросѣ. И такъ опять-таки невѣрно то, что Бельгія есть страна, которая сама прокармливаетъ себя мясомъ, какъ видно изъ сравненія ввоза и вывоза хлѣба и живого скота въ годы 1874—78, на основаніи свѣдѣній изъ послѣдняго «Bulletin du Conseil Supérieur de l'agriculture». А именно, средній перевѣсъ *ввоза* надъ вывозомъ составлялъ въ эти четыре года 261.698.817 килогр. пшеницы, 44.092.094 килогр. ржи, 218.978.371 другихъ зерновыхъ продуктовъ, а всего, по 3,89 бушеля (1 бушель=50—60 фунтамъ) на человѣка. Въ тоже время количество *ввезеннаго* скота превышало вывезенное его количество на 66,760 головъ или по 1,84 ф. на человѣка, и только овецъ и свиней вывезено больше, чѣмъ ввезено.—Принимая во вниманіе, что по цензу 1876 г. Бельгійское Королевство содержало 5,336,185 жителей, оказывается, что съ 1874 по

1878 г. включительно, среднее количество зерна, ввезеннаго сверхъ вывоза, равнялось почти 4 бушелямъ на человѣка, и что изъ этого количества болѣе двухъ бушелей состояли въ зернѣ хлѣбномъ (пшеница и рожь). Въ 1879 г., согласно «Statistical abstract» для чужихъ странъ, публикованному англійскимъ правительствомъ, излишекъ ввоза надъ вывозомъ всякаго рода зерна въ Бельгію выросъ даже выше большихъ цифръ 1878 года и простирался до 6,41 бушелей на человѣка населенія 1876 года. Это показываетъ возрастаніе болѣе, нежели на 50% сравнительно съ предъидущимъ пятилѣтіемъ (среднимъ числомъ), и если пропорціи между различными родами хлѣба, показанныя выше, продолжаютъ сохраняться, то ввозъ состоялъ бы изъ 3½ бушелей хлѣба на человѣка и изъ нѣсколько менѣе 3-хъ бушелей прочаго зерна и бобовъ. По разсчету Лоуэса и Гильберта, среднее потребленіе пшеницы въ Соединенномъ Королевствѣ равняется 5,65 бушелей на человѣка въ годъ. Если въ Бельгіи имѣется одинаковое потребленіе хлѣба, то бельгійская нація зависитъ отъ чужеземнаго ввоза на около ²/₅—³/₅ своего производства, тогда какъ въ Соединенномъ Королевствѣ ввозъ простирался отъ ²/₅ до ³/₅ всего потребленія въ годы 1874—78 и, быть можетъ, до ³/₄ въ 1879 годъ. Весь этотъ бельгійскій излишекъ ввоза совершенно независимъ отъ 3 буш. излишняго ввоза на человѣка ячменя, овса, гречихи, гороху, бобовъ и проч., извѣстная пропорція которыхъ также содѣйствуетъ питанію народа.

Этотъ широкій ввозъ скота въ Бельгію не компенсируется какимъ бы то ни было излишкомъ вывоза живого скота или молочныхъ продуктовъ. Съ 1874 по 1878 г. количество ввезеннаго въ Бельгію мяса разныхъ сортовъ давало маленькій балансъ около 2 ф. на человѣка противъ страны, т. е. въ пользу излишняго ввоза. Ввозъ сыра показываетъ постоянный балансъ въ томъ же направленіи, т. е. въ излишкѣ ввоза на сумму до 7,000 кварт. въ годъ, между тѣмъ, какъ торговля масломъ, хотя и подверженная значительнымъ колебаніямъ, показываетъ балансъ всего въ 1,600 квартеровъ въ годъ въ пользу страны, въ среднія числа годовъ 1874—78. Излишекъ ввоза муки поднялся въ тотъ же промежутокъ времени до 20 ф. на человѣка. Дать эти подробности было необходимо изъ оффиціальныхъ источниковъ, потому что Лавелѐ комментируетъ «ввозъ зерна и муки всякаго рода, который уже въ 1866 году повышался до 3 милл. гектолитровъ въ годъ. Слѣд. было въ свободномъ распоряженіи для потребленія *человѣка* въ эту эпоху около 17½ милл. гектолитровъ, или болѣе 3½ гектол. на жителя. Это относительное количество должно быть приблизительно то же и теперь». *Это* количество ввоза достигаетъ только 1⅝ бушеля на человѣка, между тѣмъ, какъ совершенно ясно, что въ годы 1874—78, оно было, среднимъ числомъ, 3⁹/₁₀ бушеля зерна, а мука равняется почти ½ бушеля зерна болѣе въ годъ на человѣка. Да-

лѣе, Лавелѐ полагаетъ потребленіе на человѣка въ Бельгіи $3^1/_2$ гектолитра хлѣба, 7 гектол. картофеля, 13 килогр. мяса, 15 литровъ молока и проч. Но онъ не объясняетъ, какимъ образомъ примирить эту статистику съ городскимъ потребленіемъ, которое показываетъ среднимъ числомъ по 2 гектолитра хлѣба на одного человѣка населенія въ годъ. На самомъ дѣлѣ Лавелѐ не сосчиталъ того, сколько хлѣба, годнаго для пищи, потребляется *лошадьми*, *быками* и другимъ живымъ скотомъ, а также не прослѣдилъ возрастанія бельгійскаго ввоза, слѣдовавшаго за большимъ возростаніемъ питательности пищи и населенія, чѣмъ оно было 15 лѣтъ тому назадъ. Обращая вниманіе на то, какое большое пространство обработанной земли посвящено въ Бельгіи производству зерна, и до какой высокой степени пища населенія здѣсь состоитъ изъ растительныхъ продуктовъ, съ перваго взгляда кажется замѣчательнымъ, что почти половина хлѣба, съѣдаемаго бельгійскимъ населеніемъ, привозится изъ-за границы. Эта кажущаяся аномалія становится еще виднѣе, если вспомнить, что одинъ акръ земли, покрытый зерновымъ хлѣбомъ, бобами и другими растеніями, производитъ необходимую пищу для 3—4 человѣкъ, и что каждый житель Великобританіи съѣдаетъ столько же мяса, сколько можетъ быть произведено на пространствѣ средняго качества земли, соотвѣтствующемъ полному прокормленію отъ трехъ до четырехъ человѣкъ пшеницей, бобами и т. д., и въ добавокъ каждый потребляетъ не менѣе 5,65 бушелей хлѣба въ годъ на человѣка. Объясненіе этого факта то, что, съ одной стороны, среднее производство хлѣба на акръ не такъ велико въ Бельгіи, какъ въ Великобританіи; а съ другой, что народонаселеніе, пропорціонально обработанному пространству, болѣе густо въ Бельгіи, чѣмъ въ Великобританіи. Но при всемъ томъ болѣе умѣренные обычаи бельгійскаго народа дѣлаютъ его менѣе зависимымъ отъ иноземной пищи, чѣмъ британскій.

Другой важный вопросъ состоитъ въ томъ, каковы сравнительныя издержки на пищу, производимую бельгійскою и британскою землею, и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что бельгійскіе внутренніе продукты пищи обходятся гораздо дороже, такъ какъ въ 1866 году они требовали силы $26^1/_4$ лицъ и $3^1/_4$ лошадей на 100 обработываемыхъ акровъ, тогда какъ въ Англіи расходовалось на 100 акровъ только сила $7^1/_2$ лицъ и 3 лошадей. Сверхъ того, скотъ въ Бельгіи широко употребляется на земледѣльческія работы, а въ Великобританіи весьма мало. Еще одинъ предметъ возбудилъ множество недоразумѣній, а именно, вопросъ о капиталѣ, примѣняемомъ въ фермерскомъ дѣлѣ въ различныхъ округахъ Бельгіи. Лавелѐ опредѣляетъ капиталъ такъ: 1) живой скотъ, 2) мебель, сбруя и земледѣльческія орудія, 3) удобреніе на землѣ и на фермѣ, 4) растущій урожай, 5) непроданные хлѣбъ, фуражъ и пр. 6) деньги на рукахъ или въ резервѣ. Это то, что можно назвать инвентаремъ, и что от-

личается отъ дѣйствительнаго капитала въ томъ отношеніи, что не проводится никакого различія между количествомъ того, что представляетъ собственность фермера bona fide и того, что представляетъ занятыя имъ деньги. Этотъ инвентарь находится въ противорѣчіи съ оцѣнкою въ 5 или 6 гиней на акръ, въ качествѣ капитала, обладаемаго англійскимъ фермеромъ. Что касается до самой Бельгіи, то необходимо лучше анализировать цифры, такъ какъ Лавеле кладетъ капиталъ, употребляемый въ песчаномъ районѣ по 16 ф. ст. на акръ, на Гесбайской глинѣ по 6 гиней, въ Кондрозѣ по 4 ф. ст., а въ Арденнахъ по 3 гинеи. Примѣръ, взятый изъ песчанаго района, есть ферма въ 20 акровъ, и капиталъ включаетъ 1,490 фр. на земледѣльческія орудія, тогда какъ на ферму въ 250 акровъ въ Гесбайѣ считается на тотъ же расходъ только 5,000 фр. Это можетъ быть справедливо, и если да, то показываетъ высшую экономію крупной фермерской системы. Какъ замѣчаетъ Бродрикъ (English Land and English Landlords, 389), «самый важный вопросъ для разрѣшенія есть тотъ, какая земледѣльческая культура приноситъ наибольшую выручку продукта на данное количество капитала (немножко слишкомъ откровенно, но въ техническомъ смыслѣ почти вѣрно)». Такъ какъ на мелкой фермѣ требуется не менѣе 2,300 фр. на слѣдующіе расходы: вознагражденіе отходящему фермеру — 1,500 фр., удобреніе на фермѣ — 300 фр., вознагражденіе за посѣвъ и работу—500 фр., которые въ общей суммѣ достигаютъ 4 ф. 10 ш. на акръ, то ясно, что сравненіе съ крупною фермою лишено значенія. Всѣ эти итоги вовсе не встрѣчаются въ такъ называемомъ «капиталѣ» крупнаго фермера, хотя обычаи права на входъ различны, и фермеръ, вмѣсто уплаты за нихъ полной цѣны, платитъ за употребленіе ихъ въ рентѣ. Въ Англіи не многіе стали бы включать цѣнность своей домашней утвари въ дѣйствующій капиталъ своей фермы, хотя совершенно правильно включить оцѣнку того, что можетъ быть реализировано при наслѣдованіи имѣнія. Однако, подъ этимъ заголовкомъ капиталъ мелкаго фермера доходитъ до 1 ф. ст. на акръ, а крупнаго только до 8 ш. Сверхъ того, трудно понять, почему лошади мелкаго фермера, какъ говоритъ Лавеле, должны считаться цѣною въ 400 фр., а крупнаго только въ 300? Итакъ, слѣдуетъ согласиться, что мелкіе фермеры требуютъ большаго капитала, чѣмъ крупные; но насколько эта заслуга или убытокъ «petite culture»—это зависитъ отъ того, насколько удовлетворительный отвѣтъ можетъ быть данъ на такіе вопросы, какъ «можетъ ли быть этотъ чрезмѣрный капиталъ вознаграждаемъ?» и «платилъ ли капиталъ мелкаго фермера одинаково высокій уровень прибыли съ капиталомъ крупнаго фермера?» Значительная часть прибавочной стоимости инвентаря мелкаго фермера состоитъ въ въ невознаграждаемомъ, но необходимомъ расходѣ на орудія и утварь и въ вознагражденіи своему предшественнику; но, какъ увидимъ ниже, фермеръ на песчаной почвѣ, крупный

или мелкій, захватываетъ кормовыми травами большую часть своей земли, и потому до такого размѣра требуетъ больше капитала на акръ, чтобы имѣть возможность купить удобреніе для возвращенія этихъ травъ и скотъ, который съѣлъ бы ихъ. Этотъ капиталъ въ высшей степени производителенъ, такъ какъ онъ даетъ фермеру возможность продать больше мяса и молока съ акра, и, вѣроятно, также выростить болѣе тяжелую жатву хлѣба, чѣмъ какую онъ имѣлъ бы возможность получить въ иномъ случаѣ. Однако, это—атрибутъ, принадлежащій совмѣстно климату и почвѣ, и не имѣетъ никакого отношенія къ размѣрамъ фермы, или къ вопросу, есть ли владѣлецъ собственникъ или фермеръ.

Уже было показано, что бельгійскій фермеръ представляетъ весьма важный факторъ въ земледѣльческой системѣ страны, которая до тѣхъ поръ была разсматриваема всѣми, какъ почти исключительно обработываемая крестьянами-собственниками. Поэтому необходимо описать различныя обстоятельства, при которыхъ земля держится фермерами отъ землевладѣльцевъ, хотя слѣдуетъ сознаться, что трудно прибавить что-нибудь важное въ этомъ отношеніи къ превосходнымъ отчетамъ Уиндгэма и Граттана, публикованнымъ въ 1878 году [1]. Три способа отдачи земли въ наемъ болѣе или менѣе употребительны въ различныхъ частяхъ Бельгіи, а именно, наемъ изъ года въ годъ, наемъ срочный, словесный или письменный, и половничество. Въ случаѣ найма изъ года въ годъ письменныхъ договоровъ почти не заключается, и отдается обыкновенно участокъ безъ построекъ. Это или пастбище, взятое хлѣбопашцемъ-фермеромъ или мясникомъ, или пахоть въ округахъ, гдѣ поземельная собственность сильно подраздѣлена, гдѣ каждый промышленникъ имѣетъ маленькое поле, и каждый мелкій фермеръ имѣетъ свой домикъ. Наибольшаго развитія эта система достигла въ Pays de Waes, гдѣ рѣдкій фермеръ не имѣетъ трехъ землевладѣльцевъ, и почти невозможно найти такого, который не былъ бы собственникомъ своего дома. По словамъ Уиндгэма, въ этомъ краю крупный, какъ и мелкій фермеръ долженъ имѣть одновременно слѣдующихъ землевладѣльцевъ: пивовара, торговца, продавца платьевъ, часовщика, трактирщика, фермера, доктора, адвоката и приходскаго священника, одного «либерала» и одного «католика». Каково положеніе этого фермера, вѣроятно, нанимающаго отъ 5 до 10 гектаровъ земли? Пивоваръ разсчитываетъ сбывать ему свое пиво; если тотъ сопротивляется, онъ удаляетъ его съ своего клочка земли и отдаетъ таковой болѣе выгодному фермеру; торговецъ ожидаетъ, что онъ будетъ покупать у него въ лавкѣ кофе; жена его и дочери должны хорошо одѣваться, чтобы понравиться продавцу платьевъ; онъ долженъ

---

[1] Wyndham and Grattan. Part I «Reports from H. M's Representatives respecting the Tenure of Land in several countries of Europa».

купить себѣ часы и мѣнять ихъ при случаѣ, чтобы быть пріятнымъ часовщику; онъ долженъ помогать своему хозяину-фермеру, снимая его жатву, прежде чѣмъ обратится къ своей; если онъ или его семья не нуждаются въ помощи врача два или три раза въ годъ, докторъ ищетъ себѣ менѣе здороваго фермера. Послѣднее представляетъ примѣръ той степени, какой достигаетъ эта тиранія, и насколько могутъ стать выгодны косвеннымъ путемъ мелкіе клочки земли для землевладѣльца: докторъ, жена котораго была модистка, обладалъ 40 арами земли (1 акръ), которую онъ отдавалъ внаймы по словесному договору человѣку, имѣвшему большое семейство, въ томъ числѣ семь дѣвушекъ; рента за землю простиралась до 40 фр. въ годъ, но продажа лекарствъ и платья своему фермеру увеличивали доходъ доктора до 400 фр. въ годъ. На основаніи собственнаго отчета автора въ прежней статьѣ о Бельгіи, въ Pays de Waes господствуетъ курьёзное положеніе вещей: фермерскіе дома съ небольшимъ участкомъ земли, только-что достаточнымъ для построекъ, и, быть можетъ, маленькаго садика, принадлежатъ почти неизбѣжно занимающимъ ихъ лицамъ. Земля принадлежитъ множеству собственниковъ, которые часто суть деревенскіе торговцы. Фермеръ 7 или 8 акровъ часто имѣетъ трехъ или четырехъ землевладѣльцевъ; въ дѣйствительности почти каждое поле принадлежитъ особому лицу. Наймовъ на срокъ въ этомъ округѣ нѣтъ, но земля сдается изъ года въ годъ, начиная съ 1-го октября, и срокъ абсолютно кончается въ тотъ же день, двѣнадцать мѣсяцевъ спустя. Легко видѣть, какое положеніе вещей приноситъ это съ собою. Предположимъ, что съемщикъ 10 акровъ имѣетъ пять землевладѣльцевъ; они, по всей вѣроятности, будутъ портной, сапожникъ, лавочникъ, суконщикъ и адвокатъ, всѣ живущіе въ сосѣднемъ городѣ или деревнѣ. Съемщикъ обязанъ покупать сапоги у одного, платье у другого и т. д. или его аренда не будетъ продолжаться по окончаніи перваго сентября. Въ послѣдній день этого мѣсяца онъ получитъ оповѣщеніе оставить ферму на слѣдующее утро. Другая опасность состоитъ въ томъ, что сосѣдъ-фермеръ можетъ пойти къ одному или нѣсколькимъ подобнымъ ландлордамъ и предложить болѣе ренты за часть его фермы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ имѣетъ свое фермерское право, а именно, право на цѣнность удобренія, употребляемаго на послѣднюю жатву, и право на опредѣленную сумму около 6 шил. 8 пенс. съ акра за удобреніе, примѣненное въ предъидущіе два года. Фермера, правда, нельзя выгнать изъ дому, и онъ, по всей вѣроятности, имѣетъ столькихъ землевладѣльцевъ, что имѣлъ бы возможность обойтись одинъ годъ безъ клочка земли, который ему пришлось бы оставить, и еслибы послѣдній былъ отобранъ, то онъ могъ бы отмстить за себя; такъ какъ весьма вѣроятно, что онъ могъ слышать о приближающемся событіи и запастись другимъ полемъ на счетъ своего притѣснителя или какого нибудь другого сосѣда. Но при иныхъ обстоя-

тельствахъ система совершенно порочна. Къ счастью, округъ, гдѣ господствуетъ эта практика, весьма ограниченъ, и когда промышленники-землевладѣльцы умираютъ, собственность покупается фермерами по баснословнымъ цѣнамъ, совершенно внѣ всякой пропорціи съ цѣнностью ренты. Этотъ способъ владѣнія землею распространенъ въ Бельгіи изолированными участками. но нигдѣ въ другомъ мѣстѣ онъ не есть исключительный способъ найма земли, а также не развился въ систему столь порочной конкурренціи. Легко понять, что между землевладѣльцами и съемщиками расходуется не много любви, и что отношенія между сосѣдними фермерами часто лишены всякой дружественности. Дѣйствительно, обитатели этой страны имѣютъ дурную репутацію въ прочихъ частяхъ Бельгіи, и автора не разъ извѣщали, что сборъ ренты составляетъ обязанность весьма непріятную. И все же остается вѣренъ фактъ, что при этой въ высшей степени отвратительной системѣ аренды, нетолько рента выплачивается регулярно, но и Pays de Waes есть наилучше культивированный изъ всѣхъ округовъ Бельгіи, имѣющихъ мелкія фермы. несмотря на то, что *все это говорилось въ пользу мелкихъ собственниковъ*. Дѣйствительно, многіе писатели пришли къ убѣжденію, что Pays de Waes есть родъ колоніи крестьянъ-собственниковъ, при чемъ желаніе, повидимому, породило самую мысль. Какое-нибудь объясненіе этой кажущейся аномаліи необходимо. и авторъ находитъ его въ вознагражденіи отходящему фермеру за неистощенныя удобренія въ землѣ, а также за пахоть, посѣвъ и другіе хозяйственные акты. Оцѣнка дѣлается экспертами, обыкновенно въ декабрѣ, и выплачиваются порядочныя деньги, напримѣръ, отъ 54 до 86 шилл. за землю, приготовленную подъ картофель, отъ 32 ш. 6 п. до 65 ш. за посѣвъ ржи, пшеницы или ячменя, отъ 17 ш. 9 п. до 25 ш. 6 п. за посѣвъ овса или клевера и пр. Дѣлая свои оцѣнки въ предѣлахъ этихъ обычныхъ границъ, эксперты принимаютъ во вниманіе количество удобренія, которое было примѣнено къ предъидущимъ жатвамъ, выполнявшійся сѣвооборотъ, большую или меньшую дѣйствительность различныхъ актовъ обработки, сравнительную чистоту полей и пр. Можно сказать, что этотъ предметъ обладаетъ своею собственною литературою на фламандскомъ языкѣ.

Въ подтвержденіе мнѣнія, что обработка земли при системѣ фермерства двинулась болѣе впередъ, нежели въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ преобладаютъ мелкіе собственники, авторъ снова ссылается на отчетъ Граттана, уже упомянутый выше. Относительно этого пункта министръ внутреннихъ дѣлъ (бельг.) замѣчаетъ: «достойно вниманія, что вообще въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ воздѣлыватели почвы выказываютъ *наибольшее* стремленіе сдѣлаться собственниками, суть въ то же время тѣ, въ которыхъ земледѣліе *наименѣе* подвинулось впередъ и дѣлаетъ самый медленный прогрессъ. Не желая приписывать преувеличенную степень важности этому совпаденію, повидимому,

можно имѣть право заключить изъ этого, что слишкомъ легкій доступъ къ собственности неблагопріятенъ для развитія производства; это легко понять, если подумать о томъ, что, посвящая слишкомъ большую долю своихъ доходовъ на пріобрѣтеніе земли, фермеры встрѣчаютъ препятствіе къ употребленію ихъ на улучшеніе почвы, которую они уже обрабатываютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это стремленіе есть одно изъ величайшихъ препятствій къ улучшенію въ различныхъ частяхъ нашей страны, и что тѣ изъ нашихъ провинцій, въ которыхъ все прочее одинаково, но гдѣ усвоеніе земли земледѣльцами идетъ всего медленнѣе, суть также и тѣ, въ которыхъ обработка земли достигла высшаго развитія и совершенства».

Наймы на срокъ всеобщи въ Бельгіи, когда рѣчь идетъ о фермѣ и о ея строеніяхъ. Обычная ферма 3, 6, 9 лѣтъ, съ предъувѣдомленіемъ каждой стороны за 6 мѣсяцевъ. Условія, частью, сходны вездѣ, частью, различны; сходны въ томъ, что фермеръ обыкновенно платитъ всѣ налоги, съ включеніемъ поземельнаго и другихъ, которые лежатъ или будутъ возложены на собственность на счетъ землевладѣльца или фермера. Онъ долженъ страховать зданіе, но во всякомъ случаѣ пожара страховая премія достается землевладѣльцу. Онъ соглашается отказаться отъ дѣйствія тѣхъ статей Code Civil, которыя даютъ ему право на вознагражденіе отъ землевладѣльца въ случаѣ потерь отъ случайностей, обыкновенныхъ или чрезвычайныхъ, предвидѣнныхъ или непредвидѣнныхъ. Сверхъ того, онъ соглашается, что всѣ вложенныя имъ улучшенія въ землю и въ ферму должны сдѣлаться собственностью землевладѣльца по истеченіи срока аренды, если не было на этотъ счетъ спеціальнаго соглашенія. Въ случаѣ перемѣны арендатора наблюдаются различныя правила, но часто отходящій фермеръ пользуется нѣкоторыми привилегіями, напримѣръ, можетъ оставить за собою двѣ трети земли для снятія послѣдней жатвы, хотя съ уплатою за нее ренты, какъ въ провинціи Антверпенъ, или имѣетъ право на вознагражденіе за удобреніе и посѣвъ, какъ иногда въ провинціяхъ Брабантъ и Западной Фландріи—отъ землевладѣльца или входящаго фермера. Мѣстами, однако, фермеръ не получаетъ ничего. Иногда платятъ за постройки предъидущимъ фермерамъ и сами берутъ съ послѣдующихъ. Въ дѣлахъ подобнаго рода господствуетъ третейское разбирательство. Общимъ правиломъ во Фландріи эксперты оцѣниваютъ оставленныя удобренія высоко и тѣмъ затрудняютъ переходъ и увеличиваютъ требуемый для обработки капиталъ. Система эта очень поощряетъ вести хозяйство въ лучшемъ видѣ и тратить возможно больше на удобреніе. Объ обычаѣ «mauvais gré» была уже рѣчь въ предъидущей статьѣ.

Половничество въ настоящее время ограничивается Арденнами и сосѣдними возвышенными и болѣе или менѣе безплодными и некультивированными мѣстностями Бельгіи. Всѣ продукты фермы

дѣлятся между землевладѣльцами и фермерами, за исключенiемъ масла и яицъ и количества картофеля, необходимаго для удовлетворенiя требованiй хозяйства фермы. Но, чтобы помѣшать половнику произвести слишкомъ много масла въ его собственную, исключительную пользу, число дойныхъ коровъ ограничивается вообще шестью, и половникъ долженъ ежегодно воспитывать десять телятъ и держать всего около 30 головъ скота, половина котораго принадлежитъ съ самаго начала землевладѣльцу. Половникъ платитъ половину поземельнаго налога, возлагаемаго на ферму, содержимую въ товариществѣ, а также и всѣ личные налоги, обыкновенные общинные налоги и путевыя пошлины, что вмѣстѣ простирается до половины поземельнаго налога. Если земля бѣдна, то для соблюденiя равенства дѣленiя, фермеръ получаетъ нѣкоторыя привилегiи, напримѣръ, право держать для себя свинью не тяжеле $1^1/_2$ квартера вѣсомъ, нѣсколько повозокъ топлива и пр. Выгода въ томъ, что ненужно имѣть много капитала, что землевладѣлецъ имѣетъ интересъ въ дѣтѣ и можетъ иногда давать фермеру взаймы денегъ и пр. Изъ общинныхъ правъ еще удержалось, какъ и во Францiи, droit de parcours et de la vaine pâture. Первое состоитъ въ правѣ всѣхъ членовъ конфедерацiи общинъ пасти скотъ на земляхъ сосѣднихъ общинъ. Vaine pâture ограничивается землями одной общины и частною собственностью—право пастьбы членами общины своего скота на общинныхъ земляхъ и на частныхъ въ опредѣленное время года, на общемъ пастбищѣ круглый годъ, на поляхъ послѣ снятiя жатвы и на лугахъ послѣ перваго и втораго сѣнокоса. Въ Арденнахъ есть общины, имѣющiя до сихъ поръ право на половину дровъ, которыя собственники такихъ лѣсовъ въ общинѣ рубятъ въ извѣстные годы. Мѣстами это право уже превращено въ деньги. Vaine pâture на частныхъ земляхъ въ настоящее время уже оплачивается со стороны пользующихся ею фермеровъ держанiемъ быка для всѣхъ коровъ сосѣдства. Собиранiе желудей также есть одно изъ общинныхъ правъ.

Обратимся теперь къ общей характеристикѣ бельгiйскаго земледѣлiя и землевладѣнiя, какъ по классамъ участвующихъ въ немъ лицъ, такъ и по размѣрамъ культуры, насколько она выяснена у Дженкинса.

Многiе землевладѣльцы Бельгiи суть члены аристократiи и успѣшные дѣловые люди, но послѣднiе часто затрачиваютъ деньги въ землю за предѣлами Бельгiи. Хорошо извѣстно, что торговцы Гента покупаютъ землю главнымъ образомъ въ одномъ округѣ Голландiи, а Антверпена въ другомъ, и нѣтъ сомнѣнiя, что тоже предпочтенiе встрѣчается у богатыхъ гражданъ другихъ большихъ городовъ, какъ Брюссель, Льежъ, Намюръ и пр. Лавочники и мелочные торговцы тоже затрачиваютъ свои сбереженiя въ большомъ размѣрѣ на покупку мелкихъ участковъ земли, которые они сдаютъ съ году на годъ въ аренду, какъ уже сказано выше. Но свыше чисто торговыхъ и земледѣльче-

скихъ соображеній въ Бельгіи существуетъ другой элементъ, который переплетается съ каждою сдѣлкою въ жизни, великою или малою. Дать этой вещи ея собственное имя «политика» и не сказать ничего болѣе, значило бы сообщить весьма слабую идею о ея силѣ и значеніи. Каждый человѣкъ въ Бельгіи, желаетъ ли онъ этого или нѣтъ, или «либералъ» или «католикъ». Если онъ фермеръ, онъ заимствуетъ свою политическую окраску отъ своего землевладѣльца, или отъ большинства ихъ, если имѣетъ ихъ нѣсколько. Краткіе наймы, наймы съ году на годъ, подраздѣленія земли между многочисленными съемщиками, все это имѣетъ двѣ цѣли, одна есть извлеченіе высокой ренты, другая—распоряженіе вотами. Одинъ крупный землевладѣлецъ сказалъ автору: «мы должны оставаться господами». Землевладѣлецъ рѣдко помышляетъ о развитіи земледѣлія, и еще менѣе исполняетъ тѣ обязанности, которыя считаются связанными съ обладаніемъ землею въ Англіи Освальдъ де-Керчове де-Дентергемъ замѣчаетъ по этому случаю: «Землевладѣльцы почти не живутъ въ деревнѣ, кромѣ лѣта. Не многіе между ними интересуются земледѣліемъ. Слѣдуетъ желать, чтобы землевладѣлецъ занимался болѣе личнымъ приданіемъ цѣнности своему имуществу и служилъ руководителемъ и совѣтникомъ для своихъ фермеровъ». Подобно этому, баронъ де Фаверо дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Большая часть крупныхъ владѣльцевъ живетъ въ своихъ имѣніяхъ только лѣтомъ. Вообще собственники, крупные и мелкіе, мало занимаются земледѣліемъ и не привязываются къ мысли о реализаціи поземельныхъ улучшеній (M. де Laveleye' Rapport. Annexes, p. 137, 196, 290)». Эти замѣчанія относятся къ округамъ съ мелкими фермами Восточной Фландріи и Лимбурга. Но даже и въ округѣ большихъ фермъ Кондрозъ, графъ фанъ-деръ Стратенъ-Понтоцъ, осѣдлый землевладѣлецъ, пишетъ: «Участіе крупныхъ замлевладѣльцевъ въ дѣлахъ землевладѣнія, могущественный (?) рычагъ, который одинъ могъ бы преобразовать лицо страны, не сдѣлало никакихъ успѣховъ; напротивъ, идеи все болѣе идутъ въ другомъ направленіи». Вообще, показаніе его преисполнено жалобъ на бельгійскихъ землевладѣльцевъ и похвалъ англійскимъ за ихъ близкое (?) участіе въ земледѣліи.

Фермеры существуютъ въ Бельгіи въ разныхъ типахъ, начиная отъ фермера мелкаго клочка земли до сравнительно-крупнаго фермера съ водочнымъ и сахарнымъ заводомъ.

Рабочій получаетъ около 1 ш. въ день зимою и около 1 ш. 3 п. лѣтомъ, въ сосѣдствѣ же рудниковъ и фабрикъ около 2 ш. 6 п. Со столомъ и квартирою рабочій во Фландріи получаетъ отъ 16 до 20 шилл. въ мѣсяцъ, и отъ 10 до 16 въ мѣсяцъ въ округахъ, гдѣ преобладаютъ крупныя фермы. Слуги получаютъ отъ половины до двухъ третей болѣе этого. Одиннадцать лѣтъ назадъ плата была еще ниже. Пища рабочихъ со столомъ во Фландріи и Кампанѣ состоитъ изъ ржанаго хлѣба, сала и сыворотки на завтракъ, картофеля, сыворотки, фасоли или моркови

и рѣпы съ ржанымъ хлѣбомъ и, по временамъ, куска свинины или сала на обѣдъ, ржанаго хлѣба, сала, картофеля и сыворотки на ужинъ. Мелкіе фермеры и даже болѣе крупные во Фландріяхъ и Кампанѣ (песчаные округи) ѣдятъ совершенно какъ ихъ рабочіе и вмѣстѣ съ ними—изъ общаго котла. Во время жатвы плата возрастаетъ до 50% Каждый рабочій есть вмѣстѣ petit cultivateur и арендуетъ четверть акра земли и болѣе, для разведенія картофеля, ржи и моркови; обыкновенно онъ держитъ корову, свинью или козу, смотря по средствамъ, и кое-какъ перебивается зимою своими собственными запасами. — Полетъ голубей есть главное удовольствіе бельгійскихъ рабочихъ и мелкихъ фермеровъ. Каждая деревня имѣетъ, по крайней мѣрѣ, два голубиные клуба (Sociétés colombophiles), одинъ «либеральный», другой «католическій». Большія мѣста обладаютъ часто другими клубами подъ фантастическими названіями, и почти каждый голубь занесенъ въ списки одной или двухъ великихъ политическихъ партій. Авторъ слышалъ, что рабочіе лучше согласятся умереть съ голоду, чѣмъ откажутъ себѣ въ пріобрѣтеніи возможно большаго числа голубей. Иногда по нѣскольку вагоновъ, наполненныхъ голубями и членами клубовъ, отправляется въ Парижъ и даже въ Мадридъ, гдѣ голубей выпускаютъ для возвращенія обратно.

Если человѣка, имѣющаго свой коттеджъ или свой маленькій фермерскій домикъ, удостоить названія крестьянина-собственника, то классъ этотъ чрезвычайно многочисленъ въ Бельгіи. Въ нѣкоторыхъ округахъ почти каждый фермеръ, а въ другихъ почти каждый робочій принадлежитъ къ этому классу. За то мелкіе собственники, имѣющіе, кромѣ дома, еще и землю, ни въ какомъ случаѣ не представляютъ важности ни по своему числу, ни по размѣру своихъ владѣній. Какъ становится лицо собственникомъ? чрезъ наслѣдство, чрезъ супружество, чрезъ сбереженіе и покупку. Принудительное подраздѣленіе собственности по смерти родителей, дѣйствуя цѣлый рядъ лѣтъ, привело къ нынѣшнему положенію вещей, состоящему въ обладаніи клочкомъ земли съ садомъ, огородомъ, домомъ, и въ обладаніи даже умѣренныхъ участковъ земли лишь не многими. Однако, раздѣлъ не доведенъ въ Бельгіи до крайности, такъ какъ сонаслѣдники имѣютъ достаточно здраваго смысла и сознанія собственнаго интереса, чтобы остановить его на той точкѣ, когда онъ перестаетъ быть выгоднымъ. Но такъ какъ наслѣдники не получаютъ поземельной собственности, и потому должны получать уплату своей части изъ чего-нибудь другого, то владѣльцу приходится прибѣгнуть къ залогу скорѣе, чѣмъ къ продажѣ, какъ бываетъ въ случаѣ двухъ или даже трехъ дѣтей. Крестьянинъ-собственникъ по наслѣдству при такихъ обстоятельствахъ является особою, далеко не заслуживающею зависти. Быть можетъ, онъ заложилъ свою собственность, по меньшей мѣрѣ, въ половину ея цѣнности и платитъ за деньги отъ

4 до $4^1/_2$ % [1]. Еслибы онъ былъ фермеромъ, онъ въ томъ же округѣ малыхъ фермъ приносилъ бы своему землевладѣльцу не болѣе 2% на капиталъ, такъ что при извѣстномъ количествѣ акровъ, онъ платитъ одну и ту же ренту и тѣмъ, и другимъ способомъ, между тѣмъ, какъ его резервъ, половина цѣнности собственности, сверхъ залога, лежитъ безъ производительнаго употребленія. Еслибы собственность была продана, эта половина цѣнности была бы освобождена, а еслибы она была употреблена, какъ капиталъ фермера, принесла бы 5%, а въ хорошемъ обезпеченіи не менѣе 4%. Но затраты подобнаго рода выходятъ изъ предѣловъ горизонта бельгійскаго мелкаго фермера, и такимъ образомъ, земля, будучи единственнымъ родомъ помѣщенія, который, какъ они разумѣютъ, ходитъ съ преміей для готовящагося быть собственникомъ, еще болѣе, нежели рента ходитъ съ преміей для готовящагося стать фермеромъ.

Крестьянинъ-собственникъ черезъ супружество есть человѣкъ, который по смерти своихъ родителей или при жизни ихъ, при помощи даренія, женится на женщинѣ, съ такимъ же количествомъ денегъ или ихъ эквивалентомъ въ землѣ, какъ «приданымъ». Въ этомъ случаѣ женатая пара входитъ въ жизнь безъ тяжелой ноши залога, но, общимъ правиломъ, пространство обладаемой ею земли недостаточно для удовлетворенія ея потребностей и для занятія ея времени, такъ что мужъ работаетъ, какъ поденьщикъ наиболѣе крупной фермы въ сосѣдствѣ до тѣхъ поръ, пока случай не дастъ имъ возможности пріобрѣсти на свои сбереженія или нанять нѣсколько болѣе земли. Но въ промежутокъ этого времени наемъ принимается по любой платѣ, чтобы только дать возможность мужу и женѣ посвятить свою энергію на работу въ собственную пользу. Предполагая, что женатая пара не «благословлена» дѣтьми, этотъ эскизъ ихъ прогресса будетъ соотвѣтствовать довольно сносно дѣйствительнымъ фактамъ. Но если пошли дѣти, то нетолько увеличились весьма скромные расходы, но и сумма труда на полѣ, которую могла исполнять жена, серьёзно уменьшилась. Наемный трудъ внѣ вопроса и, слѣдовательно, рожденіе дѣтей дѣйствительно воспрещаетъ дальнѣйшее пріобрѣтеніе собственности, пока они не выростутъ настолько, что сами не сдѣлаются источникомъ прибыли, а не потери.

Крестьянинъ-собственникъ черезъ сбереженіе и покупку былъ

---

[1] Въ предыдущихъ статьяхъ нашихъ мы не разъ указывали на степень задолжанія мелкой крестьянской собственности во Франціи и въ Австріи. Швейцарія, страна крестьянской собственности по преимуществу, не уступаетъ въ этомъ отношеніи никакому другому государству. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, общая цифра гипотечныхъ долговъ въ Швейцаріи равнялась въ 1834 г. 300 милл. фр., а въ 1879 г.—3,300 милл. фр. Проценты по этому долгу въ 1834 году составляли 12 милл. фр. (по $3^5/_8$ %), и въ 1879 году — 152 милл. фр. (по $4^5/_8$ %).

бы названъ въ Англіи нищимъ. Подобный мужъ съ женою и дѣтьми, если они подростки, работаетъ на другихъ, а на себя сколько возможно ревностно въ другое время, отказывая себѣ во всемъ, кромѣ абсолютныхъ потребностей жизни. Существенные элементы въ этомъ случаѣ садикъ и клочокъ земли, обыкновенно нанятой. Жена также сберегла кое-что отъ своихъ заработковъ, и на соединенный капиталъ они покупаютъ, кромѣ необходимой утвари, пару кроликовъ, свинью или козу. Мало-по-малу, путемъ тяжелыхъ лишеній они придутъ къ покупкѣ собственнаго коттеджа, если у нихъ нѣтъ большой семьи, и такимъ образомъ въ концѣ своей жизни достигнутъ возможности оставить одного или двухъ изъ своихъ дѣтей крестьянами-собственниками черезъ бракъ. Этотъ классъ крестьянъ-свбственниковъ, иронизируетъ авторъ, былъ такъ поэтически очерченъ секретаремъ общества земледѣльцевъ Франціи въ адресѣ земледѣльческому обществу Восточной Фландріи: «Прослѣдите ихъ поближе въ этой части вашей Фландріи, гдѣ лѣсная сосна начала оплодотвореніе почвы. Они пришли сюда лѣсниками, съ помощью своихъ первыхъ экономій они получили пользованіе клочкомъ земли. Потомъ, собравъ небольшія деньги, сходивъ жать хлѣбъ во Францію и возложивъ на себя самыя жестокія лишенія, они построили себѣ хижину. Первый ихъ скотъ былъ кроликъ, потомъ коза, потомъ теленокъ. Велика была радость хижины, когда маленькое стойло получило первую корову. Съ этихъ поръ удобреніе увеличило результаты труда. И по мѣрѣ возрастанія семейства, вмѣстѣ съ продуктами земли, еще лишній разъ можно было видѣть, какъ земледѣліе создавало благосостояніе населеніемъ и населеніе благосостояніемъ». Меньше слащавой поэзіи, но больше трагической правды заключается въ слѣдующихъ словахъ одного ветеринара въ центральномъ округѣ, сказанныхъ автору: «Mon cher monsieur, la petite culture, c'est la misère».

Вопросъ о сравнительномъ значеніи крупнаго и мелкаго хозяйства представляетъ, по мнѣнію автора, тѣмъ большій интересъ, что Бельгія всегда приводится какъ иллюстрація истины предположенія, что національная система мелкихъ хозяйствъ даетъ возможность густому населенію прокормиться домашнимъ продуктомъ и дѣлаетъ страну практически независимой отъ чужеземнаго ввоза. Въ 1872 году авторъ произнесъ рѣчь въ лондонскомъ клубѣ фермеровъ, въ которой онъ показалъ, что 25% населенія Бельгіи прокармливаются ввозною пищею. Въ настоящее время, какъ доказано выше, пропорція населенія, прокармливаемаго такимъ образомъ, еще значительно шире. Съ совершенно вѣрной точки зрѣнія автора, безполезно спорить объ этомъ вопросѣ на основаніи однихъ à prior'ныхъ соображеній, за исключеніемъ развѣ случая весьма ограниченнаго района, въ которомъ всѣ условія, относящіяся къ задачѣ, вполнѣ хорошо извѣстны. Обращаясь къ нему, какъ къ великому національному

вопросу, необходимо проверить его результаты, и просто удивительно, какъ, повидимому, не свѣдущи нѣкоторые изъ самыхъ извѣстныхъ писателей относительно значенія достигнутыхъ имъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, Лавелѐ на послѣднихъ страницахъ своего «Rapport» 1878 г. замѣчаетъ: «Бельгія есть страна наилучшимъ образомъ обработанная и наиболѣе производительная въ мірѣ, такъ какъ она прокармливаетъ самое густое населеніе, 181 жителя на 100 гектаровъ». Лавелѐ не пришлось сравнить это утвержденіе съ послѣдними оффиціальными отчетами о ввозѣ и вывозѣ земледѣльческихъ произведеній королевствомъ Бельгіей, или съ своими собственными положеніями относительно урожая зернового хлѣба, напримѣръ, въ Бельгіи и въ Англіи. Очевидно, что онъ никогда не дѣлалъ вычисленій, какое участіе принимаетъ земля въ прокормленіи въ теченіи круглаго года англичанина или бельгійца, и сомнительно, размышлялъ ли онъ о громадномъ количествѣ земли, которое требуется для производства одной сотни пудовъ мяса сравнительно съ количествомъ ея, необходимымъ для производства такого же вѣса хлѣба или иной пищи. Но для большинства людей положеніе Лавелѐ является вполнѣ убѣдительнымъ. Они согласятся, что Бельгія ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ иностранной доставки пищевыхъ веществъ и что страна эта прокармливаетъ все свое населеніе своимъ собственнымъ производствомъ столь же роскошно, какъ англичане прокармливаются громаднымъ количествомъ ввозной пищи. Но достаточно приведенныхъ выше доказательствъ, чтобы видѣть, что утвержденіе Лавелѐ находится въ войнѣ съ фактами.

Вопросъ, предстоящій разсмотрѣнію, въ обыкновенной формѣ таковъ: какая система лучше для страны, система большихъ или мелкихъ фермъ? Отвѣтъ на это слѣдующій: смотря по обстоятельствамъ и требованіямъ страны. Поэтому необходимо съ самаго начала установить съ точностью, въ чемъ состоитъ задача, нуждающаяся въ рѣшеніи. Она состоитъ въ томъ, при какой системѣ наиболѣе пищи производится на акръ, или при какой системѣ производится наиболѣе излишней пищи; или какая система есть наилучшая, какъ способъ давать занятія рабочимъ, или при какихъ обстоятельствахъ та или иная наиболѣе ведетъ къ національному процвѣтанію. Почти каждый бельгіецъ твердо убѣжденъ въ превосходствѣ мелкой культуры, какъ національной системы; но его аргументація, главнымъ образомъ, основана на соображеніяхъ, которыя скорѣе эстетичны, чѣмъ экономичны, и факты, приводимые имъ, вытекаютъ изъ сравненія, напримѣръ, Pays de Waes съ польдерами [1]. Но подобное сравненіе является

---

[1] Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что самъ Лавелѐ въ своемъ «Rapport» 1878 (p. XXII) выразительно предостерегаетъ, чтобы объ немъ не думали, что онъ дѣлаетъ это сравненіе. Говоря о польдерахъ, онъ замѣчаетъ: «компактныя свойства участка, требующія сильной упряжи, ограничиваютъ соперничество

нелогичнымъ, такъ какъ сравниваемые округа представляютъ такое громадное различіе въ отношеніи къ почвѣ, что между ними не существуетъ никакой аналогіи. Такъ, напримѣръ, въ Pays de Waes фермеръ можетъ разсчитывать получить хорошій урожай рѣпы, если посѣетъ ее послѣ хлѣбной жатвы; тогда какъ въ польдерахъ рѣпа часто не созрѣваетъ вовсе. Что касается до поэзіи, до «кокетства» и другихъ эстетическихъ атрибутовъ мелкой культуры, которая вызывала такое удивленіе со стороны нѣкоторыхъ авторовъ, то ихъ не слѣдуетъ вводить въ суровую область политической экономіи.

Наблюденія надъ производствомъ пищи убѣждаютъ, что caeteris paribus болѣе обширныя фермы даютъ сравнительно болѣе значительный продуктъ. Во Фландріи фермы въ 20 акровъ вообще обрабатываются лучше, чѣмъ фермы въ 5 или 10 акровъ; а фермы въ 50 лучше, чѣмъ фермы въ 20. На «конкурсѣ фермъ», который созывался въ 1869 году земледѣльческимъ обществомъ въ Восточной Фландріи (провинція petite culture, par excellence) перваго приза была удостоена ферма въ 105 акровъ, расположенная въ Pays de Waes и окруженная наилучшими типами petite culture. Второй призъ достался фермѣ въ 62½ акра; но слѣдуетъ замѣтить, что спеціальные призы были выдаваемы фермамъ пространствомъ менѣе 35 акровъ. Фермы перваго и второго приза несомнѣнно производятъ бóльшую жатву, нежели какая-либо изъ меньшихъ фермъ въ ихъ сосѣдствѣ, и то же самое справедливо въ каждомъ округѣ. Довольно упомянуть ферму Демòна, заключающую 1,500 акровъ, и ферму Винкеруа, содержащую 500 акровъ, какъ несомнѣнные случаи превосходства крупной культуры, какъ въ глинистомъ, такъ и въ песчаномъ округахъ. Въ Бельгіи положеніе весьма многихъ крупныхъ фермеровъ очень дурно; по общимъ правиламъ, положеніе болѣе мелкихъ фермеровъ въ ихъ сосѣдствѣ еще хуже. Конечно, есть и исключенія. Мелкіе фермеры вообще стараются сдѣлать слишкомъ много, и эта особенность привела къ преобладающему мнѣнію, что при системѣ мелкихъ фермъ имѣется возможность производить лучшіе урожаи и держать больше скота, чѣмъ на крупныхъ фермахъ. Они сѣютъ и садятъ всякую жатву очень тѣсно и получаютъ двойную службу отъ земли и отъ скота. На основаніи вышесказаннаго не трудно, однако, опредѣлить относительное количество пищи, расходуемое на голову рогатой скотины и овецъ въ Бельгіи и въ Англіи, и цѣнность животныхъ въ каждой изъ этихъ странъ въ случаѣ продажи ихъ мяснику. Фактъ состоитъ въ томъ, что petit cultivateur держитъ столько коровъ, сколько можетъ, ради ихъ удобренія и масла; но до-

---

и препятствуютъ дробленію земли. Это общее правило въ Бельгіи—песчаная земля и мелкая эксплуатація, глинистая земля — крупная эксплуатація». То же самое правило имѣетъ всеобщее дѣйствіе въ приложеніи къ пахатнымъ землямъ во всѣхъ континентальныхъ странахъ.

вольно часто онъ доводитъ ихъ до полуголоднаго состоянія, хотя и даетъ имъ въ пищу всѣ свои зерновыя жатвы, кромѣ пшеницы. Какъ говорится въ Стаффордширѣ: «если хотите имѣть больше молока, продайте корову!» По временамъ корова продается болѣе крупнымъ фермерамъ, которые обращаютъ ее въ говядину. Практически вся petite culture въ Бельгіи вовсе не производитъ говядины, а только свинину. Обыкновенно мелкіе фермеры почти не ѣдятъ ни того, ни другого. Что землевладѣльцы суть адвокаты системы мелкихъ фермъ — это очень естественно, потому что большое число мелкихъ арендъ ведетъ къ повышенію ренты. Высокая рента и низкая заработная плата суть господствующія черты petite culture, черты, которыя въ Англіи ни въ какомъ случаѣ не считались бы достойными рекомендаціи. Въ округахъ крупныхъ фермъ, какъ уже было показано, рента относительно ниже, а заработная плата выше. Крупныя фермы приносятъ наибольшее количество излишней пищи, частью потому, что ихъ валовой продуктъ *больше*, чѣмъ на мелкой фермѣ, но въ особенности потому, что онѣ даютъ занятія *пропорціонально гораздо меньшему числу людей*, благодаря болѣе интенсивному употребленію машинъ. Какая же система ведетъ болѣе къ національному благосостоянію Бельгіи? Отвѣтъ, очевидно, тотъ, что система крупныхъ фермъ, потому что она освобождаетъ большое число людей для употребленія *въ другихъ отрасляхъ* промышленности, расширеніе которыхъ, повидимому, совершенно зависитъ отъ предложенія труда. Когда желѣзная дорога открыта въ новый округъ въ странѣ Валлоновъ, каковъ результатъ этого? Рабочій можетъ путешествовать въ Бельгіи 100 миль за полукрону, такъ что земледѣльческіе рабочіе направляются въ мануфактурные округа на поиски работы и находятъ ее; и въ теченіи трехъ мѣсяцевъ уровень заработной платы въ новомъ округѣ повышается на 30%. Въ сѣверной части Фландріи это не такъ, потому что здѣсь вы съ трудомъ соблазните человѣка оставить его родную общину. Послѣдствіе то, что здѣсь имѣется густое земледѣльческое населеніе, низкая заработная плата и бѣдное житье; и почти весь продуктъ почвы потребляется тѣми, кто занимается добываніемъ ея. Вообще говоря, если единственное занятіе для большой массы населенія есть обработка земли, то крупная система фермъ невозможна; но подобное состояніе вещей въ цивилизованной странѣ есть политическая и коммерческая болѣзнь. Наиболѣе примитивное состояніе страны есть то, гдѣ населеніе распредѣлено равномѣрно, гдѣ нѣтъ ни городовъ, ни деревень, и гдѣ каждое семейство должно само удовлетворять своимъ потребностямъ. *Наиболѣе* передовое состояніе страны есть то, гдѣ распредѣленное населеніе не болѣе какъ достаточно для обработки земли, а остальное сосредоточено въ центрахъ мануфактуръ и торговли. Въ послѣдней мы имѣемъ раздѣленіе труда, гдѣ воздѣлыватель почвы прокармливаетъ человѣка, который его одѣваетъ и т. д.,

безконечный лабиринтъ взаимной зависимости, который образованъ цивилизацiей; такое положенiе должно быть сосуществующимъ съ системою крупныхъ фермъ. Система мелкихъ фермъ во Фландрiи, наоборотъ, вынуждаетъ употребленiе большого числа народа на сравнительно маломъ пространствѣ, и слѣдовательно по самой низкой платѣ. Фактъ этотъ, какъ показано выше, задерживаетъ естественное возростанiе благосостоянiя страны; и подобное соображенiе составляетъ уже обиходное достоянiе наиболѣе образованныхъ людей въ Бельгiи. Такъ, напримѣръ, Жакменъ, президентъ земледѣльческаго общества Восточной Фландрiи, говоря о сравнительно значительномъ количествѣ ручного труда, требуемомъ системою мелкихъ фермъ, замѣчаетъ: «Двадцать лѣтъ назадъ это было бы ея величайшею заслугою, теперь это величайшiй ея недостатокъ». Точно также Леклеръ утверждаетъ, что «трудъ въ сельскихъ округахъ Бельгiи становится все болѣе и болѣе рѣдокъ, благодаря сильному развитiю мануфактуръ. Недостаточность труда вознаграждается употребленiемъ машинъ (не наоборотъ ли?). Это, очевидно, невозможно на мелкихъ фермахъ». Это потому, что мануфактурная индустрiя и общественныя сооруженiя требуютъ въ настоящее время постоянно возростающаго числа рабочихъ, по высшей заработной платѣ, нежели получаемая земледѣльческими рабочими; и въ то время, какъ это возростанiе выгодно для отдѣльнаго лица, результатъ труда послѣдняго представляетъ выгоду для нацiи. Авторитеты въ государственной земледѣльческой коллегiи въ Гемблу также подтверждаютъ въ своемъ «бюллетенѣ», 121, «что при равныхъ условiяхъ крупныя фермы имѣютъ надъ мелкими всѣ тѣ же преимущества, которыми крупные мануфактуры обладаютъ надъ мелкими». Врожденныя особенности различныхъ расъ также не должны быть упускаемы изъ виду. Фламандецъ, напримѣръ, естественно преданъ земледѣльческому занятiю и приноситъ громадныя жертвы, чтобы прiобрѣсти клочекъ земли. Онъ весьма трудолюбивъ, когда работаетъ *на самого себя;* но въ остальныхъ случаяхъ трудъ его дорогъ даже за ту низкую цѣну, какую ему удается получать за него. Такимъ образомъ, при системѣ мелкихъ фермъ утилизируется нѣкоторая часть силы, которая въ иномъ случаѣ была бы расточена. Валлоны энергичны и оказываютъ больше пользы своимъ хозяевамъ; поэтому они получаютъ лучшую плату, живутъ гораздо лучше и не имѣютъ ни наклонности накоплять, ни манiи къ прiобрѣтенiю земли, столь характеристичныхъ для фламандца.

Не трудно понять, что одна изъ самыхъ выдающихся чертъ бельгiйскаго мелкаго фермера есть его неохота покупать что-либо. По этой причинѣ онъ довольствуется существованiемъ на продуктъ собственной фермы, продавая только пшеницу, масло и индустрiальныя растенiя. При такихъ условiяхъ онъ имѣетъ возможность сберегать деньги, между тѣмъ, какъ англiйскiй рабочiй, вообще живущiй если не лучше, то и не хуже бельгiй-

скаго мелкаго собственника, будучи поставленъ въ подобное же положеніе, вѣроятно, оказался бы поглощеннымъ долгами. Деньги, сберегаемыя бельгійскимъ мелкимъ собственникомъ, прячутся. Онѣ зарываются въ землю, застраиваются въ стѣнахъ дома или вообще хранятся какимъ-либо таинственнымъ способомъ. Не трудно видѣть, что страсть къ накопленію металла должна была по временамъ оказывать весьма чувствительное дѣйствіе на рессурсы страны. Поэтому правительство было вынуждено нѣсколько лѣтъ тому назадъ выпустить банковые билеты, какъ законную единицу обращенія. Крестьяне-фермеры постепенно начали понимать, что билеты можно обмѣнивать и употреблять, какъ монету, съ такою же быстротою, какъ золото и серебро, такъ какъ бумага безконечно болѣе удобный мѣновой посредникъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу, монета освободилась изъ состоянія сокровищъ и мѣсто ея заняли банковые билеты. Мелкій фермеръ ничего не понимаетъ въ помѣщеніяхъ и имѣетъ въ виду одну только идею о цѣнности денегъ, т. е. объ ихъ покупной способности относительно земли. Послѣдствіе то, что въ округахъ мелкаго земледѣлія земля продается по баснословнымъ цѣнамъ. Человѣкъ сберегъ столько-то сотъ или тысячъ франковъ; деньги безполезны для него, какъ *монета;* но если онъ можетъ обмѣнять ихъ на клочекъ земли, онъ будетъ въ состояніи извлечь изъ нихъ кое-что доброе. Согласно этому, земля часто продается по цѣнамъ, которыя не доставляютъ покупателю и одного процента на капиталъ; и даже въ округахъ крупныхъ фермъ участки земли обыкновенно продаются по цѣнѣ, равняющейся капитализированному доходу за сорокъ и болѣе лѣтъ. Въ Pays de Waes и въ сосѣднахъ округахъ, гдѣ подраздѣленіе собственности было доведено до крайности, человѣкъ, имѣющій наиболѣе денегъ, вообще становится покупателемъ всякой земли, предлагаемой на продажу. Если примѣнить эти факты къ частному примѣру, то ихъ важность станетъ еще яснѣе. Предположимъ, что молодой фермеръ сберегаетъ 25 ф. въ годъ; по прошествіи 10-ти лѣтъ онъ покупаетъ акръ земли, за который даетъ 200 ф. ст., причемъ рента будетъ колебаться отъ 40 до 45 шил. въ годъ. Правительственный налогъ на покупку участка равняется около 7%, т. е. 2 ф. Тогда онъ имѣетъ на рукахъ 34 фунта, которые даютъ ему возможность обработывать свою новую собственность съ наибольшею выгодою, не образуя зародыша новаго накопленія: таковъ-то чистый разультатъ десятилѣтней работы, сопровождаемой самою суровою умѣренностью. Одна ферма была указана автору въ Pays de Waes, какъ примѣрная. Собственникъ ея, въ настоящее время старикъ, купилъ въ теченія своей жизни около 60 акровъ земли; его ежедневные расходы не превышали $1^1/_4$ шилл., и за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ предлагалъ 15,000 фр. за другой кусокъ земли.

До какой степени во всѣхъ означенныхъ отношеніяхъ положеніе крестьянъ-собственниковъ сходно въ различныхъ странахъ,

доказываютъ слѣдующіе факты, заимствованные нами изъ отчета о сѣверо-центральной Франціи другого члена той же земледѣльческой комиссіи, Сютерланда. Во Франціи, говоритъ онъ, считается въ настоящее время около 2.826,388 отдѣльныхъ земельныхъ имуществъ, которыя обработываются и держатся своими собственниками непосредственно, причемъ среднее пространство каждаго имѣнія равняется 15 акрамъ, между тѣмъ, какъ 831,943 фермы, по 35 акровъ средняя, завѣдываются платящими ренту фермерами, а 319,450 фермъ, по 33 акра средняя, обработывается по системѣ половничества, что въ общей суммѣ составляетъ 3.977,781 хозяйство. Ненасытная жажда французскаго крестьянина обладать землею въ высшей степени замѣчательна. Его одолѣваетъ terrae sacra fames. Онъ часто покупаетъ землю по абсурдно-высокой цѣнѣ. Чтобы дѣлать это, онъ пріученъ съ ранняго дѣтства откладывать всякій возможный су и возлагать на себя величайшія пожертвованія для сбереженія денегъ, причемъ, дѣлая это, онъ часто лишаетъ себя того, что кажется абсолютною потребностью жизни. Обезпечивъ за собою нѣсколько акровъ земли посредствомъ наслѣдованія или покупки, онъ обработываетъ ихъ самъ при помощи жены и обыкновенно хорошо устроенной семьи изъ одного мальчика и одной дѣвочки [1]. Буквально отъ разсвѣта до сумерекъ его можно найти за работой, причемъ жена, какъ и вообще во Франціи, помогаетъ ему въ суровомъ полевомъ трудѣ копки, паханья и проч. Корова назначена исполнять двойную работу—производить молоко и пахать землю. Разъ или два въ недѣлю жена отправляется на рынокъ, быть можетъ, за 8 — 10 миль, съ корзиною въ десятокъ яицъ, часто до свѣта, но возвращаясь бо́льшею частью во́-время, чтобы взять свою долю въ послѣобѣденной работѣ, добывши своей

[1] Вотъ какъ объясняетъ крестьянскій законъ народонаселенія сенаторъ Губеръ Делиль въ своемъ показаніи земледѣльческой комиссіи 1871 года: «Фактъ, который мы можемъ констатировать и который, вѣроятно, распространенъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, состоитъ въ уменьшеніи числа дѣтей (въ департаментѣ Жиронды), и что всего болѣе плачевно, это то, что наши земледѣльцы даютъ объясненіе этому положенію вещей: разъ, что они обладаютъ маленькимъ участкомъ земли, они не желаютъ дальнѣйшаго подраздѣленія его и стараются имѣть не болѣе одного дитяти, потому что въ такомъ случаѣ не будетъ раздѣла. Вотъ наблюденіе, сдѣланное мною самимъ: я даю занятія 11 семействамъ, которыя образуютъ персоналъ въ 52 души; я замѣтилъ, что у нихъ были дѣти, пока они работали только у меня; но съ того момента, когда они дѣлались сами собственниками небольшого имѣнія—шестеро изъ этихъ крестьянъ купили себѣ землю вокругъ моей собственности—они перестали производить на свѣтъ дѣтей. Одинъ весьма образованный господинъ, живущій въ моемъ сосѣдствѣ, сказалъ мнѣ, что въ прежнее время онъ насчитывалъ въ своемъ округѣ отъ 40 до 41 новорожденныхъ въ теченіи опредѣленнаго періода времени, въ настоящее же время за тотъ же періодъ онъ насчитываетъ всего 19» (Enquête Agricole, T. IV, 2-me Série, Paris 1871, 393—394). Тотъ же обычай подъ именемъ «Zweikindersystem» существуетъ въ Рейнской Пруссіи и въ Тиролѣ.

экспедиціей прибыль, быть можетъ, въ 20 сант. Хотя французъ работаетъ дольше, чѣмъ англичанинъ, но еще вопросъ, проходятъ ли они, caeteris paribus, одно и тоже количество работы въ теченіи дня. Сильно работающій англичанинъ берется за свою работу съ такою волею и рѣшимостью, какихъ не видно во Франціи. Французъ, при бо̀льшей мягкости климата и бо̀льшемъ естественномъ плодородіи почвы, повидимому, оказывается въ состояніи получить отъ земли ея богатства съ меньшими усиліями съ своей стороны. Его тихій и упорный способъ браться за работу обнаруживаетъ болѣе усердной инерціи, нежели сильнаго труда. Крестьянинъ собственникъ скорѣе прозябаетъ, чѣмъ живетъ. Онъ не имѣетъ никакого честолюбія держать себя и свой домикъ чистымъ и представительнымъ. Пища его состоитъ, главнымъ образомъ, изъ хлѣба, сдѣланнаго изъ гречихи или ржи, хотя бѣлый хлѣбъ постепенно входитъ все въ большее употребленіе. Онъ очень рѣдко прикасается къ мясу, исключая свинины. Его напитокъ, если онъ живетъ въ виноградной странѣ, состоитъ изъ воды, налитой на выжимки винограда, изъ которыхъ сокъ былъ уже извлеченъ и проданъ. Его главная цѣль въ жизни—быть въ состояніи въ концѣ года сказать: «я столько-то прибавилъ къ своему капиталу». Что же онъ дѣлаетъ съ этимъ прибавочнымъ капиталомъ, доводя расходы на «существованіе» до минимума? Вмѣсто того, чтобы стремиться увеличить значеніе своей собственности, употребляя наемный трудъ и тѣмъ давая самому себѣ отдыхъ, котораго требуютъ отъ него годы, сооружая новыя постройки, осушая или иначе увеличивая цѣнность своего имѣнія, часто съ весьма недостаточнымъ капиталомъ, чтобы вести свое донынѣшнее дѣло по пути улучшеній, онъ *покупаетъ* болѣе *земли* и часто по раззорительнымъ цѣнамъ. Возможно, что сынъ его выросъ и начинаетъ быть ему полезнымъ. На носу конскрипція, и сынъ долженъ идти въ солдаты на пять лѣтъ. Такимъ образомъ, на плечахъ отца скопляется все болѣе и болѣе работы, а также на остающихся дома членахъ его семейства; онъ болѣе чѣмъ когда-либо привязанъ къ своему дому, онъ долженъ бросить развлеченія во всѣхъ видахъ праздниковъ и проч., и существованіе его становится все болѣе и болѣе тяжкимъ ежедневнымъ трудомъ. Покойный Робертсонъ въ своемъ сочиненіи «Округа Франціи, производящіе хлѣбъ и скотъ» на стр. 51 такъ описываетъ состояніе крестьянина-собственника во Франціи: «Крестьяне-собственники суть образцы трудолюбія и трезвости, доведенныхъ до чрезмѣрности, рабы выжиманія изъ земли такого количества продукта, какой она только можетъ вынести, заставляющіе умирать съ голоду себя и свои семьи, чтобы прибавить что-нибудь къ своему сокровищу; жены ихъ становятся преждевременно старыми отъ полевой работы и согбенными отъ таскания на себѣ тяжелыхъ грузовъ фуражу коровѣ на домъ, довольныя, если въ концѣ года счетъ серебрянныхъ монетъ увеличился; вносящіе свою долю въ доведеніе Франціи до положенія

богатѣйшей страны міра, но путемъ пожертвованія всего того, чтò дѣлаетъ жизнь достойною жизни; удивительные по своему ежечасному самоотреченію, но возбуждающіе желаніе, чтобы они немножко поменьше думали о будущемъ, имѣли немного больше довѣрія въ то, что оно доставитъ удовлетвореніе ихъ потребностямъ, немного больше сознанія, что «всякому дневи довлѣетъ злоба его», котораго у англичанина слишкомъ много; и чтобы они видѣли свои дома болѣе оживленными криками и болтовнею ребятъ, чтобы жена лучше уставала, надзирая за ними, нежели работая подъ снѣгомъ и дождемъ, въ жаръ и въ холодъ, и дѣти имѣли бы болѣе свѣту и жизни, болѣе сознанія свободы и того, что нашъ народъ зоветъ смѣлостью дѣтства».

Вся совокупность фактовъ, изложенныхъ на предшествующихъ страницахъ, ведетъ къ одному общему заключенію, что мелкое хозяйство, подобно мелкому ремеслу, должно быть сочтено достояніемъ прошедшаго. Но можно ли согласиться съ оптимистическимъ взглядомъ Дженкинса, который, подобно большинству англійскихъ писателей, считаетъ нынѣшнее состояніе Англіи послѣднимъ словомъ исторіи цивилизаціи и полагаетъ, что достаточно ввести на мѣсто мелкихъ фермъ крупныя, по англійской системѣ, чтобы все пошло къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ? Не думаемъ, хотя и совершенно допускаемъ техническое превосходство крупнаго хозяйства надъ мелкимъ и даже историческую необходимость замѣны мелкой собственности крупною. Не слѣдуетъ только забывать, что сладкіе плоды процесса обобществленія труда въ европейскомъ обществѣ достанутся однимъ лишь будущимъ поколѣніямъ, на долю же нынѣшняго выпадаютъ однѣ только муки родовъ и болѣзни дѣтскаго возраста.

Н. З.

О НИЗШИХЪ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

«Неужъ-то будетъ вѣкъ одна для нихъ треда —
Для пользы нашей жить, а намъ для нихъ вреда?»
Новиковъ. (Письмо къ другу).

Каково должно быть направленіе народнаго образованія? Можно ли и слѣдуетъ ли задаваться однѣми цѣлями при воспитаніи и образованіи дѣтей изъ различныхъ классовъ общества? Не слѣдуетъ ли, напротивъ того, сдѣлать образованіе такъ называемыхъ низшихъ классовъ болѣе практичнымъ, профессіональнымъ, техническимъ, дающимъ извѣстныя умѣнья, оставивъ болѣе широкое теоретическое образованіе только для высшихъ классовъ, для немногихъ?

Едва ли мы ошибемся, сказавши, что въ настоящую минуту перевѣсъ на сторонѣ утвердительнаго рѣшенія послѣдняго вопроса. Многія земства, городскія общества и частныя лица озабочиваются учрежденіемъ различныхъ техническихъ, ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ школъ. Такъ, напримѣръ, екатеринославское губернское земство ассигновало на ремесленные классы при народныхъ училищахъ 25,300 руб., изъ которыхъ въ 1879 году издержано 9,910 руб.; полтавское земство отпускаетъ ежегодно 20,000 руб. на ремесленное училище въ селѣ Дехтаряхъ; петербургская городская дума рѣшила въ экстренномъ собраніи 1880 г. учредить двѣ учебныя мастерскія: мужскую для обученія ремесламъ портному и сапожному и женскую—шитью бѣлья и платья на 30 мальчиковъ и 30 дѣвочекъ, и ассигновала на это 11,490 руб. Въ прошломъ году въ Одессѣ открыто ремесленное училище съ четырехлѣтнимъ курсомъ и со спеціальными ремеслами — слесарнымъ и столярнымъ. Ржевское уѣздное земское собраніе утвердило проэктъ сельско-хозяйственной и ремесленной школы для 30 мальчиковъ съ единовременной затратой въ 1,500 руб. и ежегодной въ 6,000 р. Въ Кіевѣ по частному почину предполагается открыть женское ремесленное училище, гдѣ будутъ обучать практически: шелководству (выводъ коконовъ, размотка шелку), швейному и башмачному мастерству и головнымъ уборамъ, а также шитью бѣлья, приготовленію пищи и заготовленію впрокъ. Курсъ будетъ трех-

лѣтній. Сельско-хозяйственное училище херсонскаго земства дало уже 4 выпуска и стоитъ ежегодно до 30,000 руб. Псковская земская управа созвала въ прошломъ году съѣздъ народныхъ учителей для обсужденія вопроса объ устройствѣ при земскихъ школахъ Псковскаго уѣзда образцовыхъ огородовъ. Въ Владимірской губ. будетъ открыта школа, на которую г. Мальцевъ завѣщалъ 500,000 руб. Крестецкое земство открываетъ ремесленные классы при Ручьевской сельской школѣ и городскомъ училищѣ. Въ Новгородскомъ уѣздѣ предположено открыть ремесленные классы при трехъ народныхъ школахъ. Стародубское дворянское собраніе ассигновало 1,000 руб. на земледѣльческую школу; г. Войцеховичъ, помѣщикъ Курской губ., заявилъ готовность дать каменное помѣщеніе для сельско-хозяйственной школы, если она будетъ открыта въ его имѣніи. Суджинское земское собраніе постановило открыть сельско-хозяйственное училище въ селѣ Кучеровомъ Хуторѣ, гдѣ помѣщики, гг. Арнольды, предоставили земству помѣщеніе для училища и капиталъ въ 10,000 руб. на 12 лѣтъ. Два года тому назадъ вольно-экономическое общество выработало проэктъ нормальнаго устава для техничевкихъ школъ. Теперь департаментомъ земледѣлія составленъ на основаніи этого устава новый проэктъ. Низшія сельско-хозяйственныя школы устраиваются двухъ разрядовъ 3-го и 4-го, съ трехлѣтнимъ курсомъ. Каждый ученикъ, кромѣ приготовленія къ сельско-хозяйственнымъ работамъ, долженъ изучить какое-нибудь изъ слѣдующихъ ремеслъ: плотничное, столярное, тележное, кузнечное, слесарное или шорное. Въ прошломъ году составилось общество «улучшенія народнаго труда», которое, въ разосланныхъ недавно проэктахъ устава, между прочимъ, говоритъ о предположенномъ имъ открытіи цѣлой сѣти низшихъ образовательныхъ учрежденій. «Сюда относятся низшія ремесленныя, земледѣльческія, промысловыя школы и другія образовательныя учрежденія, которыя, не отвлекая населенія отъ его среды, пріучали бы и поощряли его къ работѣ, къ ожидающему его въ жизни труду и указывали возможность пользоваться пріобрѣтенными свѣдѣніями съ наибольшею для своего быта выгодою».

Такое движеніе въ пользу техническихъ школъ, въ пользу чисто утилитарнаго, прикладного народнаго образованія мотивируется чрезвычайно разнообразно; на этомъ полѣ дѣятельности сошлись и работаютъ за одно представители совершенно различныхъ мнѣній, которые, соглашаясь относительно средствъ, стремятся далеко не къ одной цѣли, да и точкой отправленія служатъ имъ совершенно разныя положенія. Выше было цитировано мнѣніе относительно необходимоси пріученія народа съ малолѣтства къ работѣ; далѣе упомянутый проэктъ устава общества улучшенія народнаго труда говоритъ еще рѣшительнѣе: «Распространеніе въ средѣ низшихъ классовъ одного только общаго или книжнаго образованія приноситъ нерѣдко болѣе

вреда, нежели пользы; оно возбуждаетъ въ народѣ недовольство своимъ положеніемъ и новыя потребности». Впрочемъ, такъ откровенно высказываются довольно рѣдко. Обыкновенно, на первый планъ выдвигаютъ интересы самого народа, его тяжелое экономическое положеніе; недостатокъ у нашихъ крестьянъ и ремесленниковъ соотвѣтствующихъ ихъ работѣ практическихъ профессіональныхъ знаній выставляется главною причиной малой производительности труда ихъ, чему и предполагаютъ помочь соотвѣтствующимъ направленіемъ народнаго образованія. Здѣсь, конечно, подразумѣвается, что увеличеніе производительности народнаго труда поведетъ за собой улучшеніе матеріальнаго благосостоянія населенія.

Перспектива опровергать мнѣнія о безполезности или даже вредѣ общечеловѣческаго образованія очень затруднительна; доказывать пользу и необходимость его одинаково легко, или, пожалуй, одинаково трудно, какъ доказывать, что солнце свѣтитъ и что дважды два—четыре; но что же дѣлать если соглашеніе не достигнуто даже относительно такихъ элементарныхъ положеній...

Извѣстно, что между европейскими государствами только Россія да Турція ограничиваются школами граматности для народа; другія государства гораздо требовательнѣе въ этомъ отношеніи; отечественная исторія, географія, геометрія, естественныя науки встрѣчаются въ каждой программѣ европейскихъ народныхъ школъ, не говоря о счастливыхъ странахъ, включившихъ въ курсъ народной школы гигіену, физіологію, иностранные языки и даже государственное право, какъ напримѣръ, Соединенные Штаты, Норвегія и Нидерланды. Что же касается до процентнаго отношенія числа учащихся въ народной школѣ, то статистическія цифры неумолимо показываютъ, что это отношеніе (1%) въ Россіи нетолько менѣе, чѣмъ во всѣхъ европейскихъ и сѣверо-американскихъ государствахъ, но менѣе, чѣмъ на Сандвичевыхъ островахъ, въ Японіи, Бразиліи и даже въ Новой Зеландіи, странѣ, гдѣ, говорятъ, есть еще людоѣды. «Покажи мнѣ твои школы и я скажу тебѣ твое будущее», говорилъ Келлнеръ. Что мысль эта довольно вѣрна, мы можемъ убѣдиться и убѣждаемся чуть не каждый день на практикѣ. Въ политическомъ отношеніи всѣ права, дарованныя народу, безъ соотвѣтственнаго образованія остаются и останутся только на бумагѣ. Съ экономической стороны, интересы народа только тогда будутъ до извѣстной степени гарантированы, когда онъ будетъ въ состояніи судить, напримѣръ, о цѣлесообразности употребленія денегъ на такъ называемые необходимые земскіе расходы, какъ-то расходы на общественное образованіе, продовольствіе и здравіе, когда онъ съумѣетъ понять свои интересы хотя бы въ способахъ раскладки земскихъ сборовъ. Для иллюстраціи этихъ положеній, приведемъ нѣкоторые факты. Въ Псковской губ., въ Холмскомъ уѣздѣ съ десятины земли частныхъ владѣльцевъ, т. е. съ по-

мѣщиковъ, купцовъ и крестьянъ-собственниковъ приходится земскихъ сборовъ 2,64 к., а съ общинной—крестьянской 15,89 к., въ Торопецкомъ уѣздѣ—2,83 к. и 11,16 к.; въ Новоржевскомъ—10,95 к. и 20,16 к. Въ Уржумскомъ уѣздѣ съ крестьянъ земскихъ сборовъ сходитъ 31,849 р., а съ частныхъ владѣльцевъ 5,092 р., вслѣдствіе того, что десятина общинной земли оцѣнена въ 1 р. 75 к., а частной въ 25 к., т. е. въ 7 разъ дешевле. Владѣльческія земли въ Тверской губерніи платятъ всѣхъ сборовъ по 13½ к. съ десятины, а крестьянскія однихъ земскихъ 13 к., всѣхъ же 1 р. 94 к. — въ 12 разъ больше. По уѣздамъ десятины расцѣнены такъ: въ Тверскомъ уѣздѣ—частныхъ землевладѣльцевъ — по 15 руб., сельскихъ обществъ по 20 руб.; въ Весьегонскомъ—по 5 и 14 р., въ Бѣжецкомъ по 15 и 27 р. Уѣздныя земства Новгородской губ. вычислили доходность крестьянскихъ земель выше доходности владѣльческихъ для Крестецкаго и Новгородскаго уѣзда втрое, для Демьяновскаго вчетверо, а для старорусскаго земства даже въ 9 разъ. Произвольность оцѣнки можно доказать тѣмъ, что губернское земство для своей раскладки принимаетъ доходность общинныхъ земель Демьяновскаго уѣзда только вдвое, а не вчетверо выше владѣльческихъ, въ Крестецкомъ считаетъ ее одинаковой, а не втрое выше, въ Новгородскомъ въ 1½, а не втрое, и, наконецъ, въ Старорусскомъ втрое, а не въ 9 разъ больше. Въ Смоленской губ. всѣ земли по доходности раздѣлены на 3 разряда; земли частныхъ владѣльцевъ попали почти исключительно въ третій разрядъ—лѣса, и платятъ втрое—въ 9 разъ меньше земскаго налога. Въ фабричномъ Покровскомъ уѣздѣ, Владимірской губ. десятина лѣса оцѣнена въ 35 — 50 р., пашни и луга въ 14—20 р., но кустарники и выгоны въ 3 р. И вотъ у частныхъ землевладѣльцевъ кустарниковъ и выгоновъ оказалось 87,000 дес. изъ 145 тыс. Въ Вологодскомъ уѣздѣ, гдѣ земли оцѣнены въ 40 р., 20 р. и 2 руб. за десятину, у частныхъ владѣльцевъ изъ 232,000 дес. въ третьемъ разрядѣ оказалось 180 тыс. [1]. Свѣдѣнія о земскихъ сборахъ за 75—77 гг. даютъ въ среднемъ выводѣ 15 коп. обложенія для общинныхъ земель и 6½ к. для владѣльческихъ. Очевидно, что крестьяне гласные въ земскихъ собраніяхъ не стоятъ «на высотѣ положенія», какъ теперь принято говорить, иначе они едва ли позволили бы облагать свои земли вдвое, впятеро и даже въ 9 разъ бо́льшими налогами, чѣмъ земли частныхъ владѣльцевъ. Какъ же расходуются собранныя деньги? Всегда ли идутъ онѣ на удовлетвореніе дѣйствительныхъ, настоятельныхъ нуждъ народа? Мы выразимся достаточно мягко, сказавши: не всегда. Не говоря уже о томъ, что обыкновенно расходъ на личный составъ, на вознагражденіе служащихъ по выборамъ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ земскомъ бюджетѣ, вспомнимъ, какъ въ 1879 г. екатерино-

[1] Журналы земскихъ собраній за 1879—1880 гг.

славское земство учредило знаменитую жучковую повинность и купило 2,485 машинъ-жучколовокъ на 39,266 р. 44 коп., а машины оказались непригодными; какъ пронская уѣздная земская управа растратила 10,862 р., а рязанское губ. земское собраніе освободило предсѣдателя и членовъ отъ суда; какъ петербургская земская управа израсходовала 1,250 р. безъ оправдательныхъ документовъ; какъ предсѣдатель саратовской уѣздной земской управы ухитрился купить на деньги, выданныя въ ссуду голодающимъ жителямъ губерніи, огромную партію ржи по 1 р. 30 к. за пудъ, тогда какъ въ Саратовѣ она въ это самое время стоила 1 р. 15 коп. лучшая (удачная операція выхватила изъ ссудныхъ денегъ около 8,000 руб.); какъ воронежское земское собраніе вотировало на излеченіе дифтерита 50,000 руб., а полтавское—100,000 руб.; какъ саратовское земство гарантировало земскую желѣзную дорогу и въ 8½ лѣтъ получило доходу 386 тыс. руб., а по акціямъ и облигаціяхъ уплатило 11 милл. 763 тыс. руб; какъ борисоглѣбское земство Тамбовской губ. приняло на себя обязательство ежегодно вѣчно уплачивать 30,000 руб. гарантіи Грязе-Царицынской желѣзной дорогѣ и проч., и проч. Едва ли все это было бы возможно, еслибы крестьяне хотя отчасти понимали, что такое земство и земскія деньги. Все это премія за невѣжество, которая уплачивается и будетъ уплачиваться вѣчно, подобно тому, какъ, по остроумной выдумкѣ борисоглѣбскихъ земцевъ, будетъ вѣчно уплачиваться гарантія Грязе-Царицынской желѣзной дорогѣ.

Возьмемъ факты иного характера. Въ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 35 голосовъ противъ 4-хъ забаллотировали въ 1880 г. проэктъ кассы мелкаго поземельнаго кредита. Въ трубчевскомъ земствѣ предложенъ былъ вначалѣ 70-хъ годовъ переводъ налога на народное образованіе изъ подушнаго (крестьянскаго) въ поземельный (общій). Изъ 12 гласныхъ крестьянъ только двое подали голосъ за переводъ. Земское холмское собраніе 73 года ходатайствовало о возстановленіи права тѣлесно наказывать крестьянъ. Въ извѣстномъ московскомъ судебномъ процессѣ о бунтѣ крестьянъ въ селѣ Люторичъ выяснилось, что бунтъ состоялъ въ недопущеніи крестьянами описи имущества за долгъ, уже уплаченный, по словамъ ихъ. Но крестьяне не запаслись формальными документами и наивно воображали, что въ данномъ случаѣ достаточно словесныхъ увѣреній цѣлой деревни. Припомнимъ здѣсь кстати трагическій финалъ описи въ дѣлѣ великолуцкихъ крестьянъ, когда судебнымъ приставомъ Нелединскимъ былъ убитъ крестьянинъ Ивановъ, не допускавшій описи своего скота. А что сказать о томъ превышеніи власти сельской и уѣздной полиціей, которое практиковалось почти повсемѣстно нынѣшнимъ (1881 г.) лѣтомъ, когда не дожидаясь приговора суда, сгоняли крестьянъ съ ихъ собственныхъ полей на поля частныхъ владѣльцевъ-сосѣдей, которымъ крестьяне запродали свой трудъ еще въ голодную зиму

80—81 года? Это превышеніе власти прошло вездѣ безслѣдно вслѣдствіе незнакомства населенія съ законами.

Спрашивается, что можетъ гарантировать отъ такихъ и тому подобныхъ случайностей, кромѣ образованія въ довольно широкомъ смыслѣ этого слова? А намъ говорятъ объ образованіи техническомъ! Не оно поможетъ здѣсь. Пояснимъ свою мысль сравненіемъ. Представимъ себѣ стадо овецъ, которыхъ стригутъ ежегодно, только не по веснѣ, какъ обыкновенно, а по осени, такъ, что бѣдныя овцы остаются безъ шубы на зиму; представимъ себѣ, что какой-нибудь членъ общества покровительства животнымъ узналъ объ этомъ и, послѣ долгихъ и глубокомысленныхъ изслѣдованій, изобрѣлъ составъ для ускоренія роста бараньихъ волосъ и рекомендовалъ его для поправленія дѣла. Такое средство могло бы быть названо только паллiативнымъ: дѣло въ томъ, что овцы ничѣмъ не были бы гарантированы отъ того, что разсчетливый хозяинъ еще разъ произведетъ надъ ними операцію стрижки. Если аналогія и не вполнѣ можетъ быть проведена, все-таки не трудно уловить нѣкоторое сходство между безпомощнымъ положеніемъ нашихъ овецъ и положеніемъ массъ русскаго народа, не знающихъ ни своихъ правъ, ни обязанностей, ни законовъ своей родины, не умѣющихъ отличать друзей отъ враговъ своихъ, въ высшей степени легко относящихся къ выборамъ должностныхъ лицъ на волостномъ сходѣ, въ земствѣ, въ думѣ и проч., съ ихъ принципомъ пассивнаго претерпѣнія, которымъ они только и откликаются на разныя житейскія невзгоды, съ ихъ неумѣніемъ организовать легальное сопротивленіе даже своему брату, кулаку, съ ихъ страннымъ взглядомъ на казну и общественныя деньги. Вотъ въ этомъ-то отношеніи народное образованіе—широкое и полное—могло бы принести большую пользу; съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на общечеловѣческое образованіе, подготовляющее гражданина. Высшія психическія потребности и соціальные инстинкты человѣка могутъ, конечно, быть отрицаемы нѣкоторыми, но только относительно самихъ себя. Безъ сомнѣнія, безконечно много нужно сдѣлать, чтобы достичь положенія, сколько-нибудь удовлетворяющаго человѣческому чувству, требующему настоящей образованности, правды и добра; но изъ того, что цѣль далеко, едва ли слѣдуетъ, что нужно сложить руки, отказываясь отъ надежды достичь ее. Напротивъ, нѣсколько приблизить эту цѣль—задача, единственно достойная нашихъ усилій и нашей борьбы. И въ данномъ случаѣ время не терпитъ. «Общественныя дѣла и учрежденія, говорилъ нашъ старый учитель Дистервегъ, несоотвѣтствующія степени образованія народа и введенныя искуственнымъ образомъ, недолговѣчны, скоро исчезаютъ, распространяя только неудовольствіе, недовѣріе и погружая народъ въ худшее противъ прежняго состояніе».

Обратимся теперь къ образованію техническому; выслушаемъ и другую сторону.

Не надо забывать, что когда говорять объ образованіи техническомъ въ школѣ граматности и слѣдующей за ней такъ называемой низшей технической школѣ (въ отличіе отъ высшей технической), то разумѣютъ сообщеніе не техническихъ знаній, а техническихъ свѣдѣній и умѣній. Это далеко не все равно. Всякая наука, проходимая въ низшей технической школѣ, необходимо будетъ собраніемъ безсистемныхъ и безсвязныхъ рецептовъ на каждый отдѣльный случай, краткихъ афоризмовъ, принятыхъ на вѣру и заученыхъ на память; потому что научные выводы резюмируютъ и предполагаютъ массу предварительныхъ теоретическихъ познаній, которыхъ именно и недостаетъ ученику низшей школы. Такъ, напримѣръ, въ сельскомъ хозяйствѣ только самыя обширныя систематическія знанія по математикѣ, физикѣ, химіи, метеорологіи, естественной исторіи могутъ въ извѣстной степени гарантировать раціональное отношеніе къ дѣлу.

Но, можетъ быть, низшія техническія, ремесленныя и сельско-хозяйственныя школы такъ легко осуществимы на практикѣ, и приводятъ къ такимъ блестящимъ результатамъ, что было бы смѣшнымъ педантизмомъ настаивать на предъидущемъ возраженіи?

Приведемъ нѣкоторыя цифры.

Комиссія вольно-экономическаго общества вычислила, что единовременная затрата на низшую сельско-хозяйственную школу—35,000 руб.; ежегодная—11,920 руб. (жалованье директору—1,800 руб., двумъ помощникамъ по 1,200 руб., семи мастерамъ по 240 руб., содержаніе 60 учениковъ, считая по $7^1/_2$ к. въ день на человѣка—3,240 руб., отопленіе, освѣщеніе и вознагражденіе учениковъ за работу по 33 руб. 33 к.—1,000 руб.). Г. Королевъ, бывшій директоръ Петровско-Разумовской земледѣльческой академіи, возражая въ вольно-экономическомъ обществѣ противъ осуществимости сельско-хозяйственныхъ школъ, упомянулъ о значительныхъ затратахъ. Считая единовременный расходъ на покупку земли, всѣ сооруженія, мастерскія и весь инвентарь въ 150 тыс. руб. и ежегодный на содержаніе 70 воспитанниковъ въ 28 тысячъ, онъ доказывалъ, что разсчитывать на какой бы то ни было доходъ отъ школы нельзя, ссылаясь на опытъ фермы при Петровской академіи, не приносящей дохода, хотя она въ 10 верстахъ отъ Москвы, со 120 десятинами распаханной земли, 50 дес. луга и стадомъ коровъ до 60 штукъ, и хутора императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, также не приносящаго дохода, хотя онъ еще ближе къ Москвѣ и арендуетъ землю всего по 85 коп. за десятину. Съ этимъ умѣстно сопоставить интересныя данныя изъ Сборника свѣдѣній по департаменту земледѣлія и промышленности за 1881 годъ, который сообщаетъ, что Маріинская ферма, употребляя до 4000 пуд. удобренія на десятину, достигла урожая ржи самъ $2^1/_2$, ячменя самъ $2^7/_{10}$. Успенская ферма получаетъ даже

самъ 1⁴/₁₀.—Сельско-хозяйственное училище херсонскаго земства стоитъ до 30,000 руб. въ годъ; ремесленное училище въ селѣ Дехтяряхъ стоитъ 20,000 р., а ремесленное отдѣленіе при заработномъ домѣ въ Саратовѣ—6.720 руб. въ годъ. Содержаніе одного воспитанника въ петербургской учебной мастерской стоитъ 200 р. Обученіе ремеслу своекоштнаго воспитанника въ ремесленномъ училищѣ цесаревича Николая стоитъ 1,750 руб., казнѣ же обходится около 2,800 руб. Содержаніе одного воспитанника въ кіевской земледѣльческой колоніи для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ стоитъ 266 р. въ годъ; обзаведеніе колоніи стоило около 20,000 р., ежегодный расходъ ея простирается до 5,000 р. Училище съ ремесленнымъ классомъ въ Киліи стоитъ 3,925 руб. Симбирское ремесленное училище графа Орлова-Давыдова стоитъ 27,000 р. въ годъ (считая здѣсь же 16 т. руб. правительственнаго пособія и 2,150 р. отъ земства); содержаніе одного ученика—340 р. въ годъ и 2,040 руб. въ шесть лѣтъ, послѣ чего молодой человѣкъ получаетъ аттестатъ на званіе мастера или подмастерья.

Сопоставивши вышеприведенныя цифры съ затратами земствъ на собственно «народное образованіе», т. е. на граматность (по свѣдѣніямъ земскаго ежегодника за 77 г. 24 земства дали на народное образованіе по 15 тыс. руб., 10 земствъ—по 10 тыс., 8—по 9 тыс., 17—по 8 тыс., 22—по 7 тыс., 19—по 6 тыс., 26—по 5 тыс., 31—по 4 тыс., 16—по 3 тыс., 7—по 2 т., 2—по 1,000 р., 4 земства отъ 300 до 998 р., а два вовсе ничего не дали), наглядно убѣдимся, что одна ремесленная школа съ бюджетомъ 4,000 р., какъ въ Киліи, 6,000 руб., какъ въ Саратовѣ или 27,000 руб., какъ въ Симбирскѣ, одна сельско-хозяйственная, стоющая до 30,000 руб., какъ училище херсонскаго земства, можетъ отнять у населенія 10—80 скромныхъ школъ граматности. Такъ въ Рязанской губерніи 41 народная школа стоитъ всего 15 тыс. руб., среднимъ числомъ по 370 руб., не много болѣе, чѣмъ одинъ ученикъ въ симбирскомъ ремесленномъ училищѣ.

Обратимся къ результатамъ профессіональнаго обученія въ русской народной школѣ. Здѣсь, въ виду недавней практики, трудно надѣяться найти опредѣленныя указанія; но не безъинтересно, что во всѣхъ случаяхъ, подтвержденныхъ цифровыми данными, результаты отрицательны, о положительныхъ же результатахъ что-то не слышно. Изъ трехъ выпусковъ сельско-хозяйственнаго училища херсонскаго земства только одинъ ученикъ вернулся къ себѣ домой, на хозяйство, остальные же ушли въ приказчики. Изъ 22 воспитанниковъ ремесленнаго пріюта въ Казани, вышедшихъ въ продолженіи 4-хъ лѣтъ, только одинъ работаетъ въ мастерской учебно-воспитательныхъ пособій, для остальныхъ же пріютъ не опредѣлилъ даже рода занятій. Одинъ питомецъ, учившійся въ столярной мастерской, занимается теперь земледѣліемъ, другой, тоже столяръ, огород-

ничествомъ, третій—второй годъ живетъ въ Казани безъ опредѣленныхъ занятій. Изъ 72 воспитанниковъ, побывавшихъ въ кіевской исправительной земледѣльческой колоніи за 3 года съ ея основанія, 18 человѣкъ (25%) бѣжало, причемъ 10 пропало безъ вѣсти. По выходѣ изъ ремесленнаго дома въ Саратовѣ, дѣтей приходится отдавать въ ученики же въ настоящія мастерскія. Ремесленные классы при народныхъ школахъ херсонскаго земства существуютъ уже около 8 лѣтъ, но результатовъ пока не дали. Гласный г. Бошнякъ заявилъ, впрочемъ, на земскомъ собраніи, что они никуда не годятся. Классы техническаго рисованія въ округахъ подносномъ и мебельномъ Московскаго уѣзда не оправдали ожиданій, возлагавшихся на нихъ, хотя существуютъ уже нѣсколько лѣтъ и стоютъ по 2,500 р. въ годъ. Въ послѣднемъ губернскомъ земскомъ собраніи управа предложила даже закрыть ихъ. Даже въ проэктѣ общества улучшенія народнаго труда находимъ такое признаніе: «Въ послѣднее царствованіе открыто было нѣсколько сельско-хозяйственныхъ и техническихъ школъ. Но частію незнакомство съ этимъ дѣломъ, частію же недостатокъ средствъ привели большинство этихъ попытокъ къ неудовлетворительнымъ результатамъ».

Можетъ быть, здѣсь умѣстно было бы напомнить, что самъ Песталоцци, сдѣлавшій первую попытку ввести въ начальную школу обученіе ремесламъ, послѣ продолжительнаго опыта, пришелъ къ убѣжденію, что школа съ мастерской несоединима; что Британское и Національное общества въ Англіи, въ продолженіи 15 лѣтъ употреблявшія, въ началѣ нынѣшняго вѣка, большія усилія и денежныя средства на обученіе ремесламъ въ начальной школѣ, признали его нетолько безполезнымъ, но положительно вреднымъ, такъ какъ дѣти пріучаются баловать работою и портить матеріалъ, и изъ 100 учащихся не болѣе трехъ выучиваются порядочно [1]. Берлинское Политехническое общество въ генеральномъ собраніи 3-го іюня 1881 года, занимаясь вопросомъ о ремесленныхъ училищахъ, единодушно высказалось противъ мнѣнія, что обученіе ремесламъ въ школѣ должно предшествовать ремесленной карьерѣ рабочаго, потому что соединеніе учебныхъ занятій съ техническими упражненіями въ школѣ приводитъ къ плохимъ результатамъ въ обоихъ отношеніяхъ: ремеслу и промышленному производству можно серьёзно научиться только въ настоящей мастерской и на фабрикѣ и заводѣ, школьная же мастерская есть только пародія на дѣйствительную.

Но практика и опытъ Западной Европы для насъ, безъ сомнѣнія, мало убѣдительны. Очень вѣроятно, что тамъ неудачи обусловливаются мѣстными особенностями, у насъ же, въ Россіи, только новостью дѣла. Поэтому, допустимъ пока осуществимость предположенной «сѣти техническихъ школъ» и даже бле-

[1] Н. Х. Вессель. Профессіональныя школы. 1881 г.

стящіе результаты ихъ въ педагогическомъ смыслѣ и обратимся къ цѣлямъ ихъ.

Цѣль технической школы, по крайней мѣрѣ, цѣль честныхъ и добросовѣстныхъ сторонниковъ профессіональнаго народнаго образованія — улучшеніе экономическаго положенія народа, чего предполагаютъ достигнуть путемъ: 1) удешевленія продуктовъ, вслѣдствіе развитія промышленности; 2) увеличенія покупныхъ средствъ, полученной платы за продукты и 3) улучшенія продуктовъ, вслѣдствіе пріобрѣтенныхъ умѣній. Но, говоря объ удешевленіи продуктовъ и въ то же время объ усиленіи покупныхъ средствъ, обыкновенно забываютъ, что промыслы, въ той мѣрѣ и степени, въ какой они полезны для народа, создаются экономическими потребностями, а не искуственно. Крестьянинъ съумѣетъ оплатить и плотничную, и столярную работу, и сапожника, и кожевника, и кузнеца, потому что онъ самъ во время, свободное отъ обработки земли, или плотникъ, или кузнецъ и т. д. Здѣсь выходитъ кругъ, обмѣнъ услугъ; разъ какой-нибудь изъ этихъ необходимыхъ промысловъ удовлетворяетъ потребностямъ населенія, дальнѣйшее развитіе его, въ смыслѣ увеличенія количества приготовленныхъ продуктовъ, едва ли желательно. Если, напримѣръ, будетъ приготовлено валенковъ больше, чѣмъ нужно, чѣмъ требуется на рынкѣ, все лишнее количество ихъ или останется на рукахъ производителей, или будетъ сбыто скупщикамъ за безцѣнокъ, даже въ убытокъ, при чемъ понизится плата за производство и уменьшится будущій заработокъ производителей. Что сказать о предполагаемомъ улучшеніи продуктовъ подъ вліяніемъ техническаго образованія работниковъ? Едва ли полученные высшіе сорта продуктовъ вытѣснятъ на рынкѣ низшіе. Если крестьяне не кроютъ желѣзомъ своихъ избъ, если ихъ способъ дубленія даетъ грубую, почти не гнущуюся кожу, а рабочая одежда ихъ состоитъ изъ самыхъ дешевыхъ тканей, то это совсѣмъ не потому, что они не умѣютъ приготовить тонкаго сукна или выдѣлать кожу лучше, а потому, что толстое сукно прочнѣе, что грубой кожѣ «износу нѣтъ», что желѣзо стоитъ дорого, а солома ровно ничего не стоитъ. Люди, практически знакомые съ дѣломъ, понимающіе, что явленіе обѣдненія народа совсѣмъ не явленіе частно-экономическое, какъ многіе хотятъ насъ увѣрить, но скорѣе общественно-политическое, хорошо сознаютъ непреодолимыя затрудненія и денежныя и иныя, связанныя съ попыткой улучшить производительность крестьянскаго труда.

Чтобы составить себѣ хотя приблизительное представленіе объ этихъ затрудненіяхъ, необходимо немного познакомиться съ настоящимъ положеніемъ различныхъ промысловъ. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя интересныя данныя изъ трудовъ комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, сборника статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи, изслѣдованій г. Исаева (промыслы Московской губерніи) и г. Григорьева (За-

мочно-ножевое производство Павловскаго района). Прежде всего обратимъ вниманіе на *основной капиталъ*, который, при техническихъ усовершенствованіяхъ, имѣющихъ быть рекомендованными техническими школами, долженъ достигать значительной цифры. Хорошо снабженная мастерская кузнеца-замочника заключаетъ въ себѣ инструментовъ на 15 — 27 р.; ножевщикъ обзаводится на 10—13 руб.; обтиральщикъ коромыселъ, замковъ, ножницъ и кустарь, насаживающій черенки на столовые ножи, имѣютъ инструментовъ на 3 — 5 р. [1]. Основной капиталъ кустаря-подносчика — 40 руб.; два токаря обзаводятся инструментами на 17 руб.; два ящичника на 15 р. [2]. Стоимость кузницы со всѣми приспособленіями для ковки и пайки обходится въ 40 — 60 р. При щеточномъ производствѣ основной капиталъ кустаря 4 руб. 90 коп. [3]. *Оборотный капиталъ* также долженъ достигать значительный цифры, чтобы уничтожить поспѣшность и небрежность работы, гарантируя производителю нѣкоторую самостоятельность отъ скупщиковъ и обезпечивая его отъ рѣзкихъ колебаній рыночныхъ цѣнъ. Между тѣмъ мы видимъ, что оборотъ кустарей Павловскаго района недѣльный, даже менѣе, двухнедѣльный—рѣдкость; хорошій мастеръ, выдѣлывающій одинъ изъ лучшихъ сортовъ шведскаго замка, тратитъ на матеріалъ 2 р. 73 к. въ недѣлю, да на продовольствіе себя и семьи около 4 рублей (3 р. 86 к.), значитъ, обсротный капиталъ его отъ 6 до 8 руб. Принимая оборотъ кустаря-кузнеца Рузскаго уѣзда за мѣсячный, г. Исаевъ [4] вычисляетъ въ 55 руб. оборотный капиталъ кузницы съ тремя работниками. Латунщикъ-одиночка затрачиваетъ 20 руб. въ мѣсяцъ; оборотный капиталъ токаря рѣдко превышаетъ 30—40 руб. въ мѣсяцъ; у щеточника, при недѣльномъ оборотѣ, капиталу всего 5 руб. Какъ же отражается недостатокъ денежныхъ средствъ на закупкѣ матеріала и сбытѣ продуктовъ? Главный сырой матеріалъ—желѣзо и сталь—попадаютъ къ кустарю-замочнику изъ третьихъ рукъ; кустарь принужденъ забирать 1/3 или даже 1/2 своей заработной платы товаромъ. Мебельщики цѣнятъ орѣхъ, навязываемый ими столяру отъ 1 р. 50 к. до 2 р. за пудъ, тогда какъ въ продажѣ онъ стоитъ всего 1 р. 25 к., слѣдовательно, потеря кустаря доходитъ до 20—60% [5]. Мѣдники-хозяйчики берутъ матеріалъ у скупщиковъ, мѣдь обходится имъ при этомъ на 10—20% дороже, чѣмъ при оптовой покупкѣ. Большую часть зарабатываемыхъ денегъ кузнецы Тверскаго уѣзда, говоритъ Покровскій [6], выбираютъ желѣзомъ; хозяева-скупщики даютъ мастеру желѣзо по цѣнѣ, значи-

---

[1] Замочно-ножевое производство. Григорьева. 1881 г.

[2] Промыслы, т. 1.

[3] Сборникъ свѣденій, т. 6., вып. 2.

[4] Промыслы, т. 2.

[5] Промыслы, т. 1.

[6] Гвоздарный промыселъ въ Тверскомъ уѣздѣ. Труды, вып. 5.

тельно превышающей настоящую, а цѣны за гвоздь назначають ниже настоящихъ. Но обратимся къ самой интересной статьѣ— къ *сбыту*. Вотъ что разсказываетъ въ своемъ изслѣдованіи г. Григорьевъ [1]. Съ 3-хъ часовъ ночи понедѣльника около столовъ и лавокъ скупщиковъ толпятся кустари, стараясь наперерывъ запродать образцы. У каждой лавки такая масса продавцевъ, что не всегда удается видѣть самого скупщика; только слышишь его слова или заискивающій голосъ кустаря, просящаго надбавки. Но и условившись въ цѣнѣ, кустарь только половину получаетъ чистыми деньгами, остальное принужденъ забирать товаромъ, «всѣмъ, что захочетъ дать скупщикъ», нетолько желѣзомъ, мѣдью, но мукой самаго низшаго качества, чаемъ, сахаромъ, мыломъ, причемъ фунтъ чаю въ 1 р. 20 к. ставится въ счетъ въ 2 р., фунтъ мыла ставится въ 12 к., тогда какъ онъ даже въ розничной продожѣ стоитъ всего 10 к. Потеря доходитъ при этомъ до 10 — 15% условленной цѣны. Кромѣ того, практикуется еще такъ называемый промѣнъ: скупщикъ выдаетъ кустарю не деньги, а записку къ мѣнялѣ съ обозначеніемъ суммы, которую слѣдуетъ выдать. Мѣняла, выдавая, вычитаетъ за промѣнъ 1—2%. «Рубль нашъ о 98 копейкахъ», горько иронизируетъ кустарь. Оцѣнка продуктовъ его работы такая. Дюжина разъемнаго ножа съ вилкой продается въ Москвѣ или Нижнемъ но 6 руб.; кустарю же на мѣстѣ даютъ всего 4 р. 50 к. Столяръ-кустарь привозитъ въ Москву мебели на 30—40 руб. Ему необходимо сейчасъ же получить деньги; дома сидятъ безъ работы, безъ денегъ; нужно купить хлѣба, чаю, сахару, свѣчъ, крупъ. Торговецъ мебелью прекрасно знаетъ все это, объявляя, что у него въ кассѣ нѣтъ денегъ. «Пріѣзжай дня черезъ три, черезъ четыре. Если же хочешь получить сейчасъ, скинь 5 р.». Приходится соглашаться, отдавая товаръ почти въ убытокъ. Бѣлодеревцы, торгующіе стульями у Сухаревой башни, принуждены иногда скидывать 30—50% стоимости ихъ, потому что навезутъ товару слишкомъ много, всѣ стараются продать и наперерывъ сбиваютъ цѣну. Какъ скоро торговецъ чуетъ, что мѣднику-кустарю нужны деньги, онъ всячески старается прижать его, дѣлая скидку. Вмѣсто денегъ часто расплачиваются чаемъ, сахаромъ и пр. При этомъ накинуть 50 к. на рубль—вещь обыкновенная. Г. Исаевъ въ изслѣдованіи о металлическихъ промыслахъ приводитъ такой разсказъ мѣдника-кустаря: [2] «Пріѣдешь въ Москву рано и думаешь, что до вечера еще много, успѣешь продать товаръ. Постоянной лавки нѣтъ, навалишь товаръ на плечи и думаешь, что вонъ въ тульскую нужно пойти продать товаръ. Приходишь къ лавкѣ, станешь смирно на порогѣ и ждешь, покуда купецъ тебя окликнетъ. Зачѣмъ ты пришелъ? — Да вотъ, вашей милости товаръ

---

[1] Замочно-ножевое производство Павловскаго района.

[2] Промыслы, т. 2, стр. 69.

принесъ. — Не надо намъ вашего товара, онъ только мѣсто занимаетъ. Просишь-просишь, кланяешься-кланяешься, а онъ все «не надо», да «не надо». Выйдешь изъ лавки, горько станетъ, сядешь на тумбу, да и думаешь, что ежели до вечера не продашь товаръ, да не привезешь денегъ домой, такъ хоть мастеровъ распускай, работать нечего будетъ. Опять подходишь къ лавкѣ и словно нищій просишь купца взять товаръ, покуда онъ не согласится». Если мы обратимъ вниманіе на *заработокъ* рабочаго, то, какъ и слѣдовало ожидать, не встрѣтимъ ничего отраднаго. «Заработокъ этотъ, конечно, различенъ, но различіе это очень небольшое, говоритъ г. Карповъ [1]. Дѣйствительность всегда, какъ будто нарочно, уравниваетъ этотъ заработокъ, и при этомъ обыкновенно въ отрицательномъ направленіи... вездѣ рабочій встрѣчаетъ минимальную заработную плату». Средній заработокъ кустаря Павловскаго района не болѣе 2 р. 50 к. въ недѣлю; содержаніе же средней семьи (отецъ, мать, двое дѣтей) стоитъ 3 р. 86 к. Не хватаетъ 1 р. 36 к. И это не считая приварка, одежи, расхода на уплату податей. Ну, и понятно, «когда цѣны на издѣлія понижаются, кустарь живетъ впроголодь». Бѣлкопромышленникъ-хозяинъ, затративъ 50,000 р. на покупку шкурокъ, черезъ полгода получаетъ барыша отъ 26 до 34 тыс. р., т. е. болѣе 130%; заработокъ же мастерового никогда не достигаетъ даже 60 р. въ годъ, необходимыхъ для пропитанія семьи по самому умѣренному разсчету, «и вотъ онъ и вся его семья бѣдствуютъ» [2]. Въ округѣ крупной мебели (Московской губерніи) одинъ работникъ производитъ среднимъ числомъ на 500 руб. въ годъ; заработокъ его, считая здѣсь же содержаніе (40 р. въ годъ)—174 руб., т. е. 34,8%; въ округѣ кривья изъ 300 руб. работникъ получаетъ 120 р., у бѣлодеревцевъ изъ 150 руб. — 82 р. Хозяйская же *чистая* прибыль, за вычетомъ расходовъ по ремонту, налоговъ и проч. составляетъ до 40 руб. въ годъ отъ каждаго работника. Плата кошемному рабочему колеблется отъ 5 до 7 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ. Чистая прибыль токаря, приготовляющаго 9,000 катушекъ въ годъ, причемъ издержки производства простираются до 254 р. 50 к., всего 15 р. Хозяева платятъ за сотню щетокъ кустарнику 2 р. 50 к., столяру 2 р., а сами получаютъ чистаго барыша по 4 р. съ сотни.

Даже изъ небольшого числа приведенныхъ фактовъ видно, что дѣло совсѣмъ не въ томъ, что народъ нашъ мало работаетъ или плохо работаетъ. Отсутствіе кооперативнаго начала въ области кустарнаго производства, отсутствіе кредита, закупка матеріала по мелочамъ и продажа продуктовъ чуть не въ убытокъ, вслѣдствіе настоятельной нужды въ деньгахъ, вотъ факторы, убивающіе русскіе промыслы и понижающіе заработную плату до минимума, едва достаточнаго для того, чтобы рабочій съ семьей своей не

[1] Валеный промыселъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ. Труды, вып. 5, стр. 481.
[2] Бѣличій промыселъ въ Каргополѣ, Докучаева. Труды, в. 4, стр. 313.

умерли съ голода. Ясно, что не поможетъ въ такихъ обстоятельствахъ техническая школа. «Въ неопредѣленно-продолженномъ ряду событій, говоритъ Лапласъ:—дѣйствіе причинъ правильныхъ и постоянныхъ должно когда-нибудь взять верхъ надъ дѣйствіемъ причинъ неправильныхъ».

Кромѣ предметовъ первой необходимости, промыслы могутъ давать и другіе предметы потребленія, за которые рабочій, выучившись въ технической школѣ, могъ бы получать деньги отъ болѣе имущихъ, болѣе утонченно развитыхъ классовъ общества. Не слѣдуетъ ли открывать школы для сообщенія и развитія именно такихъ умѣній? Что, въ самомъ дѣлѣ, будетъ, если мы научимъ всѣхъ крестьянскихъ дѣвочекъ плести кружева и вышивать гладью, а мальчиковъ золотыхъ дѣлъ мастерству, шлифованію бриллiантовъ и фарфора? Люди, считающіеся образованными, часто защищаютъ роскошь тѣмъ, что она поддерживаетъ торговлю; едва ли можно игнорировать очень распространенное мнѣніе, будто все то полезно и благодѣтельно, что даетъ людямъ заработокъ. Но для самого общества, какъ для цѣлаго, крайне невыгодно, если производство предметовъ потребленія имѣетъ такую организацію, что въ окончательномъ результатѣ двѣ трети всѣхъ произведенныхъ предметовъ потребляются не всѣмъ обществомъ, а лишь небольшой состоятельной группой его. Общество тогда бѣднѣетъ, а не богатѣетъ отъ усиленнаго производства, потому что оно поглощаетъ силы, время и трудъ народа, которые могли бы быть употреблены несравненно разумнѣе. Впрочемъ, даже закрывая глаза на пригодность результатовъ труда для другихъ, болѣе отдаленныхъ цѣлей, даже не задаваясь вопросомъ, что̀ бы произошло, еслибы весь трудъ былъ затраченъ на общеполезную работу, мы должны помнить, что развѣ только отдѣльный рабочій, рабочая сила котораго въ значительной степени превышаетъ силы его товарищей, можетъ извлечь для себя изъ этого значительную выгоду и, капитализируя ее, освободиться отъ оковъ наемнаго труда и даже стать самъ въ ряды эксплуататоровъ. Но какъ скоро подобное повышеніе рабочей силы распространится на многихъ работниковъ, такъ, вслѣдствіе конкурренціи, заработная плата настолько понизится, что положеніе каждаго отдѣльнаго рабочаго станетъ нисколько не лучше, если не хуже, чѣмъ теперь. Всѣ они вмѣстѣ будутъ заработывать столько, сколько нужно, чтобы жить, а весь излишекъ ихъ усиленной работы пойдетъ частью на пользу предпринимателей или посредниковъ при сбытѣ, въ формѣ бо̀льшихъ барышей, частью на пользу публики, въ формѣ удешевленныхъ продуктовъ. Но дешевизна продуктовъ, особенно въ данномъ случаѣ дешевизна предметовъ роскоши, не можетъ, конечно, служить вознагражденіемъ за бо̀льшую бѣдность и пустоту духовной жизни, являющуюся непремѣннымъ слѣдствіемъ такой усиленной матеріальной дѣятельности. Положеніе, часто высказываемое прямо, а еще чаще подразумѣваемое преимуще-

ственно въ книгахъ, написанныхъ для назиданія дѣтей и «простого народа», что каждый рабочій можетъ посредствомъ трудолюбія и бережливости сдѣлаться хозяиномъ или, какъ выразился Наполеонъ I, каждый солдатъ носитъ въ ранцѣ своемъ маршальскій жезлъ, это положеніе заключаетъ въ себѣ безсознательную или сознательную ложь. Если въ ящикѣ съ тысячью черныхъ шаровъ лежитъ одинъ бѣлый и если вѣроятность случайно вынуть его изъ этого ящика выражается дробью $1/1000$, т. е. изъ тысячи случайностей есть только одна благопріятная, то, вынувши его одинъ разъ, дальше мы встрѣтимъ полную невозможность вынуть его опять, по той простой причинѣ, что всѣ остальные шары—черные.

Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что популярное и ходячее мнѣніе о томъ, что существуютъ нѣкоторыя мѣропріятія, составляющія радикальное средство противъ соціальныхъ неустройствъ, представляетъ довольно забавный образчикъ наивнаго непониманія самыхъ элементарныхъ законовъ природы. На примѣрѣ это будетъ яснѣе. Мы хотимъ поднять производительность страны техническими школами; мы говоримъ: народъ бѣденъ, голодаетъ, вымираетъ; дадимъ ему профессіональныя умѣнья, поможемъ ему! Прекрасно. Но, предполагая даже, что намъ удастся повысить производительность техническими школами, можемъ ли мы сказать, что зло исчезло? Изъ чего же состоитъ то средство, которымъ мы дѣйствовали? Откуда возьмемъ мы деньги на школы, на институтъ мастеровъ, учителей и всѣ іерархическія степени надзора? Эти средства цѣликомъ, вѣроятно, непосильной тяжестью лягутъ опять на силы производителей; работникъ простоитъ на работѣ лишній часъ, ребенокъ его не получитъ лишняго куска хлѣба для того, чтобы повысилась производительность труда. Можетъ быть, на это возразятъ, что и общеобразовательныя школы потребуютъ того же. Но если мы еще можемъ, скрѣпя сердце, мириться съ такой грустной перспективой въ виду того, что работникъ взамѣнъ получаетъ самую дорогую форму силы, силу интеллектуальную, которая гарантируетъ его отъ множества болѣе важныхъ невыгодъ, обезпечивая отъ повторенія надъ нимъ различныхъ остроумныхъ экспериментовъ въ будущемъ, давая оружіе для легальной соціальной борьбы, то мы не должны мириться съ ней изъ-за простого перераспредѣленія силъ одинаковой цѣнности. Разумный механикъ не станетъ терять времени на изобрѣтеніе perpetuum mobile, прекрасно зная, что получить, посредствомъ искуснаго расположенія частей, на одномъ концѣ машины силу бóльшую или даже только равную той, которую мы приложили на другомъ концѣ, физически невозможно.

Но возвратимся къ предмету.

Неужели же техническое образованіе совершенно безполезно? Есть же какія-нибудь причины тому, что въ настоящее время идетъ такая сильная агитація въ его пользу? Вызвана же эта

агитація какими-нибудь реальными потребностями? Безъ сомнѣнія.

Существуетъ одна форма производства, при которой многія упомянутыя неудобства сами собой уничтожаются. Это форма такъ называемой общественной организаціи труда. Различаютъ два вида ея: организація посредствомъ капитализма и въ формѣ кооперація, очень мало практикуемой въ настоящее время, но которой, какъ думаютъ многіе, предстоитъ великая будущность. Первая форма, повсемѣстно распространенная теперь, капитализмъ, по опредѣленію передовыхъ экономистовъ, есть эксплуатація труда народа въ формѣ покупки рабочей силы, которую онъ заставляетъ трудиться на свой страхъ, организуя для мануфактуры и фабрики. Прогрессъ науки и, какъ слѣдствіе его, прогрессъ техники, ведетъ при этомъ къ болѣе мелкому раздѣленію труда, къ непрерывному расширенію крупнаго производства и тѣмъ самымъ къ исчезновенію мелкой промышленности. Человѣкъ науки и работникъ, какъ говоритъ Томсонъ, отдѣлены другъ отъ друга при этой формѣ огромнымъ пространствомъ и наука, вмѣсто того, чтобы въ рукахъ работника способствовать росту его производительныхъ силъ для него самого, почти всегда вступаетъ въ борьбу съ нимъ. Знаніе обращается въ орудіе, способное отдѣлиться отъ труда и умѣнія и стать съ ними въ противорѣчіе. Примѣры извѣстны всѣмъ: каждое техническое улучшеніе машины оставляетъ безъ хлѣба тысячи рабочихъ. Другая форма, почти еще не практикуемая и возможная только при серьёзномъ развитіи народа—кооперація требуетъ отъ каждаго работника, каждаго члена, многосторонняго образованія, развитаго общественнаго чувства; при этомъ для каждаго желательно, если не обязательно, не одно умѣніе, не принятое на вѣру знаніе результатовъ науки, но знаніе тѣхъ способовъ, какими получены эти результаты, и доказательствъ, на которыя они опираются. Однимъ словомъ, только очень широкое общечеловѣческое образованіе, увѣнчанное практическими профессіональными умѣньями, можетъ обезпечить появленіе и, главное, существованіе этой формы труда. Говорятъ, что одинъ изъ египетскихъ Птоломеевъ вздумалъ учиться геометріи. Она показалась ему трудна и царь намекнулъ своему учителю Евклиду, что нельзя ли сдѣлать ее для него полегче. Но тотъ отвѣчалъ, что даже для царей нѣтъ особаго пути къ геометріи. Подражая ему, скажемъ, что даже для русскаго народа, съ его незаглушеннымъ еще общиннымъ чувствомъ, нѣтъ пути, помимо образованія и развитія, къ этой формѣ общественной организаціи труда. Безспорно, преимущества ея очень велики: въ этомъ единственномъ случаѣ интересы производства совпадаютъ съ интересами производителей, знаніе и наука приносятъ рабочему только пользу или облегчая его трудъ, или доставляя досугъ, уменьшая количество рабочихъ часовъ, или давая большій комфортъ, увеличивая запасъ матеріальныхъ средствъ. Но нужно отказаться рѣшительнно отъ

мечты видѣть задатки такой формы въ профессіональныхъ школахъ. Во-первыхъ, въ школѣ будутъ преимущественно учиться, какъ работать, а не работать; во-вторыхъ школа не можетъ существовать на свой счетъ, а это—первое условіе прочности и независимости ассоціаціи; иначе вмѣсто облегченія экономическихъ затрудненій, она только увеличивала бы ихъ, ложась на платежныя силы населенія. Примѣромъ могутъ служить рабочіе дома, исправительныя арестантскія заведенія, богадѣльни и проч., которыхъ никто, конечно, не отважится назвать производительными ассоціаціями. Въ-третьихъ, и это, можетъ быть, главное, техническая школа потому уже не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ настоящей мастерской, что, будучи вполнѣ обезпечена въ матеріальномъ отношеніи, можетъ сбывать свои работы значительно дешевле, нежели рабочіе, трудящіеся изъ-за куска хлѣба, чѣмъ можетъ погубить многихъ. Въ этомъ отношеніи поучителенъ примѣръ женскихъ монастырей, рабочихъ домовъ и конгрегацій св. Сердца, которые до такой степени понизили плату на многія женскія рукодѣлія въ Парижѣ, что стало невозможно жить этимъ трудомъ.

Да и вообще для кооперацiи, требующей всесторонняго, полнаго, общечеловѣческаго развитія, низшая техническая школа не имѣетъ значенія; для общественной организаціи труда посредствомъ капитала—дѣло другое. Тутъ не будетъ помѣхи, даже, пожалуй, лучше гораздо, если рабочій не имѣетъ никакого образованія, ничего не понимаетъ, какъ та машина, у которой онъ проводитъ свою однообразно-тоскливую жизнь. Но если ему не нужно знаніе, то нужно умѣніе. Умѣніе улучшитъ его работу, не давая ему безпокойныхъ привычекъ размышлять; умѣніе отразится благопріятно на ростѣ капитала, посредника между производителемъ и потребителемъ; можетъ быть, умѣніе рабочихъ заставитъ, наконецъ, хозяевъ-организаторовъ дорожить ими хотя бы наравнѣ съ машинами и рабочимъ скотомъ.

Такъ для чего же понадобились профессіональныя, низшія техническія школы, въ которыхъ учили бы однимъ только умѣніямъ? Почему теперь объявляютъ вреднымъ, по меньшей мѣрѣ, непрактичнымъ то, безъ чего не можетъ жить и дышать цивилизованное государство, что должно поселить въ народѣ болѣе трезвыя понятія о правахъ общества и отдѣльнаго человѣка, что должно вызвать пробужденіе жизненныхъ силъ народа, служить къ тому, чтобы онъ становился совершеннолѣтнимъ, постепенно избавляясь отъ непрошенной и ненужной опеки? Для чего со всѣхъ сторонъ поднимаютъ крикъ о непрактичности общаго образованія, вредѣ теоретическихъ познаній? Все это, сознательно или безсознательно, продѣлывается въ интересахъ капиталистовъ, крупныхъ земельныхъ собственниковъ и вообще всѣхъ тѣхъ, функція которыхъ состоитъ въ поглощеніи производимаго работающими классами. Съ невѣжественными крестьянами нельзя хорошо обработывать землю; нѣучи постоянно ломаютъ машины; 1

нихъ нѣтъ вкуса, неразвито творчество, они не въ состояніи приготовить предметы, нужные для комфортабельной обстановки; такъ вотъ, дадимъ имъ умѣніе, вышколимъ ихъ въ техническихъ школахъ; но образованіе... общее книжное образованіе приноситъ «нерѣдко болѣе вреда, чѣмъ пользы, возбуждая въ народѣ недовольство своимъ положеніемъ, пробуждая новыя потребности».

Такимъ образомъ, сторонники техническаго образованія смотрятъ на человѣка, особенно на «народъ», только какъ на инструментъ для приложенія науки, для выдѣлки различныхъ продуктовъ; сторонники общечеловѣческаго образованія видятъ въ наукѣ только инструментъ для усовершенствованія ума и способностей и думаютъ, что воспитывать изъ одного человѣка простое механическое орудіе для удобства или удовлетворенія другихъ значитъ тратить національное богатство на достиженіе недостойной цѣли. Однимъ желательно «поднятіе производительности народнаго труда», которое, вѣроятно, произойдетъ при замѣнѣ кустарныхъ промысловъ капиталистической организаціей труда, для которой, какъ уже было говорено, неотложно необходимы техническія умѣнія хотя бы не большой части рабочихъ. Другіе желали бы улучшенія народнаго быта, обезпеченія труда отъ эксплуатаціи, развитія умственныхъ и нравственныхъ силъ народа, для чего техническія школы настолько безполезны, насколько необходимы общеобразовательныя.

Будемъ выбирать, но выбирать осмотрительно, а главное, будемъ помнить, что комбинаціи, при которыхъ и волки бываютъ сыты, и овцы остаются цѣлы, принадлежатъ къ области дѣтскихъ сказокъ.

А. Б.

АНТОШКИНА ОБЩИНА.

Въ Бѣлоруссіи до настоящаго времени нѣкоторыя черты архаической старины сохранились во всей своей силѣ. По этимъ чертамъ мы можемъ угадывать о бытѣ и нравахъ бѣлоруссовъ прежняго времени. Подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить описаніе одной оригинальной крестьянской бѣлорусской общины, имѣющей много сходства съ древними патріархально-родовыми общинами. Большинство селъ и деревень въ бѣлорусскомъ краѣ образовались путемъ родового нарощенія, доказательствомъ чему служитъ множество названій селеній, имѣющихъ патронимическіе суффиксы: *ишти*, *ичи* и т. п. Родовой патріархальный бытъ существовалъ въ большинствѣ случаевъ нетолько до призванія князей — Рюриковичей, но и въ теченіе X, XI, и XII вѣковъ, а существованіе семейно-родовыхъ общинъ мы встрѣчаемъ и въ настоящее время, хотя только какъ рѣдкое исключеніе. Вслѣдствіе охватывающаго собой все болѣе и болѣе стремленія общества и людей къ индивидуализаціи, къ разъединенію, эти архаическія общины вездѣ начинаютъ распадаться на свои составные элементы, такъ что лѣтъ черезъ десять мы, вѣроятно, уже не въ состояніи будемъ отыскать ни одной общины съ семейно-родовымъ характеромъ. На границѣ Рославльскаго уѣзда съ Ельнинскимъ, Смоленской губерніи, на берегу рѣки Десны, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, существовала громадная семейно-родовая община *Караковичи*, состоявшая изъ 60 душъ и имѣвшая нераздѣльную, коллективную собственность; теперь же она распалась на отдѣльные дворы, съ отдѣльными хозяйствами, даже безъ права на періодическіе передѣлы земли. Въ Рославльскомъ уѣздѣ я могу указать еще на двѣ общины подобнаго же типа: деревню *Ермаковку* (отъ родоначальника Ермака), состоявшую изъ 38 душъ, и деревню *Купрѣевку* (отъ Купріана) изъ 35 душъ, члены которыхъ владѣли нераздѣльной собственностью и обѣдали за однимъ общимъ столомъ; но въ настоящее время обѣ общины распались. Недостатокъ земли и податныя тягости вносятъ въ эти общины разъѣдающій, сепаратистскій элементъ, усиливающійся еще болѣе вслѣдствіе разныхъ прижимокъ кулаковъ и администраціи. Ссоры и брань

между членами общины дѣлаются обычнымъ, ежедневнымъ явленіемъ и въ концѣ концовъ всегда кончаются раздѣлами.

Въ бѣлорусскомъ краѣ особенно много встрѣчается крестьянскихъ общинъ, члены которыхъ ведутъ свое начало отъ одного общаго родоначальника и потому всѣ носятъ одну и ту же фамилію. Недавно удалось мнѣ открыть еще одну патріархально-родовую общину въ глуши Ельнинскаго уѣзда. Прежде нежели пуститься въ путь по непроходнымъ, непролазнымъ дебрямъ и болотамъ здѣшняго края, я заглянулъ предварительно въ «Списки населенныхъ мѣстъ Смоленской губерніи», составленныхъ въ 1868 г., но всѣ мои поиски оказались напрасными: тамъ не оказалось искомой деревни Антошкиной, хотя деревня эта и существуетъ съ начала шестидесятыхъ годовъ. Однако, благодаря своей, такъ сказать, археологической рѣдкости и оригинальности экономическаго строя, Антошкино пріобрѣло извѣстность между всѣми крестьянами, живущими по берегамъ рѣки Десны.

— Гдѣ тутъ Антошкина деревня? спрашиваю я встрѣтившагося мнѣ на пути крестьянина.

Тотъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня. «Нѣтъ такой деревни тутотка!» отрубилъ онъ и пошелъ своей дорогой.

— Постой, постой, дядя! Мнѣ сказывали, что на Деснѣ есть Антошкино... Живутъ всѣ вмѣстѣ...

— А-а! Ѳто Антошкины мужики? Точно, ёсь такіе, ёсь. А мы деревню не знаемъ какъ она прозывается, а усё зовемъ Антошкины кресьяны. Хорошіе мужики, справные...

И крестьянинъ указалъ мнѣ рукой на синѣющую вдали кучу деревьевъ, за которой на правомъ, довольно обрывистомъ берегу Десны была расположена искомая мной деревня.

Когда я подъѣхалъ къ деревнѣ, на улицѣ толпилось нѣсколько мужиковъ, а мальчики и дѣвочки въ припрыжку бѣжали въ середнюю хату. Хата эта весьма рѣзко отличалась отъ прочихъ хатъ своими болѣе обширными размѣрами и большимъ крыльцомъ, съ перилами, ведущимъ съ улицы прямо въ весьма просторныя сѣни. Ни одна изъ остальныхъ девяти хатъ не имѣла такого крыльца. На крыльцѣ стояла довольно пожилая женщина, одѣтая въ праздничный бѣлорусскій костюмъ: на головѣ повязанъ красный наметъ, покрытый съ передней стороны серебряной парчей съ висячими сзади узорчатыми концами холстиннаго плата; на шеѣ нѣсколько нитокъ краль. Я направился было къ крыльцу, но стоявшая на немъ женщина предупредила меня и проводила въ сосѣднюю хату.

— У насъ тутъ вечеряютъ, такъ вы вотъ посидите трошку здѣсь, сказала она, усаживая меня на лавку въ пустой хатѣ.

— У васъ вѣрно ужинаютъ? полюбопытствовалъ я узнать.

— Да, ужинаютъ... тамъ тѣсновато вамъ будетъ... не прибрано. Посля опять туды перейдете.

Я объяснилъ ей, что мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть, какъ это вся деревня ужинаетъ за однимъ столомъ. И она тотчасъ же по-

вела меня въ большую хату. Хата эта ничѣмъ особеннымъ не отличалась по внутреннему своему убранству отъ прочихъ хатъ: черныя закоптѣлыя стѣны съ двумя окнами на улицу и нары съ одной, задней стороны, только большая русская печь съ стоящимъ на шесткѣ большимъ горшкомъ и длинный столъ въ переднемъ углу ясно указывали на присутствіе здѣсь большой семьи; другая отличительная черта этой хаты заключалась въ томъ, что въ переднемъ углу подъ образами была наклеена картина, изображающая «Тайную вечерю». Моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина: за столомъ, устланномъ бѣлой скатертью, чинно сидѣло по лавкамъ человѣкъ 25 мужчинъ, женщинъ и дѣтей - подростковъ; въ переднемъ углу помѣщалась 80-ти-лѣтняя старуха, а далѣе, въ порядкѣ семейно-іерархической лѣстницы, помѣщались и прочіе члены общины. На столѣ стояли 2 громадныя деревянныя чашки, наполненныя до краевъ русскими щами; цѣлыя горы нарѣзаннаго ломтями черпаго хлѣба лежали по обѣимъ сторонамъ стола. На нарахъ съ поджатыми подъ себя ногами, тоже около чашки со щами, сидѣло человѣкъ восемь мальчиковъ и дѣвочекъ, на полу у печки четверо 3—4 годовалыхъ ребятъ. Это, дѣйствительно, была своего рода «вечеря». Я полюбопытствовалъ узнать, всегда ли они всѣ «вечеряютъ» за общимъ столомъ, или только въ праздничное время. Оказывается, что это обычное, ежедневное явленіе Антошкиной общины.

Родоначальникомъ этой общины былъ крестьянинъ Антонъ, жившій прежде, во дни крѣпостного права, въ деревнѣ Новгородчинѣ, Ельнинскаго уѣзда. Семья его, унаслѣдованная имъ еще отъ прадѣда, была многочисленна, «яко песокъ морской», но тяжкія условія крѣпостного права разбили и раззорили родовое гнѣздо Антона: одни изъ членовъ его умерли, другіе произвольно вырваны бариномъ изъ родового гнѣзда, третьи дожили, наконецъ, до момента уничтоженія крѣпостного права. Антонъ не дожилъ, однако, до «воли» и умеръ еще въ Новгородчинѣ, оставивъ на рукахъ старшаго брата свою жену, трехъ братьевъ и нѣсколькихъ племянниковъ, всего душъ до 22. Братья купили у одного изъ землевладѣльцевъ на берегу рѣки Десны за 2,000 р. 100 десятинъ земли, большею частію, впрочемъ, довольно плохой и совершенно безлѣсной, но весьма удобно расположенной по своимъ естественнымъ условіямъ на сплавной рѣкѣ, вдоль берега которой тянется десятинъ 40 хорошихъ заливныхъ луговъ.

Въ честь своего родоначальника, Антона, деревня избрала своимъ патрономъ св. Антонія Римлянина, покровителя семейнаго очага, и ежегодно въ честь его установила въ своей деревнѣ праздество.

Въ настоящее время Антошкина община, со всѣми ея чадами и домочадцами, восходящими и нисходящими родственниками, состоитъ изъ 40 человѣкъ, живущихъ въ 9 хатахъ, но владѣющихъ нераздѣльной, коллективной собственностью. Община имѣетъ

26 лошадей, 52 коровы, 30 свиней, 48 овецъ, 100 гусей, 70 куръ и 10 индюшекъ, которыя помѣщены во дворахъ въ слѣдующемъ порядкѣ: коровы, лошади и свиньи разбиты на двѣ группы и помѣщаются въ четырехъ дворахъ, въ остальныхъ дворахъ помѣщаются птицы, что сдѣлано, разумѣется, съ цѣлію удобства присмотра за пернатыми существами. За дворами, примыкающими къ самому полю, построены три амбара, спереди у спуска съ горы, ведущаго къ лугамъ, два сарая. Мнѣ привелось быть въ этой деревнѣ въ началѣ апрѣля, когда скотъ стали уже выгонять на подножный кормъ, слѣдовательно, когда большинство здѣшнихъ крестьянъ или доѣдаетъ свой хлѣбъ или, что всего вѣроятнѣе, пробавляется исключительно покупнымъ хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ мякиной, костеремъ и прочими неудобосъѣдомыми суррогатами, здѣсь же, въ Антошкинѣ, въ амбарахъ имѣлось еще 150 четвертей ржи и половина сарая сѣна. На 45 десятинахъ пахатной земли община сѣетъ: на 15 десятинахъ 22 четверти ржи, на 16 десятинахъ 30 четвертей овса, на остальныхъ—7 четвертей ячменя, 6 четвертей гречи и 70 четвертей картофеля; въ огородахъ сѣется и садится множество капусты, огурцовъ, луку, свеклы, моркови и рѣпы. Для льна община всегда арендуетъ на сторонѣ десятинъ 5—6 земли, «потому, значитъ, ленъ истощаетъ землю, такъ на своей сѣять его не подобаетъ», замѣтилъ мнѣ одинъ изъ братьевъ. Удобренія на поля вывозится столько, что его возятъ на 20 лошадяхъ въ теченіе двухъ дней. Вопреки повсюду распространенному здѣсь обычаю сѣять коноплю, въ Антошкинѣ ее совсѣмъ не сѣютъ, такъ какъ коноплѣ «надо много навозу, а навозъ мы не хотимъ отнимать у хлѣбушка».

Организація общины въ хозяйственно-административномъ отношеніи чрезвычайно типична. Общинные принципы распространяются на всѣ экономическія стороны жизни общины, они охватываютъ какъ производство, такъ и потребленіе продуктовъ. По традиціоннымъ правовымъ воззрѣніямъ общинниковъ, главнымъ распорядителемъ всѣми общинными дѣлами долженъ считаться старшій братъ, въ случаѣ его смерти слѣдующій за нимъ братъ и т. д., а въ случаѣ смерти всѣхъ братьевъ — старшій сынъ старшаго брата. Въ Антошкиной общинѣ старшій 60-лѣтній братъ ежедневно вечеромъ дѣлаетъ нарядъ на всѣ работы для слѣдующаго дня; у него хранится въ чуланѣ подъ замкомъ общинный капиталъ, простирающійся, по словамъ братьевъ, до 5,000 р., и изъ котораго онъ за всѣхъ платитъ подати, тратитъ съ общаго согласія братьевъ на общественныя предпріятія, на хозяйственныя улучшенія; у него же въ хатѣ хранятся всѣ необходимые жизненные продукты и у него же всѣ члены общины ежедневно обѣдаютъ и ужинаютъ за однимъ общимъ столомъ. Исключеніе составляютъ только малолѣтнія дѣти, которыя въ холодную зимнюю пору не ходятъ обѣдать въ

общинную хату, а обѣдають дома, получая пищу изъ общиннаго горшка.

Ни одинъ актъ юридическаго характера, никакая семейная церемонія, никакое празднество: рожденіе новаго члена семьи, супружество, смерть, крестины и т. д. не дѣлаются безъ совѣта съ старшимъ братомъ. Еслибы вы вздумали заглянуть во всѣ остальныя 8 хатъ, то замѣтили бы только въ переднемъ углу образъ и валяющуюся на нарахъ необходимую одежду семьи, больше ничего: все у нихъ общее. Впрочемъ, старшій братъ не пользуется безусловной, неограниченной властью надъ прочими членами общины, даже въ хозяйственныхъ дѣлахъ, какъ я уже сказалъ выше, онъ прибѣгаетъ къ совѣщанію съ остальными братьями. Передъ моимъ пріѣздомъ въ деревню между братьями происходило совѣщаніе о томъ, гдѣ арендовать землю подъ ленъ и какую приблизительно давать цѣну за десятину. Съ этою цѣлію старшина отправился съ третьимъ братомъ (а не со вторымъ, который по страсти къ выпивкѣ былъ оставленъ на испытаніе, не у дѣлъ) на поиски земли къ сосѣднимъ землевладѣльцамъ, при чемъ ключъ отъ общиннаго денежнаго сундука былъ оставленъ младшему, четвертому брату. Особеннымъ уваженіемъ между членами общины пользуется упомянутая мной старуха, которую всѣ до единаго называютъ «маткой», а другъ друга—братьями и сестрами. Меня съ ямщикомъ, людей совершенно стороннихъ общинѣ, называли «братцами». На «матку» не возлагается никакихъ обязанностей, но она сама добровольно присматриваетъ за внуками и правнуками, учитъ ихъ «соблюдать отцовъ обычай», т. е. руководитъ нравственнымъ воспитаніемъ всѣхъ малолѣтковъ общины; во время трапезы ее всегда садятъ въ передній уголъ; подъ ея руководствомъ всѣ члены общины иногда въ воскресные и праздничные дни собираются въ хатѣ старшины на общественную молитву, причемъ старшина или кто-либо изъ граматѣевъ общины читаетъ акаѳистъ. Потребности и поведеніе старшины служатъ критеріумомъ и показателемъ потребностей и поведенія и всѣхъ взрослыхъ членовъ общины: все, что дозволяетъ себѣ старшій братъ, дозволяется дѣлать и всѣмъ членамъ ея. Когда однажды послѣ ужина одинъ изъ членовъ общины закурилъ папироску, я спросилъ его: «выдаются ли вамъ деньги на табакъ изъ общаго капитала или вы покупаете табакъ на свои деньги?»

— Нѣтъ, денегъ намъ на это не даютъ, а куримъ на свои. Кабы курилъ старшой, такъ и намъ должонъ бы давать.

— Гдѣ же вы денегъ для себя достаете?

— Какъ гдѣ? Въ поденщину когда въ воскресенье сходимъ, или рыбу поймаемъ да продадимъ, вотъ и деньги. Эти деньги ужь наши.

Взрослые члены общины обоего пола имѣютъ право отправляться на опредѣленное время и на стороннія заработки, но съ тѣмъ, что отправляющіеся обязаны при возвращеніи домой от-

давать старшинѣ отчетъ въ заработанныхъ деньгахъ и въ издержкахъ на прокормъ себя во время отсутствія. Всѣ принесенныя съ заработка деньги отдаются старшинѣ въ общинную казну. Другое дѣло, если, за справкою всѣхъ общинныхъ работъ, молодежь вздумаетъ идти въ поденщину въ праздничное время: тогда всѣми заработанными деньгами распоряжается тотъ, кто ихъ заработалъ. Чтобы чѣмъ-нибудь скрасить тяжелую, трудовую жизнь молодежи, старшина выдаетъ ей по праздникамъ по нѣскольку копеекъ «на праники или орѣхи», а во время своихъ поѣздокъ въ городъ, по дѣламъ, онъ привозитъ всѣмъ малолѣткамъ вязку или двѣ баранокъ.

Я сказалъ выше, что въ Антошкиной общинѣ право собственности каждаго изъ членовъ простирается только на одежду и обувь; но и это опредѣленіе собственности не совсѣмъ точно, такъ какъ платье и обувь дѣлаются изъ общиннаго матеріала. Изъ убитыхъ шкуръ телятъ, лошадей и коровъ община выдѣлываетъ сапожный товаръ и потомъ отдаетъ его стороннему сапожнику для шитья сапогъ или башмаковъ, платя ему за одно только шитье по 50 к. за пару сапогъ и по 20 к. за пару башмаковъ. Относительно снабженія членовъ общины платьемъ и прочей обувью, напримѣръ, шубой, валеными сапогами, лаптями и проч. община тоже ограничивается своимъ собственнымъ матеріаломъ. Ежегодно извѣстное количество овецъ убивается и два раза въ году шерсть съ овецъ снимается, чтобы изъ этихъ продуктовъ заготовить для всѣхъ нужное количество шубъ и валенокъ. Въ теченіи, положимъ, 1882 года всѣми овчинами и шерстью пользуется первая съ краю хата, на слѣдующій годъ вторая и т. д. до послѣдней, причемъ выдѣлка овчинъ, шитье шубъ и валянье сапогъ прохожими портными и шерстобитами производится на счетъ общиннаго капитала. Конечно, это общее правило имѣетъ иногда и исключеніе. Такъ, напримѣръ, по совѣщанію, быть можетъ, окажется, что одной которой-нибудь семьѣ, вслѣдствіе доброкачественности у ея членовъ старыхъ шубъ, новыя вовсе не нужны или нужны только нѣкоторымъ членамъ, въ такомъ случаѣ все дѣло ограничивается починкой старыхъ шубъ, а оставшіяся овчины переходятъ во владѣніе слѣдующей хаты. Таже самая процедура происходитъ и съ обувью. Сапоги здѣсь носятъ только по праздникамъ, въ будни же всѣ отъ мала до велика ходятъ въ лаптяхъ. Для заготовленія лаптей община арендуетъ у сосѣдняго землевладѣльца десятины двѣ-три мелкаго липняка и съ этого участка снимаетъ весной столько лыкъ, что, за удовлетвореніемъ потребностей всѣхъ членовъ общины, она еще въ состояніи бываетъ продать ежегодно до 10,000 пучковъ лыкъ на сумму 700 рублей. Весь медъ отъ пчеловодства община потребляетъ сама, а изъ воску женщины сучатъ свѣчи, съ которыми въ теченіи цѣлаго года всѣ члены общины ходятъ въ мѣстную приходскую церковь.

Тѣми же самыми продуктами общиннаго труда община надѣляетъ и дѣвушку, выдаваемую замужъ, и парня-солдата. Община никогда не даетъ въ приданое за дѣвушкой денегъ, а выдѣляетъ ей изъ общиннаго движимаго имущества: корову, овцу, свинью, курицу и пѣтуха, двѣ овчинныя шубы—одну новую и другую старую, два сарафана, одинъ красный кумачный, другой ситцевый. По смерти мужа, вдова можетъ возвратиться и обратно въ родную общину, но никогда зять не принимается въ общину. Молодого солдата надѣляютъ въ дорогу и деньгами. Проводы одного изъ членовъ общины въ солдаты составляетъ ужасное горе общины. «Намъ не того жалко, говорили мнѣ въ Антошкинѣ:—што парень въ солдаты идетъ: послужитъ, да и опять воротится; а воротимшись, солдатъ никуда негожъ становится, хоть брось: работать не хочетъ, норовитъ жить дарма». Это въ Антошкинѣ знаютъ ужь по опыту.

Всѣ работы въ общинѣ распредѣляются обыкновенно такъ, что мужчины исправляютъ болѣе трудную работу, женщины—болѣе легкую. Все домашнее хозяйство: стряпня, мытье половъ, пряденье льна, шитье и вязанье на всѣхъ членовъ общины, уходъ за коровами, птицами, стрижка овецъ, посадка и поливка огородныхъ овощей, а въ лѣтнюю страдную пору жатва, лежатъ на обязанности женщинъ; но молотьба и уборка сѣна принадлежатъ къ смѣшаннымъ работамъ. Такъ какъ лѣтомъ все взрослое населеніе деревни отъ мала до велика уходитъ на общинную работу, то за всѣми малолѣтками присматриваетъ «матка», которая въ тоже время слѣдитъ и за пчелами и бѣгаетъ съ прутомъ за курами, если онѣ вздумаютъ полакомиться огородными овощами. Хаты никогда ни днемъ, ни ночью не запираются, такъ какъ единственными ворами оказываются здѣсь волки, крысы и мыши.

Меня чрезвычайно поразили господствующіе здѣсь между членами общины миръ и любовь, вытекающія, разумѣется, изъ сознанія солидарности интересовъ.

— А что, Иванъ Андреичъ, спрашиваю я одного изъ братьевъ:—ссоритесь ли вы когда-нибудь между собой?

— Эхъ, И. М.! да рази могли бы мы жить такъ, кабы ссорились? И дня бы одново не прожили! Коли што и случится не ладно, такъ стараемся какъ-нибудь мирковаться.

И, дѣйствительно, во все время моего пребыванія здѣсь, я не замѣтилъ и тѣни неудовольствія или недоразумѣнія во взаимныхъ отношеніяхъ между членами общины. Распредѣленіе труда доведено до мельчайшихъ подробностей. Всѣ дѣлаютъ свое дѣло, повидимому, уже по напередъ составленной программѣ и никто не жалуется, что его заставляютъ дѣлать не его дѣло. Обѣдъ для общины ежедневно готовитъ жена старшины, и меня чрезвычайно занималъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ она можетъ справиться съ такимъ сложнымъ и труднымъ дѣломъ. Однако,

принципъ раздѣленія труда нашелъ и здѣсь свое приложеніе. Утромъ, едва только солнце показалось надъ горизонтомъ, какъ всѣ въ хатѣ уже поднялись на ноги. Хозяйка сейчасъ принялась возиться около громадной квашни. Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показалась дѣвушка съ большимъ бремемъ дровъ, которыя она молча склала въ печь и затопила; немного погодя, приходитъ другая дѣвушка съ двумя ведрами воды, вылила ихъ въ кадку, потомъ до верху наклала въ деревянную чашку нечищенаго сырого картофеля и поставила ее на нары, а подлѣ, на полу поставила полведра воды, послѣ чего въ хату вошли одна за другой четыре дѣвочки и стали полукругомъ около чашки съ картофелемъ; въ рукахъ у нихъ были маленькіе самодѣльные ножички съ деревянными рукоятками, которыми онѣ тотчасъ же принялись чистить картофель и бросать его въ ведро съ водой. По окончаніи этой операціи, всѣ онѣ ушли изъ хаты, кромѣ двухъ, которыя остались помогать хозяйкѣ. Въ тоже время одинъ изъ оставшихся дома братьевъ взялъ коровай хлѣба и нарѣзалъ цѣлую угуду равной величины кусковъ, которые одна изъ дѣвочекъ забрала въ подолъ и ушла изъ хаты, вѣроятно, распредѣлать ихъ между малолѣтками въ видѣ утренняго завтрака. Мужчины въ это время водили на водопой лошадей, давали имъ корму и чинили телеги, женщины доили коровъ, ходили за овцами, свиньями и птицами. Въ одной изъ сосѣднихъ хатъ я замѣтилъ дѣвочку лѣтъ 15-ти, сидѣвшую за починкой цѣлой груды лежавшаго передъ ней стараго бѣлья.

При видѣ развернувшейся предо мной картины общинной жизни въ Антошкинѣ, мнѣ невольно припоминаются слова Соловьева о первобытной, патріархально-родовой общинѣ. «Родовой бытъ обусловливалъ общую нераздѣльную собственность: члены общины обѣдали за однимъ общимъ столомъ. Старшина управляетъ всѣми работами, хранитъ общественную казну, взноситъ подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду... Старшина (или отецъ), при жизни своей, будучи недоволенъ поведеніемъ старшаго, отнималъ у него значеніе старшинства, которое передавалъ младшему» и т. д. Въ Антошкиной общинѣ старшій братъ, недовольный дурнымъ поведеніемъ слѣдующаго за нимъ по старшинству брата, передалъ значеніе старшинства третьему брату.

Эта жизнь по старинѣ въ Антошкиной общинѣ заключаетъ въ себѣ много привлекательныхъ чертъ, на которыя не могли не обратить вниманія сосѣдніе крестьяне. Они вполнѣ сознаютъ великое нравственное и экономическое значеніе общиннаго, коллективнаго труда, но сомнѣваются въ возможности устроить свою жизнь по Антошкиному, «при нонѣшнихъ временахъ». Несомнѣнно, однако, что рано или поздно существованію Антошкиной общины придетъ конецъ. Всѣ сосѣдніе землевладѣльцы и кулаки видятъ въ Антошкинѣ силу, могущую противодѣйствовать ихъ

хищническимъ стремленіямъ, а противодѣйствуетъ оно тѣмъ, что многимъ сосѣднимъ крестьянамъ даетъ въ ссуду хлѣбъ, иногда деньги и притомъ безъ всякихъ процентовъ, а это, какъ хотите, не на руку хищникамъ. Потому-то послѣдніе всѣ усилія употребляютъ къ тому, чтобы сломить эту силу, разъединить и разсорить между собою младшихъ членовъ общины.

И. Краснопѣровъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Внутренняя и внѣшняя политика. — Философская фантазія на тэму ордена Почетнаго Легіона.—Машинистъ Гризель—кавалеръ этого ордена. — Банкетъ машинистовъ въ залѣ Elysée Monmartre. — Рѣчь Гамбетты и неудовольствіе непримиримыхъ.—Окончательное приведеніе въ порядокъ бюджета 1870 г.— Неудавшійся бонапартистскій скандалъ.—Объясненіе моргановскаго займа.— Запросъ депутата Вилленёва по поводу французской политики въ Египтѣ.— Заявленіе Фрейсинэ.—Морская демонстрація въ Александріи.—Положеніе дѣлъ въ тунисскихъ, алжирскихъ и марокксихъ владѣніяхъ. — Запросъ Тэно и Баллю.—Внутреннее африканское море.

Столь извѣстный Рёдереръ, бывшій однимъ изъ славнѣйшихъ представителей средняго сословія въ великомъ національномъ собраніи 1789 г. и превратившійся затѣмъ въ сенатора и барона имперіи, написалъ «Философію французской революціи». Въ своемъ сочиненіи онъ признаетъ справедливость разрушенія стараго, основаннаго на привилегіяхъ порядка вещей, находитъ, что 18-е брюмера довершило созданіе общественнаго равенства и, наконецъ, объявляетъ, что идеалъ авторовъ провозглашенія правъ человѣка и гражданина былъ достигнутъ Наполеономъ I, учредителемъ демократическаго ордена Почетнаго Легіона!

И славный орденъ, которымъ Маленькій Капралъ украсилъ грудь простого рядового, и маршальскій жезлъ, таившійся въ ранцѣ каждаго новобранца — все это воспѣвалось Беранже въ теченіи всей реставраціи отъ 1815 до 1830 г., укладывалось въ рамки водевиля Скриба и эксплуатировалось для пышныхъ военныхъ мелодрамъ Лабрусса и комп.

Это было нелѣпо, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко-популярно, до такой степени популярно, что сдѣлало комическаго героя

страсбургской и булонской продѣлки, наслѣдника «мученика, погибшаго на островѣ Св. Елены», сперва президентомъ второй французской республики, а затѣмъ и императоромъ, который, вмѣсто того, чтобы съумѣть умереть, такимъ гнуснымъ образомъ предалъ Францію!

Наполеоновская легенда затоплена седанской грязью и исчезла въ заросшей кустарникомъ странѣ зулусовъ. Тѣмъ не менѣе, то, что рейнскій представитель Рёдереръ называлъ «увѣнчаніемъ зданія французской революціи», продолжаетъ существовать и поднесь. Красная ленточка цѣнится болѣе, чѣмъ когда-либо, и бывшій министръ гамбеттовскаго министерства Рэйналь придумалъ украсить ею петличку почтеннаго машиниста Гризеля, благодаря которому избавлено было отъ смерти 125 человѣкъ. Гризель—старикъ, лѣтъ около семидесяти. Онъ служилъ уже въ то время, когда только-что открыта была вѣтвь парижско-ліонской желѣзной дороги и управлялъ однимъ изъ первыхъ локомотивовъ. Начиная съ 1858 года, онъ служилъ при компаніи восточныхъ желѣзныхъ дорогъ и находится въ отставкѣ съ 1875 г. Съ точки зрѣнія служебной дисциплины его подвигъ—вещь весьма спорная, но съ точки зрѣнія находчивости, предохранившей отъ гибели цѣлый поѣздъ, поступокъ Гризеля дѣйствительно прекрасенъ. 23-го ноября 1867 г., въ Викъ-де-Контѣ, Гризель, приведшій туда цѣлый поѣздъ, отказался повиноваться начальнику станціи, давшему уже сигналъ къ отъѣзду, и объявилъ, что не поѣдетъ далѣе. Дѣло въ томъ, что неподалеку отъ этой станціи приходилось проѣзжать по мосту черезъ рѣку Алье, готовую выступить изъ береговъ, и машинистъ нашелъ, что прочность этого моста сомнительна. Рѣшительный отказъ Гризеля заставилъ начальника станціи отправиться вмѣстѣ съ нимъ пѣшкомъ, для провѣрки пути, и въ ту минуту, какъ оба они подходили къ рѣкѣ, мостъ рухнулъ. Впрочемъ, орденъ былъ дарованъ старому машинисту не за спасеніе поѣзда, а за то, что, прослуживъ высшую норму срока въ вѣдомствѣ, изнашивающемъ своихъ работниковъ, среднимъ числомъ, въ 15 лѣтъ, онъ постоянно служилъ примѣромъ точности, воздержности, бережливости и хладнокровія.

Всѣ пролетаріи, служащіе при большихъ желѣзнодорожныхъ обществахъ (и не перестающіе требовать «правъ агентовъ», «droits des agents commissionnés», съ тѣхъ поръ, какъ аристократическое версальское собраніе уступило мѣсто буржуазно-республиканскому составу палатъ), еще въ февралѣ мѣсяцѣ рѣшили праздновать торжественнымъ корпоративнымъ банкетомъ полученіе Гризелемъ «ордена доблестныхъ и мужественныхъ». Мѣстомъ празднества назначенъ былъ Парижъ. По совѣту—и, слѣдуетъ замѣтить, весьма ловкому — органа своего «Moniteur des employés de chemin de fer», группы служащихъ при провинціальныхъ станціяхъ предложили быть ихъ делегатами одному депутату и одному сенатору, притомъ именно такимъ, голосами

которыхъ весьма не лишнее заручиться для поддержки ихъ требованій въ парламентѣ. Служащіе при седанской желѣзнодорожной станціи предложили делегатство Гамбеттѣ. Почетное президентство было предложено Виктору Гюго, который и принялъ его.

Несмотря на недавнія неудачи Гамбетты, эти добрые люди помѣстили въ програму праздника «гимнъ Гамбеттѣ», видя въ немъ спасителя Франціи послѣ позорной катастрофы при Седанѣ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые депутаты крайней лѣвой рѣшили не принимать участія въ торжествѣ. По желанію самого Гамбетты, гимнъ былъ вычеркнутъ изъ програмы, тѣмъ не менѣе Рошфоръ, котораго выбрали делегатомъ машинисты и кочегары Сенскаго Департамента, не пожелалъ явиться на банкетъ и присоединился въ этомъ случаѣ къ абстенціонистамъ: Анри Марэ, Ланессану, Бонне-Дювердье и другимъ. Присутствіе «диктатора» не помѣшало, однако же, принять участіе въ народномъ празднествѣ ни Тони Ревильону, анти-гамбеттистскому депутату второго отдѣла 20-го парижскаго округа, ни пламенному поэту Кловису Гюгу, ни, наконецъ, Клемансо и его сотруднику, Камиллю Неллетану.

Бальная зала Elysée Monmartre была роскошно убрана и украшена цвѣтами. Приглашенныхъ было, по крайней мѣрѣ, 1,500 человѣкъ. Синдикальная палата французскихъ кочегаровъ, персоналъ служащихъ при поѣздахъ, англійскія и бельгійскія делегаціи явились съ музыкой во главѣ. Ихъ встрѣтили также музыкой, звуки которой слились съ «Марсельезой», «Брабансонной» и God save the queen! делегацій. Появленіе Гризеля привѣтствовали тріумфальнымъ маршемъ, а между первымъ и вторымъ блюдомъ была исполнена музыкальная пьеса, вызвавшая восторгъ спеціалистовъ желѣзнодорожнаго дѣла: въ этой пьесѣ оркестръ подражаетъ свисткамъ, пыхтѣнью паровика, стуку колесъ и электрическимъ звонкамъ. Въ музыкальномъ отношеніи это произведеніе порядочная какофонія, но оно заставило биться сердца желѣзнорожниковъ и было, по ихъ требованію, повторено.

Наконецъ, поданъ былъ дессертъ. Президентъ Викторъ Гюго поднялся съ своего мѣста, и, пожавъ руку старику Гризелю, поднесъ ему бюстъ республики; затѣмъ, произнесъ очень коротенькую рѣчь, въ которой констатировалъ, что республика обязана была наградить этого рабочаго, и въ лицѣ его 200,000 желѣзнодорожныхъ труженниковъ Франціи. Виновникъ торжества отвѣчалъ именно такъ, какъ слѣдовало: онъ указалъ на героизмъ юнаго товарища своего Лаверня, который погибъ, но спасъ старшаго кочегара и цѣлый поѣздъ, на другого товарища, по имени Буало, тѣло котораго было найдено во время наводненія съ рукою, судорожно сжимавшей регуляторъ, и т. д. «Честь и слава безвѣстнымъ героямъ», заключилъ свою рѣчь Гризель: кто-то изъ депутатовъ назвалъ насъ людьми, отлитыми изъ бронзы; но я ручаюсь вамъ, что подъ этой бронзой нерѣдко бьется сердце, способное пожертвовать собою для родины!»

Бывшій каменьщикъ Надо, состоящій депутатомъ въ 1848 года, произнесъ длинную рѣчь, въ которой замѣтилъ, между прочимъ, что министерство Гамбетты было первымъ, наградившимъ орденомъ Почетнаго Легіона простого рабочаго. На это Клонисъ Гюгъ рѣзко отвѣчалъ, что «сюда пришли не для того, чтобы присутствовать на гамбеттистской демонстраціи». Непримиримые, окружавшіе поэта, поддержали это заявленіе и стали шумѣть. Нѣсколько кочегаровъ бросилось на группу безпокойныхъ людей съ намѣреніемъ вытолкать ихъ за двери. Кто-то догадался велѣть музыкантамъ играть «Марсельезу» и всѣ успокоились, а затѣмъ Гамбетта произнесъ самымъ громкимъ своимъ голосомъ рѣчь, въ которой проповѣдывалъ о необходимости мира и согласія на этомъ республиканскомъ праздникѣ труда, мужества и честности. Онъ слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ цѣль, къ которой должны стремиться всѣ истинные республиканцы: «довершеніе колоссальнаго дѣла 1789 года,- окончательное осуществленіе французской революціи».

Въ ту минуту, когда блестящій импровизаторъ началъ развивать пресловутое положеніе свое о томъ, что *соціальный вопросъ* не существуетъ, а имѣются только различные *соціальные вопросы*, въ залѣ послышался ропотъ, но онъ заглушенъ былъ всеобщимъ восторгомъ, встрѣтившимъ поднесеніе Гризелю эксъ-министромъ Рэйналемъ усѣяннаго бриллiантами кавалерскаго креста Почетнаго Легіона.

Банкетъ 10-го мая, нѣкоторымъ образомъ послужилъ къ возвращенію популярности Гамбеттѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ вызвать въ средѣ правой и крайней лѣвой, главнѣйшее желаніе придраться къ первому удобному поводу, чтобы выставить эксъ-диктатора въ возможно неблагопріятномъ свѣтѣ. Этимъ поводомъ явился злополучный бюджетъ 1870 года, который до сихъ поръ не приведенъ былъ въ окончальный порядокъ. Этотъ бюджетъ обсуждался палатой въ 1875 и въ 1877 годахъ и, наконецъ, занесенъ былъ на очередной порядокъ засѣданія 20-го мая 1882 года. Цѣлыя толпы любопытныхъ направились къ Бурбонскому дворцу и наполнили трибуны въ ожиданіи, что воинственный Поль де-Кассаньякъ, лишенный возможности отомстить за своего седанскаго героя, выместить зло на эксъ-диктаторѣ, потребовавъ у него отчета въ тѣхъ 48 милліонахъ, въ которые обошелся моргановскій заемъ, а также спросивъ у него и объ источникахъ состоянія, которымъ Гамбетта пользуется въ настоящее время. Полагали, что бонапартистскія обвиненія встрѣтятъ поддержку въ крайней лѣвой, и такимъ образомъ получится чудовищный скандалъ.

Но этимъ ожиданіямъ не суждено было сбыться. Кассаньякъ не явился на засѣданіе, изъ опасенія быть удаленнымъ изъ залы, такъ какъ парламентскій регламентъ не дозволяетъ запросовъ депутатовъ другъ другу.

Къ тому же, онъ сообразилъ, что едва ли нашелся бы хоть

одинъ непримиримый, который протянулъ бы ему руку въ видахъ возстановланія имперіи, такъ что единственнымъ результатомъ его стараній явилось бы возстановленіе единства республиканскаго большинства. Кассаньякъ сообразилъ все это и воздержался, а вмѣсто его краснорѣчія публикѣ пришлось удовлетвориться многорѣчивымъ резюме отчета предсѣдателя комиссіи Байго, а также и отчетовъ предыдущихъ комиссій. Докладчикъ обратилъ въ особенности вниманіе палаты на необходимость изданія законовъ, которые сдѣлали бы отвѣтственность министровъ дѣйствительною, а не призрачною, какою она до былъ сихъ поръ. Министръ, генералъ Бильо, обѣщалъ, что впредь повѣрка дѣйствительнаго состава войскъ будетъ производиться серьёзно, такъ, чтобы примѣръ «ужаснаго года» не пропалъ даромъ, и чтобы Франція не была поставлена, какъ тогда, въ необходимость дѣйствовать на удачу и не досчитываться подъ своими знаменами людей, за содержаніе которыхъ она платила. Въ ту минуту, когда послѣдній изъ Наполеоновъ безумно направлялъ «въ Берлинъ» французскую армію, не досчитались 53,821 человѣка солдатъ!..

Техническая сторона отчета г. Байго была одобрена, причемъ не было сдѣлано ни малѣйшаго возраженія. На бонапартистскихъ скамьяхъ занесли нѣсколько замѣтокъ, но Жанвье дела-Моттъ положилъ ихъ въ карманъ и счелъ за лучшее промолчать. Статьи, въ которыхъ окончательно установлялись расходы національнаго бѣдствія, были утверждены большинствомъ 390 голосовъ противъ 59.

Однако, и послѣ этого засѣданія, въ печати, и въ особенности бонапартистской, не переставали взводить на бордосскаго и турскаго диктатора неблаговидныя обвиненія, относившіяся ко времени національной обороны. Лигитимистскій «Clairon» и бонапартистскій «Pays» продолжали ставить слѣдующій вопросъ: «Намъ извѣстно, въ чемъ заключается заемъ, сдѣланный у Моргана. Гамбетта занялъ 250 милліоновъ, изъ которыхъ только 202 вошло въ государственное казначейство. Слѣдовательно, осталось 48 милліоновъ, употребленіе которыхъ не было разъяснено Гамбеттой. Куда же дѣвались эти деньги?» «République Française» поспѣшила отвѣтить на это, посмѣявшись надъ «клеветниками, которые выказываютъ такое ребяческое невѣдѣніе въ дѣлѣ государственныхъ займовъ» и въ одной изъ передовыхъ статей своихъ изложила во всѣхъ подробностяхъ исторію моргановскаго займа. Изъ этого изложенія видно, что «представители національной обороны» призывали на совѣтъ администраторовъ французскаго банка, что эти послѣдніе совѣтовали заключить заемъ по 9 %, но агенты Національной обороны выказали необыкновенную ловкость и имъ удалось заключить заемъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, а именно по 7 ф. 42 с. % и притомъ не слѣдуетъ забывать, что это происходило 25-го октября 1870 г. въ моментъ сдачи Меца, т. е. въ самое тяжелое для Франціи время. Сумма займа равнялась 202,024,770 мил-

ліонамъ. Только-что указанный процентъ (7,42) считался по вычетѣ всѣхъ комиссіонныхъ расходовъ. Извѣстно, что Тьеръ, реализируя свой первый 2 милліардный заемъ, послѣ заключенія мира и усмиренія возстанія, 27-го іюня 1871 г. успѣлъ заключить его только 1 фр. 13 с. % ниже моргановскаго займа; даже въ 1872 г. для втораго, 3 милліарднаго займа, Тьеру удалось устроить его только на 1 ф. 36 ниже таксы моргановскаго займа. Комиссія по этому послѣднему равнялась 5,321,485 фр. Тьеръ же долженъ былъ заплатить за 2 милліарда 82 милліона комиссіи. Моргановскій заемъ былъ сдѣланъ облигаціями по 500 фр. каждая, *номинальной* стоимостью. Биржевая же цѣна ихъ равнялась 403,75, а слѣдовательно, цифра 250 милліоновъ была только номинальная; *дѣйствительная* же равнялась именно 202,024,770 фр. Что касается 48 милліонной разности, то отчета въ ней нельзя спрашивать у Гамбетты, точно такъ же, какъ никому не приходило въ голову спрашивать отчета у Тьера въ 550 милліонахъ мнимой разности по первому займу въ 2 милліарда».

Странно только, что «République Française» опустила сослаться на всѣмъ извѣстный фактъ финансовой комиссіи, назначенной съ самаго начала открытія бордосскаго національнаго собранія и имѣвшей цѣлью провѣрку денежныхъ операцій побѣжденнаго диктатора. Эта комиссія призвала г. Лорье, который велъ дѣло моргановскаго займа, и, выслушавъ его показанія, нашла, что операція ведена вполнѣ удовлетворительно. Неужели можно забыть такое вѣское доказательство правоты своего господина?..

Относительно египетскихъ дѣлъ Фрейсинэ придерживается гамбеттовскаго плана. Извѣстно, что еще въ январѣ Гамбетта находилъ нужнымъ произвести морскую демонстрацію. Гамбеттисты, само собою разумѣется, увѣряютъ, что еслибы она была приведена въ исполненіе нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, то успѣхъ былъ бы полный.

Вопросъ о египетскихъ дѣлахъ былъ возбужденъ 11-го мая радикальнымъ депутатомъ Вилльнёвомъ, который спросилъ съ трибуны правительство, намѣрено ли оно «слѣдовать традиціонной французской политикѣ, основаніе которой положено въ 1840 г. и препятствовать во что бы то ни стало вмѣшательству Турціи въ борьбу между Араби-беемъ, хедивомъ Тевфикомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ и если французское вліяніе ослабѣетъ въ Египтѣ, серьёзная опасность будетъ грозить со стороны мусульманскаго фанатизма и протекторату въ Тунисѣ, и алжирскому господству Франціи». Президентъ совѣта отвѣчалъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ заявленіемъ: «Да, мы намѣрены сохранить за Франціей справедливо-привилегированное положеніе, которымъ она пользуется въ Египтѣ... Мы стоимъ также за поддержаніе независимости Египта, въ томъ видѣ, въ какомъ установили его султанскіе фирманы, которыхъ добились европейскія державы... Наше согласіе съ Англіей всегда было полное. Мы воспол-

зуемся также путемъ европейскаго концерта; когда событія принимаютъ такой серьёзный характеръ, что могутъ повліять на этотъ концертъ, мы полагаемъ, что было бы неблагоразумно принимать рѣшенія помимо его; мы готовы на соглашеніе съ Европой, относительно египетскаго вопроса, точно такъ же, какъ не уклонялись отъ этого соглашенія и въ восточномъ вопросѣ. Впрочемъ, державы единодушно признаютъ, что положеніе Франціи и Англіи въ Египтѣ справедливо-преобладающее; онѣ не сдѣлаютъ ни малѣйшаго затрудненія и предоставятъ руководительство той политикѣ, которая должна преобладать тамъ въ европейскомъ интересѣ. Мы находимся въ полномъ соглашеніи съ палатой, сознаемъ требованія страны и долгъ свой; можно быть увѣреннымъ, что наши дѣйствія будутъ на высотѣ положенія, и мы заранѣе принимаемъ на себя за нихъ отвѣтственность». Вилльнёвъ объявилъ себя удовлетвореннымъ этимъ объясненіемъ, на чтò палата, въ свою очередь, отвѣтила громкими рукоплесканіями.

Четыре дня спустя, 15-го мая изъ французскаго и англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ было препровождено слѣдующее сообщеніе, которое маркизъ де-Ноайль и лордъ Дуфферинъ, должны были вручить Портѣ: «Вслѣдствіе послѣднихъ событій въ Египтѣ, правительства Франціи и Англіи рѣшили послать въ Александрію эскадру, которая, въ настоящее время и собирается у о. Крита, въ Судской бухтѣ. Въ видахъ избѣжанія усложненія дѣлъ необходимо, чтобы турецкое правительство воздержалось отъ всякаго вмѣшательства и посредничества въ Египтѣ. Было бы желательнò дать замѣтить султану въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, что весьма возможно предъявленіе впослѣдствіи и другихъ предложеній Портѣ.» По обыкновенію своему, Порта не преминула отвѣтить на это циркуляромъ, въ которомъ напомнила, что хедивъ есть вассалъ султана и что Франція и Англія напрасно желаютъ рѣшать дѣло сами, между тѣмъ какъ гораздо привольнѣе бѣло бы обратиться къ естественному третейскому судьѣ въ этомъ столкновеніи, т. е. султану, который и взялъ бы на себя внушить, что слѣдуетъ, своему вассалу или министрамъ. Въ тоже время къ берегамъ Крита въ Судскую бухту былъ препровожденъ оттоманскій адмиралъ. Но онъ тамъ и остался, а французскій и англійскій адмиралы отплыли къ Александріи, гдѣ и были приняты съ надлежащими почестями и мирными артиллерійскими салютами.

Впрочемъ угроза морской демонстраціей и отказъ палаты нотаблей повиноваться противозаконному созванію Араби-бея весьма комическимъ образомъ привели конфликтъ ко всеобщему примиренію, благодаря посредничеству французскаго и англійскаго консуловъ. Но два дня спустя, 27-го, когда убѣдились въ отсутствіи десанта на англо-французской эскадрѣ, оказалось невозможнымъ сформировать новый кабинетъ Шерифа-паши. Военные начальники собрались и объявили, что не принимаютъ

англо-французскаго ультиматума и признають авторитеть одного султана. Сами нотабли, на духъ умѣренности которыхъ разсчитывала западная дипломатія, увлеклись до того, что препроводили въ Константинополь петицію о низложеніи хедива. Они послѣдовали за улемами и полковниками во дворецъ злополучнаго Тевфика, который, въ виду немедленнаго низложенія и заключенія въ тюрьму и по совѣту англійскаго консула, согласился возвратить постъ военнаго министра Араби-пашѣ. Съ 30-го мая этотъ человѣкъ господствуетъ. Онъ обращается къ турецкому правительству и распространяемыя имъ петиціи, въ которыхъ требуется удаленіе эскадры, консуловъ и замѣщеніе Тевфика меньшимъ сыномъ Мехмета-Али Халимомъ, проживающимъ въ Константинополѣ, подписываются мусульманскимъ населеніемъ. Англіи, повидимому, не особенно непріятно возвращеніе турецкаго вліянія въ Египтѣ. Лондонская печать заранѣе подготовляла къ миссіи и даже оттоманской экспедиціи. Не легко было примириться съ этимъ Фрейсинэ послѣ сдѣланнаго имъ въ палатѣ торжественнаго заявленія. Министръ отложилъ свои разъясненія до 1-го іюня, надѣясь до тѣхъ поръ добиться отъ гладстоновскаго кабинета чего-нибудь такого, что могло бы, до нѣкоторой степени, смягчить для парламента и французской публики горечь возстановленія мусульманскаго престижа въ Египтѣ.

Въ Тунисскихъ владѣніяхъ, несмотря на то, что еще существуетъ нѣсколько мятежныхъ племенъ, положеніе дѣлъ продолжаетъ улучшаться. Новый министръ-резидентъ Камбонъ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ европейской колоніей и съ беемъ. Морская прогулка средиземной эскадры, подъ командою адмирала Кранца пришедшей въ Ла-Гулетту, подала поводъ къ разнымъ празднествамъ, которыя приводили въ восторгъ мусульманское населеніе, и въ которыхъ приняли участіе итальянскій и германскій консулы. Послѣдній прежде всѣхъ торжественно призналъ французскій протекторатъ. Въ ближайшемъ будущемъ приступятъ къ преобразованіямъ, основанія для которыхъ были установлены двумя проэктами, выработанными министерствами военнымъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія. Всѣ эти проэкты повергнуты на разсмотрѣніе палаты, такъ какъ проведеніе ихъ потребуетъ ассигнованій. Въ Алжиріи, дней 15 спустя послѣ взятія 7 апрѣля лагеря Бу-Амемы, по ту сторону Фигуига, мятежники застали врасплохъ топографическую рекогносцировку, но были храбро отбиты двумя ротами иностраннаго легіона, подъ начальствомъ г. де Кастри. Это блестящее дѣло, происходившее у Шоттъ де Тигри было дополнено въ половинѣ мая колоннами Негріэ и Мармэ, которыя, заставъ арабовъ на окраинѣ пустыни, отбили у нихъ вмѣстѣ съ 200 палатками и стадами весь ихъ обозъ, захваченный ими у миссіи Кастри. Изъ запроса, сдѣланнаго 4-го мая въ палатѣ пиринейскимъ депутатомъ Тэно (редакторомъ-издателемъ бордосской газеты «La Gironde») выясни-

лось, что французскія власти зорко слѣдятъ за фигуигскимъ оазисомъ, центромъ снабженія провіантомъ мятежныхъ шаекъ и, что мароккскій султанъ принужденъ былъ содѣйствовать усмиренію кочевниковъ, предоставляя полную свободу операцій французско-алжирскимъ войскамъ въ той неопредѣленной мѣстности, чрезъ которую, до сихъ поръ, невозможно было провести демаркаціонной линіи между Марокскими и Алжирскими владѣніями.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ французскій офицеръ по имени Рудэръ предлагалъ образовать на югъ отъ Алжирскихъ и Тунисскихъ владѣній, внутреннее море, въ семнадцать разъ превышающее размѣры Женевскаго озера и питаемаго водами средиземнаго моря, посредствомъ канала въ 240 километровъ. Вслѣдствіе доклада Фрейсинэ, президентъ республики издалъ декретъ о назначеніи внѣпарламентской комиссіи, въ которой будутъ засѣдать депутаты, представители отъ министерствъ: финансовъ, иностранныхъ дѣлъ, военнаго, морского и общественныхъ работъ, а также отъ алжирскаго правительства, академіи наукъ, обсерваторіи и инженернаго вѣдомства. Комиссія должна изучить проэктъ съ точки зрѣнія 1° практическихъ средствъ его примѣненія, 2° физическихъ, экономическихъ и политическихъ послѣдствій его и 3° условій, на которыхъ можетъ быть дана концессія на это предпріятіе частной промышленности. А пока сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, прокладываемыхъ по направленію къ пустынѣ, подвигается впередъ, и оканчиваются изслѣдованія, необходимыя для проведенія рельсоваго пути чрезъ Сахару.

Овладѣніе Африкой для европейской цивилизаціи должно имѣть громадное значеніе для населенія европейскаго континента вообще и латинской расы въ особенности, такъ какъ откроетъ новыя страны для избытка европейскаго населенія и дальнѣйшаго его развитія. Послѣдняя перепись показала во Франціи, если не уменьшеніе то, по крайней мѣрѣ, застой въ приращеніи населенія.

Событія въ Египтѣ тѣмъ болѣе прискорбны, что все шло хорошо въ остальной части сѣверной Африки, а теперь можно сказать, что настоящее поколеблено, а въ будущемъ грозитъ рядъ опасностей, весьма выгодныхъ для Германіи, которая, въ настоящемъ случаѣ, прячется за спину турецкаго правительства.

II.

Парламентъ и академія.—Первое вотированіе закона о разводѣ въ палатѣ депутатовъ.—Утвержденіе сенатомъ торговыхъ договоровъ.—Преобразованіе судебнаго слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ.—Законъ о высылкѣ иностранцевъ.—Подготовляемыя реформы.—Проэкты децентрализаціи министра Гобла.—Якобинская оппозиція этимъ проэктамъ.—ЛеонъСэ и его мнимый выходъ въ отставку.—Принятіе во французскую академію Шербюлье.—Post scriptum.

Интересы приращенія населенія естественно заставляютъ насъ вернуться изъ Африки во Францію, а именно къ вопросу о раз-

водѣ, снова поднятому въ нынѣшнюю законодательную сессію упорнымъ Альфредомъ Накѐ, несмотря на испытанную ранѣе неудачу. Послѣ краткихъ преній между однимъ клерикаломъ-роялистомъ и эксъ-министромъ Марсеромъ — 333 депутата противъ 122-хъ высказались за принципъ. Нѣсколько предложеній объ измѣненіи было внесено во время обсужденія статей и, наконецъ, по совокупности проэкта высказалось въ его пользу 327 голосовъ противъ 119. По всей вѣроятности, законъ пройдетъ и въ сенатѣ, такъ какъ этотъ послѣдній, если и не можетъ быть названъ радикальнымъ, то, во всякомъ случаѣ, либераленъ и имѣетъ республиканскій составъ. Еще въ текущемъ мѣсяцѣ онъ утвердилъ торговые договоры, несмотря на послѣднія усилія протекціонистовъ. Онъ остается также глухъ ко всѣмъ требованіямъ и заявленіямъ клерикаловъ. Вопреки оппозиціи имперіалистскихъ чиновниковъ и всѣхъ возстановителей старыхъ порядковъ, онъ подготовляетъ серьёзную реформу судебно-уголовнаго слѣдствія, по которой обвиняемый будетъ пользоваться съ самаго начала помощью адвоката и не будетъ, какъ прежде (со временъ имперіи), отданъ во власть допросовъ и очныхъ ставокъ, причемъ судебный слѣдователь, въ силу самой своей функціи старается, во что-бы то ни стало, вырвать сознаніе, видя въ каждомъ подсудимомъ преступника.

Въ началѣ будущаго мѣсяца будетъ обсуждаться палатой проэктъ закона, ограничивающаго легкость высылки иностранцевъ за предѣлы Франціи. Отмѣна закона 1849 г., который, какъ извѣстно, лишаетъ французское правительство всякой возможности противиться требованіямъ иностранныхъ полицій, была предложена непримиримыми, чрезъ посредство Тони Ревильона и Камилля Пеллетана, которые требовали безусловнаго права убѣжища для иностранцевъ и уравненія ихъ съ французами въ дѣлѣ обезпеченія личной свободы. Но предложеніе было отвергнуто, такъ какъ на его сторонѣ оказалось только 125 голосовъ противъ 312. Не приняли также и предложенія Накэ, по которому законъ 1849 г. долженъ примѣняться только въ военное время.

Предѣлы этого письма не дозволяютъ перечислить всѣ интересные проэкты, которые проходили въ первомъ чтеніи и тѣ, которые вырабатываются въ комиссіяхъ. Ихъ не менѣе ста; изъ нихъ не болѣе десяти могутъ разсчитывать на осуществленіе въ нынѣшнемъ и слѣдующихъ годахъ. Но и на это можно бы не сѣтовать, еслибы были проведены реформы, имѣющія существенное значеніе для республики, каковы: назначеніе равнаго для всѣхъ трехлѣтняго срока военной службы, окончательное устраненіе клерикальной заразы на всѣхъ ступеняхъ народнаго образованія и установленіе послѣдняго на раціональныхъ основаніяхъ, судебная реформа въ смыслѣ превращенія нынѣшнихъ судовъ въ дѣйствительно демократическія учрежденія, устрой-

ство отношеній между церковью и государствомъ, ихъ отдѣленіе другъ отъ друга и полная религіозная свобода и т. д.

Всего болѣе, повидимому, подвинута именно та реформа, которую министерство Гамбетты ставило на заднемъ планѣ; а именно административная децентрализація, имѣющая въ виду постепенную эмансипацію мѣстныхъ группъ и ограниченіе цезаристскаго или якобинскаго вліянія представителей центральной власти, мэровъ, назначаемыхъ главою государства, подпрефектовъ и префектовъ.

Въ предъидущіе мѣсяцы мы видѣли проведеніе и примѣненіе двухъ освободительно-муниципальныхъ законовъ: одного — противъ наиболѣе достаточныхъ жителей, которые нѣкогда могли самымъ аристократическимъ образомъ навязывать свои мнѣнія выборнымъ муниципальнымъ совѣтникамъ при устройствѣ общинныхъ дѣлъ; другого — возращающаго крупнымъ центрамъ право избранія мэровъ, которымъ уже пользуются мѣстечки и села. Послѣдствія, какъ это легко было предвидѣть, не могли назваться благопріятными въ политическомъ смыслѣ. Въ западныхъ департаментахъ, во многихъ городахъ вмѣсто назначенныхъ префектами республиканскихъ мэровъ были выбраны монархическо-клерикальные. Тѣмъ не менѣе министръ внутреннихъ дѣлъ Гоблэ продолжалъ настойчиво проводить свой планъ. За послѣдніе дни онъ представилъ сложный проэктъ учрежденія кантональныхъ совѣтовъ, который, если только пройдетъ въ палатѣ и сенатѣ, поведетъ къ полной метаморфозѣ французской администраціи. Но проэктъ встрѣтилъ энергическій отпоръ со стороны гамбеттистской группы, и въ сенатѣ, въ средѣ лѣвыхъ, переполненныхъ старыми республиканцами 1848 г., свято хранящими якобинскія традиціи. Президенты: республиканскаго союза и сената, вслѣдствіе обращенныхъ къ нимъ ходатайствъ, просили Фрейсине умѣрить рвеніе децентрализатора, т. е. Гоблэ, но полагаютъ, что президентъ совѣта министровъ едва ли исполнитъ это желаніе, такъ какъ иначе ему рѣшительно нѣчѣмъ было бы характеризировать свое министерство и пришлось бы, можетъ быть, уступить мѣсто Гамбеттѣ.

Довольно комическаго свойства скандалъ, вполнѣ характеризующій неурядицу нынѣшняго положенія дѣлъ, произошелъ 22-го—23-го мая. Комиссія почина (commission d'initiative), докладчикомъ которой состоитъ г. Миръ (Mir), предлагала принятіе къ свѣдѣнію различныхъ предложеній, касающихся преобразованія налога на напитки и уничтоженія таможенъ, т. е. двухъ реформъ, которыя вотъ уже полвѣка значатся во всѣхъ программахъ французской демократіи. Министръ финансовъ вышелъ изъ себя и два раза говорилъ противъ этихъ реформъ. Тѣмъ не мѣнѣе, большинствомъ 271 голоса противъ 151 палата рѣшила принять къ свѣдѣнію означенныя предложенія и назначить спеціальную комиссію изъ 22 членовъ для ихъ изученія и обсужденія. Немедленно послѣ того Леонъ Сэ вышелъ изъ

Бурбонскаго дворца, объявивъ, что отправляется редактировать прошеніе объ отставкѣ. Президентъ совѣта бросился къ нему и старался успокоить, но напрасно. Приглашенный на слѣдующее утро явиться въ Елисейскій дворецъ, Сэ согласился присутствовать на совѣтѣ министровъ, по просьбѣ президента республики. Товарищи умоляли его не смѣшивать изслѣдованіе преобразованій, имѣющихся въ виду въ будущемъ, съ порицаніемъ его настоящей финансовой системы. Послали докладчика объясняться съ министромъ, который согласился отправиться въ бюджетную комиссію для переговоровъ. Между тѣмъ, въ то время какъ посредники-примирители уговаривали вчерашнее большинство и побуждали нѣкоторыхъ изъ его членовъ отправиться къ Сэ и заявить ему, что они, вѣрнѣйшіе друзья министра финансовъ, готовые отстаивать его смѣту во что бы то ни стало — въ коридорахъ палаты загорѣлась жестокая ссора между директоромъ министерства финансовъ Паллэномъ и секретаремъ Вильсона, Дрейфюсомъ. Первый обвинялъ второго въ томъ, что онъ внушаетъ статьи, направленныя противъ Леона Сэ, въ газетѣ «Lanterne». Выбрали свидѣтелей, даже третейскаго судью — Анатоля де-Лафоржа, который объявилъ, что не видитъ возможности опредѣлить, кто именно долженъ считать себя оскорбленнымъ. Бросили жребій для назначенія рода оружія и 24 часа спустя, поѣхали въ Мёдонскій лѣсъ поцарапать другъ друга шпагами. Однако, въ самомъ концѣ засѣданія 23-го числа, докладчикъ, т. е. г. Миръ предложилъ образовать комиссію по питейному вопросу. Предсѣдатель бюджетной комиссіи, Вильсонъ, объявилъ на это, что необходимо ограничить полномочія новой комиссіи въ такомъ смыслѣ, чтобы никакія несвоевременныя рѣшенія ея не могли помѣшать выработкѣ сметы на 1883 г. Локруа. отъ имени меньшинства бюджетной комиссіи, отвергъ за своимъ предсѣдателемъ право вмѣшательства въ вопросъ политическаго свойства. «Вопросъ сталъ на политическую почву, прекрасно, поспѣшилъ замѣтить Леонъ Сэ: — слѣдовательно палата должна рѣшить: желаетъ она или нѣтъ, чтобы я остался министромъ финансовъ, въ видахъ выполненія программы ей извѣстной». Сади-Карно, находя что инцидентъ превращается въ запросъ, предложилъ мотивированный очередной порядокъ, который, по мнѣнію Клемансо, недостаточно ясенъ. Депутатъ Алико явился на помощь къ Миру и упростилъ предложеніе объ очередномъ порядкѣ Карно. Осталось только заставить палату объявить, что она «довѣряетъ министру финансовъ». Само собою разумѣется, что такая формула пришлась болѣе по вкусу Леону Сэ и была принята 294 голосами противъ 36 изъ 329 вотировавшихъ. Около 200 депутатовъ воздержалось отъ подачи голоса, въ томъ числѣ Гамбетта, бывшіе товарищи его по министерству и бо̀льшая часть членовъ республиканскаго союза. Послѣ возстановленія, такимъ образомъ, министра финансовъ на его посту, министръ-президентъ заболѣлъ и принужденъ былъ не выходить

изъ дома. Преемникъ Леона Сэ былъ уже пріисканъ, а именно: или Варруа съ тѣмъ, чтобы министерство общественныхъ работъ перешло къ Сади-Карно, или Кристофль, директоръ общества поземельнаго кредита. Имѣются наготовѣ преемники и для Гоблэ (министра внутреннихъ дѣлъ) и для Гюмбера (юстиціи) на случай, еслибы они потерпѣли крушеніе, вслѣдствіе сильно выраженной враждебности гамбеттистовъ.

25-го мая происходилъ торжественный пріемъ во французскую академію извѣстнаго критика и романиста «Bibliothéque Universelle» и «Revue des deux mondes» Шербюлье, швейцарца родомъ, сдѣлавшагося французомъ, благодаря закону 1790 года о потомкахъ протестантовъ, бывшихъ жертвами отмѣны Нантскаго эдикта. Не болѣе двухъ лѣтъ прошло послѣ натурализаціи Шербюлье, а онъ уже занялъ мѣсто покойнаго Дюфора въ академіи. Обычная «характеристика предшественника» была сдѣлана новымъ академикомъ съ большимъ талантомъ. Говоря о политической дѣятельности «стараго кабана», онъ назвалъ его «второстепеннымъ политическимъ дѣятелемъ», повторяя, впрочемъ, собственное опредѣленіе и выраженіе Дюфора. Весьма трогательно было описаніе частной жизни и добрыхъ личныхъ свойствъ сварливѣйшаго изъ парламентаристовъ. Отвѣчая Шербюлье, Ренанъ воспользовался случаемъ покадить орлеанистамъ, прославивъ благороднаго принца, сдѣлавшагося гражданиномъ и солдатомъ великой страны, основанной и утвержденной его предками цѣлыми вѣками благоразумія и искуства. Заканчивая свою рѣчь, «аристократически салонный атеистъ» сказалъ нѣсколько слезливыхъ словъ о пользѣ исчезающихъ старыхъ догматовъ, позлословилъ о всеобщей подачѣ голосовъ, которая «выдвигаетъ слишкомъ много посредственностей и все рѣже и рѣже ставитъ на надлежащее мѣсто выдающихся людей», потужилъ по поводу недостаточнаго блеска, озаряющаго Францію въ настоящую минуту и кончилъ надеждой, что ему и въ особенности юнѣйшему изъ товарищей, т. е. Шербюлье придется увидѣть родину въ иныхъ, болѣе соотвѣтствующихъ ея славному прошлому, условіяхъ: «ненависть и вражда умолкнутъ, сказалъ онъ:—горизонтъ развернется снова широкой полосой, тѣни жертвъ успокоятся, слава упрочится, и мы увидимъ Францію такою, какой была она въ лучшіе дни, сильной, умѣренной, разумной, поднимающей покинутое знамя либеральнаго прогресса, не утратившей своей безкорыстной преданности служенію истинѣ и добру, но умудренной опытомъ и внимательно избѣгающей нѣкоторыхъ заблужденій, въ которыя ввели ее сколько собственные недостатки, столько и, быть можетъ, еще болѣе, обманчивая снисходительность свѣта». На этотъ разъ рѣчь Ренана не имѣла того успѣха, который заслужила другая его рѣчь, произнесенная по случаю принятія въ академію Пастѣра, и о которой я упоминалъ въ свое время. Намеки на орлеанистовъ, которыми была она усѣяна, сильно задѣвали роялистовъ, но были едва замѣчены республиканцами.

Эти послѣдніе не могутъ относиться серьёзно къ виртуозу скептицизма, а герцогъ де-Брольи не располагаетъ уже количествомъ голосовъ достаточнымъ для того, чтобы Жюль Симонъ могъ выставить кандидатуру Ренана на сенаторскую несмѣняемость. Демократія, которую не понимаетъ Ренанъ, но которая понимаетъ его, оставитъ его угаснуть среди «безсмертности» сорока членовъ французской академіи.

Post scriptum. Въ воскресенье, 28-го, на кладбищѣ Père Lachaise происходила коммуналистская демонстрація. Общая могила, въ которой погребена цѣлая масса разстрѣлянныхъ въ маѣ 1871 г., была засыпана вѣнками. Собралось нѣсколько сотъ человѣкъ и произнесено было восемнадцать рѣчей самаго рѣзкаго свойства. Порядокъ не былъ, однако же, нарушенъ полиціей, и все обошлось благополучно.

Не столь благополучно обошлось дѣло наканунѣ, 27-го, когда полиція вмѣшалась въ ссору между студентами латинскаго квартала и т. н. «souteneurs de filles», которые вотъ уже въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ вытѣсняютъ студентовъ изъ Люксамбургскаго сада, разныхъ кафе, залъ bal Bullier и тому подобныхъ увеселительный заведеній. Полицейскіе агенты, желая отомстить за товарища, брошеннаго въ бассейнъ люксамбургскаго сада вмѣстѣ съ боченкомъ соленаго крыжовника, предались въ кафе и brasseries'яхъ насиліямъ, напомнившимъ времена имперіи. Депутація учащейся молодежи обратилась къ префекту полиціи Камескассу, бывшему заступникомъ студентовъ еще до 1870 г., когда имъ приходилось подвергаться неистовствамъ пресловутаго Піэтри. Камескассъ побесѣдовалъ съ ними весьма дружелюбно, получилъ отъ нихъ обѣщаніе содѣйствовать возстановленію порядка и обѣщалъ, что вмѣсто полиціи, порядокъ въ залѣ bal Bullier будетъ охраняться республиканской гвардіей. Судъ исправительной полиціи не рѣшился обвинить огульно всѣхъ молодыхъ людей, которые должны были явиться на него. Адвокаты Гатино и Делаттръ, взявшіеся защищать ихъ, выхлопотали отсрочку, чтобы успѣть собрать до тѣхъ поръ различныя свидѣтельства противъ насилія и провокацій полицейскихъ, а также освободить на поруки всѣхъ обвиняемыхъ.

Между 28-мъ и 30-мъ числомъ произошло столкновеніе въ Ла-Вилльетскомъ предмѣстьѣ между итальянскими и французскими рабочими рафинадныхъ заводовъ Сэ, Лебоди и друг. Даже въ настоящую минуту въ окрестныхъ казармахъ поставлены войска. Французы-рабочіе сдѣлали стачку, требуя прибавки 10 сантимовъ за каждый часъ работы. Они, какъ и въ Марсели, обвиняютъ итальянцевъ за то, что тѣ работаютъ за низшую плату и объявляютъ, что не желаютъ умирать съ голода, по милости иностранцевъ, которые къ тому же приняли вызывающій видъ, что они, французы, не могутъ стерпѣть.

Эти два происшествія дойдутъ до палаты и вызовутъ, вѣроятно, не мало преній. Спѣшу сообщить объ этихъ прискорбныхъ фак-

тахъ, воздерживаясь пока отъ ихъ оцѣнки, но не могу не замѣтить, что это плохіе признаки. Въ былое время рабочіе не были проникнуты духомъ національнаго соперничества и не изъ-за посѣтительницъ публичныхъ баловъ происходили возстанія студентовъ.

III.

Годичная выставка 1882 года.—Скульптура.—Живопись.—Театръ.

Выставка нынѣшняго года хотя и не даетъ ни одного, дѣйствительно, геніальнаго произведенія, но полна прекрасныхъ вещей и блещетъ изумительною технической выработкою, знаменуя побѣду естественнаго надъ условнымъ.

Даже скульптура «натурализуется» въ хорошемъ смыслѣ слова, не теряя, однако же, грандіозности, обязательной для монументальныхъ темъ. Бюсты находящихся въ живыхъ знаменитостей, отличаются болѣе сходствомъ и выразительностью, чѣмъ торжественностью. Таковы бюсты живописцевъ Кабанеля и Бугеро, исполненные ихъ коллегой по институту Полемъ Дюбуа, академика Ожье—скульпторомъ Франчески. Тоже можетъ быть сказано и о бюстахъ умершихъ: Литтре, Делуа, Дюфора—Барріаса, Жюль Фавра—Клода Виньона (г-жа Рувье). Изъ многочисленныхъ женскихъ бюстовъ изъ мрамора, гипса и терракотты наиболѣе граціозными показались мнѣ работы Гиттона, Ле-Бурга и его ученицы г-жи де-Лансей. Извѣстный всему міру иллюстраторъ Густавъ Доре выставилъ огромную бутылку изъ бронзы, подъ заглавіемъ «Виноградная Лоза». По бутылкѣ карабкаются и падаютъ цѣлыя массы маленькихъ амуровъ en face, en trois quarts и спиною, смѣющихся дѣвушекъ и опьянѣвшихъ женщинъ. Все это проникнуто бѣшенымъ весельемъ, граціей и богатою фантазіей. Но гдѣ же тотъ столъ о тысячѣ приборовъ, остроумныхъ пирующихъ, куда можно бы поставить подобное украшеніе?

Статуй великихъ людей, предназначающихся для украшенія площадей, множество; это настоящая манія. Ихъ ставятъ по частнымъ, муниципальнымъ и даже національнымъ подпискамъ. Одинъ герцогъ Омальскій заказалъ себѣ статую Ла-Брюйера Жюлю Томасу, который довольно некстати прибавилъ къ нему бюстъ Теофраста. По поводу первой можно сказать, что достаточно было бы небольшого аттрибута, чтобы напомнить, что авторъ «Philosophe sans le savoir», «Gageure imprivue», «Déserteur» и «Ричарда Львинаго Сердца» началъ свое поприще ремесломъ каменьщика. Но видя ла-Брюйера, сидящимъ на тесаномъ камнѣ и записывающимъ что-то на осколкѣ аспидной доски или клочкѣ бумаги, не запасшіеся каталогомъ посѣти-

тели выставки полагають, что онъ записываетъ размѣры камня или пишетъ хозяину счетъ своей дивной работы. Рабелэ, заказанный Геберомъ изъ бронзы для города Шанона, имѣетъ добродушное лицо, но слишкомъ похожъ на хорошо пообѣдавшаго протестантскаго пастора. Между *Дантономъ*, не помню чьей работы, представляющимъ скорѣе карриватуру на знаменитаго революціонера и *Карно*, отличающагося преувеличенно-высокимъ ростомъ, поставлено четыре статуи Камилла Дюмулена, призывающаго народъ къ оружію для взятія Бастиліи, работы Дюшена, Корню, Дублемара и Каррè-Белёза. Первыя три малодраматичны; послѣдняя, изображающая Дюмулена, стоящимъ на столѣ кофейни, окруженнымъ опрокинутыми стульями, непріятно поражаетъ позой клоуна, приданной великому революціонеру. Ни одна не дастъ намъ этого лица, на которомъ среди одушевленія 14-го іюля 1789 г. можно было бы подмѣтить и остроуміе автора «Lanterne» и нѣжную страсть къ Люсили.

Этьенъ Марсель, этотъ прототипъ доблестныхъ парижскихъ мэровъ, совершенно напрасно изображенъ на конѣ.

Поразительно хороши группы животныхъ; одна—тигры, нападающіе на носорога, другая—левъ, отнимающій кабана у львицы. Обѣ группы исполнены Кэномъ. Очень хороша лошадь даровитаго Фремье, на которой сидитъ малдавскій князь Стефанъ-аль-Маре, командированный для занятія Яссъ.

«*L'Age de fer*», Лансона, въ видѣ двухъ человѣческихъ группъ, изъ которыхъ одна поборола другую, представляетъ изумительный этюдъ мускуловъ и нервовъ. Боюсь бранить изъ опасенія прогнѣвить моихъ новыхъ друзей натуралистовъ, боюсь хвалить, чтобы не огорчить старыхъ пріятелей романтиковъ.

Вполнѣ современенъ «*Торговецъ масками*» Захари Астрюка. Маски изображаютъ Виктора Гюго, Гамбетту, Гуно, Делакруа и т. д.

Отъ Эвъ, Венеръ и Саламбо, моделями для которыхъ слишкомъ очевидно служили современныя «petites dames», мы перейдемъ къ цѣломудренной и прекрасной Аврорѣ Делапланта и Діанѣ Фальгіера. Торсъ и одно изъ бедръ классически прекрасны, но зачѣмъ такое скверное лице? Точно не въ духѣ эта богиня и на что она сердится? На дерзость подсмотрѣвшаго ея прелести, или на то, что онъ оказался недостаточно дерзкимъ?

Неизвѣстный, но не лишенный смѣлости художникъ, Леофанти, далъ горельефъ, внушенный горельефомъ Тріумфальной Арки Рюда и изображающій «Войну». Лошади—какъ живые.

«Безсмертіе» Шапю, сдѣланное имъ для могилы философа-спиритуалиста Жана Рейно, переживетъ, безъ сомнѣнія, своего автора. Эта прекрасная фигура съ протянутыми вверхъ руками и лицемъ, созерцающимъ безконечное. Исполненіе прелестно своею закругленностью и законченностью.

«Оборона Сен-Кантена», группа Барріаса, почти chef d'oeuvre въ своемъ родѣ. Солдатъ, падающій мертвымъ, и ребенокъ, под-

нимающій его оружіе, прекрасно задуманы и выполнены, чтобы выразить невозмутимое спокойствіе побѣжденнаго города, который съ новымъ величіемъ поднимается послѣ бѣдствія и полнымъ довѣрія взоромъ смотритъ въ будущее.

Тѣмъ же одушевленіемъ и тою же силою исполненія отличается «Quand même» («Во что бы то ни стало»), изваянное Антоненомъ Мерсье для города Бельфора. Можно замѣтить только, что фигура Эльзаса нѣсколько тяжела въ своихъ длинныхъ складкахъ и развѣвающихся лентахъ головнаго убора. Но все это искупается защитникомъ города, падающимъ при послѣднемъ усиліи, между тѣмъ, какъ городъ схватываетъ ружье его, готовый продолжать борьбу, «во что бы то ни стало», въ увѣренности, что и тотъ и другой будутъ отомщены тѣми, кто остался въ живыхъ.

Переходя къ отдѣлу живописи, мы, прежде всего, останавливаемся передъ уже извѣстной по картонамъ, большой картиной Пюви де-Шаванна: «*Ludus pro Patria*», заказанной городомъ Амьеномъ. Это довольно блѣдно по краскамъ, и рисунокъ могъ быть красивѣе, но глубоко изучено и импозируетъ величественной простотой. Всеобщей подачей голосовъ живописцевъ-экспонентовъ присуждена была за эту картину первая медаль художнику, работающему исключительно для потомства и чуждаго интересамъ наживы.

Ролль выставилъ громадное полотно: «*Празднованіе 14-го іюня*», которое занимаетъ почти всю стѣну большой залы. Тутъ и дефилирующія съ новыми знаменами войска, и толпа, поющая «Марсельезу», и цѣлый рядъ каретъ, и оркестръ, и гамены, щелкающіе хлопушками и танцующія подъ открытымъ небомъ. Къ сожалѣнію, и какъ это ни странно, дѣйствующія лица совсѣмъ не похожи на парижанъ; такъ во главѣ народной манифестаціи, человѣкъ съ чисто германскимъ типомъ, а толстуха, увлекаемая въ кадриль, совершенная фламандка. Вообще эта картина была бы прекрасна, еслибы имѣла въ виду изображеніе фламандской кермессы... Краски горячи и движенія много.

«Торжествующая Франція» («La France glorieuse») Жакэ неизвѣстно, для чего украшена бѣлымъ султаномъ и хотя и носитъ костюмъ Іоанны Д'Аркъ, но сильно напоминаетъ фигуры, появляющіяся въ апоѳеозахъ патріотическихъ пьесъ.

Для украшенія мэріи XIX-го парижскаго округа Бланшонъ написалъ прекрасную вещь «Déclaration de naissance» (объявленіе о рожденіи), картину изъ обыденной жизни. Для другой мэріи, XIV-го округа Жервэ съ большою силой изобразилъ полунагихъ рабочихъ, разгружающихъ судно на каналѣ для сообщенія углемъ сосѣднихъ заводовъ.

Это можетъ быть названо истинно-демократическою живописью, и нельзя не похвалить парижскій муниципалитетъ за открытіе художникамъ такого плодотворнаго пути. Изъ молодыхъ живописцевъ этого направленія стоитъ упомянуть о Сойе, «Стач-

ка кузнецовъ», которая вполнѣ заслужила присужденную ей вторую медаль, и о Ленгардтѣ съ его «Убійствомъ въ деревнѣ».

Со времени бѣдъ и напастей, обрушившихся на конгрегаціи, плодовитость духовной живописи замѣтно ослабѣла. Въ нынѣшнемъ году выставка имѣетъ весьма мало картинъ религіознаго содержанія. Ультра-свѣтскій Каролюсъ Дюранъ, выставилъ «Положеніе во гробъ Христа», а ультра-восточникъ Бенжаменъ Констанъ взялъ ту же тему. И краски и рисунокъ заслуживаютъ одинаковыхъ похвалъ. Одного недостаетъ этимъ произведеніямъ, именно—убѣжденія.

Авторъ «Легенды св. Женевьевы», привлекающій многочисленную толпу любителей искуства въ Пантеонъ, Жанъ-Поль Лорансъ выставилъ «Максимиліана мексиканскаго». Несчастный императоръ изображенъ въ ту минуту, когда начальникъ отряда, командированный для исполненія надъ нимъ смертнаго приговора, пришелъ вести его на казнь. Максимиліанъ спокоенъ и утѣшаетъ плачущаго на груди его священника и колѣнопреклоненнаго друга, говорящаго ему послѣднее прости. Картина дышетъ грустью, но историческаго въ ней мало, и она могла бы сойти вообще за послѣднія минуты передъ казнью, какого бы то ни было осужденнаго.

Разстрѣливаніе заложниковъ 24-го мая 1871 г. Мотто, очевидно, метило на трагизмъ, но достигло противоположнаго и кромѣ смѣха ничего возбуждать не можетъ. Неудачны также Les Noyades de Nantes (1793) Обера.

Геннеръ задался цѣлью изобразить маленькаго республиканскаго барабанщика, разстрѣляннаго шуанами. Жозефъ Бара̀, взялъ ту же тему, но написалъ маленькаго героя послѣ его казни; онъ лежитъ нагой, выронивъ изъ руки барабанную палочку. Лице мертваго ребенка очень миловидно.

Несмотря на недостатки выполненія, довольно драматиченъ «Вителлій, влекомый толпой» Рошгросса-младшаго.

Хороши, какъ и всегда у Люминэ, древніе галлы; это спеціальность стараго и почтеннаго живописца. На этотъ разъ онъ выставилъ «Женъ галльскихъ воиновъ, пашущихъ вмѣсто мужей и тянущихъ плуги съ энергіей настоящихъ воловъ». Это оригинально и грандіозно.

Пройдемъ мимо «Блуднаго сына» Манжана, мимо «Іисуса у Мароы и Маріи», архаично написанной вещи Бюлоида, отвернемся съ ужасомъ отъ трупа «Inès de Castro» вновь посаженнаго на легендарный тронъ художникомъ Леро, но остановимся передъ большимъ полотномъ Венкера, извѣстнаго портретиста, давшаго на этотъ разъ «Проповѣдь Іоанна Златоуста противъ императрицы Евдокіи», съ пятьюдесятью дѣйствующими лицами.

Въ такихъ же чудовищныхъ размѣрахъ написана аллегорическая картина Дюбюфа-сына, изображающая духовную и свѣтскую музыку. Условность и условность, разведенная розовой водой и размазанная кистью... цирюльника.

Другая аллегорія, менѣе громадная, болѣе солидная, но также очень облизанная, принадлежитъ Бугеро и называется «Сумерки».

Дѣвица Луиза Аббема разрѣзала на четыре части большой кусокъ полотна и помѣстила на каждомъ лоскутѣ по одному «Времени года». Фигуры очень напоминаютъ артистокъ нашихъ маленькихъ театровъ. Фейенъ-Перенъ назвалъ «Опьяненіемъ» прелестнаго маленькаго мальчика, который хохочетъ отъ всего сердца. «Купальщицы», счетомъ три, Геннера, очень ординарны.

Геберъ выставилъ что-то странное и загадочное, озаглавивъ: «Warum?». Таинственная фигура, водящая длинными пальцами по арфѣ, вѣроятно Эоловой, и струны которой просвѣчиваютъ сквозь зелень, не лишена, однако, прелести. Странное и загадочное вообще въ модѣ въ нынѣшнемъ году. Вертгеймеръ также выставилъ странную картину: «Le Baiser de la Sirène». Сирена его обвивается вокругъ пловца и тащитъ его въ воду. Джэмсъ Бертранъ—не менѣе странную «Cigale chantant à la lune»—нагую женщину, сидящую верхомъ на вѣтви дерева. Хорошенькія римлянки, украшающія цвѣтами «Невѣсту» Лефевра взяты изъ Comédie française и чистокровныя парижанки.

Я охотно опускаю цѣлый хороводъ «Нимфъ», «Источниковъ» и голыхъ женщинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя болѣе непристойны, чѣмъ когда-либо.

Бѣдный Жилль, котораго только-что опять посадили въ сумасшедшій домъ, послѣ выхода своего изъ заведенія «Ville Evrard», и предъ тѣмъ, чтобы быть отвезеннымъ въ Шарантонъ, гдѣ находится въ настоящее время, успѣлъ написать потрясающаго своей правдой—«Помѣшаннаго».

Манэ (реалистъ), выставилъ два полотна: молодую женщину, гуляющую среди весенняго пейзажа и на которую никто не обращаетъ вниманія и «Балъ въ Folies Bergères», у котораго постоянно толпится публика. Но какъ ни увѣряютъ нѣкоторые, что продавщица лимонада, тамъ изображенная, и en, и face спиной, очень похожа, трудно дать себѣ отчетъ въ дѣйствіи зеркала, предъ которымъ она стоитъ. Можетъ быть и видно въ немъ что-нибудь, но изъ десяти зрителей только два видятъ, остальные спорятъ о томъ, какъ нужно стать, чтобы что-нибудь видѣть.

Другой реалистъ, во вкусѣ старой испанской школы, Пелэ, выставилъ «Философа», нищаго, который съ невозмутимымъ спокойствіемъ отдаетъ себя на съѣдѣніе паразитамъ, и премилую картинку, которая будетъ имѣть успѣхъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ и шансонеткахъ — это «Непримиримые»: прилично одѣтый мальчикъ и уличный мальчишка, смотрящіе другъ на друга, какъ на существа другой породы.

По части реализма нельзя не упомянуть о «Концѣ поприща Нана» (Fin de Nana) Кандевіэля, который, какъ мнѣ кажется, оказался въ этомъ случаѣ, ближе къ дѣйствительной жизни, чѣмъ

самый авторъ Нана. Живописецъ заставилъ ее кончить карьерру торговкой крыжовника, обезображенной и омерзительной. Выполненіе солидное.

Хороши: «Le père Jacques» Бастьена Лепажа; старый дровосѣкъ, согнувшійся подъ тяжестью вязанки, которую несетъ изъ лѣса и внучка, сопровождающая дѣда и наклоняющаяся, чтобы сорвать цвѣтокъ по дорогѣ. «Благословеніе предъ вѣнцомъ» Доньяна Буверэ. Это крестьяне изъ Франш-Конте. Далѣе, въ томъ же родѣ: «Вечеръ въ финистерской деревушкѣ» Жюля Бретона и хорошенькая по своему освѣщенію сценка: «Послѣдній снопъ», Мориса Ленуара.

Шведъ Гагборгъ выставилъ «Сборъ картофеля». Онъ же «Крестьянку съ гусями», а англичанинъ (совсѣмъ офранцузившійся) Гаукинсъ, «Прачекъ на плоту».

«Confidences» Леона Ритэ даютъ двухъ, поразительно живо написанныхъ рыбачекъ, бесѣдующихъ о своихъ возлюбленныхъ на сыромъ морскомъ берегу. Прекрасны пейзажи Дуцхальда и «Восходъ луны» норвежскаго художника Смитъ-Гальда.

Нашъ историкъ Шампіонъ, упорно продолжаетъ писать овернскіе виды. Молодыя и подающія надежды художника: Пьеръ Вотье и Луиджи Ленуаръ дали виды Парижа.

Анималисты Вюллефруа, Шенкъ, г-жа Дебордъ, Филиппъ Руссо, выставили: первый *лошадь и кузница*, второй *быковъ, выведенныхъ на торгъ*, третій *барановъ*, четвертый *рыбъ*, пятый *кошекъ*. Бастъ Дегоссъ цвѣты, г-жа Мюратонъ плоды и дичь. Все это маленькіе chef d'oeuvre своего рода. Жанровыхъ картинокъ — множество и перечислять ихъ не стоитъ. Упомяну только объ «Intermède», на которой всѣ узнаютъ актера Кокелена-младшаго, говорящаго монологъ предъ хохочущей до слезъ публикой. Менѣе многочисленны, сравнительно съ прошлогоднимъ салономъ, маленькія военныя картины. Недурны произведенія Протэ, Бернъ-Бельшура, Бомеца, Жанніо, Лансона, Дарвана и Жюльена Ле-Блана. Мода на панорамы, повидимому отвлекла батальныхъ живописцевъ отъ выставокъ. Видя, что буржуазія равнодушна къ батальнымъ картинамъ, баталисты превратились въ декораторовъ.

Кромѣ оффиціальнаго салона устроена была художниками международная выставка, въ которой приняли участіе: Жюль Депрэ, Жеромъ и Бодри (Франція) Менцель, Кнаусъ (Германія) Миллэзъ, Альма-Тадема (Англія), де-Ниттисъ (Италія), Вальбергъ (Швеція), Мадрасо (Испанія), Эдмонъ Шарлемонъ (Австрія), Урсаэльсъ (Голландія), Альфредъ Стевенсъ (Бельгія), Алексѣй Боголюбовъ и Иванъ Похитоновъ (Россія). Дѣйствительно заслуживаютъ вниманія только маленькіе пейзажи Боголюбова и нападеніе миноноски на турецій пароходъ Похитонова. Остальные художники этой выставки дали, по большой части, уже извѣстныя произведенія, о которыхъ желали напом-

нить избранной публикѣ, т. е. такой, которая не найдетъ слишкомъ высокими цѣны, назначенныя авторами за свои картины.

Театральный сезонъ оканчивается въ маѣ. 1-го іюня десять парижскихъ театровъ закроютъ свои двери. За послѣднія недѣли на парижской сценѣ появилось немного новаго: довольно плохой фарсъ въ Пале-Ройялѣ, блюэтта въ Comédie française вотъ и все. «La Brebis égarée» т. е., Заблудшая овца Эжена Гранжэ и Виктора Бернара, молодая дѣвица, по имени Анжела. Она только-что вышла изъ монастыря и старая нянька Пелажи отвозитъ ее къ опекуну, но по дорогѣ юная институтка притворяется, что ушибла ногу, и пока идутъ въ аптеку за медицинскою помощью, она исчезаетъ. Пелажи бросается на поиски; она объѣзжаетъ всѣ публичные балы и рестораны, куда ѣздятъ ужинать и, наконецъ, доставляетъ къ опекуну Анжелу, бѣглянку, получившую отвращеніе отъ усастаго Оскара, въ которомъ видѣла свой пансіонерскій идеалъ и котораго встрѣтила пьянаго и въ обществѣ потерянныхъ женщинъ.

Наконецъ, слава Богу! она осталась чистой и выходитъ замужъ за молодого человѣка, предназначеннаго для нея опекуномъ и по счастливой случайности, встрѣтившаго ее во время ея странствій по парижскимъ улицамъ и оберегавшаго отъ уличныхъ ловеласовъ. Женни Мей играетъ Анжелу, а Ливинь неподражаема въ роли служанки пикардки съ краснымъ дождевымъ зонтикомъ и освѣжаетъ своею веселостью довольно томительныя четыре дѣйствія.

Въ «Vaudeville» даютъ одноактную шутку Эжена Нюса и Шарля де-Курси: «Un mari malgré lui». Вся интрига заключается въ томъ, что требуется выжить назойливаго спутника по желѣзной дорогѣ между Ниццей и Парижемъ. Чтобы избавиться отъ него, молодая вдова бросается, по пріѣздѣ на станцію, на шею первому встрѣчному господину, называя его своимъ мужемъ. Вдова молода и хороша собой, господинъ также не дуренъ собой и пріѣхалъ жениться. Невѣста-крестьянка хотя и богатая, но, конечно, уступающая прелестью и граціей парижанкѣ. Къ счастью, у вдовы также есть состояніе и все устраивается къ обоюдному благополучію, и публика довольна, потому что какую бы глупость ни съиграли г-жа Лего и Дюпюи, все выходитъ очаровательно. Г. де-Масса̀, отставной офицеръ, извѣстный своими talents d'agrément во время второй имперіи, написалъ одноактную вещицу «Le service en campagne», которая какимъ-то образомъ попала на сцену «Comédie française». И здѣсь молодая вдова, у которой изгладился изъ памяти образъ ея покойника, но очень живо сохранился другой, именно молодого гусарскаго офицера, который былъ привезенъ раненымъ въ деревню и за которымъ она ухаживала во время его болѣзни. Родственница вдовы хочетъ выдать ее замужъ за дипломата но гусарскій полкъ во время манёвровъ зашелъ въ окрестности ея за̀мка, и несмотря на то, что дипломатъ ѣхалъ на почтовыхъ, онъ на-

шелъ позицію уже занятою. И эта пустая пьеска кажется чѣмъ-то, съ такими исполнителями, какъ Вормсъ, Ларошъ и г-жа Рейхембергъ, Бруаза̀, Кальбъ.

Въ «Большой Оперѣ» продолжаютъ давать «Франческу де-Римини» но сборы плохи. Въ «Комической Оперѣ» идетъ «Свадьба Фигаро» Моцарта. Въ Château d'Eau очень быстро наскучила фантастическая шутка «Le docteur Asmoldoff».

Кончая этотъ отчетъ, упомяну о блестящемъ спектаклѣ, данномъ въ пользу вдовы извѣстнаго декоратора Шерэ, и на которомъ явилась въ первый разъ предъ французской публикой Сара Бернаръ въ «La Dame au camélias». Какъ ни странно, но парижане никогда не видѣли ея въ этой пьесѣ. Играли всѣ лучшіе артисты. Успѣхъ Сары Бернаръ превзошелъ ожиданія. Она привела публику въ восторгъ и заставила силою дарованія преклониться предъ собою даже горделивую «Comédie française»,

Людовикъ.

Парижъ, 31-го мая 1882 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Князь Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ. Біографическій очеркъ. Составилъ *А. Голубевъ*. Спб. 1882 г.

Если мы не ошибаемся и если только не двойникъ г. А. Голубева написалъ книжку въ память Н. А. Некрасова, то книжка о кн. Васильчиковѣ является уже вторымъ памятникомъ, который ставится иждивеніемъ г. А. Голубева въ нашемъ литературномъ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Ничего въ этомъ дурного, разумѣется, нѣтъ. У всякаго человѣка есть какая-нибудь склонность: у одного къ стихамъ, у другого—къ сельскому хозяйству, у третьяго—къ кладбищамъ, монументамъ и памятникамъ. Сооруженіемъ памятниковъ выражается теплота чувствъ и признательность къ переселяющимся въ вѣчность славнымъ современникамъ, съ присоединеніемъ, можетъ быть, нѣкотораго малаго желанія—вырубить на памятникѣ знаменитаго человѣка и свое имя: «иждивеніемъ, молъ, такого-то», или: «дѣлалъ, по знакомству, такой-то»; но желаніе это, конечно, второстепенное и побочное... Да и отчего, наконецъ, не ставить памятниковъ хорошимъ людямъ, въ особенности памятниковъ литературныхъ, не стоющихъ десятковъ и сотень тысячъ и гораздо болѣе долго-

вѣчныхъ, чѣмъ всѣ памятники изъ чугуна и бронзы: обращать вниманіе на покойниковъ, приносившихъ обществу пользу и честно прошедшихъ свою земную стезю, даже въ извѣстной степени поучительно. Дѣло только въ томъ, что если ставить памятники, то надо ставить ихъ какъ слѣдуетъ, т. е. ставить нѣчто болѣе или менѣе приличное, а не какъ-нибудь сварганенное и не такъ, чтобы притащилъ, что попалось подъ руки, да и поставилъ. Въ Пушкинской улицѣ, напримѣръ, поставленъ иждивеніемъ домовладѣльцевъ гипсовый бюстъ Пушкину, одинъ изъ тѣхъ бюстовъ, которыхъ такъ много продается на вербахъ и который столько же напоминаетъ Пушкина, сколько и каждаго изъ домовладѣльцевъ Пушкинской улицы. Для «перваго русскаго поэта» это маловато. Лучше ничего не ставить... А г. Голубевъ ставитъ именно такіе памятники, ставитъ съ необычайною серьёзностью, и еще пишетъ на нихъ разныя эпитафіи и полемическія непотребства, защищая покойника отъ его литературныхъ оппонентовъ: такой-то не понималъ покойника и возражалъ ему по неразумѣнію своему, а такой-то привыкъ хлестко писать и желалъ только поглумиться надъ его титулами и т. п. Положимъ, что г. Голубевъ не въ свою пользу продаетъ свои монументы, а предназначаетъ «всю чистую выручку» отъ нихъ на разныя похвальныя цѣли [1]; но это, какъ намъ кажется, только еще болѣе должно было бы обязывать не относиться къ дѣлу спустя рукава. Г. Голубевъ въ своихъ произведеніяхъ, называемыхъ имъ біографическими очерками (послѣ которыхъ, однако, по его мнѣнію, на долю будущихъ біографовъ останутся лишь *подробности, только освѣщающія* собранные имъ *главные факты*), очень усердно собираетъ газетные некрологи и сброшюровываетъ ихъ одинъ къ другому, затѣмъ пришиваетъ къ нимъ пересказъ или выдержки изъ сочиненій покойника и собственныя чисто литературныя размышленія объ этихъ сочиненіяхъ, а затѣмъ, воскликнувъ: «довольно могилъ, довольно смертей», или: «да будетъ вѣчная память тѣмъ, кто работалъ на народную пользу, какъ умѣлъ и насколько могъ», думаетъ, что больше ничего и не надо. Такъ, по крайней мѣрѣ, составлена тощая книжечка о Некрасовѣ. Также составлена и болѣе объемистая книжка о кн. Васильчиковѣ, книжка весьма скудная по части біографическихъ подробностей: какъ дѣтство и воспитаніе кн. Васильчикова, такъ юность и образованіе характера и послѣдующая интимная жизнь, съ душевными муками и размышленіями, съ гражданскою любовью и ненавистью, проходятъ передъ вами въ какомъ-то туманѣ или остаются совсѣмъ неизвѣстными. Въ его жизни были весьма ха-

---

[1] Выручка, напримѣръ, отъ книги о Некрасовѣ предназначена на лучшее устройство народной школы, пользовавшейся при жизни поэта особымъ его попеченіемъ, а чистый сборъ отъ книжки о кн. Васильчиковѣ—на присоединеніе къ собираемому капиталу имени А. И. Васильчикова, для выдачи премій за сочиненія по народному и земскому хозяйству.

рактерныя, какъ для него лично, такъ и для времени черты, напримѣръ, хоть отношенія его къ гр. Валуеву и другимъ выдававшимся государственнымъ людямъ, отношеніе къ нему высшихъ сферъ, отношенія его къ Некрасову и другимъ литературнымъ дѣятелямъ 60-хъ годовъ и т. п. Если г. Голубевъ мало зналъ лично покойнаго, то могъ обратиться за справками къ болѣе близкимъ его знакомымъ и родственникамъ, которые, вѣроятно, не отказались бы сообщить о немъ тѣ или иныя подробности, о которыхъ мы только слышали. А теперь, за исключеніемъ двухъ-трехъ чертъ изъ юности и всѣмъ извѣстной послѣдней его общественной дѣятельности, вы видите настоящій формулярный списокъ человѣка (гдѣ онъ служилъ, куда назначался и т. п.), да длинную-предлинную компиляцію его сочиненій (также по бо́льшей части всѣмъ извѣстныхъ), уснащенную неумѣстною полемикою почти со всею литературою, которая будто бы его совсѣмъ не понимала (гдѣ же въ это время былъ г. Голубевъ, понимавшій его какъ слѣдуетъ?). Мы находимъ полемику эту неумѣстною вовсе не потому, что тамъ главнымъ образомъ достается «Отеч. Запискамъ», а потому, что полемика эта ровно ничего не прибавляетъ ни къ характеристикѣ, ни къ заслугамъ князя и представляетъ только личныя воззрѣнія г. Голубева, которыя будутъ пригодны развѣ только для его біографіи, когда таковая будетъ писаться. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ онъ по поводу отзывовъ о «Землевладѣніи и земледѣліи»:

«Первые отзывы дали «Отеч. Записки», напечатавшія три объемистыя статьи. Въ первой изъ статей былъ произнесенъ такой приговоръ: первая половина сочиненія, теоретическая, признана «прекрасною», а другая, практическая— «никуда негодною». Въ рецензіи заявлялось, что сочиненіе прочли съ большимъ удовольствіемъ, но «въ устроители русской земли, какъ бы въ ней ни мало было порядка, автора не пригласили бы, потому что неизвѣстно—какому богу онъ поклоняется и что будетъ не говорить, а дѣлать». Въ заключеніе отзыва даже приводилось къ свѣдѣнію автора «Землевлад. и земледѣлія» изрѣченіе изъ премудростей Іисуса сына Сирахова. Главнѣйшими недостатками въ сочиненіи рецензентъ признавалъ выводы автора о нормальной величинѣ надѣловъ и предложенія объ устройствѣ кредита для покупки земель у помѣщиковъ. Въ этой же рецензіи ставилось автору въ упрекъ стремленіе его въ своихъ практическихъ указаніяхъ къ крайнему «компромиссу», въ силу чего авторъ будто бы «дѣйствуетъ въ пользу реакціи и старается ей угодить». Если исключить изъ указанной рецензіи шутовски балаганныя мѣста, обнаруживающія желаніе посмѣяться надъ титулованнымъ авторомъ, то въ ней все-таки найдется достаточно серьёзныхъ возраженій» (стр. 87).

Въ этомъ, т. е. въ возраженіяхъ, все и дѣло, а не въ шутовски-балаганныхъ мѣстахъ (изъ которыхъ, во избѣжаніе голословности, г-ну Голубеву не мѣшало бы указать хоть на одно) и не въ желаніи посмѣяться надъ титулованнымъ авторомъ, какового у насъ, конечно, не было. Какая удивительная, подумаешь, рѣдкость эти титулы, чтобы ради нихъ только писать статьи. Наконецъ, еслибы рѣчь шла не о важномъ общественномъ дѣлѣ, а о титулахъ, то, конечно, титулы кн, Васильчикова могли бы

служить только въ его же пользу, потому что Васильчиковыхъ гораздо меньше, чѣмъ Мещерскихъ. Уже одна потребность жить умственною жизнью, уже одно желаніе служить родинѣ и народу, уже одна способность самостоятельно мыслить и научно изучать предметъ—составляютъ заслугу и явленіе положительно исключительное. А что кн. Васильчикову было часто очень трудно совлечь съ себя ветхаго человѣка и отдѣлаться отъ своихъ титуловъ, что мѣшало, разумѣется, стройному развитію его мыслей, то это вѣрно, и самъ даже г. Голубевъ говоритъ, что у него были «многія барскія привычки», что онъ какъ родился, такъ и остался «до самой смерти бариномъ» (152). Мы придавали кн. Васильчикову очень большое значеніе (значеніе, можетъ быть, бо̀льшее, чѣмъ слѣдовало), что и доказывается цѣлымъ рядомъ статей о его сочиненіяхъ и практической дѣятельности. Каждое его колебаніе и уклоненіе отъ истины, нерѣдко имъ же самимъ проводимой въ теоріи, каждая его непослѣдовательность и каждый шагъ къ компромиссу вызывали насъ на возраженія, подчасъ, можетъ быть, и рѣзкія, но имѣвшія всегда въ виду одно только дѣло, а не желаніе посмѣяться; отъ смѣха мы всегда воздерживались, хотя поводы къ этому, право, представлялись. Мы отлично видѣли, что то дѣло, которое начинаетъ дѣлать кн. Васильчиковъ, и тѣ люди, которыхъ онъ вокругъ себя группировалъ, во имя идей, развивавшихся въ его сочиненіяхъ, имѣютъ ближайшее практическое будущее. Это и заставляло насъ въ особенности требовать съ ихъ стороны внимательности, осмотрительности и послѣдовательности. И мы нетолько изъ указываемой г. Голубевымъ рецензіи, но и изъ всего, что было написано нами о кн. Васильчиковѣ, не возьмемъ ни одного слова назадъ, и думаемъ, что правда будетъ на нашей сторонѣ. Если мы говорили, что народный кредитъ, организуемый въ видѣ ссудосберегательныхъ товариществъ, открываетъ дорогу кулачеству, содѣйствуетъ нарожденію новой буржуазіи и оттѣсняетъ неимущаго, то послѣдствія не замедлили подтвердить наши слова. Если мы доказывали, что кн. Васильчиковъ является непослѣдовательнымъ и дѣлаетъ ошибку относительно нормальности крестьянскихъ надѣловъ, то впослѣдствіи онъ и самъ призналъ эту ошибку, на что мы уже указывали во внутреннемъ обозрѣніи. Признаніе это, конечно, теперь можетъ быть поставлено только въ заслугу князя, можетъ говорить только въ пользу его безпристрастія и вообще обрисовываетъ его въ высшей степени симпатично, но мы ставили эту ошибку ему въ вину, и она, дѣйствительно, была его виною. Въ отвѣтѣ своемъ на статьи «Отеч. Зап.» (Вѣстн. Евр.», 1878 г.) онъ говорилъ, что не устроеніе земли русской имѣлъ онъ въ виду, а только ея изслѣдованіе, но въ изслѣдованіи его, значитъ, было недостаточно данныхъ, а онъ, такой авторитетный писатель, выступалъ, между тѣмъ, съ такимъ категорическимъ и рѣшительнымъ выводомъ по одному изъ самыхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ. Если

мы говорили, что весьма частое тяготѣніе князя къ компромиссу и стремленіе искать истину непремѣнно въ серединѣ не гарантируетъ вовсе отысканія ея и сопряжено будетъ для него съ непріятностями, то послѣдствія и это не замедлили оправдать: послѣ того, какъ противъ него высказалась одна часть печати, черезъ нѣсколько лѣтъ поднялась противъ него и другая часть, ретроградная, обвиняя его уже въ краснотѣ убѣжденій, т. е. совершенно въ противоположномъ. Очень можетъ быть, что той и другой сторонѣ было желательно видѣть такого талантливаго человѣка въ своихъ рядахъ, но, во всякомъ случаѣ, та и другая сторона, каждая съ своей, разумѣется, точки зрѣнія, не довольствовались тою послѣдовательностью, какую ожидали или желали видѣть въ его сочиненіяхъ. И не одна печать такъ смотрѣла на кн. Васильчикова: говоря о приглашеніи его предсѣдательствовать въ славянскомъ комитетѣ, г. Голубевъ говоритъ: «Александръ Илларіоновичъ очень часто получалъ съ разныхъ сторонъ различныя предложенія, нерѣдко исключавшія другъ друга» (стр. 110). Вполнѣ соглашаясь съ большею частью того, что говорилъ кн. Васильчиковъ, видя его влеченіе къ добру и зная его симпатіи къ лучшей нашей литературѣ (Гоголю, Пушкину и Лермонтову), мы, однако, не могли не чувствовать, что онъ—чужой человѣкъ для той литературы, которая смѣнила литературу 40-хъ годовъ и явилась ея прямымъ продолженіемъ. Г. Голубевъ обмолвился въ одномъ мѣстѣ и на счетъ этого: кн. Васильчиковъ, говоритъ онъ, вступивъ въ 60-е годы, «относился къ новымъ дѣятелямъ въ литературѣ скептически» (153). Еще скептичнѣе долженъ былъ, разумѣется, онъ относиться къ литературѣ 70-хъ годовъ, внесшей въ постановку экономическихъ вопросовъ еще бо̀льшую категоричность и точность. Не могла не относиться къ нему скептически и литература. Логичный, послѣдовательный и опредѣленный въ изученіи прошлыхъ судебъ земли и власти, ясный и неуступчивый въ вопросахъ окончательно имъ рѣшенныхъ (напримѣръ, въ письмѣ къ гр. Толстому и въ разборѣ записки Обухова), онъ становился необыкновенно уклончивымъ относительно тѣхъ практическихъ вопросовъ, которые, повидимому, были еще имъ не рѣшены: относительно кредита, надѣловъ, общины и т. д. Вотъ почему мы и сказали, что на практическую дѣятельность князя Васильчикова по устроенію русской земли не положились бы. Но самое лучшее доказательство этому даетъ самъ г. Голубевъ, разсказывая объ отношеніи князя къ славянскому комитету и передавая содержаніе его ненапечатанной брошюры по поводу восточнаго вопроса.

Въ 1875 г., когда началось инсуррекціонное движеніе въ Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи, общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ предложило князю Васильчикову ѣхать туда въ качествѣ уполномоченнаго отъ общества съ санитарнымъ отрядомъ. Князь Васильчиковъ отказался отъ этого на томъ основаніи, что отрядъ долженъ былъ дѣйствовать не оффиціально, а

оффиціозно, между тѣмъ, какъ высылка подобнаго отряда подъ знаменемъ краснаго креста, отъ общества, пользовавшагося покровительствомъ русскаго правительства, должна была возбудить въ инсургентахъ преувеличенныя надежды на русскую помощь, за что, разумѣется, могла пасть на него нравственная отвѣтственность передъ введенными въ заблужденіе. Такъ это и вышло: появленіе русскихъ санитаровъ было принято славянами за формальное заявленіе русскаго сочувствія и обѣщанія помощи. «Съ этой минуты, писалъ кн. Васильчиковъ:—можно и должно предвидѣть, что инсургенты не положатъ оружія ни передъ какими дипломатическими нотами, въ надеждѣ и насъ вовлечь въ войну». Затѣмъ, когда черезъ полгода, въ началѣ 1876 г., князь Васильчиковъ получилъ «неожиданное» приглашеніе—предсѣдательствовать въ славянскомъ комитетѣ (въ петербургскомъ отдѣлѣ), то, несмотря на «неподатливость» свою къ приглашеніямъ, однако, принялъ его. Нужно замѣтить, что къ славянофиламъ онъ никогда не принадлежалъ и, какъ самъ говорилъ, хотя и уважалъ многихъ изъ нихъ, но не раздѣлялъ всѣхъ ихъ мнѣній и вѣрованій (ibid). Вступивъ въ комитетъ и начавъ знакомиться съ дѣлами, кн. Васильчиковъ говоритъ, что «самый главный предметъ—сношенія комитета съ славянскими землями, сношенія, разумѣется, не политическія, но ученыя, литературныя и благотворительныя», былъ въ моментъ вступленія его забытъ и даже «очень трудно было отыскать какой-либо путь для сношеній славянскаго комитета съ славянами». Между тѣмъ, обстоятельства становились все болѣе смутными и серьёзными: въ комитетъ стали вноситься предложенія о помощи, стали являться славянскія депутаціи и русскіе добровольцы, а извѣстныя газеты агитировали въ пользу войны. Кн. Васильчиковъ находилъ и слухи, и надежды преувеличенными и не сочувствовалъ активной дѣятельности комитета, доказывая, что вся роль его должна ограничиться только дѣломъ благотворенія. Когда явился къ нему Кирѣевъ съ рѣшеніемъ отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, то кн. Васильчиковъ писалъ объ этомъ слѣдующее: «Я всѣми силами старался отклонить его отъ этого намѣренія и возражалъ, что увлекать бѣдныхъ, беззащитныхъ болгаръ къ вооруженному возстанію, когда у нихъ нѣтъ оружія и когда еще ни Сербія, ни Румынія не обѣщали имъ содѣйствія—значило бы обрекать ихъ на неминуемую гибель. Я положительно отказался отъ всякаго участія славянскаго комитета въ такомъ предпріятіи» (114). Между тѣмъ, комитетъ вскорѣ вступилъ въ это предпріятіе, вступилъ, положимъ, во время отсутствія князя, когда на лѣто онъ уѣхалъ къ себѣ въ деревню, въ Тамбовскую губернію, но видѣнное имъ, по пути, въ Москвѣ, и затѣмъ по возвращеніи въ Петербургѣ движеніе уже не производило на него, повидимому, особенно непріятнаго впечатлѣнія. Положимъ, что онъ продолжаетъ еще говорить о гибнущихъ русскихъ людяхъ вслѣдствіе легкомыслія и увлеченія всѣхъ, и о томъ, что необ-

ходимо прекратить дальнѣйшую активную помощь и употребить остающійся фондъ на разсчетъ съ ранеными, больными и увѣчными, но это не заставляетъ его категорично поставить вопросъ объ этомъ въ комитетѣ или выйдти оттуда, и онъ продолжаетъ оставаться въ комитетѣ до самаго окончанія войны, до половины 1878 года, служа, такимъ образомъ, дѣлу, противъ котораго самъ же высказывался. Вы невольно замѣчаете тутъ какое-то разногласіе въ человѣкѣ и видите въ немъ какое-то невольное тяготѣніе къ восточному вопросу. Еще лучше сказалось это въ брошюрѣ:

«Ни чисто политическіе виды, говоритъ онъ: — ни сантиментальное сочувствіе къ бѣдствіямъ другихъ народовъ, не могутъ оправдывать вмѣшательства однихъ державъ въ распри и смуты чужихъ странъ. Народы ничего не выигрываютъ отъ блеска побѣды, отъ расширенія предѣловъ своего отечества отъ вліянія своихъ правительствъ и государей на страны другихъ народовъ, а также сомнительно, чтобы правители имѣли право жертвовать кровью и достояніемъ своихъ подданныхъ изъ одного чувства состраданія къ бѣдствіямъ и угнетеніямъ другихъ народовъ» (123).

Затѣмъ, обращаясь къ исторіи сближенія русскихъ съ славянами и къ кружку славянофиловъ, кн. Васильчиковъ говоритъ, что славянскій вопросъ и *до настоящаго времени остался въ какомъ-то полумракѣ* и что *русскій народъ не имѣетъ о немъ ни яснаго понятія, ни твердаго сознанія* (126). Но, принимая во вниманіе, что «русскій народъ самъ прошелъ черезъ суровую школу мусульманскаго ига и велъ вѣковую борьбу для сверженія этого ига», онъ «живѣе чувствуетъ тягость турецкаго гнета надъ славянами»; кромѣ того, въ его жизни есть «живыя черты, связывающія его историческій бытъ съ судьбою турецкихъ славянъ» (127); связь эта основана на сознаніи нетолько религіозныхъ, но и личныхъ хозяйственныхъ и общественныхъ выгодъ, и «связи этой совершенно достаточно для прочнаго союза Россіи съ славянскими племенами». Далѣе, нельзя также не обращать вниманія и на то, что восточный вопросъ, въ политическомъ отношеніи, есть «постоянная гроза, висящая надъ нами, которая уже въ четвертый разъ въ настоящемъ столѣтіи вызываетъ насъ на кровавый бой», а такимъ образомъ «сверженіе турецкаго владычества въ Европѣ становится для Россіи своимъ дѣломъ, собственнымъ интересомъ русскаго народа», и потому мы должны желать, чтобы турки были изгнаны въ Азію (132) и «чтобы территорія возвратилась всецѣло къ своимъ природнымъ жителямъ и законнымъ владѣльцамъ: славянскія земли—славянамъ, греческія провинціи — грекамъ» (128). Какъ же, однако, относился кн. Васильчиковъ къ славянскому вопросу? Право, не умѣемъ сказать. Г. Голубевъ объясняетъ это такъ, что кн. Васильчиковъ находилъ (въ 1876 г., когда писалъ брошюру), что роковой часъ для рѣшенія славянскаго вопроса еще не пробилъ, что онъ будетъ имѣть три фазиса, для прохожденія которыхъ потребуется много времени [1) автономія Герцеговины, Босніи и

*

Болгаріи, подъ вассальствомъ Турціи и покровительствомъ европейскихъ державъ; 2) изгнаніе турокъ съ Балканскаго полуострова и 3) возстановленіе независимыхъ славянскихъ княжествъ и усиленіе греческаго королества] и что предварительно русское общество должно заняться изученіемъ быта славянскихъ племенъ и выясненіемъ общеславянской культуры, которая, въ противоположность европейской цивилизаціи, развивавшей доселѣ антагонизмъ сословій и вражду народовъ, должна стремиться къ соглашенію капитала съ трудомъ и владѣнія съ пользованіемъ, къ объединенію племенъ не подъ скипетромъ одной державы, съ однообразными формами суда, правленія и законовъ гражданскихъ и церковныхъ, а въ формѣ федеративной, на основаніи самой широкой системы самоправленія (133). Все это, конечно, прекрасно, но первый фазисъ вопроса уже пройденъ, и пройдетъ именно такъ или почти такъ, какъ желалъ кн. Васильчиковъ, слѣдовательно, противъ войны онъ ничего не долженъ былъ бы имѣть. Правда, остается еще «пролитіе крови», но, надо полагать, что пройдти всѣ три фазиса, вѣроятно, и не предполагалось безъ пролитія крови. Получается опять недоумѣніе. Говорятъ, что о мертвыхъ надо говорить только хорошее или совсѣмъ ничего не говорить. Мы и не говоримъ ничего худого о кн. Васильчиковѣ, а если что и выходитъ не хорошо, то это со словъ его біографа, г. Голубева, который, дѣйствительно, далъ довольно жестокій образецъ того, о чемъ мы говорили раньше. Хорошее, впрочемъ, о кн. Васильчиковѣ у насъ говорится въ статьѣ «Подозрительный бель-этажъ», которая, однако, какъ характеристика, была бы не полна безъ этого дополненія. Кн. Васильчиковъ, дѣйствительно, былъ бариномъ, бариномъ хорошимъ, великодушнымъ, умнымъ, образованнымъ и чуткимъ къ добру, но, тѣмъ не менѣе, бариномъ, на котораго барство наложило свой слѣдъ и постоянно мѣшало беззавѣтно увлекаться идеей и доводить ее до логическаго конца, до плебейской ясности и категоричности. Мы отлично понимаемъ, какъ много надо было имѣть ума и хорошихъ душевныхъ задатковъ, чтобы выйдти тѣмъ, чѣмъ вышелъ кн. Васильчиковъ. Не мало пришлось ему вынести за свои убѣжденія и испытаній. Г. Голубевъ разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующій интересный эпизодъ изъ его юности, когда онъ уже сталъ проявлять «свободолюбивые» взгляды. Императоръ Николай Павловичъ, очень любившій его отца и знавшій Александра Илларіоновича лично, узнавъ объ этомъ, призвалъ его къ себѣ, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и приказалъ «перемѣниться». «Александръ Илларіоновичъ откровенно заявилъ императору, что онъ не признаетъ за собою никакой вины, послѣ чего услышалъ энергическое повтореніе слова «перемѣнись» (13). А на закатѣ дней (въ 1873 и 1880 гг.), когда онъ задумывалъ издавать большую газету и подавалъ объ этомъ прошеніе, ему давали «добрый совѣтъ», «не якшаться съ журнальною дрянью», выдача разрѣшенія обставлялась такими усло-

ніями (въ родѣ обязательнаго непринятія въ сотрудники одного бывшаго редактора), которыхъ онъ не принялъ, благодаря чему «дѣло и не устроилось» (141). Но испытанія эти и уваженіе къ князю сами по себѣ, а правда пускай останется сама по себѣ.

Н. С. Лѣсковъ. **Сказка о тульскомъ Лѣвшѣ и о стальной блохѣ** (цѣховая легенда). Спб. 1882 г.

Въ настоящее время когда... когда такъ невесело живется, г. Лѣсковъ придумалъ развлеченіе—разсказывать сказки или сказы, какъ онъ ихъ (вѣроятно, для большей важности) называетъ: такова разсказанная имъ на цѣлыхъ 79 страницахъ и давно всѣмъ извѣстная сказка о стальной блохѣ, которую, будто бы, англичане подарили Александру I и которую наши тульскіе мастера подковали (въ посрамленье, конечно, всей англійской промышленности). О, г. Лѣсковъ, это—преизобрѣтательный человѣкъ. Сказъ выходитъ какъ разъ во времени: и развлекаетъ, и мысли дурныя разгоняетъ и въ то же время подъемъ русскаго духа можетъ производить. Сказка предназначена, повидимому, для народнаго чтенія: тутъ и Платовъ-казакъ, съ трубкою въ зубахъ, таскающій «за волосья» геніальнаго русскаго мастера—Лѣвшу, и Кисельвроде (надо думать Несельроде), и нимфозорія (т. е. блоха), и Твердиземное море, и тугаментъ (?), и пуплекція (?), и плезирная трубка (?) и много разныхъ другихъ столько же смѣшныхъ, сколько и непонятныхъ вещей. Тутъ разсказывается и о томъ, какъ Николай Павловичъ, нашедшій заброшенную блоху, увидавъ русское искуство, цѣлуетъ неумытаго Лѣвшу, а Платовъ даетъ ему сто рублей, и о томъ, какъ везутъ опять блоху въ Англію, срамить англичанъ и какъ Лѣвша, выпивши полагавшейся ему казенной винной порціи, поетъ на всю Европу русскія пѣсни, припѣвая: «ай люли — се тре жули» (55) и т. д. Увидавъ подкованную блоху, Николай Павловичъ въ восторгѣ восклицаетъ, обращаясь къ придворнымъ: «Вѣдь они, шельмы, (т. е. тульскіе мастера) аглицкую блоху на подковы подковали» (51); а Лѣвша ему на это отвѣчаетъ: «Если-бы, говоритъ, былъ лучше мелкоскопъ, который въ 5 милліоновъ увеличиваетъ, такъ вы изволили бы, говоритъ, увидать, что на каждой подковинкѣ мастерово имя выставлено: какой мастеръ, какую подковку дѣлалъ». Чѣмъ чудеснѣе и несообразнѣе въ такихъ случаяхъ, тѣмъ, конечно, лучше; но это еще не все: имени Лѣвши не оказывается на подковинкахъ потому, что онъ гвоздики выковалъ, которыми подковки забиты, а «тамъ ужь никакой мелкоскопъ взять не можетъ». «Гдѣ же вашъ мелкоскопъ, съ которымъ вы произвели такое удивленіе?» спросилъ государь. На это Лѣвша отвѣтствовалъ: «Мы люди бѣдные и по бѣдности своей мелкоскопа не имѣемъ, а у насъ такъ глазъ пристрѣлявши» (53). Вотъ и у г. Лѣскова глазъ тоже такъ пристрѣлявши, что онъ сразу видитъ, что по времени требуется.

Г. Лѣсковъ говоритъ, что онъ записалъ эту «легенду» въ Сестрорѣцкѣ, отъ стараго оружейника, тульскаго выходца, при

чемъ затрудняется очень рѣшеніемъ вопроса: «гдѣ именно родилась первая заводка баснословія о стальной блохѣ», т. е. въ Сестрорѣцкѣ или въ Тулѣ, но мы думаемъ, что это рѣшительно все равно, такъ какъ баснословіе это не особенно важно и Тула и Сестрорѣцкъ, вѣроятно, охотно уступятъ его г. Лѣскову, сдѣлавшему изъ него такую длинную эпопею и сочинившему, вѣроятно, добрую его половину. Послѣднее мы предполагаемъ на томъ основаніи, что многое въ баснословіи отзывается литературною искуственностью. Таковъ, напримѣръ, слѣдующій разговоръ Лѣвши съ англійскими мастерами объ образованіи, разговоръ по поводу того, что блоха, двигавшаяся прежде посредствомъ пружинки и заводившаяся ключикомъ, послѣ того, какъ ее русскіе мастера подковали, перестала вдругъ двигаться. Спрашиваютъ англичане Лѣвшу—чему онъ учился? Тотъ имъ, конечно, отвѣчаетъ: «по псалтирю, да по полусоннику, а ариѳметики мы ни мало не знаемъ». Это жалко, говорятъ англичане: «лучше бы, еслибы вы изъ ариѳметики по крайности, хоть четыре правила сложенія знали, то бы вамъ было гораздо пользительнѣе, чѣмъ весь полусонникъ. Тогда бы вы могли сообразить, что въ каждой машинѣ расчетъ силы есть, а то вотъ хоша вы очень въ рукахъ искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, какъ въ нимфозоріи на самую аккуратную точность разсчитана и ея подковокъ несть не можетъ. Черезъ это теперь нимфозорія и не прыгаетъ и даже не танцуетъ» (59). Лѣвша безпрекословно соглашается и утѣшаетъ себя только тѣмъ, что хоша «спору нѣтъ, что мы въ наукахъ не занялись, но только своему отечеству вѣрнопреданные». И сейчасъ же доказываетъ это: какъ англичане ни уговариваютъ его остаться у нихъ, обѣщая передать ему большую образованность, женить и посылать даже деньги его престарѣлымъ родителямъ, онъ неудержимо стремится домой, къ казаку Платову, отрицая англійскую вѣру, обычаи и даже женщинъ. Все это, говоримъ мы, очень искуственно, не потому искуственно, чтобы русскій рабочій человѣкъ не понималъ пользы образованія или не любилъ отечества, а потому, что вся эта мораль слишкомъ ужь сконцентрирована и прописно и казовито выставлена. Вы невольно думаете, что если русскіе мастера, при необразованности, таковы, то что же изъ нихъ выйдетъ, если имъ преподать изъ ариѳметики четыре правила сложенія, и невольно парите высоко-высоко надъ Европой; превознося русскіе таланты и вѣрнопреданность и припѣвая: ай люли—се тре жули! Кончается баснословіе такимъ образомъ: возвращаясь домой, Лѣвша съ англійскимъ полшкиперомъ напиваются на пароходѣ до безчувствія и попадаютъ въ Петербургѣ—одинъ въ англійское посольство, гдѣ его кладутъ въ постель и вылечиваютъ (всаживаютъ въ теплую ванную, впихиваютъ въ ротъ гуттаперчевую пилюлю, кормятъ курицею съ рысью и даютъ запивать эрфиксомъ), а другой, т. е. Лѣвша, въ часть, гдѣ, прежде всего, спрашиваютъ его насчетъ паспорта, а

затѣмъ начинаютъ возить по разнымъ больницамъ, въ которыхъ не принимаютъ; наконецъ, больной и измученный попадаетъ онъ въ Обуховскую простонародную больницу, гдѣ и умираетъ на полу, съ *расколотымъ о паратъ затылкомъ* (76). Это для г. Лѣскова даже либерально. Впрочемъ, онъ любитъ иногда вытанцовывать либеральные танцы, вспоминая, вѣроятно, то время, когда онъ не былъ еще изгнанъ изъ либеральнаго эдема. Либерализмъ этотъ въ особенности непріятенъ, и какъ, право, жаль, что нѣтъ теперь такого Лѣвши, который заковалъ бы его хоть на одну ногу, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не танцовалъ либеральныхъ танцевъ. А сказки и при одной ногѣ разсказывать можно.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по московской губерніи. Отдѣлъ хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. II. **Женскіе промыслы московской губерніи.** *М. К. Горбуновой.*

Изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ, начатое всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, привело въ настоящее время, не въ примѣръ всякаго рода другимъ «изслѣдованіямъ», къ очень успѣшнымъ результатамъ. Въ настоящее время мы имѣемъ нѣсколько выпусковъ «Трудовъ комиссіи для изслѣдованія кустарныхъ промысловъ», въ которыхъ помѣщены описанія промысловъ различныхъ мѣстностей Россіи и нѣсколькихъ промысловъ въ Западной Европѣ; нѣсколько томовъ, изданныхъ московскимъ губернскимъ земствомъ и описывающихъ промыслы Московской губерніи, и, наконецъ, нѣсколько монографій, изданныхъ земскими статистиками различныхъ губерній и частными лицами и касающихся промысловъ отдѣльныхъ небольшихъ районовъ. Благодаря всѣмъ этимъ трудамъ, общее положеніе кустарныхъ промысловъ выяснено во всей полнотѣ: выяснено безпомощное состояніе кустаря, поставленнаго въ полную зависимость отъ *благодѣтеля*-работодателя (купца, хозяина, мастерка и т. п.) и отъ *благодѣтеля*-покупателя; выяснены нужды кустаря, неудовлетвореніе которыхъ дѣлаетъ его жизнь хуже жизни всякаго фабричнаго пролетарія; выяснены, наконецъ, и тѣ средства, которыми можетъ быть оказана помощь, поддержка обнищавшему и закабаленному кустарю, тѣ общія мѣры, принятіе которыхъ можетъ поднять промыселъ и поставить его въ его естественное, нормальное положеніе. Словомъ, всѣ общіе вопросы, касающіеся кустарныхъ промысловъ, прекрасно разработаны, выяснены и рѣшены упомянутыми выше изслѣдованіями. *Въ этомъ отношеніи* всякая новая работа надъ кустарными промыслами можетъ только повторять то, что сказано прежде, и ничего новаго не можетъ принести въ вопросъ. Это именно и случилось съ новымъ трудомъ г-жи Горбуновой. Несмотря на ея замѣчательную добросовѣстность, обнаруживающуюся какъ въ ея стараніи собирать самыя мелкія данныя, характеризующія тотъ или другой промыселъ, такъ и въ ея стремленіи дать возможность читателю самому опредѣлить достовѣрность сообщаемыхъ ею данныхъ; несмотря на ея умѣнье отдѣлить болѣе важныя данныя

отъ второстепенныхъ и выставить первыя такъ, чтобы читатель обратилъ на нихъ особенное вниманіе, словомъ, несмотря на то, что трудъ г-жи Горбуновой—и въ смыслѣ богатства собраннаго матеріала, и въ смыслѣ обработки—превосходенъ, онъ не сообщаетъ намъ ровно ничего новаго, чего бы мы не знали раньше вообще о промыслахъ. *Въ этомъ отношеніи*, въ смыслѣ изученія положенія кустарнаго промысла въ Россіи, трудъ г-жи Горбуновой является совершенно излишнимъ послѣ раньше произведенныхъ изслѣдованій: организація кустарныхъ промысловъ вездѣ одинакова, условія, тяготѣющія надъ кустаремъ, вездѣ тождественны, и потому повтореніе излишній разъ однихъ и тѣхъ же свѣдѣній не имѣетъ никакого значенія.

Но труды, подобные книгѣ г-жи Горбуновой, будутъ имѣть громадное значеніе, если по отношенію къ кустарямъ захотятъ перейдти отъ словъ къ дѣлу, если будутъ предприняты практическія мѣры, необходимость которыхъ вытекаетъ изъ современнаго положенія кустарныхъ промысловъ. Въ этомъ случаѣ тѣ второстепенныя, мелочныя подробности, которыми только и отличаются изслѣдованія однихъ промысловъ отъ другихъ и которыя при изученіи положенія кустарныхъ промысловъ *вообще* не имѣютъ совершенно никакого значенія, выступятъ на первый планъ и опредѣлятъ характеръ частныхъ мѣръ, которыя будутъ разнообразиться по характеру мѣстности и самаго промысла. Въ этомъ отношеніи трудъ г-жи Горбуновой и подобные ему содержатъ массу драгоцѣннѣйшихъ указаній, разумное пользованіе которыми дастъ возможность будущимъ практическимъ дѣятелямъ въ этомъ направленіи принести громадную и дѣйствительную пользу кустарямъ и кустарнымъ промысламъ.

Весь вопросъ, значитъ, въ томъ, захотятъ ли тѣ, отъ кого это зависитъ, воспользоваться матеріаломъ, собраннымъ въ изслѣдованіяхъ, подобныхъ книгѣ г-жи Горбуновой? Не пропадутъ ли всѣ эти изслѣдованія совершенно безплодно, не принеся кустарямъ ни на грошъ пользы? Судя по всему, дѣло идетъ именно къ этому. Изслѣдованія кустарныхъ промысловъ ведутся уже нѣсколько лѣтъ; относящіеся сюда общіе вопросы давно порѣшены; многіе промыслы и многія мѣстности изслѣдованы настолько полно и удовлетворительно, что время принятія практическихъ мѣръ давно уже наступило. А между тѣмъ ни о какихъ «мѣрахъ» въ этомъ направленіи не слышно, никакихъ серьёзныхъ попытокъ оказать помощь кустарю не предпринимается— ни со стороны правительства, ни со стороны земствъ, ни со стороны частныхъ лицъ и обществъ...

А оказать поддержку кустарю необходимо, если не ради его безпомощнаго положенія, то хотя бы изъ стыда предъ Европой. Тамъ, на этомъ гниломъ Западѣ, мелкій производитель, мужикъ-кустарь, пользуется такою поддержкою со стороны государства, какая нашему кустарю не можетъ присниться и во снѣ. Г-жа Горбунова предпослала своему труду «введеніе» и въ немъ раз-

сказываетъ о нѣкоторыхъ мѣрахъ, принимаемыхъ на Западѣ для поддержки кустарныхъ промысловъ.

А вотъ полюбуйтесь на слѣдующую «самобытную» русскую картину. Существуетъ въ Московской губерніи особый промыселъ—*плетеніе возжей*. Снурки, употребляемые при плетеніи, предварительно скручиваются отъ руки. Между тѣмъ существуетъ и давно примѣняется къ дѣлу особая крутильная машина. «Но крестьяне ничего объ этомъ не знаютъ. Показать имъ ее, познакомить съ устройствомъ и работой никто не позаботился, и вотъ крутитъ себѣ по прежнему кустарь снурки для возжей руками; по прежнему, *двѣ* дѣвушки, «надсаживаясь» надъ работой, еле успѣваютъ приготовить эти снурки на *одну* плетею. А между тѣмъ, существуетъ машина, стоящая лишь 5, 8 р., на которой одна дѣвушка поспѣваетъ работать на пятерыхъ плетельщиковъ. Вѣдь эта машина, которая употребляется тамъ, гдѣ-то, не могла не оказать вліянія на удешевленіе производства, не могла не повліять на пониженіе стоимости произведеній, а между тѣмъ нашъ *кустарь* все продолжаетъ крутить снурки руками, и только дивится, почему за возжи даютъ все дешевле, почему это *другіе*, *гдѣ-то*, могутъ работать дешевле. Вѣдь онъ, кажется, и такъ работаетъ чуть не задаромъ, какъ же другіе-то живутъ? Нужно было, чтобы солдатъ тамъ, гдѣ-то въ Питерѣ случайно увидалъ машину, вспомнилъ про свое дѣтство, молодость, когда онъ дома, въ родномъ селѣ и бумагу разматывалъ и снурки крутилъ для возжей, и вдругъ подумалъ: «дай посмотрю хорошенько, какъ эта механика та самая устроена, кажись не мудреная; авось запомню, а дома пригодится». И пригодилось. Вернулся солдатъ на родину, разсказалъ про машину, отыскали столяра мужичка, бился онъ надъ ней, бился, долго не удавалось, а наконецъ и соорудовалъ. «Спасибо ему, родимому», поминаютъ его добрымъ словомъ и теперь крестьяне, когда его уже давно на погостъ снесли, «вспомнилъ про насъ на чужой сторонкѣ» (стр. XII).

Тутъ хоть «солдатикъ» выручилъ. Но что дѣлать кустарю, когда и «солдатикъ» не въ состояніи ему помочь, когда проклятая машина работаетъ гдѣ-нибудь въ «нѣметчинѣ»? Тутъ ужь прямо ложись да умирай! Такая именно участь грозитъ въ настоящее время русскимъ кружевницамъ, плетущимъ кружева коклюшками. Дѣло въ томъ, что «въ январѣ 1881 года французомъ Малэзомъ изобрѣтена машина, на которой выплетаются *настоящія* кружева точь въ точь такимъ же способомъ какъ коклюшками, съ тою разницею, что машина работаетъ въ 300 разъ быстрѣе самой искусной кружевницы» (XXVI). Можно себѣ представить, каково будетъ положеніе нашихъ кружевницъ, и безъ того полуголодныхъ, когда имъ придется конкурировать съ новою машиною! А дать возможность кружевницамъ пріобрѣсть эту машину, конечно, никто не позаботится...

Но за то по части привитія мошенническихъ понятій прак-

тика у насъ обширная и очень убѣдительная. Вотъ одинъ образчикъ: «Прихожу я намѣднись къ купцу въ Москву за бумагой, разсказывалъ мнѣ крестьянинъ Андрей Никитинъ, имѣющій 2 машины въ деревнѣ Чевиренѣ, а онъ и набавилъ цѣну, а за чулки все по прежней цѣнѣ даетъ. Я ему говорю, никакъ нельзя молъ работать тогда. А онъ мнѣ и говоритъ, а ты оставь иголки ю 4 съ краевъ да чулки порѣже вяжи. Бумаги пойдетъ поменѣе, а чулокъ одной величины выйдетъ, только по рѣже, вотъ и наверстаешь. Ну мы такъ и стали дѣлать» (стр. 104)...

Въ чужой средѣ. Повѣсть изъ быта образованныхъ рядовыхъ, поступившихъ въ войска по обязательной повинности. *В. П. Гамулецкій.* М. 1882.

Можно было опасаться, что со времени всеобщей воинской повинности литература наша будетъ запружена беллетристическими произведеніями на тему, избранную г. Гамулецкимъ. На самомъ дѣлѣ ничего такого не случилось и мы почти ничего не знаемъ о томъ, какъ чувствуетъ себя «интеллигенція» подъ ружьемъ, какъ относится къ ней начальство, какъ встрѣчаютъ ее солдаты и проч. Въ этомъ спеціальномъ случаѣ, «какъ солнце въ малой каплѣ водъ», могли бы отразиться, въ своеобразномъ, разумѣется, преломленіи, многія и многія тревоги нашей теперешней жизни. Распространяться, впрочемъ, объ этомъ не приходится, потому что въ повѣсти г. Гамулецкаго не отразилось ничего, кромѣ прописной морали самаго низменнаго и аляповатаго свойства.

Тарасъ Ильичъ Супрыгинъ и Евсѣй Захаровичъ Трезвоновъ, два молодые новобранца, дворяне, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, являются на службу въ захолустную деревню Людмиловку, гдѣ расположена рота капитана Свѣтозарова. Одновременно съ ихъ пріѣздомъ, ротный командиръ получаетъ слѣдующее предписаніе: «На новобранцевъ Супрыгина и Трезвонова предписывается вашему благородію обратить особенное вниманіе и все, что вами будетъ замѣчено въ нихъ предосудительнаго, немедленно о томъ доносить и налагать самыя строгія мѣры взысканія, въ случаѣ, еслибы, при сношеніи ихъ съ нижними чинами, отъ ихъ поведенія могла пострадать дисциплина, или еслибы они вздумали вселять въ понятія людей что-либо противозаконное. На васъ налагается самый бдительный за ними надзоръ и въ случаѣ неисполненія подобнаго предписанія, съ вами будетъ поступлено по закону».

Подлинный ли это документъ или сочиненный, мы не знаемъ, но онъ во всякомъ случаѣ весьма соотвѣтствуетъ нашей дѣйствительности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ единственную живую черту въ повѣсти г. Гамулецкаго. Все остальное — грубѣйшая ложь, на которую не стоило бы обращать вниманія, еслибы не одно соображеніе. Но сначала посмотримъ какова ложь и въ чемъ она состоитъ.

Съ перваго же появленія новобранцевъ въ Людмиловкѣ съ поразительною ясностью обнаруживается, что одинъ изъ нихъ,

Супрыгинъ, мудръ яко змій и кротокъ яко голубь, а другой, Трезвоновъ, имѣетъ черную душу, низкіе помыслы и къ патріотизму неспособенъ. Такъ, являются они оба къ фельдфебелю. «Когда молодые рядовые представились ему, Максимъ (фельдфебель, человѣкъ, мимоходомъ сказать, высокихъ достоинствъ) протянулъ имъ руку. Тарасъ подошелъ первый и, протявувъ въ свою очередь руку, объявилъ фамилію. Евсѣй не двинулся съ мѣста и не далъ руки». Замѣчаете разницу? Далѣе, фельдфебель рекомендуетъ имъ унтеръ-офицера, назначеннаго имъ въ инструкторы. «Тарасъ повернулся къ нему и сдѣлалъ поклонъ. Евсѣй поклона не сдѣлалъ и продолжалъ стоять смирно». Тоже самое при рекомендаціи взводныхъ унтеръ-офицеровъ: «Тарасъ повернулся къ своему взводному и поклонился; Евсѣй же посмотрѣлъ только на своего взводнаго, но поклона не сдѣлалъ». Мало того, Евсѣй просто, наконецъ, усѣлся передъ фельдфебелемъ, и когда тотъ сдѣлалъ ему по этому случаю замѣчаніе — «Скотина!» подумалъ Евсѣй и всталъ со скамьи. «Онъ дѣльный фельдфебель! рѣшилъ Тарасъ». Авторъ съ своей стороны удостовѣряетъ: «И различно рѣшили они оба». Когда новобранцы удалились, произошла слѣдующая трогательная сцена:

Нѣсколько минутъ присутствовавшіе въ избѣ оставались въ безмолвіи. Максимъ прошелся взадъ и впередъ молча, потомъ всталъ посреди всѣхъ и сказалъ:

— Видали?

— Видали, Максимъ Никаноровичъ! отвѣтили они.

Максимъ окинулъ ихъ орлинымъ взоромъ и многозначительно произнесъ:

— Ну?

— Дѣло видимое! отвѣтилъ взводный Евсѣя.

— Тарасъ Ильичъ—чудесный господинъ! сказалъ инструкторъ.

— Простой, хорошій баринъ! замѣтилъ взводный Тараса.

— И притомъ сущій образованный баринъ! крикнулъ Вахлюкъ.

Максимъ подошелъ къ шкафику и, вынувъ оттуда графинчикъ водки, налилъ ее въ чарку.

— Пью за здоровье дорогого солдата—Тараса Ильича! провозгласилъ онъ:— дай Боже ему счастья и много лѣтъ жизни!

Громкое «ура» было отвѣтомъ на тостъ Максима.

Табло!

Вы понимаете, что̀ слѣдуетъ дальше. Тарасъ превосходно учится всѣмъ артикуламъ, Евсѣй въ этомъ направленіи лѣнивъ и неспособенъ. Тарасъ со всѣми вѣжливъ и ласковъ, Евсѣй со всѣми грубъ. Тараса солдаты, можно сказать, «обожаютъ», начальство цѣнитъ, называетъ «свѣтомъ арміи», производитъ въ ефрейторы, унтеръ-офицеры, и проч. Евсѣя солдаты не терпятъ, ругаютъ, бьютъ, начальство бранитъ, арестуетъ и т. д. Но конецъ концовъ лучше всего для Тараса и хуже всего для Евсѣя. Евсѣй, будучи, кромѣ прочихъ своихъ пороковъ, трусомъ, не исполняетъ на полѣ сраженія приказанія ротнаго командира, капитана Свѣтозарова, и за это капитанъ тутъ же его застрѣливаетъ. Но въ томъ же сраженіи самъ Свѣтозаровъ погибаетъ на турецкихъ

штыкахъ, вслѣдствіе чего, добродѣтельный и счастливый Тарасъ получаетъ послѣднюю и высшую премію за добродѣтель, супругу капитана, прелестнѣйшую Ольгу Николаевну, которую онъ уже давно въ тайнѣ любитъ. Такъ наказывается порокъ, такъ торжествуетъ добродѣтель!

Многоразличные побочные эпизоды повѣсти г. Гамулецкаго вполнѣ соотвѣтствуютъ суздальскому живописанію основной темы. Вотъ, напримѣръ, разговоръ *шестимѣтняго* сына Свѣтозаровыхъ со священникомъ:

Коля посмотрѣлъ на батюшку, затѣмъ бойко подошелъ къ нему и пролепеталъ.

— Бьягосьявите, батюшка!

— Ну, вотъ милый за то! сказала мать.

О. Порфирій его благословилъ и поцѣловалъ.

— Коля! сказалъ Свѣтозаровъ.

— Что папа? и онъ обнялъ мать.

— Кого ты всѣхъ больше любишь?

Коля, не задумавшись, отвѣтилъ:

— Христа.

— А потомъ? снова спросилъ отецъ.

— А потомъ тебя да маму.

— А потомъ?

— Батюшку, священниковъ!

— За что же ты любишь священниковъ?

— Они Богу сьюжутъ.

Что же касается прелестной Ольги Николаевны, выданной Тарасу въ видѣ преміи за добродѣтель, то она превосходно знаетъ высшую математику: «Преобразить ли прямоугольныя координаты въ полярныя, вывести ли уравненіе трансцендентныхъ кривыхъ, проинтегрировать ли по способу Остроградскаго или измѣрить кривыя поверхности посредствомъ двойного интегрированія, все это она могла воспроизвести съ большимъ знаніемъ и съ достаточною быстротою». А вслѣдствіе этого между супругами Свѣтозаровыми происходятъ иногда такіе разговоры:

— Какъ это ты говорила, Оля, про интегрированіе-то функцій о двухъ и болѣе перемѣнныхъ? Что есть на то два способа: первый состоитъ въ отдѣленіи перемѣнныхъ величинъ, дабы можно было привести ихъ къ интегрированію функцій объ одной перемѣнной, а вотъ второй-то и забылъ...

— Въ розысканіи множителя, содѣлывающаго предложенный дифференціалъ точнымъ, закончила она и разсмѣялась.

— Господи! Ничего то я не понимаю, проговорилъ Свѣтозаровъ, качая головой и разводя руками.—Такая то, съ позволенія сказать, тарабарщина!..

Довольно. Изъ познаній прелестной Ольги Николаевны читатель долженъ усмотрѣть, что этими познаніями обладаетъ самъ авторъ и ссужаетъ ими прелестную даму, дабы придать ей болѣе блеску. Кромѣ того, авторъ, очевидно, знакомъ съ русской литературой, ибо поминаетъ при разныхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ Л. Толстого и Щедрина, Успенскаго и Достоевскаго, Пыпина и Потѣхина. Наконецъ, онъ и самъ прикосновенъ къ литературѣ, ибо ссылается на свою статью, напечатанную въ

«Русскомъ Вѣстникѣ» за 1878 годъ. Можетъ быть эта статья и очень плоха, но все-таки должна быть безконечно выше повѣсти «Въ чужой средѣ», потому что подобной дребедени рѣшительно ни одинъ журналъ не напечатаетъ. Спрашивается, почему же человѣкъ, не лишенный довольно разнообразныхъ свѣдѣній и нѣкоторой способности изложенія, написалъ такую дребедень? Однимъ отсуствіемъ художественнаго дарованія этого объяснить нельзя. Здѣсь бьетъ въ глаза какой-то особенный недостатокъ нравственнаго чутья, препятствующій автору понимать всю бездонно-глубокую лживость образа, напримѣръ, шестилѣтняго мальчика, который любитъ священниковъ за то, что они «съюжатъ Богу». Таковъ же и этотъ величественный Максимъ, провозглашающій тостъ за здоровье «дорогого солдата Тараса Ильича», такова и вся повѣсть. Кто говоритъ! Исполненіе обязанностей прекрасно и достойно всякой похвалы. При этомъ случается иногда и такъ, что добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается. Бываетъ это. Но тѣмъ не менѣе или даже прямо тѣмъ болѣе, повѣсть г. Гамулецкаго, принимая въ соображеніе нѣкоторое умственное развитіе автора, есть чрезвычайно дурной признакъ. Она свидѣтельствуетъ, что добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается у насъ не особенно часто. Ибо еслибы это были явленія обыкновенныя, то нравственное чутье не притупилось бы у насъ до такой степени, и мы умѣли бы рисовать добродѣтельныхъ людей. Теперь же мы рисуемъ кукольную благонамѣренность и благонамѣренныхъ куколъ. Ничего тутъ хорошаго нѣтъ, а дурного много...

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ БЕЛЬ-ЭТАЖЪ.

... Не такъ давно деревенское уединенiе мое было нарушено весьма непрiятнымъ обстоятельствомъ: случилось мнѣ прочесть въ литературномъ обозрѣнiи «Голоса» о томъ, что «Русскiй Вѣстникъ» помѣстилъ статью, посвященную литературѣ о народной жизни, гдѣ осрамилъ всѣхъ пишущихъ о народѣ (а я тоже маракую по части разныхъ очерковъ и отрывковъ изъ крестьянской жизни) самымъ постыднымъ образомъ. Не то огорчило меня, что авторъ статьи причислилъ себя къ «литературѣ бель-этажа», къ литературѣ парадныхъ комнатъ, всѣхъ насъ наименовалъ литературою кабака и харчевни, задняго двора и чорной лѣстницы; не то, что въ посрамленiе насъ онъ торжественно указалъ на великiя имена Пушкина, Лермонтова и Гоголя и противопоставилъ имъ «всѣхъ этихъ» «разныхъ семинаристовъ»; не то, наконецъ, что наши несчастные очерки и отрывки изъ деревенскихъ дневниковъ онъ привелъ въ связь съ крамолой, нѣтъ! Все это давнымъ давно извѣстно, а главное все это не можетъ быть опровергаемо, и стало быть нисколько не можетъ волновать «этихъ разныхъ семинаристовъ». Въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не знаю, что, напримѣръ, я, одинъ изъ «этихъ семинаристовъ», не похожъ на Пушкина? Развѣ я не знаю, что «Русскiй Вѣстникъ»—литература бель-этажа? Развѣ я не знаю, что «крамола» чудится этому бель-этажу литературы во всемъ, и что нельзя написать «отрывка» изъ деревенскаго дневника и затронуть въ немъ хоть каплю изъ безчисленныхъ и настоятельныхъ деревенскихъ нуждъ, чтобы какой-нибудь литературный сыщикъ не указалъ на тебя, какъ на человѣка, котораго слѣдовало бы истребить? И чѣмъ я виноватъ, что я родился не въ бель-этажѣ? Родись я въ бель-этажѣ, а бель-этажный критикъ въ лакейской—тогда онъ бы былъ представителемъ литературы кабака и харчевни, а я забрался бы въ бель-этажъ, и т. д. Все отъ Бога, господа, и въ этихъ дѣлахъ—ничего не подѣлаешь! А они ругаются и за то, что родился не въ бель-этажѣ, и за то, что не Пушкинъ. Но, милостивые государи, вѣдь и вы тоже не Пушкины... Развѣ господинъ Катковъ похожъ на Лермонтова, или развѣ г. Щебальскiй напоминаетъ Гоголя?..

Повторяю, не это меня взволновало и раздосадовало; на все

это, право, можно бы отвѣтить и весело и остроумно, еслибъ была охота, и еслибы жизнь, которая идетъ передъ нами, не была такъ тягостна, и такъ упорно не хотѣла хоть чѣмъ-нибудь облегчить угнетенную душу русскаго человѣка. Меня взволновала, благодаря этой критикѣ, именно эта самая жизнь, жизнь деревенская, окружающая меня... Тысячу разъ я говорилъ себѣ, что надо бросить писать о деревнѣ, что теперь «поздно», что очерки и отрывки, при условіяхъ, которыми окружена подобнаго рода литературная работа, безплодны, не нужны, потому что не могутъ выразить всей многосложности того *ненужнаго зла*, которое введено въ народную жизнь упорными, но ужасными по безсердечію, усиліями, и съ которымъ теперь деревня принуждена раздѣлываться «своими средствами». Картина *ненужнаго*, ничѣмъ неоправдываемаго зла, которую вы, деревенскій житель, созерцаете ежедневно, ежеминутно, до такой степени убиваетъ въ васъ возможность «здраво» мыслить, т. е. мыслить, не приходя въ физическое изнеможеніе, что созерцаніе деревенской жизни въ данную минуту является дѣломъ, неизбѣжно приводящимъ къ психическому разстройству. Вотъ этотъ-то приливъ обезсиливающей тоски, тоски прекращающей въ концѣ-концовъ всякую работу мысли, всякую возможность ощущать, будучи живымъ, что-нибудь, кромѣ страшнаго холода внутри и внѣ, вотъ въ такое-то мученіе и повергла меня статья бель-этажнаго критика. Она опять и въ усиленной степени воскресила эту дѣйствительность деревенскую, отъ которой не знаешь куда уйти, чтобы хоть здоровьемъ-то физическимъ запастись; она, доказывающая, что «очерки» и «отрывки изъ дневниковъ», ничтожество и посрамленіе литературы, сдѣлала то, что сама дѣйствительность, которую «очерки и отрывки» не отражаютъ и въ самой ничтожной степени, вдругъ встала во всемъ своемъ грозномъ безобразіи и стала давить, гнести, царапать, рвать и мучить всѣми муками, на какія способно безъ нужды, безъ смысла раздраженное, разозленное существо... Въ самомъ дѣлѣ, какіе ужь тутъ «отрывки» и «очерки»...

Чтобы хоть мало-мальски успокоиться отъ этого волненія, которое, я зналъ ужь, не могло кончиться ничѣмъ, кромѣ упадка физическихъ силъ, я вновь взялся за газету, въ которой было напечатано литературное обозрѣніе; мнѣ хотѣлось отвлечь мое волненіе отъ мучительной дѣйствительности и сосредоточить его на чемъ-нибудь такомъ, что̀ бы дало мнѣ возможность хоть какъ-нибудь облегчить мое волненіе—чего дѣйствительность не даетъ; думаю: перечитаю фёльетонъ, обругаю г. Каткова, обругаю г. Щебальскаго, вотъ мнѣ и станетъ легче. Взялъ я съ этою цѣлію фёльетонъ и сталъ его перечитывать и, къ величайшему моему удивленію, съ первыхъ же строкъ нетолько сталъ успокоиваться, и переставъ волноваться, но былъ поглощенъ соображеніями совершенно новыми и неожиданными. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ томъ же самомъ литературномъ обозрѣніи, гдѣ г. литератур-

ный обозрѣватель разсказываетъ о томъ, какъ г. Щебальскій «изуродовалъ» насъ всѣхъ, пишущихъ о народѣ, этотъ же г. литературный обозрѣватель упоминаетъ о другомъ литературномъ произведеніи, напечатанномъ въ томъ же номерѣ «Русскаго Вѣстника», гдѣ помѣщена и статья г. Щебальскаго. Произведеніе это, принадлежащее, безъ всякаго сомнѣнія, къ литературѣ бель-этажа (оно напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), есть романъ г-жи Толычовой, въ которомъ разсказывается такая исторія: жили были графъ съ графинею и родился у нихъ сынъ; но ехидная дворовая баба подмѣнила графскаго ребенка своимъ ехиднымъ дворовымъ ребенкомъ, рожденнымъ, по всей вѣроятности, незаконно, гдѣ-нибудь въ конюшнѣ или въ хлѣву. И вотъ возникаетъ трагическое недоразумѣніе: подъ именемъ графа, въ графскомъ бель-этажѣ ростетъ продуктъ лакейской и кучерской, исчадіе кабака и харчевни, а настоящій графъ воспитывается въ лакейской, впослѣдствіи даже чиститъ сапоги попавшему незаконно въ бель-этажъ прохвосту, каковой прохвостъ и ругаетъ настоящаго-то графа всякими скверными словами, называетъ неумытымъ рыломъ и т. д. Вотъ голый остовъ превосходнаго произведенія г-жи Толычовой, и хотя я получилъ о немъ понятіе изъ сокращеннаго пересказа, сдѣланнаго литературнымъ обозрѣвателемъ «Голоса», но, признаюсь, оно дало моимъ мыслямъ совершенно неожиданный оборотъ. Боже мой! воскликнулъ я, какое трагическое положеніе! Прохвостъ ругаетъ настоящаго графа за «неумытыя руки», за то, что настоящій графъ, волею судебъ поставленный въ положеніе человѣка низкаго званія, не умѣетъ правильно выражаться, говоритъ «рупъ на рупъ» вмѣсто «рубль на рубль», «въ Питенбурхъ» вмѣсто Петербургъ, называетъ прохвоста «васясо» [1], вмѣсто «ваше сіятельство», и т. д., и т. д., а на дѣлѣ-то оказывается, что этотъ чванящійся своимъ бель-этажемъ проходимецъ самъ бы долженъ былъ чистить своему теперешнему лакею сапоги и бѣгать у него на побѣгушкахъ... Боже мой! воскликнулъ я опять, вѣдь стало быть, бываютъ случаи такой глубокой несправедливости. Стало быть возможно, что человѣкъ, сидящій въ бель-этажѣ и кричащій «мы бель-этажъ», ругающій кабакъ и харчевню, брезгающій всѣмъ, что не достойно его общества, возможно, стало быть, что этотъ человѣкъ именно самъ и есть истинный представитель кабака и харчевни? Мысль г-жи Толычовой показать, что титулъ, дорогое помѣщеніе и грубость по отношенію къ меньшей братіи, еще не суть признаки благородства души и не могутъ еще служить основаніемъ для всеобщаго уваженія, показалась мнѣ превосходной. Если это та самая г-жа Толычова, подумалъ я:—которая написала разсказы о 12-мъ годѣ, то самый возрастъ ея, свидѣтельствующій о ея огромной опытности и знаніи людей, долженъ быть порукою въ томъ, что она не даромъ отмѣтила эту

[1] Въ разсказахъ Л. Н. Толстого.

черту нашего времени; она должна была видѣть настоящіе бельэтажи, и если въ настоящее время задалась мыслью доказать, что не во всѣхъ бель-этажахъ живутъ порядочные люди, то стало быть, черта эта, особенно стала бросаться въ глаза. И точно: я вотъ очень хорошо знаю, что волостной старшина Чуркинъ, уже набившій карманъ, благодаря крестьянской безграмотности и нуждѣ, черезъ пять—десять лѣтъ, очутится въ Москвѣ, найметъ бель-этажъ и начнетъ ругаться на свою же братію мужиковъ—и что же? Неужели же я долженъ буду считать его представителемъ ума, таланта, совѣсти, чести и т. д. только потому, что эта скотина платитъ дорого за «фатеру»? А такихъ молодцовъ, будьте увѣрены, станетъ прибывать изъ деревень въ городъ и столицы съ каждымъ днемъ все больше и больше, и что же будетъ, если всѣ они (сію минуту просто только міроѣды), забравшись въ бель-этажъ, провозгласятъ собственную свою литературу, «почнутъ» отыскивать крамолу, а когда имъ не понравится какой нибудь «отрывокъ» изъ деревенской жизни, напечатанный не въ бель-этажномъ журналѣ, то они безъ большихъ разговоровъ будутъ прямо посылать своихъ литературныхъ критиковъ въ полицію... Вѣдь житья не будетъ!

Чтобы разрѣшить трудную въ настоящее время задачу: «кто долженъ считаться истинно достойнымъ жителемъ бель-этажа?» г-жа Талычова употребляетъ, какъ мы видѣли, пріемъ весьма оригинальный. Въ графѣ, живущемъ въ бель-этажѣ, она (если такъ можно выразиться) помѣщаетъ подлую и низкую душу, а въ лакеѣ этого графа помѣщаетъ душу высокую и благородную, и такимъ образомъ, мѣриломъ истиннаго аристократизма является благородство души, благородство и гуманность идей, намѣреній и поступковъ. Она какъ бы говоритъ: человѣкъ съ титуломъ, но съ низкою душой и «въ бель-этажѣ» есть не болѣе какъ дрянь, нестоющая вниманія; а тотъ, кто безъ титула, находясь въ самомъ низкомъ званіи, но обладаетъ благороднымъ сердцемъ и возвышеннымъ умомъ, тотъ-то и есть истинный аристократъ. Такъ у нея въ романѣ и вышло: лакей оказался графомъ, а графъ оказался лакеемъ и былъ выгнанъ изъ бель-этажа при помощи дворниковъ.

Да! надобно г-жѣ Толычовой отдать полную справедливость, она какъ разъ во̀-время выдвинула на сцену позабытый нѣкоторыми бель-этажами принципъ «благородства души», какъ признакъ истиннаго аристократизма и права на привилегированное положеніе въ обществѣ. Благородные помыслы и благородные поступки, вотъ единственныя основанія права считать себя человѣкомъ, стоящимъ выше толпы, выше улицы, выше харчевни. Посмотрите, пожалуйста, на слѣдующіе два эпизода, недавно прочитанные мною въ газетахъ: въ московской газетѣ «Русскій Курьеръ», отъ 6-го мая напечатана изъ Рязани такая корреспонденція: «Нѣсколько дней назадъ въ пригородномъ селѣ Кузьминскомъ произошелъ слѣдующій прискорбный случай. *На*

другой день послѣ бывшаго тамъ пожара прискакалъ въ село, верхомъ на лошади, тамошній мировой судья *князь* К—нъ и сталъ *сгонять* кузьминскихъ крестьянъ *нагайкой*, чтобы затушить тѣ сто тридцать крестьянскихъ дворовъ, которые *еще наканунѣ сгорѣли* въ селѣ до тла. Кузьминскіе крестьяне предположили, что ихъ мировой, и до прежде эксцентричный и взбалмошный, теперь просто сошелъ съ ума, и стали по возможности уклоняться отъ его нагайки; но потомъ, видя, что князь К—нъ не пьянъ и не боленъ, а только *страшно озлобленъ на крестьянъ* (курсивъ подлинника), начали выражать ему свой ропотъ на его грубое надъ ними насиліе въ довольно рѣзкихъ формахъ и ругани, особенно когда кн. К—нъ, разъѣзжая по пожарищу съ плетью въ рукѣ, отхлысталъ *ни за-что ни про-что* сельскаго старосту, избилъ нагайкой старика Бѣляева и *изсѣкъ* еще нѣсколько лицъ, случайно попавшихся ему подъ руку. Сынъ крестьянина Бѣляева, видя изсѣченнымъ своего старика-отца, въ порывѣ понятнаго чувства и справедливаго негодованія на судью, послалъ его «къ чорту», умолялъ своихъ односельчанъ вступиться за его отца и сталъ выражать въ селѣ порицаніе князю К—ну, утверждая, что его поступокъ есть грубѣйшій произволъ, такъ какъ, *по закону*, *даже каторжныхъ* стариковъ не наказываютъ плетьми. Узнавъ объ этомъ, мировой судья князь К—нъ, *страшно разсвирѣпѣлъ* на сына крестьянина Бѣляева, и послалъ тотчасъ же тамошняго урядника составить «протоколъ объ оскорбленіи Бѣляевымъ мирового судьи при исполненіи последнимъ служебныхъ обязанностей». Крестьяне же, въ свою очередь, а особенно потерпѣвшіе, собираются жаловаться на судью за дикую расправу. Но очень встревожены тѣмъ, какъ бы не вышло имъ изъ-за этого какой опаски» («Голосъ», № 125). Въ этомъ дѣлѣ, какъ видите, дѣйствуетъ князь — лицо, несомнѣнно причисляющее себя къ «бель-этажу». А вотъ другой случай, въ которомъ играетъ роль, выражаясь языкомъ вашего бельэтажа, человѣкъ харчевни и улицы, просто-на-просто урядникъ: «Въ Гадячскомъ уѣздѣ, пишутъ въ «Голосѣ»: — на одной сельской ярмаркѣ произошелъ пожаръ. Урядникъ, находившійся здѣсь, ни съ того ни съ сего вообразилъ, что причина пожара—поджогъ, и, руководимый какими-то непостижимыми соображеніями, поймалъ за шиворотъ одного изъ крестьянъ и сталъ его тащить куда-то, а такъ какъ крестьянинъ сопротивлялся, то урядникъ принялся его колотить, крича народу, что онъ поймалъ поджигателя; раздраженный пожаромъ народъ цѣлой массой навалилъ на несчастнаго мужика и принялся его тузить до того, что урядникъ самъ долженъ былъ отбивать его и отбиваться отъ толпы шашкой. Избитый крестьянинъ оказался ни въ чемъ не виноватымъ...» Вотъ два дѣянія, изъ которыхъ въ одномъ дѣйствуетъ князь, а въ другомъ—плебей. Спрашивается, имѣетъ ли князь К—нъ хотя малѣйшее право хоть чѣмъ-нибудь кичиться передъ плебеемъ? И можетъ ли означенный князь презирать этого пле-

бея только потому, что онъ князь и обитатель бель-этажа? Кромѣ того, если поступокъ князя К—на, безцѣльный и жестокій, не роняетъ значенія того бель-этажа, къ которому онъ себя причисляетъ, то почему и уряднику не считать себя достойнымъ этого бель-этажа, разъ онъ дѣлаетъ точь въ точь такой же безсмысленный и жестокій поступокъ, какъ и кн. К—нъ. Но госпожа Толычова приходитъ намъ на помощь и такъ разрѣшаетъ запутанный вопросъ: «—Нѣтъ, говоритъ она:—никто изъ васъ недостоинъ бель-этажа, а оба вы, несмотря на разницу званія и состоянія, заслуживаете арестантской. Бель-этажа достоинъ тотъ, кто, несмотря на званіе и состояніе, имѣетъ благородную душу, не колотитъ людей зря, потому что такъ пришло въ голову, не гонитъ нагайками тушить пожаръ, который кончился тому назадъ два дня, а приходитъ на помощь погорѣльцамъ, помогаетъ, ободряетъ словомъ, пользуется возможностью проявить свои благородныя чувства. Вы же оба—не бель этажъ»,

Признаюсь, чѣмъ больше и внимательнѣе вдумывался я въ значеніе того глубокаго смысла, который придаетъ госпожа Толычова слову «бель-этажъ», тѣмъ неудержимѣе возгоралось во мнѣ желаніе узнать и точно опредѣлить, дѣйствительно ли «ихній» бель-этажъ имѣетъ права на ту наглость, съ которою онъ кричитъ о своемъ высокомъ положеніи въ обществѣ? Имѣетъ ли право этотъ «ихній бель-этажъ» кричать на весь свѣтъ: «Мы—литература бель-этажа, мы представители и выразители высшаго общества, мы—большой свѣтъ, мы—соль земли, а все остальное—соръ и грязь, которую надо вымести вонъ, выбросить въ грязь, въ канаву съ нечистотами». И едва я начиналъ думать объ этомъ, какъ ужь, самъ не знаю почему, чувствовалъ себя весьма неловко. «Охъ, говорилъ я самъ себѣ мысленно: — вѣдь, пожалуй, что въ этомъ бель-этажѣ не совсѣмъ чисто!.. «Фатера», думалось мнѣ со свойственною мнѣ безграматностью:—у «ихъ» точно-что въ бель-этажѣ, а народъ тамъ, какъ оказывается, не вполнѣ... нѣтъ!.. какъ будто бы не вполнѣ господскаго званія... Фраки на нихъ надѣты—это правда, но вѣдь вотъ и у «татаръ» вся прислуга во фракахъ... А разговоръ ихній? А ужь что касается разговору, такъ и въ харчевнѣ такъ не разговариваютъ, какъ въ ихнемъ бель-этажѣ. На нашего брата изъ низкаго званія серчаютъ и начальству жалуются, когда по безграматности скажешь «рупъ на рупъ» или «васясо», или «Петенбурхъ», жалуются и на весь свѣтъ срамятъ, а сами? Двадцать-пять лѣтъ, день въ день, часъ въ часъ, изо дня въ день и изъ часу въ часъ, во всѣ свои парадныя окна, подъѣзды и швейцарскія, не войдутъ, не выйдутъ и не выглянутъ безъ скверннаго слова: «Мошенники пера! Мошенники и мерзавцы либерализма! Негодяи, разбойники, плуты и проходимцы печати! Подлецы, дураки, идіоты и негодяи самоуправленія! Прохвосты свободы печати! Ослы и соврасы народнаго кредита! Сволочь бюрократизма и подстѣги нигилизма!» и т. д.,

и т. д. Двадцать-пять лѣтъ, на всю Россію, въ окна и въ двери, только и слышишь — скрежещутъ и орутъ: подлецы, негодяи, олухи, мошенники, разбойники, воры, подхалюзы, подстёги, ослы, прихвостни, прохвосты, проходимцы, плуты, идіоты, дураки, убійцы, предатели, измѣнники... безъ конца! Только развернешь листъ ихней бель-этажной газеты—на первой же строкѣ скрежетъ и крикъ! И это съ 9-ти часовъ утра каждый божій день, двадцать-пять лѣтъ! Никому нѣтъ покою! Точно у нихъ тамъ въ «*ихнемъ* бель-этажѣ» идетъ какая-то драка непрерывная... Что они тамъ творятъ? часто думалъ я, стоя передъ ихнимъ бель-этажемъ вмѣстѣ съ толпой народа. «А пёсъ ихъ знаетъ!» отвѣчали мнѣ большею частію. Подступиться не даютъ—ишь какіе хоромы!—а народъ, сказываютъ, тамъ не то чтобы изъ очень чистаго званія... И что за компанія собралась — Господь вѣдаетъ. Круглый годъ дебоширствуютъ, а ничего!..

Слышалъ я еще и такой разсказъ объ этой компаніи. Не такъ давно ѣхалъ я въ третьемъ классѣ по Николаевской дорогѣ изъ Петербурга домой въ деревню и разговорился съ сосѣдомъ, почтеннымъ старичкомъ изъ отставныхъ солдатъ. Оказалось, что онъ долгое время служилъ швейцаромъ неподалеку отъ «ихняго» бель-этажа. Вотъ я и спросилъ этого старичка, что за народъ проживаетъ въ этомъ бель-этажѣ?

Прежде чѣмъ отвѣтить, старикъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Передъ Богомъ вамъ сказать, пятнадцать годовъ выжилъ, кажинный день безчинства ихнія видѣлъ, а что за народъ—не могу вамъ въ точности доложить... Вѣдь нонѣ, сами знаете, какое время: вонъ у насъ въ Москвѣ въ Сокольникахъ городовые избили и ограбили человѣка. Или въ части въ одной городовой или околодочный, хорошенько не помню, *приказалъ* одному арестанту изнасильничать женщину. Она за паспортомъ пришла. Вѣдь нонѣ вотъ какія дѣла дѣлаются. Вотъ я и думалъ, что эти господа подкупаютъ городовыхъ, а тѣ имъ и мирволятъ, даютъ волю безобразничать... Потому, сами посудите, пятнадцать лѣтъ я выжилъ и нѣтъ того дня, чтобы не было скандалу! И все вѣдь боемъ, не такъ чтобы одной бранью, а прямо къ сусаламъ лѣзутъ! Чуть сунулъ носъ къ нимъ, глядь — крикъ, гамъ, а сквернословы какіе — ужасти! И все сходитъ съ рукъ, все уйму нѣту! Наше дѣло, какъ мы низкаго званія — молчи! стой, знай свое дѣло, не суйся... А и то я разъ не вытерпѣлъ, какъ они какого-то ученика годовъ этакъ десяти начали лущить!.. Ну, тутъ ужь я не вытерпѣлъ, потому дюже ребенка жалко—накинулись эво какіе верзилы на махонькаго! Не вытерпѣлъ, пошелъ къ ихнему швейцару, говорю: «Что это господа-то ваши какъ будто дюже сурьёзно поступаютъ... Вѣдь сосѣди обижаются!» А швейцаръ-то ихній недавно поступилъ. «Я и самъ, говоритъ, опасаюсь... какъ бы чего не было... да не знаю... я вновѣ... господа-то больно важные, вѣдь они меня, ежели что...» Ну, я опять же не вытерпѣлъ, пошелъ,

позвалъ городового, сказалъ ему... «Уйми, говорю, господъ; нашъ баринъ, говорю (ужь приврaлъ, признаться, извините), жаловаться, говорю, хочетъ... А ты тутъ стоишь, не слышишь, что съ ребенкомъ дѣлаютъ. Зачѣмъ ты приставленъ? Иди, говорю, пиши протоколъ, зови околодочнаго!» Разгорѣлся, признаться, погорячился, потому слышу, что ребенокъ благимъ матомъ вопитъ, ну, а городовой-то прикрикнулъ тутъ на меня, обругался... И не знаю ужь, правда ли, нѣтъ ли, побожился, что деньгами его не дарили... «Не дадено, говоритъ, ни копейки. А потому, говоритъ, молчимъ, что господа быдто бы эти оченно хорошіе и нужно имъ во всемъ потрафлять... Оченно ужь быдто бы они Россію обожаютъ, отечество, напримѣръ. А ежели и бьютъ, такъ бьютъ не зря, а искореняютъ зло... Вотъ и ребенка теперь тиранятъ, а почему? потому хотятъ искоренить въ немъ зло. Не искорени—выйдетъ врагъ своему отечеству, ну, вотъ они и искореняютъ. А вы, говоритъ, дураки, галдите безъ всякаго смысла: протоколъ! за околодочнымъ!.. Ты видишь, стоитъ тутъ на тротуарѣ-то сколь ихъ много прохвостовъ-то. Дать имъ волю, такъ они чего не надѣлаютъ? Вотъ эти господа-то и взялись все искоренить. Отъ этого у нихъ и идетъ цѣлый Божій день содомъ и гоморъ. Ступайте-ка лучше по своимъ мѣстамъ». Ну, разошлись мы. Думаю, ежели такъ, чтобы враговъ отечества... ну, конечно, отчего же... бей!..

Старикъ замолчалъ и покачалъ головою.

— Вы что-жь думаете? спросилъ я его...

— Да думаю, что что-то, какъ будто не того... не вполнѣ чисто... Ужь ежели говорить, напримѣръ, насчетъ отечества, или, такъ сказать, насчетъ что касается какихъ прочихъ вредныхъ поступковъ, такъ вѣдь для этого начальство постановляется; вѣдь начальство затѣмъ и есть, чтобы соблюдать все какъ должно, а гдѣ не такъ—утверди! А это что-жь будетъ?.. Пришли невѣдомые народы, невѣдомо откуда, наняли фатеру и давай свою расправу дѣлать! Мы искореняемъ, а вы не суйтесь! Вѣдь это ежели такъ-то всякому дозволять своевольствовать, такъ тогда, хоть бы вотъ этотъ самый городовой, который въ Сокольникахъ-то орудовалъ, взялъ подобралъ себѣ такую же компанію блинохватовъ, нанялъ фатеру съ швейцаромъ, да и объявилъ: «открываю, молъ, свой окружной судъ». Свой молъ собственный судъ открываю, потому прочіе суды не по моему вкусу, а по моему вкусу такой судъ хорошъ, чтобы намъ, блинохватамъ, самимъ себѣ деньги присуждать съ прочихъ жителей... Ну, и что-же, хорошо это? Возможно это позволять? А тутъ, среди бѣлаго дня цѣлая фатера въ дракѣ, никому не даетъ проходу, а городовой стоитъ рядомъ, только папироску покуриваетъ, да прохожихъ прогоняетъ: «не трожь, говоритъ, тутъ отечество обожаютъ... оттого и драка цѣлый божій день!» Нѣтъ, по моему, по старинному, не хорошо... А сквернословіе-то! Помилуйте, на весь бульваръ... вѣдь дѣти гуляютъ, а они какими словами...

Поѣздъ подошелъ къ Любани. Я и старикъ вышли. Онъ сталъ пить чай, а я пошелъ купить газету... Когда поѣздъ тронулся опять, старикъ опять сидѣлъ противъ меня, а газета, которая была у меня въ рукахъ, опять заставила насъ возобновить разговоръ и, къ удивленію моему, разговоръ о томъ же самомъ «бельэтажѣ». Произошло это оттого, что въ томъ № газеты «Новое Время», который я купилъ въ Любани, на первой страницѣ (№ 2231) въ статейкѣ «Охранители или опустошители», шла рѣчь именно объ этомъ самомъ знаменитомъ московскомъ бельэтажѣ. Пробѣжавъ статейку, я невольно остановился на слѣдующихъ строкахъ «... самое понятіе «сильной власти» имѣетъ для «Московскихъ Вѣдомостей» особый смыслъ, не всегда отвѣчающій тому представленію о сильной власти, какое дается примѣрами исторіи, политическими доктринами, наконецъ простымъ здравымъ смысломъ». Припомнимъ лишь нѣсколько случаевъ изъ дѣятельности господъ этого бель-этажа. Они, напримѣръ, «были *недовольны* энергическимъ *проявленіемъ власти, когда шло дѣло о прекращеніи* такихъ общественныхъ бѣдствій, какъ заносъ *чумы* черезъ Каспійское море, или какъ *голодовка* въ обширной полосѣ имперіи. Имъ казалось, что усилія власти, направленныя къ успокоенію населенія, роняютъ ея престижъ. *Они хотѣли, чтобы свою силу власть проявила пренебреженіемъ къ тревожному состоянію страны, бездѣйствіемъ въ виду опасности*». Прочитавъ эти строки, я немедленно же перечиталъ ихъ моему собесѣднику, но тотъ, не привыкнувъ къ газетному языку, попросилъ меня разсказать своими словами.

— Дѣло въ томъ, сказалъ я, что когда была чума и голодъ въ восьми губерніяхъ, такъ эти господа, что по сосѣдству-то отъ васъ, на бульварѣ, бель-этажъ нанимаютъ...

— Ну-ну-ну!

— Они стали совѣтовать начальству, чтобъ оно не помогало.

— Не помогало?

— Да! Потому, говорятъ, если ты снизойдешь, будешь слушать, о чемъ тебя просятъ, такъ тебя уважать не будутъ, а если, говорятъ, ты не будешь обращать вниманія, плюнешь, тогда, говорятъ, и будутъ тебя почитать и все...

— Такъ. Это все одно, какъ ежелибы въ старыя времена, при господахъ, околѣла, положимъ, у меня лошадь и пошелъ бы я къ барину, а баринъ бы вмѣсто того, чтобы мнѣ подсобить, плюнулъ бы мнѣ въ лицо и прогналъ...

— Выходитъ, что такъ...

— А ежелибы онъ мнѣ въ моей нуждѣ помогъ, и далъ бы мнѣ лошадь, такъ я бы, стало быть, долженъ — не почитать за это?..

— Должно быть, что...

— Это кто же говоритъ?

— Да вотъ... они...

— Все въ той фатерѣ?..

— Тамъ...

Старикъ вздохнулъ и сказалъ, покачивая головой:

— Н-не знаю!.. Какое-такое отечество они обожаютъ, а, по моему, такъ за этакія слова нетолько что снисхождать... Господи ты Боже мой! зла-то и такъ между нами много... На то и начальство, чтобъ его не допускать, на то и власть огромная, чтобы добро дѣлать... Вѣдь вотъ голодные-то, сказываютъ, восемь губерній—ну, что они сами-то могутъ? Кто-жь какъ не начальсвво сдѣлаетъ? У начальства все есть, и деньги есть, и прикажетъ, оно, такъ его должны слушаться, все есть, чего у нашего брата нѣтъ... А они говорятъ: не помогать!.. Нѣтъ! Вѣрьте моему слову, не чисто, о-охъ не чисто это дѣло!.. Нѣтъ, не настоящіе это господа... Вотъ помяните мое слово!.. Ну-кось, почитай-кось, что тамъ еще про нихъ сказано...

Я снова взялъ газету и прочиталъ:

«— Еще болѣе разительный примѣръ (ихняго нравственнаго благородства) мы видѣли въ недавнее время, когда въ правительственныхъ сферахъ обсуждались вопросы по улучшенію быта крестьянъ. Важнѣйшій изъ этихъ вопросовъ объ обязательномъ выкупѣ они (бель-этажъ ихній) трактовали съ такой точки зрѣнія, что, если *исключительные* интересы землевладѣльцевъ *не будутъ удовлетворены даже свыше* полной мѣры, то государству грозитъ серьёзная опасность». Власть приглашалась ихнимъ бель-этажемъ проявить свою силу страхомъ передъ возможнымъ неудовольствіемъ нѣкоторой части землевладѣльцевъ, хотя бы въ ущербъ справедливости и разумно понимаемымъ государственнымъ пользамъ...

— Ну, это что такое? спросилъ старикъ...

— А это вотъ что такое, кажется. Начальство хотѣло выкупить крестьянъ, которые до сихъ поръ еще не выкупились, а потомъ само ужь получитъ съ крестьянъ. Дѣло въ томъ, чтобъ разъ навсегда покончить, не возжаться... Ну, а эти, что на «фатерѣто» живутъ, говорятъ: «а по какой цѣнѣ выплачивать будете?» Начальство имъ отвѣчаетъ: «по оцѣнкѣ, какъ въ 61-мъ году была сдѣлана оцѣнка». А «въ фатерѣ-то» это не понравилось...

— Все мало?

— Мало, говорятъ; а отдайте намъ, во-первыхъ, по новой оцѣнкѣ, потому земля теперь вдвое, втрое дороже стала... Начальство имъ говоритъ: «переоцѣнку въ 1880 г. покойный Государь отмѣнилъ». А они отвѣчаютъ: «—а мы, говорятъ, обижаемся. Подавай намъ «*свыше полной мѣры*»... Подавай, чего земля теперича стоитъ...

Старикъ молчалъ и крѣпко думалъ о чемъ-то.

— Это что же будетъ? сказалъ онъ, наконецъ.—Предположимъ, купилъ я себѣ домъ за тысячу рублей, будемъ говорить примѣромъ; черезъ годъ пристроилъ я баню, и домъ сталъ дороже; черезъ десять лѣтъ, выстроилъ я заводъ, онъ еще дороже. Что-жь? старый хозяинъ все и будетъ ходить ко мнѣ, да взы-

скивать съ меня: я молъ продалъ тебѣ домъ за тысячу рублей, а теперь онъ стоитъ пять, такъ позвольте мнѣ четыре тысячи получить... Такъ что-ль?!.

— Право, не знаю. Выходитъ какъ будто такъ...

— И все въ той фатерѣ?

— Все тамъ.

— Нѣтъ! Не господа! Это не настоящіе, ужь повѣрьте моему слову—не настоящіе! Это и мы, на что ужь мужики, и то понимаемъ, что и господъ не надо обижать, платимъ, готовы, но чтобы господа бы мужиковъ обижали, не хорошо! Хорошіе господа никогда этого не дѣлали. Что слѣдуетъ, брали, а ужь что не слѣдуетъ, «свыше полной пропорціи», это ужь не хорошо... Брали, и намъ помогали, а эти вишь кричатъ: «не помогай!» Видалъ я господъ, только не похожи были они на этихъ... Я самъ бывшій крѣпостной князя Александра Ларивоныча Васильчикова... изволите знать?

— Какже!

— Ну, такъ вотъ настоящій баринъ, не то чтобы что... вполнѣ—князь! Спрошу я васъ, дозволилъ ли бы онъ, чтобы, напримѣръ, не помогать мужику, или присовѣтывать, чтобы съ него брали сверхъ препорціи? Дозволилъ ли бы онъ себѣ дебоширничать, драться или ребенка истязать, или нехорошими словами ругаться, а тѣмъ паче совѣтовать: не помогай, плюнь на нужду?.. Ну, какія же это господа? Фатеру, точно что фатеру хорошую нанимаютъ... нечего про это сказать, но чтобы почесть ихъ за благородныхъ — нѣтъ! этого не будетъ... Одно скажу, охальники, больше ничего.

Старикъ долго и убѣдительно говорилъ на туже тему, сравнивая этотъ ихній бель-этажъ, его дѣла и желанія, съ поступками и мыслями своего покойнаго барина и упорно настаивалъ на томъ, что «это не настоящіе господа»... Эти рѣчи старика до такой степени много напомнили мнѣ прошлаго, и такъ мрачно оттѣнили этимъ прошлымъ настоящее, что я даже былъ радъ, когда, наконецъ, поѣздъ подошелъ къ той станціи, на которой мнѣ пришлось выходить... Но разсказы старика о князѣ А. И. Васильчиковѣ напомнили мнѣ, что у меня дома ужь нѣсколько дней лежитъ книжка г. Голубева, посвященная описанію жизни и дѣятельности этого благороднаго общественнаго дѣятеля. И вотъ я, подъ вліяніемъ непокидавшаго меня желанія убѣдить самого себя, что права «ихняго бель-этажа» на гордость, самохвальство, наглость и настойчивость, съ которою онъ умѣетъ достигать своихъ не всегда пріятныхъ для общества цѣлей, не имѣютъ достаточныхъ основаній, и вообще могутъ быть оспариваемы вполнѣ основательно, немедленно по возвращеніи домой, принялся за чтеніе книжки г. Голубева «Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ».

Я прочиталъ эту книжку, почти не отрываясь и ужь съ первыхъ страницъ и затѣмъ на каждой строкѣ и страницѣ не могъ

не говорить себѣ: «да это вотъ бель-этажъ, это благородство души, это благородство поступковъ»... Нѣтъ сомнѣнія, что я, какъ плебей, во многомъ не соглашался съ почтеннымъ общественнымъ дѣятелемъ и, зная свою плебейскую среду, не разъ говорилъ, что «это, молъ, не подходитъ къ намъ», «отъ этого не будетъ толку», «это намъ не къ рукѣ»—но все-таки не могу выразить, до какой степени мнѣ было пріятно вновь переживать и вновь передумывать тоже, что переживалъ и передумывалъ этотъ благовоспитанный и благородно думавшій человѣкъ, и сколько удивительно-благотворнаго успокоенія доставила мнѣ возможность уйти, благодаря книгѣ г. Голубева, отъ этого звѣринаго рева и толкучки «ихняго бель-этажа» въ область, въ самомъ дѣлѣ, насущнѣйшихъ вопросовъ русской жизни, рѣшаемыхъ хотя только на словахъ, не ревомъ, не ругательствомъ, не подвохомъ, а здравымъ и честнымъ словомъ и чистымъ сердцемъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какая непроходимая разница между этими «барскими-барами», кричащими на весь свѣтъ: «мы бель-этажъ, мы соль земли», и настоящимъ благовоспитаннымъ, никогда не обращавшимъ вниманія общества на то, что онъ нанимаетъ дорогую «фатеру». А. И. Васильчиковъ, въ самомъ дѣлѣ баринъ, князь, что весьма не мѣшаетъ помнить сомнительнымъ аристократамъ ихняго бель-этажа. Не мѣшаетъ имъ, что-то такое бормочущимъ о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, принять къ свѣденію и то обстоятельство, что кн. Васильчиковъ въ молодости близко зналъ ихъ, воспитывался произведеніями этихъ писателей; на его глазахъ былъ убитъ Лермонтовъ (онъ былъ секундантомъ); при немъ же убили и Пушкина. Эти двѣ смерти восторженно любимыхъ писателей навсегда запечатлѣли въ немъ любовь къ нимъ и рѣшительно и навсегда оттолкнули его впечатлительную и благородную душу отъ того кружка тогдашнихъ бель-этажей, гдѣ, по словамъ біографа, находились такіе люди, которые, напримѣръ, открыто «*оправдывали убійство*, извиняли волокитство, и *обвиняли* поэта въ излишней ревности» (ст. 8). Общество, въ которомъ одобряютъ убійство и обвиняютъ такихъ убитыхъ, какъ Пушкинъ, общество, гдѣ Лермонтовы сами ищутъ смерти, несмотря на свои бель-этажи, несмотря на полную возможность занять въ немъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ, не влекло къ себѣ А. И. «Съ ранней молодости, говоритъ онъ самъ:—(стр. 13), я почувствовалъ всю ничтожность канцелярской и придворной службы, и *необходимость узнать бытъ народа... въ провинціи, въ деревнѣ, гдѣ уныло и мирно течетъ трудовая жизнь*». И вотъ, чтобы найдти себѣ какое-нибудь дѣло внѣ Петербурга, гдѣ, по его же словамъ, «все представляется въ ложномъ свѣтѣ», онъ занимаетъ выборную должность уѣзднаго предводителя дворянства. Первое, что начинаетъ мучить его при столкновеніи съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ ему приходится жить и дѣйствовать и представителемъ котораго онъ избранъ, это... *во-первыхъ*, *безнравственность* тогдашнихъ помѣщиковъ и

безпомощность крестьянъ... «Я производилъ, говорилъ онъ:—нѣсколько дѣлъ о распутномъ поведеніи помѣщиковъ, сопровождавшихся самыми отвратительными преступленіями. Но, къ стыду нашего времени, долженъ сознаться, что рѣдко находилъ возможнымъ обвинить преступника... показанія крестьянъ противъ господъ не принимались къ свѣденію, а дворяне отзывались незнаніемъ или даже одобряли поведеніе того же самаго барина, котораго они считали мерзавцемъ и подлецомъ» (15). Невозможность для крестьянъ добиться правды и вниманія къ себѣ, также характерная черта того времени, возмущала его едвали не больше общественной безнравственности. Онъ съ глубокимъ негодованіемъ разсказываетъ, какъ губернское начальство требовало примѣрнаго наказанія бунтовщиковъ-крестьянъ, весь бунтъ которыхъ заключался въ томъ, что они, лѣтъ десять проживъ на полной свободѣ, согласно законному духовному завѣщанію покойнаго барина, вдругъ неожиданно опять оказались крѣпостными. «И дѣйствительно, говоритъ онъ въ глубокомъ негодованіи:—наказаніе было примѣрное: 10 дней крестьянъ усмиряли всякими средствами, добиваясь отъ нихъ повинной, но, не добившись ея, заковали пятнадцать человѣкъ и увели ихъ подъ прикрытіемъ цѣлой роты прямо въ Сибирь» (15). Зная тѣ круги общества, которые порицали Пушкина, ознакомившись съ безнравственностію тогдашняго общества, считавшагося интеллигенціей, и глубоко тронутый безправіемъ народа, онъ съ искреннимъ негодованіемъ говоритъ въ своихъ замѣткахъ о тѣхъ землевладѣльцахъ, которые бросаютъ на произволъ управляющихъ свои обширныя помѣстья, безжалостно относятся къ участи милліоновъ своихъ крестьянъ, предпочитая строить себѣ дачи изъ барочнаго лѣса, чтобы быть ближе къ тѣмъ сферамъ, гдѣ раздаются пироги... Соедините всѣ эти, наиболѣе сильныя впечатлѣнія лучшихъ годовъ развитія, и нетрудно будетъ догадаться, на чью сторону долженъ былъ стать такой человѣкъ въ ту минуту, какъ была объявлена крестьянская реформа.

И вотъ, начиная съ крестьянской реформы и непрерывно въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, кн. Васильчиковъ упорно преслѣдуетъ, насколько возможно, одну только цѣль—устроеніе освобожденнаго народа «по правдѣ и справедливости». Прослѣдить эту дѣятельность подробно, и разсказать ее шагъ за шагомъ, мы не имѣемъ ни намѣренія, ни возможности. Мы отмѣтимъ только то, что считаемъ самымъ главнымъ въ этой дѣятельности, самымъ существеннымъ, и сопоставимъ мнѣнія кн. Васильчикова, касающіяся этого главнаго и существеннаго, съ мнѣніями знаменитаго бель-этажа.

Время, которое настало послѣ освобожденія крестьянъ, и задачи, которыя оно поставило на очередь, кн. Васильчиковъ опредѣляетъ такимъ образомъ: «Для насъ въ Россіи нѣтъ предмета болѣе поучительнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе своевременнаго, какъ изслѣдованіе тѣхъ превратностей, чрезъ которыя про-

шло землевладѣніе въ Европѣ. Оно *своевременно* потому, что мы именно вступаемъ съ освобожденія крестьянъ въ тотъ періодъ общественнаго устройства, *когда закладываются главныя основы соціальнаго быта*. Оно поучительно потому, что въ исторіи европейскаго землевладѣнія можно прослѣдить и длинный рядъ грубѣйшихъ ошибокъ, насильствъ, несправедливостей и правильный ходъ цивилизаціи» (стр. 70). Замѣтивъ появленіе въ народной средѣ зачатковъ пролетаріата (грубѣйшей европейской несправедливости) и ужасаясь, что признакъ этотъ грозитъ развитіемъ имущественнаго неравенства, развитіемъ нищенства и безземелья и вообще того строя, «который процвѣтаетъ въ западной Европѣ» (стр. 104), онъ говоритъ: «Этотъ моментъ надо схватить и принять мѣры къ предотвращенію опасности. Вопросъ этотъ важенъ *именно въ настоящій моментъ* нашего внутренняго устроенія, ибо не надо думать, чтобы какое-либо правительство или общество могло *по своему произволу выбирать удобное время для организаціи поземельной собственности. Во всѣхъ государствахъ* наступаетъ извѣстный моментъ послѣ сверженія ига крѣпостной или феодальной зависимости, когда внутреннія отношенія граждавъ къ землѣ слагаются въ извѣстныя формы и когда предусмотрительное правленіе можетъ направить эту организацію и, не насилуя народныхъ нравовъ и стремленій, не нарушая ни чьихъ правъ, дать имъ разумныя руководства. *Но этотъ моментъ очень краткій, и упустивъ его*, случай потерянъ навсегда; мирный исходъ навсегда закрытъ и остается только путь, которому и слѣдуютъ европейскія государства, съ безпрестанными колебаніями взадъ и впередъ» (стр. 104).

Вотъ въ общихъ чертахъ та задача общественной службы, которая, по мнѣнію кн. Васильчикова, выпала на долю общественнаго дѣятеля послѣ освобожденія крестьянъ. Разсуждать о тѣхъ многочисленныхъ подробностяхъ, которыя заключаются въ сжатыхъ фразахъ кн. Васильчикова, о грубыхъ ошибкахъ и несовершенствахъ европейскаго строя и т. д., мы не будемъ, потому что ошибки эти давнымъ-давно всѣмъ извѣстны. Достаточно знать, что кн. Васильчиковъ не желалъ нашему народу, чтобы онъ повторилъ то, что совершенно не нужно повторять.

Что жь должно было дѣлать, по мнѣнію кн. Васильчикова, чтобы трудный и опасный историческій моментъ, въ который вступила Россія, былъ пережитъ «безъ нарушенія чьихъ бы то ни было правъ», «безъ насилія народныхъ нравовъ» и т. д. Не вдаваясь въ невозможныя для нашей замѣтки подробности, скажемъ кратко, что, по мнѣнію кн. Васильчикова, огромная задача, заданная Россіи крестьянской реформой, могла быть разрѣшена только при помощи, во-первыхъ (замѣтьте, это «во-первыхъ»), *народной школы, во-вторыхъ, самоуправленія и, въ-третьихъ, гласнаго суда* (стр. 48), и притомъ введенныхъ не въ разбивку, а *единовременно, сразу*, такъ какъ только введенные сразу, они положутъ прочное основаніе самоуправленію вообще.

Что такое деревенская школа? Для деревни, въ видахъ той же высшей задачи, школа и самоуправленіе, по мнѣнію кн. Васильчикова, должны быть неразрывны. «Народное образованіе есть *вопросъ жизни и смерти* для народовъ нашего вѣка и величіе современныхъ державъ зависитъ отъ числа граматныхъ еще болѣе, чѣмъ отъ числа солдатъ» (стр. 48). «Коль скоро дѣло заходитъ о преобразованіяхъ, которыя имъ (ихнему бель-этажу) не по сердцу, они прибѣгаютъ къ аргументу о неразвитости нашего населенія и предлагаютъ *предварительно* заняться обученіемъ народа, подготовленіемъ, разсчитывая довольно вѣрно, что эти *предварительныя* занятія займутъ цѣлыя поколѣнія и отсрочатъ на долго ненавистныя имъ реформы» (стр. 38). И далѣе тамъ же: «Мы не беремся доказывать имъ (бель-этажу ихнему), *что народъ воспитывается*... не въ однихъ только школахъ, но гораздо болѣе и дѣйствительнѣе въ гласныхъ судахъ и собраніяхъ, что самоуправленіе точно также, какъ и граматность, *составляютъ элементарное образованіе* народа... они это знаютъ и поэтому опасаются этого движенія» къ свѣту и порядку (стр. 38). «Если не будетъ принято мѣръ къ правильному образованію народа, *то міроѣды ихъ* (крестьянъ) *объѣдятъ, а пьяницы раззорятъ*» (стр. 26).

Такимъ образомъ, ставя народную школу краеугольнымъ камнемъ народнаго устроенія, кн. Васильчиковъ находитъ, что такъ-называемыя насущные, общественные вопросы, нетолько не должны быть чужды ей, но должны составлять одно изъ самыхъ элементарныхъ условій народнаго образованія. Да и въ самомъ дѣлѣ, неужели же можно быть выборнымъ, гласнымъ, присяжнымъ и т. д., не имѣя понятія о томъ, что̀ такое «общественное дѣло», если не понимать подъ этимъ дѣлъ хозяйственныхъ только?

Но это между прочимъ.

Что же такое самоуправленіе? О «самоуправленіи», какъ извѣстно, кн. Васильчиковъ написалъ цѣлое большое изслѣдованіе, гдѣ разработалъ вопросъ во всѣхъ подробностяхъ; касаться этихъ подробностей мы не будемъ, опять-таки потому, что намъ не позволяютъ этого тѣсные предѣлы нашей замѣтки. Сдѣлаемъ поэтому только одну самую существенную для насъ выдержку: «Главное и *высшее* значеніе земскаго самоуправленія *заключается именно въ томъ*, что оно учреждаетъ *законный порядокъ* для обсужденія такъ-называемыхъ соціальныхъ вопросовъ, обсужденія, недоступнаго для центральнаго правительства, въ какую бы форму оно ни было облечено—и возможно только въ мѣстныхъ собраніяхъ и сходкахъ всѣхъ обывателей» (стр. 45). «Въ развитіи этой формы управленія, *выражающаго правильное взаимодѣйствіе* народныхъ желаній и мѣстныхъ властей въ предѣлахъ закона и подъ охраною суда», кн. Васильчиковъ видитъ: «*рѣшеніе* будущей *судьбы* нетолько русскаго и всѣхъ прочихъ современныхъ обществъ, но и разрѣшеніе *грозной задачи*: должны ли народныя массы окончательно подпасть подъ руководство револю-

ціонныхъ партій, или же, при правильной организаціи мѣстнаго самоуправленія, могутъ ожидать постепеннаго разрѣшенія вопросовъ образованія, кредита, уравненія податей и повинностей» (стр. 45).

Этихъ выписокъ изъ книги г. Голубева весьма довольно для того, чтобы читатель видѣлъ основный взглядъ кн. Васильчикова на задачу и необходимость самоуправленія. А чтобы для нѣкоторыхъ читателей, пугающихся такихъ словъ, какъ «соціальные вопросы» и пр., слова эти не казались страшными, попробуемъ словами того же кн. Васильчикова отвѣтить на вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ и въ какой формѣ могли бы, напримѣръ, въ глухой деревнѣ выразиться попытки къ разрѣшенію важныхъ соціальныхъ вопросовъ при «законномъ порядкѣ» самоуправленія.

Кн. Васильчиковъ отвѣчаетъ на это: прежде всего въ народномъ кредитѣ, и говоритъ объ этомъ такъ (стр. 102): «Отказывать народнымъ массамъ въ кредитѣ есть такое же общественное преступленіе, какъ отказывать народу въ правосудіи». «Товарищества, какъ и другія артели и ассоціаціи, не могутъ обойтись безъ посторонней помощи, которая и должна идти отъ частныхъ лицъ, земства и правительства». Признавая дѣло народнаго кредита «дѣломъ настоятельной, *неотложной надобности*», кн. Васильчиковъ считалъ его продолженіемъ, поправкой выкупной операціи—*первымъ шагомъ* къ устройству колонизаціи, т. е. переселеній (стремленіе къ которымъ, къ слову сказать, теперь охватываатъ уже цѣлыя массы). Вмѣстѣ съ кредитомъ, кн. Васильчиковъ считалъ важнѣйшимъ дѣломъ народнаго устроенія податную реформу, справедливо полагая, что даже такія, въ сущности, частности, какъ развитіе въ народѣ пьянства, не говоря о разстройствѣ хозяйства, неразрывно связаны съ неудовлетворительностью системы налоговъ. По поводу переданнаго правительствомъ на разсмотрѣніе земствъ проэкта о замѣнѣ подушной подати подворнымъ и поземельнымъ налогомъ, кн. Васильчиковъ задается такимъ вопросомъ: «удобно ли *и справедливо ли* привлекать къ нововводимому налогу *одно только крестьянское населеніе*?» «Крестьянскія земли, по раскладкѣ разныхъ податей и обязательныхъ платяжей, выплачиваютъ болѣе, чѣмъ земля даетъ дохода». «Для уравненія налоговъ необходимо привлечь *другія имущества*, другую, *не крестьянскую землю*, имущества *торговыя, промышленныя*»... (стр. 30). «Для уравненія податной тягости нельзя найдти другого основанія, какъ перенесеніе 46% изъ крестьянскихъ платежей на другія сословія и имущества не крестьянскія» (а ихній бель-этажъ кричитъ: подавай намъ *свыше полной* мѣры!) (стр. 31).

Еслибы мы хотѣли входить въ подробности, въ которыхъ должна бы была и могла проявиться основная идея «устроенія» такъ, какъ ее понималъ кн. Васильчиковъ, въ примѣненіи къ ежедневнымъ и мелкимъ нуждамъ народа, мы бы никогда не

кончили выписокъ и цитатъ изъ книги, которою пользуемся. Ограничимся поэтому тѣмъ, что̀ приведено выше. Намъ извѣстенъ взглядъ кн. Васильчикова на послѣреформенное время вообще, извѣстна многосложность задачи, выпавшей на долю общественнаго дѣятеля, извѣстны главные факторы, при которыхъ задача эта могла бы быть разрѣшена—школа и самоуправленіе—извѣстны, наконецъ, и нѣкоторыя формы практическаго примѣненія основной идеи устроенія среди народной массы. Этого, по нашему мнѣнію, вполнѣ достаточно для того, чтобы читатель могъ представить себѣ нравственный обликъ человѣка, о которомъ идетъ рѣчь. Вы видите, что это человѣкъ не своекорыстный, честный, развитой, великодушный, умный, добросовѣстный. И можете представить, ни въ чемъ онъ не имѣлъ успѣха!

За исключеніемъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ по части сельскаго кредита, ни одна его мысль, ни одно его соображеніе или указаніе не вошло въ жизнь, ни въ чемъ не осуществилось. Да и ссудо-сберегательныя товарищества, о которыхъ онъ самъ говорилъ, что они «составляютъ только *первую* ступень общей организаціи народнаго кредита, *который надо* постепенно *расширять въ виду наростающихъ* нуждъ сельскаго хозяйства» (стр. 104), и они, введенныя съ огромными ограниченіями, оторванныя отъ малѣйшей возможности придать имъ характеръ учрежденій, имѣющихъ въ виду общественную пользу, а не пользу міроѣдовъ и кулаковъ, я думаю, не могли не огорчать ихъ устроителя по своимъ, вовсе неожиданнымъ для него результатамъ. Но и такіе то осколки, такъ сказать, «дребезги» отъ большого плана «народнаго кредита», и тѣ, какъ свидѣтельствуетъ г. Голубевъ, при самомъ своемъ появленіи на свѣтъ, были встрѣчены весьма недружелюбно недружелюбными людьми: «Независящія обстоятельства доходили до того, что въ 1872 г., когда комитетъ о ссудныхъ товариществахъ пожелалъ устроить на политехнической выставкѣ витрину для продажи своихъ изданій «о томъ, какъ можно бы избавиться отъ ростовщиковъ», «артели рабочихъ» и т. д. — такъ желаніе комитета встрѣтило цѣлую массу затрудненій, начиная съ того, что для этихъ книгъ было отведено мѣсто среди машинъ, а когда на витринѣ была прибита вывѣска, то полиція усумнилась въ легальности комитета и, *несмотря на представленные документы, доказывающіе, что комитетъ получаетъ даже правительственную субсидію*, настояла на томъ, чтобы вывѣски не было. Личное посѣщеніе выставки министромъ финансовъ, Рейтерномъ, публично заявившимъ комитету благодарность, заставило весь враждебный витринѣ синклитъ перемѣнить мнѣніе» (стр. 101). «Не задолго до своей смерти, говоритъ біографъ: — кн. Васильчиковъ получилъ царскую благодарность за дѣятельность по народному кредиту, краснорѣчиво свидѣтельствующую о томъ, насколько эта дѣятельность была *соціалистическою*, каковою желали признать ее слишкомъ усердные (должно быть, все изъ той «фатеры!..») по-

борники порядка, эти настоящія темныя, вредоносныя силы Россіи» (103). Но опять-таки повторяемъ, эти попытки устроенія кредита самъ кн. Васильчиковъ считалъ только *первою* ступенью... Что-жь бы было, еслибы онъ взялся за вторую?..

Отчего же такая немилость? Откуда идетъ это разстройство? Да все оттуда же, изъ «ихняго» бель-этажа; бель-этажъ ихній началъ дѣйствовать, и не то, чтобы дѣйствовать, а прямо ужь спасать... Крики: «мошенники», «негодяи» и т. д. уже начали раздаваться въ самую раннюю весну послѣ реформеннаго времени. Говорить подробно о всѣхъ средствахъ спасенія, какія пускалъ въ ходъ вышеупомянутый бель-этажъ, мы не имѣемъ возможности: слѣдовало бы перерыть и подробно изслѣдовать всѣ продѣлки этихъ спасителей: трудъ огромной общественной важности—сію минуту, однакожъ, для насъ невозможный. Поэтому, скажемъ только, что если было на Руси, за послѣдніе годы, сдѣлано для нея добраго и въ самомъ дѣлѣ необходимо-важнаго—такъ это вышло не изъ ихняго бель-этажа».

Г—въ.

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКА.

Да не удивится читатель, что «Отечественныя Записки» въ одномъ и томъ же номерѣ дважды обращаются къ литературному явленію, на первый взглядъ весьма мало цѣнному. Это явленіе—статья г. Щебальскаго «Наши беллетристы-народники» («Русскій Вѣстникъ», апрѣль). Объ ней идетъ рѣчь въ статьѣ «Подозрительный бель-этажъ», печатаемый въ этой же книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ»; объ ней же и я собираюсь повести рѣчь. Находя, что мы дѣлаемъ много чести г. Щебальскому и его произведенію, читатель въ извѣстномъ смыслѣ совершенно правъ. Но вѣдь что же дѣлать? Независимо отъ своей внутренней цѣнности, литературныя явленія имѣютъ еще цѣнность рыночную, опредѣляемую состояніемъ базара житейской суеты. И съ этой точки зрѣнія могутъ иногда оказаться очень стоющими вниманія вещи, которымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ и по самому существу цѣна—грошъ. Таковъ именно, говоря высокимъ слогомъ, «трудъ» г. Щебальскаго. Это пустѣйшая изъ пустяковинъ, приправленная чрезвычайно комическимъ бахвальствомъ.

Г. Щебальскій начинаетъ свою статью такъ: «Сильно ошибся

бы тотъ читатель «Русскаго Вѣстника», который сталъ бы заключать по беллетристикѣ этого журнала о нашей современной беллетристикѣ вообще. Повѣсти и романы «Русскаго Вѣстника», это—бель-этажъ, «чистыя комнаты» нашего литературнаго зданія. Но въ этомъ зданіи есть чердаки и подвалы, есть грязные чуланы и никогда не вентилируемыя, никогда не подметаемыя спальни, есть задніе дворы съ кучами мусора». Очень величаво! И было бы, конечно, еще болѣе величаво, еслибы не было съ одной стороны такъ бахвальски-грубо, а съ другой такъ шутовски-смѣшно. Намъ съ читателемъ еще недавно случилось какъ-то заглянуть въ беллетристику всего одного номера «Русскаго Вѣстника», но и то мы натолкнулись тамъ на цѣлую кучу въ высокой степени дрянныхъ вещей, которая, впрочемъ, воздвигнута была, дѣйствительно, въ «чистой комнатѣ»: ковры, зеркала, по стѣнамъ портреты предковъ, любующихся на мерзости потомковъ... Съ Божіей помощью мы и еще какъ-нибудь совершимъ такую экскурсію, а теперь оставимъ эту матерію. Посмотримъ на тотъ элементъ статьи г. Щебальскаго, который оставленъ совсѣмъ въ сторонѣ авторомъ «Весьма подозрительнаго бель-этажа».

Думали ли вы, читатель, когда-нибудь объ томъ, отчего доносъ и доносчикъ пользуются такимъ всеобщимъ презрѣніемъ? Отчего ихъ глубоко презираютъ даже тѣ, кто ими пользуется? Прежде всего надо замѣтить, что доносчикъ не одинъ купается въ такомъ безбрежномъ морѣ презрѣнія. Ростовщика, палача, сводню, тоже обыкновенно считаютъ чѣмъ-то непотребнымъ даже тѣ, кому они потребны. Дѣло въ томъ, что исполненіе этихъ профессій, въ каждомъ данномъ случаѣ нужное для того или другого потребителя и, слѣдовательно, съ его точки зрѣнія, оправдываемое, требуетъ совершенно особенныхъ и, конечно, непривлекательныхъ нравственныхъ качествъ. Что бы тамъ ни говорилъ, напримѣръ, блаженной памяти Де-Местръ объ абстрактномъ значеніи палача, какъ объ олицетвореніи правосудія, но лично палачу онъ никогда руки бы не протянулъ. Съ точки зрѣнія Де-Местра, палачъ дѣлаетъ полезное, необходимое, великое, святое дѣло, но для исполненія этого дѣла нужно быть звѣремъ. И какъ же не брезгать прикосновенія къ этому звѣрю, какъ не вымыть руки, если они какъ-нибудь случайно до него дотронулись? Точно также стоитъ дѣло съ доносчикомъ и даже въ «Русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ» г. Березина подъ словомъ «доносъ» читаемъ: «Законъ ставитъ доносъ обязательнымъ въ важныхъ преступленіяхъ и даже нарушеніяхъ, за что и полагаетъ награды, равно какъ и наказанія за лживые доносы; но общественное мнѣніе относится къ доносчикамъ весьма неблагосклонно, за немногими исключеніями». Не знаю, какія исключенія разумѣетъ «Русскій Энциклопедическій Словарь», но совершенно понимаю кажущееся противорѣчіе между извѣстнымъ покровительствомъ доносу и его презрѣнностью. Кому

доносъ нуженъ, тотъ за него платитъ; это просто какъ дважды два — четыре. Но и платящій не можетъ не знать, что фактъ доноса, какъ и все на свѣтѣ впрочемъ, зародился и расцвѣлъ не въ безвоздушномъ пространствѣ. Положимъ, что фактъ этотъ, самъ по себѣ, принесъ извѣстную пользу платящему, раскрывъ, напримѣръ, предстоящую опасность. Но, совершенно независимо отъ этой пользы, почва, на которой выросъ доносъ, насквозь пропитана мерзостными элементами предательства, измѣны, обмана, корысти, виляныя лисьяго хвоста и смраднаго дыханія волчьяго рта. И, конечно, не для однихъ христіанъ имя Іуды стало синонимомъ подлости и предательства. Искаріота презирали и тѣ, кто вручилъ ему тридцать сребрениковъ за доносъ. «Подавись ты», думали они, вручая ему мзду предательства. И онъ подавился. Это значитъ только, что есть мерзостныя дѣла и профессіи, которыя при извѣстномъ общественномъ строѣ нужны.

Однако, этимъ отнюдь еще не разрѣшается вопросъ объ *обязательности* доноса. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ юристы. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ профессоръ Таганцевъ въ своемъ «Курсѣ русскаго уголовнаго права»: «Съ одной стороны, при современныхъ государственныхъ условіяхъ исчезла необходимость въ привлеченіи всѣхъ гражданъ къ участію въ преслѣдованіи преступниковъ. Матеріальныя и иныя тягости, которыя каждый гражданинъ несетъ на содержаніе полицейскихъ органовъ разного рода, служатъ достаточнымъ основаніемъ для сложенія съ общества натуральной повинности доноса, тѣмъ болѣе, что спеціальные органы могутъ вести дѣло преслѣдованія преступниковъ и съ несравненно бóльшимъ успѣхомъ и съ меньшею затратою силъ. Съ другой—существующее во всякомъ не отжившемъ еще нравственно обществѣ презрѣніе къ доносу не составляетъ предразсудка, съ которымъ нужно бороться государству. Не надо забывать, что здѣсь дѣло идетъ не о гласномъ обвиненіи преступника, при которомъ обвинитель несетъ и всю тягость послѣдствій легкомысленнаго или недобросовѣстнаго привлеченія кого-либо къ отвѣтственности, и даже не о добровольномъ заявленіи органамъ суда о преступленіи, котораго заявитель былъ очевидцемъ, или о которомъ онъ имѣетъ несомнѣнныя свѣдѣнія, а о тайномъ доносѣ, вынуждаемомъ угрозою наказанія. Обязанность доноса имѣетъ необходимымъ и естественнымъ дополненіемъ награду за доносъ, всевозможныя поощренія доносчиковъ [1]. Конечно, несомнѣнно, что такая система можетъ иногда содѣйствовать раскрытію преступленій, борьба съ которыми оказалась не

---

[1] На это указывалъ еще и Генке, Handbuch, стр. 282, справедливо прибавляя, что желаніе получить эти «деньги крови», Blutgeld, или, какъ называетъ ихъ Бернеръ, Iudageld, порождаетъ профессію лицъ, возбуждающихъ къ преступленію, ради будущихъ выгодъ.

подъ силу спеціальнымъ органамъ, но горе той странѣ, которая ради этого обратитъ доносъ въ необходимый элементъ общественной жизни, выдвинетъ шпіоновъ и доносчиковъ на видное мѣсто въ государствѣ. Ради временныхъ выгодъ правительство посѣетъ въ обществѣ сѣмена страшной нравственной заразы, которая грозитъ или вымираніемъ государственнаго организма, или потребуетъ громадныхъ и долгихъ жертвъ на его исцѣленіе». («Курсъ», вып. III, 170).

Къ этому надо прибавить еще слѣдующее. Общественное презрѣніе къ доносу отнюдь не безусловно. Оно имѣетъ, напротивъ, очень опредѣленныя, хотя и трудно формулируемыя границы. Ни одинъ порядочный человѣкъ не откажетъ вамъ въ своемъ уваженіи, если вы донесете, напримѣръ, на человѣка, который истязуетъ ребенка, хотя бы вы сдѣлали это, по какимъ-нибудь вашимъ личнымъ обстоятельствамъ и соображеніямъ, анонимно, тайкомъ. Тѣмъ паче не грозитъ вамъ презрѣніе, если вы сдѣлаете это открыто, во всеуслышаніе, принимая на себя всѣ послѣдствія такого поведенія, то-есть обязанность доказать и поддерживать свой доносъ, стоя лицомъ къ лицу съ обвиняемымъ вами человѣкомъ. Въ этомъ случаѣ вы можете оказаться даже нетолько не доносчикомъ въ томъ технически позорномъ смыслѣ слова, въ которомъ оно обыкновенно употребляется, а рыцаремъ добра и правды. Понятно, что къ такого рода доносамъ никакъ не относятся слова г. Таганцева: «горе той странѣ, которая обратитъ доносъ въ необходимый элементъ общественной жизни, выдвинетъ шпіоновъ и доносчиковъ на видное мѣсто въ государствѣ». Напротивъ, счастіе, великое счастіе той странѣ, въ которой *такіе* доносы практикуются и *могутъ* практиковаться. Подчеркиваю слово «могутъ», потому что поле благороднаго доноса далеко не всегда открыто для всѣхъ, желающихъ на него выступить. Бываютъ разныя къ тому препятствія. У насъ, напримѣръ, литература могла бы представить широкое поприще для благороднаго доноса, предоставляя всѣмъ и каждому возможность открыто и подъ полною своею личною отвѣтственностью доносить на людей, неправду творящихъ, неправдой живущихъ. Но эта-то возможность и отнята у нашей злосчастной литературы. Объ литературѣ, впрочемъ, потомъ. А теперь отмѣтимъ то любопытное обстоятельство, что препятствіемъ для практики благороднаго доноса является сплошь и рядомъ практика доноса презрѣннаго. Весьма натурально, что эти два вида доноса не могутъ уживаться рядомъ, ибо ночь потому и черна, что солнца нѣтъ на небѣ. Но любопытно наблюдать ту почти математическую пропорціональность, съ которою убыль благороднаго доноса влечетъ за собой прибыль презрѣннаго доноса и обратно. Мы имѣемъ возможность дѣлать эти наблюденія, потому что недалеко уже отъ насъ то горе, о которомъ говоритъ профессоръ Таганцевъ.

Позвольте заимствовать изъ «Голоса» (№ 144) слѣдующую коллекцію, собранную въ фельётонѣ «Изъ мѣстной печати» за самое короткое время, да и для этого короткаго времени едва ли полную.

Въ Винницахъ, городскому головѣ Щавинскому не по душѣ пришлось, что гласный Л—ій, по желанію группы лицъ, недовольныхъ думскими порядками, составилъ проэктъ правилъ о веденіи дѣлъ въ думѣ. Когда проэктъ былъ доложенъ, голова заявилъ, что уже извѣстное «*противоправительственное* направленіе» г. Л—го отразилось и въ его «правилахъ». Заявленіе это произвело эфектъ чрезвычайный: всѣ гласные закричали о необходимости отложить разсмотрѣніе проэкта, потребовали копій съ него, чтобы вникнуть въ него повнимательнѣе—страшно стало. Къ счастью, исправникъ разрѣшилъ напечатать «противоправительственный» проэктъ для разсылки гласнымъ, и его санкція успокоила умы.

Только голова не успокоился. Черезъ нѣсколько времени, по какому-то случаю, былъ обѣдъ въ мѣстномъ клубѣ; за обѣдомъ Щавинскій произнесъ рѣчь, въ которой публично заявилъ, что Л—ій потрясаетъ основы, возбуждаетъ недовольство противъ городского управленія — короче, что онъ «соціалистъ»! Дѣло дошло до мирового.

Въ Казани побили какого-то Фельдмана. Онъ немедленно привлекъ къ суду трехъ студентовъ по обвиненію въ «соціализмѣ», увѣрялъ даже, что въ него «стрѣляли динамитомъ»!

Въ той же Казани прославился управляющій мѣстною конножелѣзною дорогой, г. Тальквистъ. Онъ безобразно безчинствуетъ подъ предлогомъ, что исполняетъ долгъ патріота, ссылаясь на то, что «само правительство приглашало общество содѣйствовать искорененію крамолы». То онъ схватываетъ ни въ чемъ неповиннаго портного и объявляетъ его «соціалистомъ»; то вторгается въ ресторанъ съ толпой кондукторовъ, которыхъ, въ видѣ часовыхъ, разставляетъ къ отдѣльнымъ кабинетамъ, чтобы накрыть совѣщаніе соціалистовъ; то съ вооруженною толпою кучеровъ ходитъ по улицамъ, изловляя все тѣхъ же «соціалистовъ»; то набрасывается на самую полицію за слишкомъ довѣрчивое отношеніе къ предъявляемымъ паспортамъ.

Болѣзнь доноса заразила и образованныхъ людей. Полевой хирургъ Д—й, служащій младшимъ врачомъ полка, получилъ невеселое порученіе—убѣдиться, можетъ ли провинившійся солдатъ (изъ штрафованныхъ) выдержать наказаніе въ 200 розогъ?—«Не можетъ», отвѣчалъ Д—й. Но старшій врачъ полка, М., возмущонный «потворствомъ», назначилъ комиссію изъ себя и двухъ другихъ врачей, и комиссія нашла, что солдатъ экзекуцію выдержать можетъ. Вскорѣ вѣрность «діагноза» учоной комиссіи подтвердилась и самымъ фактомъ сѣченія. Тогда старшій врачъ донесъ кому слѣдуетъ, что докторъ Д—й произвелъ изслѣдованіе небрежно, и требовалъ для него кары.

Наконецъ, появился доносъ и въ деревнѣ. Какой-то волостной судья, крестьянинъ Мѣщаниновъ, Царицынской волости, Московскаго уѣзда, выпивая, буйствуетъ безъ мѣры. Надняхъ онъ ворвался въ одинъ изъ мѣстныхъ трактировъ, присталъ къ одному изъ посѣтителей со всевозможною бранью и, наконецъ, объявилъ: «ты соціалистъ; донесу — и тебя отсюда въ тёмной каретѣ увезутъ!» Просвѣщеніе очевидное. Прежде такихъ словъ въ деревнѣ не знали.

Отъ словъ недалеко и до дѣла. Въ Черниговской губерніи, близъ Глухова, въ селѣ Степановкѣ, давно ведется упорная борьба землевладѣльца К. съ крестьянами. Несмотря на всѣ притѣсненія К. по сдачѣ земли по выгонамъ, потравамъ и проч. или, вѣроятнѣе, благодаря, именно этимъ притѣсненіямъ, стали его, въ свою очередь, «доѣзжать» и крестьяне. Долго ли, коротко ли шла борьба помощью пріёмовъ, давно выработанныхъ въ идиллической тиши русскихъ деревень—неизвѣстно, но кто-то, наконецъ, шепнулъ крестьянамъ, что есть новыя средства борьбы, довольно общеупотребительныя, въ послѣднее время, въ культурныхъ и некультурныхъ слояхъ благоденствующей Россіи: крестьяне подали кому слѣдуетъ заявленіе о сомнительной благонадежности К. Являются къ К. «соотвѣтствующія случаю» власти и обязываютъ К. подпиской о невыѣздѣ изъ Глухова. Око-за-око: вскорѣ и К. извѣщаетъ черниговскаго губернатора, что крестьянами села Степановки получена подозрительная бумага. Соотвѣтствующая власть летитъ къ крестьянамъ: оказывается, что мѣра, принятая противъ К., не удовлетворила «мèньшей братіи». Крестьяне собрали 100 рублей и послали въ Петербургъ ходатая съ жалобой на К., въ которой поддерживаютъ прежнее обвиненіе и просятъ новаго слѣдствія. Привезенная ходатаемъ росписка въ томъ, что жалоба принята, и есть та злополучная бумага, о которой донесъ К.

Крестьяне одного села Ставропольской губерніи, желая избавиться отъ своего священника, донесли, что у него во время панихиды по покойномъ государѣ на лицѣ была «улыбка довольнагѡ человѣка»!

Прямымъ спутникомъ доносовъ является, очевидно, и политическій шантажъ: «дайте столько-то, или донесу».

Вотъ вы и разсудите. Разныя печальныя обстоятельства предоставили въ распоряженіе каждаго охочаго человѣка грязное оружіе презрѣннаго доноса. «Воинъ, купецъ и пастухъ» могутъ, когда имъ вздумается, взять это оружіе въ свои руки и махать имъ направо и налѣво, въ справедливомъ или несправедливомъ разсчетѣ, что это размахиваніе приведетъ къ нужнымъ результатамъ, то есть нанесетъ, кому слѣдуетъ, смерть и увѣчье. Понятное дѣло, что добропорядочный воинъ, добропорядочный купецъ и добропорядочный пастухъ не станутъ марать рукъ объ эту грязь. За нее ухватятся уже готовыя, и безъ того замаран-

ныя руки: воинъ, храбро удирающій отъ непріятеля и воюющій съ мирными гражданами родной страны; купецъ, обвѣшивающій и обмѣривающій покупателя; пастухъ, небрегущій ввѣреннымъ имъ стадомъ и дерущій двѣ шкуры съ одного вола. Ну, и потрудитесь выдти противъ этихъ людей съ открытымъ, то есть благороднымъ доносомъ. Не говоря уже объ томъ, что у нихъ есть или могутъ быть бабушки, которыя отлично умѣютъ ворожить и не дадутъ въ обиду излюбленныхъ внучковъ, у нихъ у самихъ есть въ рукахъ страшное оружіе доноса, при помощи котораго они моментально могутъ превратить васъ во врага отечества. Конечно, не всегда подобныя махинаціи удаются (да и еще бы онѣ всегда удавались!), но онѣ удаются все таки слишкомъ часто для человѣческаго достоинства и достоинства родины. И уже одна страничка изъ нашей текущей исторіи, въ родѣ вышеприведенной коллекціи фельетониста «Голоса», заставляетъ невольно повторить слова профессора Таганцева: горе странѣ, которая обратитъ доносъ въ необходимый элементъ общественной жизни! Двойное или, точнѣе, двустороннее горе: съ одной стороны ростетъ, проникая, какъ мы видѣли, и въ глубь, и въ верхніе слои населенія, развратъ доноса со всѣми его спутниками—предательствомъ, ложью, наглымъ хвастовствомъ; съ другой стороны съуживается поле открытаго доноса на неправду творящихъ...

Однако, перебиваетъ меня, наконецъ, читатель:—какое же все это имѣетъ отношеніе къ г. Щебальскому и его статьѣ о беллетристахъ-народникахъ?

О, мы вовсе не такъ далеко отошли отъ г. Щебальскаго, какъ вамъ кажется! Мы все время возлѣ него были и теперь, чтобы посмотрѣть ему уже прямо въ лицо, намъ остается сдѣлать всего одинъ шагъ—сказать пару словъ о литературномъ доносѣ.

За исключеніемъ тѣхъ, кто воздѣлываетъ чистую науку, и тѣхъ, кто поетъ столь же чистую отъ житейскихъ тревогъ пѣснь торжествующей любви; за этими двумя исключеніями, всѣ мы, пишущая братія, по самому существу нашей профессіи—доносчики и должны быть таковыми. Всѣ, отъ случайнаго газетнаго корреспондента, сообщающаго какой-нибудь мелкій фактъ, до тѣхъ, кто, обобщая подобныя мелочи, отливаетъ свои обобщенія въ художественные образы или теоретическія формулы. Кому мы доносимъ?—Всѣмъ, имѣющимъ уши слышати. На кого, на что доносимъ?—На всякое зло и на всякую неправду, какъ мы ихъ понимаемъ. Ясно, что, по существу дѣла, литературные доносы должны принадлежать къ категоріи доноса благороднаго. Если я заявляю, что «много Понтійскихъ Пилатовъ и много лукавыхъ Іудъ Христа своего распинаютъ, отчизну свою продаютъ»; если я затѣмъ открыто, во всеуслышаніе, съ готовностью принять на себя всѣ обязанности, вытекающія изъ моего доноса, говорю: вотъ кто умылъ руки въ дѣлѣ вопіющей неправды, вотъ

кто продалъ своего Христа, вотъ язвы гвоздиныя—то кто же посмѣетъ взглянуть на меня съ тѣмъ презрѣніемъ, съ которымъ смотрятъ на низкаго доносчика? Казалось бы, по самымъ коренныма условіямъ литературной профессіи, здѣсь не можетъ быть мѣста низкимъ формамъ доноса. Положимъ, мы съ г. Щебальскимъ (къ примѣру говорю) разно понимаемъ добро и зло. Онъ ищетъ добра въ парадныхъ комнатахъ, а я на чердакахъ и въ подвалахъ. Положимъ, далѣе, что мое пониманіе добра и зла съ точки зрѣнія г. Щебальскаго чрезвычайно вредно, а я, наоборотъ, считаю крайне вреднымъ и ошибочнымъ его пониманіе. Мы прямо, открыто доносимъ другъ на друга, защищаемся, обвиняемъ, а имѣющіе уши слышать берутъ себѣ каждый, что приходится по его разумѣнію. Что можетъ быть проще, лучше, благороднѣе, хотя бы мы и позволили себѣ въ пылу раздраженной полемики какое-нибудь жесткое или грубое слово? Какъ можно сюда втиснуть низкія формы доноса, когда исторія разыгрывается на виду у всѣхъ, путемъ литературы, гдѣ противники сражаются одинаковымъ оружіемъ и гдѣ всякій посторонній человѣкъ можетъ провѣрить каждое слово и взвѣсить каждый аргументъ?

Да, въ принципѣ, по кореннымъ условіямъ литературной профессіи, все это такъ и есть. Оттого-то литературная дѣятельность и окружена такимъ заманчивымъ ореоломъ, оттого-то такъ и рвется къ ней чуть не каждый юноша, не побывавшій еще въ битвѣ жизни и не видавшій своихъ идеаловъ оскорбленными, своихъ надеждъ похороненными. Помилуйте,—«глаголомъ жги сердца людей»—и дѣло въ шляпѣ! Но нѣтъ розы безъ шиповъ и часто, слишкомъ часто розѣ приходится «не расцвѣсть и отцвѣсть въ утрѣ пасмурныхъ дней», а шипы остаются и колютъ, и жгутъ. Думаю, что человѣчество когда-нибудь, и даже въ непродолжительномъ времени, выдумаетъ розу безъ шиповъ и введетъ ее во всеобщее употребленіе, потому что, собственно говоря, вовсе это ужь не такая хитрая штука. Но пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ, и намъ грѣшнымъ, живущимъ сію минуту и поневолѣ требующимъ отъ этой минуты хоть какого-нибудь удовлетворенія, достаются сплошь и рядомъ одни шипы. И чертовски больно колютъ иногда эти шипы, особенно, когда сильно хочется найти розу... Это, впрочемъ, вообще. Въ частности же, по нынѣшнему времени шипы-доносы грозятъ совсѣмъ заглушить розу-литературу. Невозможное по кореннымъ условіямъ литературной профессіи и по логикѣ вещей оказывается возможнымъ по состоянію базара житейской суеты. Это каждый, впрочемъ, знаетъ и любопытно только приглядѣться къ тѣмъ путямъ, которыми низменный доносъ, нѣчто тайное, скрываемое и прикрываемое, вторгается въ литературу, гдѣ, повидимому, все такъ явно и открыто, гдѣ обязателенъ доносъ въ благороднѣйшей его формѣ.

Недавно «Московскія Вѣдомости» начали одну изъ своихъ передовыхъ статей, направленную противъ газеты «Русь», такимъ

образомъ: «По печати сдѣлано распоряженіе не говорить ничего ни въ пользу, ни противъ извѣстнаго предмета. Нельзя не признать этого распоряженія весьма, какъ говорится, цѣлесообразнымъ; но нельзя также не признать, что въ нашей печати то и дѣло, и притомъ самымъ настойчивымъ образомъ, высказывается необходимость измѣненія нашего государственнаго строя». А вслѣдъ за тѣмъ идутъ весьма пространныя разсужденія, направленныя противъ извѣстнаго предмета, а слѣдовательно и противъ того самаго распоряженія, которое московская газета находитъ «весьма, какъ говорится, цѣлесообразнымъ». Обратите вниманіе сначала на слѣдующую черту. Правительство, по своимъ соображеніямъ, объ основательности которыхъ мы судить не можемъ, изъемлетъ тотъ или другой предметъ, назовемъ его x, изъ круга обсужденія литературы. Литература обязана подчиниться этому распоряженію, но какъ она можетъ ему радоваться, когда вся миссія ея состоитъ въ гласномъ и всестороннемъ обсужденіи всѣхъ предметовъ міра видимаго и невидимаго, а въ томъ числѣ и этого запретнаго x? Хозяйка рѣшаетъ подрѣзать гусямъ крылья — это ея дѣло, но неужто сами-то гуси могутъ находить это рѣшеніе «весьма, какъ говорится, цѣлесообразнымъ»? Удивительное дѣло! Казалось бы, представитель печати, имѣя свое собственное мнѣніе объ x, долженъ непремѣнно желать доставить ему побѣду, то есть свести его на очную ставку со всѣми другими, враждебными мнѣніями, разгромить эти враждебныя мнѣнія и на ихъ развалинахъ водрузить знамя истины и справедливости, какъ онъ ихъ понимаетъ. Но «Московскія Вѣдомости» довольствуются малымъ: *словесной* побѣдой среди всеобщаго *молчанія!* Какъ, подумаешь, лестно и какъ благородно! «Страна» по этому поводу замѣчаетъ: «Странно, что газета, признавая запрещеніе цѣлесообразнымъ, тутъ же сама его нарушаетъ. Или «Русь» и «Московскія Вѣдомости» имѣютъ особыя указанія?» «Новое Время» въ свою очередь находитъ со стороны «Московскихъ Вѣдомостей» «безтактнымъ» «говорить о предметѣ, о которомъ нѣтъ возможности всѣмъ сторонамъ объясниться на чистоту».

Замѣчанія «Страны» и «Новаго Времени» очень справедливы. Мнѣ кажется только немножко страннымъ, что обѣ газеты такъ усиленно пріурочиваютъ свои соображенія къ данному случаю. Это вѣдь только эпизодъ, правда, очень пикантный. Совершенно независимо отъ него, есть множество предметовъ, объ которыхъ тоже «нѣтъ возможности всѣмъ высказаться на чистоту», что не мѣшаетъ, однако, нѣкоторымъ витязямъ литературы (они называютъ другихъ «мошенниками пера и разбойниками печати») толковать объ нихъ съ чрезвычайною развязностью. И хотя никто не можетъ отнять у нихъ этого права, но надо же все-таки признать, что тутъ-то и находятся ворота, черезъ которыя вторгается въ область литературы низменный доносъ. Вамъ го-

ворятъ, напримѣръ: ты облюбовалъ x, ты слѣдовательно врагъ отечества, измѣнникъ, достойный и не столь, и столь отдаленныхъ мѣстъ и проч. Вы возражаете: позвольте, однако, я можетъ быть вовсе не облюбовалъ x, а если и облюбовалъ, то изъ моего разумѣнія этого x вытекаютъ совсѣмъ не тѣ отношенія къ отечеству, о которыхъ вы говорите; напротивъ...—Знаемъ мы васъ! все польская интрига, а потомъ еврейскіе безпорядки! гвоздитъ свое витязь литературы. — Вы молчите. — А! небось молчишь? а почему же ты молчишь и не присоединяешь своего голоса къ хору витязей?!

Согласитесь, что это доносъ уже въ самой низменной формѣ, потому что въ этомъ примѣрномъ разговорѣ нарушены всѣ тѣ коренныя условія печати, которыя въ принципѣ обязываютъ ее только къ благородному доносу. Правда, доносъ дѣлается во всеуслышаніе, открыто, но вѣдь обвиняемый оправдываться не можетъ, обвинитель же никакихъ дѣйствительныхъ доказательствъ не представляетъ, а ограничивается болѣе междометіями и бранными словами. Такъ что самая открытость доноса свидѣтельствуетъ о еще бо̀льшемъ, можетъ быть, нравственномъ паденіи, чѣмъ какое обнаруживается тайнымъ доносомъ. Тайный доносчикъ, можетъ быть, все-таки стыдится своего грязнаго дѣла, а эти витязи безъ стыда и цензуры, эти благородные враги «мошенниковъ пера и разбойниковъ печати» съ полнымъ самодовольствомъ бьютъ людей, у которыхъ связаны руки, и надругаются надъ людьми, у которыхъ зажатъ ротъ. И какъ же опять не припомнишь горе страны...

Есть и еще пріемъ низменнаго литературнаго доноса. Его практикуетъ г. Щебальскій.

Трактуя о беллетристахъ-народникахъ, г. Щебальскій мимоходомъ сдѣлалъ честь уязвленія и мнѣ, къ народной беллетристикѣ ни мало не причастному. Онъ говоритъ между прочимъ, совершенно между прочимъ и даже ни къ селу, ни къ городу: «Политическія преступленія и вызывающая ихъ манія производить пертурбаціи въ теченіи политической и соціальной жизни человѣчества суть можетъ быть такая же психическая болѣзнь, такое же временное нервное разстройсто, какъ усматриваемыя Н. Михайловскимъ въ средніе вѣка «эпидеміи самобичеванія, неистовой пляски, демономаніи, демонолатріи, истребленія евреевъ, освобожденія гроба Господня и проч.» («Отечественныя записки», 1882, № 2). Можетъ быть читателямъ противнаго намъ лагеря не понравится сопоставленіе «неистовой пляски» съ революціонною эпидеміей; но намъ съ еще бо̀льшимъ основаніемъ непріятно подведеніе подъ кличку нравственныхъ болѣзней того религіознаго чувства, которое нѣкогда побуждало людей жертвовать всѣмъ, не исключая и жизни, для освобожденія гроба Господня изъ подъ власти не вѣрившихъ во Христа».

Видите, какъ тонко. Г. Щебальскій ни въ чемъ прямо меня

не обвиняетъ,—ни въ сочувствіи къ революціи, ни въ неуваженіи къ религіи. Онъ только подмигиваетъ. Разъ подмигнулъ, два подмигнулъ, анъ смотришь, гдѣ слѣдуетъ и составилось не то что убѣжденіе, а такъ, туманный обликъ убѣжденія, что вотъ, молъ, гдѣ крокодилъ на днѣ лежитъ. Г. Щебальскій это очень хорошо понимаетъ и неустанно подмигиваетъ на протяженіи всей своей статьи. Я сейчасъ разсмотрю нѣсколько подробнѣе подмигиваніе въ мою сторону и, къ счастію, могу это сдѣлать съ полнѣйшею откровенностью, ибо рѣчь идетъ о чисто научномъ вопросѣ. Но вотъ и еще нѣсколько образчиковъ подмигиванія г. Щебальскаго.

Говоря о «Власти земли» г. Успенскаго, московскій критикъ заявляетъ между прочимъ (у него все между прочимъ!): «И что же! въ концѣ концовъ выходитъ. что Иванъ правъ; что по крайней мѣрѣ онъ не виноватъ, а виновенъ кто-то другой или что-то другое. «Среда заѣла», сказали бы лѣтъ двадцать тому назадъ! Но среда ли, другое ли чтò, — дѣло въ томъ, что Иванъ въ глазахъ читателя обѣляется, а осужденію предается кто-то другой: *точь въ точь тотъ же пріемъ, какъ въ дѣлѣ Вѣры Засуличъ*». Положимъ, что Вѣра Засуличъ и ея дѣло тутъ совершенно не причемъ: ни это дѣло нисколько не объясняетъ исторіи Ивана Босыхъ, ни исторія Ивана Босыхъ не объясняетъ дѣла Засуличъ. Но какая до всего этого надобность г. Щебальскому: онъ подмигнулъ и — конецъ! Подмигнулъ безсмысленно, «весьма, какъ говорится, нецѣлесообразно», но вѣдь отъ подмигиванія и не требуется логическаго разсужденія или прямого доказательства. Цѣль достигнута: извѣстное имя пристегнуто къ тому, что намъ не нравится и съ чѣмъ открыто бороться у насъ не хватаетъ силенки, а тамъ разбирай, поди! Или, напримѣръ, говоря объ одномъ разсказѣ г. Златовратскаго, г. Щебальскій замѣчаетъ: «Не знаю, имѣлъ ли въ виду г. Златовратскій выставить «бунтарей» благодѣтелями русскаго народа, единственными людьми, пекущимися о немъ, но если онъ этого не имѣлъ и не имѣетъ въ виду, то желательно, чтобъ онъ и не подавалъ повода заподозривать себя въ такихъ слишкомъ уже нелитературныхъ тенденціяхъ». Какъ видите, опять никакого прямого обвиненія, ничего такого, что можно бы было назвать благороднымъ доносомъ. Нѣтъ, г. Щебальскій просто собственной персоной повторяетъ то, что разсказываетъ о себѣ кто-то у Гоголя: «я и мигаю Ивану Петровичу (а можетъ быть Петру Ивановичу), чтобы онъ козырялъ!» Ну, Иванъ Петровичъ посмотритъ, посмотритъ, да и козырнетъ.

Я думаю, что пріемы г. Щебальскаго только то и имѣютъ въ себѣ литературнаго, что практикуются перомъ на бумагѣ, потомъ написанное сдается въ типографію, набирается, корректируется, верстается и т. д. Въ сущности же они представляютъ яркій образчикъ того низменнаго доноса, который противорѣчитъ са-

нымъ кореннымъ условіямъ литературной работы. Здѣсь нѣтъ ни открытаго обвиненія, ни равенства оружія, ни готовности принять на себя послѣдствія легкомысленнаго или недобросовѣстнаго обвиненія, то есть готовности отвѣчать за каждое слово. А отвѣчать есть за что.

Позвольте нѣсколько словъ pro domo sua.

Г. Щебальскій полагаетъ сказать нѣчто чрезвычайно язвительное и ядоносное намекомъ на «революціонную эпидемію», которую я будто бы не соглашусь сопоставить съ другими нравственными эпидеміями. Нѣтъ, г. Щебальскій, подмигиваніе тутъ есть, хоть и не особенно искусное, ну, а яду совсѣмъ мало. Старый ужъ вы должно быть человѣкъ, а этого не понимаете. Въ статьѣ «Герои и толпа» прямо говорится: «Мы видимъ только, что существуетъ какая-то особая сила, толкающая людей къ подражанію; сила, очень на первый взглядъ капризная, ибо охваченный ею человѣкъ подражаетъ иногда палачу, то есть совершаетъ убійство, а иногда казненному преступнику; послѣднее, кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ, *особенно часто случается съ политическими преступниками*». Въ продолженіи статьи я надѣюсь обставить эту частность фактически и доказать, что во всякомъ революціонномъ движеніи, независимо отъ его политическихъ, экономическихъ и другихъ причинъ, играетъ роль сила подражанія; что это подражаніе вызывается, между прочимъ, примѣрами страданій, которыя создаетъ репрессія. Запомните это, г. Щебальскій, и перестаньте такъ хитро подмигивать: не въ то мѣсто попали...

Что касается другой ядовитости г. Щебальскаго, то она особенно любопытна въ устахъ историка (г. Щебальскій—историкъ или когда-то былъ имъ). Было бы, разумѣется, очень для меня лестно, еслибы я первый сопоставилъ крестовые походы съ неистовой пляской и другими средневѣковыми нравственными эпидеміями. Но увы! это сдѣлано уже очень давно и очень многими. До такой степени давно и многими, что стала общимъ мѣстомъ и мнѣ пришлось (по поводу мнѣній Илама) даже доказывать, что такія массовыя движенія, какъ крестовые походы, имѣли своимъ источникомъ не одно голое подражаніе, а еще цѣлую сложную сѣть умственныхъ, экономическихъ, политическихъ условій средневѣковой жизни. И опять, значитъ, г. Щебальскій не въ то мѣсто попалъ. А вѣдь какую хитрѣйшую физіономію устроилъ, когда подмигивалъ! Впрочемъ, подмигивалъ онъ больше насчетъ «подведенія подъ кличку нравственныхъ болѣзней того религіознаго чувства, которое нѣкогда побуждало людей жертвовать всѣмъ, не исключая и жизни, для освобожденія гроба Господня изъ подъ власти не вѣровавшихъ во Христа». Г. Щебальскій очень, видите ли, обиженъ за дешевую оцѣнку религіознаго чувства крестоносцевъ. Очень бы многое могъ я сказать по этому поводу историку (!) Щебальскому, но скажу малое.

Да и то не самъ скажу, а попрошу говорить за себя архимандрита Арсенія, въ сторону котораго г. Щебальскій можетъ быть и не рѣшится подмигивать. Въ «Лѣтописи церковныхъ событій» архимандрита Арсенія, о первомъ крестовомъ походѣ говорится такъ: «Простой народъ, безчеловѣчно тѣснимый своими владѣльцами, радъ былъ и безъ того избавиться отъ своихъ владыкъ, а владѣльцы увлекались предстоящею славою подвиговъ, почестей и богатствъ; религіозное одушевленіе довершило остальное... Такимъ людямъ давалось, именемъ папы, полное отпущеніе грѣховъ (индульгенція) и разрѣшеніе отъ постовъ на время войны, а также отъ слѣдующихъ имъ гражданскихъ за преступленія наказаній; оттого преступники охотно шли въ полки крестоносцевъ. Папа первый получилъ пользу отъ крестоносцевъ... Первыя толпы крестоносцевъ... вели себя такъ необузданно, что жители всюду поступали съ ними, какъ съ врагами, въ Константинополь не пустили, а императоръ поспѣшилъ переправить ихъ въ Азію, гдѣ они также опустошали все на пути». Что же касается четвертаго крестоваго похода, то одинъ изъ его эпизодовъ та же «Лѣтопись церковныхъ событій» изображаетъ слѣдующими чертами: «Крестоносцы вторглись въ Константинополь. Они сначала сами не довѣряли своему успѣху, не думая, чтобы городъ, съ предмѣстьями имѣвшій до двухъ милліоновъ жителей, не оказалъ отчаяннаго сопротивленія. Зажегши еще разъ городъ, они въ безпорядкѣ бросились грабить церкви и дворы. Попирая иконы, мощи, тѣло и кровь Христову, какъ антихристовы предшественники, по выраженію очевидца Никиты Хоніата, и потомки распинателей Христовыхъ, латиняне всюду искали только золота и драгоцѣнностей. Насилія и убійства, пьянство и развратъ сопровождали ихъ».

Все это, вполнѣ доступное любому гимназисту, было однако доселѣ неизвѣстно историку Щебальскому, и вотъ почему онъ столь горячо принимаетъ къ сердцу религіозное чувство крестоносцевъ. Въ извиненіе г. Щебальскаго надо однако прибавить, что въ краткихъ учебникахъ дѣло дѣйствительно излагается такъ или почти такъ, какъ оно представляется историку и критику «Русскаго Вѣстника». Однако теперь, когда, благодаря мнѣ, горизонтъ московскаго историка расширился даже до «Лѣтописи церковныхъ событій» архимандрита Арсенія... Теперь— коня! коня! г. Щебальскому. И такъ какъ онъ будетъ взбираться на коня, должно быть, довольно долго, то послѣдняго могутъ подержать подъ уздцы, напримѣръ, гг. Маркевичъ съ Авсѣенкомъ, пожалуй въ костюмахъ крестоносцевъ, а г. Катковъ пусть изъ окна или съ балкона благословляетъ знаменитаго витязя на новый бой. На этотъ разъ бой долженъ произойти съ архимандритомъ Арсеніемъ, несравненно болѣе, чѣмъ я, унизившимъ «то религіозное чувство, которое нѣкогда побуждало людей жертвовать всѣмъ, не исключая и жизни, для освобожденія гроба Господня изъ подъ власти не вѣровавшихъ во Христа»...

Простите, читатель, но надо же было хоть на одномъ примѣрѣ показать, какъ все это просто, какъ ничего, кромѣ вздора, лжи, невѣжества, нѣтъ за всѣми этими ультра благонамѣренными подмигиваніями и доносами. Но представьте себѣ, что крестовые походы по какимъ-нибудь соображеніямъ изъяты изъ области литературнаго обсужденія. Г. Щебальскій нашелъ бы вѣроятно такое распоряженіе «весьма, какъ говорится, цѣлесообразнымъ» и торжествовалъ бы словесную побѣду среди всеобщаго молчанія, имѣя притомъ видъ Геркулеса, покончившаго съ многоглавою гидрой. Но представьте себѣ съ другой стороны, что ничто не изъято изъ области литературнаго обсужденія. Вы понимаете, какъ быстро развалились бы въ такомъ случаѣ всѣ эти построенныя на песцѣ вавилонскія башни подмигиваній и доносовъ. О, тогда всѣмъ сразу открылось бы гдѣ обитаютъ подлинные мошенники пера и разбойники печати, гдѣ находятся настоящіе Понтійскіе Пилаты и лукавые Іуды, которые «Христа своего распинаютъ, отчизну свою продаютъ»... Поживемъ, увидимъ...

А подмигивать чрезвычайно легко. Хотите, мы сейчасъ устроимъ контръ-доносъ на г. Щебальскаго, блистательный, если не по формѣ (это дѣло навыка, а я его не имѣю), то по замыслу? Минутное дѣло. Примѣрно вотъ какъ.

Беря въ руки «Лѣтопись церковныхъ событій» архимандрита Арсенія и сравнивая оцѣнку крестовыхъ походовъ, сдѣланную этимъ истинно православнымъ духовнымъ лицемъ, съ тою, которую даетъ имъ московскій ученый историкъ, мы невольно предаемся грустнымъ размышленіямъ. Не можемъ допустить, чтобы ученый историкъ не зналъ тѣхъ фактовъ, какіе сообщаются «Лѣтописью». Не можетъ онъ также не знать, что православная Русь никогда не принимала участія въ крестовыхъ походахъ, имѣя на то, конечно, основательныя причины, и что напротивъ были въ исторіи случаи, когда папы римскіе проповѣдывали крестовый походъ противъ Руси, ставя ее такимъ образомъ на одну доску съ невѣрными. Безспорно, крестовые походы представляютъ одинъ изъ моментовъ вящшаго торжества католической идеи, но русскому историку не мѣшаетъ, можетъ быть, помнить, что эта идея была всегда враждебна греко-восточному православію, каковая вражда запечатлѣна въ исторіи крестовыхъ походовъ даже кровію. Что же касается фамиліи г. Щебальскаго, то ея окончаніе—*скій*—страннымъ образомъ совпадаетъ съ окончаніемъ, весьма обычнымъ у католиковъ-поляковъ... Можетъ быть г. Щебальскому надлежало бы быть осторожнѣе въ особенности теперь, когда мы получаемъ тревожныя извѣстія изъ Вильны, а либерализмъ нѣкоторыхъ государственныхъ людей допустилъ польскій театръ и польскую газету въ Петербургѣ...

Это—подмигиваніе, ну а прямой доносъ устроить, конечно,

еще легче, потому что тутъ уже рѣшительно нечего стѣсняться; тутъ тѣхъ же щей, только погуще влей, съ пряной приправой междометій и бранныхъ словъ.

Если читатель скажетъ, что я преувеличиваю, что мой контръ-доносъ есть карикатура, то я отвѣчу: нѣтъ, не преувеличеніе это и не карикатура, а напротивъ только очень слабое лишь подражаніе дѣйствительности. Дѣйствительность давно уже превзошла всякую, самую пылкую фантазію и примѣрами необузданнаго доноса наша бѣдная литература кишмя кишитъ.

Есть такой казанскій человѣкъ, Александръ Ѳедоровичъ Гусевъ. Кто онъ такой, я не знаю, а что его зовутъ Александръ Ѳедоровичъ и что онъ казанскій человѣкъ, это я узналъ изъ обложки одной изъ его книгъ: такъ пропечатано. Этотъ самый г. Гусевъ находился въ чрезвычайной ажитаціи въ то достопамятное время, когда г. Цитовичъ приставалъ къ «Берегу» и утвердился наономъ. Г. Гусевъ суетился, какъ бѣсъ передъ заутреней (да простится мнѣ это выраженіе), курилъ ѳиміамъ г. Цитовичу, полемизировалъ съ его противниками, вздыхалъ о паденіи «основъ»; словомъ всѣмъ своимъ существомъ говорилъ: доложите всѣмъ тамъ министрамъ и генераламъ, что живетъ въ Казани Александръ Ѳедоровичъ Гусевъ, человѣкъ благонамѣренности непоколебимой и готовности беззавѣтной. И никто на него, бѣдняжку, тогда вниманія не обратилъ! Грѣшенъ и я передъ Александромъ Ѳедоровичемъ. Онъ мнѣ прислалъ свою книжку («Натуралистъ Уоллэсъ, его русскіе переводчики и критики»), въ которой, между прочимъ, онъ третируетъ меня съ величайшимъ презрѣніемъ и негодованіемъ. Ясно, что при этомъ послѣднемъ условіи, фактъ присылки книги могъ означать только одно: доложите министрамъ и генераламъ, выругайте, но доложите. Однако, я не доложилъ, думаю себѣ: не надо! и такъ хорошъ Александръ Ѳедоровичъ. Такъ вотъ на первой же страницѣ упомянутой книжки напечатано: «Современное невѣріе начинаетъ прибѣгать къ самымъ безчестнымъ средствамъ для противодѣйствія христіанскому міровоззрѣнію... Въ 1877 году Е. Н. Воронецъ въ «Православномъ Обозрѣніи» указывалъ научную недобросовѣстность журнала «Знаніе», редакція котораго, при изданіи на русскомъ языкѣ знаменитаго сочиненія Пальгрева объ Аравіи, ея жителяхъ и магометанствѣ, не стѣснилась, *съ цѣлью возвеличенія мусульманской религіи*, выкинуть изъ произведенія Пальгрева тѣ мѣста, въ которыхъ высказывается надлежащій судъ надъ могаметанствомъ».

Вотъ! Не подумайте пожалуйста, что редакторами-издателями «Знанія» были Султанъ-Калбалай-ханъ-Коропчевскій и Хаджи-Абрекъ-Гольдсмитъ. Совсѣмъ нѣтъ: просто г. Коропчевскій и просто г. Гольдсмитъ. Я могу допустить, что они издали дурной и даже дѣйствительно изуродованный переводъ сочиненія Пальгрева, это у насъ нерѣдко случается. Но чтобы они были

переодѣтые мусульманскіе эмиссары, чтобы они испортили переводъ «съ цѣлью возвеличенія мусульманской религіи», это, воля ваша, уже черезъ край, по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ. Это гораздо сильнѣе, чѣмъ мое предположеніе, что г. Щебальскій защищаетъ религіозное чувство крестоносцевъ съ цѣлью возвеличенія католической идеи. Тутъ хоть какой нибудь смыслъ есть, а тамъ уже ровно никакого.

Все это было бы, конечно, очень смѣшно, еслибы не было такъ отвратительно. Не все же съ нахмуренными бровями ходить. Отчего иногда и не посмѣяться, хотя бы, напримѣръ, надъ высоко комическимъ доносомъ г. Гусева (или г. Воронца?), потому что самъ по себѣ онъ въ самомъ дѣлѣ высоко комиченъ. Но вѣдь онъ не одиноко стоитъ. Мы къ нему подошли такимъ долгимъ и постепеннымъ путемъ подмигиваній и доносовъ на всякаго рода сепаратизмы и другіе «измы», что даже не особенно удивились, когда въ одинъ прекрасный день Александръ Ѳедоровичъ разъяснилъ, что издатели «Знанія» суть тайные, но ревностные магометане. Привыкли. Должно быть ваше тоже казанское начальство привыкло, иначе г. Тальквистъ не могъ бы совершать à la longue свои подвиги по части уловленія соціалистовъ. Въ этой-то привычкѣ и заключается ужасъ нашего положенія. Горе странѣ, въ которой доносчики и шпіоны выступаютъ на видное мѣсто, но еще горьшее горе странѣ, въ которой притупляется общественное презрѣніе къ доносу, то есть одно изъ наиболѣе общихъ и элементарныхъ нравственныхъ побужденій, и въ которой поэтому доносчикъ уже не считаетъ нужнымъ прятаться, скрываться. Нѣтъ, нелѣпѣйшее, безсмысленнѣйшее обвиненіе онъ съ совершенно яснымъ лбомъ предъявляетъ въ литературѣ (г. Гусевъ, напримѣръ) или на улицѣ (г. Тальквистъ, напримѣръ) и еще требуетъ себѣ за это титула спасителя отечества и уличаетъ другихъ въ «безчестныхъ» пріемахъ. Это онъ-то! Но разъ онъ вышелъ съ этою глупостью и дрянностью въ литературу или на улицу, значитъ онъ разсчитываетъ на одобреніе болѣе или менѣе значительнаго круга людей. Разсчитываетъ и иногда, по крайней мѣрѣ, получаетъ...

Воображаю каково жить въ Казани, гдѣ есть такое блистательное созвѣздіе, какъ г. Гусевъ, г. Тальквистъ, да на придачу еще г. Фельдманъ, въ котораго «стрѣляли динамитомъ»!

Не дурно въ Харьковѣ, гдѣ «чердачные Бруты и Кассіи» потерпѣли недавно такое крупное пораженіе отъ руки истинныхъ сыновъ отечества.

Не дурно въ Одессѣ, куда ждутъ, говорятъ, опять г. Цитовича, «который будто бы возвратилъ уже казнѣ восемнадцать тысячъ франковъ въ счетъ *дома* и такимъ образомъ очистился въ глазахъ общества и профессоровъ» («Заря», № 110). Вернется ли г. Цитовичъ и какимъ онъ вернется, это дѣло темное, а вѣрно то, что изъ новороссійскаго университета почему-то

бѣгутъ лучшіе профессора: Мечниковъ, Посниковъ, Преображенскій...

Такъ идутъ дѣла въ университетскихъ городахъ, въ центрахъ, значитъ. Изъ центровъ идутъ во всѣ стороны радіусы, концы которыхъ образуютъ кругъ. Ну и вертись въ этомъ кругѣ, современникъ...

А между тѣмъ, какъ въ сущности просто устранить всѣ эти безобразія. Надо только немножко свѣта. Тогда доносъ перестанетъ быть монополіей людей нравственно низменныхъ, и чистыя руки сдѣлаютъ грязное дѣло доноса чистымъ дѣломъ: найдутъ и открыто укажутъ настоящихъ враговъ родины, ея губителей, прячущихся нынѣ за «весьма, какъ говорится, цѣлесообразными» мѣропріятіями...

Н. М.

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Истекшій мѣсяцъ можетъ быть, по истинѣ, названъ законодательнымъ. Такой усиленной законодательной дѣятельности давно уже не было и едва ли даже запомнятъ старожилы государственнаго совѣта. Очевидно, что мы, если не обновляемся, то починяемся и укрѣпляемся. Достаточно только перечислить то, что было распубликовано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» съ 1-го мая, а именно: положеніе о порядкѣ зачета особыхъ взносовъ, представляемыхъ крестьянами въ уплату выкупныхъ ссудъ; постановленіе о введеніи въ дѣйствіе правилъ о порядкѣ учрежденія и устройства сельскихъ аптекъ; новый законъ объ евреяхъ; проектъ новаго вексельнаго устава, съ введеніемъ новой вексельной бумаги; о временной пріостановкѣ дѣйствія земскихъ учрежденій въ Землѣ Войска Донского; о закрытіи западно-сибирскаго и объ учрежденіи новаго степного генералъ-губернаторства; о порядкѣ производства дѣлъ по нѣкоторымъ государственнымъ преступленіямъ; о выборахъ въ гминные судьи; о постепенной отмѣнѣ съ будущаго года подушной подати, «по мѣрѣ изысканія новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ»; о закрытіи главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія; о воспрещеніи святѣйшимъ синодомъ лицамъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія торговать иконами, крестами и т. д. Я не перечисляю менѣе важныхъ постановленій, напримѣръ, о пріемѣ своекоштныхъ воспитанниковъ въ михайловское артиллерійское училище; о введеніи мировыхъ судебныхъ установленій и положенія о нотаріальной части въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи; о введеніи положенія объ усиленной охранѣ въ Полтавской губ. и объ освобожденіи отъ таковаго Воронежскаго уѣзда и города Воронежа и т. п. Одни изъ этихъ узаконеній, какъ напримѣръ, о подушной подати [1], возникли и

---

[1] Послѣ многолѣтняго существованія податной комиссіи въ 1879 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе: приступить, вопреки мнѣнію комиссіи о несвоевременности реформы, «нынѣ же къ обсужденію предположенія объ отмѣнѣ сборовъ, взимаемыхъ въ пользу государственнаго казначейства по подушной системѣ и объ изысканіи, для замѣны ихъ, другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ».

обсуждались еще въ прошлое царствованіе; другіе, какъ напримѣръ, законъ объ евреяхъ, доставившій, по словамъ «Новаго Времени», гр. Игнатьеву славу государственнаго человѣка, составляютъ цѣликомъ достояніе новѣйшаго времени. Нѣкоторые изъ этихъ узаконеній чрезвычайно важны, но, такъ какъ объ однихъ изъ нихъ говорилось уже много въ печати, а о другихъ говори не говори — все равно дѣла не измѣнишь, то мы и не станемъ о нихъ распространяться и перейдемъ къ предметамъ, болѣе нуждающимся въ разсмотрѣніи; это тѣмъ болѣе, что новые законы никуда не убѣгутъ и, такъ или иначе, будутъ соприкасаться съ различными вопросами, о которыхъ намъ придется говорить впослѣдствіи.

Начнемъ съ того, что намъ ближе и больнѣе всего. Что у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ — сказываетъ пословица. Въ то время, когда законодательство, такъ или иначе, коснулось почти всѣхъ отраслей государственной жизни, одни только законы о печати остались безъ измѣненія, остались въ полной неприкосновенности. Въ газеты проникъ слухъ, что и относительно законовъ о печати существуютъ какіе-то проекты, которые будутъ разсматриваться будто бы осенью; но что это за проекты—никому неизвѣстно. Одни говорятъ, что предварительная цензура, какъ недостигающая цѣли, будетъ совсѣмъ уничтожена; другіе, что, напротивъ, будетъ распространена на всѣ изданія; третьи, что будетъ учреждена надъ печатью особая судебная инстанція изъ членовъ главнаго управленія по дѣламъ печати, подобно тому, какъ это проектировалось въ извѣстной брошюрѣ: «Письма о современномъ состояніи Россіи», четвертые, что печать отойдетъ изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе имѣющаго учредиться министерства полиціи; пятые... Но всего, конечно, не переслушаешь, тѣмъ болѣе различныхъ варіантовъ и подробностей, когда неизвѣстно даже общее направленіе проектовъ, если таковые имѣются, и никто не знаетъ, что они имѣютъ въ виду—бóльшую свободу или новыя какія-нибудь путы. Можно было бы думать и надѣяться, что и для «вольноотпущенной прессы», какъ ее зло окрестилъ покойный кн. Васильчиковъ, выйдетъ, наконецъ, какое-нибудь облегченіе и наступятъ болѣе свѣтлые дни, дни, по крайней мѣрѣ, не административно усмотрительнаго, а законнаго порядка, порядка яснаго и опредѣленнаго, когда печатное слово будетъ имѣть дѣло только съ судомъ, и съ судомъ не полицейскимъ и административнымъ, а съ судомъ присяжныхъ и общими судебными установленіями. Такъ, говорю я, можно было бы думать, потому что дальнѣйшаго отягченія судебъ печати трудно себѣ представить, въ виду такого обилія выставленныхъ фактовъ ея стѣсненности и общаго сознанія недостаточности той свободы, какою она пользуется. Это высказывалось не одними органами печати, но и земскими людьми, въ земскихъ собра-

ніяхъ: новгородскомъ, тверскомъ и другихъ. Исключеніе составляетъ развѣ только одинъ г. Катковъ, требующій для мысли цѣпей и тюремъ, но кто же не знаетъ, что это у него манія такая, манія, однако, не мѣшающая ему самому пользоваться неограниченною свободою слова. Между тѣмъ, если вѣрить слухамъ, то одинъ изъ проектовъ, о которомъ собственно и проникъ слухъ въ газеты, и который, слѣдовательно, наиболѣе законченъ и близокъ, если не къ осуществленію, то къ разсмотрѣнію, имѣетъ въ виду именно дальнѣйшее сокращеніе вольностей печати. Говорятъ, что право на изданіе извѣстнаго органа предполагается будто бы поставить въ такія условія, чтобы оно испрашивалось каждый годъ, подобно свидѣтельствамъ на право торговли, при чемъ отъ главнаго управленія по дѣламъ печати будетъ зависѣть, смотря потому, какъ велъ себя въ истекшемъ году извѣстный органъ, выдавать или не выдавать разрѣшенія, или выдавать ихъ, но съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ, напримѣръ, для газетъ—права розничной продажи, печатанія объявленій и т. п. Трудно повѣрить, чтобы подобный проектъ могъ серіёзно существовать. Невыдача концессіи или разрѣшенія на продолженіе изданія равносильно закрытію изданія, а это, какъ извѣстно, прежде всего сопряжено съ разрушеніемъ имущественныхъ правъ издателя. Если, какъ разсчитывали газеты, недавняя 6-тимѣсячная пріостановка «Голоса» опредѣлялась въ 150,000—200,000 р., то совершенное закрытіе такого изданія равнялось бы потерѣ капитала, который опредѣлится капитализаціей приносимаго имъ дохода изъ извѣстнаго %, не менѣе 6%, т. е. процента оффиціальнаго. Чтобы поставить большую газету на ноги — недостаточно одного года и нужно затратить капиталъ въ нѣсколько сотъ тысячъ, которыя могутъ составлять нетолько все состояніе человѣка, но и могутъ быть добыты путемъ займа и тяжелыхъ долговыхъ обязательствъ, которыя во всякомъ случаѣ остаются на издателѣ. До сихъ поръ на закрытіе изданія не имѣли права нетолько главное управленіе по дѣламъ печати, но и министръ внутреннихъ дѣлъ и даже комитетъ министровъ, а требовалось Высочайшее повелѣніе, которое нужно было исходатайствовать. Поэтому до сихъ поръ закрытіе изданій практиковалось весьма рѣдко, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ и совершенно экстренныхъ случаевъ. Правда, что закрытіе изданій могло совершаться иными, обходными путями — частыми пріостановками изданія и неутвержденіемъ редакторовъ, а отчасти и недозволеніемъ передачи изданія въ другія руки; но не на утвержденіе редакторовъ можно было жаловаться въ 1-й департаментъ сената, а недозволенія продажи изданія, какъ ограниченія имущественнаго права и совершенно непредвидѣннаго законами о печати случая, не призналъ бы, конечно, ни одинъ судъ. Но разрушеніе «священныхъ правъ собственности», о которыхъ мы такъ много толковали по поводу покражи Маркомъ Волоховымъ яблокъ изъ чужого сада

и вообще непризнанія ихъ нигилистами, есть только одна сторона дѣла, и сторона едва ли самая худшая. Есть и другія стороны легкаго и общедоступнаго закрытія изданій: каждое такое закрытіе сопряжено съ освобожденіемъ или, лучше сказать, съ выбрасываніемъ на улицу извѣстнаго количества работниковъ: сотрудниковъ, корректоровъ, репортеровъ, корреспондентовъ, наборщиковъ и т. д., которые, потерявъ занятіе, пріобрѣтаютъ всѣ качества умственнаго пролетаріата; новое занятіе находится не легко и они переходятъ въ чисто недовольныхъ — кто собою, а кто порядкомъ вещей. Если временная пріостановка одного какого-нибудь изданія заставляла кандидатовъ университета заниматься перепиской, а владимірскихъ кавалеровъ поступать чернорабочими на заводы, какъ этому у насъ бывали примѣры, то закрытіе нѣсколькихъ изданій должно только увеличивать размѣры такого явленія и растягивать тягость неопредѣленнаго положенія и пріисканія работы во времени. Должно увеличиваться число недовольныхъ и изъ читателей закрытаго изданія, читателей, привыкшихъ къ нему и жившихъ вмѣстѣ съ нимъ умственною и духовною жизнью. Но и это еще не все: легкое закрытіе изданій можетъ легко сдѣлаться орудіемъ политической борьбы партій; партія, получившая почему-нибудь преобладаніе, преобладаніе можетъ быть только случайное и временное и рѣже всего связанное съ положительными качествами, можетъ закрыть всѣ непріятныя и враждебныя ей изданія; а такимъ образомъ общество и власть будутъ имѣть передъ собою не истину, которая получается изъ столкновенія противуположныхъ мнѣній, а одностороннее мнѣніе партіи, которая одно будетъ скрывать, а другое преувеличивать и вообще будетъ заинтересована гнуть жизнь въ свою пользу. Получитъ преобладаніе другая партія— будутъ закрываться другіе органы печати. Сегодня будутъ служить панихиду одни, завтра другіе. Ясное дѣло, что этотъ, совершенно восточный порядокъ вещей, не можетъ быть никому желателенъ, за исключеніемъ развѣ г. Каткова, и, какъ порядокъ въ высшей степени вредный для истины и общественной справедливости, не можетъ, вообще, пользоваться сочувствіемъ. Вотъ почему мы и не думаемъ, чтобы могъ дѣйствительно существовать подобный проектъ закона о печати, хотя въ существованіе его нѣкоторые и вѣрятъ. Нужно особенно смутное время и нужно слишкомъ ко многому притерпѣться, чтобы рѣшительно всему вѣрить, какъ теперь стали вѣрить мы. Стѣсненіе мысли никогда не давало тѣхъ результатовъ, какіе желали получить стѣснители, а стѣсненіе свободы печати всегда порождало заграничную и такъ называемую подпольную литературу, которая тѣмъ больше распространялась и тѣмъ болѣе становилась популярной, чѣмъ больше было стѣсненій. Нужно думать, что мы чему-нибудь научились, если не изъ исторіи и опыта чужеземныхъ народовъ, то изъ своего собственнаго опыта. Вѣдь

*

это только оселъ Евгенія Савойскаго совершилъ съ нимъ всѣ его походы и не научился военному искуству.

Наиболѣе непримиримымъ противникомъ свободы печати является у насъ г. Катковъ, чуть ли не ежедневно теперь доказывающій, что надпольная и подпольная печать суть одно и тоже и рекомендующій закрытіе чуть ли не всей непріятной ему прессы. Берите, говоритъ онъ, примѣръ съ Германіи, гдѣ «со времени введенія закона о соціалистахъ и малаго осаднаго положенія (въ важнѣйшихъ городахъ) съ 21-го октября 1878 г., напримѣръ, по настоящее время запрещено *семьсотъ тридцать* газетъ, журналовъ и иныхъ произведеній печати (?) и разогнано нѣсколько сотъ сообществъ, съ преданіемъ суду нарушителей закона». И что всего замѣчательнѣе, продолжаетъ онъ, все это дѣлается «простою, не дорогою, уголовною полиціей и обыкновенными судами... Но для насъ всего важнѣе, всего поучительнѣе какъ здѣсь и полиція, и суды ухитряются неумолимо преслѣдовать и подавлять *легальную крамолу*, пропаганду держащуюся, какъ у насъ въ Россіи, на *легальной* почвѣ. Система, избранная полиціей и судами, очень проста: отыскивать анти-государственную пропаганду по *запаху*, по *духу*, а не посредствомъ *буквы и формы*» («Моск. Вѣд.», № 145, 1882 г.). Но гдѣ же у насъ соціалистическая печать, подобная германской, и гдѣ тѣ семьсотъ тридцать газетъ и журналовъ, которые слѣдовало бы закрыть. Мы не говоримъ уже о томъ, насколько достовѣрна приведенная г. Катковымъ (по обыкновенію безъ указанія источника) цифра будто бы закрытыхъ въ Германіи періодическихъ изданій, съ присоединеніемъ, правда, къ нимъ какихъ-то «и иныхъ произведеній печати» (вѣроятно, книгъ и брошюръ?); не говоримъ о томъ, что у насъ нѣтъ и въ поминѣ нѣсколькихъ сотъ легальныхъ соціалистическихъ сообществъ, которыя тамъ закрыты и разогнаны, что «уголовная» нѣмецкая полиція и «обыкновенные» нѣмецкіе суды—не одно и тоже, что наша полиція и необыкновенные суды; что, отыскивая пропаганду по запаху и духу, легко ошибаться и унюхивать совсѣмъ не то, что слѣдуетъ, что полагаться вообще на нюхъ, какъ на критерій, не возможно (а тѣмъ подавно на русскій нюхъ); что кн. Бисмаркъ мѣрами противъ духа времени, провозглашенными имъ подъ видомъ закона о соціалистахъ, и расширеніемъ полномочій полиціи только подорвалъ къ себѣ довѣріе страны и уронилъ свой авторитетъ, чѣмъ и объясняются его послѣднія парламентскія неудачи и, повидимому, безповоротная потеря популярности, которую не подняло и заигрываніе съ народомъ, къ которому онъ въ послѣднее время обращался, и что, наконецъ, Германія нетолько не очищена отъ соціальныхъ вопросовъ и ученій, но вопросы эти тамъ еще болѣе усложнились и обнаруживаютъ пренепріятные для желѣзнаго канцлера симптомы. До всего этого г. Каткову, разумѣется, нѣтъ никакого дѣла. Когда ему нужно бываетъ что-нибудь доказать, то онъ обыкновенно ничѣмъ не стѣс-

мается. Такъ, напримѣръ, недавно (онъ тогда еще не былъ успокоенъ на счетъ будущности отечества) онъ пресерьёзно доказывалъ, что у насъ вскорѣ послѣ крестьянской реформы «политическая интрига овладѣла было самымъ кормиломъ правленія», что *всѣми* тогда «овладѣло бѣшенство, какъ бы раздробить и ослабить Россію, какъ бы выкроить изъ нея нѣсколько государствъ»; но этого мало: онъ доказывалъ, что эта же самая интрига дѣйствовала и до самаго послѣдняго времени, «принаровляясь къ обстоятельствамъ» и пролагая себѣ новые «подземные» пути, и что органами ея были «покойный «Порядокъ» и здравствующій «Голосъ», служившій и тогда, какъ теперь, органомъ интриги» («М. Вѣд.», № 143, 1882 г.). Вотъ эти-то семьсотъ тридцать соціалистическихъ газетъ и надо закрыть безъ промедленія, присовокупивъ къ нимъ, конечно, между прочимъ, и нѣкоторыя другія неосновательныя изданія. Свободы мнѣнія, свободы мысли и совѣсти—никому и никакой!

Я позволю себѣ возразить г. Каткову словами одного писателя 60-хъ годовъ, съ которымъ онъ былъ когда-то солидаренъ. Вотъ что говорилъ этотъ писатель: «Нашъ почтенный оппонентъ (М. П. Погодинъ) полагаетъ, что свобода совѣсти, какъ бы ни была она хороша сама по себѣ, никакъ не можетъ быть допущена у насъ въ ближайшее время. Онъ относитъ ея водвореніе до того времени, когда наше общество окрѣпнетъ, возмужаетъ, созрѣетъ, будетъ умнѣе. Тогда, въ видѣ награды, оно можетъ быть спущено съ полицейскихъ помочей. Но намъ кажется, что такая точка зрѣнія ошибочна. Льготы, пріобрѣтаемыя обществомъ, отнюдь не должны имѣть значенія наградъ... Какъ намъ стать умнѣе и лучше? Какими путями идти намъ къ этой цѣли? Можетъ ли общество когда-нибудь созрѣть умственно и нравственно безъ элемента свободы? Можно ли выучиться ходить не ходя, выучиться плавать не плавая? Можно ли пріобрѣсти опытность безъ опытовъ, безъ испытаній, безъ усилій и жертвъ?» Что же это за писатель, который говорилъ такія хорошія слова и съ которымъ г. Катковъ былъ солидаренъ? А это самъ же г. Катковъ, и это его же собственныя слова, которыя онъ писалъ въ «Моск. Вѣд.» 1863 года (№ 174). Теперь, конечно, онъ все это позабылъ. До какой степени дорожилъ тогда г. Катковъ независимостью печати и независимостью ея мнѣній отъ какого бы то ни было административнаго давленія, можно видѣть изъ его порицаній оффиціальной печати («Виленскаго Вѣстника» и «Русскаго Инвалида»): Правительственныя лица, писалъ онъ, «какъ и всякія другія, могутъ симпатизировать болѣе одному, чѣмъ другому дозволительному мнѣнію»; но только тогда положеніе печати можетъ быть признано удовлетворительнымъ, только тогда оно можетъ стать истинно полезною силою, когда *каждое* изъ этихъ направленій или мнѣній «будетъ равно обезпечено и не будетъ стѣснено ни прямо, ни косвенно примѣсью правительственнаго элемента и казенныхъ средствъ къ дѣлу личныхъ

симпатій и антипатій. Этого требуетъ справедливость, этого требуетъ польза общества, этого требуетъ правильное и здоровое развитіе мнѣній, ибо искуственная и несправедливая поддержка, давая силу тому, что не имѣетъ внутренней силы, можетъ производить только разстройство и замѣшательство». А это писалось даже въ 1864 г., т. е. когда польская интрига уже смутила нашего историческаго публициста и когда началась для него новая эра—эра преслѣдованія всякаго независимаго мнѣнія, всякаго проблеска свободы и всякой общественной инициативы. Тогда, впрочемъ, надъ нимъ стояло еще облачко сомнѣнія въ его политическихъ и экономическихъ идеяхъ, облачко, которое время отъ времени охлаждало его; но насколько затѣмъ весь горизонтъ надъ нимъ и передъ нимъ расчистился и насколько публицистическая его дѣятельность осталась независимою отъ административнаго поощренія, говорить, кажется, нѣтъ надобности. Самъ онъ недавно, говоря объ отставкѣ гр. Игнатьева, поясняетъ значеніе своей *неоспоримой силы*, которую будто бы либеральная печать миѳически преувеличила, слѣдующимъ образомъ: «Власть наша дѣйствительно большая: она заключается въ магической формулѣ А есть А или, если угодно, дважды два четыре» (№ 152, «М. В.»). Хорошо, конечно, еслибы въ такой вовсе не магической, а элементарно-математической формулѣ заключалось все дѣло: тогда то, что составляло въ 1863 г. четыре, не могло бы составлять всего лишь черезъ нѣсколько лѣтъ пяти или стеариновой свѣчки, какъ это по бо̀льшей части случалось; тогда, дѣйствительно, преобладала бы во всемъ математическая ясность, а не магическія превращенія. Но дѣло въ томъ, что власть г. Каткова, власть, дѣйствительно, большая и многолѣтняя, основывалась совсѣмъ на другомъ, и именно — на магическомъ знаніи административныхъ пружинъ, на личныхъ соглашеніяхъ, на лести однимъ и преслѣдованіи другихъ (не всегда слабыхъ и павшихъ уже, но несомнѣнно имѣвшихъ упасть) сильныхъ міра сего. Теперь онъ желаетъ «уволеннымъ по болѣзни министрамъ (т. е. гр. Лорисъ-Меликову и гр. Игнатьеву) поправиться въ здоровьи» и говоритъ, что они, кромѣ вреда, ничего не принесли и путнаго ничего не сдѣлали, что «диктатура сердца», будто бы, даже «заперла подъ замокъ ввѣренную ей государственную власть и предоставила полный просторъ анти-государственному духу подъ титуломъ либеральной партіи», даже будто бы, *подъ выстрѣлами и взрывами, обдумывалась программа дальнѣйшихъ уступокъ непріятелю* (?); но раньше, или, по крайней мѣрѣ, до поры до времени, этого не говорилось, и г. Катковъ нисколько не стѣсняется и теперь заявлять, что лично онъ ничего не имѣетъ ни противъ гр. Лорисъ-Меликова, ни противъ гр. Игнатьева и что «съ обоими, напротивъ», даже былъ «въ наилучшихъ отношеніяхъ» (№ 152, 1882 г.). Такое тяжкое обвиненіе и наилучшія личныя отношенія какъ-то совсѣмъ не вяжутся между собою. Наилучшія лич-

ныя отношенія и благословленіе Немезиды, отправившей недавнихъ друзей «на отдыхъ и врачеваніе»—какъ-то не согласуется между собою. Но мало ли что не вяжется и не согласуется у г. Каткова. «Петербургскіе шарлатаны», какъ нынче насъ г. Катковъ величаетъ, имѣютъ, къ несчастію, память и никакъ не могутъ привести въ логическую послѣдовательность всего того, что слышали и слышатъ отъ г. Каткова. Они помнятъ, что говорилъ, напримѣръ, г. Катковъ по поводу введенія земскихъ учрежденій, что «самое важное значеніе этого закона то, что онъ впервые призываетъ у насъ къ жизни *земство*, какъ великую общественную, всеобъемлющую силу», и помнятъ также, какъ затѣмъ онъ относился къ этой великой общественной силѣ, не оставивъ у нея, кажется, ни одного не оплеваннаго мѣста, третируя ее, не довѣряя ей и подсмѣиваясь надъ ея «земской конституціей» (№ 143, 1882 г.). Они помнятъ, какъ горячо ратовалъ г. Катковъ противъ бюрократизма и канцелярщины, и какъ затѣмъ, когда зашла рѣчь о бюрократической стѣнѣ между властью и народомъ и о томъ, какимъ образомъ удобнѣе устроить, чтобы высшее правительство имѣло точныя свѣдѣнія о нуждахъ и желаніяхъ народа, доказывалъ, что для этого вполнѣ достаточно существующаго канцелярскаго порядка вещей — адресовъ, почтъ и телеграфовъ. Въ то время, когда вся печать и, можно думать, все общество убѣдились въ томъ, что однимъ изъ главныхъ тормазовъ жизни является, по выраженію «Совр. Изв.», «формализмъ, присущій бюрократическому міру, его безучастіе къ живымъ интересамъ, зачастую неспособность ихъ понять и слышать, наконецъ, произволъ на всѣхъ ступеняхъ администраціи, и даже злоупотребленія», всю полноту которыхъ «чувствуетъ и осязаетъ изъ конца въ конецъ вся Россія» (№ 145), г. Катковъ доказывалъ, что бюрократическому механизму не достаетъ только хорошаго механика и единства власти и что всякое обращеніе къ странѣ за узнаніемъ ея нуждъ и желаній есть чуть ли не настоящій призывъ къ революціи! (№ 130, 82, «Московъ. Вѣд.»). Между тѣмъ, г. Каткову, казалось бы, всего труднѣе стоять за бюрократизмъ и осыпать многочисленныхъ противниковъ такого рода обвиненіями, еслибы, конечно, онъ помнилъ лучше то, что говорилъ прежде. Самъ же онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, высказывалъ, что французская революція 1789 г. «была дальнѣйшимъ продолженіемъ, дальнѣйшею фазою того самаго духа, который дѣйствовалъ въ старой Франціи подъ другими формами, подавляя, сглаживая и убивая всякую живую силу—того же духа всеуничтожающей администраціи, той же всепоглощающей силы правительственнаго механизма» («М. В.» 1864 г., № 7). Самъ же онъ, говоря о Тьерѣ (о Тьерѣ не 70-хъ, а 50-хъ годовъ), высказывалъ слѣдующее: «Приговоръ исторіи произнесенъ надъ ролью, которую игралъ Тьеръ въ этой несчастной, такъ позорно окончившейся іюльской монархіи. Всѣми дѣйствіями своими, всѣми

своими сочиненіями онъ доказалъ, что принадлежитъ къ тѣмъ французамъ, которые, по выраженію Наполеона I, не имѣютъ понятія о томъ, что такое свобода, а между тѣмъ, слово свобода не сходитъ у нихъ съ языка. Кто изъ политическихъ людей Франціи болѣе Тьера исповѣдуетъ ученіе административной централизаціи и правительственной опеки, то что во Франціи стали звать гувернементализмомъ? Не онъ ли одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей этого духа, порожденнаго французской исторіей и непримиримо враждебнаго всѣмъ инстинктамъ свободы и самоуправленія — духа, которымъ хронически одержима эта страна, и которымъ заразила она весь европейскій материкъ, духа регламентовъ, отвлеченныхъ предписаній, насилующихъ жизнь, убивающихъ свободу?» («Моск. Вѣд.», № 7, 64 г.) Между тѣмъ г. Катковъ ни мало этимъ не смущается и продолжаетъ съѣдать себя безъ остатка. До какой степени велики теперь его недовѣріе и нелюбовь къ мнѣнію страны можно лучше всего видѣть изъ тѣхъ глумленій, какими онъ недавно осыпалъ свѣдущихъ людей, людей даже не земскихъ, а назначенныхъ администраціей, называя ихъ засѣданія «маленькимъ парламентомъ», который созывался будто бы только для того, чтобы «вести праздныя рѣчи о кабацкомъ дѣлѣ.» (М. В. № 152, 82 г.) «Петербургскіе шарлатаны» помнятъ, какъ г. Катковъ называлъ недавно мысль объ общественныхъ питейныхъ заведеніяхъ—«коммуно-кабацкою затѣею» и помнятъ также какъ не далѣе какъ въ 1872 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» говорилось, что общественный питейный домъ, или мірской кабакъ есть «та органическая мѣра, то простое учрежденіе, которое можетъ въ весьма значительной степени помочь непрестанно возрастающему и до гибельныхъ размѣровъ уже дошедшему злу отъ настоящаго порядка питейной торговли» и что «мѣра эта тѣмъ болѣе замѣчательна, что она является не навязанною извнѣ, но возникшею въ самомъ народѣ, существенно вызванною давленіемъ окружающаго зла». («Нов. Вр». № 2217). Мы увѣрены, что еслибы кто-нибудь занялся сличеніемъ того, что г. Катковъ говорилъ прежде и впослѣдствіи, то именно оказалось бы, что онъ давно уже истребилъ самъ себя безъ остатка» оставивъ, однако, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» слѣды этого самоистребленія и воздвигнувъ себѣ ими такой памятникъ своего участія въ судьбахъ отечества, мимо котораго нельзя пройти безъ скорби и злобы. Гдѣ же истина: въ томъ ли, что говорилось прежде, или въ томъ, что говорится теперь? Г. Катковъ, конечно, скажетъ, что говоримое имъ теперь гораздо болѣе справедливо, возвышенно и зрѣло, но кто поручится, что завтра же онъ не скажетъ совершенно обратнаго и не начнетъ возвращать вамъ стараго г. Каткова, съѣденнаго новымъ г. Катковымъ? Это—настоящая исторія новаго миѳа, исторія совсѣмъ миѳическая, съ магическими чудесами и превращеніями, и, право, этими словами, употребленными самимъ же г. Катковымъ,

только и объяснимая. Гораздо болѣе важный вопросъ: возможна ли при такихъ условіяхъ, при такой склонности къ разрушенію всего и саморазрушенію, какая-нибудь зиждущая общественная дѣятельность? Думаемъ, что онъ. Возможны фантастическіе планы и многолѣтнее упорство надъ осуществленіемъ ихъ, возможна безпощадная, неутомимая борьба съ препятствіями, со всѣмъ, что стоитъ на дорогѣ и такъ или иначе протестуетъ, борьба обходительная, при «наилучшихъ личныхъ отношеніяхъ», съ противникомъ сильнымъ, и безцеремонная и жестокая съ противникомъ слабымъ, но, затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ цѣли и уясненія несостоятельности фантастическаго плана и несогласія его съ жизнью, вы видите, что борьба эта переходитъ на собственныхъ союзниковъ и разрушеніе собственнаго же плана— прямымъ его отрицаніемъ или доведеніемъ его до карриватуры, до абсурда, до вселенскаго отвращенія. Примѣровъ этому можно было бы привести великое множество, а г. Катковъ еще удивляется, что ничего изъ его стараній не выходитъ, объясняя это, конечно, или польскою интригой, или отсутствіемъ единства власти или тѣмъ, что люди во власти «мыслили въ разбродъ.» Созерцая недавно свою силу, которую, хотя «петербургскіе шарлатаны» и преувеличиваютъ, но которая, тѣмъ не менѣе, велика и «неоспорима», г. Катковъ говоритъ: «6-го февраля 1880 г. мы писали въ «М. Вѣд.» о необходимости сильной центральной власти и сосредоточенія ея «въ одной сильной рукѣ»; это было дважды два-четыре, и вотъ въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней, гр. Лорисъ-Меликовъ получилъ тѣ обширныя полномочія которыя требовались положеніемъ дѣлъ». Затѣмъ, говоритъ г. Катковъ, 14-го февраля, въ тѣхъ же «Москов. Вѣдом.», мы писали: «Совершилось то, чего слѣдовало ожидать», а 15 февраля говорили: «быть можетъ, для успѣха дѣла вскорѣ окажется полезнымъ соединить всѣ части полицейскаго управленія непосредственно въ рукахъ лица призваннаго... къ борьбѣ съ крамолой. Это было тоже А есть А, и вотъ гр. Лорисъ-Меликову вскорѣ было подчинено жандармское управленіе, а затѣмъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ III отдѣленіе было вовсе упразднено, и такъ называемая государственная полиція вошла въ составъ министерства внутр. дѣлъ...» (№ 152, 82 г.) Опять, кажется, «совершилось то, чего слѣдовало ожидать» и формула г. Каткова была осуществлена, между тѣмъ г. Катковъ недоволенъ и нельзя было остаться довольнымъ, потому что ничего изъ его формулы не вышло, и Россія не избавилась отъ смуты, коренящейся, очевидно, въ чемъ-то другомъ и чего г. Катковъ знать совсѣмъ не желаетъ. Теперь онъ, конечно, сложилъ всю вину на гр. Лорисъ-Меликова, но это, право, такъ легко и общеупотребительно, что можетъ дѣлать рѣшительно каждый. Дѣло въ томъ, что еслибы г. Катковъ пожелалъ созерцать свою силу въ теченіи болѣе обширнаго періода времени, чѣмъ онъ взялъ, то онъ увидѣлъ бы, что ему очень часто можно было говорить стереотипную

фразу: «совершалось то, чего слѣдовало ожидать», тогда какъ другіе никогда этого не могли сказать или должны были говорить совершенно обратное; а вышло ли изъ этого что-нибудь путное, вышла ли Россія, идя по пути, одобряемому г. Катковымъ, изъ затруднительнаго положенія, которое съ каждымъ годомъ все увеличивалось, можетъ лучше всего засвидѣтельствовать дѣйствительность.

Сваливать все на оппозиціонную ему печать, какъ это онъ теперь дѣлаетъ, слишкомъ ужь просто, а думать, что съ подавленіемъ ея, все пойдетъ къ лучшему—еще того проще и наивнѣе. Тогда уменьшится только возможность высказываться общественному мнѣнію и увеличится сила мрака и произвола, отъ которыхъ затруднительность положенія и недовольство этимъ положеніемъ будутъ только возростать. Я думаю, что у «Московскихъ Вѣдомостей» не поднимется даже подписка; а дѣйствительность не замедлитъ, конечно, опять обнаружить ошибку въ разсчетѣ и показать, на чьей сторонѣ была истина. Отъ истины не убѣжишь, ея не заколотишь въ могилу и не законопатишь ей рта. Она—очень терпѣливая, но въ то же время и не милосердная учительница: она даетъ людямъ самые суровые уроки до тѣхъ поръ, пока они не поймутъ ея. Не станутъ они ея слушать—она ихъ заставитъ слушать себя; не будутъ они ея понимать—она не устанетъ въ прінсканіи средствъ, чтобы ее поняли; не въ состояніи они будутъ ее понять—она ихъ упразднитъ или превратитъ въ историческое посмѣшище. Г. Катковъ усердно указываетъ на истребленіе нѣмецкой печати нѣмецкою полиціей и прокуратурой, но при этомъ умалчиваетъ о нѣмецкихъ законахъ о печати, о роли суда въ ея жизни и о той легкости, съ какою тамъ каждый человѣкъ можетъ начинать изданіе или возобновлять изданіе закрытое, благодаря чему одно и тоже изданіе возрождается нѣсколько разъ подъ разными именами, а иногда и подъ однимъ и тѣмъ же именемъ. Еслибы у насъ, вмѣстѣ съ нѣмецкими строгостями, были введены и нѣмецкіе законы о печати, то мы, конечно, были бы только довольны этимъ и благословили бы судьбу. Обузданіе мысли посредствомъ подавленія печати не достигаетъ цѣли не только въ силу вышеуказанныхъ причинъ, но и потому еще, что упраздняемыя мысли, подъ вліяніемъ жизненнаго спроса на нихъ, приходятъ въ наибольшее броженіе и проникаютъ въ другія изданія, появляясь въ нихъ совершенно ни для кого неожиданно и проявляясь въ формѣ наиболѣе рѣзкой. Неожиданные протесты всегда болѣе рѣзки, а когда приходитъ весна, то ее чувствуетъ и подъ лучами ея оживаетъ всякая божеская тварь, начиная отъ ничтожной обмершей божьей коровки до соннаго медвѣдя. Кромѣ того, стѣсненное положеніе слова непремѣнно должно понижать духовный и нравственный уровень печати, вслѣдствіе чего въ литературу начинаютъ вторгаться: спекуляція и торгашество, бойкая посредственность и нахальство, площадная ругань, порно-

графія, шантажъ, клевета, доносъ и т. д. Всему этому мы также имѣемъ уже не мало примѣровъ. А одновременно съ этимъ и публика начинаетъ искать въ прессѣ уже не духовной пищи, не отвѣтовъ на мучительные вопросы, а новостей да скабрезностей, скандаловъ, побитыхъ физіономій и вырванныхъ бакенбардъ, отравившихся любовницъ и обманутыхъ любовниковъ, начинаетъ мало-по-малу не уважать прессу и искать духовнаго удовлетворенія въ прессѣ иного рода. Наиболѣе сильнымъ аргументомъ въ пользу свободы печати у насъ выставлялась необходимость гласности для обнаруженія многочисленныхъ и распространенныхъ хищеній, злоупотребленій и неправдъ. Конечно, это—весьма важный вопросъ, въ которомъ печать, какъ никто другой, можетъ сослужить обществу службу; но это только одна сторона дѣла, сторона, такъ сказать, внѣшняя и , а есть и другая сторона, гораздо болѣе важная: это именно служеніе духовнымъ потребностямъ общества, забота объ его умственныхъ и нравственныхъ интересахъ, объ указаніи ему путей къ правдѣ и о поддержаніи въ немъ той искры Божіей, безъ которой жить человѣкъ не можетъ, не превращаясь въ животное и не падая нравственно. Задача эта, повторяю, огромная и важная. Я не говорю, что мы выполняемъ ее какъ слѣдуетъ и можемъ какъ слѣдуетъ выполнять, а говорю только, что она должна выполняться литературой и что для этого нужна свобода печати, безъ которой настоящій человѣкъ не придетъ въ литературу или если и придетъ, то очень скоро въ ней задохнется. Мы указывали какъ-то на огромный вредъ для общества вслѣдствіе стѣсненія возвышенныхъ дѣятельностей и прямыхъ путей къ правдѣ; присоедините къ этому еще стѣсненіе мысли, и вы увидите — какой въ жизни наступитъ хаосъ. Уже и теперь, кажется, хаоса этого вполнѣ достаточно: одна обширная лѣтопись нашихъ хищеній и взглядъ на нихъ общества, какъ на нѣчто обычное и заурядное, можетъ свидѣтельствовать о паденіи общественныхъ нравовъ, которое, какъ извѣстно, всегда знаменовало критическое состояніе обществъ. У насъ подъ руками весьма характерная въ этомъ отношеніи страница нашей жизни — недавно разбиравшійся процессъ г. Буша. Бывшій генералъ-штабъ-докторъ нашего флота и тайный совѣтникъ Бушъ торговалъ, какъ извѣстно, казенными мѣстами и наградами; прикащиками у него были бывшій фельдшеръ Андреевъ и писарь Парфеновъ, которыхъ онъ произвелъ, конечно, въ чиновники—перваго въ коллежскіе ассесоры, а второго въ титулярные; покупателями были старые и молодые врачи, люди, съ точки зрѣнія «Моск. Вѣдомостей», несомнѣнно вполнѣ благонамѣренные и съ формальнымъ высшимъ образованіемъ; тутъ же была при чемъ-то (при чемъ именно на судѣ не выяснено) танцовщица Селезнева, производившая, однако, иногда назначенія по службѣ; тутъ же фигурировала и какая-то дорогая табакерка, которую подсудимые закладывали (за 400 р.) и выкупали... Картина, какъ видите, со-

вершенно семейная. Процессъ г. Буша именно съ этой, семейной и современной бытовой стороны больше всего и интересенъ, такъ какъ ни грандіозностью хищенія, ни остроуміемъ плана дѣйствій и никакими другими криминальными эфектами и тонкостями не отличается. Все было устроено очень просто и въ тоже время чрезвычайно удобно; вся переписка по назначенію врачей (т. е. торговыя книги) находились въ рукахъ Буша и исполнялись имъ вмѣстѣ съ Парфеновымъ, «составляя тайну для всѣхъ прочихъ служащихъ въ управленіи штабъ-доктора», (еще бы—коммерческія тайны развѣ открываютъ); торговались о назначеніяхъ на высшія должности, перемѣщеніяхъ и командировкахъ съ Парфеновымъ, а больше съ старшимъ, повидимому, Андреевымъ, преставлявшими выручку хозяину; самъ хозяинъ рѣдко выходилъ къ покупателямъ, развѣ въ экстренныхъ случаяхъ, но за торговлею тѣмъ не менѣе слѣдилъ зорко. Андрееву онъ довѣрялъ больше—это былъ вполнѣ преданный ему человѣкъ, но за то его и ругалъ, а Парфенова, человѣка способнаго, узнававшаго всѣ его мысли («что я подумаю, то онъ уже знаетъ, это моя вторая голова» говорилъ о немъ г. Бушъ) ругать себѣ не позволялъ, относясь къ нему вѣжливо, такъ какъ побаивался съ его стороны доноса. (Удивительная судьба этихъ доносчиковъ: Парфеновъ обязанъ былъ, между прочимъ, слѣдить за всѣми служащими подъ начальствомъ г. Буша и доносить ему о нихъ, и самъ же г. Бушъ ему не довѣрялъ и побаивался его именно съ этой стороны). Какія добрыя и даже трогательныя отношенія существовали между г. Бушемъ и Андреевымъ можно видѣть изъ собственноручнаго письма Буша изъ-за границы къ танцовщицѣ Селезневой, въ которомъ Бушъ, между прочимъ, пишетъ объ Андреевѣ слѣдующее:

«Иванъ Даниловичъ ведетъ мои дѣла вотъ уже скоро 17 лѣтъ и ведетъ ихъ честно, добросовѣстно и съ большимъ умѣніемъ. Черезъ него я имѣю то, что у меня есть, и могу дѣлать всѣ болѣе или менѣе значительные расходы и, не посовѣтовавшись съ нимъ, я не произвожу болѣе крупныхъ выдачъ. Могу васъ увѣрить, онъ мои дѣла принимаетъ ближе къ сердцу, чѣмъ свои собственныя. При свиданіи нашемъ съ нимъ въ Вѣнѣ самою важною темою для переговоровъ былъ денежный вопросъ. Начали считать, что было прожито. Помилуйте, говорилъ онъ, что вы дѣлаете, Богданъ Ивановичъ, подумайте только, 8,000 фр. въ мѣсяцъ, вѣдь это составитъ безъ малаго 100,000 фр. въ годъ, а на наши рубли по курсу сколько будетъ! (Я подсказалъ, что около 40,000 руб.), 40,000 въ годъ, да вѣдь это сумасшествіе, такъ въ годъ-другой вы разоритесь окончательно такъ, что уже никогда не поправитесь. Вы забыли сколько у васъ на рукахъ, кого вы должны кормить, на сколько домовъ вы живете? Что я могъ ему возразить, продолжаетъ Бушъ, все, что онъ говоритъ, то правда и если онъ мнѣ говоритъ иногда горькія истины, то я нисколько не обижаюсь его наставленіями, хотя онъ и моложе меня. 17 лѣтъ дѣла мои, въ мое отсутствіе, ведетъ онъ отлично, всѣ платежи покрываетъ своевременно, распоряжается очень экономно. Имѣя при себѣ въ вѣдомствѣ такого близкаго человѣка, возможно ли было не подѣлиться съ нимъ тѣмъ, что я вынесъ изъ совмѣстнаго съ вами путешествія. На Ивана Даниловича

я не могу иначе смотрѣть, какъ на самаго безкорыстнаго и искренне преданнаго мнѣ друга»,

Каковы же отношенія этихъ нѣжныхъ друзей были къ ихъ кліентамъ и какъ собирали они свою мзду, чтобы г. Бушъ могъ проживать по нѣскольку десятковъ тысячъ въ годъ (сколько получалъ отъ г. Буша Андреевъ и на какомъ положеніи состоялъ у него—на жалованьи или на извѣстномъ процентѣ съ дохода—также не выяснилось на судѣ). Собирали они и тысячами, и 25 рублевыми и даже 10 рублевыми бумажками, смотря по состоянію кліента и по важности оказываемой ему услуги; но больше брали средними или даже умѣренными суммами, «по установленной таксѣ», въ размѣрѣ 200 — 400 рублей. У кого не было наличныхъ денегъ, соглашались подождать, взявъ вексель, а то и на слово (мы съ вами, молъ, благородные, образованные люди, ну что за пустяки—какія там расписки—вѣримъ и такъ), хотя наличныя предпочитались, потому что слово не всегда сдерживалось. Такъ, напримѣръ, лекарь Малиновскій учинилъ съ г. Бушемъ слѣдующій неблаговидный поступокъ: обѣщалъ, черезъ д-ра Гринцевича, заплатить за мѣсто 400 р., г. Бушъ повѣрилъ—«принялъ его весьма любезно» и даже «пожалъ ему руку», а когда состоялся приказъ о назначеніи его судовымъ врачемъ во Владивостокъ и ему были выданы прогонныя деньги (изъ которыхъ и слѣдовало заплатить), то онъ взялъ, да ничего и не заплатилъ. Никакъ, говоритъ, не могъ исполнить обѣщанія и до сихъ поръ считаю себя должнымъ г. Бушу. Мало того: какъ бы въ насмѣшку, онъ явился передъ отъѣздомъ во Владивостокъ къ г. Бушу съ извиненіемъ, при чемъ Бушъ не стерпѣлъ: раскричался на него, трясъ кулаками, стучалъ по столу и сказалъ ему: «еслибы я зналъ, что вы такой подлецъ, то я бы никогда не принялъ васъ на службу». Г. Малиновскій обѣщалъ выслать деньги изъ Владивостока, но г. Бушъ выгналъ его вонъ, а затѣмъ онъ все-таки не ушолъ отъ его справедливаго гнѣва и подвергся гоненіямъ, какъ во Владивостокѣ, такъ и потомъ въ Кронштадтѣ, и долженъ былъ вслѣдствіе этого перейдти въ военное вѣдомство—въ 85 выборгскій полкъ младшимъ врачемъ. Большинство, впрочемъ, платило аккуратно... Но посмотримъ лучше на показанія свѣдѣтелей, изъ которыхъ нѣкоторыя чрезвычайно интересны и отлично характеризуютъ не только подсудимыхъ, но и ихъ самихъ. Изъ числа спрошенныхъ 126 врачей морского вѣдомства, состоящихъ нынѣ на службѣ въ портахъ петербургскомъ, кронштадтскомъ и ревельскомъ, 86 человѣкъ показали, что они либо сами давали, либо давно слышали о поборахъ г. Буша, а 40 чел. оказались въ невѣденіи этого, что прокуратура подвергла сомнѣнію и воздала дань «гражданскаго мужества» сознавшимся въ даваніи взятокъ.

Докторъ балтійскаго флота В. Смирновъ говоритъ, что онъ въ 1880 г. слышалъ на пароходѣ разговоръ двухъ молодыхъ медиковъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ являться къ флота ген.

штаб. доктору, которые, не стѣсняясь его присутствіемъ, говорили: «чортъ ихъ знаетъ! они торгуются какъ въ мелочной лавкѣ: я предлагалъ Андрееву 250 р., а съ меня просили 300 и переводъ не состоялся.» Докторъ Лукинъ показалъ, что онъ въ 1873 г. слышалъ настойчивые слухи о продажѣ медикамъ мѣстъ во флотѣ. Врачъ 4-го экипажа Якушевъ говоритъ, что хотя онъ и ничего не платилъ Андрееву, но не сомнѣвается въ томъ, что онъ беретъ, такъ какъ объ этомъ всѣ говорятъ открыто, при чемъ поясняетъ, что Андреевъ, по слухамъ, беря векселя, «въ этомъ отношеніи ведетъ себя честно, и по векселю уплачивается только съ момента исполненія обѣщанія, при чемъ если обѣщаніе не исполнено, то вексель разрывается». Слухи о продажѣ мѣстъ во флотѣ распространены были и въ медико-хирургической академіи среди студентовъ. Помощникъ инспектора академіи д-ръ Поповъ говоритъ, что онъ слышалъ объ этомъ отъ студентовъ только что кончившихъ курсъ и помнитъ, что когда сказалъ одному изъ нихъ: «что вы говорите пустяки! какъ заплатить, когда у васъ нѣтъ денегъ»? то услышалъ въ отвѣтъ на это, что «можно дать вексель». Врачъ 8 экипажа Карстъ показалъ, что онъ дважды заплатилъ Андрееву: сначала 300 р. въ 1874 г. за опредѣленіе его во флотъ, а затѣмъ 1,500 р. въ 1879 г., когда, послѣ временной отставки, ему вновь захотѣлось флотской службы, при чемъ половина 1,500 р. была уплачена имъ (впередъ, до назначенія), а вторая послѣ назначенія (съ осторожностью). Любопытно, что когда съ г. Карстомъ случилось при этомъ маленькое затрудненіе, а именно у него не хватило 200 р., то г. Андреевъ сейчасъ же вывелъ его изъ этого затрудненія, указавъ ему на лекарскаго помощника Орляковскаго, который и далъ ему подъ вексель недостающую сумму изъ 12%. Отставной лекарь Смирновъ показалъ, что, по окончаніи курса въ 1872 г. прямыя его хлопоты о поступленіи во флотъ не увѣнчались успѣхомъ, а когда по совѣту товарища онъ далъ Парфенову 75 или 85 р., хорошенько не помнитъ, то «дѣйствительно, черезъ двѣ недѣли» состоялось его опредѣленіе. «Послѣ этого Бушъ былъ гораздо любезнѣе, чѣмъ въ первый разъ» говоритъ г. Смирновъ. Врачи Черевковъ, Кривуша и Садовскій, окончивъ курсъ въ академіи въ 1880 г., всѣ заплатили Андрееву, при чемъ сторговались съ нимъ — Черевковъ и Садовскій на 200 р., каждый, а Кривуша на 300 р. Когда Кривуша, сторговавшись уже съ Андреевымъ, принесъ ему деньги, то, желая еще что-нибудь выторговать, сказалъ, что это слишкомъ большая сумма, то Андреевъ отвѣтилъ: «ужь объ этомъ сказано, и потому сбавить нельзя».

Помощникъ аптекаря кронштадскаго госпиталя Федоровичъ заплатилъ Андрееву за мѣсто 300 р.—200 р. впередъ и 100 послѣ полученія мѣста. Особенно интересны показанія д-ра Голузинскаго, узнавшаго гг. Буша и Андреева вскорѣ послѣ окончанія крымской компаніи и бывшаго къ Бушу года 3 или 4 въ

близкихъ отношеніяхъ, но потомъ съ нимъ почему-то разошедшагося. Почему свидѣтель разошолся съ Бушемъ—онъ и до сихъ поръ незнаетъ, но предполагаетъ, что по неимѣнію тѣхъ качествъ, какихъ требовалъ г. Бушъ отъ другихъ: «онъ долгое время почти каждаго изъ подчиненныхъ подвергалъ испытаніямъ и всевозможнымъ утѣсненіямъ, ругалъ чѣмъ попало и какъ попало... Цѣль Буша была запугать подчиненныхъ, унизить, обезличить ихъ, чтобы потомъ съ развязанными руками дѣлать, что ему угодно. Онъ изгонялъ людей ни въ чемъ не виноватыхъ, личностей очень хорошихъ...» Первымъ такимъ лицомъ былъ, напримѣръ, д-ръ Виноградовъ (нынѣ директоръ василеостровскаго отдѣленія Максимиліановской лечебницы), затѣмъ гофъ-медикъ Е. В. Маріи Николаевны Фишъ и т. д., при чемъ руководился то завистью къ ихъ успѣхамъ, то какими-нибудь другими причинами; а вмѣсто нихъ сажалъ людей мало способныхъ и мало знающихъ, которые ему нравились. Въ продолженіи 28 лѣтъ службы свидѣтель не запомнитъ, чтобы медицинская часть во флотѣ такъ низко пала, какъ при Бушѣ; за то никогда не было такого движенія принимаемыхъ и увольняемыхъ со службы: это было какое-то «безпрерывное снованіе». Разсердившись на очень хорошаго врача Смольскаго за болѣе вѣрное опредѣленіе имъ болѣзни у одного больного, онъ совершенно неосновательно нарядилъ надъ нимъ комиссію, а когда та его оправдала, то, тѣмъ не менѣе, черезъ нѣкоторое время, все-таки выгналъ его со службы. «Тотъ упалъ духомъ, началъ задумываться; его свезли въ домъ умалишенныхъ, гдѣ онъ и умеръ. Послѣ смерти жена Смольскаго и года не протянула—она заскучала по мужѣ, получила чахотку, умерла и оставила двухъ малолѣтнихъ дѣтей», участь которыхъ свидѣтелю неизвѣстна.

Между тѣмъ, пріятель Андреева, врачъ Коноплицкій, получалъ мѣсто старшаго ординатора Калинкинскаго госпиталя и становился хирургомъ, не будучи таковымъ; спеціалистъ горловыхъ болѣзней Миллеръ превращался въ окулиста, имѣя, по отзывамъ спеціалистовъ, очень мало свѣденій въ офтальмологіи и т. д. Назначеніе Миллера было, между прочимъ, связано съ устраненіемъ ближайшаго кандидата на это мѣсто Кауфмана, что произошло такимъ образомъ: Андреевъ спросилъ его однажды, встрѣтившись съ нимъ у выхода изъ его квартиры, не можетъ ли онъ дать 300 р. Кауфманъ, зная, что значитъ отказъ, тѣмъ не менѣе, однако, отказалъ, на что Андреевъ отвѣтилъ однимъ только словомъ: «жаль». Небольшое слово было сказано, но съ этого времени начались для Кауфмана разныя притѣсненія, которыя кончились тѣмъ, что ему, въ концѣ концовъ, было предложено оставить службу (г. Кауфманъ на службѣ, впрочемъ, остался, такъ какъ жалотвался высшему начальству и просьба его была уважена). Врачъ Архангельскій, заплатилъ Андрееву за переводъ его въ Петербургъ 300 р., Еремѣевъ 300 р., Федотьевъ 300 р. (только за о-

будто бы, что тотъ показалъ ему какъ нужно писать прошеніе на Высочайшее имя), Вучаховскій далъ самому Богдану Ивановичу взаймы на самое короткое время 2,000 р., которые, однако, съ него не требовалъ и не получилъ, а получилъ только мѣсто при Калинковскомъ госпиталѣ; Баумбахъ за назначеніе старшимъ врачемъ морского госпиталя во Владивостокѣ ссудилъ г. Буша 3,000 р., которые, по полученіи мѣста, должны были считаться уплоченными, и т. д., и т. д. Исключеній, повидимому, не было ни для кого, такъ, напр: контръ-адмиралъ Крузенштернъ просилъ мѣста для своего племянника, но и ему сказали, чтобы онъ заплатилъ, а когда дядя воспретилъ ему давать взятку, то онъ остался безъ мѣста. Собиралась дань и съ госпиталей, напримѣръ, съ кронштадтскаго, при чемъ, если посаженный туда сборщикъ даней оказывался нерачительнымъ, забывалъ про начальсто или давалъ недостаточный доходъ, то ему дѣлались угрозы и напоминанія. Г. Бушъ отлично зналъ всѣ статьи госпитальныхъ доходовъ въ Кронштадтѣ (онѣ у него были переписаны рукою Парфенова и занимали цѣлые два листа писчей бумаги) и могъ, слѣдовательно, вести точный расчетъ прихода. Если сборщикъ забывалъ о какой-нибудь статьѣ, то онъ напоминалъ ему о ней или вымогалъ изъ него что можно, какъ, напримѣръ, изъ Гринцевича. У г. Буша была найдена слѣдующая его собственноручная записка: «Гринцевичъ беретъ чрезъ Терентьева письмоводителя, отъ врачей, и Макарова письмоводителя,—отъ подрядчиковъ и съ дровъ; чрезъ Стопенгагена—съ аптеки, чрезъ Акинфіева—съ фельдшерской школы». Гринцевичъ думалъ, по свидѣтельству Мерцалова, что, заплативъ разъ Бушу 1,300 р., онъ будетъ свободенъ на будущее время, но не тутъ-то было—дани требовались ежегодныя... Наивный, право, былъ человѣкъ, когда за данями г. Бушъ посылалъ г. Андрева даже въ Черное море, къ черноморскимъ врачамъ, для чего г. Андрееву была выхлопотана командировка, съ прогонными и суточными, подъ предлогомъ ознакомленія черноморскихъ медиковъ съ дѣйствіемъ изобрѣтенныхъ врачемъ Миллеромъ насилокъ. Какъ безцеремонно иногда производились взятки остается только удивляться: какой-то Бетъ говоритъ, напримѣръ, Андрееву, что у него нѣтъ денегъ; «сыщите» отвѣчаетъ тотъ, и г. Бетъ находитъ деньги; у дѣлопроизводителя медицинской части кронштадтскаго порта Терентьева, дающаго Андрееву 25 р. и извиняющагося за малость приношенія, Андреевъ чуть не вырвалъ эти 25 р. и, «повидимому, остался недоволенъ»; настойчиво прося у врача Еремѣева 300 р. взаймы, Андреевъ разъ прямо заявилъ, что «если онъ не дастъ денегъ, то ему въ морскомъ вѣдомствѣ будетъ служить неудобно», и г. Еремѣевъ далъ—«нечего говорить было дѣлать». Но еще интереснѣе разсказъ Стопенгагена: «Въ маѣ 1880 года приходитъ къ нему Андреевъ и говоритъ: «желаете помириться!» — Съ кѣмъ, спрашиваетъ свидѣтель? «Да съ Бу-

шемъ», заявляетъ Андреевъ. Стопенгагенъ увѣряетъ, что съ Бушемъ не ссорился. «Ну, да ладно», говоритъ Андреевъ, и затѣмъ проситъ для Буша 4,000 руб. Свидѣтель отказалъ и послѣ этого Бушъ «даже не замѣчалъ его и сталъ еще болѣе преслѣдовать». Въ дополненіе къ этому нужно замѣтить еще и то, что свидѣтеля 6 разъ представляли къ наградѣ, но дѣло не выгорало, а когда онъ заплатилъ Андрееву 200 р., то вскорѣ получилъ орденъ св. Станислава».

Гофману Андреевъ предлагалъ: не хочетъ ли онъ быть дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, но такъ какъ тотъ только отвѣтилъ, что это ему будетъ очень пріятно и ничѣмъ пріятности своей не выразилъ, то и повышенія не получилъ. Еремеевъ разсказывалъ свидѣтелю Яковлеву, что приглашенный однажды Бушемъ на чашку чаю, онъ засталъ тамъ Селезневу и Андреева. «Во время чая Бушу подали конвертъ изъ Кронштадта, распечатавъ который и пробѣжавъ вложенную бумагу, Бушъ сказалъ; «дуракъ этотъ Шванкъ» не умѣетъ назначать врачей въ плаваніе», и, обращаясь къ Селезневой, сказалъ ей: «назначьте кого угодно». Селезнева назначила доктора Тихова, и онъ отправился въ плаваніе на Амуръ».

Но всей занимательной Бушевской сказки не разскажешь кратко, да и скучно ее разсказывать, признаться сказать, потому что она вызываетъ самыя невеселыя думы. Все это происходило вѣдь не гдѣ нибудь за тридевять земель и не сто лѣтъ тому назадъ, а у насъ и только вчера. Можетъ быть и теперь, въ настоящую минуту, творится гдѣ нибудь нѣчто подобное, а г. Катковъ все утверждаетъ, что у насъ все обстоитъ благополучно и что будетъ еще благополучнѣе съ упраздненіемъ непріятной ему печати и съ водвореніемъ его газетнаго единодержавія.—О, непремѣнно будетъ еще благополучнѣе! Фигурируетъ на сценѣ около ста лицъ и вы ни на комъ не можете остановиться съ симпатіей, ни къ кому не чувствуете ни малѣйшаго влеченія и ни въ комъ не видите искры божіей. А публика хохочетъ—ей смѣшны всѣ эти эпизоды и она не видитъ изъ-за нихъ горькаго смысла сказки. Нельзя не согласиться съ «Современными Извѣстіями», что все это, дѣйствительно, было вовсе не смѣшно, а скорѣе ужасно, что «ужасно оставаться въ увѣренности, что это лишь одинъ, и то случайно вынутый комокъ грязи изъ общей смердящей пучины», и что невольно раждаются вопросы: что же дальше? такъ ли и останется пучина пучиной? нужно ли ждать, чтобы случайно кто-нибудь вытащилъ другого Буша? и нѣтъ ли Бушей и въ другихъ мѣстахъ и вѣдомствахъ?

Д-ръ Кривуша говорилъ на судѣ, что, по окончаніи курса, онъ испыталъ «хожденіе по всѣмъ вѣдомствамъ, но, куда не являлся, успѣха не имѣлъ. Въ одномъ мѣстѣ объясняли словами, въ другомъ—на стеклѣ пальцемъ рисовали, въ третьемъ—

писали на бумагѣ—конечно, многозначущія цифры, сумма которыхъ оказывалась неподходящею». А когда молодые врачи, проложившіе себѣ дорогу взятками, прибыли въ Кронштадтъ, то молодые тоже мичманы ихъ прямо спрашивали о томъ «сколько съ нихъ взяли» и говорили имъ: «да у васъ еще хорошо— берутъ да дѣлаютъ, а вотъ у насъ такъ брать берутъ, а ничего не дѣлаютъ». Дѣло Буша дѣйствительно выплыло на свѣтъ Божій совершенно случайно, благодаря рапорту одного изъ его подчиненныхъ, г. Вакуловскаго, который рисковалъ, какъ самъ онъ говоритъ, увидѣть себя отданнымъ подъ судъ и не доказать обвиненія, такъ какъ дававшіе взятки легко могли отъ этого отказаться на судѣ. Нельзя не согласиться съ «Соврем. Извѣстіями», что «изъ ста въ девяносто девяти (подобныхъ) случаяхъ доносчика самого, если не отдадутъ подъ судъ, то попросятъ оставить службу, а тому, о комъ донесено, сдѣлаютъ замѣчаніе, и то лишь въ случаѣ нравственной увѣренности, что доносъ справедливъ. А не то, такъ въ утѣшеніе начальнику, неожиданно получившему такую обиду отъ своего подчиненнаго, дадутъ не въ очередь награду или повышеніе. Вѣдь это бываетъ, бывало, по крайней мѣрѣ, и при томъ даже изъ принципа — чтобы не ронять власти въ глазахъ общества» (№ 125). Я не могу согласиться съ газетою только въ одномъ, что со стороны г. Вакуловскаго нужно было имѣть «много гражданскаго мужества», чтобы сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ; я думаю скорѣе, что нужно было имѣть много гражданской нечистоплотности, чтобы не сдѣлать этого раньше, чтобы такъ долго оставаться въ сообществѣ г. Буша и сдѣлать это только подъ вліяніемъ чисто личныхъ мотивовъ и старыхъ счетовъ. Г. Вакуловскій очень много рисовался на судѣ со стороны рыцарственности своего подвига, и хотя, какъ самъ онъ, такъ и свидѣтели говорятъ о томъ, что онъ возмущался взяточничествомъ и говорилъ объ этомъ не разъ Бушу, но, тѣмъ не менѣе, вы видите въ немъ прежде всего неудачнаго карьериста, можетъ быть, даже соперника г. Буша, который, узнавъ слабость начальства, протискивался въ гору, причемъ не рапортовалъ о возмущавшихъ его порядкахъ и только тогда рѣшился выступить съ обличеніемъ ихъ, когда вышелъ изъ министерства и убѣдился, что изъ усилій его ничего не выйдетъ. Бушъ говорилъ про него Мерцалову: «я вижу, что онъ меня хочетъ забрать въ руки, а на счетъ этого ужь прошу извинить». Вы видите также, что съ самаго поступленія д-ра Вакуловскаго въ должность дѣлопроизводителя, подъ начальство Буша, въ 1867 года, послѣдній начинаетъ къ нему придираться, и что онъ терпитъ это; вы видите, что отношенія между нимъ и Бушемъ обостряются до того, что Вакуловскаго удаляютъ отъ дѣлъ и онъ ходитъ въ канцелярію лишь за полученіемъ жалованья, что, наконецъ, его напоминанія о себѣ заставляютъ Буша сказать, что

если Вакуловскій даетъ росписку, что, по полученіи слѣдующаго чина онъ выйдетъ въ отставку, то Бушъ представитъ его къ чину. Вы видите затѣмъ, что росписка дана и чинъ полученъ, а г. Вакуловскій все еще чего-то ждетъ и не уходитъ.

«Бушъ дѣлаетъ напоминанія о данномъ обѣщаніи и говоритъ, что къ этому настало уже время. Вакуловскій отвѣчаетъ, что не можетъ подать въ отставку, потому что онъ только-что получилъ чинъ, такъ не ловко, да къ тому же ожидается утвержденіе новаго положенія объ эмеритальной пенсіи, по которому Вакуловскому перепадетъ излишекъ. Прошелъ еще большой промежутокъ времени и Вакуловскій вышелъ въ отставку, а черезъ годъ спустя подалъ управляющему морскимъ министерствомъ прошеніе, съ котораго и началось настоящее дѣло».

Все это ни мало не говоритъ въ пользу гражданскихъ доблестей г. Вакуловскаго. Онъ не хуже, разумѣется, г. Буша, но вы ясно видите, что тутъ произошла самая простая исторія, которая выражена въ пословицѣ—нашла коса на камень. Столь же нехорошъ и остальной персоналъ дѣйствующихъ лицъ, напримѣръ, статскій совѣтникъ Любимскій, который, желая сказать что-нибудь въ пользу Буша, говорилъ, что нетолько онъ не давалъ денегъ Бушу, а самъ «черезъ него получалъ много денегъ». (Находила наша коса не разъ на камень). Затѣмъ, онъ называлъ Буша «человѣкомъ сердца» и «человѣкомъ недюжиннымъ», за что и получилъ неожиданный урокъ. По окончаніи допроса Любимскаго прокуроръ предъявилъ суду документъ, въ которомъ Бушъ дѣлалъ росписанія, кому какія работы можно поручить, и передъ фамиліей Любимскаго своею рукою написалъ слѣдующее: «спекуляторъ и эксплуататоръ».

Не хороши и молодые гг. доктора, всѣ эти Архангельскіе Кривуши, Черевковы, Карсты и другіе, которые прямо со школьной скамьи начинаютъ давать взятки и идутъ жить въ міръ взяточниковъ и тамъ, бокъ о бокъ съ ними, начинаютъ составлять себѣ карьеру, забывая, что въ деревняхъ нѣтъ врачей, что народъ некому лечить, что многія земства сидятъ у насъ безъ докторовъ, не будучи въ состояніи дать имъ «приличный» окладъ. Что изъ того, что г. Архангельскій, показавшій сначала, подъ вліяніемъ страха отвѣтственности передъ закономъ (онъ думалъ, что законъ караетъ какъ берущихъ, такъ и дающихъ взятки), что не давалъ Андрееву взятокъ, а далъ денегъ взаймы, потомъ раскаялся, пришелъ и сказалъ слѣдователю: «Совѣсть мнѣ подсказала, что произнесъ ложь... Я далъ Андрееву взятку»? Что изъ того, что г. Черевковъ пояснялъ, что «онъ человѣкъ бѣдный» и что «ему все равно было куда ни поступить», а въ военномъ вѣдомствѣ пришлось бы заплатить «гораздо больше?» Ровно ничего это не доказываетъ, не объясняетъ и ни мало ихъ не оправдываетъ. А г. Карстъ, такъ тотъ даже и малѣйшаго угрызенія совѣсти, повидимому,

не чувствуетъ: онъ бойко говоритъ, что «получить мѣсто врачу очень туго, если нѣтъ тетушекъ и дядюшекъ, которые замолвили бы словечко», что приходится «обивать пороги у медицинскихъ начальниковъ» и что «все это кончается ничѣмъ». Онъ даже взлетаетъ на нѣкоторую нравственную высоту и спрашиваетъ: «что же остается дѣлать врачу, молодому человѣку, имѣющему страстное желаніе примѣнить къ дѣлу свои научныя познанія на пользу отечества?» И отвѣчаетъ: приходится остановиться на послѣднемъ средствѣ — на деньгахъ. Просто великолѣпно! И наука тутъ, и отечество, и страстное желаніе примѣнить свои познанія...

Слѣдовало бы по этому поводу сказать очень многое, но я скажу пока только одно, что еслибы все молодое поколѣніе состояло только изъ Карстовъ, то, право, не стоило бы жить и не на что было бы надѣяться; а въ заключеніе позволю себѣ поставить одинъ вопросъ людямъ, желающимъ стѣсненія печати: больше тогда или меньше будетъ подобныхъ господъ и можно ли надѣяться съ ними сдѣлать что-нибудь для искорененія взяточничества, хищеній и неправды? Припомнимъ, что говорилъ насчетъ этого прежній г. Катковъ, Катковъ 1863 года: «Свѣтъ всегда лучше потемокъ, и только въ темнотѣ дѣйствуетъ зло, только въ потемкахъ приволье обманамъ...» («Московскія Вѣдомости», № 174).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

«ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ»

1882 г.

(По общей нумераціи тома CCLX).

Май № 5.

Іюнь № 6.

. . . .

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Май № 5.

Іюнь № 6.
